

В.И. Добренъков
Н.Г. Осипова

Учебник для вузов

ИСТОРИЯ ЗАПАДНОЙ СОЦИОЛОГИИ (20—60-е гг. XX в.)





Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова
Социологический факультет

В.И. Добренко
Н.Г. Осипова

Учебник для вузов

ИСТОРИЯ ЗАПАДНОЙ СОЦИОЛОГИИ (20–60-е гг. XX в.)

*Допущено Учебно-методическим объединением
по классическому университетскому образованию
в качестве учебника для студентов высших учебных
заведений, обучающихся по направлению 040201 «Социология»*

Москва
Альма Матер
2012

Москва
Академический Проект
2012

УДК 316
ББК 60.5
Д55

Научная библиотека МГУ



59016893

РЕЦЕНЗЕНТЫ:

Ф.Г. Ялалов — ректор Нижнекамского муниципального института, доктор педагогических наук, профессор, заслуженный деятель науки Республики Татарстан;

В.Л. Голованов — заведующий лабораторией социально-педагогического проектирования развития воспитания Учреждения Российской академии образования «Институт семьи и воспитания», доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики дополнительного образования детей Московского института открытого образования, заслуженный учитель Российской Федерации

Добренников В.И., Осипова Н.Г.

Д55 История западной социологии (20–60-е гг. XX в.): Учебник для вузов. — М.: Академический Проект, Альма Матер, 2012. — 600 с. — (Gaudeamus).

ISBN 978-5-8291-1361-2 (Академический Проект)

ISBN 978-5-904993-19-1 (Альма Матер)

В настоящем учебнике представлена широкая историческая картина социологической науки 20–60-х гг. XX в. В первой части рассматриваются характерные черты развития социологии в ведущих странах Западной Европы (Франции, Испании, Великобритании, Германии) и США. Вторая часть содержит детальный анализ ключевых направлений в западной социологии и лиц их ведущих представителей. Особое внимание уделено структурному функционализму. Детальное освещение получил американский период творчества Питирима Сорокина.

Учебник адресуется студентам и преподавателям социологических факультетов гуманитарных вузов, а также всем читателям, желающим получить углубленное представление об истории развития социологии.

УДК 316
ББК 60.5

Н/А

У

31

ISBN 978-5-8291-1361-2
ISBN 978-5-904993-19-1

© Добренников В.И., Осипова Н.Г., 2011
© Оригинал-макет, оформление, Академический Проект, 2012
© Альма Матер, 2012

ВВЕДЕНИЕ

Любая наука имеет свою историю, что буквально — в переводе с греческого языка — означает «рассказ о прошедшем, узнанном». В рамках истории научной дисциплины на базе достоверных источников исследуются основные события, факты и процессы, обуславливающие ее становление и развитие. История социологии в целом описывает тот длинный и сложный путь, который прошла эта наука — «от безуспешных попыток стать универсальной областью знания о человеческом обществе до более трезвого осознания своих предметных границ»¹.

К сожалению, адекватное отражение всех составляющих этого пути и отдельных его этапов сопряжено с рядом методологических трудностей, которые обусловлены отсутствием четких и общепринятых критериев научного анализа. Так, до сих пор не даны однозначные ответы на базовые вопросы, находящиеся в фокусе внимания историков социологии: Какие показатели позволяют судить о дисциплинарной самостоятельности социологической науки? Какие этапы «прошла» социология в своем развитии, каковы их границы и особенности? Какой подход к периодизации историко-социологического процесса является наиболее обоснованным? Каким образом систематизировать и анализировать содержание каждого исторического этапа в развитии социологии?

Особенность истории социологии состоит в том, что она должна учитывать методологию и истории, и социологии как самостоятельных наук об обществе. Историческая наука изучает прошлое человечества во всей его конкретности и многообразии. Она интересуется в первую очередь отдельными, часто уникальными событиями, фактами и большое внимание уделяет их хронологической и реальной достоверности. Социология же занимается широким обобщением и анализом фактов, предоставляемых, в частности, историей. На этой основе она выявляет как различные тенденции, так и конкретные закономерности исторического процесса, в том числе, процесса становления собственной дисциплины.

В свою очередь, история требует систематизации историко-социологического процесса, поиска связи его составляющих с отдельными этапами развития человеческого общества. Тем самым эта наука неизбежно выносит на повестку дня выделение конкретных этапов в истории социологии и адекватное их обоснование.

Обычно исследователи, выделяя этапы в истории социологии, широко оперируют терминами «классическая социология» и «современная социология». Однако весьма многозначные понятия «классический» и «современный» весьма многозначные, остаются неопределенными в их применении к социологии. Например, в искусстве или архитектуре классический стиль имеет конкретные признаки, на основании которых он может выделяться, и сравниваться с другими архитектурными стилями, в том числе и со стилем «модерн». Но подобное вряд ли возможно в социологии. В данной связи термин, однажды использованный для того, чтобы отразить статус основателей этой дисциплины и их работ в качестве «классических», правомерен только для обозначения некой последовательности: «классическое» всегда предшествует «современному»².

Таким образом, слова «классический» и «современный» фактически представляют лишь наиболее часто используемые ярлыки, применяемые для времен-

¹ Осипов Г.В. История социологии западной // Российская социологическая энциклопедия. М.: Норма, 1998. С. 180.

² Fifty Key Sociologists: The Formative Theorists / J. Scott (ed.). London and New York: Routledge, 2007. P. 21.

ного разграничения социологических теорий. Но вряд ли они отражают реальную картину развития социологии, поскольку целый ряд социологов — основателей социологических направлений не «вписывается» в отведенные им «классические» или «современные» временные рамки.

Безусловно, исследователи предпринимают попытки преодолеть указанные методологические трудности. Они выделяют в этапах истории социологии отдельные периоды — «раннюю и позднюю классику», «современную классику», «новейшую социологию» и т. п. Однако четкие критерии для подобного разделения, как правило, отсутствуют¹.

Не вызывает сомнения тот факт, что классическая социология (также как и классическая литература) существует, поскольку, как и в среде писателей, в этой науке есть «классики». Это люди, труды которых «признаны общим мнением классическим, первоходным, примерным, образцовым»².

К классикам социологии принято относить ученых-обществоведов, внесших наибольший вклад в основание этой науки, очертивших ее предметную область и сформировавших исходный понятийный аппарат. К числу классиков западной социологии, несомненно, принадлежат О. Конт, Г. Спенсер, Э. Дюркгейм, Г. Зиммель, М. Вебер. Тогда кажется вполне очевидным, что уход из жизни последних из этих выдающихся основателей социологии во втором десятилетии XX в. (Э. Дюркгейма в 1917 г., Г. Зиммеля в 1918 г., М. Вебера в 1920 г.) завершает классический этап в развитии социологии.

Но тогда возникает следующий вопрос: как учитывать движение времени, сопровождающее историко-социологический процесс? Ведь к классикам сегодня относят и тех выдающихся социологов, расцвет творчества которых пришелся на 1930–1960-е гг. — Р. Парка, Дж.Г. Мида, П. Сорокина, Т. Парсонса и ряд других. Тем самым конец классического периода в социологии естественно сдвигается к середине прошлого столетия.

Не меньше дискуссий вызывают границы современного этапа в истории социологии, под которым очень часто понимают достаточно большой промежуток времени — от второго десятилетия XX в. до последнего дня XXI в. Но термин «современный», как и понятие «современность», от которого он происходит, также многозначен.

Вполне справедливо утверждать, что «современная социология» — это социология 1970-х, 1980-х и 1990-х гг. «Современная социология» может использоваться в том же значении, как «социология сегодня»³ или социология в XXI в.

О размытости хронологических рамок «современной социологии» свидетельствуют одноименные названия трудов по истории этой науки ученых, живших в совершенно разное время. Например, труд М.М. Ковалевского «Современные социологии» был посвящен творчеству ученых конца XIX — начала XX в., а работа П. Сорокина «Современные социологические теории» — теориям, актуальным уже в конце 20-х — начале 30-х гг. прошлого столетия.

Концепции ряда социологов, которые еще не так давно, безусловно, признавались «современными», сегодня считаются «классическими». Понятие же «сов-

¹ См., напр.: Кулыгина В.П. Классическая социология. М.: Наука, 2000. С. 21–23.

² Диль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Второе изд. Том II. М.: Русский язык, 1978. С. 113.

³ См., напр.: Sociology Today / Problems and Prospects / Merton R.K., Broom L., Cottrell Jr. (eds.). New York: Basic Books, 1959. (Социология сегодня. Проблемы и перспективы. М.: Изд-во Прогресс, 1965.)

ременный» вполне может быть применимо и к классике, поскольку «классика» всегда актуальна, созвучна современности и отвечает ее реалиям.

Обозначенные методологические проблемы, безусловно, призваны решать специалисты по истории социологической науки. Однако их наличие не должно затруднять адекватное осмысление историко-социологического процесса у тех, кто только начинает его изучать. В данной связи представляется целесообразным условно разделить историю институционализации социологии как автономной научной дисциплины и историю создания социологической теории.

История институционализации социологии — это объективный и непрерывный процесс ее превращения «в устойчивую и самодостаточную систему, которая строится на основе, при контроле и с помощью ряда институтов, которые есть только в науке и нигде более»⁴.

Важнейшим элементом процесса институционализации социологии является формирование особой инфраструктуры, призванной обеспечить воспроизведение и трансляцию социологического знания посредством:

- 1) создания системы социологического образования и научных учреждений социологического профиля;
- 2) развития специализированной печати;
- 3) формирования профессиональных научных сообществ с присущими им разделением труда, формами обмена научной информацией и нормами профессиональной этики;
- 4) проведения социологических исследований с выработкой общепринятых критериев выбора проблемы исследования и оценки его результатов.

В каждой отдельно взятой стране институционализация социологии имеет свои особенности и фазы, предопределенные политической конъюнктурой, социальными потребностями, а также средствами, выделяемыми на эту науку. В то же время, если говорить об истории институционализации западной социологии, то, несмотря на непрерывность самого этого процесса, вполне целесообразным представляется выделение классического и современного этапов, а в рамках последнего — несколько качественно различных периодов.

Обычно классический этап в истории институционализации социологии ограничен концом 30-х гг. XIX в. и вторым десятилетием XX столетия. Первая мировая война, Октябрьская революция в России, повлекшие за собой кардинальные изменения в жизни мирового сообщества, а также смерть многих выдающихся социологов естественным образом завершают этот этап институционализации социологии.

Начало современного этапа в истории институционализации социологии обычно датируют концом второго десятилетия прошлого века, а растягивают его до настоящего времени. В его рамках анализируют несколько периодов, которые в целом соответствуют конкретным периодам в мировой истории и при этом отражают изменение структуры и состояния социологического знания.

Первый период — 1918–1945 гг. (период «между мировыми войнами»);

Второй период — 1946–1968 гг.;

Третий период — с 1969 — начало 1990-х гг.;

Четвертый период — начало 90-х гг. XX в. — настоящее время⁵.

Гораздо сложнее обосновать «хронологию» в истории становления социологической теории. Тем не менее и здесь можно увидеть три этапа.

⁴ Добрынько В.И., Крайченко А.И. Фундаментальная социология: В 15 т. М., 2003. Т. 1. С. 629.

⁵ Culin Ch., Grestie F. Histoire de la Sociologie. Paris, 1992.

Первый этап — этап возникновения социологической теории (начало — вторая треть XIX в.) включает зарождение и реализацию идей о необходимости отдельной науки, способной преобразовать общество, а также первые попытки очертить ее предметную область.

Второй этап — этап становления социологической теории (последняя треть XIX — второе десятилетие XX в.). На этом этапе новая общественная дисциплина получила признание в научных кругах, развернулись широкие теоретические дискуссии о предмете и методах социологической науки, о способах познания ею окружающей реальности.

Следует отметить, что эти два этапа западные специалисты в области истории социологии¹ объединяют под общим названием «формирующий социологическую теорию этап»². При этом понятие «формирующий» используется не только в отношении классиков социологии. Оно считается правомерным и для тех, считающихся в наше время «второстепенными» исследователями, которые способствовали формированию отличительного предмета социологии, ее теоретического фундамента в тот период, когда эта наука, как и другие социальные науки, находилась на пути становления в качестве самостоятельных дисциплин. К ним, например, относят Беатрису Уэбб, Чарльза Бута, Элен Босанке, Сиборна Роунтри, Джейн Адамс и многих других ученых, которые были включены в широкие социальные исследования.

На этом же основании в ряд формирующих социологическую теорию включают тех ученых, которые никогда не считали себя социологами, но, тем не менее, внесли большой вклад в те формирующие социологию дебаты, в результате которых сформировалась ее теория. Политический философ Алексис де Токвиль, психолог Габриэль Тард, психоаналитик Зигмунд Фрейд, экономист Торстен Веблен и многие другие признаны подобными исследователями³.

Третий этап (третье десятилетие XX в. — настоящее время) — этап интенсивного развития социологической теории, пересмотра методологических подходов, сложившихся в этой науке в соответствии с требованиями времени и на базе широкомасштабных эмпирических исследований. Именно этот этап часто обозначается словом «современный». При этом многие социологические теории, сформированные на данном этапе, считаются современными именно потому, что основные идеи были заимствованы ими из формирующих социологию теорий, а затем расширены собственными аргументами и дополнены новыми понятиями. Другими словами, теоретический инструментарий, заложенный на формирующем социологию этапе, претерпел соответствующую модификацию и получил новые области анализа. Это касалось всех сфер социологического теоретизирования, от предмета социологической науки до ее концептуального аппарата, будь то культура, социальная структура, социализация, социальный конфликт, социальное действие и т. п.

Тем не менее тогда снова уместен вопрос: насколько вписываются в разряд подлинных социологических теорий все те концептуальные построения, которые созданы «современными»⁴ нам социологами?

¹ Fifty Key Sociologists: The Formative Theorists / J. Scott (ed.). London and New York: Routledge, 2007.

² От английского слова «Formative», в переводе на русский означает формативный, формационный, формирующий.

³ Fifty Key Sociologists: The Formative Theorists / J. Scott (ed.). Introduction. London and New York: Routledge, 2007.

⁴ «Современный» — одновременный, односрочный, совпадающий во времени, современные — современные друг другу либо нам. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. 2-е изд. Т. III. М.: Русский язык, 1978. С. 256.)

Безусловно, настоящими социологическими теориями считаются те, «которые являют собой не только выдающиеся теоретические достижения, но некую синкретичность социологического мировоззрения, следование принципам науки и преданность высоким профессиональным нормам»¹. Это также и те теории, которые хотя и возникли относительно недавно, выдержали проверку временем. Следует отметить, что сегодня в социологии, также как и в других общественных науках, существует мода на теоретиков, ставших, по ряду обстоятельств, популярными, но высокая оценка их научного творчества порой не выдерживает подобной проверки.

Дело в том, что зарождение социологических концепций, а тем более формирование социологических школ и направлений не происходит в один момент. Действительно, теория имеет несколько другой уровень значимости и совсем иной уровень своей обоснованности и влияния, поэтому нельзя включать в арсенал фундаментальной социологии любые новые теории. Очень часто они оказываются «сиюминутными», а их положения постоянно пересматривают или даже опровергают сами авторы. Так, «специализированная история науки включает разумные, но ошибочные концепции, убедительные на момент их формулировки, но позднее не выдержавшие эмпирических проверок или замененные концепциями, более соответствующими дополнительным данным по этому вопросу»².

Американский социолог Р. Мертон подчеркивал, что «в рамках истории социологической теории следует рассматривать такие вопросы, как комплексное происхождение социологических идей, пути их развития, связи теории с меняющимся социальным происхождением и, следовательно, социальным статусом ее представителей, взаимодействие теории с изменяющейся социальной организацией социологии, распространение теории от центров социологической мысли и ее модификация в процессе распространения, и то, каким образом на нее влияли изменения в окружающей культуре и социальной структуре»³.

Обозначенную проблему в рамках анализа историко-социологического процесса можно попытаться решить с помощью тех инструментов, которые предлагает нам история. Представляется целесообразным отказаться от каких-либо «ярлыков» и «штампов», выбрав для анализа конкретный временной период в истории развития социологической теории, и уже в рамках этого конкретного периода провести детальный анализ как основных тенденций в развитии социологического знания, так и тех основных его теоретических построений, научная состоятельность которых убедительно доказана.

Один из таких периодов охватывает 20–60-е гг. XX столетия.

Двадцатые годы прошлого века — удивительное, бурное, яркое и разностороннее время в жизни мирового сообщества, насыщенное социально-историческими, культурными и научными событиями.

В мире заканчивается Первая мировая война, в социалистической России продолжается и завершается гражданская война, начинается и прекращается НЭП, осуществляются индустриализация, коллективизация и массовые репрессии. И.В. Сталин производит разгром оппозиции и захватывает все большие власти. В Италии приходит к власти диктатор Муссолини (1922); в Испании также воцаряется военная диктатура (1923). В Германии введение рентной марки останавливает послевоенную инфляцию; после подавления нацистского пивного путча в Мюнхене

¹ См. об этом: Покровский Н.Е. Классики современной теоретической социологии // Социологические исследования. 1993. № 6.

² Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ: АСТ-МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2006. С. 22.

³ Там же. С. 22.

(1923) Гитлер попадает в тюрьму, где пишет свою книгу «Майн Кампф» (1925); Веймарская республика все еще функционирует. В США сразу после принятия «сухого» закона (1926) мафия организует подпольную торговлю спиртным, различные кланы развязывают гангстерские войны за этот сверхприбыльный бизнес, в которых особенно отличается Аль Капоне в Чикаго. В 1929 г. паника на Нью-Йоркской бирже возвещает о начале мирового экономического кризиса.

В эти же годы небывалого расцвета достигает мировая литература. Появляются «Цвета Морини» (1921) Рериха, «Конармия» (1922) Бабеля, «Волшебная гора» (1924) Манна, «Замок» (1926) Кафки, «Обретенное время» (1927) Пруста, «Степной волк» (1927) Гессе, «Тихий Дон» (1928) Шолохова, «Трехгрошовая опера» (1928) Брехта, «Защита Лужина» (1929) Набокова, «Прощай, оружие!» (1929) Хемингуэя, «На Западном фронте без перемен» (1929) Ремарка.

Одновременно имеют место выдающиеся научные открытия. Формулируются уравнение Шредингера (1926) — основное динамическое уравнение квантовой механики, принцип неопределенности Гейзенберга и принцип дополнительности Бора (1927), теория Большого взрыва Леметра (1927). Открываются инсулин и пенициллин, Павлов изучает условные и безусловные рефлексы у животных.

Научную жизнь обществоведов будоражит выход в свет таких работ, как «По ту сторону принципа удовольствия» (1920), «Я и Оно» (1923) Фрейда, «Логико-философский трактат» (1921) Витгенштейна, «Философия неравенства» и «Смысл истории» (1923) Бердяева, «Бытие и время» (1927) Хайдеггера, «Философия имени» (1927) Лосева, «Процесс и реальность» (1929) Уайтхеда, «Идеология и утопия» (1929) Маухейма, «Научное понимание мира» (1929) Венского кружка философов-неопозитивистов¹.

Все эти события серьезно повлияли на различные аспекты общественной жизни, а социология, начиная с 20-х гг. XX в., стала бурно развиваться.

Во-первых, имел место энергичный рост институциональных форм организации социологической науки; все более интенсивными и масштабными становились эмпирические социологические исследования. В результате произошло окончательное отделение социологии от философии, этики, истории, права и других общественных наук. Социология перестала быть кабинетным творчеством, она превратилась в особую исследовательскую деятельность, требующую от ученого владения специфическими исследовательскими методами и процедурами.

Во-вторых, именно в этот период шел интенсивный процесс формирования концепций так называемой академической социологии, основанных на глубоком методологическом переосмыслении теоретико-методологических основ этой дисциплины.

К сожалению, этот интереснейший, насыщенный событиями период еще не получил достаточно широкого и систематического освещения в отечественной историко-социологической литературе. Это тот пробел, который необходимо заполнить.

ЧАСТЬ I ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В РАЗВИТИИ ЗАПАДНОЙ СОЦИОЛОГИИ

¹ См. подробнее: Кузнецов В. Ортега-и-Гассет: привнести философию в жизнь, а жизнь — в философию // Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. СПб.: Пер. с исп. / Х. Ортега-и-Гассет. М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. С. 7–9.

Вскоре после окончания Первой мировой войны социология как в ведущих странах Западной Европы, так и в США стала одновременно открытым интеллектуальным проектом, местом оригинальных теоретических разработок и полем эмпирических исследований. Естественно, общий вклад этой дисциплины в научное познание социальной реальности был весьма значителен, хотя и неравномерно распределен среди отдельных стран.

1.1. СОЦИОЛОГИЯ В ВЕДУЩИХ СТРАНАХ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ

1.1.1. Специфика социологии во Франции

На родине социологии — во Франции — социологическую науку характеризовали следующие довольно специфические черты.

Во-первых, несмотря на господство позитивистской методологии, а также многочисленные призывы сделать социологию «точной эмпирической наукой», в целом она продолжала носить философский и умозрительный характер. За редким исключением, французские социологи вплоть до окончания Второй мировой войны не стремились к проведению масштабных эмпирических исследований окружающего их общества.

Во-вторых, французскую социологию на протяжении всего периода «между мировыми войнами» отличала этнографическая и историческая ориентация. Соответственно, многие известные произведения социологов базировались на историческом и этнологическом материале. Подобная тесная связь с социологией касалась не только этнографии и истории, но также лингвистики, экономической науки и права. Некоторые ученые являлись социологами и одновременно представителями других наук, поэтому не выделяли в своих исследованиях социологическую проблематику, что отчасти явилось следствием своеобразного «социологического экспансионизма» научной школы, основанной Э. Дюркгеймом.

Еще при жизни вокруг Дюркгейма сплотилась плеяда талантливых молодых ученых, в тесном сотрудничестве с которой он основал и издавал журнал «Социологический ежегодник». Впоследствии, после смерти своего учителя, его ученики и последователи объединились в известную школу, вошедшую в историю социологии под названием *Французская социологическая школа*¹.

Следует отметить, что после Первой мировой войны социологическая мысль во Франции развивалась в нескольких главных направлениях.

¹ Эта школа имеет другое название — Дюркгеймская социологическая школа.

Одно из них являли последователи Фредерика Ле Пле (Frederic Le Play) (1806 — 1882), известного французского социолога, экономиста и инженера, разделявшего позиции географического и технологического детерминизма и положившего начало так называемой социологии — описанию различных социальных явлений.

В школу, которую основал Ф. Ле Пле, составляли такие социологи как П. Бюро, автор монографии «Наука о нравах: введение в социологический метод»¹; М. Декан, опубликовавший труд под названием «Экспериментальная социология»²; А. Турвиаль и Э. Демолен. Теоретической установкой представителей этого направления был позитивизм. В частности, они утверждали, что социальные факты должны изучаться так же объективно, как и факты природы, а своей задачей считали описание отдельных социальных феноменов, главными из которых, вслед за учением Ф. Ле Пле, были труд, географическая среда и семья.

Другое направление представляли ученики Рене Вормса (Rene Worms) (1869 — 1926) — видной фигуры во французском обществоведении, сторонника органицистской теории общества. В их число входили сотрудники «Международного института социологии», созданного Р. Вормсом — Г. Дюпра, Д. Эссентье, Г. Ришар, Р. Монье. Опубликованные ими труды³ свидетельствуют о том, что в теоретическом отношении данное направление являло весьма пеструю картину, в которой доминировали органицизм и психологизм⁴. Тем не менее социологов этой группы объединяли позитивистская методология, призывы к строгим объективным методам и тщательному анализу фактов.

Третье направление образовали сторонники томизма⁵ — «католические социологи». Этим исследователей отличала жесткая критическая направленность в отношении учения Э. Дюркгейма. В частности, томист С. Деплауж в своей книге «Конфликт морали и социологии», обвиняя Э. Дюркгейма в «немецком влиянии», пытался опровергнуть его тезис о земном, общественном происхождении морали⁶. Он же считал укрепление пошатнувшихся религиозных убеждений главным выходом из кризиса, в котором оказалось французское общество после войны⁷.

Особое место во французской социологии этого периода занимали социальные статистики. В большинстве случаев это были государственные чиновники, проявлявшие интерес к развитию количественных эмпирических исследований, которые они проводили для различных государственных учреждений, стремясь придать им систематический и цельный характер. Неко-

¹ Bureau P. La Science de Moers: Introduction a la Methode Sociologique. Paris, 1923.

² Decan M. La Sociologie Experimentale. Paris, 1934.

³ Duprat G. Introduction Historique a la Psychologie Sociale. Paris, 1919; Essentier D. Psychologie et Sociologie. Paris, 1927; Richad G. La Loi Morale. Les Lois Naturelles et les Lois Sociales. Paris, 1937; Maunier R. Introduction a la Sociologie. Paris, 1929.

⁴ См., в частности, работы Гийома Дюпра «Историческое введение в социальную психологию» (Duprat G. Introduction Historique a la Psychologie Sociale. Paris, 1919) и Даниэля Эссентье «Психология и социология» (Essentier D. Psychologie et Sociologie. Paris, 1927).

⁵ Томизм (от лат. Thomas — Фома) — направление в схоластической философии и теологии католицизма, порожденное влиянием Фомы Аквинского. Для томизма в целом характерно стремление соединить строго ортодоксальную позицию в религиозных вопросах с подчеркнутым уважением к правам рассудка, здравого смысла.

⁶ Deploige S. Le Conflict de la Morale et de la Sociologie. Paris, 1911.

⁷ Осипова Е. В. Социология Эмиля Дюркгейма. 2-е изд. СПб.: Алетейя, 2001. С. 31 — 33.

торые из исследований такого типа, например, исследования Ж. Бартиллона и Э. Левассера, посвященные росту населения, в то время рассматривались как образцовые.

И все же, школа Э. Дюркгейма, проводившая идеи своего учителя во всех областях обществознания, занимала ведущее положение во французской социологии между мировыми войнами. В ее ядро сводили такие ведущие французские ученые, как М. Мосс (глава этой школы после смерти ее основателя), С. Бугле, П. Фоконне, М. Хальбвакс, Ж. Дави, П. Лапи, А. Морэ. К участию в ней также были привлечены экономист Ф. Симьян, правоведы Э. Леви, П. Ювелен и Ж. Рей, историк культуры М. Гране, лингвисты А. Мейе, Ф. Брюно и Ж. Вандирнес.

Представители этой школы большое место в своей деятельности отводили популяризации идей Дюркгейма, публикуя как его произведения¹, так и обширные комментарии к ним². При этом интерпретация наследия Дюркгейма его учениками носила, в основном, философско-теоретический характер.

Так, работы С. Бугле «Спиритуализм Эмиля Дюркгейма» (Предисловие к книге Э. Дюркгейма «Социология и философия»)³, «Философские тенденции социологии Э. Дюркгейма»⁴, «Итог современной французской социологии»⁵, труды Ж. Дави «Социология Дюркгейма»⁶, П. Фоконне и М. Мосса «Социология»⁷, М. Хальбвакса «Возникновение религиозного чувства по Э. Дюркгейму»⁸ были посвящены главным образом философским вопросам творчества Э. Дюркгейма⁹.

Двадцатые годы прошлого века были очень плодотворными для Французской социологической школы, о чем свидетельствует большое количество публикаций новых оригинальных трудов.

Одни труды были посвящены традиционным для дюркгеймовской социологии проблемам морали, религии, образования, права и социальной морфологии. В их числе монографии А. Байе «Наука о моральных фактах»¹⁰, С. Бугле «Социальные уроки об эволюции ценностей»¹¹, Ж. Дави «Элементы социологии в их применении к морали и образованию»¹² и «Права присяжных»¹³,

¹ Durkheim E. Sociologie et Philosophie. Paris, 1924; Durkheim E. Les Choix de Textes. Paris, 1927.

² Bougle C. Preface // Durkheim E. Sociologie et Philosophie. Paris, 1924.

³ Bougle C. Preface // Durkheim E. Sociologie et Philosophie. Paris, 1924; Davy G. La Sociologie de E. Durkheim // Revue Philosophique. 1911. V. 72; Davy G. E. Durkheim. La Sociologie. Preface // Durkheim E. Les Choix de Textes. Paris, 1927.

⁴ Bougle C. Die Philosophischen Tendenzen der Sociologie Durkheim's // Jahrb. Sociologique. 1925. Bd. 1.

⁵ Bougle C. Bilan de la Sociologie Francaise Contemporaine. Paris, 1935.

⁶ Davy G. La Sociologie de E. Durkheim // Revue Philosophique. 1911. V. 72; Davy G. E. Durkheim. La Sociologie. Preface // Durkheim E. Les Choix de Textes. Paris, 1927.

⁷ Fauconnet P., Mauss M. Sociologie // La Grande Encyclopedie. Paris, 1901. Vol. 30.

⁸ Хальбвакс М. Возникновение религиозного чувства по Дюркгейму // Происхождение религии в понимании буржуазных ученых. М., 1972.

⁹ Осипова Е. В. Социология Эмиля Дюркгейма. С. 11 — 12.

¹⁰ Bayet A. La Science des Faits Moraux. Paris, 1925.

¹¹ Bougle C. Lecons de Sociologie sur l'Evolution des Valeurs. Paris, 1922.

¹² Davy G. Elements de Sociologie applique a la Morale et a l'Education. Paris, 1924.

¹³ Davy G. La Foi Jurée. Paris, 1922.

П. Лапи «Школа и ученики»¹, Ж. Дави и А. Морэ «От кланов к империям: социальное устройство у первобытных народов и на Древнем Востоке»².

Другие труды, затрагивающие области, не удостоенные внимания Дюркгейма, например, социальную психологию³ и экономику⁴, во многом способствовали росту популярности этой школы.

Хотя не все исследователи из данной школы полностью разделяли взгляды Дюркгейма, их отличала высокая степень интеграции, поддерживаемая общностью теоретических воззрений, активная и успешная работа по воссозданию журнала «Социологический ежегодник»⁵, специализация в определенных предметных областях и дружеские связи. Они активно боролись за ведущее место социологии и социологов в высших учебных заведениях Франции.

Эта школа была новым явлением во французской университетской системе с ее традиционно индивидуалистским стилем научной работы. Она являла собой целостный научный коллектив, олицетворявший дюркгеймовскую традицию в социологии, имевший хорошо очерченное поле исследовательской деятельности и собственные методы. Тем не менее, и в рамках этого коллектива, следует особо выделить трех социологов, — *Марселя Мосса, Мориса Хальбвакса и Селестена Бугле*. Их жизненный путь и научное творчество заслуживают особого внимания.

Французский философ, социолог и антрополог Марсель Мосс (Marcel Mauss) (1872 — 1950) оказал огромное влияние на становление наук о человеке и об обществе, оставив после себя невероятно богатое интеллектуальное наследие.

Марсель Мосс (Marcel Mauss) (1872 — 1950) изучал философию в университете города Бордо под руководством своего дяди — Э. Дюркгейма. Затем, получив в 1895 г. звание преподавателя философии, М. Мосс отверг типичный карьерный путь педагога и посвятил себя изучению социологии религии. Отправившись для обучения в Практическую школу высших исследований в Париже, а затем — в Голландию и Англию, он получил фундаментальные знания в области философии, истории религий и этнографии.

Этот ученый с 1901 г. заведовал кафедрой истории религий нецивилизованных народов в Высшей школе практических исследований в Париже. Во время Первой мировой войны М. Мосс ушел на фронт добровольцем и служил переводчиком. Вернувшись с войны, после смерти Э. Дюркгейма в 1918 г., он возглавил Французскую социологическую школу, а когда в 1930 г. его избрали руководителем отделения социологии Колледж де Франс, то он стал реальным главой и всей французской социологии. М. Мосс благодаря высокому уровню образования и многогранной научной деятельности оказал огромное влияние на развитие науки в своей стране. Однако при жизни он не опубликовал ни одного законченного монографического труда. Его сочинения появлялись, в основном, в виде очерков в

¹ Lapie P. L'École et les Écoliers. Paris, 1923.

² Davy G., Moure A. De Clans aux Empires: l'Organisation Sociale chez les Primitifs et dans l'Orient Ancien. Paris, 1923.

³ См., в частности, труд М. Хальбвакса «Очерк о психологии социальных классов» (Halbwachs M. Esquisse d'une Psychologie des Classes Sociales. Paris, 1938).

⁴ Примером служит труд Ф. Симона «Заработная плата: социальная эволюция и деньги» (Simand F. Le Salaire: L'Évolution Sociale et la Monnaie. Paris, 1932).

⁵ Состоялось два новых выпуска этого журнала — в 1925 г. и в 1927 г.

журналах: впервые они были собраны вместе французским социологом Клодом Леви-Строссом и опубликованы в 1950 г. в виде сборника «Социология и антропология»¹. Позднее, в 1969 г., французский социолог Виктор Каради издал три тома произведений М. Мосса под общим названием «Сочинения»².

М. Мосс всегда был политически активен. Еще со времени обучения в университете он симпатизировал социалистам: став профессором, вступил в Социалистическую партию Франции, и, будучи одним из ее основателей газеты «Юмшпитэ», публиковал в ней многочисленные статьи по политическим вопросам. Он редактировал важные сочинения, посвященные проблемам государства, а после публикации своей работы «Исследования насилия» в издании «Социалистическая жизнь», планировал написать книгу о большевизме.

В целом политическое творчество М. Мосса, как он сам его оценивал, состояло из большого количества размышлений и бесценных «раздумий», выражавших «страсть ученого и политика». Очерки, составившие политическое наследие М. Мосса, опубликованы его биографом Марселем Фурнье в 1997 г.

В своем научном творчестве М. Мосс был тесно связан со своим дядей и учителем Э. Дюркгеймом, в частности, принимал деятельное участие в подготовке к публикации работы Дюркгейма «Самоубийство». Даже говорили, что он являлся тенью последнего, если принять во внимание те научные выводы, которые были сделаны Моссом в непосредственном сотрудничестве с ним.

Свое первое крупное сочинение — очерк «Жертвоприношение: его природа и функции» М. Мосс написал совместно со своим другом и коллегой А. Юбером. Его предметом были ритуалы религиозной жизни, а целью — развитие теории жертвоприношений. Этот очерк был опубликован в «Социологическом ежегоднике» в 1898 г.³, и вскоре Мосс стал одним из признанных исследователей в области социологии религии.

В Высшей школе практических исследований, куда он поступил на работу в 1901 г., став приемником Леона Марилье, М. Мосс преподавал историю религий нецивилизованных народов. Одновременно он вел серьезную научно-исследовательскую работу. Сравнительные, обращенные к прошлому и сопровождаемые детальным доказательством исследования, предпринятые Моссом, были ориентированы на изучение общих типов поведения у первобытных людей, что позволяло выявить их собственную специфику, «архаичные» формы. Они быстро вышли за рамки религиозной социологии, тесно соприкоснувшись с теорией познания. Об этом свидетельствует, например, очерк «О некоторых примитивных формах классификации»⁴, написанный им совместно с Дюркгеймом в 1903 г., в котором Мосс, по мнению исследователей, выступил в качестве структуралиста.

Вслед за Дюркгеймом Мосс полагал, что наука об обществе должна носить позитивный характер как в своих методах, так и в результатах. Социология, с его точки зрения, должна «прояснить» социально значимые феномены. Однако, будучи в целом последователем Дюркгейма, Мосс тем не менее отказался от антипсихологизма своего учителя и выступил в пользу сочетания

¹ Mauss M. Sociologie et Anthropologie. Paris, 1950.

² Mauss M. Oeuvres. Vol. 1 — 3. Paris, 1968 — 1969.

³ Mauss M., Huber H. Le Sacrifice: Sa Nature et Ses Fonctions // Année Sociologique, 1898.

⁴ Durkheim E., Mauss M. De Quelques Formes Primitives de Classifications // Année Sociologique, 1903. Vol. 6.

социологического и психологического подходов к изучению человека и общества. Так, в статье «Социология», написанном совместно с Полем Фоконне для «Большой энциклопедии»¹, он сделал акцент на психической стороне социальной жизни, воплощенной в вере и коллективных чувствах. В ней же он воспользовался понятием «общественное мнение» как эквивалентом того, что его учитель называл «системой коллективных представлений»².

Его оппоненты утверждали, что в этой статье социология представлена как разновидность психологии, предмет которой — изучение коллективных представлений. Сам же он писал, что «... корень общественной жизни — это совокупность представлений», добавляя, что «в этом смысле можно сказать, что социология — это разновидность психологии»³. В то же время этот ученый ясно давал понять, что психология не исчерпывается изучением личности. Так, в статье «Общая теория магии», опубликованной в Социологическом ежегоднике уже в соавторстве с А. Юбером, М. Мосс показал, что законы коллективной психологии преобладают над законами психологии индивидуальной.

В дальнейшем Мосс проявлял большой интерес к психологии, участвовал в проектах Общества психологов и даже стал его руководителем в 1923 г. На этом поприще его единомышленниками были Чарльз Блондель, Жорж Дюма и, прежде всего, Игнас Майерсон, старший редактор «Журнала нормальной и патологической психологии». Известно, что в одной из своих статей, опубликованной в 1924 г. в «Журнале психологии», он попытался обозначить новые реальные и практические взаимоотношения между психологией и социологией. «Социология, психология, физиология — все это следует объединить», — писал этот ученый⁴.

Таким образом, замысел Мосса заключался в том, чтобы взять в качестве предмета исследования «все нынешнее человеческое существование» и проанализировать «этот феномен в целом». Тем самым он выдвинул идею о «целостных социальных феноменах», в рамках которой призвал социологов ориентироваться на комплексное исследование фактов и выявление наиболее функциональных из них (то есть тех фактов, которые одновременно могут выступать как экономические, юридические, религиозные и т. п.).

Данный исследователь утверждал, что «все изученные нами факты являются, если позволено так выразиться, тотальными или общими социальными фактами. Все эти явления суть одновременно явления юридические, экономические, религиозные и даже эстетические, морфологические и т. д.»⁵. Это целостности, цели социальные системы. Рассматривая их, мы постигаем больше, чем идеи или правила, — мы познаем людей, группы и их поведение. Мы воспринимаем людские множества и те движущие силы и чувства, которые возникают в их среде. И вообще, надо действовать как историки: наблюдать, что дано. А дано конкретное целое. Поэтому, «после того, как социологи, по необходимости, слишком многое разделяли и абстрагировали, им надо вновь постараться воссоздать целое»⁶.

¹ Fauconnet P., Mauss M. Sociologie // La Grande Encyclopedie. Vol. 30. Paris, 1901.

² Там же.

³ Цит. по: Fournier M. Marcel Mauss // Fifty Key Sociologists: The Formative Theorists / J. Scott (ed.). London and New York, Routledge, 2007. P. 111.

⁴ Там же. P. 112.

⁵ Мосс М. Общества. Обмен. Личность. Пер. с фр. М.: Наука, 1996. С. 217.

⁶ Там же. С. 219.

В целостных социальных феноменах М. Мосс выделял методологический и онтологический аспекты. Методологический аспект состоял в том, что целостность реализуется в установке на рассмотрение определенных социальных явлений в тесной связи с другими социальными явлениями и с тем целым, в которое эти явления включены. Он утверждал, что «... понять что-либо можно, только отнеся его к целому, ко всей общности, а не к изолированным частям»¹.

Онтологический аспект, по Моссу, охватывал явления социальной реальности, пронизывал все стороны жизни социальной системы, которые фокусируют и сосредотачивают ее в себе. Они «в определенных ситуациях приводят в движение целостность общества и его институты»².

Широкую известность получила работа Мосса, опубликованная в новом выпуске «Социологического ежегодника» в 1925 г. «Очерк о Даре. Форма и основание обмена в архаических обществах»³.

В ней он на большом этнографическом и историческом материале показал, что явление обмена неотделимо от прочих аспектов социальной жизни. До развития товарных отношений универсальным средством обмена являлись взаимные дары, которые, будучи формально добровольными, в действительности были строго обязательными. В самом предельном своем значении основу обмена составляют не столько материальные блага, сколько символическое содержание, знаки могущества, принадлежности к определенной касте. Так, у первобытных народов можно увидеть обширные системы взаимных обменов, которые носят тотальный характер, являясь одновременно экономическими, религиозными, политическими, юридическими и матримониальными. В конце этого очерка Мосс говорит о значимости таких древнейших моральных ценностей, как, например, милосердие, и предлагает нравственное поведение, основанное на солидарности и взаимности⁴.

Будучи этнографом, М. Мосс занимался (вместе с Люсьеном Леви-Брюлем и Полем Ривэ) созданием Института этнологии в Париже. Этот Институт, основанный в 1925 г., привлек в свои ряды большое количество исследователей — Жанна Кыозинье, Альфреда Метро, Марселя Гриоля, Жоржа Дюмезия, Мишеля Лейри, Жермена Дитерлен, Луи Дюмон, Анри-Жоржа Одрикур, Жака Сустель и Жермену Тильон и др. Они возглавляли многочисленные полевые исследования, организовав первые важные этнологические экспедиции на Африканский континент.

В 1930 г. М. Мосса избрали руководителем отделения социологии Высшего колледжа Франции и он стал реальной главой всей французской социологии.

Как человек, наделенный огромной любознательностью и необыкновенной эрудицией, Мосс проводил исследования «техники тела»⁵, в которых он пытался показать, как такие телодвижения, как походка, манера сидеть и спо-

¹ Mauss M. Cohesion Sociale et Divisions de la Sociologie // Mauss M. Oeuvres. P., 1963. V. 3. P. 214.

² Mauss M. Sociologie et Anthropologie. P., 1950. P. 274.

³ Mauss M. Essai sur le Don. Forme et Raison de l'Echange dans les Societes Archaiques // Annee Sociologique. 1925.

⁴ Fournier M. Marcel Mauss // Fifty Key Sociologists: The Formative Theorists / J. Scott (ed.). London and New York, Routledge, 2007. P. 110—112.

⁵ Mauss M. Body Techniques // Sociology and Psychology / B. Brewster (ed.) London: Routledge and Kegan Paul, 1979.

собы плавать, варьируют у различных типов обществ. Результатом этих исследований стал труд «Техники тела», который появился в «Журнале психологии» в 1934 г.

В 1936 г. в «Журнале психологии» он опубликовал очерк «Физическое воздействие на индивида идеи смерти, внушаемого коллективными представлениями». Душевное смятение, сдержанность, заблуждение и галлюцинации — ко всем этим отклонениям Мосс питал живой интерес, но которые, вопреки мнениям психологов, не воспринимал как признаки психической патологии¹.

Последнее академическое выступление М. Мосса состоялось в 1941 г. — им стал научный доклад «Техники и технологии».

Известный французский социолог Морис Хальбвакс (Halbwachs Maurice) (1877 — 1945) среди сторонников и последователей Э. Дюркгейма отличался как большим числом и объемом опубликованных научных работ, так и многообразием исследуемых тем.

Морис Хальбвакс (Halbwachs Maurice) (1877 — 1945) являлся учеником Анри Бергсона в Лицее имени Генриха IV в Париже, изучал философию в Высшей нормальной школе Парижа. Под влиянием своего близкого друга Франсуа Симпана присоединился к последователям Э. Дюркгейма в 1905 г. В последующие годы М. Хальбвакс стал одним из главных сотрудников «Социологического ежегодника», и был первым во Франции, кто, изучив труды В. Парето, Т. Веблена и М. Вебера, познакомил с ними французскую общественность.

С 1919 по 1935 гг. М. Хальбвакс занимал должность профессора социологии и педагогики в университете Страсбург, а с 1935 г. преподавал социологию в Парижском университете. В 1944 г. он был также избран членом кафедры общей психологии Высшего Коллежа Франции, работе на которой, впрочем, не уделял много времени. Во время Второй мировой войны, в июле 1944 г., за активное участие в движении Сопротивления М. Хальбвакс был арестован и сослан в Германию, где погиб в концентрационном лагере Бухенвальд в марте 1945 г.

В историю французской социологии М. Хальбвакс вошел, прежде всего, как виднейший исследователь социальных классов. Диссертация «Рабочий класс и уровень жизни»², защищенная им в 1912 г. и опубликованная годом позже, поразила научную общественность оригинальностью предметной области и уточненностью методологии научного анализа. На ее основе Хальбвакс разработал теорию социальной стратификации, которую применил в работах об условиях жизни рабочего класса. В ее рамках, выступая против радикального холизма Э. Дюркгейма, он показал важность понятия социального класса для классификации индивидуальных поведений.

Его теория объединила элементы из воззрений Э. Дюркгейма, К. Маркса и М. Вебера. Суть позиции Хальбвакса состояла в утверждении социологического подхода к пониманию класса как «многомерной, конкретной и живой, реальной социальной группы»³. Он обратил внимание на то, что класс — категория прежде всего нематериальная, базирующаяся в значительной степе-

¹ Fournier M. Marcel Mauss // Fifty Key Sociologists: The Formative Theorists / J. Scott (ed.). London and New York, Routledge, 2007. P. 112.

² Halbwachs M. La Classe Ouvriere et les Niveaux de Vie. Paris, 1913.

³ Аппин Н.И. Эмпирическая социология в Западной Европе. М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2004. С. 52.

ни на психологических основаниях, или «коллективных представлениях». Понятие классов нельзя определять исключительно в категориях богатства: «... богатство (если учитывать количество денег, которыми располагают в данный момент или которые гарантировано поступят в ближайшем будущем) — это абстрактная категория, тогда как понятие классов в сознании людей — нечто конкретное и живое, во всяком случае очень «человеческое» и не сводится лишь к рядам цифр»⁴.

В качестве исходного им принимается тот факт, что класс как социальная группа с определенной интенсивностью представлен в общественном сознании. Признаками класса, содержащимися в коллективном представлении, служат профессиональная организация данной группы; размер зарплаты тех, кто относится к низшим группам (наемных рабочих), и величина расходов тех, кто относится к средним и высшим группам; профессиональные и иные способности, стиль жизни («манера жить»), самочувствие людей, принадлежащих каждой группе. Это представление и есть объективный социальный факт.

М. Хальбвакс подчеркивал, что классовые представления наряду с другими — экономическими, религиозными, семейными или юридическими — заслуживают изучения в их разнообразии, и это — непосредственная задача социолога. Однако прежде чем формулировать законы подобного разнообразия, социологи следовало бы воссоздать эволюцию классовых представлений в определенных странах и в определенные периоды, основываясь, главным образом, на ее объективных последствиях, а также на данных, которыми мы пока еще не располагаем⁵.

Еще в своей диссертации Хальбвакс выделил общественную и необщественную сферы жизни. Затем он попытался проанализировать влияние одной на другую так, как это представляется различным общественным классам и прежде всего рабочим. Завод рассматривался им как необщественная сфера жизни, где рабочий может испытать отчуждение от коллег, потому что он (или она), в отличие от представителей других классов, должен сосредотачиваться на машинном оборудовании вместо заманчивой стороны общественной жизни.

Следуя аналитическому предписанию Э. Дюркгейма, согласно которому общественные представления могут быть обусловлены социальными фактами, М. Хальбвакс утверждал, что разделение труда само по себе не может быть причиной появления классового сознания. Напротив, классовое сознание возникает по причине иерархического сопоставления того, в чем заключается деятельность рабочих и других общественных классов, не трудящихся на заводе, за пределами фабричных ворот, во время их участия в процессе потребления. Вследствие этого отчуждение и эксплуатация не исследуются им как продукт трудового процесса и противостояния между рабочими и капиталистами, а наоборот, анализируются как плод недостатка интеграции рабочих в общественную сферу жизни, в рамках которой наиболее значимой является семья⁶.

⁴ Хальбвакс М. Социальные классы и морфология / Пер. с фр. А.Т. Бабкова, Н.А. Шматко, М.: Институт экспериментальной социологии; СПб: Алетейя, 2000. С. 31.

⁵ Там же. С. 46.

⁶ Hjellbrekke J. Halbwachs Maurice // Fifty Key Sociologists: The Formative Theorists / J. Scott (ed.). London and New York, Routledge, 2007. P. 63.

Таким образом, М. Хальбвакс дал определение рабочего класса как такой социальной группы, которая отчуждена от остального общества стеной своего материального труда. Это: «совокупность людей, которые для выполнения своей работы должны обращаться к материи и покидать общество»¹.

В своих работах Хальбвакс также попытался концептуализировать место различных классов в социальной структуре общества. Так, он вывел определение «средних» и «высших» классов: «это совокупность людей, которым состояние позволяет производить определенные расходы на предметы роскоши вне зависимости от того, отказываются они от некоторых полезных расходов или нет»². Особое внимание в своих исследованиях он уделил характеристикам средних классов³.

Хальбвакс обновил и углубил анализ коллективных представлений путем изучения социальных условий коллективной и индивидуальной «социальной морфологии», результатом чего стала его одноименная монография⁴.

Он считал, что морфология — это имеющая едва ли не самое важное значение часть социологии, причем один из наиболее независимых ее разделов. Поскольку задачей морфологии является изучение «материального тела» — величины или объема, пространственной конфигурации и плотности групп, изменения их формы и перемещение в пространстве — она затрагивает аспект, присутствующий в любых обществах. «Безусловно, существует социальная морфология *stricto sensu* (в строгом смысле, — Н.О.) — это исследование населения. Но приходится также рассматривать величину, конфигурацию и т. п. религиозных, политических, экономических и прочих групп»⁵. — писал Хальбвакс.

Следуя принципу функционализма Э. Дюркгейма, он считал, что общество — это четко упорядоченный комплекс все более и более специализированных функций. Однако там, где Дюркгейм стремился открыть едва ли не постоянные во времени устойчивые тенденции к стабильности, Хальбвакс, вооруженный более продвинутым арсеналом статистических методов, акцентировал внимание на изменениях и общественных трансформациях. Он утверждал о возможном воздействии друг на друга нескольких переменных факторов. Например, религия исследовалась им как элемент, включенный более широкий контекст — стиль или образ жизни, в рамках так называемой «религиозной морфологии».

«... Существует также религиозная морфология. О чем бы ни шла речь: о религии, кланах, племенах, городах или народах, всякая религиозная группа имеет материальное тело, находящееся в пространстве; как всякая другая группа, она имеет очертания, границы. Можно представить на карте, как распределяются различные религиозные конфессии, сосчитать их последователей. Часто эти религиозные группы включаются в более обширное сообщество: как и ислам, хри-

¹ Хальбвакс М. Социальные классы и морфология / Пер. с фр. А.Т. Бибкова, Н.А. Шматко. М.: Алетейя, 2000. С. 49.

² Там же. С. 39.

³ См. подробнее: Хальбвакс М. Характеристики средних классов (1939) // Хальбвакс М. Социальные классы и морфология / Пер. с фр. А.Т. Бибкова, Н.А. Шматко. М., 2000. С. 89–108.

⁴ Halbwachs M. Morphologie Sociale. Paris, 1938.

⁵ Хальбвакс М. Религиозная морфология (1935) // Хальбвакс М. Социальные классы и морфология / Пер. с фр. А.Т. Бибкова, Н.А. Шматко. М., 2000. С. 238.

стианство объединяет много разновидностей верующих. Так, хотя и существует взаимопроникновение между протестантами и католиками, равно как и между представителями различных ветвей магомеданства, на самом деле можно представить географическое распространение каждой группы и подгруппы.

С другой стороны, можно рассмотреть каждую религиозную группу в отдельности. Нет религии без церкви, объединяющей всех верующих. Каждая церковь включает в себя относительно однородные подразделения, епархии, приходы, которые противопоставляются и группируются по более или менее сложному принципу. Но в каждой церкви есть также иерархия частей, как бы различных органов: приверженцы данной религии, священники, епископы, кардиналы; все они занимают определенное, особое место либо постоянно, либо только на богослужениях и культовых мероприятиях, когда объединение верующих в символической форме отражает церковный порядок. На эти деления накладываются и другие, также иерархизированные: ордена и монастыри, иерархия культовых и святых мест, центров паломничества и т. д.

Так же, как существует плотность населения, существует особого рода плотность — религиозная: она имеет много степеней в зависимости от того, сгруппированы ли верующие или рассредоточены»¹. — писал М. Хальбвакс.

М. Хальбвакс, опираясь на концепцию коллективных представлений Э. Дюркгейма, подчиняющую психику индивида социальным фактам, глубоко исследовал феномен памяти. В своем сочинении «Социальные рамки памяти»² Хальбвакс представил структурную теорию памяти, далекую от всех форм индивидуального и психологического объяснения. Он показал, что даже в сознании отдельного человека запоминание и припоминание фактов обусловлено по ряду важнейших параметров «рамками» и «ориентирами», которые создаются обществом (речью, представлениями о пространстве и времени и т. д.).

Он изучал механизмы и особенности проявления этого феномена в традициях, обычаях и верованиях людей и утверждал, что в них воплощена коллективная форма памяти. Именно коллективная память делает возможным существование индивидуальной формы памяти. Индивидуальная память возможна только благодаря коллективному (социальному) взаимодействию, коллективная же существует наряду с индивидуальной памятью и развивается по собственным законам. Социальная среда упорядочивает запоминание в пространстве и во времени. Она же является источником как самих воспоминаний, так и понятий, в которых они воплощаются. Хальбвакс считал, что человек не репродуцирует, но реконструирует прошлое при познании настоящего. «В таком смысле получается, что существует коллективная память и социальные рамки памяти, и наше индивидуальное мышление способно к воспоминанию постольку, поскольку оно заключено в этих рамках и участвует в этой памяти»³.

Тем не менее коллективная память не понималась им как нечто данное. Он не утверждал, что сам коллектив имеет разум и способность запомнить

¹ Хальбвакс М. Религиозная морфология (1935) // Хальбвакс М. Социальные классы и морфология. С. 239.

² Halbwachs M. Les Cadres Sociaux de la Memoire. Paris, 1925. P. 7.

³ Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / Пер. с фр. и вступит. статья С.Н. Зенкина. М.: Новое издательство, 2007. С. 29.

себя. Запоминание всегда совершается людьми, но оно происходит с помощью мысленного повторения или восстановления общественных групп. Короче говоря, доказательство М. Хальбвакса заключалось в том, что память — это социальный факт, который основан и поддерживается общественными группами при условии, что человек встречает кого-то и запоминает эти встречи в течение своей жизни. Для того чтобы вспомнить, любой человек восстанавливает ту общественную обстановку, в которой конкретный случай или процесс произошел или развивался. Таким образом, для Хальбвакса память — это результат общественной практики, который структурирован и является функциональным для настоящего состава социальной группы¹.

В последних главах своей книги этот ученый исследовал динамику памяти уже не отдельных людей, а социальных институтов, непосредственно подступая к той области исследований, которая называется проблематикой «культурной памяти».

В целом М. Хальбвакс, начав с исследования психологических процессов памяти и с выделения в них социальной составляющей, продемонстрировал как коллективная память становится предметом последовательного и даже сознательного социального конструирования, как представления людей о прошлом (общественном и даже личном) обуславливаются обстоятельствами их коллективного настоящего. Сама разделенность общества на иерархически подчиненные и конкурирующие группы заставляет его память складываться не в однородном пространстве разума, а в исторически возникшем, фрагментированном пространстве социального опыта. При этом память о прошлом и формируется, и деформируется одновременно. Науки об обществе должны принимать во внимание этот двойной процесс — как минимум делая поправку на его искажающее воздействие, а также и исследуя законы его протекания².

М. Хальбвакс продолжил начатое Э. Дюркгеймом социологическое изучение проблем, связанных с самоубийствами. В работе «Причины самоубийства»³ он пересмотрел некоторые фундаментальные положения Дюркгейма и перешел к более последовательному включению в социальную теорию психологических факторов. Так, он показал процесс влияния социальных переменных на психические детерминанты, которые непосредственно обуславливают индивидуальное решение. Он утверждал, что самоубийство — это ответ на вызванное социальными причинами крайне обостренное психическое состояние индивида при наличии у него положительной установки в отношении самоубийства. Усовершенствовав методику исследования, он раскрыл важную причину многих случаев суицида: неприспособленность людей к новым условиям жизни, связанным с интенсивной урбанизацией.

В целом этот социолог активно боролся за создание качественной научной продукции, укрепление социологии в эмпирическом поиске и проявлял особый интерес к познанию окружающей социальной реальности. Он с особым энтузиазмом отстаивал специфику социологической науки, ее предмета и

¹ Hjelbrekke J., Halbwachs Maurice // Fifty Key Sociologists: The Formative Theorists / J. Scott (ed.). London and New York, Routledge, 2007. P. 61–64.

² Zenkil C. Морис Хальбвакс и современные гуманитарные науки // Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. С. 24.

³ Halbwachs M. Les Causes de Suicide. Paris, 1930.

метода, вел активный и заинтересованный диалог с новаторами в других социальных науках¹.

Известный французский социолог Селестен Бугле (Celestin Bouglé) (1870–1940) много места в своем научном творчестве отводил интерпретации и развитию идей своего учителя.

Селестен Бугле (Celestin Bouglé) (1870–1940) — с 1927 г. являлся заместителем директора, затем — (1935–1940) директором Высшей педагогической школы в Париже. Этот ученый ярко проявил себя в качестве организатора социологической науки и внес значительный вклад в ее институционализацию во Франции. Он предпринимал активные действия, чтобы возобновить выпуск «Социологического ежегодника», где затем появились публикации, как поддерживающие идеи Э. Дюркгейма, так и оппозиционные им.

Эффективным результатом работы С. Бугле был созданный и возглавляемый им Университетский совет социальных исследований (1935–1940). Совместно с М. Моссом он добился значительного финансирования от Фонда Рокфеллера, которое было предназначено исключительно для индуктивных исследований современных социальных проблем. Это финансирование позволило, начиная с 1932 г., придать социальным наукам во Франции свежее дыхание, а социологии — укрепить свои позиции. Первыми именными стипендиями от Фонда Рокфеллера удостоилось новое поколение социологов — Ж. Фридман, Р. Полен, Р. Маржолан, Р. Арон и Ж. Стецель (1943). Последующие «гранты» предназначались Французскому институту социологии и Центру социальной документации, под грифом которых впоследствии были изданы фундаментальные работы С. Бугле.

Этот ученый получил широкую известность как политик и социальный реформатор. В своих политических взглядах он был либералом, сторонником умеренного этактизма и социальных реформ, основанных на научных рекомендациях.

По-своему развивая основные идеи Э. Дюркгейма, С. Бугле одним из первых отметил влияние на них И. Канта, проявившееся прежде всего в концепции морали и нравственного долга, но также пронизывающее всю теорию основателя французской социологической школы. Широко известен был каламбур С. Бугле «Дюркгеймизм есть кантианство, исправленное и дополненное контизмом»².

В то же время, критикуя Дюркгейма, Бугле утверждал, что в «позитивизме не было монизма», и в особенности, в дюркгеймовском позитивизме. Сущность явления и его форма рассматривались Дюркгеймом как нечто одноплановое, не только взаимосвязанное и взаимообусловленное, но и меняющее этимологическую последовательность в объяснении. То коллективные представления были продуктом общества, то, наоборот, общество продуктом коллективных представлений, то самому Дюркгейму казалось признаком научности. В этом, по Бугле, состоял центральный пункт дюркгеймовской философии³.

С. Бугле широко использовал принцип социологизма при исследовании различных явлений социальной жизни, специализировался на изучении ха-

¹ См. подробно: Хальбвакс М. Теория и метод // Хальбвакс М. Социальные классы и морфология. С. 291–424.

² Цит. по: Осипова Е. В. Социология Эмиля Дюркгейма. 2-е изд. СПб.: Алетейя, 2001. С. 23.

³ Там же. С. 174.

ракторных черт и механизмов функционирования кастовых социальных систем, а также проблемах морали, опубликовав в 1922 г. «Социологические лекции об эволюции ценностей»¹.

Он принимал активное участие в политической жизни Франции, критиковал пороки капиталистического общества, выступал за демократизацию культуры, расширение доступа народных масс к образованию, предоставление избирательных прав женщинам.

К сожалению, в середине 30-х гг. XX столетия ведущее положение, которое занимала во французской социологии школа учеников и последователей Э. Дюркгейма, было утрачено². Накануне Второй мировой войны эта школа и вовсе прекратила свое существование, а концепция ее основателя фактически оказалась забытой.

В это время во Франции социология как наука, слишком амбициозная по своим целям, но очевидно узкая в своих конкретных поисках, явно недооценивалась. Социальные потребности общества сосредоточились, в первую очередь, на решении экономических и административных проблем, и соответственно, адресовались экономистам и юристам. В связи с отсутствием социального спроса, переместившегося в сферу экономики и политики, а интеллектуальных дискуссий — в сферу политики, она не смогла получить поля для своего приложения к современной социальной реальности, что и предопределило ее временную стагнацию.

1.1.2. Своеобразие социологии в Испании

Своеобразие становления социологии в Испании в рассматриваемый период определялось специфическими чертами испанского общества, которое базировалось на неразвитой экономике, находящейся в руках землевладельцев и религиозной олигархии.

Некоторые исследователи считают, что до 1918 г. социологии в Испании не было. На самом деле, также как и в других западноевропейских странах, во второй половине XIX в. испанская философская мысль постепенно эволюционировала от идеалистической метафизики к позитивизму. Позитивизм (в виде органицизма и натурализма) вошел в научные круги этой страны через крауизм³, с его метафизическими философскими корнями и антропологическими изысканиями.

Учеными, давшими толчок распространению позитивизма в Испании, были О. Конт и Г. Спенсер. Г. Тард и Ф. Гиддингс. П. Лилленфельд и Л. Гумилович, объединявшие социал-дарвинистские теории с органицизмом, также оказали влияние на становление испанской социологии.

Основателями социологии в Испании называют Франсиско Хинера де лос Риоса (Francisco Giner de los Rios) (1939 — 1915), Хоакима Косту Мартине-

¹ Bouglé C. Leçons de Sociologie sur l'Évolution des Valeurs. Paris, 1922.

² Осипова Е.В. Социология Эмиля Дюркгейма. С. 11.

³ Крауизм — испанская школа последователей немецкого философа Карла Кристиана Фридриха Краузе (1781 — 1832). Этот мыслитель пытался объединить теизм и пантеизм в системе так называемого им панентеизма. Согласно этому учению, мир покоится на Боге, который однако не сливается с ним, а есть изначальная сущность всего. Мир — это создание Бога, способ его проявления.

са (Joaquín Costa Martínez) (1846 — 1911) и Урбано Гонсалеса Сerrано (Urbano González Serrano) (1848 — 1904). Наряду с ними особо выделяют Мануэля Салеса-и-Ферре (Manuel Sales y Ferre) (1843 — 1910), создателя первой кафедры социологии в университете Мадрида, который эволюционировал от крауизма к позитивизму¹.

Мануэль Салес-и-Ферре (Manuel Sales y Ferre) (1843 — 1910) был одним из первых ученых, который вывел социологию в Испании на научный уровень.

Сначала научным увлечением этого исследователя была крауистская метафизика, а затем — история и антропология, результатом чего стала работа «Примитивный человек и восточные традиции», опубликованная в 1881 г. Под влиянием антропологов натуралистической и органицистской ориентации, а также учения Г. Спенсера, М. Салес-и-Ферре постепенно перешел к занятиям социологией.

После выхода в свет в 1889 г. монографии «Изучение социологии» и последовавших за ней «Трактата о социологии» и «Общей социологии», он стал первым испанским социологом, вошедшим, наряду с Э. Дюркгеймом, В. Парето и Г. Зиммелем в число основателей европейской социологии.

В социологическом творчестве М. Салеса-и-Ферре можно выделить два этапа. Первый этап непосредственно связан с его работой «Трактат о социологии», в рамках которой он затрагивал и развивал такие темы, как социологические законы, общественное сознание, происхождение демократии в истории, нация и ее развитие, европейская интеграция, социализм, культура, общественное мнение и т. д.

На втором этапе М. Салес-и-Ферре занимался социологической теорией. В работе «Общая социология», опубликованной в 1912 г., он попытался показать отличия социологии от других наук об обществе. Он отрицал универсальный характер социологии и утверждал, что эта наука обладает своим собственным объектом и предметом. Объектом социологии М. Салес-и-Ферре назвал «социальный факт», тем самым поставив себя во главу социологии своей эпохи наряду с Э. Дюркгеймом, которого часто цитировал.

В 1891 г. М. Салес-и-Ферре основал Институт социологии в Мадриде, а в 1899 г. стал первым профессором и, соответственно, преподавателем социологии в Испании. Несмотря на это, долгое время он был практически неизвестным автором. Только после появления в 1976 г. книги о нем, написанной Нуñеса Энкабо, этот испанский обществовед получил признание в кругах историков социологии.

В конце XIX — начале XX столетия социология в Испании развивалась в двух направлениях — «социального крауистского реформизма» и «социального католицизма». Самым ярким представителем первого направления — «социального крауистского реформизма» был Адольфо Гонсалес-Посада и Биекса (Adolfo González-Posada y Biesca) (1860 — 1944), известный как один из основателей социологии в Испании.

Адольфо Гонсалес-Посада и Биекса (Adolfo González-Posada y Biesca) (1860 — 1944), который был известен и подписывал свои книги как Адольфо Посада, в 1875 г., в возрасте 15 лет поступил на факультет права университета своего род-

¹ Historia de la Sociología Española / Salustiano del Campo (director). Barcelona: Editorial Ariel, S. A., 2001. P. 80.

ного города Овьедо, а в 1931 г., закончив преподавательскую и научную деятельность в этом же университете, вышел на пенсию. А. Посада был свидетелем Реставрации, разгрома карлизма, сплочения рабочего движения, рождения двух периферийных националистических течений, событий 1898 г., войны в Марокко, диктатуры Примо де Ривейры (Primo de Rivera) и Второй Республики. Он пережил Первую мировую войну, социалистическую революцию в России, приход в Испании к власти фашистов и начало Второй мировой войны. Эти события, очень значимые для истории Испании, не могли не повлиять на темы научного творчества этого обществоведа.

А. Посада, сделав переводы трудов таких авторов как К. Маркс, Г. Спенсер, Г. Тард, Ф. Ле Пье, Э. Дюркгейм, Ф. Гиддингс, А. Смолл и др., одним из первых привнес в испанскую науку достижения европейской и американской социологии. Он написал более 70 книг и около 250 журнальных статей; ему же принадлежит множество газетных публикаций.

В ранних работах А. Посады прослеживалось влияние Э. Дюркгейма, М. Вебера, А. Парето и Г. Зиммеля. Тем не менее истоки его социологии можно найти в немецком идеализме, а также у таких авторов, как Г. Спенсер, Г. Тард, Ф. Гиддингс, А. Смолл и, особенно, у Л. Уорда.

Основой социологии А. Посады стал краусизм, от которого исходят два основных, развиваемых им положения: о необходимости соотношения социологического знания с философским и об обществе как организме. Они же и обуславливают эклектичный характер его социологии: несмотря на принятие позитивизма в качестве основного социологического течения, он все-таки отождествляет социологию с философией.

Вслед за Г. Тардом А. Посада утверждал, что общество — это психофизический организм, «суперорганизм», сотканный из элементов, которые взаимодействуют между собой посредством психических связей и духовного единства. Такое понимание общества как единого организма помогало А. Посаде придерживаться двух главных принципов краусизма. С одной стороны, общество рассматривалось им как сущность с собственной действительностью, с высшим порядком, который руководит входящими в него индивидами. С другой стороны, он считал, что в обществе царит естественный порядок, который создает интегрированное объединение, «центр функциональных энергий», что позволяет избегать конфликтов.

Он признавал важность исследовательского анализа социального факта посредством сравнительного и эмпирического методов. В работе «Принципы социологии»¹ он подчеркивал, что социология должна трактоваться как знание о действительности. Эта действительность может быть схвачена только посредством позитивного, эмпирического метода; следовательно, исследователь должен руководствоваться гипотезой, заниматься эмпирическими наблюдениями, использовать статистические методы и проводить опросы.

В целом А. Посада пытался совместить научную социологию с искусством реформатора, придерживаясь взглядов либеральных краусистов, которые старались усовершенствовать либеральную доктрину и сориентировать ее на практическое применение в социальные реформы. Широкою известностью в этом плане приобрели его труды, посвященные решению «женского во-

¹ Posada A. Principios de Sociología. Madrid: Ginés Carrón, 1908.

проса» — «Феминизм» (1899), «Дружба и пол. Заметки о женском воспитании» (совместно с Урбано Госалесом Серрано, 1893), а также исследования, посвященные труду и индустриальному обществу.

Вторым направлением был «социальный католицизм», вдохновляемый социальной доктриной католической церкви и давший начало социологическим исследованиям католического толка. Эти исследования, в первую очередь, были связаны с фигурой Северино Аснара-и-Эмбиды (Severino Aznar y Embid) (1870 — 1959) — политического сторонника продвижения социального католицизма, советника рабочих профсоюзов и кооперативов, политического деятеля эпохи франкизма, профессора, директора Центра социологических исследований, переводчика и редактора множества работ по социальной и религиозной тематике.

Северино Аснар-и-Эмбид (Severino Aznar y Embid) (1870 — 1959) с 1883 по 1894 г. изучал гуманитарные науки и теологию в университете Комплутенсе. В 1911 г. он получил степень доктора философии, выполнив работу на тему: «Исторические предпосылки и современное состояние государственных институтов по предотвращению конфликтов рабочих в Испании». В 1916 г. занял должность заведующего кафедрой социологии Мадридского университета, которую до него занимал Салес-и-Ферре.

С 1943 по 1959 г. С. Аснар руководил Институтом социологии им. Балмеса, преподавал в семинариях и различных религиозных центрах, являлся членом Института общественных реформ.

С одной стороны, С. Аснара, ученого, которому принадлежат тысячи статей и десятки книг, характеризовало отсутствие интереса к социологии как таковой. Скорее его можно было назвать экспертом в области социологии религии, которую он культивировал. С другой стороны, эмпирическая направленность многих его работ, включающих элементы позитивизма, новые темы и методы исследований, способствовали бурному развитию испанской социологии.

Центральное место в трудах этого деятеля занимал социальный католицизм, с точки зрения которого он рассматривал социальные проблемы и перспективы развития общества. Этому вопросу была посвящена его работа «Эхо социального католицизма в Испании»¹.

С. Аснар стремился к реформированию испанского общества, секуляризация которого в начале XX столетия фактически уничтожила реформистские движения христианского толка, «освободив проход» социал-демократическим реформам. В связи с этим он яростно пропагандировал доктрину социального католицизма и критиковал социализм, считая, что между социальными католиками и социалистами имеет место абсолютная несовместимость, потому что они олицетворяют разный подход к цивилизации: первые — христианскую цивилизацию, а вторые — ее отрицание.

Важным элементом творчества С. Аснара являлся постоянный призыв к действию, который порой отдалял его от социологии: во многих случаях он не анализировал общество, а сразу призывал к социальным изменениям. С этой целью данный исследователь занимался разработкой нового общественного законодательства, вопросами социальных трансфертов, различных

¹ Aznar y Embid S. Ecos del Catolicismo Social en España.

субсидий и собственности, а также многими другими практическими проблемами. Единственной дисциплиной, которой С. Аснар уделял огромное внимание, была демография. На ее детальное изучение и был ориентирован возглавляемый им «Международный социологический журнал».

Первая треть XX в., а точнее — период между мировыми войнами — был очень плодотворным для развития испанской социологии. Во многом это связано с появлением в этой стране выдающегося социального мыслителя — Хосе Ортеги-и-Гассета (Jose Ortega y Gasset) (1883 — 1955).

Хосе Ортега-и-Гассет (Jose Ortega y Gasset) (1883 — 1955) родился в 1883 г. в Мадриде: его двойная фамилия, как это принято у испанцев, составлена из фамилии отца — писателя и публициста, ведущего литературный раздел в либеральной газете «Беспристрастный», и матери, дочери основателя и владельца этой газеты. В 1891 г. родители отдали Х. Ортегу-и-Гассета в иезуитский колледж Мирафлорес-де-Пало, расположенный недалеко от Малаги. Неординарные способности Ортеги не остались незамеченными — с 15 лет он обучался в университетах, — сначала в Бильбао, а затем в Мадриде.

В 1904 г. он защитил докторскую диссертацию по философии на тему «Ужасы тысячного года. Критика одной легенды» (об исторической эпохе и настроениях во Франции). В 1905 г. Х. Ортега-и-Гассет уехал в Германию, учился в Лейпциге, а затем в Берлине и Марбурге. Значительное влияние на формирование взглядов этого ученого оказали неокантианцы К. Коен и П. Натюр.

В 1908 г. Х. Ортега-и-Гассет стал профессором Высшей педагогической школы в Мадриде, а с 1910 г. возглавил кафедру метафизики Мадридского университета. Здесь вокруг него быстро сложился кружок учеников и последователей, тем самым сформировалась «мадридская школа», получившая международное признание. Ортега-и-Гассет много печатался в различных газетах и журналах, издавал со своими предисловиями целые серии переводов на испанский язык новейших книг по философии, социологии, психологии и даже по народному хозяйству. Также он выступал с публичными лекциями, которые пользовались большим успехом, а в 1923 г. основал собственный ежегодник «Наблюдатель», в котором является единственным автором, и «Западный журнал». Х. Ортега-и-Гассет принимал активное участие в политической жизни Испании как либеральный публицист, в 1930-е гг. являлся депутатом кортесов.

Взлет творчества Х. Ортеги-и-Гассета пришелся на двадцатые годы прошлого столетия. Именно в этот период он написал «Дегуманизацию искусства» и «Восстание масс», которые привели его к мировой славе.

После начала гражданской войны в Испании Х. Ортега-и-Гассет эмигрировал во Францию, затем — в Голландию и Португалию. Когда началась Вторая мировая война, он уехал в Аргентину, но в 1942 г. возвратился в Португалию. В 1945 г. он приехал в Мадрид, но оставаясь в оппозиции франкистскому режиму, отказался занять свой прежний пост главы кафедры и перестал выступать в официальных изданиях. Вместе со своим учеником Хулианом Мариасом он основал Мадридский институт гуманитарных наук, где читал лекции по философии истории и социологии, пытаясь повлиять на интеллектуальную жизнь Испании. Умер Ортега 18 октября 1955 г. в Мадриде. В 50-е гг. его либеральное учение являлось единственным светским учением, противостоящим как схоластике в испанских университетах, так и франкизму.

Х. Ортегу-и-Гассета без сомнения можно назвать философом исключительного размаха в истории Испании. Основные положения философии это-

го ученого нашли отражение в его ранней работе «Размышления о Кихоте»¹ и с тех пор уже не менялись.

Интерес к социологическим проблемам складывался в лоне антропологической и философской проблематики, всегда занимавшей центральное место в его творчестве. Эволюцию воззрений этого мыслителя рассматривают как движение от неокантианства к «философии жизни», а затем — к экзистенциализму. Отталкиваясь от неокантианства, «философии жизни» и феноменологии Э. Гуссерля, Х. Ортега-и-Гассет создал учение — «рационализм», в котором обосновывал идею единства жизни и разума.

По мнению Ортеги-и-Гассета, традиционный рационализм анализирует разум в отрыве от жизни. Его же концепция рационализма основывалась на понимании жизни, которое соединяет в себе элементы философии жизни и экзистенциализма. Жизнь — это особый способ бытия, неподвластный теоретическому анализу рационалистического мышления, это «единство драматического динамизма» между «Я» человека и окружающим его миром обстоятельство, ситуаций. Жизнь — это всегда жизнь каждого, и ее носитель, человек, должен прожить определенную жизнь, характерными чертами которой являются постоянное становление, непрерывное движение в границах исторического времени, незавершенность и изменчивость, незаданность и необусловленность.

Жизнь человека — это постоянная устремленность в будущее. Она определяется им также как «драма», как «чистое и универсальное бытие», «чистый случай» и, в конце концов, как «история человека». В этой перспективе разум воспринимается как понимание «драмы», как истолковывание ситуации, обстоятельство жизни. Он дает жизни ее ориентиры, истину и смысл. В конечном счете, разум выступает самосознанием жизни, ее инструментом. Одновременно и сама жизнь становится «жизненным разумом», который Ортега-и-Гассет называл «историческим»².

Основанная на рационализме, социологическая теория Х. Ортеги-и-Гассета, которую сложно отличить от социальной философии, имеет ярко выраженный антипозитивистский характер. Не случайно она получила название «философской социологии», полемически заостренное против «научной социологии». Основы этой оригинальной социологической концепции были заложены им в 20 — 30-е гг. прошлого столетия, в знаменитых эссе «Тема нашего времени», «Дегуманизация искусства» и «Восстание масс». В своем самом знаменитом эссе — «Восстание масс», вышедшем в свет в 1930 г. и ставшем центральной социологической работой Ортеги-и-Гассета, им была сформулирована доктрина «массового человека», а также поставлен диагноз — кризис современной западноевропейской цивилизации.

Согласно выдвинутой им гипотезе, главный феномен, определяющий современную европейскую жизнь и являющийся причиной современного кризиса, расстройства социального организма, его аномии, — это полный захват массами общественной власти. Он имеет место во всех областях общественной жизни (не только в политике, но и в интеллектуальной, нравственной, экономической, эстетической и духовной сферах). Проявлением этого явля-

¹ Ortega y Gasset X. Meditaciones del Quijote. Madrid. 1914.

² Зыкова А.Б. Рационализм // Новая философская энциклопедия: В 4 т. М.: Мысль. 2003. С. 421.

³ Ortega y Gasset X. La Rebelion de las Masses. Madrid. 1930.

ется доступная простому наблюдению черта современной общественной жизни, которая первой бросается в глаза, — «растущее столпотворение», «стадность», «всеобщая переполненность»¹.

В данной связи ученый поставил вопрос: Откуда взялись все эти толпы? Ведь люди, составляющие их, существовали и прежде, но они не были толпой. «Рассеянные по миру маленькими группами или поодиночке, они жили, казалось, разбросанно и разобщенно. Каждый был на месте, и порой действительно на своем: в поле, в сельской глуши, на хуторе, на городских окраинах»². «Внезапно они сгрудились, и вот мы повсеместно видим столпотворение. Повсеместно? Как бы не так! Не повсеместно, а в первом ряду, на лучших местах, облюбованных человеческой культурой и отведенных когда-то для узкого круга — «избранного меньшинства»³. «Толпа, возникшая на авансцене общества, внезапно стала зримой. Прежде она, возникая, оставалась незаметной, теснилась где-то в глубине сцены; теперь она вышла к рампе — и сегодня это главный персонаж. Солистов больше нет — один хор»⁴.

Согласно Ортеге-и-Гассету, толпа — это понятие количественное и визуальное: множество. Если перевести его, не искажая, на язык социолога, то получится «масса». Общество всегда было подвижным единством меньшинства и массы. Меньшинство — это совокупность лиц, выделенных особыми качествами; масса — не выделенных ничем. Масса — это «средний человек». Таким образом, чисто количественное определение — множество — переходит в качественное. «Масса — всякий и каждый, кто ни в добре, ни в зле не мерит себя особой мерой, а ощущает таким же, «как и все», и не только не удручен, но доволен собственной неотличимостью»⁵.

Масса — это посредственность. Особенность нашего времени в том и состоит, что заурядные уши, не обманываясь насчет собственной заурядности, безбоязненно утверждают свое право на нее и навязывают ее всем и всюду. Масса сминая непохожее, недожиданное и лучшее. Кто не такой, как все, кто думает не так, как все, рискует стать изгоем. «Мир обычно был неоднородным единством массы и независимых меньшинств. Сегодня весь мир стал массой»⁶, — заключал ученый.

Понятие «масса» также раскрывается Ортегой-и-Гассетом через нравственно-эстетический комплекс «плебейства», который он противопоставляет «благородству» и соответствующему человеческому типу — «элите». При этом его разделение общества на «элиту» и «массу» изначально подразумевает двойственность по отношению к ценностно-нормативному порядку общественной жизни.

С одной стороны, этот порядок может восприниматься как чисто внешнее принуждение, как существующий сам собой, подобно явлениям природы; именно так относится к нему массовое сознание, которое может либо пассивно подчиняться ему, либо, стремясь к свободе, то есть к снятию всех внешних принуждений, разрушать его. С другой стороны, он может восприниматься как внутреннее требование, которое человек свободно предъявляет к

¹ Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс // Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс: Сб.: Пер. с исп. М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. С. 16.

² Там же. С. 17.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 19.

⁶ Там же. С. 22.

самому себе, сознавая при этом, что отнюдь не все люди предъявляют к себе те же требования. Это предполагает, что разумность и культурность не присущи человеку от природы, но требуют для своего осуществления постоянных и самоотверженных усилий. Таким образом, сущность социальной жизни не сводится к тому, что поведение людей лишь регламентируется моральными, правовыми и религиозными нормами; она включает в себя момент созидания, творчества. Ее структура является двойственной.

Во-первых, она включает как пассивный, инертный, материальный аспект, который представляет «масса».

Во-вторых, ей присущ и активный, творческий, эйдетический аспект — его олицетворяет «элита».

В то же время Ортега-и-Гассет подчеркивал, что деление общества на массы и избранное меньшинство — типологическое и не совпадает ни с делением на социальные классы, ни с их иерархией. На самом деле внутри любого класса есть собственные массы и меньшинства. Плебейство и гнет массы даже в кругах традиционно элитарных — характерный признак нашего времени. Так, интеллектуальная жизнь, казалось бы, взыскательная к мысли, становится триумфальной дорогой псевдонинтеллигентов, не мыслящих, немислимых и ни в каком виде непримлемых. Ничем не лучше останки «аристократии», как мужские, так и женские. И, напротив, в рабочей среде, которая прежде считалась эталоном массы, не редкость сегодня встретить души высочайшего звала¹.

Таким образом, внутри любого класса, любого общественного слоя есть свой «масса» и «элита». Утверждение в качестве универсального структурного элемента общественной жизни дихотомии «элиты» и «массы» имеет для Х. Ортега-и-Гассета не функциональный, а ценностный смысл. Существование «элиты» определяется не выделением в жизни социального организма объективно необходимой управленческой функции, но тем специфическим отношением к культурным ценностям, которое уходит своими корнями в тайну человеческой свободы и творчества. Неслучайно в «Восстании масс» антитеза благородства и плебейства трансформируется в антитезу культурности и варварства, а главной темой эссе оказываются взаимоотношения «массового человека» с той цивилизацией, которая его породила.

Парадоксальность современной ситуации, по мнению ученого, состоит в том, что цивилизован мир, но не его обитатель. XIX в., наделив «среднего человека» огромной технической мощью, предоставил его самому себе, «и средний человек, верный своей природной неподатливости, наглухо замкнулся. В итоге сегодня масса сильнее, чем когда-либо, но при этом непробиваема, самонадеянна и не способна считаться ни с кем и ни с чем — словом, она неуправляема.

Суть современного кризиса состоит не в том, что на смену одной системе культурных ценностей идет другая, но в крушении культуры как таковой. Масса пребывает в абсурдном состоянии духа: больше всего ее заботит собственное благополучие и меньше всего — истоки этого благополучия. Не видя в благах цивилизации ни изощренного замысла, ни искусного воплощения, для сохранности которого нужны огромные и бережные усилия, средний человек и для себя не видит иной обязанности, кроме как убежденно помогать этим благам единственно по праву рождения. В дни голодных бунтов народные

¹ Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. С. 20.

толпы обычно требуют хлеба, а в поддержку требований, как правило, громит пекарни. Современные массы поступают так — только размашистей и изобретательней — с той цивилизацией, что их питает. Тогда для брошенной на собственный произвол массы, будь то чернь или «знать», жажда жизни неизменно оборачивается разрушением самих основ жизни¹.

Х. Ортега-и-Гассет утверждал, что в хорошо организованном обществе *масса не действует сама по себе*. Масса и существует для того, что бы ее вели, наставляли и представляли за нее, пока она не перестанет быть массой или, по крайней мере, не начнет к этому стремиться. Но сама по себе осуществлять это она не способна. Ей необходимо следовать чему-то высшему, исходящему от избранных меньшинств. Если таковых нет, то она *начинает действовать самовольно*, что означает для массы восставать против собственного предназначения, а поскольку этим она сейчас и занята, то следует говорить «о *восстании масс*»². Восставая и действуя сама по себе, масса прибегает к единственному способу, поскольку других не знает, — к *насилию*: «Сегодня, когда массы торжествуют, торжествует и насилие, становясь единственным доводом и единственной доктриной, насилие стало бытом»³.

Он подчеркивал, что главная опасность состоит в том, что даже если значимость этого насилия как цинично установленной формы поведения пойдет на убыль, «мы все равно останемся в его власти, лишь видоизмененной»⁴.

Насилие, согласно Ортега-и-Гассету, будет осуществляться со стороны современного Государства, которое рассматривается им как высшая угроза цивилизации. «В наши дни Государство стало чудовищной машиной невысказанных возможностей, которая действует фантастически точно и оперативно. Это — средоточие общества, и достаточно нажатия кнопки, чтобы гигантские рычаги молниеносно обработали каждую пядь социального тела»⁵.

Современное государство — самый явный и наглядный продукт цивилизации. И отношение к нему массового человека проливает свет на многое. С одной стороны, он гордится государством и знает, что именно оно гарантирует ему жизнь, но не сознает, что это творение человеческих рук, что оно создано определенными людьми и держится на определенных человеческих ценностях, которые сегодня есть, а завтра могут улетучиться. С другой стороны, массовый человек видит в государстве безликую силу, а поскольку и себя ощущает безликим, то считает его своим. И если в жизни страны возникнут какие-либо трудности, конфликты, проблемы, массовый человек постарается, чтобы власти немедленно вмешались и взяли заботу на себя, употребив на это все свои безотказные и неограниченные средства.

Однако именно здесь, по мнению Ортега-и-Гассета, подстерегает цивилизацию главная опасность — *полностью огосударствленная жизнь, экспансия власти, поглощение государством всякой социальной самостоятельности, словом — удушение творческих начал истории, которыми, в конечном счете, держатся, питаются и движутся людские судьбы*⁶.

¹ Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. С. 58–59.

² Там же. С. 109.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 112.

⁶ Там же.

Хотя масса говорит: «Государство — это я», она жестоко ошибается. Государство идентично массе лишь в том смысле, в каком Икс идентичен Игреку, поскольку никто из них не Зет. Современное государство и массу роднит лишь их безликость и безымянность. Но массовый человек уверен, что он-то и есть государство, и не упустит случая под любым предлогом двинуть рычаги, чтобы разделить какое бы то ни было творческое меньшинство, которое раздражает его всегда и всюду, будь то политика, наука или производство. Это кончится тем, что государство окончательно удушит всякую социальную самостоятельность, и никакие новые семена уже не взойдут. Общество вынудит жить для государства, человека — для государственной машины. И поскольку это всего лишь машина, исправность и состояние которой зависят от живой силы окружения, в конце концов государство, высосав из общества все соки, выдохнется, зачахнет и умрет самой жертвой из смертей — ржавой смертью механизма¹.

Такой путь огосударствленного общества, по мнению Х. Ортега-и-Гассета, трагичен и парадоксален. «Оно создает Государство как инструмент, облегчающий жизнь. Потом Государство берет верх, и общество вынуждено жить ради него. Тем не менее состоит оно пока что из частиц этого общества. Но вскоре уже не хватает людей для поддержания Государства, и приходится звать иноземцев — сперва далматов, потом германцев. Пришельцы в конце концов становятся хозяевами, а остатки общества, аборигены — рабами этих чужаков, с которыми их ничто не роднило и не родит. Вот итог огосударствленности — народ идет в пищу машине, им же и созданной. Скелет съедает тело. Стены дома вытесняют жильцов»².

Осознав это, трудно благодушеествовать, когда Муссолини с редкостным апломбом провозглашает как некое откровение, чудесно снизошедшее на Италию: «Все для государства, ничего кроме государства, ничего против государства!» *Одно это выдает с головой, что фашизм — типичная доктрина массового человека*³, — подчеркивал ученый.

Так, Муссолини заполучил отлично слаженное Государство, и слаженное отнюдь не им, а той самой идейной силой, с которой он борется — либеральной демократией. Он лишь алчно воспользовался ее плодами, и, не входя сейчас в детали его деятельности, можно констатировать одно: результаты на сегодня просто несовместимы с тем, чего достиг в политике и управлении либерализм. Эти результаты, если они вообще есть, настолько ничтожны, незаметны и несущественны, что трудно оправдать ими ту чудовищную концентрацию власти, которая позволила разогнать государственную машину до предела.

Диктат Государства — это апогей насилия и прямого действия, возведенных в норму. Масса действует самовольно, сама по себе, через безликий механизм Государства. Поэтому европейские народы стоят на пороге тяжелых внутренних испытаний и самых жгучих общественных проблем — экономических, правовых и социальных. *Кто поручится, что диктат массы не принудит Государство упразднить свободу личности и тем окончательно погасить надежду на будущее?*⁴

¹ Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. С. 113.

² Там же. С. 114.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 115.

Х. Ортега-и-Гассет в своих последующих работах, в числе которых «Идеи и верования» и «Человек и люди», выступил автором ряда идей и концепций, которые имели большое значение для развития социологической теории в XX в. Его влияние можно проследить в таких отраслях как социология массовой культуры, социальная феноменология, социология знания, социологическое литературоведение и др. Оно проявилось также в концепциях латиноамериканской самобытности и «третьего пути» общественного развития, сформировавшихся в 50-х гг. XX в.

Основными последователями Ортеги-и-Гассета на социологическом поприще были Хосе Медина Эчаварриа, Луис Реканес Сичес, Франсиско Айала и Хулиан Мариас. Первые трое считались «социологами без общества», так как они после гражданской войны в Испании иммигрировали в Мексику и Аргентину. Эти иммигранты, получив возможность узнать другие культуры, начали активно заниматься научной деятельностью и внесли огромный вклад в развитие мировой социологии¹.

Гражданская война в Испании (1936 – 1939) повлияла не только на политическую и культурную жизнь страны, но и «ограничила» число социологических исследований. В условиях авторитарного политического режима Франко, наделившего лояльную ему часть общества огромными привилегиями и значимыми социальными статусами, не было создано даже минимальных условий для развития социологической науки.

1.1.3. Особенности социологии в Великобритании

Социология в Великобритании и после Первой мировой войны сохраняла свою национальную специфику.

Во-первых, как и ранее, значительная часть социологических исследований проводилась вне университетов и академических учреждений — в независимых организациях или общественных центрах, созданных и финансируемых правящими структурами. Общей целью данных исследований оставался поиск ответа на традиционный для британского общества вопрос: почему в условиях роста общественного благосостояния продолжают существовать такие явления как бедность и нищета? Таким образом, социология постепенно вовлекала в свои ряды социальных работников и административные кадры. Социологические проблемы также выносились на повестку дня исследователями, тесно связавшими свою научную карьеру с социальной работой, благотворительностью, общественным самоуправлением и политической деятельностью.

Ярким примером тому служат супруги Беатриса и Сидней Уэбб (Webb). Беатриса Уэбб (урожденная Поттер) родилась в большой и влиятельной семье², близким другом которой был Г. Спенсер. Б. Уэбб впервые «вошла» в мир социальных проблем и нищеты в 1883 г., когда поступила на работу в Сообщество благотворительных организаций (Charity Organization Society) в качестве сборщицы пожертвований, где вела общественную деятельность среди малоимущего и далекого от нее мира. В конце концов, не считая благотворительность способом решения пробле-

¹ Historia de la Sociología Española / Salustiano del Campo [director]. Barcelona: Editorial Ariel, S. A., 2001.

² Platt L. Beatrice Webb // Fifty Key Sociologists: The Formative Theorists / J. Scott [ed.]. London and New York: Routledge, 2007. P. 199 – 202.

и нищеты, в 1885 г. она покинула эту организацию. Уэбб осознала, что жестко индивидуализированный подход этой организации к проблеме бедности и ее иронично не принимает во внимание главные — структурные ее причины. Она стала искать причины социальных болезней не в самой личности или в сфере межличностных отношений, а в области административного управления.

Во второй половине 80-х гг. XIX в. Уэбб присоединилась к группе исследователей в рамках большого проекта под руководством Чарльза Бута, вошедшего в историю социологии под названием «Жизнь и труд населения Лондона», и в ее близости входило изучение труда чернорабочих и докеров в порту. К этому времени она окончательно поняла, что исследование общества — это ее призвание. Научная работа в рамках этого проекта дала ей возможность проверить свои способности к социальному анализу и те навыки к социальным обследованиям, которые она приобрела ранее. Затем она начала заниматься историей кооперативного движения³, что в 1890 г. связало ее с Фабианским Обществом⁴ и социалистом-фабианцем Сиднеем Уэббом, ставшим ее мужем. Этот брак в одном из трудов Уэбб получил характеристику «Наше партнерство»⁵.

С того времени большое количество исследований супруги проводили совместно, а их результаты публиковались под двумя именами. В частности, супруги Уэбб опубликовали «Историю профсоюзного движения» и многотомную «Историю местного правительства», а в 1895 г., выполняя завещание Фабианского общества, выступили основателями Лондонской школы экономики.

Во время Первой Мировой войны Б. Уэбб активно занималась социальной работой, вносила предложения относительно введения минимальной заработной платы, которые базировала на опыте оплаты труда женщин на швейных фабриках, которые, однако, не были приняты. Более того, война и вызванное ей угнетенное состояние подорвали веру Б. Уэбб как в значимость ее деятельности, так и в необходимость предлагаемых ею решений общественных проблем⁶. Рост безработицы в 20 – 30-е гг. XX в. только подтвердил несоответствие между ее социальными предписаниями и текущими обстоятельствами. Как она сама, так и ее муж стали искать за пределами Великобритании общества, способные в достаточной мере оправдать их веру в административные решения, которые реально устранят проблемы нищеты и одновременно не приведут к деградации общественной жизни, наблюдаемой ими в то время. Для этого супруги Уэбб обратились к опыту Советского Союза, куда и нанесли визит в 30-е гг. прошлого столетия. В Советском Союзе⁷ они увидели наглядный пример практического воплощения того, чего они добивались в течение предшествующих десятилетий, и, следовательно, того, что в известном смысле стало оправданием труда всей их жизни⁸.

¹ Potter B. (Webb B.) The Co-operative Movement in Great Britain. London: S. Sonnenschein, 1885.

² Фабианское общество — организация английской интеллигенции, созданная в 1884 г. и названная по имени римского полководца Фабия Максима. Эта организация пропагандировала идеи постепенного преобразования капиталистического общества в социалистическое путем проведения социальных реформ.

³ Webb B. Our Partnership / B. Drake, M. Cole [eds.]. London: Longmans, Green and Co., 1948.

⁴ Webb B., Webb S. The Decay of Capitalist Civilization. London: George Allen and Unwin, 1923.

⁵ Webb B., Webb S. Soviet Communism. London: George Allen and Unwin, 1935.

⁶ Davis J. (1859 – 1947) // Oxford Dictionary of National Biography / H.C.G. Matthew and Harrison [eds.]. Oxford: Oxford University Press, 2004; Lewis J. Beatrice Webb // Women and Social Action in Victorian and Edwardian England. Cheltenham: Edward Elgar, 1991.

Еще одним, более «свежим» в отношении времени примером, является **Барбара Вуттон (Barbara Woolton)** (1897 – 1988), британский социолог, философ и одновременно выдающийся общественный деятель социалистической ориентации.

Социализм этой исследовательницы базировался на большом жизненном опыте, который убедил ее в том, что сочувствие к другим — путь к спасению на этой земле. В 1922 г. она проводила научные изыскания по заказам Лейбористской партии и профсоюзов Великобритании, работала директором Морли Колледжа в 1926 г., являлась руководителем научно-исследовательских работ в области благотворительности.

В 1938 г. Б. Вуттон стала работать на кафедре социологии Лондонской школы экономики, где получила звание доцента, но в 1946 г. предпочла высокое положение и должность главы Отделения социального администрирования. Она стала известным экспертом в области криминологии, пенологии и социальной работы, а ее работа «Социальная наука и социальная патология»¹ является классикой эмпирической социологии.

Во-вторых, социологию в этой стране характеризовала тесная связь с биологией, образовавшаяся под влиянием теории естественного отбора Ч. Дарвина и эволюционной концепции Г. Спенсера. В то же время социологическая проблематика изучалась в обширном контексте родственных дисциплин: социальной философии, социальной антропологии, политической науки и экономики. В результате образовалось множество разнородных течений, которые такие известные британские социологи, как П. Абрамс², М. Булмер³, Р. Кент⁴, Р. Соффер⁵, свели к трем направлениям. Эти направления возникли в рамках дискуссии о предмете социологии, которую организовал в 1904 г. основатель Английского социологического общества, шотландский коммерсант **Виктор Бранфорд (Victor Branford)** (1863 – 1930)⁶, который был центральной фигурой в институциональном развитии британской социологии в первые тридцать лет XX в.

✓ Первое направление представляли так называемые «евгенисты» — исследователи психолога и антрополога Фрэнсиса Гальтона (1822 – 1911), двоюродного брата Чарльза Дарвина, который в 1869 г. сформулировал принципы евгеники — теории о наследственном здоровье человека и путях его улучшения — и предложил изучать факторы, которые могут улучшить наследственные качества (здоровье, умственные способности, одаренность) будущих поколений.

Сторонники этого направления разделяли позиции социал-дарвинизма — концепции, отождествлявшей закономерности развития человеческого общества и закономерности биологической эволюции⁷.

¹ Woolton B. Social Science and Social Pathology. London: Allen and Unwin, 1959.

² Abrams P. The Origins of British Sociology 1834 – 1914. Chicago: Chicago University Press, 1968.

³ Bulmer M. Essays on the History of British Sociological Research. Cambridge: Cambridge University Press, 1985.

⁴ Kent R.A. A History of Empirical Sociology. Aldershot: Gower, 1981.

⁵ Soffer R.N. Ethics and Society in England: The Revolution in the Social Sciences, 1870 – 1914. Berkeley, London: University of California Press, 1978.

⁶ Collini S. Liberalism and Sociology: L.T. Hobhouse and Political Arguments, 1880 – 1914. Cambridge: Cambridge University Press, 1979. P. 198.

⁷ Сосунова Н.А. Социальный Дарвинизм // Социологическая энциклопедия. М.: Мысль, 2003. Т. 2. С. 484.

Следует отметить, что основанное на отдельных идеях, заимствованных у Т. Мальтуса, Ч. Дарвина и Г. Спенсера, социал-дарвинистское направление разделилось на несколько версий, получивших развитие не только в Великобритании, но и в ряде других стран. Британская версия социал-дарвинизма была самым оригинальным вкладом этой страны в мировую теоретическую социологию. Сущность данной версии можно определить как поиск объективных, «природных» оснований моральных норм и принципов поведения, которые, в конце концов, сделали возможным «нормальное» и полезное для всех развитие рынка, а также демократическое правовое регулирование общественной жизни. На уровне группового отбора они также обусловили превосходство таких обществ над другими в экономическом, военном и прочих отношениях.

Евгенисты, основываясь на «прагматическом» видении социологической дисциплины, определяли социологию как науку, призванную способствовать культивации «хорошей наследственности». Они пытались провести в жизнь идею об искусственной селекции общества, которая состояла в поощрении деторождения в образованных семьях и лишения возможности производить потомство членов общества, замеченных в нарушениях различных моральных норм. Так, в свое время Карл Пирсон (Karl Pearson) (1857 – 1936), коллега Ф. Гальтона, пионер использования математических методов в социальных исследованиях, писал: «Единственное средство, если оно вообще возможно, это изменить относительную фертильность хорошей и плохой частей в сообществе»¹.

Для экспериментального подтверждения своих идей евгенисты организовали биометрическую лабораторию, а также попытались найти пристанище в университете Ливерпуля, который, по их настоянию, учредил отделение социологии.

Эти деятели, занимавшие оппозиционную позицию по отношению к академической социологии, но претендовавшие на свое место в социологических дискуссиях, «дистанцировались» от социологов из Лондонской школы экономики. Но поскольку они пользовались бесспорным авторитетом в научных кругах своего времени, то им удалось сплотить вокруг себя многочисленных членов Статистического общества, также приверженных идее о том, что социология является придатком биологии.

Второе направление объединяло так называемых «проектировщиков городского пространства». Его возглавлял активный член Английского социологического общества **Патрик Геддс (Patric Geddes)** (1854 – 1932), который получил известность накануне Первой мировой войны как энергичный последователь Фредерика Ле Пле, выдающийся лектор, искусный новатор в социологии. В Эдинбурге он основал первую социологическую лабораторию и на эмпирическом уровне возобновил исследования общественного развития, которые имели большое значение для планирования городских застроек.

Социологи, возглавляемые П. Геддсом (который был биологом и поэтому осознавал важность наследственности), улучшение окружающей среды объясняли успехом цивилизации, а свою задачу видели в просвещении народных масс. Их поддерживал известный британский исследователь Чарльз Бут и социальные реформаторы, в частности Эбенезер Ховард и Томас Шарп.

¹ Pearson K. The Groundwork of Eugenics. London: Dulan, 1909. P. 3.

Третье направление составили «моральные эволюционисты». Это были собственно представители академической социологии из Лондонской школы экономики¹, где в 1907 г. при содействии мецената Мартина Уайта была открыта кафедра социологии.

Так, история социологии в Великобритании, или, по крайней мере, современной британской академической социологии, долгое время была историей крупного учреждения — Лондонской школы экономики, которая имела реальную монополию на этот предмет в период между мировыми войнами. Другие британские университеты продолжали игнорировать академические претензии социологии. Их социологические интересы были сконцентрированы на исследовании проблем народонаселения, а определение демографии они считали достаточно широким для того, чтобы включить в нее прикладные социологические исследования.

Следует отметить, что довольно распространенным является мнение о том, что британская социология не имела известных социологов между Гербертом Спенсером и Энтони Гидденсом. На самом деле британские социологи внесли существенный вклад в социологическую теорию между мировыми войнами. Леонард Хобхаус, Эдвард Вестермарк, Моррис Гинсберг, Томас Маршалл, а также Уильям Беверидж, Дэвид Гласс и Александр Карр-Саундерс в этот период были тесно связаны с Лондонской школой экономики и, соответственно, теоретической социологией.

Первым среди этих крупнейших теоретиков британской социологии оставался Леонард Трелони Хобхаус (Leonard Hobhouse) (1864–1929), взгляды которого носили наиболее систематический характер и от которого ведется своеобразный отчет становления академической социологии в Великобритании.

Когда в 1907 г. в рамках Высшей школы экономики был учрежден социологический факультет, то предполагалось, что его возглавит П. Геддс, кандидатуру которого поддерживали М. Уайт и В. Брэнфорд, который знал П. Геддса, когда тот еще был студентом последнего курса университета в Эдинбурге. П. Геддс был истинным шотландцем, ведущим себя независимо перед лицом авторитетных учреждений, однако формально не имел соответствующей образовательной квалификации и всегда отвечал шутивными экспромтами, когда его критиковали. Однако коллектив Высшей школы экономики предпочел А. Хобхауса, который представлял классическую оксфордскую школу.

Леонард Трелони Хобхаус (Leonard Hobhouse) (1864–1929), выходец из благополучной семьи, относящейся к среднему классу, изучал философию и психологию в одном из колледжей Оксфордского университета.

В Оксфорде он стал заниматься политической деятельностью, что тесно связало его с Фабиянским обществом. Он принимал активное участие в социальной работе, участвуя в жизни поселения Тойнби Холл в Лондоне. В 1897 г. он начал

¹ Решение о создании этой школы было принято 4 августа 1894 г. четырьмя членами Фабиянского общества за завтраком — Беатрисой и Сиднейом Уэбб, Грамом Уоллесом и Джорджем Бернардом Шоу.

В 1900 г. она присоединилась к Лондонскому университету на правах факультета экономики и до сегодняшнего дня остается специализированным учебно-исследовательским институтом, единственным такого рода в Великобритании.

заниматься журналистикой, став ведущим автором в газете «Манчестер Гардиан», где публиковал статьи, связанные с либерализмом.

По складу характера А. Хобхаус был академическим интеллектуалом. Еще в Оксфорде он опубликовал научный труд по философии знания, затем попытался на практике применить результаты своего исследования уже в русле психологии знания. Психологическая концепция этого ученого была основана на теории Ч. Дарвина и носила эволюционистский характер, — в ее рамках он и приступил к работе по более широкой проблематике — эволюции моральных представлений. Приглашенный через связи Фабиянского общества читать лекции по политической науке в только что основанную Лондонскую школу экономики, он стал проявлять интерес к социологии и социологическому обществу Виктора Брэнфорда.

В Лондонской школе экономики он проработал всю оставшуюся жизнь; там же под его руководством вел свою деятельность Моррис Гинсберг, который занимался публикацией его работ и стал преданным последователем А. Хобхауса.

А. Хобхаус не вошел в список имен, представленных в монографии Т. Боттомора и Р. Нисбетта «История социологического анализа»². В главе из этой книги, написанной Кеннета Боксом о развитии и эволюционной социологии нет ни строчки, имеющей отношение к А. Хобхаусу; упоминание о нем есть лишь в последней (97-ой) сноске. Альбион Смолл, напротив, в Американском журнале социологии, посвященном социальному развитию, выражал высокое одобрение его творчеству: «Сомнительно, что кто-либо из философов и социологов, имевших влияние в среде американских социологов, имел репутацию, подобную профессору А. Хобхаусу»³.

А. Хобхаус стал первым и долгое время оставался единственным профессором социологии в Великобритании. Ранние труды этого исследователя уже базировались на эволюционной точке зрения, которую он развивал в ряде программных социологических работ, опубликованных между 1918 и 1924 гг. Затем все свои эволюционные идеи он синтезировал в многоотомной работе «Принципы социологии»⁴. Данная работа, состоявшая из четырех частей⁵, и прежде всего ее центральная и определяющая часть «Социальное развитие: природа и условия»⁶, содержала эволюционную теорию сознания и культуры.

В историю социологии А. Хобхаус вошел в качестве основоположника «морального эволюционизма» или «эволюционной этики». Данное направление в социологии пыталось обосновать нерелигиозную, секуляристскую, «научную» теорию рационального и морального развития (прогресса) человечества в категориях естественных законов, противопоставляемых метафизике традиционных моральных теорий.

А. Хобхаус сосредоточился на исследовании значения психологических, социологических и философских аспектов развития теории эволюции «после Дарвина», а в полемике с идеями Г. Спенсера он выработал собственный

¹ Bottomore T.B., Nisbet R.A. History of Sociological Analysis. London: Heinemann, 1978.

² Цит. по: Halsey A.H. A History of Sociology in Britain. New York: Oxford University Press, 2004. P. 54.

³ Hobhouse L. Principles of Sociology. London: George Allen and Unwin, 1918–1924.

⁴ Hobhouse L. The Metaphysical Theory of the State. 1918; Vol. 1: The Rational Good, 1921. Vol. 2: The Elements of Social Justice, 1922. Vol. 3.

⁵ Hobhouse L. Social Development // Hobhouse L. Principles of Sociology. London: George Allen and Unwin, 1924. Vol. 4.

взгляда на социальную эволюцию. Этот ученый утверждал, что социология должна изучать структуру общества и те способы, с помощью которых оно эволюционирует.

Он рассматривал социальный мир как сеть или переплетение социальных связей, внутри которых могут образовываться относительно постоянные и устойчивые социальные структуры. Эти структуры включают семьи, церкви, добровольные организации и нации. Социальные структуры организуются через «социальную ментальность», которая передается из поколения в поколение посредством коммуникации и усвоения норм культуры или традиций. Хотя Л. Хобхаус называл подобные связи «социальным сознанием» или «социальной ментальностью», он не придерживался мнения наиболее крайних по своим взглядам оксфордских идеалистов, говоривших об автономии и реальности этой ментальности. Социальная ментальность — это не действительное сознание, существующее над индивидуальными сознаниями. Это, согласно Л. Хобхаусу, просто взаимосвязанная система индивидуальных сознаний, образованная в процессе коммуникации, и те средства, через которые устанавливаются и поддерживаются привычки, мнения и обязанности по отношению к социальным институтам. Разделяя взгляды Э. Дюркгейма, Л. Хобхаус подчеркивал, что люди имеют некие общие представления и что они социальны изначально. Но также очевидно, что социальная жизнь состоит из индивидуальных сознаний, находящихся в процессе коммуникации.

Он рассматривал физическую основу разума как продукт биологической эволюции, общий для всех индивидов. Именно это общее наследие дает возможность для разумной и целенаправленной мысли и допускает производство элементов культуры, которые могут быть переданы от одного поколения следующему. Изучение культуры, таким образом, является ключом к социальному прогрессу. Биология человека, однако, не является полностью определяющей: могут существовать устойчивые импульсы что-либо делать, но конкретные способы, с помощью которых осуществляется деятельность, в большинстве случаев не являются четко установленными. Разнообразие культурных решений позволяет придать форму инстинктам и импульсам, и все действия содержат смесь инстинкта и разума. Ключевым механизмом, через который выражается разум и посредством которого он может оценивать импульсы и возможные способы их удовлетворения, он считал язык.

Таким образом, согласно Л. Хобхаусу, действия людей ранжируются от полностью инстинктивных действий до полностью целенаправленных. Именно путем осуществления целенаправленного действия люди способны к самопознанию и установлению основы для взаимопонимания с теми людьми, с которыми они взаимодействуют.

Коллективные ментальные процессы коммуникации, которые лежат в основе общества, на наиболее фундаментальном уровне содержат общие правила относительно одобряемых и неодобряемых форм поведения людей. Население, которое разделяет ряд каких-либо особенных правил, представляет собой сообщество, а сами правила поддерживаются мнением, бытующим внутри населения.

Когда правила признаются неосознанно, они называются «традициями» и являются основой обычной конформности; когда они осознанно провозглашаются и проводятся в жизнь силой государства или органов административной власти, они становятся «законами». Правила собираются вместе и оформляются в качестве «институтов», связанных с определенным видом

деятельности. *Институты*, связанные с собственностью, например, регулируют и осуществляют контроль над использованием и передачей материальных объектов, в то время как институт брака регулирует воспроизводство населения и родственные связи. Социальные структуры, таким образом, включают в себя «институциональные» социальные связи.

Любое общество, которое существует достаточно долгое время, можно охарактеризовать как «органическое» целое. Оно обладает сплоченностью и своей собственной жизнью, а также разнообразными частями, работающими совместно и усиливающими действие друг друга. Эта интеграция, утверждал Л. Хобхаус, представляет собой результат эволюции и естественного отбора. Чувства и идеи, которые помогают адаптации и выживанию общества, сохраняются, и общества, которые не могут воспитать этих чувств, придут в упадок. Именно через такие процессы отбора происходят долгосрочные процессы изменений, поэтому Л. Хобхаус представлял эволюцию в качестве разветвленной модели изменений, которые ведут на уровне всего человечества как совокупности от простых форм социальной структуры к более сложным ее формам.

Таким образом, в отличие от преобладающей в спенсеризме трактовки эволюции как механически-автоматического и неизбежного процесса с минимальным влиянием на его ход сознания и разума, Л. Хобхаус рассматривал эволюцию именно как развитие силы разума, в качестве устроителя человеческой души и общества, ведущего их к органическому росту и гармонии¹.

В целом Л. Хобхаус следовал либеральной традиции и был убежден, что мораль подразумевает выбор, и что эволюция могла осуществляться только благодаря расширению сферы морального выбора. Об этом свидетельствуют такие его работы как «Материальная культура и социальные институты примитивных народов»², написанная вместе с М. Гинсбергом и С. Вилером, «Мораль в эволюции»³, «Развитие и цель: эссе по вопросу о философии эволюции»⁴.

Он рассматривал эволюцию как ряд, начинающийся от общества, основанных на сходстве, организованных вокруг «примитивных» мыслей и религиозных идей, через цивилизованные общества с авторитарными государствами и сложными религиозными системами, к современным обществам, которые основаны вокруг научных идей, с правовыми государствами. Любое общество развивается благодаря естественному отбору, через увеличение размеров и производительности труда, в связи с которыми оно использует свои ресурсы и организует свои действия. Это неперемное условие для развития индивидуальности, свободы и совместной кооперации.

В модели Л. Хобхауса достоинства человеческой мысли и знаний делают возможными такие формы адаптации, которые развивают человеческие производительные силы и контролируют природу. Это, в свою очередь, развивает возможности людей, связанные с достижением целей рационально и более эффективными способами. Таким образом, социальное развитие для него являлось направленным, в сущности неотвратимым и могло быть охарактеризовано как «прогресс».

¹ Hobhouse L. *Morals in Evolution*. London: Macmillan, 1906.

² Hobhouse L., Wheeler G., Ginsberg M. *The Material Culture and Social Institutions of the Simpler People*. London: Routledge and Kegan Paul, 1914.

³ Hobhouse L. *Morals in Evolution*.

⁴ Hobhouse L. *Development and Purpose*. London: Macmillan, 1913.

Подобная точка зрения на социальное развитие являлась основой одной из наиболее важных идей А. Хобхауса. Современные общества, утверждал он, не просто рациональные и индустриальные общества; они представляют собой общества, в которых политическая власть стала менее авторитарной, чем в традиционных обществах. Нации-государства организуются через расширение демократического регулирования политической деятельности. За гражданским характером государств современных обществ лежат их свобода и взаимозависимость. Современные государства рассматривают своих членов скорее как «граждан», чем просто как «субъектов». Они обладают установленными правами правовых и индивидуальных свобод, правами как-то минимальных стандартов жизни и правами на образование и благосостояние. Эти права гарантируют «полноправное членство» в обществе со всеми членами, обладающими равными требованиями участвовать в «общественном благе». Более полное развитие гражданства было, таким образом, результатом длительного социального развития¹.

Наряду с А. Хобхаусом, продолжателем спенсеровской традиции в общественных науках Великобритании был его коллега, финн по происхождению Эдвард Александр Вестермарк (Edward Westermarck) (1862–1939).

Эдвард Александр Вестермарк (Edward Westermarck) (1862–1939) родился в Финляндии, а выучив английский язык, с 1887 г. начал регулярно посещать Великобританию.

Э. Вестермарк читал лекции по социологии в Лондонской школе экономики, одновременно возглавлял кафедру этики в университете Хельсинки, а также осуществлял свою научную деятельность в Марокко в сфере, связанной с учением Аристотеля, которого он придерживался в течение многих лет.

Всеобщее международное признание специалистов получили его высокопрофессиональные работы по проблемам брака и семьи². Для развития социологии большое значение имели исследования верований, обычаев, ритуалов, анализ становления и роста нравственных представлений, проведенных ученым в ходе полевых исследований. Результаты этих исследований изложены, в частности, в работах «Происхождение и развитие моральных идей» (1906), «Ритуал и верования в Марокко» (1926); «Нравственная относительность» (1932), «Языческие пережитки в мусульманской цивилизации» (1933).

Вестермарк выделялся своим неослабевающим стремлением к истине. Еинг Кайла, его коллега по университету в Хельсинки, сказала, что «он открыл мир английской мысли. В течение трех столетий наша (финская) научная жизнь испытывала сильное немецкое влияние. Э. Вестермарк был первым, кто определенно сделал английский язык своим родным»³.

В своих исследованиях Э. Вестермарк делал акцент на изучении социальных институтов, а центральной для него являлась проблема взаимосвязи между формированием социальных институтов и развитием нравственности.

Согласно Вестермарку, социальные институты — это регулярные и установившиеся человеческие взаимоотношения, санкционированные в любом

¹ Scott J. Leonard Hobhouse // Fifty Key Sociologists: The Formalist Theorists / J. Scott (ed.). London and New York: Routledge, 2007. P. 64–67.

² «Происхождение человеческого брака», 1889; «История человеческого брака», 1898.

³ Ginsberg M. The Life and Work of Edward Westermarck // Sociological Review, XXVII/182.

обществе. В своих работах он стремился показать, что биологическая, особенно дарвиновская, теория эволюции дает основания для выяснения причин возникновения, равно как и самой необходимости различных социальных институтов в человеческих сообществах.

В теоретическом плане он стремился показать детальную связь биологической эволюции с развитием общества, а свой анализ в этом направлении подкреплял детально разработанной теорией социально-психологических механизмов (факторов) и процессов, благодаря которым социальные институты и приобретают свои формы. В данной связи особое внимание ученый уделил изучению социальных механизмов действия морали. По его мнению, мораль — это не просто один из аспектов или областей социальной действительности. Она глубоко укоренилась в сердце всех социальных институтов и является фундаментом социального порядка.

Вестермарк всегда пытался сделать абсолютно ясными источники своего знания, а также очень заботился о высокой степени надежности этих источников. Например, в работе «Происхождение и развитие моральных идей» он перечислял, каким документальным материалом пользовался. В частности, им являлись: «...запись нравственных максим и чувств, которую можно найти в пословицах, литературных и философских работах, религиозных кодексах, обычаях и законах племени и народа»⁴.

Имя Э. Вестермарка, также как и А. Хобхауса, связывают с развитием в Великобритании социальной антропологии — университетской дисциплины, которая укрепились в этой стране гораздо раньше социологии и всегда высоко ценилась не только в академической среде, но и кругах колониально-административной и политической элиты.

В частности, Вестермарк, формально будучи социологом, утверждал в 1936 г. на одной из своих лекций «что нет в мире гражданина, который может соперничать с его достижениями в социальной антропологии, — ни в обучении этой науке, ни в сфере практической деятельности в ней, в значительной степени обладающей подлинным качеством, понятностью и смыслом»⁵.

Двое выдающихся ученых — социальных антропологов — Альфред Реджинальд Рэдклифф-Браун (1881–1955) и Бронислав Малиновский (1884–1942) считаются учениками Э. Вестермарка. Восприняв его идеи о необходимости полевых исследований и совершенствовании их методов, они внесли серьезный вклад в развитие социологической теории, обогатив ее новыми понятиями, основанными на эмпирическом анализе.

После смерти А. Хобхауса, который имел нескольких приверженцев, включая Р. Флетчера⁶, преемником в должности заведующего факультетом социологии стал Моррис Гинсберг (Morris Ginsberg) (1889–1970) — его наиболее верный ученик и последователь.

Моррис Гинсберг (Morris Ginsberg) (1889–1970), уроженец Литвы, эмигрировал в Великобританию, где привлек всеобщее внимание как талантливый студент, изучающий философию в Университете Лондона, в который он поступил в

⁴ Westermarck E. The Origin and Development of the Moral Ideas. London: Macmillan, 1912. Vol. 1, P. 158.

⁵ Ginsberg M. The Life and Work of Edward Westermarck // Sociological Review, XXVII/182: 1–28.

⁶ Halsey A.H. A History of Sociology in Britain. New York: Oxford University Press, 2004. P. 56.

1910 г. Такая миграция была обычным явлением для того времени, но, как заметил Морис Фридман (его сокурсник, друг и поклонник, создатель «Еврейского социологического журнала»): «Очень немногие ученики-талмудисты, в совершенстве говорящие на иврите в юности, стали членами сурового английского среднего класса»¹.

Необычный гибкий ум, логичность и ясность мышления М. Гинсберга получили свое признание еще перед Первой Мировой войной, когда он был учеником Мартина Уайта и Джона Стюарта. Однако именно с социологией М. Гинсберг главным образом ассоциируется в тот период, когда он был приглашен на должность ассистента А. Хобхауса в Лондонскую школу экономики, где затем проработал более сорока лет.

М. Гинсберг хорошо владел европейскими языками, что позволило ему первым представить «Разум и общество» В. Парето английским читателям. Он также готовился читать лекции по М. Веберу и Э. Дюркгейму, но, в конце концов, решил вообще не делать этого или, в крайнем случае, отвести им второстепенное место в своих лекциях по социологической теории. Дело в том, что он попал под сильное влияние идей А. Хобхауса, тесное сотрудничество с которым началось во время проведения ими сравнительного антропологического исследования «Материальная культура и социальные институты у примитивных народов»².

Гинсберг рассматривал социологию в качестве синтетической, обобщающей науки. Он подчеркивал, что «очень важно противостоять тенденции социальных наук изолироваться друг от друга и от общей социологии, которая, совершенно очевидно, может только расцвести, занимаясь их систематизацией»³.

Даже после смерти А. Хобхауса учение именно этого исследователя преобладало в лекциях и научных изысканиях М. Гинсберга. Как и его учитель, он занимался широкомасштабными исследованиями о том, каким образом изменения в социальной структуре связаны с моральными убеждениями и поведением. Тем самым он постоянно искал основу рациональной этики и способы построения такого общественного института, который нес бы в себе здравомыслие и справедливость.

Эти занятия требовали глубоких знаний по философии и социальному анализу, которыми М. Гинсберг успешно овладел, что и продемонстрировал в своих лекциях эссе и монографиях, написанных простым и лаконичным языком. Их названия «Моральный прогресс»⁴, «Идея прогресса: Реэвалюация»⁵, «В различие морали»⁶ и «Разумное и неразумное в обществе»⁷ свидетельствуют о том, что они содержат не теряющие актуальности проблемы. Его последняя книга — «Справедливость в обществе»⁸, вышедшая в свет в 1965 г.,

¹ Fletcher R. The Making of Sociology. V. 2. London, 1972. P. 269.

² Hobbhouse L.T., Ginsberg M., Wheeler G.C. The Material Culture and Social Institutions of the Simpler Peoples. London: Chapman and Hall, 1915.

³ Ginsberg M. On Place of Sociology: Report on the Conference on the Social Sciences. London, 1935. P. 12.

⁴ Ginsberg M. Moral Progress: The Frazer Lecture. Glasgow: Jackson, 1944.

⁵ Ginsberg M. The Idea of Progress: A Reevaluation. London: Methuen, 1953.

⁶ Ginsberg M. On the Diversity of Morals: Huxley Memorial Lecture 1953. London: Royal Anthropological Institute, 1953.

⁷ Ginsberg M. Reason and Unreason in Society. London: London School of Economics, 1947.

⁸ Ginsberg M. On Justice in Society. London: Heinemann, 1965.

представляет собой типовой анализ концепций справедливости, равенства, прав и обязанностей, а также их применение в уголовном праве, договорах и межнациональных отношениях.

Общий вклад М. Гинсберга в эти сложные проблемы, касающиеся общественной морали, позволили ему занять стабильное место в социологической науке XX в. И хотя Р. Дарендорф назвал его «мудрым социальным философом»¹, его репутация в качестве социолога не менее прочна: после А. Хобхауса именно он стал ведущим британским социологом.

Между мировыми войнами в британской социологии появилась еще одна очень яркая фигура — Томас Хамфри Маршалл (Marshall T.H.) (1893 — 1981).

Томас Хамфри Маршалл (Marshall T.H.) (1893 — 1981) родился в фешенебельном районе Лондона — Блумсбери, обучался в англиканской школе Рагби, а затем в колледже Тринити Кембриджского университета, куда летом 1914 г. он удачно сдал первый вступительный экзамен. Тем же летом, подумывая о карьере на дипломатическом поприще, он отправился в Германию изучать немецкий язык, как оказалось, только для того, чтобы стать заключенным военного лагеря в Рухленбане, находящимся неподалеку от Берлина.

Лагерь Рухленбан, ставший вынужденным пристанищем для Т. Маршалла на время Первой мировой войны, избавил его от узких социальных рамок окружения, представленного английской буржуазной интеллигенцией.

Лагерь для военнопленных, согласно марксистской теории, не мог быть классовым обществом. Но моряки и рыбаки, «лагерный пролетариат», приобщили Т. Маршалла к незнакомой для него субкультуре этого класса: «без своих мореплавателей Рухленбан был бы другим лагерем: более мягким и менее мужественным, в малой степени управляемый интеллектуалами»². С официально-научной точки зрения, это было фактическое вступление в его будущую профессию.

После Первой мировой войны Т. Маршалл, возвратившись в колледж Тринити, начал писать диссертацию о купеческих гильдиях XVII в. по теме, предложенной ему Дж.Х. Клафамом³. Однако вскоре он временно прервал естественную для него научную карьеру и попробовал себя на поприще политика. Он пытался представлять интересы рабочего класса, выступал в качестве кандидата от Лейбористской партии Великобритании на выборах в 1922 г. в Фарихеме, убежденно консервативном избирательном округе в Саррей, но потерпел поражение. Тогда Маршалл возвратился в Кембридж, осознав, что карьера политика ему не подходит. Участие в избирательных кампаниях не соответствовало его темпераменту, и хотя политика вызывала в нем глубокий интерес, он решил, что занятия наукой должны стать в его жизни доминирующими.

В виду приближающегося завершения срока его работы в Кембридже Маршалл обратился, увидев первое же объявление, с просьбой о назначении его преподавателем по курсу социальной работы в Лондонской школе экономики. С этого момента и началось официальное приобщение Т. Маршалла к профессии социолога, что он вскоре подтвердил, получив право читать лекции в 1930 г.

¹ Dahrendorf R. The London School of Economics, 1895 — 1995. Oxford: Oxford University Press, 1995. P. 204.

² Ketchum J.D. Ruhlband, a Prison Camp Society. Toronto: University of Toronto Press, 1965. P. 126.

В течение 30-х гг. прошлого столетия Т. Маршалл безоговорочно идентифицировал себя с профессиональным социологом. Он посвятил себя изучению проблем социальной стратификации и социальной политики, издав такие фундаментальные труды как: «Классовый конфликт и социальная стратификация»¹ и «Проблемы населения»².

Преподавательская деятельность для Маршалла всегда была также важна, как и научные исследования. Манера письма этого исследователя отличалась изяществом и лаконичностью, он избегал социологического жаргона и дотошного цитирования. Его концепции отличались четкостью и точностью анализа, хотя и узкоспециализированного, но высоконаучного. В общественной и административной работе предельная искренность этого ученого сочеталась с точными стандартами профессионального мастерства. Любезность и компетентность, подозрительность и доверчивость характеризовали всю дальнейшую деятельность Т. Маршалла³, получившую всемирное признание уже после Второй мировой войны.

В целом британские социологи, разделенные на соперничающие и весьма амбициозные группы, раздираемые принципиальными разногласиями по поводу предмета социологической науки, не смогли консолидироваться вплоть до окончания новой мировой войны.

1.1.4. Социология в Германии

Веймарская республика, установленная в 1919 г. и просуществовавшая до прихода к власти национал-социалистов в 1933 г., вошла в историю Германии как эпоха множества политических партий и значительного числа социологов.

На социологическом поприще плодотворно трудились такие ученые как Фердинанд Теннис, Леопольд фон Визе, Вернер Зомбарт, Альфред Фиркандт, Альфред Вебер, Макс Шелер, Теодор Гейгер и многие другие. Социология преподавалась во всех немецких университетах: благодаря поддержке министра образования Беккера (Becker) было открыто много новых социологических кафедр. Однако в качестве университетской дисциплины самобытность социологии оставалась слабо очерченной: социологических кафедр, предназначенных только для преподавания социологии, было мало.

Регулярно выходил «Социологический ежегодник»⁴, а также три других ведущих социологических журнала: «Кельнский ежеквартальник социальных наук», преобразованный Л. Фон Визе в 1921 г. в «Кельнский ежеквартальник социологии»⁵, «Международный журнал психологии и социологии»⁶, основанный Р. Турнвальдом и вскоре переименованный в «Социологикус»⁷, и «Архив прикладной социологии»⁸, который издавал К. Дункман.

¹ Marshall T.H. Class Conflict and Social Stratification. London: Le Play House Press, 1938.

² Marshall T.H. The Population Problem: The Experts and the Public. London: Allen and Unwin, 1938.

³ Halsey A.H. A History of Sociology in Britain. New York: Oxford University Press, 2004.

⁴ Jahrbuch für Soziologie.

⁵ Kölner Vierteljahrshäfte für Sociologie.

⁶ Zeitschrift für Völkerpsychologie und Soziologie.

⁷ Sociologicus.

⁸ Archiv für angewandte Soziologie.

Многочисленные научные периодические издания принимали к публикации социологические работы. В их числе: «Журнал социального исследования»¹, «Архив социальной науки и социальной политики»² и «Ежегодник Шмоллера»³.

Активизировалась деятельность Немецкого социологического общества, президентом которого в 1921 г. стал Ф. Теннис. С 1922 г. по 1930 гг. в разных городах Германии состоялось пять конгрессов этого общества.

Однако, несмотря на достижения 20-х гг. прошлого столетия, которые позволили преодолеть жесткую конкуренцию отдельных социологов в пользу плодотворной концентрации групп соперничающих теоретиков, социологическая среда оставалась раздробленной. Между социологами не было ничего, что бы походило на солидарность лиц, связанных тесными узлами единой дисциплины. Некоторые разрабатывали свой индивидуальный язык, чтобы никто другой не смог его понять; как правило, монологами отвечали на монологи.

Как отмечают специалисты, «... в Германии не было социологии, а были только социологи. Так как каждый из них хотел быть оригинальным, все они становились маргиналами. Среди методов, разработанных для устранения очевидных конкурентов, рабское подражание их стилю аргументации стало настоящей модой. Антимарксисты разоблачали классовую принадлежность своих противников, сторонники формальной социологии презирали социологию знания, подчеркивая, например, что творчество Карла Мангейма однажды останется популярным только в романтической среде Хайдельберга, расположенной к неясности аргументации, чрезмерности диалектических тонкостей и возвышенным идеям. Симпозиумы Немецкого социологического общества полностью подтверждали так называемый закон Геринга, согласно которому адепты какой-либо дисциплины всегда особенно неуспешны в том, что принадлежит именно к области их компетенции: историки забывают прошлое, психологам не удается побороть свои эмоции, экономисты сами ставят под угрозу бюджет, а социологи неспособны организовать свои социальные отношения»⁴.

Тем не менее на протяжении всего межвоенного периода в Германии сохранялись стремление к теоретическому осмыслению и развитию научного наследия крупнейших немецких социологов и тяготение к конструированию всеобъемлющих социологических схем. Однако в трудах исследователей трудно было усмотреть «единую» социологию, поскольку в ней преобладали личности, глубокая двойственность целей и предметов которых часто делала трудным различение не только между социологами и философами, но даже социологами и идеологами. Так, Ханс Фрайер или Отмар Шпанн прославились скорее своими доктринарскими спекуляциями в пользу восходящей идеологии фашизма, а Франц Оппенхеймер, который открыл в 1919 г. в Франкфурте первую кафедру социологии в Германии, выступлениями против нее.

После смерти Г. Зиммеля в 1918 г. и М. Вебера в 1920 г. ведущим социологом в этой стране оставался Фердинанд Теннис (Ferdinand Tönnis) (1855 – 1936).

¹ Zeitschrift für Sozialforschung.

² Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik.

³ Schmollers Jahrbuch.

⁴ Lepenies W. Les Trois Cultures. Entre Science et Littérature l'Avènement de la Sociologie. Paris: Maison des Sciences de l'Homme, 1990. Цит. по: Cuij Ch., Gresle F. Histoire de la Sociologie. Paris: Edition La Découverte, 1992. Tome 2: depuis 1918. P. 17.

В начале 1920-х гг. Ф. Теннис вернулся на почетную должность заведующего кафедрой социологии университета Киля, оставаясь высокопродуктивным и влиятельным в своей области исследователем.

С 1925 по 1931 гг. он опубликовал такие фундаментальные работы как «Социологические исследования и критика»¹ и «Введение в социологию». Одновременно он возобновил эмпирические исследования преступности в Шлезвиг-Гольштейне: в 1926, 1927 и 1929 гг. провел монографические исследования состояния преступности, а также статистико-социологическое исследование самоубийств². Сознывая исключительное значение этих проблем для Германии, Теннис заканчивал публикации результатов своих исследований выводами о необходимости учреждения морально-статистических, или социографических лабораторий. Эти лаборатории, финансируемые правительством, должны были обеспечить научное изучение морально значимых фактов социальной жизни, таких как преступления, самоубийства, проституция, алкоголизм, подростково-юношеские отклонения³.

Теннис полагал, что в подобных научных социографических лабораториях будут совместно работать специалисты различных профессий — социологи, статистики, медики, священники, учителя, образованные дамы и представители привилегированных слоев общества. Но его предложения не встретили отклика со стороны властей Веймарской республики⁴.

Всю свою жизнь Теннис был энтузиастом логически правильных теоретических концепций и статистически точных социографических исследований. Однако большая и продуктивная творческая деятельность Тенниса не привела к возникновению его научной школы⁵.

Яркой фигурой в немецкой социологии оставался активный организатор социологической науки Леопольд фон Визе (Leopold von Wiese) (1876 — 1969). Именно Л. фон Визе считают настоящим последователем Г. Зиммеля и самым значительным «систематическим» теоретиком среди своего поколения социологов. На своей кафедре экономики, созданной в 1919 г. в городе Колонь, он преподавал теорию социального — как совокупности отношений между индивидами, кристаллизация которой производит основные «формы» всего видимого феномена.

Между мировыми войнами фон Визе опубликовал фундаментальный труд под названием «Система общей социологии»⁶, который в 1932 г. был переведен на английский язык. Он отказывался, как и его учитель Г. Зиммель, от «реалистической» концепции социального. Объектом социологии он считал изучение процессов, которые объединяют или разъединяют и противопоставляют индивидов как группы. Эти процессы могут анализироваться как продукты индивидуальной установки, сам результат наследственных склонностей (Н) и прошлых опытов актора (Е), а также ситуации, образованной естественной средой (М) и поведением других акторов, согласно формуле: $P = (H \times E) \times [M \times (H \times E)]$ ⁷. Таким образом, социология занимает промежуточ-

¹ Tonnies F. Soziologische Studien und Kritiken. Jena: Fisher, 1929.

² Tonnies F. Das Verbrechertum in Schleswig-Holstein. I, II, III // Archiv für Socialwissenschaft und Sozialpolitik. 1924. Bd. 52; 1927. Bd. 58; 1929. Bd. 61.

³ Tonnies F. Statistik und Soziographie // Allgemeiner Staatlicher Archiv. 1928. Bd. 18.

⁴ Ланян Н.И. Эмпирическая социология в Западной Европе. М.: ГУ ВШЭ, 2004. С. 131.

⁵ Scott J. Ferdinand Tonnies // Fifty Key Sociologists: The Formative Theorists / J. Scott (ed.). London and New York, Routledge, 2007. P. 183.

⁶ Wiese L. von. System der Allgemeine Soziologie (1924—1929).

⁷ Wiese L. von. System der Allgemeine Soziologie (1924—1929).

ный статус между «науками о духе» и «естественными науками». Принимая индифферента за единицу эмпирического исследования, Л. фон Визе придал своей схеме оригинальную позитивистскую ориентацию, которая сопровождалась намеками на эмпирическое исследование и практическое применение в рамках теории организации¹.

Еще один известный немецкий ученый Вернер Зомбарт (Werner Sombart) (1863—1941) трактовал социологию в духе М. Вебера.

Под социологией в самом широком смысле слова В. Зомбарт понимал «всякого рода познание человеческого общежития, то есть человеческой культуры или истории человечества, поскольку эта история рассматривается с точки зрения социальности, то есть как события, составившиеся из поступков, определяемых чужим поведением или вытекающих из чужого поведения, иначе говоря, установление того, что было, есть или будет, без рассмотрения того, что должно быть, то есть всякого рода политики»².

В этих обширнейших границах социология, по его мнению, включает в себе две существенно различающиеся между собой дисциплины: философскую и научную социологию.

Философская социология равнозначна философии истории. К этой философской социологии «относится всякое учение об обществе, переходящее за границы опыта, как-то: всякого рода теории о «принципах развития человечества», о «сущности» того или иного явления культуры, об «определяющих историю факторах» ... и тому подобные теории, на которых лежит мета-историческая печать»³.

Научной социологией или социологией в узком смысле слова Зомбарт называл «систематическую опытную науку о человеческом общежитии»⁴.

Эта опытная наука о человеческом общежитии существует наряду с историей, и объект опыта для нее, конечно, тот же, что и для истории. Однако разграничение между ними легко сделать вследствие различного подхода к объекту. Исторический подход — это подход к единичному, однократному, социологический же — к повторяющемуся, то есть к типическому: отсюда — систематичность этой науки⁵.

Он подчеркивал, что имеются два резко противоположных друг другу понимания социологии, предопределившие, соответственно, два течения. Их коренное различие и является источником всех тех разногласий, которые раздрают ныне представителей социологии.

Одно течение он назвал психологической социологией, а другое социологической социологией. Первая построена на науке о душе, а другая является наукой о духе.

Психологическая социология «стремится понять человеческую культуру, как совокупность душевных процессов отдельных индивидуумов, находящихся между собой во взаимодействии, и пытается разложить этот комплекс душевных процессов на конечные, простейшие, основные факты душевной жизни»⁶. Но эти конечные основные факты — это чувства, инстинкты, склонности, так что человеческое общество кажется им «сплетением склонностей».

¹ Wiese L. Sociologie: Geschichte und Hauptproblem. 1926.

² Зомбарт В. Социология. Пер. с нем. 2-е изд., стер. М.: Издательство УРСС, 2003. С. 6—7.

³ Там же. С. 7.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 8.

⁶ Там же.

Но тем самым они ставят человеческую культуру в тесную связь с внешней природой, в которой действуют те же побудительные силы, что и в человечестве [излюбленные аналогии с животными «обществами», само собой разумеющееся происхождение человечества из животного царства!], и рассматривают историю, как естественный процесс, подчиняющийся, в конечном счете, тем же «законам», как и вся вселенная. Это направление можно назвать поэтому и *натуралистической социологией*¹.

В таком натуралистическом образе социология впервые проложила себе путь в качестве самостоятельной науки, освободившись путем психологической постановки вопроса от естественно-правовых взглядов на человеческое общежитие. Это направление социологической науки и до сегодняшнего дня осталось «господствующим»: французские, английские, итальянские и американские социологи безоговорочно примыкают к нему, так что натуралистическую социологию можно назвать также «западной» социологией.

Хотя среди немецких социологов, вернее, среди социологов, пишущих на немецком языке, это течение имеет многочисленных сторонников, именно в Германии оно нашло и самых ожесточенных противников.

Согласно В. Зомбарту, вполне мыслима социология, которая избегает ошибок натуралистической социологии, ориентируясь на науки о духе (*geistwissenschaftlich*). Но для этого, прежде всего требуется, чтобы она сделала предметом своего рассмотрения духовное как таковое, не претендуя на то, чтобы его «разложить» или из него что-либо «вывести»; но, с другой стороны, чтобы она признала выдающееся значение социальных отношений и всякого рода духовных зависимостей и высоко ставила исследование таковых. Если великой проблемой истории является: как дух становится душой, то задачей социологии, основанной на науке о духе, будет — изобразить этот процесс, как общественный, то есть, как относительный феномен в его типических формах. Итак, цель, которую ставит себе эта ноологическая социология, отлична от цели господствующей натуралистической социологии, и тем самым отличны и пути, по которым им надлежит идти².

В. Зомбарт предостерегал от отождествления изображенной им противоположности между психологической (западной) и ноологической (немецкой) социологией с «противоположением» материальной и формальной социологии. Очевидно, противопоставить друг другу можно лишь теорию и эмпирию. Все, что называют формальной социологией, есть не что иное, как выставление теоретических возможностей общественных отношений; напротив, под материальной социологией понимают осуществление таковых возможностей в истории. В данной связи следовало бы совершенно отказаться от противопоставления формальной социологии материальной и поставить на это место другое противопоставление: теоретическая и эмпирическая социология, дополняя эту антитезу еще одною: общая и специальная социология.

Тогда понять разницу в существе между психологической и ноологической социологией можно лучше всего, если выяснить их различное отношение к обеим этим парам антитез.

Оба направления социологии ведут к теории и к эмпирии, оба распадаются на общую и специальную социологию. Но смысл тут различный. При

¹ Зомбарт В. Социология. С. 8.

² Там же. С. 10.

обоих методах исследования теоретическая социология может быть общей; это значит, что и в одной и в другой социологии могут быть вырабатываемы теоретические построения всякого рода возможностей для отдельных областей культуры и для всех общественных отношений. И ноологическая социология признает подобные общие понятия (как власть, господство и т. д.), и посвящает себя выработке соответственных определений: она выводит их путем абстракции из отношений внутри отдельных культурных кругов. В ноологической социологии уже при теоретическом исследовании придается гораздо большее значение специальным отношениям. Но эта склонность ноологической социологии к специальному становится в области эмпирии исключительным ограничением, специальным. В этом и лежит самое важное различие между обоими направлениями.

Ноологическая социология не знает и не может знать общей эмпирии. В то время как психологическая социология ставит именно своей задачей доказать развитие всякой культуры из элементарных душевных феноменов, ноологическая социология далека от такой смелости. Ибо она не признает предпосылки подобного метода исследования: возможности свести к единству всякую культуру. Имея собственным своим объектом обобществление духа, она должна при всякой эмпирии, т. е. при объяснении любого исторического события, подвергать особому исследованию отдельные области культуры, в которых вещественно проявляется дух. В опыте нет какого-либо общего духа, есть лишь дух в специальных областях: религии, государстве, церкви и т. д.; но ни одну область духа нельзя вывести из другой, а тем менее — все из одной. Поэтому, поскольку речь идет об опытной науке, необходимо ограничиться специальным рассмотрением отдельных областей культуры, предоставив синтез философии¹.

Таково «в существенных чертах усовершенствованное немецкое понимание сущности и задачи социологии: в соответствии с этим немецкие исследователи обладают лучшими социологическими работами в виде монографий по отдельным областям культуры: религии, праву, хозяйству и т. д. и лишь незначительным числом сколько-нибудь годных общих социологий, которыми кишмя кишит Запад», — заключал В. Зомбарт.

Попытка дальнейшего проникновения в суть социологических проблем была проведена В. Зомбартом в его работе, посвященной исследованию классового сознания в капиталистическом обществе².

Проблемами систематизации социологического знания продолжал заниматься основатель Немецкого социологического общества Альфред Фиркандт (*Vierkandt Alfred*) (1867 — 1953), который после Первой мировой войны опирался на философско-биологическую теорию целостности и феноменологию Э. Гуссерля.

Вслед за Г. Зиммелем А. Фиркандт ставил перед социологией задачу интуитивно определять «чистые сущности социального», независимые от исторического изменения. При этом он отказывался сводить социальное к взаимодействию элементов и предпочитал видеть его сущность не в самой группе, а в «социальных диспозициях» (таких как склонность к подчинению или поиску признания другими), которые индивид осуществляет в группе. По

¹ Зомбарт В. Социология. С. 11.

² *Husbands C. Werner Sombart // Fifty Key Sociologists: The Formative Theorists / J. Scott (ed.). London and New York, Routledge, 2007. P. 160.*

А. Фирканду, эти диспозиции являются социализированными инстинктами, принимающими различные исторические облики, и, таким образом, могут быть охвачены только феноменологией, единственно способной постичь их сущность. Фактически, социальные отношения возникают не из материальных условий, а из союза душ, который в полной мере выражается только в «общности», идеальной форме социальной организации.

Смягчая дихотомию Ф. Тенниса, А. Фиркандт предпочитал сравнивать общество и общность как экстремумы континуума, вдоль которого распределяются конкретные организации общества¹. В 1931 г. им был издан «Словарь по социологии»², дающий представление о состоянии немецкой социологии того времени.

В этот период в область социологии, истории и культуры также переместился центр научных интересов немецкого социального философа и экономиста **Альфреда Вебера (Alfred Weber)** (1868 — 1958) (младшего брата М. Вебера). Так, в 1927 г. увидел свет его труд «Идеи социологии государства и культуры»³, а в 1935 г. — «История культуры как социология культуры»⁴.

Этот исследователь, испытывая влияние Освальда Шпенглера, пытался создать науку об историческом мире, которой должна стать социология истории: «философия истории, ограничивающаяся исследованием эмпирически постижимого и его значимых связей»⁵. В качестве цели своей социологии он рассматривал анализ истории, предлагающий выделение социальной структуры всемирно-исторических народов в качестве основополагающей схемы. Определенное место в этой схеме он отводил «генерализирующей» тенденции цивилизации, с одной стороны, и индивидуализирующей тенденции культуры — с другой стороны.

В 1919 г. на кафедру философии и социологии университета Кельна был приглашен активный публицист и известный профессор **Макс Шеллер (Max Scheler)** (1874 — 1928).

Там же, несколько позднее, при участии мэра Кельна Конрада Аданауэра, был создан Институт научных исследований. Этот институт должен был заниматься «социальной проблематикой» (социальной политикой, экономической политикой и социальным законодательством), отвечавшей соответственно интересам трех «веймарских» партий — католической, либеральной и социал-демократической.

Фактически, институт был сформирован двумя ключевыми назначениями: первым назначенцем был Л. фон Визо, выдвинутый либералами, а вторым — М. Шеллер, кандидат от католиков. Шеллер привлек к исследованиям в этом институте немало студентов, основным интересом которых служили скорее социальные исследования, нежели философские вопросы, преобладающие в трудах учителя. Этот факт во многом помогает объяснить развитие собственно социологических взглядов Шеллера, которые он изложил в своей работе «Формы знания и общество»⁶, опубликованной в 1926 г.

В ней он отмечал, что «... социология знания ... должна выслеживать законы и ритмы нисходящего потока знания с вершины общества (например,

¹ Vierkandt A. Gesellschaftslehre. 1922.

² Vierkandt A. Handwörterbuch der Sociologie. 1931.

³ Weber A. Ideen zur Staats und Kultursoziologie. Leiden, 1927.

⁴ Weber A. Kulturgeschichte als Kultursoziologie. Leiden, 1935.

⁵ Ibid. S. 2.

⁶ Scheler M. Die Wissensformen und die Gesellschaft. 1926.

интеллектуальных элит) и определять способ его распространения в различных группах и странах ... а также методы, которыми общество организует это распространение — частично посредством институтов для передачи знания, например, школам и газетам, частично барьерами для него, такими как тайны, показатели, цензура, и запретами на определенные виды знания для некоторых каст, сословий или классов»¹.

Таким образом, под эгидой философии М. Шеллера (а также Карла Мангейма, переехавшего из Гейдельберга во Франкфурт) в Германии зародилась социология знания.

В период между мировыми войнами начали свое социологическое творчество те молодые немецкие социологи, которые получили всемирную известность уже после Второй мировой войны. Одним из них был **Норберт Элиас (Norbert Elias)** (1897 — 1990).

Норберт Элиас (Norbert Elias) родился в еврейской семье, в польском городе Бреслау, входившем тогда в состав Германии. Во время Первой мировой войны он служил солдатом, а затем занимался изучением медицины и философии, и в 1922 г. получил высшее образование с докторской степенью по философии. Потом Н. Элиас переехал в город Гейдельберг, где работал с А. Вебером, а затем, в 1929 г. стал ассистентом К. Мангейма во Франкфурте. Приход к власти нацистов заставил его в 1933 г. бежать в Париж. В 1935 г. он обосновался в Великобритании и стал заниматься научно-исследовательской работой в Лондонской школе экономики. В 1954 г. он стал доцентом Лестерского университета, позже преподавал в Гане, Франкфурте, Билефельде и Амстердаме.

Первой работой Н. Элиаса, законченной в 1930-х гг., но долго не издававшейся, стала «Придворное общество», в которой он исследовал социальное давление на «придворную аристократию» во времена Людовика XIV. Он поставил рациональность аристократии, в которой высокое положение и престиж определяли расходы, в противоположность экономической рациональности буржуазии, где потребление было подчинено доходу. Такой анализ аристократического общества явился продолжением идей М. Вебера об инструментальных и рациональных ценностях.

Идеи основателей социологии — К. Маркса, К. Мангейма, М. Вебера, Г. Зиммеля и Э. Фрейда, стояли в центре и другой его работы «О процессе цивилизации». На их основе он провел исследование психологических и поведенческих преобразований среди светских высших сословий на Западе и попытался ответить на вопрос: Как получилось, что определенные классы в развивающихся государствах Западной Европы столь «разумно задумались о себе», что это стало общественным знаком отличия западного превосходства над незападными культурами?²

В конце 20-х гг. прошлого века началось формирование научных взглядов молодых ученых, составивших затем довольно сплоченный научный коллектив — Франкфуртскую школу. А именно — М. Хоркхаймера (1895—1973) и его ближайших сотрудников тех лет, теоретиков Социал-демократической

¹ Цит. по: Meja V, Kettler D. Scheler Max // Fifty Key Sociologists: The Formative Theorists / J. Scott (ed.). London and New York, Routledge, 2007. P. 143—145.

² Elias Norbert // Fifty Key Sociologists: The Formative Theorists / J. Scott (ed.). London and New York, Routledge, 2007.

партии Германии — Т. В. Адорно (1903–1969), Ф. Поллоха (1894–1970), Г. Маркузе (1898–1979) и Э. Фромма (1900–1980).

Данные исследователи, став для Правительства Веймарской республики приемлемой силой для предотвращения социалистической революции, были допущены на некоторые кафедры немецких университетов. Так, в 1923 г. возник Институт социальных исследований при университете во Франкфурте-на-Майне во главе с известным теоретиком австро-марксизма Карлом Грюнбергом. Этот исследователь переехал из Вены во Франкфурт-на-Майне и возглавлял Институт социальных исследований с 1923 по 1927 гг.¹ Одновременно он являлся издателем специализированного журнала — «Архива по истории социализма и рабочего движения»².

В 20-е гг. в этом журнале, выходившем в Вене, наряду с публикациями работ Э. Бернштейна, М. Адлера, К. Корша, документов К. Маркса и Ф. Энгельса появились и некоторые первые работы М. Хоркхаймера и Ф. Поллоха. Последний, будучи сотрудником этого Института, в 1926–1927 гг. ездил в научную командировку в СССР и затем опубликовал большую монографию о первом десятилетии исторического опыта создания планового социалистического хозяйства (1917–1927 гг.)³.

В 1930 г. руководство Институтом социальных исследований взял на себя Макс Хоркхаймер (Max Horkheimer) (1895–1973), а с опубликованием им программной декларации⁴ в качестве нового руководителя института формально началась история создания Франкфуртской школы в социологии. М. Хоркхаймер основал теоретический орган своего института — «Журнал социальных исследований»⁵, первый номер которого вышел в Германии еще в 1932 г., незадолго до прихода к власти национал-социалистов.

Вокруг нового руководителя, который имел высшее философское образование и в 1925 г. защитил диссертацию, посвященную работе И. Канта «Критика способности суждения», сгруппировались научные сотрудники этого института, которые по образованию и профессии были философами — Г. Маркузе и В. Райх. Затем к ним присоединились и другие ученые — Эрих Фромм, Лео Лёвенталь, Карл Корш, Вальтер Веньямин.

Угроза прихода к власти нацистов вскоре заставила М. Хоркхаймера предсудительно вывезти за пределы Германии архив, библиотеку и основных сотрудников своего института — сначала в Женеву, затем — в Париж, и, наконец, в США (Колумбийский университет), где и получила развитие их критическая теория, послужившая основой методологии Франкфуртской школы.

Эта критическая теория Франкфуртской школы представляла собой попытку группы либеральных философов-эмигрантов осмыслить крах Веймарской республики в Германии и установление фашистской диктатуры. Критике идеологии фашизма были посвящены статьи М. Хоркхаймера «Замечания к философской антропологии» (1935), Г. Маркузе «Борьба против

¹ Социальная философия Франкфуртской школы (Критический очерк). М.: Изд-во Мысль, 1975. С. 11.

² Archiv für die Geschichte des Sozialismus und der Arbeiterbewegung / von H. Grunberg (Hrsg.). Wien, 1911–1930.

³ Pollock F. Die Planwirtschaftlichen Versuche in der Sowjetunion: 1917–1927. Verlag von Ch. Hirschler, Leipzig, 1929.

⁴ Horkheimer M. Die gegenwärtige Lage der Socialphilosophie und die Aufgaben eines Institutes für Socialforschung. Frankfurt a. M., 1931.

⁵ Die Zeitschrift für Sozialforschung, 1932–1939.

либерализма и тоталитарной теории государства» (1934) и другие. Глубокое разочарование в традициях западного буржуазного либерализма и гуманизма, неверие в революционные возможности рабочего класса нашли отражение в умах этих представителей интеллигенции, изгнанных из Германии¹.

В Веймарскую эпоху в Германии также проводились эмпирические социальные исследования, которые претендовали на определенную автономию по отношению к «теоретическим спекуляциям». Так, в 1925 г. были опубликованы результаты переписи профессий, которые предоставляли хорошую статистическую базу для важнейших исследований, посвященных рабочему классу², так называемым «новым средним классам», их социальному статусу и идеологии³.

Новаторским направлением стало изучение социальной мобильности и социальной стратификации⁴.

Наиболее весомые результаты в данной области были получены профессором социологии в Высшей технической школе Брауншвейга Теодором Гейгером (Theodor Geiger) (1891–1952), которого впоследствии назовут одним из наиболее способных немецких социологов догитлеровской эпохи⁵. Они нашли отражение в работе «Масса и ее действие»⁶ и в монографии «Социальное расслоение немецкого народа. Опыт социологии на основе статистики»⁷. В предисловии к этой книге Т. Гейгер охарактеризовал позицию «точной социологии», опирающейся на количественные, статистические данные, которые он разделял.

«Социология хочет описать сегодняшнее общество или общество прошлого. Она устанавливает факты, характеризует их по их свойствам, признакам, значению. Она типизирует. Ее типы — это сравнение или нормальные типы. Идеальные типы социологии оставляет общей теоретической социологии. Статистика нужна ей, чтобы определить количественный вес найденных и описанных типов, отдать самой себе отчет в относительной важности собранных фактов.

Этому служит статистика и в данном исследовании. Установление признаков, значимых для классового расслоения народа или рядов признаков — дело социологической интерпретации действительности. То же самое и отображение функции классов в динамике общества. Однако к знаменателю под знаком деления нужен еще и числитель над ним — его ставит статистика.

Я бы хотел, чтобы это исследование было воспринято так: оно должно на конкретном примере показать значение и границы статистического метода в точной социологии»⁸.

¹ Социальная философия Франкфуртской школы (Критический очерк). С. 20–21.

² Woldt R. Die Lebenswelt des Industriearbeiters, 1926; Jost W. Das Sozialleben des Industrielien Betriebes, 1932.

³ Kracauer S. Soziologie als Wissenschaft, 1922; Kracauer S. Die Angestellten, 1930; Dreyfuss K. Beruf und Ideologie der Angestellten, 1933.

⁴ Milson H. Familienchicksal und soziale Rangordnung, 1928.

⁵ Мильмон В. Э. Социология в Германии: новая расстановка сил // Современная социологическая теория в ее преемственности и изменениях / Г. Беккер, А. Вокков (сост.-ред.); Пер. с англ. М., 1961. С. 749.

⁶ Geiger Th. Die Mass und Ihre Aktion, 1926.

⁷ Geiger Th. Die Soziale Schichtung des Deutschen Volkes. Soziografischer Versuch auf statistischer Grundlage. Stuttgart: Ferdinand Enke Verlag, 1932.

⁸ Geiger Th. Die Soziale Schichtung des Deutschen Volkes. Soziografischer Versuch auf statistischer Grundlage. Stuttgart: Ferdinand Enke Verlag, 1932 (Soziologische

В данной работе Т. Гейгер также обосновывал схему расслоения немецкого общества на пять слоев, которые представлены «капиталистами», средними и мелкими предпринимателями, индивидуально хозяйствующими работниками, рабочими и чиновниками высокой квалификации, рабочими и чиновниками более низкой квалификации.

Он отмечал, что при характеристике немецкого общества обычно используется его экономическая дифференциация на три слоя: капиталистический, средний, пролетарский. Но эта классификация слишком груба для социологической оценки. Социологическая, более «глубокая классификация» учитывает не только экономическое положение, но и менталитет социальных слоев. Тогда становится ясно, что в «среднем слое» объединены не менее двух слоев, различающихся по доходам и менталитету. В свою очередь население, получающее заработную плату, также разделяется на две части. Эти части обоих слоев перекрестно объединяются в новые блоки, в итоге и возникает схема расслоения общества на пять слоев¹.

Немецкие социологи данного периода проводили эмпирические исследования по политической социологии, социологии культуры, включая социологию знания, и ряду других актуальных проблем.

Приход в Германии к власти национал-социалистов положил конец созидательному периоду в немецкой социологии. В 1933 г. был уволен со своей университетской должности Ф. Тённис, в 1934 г. на пенсию с запрещением читать лекции был отправлен А. Фиркандт. Многие другие социологи еврейского происхождения или социалистической ориентации потеряли работу.

Нацисты закрыли социологические журналы и научные учреждения социологического профиля. В 1934 г., под идеологическим диктатом Третьего рейха, состоялся последний конгресс Немецкого социологического общества, на котором оно было распущено. В Европу, еще не занятую фашистами, и в США эмигрировало более двух третей немецких социологов — М. Хоркхаймер, Т. Адорно, Г. Маркузе, Э. Фромм, Т. Гейгер, Э. Ледерер, Н. Элиас и др. К ним присоединились представители других социальных наук (Й. Шумпетер, Х. Плеснер, Р. Кениг).

Многие из ученых, оставшихся в Германии, перенесли свои научные интересы в политически нейтральные области: этнологию, фольклор, социальную географию². Те же, кто оставался верен социологии, за исключением «открытых режиму исследователей», таких как Ганс Фрайер и Гюнтер Ипсен, подвергались гонениям, хотя социология и не была запрещена как таковая. «Социальное знание» просто было поставлено на службу Третьему рейху.

Так, в самой Германии в нацистских кругах все большую популярность стали приобретать концепции, поддерживающие постулаты нацистов об исключительности и превосходстве немецкой нации. Примером одной из них служит концепция создателя так называемой «нордической науки» австрийца Г. Гербигера (1860 — 1931), в рамках которой были найдены и «научно» обоснованы истоки

Gegenwartsfragen. Heft 1). S. II — IV; Цит. по: Лалин Н.И. Эмпирическая социология в Западной Европе. М.: ГУ ВШЭ, 2004. С. 134.

¹ Лалин Н.И. Эмпирическая социология в Западной Европе. С. 134 — 135.

² Миддман В.Э. Социология в Германии: новая расстановка сил // Современная социологическая теория в ее преемственности и изменении / Г. Беккер, А. Босков (сост. ред.). Пер. с англ. М., 1961. С. 771.

арийской расы, которая будто бы сохранила первозданную чистоту для того, чтобы господствовать над миром.

Учение Г. Гербигера произвольно заимствовало элементы из концепции «сильной личности» Ф. Ницше (1844 — 1900), воззрений У. фон Гуттена (1488 — 1523), И. Гердера (1744 — 1803), доктринальных установок Е. Дюринга (1833 — 1921), теории «национального социализма» Р. Юнга (1882 — 1945) и других построений. В то же время оно было тесно переплетено с языческими культами древних германцев, мифологией Р. Вагнера (1813 — 1883), и даже со сказками братьев Гримм (Якоб — 1785 — 1863, Вильгельм — 1786 — 1859)¹.

Видимость «научности» этому учению придавала космологическая теория «вечного льда», впервые изложенная в книге Г. Гербигера «Учение о мировом льде»². Эта теория базировалась на архетипах древнегерманской мифологии о вечной борьбе огня и льда и состояла в том, что Вселенная родилась из большого куска льда. Землю изначально окружали четыре Луны, три из которых позднее упали на Землю. Первая из этих Лун, незадолго до падения, приближаясь, своим гравитационным приливом породила расу гигантов. Это была высшая раса — провозвестник грядущего.

Согласно Г. Гербигеру, представители этой высшей — арийской расы обладают особыми свойствами и наделены специальными психическими органами, позволяющими им поддерживать контакт с космосом. Представители низших рас (к таковым «нордическая наука» относилась, в первую очередь, цыган, славян и евреев) — «деграданты», которые являются лишь подобием человека.

Собственно история немецкой социологии, как утверждают исследователи, получила продолжение в Соединенных штатах Америки³.

Первоисточники для изучения:

- Бугле С. Эгалитаризм. Идеи равенства / Пер. с фр. под ред. И.К. Брусилковского. Одесса: В. Распопов, 1904.
- Вебер А. Избранное: Кризис Европейской культуры / Пер. с нем. М.И. Левина и Т.Е. Егорова. СПб.: Университетская книга, 1999.
- Мосс М. Очерк о даре. Форма и основание обмена в архаических обществах // Мосс М. Общества. Обмен. Личность / Пер. с фр., послесл. и коммент. А.Б. Гофмана. М.: Наука, 1996.
- Мосс М. Социальные функции священного / Пер. с фр. под ред. И.В. Утехина. СПб.: Евразия, 2000.
- Норберт Э. Придворное общество: Исследования по социологии короля и придворной аристократии / Пер. с нем. А.П. Кухтенкова и др. М.: Язык славянской культуры, 2002.
- Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс // Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс: Сборник. Пер. с исп. М.: ООО «Издательство АСТ», 2003.
- Ортега-и-Гассет Х. Дегуманизация искусства // Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс: Сборник. Пер. с исп. М.: ООО «Издательство АСТ», 2003.

¹ См. подробнее: Востриков С.В. Дьявольская кухня нацизма // Социологические исследования. 2005. № 5.

² Horbiger H. Weltislehre, 1913.

³ Guin Ch., Gessle F. Histoire de la Sociologie. Paris: Edition La Decouverte, 1992. Tome 2: depuis 1918. P. 26.

Фрайер Х. Революция справа / Пер. с нем. Ю.Ю. Коринца; Под ред. В.М. Скура-това. М.: Практикс, 2009.

Хальбвакс М. Религиозная морфология (1935) // Хальбвакс М. Социальные классы и морфология / Пер. с фр. А.Т. Бибкова, Н.А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб: Алетейя, 2000.

Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / Пер. с фр. и вступит. ст. С.Н. Зенкина. М.: Новое издательство, 2007.

Хальбвакс М. Теория и метод // Хальбвакс М. Социальные классы и морфология / Пер. с фр. А.Т. Бибкова, Н.А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб: Алетейя, 2000. С. 291 – 424.

1.2. Социология в Соединенных Штатах Америки

Важнейшим компонентом развития американской социологии в XX в. являлось наследие, оставленное первыми теоретиками и практиками американской социологии — *У. Самнером, А. Смоллом, Л. Уордом и Ф. Гиддингсом*.

Социология представлялась ранним американским социологам наукой, изучающей общество как особую организацию, связанную органическими узлами во всех своих частях, а методологической основой общества служил эволюционизм. В его основе лежала идея линейно направленного прогресса, продолжающегося постоянно и постепенно, проходящего через различные стадии, ни одна из которых не может быть пропущена. Какой бы вопрос или тему не обсуждали социологи, они неизменно выходили на проблему специфики сознательно-преобразовательной деятельности человека, тем самым актуализируя гуманистический подход к оценке социального прогресса. Вместе с тем для них была характерна идеализация сущности социального прогресса, недооценка противоречивости его проявлений, абсолютизация поступательного и необратимого характера в современную им эпоху¹.

Однако социально-исторические события второго десятилетия прошлого столетия подорвали основания оптимистической веры ученых США как в неизбежность социального прогресса, так и в способность науки выработать программы социального усовершенствования. Соответственно, американская социология вступила в новую фазу своего развития.

Разочарования, вызванные Первой Мировой войной, утверждение социализма в России, экономический кризис 1929 г., а затем серьезная дезорганизация и «аномия» самого американского общества способствовали разрушению доверия к эволюционизму. Человеческое поведение уже казалось не таким рациональным, а моральный прогресс общества зависимым от необходимого прогресса знания. Американский прагматизм, развитый такими американскими философами-прагматиками, как Ч. Пирс, Дж. Дьюи и У. Джеймс, вынуждал социологов отказаться от традиции построения больших теоретических систем для разработки настоящего «позитивного» знания — то есть полностью свободного от политических и общественных идеологий, основанного на индуктивном эмпирическом исследовании и имеющего целью непосредственное практическое приложение в обществе. В первое время их усилия были больше направлены на изучение социальных изменений, тех дисфункций, которые они повлекли за собой, и на терапию «социальных про-

¹ Бурганова Л.А. Ранняя американская социология: поиски теории социального порядка и прогресса. М.: Изд-во ИИИЦ «Эльф-3», 2005. С. 30.

блем», чем на понимание основных принципов функционирования и эволюции социальной системы¹.

Послевоенный период характеризовался наряду с ростом промышленности подъемом духовной культуры и национального самосознания населения США. В данной связи большое место в рамках многочисленных исследований уделялось анализу процесса социализации различных социальных групп, адаптации к новым для людей культурным и социальным условиям, вызванным индустриализацией и урбанизацией².

Характерной чертой американской социологии стал «господствующий эмпиризм», в рамках которого каждая социальная проблема стала изучаться отдельно, — начиная от сбора конкретных фактов до попыток теоретически интерпретировать их. Фактически открыто проявилось желание порвать с социально-философским и чисто спекулятивным прошлым социологической дисциплины. При этом финансовая поддержка, которую семья Рокфеллеров оказывала социологии до начала 30-х гг. через такие учреждения, как Совет по исследованиям в социальных науках и Институт социальных и религиозных исследований, являлась определяющей в направлении ее развития³.

В 20 – 30-е гг. прошлого века основным организационным местоположением профессиональных социологов оставался мир академической науки — университеты и колледжи страны, причем главным образом их гуманитарные и естественнонаучные факультеты. Особое место в нем занимали *Чикагский, Колумбийский и Гарвардский университеты*.

1.2.1. Социология в Чикагском университете

Крупнейшим центром социологической науки в США, как и прежде, был Чикагский университет⁴, особенно его социологический факультет⁵, с деятельностью которого традиционно связывался быстрый рост интереса к социологии в академических кругах США. Первая треть XX в. вошла в историю социологии расцветом этой науки в Чикагском университете, чему способствовала уникальная интеллектуальная атмосфера, которая сложилась там благодаря небывалому сосредоточению выдающихся личностей.

Так, вскоре после основания Чикагского университета, с 1894 г. на его философском факультете преподавать Джордж Герберт Мид (*George Herbert Mead*) (1863 – 1931), который оставался там до самой смерти.

Будучи философом, Дж.Г. Мид вел курс социальной психологии на философском факультете, посещаемый многими аспирантами-социологами, среди которых был Герберт Блаумер. Для некоторых из них его лекции стали «уникальным и незабываемым опытом ... они всегда приходили на занятия. Мид никогда им не надоедал»⁶. Эти студенты на основании записей лекций

¹ Ogburn W.F. Social Change with Respect to Culture and Original Nature. 1922.

² Бурганова Л.А. Ранняя американская социология: поиски теории социального порядка и прогресса. М.: Изд-во ИИИЦ «Эльф-3», 2005. С. 299.

³ См. об этом: Herpin N. Les Sociologues Américains et le Siècle. Paris: PUF, 1973.

⁴ Чикагский университет был открыт в городе Чикаго (США) в 1890 г.

⁵ Социологический факультет, открытый в Чикагском университете в 1892 г., являлся первым специализированным на социологии факультетом в мире. Его возглавил видный американский социолог Альбион Смолл.

⁶ Cottrell L.S. George Herbert Mead: The Legacy of Social Behaviorism // R.K. Merton, M.W. Riley (eds). Sociological Tradition from Generation to Generation: glimpses of the American Experience. Norwood, N. J.: Ablex, 1980. P. 49 – 50.

Дж. Мида опубликовали посмертное издание под его именем — «Разум, самость и общество»¹. Данная книга, получившая всемирное признание, послужила главной интеллектуальной основой символического интеракционизма — ведущего теоретического направления в социологии XX столетия.

В 1895 г. сотрудником Чикагского факультета социологии стал выдающийся исследователь Уильям Айзек Томас (William Thomas) (1863–1947), который вскоре приобрел большое влияние в научной среде. У. Томас изучал сообщества иммигрантов в Чикаго — идеальном городе для подобных исследований. В поисках социальных и культурных истоков влияния на часто болезненный процесс интеграции и американизации он предпринял несколько поездок в Европу. Там он встретил Флориана Витольда Знанецкого (Florian Znaniecki) (1882–1958), польского исследователя, директора Ассоциации защиты польских эмигрантов.

Сегодня имя Ф. Знанецкого в Северной Америке и Западной Европе тесно ассоциируется с именем У. Томаса. Однако собственные исследования этого ученого в области, которая определяется как «гуманистическая» социология (подход, ставящий в центр опыт действующего индивида), продолжались в течение всей его жизни и в США, и в Польше»².

По предложению У. Томаса Ф. Знанецкий приехал в Чикагский университет, и «они, вышедшие из совершенно различных социальных сред и во многом непохожие друг на друга по характеру, стали гармонично сотрудничать над фундаментальным трудом «Польский крестьянин в Европе и Америке». Память об этом ... сохраняется не только благодаря содержащимся в работе конкретным данным и методологическим подходам, но, главным образом, благодаря теоретической конструкции, совместно разработанной ее авторами»³.

Это исследование было начато Ф. Знанецким и У. Томасом в 1908 г., продолжалось десять лет и завершилось выходом 5-томного издания «Польский крестьянин в Европе и Америке»⁴, что стало важной вехой в развитии американской социологии.

Ученые поставили задачу исследовать те группы населения Европы, из которых формировалась эмиграция в США, а также проследить зависимость поведения этих групп в новой среде от традиционных норм и ценностей их родины.

Объектом исследования выступили польские крестьяне, которые, по мнению этих социологов, находились в «промежуточном состоянии», то есть еще сохранили достаточный потенциал для того, чтобы существовать в традиционных рамках, но в то же время большинство из них уже адаптировалось к новым условиям жизни.

Основным методом сбора данных служил анализ частных и официальных документов. Эти документы включали автобиографии и биографии мигрантов, их письма к родственникам и в официальные организации, газетные ста-

¹ Mead G.H. Mind, Self and Society / Ch. Morris (ed.). Chicago: University of Chicago Press, 1934.

² Lyon S.E. Florian Znaniecki // Fifty Key Sociologists: The Formative Theorists / J. Scott (ed.). London and New York, Routledge, 2007. P. 209.

³ Коэпер А. Мастера социологической мысли. Идеи в историческом и социальном контексте. М., 2006. С. 513.

⁴ Znaniecki F., Thomas W. The Polish Peasant in Europe and America. Vols. I and II, Chicago: University of Chicago Press, 1918; Vols. III–V, Boston, MA: 1919–1920.

ты, различные квитанции, протоколы судебных разбирательства, брошюры, издаваемые религиозными организациями и политическими партиями — то есть все материалы, отражающие ментальную и экономическую жизнь изучаемой группы.

В центре внимания Ф. Знанецкого и У. Томаса был анализ социальных и индивидуальных компонентов поведения иммигрантов, а также выявление механизма воздействия группы и общества на поведение индивида и на процесс его адаптации к окружающей социальной среде. Они считали, что социальная теория должна исследовать как объективные культурные элементы социальной жизни — социальные ценности, так и субъективные — взгляды членов социальной группы (социальные установки) и их отношения.

Социальная ценность определялась ими как любая данность, имеющая эмпирическое содержание, доступное для членов некоторой социальной группы. Под социальной установкой понималось индивидуальное осознание фактической или возможной деятельности человека в социальном мире. По их мнению, социальная установка служила дополнением к социальной ценности со стороны личности, а деятельность в любой форме выступала как связь между ними.

Знанецкий и Томас объединили социальные и индивидуальные компоненты социального поведения, заявив, что ценности или установки значимы не сами по себе в отдельности, а в комбинации друг с другом. Исходя из этой посылки, они объяснили различные формы поведения мигрантов такими потребностями, как стремление к получению нового опыта; желание безопасности; стремление к признанию; желание реакции или желание власти. На базе собранных материалов эти авторы смогли смоделировать механизм адаптации индивида, а также представить варианты, характеризующие возможные пути приспособления. Так, они выделили три типа социального характера, которым определяется процесс адаптации индивида — *мещанский, богемный и творческий*.

Индивид, наделенный мещанским социальным характером, ориентирован на стабильность, традиционные модели поведения, плохо переносит изменения и, соответственно, слабо адаптируется в новой среде. Человек с богемным социальным характером отличается спонтанностью, отсутствием определенных моделей поведения (что характерно для переходных периодов общества) и адаптируется медленно. *Творческий социальный характер* отличается разнообразием возможных моделей поведения, ориентацией на конкретные цели. Он является для мигранта наиболее социально эффективным, поскольку адаптация наделенной им личности достаточно активна.

Особое внимание эти ученые уделяли проблеме *социальной дезорганизации индивида* (выражающейся в деморализации, экономической зависимости, разрушению семейных традиций, преступности) под влиянием перехода от одной социальной системы к другой. Так, они предприняли анализ жизнеописания мигранта В. Висневски, в котором дали характеристику его личности и отметили основные изменения в его поведении под влиянием социальных условий⁵.

Исследование «Польский крестьянин в Европе и Америке» повернуло американскую социологию от абстрактной теории и книжных исследований

⁵ См. подробнее: Ганжа А.О. Польский крестьянин в Европе и Америке // Социологическая энциклопедия: В 2 т. М.: Мысль, 2003. С. 229–230.

к изучению эмпирического мира с использованием теоретического каркаса»¹. После опубликования своего труда «авторы отнюдь не почивали на лаврах. — каждый из них продолжал вносить в социологию вклад, полностью соответствующий направленности предыдущей работы. У. Томас, продолжая разрабатывать предмет своих ранних интересов — социальные установки, создал сложную социально-психологическую теорию, основанную на центральном понятии социальной ситуации, которая продолжает вдохновлять социологическую мысль нашего времени. Ф. Знанецкий, начав разрабатывать структурные понятия, продолжал развивать многообещающий вариант теории ролей, а опубликовав работу «Социальная роль ученого», внес действительно важный вклад в развитие социологии знания»².

Ф. Знанецкому, как социологу-иммигранту, было непросто в США, поэтому в 1920 г. он возвратился в Польшу, где стал работать профессором социологии в Университете города Познань и выступил основателем Польского социологического института. Позиция патриота, которую он занял во время нападения Германии на Польшу в 1939 г., поставила его жизнь под угрозу, и ученому пришлось вернуться в США. В последний период своей жизни он занимал пост профессора социологии в Университете штата Иллинойс, будучи к этому времени хорошо известным «человеком большой эрудиции»³.

Как отмечают специалисты, «трудно себе представить, каким бы оказался ход развития американской социологии без творческого вклада этих двух больших ученых. Несомненно одно: без их влияния американская социология оказалась бы намного беднее»⁴.

В 1914 г. на работу в качестве преподавателя социологического факультета Чикагского университета был приглашен Роберт Эрла Парк (Robert Park) (1864 – 1944).

Роберт Эрла Парк (Robert Park) (1864 – 1944) родился в городе Харвилье (штат Пенсильвания), окончил Мичиганский университет, где испытал влияние ряда выдающихся мыслителей, в частности Дж. Дьюи. Затем он начал карьеру журналиста, давшую ему возможность «работать в реальном мире». Он ярко описывал социальную жизнь, «выискивая по игорным домам и опиумным притонам». Однако работа в газете не отвечала интеллектуальным потребностям Р. Парка: более того, она не способствовала социальным реформам, в проведении которых он был глубоко заинтересован. В 1898 г. Парк оставил работу в газете и устроился на философский факультет Гарвардского университета, где проработал около года, но затем решил переехать в Германию, в центр мировой интеллектуальной жизни того времени. В Берлине он познакомился с Г. Зиммелем, чье творчество глубоко повлияло на его социальные воззрения. В 1904 г. в Гейдельбергском университете он защитил докторскую диссертацию.

Потребность вносить свой вклад в совершенствование общества привела Парка на должность помощника и главного лица по общественным связям в

¹ Bulmer M. The Chicago School of Sociology: Institutionalization, Diversity, and the Rise of Sociological Research. Chicago: University of Chicago Press, 1984. P. 45.

² Колер А. Мастера социологической мысли... С. 513.

³ Lyda S.E. Florian Znaniecki // Fifty Key Sociologists: The Formative Theorists / J. Scott (ed.). London and New York: Routledge, 2007. P. 209–211.

⁴ Колер А. Мастера социологической мысли... С. 513.

Реформаторской ассоциации Конго, созданной для того, чтобы уменьшить жестокость и эксплуатацию, наблюдавшиеся там. В этот период Парк познакомился с Букером Ти Вашингтоном и не остался равнодушным к судьбе чернокожих американцев. Он стал помощником Б. Вашингтона и сыграл ключевую роль в деятельности Таскжйской организации.

В 1912 г. Р. Парк познакомился с У. Томасом, читавшим в Таскжи лекции. Последний предложил ему вести в Чикагском университете курс лекций на тему «Чернокожий в Америке» для небольшой группы аспирантов. Курс имел успех, и Парк повторил его на следующий год для аудитории в два раза больше предыдущей. Таким образом, Парк постепенно укрепился на академическом поприще⁵.

В годы своего преподавания в Чикагском университете и впоследствии, Парк принимал участие в различных проектах социальных исследований вне стен университета, а также состоял членом многих социальных научных советов и комитетов. К нему с уважением прислушивались в различных международных фондах и исследовательских организациях. Поэтому его аудитория была гораздо шире университетской. Но большая часть его публикаций появлялась в научных журналах или в книгах, ориентированных на академических читателей. Он писал для того, чтобы добиться признания не только у коллег в Чикагском университете, но и у таких личностей, как Ч. Кули (в Мичиганском университете) или Ф. Гиддингса (в Колумбийском), а порой он стремился быть услышанным и администраторами, осуществлявшими политику в области образования⁶.

Р. Парк, начав профессиональный путь как распространитель новостей среди читающей публики, выбрал университетскую карьеру. И какой бы ни была эта потеря для широких масс читателей, социологическая наука может считать своей удачей такое изменение в карьере Парка, на которое он решил после встречи с У. Томасом в Таскжери (Таскери)⁷.

Хотя Парк стал социологом в зрелом возрасте, он имел богатый профессиональный опыт и нестандартные взгляды на жизнь. Очень быстро этот ученый добился лидирующего положения на социологическом факультете и сыграл важную роль в формировании так называемой Чикагской школы.

Деятельность Чикагской школы охватывает период с 1915 по 1934 гг., что хронологически совпадает с периодом работы в Чикагском университете Р. Парка, который стал ее признанным лидером. На протяжении этих двух десятилетий данная школа занимала едва ли не монопольное положение в американской социологии, поскольку задавала тон в теоретических дискуссиях и определяла основные направления эмпирических исследований.

В Чикагскую школу, наряду с Р. Парком, входили известные американские ученые, которые имели фундаментальную теоретическую подготовку и хорошо знали европейскую социологию. В их числе Э. Бёрджесс (1886 – 1966) и Л. Вирт (1897 – 1952), а также Р. Маккензи, Х. Зорбо, Э. Богардус, Р. Фэрис, Н. Андерсон, Ф. Трэшер, А. Котрелл, Э. Хьюз и др. *Всех этих исследователей объединяли социально-экологический подход к исследованию общества и тематика исследований.*

⁵ Ritzer G. Sociological Theory: 5th ed. International edition: McGraw-Hill Higher Education, 2000. P. 192.

⁶ Колер А. Мастера социологической мысли... С. 315.

⁷ Там же.

Основные положения *социально-экологического подхода* наиболее полно раскрыты в статьях Р. Парка и Р. Маккензи. В их числе «Экология человека»¹, «Физика и общество»², «Городское сообщество как пространственная конфигурация и моральный порядок»³, а также «Экологический подход к изучению человеческого сообщества»⁴, «Область человеческой экологии», «Понятие господства и организация мира»⁵.

Исходная посылка социально-экологического подхода состояла в том, что человеческое общество следует изучать в соотношении с окружающей его средой.

Так, исследователи Чикагской школы утверждали, что для изучения социальной жизни людей могут быть применены *некоторые общие экологические принципы*, разработанные в растительной и животной экологии, исследующей связь растительных и животных организмов со средой обитания. Дело в том, что каждое социальное образование (общество, сообщество, институт и т. д.) так или иначе размещено в физической среде, локализовано и конфигурировано в пространстве, что роднит человека с растениями и животными. В данной связи при изучении человеческой социальной жизни могут быть применены *некоторые общие экологические принципы*, разработанные в растительной и животной экологии, исследующей связь растительных и животных организмов со средой обитания.

Уровень существования, на котором к человеческому обществу применимы те же экологические принципы животного и растительного мира, определялся ими как *биотический*. На этом уровне люди функционируют как обособленные живые организмы («социальные атомы»), передвигающиеся в пространстве и связанные узлами взаимозависимости. Силой, социализирующей и организующей индивидов на биотическом уровне, является конкуренция за те или иные ресурсы, принимающая форму борьбы за выживание.

В ходе конкуренции живые организмы (как растения и животные, так и люди) приспособляются к окружающей среде и друг к другу. Они занимают в среде определенные «ниши», их конкурирующие притязания на ресурсы среды уравниваются, а на базе элементарного (или «естественного») разделения труда между ними образуется *целостная территориально закрепленная единица*. Эта единица называется *сообществом*, в которой живые организмы являются элементами. Изменение одного из них влечет цепочку изменений во всех остальных элементах. Такое естественное сообщество, прототипом которого служит природный ареал как целостная экосистема, является биотическим базисом для развития более сложных форм социальной жизни.

¹ На русском языке: Парк Р.Э. Экология человека // Теория общества. М., 1999. С. 384–400.

² Парк Р.Э. Физика и общество // Социальные и гуманитарные науки. Сер. 11. Социология. 1997. № 4. С. 135–157.

³ На рус. яз.: Парк Р.Э. Городское сообщество как пространственная конфигурация и моральный порядок // Социальные и гуманитарные науки. Сер. 11. Социология. 2000. № 3. С. 136–150.

⁴ На рус. яз.: Маккензи Р. Экологический подход к изучению человеческого сообщества // Социальные и гуманитарные науки. Сер. 11. Социология. 2000. № 4. С. 136–152.

⁵ На рус. яз.: Маккензи Р. Понятие господства и организация мира // Личность. Культура. Общество. 2000. Т. III. Вып. 3 (9). С. 79–95.

Над биотическим уровнем надстраивается другой — культурный уровень, характеризующийся иными закономерностями и другой внутренней логикой. Его организует *коммуникация*, или субъективно осмысленное взаимодействие. На этом уровне действуют только люди, которые выступают в своем сугубо социальном качестве: уже не как обособленные организмы, а как «персоны», обладающие способностью к воображению и целеполаганию, а также выстраивающие свои действия на основе интерпретации ожидаемых реакций других и выполняющие социальные роли.

*Культурный уровень общества — это уровень установившихся обычаев, норм и ценностей. Именно на нем становится возможной самая сложная форма человеческого социального поведения — коллективное (корпоративное) действие. Основопологающим для коллективного действия является принцип кооперации*¹.

Опираясь на социально-экологический подход, Р. Парк и его коллеги выбрали в качестве основной единицы анализа *сообщество* — «экологическое распределение людей и услуг, в котором местоположение каждой единицы определяется ее связью со всеми другими единицами»². Они сосредоточились на исследовании социальных проблем, которые имеют место в городских сообществах. Соответственно, объектом изучения для них стали города: Парк полагал, что «социальные проблемы в своем основании — это проблемы города»³.

Город в представлении Парка и его коллег являлся не просто одним из возможных объектов социологического интереса. Это была своеобразная «социальная лаборатория», в которой может быть досконально изучена природа человека и цивилизации. Так, Парк утверждал, что «город становится выгодным местом для изучения социальной жизни, потому, что в городе каждая характерная черта человеческой природы не просто очевидна, а проявляется все ярче и ярче. Порок или талант, которые до этого подавлялись в интимном кругу семьи или в узких рамках маленького сообщества, находят в городе тот моральный климат, в котором он может расцвести. Скрытые стремления и подавляемые желания также находят свое выражение в городе. Город увеличивает, выворачивает наизнанку и рекламирует человеческую натуру во всех ее проявлениях. Именно это делает его единственным местом, в котором открываются секреты человеческого сердца и изучаются человеческая природа и общество»⁴.

В городе Чикаго, который служил идеальным местом, поскольку в нем отчетливо проявились все преимущества и пороки урбанизации⁵, социологи развернули обширную программу социологических исследований. Важное место в этой программе занимал анализ пространственной структуры этого города, поскольку они полагали, что городское сообщество должно изучаться

¹ См. подробнее: Николаев В.Г. Чикагская школа социологии // История социологии (XIX — первая половина XX века) / Под ред. В.И. Добренкова. М., 2004. С. 497–520.

² McKenzie R.D. The Scope of Human Ecology // Burgess E. W. (ed.) The Urban Community. Selected Papers from the Proceedings of the American Sociological Society, 1925. Chicago, 1926. P. 169.

³ Парк Р.Э. Город как социальная лаборатория // Рабочие тетради по истории и теории социологии. Вып. 1. М., 1992. С. 59.

⁴ Там же. С. 70–71.

⁵ См. об этом: Варн А. Урбанизм как образ жизни // Социальные и гуманитарные науки. Сер. 11. Социология. 1997. № 3. С. 169–196.

как «пространственная конфигурация и моральный порядок». В качестве общей схемы для изучения пространственной конфигурации городов они предложили так называемое «зонирование». На его базе была разработана *концентрическая модель городских зон*, описание которой содержится в статье Э. Бёрджесса «Рост города: введение в исследовательский проект»¹, а также в ряде статей Р. Парка.

Согласно этой модели, город разделяется на четыре зоны, расходящиеся концентрическими кругами. В центре города находится деловая зона, где сосредоточены административные учреждения, офисы компаний и банков, дорогие гостиницы и супермаркеты. За пределами центра располагается транзитная (или переходная) зона, где сосредоточены промышленные предприятия. Далее идет зона рабочих кварталов, где сосредоточены многоквартирные дома и селятся промышленные рабочие. И наконец, внешнее кольцо образует зона фешенебельных кварталов и особняков.

Подобная территориальная структура города, по мнению представителей Чикагской школы, связана с экологическим распределением и сегрегацией различных видов деятельности. Сами зоны более или менее отчетливо отграничивались ими друг от друга по ряду критериев, главным из которых считалась цена на землю. В центре города, где цена на землю (и соответственно арендная плата за помещения) самая высокая, сосредотачиваются самые престижные виды занятий: управление, бизнес, коммерция. И наоборот, наиболее непривлекательные для жизни районы ввиду низкой цены на землю и, соответственно, арендной платы за нее оказываются местом обитания низших социальных классов и местом сосредоточения наименее престижных занятий. Таким образом, сама территориальная структура города выступала своеобразным «портретом» общества.

Для более детального описания городского пространства этими исследователями использовалось понятие «естественного ареала», заимствованное из экологии. *Естественными ареалами* назывались относительно отграниченные от окружения и внутренние гомогенные районы, например районы компактного проживания иммигрантских этнических групп. Так, в 1923–1924 гг. Э. Бёрджессом была разработана «Карта социальных исследований Чикаго», на основе которой было выделено 75 таких естественных ареалов и свыше 3 тысяч еще более мелких локальных общин.

Весь период деятельности Чикагской школы был отмечен многочисленными прикладными исследованиями, охватившими фактически весь город Чикаго и самые разные аспекты его существования. Внимание ученых было сосредоточено на изучении таких острых социальных проблем, как преступность (в том числе организованная), бедность, душевные расстройства, самоубийства, отклоняющееся поведение в молодежной среде, бродяжничество, ослабление солидарности семьи, проблемы иммигрантских сообществ и т. д. Благодаря этим исследованиям Чикаго и стал одним из самых социологически изученных городов мира.

Результаты этих исследований нашли отражение в многочисленных публикациях как в статьях «Американского журнала социологии», который в годы расцвета этой школы почти полностью комплектовался статьями ее пред-

¹ Парк Р. Э. Рост города: введение в исследовательский проект // Социальные и гуманитарные науки. Сер. 11. Социология. 2000. № 4. С. 122–136.

ставителей, так и в монографиях. В их числе: «Бродяга» Н. Андерсона¹, «Банда» Ф. Трэшера², «Гетто» Л. Вирта³, «Золотой Берег и трущобы» Х. Зорбо⁴, «Негритянская семья в Чикаго» Е. Ф. Фрэзера⁵.

Хотя ряд интересных исследований представители Чикагской школы посвятили средствам массовой информации⁶, феноменам маргинальности, этнической сегрегации, криминальному поведению и другим актуальным социальным проблемам, именно разработка процедур изучения города, теоретический анализ городских структур, процессов и образа жизни считаются ее важнейшим вкладом в развитие социологической науки.

В середине 30-х гг. XX в. в связи с уходом Р. Парка Чикагский университет, социология в котором еще в 20-е гг., несомненно, испытала подъем, стал терять свою доминирующую роль в развитии этой дисциплины. Исследователи выделяют ряд причин «заката» как Чикагской школы, так и самой социологии в стенах этого высшего учебного заведения, главными из которых представляются следующие.

Во-первых, американские социологи постепенно стали все больше внимания обращать на «научность» своих исследований, результатом чего явилось стремление использовать сложные технические процедуры, основанные на анализе статистических данных. Чикагская же школа, как правило, прибегала к описательному изложению материалов своих исследований, часто фокусируясь на субъективных представлениях людей. Например, Р. Парк презирал статистику, которая, по его мнению, делала невозможным анализ субъективного, характерного и особенного.

Во-вторых, все больше социологов, работающих вне Чикаго, выражали возмущение господствующим положением представителей Чикагской школы как в Американском социологическом обществе, президентами которого в разные годы являлись Р. Парк и Л. Вирт, так и в «Американском социологическом журнале». В 1930 г. в противовес им было основано Восточное социологическое общество, а также учрежден новый официальный журнал «Американское социологическое обозрение»⁷.

Тем не менее сам Чикагский университет, где оставались такие известные социологи, как Герберт Блумер (1900–1987), основавший Чикагскую школу символического интеракционизма, а также коллега Р. Парка Эверетт Хьюз, символизировавший себя социологии труда⁸, все же продолжал играть, хотя и не главную, но весомую роль в американской социологии. Более того, традиция повышенного интереса к социальным исследованиям, а также социологии, сложившаяся в нем со времени основания, сохранилась до настоящего времени.

¹ Anderson N. The Hobo: a Study of the Homeless Man. Chicago, 1923.

² Thrasher F. M. The Gang. Chicago, 1927.

³ Wirth W. F. The Ghetto. Chicago, 1928.

⁴ Zorbaugh H. W. The Gold Coast and the Slum. Chicago, 1929.

⁵ Frazier F. E. The Negro Family in the United States. Chicago, 1931.

⁶ См. подробнее: Парк Р. Э. Новость как форма знания // Социальные и гуманитарные науки. Сер. 11. Социология. 2002. № 1. С. 96–115.

⁷ Ritzer G. Sociological Theory: 5th ed. International edition: McGraw-Hill Higher Education, 2000. P. 195.

⁸ См. об этом: Chapouille J.-M., Everett C. Hughes et le Développement du Travail de Terrain en Sociologie // Revue Française de Sociologie. 1984. XXV (4). P. 382–608.

1.2.2. Социология в Колумбийском университете

Значимый вклад в развитие социологии в США внес *Колумбийский университет*, который получил известность благодаря высокому уровню преподавания и выдающимся достижениям его профессоров в самых различных областях научного знания. Социологический факультет этого университета, основанный в 1894 г., двумя годами позже, чем социологический факультет Чикагского университета, оставался главным соперником последнего как в области профессиональной подготовки социологических кадров, так и в академической разработке социологической проблематики.

В 20-е гг. XX в. в Колумбийском университете возродился интерес к социальным исследованиям. Так, в 1924 г. в нем при поддержке Совета по исследованиям в социальных науках супругами **Робертом** (1892 – 1970) и **Хелен** (1894 – 1982) **Линд (Lynd)** была предпринята серия исследований, преследующих социально-реформаторские цели.

Роберт Стафтон Линд (Robert Lynd) (1892 – 1970) родился в штате Индиана (США), окончил Пристонский университет. В Колумбийском университете, в 1931 г., после публикации первой монографии ему была присуждена ученая степень. С тех пор и до ухода на пенсию в 1965 г. он был связан с этим университетом. Как выдающийся педагог Р. Линд был глубоко привержен идее, согласно которой высшее образование и сама социология являются приводными ремнями развития общества.

Хелен Мэррелл Линд (Helen Lynd) (1894 – 1982) окончила колледж Уеллесли и много лет преподавала в колледже Сары Лоуренс (г. Нью-Йорк). Она была соавтором своего супруга Р. Линда, а также публиковала самостоятельные научные труды по истории, психологии и философии.

Результатом исследований Роберта и Хелен Линд стал бестселлер *«Средний город: исследование американской культуры»*¹, посвященный ключевым проблемам среднестатистического промышленного города штата Индиана, который они назвали «Мидлтаун» и который рассматривался ими как предстательный микрокосм всего американского общества. Эта книга, ставшая своеобразным зеркалом социальной жизни Северной Америки, которая разочаровалась в своем отражении, вызвала огромный общественный резонанс. В ней на базе статистических данных и социологических материалов, собранных авторами, были выявлены и точно описаны ключевые экономические, социальные и моральные проблемы, с которыми сталкивается американская нация.

Следующей работой этих исследователей стала монография *«Средний город в процессе перемен: исследование в области культурного конфликта»*², в которой нашли отражение новые проблемы, которые возникли в американском обществе в результате Великой депрессии.

Выводы, к которым пришли супруги Линд, были достаточно пессимистичны: они, подобно большому числу ученых, все более и более критично настроенных по отношению к социально-экономической организации Севе-

¹ Lynd R., Lynd H. Middletown: a Study in American Culture. 1929.

² Lynd R., Lynd H. Middletown in Transition: A Study in Cultural Conflict. 1937.

роамериканской культуры, подчеркивали острое противоречие между ценностями намериканского образа жизни и социальной реальностью.

Между мировыми войнами социологический факультет Колумбийского университета принял в свои ряды таких блестящих ученых как **Р. Мак-Айвер**, **Я. Морено**, **П. Лазарсфельд**, **Р. Мертон**. В Колумбийском университете также нашли временное пристанище эмигрировавшие из гитлеровской Германии исследователи *Франкфуртской школы*.

В 1927 году в качестве профессора политической философии и социологии приступил к работе в Колумбийском университете **Роберт Моррисон Мак-Айвер (Robert McIver)** (1882 – 1970).

Роберт Моррисон Мак-Айвер (Robert McIver) (1882 – 1970) родился в Шотландии, изучал политологию и социологию в университетах Эдинбурга и Оксфорда. Затем эмигрировал в Канаду, поссорившись со своим профессиональным окружением. После нескольких лет работы в университете Торонто он переехал в США, где стремительно и успешно утвердился на социологическом поприще. Известность этому ученому также принесла его первая социологическая работа «Община: социологическое исследование»¹, написанная в 1917 г.

Работая в Колумбийском университете, Р. Мак-Айвер создал оригинальную концепцию социальной эволюции, а также внес значимый вклад в решение фундаментальных проблем социологии. Так, он разработал теорию гармонизации отношений между индивидом и обществом, предложил классификацию социальных интересов, в рамках которой обосновал различия между похожими и общими интересами. Эта классификация нашла плодотворное применение при анализе природы межиндивидуальных отношений как основы групповой организации. В трудах, опубликованных до Второй мировой войны² и после нее³, Мак-Айвер связывал свой теоретический анализ с возможностью его практического применения — в сфере трудовых отношений и экономических преобразований, в области межгрупповых конфликтов, правонарушений несовершеннолетних и т. п.

С 1938 г. педагогическую деятельность в Колумбийском университете стал осуществлять **Яков (Джекоб) Леви Морено (Jacob Moreno)** (1892 – 1974) — социальный психолог румынского происхождения, вошедший в историю социологии прежде всего как создатель социометрии (системы методов выявления и количественного изменения межличностных отношений в малых группах) и социодрамы (способа устранения конфликтов в группах здоровых людей).

Яков (Джекоб) Леви Морено (Jacob Moreno) (1892 – 1974). Точная дата рождения Я. Морено на самом деле неизвестна: 1889, 1890 или 1892 г., а место его рождения не имеет локализации, поскольку он родился на корабле во время путешествия родителей по Черному морю. Его родители жили в Бухаресте, одном из самых крупных городов Австрийской империи, а когда мальчику исполнилось 5 лет, переехал в Вену.

Там Я. Морено провел лучшие годы своей жизни, учился в гимназии, слушал лекции Фрейда, получил высшее образование в Венском университете, изучая

¹ McIver R.M. Community: A Sociological Study (1917).

² McIver R.M. Society. London: Macmillan, 1937.

³ McIver R.M. Life: its Dimensions and its Bounds. New York: Harper, 1960. P. 30.

начала философию, а затем медицину. С 1915 по 1917 гг. Я. Морено работал врачом и комендантом лагеря беженцев в Миттендорфе (Австрия), где сделал первые наблюдения о важности для общества межличностных отношений. В австрийский период своей деятельности он, занимаясь групповой психотерапией, разработал методы психодрамы и социодрамы, которые принесли ему широкую известность.

В 1925 г. Морено приехал в США и, получив лицензию, открыл психиатрическую практику, в рамках которой успешно внедрял методы, разработанные им в Австрии.

Всего через 7 лет после своего переезда в США он выступил на годичном собрании Американской психиатрической ассоциации с предложением о внедрении групповой психотерапии в работе с пациентами психиатрических больниц, воспитанниками исправительных колоний и заключенными тюрем и о введении новых понятий: «групповая терапия» и «групповая психотерапия». Серия работ этого исследователя по социометрическим измерениям, проведенным в самой строгой американской тюрьме Синг-Синг, своим результатом имела несколько монографий по методу классификации групп заключенных. Они были изложены в его «Первой книге по групповой психотерапии»¹, увидевшей свет в 1932 г.

В 1935 г. в своем терапевтическом санатории в Биконе (близ Нью-Йорка) он построил специальный психодраматический театр со сценой на четырех уровнях. В том же году создал собственное издательство, в котором стал выходить знаменитый журнал «Социометрия», и с 1947 г. — журнал «Социатрия», который последовательно переименовывался: «Групповая психотерапия» и «Групповая психотерапия и психодрама».

В 1942 г. им был основан Социометрический институт, а в 1945 г. совместно с его американскими учениками — Американское социометрическое общество².

Я. Морено вошел в историю науки не только как создатель социометрии и социодрамы, но и групповой психотерапии, психодрамы, а также социатрии (как социальной терапии, пользующейся методами и результатами социометрии), социомомии (теоретической основы социодинамики)³ и социогенетики⁴ (науки о том, какие бывают люди и группы, т. е. изучающую соционимы⁵) и многого другого. Все это серьезно повлияло на несколько гуманитарных областей: психологию, социологию, философию.

Научная, теоретическая и практическая деятельность не только вылилась в создание нового направления гуманитарного знания, не только стала целой ветвью из нескольких наук о человеке и группе, но и прошла серьезную апробацию в методологии традиционных наук и была признана вполне научной.

Несмотря на то, что степень знакомства социологов с трудами Морено на порядок ниже, чем, например, психологов, понятия, предложенные в свое

¹ Moreno J. The First Book of Group Psychotherapy. 1 ed. New York: Beacon, 1932.

² Золотовицкий Р. Предисловие // Морено Я. Социометрия: Экспериментальный метод и наука об обществе / Пер. с англ. М.: Академический Проект, 2004. С. 5–6.

³ Социодинамика — изучение, диагностика и трансформация социальных процессов, картина событий, картина дифференциации и ассоциации субъектов, группирование.

⁴ Социогенетика — социометрическая (в т. ч. локометрическая и пр.) картина генезиса социального пространства, происхождение, преэминентность и архитектура различных форм социальной организации.

⁵ Соционимы — имена групп и социальных качеств, признаков, по которым может быть образована социальная группа или категория, социальный архетип.

время именно этим исследователем (малая группа, групповая терапия, социальная смерть, групповой статус, социальный атом и др.), также как и созданный им социометрический метод, прочно вошли в арсенал социологической науки.

По мнению Морено, приспособление этого экспериментального метода к человеческой, социальной ситуации ознаменовало поворотный пункт на социологическом уровне. Насколько продуктивен этот новый подход, показывает множество экспериментов, которые стимулировала и разработала социометрия: эксперименты при исследовании спонтанности и с участием публики, эксперименты со спонтанным формированием групп и групповой динамикой, эксперименты с ролевыми тестами и ролевой игрой, эксперименты с формированием групп авторитарным и социометрическим способами или по принципу неинтервенции (*laissez-faire*)¹.

Социометрия имеет три аспекта: *socius* — окружающие люди, *metrum* — измерение и *drama* — действие. В результате появились три сферы исследования: исследование групп, метрическое исследование и исследование действия. Эти три сферы отражаются в терминах и определениях социометрии и смежных областей исследования².

В своих работах, важнейшей из которых являлась работа «Кто выживает? Основы социометрии, групповой психотерапии и социодрамы»³, Морено исходил из необходимости создания «сквозной науки», охватывающей все уровни социальной жизни людей и предполагающей не только изучение социальных проблем, но их решение. В его понимании наука о социальных законах, которую он назвал «социомомией», должна была реализовывать себя в «социодинамике» (науке о процессах, происходящих, прежде всего, в малых группах), «социометрии» и «социатрии» (системе методов излечения людей, чьи проблемы и трудности связаны с недостаточностью навыков поведения в малых группах).

Морено отмечал, что социомомия «исследует и объясняет законы, которым подчиняются социальное развитие и социальные отношения. В рамках системы социомомии по-прежнему имеют место метафорические понятия «мы», «масса», «община», «общность», равно как и понятия «класс», «государство», «церковь» и многие другие коллективы и товарищества. Социометрическому исследованию надлежит дать точное и динамическое значение этим понятиям, охватывающим истину лишь приблизительно»⁴.

Под социометрией Морено понимал «измерение социальных отношений, в самом широком смысле — любое измерение любых социальных отношений»⁵.

В его трудах присутствуют различные определения «социометрии», которые фактически отражают все области применения данного метода.

Так, в статье «Применение группового метода при классификации» (1931) он отмечал, что социометрия занимается внутренней структурой общественных групп, которую можно сравнить со строением атома или физиологиче-

¹ Морено Я. Социометрия: Экспериментальный метод и наука об обществе / Пер. с англ. М.: Академический проект, 2004. С. 37–38.

² Морено Я. Социометрия: ... С. 38.

³ Moreno J. Who Shall Survive — Foundation of Sociometry, Group Psychotherapy and Sociodrama. New York: Beacon House, 1934. P. 87.

⁴ Морено Я. Социометрия: ... С. 39.

⁵ Там же.

ской структурой клетки. Она изучает сложные образования, которые возникают из сил притяжения и отталкивания между отдельными людьми определенной группы. Ее основное внимание направлено не только на различные процессы, из которых возникают социальные образования, например «отношения» и «интеракции» между людьми и группами, но в первую очередь на сами возникающие образования¹.

В работе «Психологическая организация групп в коллективе» (1933) Морено писал, что социометрия занимается математическим изучением психологических свойств популяции, экспериментальными методами и результатами, которые получаются при применении количественных и качественных принципов².

В «Плане перегруппировки коллективов» (1936) говорится о том, что «социометрия предоставляет все преимущества движимого уверенностью в себе и свободным развитием пионерского дела, вместе со всеми преимуществами организованного в систему движения»³.

В пятом томе «Социометрия в действии» издания «Социометрия» (1942) ученый подчеркивал, что «социометрия — это всегда наука о действии, а социометрический тест — это в первую очередь исследование способов действия и поведения социальных групп»⁴.

Наконец, в статье «Вклад социометрии в методы исследования социологии», опубликованной в «Американском социологическом обозрении» 1942 г., Я. Морено пришел к выводу о том, что «социометрия ... становится... социологической наукой людей, о людях и для людей»⁵.

Начиная с 1940 г. и до своего ухода в отставку в 1969 г., с Колумбийским университетом был связан австро-американский социолог Пауль Феликс Лазарсфельд (Paul Lazarsfeld) (1901 — 1976), внесший значительный вклад в развитие математических методов в социологии и в социологию массовых коммуникаций.

Пауль Феликс Лазарсфельд (Paul Lazarsfeld) (1901 — 1976) родился в Вене, получил специальность математика и психолога в Венском университете, где затем стал преподавать прикладную социологию. В 1929 г. он основал там Институт прикладных социальных исследований, в рамках которого стал заниматься психологией. В этом институте, президентом Совета которого стал известный психолог К. Бюллер, а П. Лазарсфельд — исследовательским директором, были реализованы десятки проектов по заказам коммерческих фирм, профсоюзов и городских властей. Наиболее значимым из них был проект, посвященный изучению социальных и психологических последствий безработицы, ставшей массовым явлением в условиях экономической депрессии. За блестящие результаты прикладных исследований в 1933 г. Лазарсфельд получил грант от фонда Рокфеллера и переехал в США. За четыре года работы по этому гранту данный ученый, проявив энтузиазм, незаурядные способности и творческое воображение, показал себя очень плодотворным для американской науки обществоведом. В результате он получил гражданство США и всю свою дальнейшую деятельность посвятил развитию социологии на своей новой родине.

¹ Цит. по: Морено Я. Социометрия: ... С. 40.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 41.

Между мировыми войнами Лазарсфельд активно занимался проблемами влияния СМИ на установки и ценностные ориентации людей. Он изучал аудиторию радио, используя созданный им же панельный метод (согласно которому выборочная совокупность многократно опрашивается с определенной периодичностью) для выяснения того, как меняются мнения людей относительно какой-либо проблемы. В частности, панельный метод был им использован в известном исследовании в рамках Президентских выборов в США в начале 1940-х гг. В ходе этого исследования, результаты которого нашли отражение в монографии «Выбор народа. Как избиратель принимает решения во время кампании по выборам президента»¹, респонденты были опрошены шесть раз до и один раз после выборов. Лазарсфельду и его коллегам удалось изучить психологические и социальные процессы, которые задерживали, блокировали, усиливали, активизировали и изменяли решения избирателей.

В Колумбийском университете Лазарсфельд одновременно возглавлял факультет социологии и Бюро прикладных социальных исследований, которое постепенно стало ведущей лабораторией в области эмпирических социологических исследований в США и подготовке профессиональных социологических кадров. Он проявил себя как выдающийся методолог, разработал ряд математических методов в социологии, важнейшим из которых был латентно-структурный анализ².

Совместно с такими известными учеными как С. Стоуффер и Л. Гуттман, П. Лазарсфельд разработал методологию для исследования установок американских солдат. Результаты этого исследования, в рамках которого были вскрыты социальные закономерности поведения людей в условиях боевых действий, а также факторы, влияющие на поведение солдат в бою, установлена связь между характером военной подготовки солдат и их социальными установками, были опубликованы в работе «Американский солдат»³, ставшей в США социологической классикой.

С 1941 г. тесно связанной с Колумбийским университетом оказалась научная карьера выдающегося американского социолога Роберта Кинга Мертона (Robert King Merton) (1910 — 2004), позднее ставшего виднейшим теоретиком социологической науки.

Роберт Мертон пришел в Колумбийский университет практически одновременно с П. Лазарсфельдом и проработал там более 40 лет. Эти исследователи, получившие мировое признание, «практически доминировали в Колумбийском университете на протяжении последующих десятилетий»⁴. Их сотрудничество подтвердило, что социологии необходимы как теория, так и методы, которые служат путем к ее построению. Работая под руководством Лазарсфельда, Мертон увлекся его логикой операционализации понятий,

¹ Lazarsfeld P.F., Berelson B., Gaudet H. The Peoples Choice. How the Voter Makes up his Mind in a Presidential Campaign. New York: Columbia university press, 1944.

² По П. Лазарсфельду основная задача латентно-структурного анализа (метода вероятностно-статистического моделирования, идея которого основывается на предположении, что наблюдаемое поведение есть внешнее проявление некоторой скрытой характеристики, присущей индивидам), заключается в том, чтобы, изучив наблюдаемое поведение индивидов, вывести эту скрытую характеристику и классифицировать индивидов по степени сходства ее значений.

³ The American Soldier / Stouffer S. (ed.). Princeton, 1948.

⁴ Selvin H.C. On Formalizing Theory // The Idea of Social Structure: Papers in Honour of R.K. Merton. New York: Harcourt, 1975. P. 339.

методологией количественного и качественного анализа, что во многом предопределило направление его дальнейшего научного творчества, расцвет которого начался после Второй мировой войны.

Итак, социологические факультеты в Чикагском и Колумбийском университетах долгое время являлись лидерами американской социологии. Их деятельность стимулировала распространение социологического образования в большинстве университетов и колледжей страны. Результатом стали заметные успехи в стандартизации предмета социологической дисциплины, появление профессиональных социологических кадров, хорошая обеспеченность процесса обучения социологической литературой¹.

Однако с середины 30-х гг. прошлого столетия центром социологической науки в США постепенно становился Гарвардский университет.

1.2.3. Социология в Гарвардском университете

Бурное развитие социологии в Гарвардском университете было связано с двумя его структурными подразделениями — Гарвардской школой бизнеса, образованной в 1907 г., и социологическим факультетом, который был основан в 1930 г.

Целью создания Гарвардской школы бизнеса стала ориентация высшего образования в США на практическое применение в отраслях народного хозяйства². Однако ее становление в качестве структурного академического подразделения было встречено многократными публичными нападениями со стороны авторитетных ученых. Одним из них был известный американский экономист Торстен Веблен, который в 1918 г. опубликовал книгу «Высшее образование в Америке»³. В этой книге он критиковал американские университеты за то, что бизнесмены, которые ими фактически управляют, пытаются заменить стремление к знаниям экономическими интересами, что означает объективный конец интеллектуальной жизни.

Тем не менее деятельность Гарвардской школы бизнеса, в рамках которой были проведены первые в США исследования собственно социологических проблем труда и трудовых отношений, существенно способствовала развитию американской социологии. Особую популярность данная школа приобрела благодаря заслугам выдающегося ученого — Элтона Джорджа Мэйо (Elton Mayo) (1880—1949), которого по праву считают одним из основателей теории управления, создателем концепции «человеческих отношений».

Элтон Джордж Мэйо (Elton Mayo) (1880—1949) родился в Аделаиде — столице Южно-Австралийской колонии. Сначала он учился на врача, но так и не получил соответствующей квалификации. В 1907 г. Э. Мэйо под руководством профессора В. Митчелла стал изучать философию в университете Аделаиды, и, выполнив научную работу о критериях социального прогресса, в 1911 г. был удостоен диплома с отличием. В этом же году Э. Мэйо переехал в Брисбен, в университете которого 11 лет преподавал логику, психологию, этику и экономику. Большое влияние на его последующую карьеру оказали социальные антропологи, приехавшие в

¹ Martindale D. American Sociology before World War II // Annual Review of Sociology. 1976. Vol. 2. P. 128.

² Gay E.P. The Founding of the Harvard Business School // Harvard Business Review. 1927. Vol. 5. N 4. P. 397.

³ Veblen T. The Higher Learning in America. New York, 1918.

Австралию для проведения исследований — Б. Макиновский и Дж. Питт-Риверс. Благодаря им Мэйо познакомился со взглядами основоположников социологии, которые произвели на него глубокое впечатление. Идеи Э. Дюркгейма, способствовали выработке у него мировоззренческих установок в духе позитивизма, а взгляды Ф. Ле Плае — стремлению к социографии, к описанию отдельных социальных феноменов, главным среди которых он считал труд.

Первая мировая война расширила научные горизонты Э. Мэйо. Он начал активно заниматься проблемами, касающимися различных аспектов мобилизации человеческих и социальных ресурсов в условиях военного времени и, находясь под влиянием знаменитого американского философа и психолога У. Джеймса, изучал психологию.

В австралийский период своей деятельности Мэйо много сделал для практического внедрения результатов своих психологических исследований. Однако к 1921 г. состояние научной жизни в Австралии стало разочаровывать этого ученого. В 1922 г. он уехал из Брисбена в Мельбурн, где читал публичные лекции по психологии, а в сентябре этого же года отправился в Вашингтон — на встречу с социологами, промышленниками и представителями одного из крупнейших фондов Америки. Благодаря этой встрече Мэйо переехал в США, где получил должность исследователя в сфере социальных наук на факультете промышленных исследований Пенсильванского университета, а затем — адъюнкт-профессора, руководителя отдела производственных исследований Гарвардской школы бизнеса. В Гарвардской школе бизнеса он проработал до конца своей карьеры и приобрел всемирную известность⁴.

Сначала Президент Гарвардского университета А.А. Лоуэлл отклонил кандидатуру Э. Мэйо, но затем все же назначил его благодаря дополнительному финансированию, полученному от известного предпринимателя из Бостона Эдварда Фэйлена и от Оузны Янга — главы компании Джeneral Электрик.

Таким образом, с 1925 г. Мэйо стал работать в Гарвардской школе бизнеса, деканом которой с 1919 г. был Уоллас Дрихэм, стремившийся создать ей прочную репутацию. Однако только с установлением сотрудничества декана У. Дрихама и Э. Мэйо, а также значительной подгонкой программ этой школы и исследований человеческих отношений, возглавляемых Мэйо, под национальные, корпоративные и научно-исследовательские задачи тех дней школа приобрела прочный научный статус, а социология «человеческих отношений» получила свое развитие. Как отмечают исследователи, «без Гарвардской школы бизнеса у Мэйо не было бы той известности, которую он приобрел, а без Мэйо эта школа не смогла бы завоевать статус лучшего учебного заведения, готовящего управленческие кадры»⁵.

Под началом Мэйо в первые годы его работы в Гарварде находились четверо молодых ученых — Гаральд Лассуэлл, Осгуд Лавкин, Ллойд Уорнер и Фриц Ротлишбергер. Последний стал самым большим помощником и верным последователем Мэйо в изучении индустриальных проблем и, прежде всего, в ходе знаменитых Хоторнских исследований, которые вошли в историю социологии как Хоторнские эксперименты (1927—1932).

⁴ См. подробнее: Бурлакова А.А., Савкина Е.Г. Теория управления Элтона Мэйо. Казань: КГУ, 2007. С. 27—29.

⁵ Там же. С. 35.

Эти эксперименты проводились Гарвардской школой бизнеса по заказу кампании «Вестерн Электрик». Эта кампания, с общим числом рабочих в 135 тыс. и заводами в 13 городах страны, являлась филиалом крупнейшей американской монополии «Американ Телефон и Телеграф». В начале 20-х гг. прошлого столетия из-за низкой производительности труда, недовольства рабочих, сознательного ограничения ими выработки, текучести квалифицированных кадров дела на этом предприятии шли неудовлетворительно. *С целью улучшения ситуации и были инициированы специальные исследования, которые, хотя и являлись одними из многих исследований, проводившихся в то время в США, первыми доказали свою практическую ценность.*

В целом Хоторнские эксперименты проводились для того, чтобы выяснить индивидуальные вариации выработки работников и их зависимость от таких факторов, как освещение, метод оплаты труда, продолжительность рабочего дня и недели, питания, сна, периодов отдыха и др., то есть целого ряда физических условий¹.

Они начались на Хоторнском заводе телефонного оборудования компании Вестерн Электрик в Чикаго, где работало около 30 тысяч рабочих, в рамках исследования зависимости между уровнем освещенности и производительностью рабочих, проводимого Национальной академией науки и компанией Вестерн Электрик.

Э. Мэйо возглавил эти эксперименты в январе 1928 г., когда руководство компании Вестерн Электрик решило, что «это именно тот человек, который сможет представить результаты Хоторнских исследований широкой публике»².

Всего в рамках Хоторнского исследования было проведено 6 экспериментов, ход событий в которых описывается следующим образом. От простого внимания к окружающим условиям в тесте с изменением уровня освещенности, исследование переросло в следующий эксперимент, в котором тщательно исследовалась проблема влияния рабочей обстановки, физических условий, управленческих и социальных отношений на объем выработки.

Однако, как и во многих научных исследованиях, «неожиданный побочный результат превзошел по значимости прямой результат, как бы он ни был важен»³. Наиболее яркими примерами тому являются второй и шестой Хоторнские эксперименты, которые были задуманы и реализованы на основе идеи Э. Мэйо.

Так, *второй — основной эксперимент Хоторнских исследований*, был проведен в группе по сборке реле. *Объектом* этого эксперимента стала бригада из шести молодых работниц, занятых на операции по сборке реле на конвейере, которая была изолирована от других работников. Во время эксперимента 13 раз менялись условия труда: изменяли длину рабочего дня, вводили более частые и длительные перерывы, меняли интенсивность отопления и освещения, временами работницам выдавали бесплатное питание, переводили на пятидневную рабочую неделю, меняли способы оплаты. В отличие от других работников для этой группы были созданы благоприятные условия

¹ Первое описание экспериментов в Хоторне представлено в работе: Penlock G.A., Putman M.L. and Mayo G.E. Changing Methods in Industry // Personnel Journal, 1930. Vol. 8. P. 326–332.

² Бурганова А.А., Савкина Е.Г. Теория управления Элтона Мэйо. Казань: КИТУ, 2007. С. 36–37.

³ Там же. С. 101.

для общения. Специальные наблюдатели следили за всеми оттенками поведения сборщиц реле и особенно за их отношением к труду; при этом они старались расположить к себе работниц, вели с ними дружеские беседы, расспрашивали о делах в семье, настроении и здоровье.

Результат этого эксперимента показал, что изменение выработки нельзя связывать только с изменением физических факторов труда. Решающее значение, по мнению Э. Мэйо, имел тот факт, что в подопытной группе и вокруг нее возникли *особенные, весьма необычные отношения*. Другими словами, эти шесть работниц образовали сплоченный коллектив, что, в конечном счете, и повлияло на высокую производительность труда.

Шестой — последний эксперимент, цель которого состояла в изучении поведения неформальной группы, стартовал в 1931 г. и продолжался почти год. В нем участвовало 14 мужчин — сборщиков панелей. В рамках этого эксперимента рабочие, также как и в предыдущем случае, образовали сплоченную, но уже враждебную администрации группу. При этом никакими способами не удалось заставить их повысить выработку.

В ходе Хоторнских экспериментов Мэйо пришел к выводу о том, что наряду с материальными стимулами большое значение для работников имеют социально-психологические факторы: сплоченность группы, взаимоотношения с руководством, благоприятная атмосфера на рабочем месте, удовлетворенность своим трудом и т. п. В процессе исследований он озвучил революционную для того времени идею о том, что рабочие подвержены влиянию мотивации в той же мере, что и технических аспектов труда. Осознание рабочим своей причастности к команде или коллективу, который работает в улучшенных условиях или в условиях патронажа со стороны администрации предприятия, в значительной степени повышает производительность его труда.

Итогом Хоторнских экспериментов стали следующие выводы, которым сначала пришел сам Э. Мэйо, а затем и другие исследователи.

Во-первых, успех экономической деятельности организации определяется в большей мере человеческими проблемами предприятий: остротой конфликтов рабочих с администрацией, степенью их удовлетворенности работой, процентом текучести рабочей силы, отношением к нововведениям, характером взаимоотношений внутри рабочего коллектива.

Во-вторых, приспособление рабочих к новому оборудованию — это не только технический, но и важный социальный и психологический процесс.

В-третьих, необходимо изменить методы контроля за рабочей силой в промышленности. Управляющие персоналом должны превратиться в таких же квалифицированных специалистов по человеческим отношениям с рабочими, как ученые и инженеры в своих областях знаний.

В-четвертых, главным средством разрешения «человеческих проблем на предприятиях» является контроль администрации над возникновением и деятельностью неформальных рабочих объединений. Администрация должна научиться использовать стремление к объединению рабочих в своих интересах⁴.

На основании Хоторнских исследований было сделано много научных открытий, основным из которых является следующее. Все проблемы производства и управления должны рассматриваться через призму «человеческих

⁴ См. подробнее: Mayo G.E. Teamwork and Labor Turnover in Aircraft Industry of Southern California. Cambridge, 1944.

отношений», с учетом социального и психологического факторов; сам производственный процесс и чисто физические требования к нему имеют относительно меньшее значение¹.

Идеи и выводы Э. Мейо обеспечили базу современного гуманного подхода к труду и основу большинства исследований в области управления человеческими ресурсами, а также заострили внимание ученых на проблемах удовлетворенности трудом, неформальной организации, авторитаризма и лидерства. В разработке теории и практических методов анализа человеческих отношений стали участвовать Чикагский, Корнельский, Йельский и Иллинойский университеты, а также Институт социальных исследований Мичиганского университета.

Размах деятельности этого ученого, его озабоченность вопросами методологии социологических исследований стали фактором, способствовавшим выделению группы одаренных ученых с необычно широким спектром исследовательских интересов. В приложении к книге Э. Мейо «Социальные проблемы индустриальной цивилизации», вышедшей в 1945 г., профессор Джордж Ломбард указал на ряд исследований, к которым имел отношение Отдел индустриальных исследований Э. Мейо и в которых он сам принимал участие. В их число вошли такие, ставшие классическими исследования как «Янки-Сити» А. Уорнера и «Глубокий Юг» Э. Дэвиса, а также целый ряд промышленных разработок, включая изучение деятельности профсоюзов и трудовых отношений, а также абсентеизма и текучести кадров².

Начало бурного развития теоретической социологии в Гарвардском университете связано по времени с приглашением туда в 1930 г. **Питирима Александровича Сорокина** (1889—1968) — выдающегося российского социолога, вынужденно эмигрировавшего из советской России.

Он родился в России, где получил образование, сформировался как ученый и гражданин, а также успел приобрести немалый опыт исследователя, педагога и организатора науки.

В 1922 г. П. Сорокин с группой известных деятелей культуры по решению Советского Правительства вынужден был покинуть родину. За этим последовал краткий период пребывания в Берлине, откуда по приглашению известного философа Масарика он переехал в Прагу, а через год отправился в США, где жил и трудился более сорока лет и где завершил свой жизненный путь.

В США Сорокину очень пригодился опыт организатора науки и университетского профессора, приобретенный им на родине. Он сразу и без особого труда включился в научную жизнь не одной только Северной Америки, но и всего мира. Трудно перечислить все даже самые значительные организации и учреждения, в работе которых он сразу начал принимать участие. По собственному признанию, он не любил рутинной административной работы и не придавал особого для себя значения должностным креслам. Но если это касалось интересов дела, он становился активным участником и организатором крупнейших международных научных форумов, огромного числа научных встреч на разных уровнях. П. Сорокин избирался президентом Международного Института социологии и председателем Международного социологического конгресса в Париже в 1937 г.; возглавлял Американскую социологическую ассоциацию в 1965 г.

¹ Бурганова А.А., Савкина Е.Г. Теория управления Элтона Мейо.

² Там же. С. 43.

Хотя президент Гарвардского университета предложил П. Сорокину возглавить кафедру социологии на экономическом факультете, тот вместе с положительным ответом высказал пожелание превратить эту кафедру в скором времени в отдельный факультет социологии.

Официально факультет социологии в Гарвардском университете был утвержден в начале 1931 г., а с октября этого же года начались занятия студентов. Как организатор учебного процесса Сорокин придавал большое значение тщательному подбору кадров и созданию благоприятных условий для работы преподавателей. Под правильным подбором кадров подразумевалось такое сочетание специалистов, которое бы оптимально обеспечивало высокое качество и сбалансированность программ и учебных планов. Как педагог он видел одну из важнейших задач университетского образования в развитии у студентов способности к самостоятельным суждениям, умения вырабатывать собственные взгляды и убеждения и навыки самостоятельной исследовательской работы. Лекции Сорокина слушали в Гарварде студенты, которым предстояло занять место в высших слоях правящей элиты США. Так, среди них был будущий президент США Джон Кеннеди.

Вскоре слава созданного П. Сорокиным факультета социологии вышла далеко за пределы знаменитого американского университета.

О характере и масштабах влияния П. Сорокина, его идей и его личности на мировую науку и культуру красноречиво свидетельствуют многочисленные акции в разных странах. В числе этих акций, направленных на увековечение памяти великого ученого — учреждение сорокинских премий; создание различного рода сорокинских центров; чтение сорокинских лекций; издание сорокинских сборников и специально посвященных П. Сорокину выпусков социологических журналов.

Одним из самых известных социологов, начинавших работать вместе с П. Сорокиным, был **Толкотт Парсонс (Talcott Parsons)** (1902—1979), который, хотя и значительно позднее, стал наиболее авторитетной фигурой в американской социологии.

Несмотря на ранние публикации нескольких очерков, главный вклад Т. Парсонса в начале его карьеры на социологическом факультете состоял в подготовке аспирантов, ставших заметными теоретиками социологии после Второй мировой войны.

Важнейшим годом как для самого Парсонса, так и для американской социологической теории, стал 1937 г., когда была опубликована его масштабная монография «Структура социального действия»¹.

В ней он представил широкой американской публике собственную интерпретацию идей основных европейских социологов (Э. Дюркгейм, М. Вебер и В. Парето), а также обосновал необходимость социологического теоретизирования как законной и важной формы социологической деятельности.

В Гарвардском университете прошла подготовку социологи, ставшие уже после Второй мировой войны ведущими теоретиками мировой социологии — Роберт Мертон (Robert Merton) (1910—2003) и Джордж Хоманс (George Homans) (1910—1989).

Роберт Мертон (Robert Merton) (1910—2003) в Гарварде защитил докторскую диссертацию по философии в 1936 г. и начал преподавательскую деятельность (1936 по 1939 гг.). П. Сорокин и Т. Парсонс оказали преимущест-

¹ Parsons T. The Structure of Social Action. New York, McGraw-Hill, 1937.

важное влияние на начальный этап формирования концепции Р. Мертона, которую, однако, он завершил уже в Колумбийском университете.

Джордж Хоманс (George Homans) (1910 — 1989) получил в Гарвардском университете в 1932 г. степень бакалавра, а затем два года посвятил изучению социологии В. Парето в рамках курса, который вел психолог А.Дж. Хендерсон. Увлечение Дж. Хоманса теорией В. Парето привело к появлению книги «Введение в Парето» (написанной им в соавторстве с Чарльзом Кертисом) и опубликованной в 1934 г. Эта публикация сделала Хоманса социологом, хотя произведения В. Парето были фактически единственными работами по социологии, которые он к тому времени прочел.

В 1934 г. Дж. Хоманс был назначен младшим стипендиатом-исследователем Гарвардского университета и с каждым годом постигал социологическую науку все больше. В 1939 г. он присоединился к социологическому факультету, однако его работа там была прервана Второй мировой войной. По окончании войны Хоманс вернулся в Гарвардский университет, но не стал последователем Т. Парсонса, а обратился к созданию собственной теории, базирующейся на идеях бихевиористов¹.

Во многом благодаря заслугам сначала Э. Мэйо, а затем П. Сорокина и Т. Парсонса Гарвардский университет в 30-е гг. прошлого столетия занял ведущее положение в американской социологии.

Следует отметить, что в этот период перспективы развития социологии в США стали определяться не столько индивидуальными усилиями отдельных теоретиков, сколько их объединением. Так, возникли исследовательские коллективы, включающие представителей различных общественных наук, появилась необходимость в стандартизации терминов и исследовательских процедур. Результатом стало формирование различных комитетов в рамках Американского социологического общества, издание энциклопедий и словарей социальных наук, а также словарей по социологии, унификация учебников и учебных курсов по различным отраслям социологического знания.

В целом в США между мировыми войнами складывался облик современной социологической науки, и в этот же период там началось формирование теоретических направлений, во многом предопределивших последующее развитие мировой социологии.

Первоисточники для изучения:

Вирт А. Жизнь в городе // Вирт А. Избранные работы по социологии. М.: ИНИОН РАН, 2005.

Морено Я. Социометрия и экспериментальный метод // Морено Я. Социометрия: Экспериментальный метод и наука об обществе. Пер. с англ. М.: Академический Проект, 2004.

Парк Р.Э. Город как социальная лаборатория // Рабочие тетради по истории и теории социологии. Вып. 1. М., 1992. С. 58 — 71.

Парк Р.Э. Городское сообщество как пространственная конфигурация и моральный порядок // Социальные и гуманитарные науки. Сер. 11. Социология, 2000. № 3. С. 136 — 150.

¹ Ritzer G. Sociological Theory: 5th ed. International edition: McGraw-Hill Higher Education, 2000. P. 199.

Глава 2

ДИВЕРСИФИКАЦИЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ТЕОРИЙ

2.1. Возрождение интереса к социологической теории

Между мировыми войнами в результате многочисленных и широкомащштабных эмпирических исследований сформировались новые методологические каноны социологии. Социологическое исследование, независимо от вида и направленности, должно было обязательно включать постановку проблемы, цели и конкретные задачи; выдвижение и проверку гипотез; сбор эмпирических данных с помощью конкретных процедур и их систематизацию. При этом от социологов требовались строгая объективность и ценностная нейтральность.

В XIX — начале XX в. эмпирические исследования существовали параллельно теоретической социологии и были результатом частного интереса энтузиастов различных профессий, а также отдельных социологов. В 30-е гг. прошлого столетия социологи-эмпирики образовали настоящее профессиональное сообщество. Они всеми средствами пытались возвысить эмпирические методы и даже свести к ним социологию. *В конечном счете, эта наука в силу преобладающей в ней ориентации на эмпирические исследования стала восприниматься как дисциплина преимущественно эмпирического типа.*

Однако многочисленные эмпирические исследования обычно ограничивались лишь «констатацией регулярностей в массиве данных»¹. Они не в состоянии были дать ответы на вопросы об общих тенденциях в функционировании и развитии общества, которые традиционно интересовали социологов. Кроме того, довольно быстро возникла потребность в новом уровне систематизации и обобщения накопленных данных, а также в их объяснении. Реализовать эту потребность была в состоянии лишь теория как «форма организации научного знания, дающая целостное представление о закономерностях и существенных связях определенной области действительности — объекта данной теории»².

Данное обстоятельство во многом и предопределило возрождение утраченного на время интереса к социологической теории как «форме организации научного знания, которая строится из совокупности более или менее достоверных, логически связанных друг с другом суждений, выражающих законы и принципы анализа социальных процессов»³.

К сожалению, и сегодня социологи, занятые преимущественно эмпирическими исследованиями прикладного характера, отрицают необходимость социологической теории. Как отмечают специалисты, «... часто кажется, что само слово "теория" путает людей, на что есть серьезные основания. Много

¹ См. об этом: Тернер Дж. Аналитическое теоретизирование // Теория общества: фундаментальные проблемы / Под ред. А.Ф. Филиппова. М.: Канон-пресс-Ц, 1999. С. 103 — 156.

² Теория // Новая философская энциклопедия: В 4 т. М.: Мысль, 2003. Т. 4. С. 42.

³ Осипов Г.В. Теория социологическая // Российская социологическая энциклопедия / Под общ. ред. Г.В. Осипова. М.: Норма-Инфра М, 1998. С. 566.

в современной социальной теории неразборчиво, банально, или бессмысленно. Читатель не чувствует, что она изучает что-нибудь новое или что-нибудь вообще. Даже от студента, специалиста или преподавателя в области социологии требуется тяжелая работа (дающая иногда минимальный результат) для того, чтобы просто понять ту информацию, которую она содержит. Немного людей чувствуют себя комфортно с теорией или используют ее производительным способом¹.

Подобно многим другим часто применяемым словам, слово «теория» грозит стать бессмысленным. Из-за разнообразия его референтных значений — куда входит все: от второстепенных рабочих гипотез и обстоятельных, но туманных и неупорядоченных рассуждений до аксиоматических систем мышления — употребление этого слова скорее затрудняет понимание, чем способствует ему².

На самом деле, познание реальных причин социального поведения и взаимодействия, механизмов совершенствования общества и т. п. невозможно без адекватной социологической теории. Это стало очевидным в 30-е гг. XX в., когда вышел целый ряд социологических работ явно теоретического характера.

Так, в 1932 г. была опубликована «Феноменология социального мира» А. Шюца, в 1934 г. увидела свет — «Разум, самость и общество» Г. Мида. Чуть позднее вышли труды, ставшие, по сути, поворотными в истории социологической науки, — Т. Парсонса «Структура социального действия» (1937), «Поведение организмов: экспериментальный анализ» Б. Скиннера (1938), четырехтомная «Социальная и культурная динамика» П. Сорокина (1937–1941). Практически одновременно с ними были опубликованы «Традиционная и критическая теория» М. Хоркхаймера (1937), «Трансцендентальный марксизм» Г. Маркузе (1938), «Бегство от свободы» Э. Фромма (1941).

Однако прежде чем приступить к непосредственному анализу содержания этих и многих других теоретических работ, изданных в рассматриваемый период, представляется целесообразным ответить на ряд вопросов: «Что такое социологическая теория?» «Почему социологи должны заниматься созданием социологических теорий?» «Какие характеристики отличают добротную научную теорию?» «Какие приемы задействованы в конструировании социологических теорий?» «Каким критериям должна отвечать теория, адекватная современному канонам социологической науки?»

Слово *теория* в переводе с греческого языка означает «умозрение», «умозаключение», «заключение».

Научная теория — в широком смысле — это комплекс взглядов, представлений, идей, направленных на истолкование и объяснение какого-либо явления. В более узком и специализированном смысле теория — самая развитая форма организации научного знания, дающая целостное представление о закономерностях и существенных связях определенной области действительности — объекта данной теории³.

¹ Craib I. Modern Social Theory. From Parsons to Habermas. Second edition. Eastbourne: Antony Rowe Ltd, 1992. P. 3.

² Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ. 2006. С. 64.

³ Шварц В. С. Теория // Новая философская энциклопедия: В 4 т. М.: Мысль, 2003. Т. 4. С. 42.

Научная теория — это также совокупность обобщенных положений, в границах которой отдельные понятия, гипотезы и законы теряют прежнюю автономность и становятся элементами целостной системы. Это высшая форма организации научного знания, дающая целостное представление о закономерностях и существенных [структурных, функциональных, каузальных, генетических] связях определенной области описываемой действительности.

В данной связи теорию следует отличать от концепции, — понятия, которым обозначают комплекс взглядов, представлений, идей, направленных на истолкование и объяснение какого-либо явления⁴.

Теория может развиваться в относительной независимости от эмпирического исследования — посредством знаково-символических операций по правилам математических и логических формализмов, посредством введения различных гипотетических допущений или математических моделей (особенно математических гипотез и математических моделей), а также путем мысленного эксперимента с идеализированными объектами.

Действительно, подобная относительная самостоятельность теоретического исследования образует важное преимущество мышления на уровне теории, ибо дает ему богатые эвристические возможности. Но реальное функционирование теории в науке осуществляется в органическом единстве с эмпирическим исследованием. Теория выступает как реальное знание о мире только тогда, когда она получает эмпирическую интерпретацию. Как подтверждение теории отдельными эмпирическими примерами не может служить безоговорочным свидетельством в ее пользу, так и противоречие теории отдельным фактам не есть достаточное основание для отказа от нее. Но подобное противоречие служит мощным стимулом совершенствования теории вплоть до пересмотра и уточнения ее исходных принципов⁵.

Исследователи выделяют причины, которые периодически вынуждают социологов «обратиться лицом к социологической теории»⁶.

Прежде всего, люди во всех неприятных ситуациях, связанных с их повседневной жизнью, пытаются найти им объяснение, которое часто принимает форму обвинения «кого-нибудь в чем-либо». Так, мигрантов, которые пополняют рынок труда дешевой рабочей силой, обвиняют в снижении числа свободных вакансий для «коренных жителей». Родственники, непосредственное руководство, власти или просто «обстоятельства» обычно повинны во многих неурядицах, связанных с личной жизнью, карьерным ростом или материальным благополучием. Иногда они оказываются способными к более продвинутому обобщению типа: «безработица — это результат экономической политики правительства»; «бессилие что-либо изменить в частной жизни — результат свойства собственной личности» и т. п. Иногда имеют место и более сложные объяснения. В любом случае, как только человек начинает думать и пытаться объяснить то, над чем не имеет никакого контроля, он начинает думать теоретически.

С такой позиции теория — это пробное выражение того, что человек разгадал в накаляющихся волнами жизни событиях как правильный, за-

⁴ Шварц В. С. Теория. С. 42.

⁵ Там же. С. 44.

⁶ Craib I. Modern Social Theory. From Parsons to Habermas. Second edition. Eastbourne: Antony Rowe Ltd, 1992. P. 6.

кономерно повторяющийся рисунок»¹. Эту теорию можно рассматривать как способ связать вместе множество фактов.

Но хорошая теория выполняет и более активные функции, прежде всего, обеспечивает эксплицитную основу, на которой можно делать дедуктивные выводы. Когда теория дает общую систему координат, в которой можно размещать и сохранять определенные факты и предвидеть события, а также узнать что-то новое об окружающем мире, не связанное непосредственно с опытом, то она становится научной². Научная теория должна склоняться к формулированию гипотез, побуждать к экспериментированию и вдохновлять на изобретение. Назначение научной теории — обеспечить основу для точных предсказаний³.

Американский ученый Томас Кун выделил и обосновал пять важнейших характеристик, которым должна отвечать добротная научная теория.

Во-первых, теория должна быть точной: следствия, дедуцируемые из теории, должны обнаруживать согласие с результатами уже существующих экспериментов и наблюдений.

Во-вторых, теория должна быть непротиворечива, причем не только внутренне или сама собой, но также с другими принятыми теориями, применимыми к близким областям природы.

В-третьих, теория должна иметь широкую область применения, следствия теории должны распространяться далеко за пределы тех частных наблюдений, подзаконов и подтеорий, на которые ее объяснение первоначально было ориентировано.

В-четвертых, теория должна быть простой, вносить порядок в явления, которые в ее отсутствие были бы изолированы друг от друга и составляли бы спутанную совокупность.

В-пятых, это менее стандартная, но весьма важная для реальных научных решений характеристика. Теория должна быть плодотворной, открывать новые горизонты исследования; она должна раскрывать новые явления и соотношения, ранее остававшиеся незамеченными среди уже известных⁴.

Все эти пять характеристик: точность, непротиворечивость, область приложения, простота и плодотворность, по Т. Куну, представляют собой стандартные критерии оценки адекватности теории.

Существуют общепринятые требования, которым должна отвечать научная теория в социологии, цель которой, как и любой теории — объяснить и понять социальный опыт на основе других событий и общих представлений о мире⁵.

Во-первых, такая теория является принципиально отличной от повседневного теоретического размышления. Природа социологии не такова, что можно сразу двинуться непосредственно от практических и информативных исследований социального мира к социальной теории. «Исследования реаль-

¹ Келли Дж. Плодотворность научной теории // Келли Д.А. Теория личности. Психология личностных конструктов / Пер. с англ. и науч. ред. А.А. Алексеева. СПб.: Речь, 2000. Цит. по: Добрыняков В.И., Крайчекко А.И. Фундаментальная социология. Т. 1. С. 599.

² Келли Дж. Плодотворность научной теории... С. 600.

³ Там же.

⁴ Кун Т. Объективность, ценностные суждения и выбор теории // Современная философия науки. М.: Логос, 1996. С. 62.

⁵ Craib I. Modern Social Theory. From Parsons to Habermas. Second edition. Eastbourne: Antony Rowe Ltd, 1992. P. 8.

ного мира служат лишь сырьем для теории, которая предназначена для того, чтобы помочь понять их результаты»¹.

Во-вторых, социологическая теория носит, по определению, общий характер, поскольку имеет дело с особой систематизацией знаний об окружающем мире.

Так, различные процессы систематизации приводят исследователей к заключению, что в мире существуют вещи, относительно которых нет «прямого опыта», или те, которые являют собой противоположность тому, что можно было бы от этого опыта ожидать. Например, «если бы люди верили только тому, что они видят, то никто не полагал бы, что земля была круглая или что она вращается вокруг солнца»².

Действительно, каждая социальная теория выдвигает некоторые суждения, которые вступают в противоречие с непосредственным опытом, событиями, но именно из этого и извлекается рациональное зерно, которое она дает.

В то же время объект социологии и предметная матрица этой дисциплины обуславливают ряд проблем, которые обычно затрудняют становление научной социологической теории.

Первой из таких проблем является невозможность «экспериментальной изоляции» существенных аспектов социального мира, что вполне возможно в естественных и точных науках.

Эти науки обладают общепринятым теоретическим знанием, обычными экспериментальными процедурами, и инструментами, необходимыми, чтобы выполнить их. На их базе исследователи пытаются управлять определенными особенностями естественного мира, который соответственно можно изолировать в экспериментальных ситуациях. Так же как кроссворд обеспечивает структуру и ряд подсказок, так и они имеют общие рамки и признаки того, на что должен походить естественный мир, поэтому просто приступают к подробному заполнению пустых «ячеек».

Социолог не должен использовать теорию таким образом, поскольку сведение явлений социального мира к физическим аналогам или же к ряду теоретических понятий существенно упрощает его и неизбежно влечет за собой редукционизм.

Вторая проблема состоит в том, что целью теоретического мышления является попытка достигнуть логической последовательности между различными частями теории. Однако сам социальный мир часто нелогичен или логичен лишь по отношению к конкретной теории. Это приводит к тому, что ряд теоретических построений можно сопоставить с удрожанием в логике, которое существенно отдаляет от познания или объяснения социального мира.

Третья проблема состоит в подмене объяснения описанием. Объяснение позволяет познать или осмыслить то, чего нельзя просто увидеть, то есть описать. Часто объяснение просто смешивается с описанием посредством абстрактных терминов. Это во многом способствует тому, что теория приобретает «дуриную славу»: бесконечные страницы теоретических трактатов, если осмыслить их реальное содержание, воспроизводят очевидное. Особенно уязвимым в этом отношении считается Т. Парсонс, однако многие из пред-

¹ Craib I. Modern Social Theory. From Parsons to Habermas. Second edition. Eastbourne: Antony Rowe Ltd, 1992. P. 4.

² Там же. P. 8–9.

ставителей постмодернистской теории также просто болтают на жаргоне, который по существу ничего не добавляет к нашему знанию.

Наряду с этим социологов часто захватывают проблемы, не связанные непосредственно с объяснением чего-либо конкретного. От занятия ими они получают удовольствие, подобное удовольствию от процесса решения головоломки. Тогда некоторые дебаты, по существу, сводятся к известному вопросу: «Что первично, яйцо или курица»? На этот вопрос и подобные вопросы вполне возможно предложить изящные ответы, ни один из которых при этом не будет окончательным и не предоставит реальной помощи социальному анализу¹.

Итак, каким образом все же можно идентифицировать настоящую научную теорию в социологии? Интерес в данной связи представляют рассуждения американского социолога Дж. Тёрнера, который дополняет термин «научная теория» прилагательным «аналитическая».

По его мнению, термин «аналитическое» расплывчат, но все же он вполне применим «для описания ряда теоретических подходов, которые допускают следующее: мир вне нас существует независимо от его концентуализации; этот мир обнаруживает определенные вневременные, универсальные и инвариантные свойства; цель социологической теории в том, чтобы выделить эти всеобщие свойства и понять их действие»².

Тогда, согласно Дж. Тёрнеру, можно выделить четыре основных подхода или схемы, применяемые к построению аналитической теории (хотя на практике встречается значительно больше схем). Это: 1) метатеоретические схемы, 2) аналитические схемы, 3) пропозициональные схемы и 4) моделирующие схемы³.

Метатеоретические схемы (метатеоретизирование) имеют место тогда, когда построению теории предшествуют «основные посыпки», которые в дальнейшем будут руководить теоретической деятельностью. Однако Дж. Тёрнер считает, что такие вопросы и весьма пространные трактаты, ими вдохновляемые, втягивают теорию в старые и неразрешимые философские споры: идеализм против материализма, индукция против дедукции, субъективизм против объективизма и т. п.

Аналитические схемы предполагают построение абстрактных систем из категорий, которые предположительно обозначают ключевые свойства универсума и важнейшие отношения между этими свойствами. По сути, подобные схемы представляют собой типологии, отображающие основные движущие силы универсума. Абстрактные понятия расчленяют основные его свойства и затем упорядочивают их таким образом, чтобы предположительно проникнуть в его структуру и движущие силы. Конкретные события считаются объясненными, если схему можно использовать при истолковании какого-то конкретного эмпирического процесса.

Пропозициональные схемы имеют дело с суждениями, которые связывают переменные друг с другом. То есть эти суждения фиксируют определенную форму отношения между двумя или более переменными свойствами социального универсума. В свою очередь, эти схемы обычно очень разнообразные,

¹ Craib I. *Modern Social Theory. From Persons to Habermas*. Second edition. Eastbourne: Antony Rowe Ltd, 1992. P. 12–13.

² Тёрнер Дж. Аналитическое теоретизирование // Теория общества: фундаментальные проблемы / Под ред. А.Ф. Филиппова. М.: Канон-пресс-Ц, 1999. С. 103–156.

³ Turner J.H. In *Defence of Positivism // Sociological Theory*. 1985. Vol. 4. P. 8.

могут быть сгруппированы в три общих типа: 1) «аксиоматические схемы»; 2) «формальные схемы»; 3) «эмпирические схемы».

Аксиоматические схемы (и соответствующий им тип теоретизирования) подразумевают дедукцию (в виде точного исчисления) от абстрактных аксиом, содержащих точно определенные понятия, к эмпирическому событию. Объяснение состоит в установлении того, что эмпирическое событие «охватывается» одной или более аксиомами. В действительности, однако, аксиоматическая теория редко возможна в тех науках, которые не в состоянии осуществлять лабораторный контроль, определить понятия через указание «точных классов» и использовать формальное исчисление, логическое или математическое. Хотя социологи часто употребляют словарь аксиоматической теории — аксиомы, теоремы и т. п., они очень редко имеют возможность удовлетворить необходимым требованиям настоящей аксиоматической теории. Вместо нее они занимаются формальным теоретизированием.

Формальные схемы представляют собой «разбавленное» аксиоматическое теоретизирование. Абстрактные законы четко формулируют и часто очень приблизительно и непоследовательно «дедуцируют» из них эмпирические события. Объяснить — значит представить эмпирическое событие как случай или проявление более абстрактного закона. Следовательно, цель теоретизирования — развивать элементарные законы или принципы применительно к основным свойствам универсума.

Эмпирические схемы в действительности — всего лишь эмпирические обобщения, устанавливающие регулярные явления. В одних случаях в рамках этих схем простые теоретические обобщения возводятся в ранг «закона» (таков, например, «закон Голдена», который попросту содержит информацию, что индустриализация и грамотность коррелируются положительно). В других случаях имеют место попытки развить ряд обобщений для какой-то содержательной области, скажем, урбанизации, организованного контроля, отклоняющегося поведения, социализации или других содержательных тем. Согласно Дж. Тёрнеру, такие схемы — это вообще не теории, а эмпирические обобщения, в которых устанавливаемые регулярные явления требуют для своего объяснения более абстрактной формулировки⁴.

Наконец, *моделирующие* схемы основаны на попытках моделирования в области социальной теории, которое включает разнообразные виды деятельности: от составления формальных уравнений и имитационного моделирования на компьютерах до графического представления отношений между явлениями.

Модель есть схематическое представление неких событий, которое включает понятия, обозначающие и высвечивающие определенные черты универсума; расположение этих понятий в наглядной форме, отражающей упорядочение событий в мире; символы, характеризующие природу связей между понятиями. В социологической теории обычно строят два типа моделей: «абстрактно-аналитические» и «эмпирико-каузальные».

Абстрактно-аналитические модели разрабатывают свободные от контекста понятия (например, понятия, относящиеся к производству, централизации влас-

⁴ Тёрнер Дж. Аналитическое теоретизирование ... С. 123.

ти, дифференциации и т. д.) и затем представляют их отношения в наглядной форме. Такие отношения обычно выражены в категориях причинности, но эти причинные связи — сложные, подразумевают изменения в характере связи (типа цепей обратной связи, циклов, взаимных влияний и прочих нелинейных представлений о соединениях элементов).

Напротив, эмпирико-каузальные модели обычно представляют собой высказывания о корреляциях между измеренными переменными, упорядоченными в линейную и временную последовательность. Цель — «объяснить изменчивость» зависимой переменной на основе ряда независимых и промежуточных переменных. Такие упражнения в действительности всего лишь эмпирические описания, потому что понятия в модели данного типа — это измеренные переменные для частного эмпирического случая. Подобно своим пропозициональным аналогам, каузальные модели описывают регулярность в совокупности данных, что требует для настоящего объяснения более абстрактной теории.

В целом, согласно Дж. Тёрнеру, *метатеоретические и детально разработанные аналитические схемы — это не теория в подлинном смысле слова*. Метатеория высоко философична и не поддается проверке. В аналитических схемах чрезмерное внимание уделяется собственной архитектонике, хотя они могут дать хорошую базу, чтобы начать концептуализацию основных классов переменных, могущих быть встроеными в проверяемые суждения и модели. Эмпирические пропозициональные схемы и эмпирическое моделирование — это не теория, а своего рода экспликации в поисках какого-то объяснения.

Дело в том, что теория должна содержать нечто большее, чем абстрактные высказывания о регулярных явлениях: она должна обратиться к проблеме причинности, не ограничиваясь простой причинностью эмпирических моделей. Аналитические модели существенно дополняют абстрактные суждения, выявляя сложные причинные взаимосвязи (прямые и косвенные влияния, петли обратной связи, взаимные влияния и т. д.) между понятиями в этих суждениях. Без таких моделей трудно узнать, какие процессы и механизмы задействованы в отношениях, которые отражены в некотором абстрактном суждении.

Следовательно, аналитическая теория должна быть абстрактной. Она должна отображать общие свойства универсума, быть проверяемой или способной порождать проверяемые суждения. Такая теория не может пренебрегать причинностью, действующими процессами и механизмами. И потому наилучший подход к построению теории в социологии — это сочетание сенсублизирующих аналитических схем, абстрактных формальных суждений и аналитических моделей¹. Хорошая социологическая теория должна быть выражена на языке абстракций достаточно высокого порядка, чтобы их можно было разглядеть почти во всех явлениях, с которыми ... социология должна иметь дело².

В то же время социологическая теория, отвечающая требованиям науки, обязательно должна быть проверена на фактах и тем самым тесно связана с позитивизмом.

¹ Тёрнер Дж. Структура социологической теории: Пер. с англ. М.: Прогресс, 1984. С. 65.

² Келли Дж. Плодотворность научной теории // Келли Д.А. Теория личности. Психология личных конструкций / Пер. с англ. и науч. ред. А.А. Алексеева. СПб.: Речь, 2000. Цит. по: Добрыньков В.И., Кравченко А.И. Фундаментальная социология. Т. 1. С. 601.

К сожалению, позитивизм очень часто и неправомерно отождествляют с «грубым эмпиризмом». На самом деле позитивизм означает использование теории для интерпретации эмпирических событий и, наоборот, опору на данные наблюдений для оценки правдоподобия теории.

Так, еще О. Конт настаивал, что «никакое истинное наблюдение явлений любого рода невозможно, кроме как в случае, когда его сначала направляет, а в конце концов, и интерпретирует некая теория»¹. Он считал «серьезной помехой» научному прогрессу «эмпиризм, внедренный [в позитивизм] теми, кто во имя беспристрастности хотел бы вообще запретить пользование какой-либо теорией»².

Итак, *важнейшей тенденцией* в развитии западной социологии, наметившейся в 30-е гг. и окончательно проявившейся к середине прошлого столетия, стало возрождение интереса к подобной абстрактной, но эмпирически обоснованной социологической теории, которая была бы способна формировать универсальные теоретические модели описания, анализа и объяснения различных социальных явлений. Эта тенденция воплотилась в академической социологии — «направлении в западной социологии, возникшем в университетской среде, представители которого концентрировали внимание на изучении базисных, фундаментальных проблем социального познания»³.

Следует отметить, что университеты всегда обладали значительным преимуществом перед неформальными сообществами интеллектуалов. Они развивали свои знания систематически, поскольку их надо было преподавать в учебных курсах. Они предоставляли большую свободу от давления идеологии и требований непосредственной практической пользы и имели возможность уделять больше внимания чистой теории. При этом они предусматривали последовательное обучение студентов, когда различные направления мысли могли развиваться сразу несколькими поколениями. В результате университетские ученые, в конце концов, обогнали большинство своих неакадемических конкурентов. Все зрелые области интеллектуальной жизни, за исключением литературы и художественных течений, оказались включенными в круг университетских дисциплин. Этот процесс пошел еще дальше, когда университеты занялись социальными науками⁴.

Академическая социология стала развиваться на базе структурного функционализма, а затем объединила ряд других теоретических направлений (символический интеракционизм, социальный бихевиоризм и т. п.), которые, хотя и имели определенные отличия, были связаны общим методологическим подходом.

Во-первых, главная задача социального познания усматривалась ими в открытии и формулировке универсальных, независимых от времени и места закономерностей поведения, будь то человека или социальных организаций, а поиск научной истины объявлялся главной ценностью научного познания.

Во-вторых, важнейшими ценностями, провозглашенными представителями академической социологии, являлись так называемая «идеологическая

¹ Comte A. Systeme de Philosophie Positive. Paris: Bachelier, 1830—1842. Vol. 1. P. 242.

² Там же.

³ Комаров М.С. Социология академическая // Российская социологическая энциклопедия / Под общ. ред. Г.В. Осипова. М.: Норма-Инфра М, 1998. С. 487.

⁴ Коллингз Р. Четыре социологических традиции / Пер. с англ. В. Росмана. М.: Издательский Дом «Территория будущего», 2009. С. 36—37.

независимость» социолога и свобода социологии от оценочных суждений, объективный анализ социальных процессов.

В-третьих, при всех идейно-теоретических и методологических разногласиях академические социологи были солидарны в том, что общественное предназначение социологии — быть инструментом просвещения и образования различных социальных групп и слоев общества.

Становление академической социологии означало вместе с тем завершение процесса дифференциации между двумя различными, но взаимосвязанными областями социологических исследований — чисто теоретически ориентированной социологией и прикладной, имеющей своей целью поиск практических решений для конкретных социальных проблем. В ее рамках появился целый ряд социологических теорий, которые позволяли более или менее строго очертить предметную область социологии как автономной научной дисциплины и служили теоретической и методологической основой эмпирических исследований.

С одной стороны, именно благодаря появлению в системе социологического знания этого множества разнородных по содержанию, но эмпирически подтвержденных теорий, социология окончательно достигла научной зрелости и стала востребованной областью научного знания.

С другой стороны, появление целого диапазона теорий совершенно разных типов, представители которых вели непрерывную полемику по поводу предметной области, основных проблем и категорий социологической науки, обусловило необходимость в создании определенных способов организации их восприятия.

2.2. Критерии классификации социологических теорий

Во второй трети XX столетия в западной социологии появился целый ряд относительно автономных теорий, основатели которых как разделяли некоторые позиции, так и постоянно дискутировали между собой. Эта множественность теоретических построений неизбежно выдвинула перед историками социологии задачу — разработать критерии «классификации», которая смогла бы существенно облегчить бы их восприятие. В результате сформировалось несколько систематизирующих подходов, ставших довольно популярными.

Одним из таких подходов, получивший широкое распространение, стал макро/микросоциологический подход.

Согласно макро/микросоциологическому подходу все теории рассматриваемого периода, если исходить из определения предметной области социологической науки, образуют две большие группы: «макросоциологию» и «микросоциологию».

Предметом изучения «макросоциологии» является социальная структура общества и крупномасштабные социальные явления, происходящие в ней. Соответственно, к макросоциологии относились теоретические построения, входящие в структурно-функциональное направление, а также теории социального конфликта. Кроме этого, в нее включались все концепции, которые базировались на анализе и интерпретации социологического наследия К. Маркса и Ф. Энгельса.

Предметом изучения «микросоциологии» служит мир социальных отношений и действий людей, из которых складываются различные формы соци-

альной организации. Микросоциологию составляли символический интеракционизм, феноменологическая социология, этнометодология, психоаналитическая социология, а также теории социального обмена.

Одно время широко пропагандировалась так называемая «карта социологических теорий», составленная на базе этого подхода зарубежными исследователями.

Карта социологических теорий

Макросоциология Критерии / суть	Микросоциология Критерии / суть
Отношения между индивидом и обществом / изучает общество в целом и считает, что общество структурно подчиняет индивидов	Отношения между индивидом и обществом / изучает индивида в рамках общества, делая акцент на отношения между индивидом и обществом (социальном действии)
Природа социологии / позитивизм. Социология изучает социальные факты и пути, посредством которых общество влияет на поведение индивидов	Природа социологии / социальный конструктивизм. Социология изучает пути, посредством которых индивиды интерпретируют и создают свой социальный мир
Основные направления / марксизм, структурный функционализм	Основные направления / символический интеракционизм, феноменологическая социология, этнометодология

Источник: File//A/Map

Как видно из этой карты, вся «социологическая теория» разделена на макро- и микрообласти, «климат» отдельных пунктов которых определяют отношения между индивидом и обществом и природа самой социологии.

На наш взгляд, этот подход, хотя и нашел отражение в ряде учебников по социологии, является довольно примитивным. Он базируется на недостаточном глубоком знании основных элементов тех теорий, которые часто автоматически попадают в конкретную (макро или микро) группу. Так, Т. Парсонс, широко признанный «макротеоретиком», много внимания в своих построениях уделял «социальному действию» как индивидуальному акту и его отдельным компонентам. Ряд общепринятых «микросоциологов» вовсе не игнорировали познание общества и социальной реальности в целом, и занимались проблемами социальных изменений.

Следует отметить, что суть данного подхода сформулировал американский социолог Дж. Ритцер, который отмечал, что «поляризация микро- и макро-ориентаций стала ... характерной для интерпретации большей части социологических теорий середины XX века»¹.

Так, «Экстремальное выражение макросоциологической ориентации находят у Т. Парсонса, у Р. Дарендорфа, ... и даже П. Блау, только исходя из того, что последний однажды с апломбом заявил о себе как о "структурном детерминисте". В качестве отчетливого примера крайней микросоциологической ориентации приводят теорию обмена Джорджа Хоманса, якобы искавшего альтернативу структурному функционализму и нашедшего ее в наиболее ра-

¹ Ritzer G. *Sociological Theory: 3rd International Edition*. McGraw-Hill Companies House, Inc., 2000. P. 494.

дикальным направлением бихевиоризма, сфокусированном на микропорядке, которое развивал Б. Скиннер. Кроме того, сюда относится этнометодология с ее вниманием к повседневной деятельности субъектов, поскольку у Гарфинкеля вызвали неприязнь идеи структурных функционалистов и их стремление превращать действующих субъектов в остолопов. Такие крайние интерпретации имели тенденцию преувеличивать масштабы расхождения между микро- и макротеориями, а также, в более общем плане, конфликта и разногласий в самой социологической теории¹.

Однако использование терминов «микро» и «макро» предполагает наличие дихотомии. На самом деле «следует отдавать себе отчет в том, что существует целый континуум теорий, варьирующийся в пределах микро- и макроуровня, и, что, возможно, более важно, между теми, кто таким образом интерпретировал социологические теории»².

В результате, «уже с 70-х гг. XX в. наметился отход от крайностей микро/макро подхода: а термины "микро" и "макро" в работах по социологии практически перестали упоминаться»³.

Появление *другого* — «парадигмального» подхода во многом связано с выходом книги американского ученого Т. Куна «Структура научных революций»⁴. В этой книге он обратился к анализу причин острых разногласий в среде ученых-обществоведов, в которой он оказался.

Как писал сам о себе Т. Кун, «проведя один год (1958/1959) в обществе, состоявшем, главным образом, из специалистов в области социальных наук, я неожиданно столкнулся с проблемой различия между их сообществом и сообществом ученых-естествоиспытателей, среди которых обучался сам. В особенности я был поражен количеством и степенью открытых разногласий между социологами по поводу правомерности постановки тех или иных научных проблем и методов их решения»⁵.

«Как история, так и личные знакомства заставили меня усомниться в том, что естествоиспытатели могут ответить на подобные вопросы более уверенно и более последовательно, чем их коллеги социологи. Однако, как бы то ни было, практика научных исследований в области астрономии, физики, химии и биологии обычно не дает никакого повода для того, чтобы оспаривать самые основы этих наук, тогда как среди психологов и социологов это встречается сплошь и рядом»⁶.

Попытки найти источник этого различия привели Куна к осознанию роли в научном исследовании того, что он впоследствии и стал называть «парадигмами».

Согласно Куну, «парадигмы» — это «признанные всеми научные достижения, которые в течение определенного времени дают научному сообществу модель постановки проблем и их решений»⁷. Парадигма — это то, что объеди-

¹ Ritzer G. Sociological Theory: 5th International Edition. McGraw-Hill Companies House, Inc., 2000. P. 494–495.

² Ibid. P. 494.

³ Kemény J. Perspectives on the Micro-Macro Distinction // Sociological Review. 1976. 24. P. 731.

⁴ Kuhn T. The Structure of Scientific Revolutions. Chicago: University of Chicago Press, 1962.

⁵ Кун Т. Структура научных революций / Пер. с англ. И.З. Налетова. М.: Изд-во Прогресс, 1977. 2-е изд. С. 10.

⁶ Кун Т. Структура научных революций ... С. 11.

⁷ Кун Т. Структура научных революций ... С. 11.

няет членов научного сообщества, и, наоборот, научное сообщество состоит из людей, признающих парадигму¹.

Продолжая свои рассуждения, Т. Кун подчеркивал, что «... есть научные школы, то есть сообщества², которые подходят к одному и тому же предмету с несовместимых точек зрения. В результате члены научного сообщества считают себя и рассматриваются другими в качестве единственных людей, ответственных за разработку той или иной системы разделяемых ими целей, включая и обучение учеников и последователей...»

«Коммуникация в таких группах бывает обычно относительно полной, а профессиональные суждения — относительно единодушными. Поскольку, с другой стороны, внимание различных научных сообществ концентрируется на различных предметах исследования, то профессиональные коммуникации между обособленными научными группами иногда затруднительны; результатом оказывается непонимание, а оно в дальнейшем может привести к значительным и непредвиденным расхождениям»³.

Идеи, выдвинутые Т. Куном, произвели большое впечатление на социологов, а термин парадигма, в несколько модифицированном виде, стал широко использоваться ими для структурирования историко-социологического процесса.

В современной трактовке термин парадигма означает особый способ организации научного знания, задающий то или иное исходное видение мира и соответственно образцы или модели постановки и решения исследовательских задач, господствующий в научном сообществе в течение определенного исторического периода. Это специфическая структура, включающая различные по характеру и содержанию вариации представлений о предмете науки, ее основополагающей теории и специфических методах исследования.

Понятие «парадигма» вслед за Т. Куном признается исследователями более широким, чем такое понятие как «научная теория». Сам он подчеркивал, что термин теория в том смысле, в каком он обычно используется в философии науки, обозначает структуру намного более ограниченную по ее природе и объему, чем структура, которая требуется здесь. Парадигма — это не только теория, но и способ действия в науке или модель, образец решения исследовательских задач⁴.

«Парадигмальный» подход к систематизации социологических теорий в целом разделял Дж. Ритцер, который даже назвал социологию «мультипарадигмальной наукой»⁵.

Этот исследователь утверждал, что к середине XX в., сложились и получили признание три основные парадигмы, которым он, соответственно, дал

¹ Кун Т. Структура научных революций ... С. 229.

² Здесь Т. Кун имеет в виду «научное сообщество», которое «состоит из исследователей с определенной научной специальностью. Внесравнимо большей степени, чем в большинстве других областей, они получили сходное образование и профессиональные навыки; в процессе обучения они усвоили одну и ту же литературу и усвоили из нее одни и те же уроки». (Кун Т. Структура научных революций / Пер. с англ. И. З. Налетова. М.: Изд-во Прогресс, 1977. 2-е изд. С. 231.)

³ Кун Т. Структура научных революций ... С. 231.

⁴ Там же.

⁵ См. об этом: Ritzer G. Sociology: A Multiple-Paradigm Science. Boston: Allyn and Bacon, 1975; Ritzer G. Sociology: A Multiple-Paradigm Science // American Sociologist. 1975. № 10. P. 156–167.

названия: «парадигма социальных фактов», «парадигма социальных дефиниций» и «парадигма социального поведения»¹. Эти парадигмы Дж. Ритцера различал по теоретическому источнику, фокусу (предмету) исследовательского анализа, методам, а также теориям, которые их образуют².

Многие исследователи, в том числе и отечественные, хорошо восприняли данную классификацию Дж. Ритцера, и даже попытались ее конкретизировать и дополнить. В результате в отечественной теоретической социологии стали выделять уже пять парадигм, которые существуют с середины XX в. Наряду с парадигмами «социальных фактов», «социальных дефиниций» и «социального поведения», выделенных Дж. Ритцером, в их число оказались включенными так называемая парадигма «психологического детерминизма» и парадигма «социально-исторического детерминизма». При этом в фокус анализа попадают история возникновения каждой из этих парадигм, их общие моменты, а также те социологические теории, которые их образуют.

Так, возникновение *первой парадигмы* — «парадигмы социальных фактов» — связывают с именем Э. Дюркгейма, который ввел понятие «социальные факты» и призвал их рассматривать «как вещи», то есть объективно. Считается, что сторонники данной парадигмы выделяют и изучают в качестве реально существующих вещей две группы социальных фактов — социальную структуру и социальные институты.

Парадигма социальных фактов объединяет две теории — теорию структурного функционализма (или структурно-функциональную теорию) и теорию социальных конфликтов (или конфликтную теорию). Исходными и в то же время альтернативными понятиями этих двух теорий (или являются понятия согласия (альтер консенсуса) и конфликта.

Появление *второй парадигмы* — «парадигмы социальных дефиниций» обосновывается специалистами трудами М. Вебера. При этом утверждается, что социальная реальность в этой парадигме выступает как совокупность дефиниций (значений, символов) в форме которых действующие люди оценивают свое окружение. И эта реальность, сконструированная из различных символов, значений и т. п., в свою очередь детерминирует их социальное действие. Согласно этой парадигме, социальное поведение людей строится в соответствии с пониманием ими социальной реальности. В парадигму социальных дефиниций включают три теоретические направления: символический интеракционизм, феноменологическую социологию и этнометодология.

Третья парадигма — «парадигма социального поведения» — опирается на психологическую традицию в социологии. Суть данной парадигмы видится в понимании поведения человека как соответствующей реакции на определенные внешние стимулы, а особое внимание в ее рамках акцентируется на проблеме вознаграждения ожидаемого и наказания нежелательного социального поведения. Парадигма социального поведения объединяет социальный бихевиоризм с теориями социального обмена.

Четвертую парадигму — «парадигму психологического детерминизма»³ — связывают с учением учения австрийского психиатра З. Фрейда и концепци-

¹ Ritzer G. Sociology: A Multiple-Paradigm Science // Ritzer G. Sociological Theory: 5th International Edition. McGraw-Hill Companies House, Inc., 2000. P. 630.

² Ritzer G. Sociology: A Multiple-Paradigm Science ... P. 631–632.

³ Детерминизм означает, что все события, совершающиеся в мире, происходят при определенных условиях, и вне этих условий они произойти не могут.

ями постфрейдистов, которые отличались тем, что сосредоточили свое внимание не на биологических, а на культурных и социальных причинах неврологических заболеваний.

Пятую парадигму — «парадигму социально-исторического детерминизма» — базируют работами классиков марксизма. В рамках этой парадигмы, развиваемой на западе последователями К. Маркса и Ф. Энгельса, социальная реальность рассматривается как совокупность отношений между людьми, складывающаяся в процессе их совместной деятельности.

Исследователи также полагают, что в целом критериями разграничения парадигм выступают содержательно отличные друг от друга социологические категории и соответствующие им структурные элементы социальной реальности, интерпретация взаимодействия которых позволяет понять природу последней. Данные категории, во-первых, позволяют содержательно отличить данную парадигму от другой, а во-вторых, могут служить основанием для построения различных видов теорий в пределах данной парадигмы. Такими категориями являются «общество», «культура», «личность», «социальные отношения». Ими могут быть и «социальные группы», а также «социальные институты», «социальные организации», «социальные факты».

Однако одновременное наличие одинаковых категорий в рамках различных парадигм, как и принадлежность ряда теоретиков одновременно к двум парадигмам, вызывает сомнения в правомерности этого «парадигмального» подхода.

Так, теоретическим построениям Т. Парсонса отводят особое место и в парадигме социальных фактов, и в парадигме социальных дефиниций.

Ряд аргументов можно привести против безоговорочного включения всех теорий, разработанных последователями К. Маркса, в парадигму социально-исторического детерминизма. Например, версии так называемого структурного марксизма во многом используют концептуальный аппарат, разработанный в рамках структурного функционализма, и, соответственно имеют право на то, чтобы войти в парадигму социальных фактов.

Следует подчеркнуть, что и сам Дж. Ритцер отмечал «односторонний характер выделения парадигм, который явно не мог отразить всю сложность и неоднозначность социологических теорий, разработанных к середине XX века»⁴. Т. Кун также в дальнейшем стал отдавать предпочтение не термину «парадигма», а понятию «дисциплинарная матрица». «... Дисциплинарная, потому что она учитывает обычную принадлежность ученых-исследователей к определенной дисциплине. Матрица — потому что она составлена из упорядоченных элементов различного рода, причем каждый из них требует дальнейших спецификаций»⁵.

Таким образом, применение обозначенных подходов к классификации социологических теорий неизбежно затрудняет не только восприятие, но и оценку различных социологических теорий, а также мешает осмыслить их своеобразие.

Возможно, что именно поэтому исследователи часто просто «выстраивают» историю социологии «вокруг имен». В результате превалирует так называемый *персоналистический подход*, который состоит в акцентировании

⁴ Ritzer G. Sociology: A Multiple-Paradigm Science // Ritzer G. Sociological Theory: 5th International Edition. McGraw-Hill Companies House, Inc., 2000. P. 633.

⁵ Кун Т. Структура научных революций. С. 338.

личного, индивидуального компонента истории социологии посредством создания «галереи» портретов наиболее крупных западных социологов, каждый из которых олицетворяет собой направление в социологии, ассоциируемое с его именем. При этом предполагается, что «читатели приобретают представление о социологии, создававшейся и создающейся активно действующими учеными, в большинстве случаев не промышлявшими о собственных научных школах, а лишь реализовавшими свой социологический интерес»¹.

Конечно, ряд социологов — теоретиков этой науки заслуживают особого внимания, а их творчество — углубленного изучения. Прежде всего, это те, в чьих трудах можно обнаружить все признаки научной социологической теории; те, кто активно участвовал в дискурсе о предмете социологии и ее методологии; те, кто концептуализировал ее понятийный аппарат, обосновывал конкретное видение социальной реальности и принципы ее анализа.

Однако очевидно, что если представляются только различные теоретики, то легко теряются соотношение и связи между ними. При этом у социологов сохраняется весьма ограниченное, упрощенное представление об истории социологической теории как о собрании критических обзоров прошлых теорий с добавленными для пикантности краткими биографиями главных теоретиков².

В конечном счете получается так, что история социологии сводится лишь к некой совокупности личностей, творящей вне какого-либо социально-исторического контекста и профессионального окружения. Тем самым выстраивать историю социологии только по именному ряду означает то же самое, что изучать историю человечества, основываясь исключительно на анализе достижений выдающихся персонажей — «героев», без соотнесения их действий с обстоятельствами конкретной исторической эпохи. Тогда за этими именами теряется и специфика, и непрерывность историко-социологического процесса, а сам он приобретает весьма фрагментарный и неопределенный характер.

Наряду с персоналистическим имеет место подход, в соответствии с которым историко-социологический анализ должен быть целостным, а поэтому базироваться на выделении так называемых «социологических традиций». Однако с таким подходом неизбежно связаны следующие вопросы: *Чем социологическая традиция отличается от социологической школы, направления и подхода? Что означает в социологии понятие теоретическая традиция? Можно ли с помощью данного понятия адекватно систематизировать историко-социологический процесс?*

В данной связи представляется целесообразным попытаться определить и дифференцировать категории, широко используемые в истории социологии — «научная школа», «научное направление», «научная традиция», опираясь на сведения, полученные из истории и философии науки.

В самом общем смысле школа — это «всякое положение человека, где он волей неволей приобретает находчивость, опыт и знание»³. Понятие «научная школа» имеет ряд значений.

¹ См. об этом: Покровский Н.Е. Классики современной теоретической социологии // Социологические исследования. 1993. № 6.

² Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2006. С. 21.

³ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. 2-е изд. Том IV. М.: Русский язык, 1978. С. 639.

В первом, довольно узком значении «научная школа» означает группу лиц, объединившихся вокруг какого-либо ученого (учителя), и в целом разделяющую его научные взгляды. Так, Дюркгеймовская (французская) социологическая школа — это, прежде всего, группа учеников и последователей Э. Дюркгейма.

В этом же смысле под школой может пониматься группа исследователей, консолидировавшаяся в рамках конкретного научного учреждения. Так, Франкфуртская школа возникла на базе возглавлявшегося М. Хорхаймером (с 1931 г.) Института социальных исследований во Франкфурте-на-Майне.

Во втором, более широком значении, научная школа — это направление в науке, ... связанное единством основных взглядов, общностью или преемственностью принципов¹ и методов². В социологии научная школа обычно связана общей методологией, целями и задачами научного поиска, исследовательскими проектами.

Например, органическая школа в социологии — направление в социологии конца XIX — начала XX в., отождествляющее общество с организмом и строящее объяснение социальной жизни на биологических закономерностях³. Географическая школа в социологии — натуралистические учения, в которых приписывается первостепенная роль в развитии общества и народов их географическому положению и природным условиям⁴.

Таким образом, во втором значении под школой фактически понимается научное направление — ряд теоретических построений, разработанных различными исследователями, но объединенных общими методологическими принципами, «включающими способы организации, развития и оценки теоретического и эмпирического социологического знания, систему норм и регулятивов проведения социологических исследований»⁵.

Принадлежность ученых к одному направлению не исключает возможности проявления их творческих индивидуальностей.

Следует отметить, что понятие «научное направление» во многом сходно с понятием направления в искусстве, под которым понимают принципиальную общность художественных явлений на протяжении определенного времени⁶. Научное направление следует отличать от научного течения. *Научное направление* — это более широкая категория, охватывающая единство мировосприятия, эстетических взглядов, путей отображения жизни и связанная со своеобразным научным стилем. Под научным течением обычно подразумевается более тесная группировка ряда исследователей в пределах какого-либо направления.

В данной связи целесообразно отметить ту понятийную путаницу, которая имеет место в отношении так называемой Чикагской школы социологии.

¹ Принцип — основное, исходное положение какой-либо теории, учения, науки.

² Школа // Большой энциклопедический словарь. М., 1997. С. 1374.

³ Ольшанский В.Б. Школа в социологии органическая // Российская социологическая энциклопедия / Под общ. ред. Г.В. Осипова. М.: Норма-Инфра М, 1998. С. 621.

⁴ Налетова А.Д. Школа в социологии географическая // Российская социологическая энциклопедия / Под общ. ред. Г.В. Осипова. М.: Норма-Инфра М, 1998. С. 620.

⁵ Голофост В.Б. Методология социологического исследования // Российская социологическая энциклопедия / Под общ. ред. Г.В. Осипова. М.: Норма-Инфра М, 1998. С. 276.

⁶ Направление и течение в искусстве // Большой энциклопедический словарь. М., 1997. С. 782.

Так, ряд исследователей отождествляет Чикагскую школу со всей деятельностью на социологическом поприще, которая имела место в стенах Чикагского университета с момента его основания. Тогда получается, что каждое учебное заведение, где имеет место преподавание социологии, имеет свою одноименную школу. В то же время даже в Чикагском университете далеко не все ученые, имевшие отношение к социологии, разделяли единые методологические принципы и теоретические подходы.

В данной связи под *Чикагской школой* правомерно понимать «сложившееся в американской социологии в 20-е гг. XX в. направление, связанное с именами Р. Парка, Э. Берджесса, Р. Маккензи, Г. Зорбо, А. Вирта и других исследователей, сотрудничавших на кафедре социологии Чикагского университета»¹.

Слово *традиция* (в науке) происходит от латинского слова «tradition», означающего передачу — механизм накопления, сохранения и трансляции научного опыта, специфических норм и ценностей науки, образцов постановки и решения проблем.

Понятие «традиции» используется в философии науки для интегрального рассмотрения научных направлений и контекста, в которых они возникают и развиваются, для реконструкции развития науки как истории социокультурных ценностей².

В целом специфику традиций в науке образует не привязанность к конкретной предметности, но способность переходить от одного содержания к другому при сохранении или незначительной трансформации собственной структуры. Благодаря этому традиции распространяются за дисциплинарные границы отдельных наук, объединяют науку с иными типами познания и сознания.

Таким образом, научная традиция — это, прежде всего, преемственность взглядов и концепций, сохраняющаяся на протяжении длительного времени.

Структуру традиции составляют: жесткое ядро (практические схемы, нормы и идеалы исследовательской деятельности и общения) и защитный пояс (набор частично институционализированных социокультурных конвенций и предпосылок, официальный энос и идеология науки)³.

Традиция в науке не противоположна развитию, рациональности и рефлексии, хотя и предполагает стремление к сохранению признанных достижений, веру в истинность теоретических постулатов и нередкое игнорирование критики⁴.

Однако использование в истории социологии категории «традиция» вызывает определенные проблемы.

Во-первых, в социологии отсутствует единый подход к выделению конкретных социологических традиций.

Так, Р. Коллинз выделяет четыре социологических традиции: традицию конфликта, рациональную/утилитарную традицию, традицию Дюркгейма и

¹ Трущенко О.Е. Школа Чикагская // Российская социологическая энциклопедия / Под общ. ред. Г. В. Осипова. М.: Норма-Инфра М, 1998. С. 623.

² Косвин И.Т. Традиции // Новая философская энциклопедия: В 4 т. М.: Мысль, 2003. Т. IV. С. 88.

³ См. об этом: Лакатос И. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ. М., 1995.

⁴ Косвин И.Т. Традиции // Новая философская энциклопедия. Т. IV. С. 88.

микроинтеракционистскую традицию¹. П. Монсон «представляет такие четыре основные теоретические традиции, как «структурализм со смежной ему объяснительной моделью функционализмом, феноменологию со смежными ответвлениями — экзистенциализмом и герменевтикой, теорию действия со смежной ей проблемой рациональности, и, наконец, марксизм»².

Во-вторых, довольно сложно рассмотреть «традицию» в жестких рамках конкретного периода в истории социологии.

Во-третьих, обзоры различных теоретических традиций легко могут превратиться в перечисление множества имен теоретиков³, которые распределяют по полочкам, не углубляясь в их существо.

В-четвертых, даже в рамках каждой традиции обнаруживается столько же разделительных линий, сколько между отдельными традициями. Так, различия между разными видами «феноменологического марксизма», «критической теории», «марксистского структурализма» и т. д. часто столь же очевидны, как и разница между теми направлениями, которые имеются помимо марксизма⁴.

В-пятых, теоретические традиции столь же мало, как и другие традиции, существуют как данность. Традиции тоже создаются отдельными лицами, продолжают, развиваются и изменяются их последователями. Кроме того, в определенном смысле можно сказать, что традиции никогда не создаются основателем (основателями), но последователями. Это они развивают мысли и методы пионеров, и в этом смысле традиция создается теми, кто в ней творит⁵.

На самом деле история теоретической социологии как раз и отражает историю дискуссий, острой полемики и даже конфронтации как между отдельными исследователями, так и между традициями, школами и направлениями, которые их объединяют. Нельзя отрицать того, что история социологии — это «история становления и развития социологического знания, ... формировавшегося в процессе борьбы основных социологических ориентаций, направлений и школ»⁶.

Она развивается как отдельными теоретиками, так и в рамках различных теоретических направлений (школ), которые часто (но далеко не всегда) их объединяют, а также в ходе полемики между ними. В данной связи особый интерес представляет анализ именно тех социологических направлений, которые получили развитие в рассматриваемый исторический период развития социологии, а также теорий, которые они объединяют.

Действительно, если обратиться к истории социологии 20–60-х гг. прошлого века, то можно увидеть, что основной тон социологическому дискурсу задавало такое теоретическое направление как структурный функциона-

¹ Коллинз Р. Четыре социологических традиции / Пер. с англ. В. Россмана. М.: Издательский Дом «Территория будущего», 2009.

² Монсон П. Обзор современной социологической науки. Социология: Хрестоматия / Сост. Ю.Г. Волков, И.В. Мостовая. М.: Гардарики, 2003. С. 44.

³ Теоретик — тот, кто держится одних умозрений, верит им, стоит за них. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. 2-е изд. Т. IV. М.: Русский язык, 1978. С. 399.

⁴ Монсон П. Обзор современной общественной науки // Социология: Хрестоматия / Сост. Ю.Г. Волков, И.В. Мостовая. М.: Гардарики, 2003. С. 39.

⁵ Там же. С. 44.

⁶ Осипов Г.В. История социологии западной // Российская социологическая энциклопедия. М.: Норма, 1998. С. 180.

лизм. Наряду с ним на поле социологической теории активно укреплялись символический интеракционизм и социальный бихевиоризм. В этот же период были заложены конфликтологическое, психоаналитическое, феноменологическое и этнометодологическое направления, а также дифференцировались различные версии марксизма. Конечно, нельзя отрицать и тот факт, что в рассматриваемый период также *были созданы оригинальные социологические концепции, не вписывающиеся в рамки какого-либо направления или школы*. Однако именно в рамках направлений, сформировавшихся в западной социологии после Второй мировой войны, получили своеобразную фундаментальную теоретическую трактовку важнейшие аспекты социального познания: природа социальной реальности, предмет и методы социологической науки, ее функции в современном обществе.

Первоисточники для изучения:

- Коллинз Р. Четыре социологических традиции / Пер. с англ. В. Россмана. М.: Издательский Дом «Территория будущего», 2009.
- Кун Т. Структура научных революций / Пер. с англ. И.З. Налетова. М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2009.
- Монсон П. Современная западная социология: теории, традиции, перспективы. СПб.: Нота бене, 1992.
- Тёрнер Дж. Аналитическое теоретизирование // Теория общества: фундаментальные проблемы / Под ред. А.Ф. Филиппова. М.: Канон-пресс-Ц, 1999.

ЧАСТЬ II КЛЮЧЕВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ В ЗАПАДНОЙ СОЦИОЛОГИИ

ИНТЕГРАЛЬНАЯ КОНЦЕПЦИЯ ПИТИРИМА СОРОКИНА

Творческое и научное наследие П.А. Сорокина настолько велико и разнообразно, что у большинства исследователей возникает немало затруднений в плане его точной «классификации» и отнесения к тому или иному «разряду». Затруднения начинаются уже с определения его «национальной принадлежности». В России до своего окончательного отъезда из страны Сорокин опубликовал такой массив сочинений, что вполне можно издать собрание сочинений «русского социолога» П.А. Сорокина, которое (вместе с сочинениями опубликованными в Чехословакии на русском языке), составит не менее десятка томов. Таким образом, историк российской социологии имеет полное право говорить о «русском социологе» Питириме Александровиче Сорокине и отвести ему в своем курсе вполне определенное и отнюдь не второстепенное по значимости место.

С другой стороны, ни один более или менее полный курс американской социологии не может обойти молчанием имя и идеи «американского социолога» Pitirim'a A. Sorokin'a, как бы ни относился тот или иной историк социологии к его научным идеям и как бы ни оценивал его вклад социологию¹. Ведь «полный комплект» сочинений Сорокина-американца составит никак не меньше тридцати томов, к тому же переведенных практически на все европейские языки и на некоторые азиатские. Так что правильнее всего аттестовать Сорокина как русско-американского социолога, хотя само это словосочетание можно понимать, а следовательно, и писать по-разному: одно дело русско-американский социолог, наследие которого распадается на две разные и самостоятельные составляющие — американскую и русскую, другое дело социолог-экуменист, гармонично сочетающий в себе две разные национальные традиции, и в таком случае его правильнее было называть ученым русскоамериканским или американорусским (без дефиса)².

¹ Например, Джордж Ритцер пишет: «Хотя Сорокин был теоретиком социологии и до 1960-х гг. продолжал публиковать свои работы, его творчество на удивление редко вспоминается сегодня. Его теоретические рассуждения не лучшим образом прошли испытание временем. Вероятно, временное значение Сорокина в большой степени заключается в создании им Гарвардского отделения социологии и в приглашении Толкотта Парсонса... в качестве преподавателя социологии» (Современные социологические теории. СПб., 2002. С. 75). Правда, в ходе дальнейшего изложения он признает, что «Сорокин разработал теорию, которая, пожалуй, превосходит парсоновскую по масштабу и сложности», и выражает надежду, что «может статься, Сорокин будет заново открыт будущим поколением теоретиков социологии» (Там же. С. 76).

² Еще на родине друзья Сорокина нередко называли его в шутку «русским американцем». И. Боричевский свою рецензию на «Систему социологии» озаглавил так: «Ортодоксальный марксизм и российско-американская резиновая социология» (см.: Сорокин П.А. Система социологии. М.: Астрель, 2008. С. 874–879). А Л. Козер считает, что в трудах Сорокина (разумеется, опубликованных в США) оживает «русская традиция» (Встречи с Питиримом Сорокиным. М. РИЦ ИСПИ РАН, 2003. 82). Складывается парадоксальная ситуация: русские считают Сорокина американцем, американцы — русским, причем и те и другие имеют на то равные основания. Впрочем, это не единственный парадокс Сорокина.

Другая не менее важная и сложная проблема возникает в связи с многогранностью творческого наследия П.А. Сорокина. В этом наследии помимо чисто социологических трудов есть значительный пласт политической и научной публицистики, литературно-критических статей, научно-популярных работ, книги и статьи мемуарного жанра, один (по крайней мере) научно-популярный роман¹ и даже несколько десятков опубликованных и неопубликованных стихотворений². Так что, строго говоря, можно говорить о Сорокине-ученом, Сорокине-публицисте, популяризаторе науки, литературном критике, писателе и даже поэте. С этой «многогранностью» творческого наследия Сорокина справиться, на первый взгляд, не трудно: достаточно классифицировать это наследие по жанрам, выделять каждый жанр в отдельную рубрику и «раздать» для анализа специалистам с разных факультетов. Трудности начинаются с того, что внимательный критический анализ в работах Сорокина, отнесенных в рубрику «социология», обнаруживает то же самое смешение жанров, которое характерно для всего его творчества. Начиная с первой книги Сорокина — «Преступление и кара, подвиг и награда» (1913), — критики постоянно упрекали его в том, что он «бесцеремонно» нарушает границы между социологией и «смежными» дисциплинами: философией, психологией, историей, юриспруденцией. В «Системе социологии» нетрудно найти и выделить чисто публицистические «пласты»³. Пристрастие к жанру научной фантастики проявляется в научном наследии Сорокина в виде явно утопических элементов⁴. Наконец, среди произведений Сорокина, уже «зрелого» или американского периода, встречаются такие, строгая научная спецификация которых вызывает немало затруднений. В методологическом плане самая сложная проблема «американского» периода Сорокина заключается в строгом размежевании таких дисциплин, как социология, социальная философия и философия истории. Дело в том, что сильный «крен» любого социолога в сторону социальной философии и уж тем более философии истории с американской (прагматической) точки зрения позволяет этого социолога (в данном случае Сорокина) из официального списка социологов просто-напросто «вычеркнуть». А таких «кренов» в «Социальной и культурной динамике» Сорокина более чем достаточно⁵. Еще большее недоумение у американских коллег вызвало последнее научное увлечение Сорокина — амитология (наука о любви): ведь «любовь», в отличие от «секса» и «гендера», до сих пор остается в социологии — и это еще в лучшем случае — на положении

¹ Роман называется «Предтеча» и впервые по архивной рукописи опубликован в сборнике «Питирим Сорокин: грани жизни и творчества [Неизвестный Сорокин]». М.: МИСК, 2009. С. 195–328.

² См. Там же. С. 341–351. См. также: Василенко В.В. П.А. Сорокин. Опыт интеллектуальной биографии. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2005. С. 174–180.

³ За одно примечание во втором томе «Системы социологии» Сорокина, по мнению Э. Радлова заслуживал «несколько казней» (См.: Сорокин П.А. Система социологии. М.: Астрель, 2006. С. 913, 491–492).

⁴ Достаточно процитировать заключительную фразу из книги «Преступление и кара, подвиг и награда», чтобы понять уровень утопизма молодого Сорокина. «Сверхчеловек, стоящий выше современного добра и зла, права и нравственности, не знающий извне называемого «долга» и полный действительной любви к современникам, — вот предел, к которому ведет история человечества» (М.: Астрель, 2006. С. 493).

⁵ Очень корректную полемику по этому поводу ведет с Сорокиным А.А. Крейбер, посвятивший ему в приложении к своему монументальному труду целую главу. См.: Крейбер А.А. Избранное: Природа культуры. М.: РОССПЭН, 2004. С. 917–924.

«падчерницы» или даже «незаконнорожденного дитя». Большинство американских (и вообще западных) социологов выдающийся труд Питирима Сорокина (*The Ways and Power of Love*) вряд ли отнесут к разряду социологических.

Совсем иной прием ожидает идеи Сорокина в России (или, если угодно, со стороны русской национальной традиции), где интерес к «проклятым вопросам» и последним (эсхатологическим) проблемам составляет скорее правило, чем исключение¹. В силу этих причин в России в меньшей степени беспокоятся о нарушении факультетских границ, меньше заботятся о «строгой научности», а только и исключительно — об истинности того или иного учения. Неудивительно поэтому, что в перестроечные и постперестроечные годы переиздания и переводы трудов Сорокина встретили у нас такой теплый читательский прием. Косвенным образом этот теплый прием снова пробудил интерес к Сорокину и в самих Соединенных Штатах, где активизировалось переиздание его трудов, появился целый ряд интересных исследований о нем и даже переводы на английский язык некоторых сочинений, написанных Сорокиным в России и ранее неизвестных американцам.

При изложении научных взглядов Сорокина дело осложняется еще и тем, что в течение своей долгой научной жизни Сорокин неоднократно менял свои взгляды (переживал мировоззренческие кризисы, по собственному его признанию), что естественным образом отражалось и на его политическом мировоззрении, и на выдвигаемых им научных теориях.

Разобраться во всем этом переменчивом многообразии, связать его в единое непротиворечивое целое — задача не из легких.

Чтобы осмыслить всю многогранность творческого наследия П. Сорокина и представить его в виде единого гармонического целого, необходимо найти ту «первичную интуицию», которая, по словам А. Бергсона, пронизывает собой все научное творчество любого великого ученого. Поэтому изложение интегральной концепции Сорокина, получившей свое окончательное оформление в американский период его творчества, необходимо начать с периода российского, во время которого и зародилась та «первичная интуиция», из которой, как из зерна, попавшего в благоприятные условия, и произошло все грандиозное научное здание, которое получило название «социология Питирима Сорокина», оказавшая серьезное влияние на формирование ведущих социологических школ и направлений XX в. (например, структурного функционализма), а по своим масштабам и адекватности до сих пор существенно их превосходит.

1.1. Биография и основные труды

При изучении творческого наследия П.А. Сорокина необходимо учитывать еще одно немаловажное обстоятельство: необходимой частью этого наследия является сама жизнь ученого. Обусловлено ли это обстоятельство особенностями русской культуры или бурными событиями мировой и российской истории, свидетелем и активным участником которых Сорокин был волею самой судьбы, — в данном случае не имеет принципиального значения. Прямым антиподом Сорокина в этом (и только в этом) смысле является крупнейший

¹ См.: Момджян К.Х. Введение в социальную философию. М.: Высшая школа, 1997. С. 9–10 и прим. 3 на с. 26.

немецкой социолог Никлаас Луман, который больше всего не хотел, чтобы для понимания его идей читатель или будущий исследователь обращался бы к фактам его биографии. Сорокин, естественно, нигде не декларирует обратного, но в системе координат его мышления сама его жизнь становится и субъектом и объектом его социологических исследований. Как писатели бывают «эпического» и «биографического» плана, так, наверное, можно (конечно, с определенной долей условности) классифицировать и ученых-социологов. С этой точки зрения Сорокина следует причислить к социологам ярко выраженного автобиографического плана: не случайно в списке его сочинений фигурируют две книги воспоминаний и несколько статей о собственной жизни и мировоззрении. И обе книги до сих пор читаются как увлекательный приключенческий роман!

«Вероятно, — пишет современный биограф Сорокина, — ни один из великих социологов не сидел шесть раз в тюрьме, не приговаривался к смертной казни, как он»¹. Ни один из великих социологов не знал по личному опыту такой амплитуды горизонтальной и вертикальной мобильности, никто (или очень немногие) не поднимался из таких социальных низин до таких высот. Именно поэтому любому изучающему социологию Сорокина необходимо знать его биографию в больших подробностях, чем биографию любого другого великого социолога.

Как правило, в биографии Сорокина выделяют два или три (иногда — и больше) периода. Традиционно выделяют российский, чехословацкий и американский периоды. В зависимости от жанра и объема работ первый и второй периоды иногда объединяются в один период, а американский, наоборот, разделяется на периоды догарвардский и гарвардский. Мы отдаем предпочтение дихотомическому разделению на периоды, принимая за основу язык, на котором публиковались труды Питирима Сорокина.

1.1.1. Российский период жизни и творчества

Питирим Александрович Сорокин [Pitirim A. Sorokin] родился 23 января (4 февраля по нов. стилю) 1889 г. в селе Турье Яренского уезда Вологодской губернии (ныне Княжпогостский р-н республики Коми) в семье русского ремесленника (отец — Александр Прокопьевич имел патент «золотых, серебряных и чеканно-малярных дел мастера») и зырянской крестьянки. Мать Сорокина — Пелагея Васильевна (в девичестве предположительно Ячменева) — умерла весной 1894 г., когда будущему социологу было пять лет. До десяти с половиной лет Сорокин и его старший брат жили вместе с отцом, под руководством которого они освоили начатки грамоты и основы его ремесла, но в 1899 г., из-за тяжелого алкоголизма отца оба брата покинули родной дом и начали вести самостоятельную жизнь бродячих ремесленников. В 1901 г. Сорокин окончил одногодичную церковно-приходскую школу в селе Палевады и осенью того же года поступил в двухклассную церковно-приходскую школу в селе Гам, которую окончил в 1904 г. По протекции директора гамской школы А.Н. Образцова Сорокину была выделена небольшая стипендия для продолжения образования в церковно-учительской школе (семинарии), находившейся в селе Хреново Костромской губернии, что впоследствии

¹ Дойлов Ю. Питирим Сорокин. Человек вне сезона. Т. 1 (1889—1922). Архангельск, 2008 [Рукопись]. С. 3.

дало бы ему возможность сдать экстерном гимназические экзамены и получить высшее образование. Но семинарию Сорокин не окончил. В 1906 г. он вступил в партию социалистов-революционеров (эсеров) и за революционно-агитационную деятельность был подвергнут четырехмесячному заключению в тюрьме г. Кинешма, что и послужило поводом для его исключения из семинарии. В учительской семинарии Сорокин познакомился с Н.Д. Кондратьевым (поступившим в нее в 1905 г.), который стал его ближайшим другом на всю дальнейшую жизнь. Весну и лето 1907 г. Сорокин провел в качестве «бродячего миссионера революции» (по его собственному выражению) в поволжских городах и селах, но под давлением обстоятельств (усталость, опасность нового ареста, отчасти и разочарование в революционной деятельности), вернулся на родину и осенью 1907 г. принял решение продолжить образование в С.-Петербурге. В столицу он прибыл «зайцем» и по совету и рекомендации К.Ф. Жакова (первого профессора-зырянина) стал слушателем вечерних общеобразовательных Черняевских курсов, по окончании которых сдал экзамены экстерном за 8 классов гимназии.

В 1909 г. Сорокин поступил в частный Психоневрологический институт (основанный В.М. Бехтеревым), где была первая (и единственная на тот момент) в России кафедра социологии, возглавляемая М.М. Ковалевским и Е.В. Де-Роберти, но в 1910 г. он перевелся на юридический факультет Петербургского университета (отчасти по причинам финансового характера, обучение в Психоневрологическом институте было платным, но вероятнее всего, из-за стремления получить отсрочку от службы в армии), который закончил в 1914 г. Большое влияние на формирование Сорокина как ученого оказал Ковалевский, личным секретарем которого он был в течение нескольких лет, а также А.И. Петражицкий, которых вместе с Де-Роберти Сорокин называл впоследствии своими «великими учителями». К числу его учителей следует отнести и упомянутого К.Ф. Жакова, чей жизненный путь удивительным образом напоминает жизненный путь самого Сорокина. Помимо того участия, которое Жаков принял в судьбе молодого человека, направляя его первые шаги в столице, в позднейших писаниях Сорокина (уже американского периода) прослеживаются следы влияния «лимитизма», оригинального философского учения, разработанного Жаковым, но, к сожалению, мало известного в России и совсем неведомого на Западе. Кроме того, на квартире у Жакова происходили ежемесячные литературные вечера, и именно у Жаковых Сорокин познакомился со своей будущей женой Е.П. Баратынской (1894—1975), бывшей в то время слушательницей Высших Бестужевских курсов.

Активно публиковаться Сорокин начал в 1910 г. Основным массивом его первых публикаций составляют рефераты и рецензии, а также этнографические очерки о быте и религиозных верованиях зырян (прежнее название коми).

Почти одновременно с первыми научными публикациями Сорокина в армавирской газете «Отклики Кавказа» появились его чисто публицистические и полубеллетристические очерки и фельетоны, подписанные его первым и еще достаточно прозрачным псевдонимом «С. Питирим» (1910, № 217, 218, 254). Другие псевдонимы Сорокина, которыми он пользовался, публикуя свои статьи, написанные на русском языке — В.В., Вадим Выюгов, П.С. Римус, Н. Чаадаев, Баратынский).

В 1911 г. были опубликованы статьи Сорокина «Современные зыряне» и «К вопросу об эволюции семьи и брака у зырян» и в том же году — две статьи, посвященные теории прогресса: «К вопросу об эволюции и прогрессе» (Вест-

ник психологии, № 3) и «Главнейшие теории прогресса в современной социологии» (Вестник знания, № 9), свидетельствующие о первых сомнениях автора в правомерности самого понятия «прогресс», игравшего ключевую роль в большинстве позитивистских и других просветительско-рационалистических концепций XVIII – XIX вв. (в том числе и в марксизме). Впоследствии в своем главном труде «Социальная и культурная динамика» Сорокин воспроизводит основные идеи, изложенные им еще в студенческие годы в двух статьях о прогрессе, и даст им дальнейшее развитие и научное обоснование. Следует упомянуть и о том, что в том же 1912 г. Сорокин впервые выступил и на поприще литературной критики со статьей «Гамсун и Верхарн как выразители современных дум и настроений» (Всеобщий журнал, № 10). В 1912 г. появляются первые вполне самостоятельные статьи Сорокина, а в следующем году отдельными изданиями в Риге в серии «Наука и жизнь» выходит ряд его брошюр: «Преступность и ее причины», «Самоубийство и его причины», «Символы в общественной жизни». Политическая активность Сорокина в студенческие его годы, хотя и снизилась, но отнюдь не до нуля. В 1910 г. он принимал участие в студенческих волнениях в связи со смертью А.Н. Толстого и во избежание ареста вынужден был нелегально выехать за пределы России (в Австро-Венгрию, а затем в Италию, куда сопровождал на лечение больного товарища-студента; в Вене он приобрел только что вышедшую в свет книгу Г. Зиммеля «Социология», что, по-видимому, следует считать началом его знакомства с научным творчеством немецкого социолога); в 1912 г. он был задержан полицией как участник нелегального собрания, а в феврале 1913 г. подвергнут двухнедельному заключению по подозрению в написании и распространении антимонархического памфлета, направленного против династии Романовых, отмечавшей в тот год 300-летие своего правления. Лишь ходатайство М.М. Ковалевского позволило Сорокину избежать суда и последующих, более серьезных репрессий.

Первое большое исследование Сорокина — «Преступление и кара, подвиг и награда. Социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали» (СПб., 1914; фактически — конец 1913) — вышло в свет, когда автор был еще студентом последнего курса университета. Тем не менее после его опубликования Сорокин был признан научным сообществом как вполне сложившийся ученый. В нем Сорокин утверждал, что «совокупность всего поведения человека распадается на ряд актов или поступков, а последние при всей их эмпирической разнородности представляют: 1) или делание чего-нибудь, 2) или неделание чего-нибудь, в свою очередь распадающиеся на разновидности: а) актов воздержания и б) актов терпения», причем все эти акты несут определенную моральную нагрузку, подразделяясь на «должные», «запрещенные» и «рекомендованные». Должное воспринимается окружающими эмоционально нейтрально, рекомендованные поступки строятся на симпатии и любви, а запрещенные порождают неприязнь и враждебность. Называя рекомендованное поведение подвигом, а запрещенное — преступлением, Сорокин приписывает им соответствующие реакции окружающих — награды и кары. Анализируя мотивацию поведения, он формулирует несколько «теорем» влияния кар и наград на поступки людей. Динамика кар и наград, согласно эволюционистским взглядам Сорокина, подчинена развитию общества от примитивных антагонистических форм через преодоление кастовых, сословных и классовых противоречий к современным демократическим структурам, идя параллельно развитию личности. В перспективе, по мысли

Сорокина, все акты поведения должны мотивироваться не внешними ожиданиями окружающих, а внутриличностными императивами, из которых основной — любовь к ближнему.

Основная причина преступности, считал Сорокин, заключается в несовпадении «шаблонов поведения» различных групп населения, объединенных (чаще всего в результате победоносной завоевательной войны) в единую «замиренную группу». Подвиги (и соответственно награды) являются лишь косвенной формой проявления преступлений (и кар). В рамках единой замиренной группы, к которой приближается, по мнению Сорокина, человечество, не будет со временем ни преступлений, ни подвигов. Венчает эту политико-правовую утопию Сорокина появление «сверхчеловека», стоящего по ту сторону права и морали.

После окончания Петербургского университета Сорокин был оставлен при кафедре уголовного права юридического факультета для подготовки к профессорскому званию. Список сочинений Сорокина к тому времени насчитывал уже около сотни опубликованных работ: статей, рецензий, рефератов и одну монографию (правда, часть из опубликованных им работ вышла под псевдонимом), что уже само по себе свидетельствовало о его научной зрелости. В студенческие годы Сорокина фактически началась и его преподавательская деятельность, так как, участь еще на третьем курсе университета, он начал (опять-таки скорее всего под патронажем М.М. Ковалевского) читать самостоятельный курс социологии для студентов младших курсов. Этим и объясняется, что сразу же по окончании университета в 1914 г. он стал приват-доцентом кафедры социологии в Психоневрологическом институте. Обязательная для лиц, готовящихся к профессорскому званию, двух- или трехгодичная командировка за границу не состоялась в связи с начавшейся мировой войной.

В период подготовки к профессорскому и магистерскому экзамену помимо изучения уголовного права и прочих юридических курсов Сорокин уделяет много внимания уголовной социологии, проблемам войны и мира, разработке концепции, позднее получившей название «мирового правительства», популяризации и критике современных социологических воззрений русских и зарубежных ученых. В частности, он был одним из активных проводников и популяризаторов в России идей французского социолога Э. Дюркгейма, с которым у него — видимо, при посредничестве М.М. Ковалевского — завязалась переписка. В то же время Сорокин активно сотрудничает в нескольких научных журналах, а после смерти своего учителя М.М. Ковалевского принимает деятельное участие в создании социологического общества его памяти. Из новых его научных «увлечений» следует особо выделить социальную педагогику, знакомство с которой способствовало, по-видимому, окончательной кристаллизации созревавшему у него замысла будущей «системы социологии». В 1915–1916 гг. Сорокин обнародовал, по крайней мере, три статьи на тему социальной педагогики¹. В них тоже выражается уверенность в том, что «15–16-летний период обучения для получения знаний кончающего студента можно было бы сократить до 8–10 лет», а перед наукой и педагогикой ставится задача довести интенсификацию умственного развития «до пре-

¹ «Проблема новой социальной педагогики (Нечто утопическое, но могущее быть реальным, может быть, беспомощное, но наводящее на размышление)» (Северный гусляр, 1915, № 1, 2) «Социальная необходимость новой педагогики» и «Возможна ли более интенсивная педагогика?» (Биржевые ведомости, 1916, № 15306, 5 января; № 15308, 6 января).

дельного давления", утронить, удесятерить ее: как физики сумели доводить давление одной атмосферы до нескольких сот атмосфер, так же и педагоги должны изобрести пути, чтобы давление одной интеллектуальной атмосферы довести до давления нескольких атмосфер.

Осознавая, по-видимому, всю экстравагантность своих социально-педагогических идей, Сорокин облек их в форму научно-фантастического романа «Предтеча» (Ежемесячный журнал. 1917. № 2—4; № 5—6; № 7—10; № 11—12; за подписью «Н. Чаадаев»). Многие идеи этого романа, освобожденные от утопических и фантастических элементов, предопределили не только идеи будущей «Системы социологии» Сорокина и других его работ, написанных в России, но — отчасти — и замыслы его работ, написанных уже в чешский и американский периоды его жизни и творчества. Подтверждением тому служит тот факт, что в библиографии, составленной им самим, для вышедшего в 1963 г. в Дареме (штат Северная Каролина) сборника статей «Pitirim A. Sorokin in Review» (в его написании приняло участие полтора десятка крупных ученых из разных стран, в том числе А. Тойнби, Р. Мертон, Н. Тимашев, К. Джини и др.), и насчитывающий 35 книг и 90 статей, в числе книг указаны десять, написанные на русском языке, и среди них — Pracheshnaia Tchelovecheskikh dush (Laundry of Human Souls, science fiction. St. Petersburg: Ejemsiachnyi Journal, 1917). Видимо, даже на склоне лет, забыв и подлинное название своего научно-фантастического романа, и то, что подписан он был не настоящим его именем, а псевдонимом, Сорокин продолжал его ценить и считал одним из важнейших своих сочинений, написанных на русском языке.

Роман печатался на протяжении всего 1917 г. в «Ежемесячном журнале», но в связи с бурными событиями того года прошел незамеченным для критики (к тому же он не был напечатан до конца, т. к. 1917 г. оказался последним годом существования журнала). Тем не менее именно в этом фантастическом романе сформулирована та «первичная интуиция», которую А. Бергсон рекомендовал найти в творчестве любого великого мыслителя и принять ее за исходную точку. Можно назвать ее и «сверхзадачей», которую великий ученый, как правило в молодости, ставит перед собой и решению которой посвящает всю свою дальнейшую жизнь. Такой «сверхзадачей» для Сорокина стали поиски «формулы человеческого поведения» и того «рычага» (или, точнее говоря, метода), с помощью которого найденную формулу можно воплотить в жизнь. Забегая далеко вперед, можно сказать, что «формулу человеческого поведения» Сорокин сформулировал в своем монументальном труде, написанном уже в США — «Социальной и культурной динамике», а рычаг, с помощью которого можно воплотить в жизнь тот «интегральный строй», который, по его мнению, воплотит в себе все высшие и лучшие достижения человечества, выработанные им за всю историю, — усмотрел в... любви (исследованию которой Сорокин посвятит последние годы своей жизни). Но до этого еще далеко...

В конце 1916 г. Сорокин успешно сдает магистерский экзамен (на два года раньше положенного срока) и становится приват-доцентом университета; на март 1917 г. была назначена защита его магистерской диссертации, в основу которой была положена книга «Преступление и кара». Однако защита диссертации была отложена из-за начавшейся в России революции. Февральскую революцию Сорокин встретил с воодушевлением, но очень скоро заметил опасности, угрожающие русской революции. Наиболее существенными из них были три: 1) понимание народом революции как вседозволенности, 2) раз-

лагающая деятельность большевиков и 3) нерешительность и даже бездействие Временного правительства. Трудно назвать другого публициста, который так много и так убедительно писал об опасностях, которыми угрожает стране большевизм, как П.А. Сорокин с самого начала появления большевизма на арене русской революции, считавший его «проклятием русской нации» и «славянофильством наоборот».

В июле 1917 г. Сорокин стал секретарем премьер-министра Временного правительства А.Ф. Керенского, что было пиком его политической карьеры. Будучи лицом, приближенным к главе российского правительства, Сорокин (вместе с Ф.Ф. Кокошкиным) настаивал на том, чтобы Керенский принял так называемую «Записку Корнилова» в качестве правительственной программы. В этой записке «по отношению к армии предлагались не столько определенные меры, сколько определенные тенденции к установлению законных рамок деятельности комитетов; говорилось о введении снова института отдания чести и дисциплинарных взысканий. Для тыла требовались введение смертной казни за ряд преступлений и милитаризация железных дорог и всех отраслей промышленности, связанных с войной»¹.

После подавления так называемого корниловского мятежа П.А. Сорокин понял: «теперь триумф большевизма был просто вопросом времени».

Через два дня после большевистского переворота Сорокин опубликовал в «Воле народа» статью «Победителям». «Прежде всего, вы, господа большевики, — писал здесь Сорокин, — лгуны, жалкие лгуны... Ваша свобода — это рабство... Вы — пьяные илоты... Вы — просто негодяи... Вы — убийцы... Вы предатели революции... Час вашего падения близок. Он наступает. Он неизбежен. Страна пошлет вам проклятие. Проклятие пошлет вам и обманутые вами. И это проклятие заслужено вами»². Не менее резко написаны и остальные «антибольшевистские» статьи, которые Сорокин публиковал до конца года почти каждый день. Все это привело к закрытию газеты и аресту ведущих сотрудников редакции. 2 января 1918 года П. Сорокин вместе с другими сотрудниками редакции был арестован чекистами, устроившими засаду в редакции «Воли народа».

57 дней провел Сорокин в Петропавловской крепости вместе с бывшими министрами Временного правительства и сразу же после освобождения он прибыл в Москву, где встретился со скрывавшимся там Керенским. В конце мая Сорокин как член Учредительного собрания и Комитета спасения родины и революции отправился (вместе с Н.В. Чайковским) с антибольшевистской акцией в Архангельск, где ожидалась высадка английского экспедиционного корпуса. Есть сведения, что его прочли на пост министра в будущем Северном правительстве³. Вся эта операция, однако, не увенчалась успехом: англичане «не оправдали» надежд (вместо демократического правления они намеревались восстановить в России монархию), а что касается Сорокина, то он не добрался даже до Архангельска, а вынужден был два месяца (до поздней осени) скрываться в северодвинских лесах. Его объявили «врагом народа № 1» и назначили за его голову награду. «На лоне природы», вдали от цивилизации Сорокин много размышлял о революции, политике и о самом себе и в результате избавился от многих «соблазнительных иллюзий»⁴.

¹ Станкевич В.Б. Воспоминания. 1914—1919. А., 1926. С. 110.

² Воля народа. 1917. №156, 28 октября.

³ См.: Красная книга ВЧК. М., 1990. Т. 2. С. 109.

⁴ Сорокин П. На лоне природы // Современные записки. Париж, 1923. Т. XV(II). С. 278.

Именно тогда, вероятно, им и было написано его знаменитое «отречение», в котором он писал о прекращении своей политической деятельности, выходе из партии эсеров и возвращении к научной работе. Составив это письмо, Сорокин, не желая подвергать смертельному риску укрывавших его людей, добровольно сдался новым властям. В тюрьме великоустюжской ЧК, приговоренный к расстрелу, он пробыл до середины декабря 1918 г., каждый день ожидая смерти. 12 декабря его вызвали на допрос и ознакомили со статьей Ленина «Ценные приказания Питирима Сорокина», в которой вождь большевизма в целом положительно оценивался факт «отречения» Сорокина от политической деятельности, а декларируемую им новую позицию — как свидетельство того факта, что старая — буржуазная — интеллигенция (или, по крайней мере, часть ее) согласна сотрудничать с новой властью. По личному распоряжению Ленина Сорокин был доставлен в тюрьму московской ЧК и здесь освобожден. Через несколько дней после освобождения он вернулся в Петроград и приступил к чтению лекций в университете. Он активно включился в преподавательскую, научно-организационную и чисто научную деятельность: в 1919 г. он стал одним из организаторов кафедры социологии Петроградского университета, был избран профессором социологии в Сельскохозяйственной академии и Институте народного хозяйства. Помимо десятка рецензий, в 1919 г. Сорокин написал «Элементарный учебник общей теории права в связи с теорией государства», изданный в том же году Ярославским кредитным союзом кооператоров. Этот учебник примечателен тем, что в нем представлена социологизированная интерпретация теории права с вкраплениями элементов истории философии права и собственно исторического познания права. Несмотря на идеологический кризис, совсем недавно пережитый Сорокиным, он сохраняет верность идее прогресса, рассматривая прогресс правовой как морально-правовой прогресс, в результате которого, по его мнению, возникнет общественное состояние, в котором «человек для человека будет богом». Можно расценивать этот вывод как проявление неизжитых Сорокиным просветительских иллюзий, но скорее всего он свидетельствует о его надежде на то, что русская революция, по примеру других великих революций, преодолев свою разрушительную стадию, вступит (или уже вступает) в фазу позитивного строительства и начнет строительство нового правового государства с учетом высших достижений мировой правовой мысли. Однако, как покажет ближайшее будущее, этой надежде Сорокина не суждено было сбыться.

Высшим достижением последних пяти лет пребывания Сорокина в России (да и всего «российского периода» его научного творчества) стала книга «Система социологии» (Т. 1 — 2. Пг., 1920), защищенная им в качестве докторской диссертации. Весь труд, по замыслу Сорокина, должен был состоять из восьми томов. Изданные тома посвящены «социальной аналитике» (с подзаголовками — т. 1: Учение о строении простейшего (родового) социального явления; т. 2: Учение о строении сложных социальных агрегатов). Вся система социологии, по Сорокину, состоит из теоретической социологии, изучающей явления человеческого взаимодействия с точки зрения сущего, и практической социологии, исследующей этот же предмет с точки зрения должного. Теоретическая социология, в свою очередь, подразделяется на социальную аналитику, социальную механику и социальную генетику. Это фундаментальное произведение поставило Сорокина в число ведущих социологов России XX в. Данные в нем классификации «поведенческих актов», «проводников» и т. п.

не утратили своего значения и по сей день. Сорокин стоял на позициях отрицания социального монизма, отрицания социологического смысла понятия «класс», которому он противопоставлял свое учение об элементарных и кумулятивных социальных группах.

Созданная в русле «умеренного бихевиоризма», в опоре на эмпирию и методологию, схожую с естественнонаучной, эта система, по мысли автора, позволяла разложить всю общественную жизнь на «явления взаимодействия двух и более людей» и обратно — по такому взаимодействию воссоздать полную картину общественного устройства, комбинируя различные процессы взаимодействия, «получить любые события, начиная с увлечения танго и футуризма и кончая мировой войной и революцией», смоделировать любую организацию или группу, начиная с трамвайных полутчиков и кончая Лигой Наций.

Простейшая модель взаимодействия имеет три элемента, три составляющие: индивиды, акты поведения, проводники взаимодействия. Анализ каждого элемента, соответственно, по таким характеристикам, как потребности людей, осознанность и интенсивность поведения, материальность или символичность проводников, позволила Сорокину классифицировать виды взаимодействия на антагонистическое и солидарное, стереотипное и нешаблонное и т. д. Он также подробно исследовал факторы, способствующие как сохранению, так и разложению системы социального взаимодействия: обычай, мораль, законы, благосостояние, качество питания и пр. В этой концепции заметно влияние Г. Зиммеля, а сама она во многом предвосхитила многие теоретические положения символического интеракционизма, в становление которого труды Сорокина внесли впоследствии огромный вклад.

Во втором томе рассмотрена структура общества в целом, исходя из посыла, что устоявшиеся, воспроизводимые системы взаимодействий служат каркасом для формирования социальных групп и их агрегатов. Человек одновременно является абонентом множества социальных групп, слоев, конгломератов и пр., классификация которых на односторонние и многосторонние, закрытые и открытые и т. п. позволяет Сорокину перейти к более подробному анализу классов, партий, государства, конфессиональных групп, элит.

Третий том в полном объеме не был напечатан, но в «Общедоступном учебнике социологии» (вышедшем в Ярославле в 1920 г.) содержится его краткое изложение под названием «социальная механика». В «Системе социологии», вопреки расхожему мнению о ней как о ранней и тушковой бихевиористской работе, можно обнаружить едва ли не все идеи, позднее глубоко разработанные Сорокиным на качественно ином уровне. Это касается и социологии революции, или, как принято говорить сейчас, — социальных изменений, и теорий элит и социальной мобильности и стратификации, и социально-культурной динамики. Точность формулировок, игнорирование псевдопроблем и стремление вывести из теории практические выводы прикладного характера выгодно отличают работу от социологической литературы того времени. Так, одна из глав третьего тома «Системы социологии» еще в России выросла в самостоятельное исследование о влиянии голода на социальную организацию, общественную жизнь и поведение людей. Книга «Голод как фактор» начала печататься в 1922 г., но не вышла в свет, поскольку Сорокин через несколько месяцев после защиты докторской диссертации был выслан из Советской России. Ни одна книга Сорокина не имел судьбы столь трагической и необычной, как эта. К тому, что рассказывает о ней сам Соро-

кин в своей автобиографии¹, можно добавить следующее. «Большой том в 600 страниц» был безжалостно изуродован советской цензурой. Многие параграфы и даже целые главы были вырезаны. История сохранила фамилию цензора — Бородина. Она же приказала уничтожить книгу после высылки автора из Советской России»². Однако благодаря самоотверженным усилиям книгоиздателя удалось спасти первые десять печатных листов набора (280 страниц), которые Ф.И. Витязев-Седенко передал на хранение в крупнейшие библиотеки России; остальной набор был рассыпан. По счастью, Сорокин увез с собою корректурные оттиски всей книги, которые хранились у него дома в США, и после его смерти вдова Сорокина Елена Петровна взялась за перевод книги на английский язык. Книга вышла в 1975 г., уже после ее смерти. И лишь в 2003 г. полный вариант книги «Голод как фактор», реконструированной по сохранным Витязевым-Седенко ее первым 10 п. л. и корректурным оттискам остальной части, присланным из США сыном С. Сергеем Питиримовичем, был издан в России.

Оказавшись в эмиграции, сначала в Праге, затем в США, Сорокин продолжает научную деятельность. В Чехословакии, куда Сорокин приехал по личному приглашению президента Т.Г. Масарика, он пробыл около года, выпустив ряд книг, в том числе «Идеология аграризма», «Современное состояние России», «Популярные очерки социальной педагогики и политики», сокращенный вариант первого тома «Системы социологии». Здесь же он закончил свою книгу «Социология революции», издать которую в Чехословакии ему, однако, не удалось и которая стала одной из первых его книг, изданных в США на английском языке. Наибольший общественный резонанс вызвала его книга «Современная Россия», в которой сделан социологический анализ тех изменений, которые Россия претерпела в 1917–1922 гг.

1.1.2. Американский период

В октябре 1923 г. Сорокин прибыл в США, где и оставался до конца жизни. По сравнению с российским периодом американский период жизни и творчества Сорокин отличается несравненно более спокойным и ровным характером: все житейские и политические бури остались позади. И хотя жизнь в Америке не носила, разумеется, совершенно безоблачного характера, все научные и иного характера конфликты, случившиеся в жизни американского профессора Сорокина, по сравнению с российскими «бурями» были сущей мелочью. Отныне его жизнь, как и жизнь любого западноевропейского и американского ученого, была отмечена только выходом в свет книг и статей, рождением детей, ступенями карьерного роста, научными поездками и командировками, переходами из одного университета в другой.

В 1924 г. вышла его первая книга на английском языке, носящая мемуарно-публицистический характер — «Листки из русского дневника», в которой он рассказал о своем личном участии в революционных событиях, происходивших в России в 1917–1918 гг. и в последующие годы своей жизни в большевистской России. Многие события и выводы этой книги служат прекрасной иллюстрацией к тем научно-социологическим выводам, которые сделал Сорокин в своей первой научной монографии, вышедшей в США — «Социоло-

¹ См.: Сорокин П.А. Дальняя дорога. М., 1992. С. 138–140.

² Там же. С. 290.

гии революции». Написанная в русле методологических установок «Системы социологии» (и будучи, по сути дела, еще одной сильно разросшейся главой ее третьего тома), она дает на примере 70 революционных ситуаций анализ трехфазового изменения поведения индивидов в условиях перемешивания и ломки устоявшихся социальных групп, слоев, структур. Кроме того, в работе дан анализ изменений в языке, одежде, семейно-брачных отношениях, питании, генетическом коде нации, ее отношении к своей истории и т. п. Получают классическую формулировку два закона всякой революции (а также и войны: позднее Сорокин распространит их на все «социальные бедствия»): закон обратной селекции [в революции в первую очередь и в наибольшем количестве погибают лучшие] и закон «примитивизации» всей психической жизни и деятельности человека.

С 1924 г. Сорокин читает курсы социологии революции и социальной морфологии в университете штата Миннесота. В 1927 г. выходит его книга «Социальная мобильность», написанная опять-таки в методологическом ключе «Системы социологии».

В 1928 г. вышла в свет книга Сорокина «Современные социологические теории», долгое время служившая учебным пособием в американских университетах и колледжах. Систематизировавшая накопленный Сорокиным за годы учебы огромный материал по истории социологических учений, эта книга впервые в Америке дала подробный анализ трудов европейской школы. В какой-то мере связанная логикой изложения с генетической социологией его учителя М.М. Ковалевского и взглядами историка В.М. Хвостова, работа Сорокина была совершенно оригинальна и оказала большое влияние на последующие труды американских историков социологии. Недаром Р. Мертон, прочитавший книгу Сорокина еще в свои студенческие годы, назвал ее впоследствии «экуменической» — настолько исчерпывающим по материалу был этот труд Сорокина, настолько умело он сочетает хронологический, национальный и тематический подходы.

На основе идей, содержащихся в «Социальной мобильности», Сорокин начал разрабатывать проблемы сельской и городской социологии, вложив в этот труд все свои знания предмета, полученные в детстве и юности в России. Основное внимание он уделит проблемам урбанизации, миграции в города, разнице в уровне жизни сельского и городского населения. В 1929 г. вместе с К. Циммерманом он издает книгу «Основы сельской и городской социологии», основным стержнем которой стала предложенная ими модель «сельско-городского континуума», где системно связаны идеальные город и деревня, полярные по целому ряду характеристик, таких как род занятий населения, тип окружающей среды, степень социальной гетерогенности, уровень мобильности и интенсивность социальных взаимодействий. Несмотря на недостатки (например, демографический уклон в оценке перспектив роста городов, романтизация сельской общины, схематичность предложенной поляризации города и деревни), эта работа заложила основу целого направления в социологии.

Дальнейшие разработки сельской и городской социологии Сорокин осуществил вместе с К. Циммерманом и Ч. Галпином (C.J. Galpin), составив «Справочно-аналитический обзор книг по сельской социологии» (A Systematic Source Book in Rural Sociology), три тома которого вышли один за другим в 1930–1932 гг.

В 1929 г. его пригласил Гарвардский университет, в котором Сорокин создал факультет социологии, и в котором он работал до пенсии [1959].

В 30-е гг. Сорокин работает над своим главным трудом — «Социальной и культурной динамикой», первые три тома которой вышли в свет в 1937 г., а четвертый, заключительный том — в 1941 г.

Последний период научной деятельности Сорокина (период, начавшийся с 1940-х гг., т. е. после того, как была издана «Социальная и культурная динамика») распадается, условно говоря, на три составляющие. Соответственно, и все сочинения, написанные Сорокиным в этот период, можно разделить на три категории.

К первой категории следует отнести сочинения, которые опять-таки условно, можно назвать «итоговыми»: в них Сорокин возвращается к тем проблемам, которые попали в сферу его интересов еще в российский период его творчества и которым он теперь дает новое решение, обогащенное всем научным опытом, приобретенным им в ходе его «творческой эволюции» и, разумеется, новым историческим опытом человечества.

В 1942 г., в разгар Второй мировой войны, вышла книга Сорокина «Человек и общество в условиях бедствий» (*Man and Society in Calamity*), которая содержит в себе резюме почти 25-летних исследований и размышлений автора о социальных катастрофах («четыре монстра», по образному выражению автора), современником и очевидцем которых ему довелось быть. Эти «четыре монстра» суть войны, революции, голод и эпидемии. О голоде и революции Сорокин написал специальные монографии (*Голод как фактор; Sociology of Revolution*), войнам посвящена значительная часть третьего тома «Социальной и культурной динамики». Пожалуй, только эпидемии остались, так сказать, безхозными, но и это отнюдь не случайно: эпидемии, по большей части, являются вечными спутниками трех остальных «монстров» и самостоятельной роли в современном мире, наверное, уже не играют. Не случайно Сорокин, когда речь заходит об эпидемиях, ссылается преимущественно на исторические хроники и даже на литературные произведения: «Декамерон» Боккаччо, «Дневник чумного города» Дефо и т. д. Не случайно и то, что война как социальное явление оставалась во многом нерешенной проблемой даже в главном сочинении Сорокина. В «Социальной и культурной динамике» прослежена 25-вековая история поочередной смены трех суперсистем — идеациональной, идеалистической и чувственной — охвачены все или практически все стороны социальной жизни, и всюду выявлены многообразные связи между типом культуры и характером науки, искусства, системы социальных отношений, типом личности и т. д. И только подводя итоги «флуктуации войн» в истории европейского человечества, Сорокин вынужден был признать, что между типом культуры и войнами никакой связи вообще нет. Он пишет: «Наступит ли счастливый конец трагедии войны или она будет продолжаться в человеческой истории? Будет ли война усиливаться, ослабевать или поведет себя как-то иначе? Мой ответ на этот вопрос — "Не знаю!"¹. Ответ, следует признать, для Сорокина нетипичный. Во Введении к «Социологии революции» он писал: «Кто может сказать, как широко разольется пожар революции? Кто вполне уверен в том, что если не сегодня, то завтра ее ураган не снесет и его дом? Ignoramus [не знаем]. Но зато мы можем знать что она такое»². В начале XXI в. ответы Сорокина на вопросы «что такое война?», «что такое революция?» вряд ли вызовут у кого-нибудь удивление. Но в первой половине

¹ Социальная и культурная динамика. СПб., 2000. С. 652.

² Социология революции. М., 2005. С. 22.

прошлого века было немало людей, веривших в революцию, идеализирующих ее, работавших на войну, делающих революцию (в России было даже целое сословие «профессиональных революционеров»). По Сорокину, это — некие же «монстры», как голод и чума, которых можно идеализировать, только находясь на грани отчаяния или даже безумия. Поставить революцию и войну в один ряд с эпидемиями и голодом — это уже само по себе означает развенчание, что уже немало. Но Сорокин на этом не останавливается. Две закономерности, которые он обнаруживает в ходе анализа «четырёх монстров», можно было бы назвать «законами Питирима Сорокина». Первая закономерность: закон поляризации. В любом социальном бедствии люди делятся на «святых» и «грешников», на тех, кто бескорыстно и самоотверженно приносит себя в жертву, и тех, кто на этом бедствии наживается. Вторая закономерность: закон обратной селекции (который Сорокин впервые сформулировал еще в книге «Голод как фактор»). Каждый из «монстров» убивает лучших, оставляя худших. Самый серьезный счет, который Сорокин предъявляет войнам и революциям, состоит в том, что они не просто уменьшают количество населения, но и ухудшают его качество, происходит напрасная трата генофонда нации. То же самое можно сказать о голоде и об эпидемиях, хотя применительно к этим «монстрам» действие обратной селекции так очевидно. Книга заканчивается «взглядом в будущее»: в 18 пунктах Сорокин подводит окончательные итоги и дает свои, наиболее эффективные, своего взгляд, рецепты борьбы с «монстрами». По его мнению, при сохранении «внешних тенденций» (прежде всего, тенденций «чувственной культуры»), части населения «будет усиливаться эмоциональная и аффективная нестабильность, раздражительность, настроение депрессии и др.: будут преимущественно усиливаться и разного рода умственные расстройства, неврозы и психические заболевания; возрастет уровень смертности, даже среди гражданского населения; биологические или генетически наследуемые свойства оставшегося в живых населения, вероятно, не будут сильно отличаться от тех свойств, какие были у него до катастрофы, поскольку в некоторых случаях во время бедствия большие потери несут лучшие элементы общества — наиболее здоровые, умные, целеустремленные, — то в других случаях бедствия истребляют главным образом худших, так что, в конце концов, эти позитивные и негативные влияния, скорее всего, нейтрализуют друг друга, и качество населения останется примерно таким же, каким оно и было; чрезвычайно усилится добровольная и принудительная миграция с места на место, и человечество будет напоминать развороченный муравейник, а людские массы — муравьев, которых ураганные шквалы кризиса будут гонять то туда, то сюда (что очень напоминает картину «человейника», нарисованную почти полвека спустя А. Зиновьевым); чрезвычайно усилится и вертикальная мобильность, социальные взлеты и падения, а сама пирамида социальной стратификации будет повреждена и искажена; во-первых, произойдет усечение высоты и выравнивание профиля социальной пирамиды, она превратится в нечто вроде трапеции; во-вторых, внутренний механизм отбора и распределения индивидов по разным социальным позициям будет время от времени нарушаться и изменяться, в результате чего на вершине пирамиды окажутся «жестokie исполнители и смелые поплывцы»; в течение всего переходного периода пирамида социального неравенства будет оставаться в текучем и запутанном состоянии, т. е. в состоянии «вечной перестройки»; все основные социальные институты (семья, учебно-образовательные и просветительские учреждения) будут также разрушены и силь-

но реорганизованы, в результате чего все общество окажется в состоянии «аномии», а программы и учебные планы будут постоянно нарушаться и становиться все более хаотичными; главная же тенденция проявится, в основном, в усилении контроля, регламентации и регулирования со стороны государства и в уменьшении автономии частных лиц и групп, что будет означать уменьшение истинной демократии и подлинно демократических политических режимов; экономическое состояние обществ для населения в целом ухудшится; все области культуры будут проникнуты атмосферой бедствий, которые станут главной ее темой; кроме того все изящные искусства будут отмечены ступающей атмосферой мрачности, болезненности, меланхолии и пессимизма, иногда приобретающего садистские черты; для миллионов людей жизнь превратится в бесконечное тревожное ожидание, сопровождающееся чувством неизвестности и ощущением постоянно грозящей опасности; среди значительной части населения усилится апокалиптическое настроение в той или иной его форме; основная масса населения разделится на грешников, распутников, преступников, атеистов и диников, с одной стороны, а с другой — на стойков, святых, нравственных подвижников, благородных альтруистов, религиозных пророков, мучеников, аскетов, мистиков, гностиков и т. д.

Таковы некоторые из тенденций, считает Сорокин, к столкновению с которыми мы должны быть готовы и которые нельзя ни предотвратить, ни отворотить. Однако их можно ослабить, а срок их действия сократить с помощью усилий, прилагаемых как отдельными индивидами, так и целыми обществами. Индивиду, считает Сорокин, для этого лучше всего создать свою интегрированную систему ценностей, краеугольным камнем которой были бы не блага чувственного мира, а нравственный долг и трансцендентальные ценности Царства Божьего, а для обществ наикратчайшим, наиболее эффективным и единственным практическим путем реального ослабления и сокращения кризиса является восстановление целостной системы его религиозных, моральных, научных, философских и прочих ценностей.

Следующей книгой, относящейся к разряду сочинений, завершающих целый комплекс более ранних идей Сорокина, следует считать огромный труд «Общество, культура и личность» [1947], носящий подзаголовок «их структура и динамика» (по объему этот труд занимает в наследии Сорокина второе место после «Социальной и культурной динамики»). Книга, состоящая из 48 глав (на русский язык в настоящее время переведены только первые три главы), является одной из фундаментальных работ американского периода. Она по сути дела завершает весь огромный цикл теоретических работ Сорокина, начиная с «Системы социологии».

Ряд историко-социологических трудов Сорокина завершают книги «Социально-философские учения в век кризиса» (*Social Philosophies of an Age of Crisis*. 1950; 2-е изд. этой книги в 1963 г. вышло под названием «Modern Historical and Social Philosophers»); «Притуды и недостатки современной социологии и смежных наук» (*Fads and Foibles in Modern Sociology and Related Sciences*. 1956); «Социологические теории сегодня» (*Sociological Theories of Today*. 1966). Вместе с ранее изданной монографией «Современные социологические теории» эти труды Сорокина составляют монументальную «тетралогию», посвященную истории социологии и социальной философии, начиная с конца XIX в. и кончая 60-ми гг. XX в.

Вторую группу сочинений Сорокина, написанных в последний период его жизни и творчества, составляют многочисленные популяризации тех идей,

которые были сформулированы Сорокиным в «Социальной и культурной динамике». Из этой массы книг, брошюр и статей выделяются две книги: «Кризис нашего времени» (*The Crisis of Our Age*, 1941; на протяжении более полувь века книга многократно переиздавалась и переведена практически на все языки мира), в которой в сжатом и популярном виде изложены идеи первых двух томов «Социальной и культурной динамики» и «Главные тенденции нашего времени» (*The Basic Trends of Our Times*, 1964). Вторая из указанных книг представляет особый интерес, поскольку в пяти ее главах дано изложение тех исследовательских направлений, которые почти исчерпывающим образом дают представление о «социологической системе» Сорокина в американский период его творчества (за исключением истории социологии и сельско-городской социологии). Оглавление книги дает достаточно полное представление о ее проблематике: 1) три главные тенденции нашего времени (перемещение творческого лидерства, упадок чувственного и возникновение интегрального нового строя); 2) диагноз и прогноз отношений между Востоком и Западом (убывающее разделение между Востоком и Западом; перемещение творческого лидерства); 3) взаимная конвергенция США и СССР в смешанный социо-культурный тип (это новая тема для Сорокина, которую он начал разрабатывать в 40–50-е гг., став тем самым родоначальником теории конвергенции; впервые он затронул эту тему в книге «Россия и Соединенные Штаты», изданной в 1944 г.; впоследствии ее разрабатывали многие ученые-обществоведы, хотя и на других методологических основаниях); 4) религиозная и моральная поляризация нашего времени; 5) таинственная энергия любви.

Название последней главы книги «Главные тенденции нашего времени» отсылает к еще одному направлению научной деятельности Сорокина, которому он посвятил последние годы своей жизни (особенно после выхода на пенсию в 1959 г.) и которое связано с деятельностью созданного им Гарвардского центра по изучению творческого альтруизма. Направление это условно можно назвать философией и социологией любви. Именно в любви (понимаемой предельно широко — от Эроса до солидарности и «добрососедства») нашел Сорокин своего рода «рычаг», с помощью которого, можно создать «интегральный строй». Это направление творчества Сорокина вполне органично вписывается в общий контекст и его социальной философии, и всей его научной деятельности, да и самой его личности (и то, и другое, и третье были глубоко и сугубо русскими, что теперь становится вполне очевидным и для американских исследователей его творчества). Центр, созданный Сорокиным, еще при его жизни успел издать около двух десятков сборников и несколько книг самого основателя, лучшей из которых безусловно является монография «Пути и могущество любви» (*The Ways and Power of Love*. 1954), в которой дан исчерпывающий анализ социального феномена, степень изученности которого (точнее говоря, неизученности) Сорокин сравнил с айсбергом. Книга произвела почти шокирующее впечатление на американских «коллег» Сорокина, но приобрела колоссальную популярность среди читающей образованной публики. Строго академическим ученым-социологам идеи Сорокина о том, как можно «производить» и «аккумулировать» энергию любви, показались экстравагантными, и в результате он фактически был «исключен» из социологии (по крайней мере, официальной американской социологии). Тем отчаяннее был для него факт избрания его в 1965 г. президентом Американской социологической ассоциации (к тому времени 75-летний ученый давно уже был пенсионером). Среди его последних книг, близко примыкающих к проблематике основанно-

го им центра, следует назвать «Американскую сексуальную революцию» (1957; рус. пер. 2006) и «Власть и нравственность» (1959), которую Сорокин послал главам двух тогдашних сверхдержав. Что касается первой из названных книг, то в ней Сорокин убедительно развенчал все мифы, усердно распространяемые сторонниками сексуальной революции. Вот некоторые из этих мифов: 1) сексуальная революция — следствие свободы и прогресса; 2) личные гомосексуальные отношения не влияют на нормы общества; 3) прежде чем заключать официальный брак, молодым людям следует пожить вместе; 4) неограниченная свобода искусства ведет к расцвету культуры и благотворно влияет на общество в целом; 5) уроки полового воспитания необходимы уже в младших классах; 6) интенсивная сексуальная жизнь современного человека имеет более богатое эротическое содержание, нежели раньше. Сорокину удалось убедительно доказать, что в действительности дело обстоит с точностью до наоборот, поэтому по всем шести пунктам он высказал свое категорическое «нет».

Последняя статья Сорокина, опубликованная в марте 1967 г., символическим образом возвращает его в Россию и называется «Существенно важные черты русской нации в XX веке». В ней он высказывает свое твердое убеждение в том, что русский народ, на протяжении всей своей истории успешно отвечавший на все вызовы истории и окружающей внешней среды, «может с надеждой смотреть в свое будущее».

В силу разного рода обстоятельств Сорокин не создал собственной научной школы. Определенное влияние он оказал на своих студентов и аспирантов, среди которых стоит отметить Р. Мертона и Э. Тириакиана. Тем не менее, среди великих социологов XX в. Сорокину принадлежит одно из почетных мест. Не меньшую ценность имеет и сам человеческий образ Сорокина, образ ученого, способного активно бороться за проведение в жизнь исповедуемых и проповедуемых им идеалов истины, добра и справедливости.

Умер Сорокин в своем доме в Винчестере 10 февраля 1968 г.

В одном из некрологов Сорокина, написанных его соотечественником-эмигрантом, была высказана мысль, что триумф Сорокина в Америке является не только личной его заслугой, но и заслугой всей русской науки. Это действительно так. Одной его личной, почти сверхчеловеческой энергией, не хватило бы на то, чтобы занять столь почетное место в мировой социологической мысли середины XX в. (в это время Сорокин действительно был самым читаемым и самым переводимым социологом в мире), если бы не та блестящая выучка, которую он прошел в стенах Петербургского университета. То обстоятельство, что после смерти Сорокина его «индекс цитирования» в Америке заметно снизился, объясняется, помимо всего прочего, тем, что в США история науки (особенно новейшей) пишется по принципу справочника «Who is who»: умер — выбыл. Возвращение идей Сорокина на родину началось в самом конце 80-х гг. прошлого века. Начиная с этого времени, труды Сорокина начинают переиздаваться и переводиться в России, где его научное наследие почти не утратило своей актуальности. Постепенно возрождается интерес к Сорокину и на Западе, и в США, о чем свидетельствует переиздание его книг на английском языке, перевод и переиздание некоторых его русских статей¹. О том же свидетельствуют и Международные конференции, посвя-

¹ Из монографий, посвященных Сорокину, нельзя не отметить книгу Б. Джонстона, которая почти целиком посвящена американскому периоду его творчества: Johnston B. V. Pitirim Sorokin. An Intellectual Biography. University Press of Kansas, 1995.

щенные его жизни и творчеству. В России в настоящее время переиздана значительная часть произведений Сорокина, написанных на русском языке, переведены и изданы некоторые его англоязычные книги и статьи, но большая часть этой работы еще впереди. Есть надежда, что она продолжится и будет доведена до конца, поскольку научный и педагогический потенциал творческого наследия Сорокина еще далеко не исчерпан.

Сочинения П.А. Сорокина

Научное наследие П.А. Сорокина настолько обширно, что полной его библиографии до сих пор не существует¹. Вероятнее всего, нет и такого ученого-исследователя, который прочитал бы (и тем более проанализировал) все его сочинения. Поэтому ниже перечислены лишь монографии, изданные Сорокиным в России, и монографии и наиболее значимые статьи, опубликованные Сорокиным в США (при этом монографии, не переведенные на русский язык, отмечены звездочкой, частично переведенные — двумя звездочками; из статей указаны только те, которые переведены на русский язык).

Преступление и кара, подвиг и награда (СПб. 1913); Элементарный учебник общей теории права в связи с учением о государстве (Ярославль. 1919); Система социологии. (Т. 1 — 2. Пг. 1920); Общедоступный учебник социологии (Ярославль. 1920); Голод как фактор (1922); Популярны очерки социальной педагогики и политики (Ужгород. 1923).

*Листки из русского дневника² (1924); Социология революции³ (1925); Социальная мобильность⁴ (1927); *Современные социологические теории (1928)⁵; Основы сельской и городской социологии (1929; в соавторстве с К. Циммерманом)⁶; Социальная и культурная динамика (Т. 1 — 4. 1937 — 1941)⁷; Кризис нашего времени (1941)⁸; Человек и общество в условиях бедствий (1942)⁹; *Россия и США (1944)¹⁰; *Общество, культура и личность (1947)¹¹; *Альтруистическая любовь (1950)¹²; *Социальные философии в век кризиса (1950)¹³.

¹ Наиболее полная на сегодня библиография представлена в книге: Питирим Александрович Сорокин (1889 — 1968). Библиографический указатель. Сыктывкар, 2001.

² Leaves from a Russian Diary. N. Y.: E. P. Dutton & Co., 1924.

³ The Sociology of Revolution. Philadelphia: J. B. Lippincott Co., 1925.

⁴ Social Mobility. N. Y.: L. Harper & Bros., 1927.

⁵ Contemporary Sociological Theories Through the First Quarter of the Twentieth Century. N. Y.: Harper & Brothers: L., 1928.

⁶ Principles of Rural-Urban Sociology. N. Y.: Henry Holt and Co., 1929.

⁷ Social and Cultural Dynamics. Vols. 1 — 4. N. Y.: American Book Co. (V. 1: Fluctuation of Forms of Art: Painting, Sculpture, Architecture, Music, Literature, and Criticism. 1937; V. 2: Fluctuation of Systems of Truth, Ethics, and Law. 1937; V. 3: Fluctuation of Social Relationships, Wars, and Revolutions. 1937; V. 4: Basic Problems, Principles, and Methods. 1941).

⁸ The Crisis of Our Age: The Social and Cultural Outlook. N. Y.: E. P. Dutton & Co., Inc., 1941.

⁹ Man and Society in Calamity. The effects of war, revolution, famine, pestilence upon human mind, behavioral, social organization and cultural life. N. Y.: E. P. Dutton and Co., 1942.

¹⁰ Russia and the United States. N. Y.: E. P. Dutton and Company, Inc., 1944.

¹¹ Society, Culture, and Personality: Their Structure and Dynamics; A System of General Sociology. N. Y.; L.: Harper & Brothers. 1947.

¹² Altruistic Love: A Study of American «Good Neighbors» and Christian Saints. Boston: Beacon Press. 1950.

¹³ Social Philosophies of an Age of Crisis. Boston: Beacon Press, 1950. Второе издание этой книги вышло под названием: Modern Historical and Social Philosophers. N. Y.: Dover Publications, Inc., 1963.

«Пути и могущество любви (1954)¹; Американская сексуальная революция (1956)²; «Причуды и недостатки современной социологии и смежных дисциплин (1956)³; Моя философия — интегрализм (1957)⁴; Власть и нравственность (1959)⁵; Взаимная конвергенция Соединенных Штатов и СССР в смешанный социокультурный тип (1960)⁶; Дальняя дорога (1963)⁷; Главные тенденции нашего времени (1964)⁸; Социология вчера, сегодня и завтра (1965)⁹; «Социологические теории сегодня (1966)¹⁰; Основные черты русской нации в двадцатом столетии (1967)¹¹.

1.2. Предмет и задачи социологии

Ответ на вопрос «что такое социология», может быть, и является тем основным вопросом социологии (по крайней мере, теоретической), на который должен ответить любой ученый, занимающийся этой наукой. Даже если он не дает прямого ответа на этот вопрос, то или иное его решение так или иначе имплицитно содержится в его сознании: в противном случае он не только не будет иметь права причислять себя к «сословию» социологов, но не сможет ответить даже на такой простой вопрос, чем он, собственно говоря, занимается.

Ко времени начала научного творчества П.А. Сорокина социология уже накопила немалую коллекцию разнообразных дефиниций социологии, причем обнаружилось, что дефиниции эти не только зачастую противоречат друг другу, но и внутренние противоречивы, так что ни о какой общепризнанной «канонической» социологии не может быть и речи. «Простой» контовский ответ, заключающийся в том, что социология — это наука об обществе, никого уже не удовлетворял и не мог удовлетворить, поскольку выяснилось, что общество, помимо социологии, изучают самые разные науки, такие как история, этнография, демография, политэкономия, статистика, социальная философия и т. д., и непонятно, чем в таком случае должна быть социология: наукой, обобщающей все эти дисциплины, или быть особой наукой в ряду так называемых социальных наук.

¹ The Ways and Power of Love. Types, Factors, and Techniques of Moral Transformation. Boston: Beacon Press, 1954.

² The American Sex Revolution. Boston: Porter Sargent Publishers, 1956.

³ Fads and Fables in Modern Sociology and Related Sciences. Chicago: Henry Regnery, 1956.

⁴ Integralism is My Philosophy // This is My Philosophy. Twenty of the world's outstanding thinkers reveal the deepest meanings they have found in life / Ed. by W.N. Burnett. N.Y.: Harper & Brothers, 1957. P. 170—189.

⁵ Power and Morality: Who Shall Guard the Guardians? Boston: Porter Sargent Publishers, 1959.

⁶ Mutual Convergence of the United States and the U.S.S.R. towards the Third Mixed Intermediary Sociocultural Type // International Journal of Contemporary Sociology. 1960. Vol. 1. No 11. P. 143—176.

⁷ A Long Journey: The Autobiography of Pitirim A. Sorokin. New Haven, Conn.: College and University Press, 1963.

⁸ The Basic Trends of Our Times. New Haven, Conn.: College and University Press, 1964.

⁹ Sociology of Yesterday, Today, and Tomorrow. Presidential address // American Sociological Review. 1965. Vol. 30. No 6. P. 833—842.

¹⁰ Sociological Theories of Today. N. Y.: L.: Harper & Row, 1966.

¹¹ The Essential Characteristics of the Russian Nation in the Twentieth Century // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. Philadelphia. 1967. Vol. 59. P. 99—115.

Проблема эта занимала Сорокина практически с самого начала его научной деятельности и почти до конца жизни: первая специальная его статья на эту тему вышла в 1913 г.¹, а последняя — за три года до смерти². Ответ на вопрос «что такое социология» содержится во множестве его сочинений, что позволяет подробно проследить эволюцию взглядов Сорокина на эту важнейшую проблему (которая, следует отметить, до сих пор не имеет однозначного и общепринятого решения).

В 1913 г. решение этой проблемы Сорокин разделял, по его собственному выражению, на «две половины». Во-первых, необходимо было очертить границы, отделяющие область социальных явлений от явлений несоциальных. В начале XX в. эта задача была все еще актуальной, поскольку многие ученые-социологи наряду с homo-социологией признавали еще и существование таких дисциплин, как зоо-социология и даже фито-социология. В настоящее время эта проблема, по-видимому, уже окончательно решена и никаких особых затруднений не вызывает. Но для того, чтобы проблема социологии была окончательно решена, необходимо рассмотреть и вторую половину этой проблемы, а именно взаимоотношение социологии и отдельных социальных наук, изучающих тот же разряд явлений, который изучается и социологией.

Здесь возникает проблема: понимать ли под социологией самостоятельную науку, существующую автономно наряду с другими социальными науками, или же социология есть лишь общее наименование социальных наук. В первом случае социология получает самостоятельное бытие, во втором случае она означает лишь совокупность всех социальных наук и потому превращается в пустое слово.

Проанализировав и эту проблему, Сорокин приходит, по его собственным словам, хотя и к «трафаретному, однако единственно допустимому» решению вопроса о взаимоотношении социологии и частных социальных дисциплин, а именно: социология есть наука, изучающая наиболее общие свойства психического взаимодействия тех или иных единиц в их структурной организации и в их временной эволюции³.

Для обоснования своего определения Сорокин привлекает так называемую теорему А.И. Петражицкого, основывающуюся на том принципе, что там, где дано несколько видов одного и того же рода, там должна быть дана и наука, изучающая общеродовые свойства данного разряда явлений. Эта теорема гласит: «Если есть n видов сродных предметов, то теоретических наук, вообще теорий, должно быть $n + 1$ ». Например, растения и животные — это два вида, принадлежащие к общему роду организмов; наряду с их специфическими свойствами они имеют общие свойства. Изучение этих общих свойств и составляет задачу общей биологии. То же самое, по мнению Сорокина, приложимо и к социальным явлениям.

Различные явления социальной жизни, будучи правильно классифицированы, образуют собою виды общеродового психического взаимодействия

¹ Границы и предмет социологии // Новые идеи в социологии. Сб. 1: Социология. Ее предмет и современное состояние. СПб., 1913.

² Sociology of Yesterday, Today, and Tomorrow. Presidential address [Социология вчера, сегодня и завтра. Обращение президента] // American Sociological Review, N. Y., 1965, vol. 30, No 6. December, p. 833—842.

Социология вчера, сегодня и завтра // Социологические исследования. М., 1999, № 7, С. 115—124.

³ Границы и предмет социологии.

и как таковые должны обладать и известными общими свойствами, изучение которых, и является первой задачей общей социологии.

Кроме того, социология как наука индуктивная неразрывно связана с частными науками, анализирующими мельчайшие факты социального взаимодействия, и только от них она и получает данные для формулирования своих обобщений и в этом смысле она может быть названа совокупностью (Сорокин пишет: *congrus'om*) социальных наук.

Что такая наука действительно необходима, вытекает из следующего. Различные разряды социальных явлений, изучаемые отдельными науками, например, экономикой, религией, этикой, эстетикой и т. д., в действительной жизни не отделены друг от друга, а неразрывно связаны и постоянно влияют одни на других. Зарботная плата рабочих, напр., зависит не только от отношений между спросом и предложением, но и от известных моральных идей. Она падает и поднимается в зависимости от наших представлений о минимуме благополучия, которое может требовать для себя человеческое существо, т. е., в конце концов, от наших представлений о человеческой личности. Поэтому, если экономист ограничится только экономическими явлениями, игнорируя неэкономические, то вместо законов, формулирующих действительные отношения экономических явлений, он даст лишь воображаемые законы, не способные правильно объяснить подлинные экономические процессы. Поэтому ему волей-неволей приходится быть уже не только специалистом-экономистом, но и социологом, координирующим отношения основных форм социальной жизни. То же самое применимо и к любой другой специальной дисциплине (разумеется, социальной дисциплине). Сознательное и планомерное установление и формулировка этих отношений между различными разрядами социальных явлений составляют вторую задачу социологии.

Кроме того, уже само выделение определенной стороны социального бытия, например, религиозной, в качестве особого объекта, из общего комплекса социальных явлений предполагает наличие общего понятия социальных явлений, без чего невозможно само выделение, определение и изучение отдельного вида психологического взаимодействия. Стало быть, заключает Сорокин, каждый специалист есть всегда и социолог, и должен им быть. Отношение социологии к частным дисциплинам буквально такое же, как и отношение общей биологии к анатомии, физиологии, морфологии, эмбриологии, патологии растений и животных; отношение физики — к механике, учению об электричестве, теплоте и т. д. Поэтому, утверждает Сорокин, тот, кто вздумал бы говорить, что социологии, как единой науки, нет и не может быть, а есть только социальные науки, тот должен был бы доказать, что нет физики как единой науки, нет химии и биологии, также как единых наук, а есть только акустика, учение о тяжести, учение о свете, теплоте, электричестве и т. д.

Очертив границы социологии и доказав ее теоретическое право на существование, Сорокин обращается к практической стороне проблемы. Он задается вопросом: сделала ли социология хоть что-нибудь научно-продуктивное за свое недолгое существование, что фактически давало бы ей право на бытие? Стоит так поставить вопрос, пишет Сорокин, и ответ получится довольно определенный: принципы социальной дифференциации и ее основные законы, закон постепенного роста солидарных кругов и расширения идеи «ближнего», закон ускоряющегося темпа социального прогресса, закон социальной инерции, законы «социальной непрерывности и социальной наследственности» и т. д., и т. д. — все эти, как и множество других более или

менее точных теорем, были выдвинуты и разрешены социологами. В настоящее время они стали основами почти любого сколько-нибудь значительного социального исследования. Стоит далее вспомнить ту весьма продуктивную трансформацию, которую испытали и испытывают отдельные дисциплины при социологической трактовке вопроса. Таким образом, подытоживает свои рассуждения Сорокин, «плоды» социологии уже имеются, и тем самым имеется и фактическое основание для ее права на титул науки.

Подобные рассуждения встречаются во многих сочинениях Сорокина, написанных как в России, так и в Америке. В «Преступлении и каре...» объектом социологии провозглашается социальное явление, которое «есть прежде всего взаимодействие тех или иных центров или взаимодействие, обладающее специфическими признаками»¹. Далее поясняется, что социальное явление есть социальная связь, имеющая психическую природу и реализующаяся в сознании индивидов, выступая в то же время по содержанию и продолжительности за его пределы. Это то, что многие называют «социальной душой»; это то, что другие называют цивилизацией и культурой; это то, что третьи определяют термином «игра ценностей» в противоположность миру вещей, образующих объект наук о природе. Всякое взаимодействие, между кем бы оно ни происходило, раз оно обладает психическим характером, — будет социальным явлением².

В «Системе социологии» практически весь этот ход мыслей, изложенный в статье 1913 года и повторенный затем в первой книге Сорокина, воспроизведен дословно. Здесь Сорокин дает такое определение социологии: «Социология изучает явления взаимодействия людей друг с другом, с одной стороны, и явления, возникающие из этого процесса взаимодействия, — с другой»³.

Этого определения социологии Сорокин придерживался в общем-то всю жизнь. В поздней своей работе «Общество, культура и личность: их структура и динамика» (1947) он дает дефиницию социологии, которая хотя и не является дословным повторением предыдущих дефиниций, тем не менее совпадает с ними по смыслу: «Социология — это генерализирующая наука о социокультурных явлениях, рассматриваемых в своих родовых видах, типах и разнообразных взаимосвязях»⁴.

Трехчастному делению социологии Сорокин тоже в общем-то сохранил верность на всю жизнь. Модифицировались только названия этих частей, но по сути дела, их смысл и само деление сохранялись. Если в «Системе социологии» Сорокин подразделял ее на аналитику, механику и генетику, то в «Обществе, культуре и личности», обобщающем и подводящем итоги его многолетних исследований на эту тему, фигурируют «общая структурная социология», «общая динамическая социология» и «специальная социология». И здесь же Сорокин отмечает, что в этом делении социологии на структурную и динамическую он следует контовскому делению социологии на социальную статику и динамику. «До сего времени, — по его мнению, — это деление было самым плодотворным из всех классификаций»⁵.

Несколько сложнее обстоит дело с тем, что Сорокин называл «практической социологией». В «Системе социологии» это синоним «социальной по-

¹ Сорокин П.А. Преступление и кара, подвиг и награда. М.: Астрель, 2006. С. 77.

² См.: Там же. С. 90.

³ Сорокин П.А. Система социологии. М.: Астрель, 2008. С. 25.

⁴ Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992. С. 173.

⁵ Там же. С. 174.

литики», которая, по словам Сорокина, должна быть осуществлением афоризма О. Конта «Знать — чтобы предвидеть, предвидеть, чтобы мочь». Вскоре по приезде в Америку Сорокин пополнил список своего «разграничения» еще и «нормативной социологией», наличие и само право на существование которой он ранее отрицал¹. Теперь это разграничение выглядит так: «Теоретическая социология (напомним, что она сама состоит из трех составляющих) изучает социокультурное пространство как таковое. Она отличается от нормативной социологии, которая создает идеал социокультурного мира, такого, каким он должен быть, и от практической или прикладной социологии, которая, как медицина или агрономия, занимается научной систематизацией наиболее эффективных путей и способов реализации определенной цели — ликвидации бедности, войн и т. д.»².

Еще раз к этой теме Сорокин обратился в статье «Социология вчера, сегодня и завтра» (1965), представляющей собой инаугурационную речь Президента Американской социологической ассоциации³. Повторив в первой части речи свои критические замечания в адрес современной (преимущественно американской) социологии, главными недостатками которой были, по мнению Сорокина, «квантофрениа» [увлечение количественными показателями], комплекс «новоявленных Колумбов» (перелеты старых, давно забытых или попросту неизвестных тому или иному исследователю идей и открытий), настойчивые и бесперспективные поиски социологического «атома» или социологической «клетки», перекос в сторону микросоциологических исследований и т. д., Сорокин выразил уверенность, что (поскольку почти все из критикуемых им теорий содержат долю истины — одни большую, другие — меньшую) эти здоровые доли могут и будут во все большей мере интегрироваться в научно адекватные теории грядущей социологии. Наступит, по его словам, «новый период великого синтеза».

В меньшей степени Сорокин касался проблем социологического метода, поскольку считал, что методы и основные принципы социологии являются теми же, что и в науке в целом. Но как любая фундаментальная наука модифицирует эти принципы, методы и технические процедуры в соответствии с природой изучаемых явлений, так и социология разработала свою собственную модификацию принципов и методик, которые следует использовать с учетом особого характера социокультурных процессов. Социология оперирует такими категориями, как причинность, время, пространство, но способом, отличающимся от естественных наук. В исследовательских целях социологи используют логико-математический и силлогистический дедуктивный методы; умеренно применяют интуитивное прозрение (правда, всегда дополняя и проверяя его другими методами); широко используют эмпирическое наблюдение во всех его формах, начиная от индукции, статистического анализа и кончая клиническими наблюдениями и даже экспериментом. В то же время они постоянно модифицируют эти методы и технику, что объясняется постоянной и все убыстряющейся переменчивостью объекта их изучения — человеческого общества.

¹ «Нормативная социология» впервые появляется в статье Сорокина «Sociology and Ethics», опубликованной в сборнике: *The Social Sciences and Their Interrelations* / Ed. by A. Goldenweiser, W.F. Ogburn. N. Y.; Boston: Houghton Mifflin Co., 1927. P. 311 — 318.

² Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. С. 174.

³ Рус. пер.: Социологические исследования, М., 1999, № 7. С. 115 — 124.

Наконец, следует сказать и об особенностях понимания Сорокиным задач и целей социологии. В принципе, как и любая другая наука, социология в конечном счете служит некоторым практическим целям. Большинство социологов, конечно, согласится с тем, что цель их науки — познание и совершенствование общества. Споры начинаются тогда, когда речь заходит о том, как понимать само это совершенствование. Сорокин считал, что социология, наподобие географии, должна создать своеобразную «социологическую карту», глядя на которую каждый индивид, группа или общество могли бы определить свое настоящее местоположение и с уверенностью, а не наугад, двигаться в избранном ими направлении. Социологическое невежество — одна из главных причин общественных кризисов и катаклизмов. Еще в своей первой книге он писал: «Социальная жизнь изобилует кризисами благодаря нашему общему невежеству, благодаря невежеству наших руководителей, сплошь и рядом «не умеющих отличить правой руки от левой», а потому и предписывающих рецепты, ценность которых равна ценности «угольков и нащепыиваний», употребляемых знахарями для лечения от недугов душевных и телесных. Пора уже заменить их более рациональными рецептами и «социальными докторами» делать людей, более знающих свое дело»¹. Далее следует цитата из сочинений одного из учителей Сорокина — Е.В. Де Роберте, которая в полной мере выражает жизненное и научное кредо его великого ученика: «Унаследованное нами в значительной степени социологическое невежество наших предков должно считаться теперь в качестве единственного и подлинного источника наших интеллектуальных страданий, наших моральных падений, наших ошибок, наших преступлений и социальных бедствий, столь ужасных и разнообразных».

1.3. Социальная стратификация и социальная мобильность

Как ученый-исследователь П.А. Сорокин существенно обогатил социологическую науку множеством новых идей, понятий и методов социального познания. В то же время центральной темой социологического творчества Сорокина в американский период, разработку которой он начал еще в России, стала социальная структура общества в ее изменениях и функционировании.

Основной труд, написанный Сорокиным на эту тему — «Социальная мобильность», изданный на английском языке в 1927 г.². Этот труд вполне можно рассматривать и как органичное продолжение «Системы социологии» (ее третьего тома, сильно разросшимися частями которого являются, по сути дела, «Голод как фактор» и «Социология революции»), и как вполне оригинальное и новаторское сочинение. Дело в том, что еще в «Социологии революции» Сорокин отметил, что одной из причин большинства революций и социальных волнений является отсутствие или дефектность необходимых обществу «каналов» и «лифтов» (по позднейшей его терминологии), обеспечивающих социальную мобильность, т. е. ущербность социальной структуры.

¹ Сорокин П.А. Преступление и кара, подвиг и награда. С. 73 — 74.

² Рус. пер.: М.: Academia — LVS, 2005. В 1959 г. Сорокин выпустил новое издание книги, включив в нее пятую главу четвертого тома «Социальной и культурной динамики» («Зарождение, приумножение, мобильность и распространение социокультурных явлений в пространстве»). В результате книга получила новое название: «Социальная и культурная мобильность».

Социальную структуру Сорокин мыслил как некий универсальный феномен: в ней получают отражение особенности любого общества — от небольших групп до всего человечества. Этому расширению представлений о социуме способствовала разработка в теории Сорокина понятия социального пространства с присущей ему системой координат, фиксирующих половые, возрастные, конфессиональные и другие признаки.

Согласно Сорокину, социальное пространство есть особая система отношений, в которой каждый человек занимает свое особое место. Наделенное таким значением понятие социального пространства также имеет универсальный характер: оно применимо к объединениям индивидов любого масштаба и какого угодно уровня.

Социальное пространство в корне отличается от пространства геометрического. Люди, находящиеся вблизи друг от друга в геометрическом пространстве (например, король и его слуга, хозяин и раб) в социальном пространстве отдалены друг от друга громадной дистанцией. И наоборот, люди, находящиеся очень далеко друг от друга в геометрическом пространстве (например, два брата или епископы, исповедующие одну религию, или же два генерала одного звания и из одной армии, один из которых в Америке, а другой — в Китае) могут быть очень близки социально...

Для того чтобы дать определение социальному пространству, вспомним, что геометрическое пространство обычно представляется нам в виде некоей «вселенной», в которой располагаются физические тела. Местоположение в этой вселенной определяется путем определения положения того или иного объекта, выбранных «за точки отсчета». Как только такие ориентиры установлены (будь то Солнце, Луна, Гринвичский меридиан, оси абсцисс и ординат), мы получаем возможность определить пространственное положение всех физических тел сначала относительно этих точек, а затем — относительно друг друга.

Подобным же образом социальное пространство есть некая вселенная, состоящая из всего населения Земли¹. Там, где нет человеческих особей или же живет всего один человек, там нет социального пространства (или вселенной), поскольку одна особь не может иметь отношения к другим. Она может находиться только в геометрическом, но не в социальном пространстве. Соответственно, определить положение человека или какого-либо социального явления в социальном пространстве означает определить его (их) отношение к другим людям и другим социальным явлениям, взятым за такие точки отсчета. Сам же выбор точек отсчета зависит от нас: ими могут быть отдельные люди, группы или совокупности групп.

Данные послышки П. Сорокин резюмировал следующим образом:

- 1) социальное пространство — это народонаселение Земли;
- 2) социальное положение индивида — это совокупность его связей со всеми группами населения, внутри каждой из этих групп, то есть с ее членами;
- 3) положение человека в социальной вселенной определяется путем установления этих связей;
- 4) совокупность таких групп, а также совокупность положений внутри каждой из них составляют систему социальных координат, позволяющую определить социальное положение любого индивида².

¹ См.: Сорокин П.А. Социальная мобильность. С. 5.

² Там же.

В отличие от геометрического (физического) пространства, обладающего размерностью, социальное пространство многомерно. Содержание этой многомерности в социологии Сорокин раскрыл с помощью понятий социальной стратификации и социальной мобильности.

Социальная стратификация, по Сорокину, — это дифференциация некоей совокупности людей (населения) на классы в иерархическом ранге. Она находит выражение в существовании в обществе высших и низших слоев (страт). Ее основа и сущность — в неравномерном распределении прав и привилегий, ответственности и обязанности, наличия или отсутствия социальных ценностей, власти и влияния среди членов того или иного сообщества.

Конкретные формы социальной стратификации разнообразны и многообразны. Если экономический статус членов некоего общества неодинаков, то среди них имеются как имущие, так и неимущие, то такое общество характеризуется наличием экономического расслоения независимо от того, организовано оно на коммунистических или капиталистических принципах, разделено ли оно конституционно как «общество равных» или нет. Никакие законы, указы, устные высказывания не в состоянии изменить или затуманить реальность фактов экономического неравенства, которое выражается в различии доходов, уровня жизни, в существовании более богатых или бедных слоев населения.

Аналогичным образом, если в пределах какой-то группы существуют иерархически различные ранги в смысле авторитетов и престижа, званий и почестей, если существуют управляющие и управляемые, тогда независимо от терминов (монархи, бюрократы, начальники, управляющие) это означает, что такая группа политически дифференцирована, что бы она ни провозглашала в своей конституции или декларации.

Если члены какого-то общества разделены на различные группы по роду деятельности, занятиям, а некоторые профессии считаются более престижными в сравнении с другими и если члены той или иной профессиональной группы делятся на руководителей различного ранга и подчиненных, то такая группа профессионально дифференцирована. Независимо от того, избираются ли начальники или назначаются, достаются ли им руководящие должности по наследству или благодаря их личным качествам. Социальная стратификация — это постоянная характеристика любого организованного общества. Изменяясь по форме, социальная стратификация существовала во всех обществах, провозглашавших равенство людей. Феодализм и олигархия продолжают существовать и в науке, и в искусстве, политике и менеджменте, банда преступников и демократиях уравнивателей — словом — повсюду¹.

Посредством концепции социальной стратификации Сорокин признавал и естественную природу социального неравенства. Действительное равенство («общество без расслоения») он считал мифом, который лишь провозглашался, однако ни разу на протяжении всей истории человечества не был воплощен в реальность.

Из множества форм социальной стратификации Сорокин выделил в качестве ведущих экономическую, политическую и профессиональную. Все

¹ Подробнее см.: Сорокин П. Социальная стратификация и мобильность // Сорокин П. Человек, цивилизация, общество. М.: Издательство политической литературы, 1992. С. 297 — 307.

они представляют собой проникающие одно в другое относительно самостоятельные пространства, каждое из которых обладает своей собственной структурой.

Понять характер изменений, которые претерпевает социальное пространство, помогает другое, введенное Сорокиным, понятие — социальная мобильность.

Термин «социальная мобильность» был введен им в научный обиход в 1927 г., когда увидел свет его одноименный фундаментальный труд.

К явлениям социальной мобильности Сорокин относил все разнообразие перемещений людей в иерархически организованном обществе.

Введение этого понятия в социологию открывало широкие перспективы в изучении всего многообразия социальных структур. Оно позволяло с помощью специально проведенных эмпирических исследований вычислять индекс мобильности, устанавливать характер зависимости социальной мобильности от разного рода факторов (пола, возраста, национальной принадлежности и пр.), наблюдать переходы социального субъекта из одной социальной страты в другую.

Таким образом, исследования общества были подняты Сорокиным на новый, более высокий уровень, значительно усиливший практическую полезность социологических исследований, создающий возможности для более точного научного прогнозирования социальных процессов, выявления тенденций совершаемых внутри общества перемещений, изменений социальной структуры с учетом конкретных условий.

Использование понятия социальной мобильности сделало возможной более точную дефиницию типов обществ: открытого и закрытого, традиционного и современного, индустриального, постиндустриального, информационного и т. д.

Наконец, начавшиеся исследования процессов социальной мобильности заметно ускорили прогресс различного рода вспомогательных средств социологического анализа и особенно совершенствование математических методов.

Мобильность в теории Сорокина представлена как явление, имеющее два вектора — горизонтальный и вертикальный, что должно давать представление о перемещениях индивидов как в пределах одной страты (переход на другую работу, перемена места жительства, изменение семейного положения), так и о переходах из одной страты в другую.

Эти перемещения могут происходить в двух разных (противоположных) направлениях, т. е. быть восходящими или нисходящими. Вертикальный вектор дает возможность судить об уровне демократизации общества. Трудности с перемещением в другую страту по вертикали в обществах закрытого типа могут в известной мере преодолеваться. Но для этого необходимо знать те механизмы, с помощью которых преодоление существующих между стратами перегородок становится возможным.

Функцию таких механизмов, считал Сорокин, могут выполнять школа, армия, церковь, пресса (и, в частности, реклама, которая «может превратить человека заурядных способностей в гения, а настоящего гения может загасить и представить его в глазах публики глупцом»), различного рода объединения (политические или профессиональные организации).

1.4. Социокультурная концепция

К 1930-м гг. у Сорокина сложился замысел труда, интегрирующего его взгляды в областях социологии, культурологии, этики, психологии, политической экономики и пр. Этот труд — четырехтомная «Социальная и культурная динамика» (Social and Cultural Dynamics. Vol. 1 — 3, 1937; Vol. 4, 1941), ставшая главным трудом ученого и своего рода венцом всей его научной деятельности.

Вероятнее всего, два события послужили главными вехами его разработки. Общее апокалиптическое настроение интеллигенции начала века, волна дискуссий, поднятая шпенглеровским «Закатом Европы», личные ощущения Сорокина на переломе времен, когда Россия вступала в период буржуазного развития, впечатления от гибели культуры в первую мировую войну, с одной стороны, и последняя встреча с Н.Д. Кондратьевым в 1925 г., когда тем уже владела идея концепции больших социокультурных циклов, — с другой. Именно под влиянием Кондратьева Сорокин нащупывает свой вариант выхода из кризиса, охватившего западную цивилизацию, создавая теорию социокультурной динамики, куда циклы Кондратьева входят как частный случай.

Основной тезис главного труда Сорокина — сверхорганическая система ценностей или «истин», «нормо-законов» является решающим фактором детерминации всех общественных явлений. Система эта развивается по имманентным ей законам, а люди и общественные отношения, как зависимые переменные истории, являются носителями и проводниками системных ценностей, или «нормо-законов», как называл их Сорокин вслед за одним из своих учителей — Л.И. Петражицким. Таким образом, историческая действительность представляет собой иерархию в различной степени интегрированных культурных и социальных систем от мелких до самых крупных — суперсистем, охватывающих массы людей и их взаимодействий, существующих веками и определяющих все виды нравственно-духовной деятельности: религию, науку, искусство, язык, философию, этику, право и т. д.

Категория «культурная суперсистема», таким образом, является исходной для типологии культурного развития. Каждая суперсистема ценностей — это специальный вид исторической целостности, интегрированный в некий духовный идеологический стиль. Стиль структурно определяется ответом на четыре вопроса: каковы преобладающие представления о природе бытия, каковы основные потребности человека, степень их реализации и методы их удовлетворения. «Всякая великая культура, — считает Сорокин, — есть не просто конгломерат разнообразных явлений, сосуществующих, но никак друг с другом не связанных, а есть единство, или индивидуальность, все составные части которого пронизаны одним основополагающим принципом и выражают одну, и главную, ценность». В зависимости от характера ответов на сформулированные выше вопросы выделяются два основных стиля, два типа культуры: чувственная (sensitive) и идеациональная (ideational). Существуют и смешанные типы культур, среди которых Сорокин особо выделяет «идеалистический» (idealistic) тип, поскольку он наиболее гармоничным образом сочетает в себе наилучшие черты двух противоположных типов культур. Для идеационального типа культуры характерна всесторонняя (т. е. существующая в науке, искусстве, философии, праве и т. д., даже в быту) ориентация на трансцендентные (потусторонние, или сверхчувственные) ценности. В культуре чувственного типа, напротив, преобладающим влиянием пользуются материальные и материалистические ценности. В идеалистическом типе куль-

туры синтезированы ценности культур двух вышеперечисленных типов. Кроме того, существует тип культуры, где ценности чувственного, идеационального и идеалистического типов сосуществуют, не образуя органической связи. Такой тип культуры, как правило, характерен для эпохи упадка. Каждый тип культуры имеет свой закон развития и свои «пределы роста». Это и есть, собственно говоря, социокультурная динамика.

В каждый исторический момент господствует одна из суперсистем, хотя на периферии ее ценностного ядра можно обнаружить как осколки предыдущей, так и ростки новой суперсистемы. Каждая суперсистема относительна, ее ценности лишь частично объясняют бытие, а имманентное человеческой природе развитие познания ведет к динамике суперсистем, к их флуктуации, в основе чего лежит принцип лимита. Кульминация развития одной из них означает достижение предела ее познавательных возможностей, и дальнейшее существование суперсистемы лишь увеличивает относительность ее истин и ценностей. Одновременно расширяется поиск новых ценностей, так что в целом развитие общества представляет собой непрерывную флуктуацию от чувственных к идеациональным суперсистемам с относительно короткими периодами баланса между ними в виде идеалистических ценностных суперсистем. Кризис современного общества с его чувственным типом культуры, по Сорокину, — это один из этапов флуктуации, который будет преодолен с наступлением господства идеациональной суперсистемы.

«Социальная и культурная динамика» является своего рода компромиссом между заявленной в книге «Социальная мобильность» невозможностью обнаружить «цель в истории» («Исторический процесс скорее напоминает мне человека, который вращается в разных направлениях без определенной цели или пункта назначения») и претензией сформулировать предельно общие причины социокультурных изменений. Именно с этой целью Сорокин вводит фундаментальный для его системы «принцип ограничения» (или предела, «лимита»; далеким прообразом этой идеи является, может быть, философская система, разработанная К.Ф. Жаковым и названная им «лимитизмом»), который, не отменяя указанного общего положения, сужает сферу его действия: в каких бы направлениях и как бы бесцельно ни «вращался» человек, он не может, например, оторваться от земли и вращаться в воздухе. И точно так же — общество в целом. Если невозможно точно предсказать, куда идет общество и каким оно будет через определенный отрезок времени, то все же можно сравнительно точно установить, каким оно не может быть и куда оно никогда не придет. В книге «Социальная и культурная динамика» само понятие «общества» упоминается крайне редко: Сорокин исследует здесь «культуру» — понятие более широкое, чем «общество», и включающее его в себя (или в ряде случаев с ним совпадающее, так что в «мире Сорокина» можно и не говорить о «социуме» и «культуре» по отдельности, а говорить о некоей целостности, имея корой — «социокультура»).

Для полноты картины циклическую смену социокультурных типов, по мнению Сорокина, следует дополнить перемещением центра «культурного лидерства» в географическом пространстве. На создание концепции социокультурной динамики Сорокина оказали влияние идеи Н.Я. Данилевского и К.Н. Леонтьева. Вообще, будучи «западником» в России, Сорокин после переезда в США, после отказа от идей «умеренного бихевиоризма» закончил свой творческий путь как бы духовным возвращением на родину. В «интегральной философии» Сорокина, как он сам характеризовал свое мировоз-

зрение, можно увидеть черты русской «соборности», перетолкованной на американский (или общечеловеческий) лад. Современная эпоха кризиса, по Сорокину, закончится созданием новой идеациональной культуры, а центр культурного лидерства на рубеже XX — XXI вв. переместится в Тихоокеанский регион, ведущими странами которого станут США, Сибирские регионы России и Япония.

Конечно, с высоты сегодняшнего дня можно кое в чем и оспорить пророчества и прогнозы Сорокина (а в чем-то и признать его правоту). Но главное не в этом. Основной изъян грандиозной социокультурной динамики, очерченной Сорокиным, состоит в том, что в том виде, как она представлена в «Четырехтомнике», его концепция попадает в разряд циклических, от которых он сам всячески отрекся (по этой, видимо, причине большинство отечественных историков социологии и некоторые западные зачисляют Сорокина в разряд циклистов, что не совсем корректно; если Сорокин и циклист, то с очень большой оговоркой). Если всемирная история до сих пор представляла собой последовательную смену трех типов суперсистем, и если таковой она будет и впредь, то перед нами еще одна картина «вечного возвращения», так ужасавшая Ф. Ницше; это древний Екклесиаст с его унылым «что было, то и будет», а по Гегелю, новый образчик «дурной бесконечности». В поисках выхода из этого тупика Сорокин и разработал концепцию интегрального строя, который, по его замыслу, должен гармонично сочетать в себе лучшие свойства всех социокультурных систем. В 1957 г. Сорокин опубликовал статью «Моя философия — интегрализм». В том же году вышел сокращенный однотомный вариант «Социальной и культурной динамики». Сам Сорокин объяснял необходимость такого издания соображениями чисто прагматическими и меркантильными: дескать, преподаватели не могут приобрести четырехтомный вариант его главного труда из-за дороговизны, студенты не могут прочитать по причине чрезмерного объема. Но была и еще одна цель, более высокого порядка: пресечь «дурную бесконечность» смены одного социокультурного строя другим и увенчать всю систему зданием «интегрального строя». Конечно, в основных своих чертах «интегральный» строй совпадает с идеалистическим (в специфическом понимании этого термина Сорокиным), но отличается от него устойчивостью, долговечностью и всеобщим признанием. Сорокинский интегрализм можно рассматривать как вариант идеи «всеединства» Вл. Соловьева, хотя сам он в качестве своих предшественников и единомышленников предпочитал называть более знакомые западным и американским читателям имена: Шри Ауробинды Гхоша, Мохатмы Ганди, А. Швейцера и др. Можно, конечно, согласиться с западными исследователями, упрекающими позднего Сорокина в проповедничестве. Поводов для подобного рода упреков он давал немало. Вот, например, какими словами заканчивается его статья «Моя философия — Интегрализм»: «Главная историческая миссия человечества состоит в безграничном созидании, накоплении и усовершенствовании Истины, Красоты и Добра в самой природе человека, в человеческом уме и поведении, в суперорганическом мире человека и вне его, в отношении человека ко всем людям, ко всем живым существам и всей вселенной. Осуществляли эту задачу, человек наилучшим образом выполняет свой долг по отношению к Высшему творцу вселенной. Каждый шаг на пути к осуществлению этой цели приближает человека к Высшему творцу. Человек становится истинным Сыном Божиим, созданным по образу и подобию Божьему. Каждое важное достижение на пути к осуществлению этой великой

миссии — это подлинный прогресс человека и человечества. Любая неудача становится шагом назад в человеческой истории. Эта миссия является подлинным мерилем человеческого прогресса»¹.

Однако в рамках социологической системы самого Сорокина в самой этой проповеди нет ничего странного и «ненаучного»; недаром же он еще в конце 20-х гг. ввел в нее такой важный раздел, как «нормативная социология», задача которой состоит в разработке и внедрении общечеловеческих социальных идеалов. Можно, конечно, спорить о правомерности существования самой «нормативной социологии», но у Сорокина она есть, и в рамках этой «отрасли» социологии он не только имеет право, но и должен выступать с проповедью социального идеала.

Как уже отмечалось, последний период своего творчества Сорокин посвятил основанному им Гарвардскому центру по изучению творческого альтруизма. Найти выход из современного кризиса поможет, согласно Сорокину, только распространение в мире идей альтруистической любви. Это совсем мало изученная и, на наш взгляд, по-настоящему не оцененная часть его огромного творческого наследия, которая еще ждет своих исследователей, а возможно, и продолжателей.

1.5. Влияние идей и личности П. Сорокина на мировую науку и культуру

Оценка творческого наследия такого крупного и во многом необычного мыслителя как П. Сорокин — задача сложная и во многом неблагоприятная. А на сегодняшний день, возможно, и преждевременная.

Сам Сорокин в своей «Социальной и культурной динамике» оценивал великих мыслителей по 12-балльной шкале (12 — высший балл). Он выделил 8 критериев (количество специальных монографий, посвященных мыслителю; частота упоминания имени этого мыслителя в сочинениях современников и более поздних поколений; был ли он основателем научной школы; упоминается ли его имя в элементарных научных курсах; число его признанных учеников и последователей; переводы его сочинений на иностранные языки; число переизданий его сочинений; создал ли он оригинальную и законченную систему философии и эпистемологии), на основании которых тот или иной ученый получал свою оценку. 12 баллов получили всего 5 мыслителей (Аристотель, Кант, Платон, Платин, Фома Аквинский), 11 — никто, 10 — всего один (Августин), а далее, по мере уменьшения балла, количество мыслителей растет чуть ли не в геометрической прогрессии (1 балл получили 349 мыслителей, плюс 8 направлений; общее же количество «прошкалированных» ученых 1190).

Интересно было бы знать, какой балл получил бы сам Сорокин при такой системе? Хотя не по всем критериям Сорокину сегодня можно дать количественную оценку, можно предположить, что в разных национальных научных традициях *примерные оценки* будут сильно отличаться друг от друга. Очевидно, что Дж. Ритцер сегодня не поставил бы Сорокину выше одного балла, зато многие отечественные поклонники сорокинских творческих идей оценили бы его не ниже 10 баллов, поставив его рядом с Августином и ссылаясь при этом, что

¹ Социологические исследования. 1992. № 10. С. 139.

«...недаром же при жизни Сорокина его и Тойнби нередко называли на Западе «двумя Августинами XX века». И опять-таки как в России, так и на Западе оценки тоже могут колебаться в силу целого ряда причин. В России — если воспользоваться традиционной нашей дихотомией — Сорокина по-разному оценят «западники» и «славянофилы» (оба термина, употреблены, конечно, условно и в предельно широком смысле), а на Западе — носители религиозного и атеистического сознания. Например, папэр Гарольд Браун, написавший прекрасную книгу «Чувственная культура», во всяком случае, оценил бы Сорокина выше, чем Дж. Ритцер. Его книга написана в парадигме сорокинских «Кризиса нашего времени» и является его своеобразным продолжением¹. Соглашаясь в целом с оценкой Сорокиным кризиса чувственной культуры Г. Браун дополняет его список кризисов кризисом демократической теории, кризисом образования, кризисом медицины.

Подводя итоги нашей предварительной оценки научного наследия Сорокина, следует сказать, что сегодня любая его оценка будет носить приблизительно и весьма субъективный характер. Несомненно одно: в истории социологии Сорокин занимает свое уникальное и довольно видное место. Если (по индексу цитирования) он сегодня не входит в десятку лучших социологов мира, то в сотню входит непременно. Это сегодня. А что будет завтра или послезавтра — увидим. История еще продолжается...

Первоисточники для изучения

- Американская сексуальная революция. М., 2006.
- Главные тенденции нашего времени. М.: Наука, 1997.
- Год как фактор. М.: Academia — LVS, 2003.
- Дальняя дорога. М.: Московский рабочий; TERPA — TERRA, 1992.
- Заметки социолога: Социологическая публицистика. СПб.: Алетейя, 2000.
- Кризис нашего времени // Встречи с Питиримом Сорокиным. М.: РИЦ ИСПИ РАН, 2003. С. 23 — 94.
- Листки из русского дневника // Рубеж. 1991. № 1; 1992. № 2.
- Моя философия — интегрализм // Социологические исследования. М., 1992, № 10, октябрь, с. 134-139.
- Общедоступный учебник социологии. Статьи разных лет. М.: Наука, 1994.
- Общие черты и различия между Россией и США. Из истории развития межнациональных отношений в России [Фрагмент книги «Россия и США»] // Социологические исследования. 1993. № 8. С. 133 — 145.
- Общие черты и различия между Россией и США. Из истории развития межнациональных отношений в России [Фрагменты книги «Россия и США»] // Сорокин П.А. О русской нации. Россия и Америка. Теория национального вопроса. М., 1994. С. 40 — 58, 70 — 75.
- О русской общественной мысли. СПб.: Алетейя, 2000.
- Основные черты русской нации в двадцатом столетии // О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья. М.: Наука, 1990. С. 463 — 489.
- Питирим Сорокин: грани жизни и творчества (Неизвестный Сорокин). М.: МИСК, 2009.

¹ См.: Brown H. The sensual culture. Dallas-London-Vancouver-Melbourn: World Publishing, 1996.

- Преступление и кара, подвиг и награда. М.: Астрель, 2006.
- Причуды и недостатки современной социологии и смежных дисциплин [Глава «Квантофрениа»] // Рубеж, Сыктывкар, 1999. Вып. 13–14.
- Система социологии. М.: Астрель, 2008.
- Социальная и культурная динамика. М.: Астрель, 2006.
- Социальная мобильность. М.: Academia — LVS, 2005.
- Социокультурная динамика и эволюционизм // Американская социологическая мысль. Тексты. М.: Международный ин-т бизнеса и управления, 1996. С. 372–392.
- Социология вчера, сегодня и завтра // Социологические исследования. 1999. № 7. С. 115–124.
- Социология революции. М.: Астрель, 2008.
- Социологические теории современности. М.: ИНИОН, 1992.
- Человек и общество в условиях бедствий. СПб.: Весь мир, 2011.
- Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992.
- Школа Фредерика Ло Пье [Глава из книги «Современные социологические теории»] // Социология. 2005. № 1. С. 229–253.
- Элементарный учебник общей теории права в связи с учением о государстве. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2009.

Глава 2

СТРУКТУРНЫЙ ФУНКЦИОНАЛИЗМ

Структурный функционализм — одно из наиболее значимых научных направлений, получивших детальную разработку и широкое распространение в социологии XX в.

В основе этого направления лежит *структурно-функциональный подход к анализу социальной реальности*, который задает исходные принципы исследования социокультурных явлений и процессов. В его рамках любой социальный объект (культура, общество, институт, организация, группа, личность) рассматриваются в качестве системно-организованной структурной целостности, в которой каждый элемент имеет определенное функциональное значение (выполняет конкретную функцию).

Этот подход объединил в себе функциональный и структурный подходы в общественных науках, имеющих общие «генетические корни», которые прослеживаются в работах значительного числа обществоведов разных эпох.

Структурный подход связан с выявлением и анализом структуры, то есть совокупности таких элементов социального целого, которые способны сохраняться при разнообразных изменениях самой структуры, и вместе с тем поддерживать ее в устойчивом состоянии.

Функциональный подход состоит в исследовании взаимосвязи элементов этого социального целого — с точки зрения тех функций, которые они выполняют в нем и с помощью которых оно сохраняет жизнеспособность.

К середине XX в. структурный и функциональный подходы были переосмыслены как две взаимодополняющие и взаимопроникающие стратегии исследования и воплотились в различных версиях в лингвистике, литературоведении, социальной антропологии и социологии.

В основе *структурно-функционального подхода в социологии* лежит положение о том, что все явления социального мира организованы в общую — социальную — систему, составляющими элементами которой выступают менее общие системы (подсистемы) — социальная, культурная, личностная и т. п. Любая из этих систем представляет собой целостный комплекс взаимосвязанных элементов, находящихся в функциональных отношениях друг с другом, и определенным образом соотносится с другими системами социума.

Предьсторию структурно-функционального подхода в социологии связывают прежде всего с именем Герберта Спенсера, который пытался установить функциональные аналоги между процессами, протекающими в организме и обществе. Он обосновывал идею об относительной самостоятельности целого (структуры) как общества, так и организма, а также и об органической взаимосвязанности их частей.

Исходным моментом теории общества, разработанной Г. Спенсером, является представление о нем как о целостной сущности («агрегате»), отличной от своих частей, главной особенностью которой выступает «структура», то есть «целостность отношений между частями». Органические системы, со-

гласно Г. Спенсеру, отличаются от неорганических одной характерной особенностью: взаимодействие частей в них зиждется на связях координации, кооперации и субординации, что обеспечивает сохранение целого.

Ряд методологических принципов функционального анализа заложил Эмиль Дюркгейм. Его социологическая концепция основана на том, что общество обладает собственной, независимой от сознания людей реальностью. — «*sui generis*», наделенной особыми свойствами. Дюркгейм разделил социологию на социальную морфологию и социальную физиологию.

Социальная морфология предполагает расчленение социального объекта на структурные элементы и установление связей и отношений между ними. Исследование структуры общества (социальная морфология), согласно Дюркгейму, является исходным пунктом анализа любого социального явления, будь то социальная система, общественное воспитание, образование или исследование социальных причин феномена самоубийства.

Социальная физиология имеет своим предметом выяснение той роли, которую структурные элементы играют в сохранении целостности общественного организма. Это позволяет проследить причины социальных изменений, характер влияния отдельных элементов структуры на социальный организм в целом, и, наконец, связь элемента структуры с выполняемой им функцией.

Эти идеи Дюркгейма, а также других — предшествовавших и современных ему исследователей, в которых присутствовали элементы функционализма, были восприняты и переработаны выдающимися учеными XX в. — британскими антропологами *Брониславом Малиновским* и *Альфредом Реджинальдом Рэдклифф-Брауном*, а также американскими социологами *Толкоттом Парсонсом* и *Робертом Мертоном*.

В специализированной литературе принято считать, что «кристаллизация» теории структурного функционализма в социологии XX в. проходила ряд последовательных стадий, первая из которых называлась «ранним функционализмом» и связывалась с британскими антропологами, названными выше. На самом деле временные рамки творчества всех теоретиков (основателей) структурного функционализма в социологии XX в., в известной мере пересекаются, особенно если принять во внимание даты выхода тех их работ, в которых намечены методологические рамки данного направления.

Тем не менее при анализе истории становления современных версий структурно-функционального анализа в первую очередь целесообразно обратиться именно к трудам британских социальных антропологов. Эти исследователи, несмотря на то, что в их подходах достаточно принципиальных различий, рассматривали общество как структурированное, функционально связанное целое и во многом способствовали формированию методологии, а также понятийного аппарата «классического» структурного функционализма, который стал активно утверждать свои позиции в социологии конца 30-х гг. прошлого столетия.

2.1. Функционализм и структурализм британских социальных антропологов

Своеобразие развития социологии в Великобритании состояло в том, что ряд ее проблем традиционно исследовался в русле смежных дисциплин. Одной из них была антропология — уже довольно развитая к началу XX столетия

область социального знания, которая широко преподавалась в университетах этой страны.

Стремление ряда британских антропологов связать свою проблематику с социологией, которая в то время занимала довольно скромное положение в академической среде, легло в основу направления, вошедшего в историю науки как *антропологический функционализм*. В его рамках оформилось новое понимание предмета и дисциплинарной матрицы антропологии, были разработаны революционные методы анализа социальных явлений, во многом значимые и для социологии. Основателями данного направления считаются ученые с мировым именем — *Бронислав Малиновский* и *Альфред Реджинальд Рэдклифф-Браун*.

2.1.1. Функциональная теория Бронислава Малиновского

Краткая биография и основные труды

Британский социальный антрополог польского происхождения **Бронислав Каспер Малиновский** (*Bronislaw Malinowski*) родился в 1884 г. в Кракове¹ в семье, которая как он однажды написал, «принадлежала к доведенному до нищеты мелкому польскому дворянству, смешавшемуся с интеллигенцией»².

Поступив в Ягеллонский университет Кракова, Б. Малиновский изучал физику и химию, но специализировался на философии науки. В 1906 г. Малиновский защитил докторскую диссертацию по философии, получив за нее *Имперскую премию*. После защиты диссертации он серьезно заболел, и тут ему попалась на глаза «Золотая ветвь» классика британской социальной антропологии Джеймса Джорджа Фрэзера (1854 — 1930). Чтение этого трехтомного компендиума перевернуло всю жизнь Малиновского. Он стал проявлять повышенный интерес к «наукам о человеке», важное место среди которых занимала антропология³.

Затем Малиновский некоторое время работал в университете Лейпцига, где одновременно изучал психологию у Вильгельма Вундта (1832 — 1920) и политэкономии у Карла Бюхера (1847 — 1930). В Вундт направил его интересы в сторону культурной антропологии⁴.

В 1910 г. Малиновский переехал в Лондон и поступил в аспирантуру Лондонской школы экономики, где преподавались экономика, социология и социальная антропология. Там он лично познакомился с Дж. Фрэзером, а также такими известными социальными антропологами как Чарльз Габриэль Сэлигман (1873 — 1940), Эдвард Вестермарк (1862 — 1939), Уильям Риверс (1864 — 1922) и Роберт Маретт (1866 — 1943), под влиянием которых и происходило его формирование как антрополога. Сэлигман привил ему вкус к полевым исследованиям, а Вестермарк — к теоретическим построениям⁵.

¹ Город на территории современной Польши, входившей тогда в состав Австро-Венгерской империи.

² См.: *Young M. Malinowski: Odyssey of Anthropologists 1884 — 1930*. New Haven, CT: Yale University Press, 2004.

³ *Байбурин А.К. Бронислав Малиновский и его научная теория культуры // Малиновский Б. Научная теория культуры / Пер. с англ. И.В. Утекина. 2-е изд. М.: ОГИ, 2005. С. 7.*

⁴ *Кейрис Х. Предисловие // Малиновский Б. Научная теория культуры / Пер. с англ. И.В. Утекина. 2-е изд. М.: ОГИ, 2005. С. 10.*

⁵ *Байбурин А.К. Бронислав Малиновский и его научная теория культуры... С. 7.*

С 1913 г. Б. Малиновский стал преподавать в Лондонской школе экономики, а в 1914 г. отправился в Австралию для участия в масштабном заседании Британской ассоциации содействия развитию науки. Там, застигнутый внезапным началом Первой мировой войны, он оказался подданным враждебного Великобритании государства. Однако власти Австралии разрешили ученому провести запланированное на территории их колонии Папуа Новая Гвинея исследование, и даже оказали финансовую помощь.

После предварительных изысканий в Новой Гвинее этот исследователь провел этнографические исследования в северо-восточной Меланезии — на Тробрианских островах (1915–1918)¹, в ходе которых революционным образом преобразовал исследовательские методы социальной антропологии.

Так, сломав устоявшиеся в этнографии традиции, он настаивал на том, что исследователь «должен отказаться от своей удобной позиции — сидеть на веранде и коллекционировать отчеты информантов, поскольку выслушивание мнений экспертов ничего не говорит о самом процессе жизни. Вместо этого ему следует поселиться в деревне, работать в саду, обмениваться подарками, болтать, флиртовать, спорить и просто бродить по окрестностям. Личные истории людей, вражда соседей, несоответствие эмоциональных склонностей и официальных обязанностей — все это доступно только для исследователя, который погружен в каждодневную жизнь деревни».

Б. Малиновский первым предложил методы записи и упорядочивания полученных данных, и он также полагал, что этнографу необходимо задавать самому себе вопросы с тем же вниманием, с каким он изучает свой предмет. В течение нескольких лет он периодически вел дневник, который стал для него инструментом исследования — в нем он отмечал свое физическое и духовное состояние и настраивался на «усиленную работу».

«Главное, что нужно сделать, — говорится в одной его записи, — это рассмотреть два направления моей деятельности: мои этнологические работы и дневники. Они служат дополнением друг другу»². Многие исследовательские записи Б. Малиновский делал на английском языке, хотя какие-то особенно длинные эпизоды он записывал на местных наречиях; однако для личных записей он всегда использовал польский. Среди прочего это служило ему отдушиной, с помощью которой он мог позволить себе выплеснуть эмоции, — повествования из его дневника прерываются вспышками раздражения, даже ярости против жителей Тробрианды³.

Дальнейшая карьера Б. Малиновского состоялась в англо-саксонском мире. В 1923 г. он был приглашен на постоянную должность преподавателя антропологии в Лондонскую школу экономики, а с 1927 г., став профессором, возглавил в ней кафедру антропологии, на которой проработал до 1939 г. В этот период ему удалось создать лидирующую в Западной Европе школу социаль-

¹ The Ethnography of Malinowski: The Trobriand Islands 1915–1918 / M.W. Young (ed.). London: Routledge, 1979.

² Kuper A. Malinowski Bronislaw // Fifty Key Sociologists: The Formative Theorists / J. Scott (ed.). London and New York, Routledge, 2007. P. 77–80.

³ A Diary in the Strict Sense of the Term / R. Firth (ed.). Stanford: CA: Stanford University Press, 1969.

⁴ A Diary in the Strict Sense of the Term...

ной антропологии, обучив большую часть последующего поколения наиболее значимых британских антропологов⁴.

Несмотря на польское происхождение, Б. Малиновский всегда считал себя последователем «мистического культа британской культуры». Он был непревзойденным оратором, читал лекции в таких городах как Женева, Осло, Вена и Рим. Этот ученый легко говорил не только на польском и английском, но также на русском, немецком, французском, итальянском и испанском языках, мог сносно объясняться с племенами аборигенов на их наречиях.

Б. Малиновский также был тесно связан с университетами США: в 1933 г. читал лекции в Корнелльском университете, а три года спустя — в университете Гарварда, где был удостоен звания «почетного доктора». В 1939 г., получив статус «посещающего профессора» Йельского университета, он приехал преподавать свои знания в США, где в 1942 г. скончался от обширного инфаркта.

Этнографические исследования Б. Малиновского систематизированы в таких трудах как «Аргонавты Западной части Тихого океана» (1922)⁵, «Преступление и обычай в обществе аборигенов» (1926)⁶, «Сексуальная жизнь аборигенов Северо-западной Меланезии» (1929)⁷, «Коралловые сады и их магия» (1935)⁸.

В этих трудах, основанных на обширном эмпирическом материале, он предстает не только как новатор в области полевых исследований, но и как теоретик.

Так, он писал: «...главный принцип моей работы в поле — избегать искусственных упрощений. С этой целью нужно собирать как можно больше конкретных материалов: пометать каждого информанта; работать с детьми, непрофессионалами и специалистами, получать различные точки зрения и мнения». Однако, чтобы не «утонуть в деталях», следует структурировать опыт: теория должна идти перед описанием. Каждое конкретное описание фактов требует конкретных понятий, а это можно обеспечить только теорией»⁹.

В рамках своей теории он наметил ряд принципов, для обозначения которых и ввел слово «функционализм». Наиболее подробно эти принципы отражены в поздних, уже социологических по содержанию рукописях Б. Малиновского: «Функциональная теория» (1939), «Научная теория культуры» (1944)¹⁰ и «Магия, наука и религия» (1948)¹¹ (опубликованных после его смерти).

Во многом благодаря этим работам, в которых содержится продуманная и плодотворная версия функционализма, Б. Малиновский занял заслуженное место в истории социологии.

¹ Malinowski B. The Family among the Australian Aborigines. New York: Schocken Books, 1913. Malinowski B. The Scientific Theory of Culture and Other Essays. Chapel Hill, NC: University of North Carolina Press, 1944.

² Malinowski B. Argonauts of the Western Pacific: An Account of Native Enterprise and Adventure in the Archipelagos of Melanesian New Guinea. New York: E. B. Dutton and Co, 1922.

³ Malinowski B. Crime and Custom in Savage Society. London: Routledge, 1926.

⁴ Malinowski B. The Sexual Life of Savages. London: Routledge, 1929.

⁵ Malinowski B. Coral Gardens and Their Magic: 2 Vols. London: Routledge, 1935.

⁶ Kuper A. Malinowski Bronislaw ... P. 80.

⁷ Malinowski B. The Scientific Theory of Culture and Other Essays. Chapel Hill, NC: University of North Carolina Press, 1944.

⁸ Malinowski B. Magic, Science and Religion. London, 1948.

Антропология в системе наук о человеке

Большую часть своих полевых исследований Б. Малиновский провел в Новой Гвинее и в северо-восточной Меланезии, в частности на Тробрианских островах. Некоторое время он изучал также австралийские племена, хопи — в штате Аризона, бемба и чагга — в Восточной Африке, а также сапотеков — в Мексике¹. Результатом этой работы стала целая серия книг, где жизнь аборигенов описана во всем ее многообразии. В них он попытался обобщить и объяснить собранные данные в «духе науки», которая «неизменно подразумевает существование общих законов, поля эксперимента или наблюдения, а также не в последнюю очередь проверку академических рассуждений практическим применением»². Это и есть научный подход к изучению человека, сформировать который призвана именно антропология.

Б. Малиновский утверждал, что термин «наука о человеке» применительно к современной ему академической антропологии звучит несколько самонадеянно и даже бессмысленно. «Множество дисциплин, старых и почтенных или только что возникших, тоже занимаются изучением природы человека, творениями его рук и отношениями между людьми. Все они, взятые вместе или по отдельности, могут законно считать себя отраслями науки о человеке»³.

Антропология как наука о человеке вообще, как самая всеобъемлющая гуманитарная дисциплина появилась последней. Эта новая наука родилась под звездой эволюционистского энтузиазма, антропометрических методов и открытий в изучении древнего человека. Теперь она состоит из таких областей исследования, как изучение доисторического человека, фольклор, физическая антропология и культурная антропология. Все эти области находятся в опасной близости от традиционных областей исследования общественных и естественных наук: психологии, истории, археологии, социологии и анатомии.

Когда Б. Малиновский только приступил к занятиям антропологией, акцент в ней ставился на различиях между народами. «Я считал исследования в данной области, конечно, очень важными, но более важным, и, к сожалению, гораздо хуже изученным я полагал лежащее в их основе сходство. Я и теперь полагаю, что фундаментальное важнее непостоянного»⁴, — писал он.

Малиновский стал задумываться об антропологии как «науке, основанной на философии и социологии, и изучающей сходные условия человеческого существования, которая потребует знания «живого человека, живого языка и живых полнокровных фактов»⁵.

Первой задачей этой науки, как и любой науки, является определение своего собственного законного предмета исследования⁶. Таким предметом, а также местом пересечения всех отраслей антропологии у Малиновского стало научное исследование культуры⁷.

¹ Кейрис Х. Предисловие... С. 10.

² Малиновский Б. Научная теория культуры // Научная теория культуры / Bronislaw Malinowski / Пер. с англ. И.В. Утекина. 2-е изд. М.: ОГИ. 2005. С. 21.

³ Там же. С. 15.

⁴ Kuper A. Malinowski Bronislaw... P. 78.

⁵ Там же. P. 79.

⁶ Малиновский Б. Научная теория культуры... С. 24.

⁷ Там же. С. 16.

Проанализировав все школы классической антропологии, он пришел к выводу, что их главным недостатком являлось то, что конструируя свою стадиальную эволюционную схему или проследив диффузию того или иного явления культуры, исследователи не уделяли достаточно внимания исследуемому и четкому анализу культурной реальности, которой они занимались¹.

На самом деле «...доля научности в любой антропологической работе состоит в создании теории культуры, взаимосвязанной с методом полевого наблюдения и со смыслом культуры как процесса и как результата»².

Ученым нужна теория культуры, ее процессов и продуктов, ее специфического детерминизма, ее связи с основными положениями человеческой психологии и с органическими феноменами тела человека, устанавливающая зависимость общества от окружающей среды. Единственный научный путь — принимать культуру за «единое целое, состоящее из инструментов производства и предметов потребления, правила взаимодействия между людьми, идей и ремесел, верований и обычаев»³, смотреть только на отношения и формы, определяемые реально действующими культурными силами⁴, — писал этот исследователь.

Согласно Малиновскому, подобная теория ни в коей мере не является монополией антрополога. Однако ему предстоит внести в эту теорию особый вклад, который, возможно, подвиг бы на соответствующие свершения эмпирически мыслящих историков, социологов, психологов и исследователей специфических типов деятельности — юридической, экономической или образовательной⁵.

В частности, антрополог в принципе способен воспринять разные культуры как целое и наблюдать их лично в единстве их проявлений, сквозь призму своей простой узкой задачи. Тем самым он может дать импульс действительно научным тенденциям в современной социологии, вдохновить эту науку на анализ современных явлений культуры и непосредственное наблюдение, заменив им аподиктические откровения ученого, сидящего в кресле-качалке.

Методом для создания научной теории культуры Малиновский выбрал функционализм, за что его иногда ошибочно считают первооткрывателем функционального анализа.

Сам же Малиновский отмечал, что «функционализм как метод так же стар, как и первые ростки интереса к чужим, а следовательно, по общему мнению, диким и варварским культурам — у кого бы такой интерес не возникал: у греческого историка Геродота, у французского энциклопедиста Монтескье или у немецкого романтика Гердера. Если мне и довелось внести какой-то скромный вклад в развитие этого метода, то он состоит в создании ярлыка функционализма для уже существующего корпуса научных идей, приемов и интересов; но и в этом отношении я ссылаюсь на своих предшественников, число которых составляет двадцать семь человек»⁶.

¹ Малиновский Б. Функциональная теория // Малиновский Б. Научная теория культуры / Пер. с англ. И.В. Утекина. 2-е изд. М.: ОГИ. 2005. С. 32–33.

² Малиновский Б. Научная теория культуры. С. 16–17.

³ Там же. С. 41.

⁴ Малиновский Б. Функциональная теория... С. 40.

⁵ Малиновский Б. Научная теория культуры... С. 22.

⁶ Малиновский Б. Функциональная теория... С. 125.

Он также говорил о том, что «некоторые элементы функционального подхода обязательно присутствуют в любой теоретической интерпретации явлений культуры¹, равно как и в любом конкретном описании полевых материалов»².

Тем не менее, в отличие от своих предшественников, он не только придумал общее название для уже относительно широко распространенной методологии, но также сформулировал ряд ее исходных принципов, апробировав их на конкретном анализе культуры как универсального социального явления.

Принципы функционального метода

Б. Малиновский, критически проанализировав то действительно научное, что содержалось в разнообразных трудах представителей эволюционистских, исторических и диффузионистских направлений в антропологии, пришел к выводу о том, что каждое из них характеризуется собственным основным принципом интерпретации и обладает специфическим подходом в понимании культурного процесса или его результатов. Все вместе они создали в антропологии внушительное, пусть и не вполне гармоничное строение. Однако практически никто из них не дал ответа на вопрос: существует ли некая универсальная схема, применимая ко всем культурам, которая могла бы служить путеводной звездой для полевого исследователя и системой координат в сравнительном анализе, будь он историческим, эволюционным или просто устанавливающим общие закономерности?³

Эту универсальную схему, применимую ко всем культурам, которая отражала бы не только изолированные факты, но и существенные отношения и связи, Малиновский и попытался разработать.

Исходной посылкой для нее стало утверждение о том, что по отношению к культуре «весь полевой опыт, равно как и внимательное рассмотрение действительно значимых проявлений организованного поведения у современного человека, показывает справедливость следующих аксиом»⁴.

Эти аксиомы, которые Малиновский назвал «общими аксиомами функционализма», сформулированы им следующим образом.

А. Культура по своей сути представляет собой инструментальный аппарат, посредством которого человек оказывается в положении, позволяющем ему лучше справиться со специфическими конкретными проблемами, встающими перед ним в ходе его взаимодействия со средой для удовлетворения своих потребностей.

Б. Она является такой системой участников, видов деятельности и отношений, где каждая часть существует как средство для достижения определенной цели.

В. Она является целостным образованием, разные элементы которого взаимозависимы.

Г. Составляющие культуру виды деятельности, отношения и участники организованы по принципу решения жизненно важных задач в институты — такие как семья, клан, локальная группа, племя и организованные группы для сотрудничества в хозяйственной области, для политической, юридической и образовательной деятельности.

¹ За исключением антифункционалистских подходов. — Прим. авт.

² Малиновский Б. Функциональная теория ... С. 126.

³ Там же. С. 125.

⁴ Там же. С. 127.

Д. С динамической точки зрения, т. е., принимая во внимание типы деятельности, культура может быть разложена на ряд аспектов — таких как образование, социальный контроль, экономика системы познания, верований и морали, а также виды творческого и художественного выражения¹.

Согласно Малиновскому, культурный процесс в любом из своих конкретных проявлений всегда включает в себя людей, находящихся в определенных отношениях друг к другу, а это значит, что они определенным образом организованы, используют артефакты и общаются друг с другом при помощи речи или иных символических средств. *Артефакты, организованные группы (социальное окружение) и символика — три тесно связанных между собой измерения культурного процесса*².

Так, каждый артефакт является либо инструментом, либо предметом непосредственного использования, т. е. принадлежит к классу предметов потребления. Каждый артефакт создается с целью его использования в качестве орудия или разрушается (истрачивается, съедается) определенной группой людей, представляющей собой социальное окружение.

Социальное окружение всегда представляет собой человека или группу людей, использующих свое материальное снаряжение как техническое средство для достижения некоторой хозяйственной цели, или группу людей, совместно проживающих в жилище, потребляющих пищу, ими произведенную или приготовленную. Ни один предмет культуры не может быть понят без обращения более чем к одному индивиду, ибо там, где нет сотрудничества — а такие случаи найти непросто — есть, по крайней мере, преемственность традиции, в сущности являющиеся разновидностью сотрудничества.

Индивид должен приобрести свои личные навыки и стоящие за ними знания от другого члена сообщества, уже владеющего навыками, техникой и информацией, и к тому же получить или унаследовать его материальное оборудование. Он также должен определенным способом усвоить сложные и трудноуловимые этические нормы, которые будут определять его поведение. Эти нормы он усваивает посредством «символики». Это такие феномены как язык, устная или письменная традиция, которые берут свое начало в сфере «символического». Таким образом, символическое представляет собой непреходящий компонент любого организованного поведения, и как объективный факт оно является предметом наблюдения и теоретического анализа настолько же, насколько можно объективно наблюдать артефакты и коллективные действия, а также определять форму обычая.

В рамках такого анализа культурного процесса Малиновский выделил два ключевых аспекта, тесно связанных с социальными реалиями — «форму» и «функцию», а также показал их взаимосвязь.

Форма социальных реалий — это отражение конкретного типа поведения, характерного для любого общественного отношения³. Это не фикция или неделекая абстракция.

Подобно тому, как физик или химик наблюдает движения тел, реакции веществ или изменения в электромагнитном поле и регистрирует типичное повторяющееся поведение материи, силы и энергии, полевому исследователю приходится иметь дело с повторяющимися ситуациями и действиями и регистрировать

¹ Малиновский Б. Функциональная теория ... С. 127 — 128.

² Там же. С. 128.

³ Там же. С. 128 — 129.

их закономерности и формы. Если же взять отношения кровного родства, смежного проживания или договора, то можно увидеть двух или более людей, которые ведут себя по отношению друг к другу стандартным образом в некоторой культурно ограниченной части окружающей среды и в связи с определенными занятиями, в ходе которых происходят обмен и использование предметов и согласование движений тела¹.

Таким образом, каждое явление в культуре представляет собой «оформленный» поведенческий акт и выполняет определенную функцию. Эта форма и ее функция, по Б. Малиновскому, взаимосвязаны.

Например, функции супружеских отношений и родительства — определенный культурой процесс продолжения рода. Их формы в любой конкретной культуре — это способы осуществления процесса, которые различаются техникой акушерства, наличием или отсутствием ритуала кувады, табу и изоляции, распространяющихся на родителей, в посмердных ритуалах и приемах, с помощью которых защищают ребенка, укрывают его, одевают, поддерживают гигиену и кормят.

Обозначенная Малиновским взаимосвязь формы и функции позволила ему утверждать, что культурный процесс, включающий в себя материальный субстрат культуры, т. е. артефакты, социальные связи людей и стандартизированные типы поведения, а также символические акты, обладает целостностью. Эту целостность нельзя расчленивать, вырывая из контекста предметы материальной культуры, социальные связи в чистом виде или язык как некую самодостаточную систему². Бесмысленно говорить о единицах, оторванных от контекста и функций. — необходимо исследовать элементы, обладающие внутренней связью друг с другом³.

В данной связи важно, в первую очередь, определить форму и функции явлений культуры. Если этого не сделать, то можно прийти к фантастическим эволюционным схемам, к отрывочным интерпретациям изолированных объектов, или нанести на карту фиктивные или несуществующие сходства. Единственные действительно работающие критерии для сопоставления явлений культуры представляет антропологу функционализм, который в принципе пригоден в качестве метода для предварительного анализа культуры⁴.

Функциональный анализ культуры

Б. Малиновский считал, что продвинутый специалист, интересующийся историей антропологической мысли, всегда может привести в определенный порядок достижения любой научной школы и извлечь для себя рациональное зерно, которое они содержат.

Так, виднейший французский антрополог и социолог Эмиль Дюркгейм, разработал одну из самых полных и впечатляющих социологических концепций. Во многих отношениях Дюркгейма можно считать представителем одной из наиболее здравых тенденций в современной антропологии, которая ставит своей целью полностью научное понимание культуры в ее специфике. Однако концепция Дюркгейма, впрочем, страдает от некоторых метафизических

¹ См.: Малиновский Б. Функциональная теория ... С. 129.

² Там же. С. 130.

³ Там же. С. 127.

⁴ Там же. С. 144.

предубеждений и прежде всего от полного отрицания не только чисто интроспективных психологических выводов, но и вообще от всякой отсылки к биологической основе поведения человека⁵.

Этот «недостаток» концепции Дюркгейма Малиновский попытался восполнить элементами, заимствованными из психоанализа и бихевиоризма.

Психоанализ представлялся ему плодотворным для анализа культуры потому, что «был занят поисками определяющих факторов культуры в сфере биологических побуждений организма», — тем, к чему Малиновский склонялся с самого начала своей работы в антропологии. Кроме того, он считал, что психоанализ не способен пройти мимо органической взаимосвязи культурных элементов, воплощенной в любой структуре⁶.

Значение бихевиоризма для своих изысканий он видел, прежде всего, в совпадении бихевиористских методов с собственной концепцией полевой работы: «иметь дело только с наблюдениями внешних проявлений»⁷, хотя он добавлял: «полезно бывает связать эти наблюдения с точным интроспективным отчетом»⁸.

В трактовке организованного поведения людей Малиновский, вслед за бихевиористами, признавал примат биологических начал человека над духовными и утверждал, что «теория культуры должна изначально основываться на биологических факторах»⁹; «...понятно, что органические, базовые потребности индивида и человеческого рода в целом определяют минимальный набор требований, налагающий ограничения на всякую культуру»¹⁰.

Таким образом, прежде всего человек нуждается в удовлетворении потребностей своего тела. Он должен организовать свою жизнь и выполнять все необходимые действия для того, чтобы питаться, согреться, укрыться, одеться, защитить себя от холода, ветра и непогоды. Он должен обеспечить себе защиту от внешних врагов и опасностей, будь то стихии, звери или люди. Все эти первичные задачи человеческого существа разрешимы для индивида через создание артефактов, организацию групп сотрудничающих индивидов, а также через развитие знания, ценностной ориентации и этики¹¹.

Согласно Малиновскому, если подобный подход позволит, воспринимая некую отдельную культуру как единое целое, все же выявить ряд общих определяющих факторов, которым она должна отвечать, то тогда удастся сформулировать некоторые научные положения. Эти положения могут быть использованы в качестве руководства в полевой работе, а также в качестве критерия для сравнения при анализе культурного изменения и адаптации. В такой перспективе культура не покажется нам «слощутным одеялом» и можно будет отвергнуть точку зрения, согласно которой «нельзя найти общей мерки для явлений культуры», а «законы культурных процессов туманны, неинтересны и бесполезны»¹².

Анализ, при помощи которого возможно определить отношения между культурным действием и человеческой потребностью — базовой или произ-

⁵ См.: Малиновский Б. Функциональная теория ... С. 27.

⁶ Там же. С. 130.

⁷ Там же. С. 131.

⁸ Там же. С. 131.

⁹ Малиновский Б. Научная теория культуры ... С. 42.

¹⁰ Там же. С. 42.

¹¹ Там же. С. 42.

¹² Там же. С. 43.

водной, Малиновский назвал функциональным. Ибо «функцию нельзя определить иначе, нежели как удовлетворение некоторой потребности путем деятельности, в рамках которой люди сотрудничают, используют артефакты и потребляют плоды своего труда»¹.

В то же время он отмечал, что за этим определением стоит еще один фактор, который необходим для осмысления любой фазы культурного поведения. Он, заключается в том, что люди организованы в стабильные группы.

Все люди, рождаясь, становятся членами семьи, исповедуют определенную религию и систему знаний, относятся к определенному социальному слою в рамках некоторого политического устройства, и часто все это к моменту появления человека на свет уже просуществовало много веков и не изменяется за время его жизни².

Организация каждого из заведений, созданных людьми, будь то дом, общежитие или исправительное учреждение, базируется на некотором законном основании, на системе ценностей и соглашений. Каждое заведение отвечает каким-то потребностям своих обитателей и общества в целом и тем самым выполняет свою функцию. Если речь идет не о монастыре или тюрьме, то человек, проснувшись, производит необходимые санитарные и гигиенические процедуры, завтракает и ухаживает. Он направляется к месту своих занятий, или идет за покупками, или каким-то образом пытается реализовать свои товары или идеи³.

Эту единицу организации в человеческом обществе, которая также вполне может выступать базовой единицей функционального анализа, Б. Малиновский предложил назвать, по его мнению, старым, но до сих пор не имевшим ясного определения и не всегда употреблявшимся последовательно термином «институт». Под этим понятием он подразумевал соглашение по поводу некоторого ряда традиционных ценностей, которые объединяют группу людей. Им также предполагалось, что эти люди находятся в определенных отношениях друг к другу и к специфической части их естественной или искусственной среды. В соответствии с поставленной целью и согласно предписаниям традиции, подчиняясь специфическим нормам данной группы и используя те материальные средства, которыми они владеют, люди действуют сообща и таким образом удовлетворяют свои желания, в то же время, воздействуя на окружающую среду⁴.

Малиновский попытался обосновать, почему институт является той естественной функциональной единицей, которая должна стать основой любого здравого анализа культуры.

Во-первых, эта единица (институт) «обособлена» — отличается от культурного комплекса или комплекса признаков, если его понимать как комплекс, «состоящий из элементов, находящихся в необязательных отношениях друг к другу», в том, что институт, напротив, постулирует некоторое обязательное отношение между элементами. Она также конкретна, т. е. может наблюдаться как определенная социальная группа.

¹ Малиновский Б. Научная теория культуры ... С. 43.

² Там же. С. 48.

³ Там же. С. 48–49.

⁴ Там же. С. 43.

Во-вторых, она обладает определенной структурой.

В-третьих, эта единица универсальна — никакой элемент, «признак» культуры, обычай или идея не определяются и не могут быть определены иначе как путем помещения в реальный и релевантный контекст культурного института.

Таким образом, «культура — это единое целое, состоящее частью из автономных, а частью из согласованных между собой институтов. Она объединяет в себе ряд моментов, таких как общность крови, смежность среды обитания, связанная с совместной деятельностью, специализация этой деятельности и не в последнюю очередь — использование власти в политических целях»¹.

Хотя такие институты, как семья, государство, возрастные группы и религиозные конгрегации, различаются в разных культурах и в ряде случаев внутри одной культуры, все же возможно набросать перечень типов или классов институтов, имеющих на всех культурах. Иными словами, семья и тип деятельности, основанный на постоянном брачном договоре, где доминирующими интересами являются продолжение рода, воспитание и семейная кооперация, могут быть занесены в список культурных универсалий².

Исходя из этих общих положений, Малиновский предпринял попытку так называемого им институционального анализа, хотя сам он не дал ему четкого определения. Тем не менее, суть «институционального анализа» у Малиновского состоит в следующем:

— во-первых, он детально описывает процесс формирования и обособления институтов;

— во-вторых, на базе этого описания он выделяет конкретные признаки и общие черты различных институтов, а также те универсальные функции, которые они выполняют в рамках любой культуры.

Институты как функционально обособленные единицы

Прежде всего, Малиновский составил перечень институтов, взяв за основу универсальные принципы интеграции, в соответствии с которыми люди взаимодействуют друг с другом и образуют постоянные группы³.

Первый принцип — принцип продолжения человеческого рода (включает кровные связи, установленные законным брачным договором и распространяемые в соответствии со специально определенным принципом родства).

На базе этого принципа основаны такие институты как семья; организация доброго ухода; правовое определение и организация брака как договора, соединяющего двух индивидов и связывающего две группы; расширенная группа совместно живущих и ее правовая, экономическая и религиозная организация; группа родственников, объединенных по унитарному принципу родства; клан; система связанных кланов.

Второй принцип — территориальный (его обуславливает общность интересов, производная от смежности, общности границ и возможности сотрудничества).

¹ Малиновский Б. Научная теория культуры ... С. 44.

² Там же. С. 54.

³ Там же. С. 54.

Институтами, соответствующими этому принципу, являются: соседствующие локальные группы (муниципалитет); кочующая орда; бродячая локальная группа; деревня; объединение селений и ферм; городское поселение; крупный город; округ; провинция; племя.

Согласно Малиновскому, этот принцип может создавать несколько уровней организации людей. Так, смотря по ситуации можно говорить о районах, округах, провинциях, но считать их институтами мы можем лишь постольку, поскольку они определенным образом организованы. Самой крупной территориальной единицей потенциальной кооперации, обмена услугами и общности интересов окажется племя в смысле его принадлежности к одной культуре¹.

Третий принцип связан с физиологией и анатомией человека. Так, люди различаются по полу, возрасту и, гораздо менее значительно, по врожденным особенностям тела (вроде родимых пятен), недостаткам или патологиям. Всегда, когда в группу входят только мужчины, а женщины в нее не допускаются, мы можем сказать, что создаются институционализированные половые группы².

К числу институционализированных групп, образованных по данному признаку, согласно Малиновскому, относятся: примитивные половые тотемные группы; организации, основанные на физиологических или анатомических физиологических различиях; организации производные от полового разделения функций и их деятельности; возрастные группы и возрастные классы в той мере, в какой они обладают специфической организацией.

Четвертый принцип базируется на ассоциации, то есть добровольном объединении индивидов в группы по их собственной инициативе.

Этому принципу следует членство в тайном обществе, в клубе, в кружке или творческом союзе.

Пятый принцип связан со специализацией деятельности людей, с их профессиональными способностями, обучением и выбором.

На его базе, на примитивном уровне объединяются маги, колдуны, шаманы и жрецы. По мере развития цивилизации — бесчисленные цеха, гильдии, предприятия, профессиональные объединения работников различных отраслей хозяйства.

Шестой принцип основан на социальной иерархии.

Так создаются сословия и ордена знати, священнослужителей, горожан, крестьян, крепостных, рабов, а также образуется кастовая система.

Седьмой принцип получил название «всеобъемлющего принципа интеграции», — интеграции, осуществляемой с помощью культуры или политической власти.

¹ Малиновский Б. Научная теория культуры ... С. 56.

² Там же.

К типам институтов, организованных по этому принципу, относятся: племя как культурная единица, соответствующая национальности на более высоких уровнях развития; культурные подгруппы или небольшие анклавы (этнически чуждые меньшинства, гетто, цыгане); политические единицы различных уровней.

Иногда Б. Малиновский называет этот принцип «принципом власти в буквальном смысле этого слова»¹. Власть означает привилегию и обязанность принимать решения, высказывать свое мнение в случае спора или разногласий, а также полномочия по приведению своих решений в исполнение. Власть — само существо социальной организации. А значит, без власти не обходится ни один институт. Но есть институты, которые организованы ради действительного использования власти. Эти институты являются собственно политическими — «можно говорить о политическом коэффициенте или квоте в семье, муниципалитет, провинции или даже в хозяйственной или религиозной группе»².

Согласно Малиновскому, ряд проблем, связанных с видами интеграции в рамках каждой культуры решаются по-особому. *Функция различных типов институтов, предопределяет ряд особенностей каждой культуры*³.

В то же время, каждый из типов институтов имеет одну и ту же структуру, универсальные составные элементы которой можно перечислить. *Другими словами, типы культурных институтов, то есть изолированных единиц организованного поведения, имеют некоторые фундаментальные общие черты, характерные для всех культур при всем их разнообразии*⁴.

Во-первых, социальный институт не может висеть в воздухе или неопределенным образом плыть в пространстве⁵. В данной связи каждый институт имеет свой «материальный субстрат», то есть некоторую специально выделенную долю материальных средств и орудий, а также часть материальных благ — плодов согласованной деятельности⁶.

Во-вторых, он организован в соответствии с хартией. «Хартию» некоторого института Малиновский определяет как «систему ценностей, ради которых люди организуют группу, или вступают в уже организованные группы»⁷.

«Хартия» всегда соответствует некоторому желанию, набору мотивов поведения, некоей общей цели. Это воплощено в традиции и признано ее властью. Так, в институте брака хартия, т. е. корпус учредительных установлений института, состоит в тесно связанных между собой законах, регулирующих брак и права наследования. Все принципы, по которым определяется законность отпрыска, происходит учреждение новой семьи, т. е. группы, непосредственно осуществляющей продолжение рода и предполагающей специфические нормы сотрудничества, — все это составляет хартию семьи. Хартия семьи определяет организацию дома. Она отличается в разных обществах и должна быть установлена в ходе полевой работы⁸.

¹ Малиновский Б. Научная теория культуры ... С. 58.

² Там же. С. 59.

³ Там же. С. 61.

⁴ Там же. С. 61.

⁵ Там же. С. 62.

⁶ Там же. С. 52–53.

⁷ Там же. С. 62.

⁸ Малиновский Б. Функциональная теория ... С. 135.

В-третьих, он состоит из «участников» — группы людей, организованной в соответствии с определенными принципами власти, разделения функций, распределения привилегий и обязанностей.

В-четвертых, в рамках института существуют понятия «правил» или «норм», которые указывают на технические приобретаемые навыки, привычки, правовые нормы и этические обязательства, которые принимаются членами группы или им предписываются¹.

Таким образом, будучи организованы в соответствии с «хартией» и сотрудничая в рамках этой организации, следуя правилам некоторого специфического рода занятий и используя имеющийся в их распоряжении материальный аппарат, участники группы включаются в деятельность, ради которой они и организовались в группу².

Общий результат совместной деятельности людей, организованных с помощью института, Б. Малиновский связывает с понятием функции.

Если хартия — это идея, лежащая в основе культурного института, поддерживаемая его участниками и определяемая обществом в целом, то функция — роль данного института в целостной схеме культуры — в том виде, как эта роль определяется исследователем культуры, будь эта культура развитой или примитивной³.

Малиновский утверждал, что связывая типы деятельности и их результаты с жизнью сообщества в целом, можно определить функцию каждой из систем организованной деятельности и тем самым показать, как их совокупность обеспечивает носителям культуры пропитание и убежище, общественный порядок и обучение, предлагает систему ориентации в природной среде, а также верования, при помощи которых эти люди существуют в гармонии со своей общей судьбой⁴.

Например, исследователь как высоких цивилизаций, так и более примитивных культур Индостана обратился бы к анализу кастовой системы в ее отношении к брахманизму и к жизни буддийских монастырей. Изучение деревенских общин, ремесла, рынков и промышленных предприятий постепенно подвело бы его к пониманию и объяснению того, как местные жители получают средства к существованию из доступных им ресурсов окружающей среды⁵.

Малиновский отмечал, что сам он не относится к введенному им понятию функции слишком догматично. Функция, если ее рассматривать в смысле «вклада конкретного института в более плотное сплетение ткани общественных отношений, в более широкое и далеко проникающее распределение услуг и товаров, а также идей и верований»⁶ — значима для переориентации исследований в сторону большей жизненности их предмета и понимания культурной полезности некоторых социальных феноменов. Тем не менее это понятие вполне может быть приспособлено к научному анализу института.

Так, функция института семьи — поставлять обществу новых граждан. При помощи брачного договора семья производит на свет законного отпрыс-

¹ См.: Малиновский Б. Научная теория культуры ... С. 52.

² Там же. С. 53.

³ Там же. С. 50.

⁴ Там же. С. 51.

⁵ Там же.

⁶ Малиновский Б. Функциональная теория ... С. 141.

ка, которого требуется кормить, обучать элементарным знаниям и умениям и затем снабдить материальными благами, а также соответствующим статусом в племени. Комбинация морально одобряемого сожителства не только в смысле половой жизни, но и для товарищеского сотрудничества, исполнения родительских обязанностей, закона наследования, т. е. хартии института со всеми ее социальными и культурными следствиями, дает нам общее определение этого института¹.

Функция института расширенной семейной группы определяется с точки зрения более эффективной эксплуатации находящихся в совместном пользовании ресурсов, усиления правового контроля внутри этой узкой и хорошо дисциплинированной единицы общества и во многих случаях — с точки зрения увеличения политического веса, то есть большей безопасности и эффективности хорошо дисциплинированных локальных единиц.

Функция института клана — в установлении дополнительной сети отношений, пересекающей соседские группировки и дающей дополнительный принцип для правовой защиты, хозяйственного обмена и отправления магических и религиозных действий.

Функция института муниципии — в организации коммунального обслуживания и совместной эксплуатации территориальных ресурсов в той мере, в какой это должно выполняться совместными усилиями, но в пределах доступности в повседневной деятельности².

Суть же анализа функций или функционального анализа состоит в том, чтобы связать культуру (и ее институты) с человеческими потребностями. На самом деле, каждая культура обязана своей целостностью и самодостаточностью тому факту, что она служит удовлетворению всего спектра базовых, инструментальных и интегративных потребностей³.

Б. Малиновский утверждал, что притязания функционализма на трактовку фундаментальных аспектов культуры, таких как образование, право, экономика, или все, что относится к познанию, в примитивной или развитой форме, и религии, были бы неправомерны, если бы он не был способен:

— во-первых, разложить на компоненты и тем самым определить каждый из этих аспектов культуры;

— во-вторых, связать их с биологическими потребностями организма человека⁴.

Понятие «потребности», крайне важное как для понимания каждой отдельной культуры, так и культуры как целостного и многофункционального образования, вылилось у Малиновского в специальную концепцию «потребностей».

Концепция потребностей

Согласно Малиновскому, сложный, громоздкий, имеющий материальные и социальные основания аппарат культурных институтов представляет собой средство, при помощи которого люди удовлетворяют свои «постоянные жизненно важные» потребности.

В рамках концепции потребностей он выдвинул две аксиомы.

¹ См.: Малиновский Б. Функциональная теория ... С. 140.

² Там же.

³ Малиновский Б. Научная теория культуры ... С. 44.

⁴ Малиновский Б. Функциональная теория ... С. 133.

Согласно первой аксиоме, «каждая культура должна удовлетворять все биологические потребности — те, что диктуются обменом веществ, необходимостью продолжения рода, физиологически необходимыми условиями температуры, защиты от влаги, ветра и прямого вредоносного воздействия погоды, опасности, исходящей или от животных, или от других людей, необходимостью отдыха и двигательной нагрузки для физической и нервной системы, а также регуляцией развития»¹.

В соответствии с этой аксиомой он выделил «набор биологических потребностей, включенных во все культуры, который налагает на любую культуру и на всех индивидов внутри нее необходимость реализовывать такие телесные функции, как дыхание, сон, отдых, питание, испражнение и размножение»².

Он определял эти потребности как «базовые». *Базовые потребности* — это биологические условия и условия окружающей среды, которые должны быть выполнены для выживания индивида и группы³.

Так, для выживания и группы, и индивида требуется поддержание минимума здоровья и жизненной энергии, необходимого для выполнения культурных задач, и наличие минимального числа членов группы, чтобы предотвратить ее постепенное вымирание.

Затем исследователь описал импульсы, вызывающие конкретную базовую потребность, физиологические акты, соответствующие каждому импульсу и результаты удовлетворения физиологических актов в их отношении к побуждению.

Например, если таким образом рассмотреть дыхание, то импульсом будет «позыв к вдоху», актом — «вдыхание кислорода», а результатом удовлетворения импульса — «устранение углекислого газа из тканей».

Он утверждал, что это — жизненно важные цепочки актов, которые, прежде всего, должны быть определены с точки зрения биологии. С культурой они сопряжены в основном путем переопределения импульсов и благодаря тому факту, что удовлетворение побуждения, или, как сказали бы некоторые бихевиористы, подкрепление стимула, является постоянным психологическим и физиологическим фактором, который контролирует поведение человека повсюду в широком спектре форм определяемого культурной традицией поведения⁴.

Каждая из этих жизненных цепочек обладает определенной формой. Она может быть описана в терминах анатомии, физиологии и физики. И минимально достаточное описание того, чем должно быть эффективное поведение, спровоцированное влечением и ведущее к удовлетворению, будучи сформулировано в терминах естественных наук, является определением формы такой последовательности. «Что же касается функции, то для физиолога это, прежде всего, разница между состоянием организма и окружающей его среды до и после выполнения поведенческого акта, изменения, происходящие в результате этого акта и ведущие к нормальному состоянию покоя и удовлетворения.

¹ Малиновский Б. Функциональная теория ... С. 141.

² Малиновский Б. Научная теория культуры ... С. 69.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 73.

Функцию в этом простейшем и наиболее фундаментальном аспекте человеческого поведения можно определить как удовлетворение органического импульса соответствующим поведенческим актом. Именно таким образом, форма и функция «неразрывно связаны»: невозможно обсуждать форму, не принимая во внимание функцию, и наоборот.

Например, при дыхании «формой» относительно человеческого тела можно было бы считать вдыхание воздуха. Но если в окружающей атмосфере недостаточно кислорода или присутствует углекислый или другой ядовитый газ, результат вдоха получится совсем иной, чем при вдыхании свежего воздуха. Можем ли мы сказать, что здесь одна и та же форма выступает в разных функциях? Конечно, нет. Ведь в наше определение формы мы включили не просто центральный акт жизненно необходимой последовательности, но и начальное состояние организма, окружающую среду и конечный результат поведенческого акта, трактуемые в терминах того, что происходит с организмом в его взаимодействии с факторами окружающей среды¹.

Эти базовые потребности Б. Малиновский соотносит с культурными реакциями на них.

Так, рассматривая некоторую группу людей в целом, культуру и существующую внутри этой культуры людей, следует рассмотреть каждую поведенческую цепочку в ее отношении к индивиду, организованной группе, традиционным ценностям, нормам и верованиям, а также к рукотворной среде, в окружении которой удовлетворяется большинство позывов².

Тем самым вокруг каждой из базовых потребностей происходит кристаллизация культурных процессов и продуктов.

В данном контексте потребности связываются не с индивидуальным организмом, а скорее с сообществом и культурой в целом. Это система условий в человеческом организме, существующем в культурном окружении, которые необходимы и достаточны для выживания группы и организма, притом что и тело, и культурное окружение связаны с природной средой. Обычай и их мотивации, формы поведения, передаваемые посредством обучения, и основы организации должны быть устроены так, чтобы обеспечивать удовлетворение базовых потребностей.

Б. Малиновский построил таблицу, в которой соотнес базовые потребности и культурные ответы (реакции) на них³, а затем прокомментировал каждую из выделенных пар.

Например, пункт «обмен веществ» означает, что процессы поглощения пищи, переваривания, соответствующей работы органов внутренней секреции, усвоения питательных веществ и освобождения от шлаков сразу по нескольким направлениям связаны с факторами окружающей среды и с взаимодействием организма и окружающего мира — взаимодействием, облеченным в культурно установленные формы. В этом пункте совместно представлены несколько влечений, которые

¹ Малиновский Б. Научная теория культуры ... С. 76.

² Там же. С. 80.

³ Там же. С. 81.

по отдельности были рассмотрены в предыдущей таблице. Ведь и получение твердой пищи, жидкостей и кислорода определяется процессами обмена веществ, и процесс испражнения также является обменом с окружающей средой¹.

Таблица

Базовые потребности и культурные ответы на них по Малиновскому

(А) БАЗОВЫЕ ПОТРЕБНОСТИ	(В) КУЛЬТУРНЫЕ ОТВЕТЫ
1. Обмен веществ	1. Снабжение
2. Продолжение рода	2. Родство
3. Телесный комфорт	3. Укрытие
4. Безопасность	4. Защита
5. Движение	5. Деятельность
6. Развитие	6. Обучение
7. Здоровье	7. Гигиена

Таким образом, весь этот список, состоящий из пар, предполагает, что понятия, составляющие пару по горизонтали, неразрывно связаны; такое понимание потребности подразумевает прямую корреляцию потребности и ответа культуры на эту потребность. Рассматривая любую культуру, которая нормально функционирует, а не находится в состоянии распада и умирания, можно увидеть, как непосредственно связаны и гармонично согласованы друг с другом потребности и культурные ответы².

Если рассмотреть под индуктивным углом зрения культурные формы поведения, от самых примитивных до самых высокоразвитых, то можно обнаружить, что все физиологические процессы стандартизованы. Другими словами, им придана некая форма, определяемая конечным результатом, и они сопряжены с искусственно созданными приспособлениями, непосредственно привязанными к анатомии и физиологии человека и к целям его деятельности. Тем самым, все культурные ответы — это результат коллективного действия, которое подчинено набору традиционных правил³.

Согласно Б. Малиновскому, из описания характера культурных ответов на каждую из биологических потребностей очевидно, что не существует простого и узконаправленного аппарата, нацеленного, скажем, исключительно на удовлетворение голода или всецело предназначенного для продолжения рода, обеспечения безопасности или поддержания здоровья. На самом деле имеют место цепочки взаимосвязанных институтов, каждый из которых может в принципе реализовать ответ на любую потребность.

Отсюда следует его вторая аксиома: «каждое достижение культуры, предполагающее использование артефактов и символических систем, представляет собой инструментальное расширение возможностей анатомии человека и прямо или косвенно связано с удовлетворением той или иной телесной потребности»⁴.

Малиновский утверждал, что если бы нам пришлось начать рассмотрение вопроса с точки зрения эволюции, можно было бы показать, что как только анатомия человека дополнена палкой или камнем, пламенем или покровом для тела, использование таких артефактов, орудий и приспособлений не толь-

¹ Малиновский Б. Научная теория культуры ... С. 81.

² Там же. С. 83.

³ Там же. С. 95.

⁴ Там же. С. 141.

ко удовлетворяет определенную телесную потребность, но и устанавливает производные потребности⁵.

Животный организм, который изменяет температуру, пользуясь постоянным или временным убежищем, разводит огонь для защиты и обогрева, употребляет одежду или одежда, становится зависимым от этих элементов окружающей его обстановки, от их изготовления и правильного использования, равно как и от сотрудничества с себе подобными, которое может оказаться необходимым для оперирования этими элементами.

Таким образом, с началом любой культурной деятельности возникает новый тип потребности (производная потребность), тесно связанный с биологическим типом потребностей и зависящий от него, но явно включающий в себя новые виды детерминизма.

Если мы взглянем на любое сообщество, в большей или меньшей степени примитивное или даже вполне цивилизованное, мы увидим, что повсюду существует организованное снабжение племени, первично обусловленное потребностью человеческого организма в питании, но само по себе устанавливающее новые технологические, экономические, правовые и даже магические, религиозные и этические потребности. Подобно этому и продолжение рода у человека происходит не просто путем спаривания, а связано с необходимостью продолжительного ухода за потомством, воспитанием и начальным формированием члена племени. Отсюда возникает целый ряд добавочных детерминант, то есть потребностей, удовлетворению которых служат традиционное ухаживание, табу на инцест и экзогамия, выбор брачного партнера, совместная жизнь родителей и детей, а также вообще система родства — в частности счет родства и все то, что он влечет за собой в области совместной деятельности, правовых и этических отношений⁶.

Такая культурная трансформация биологических поведенческих цепочек подчиняет человеческую жизнь «производным потребностям» — «культурным императивам». По Малиновскому, они связаны со стремлением человека расширить пределы собственной безопасности и удобства, опробовать и освоить новые способы движения, увеличить его скорость, изобрести машины для разрушения и для созидания, снабдить себя мощными защитными приспособлениями и соответствующими средствами нападения. Люди также должны сотрудничать в рамках хозяйственной деятельности, устанавливать и поддерживать порядок, обучать каждого нового растущего члена сообщества и применять средства для обеспечения всех этих видов деятельности⁷.

Эти инструментальные императивы присущие любой культуре, также вызывают ответные культурные реакции.

Так, если кратко рассмотреть производные императивы, порождаемые культурным удовлетворением биологических потребностей, то можно увидеть, что постоянное возобновление материального аппарата — это необходимость, ответом на которую служит экономическая система племени.

⁵ Малиновский Б. Научная теория культуры ... С. 102 — 103.

⁶ Малиновский Б. Функциональная теория ... С. 142.

⁷ Малиновский Б. Научная теория культуры ... С. 103.

Сотрудничество людей предполагает наличие норм поведения, санкционированных властью, физической силой или общественным договором: здесь культурным ответом окажутся различные системы управления, примитивные или высокоразвитые.

Обновление личного состава каждого из составляющих общество институтов требует не только продолжения рода, но и соответствующих систем обучения.

Организация силы и принуждения для поддержки власти и защиты функционально связана с политической организацией внутри каждого института и на поздних этапах развития выражается в образовании специальных групп, которые мы определили как политические единицы или прототипы государства¹.

Помимо инструментальных, Б. Малиновский также выделяет *интегральные императивы*. Так, удовлетворение потребностей не одним, а многими институтами указывает на его интегральный характер. Интеграционное измерение культурных реакций обеспечивает символизм, преобразовывающий человеческое поведение в культурное поведение и придающий ему смысловую ценность. Суть этой трансформации выражается, например, в том, что аппетит у человека может возникать не только в силу нехватки питательных веществ в организме, но и в ответ на присутствие сотрапезников, обычную обстановку трапезы, символические репрезентации пищи и т. п.

Таким образом, в качестве теории базовых потребностей, инструментальных и интегративных императивов «научная антропология предлагает нам функциональный анализ, позволяющий определить форму и значение обычая или культурного приспособления. Нетрудно увидеть, что такой подход ни в коей мере не отвергает и не отрицает правомерности эволюционных и исторических исследований культуры. Он просто придает им *научную основу*»², — заключал этот ученый.

В целом Малиновский считал, что вопросы, формулируемые таким образом антропологом по отношению к культуре, должны быть близки социологам, психологам, фольклористам, лингвистам, ибо культура — единое поле для представителей всех дисциплин, изучающих ее отдельные ракурсы и аспекты. С этой точки зрения вопросы: зачем, почему, для чего в культуре существуют (возникают, отмирают) те или иные явления, принадлежат к числу ключевых вопросов, ответы на которые не могут не интересовать не только специалистов, но и любого здравомыслящего человека.

Не будет преувеличением сказать, что именно с работ Малиновского начинается новый отсчет времени не только в антропологии, но и во всех тех областях научного знания, для которых значимо понятие культуры. Ему удалось изменить взгляд на природу культуры, увидеть в ней не просто совокупность составляющих ее элементов, а систему, соответствующую фундаментальным потребностям человека³.

Наряду с Б. Малиновским, значительную роль в превращении социальной антропологии XIX в. — отличавшейся умозрительностью и отсутствием эмпирики, спекулятивностью интерпретаций социальных фактов (в виду отсутствия четко описанного метода их рассмотрения) — в современную науку сыграл *Альфред Реджинальд Рэдклифф-Браун*.

¹ Малиновский Б. Функциональная теория ... С. 143.

² Малиновский Б. Научная теория культуры ... С. 45.

³ Байбурина А.К. Бронислав Малиновский и его научная теория культуры ... С. 6.

2.1.2. Проект «сравнительной социологии» Альфреда Реджинальда Рэдклифф-Брауна

Краткая биография и основные труды

Альфред Реджинальд Браун (Alfred Brown) (в 1926 г. он добавил к своей фамилии девичью фамилию матери и стал Рэдклифф-Брауном¹), родился в 1881 г. в Бирмингеме. Сначала он учился в Королевской школе коммерческих агентов в Пиннере (графство Миддлсекс), а потом — в престижной средней школе Короля Эдварда, находившейся в его родном городе.

В 1901 г., выдержав серьезный конкурс, он поступил в знаменитый Трихити-колледж Кембриджа, который закончил с отличием в 1906 г. Следует отметить, что он также получил диплом выпускника первой студенческой программы в Великобритании, включающей в себя базовое обучение антропологии.

Эта программа была разработана в Кембриджском университете двумя учеными-натуралистами: Уильямом Риверсом (1864 — 1922) и Альфредом Хэддоном (1855 — 1940), целью которых являлось придание научности спекулятивной эволюционной антропологии Викторианских времен.

Под влиянием У. Риверса А. Рэдклифф-Браун стал специализироваться в области антропологии. От этого же ученого он перенял идею о социальной антропологии как эмпирической науке, которая будет развиваться индуктивно — от наблюдений — до классификации и обобщения.

В рамках этой идеи, социальный антрополог «начинает с изучения любого удобного местоположения подходящего размера, сосредотачиваясь на сети отношений жителей, включая себя и людей из других областей. Ежедневная жизнь людей обеспечивает производство материального сырья, но этнограф в действительности интересуется очерчиванием абстрактной фигуры — «человека», его социальной ролью, которая определена потребностями и нормами»².

А. Хэддон, ставший главным его научным «опекуном», привил молодому студенту интерес к классификации и морфологии (который прослеживался в работах А. Рэдклифф-Брауна на протяжении всей его жизни), а также понимание важности интенсивных полевых исследований как источника фактов для последующего сравнения и индуктивного обобщения³.

Еще в самом начале своего творческого пути А. Рэдклифф-Браун поставил цель — разобраться в механизмах существования и развития общества, взяв для исследования за основу общества примитивные. Для этого он, получив стипендию, в 1906 г. отправился на Андаматские острова⁴, где проводил антропологическое исследование среди коренных жителей. Это исследование, включавшее в себя сбор полевого материала, продолжалось два года и стало не только первым большим этнографическим исследованием А. Рэдклифф-

¹ Radcliff-Brown [англ. яз.].

² См. об этом: Kuper A. Alfred Radcliff-Brown // Fifty Key Sociologists: The Formative Theorists / J. Scott (ed.). London and New York, Routledge, 2007. P. 131 — 134.

³ Николаев В.Г. Сравнительная социология А.Р. Рэдклифф-Брауна // Рэдклифф-Браун А.Р. Метод в социальной антропологии. М.: «Канон-Пресс-Ц», «Кучково поле», 2001. С. 302.

⁴ Северный Андаман, Средний Андаман, Южный Андаман, Малый Андаман — группа островов в Бенгальском заливе Индийского океана, ближе к Бирме.

Брауна, но и одним из первых интенсивных исследований в современной этнографии, проведенных профессионалом.

Следует отметить, что отчет о данном исследовании лег в основу докторской диссертации этого ученого; позже этот отчет был переработан и к нему добавились теоретические главы. Итогом этого стала книга «Андаманские островитяне», к сожалению, увидевшая свет только в 1922 г.

Вернувшись с Андаманских островов, А. Рэдклифф-Браун включился в преподавательскую деятельность, заняв должность профессора в Ливерпульском университете, затем — преподавал этнологию в Лондонской школе экономики и одновременно читал курс сравнительной социологии в университете Кембриджа. Этот курс во многом строился на идеях Э. Дюркгейма и его школы, к которым он приближался, в частности, в ходе поездок во Францию.

С 1910 по 1912 гг. А. Рэдклифф-Браун проводил полевые исследования в Австралии, работая над особенно сложными системами родства и браков аборигенов, и в следующие два десятилетия опубликовал серию материалов об «австралийском родстве». Эти публикации этот ученый включил в большое итоговое эссе под названием «Социальная организация Австралийских племен».

После экспедиции в Австралию, А. Рэдклифф-Браун вернулся к преподаванию: на этот раз он читал курс по антропологии в Бирмингемском университете. На лекциях по этому курсу этот ученый впервые применил понятие «социальной структуры», ставшее позднее ключевым в его системе понятий¹.

Дальнейшая судьба этого ученого сложилась так, что практически всю свою жизнь он провел за пределами Великобритании, занимаясь как полевыми этнографическими исследованиями, так и научно-организаторской работой. Так, в 1914 г. он, как и Б. Малиновский, приехал в Австралию для участия в выездной сессии Британской ассоциации содействия развитию науки, где выступил с докладом. Начало Первой мировой войны и болезнь помешали ему вернуться на родину.

В 1915 — 1916 гг. он оставался в Сиднее и работал помощником классного наставника в школе для мальчиков при местной миссии Церкви Англии.

В 1916 г. он уехал в Королевство Тонго и занял пост министра образования, на котором оставался до 1919 г. В 1920 г. А. Рэдклифф-Браун, воспользовавшись связями, переехал в Южную Африку, где ему предложили место этнолога в Трансваальском музее в Претории. В этом же году в Кейптаунском университете была создана кафедра антропологии и открылась вакансия полного профессора, которую он и занял.

Вся дальнейшая научно-исследовательская и преподавательская деятельность связана с институционализацией современной социальной антропологии: ученый основывал, возглавлял кафедры, институты, факультеты социальной антропологии и социологии практически во всех частях света.

В 1926 г. он снова приехал в Австралию и пять лет руководил основанной им же кафедрой социальной антропологии в Сиднейском университете. С 1931 по 1937 гг. он жил в США, где заведовал кафедрой социальной антропологии в Чикагском университете. В этой стране он систематизировал свои знания и расширил понимание социальной антропологии как науки сравнительного изучения общества в блестящей серии лекций и семинаров. Также имела место существенная социологизация его концепции, что нашло отражение в материалах семинара «Естественная наука об обществе».

¹ Николаев В.Г. Сравнительная социология А.Р. Рэдклифф-Брауна ... С. 314.

В 1937 г., оставив работу в Чикаго, этот исследователь вернулся в Великобританию и возглавил только что созданную в университете Оксфорда кафедру социальной антропологии, на которой проработал до 1946 г.

А.Р. Рэдклифф-Браун был на редкость одаренным преподавателем, который настолько хорошо владел своим предметом, равно как мастерством лектора, так и руководителем семинара, что мог излагать самые сложные темы без всяких записей и каких-либо намеков на подготовку. Он часто пленял людей своим шармом, острым умом и утонченностью. Хотя он и не искал учеников, вокруг него всегда образовывались неформальные кружки. В компании единомышленников он был теплым и приветливым, в кругу студентов — терпелив, вежлив и всегда готов помочь².

А. Рэдклифф-Браун читал лекции в университетах Манчестера, Лондона и Бирмингема. Его хорошо знали в Янчинском университете Пекина, где он провел курс в качестве «приглашенного профессора», в Египте, где занимал пост профессора социальных исследований в университете Фарука I в Александрии и он основал Институт социальных исследований. С 1951 по 1954 гг. он работал в университете Родса в Южной Африке, но тяжело заболел, вернулся в Лондон.

Одним из последних публичных появлений А. Р. Рэдклифф-Брауна было его председательство на заседании Британской ассоциации социальных антропологов, когда он, встав с больничной койки, все-таки пришел и был встречен шумной овацией зала. Умер этот ученый в Лондоне, в 1955 г.

Среди ранних работ А. Р. Рэдклифф-Брауна, изданных под фамилией Браун, — можно назвать «Три племени в Западной Австралии» (1913)³, а также «Определение тотемизма»⁴.

Однако этот ученый известен, прежде всего, как автор монографии «Андаманские островитяне», написанной им в 1908 г. в качестве диссертации и изданной в расширенном варианте в 1922 г.⁵ Вслед за ней вышли такие труды как «Методы этнологии и социальной антропологии» (1923)⁶ и Брат матери в Южной Африке (1924)⁷.

Остальные его ключевые публикации первоначально являлись публичными лекциями, основной целью которых было изложить и проиллюстрировать спроектированную им новую дисциплину — сравнительную социологию. Они увидели свет в виде сборников, изданных как при жизни, так и после смерти ученого: «Социальная организация австралийских племен» (1931)⁸, «Структура и функция в примитивном обществе» (1952)⁹, «Естественная наука об обществе» (1957)¹⁰, «Метод в социальной антропологии» (1958)¹⁰.

¹ См. подробнее: Николаев В.Г. Сравнительная социология А.Р. Рэдклифф-Брауна ...

² Brown A.R. Three Tribes of Western Australia // Journal of the Royal Anthropological Institute. 1913. Vol. XLIII. P. 143 — 194.

³ Brown A.R. The Definition of Totemism // Antropos. 1914. Vol. IX. P. 622 — 630.

⁴ Radcliff-Brown A.R. Andaman Islanders. Cambridge, 1922.

⁵ Radcliff-Brown A.R. The Methods of Ethnology and Social Anthropology. 1923.

⁶ Radcliff-Brown A.R. The Mother's Brother in South Africa. 1924.

⁷ Radcliff-Brown A.R. The Social Organization of Australian Tribes. 1930 — 1931. Oceania 1 and 2. A Natural Science of Society. London, 1937.

⁸ Radcliff-Brown A.R. Structure and Function in Primitive Society. 1935 — 1940. London: Cohen and West, 1952.

⁹ Radcliff-Brown A.R. A Natural Science of Society. Glencoe, 1957.

¹⁰ Radcliff-Brown A.R. Method in Social Anthropology. 1958.

Все эссе, которые свидетельствуют о вкладе этого исследователя в социологию, собраны и изданы современным социальным антропологом Адамом Купером в 1977 г. в сборнике под названием «Социальная антропология Рэдклифф-Брауна»¹.

Предмет социальной антропологии

На направленность профессиональных интересов А. Рэдклифф-Брауна, а в конечном счете, — на формирование его концепции, повлияли идеи У. Риверса — психолога, активно работающего в социологии, автора «Истории меланезийского общества» (1914) и А. Хэддона — зоолога по образованию, основателя «Кембриджской школы» британской антропологии, руководителя знаменитой Кембриджской экспедиции в Торресов пролив. Еще одним источником становления этого ученого стали взгляды философа У. Уэвелла, прежде всего его трактовка индуктивного метода. Эта трактовка легла в основу представлений Рэдклифф-Брауна о процедуре научного познания и социальной антропологии как естественной науке.

В студенческие годы Рэдклифф-Браун увлекался анархизмом и был лично знаком с философом-анархистом Петром Кропоткиным. Последний указал Рэдклифф-Брауну на то, что прежде чем попытаться изменить общество, его необходимо изучить и понять, а чтобы понять такое сложное общество, как викторианская Англия, неплохо бы для начала провести систематическое исследование какого-нибудь далекого примитивного сообщества»².

Этот исследователь проявлял интерес к воззрениям Гераклита, идеям Юма и французских просветителей, а также к китайской философии. Однако основные контуры научного мышления А. Рэдклифф-Брауна определили «социологические влияния», прежде всего Г. Спенсера и Э. Дюркгейма.

Так, в главе «Социальная эволюция», вошедшей в книгу «Метод социальной антропологии»³, свое видение данного процесса он строит, практически полностью опираясь на концепцию социальной эволюции Г. Спенсера, которую интерпретирует и развивает.

Если говорить о Дюркгейме, то Рэдклифф-Брауна считают одним из крупнейших продолжателей дюркгеймовской традиции вне Франции, социологию которого он рассматривает как своеобразный эталон. Так, в ходе построения «проекта» сравнительной социологии Рэдклифф-Браун явно опирался на некоторые правила социологического метода, разработанного Дюркгеймом, в частности о требовании изучать социальные факты в соотношении с «социальными типами».

Много внимания Рэдклифф-Браун уделял социальной морфологии, увлекаясь классификациям, типологиям и таксономиям. Его сравнения и обобщения часто прямо соотносятся с «морфологическими» классификациями (так, особое отношение между братом матери и сыном сестры связывается им с сегментарными социальными структурами с патрилинейным происхождением, в которых оно является средством поддержания социальных связей с родней матери). Не столь заметен, но очень важен отпечаток, оставленный

¹ The Social Anthropology of Radcliffe-Brown / A. Kuper (ed.). London, 1977.

² См.: Srinivas M.N. Introduction // Radcliffe-Brown A.R. Method in Social Anthropology. Chicago: University of Chicago Press, 1958. P. XVI.

³ Рэдклифф-Браун А.Р. Социальная эволюция // Рэдклифф-Браун А.Р. Метод социальной антропологии. Ч. I. Очерки о предмете и методе. М.: Канон-Пресс-Ц; Кучково поле, 2001. С. 276–294.

на трактовке сравнительного метода Рэдклифф-Брауном мягкими требованиями Дюркгейма к доказательству социологических обобщений⁴.

Влияние указанных социологов было настолько глубоким и многосторонним, что Рэдклифф-Брауна иногда называют «социологом в антропологии». Это, в принципе, подтверждается анализом его взглядов на соотношение и предметную область рассматриваемых научных дисциплин.

По мнению Рэдклифф-Брауна, социальная антропология берет начало в философском исследовании человеческого прогресса и в тех применениях, которые получил в XVIII в. метод сравнения, исходной точкой которого было признание величайшего многообразия форм социальной жизни, институтов, обычаев и верований.

Так, сравнение, проводимое между североамериканскими индейцами и народами древности, между религиозными обычаями Древнего Египта и современной Западной Африки, сравнение различных бесписьменных народов друг с другом показали, что за всем этим многообразием можно обнаружить и некоторое сходство⁵.

Задачей сравнительного метода являлось обнаружение сходства между разными и далекими друг от друга народами⁶.

Соответственно, одной из задач новой науки — социальной антропологии, датой рождения которой можно считать 1870 г., было «изучение черт сходства, обнаруживающихся в социальной жизни разных регионов, посредством изучения этнографических и исторических источников»⁷.

Сегодня «социальную антропологию можно определить как исследование природы человеческого общества путем систематического сравнения обществ разных типов, уделяющее особое внимание более простым формам общества, существующим у примитивных, туземных, или бесписьменных народов»⁸.

Такое определение принято в целях отграничения этой научной дисциплины, с одной стороны, от этнологии и, с другой стороны, от той науки, которая обрела известность как социология.

Согласно А. Рэдклифф-Брауну, первым, кто получил признание и звание профессора социальной антропологии, был сэр Джеймс Фрэйзер. Этот исследователь пытался разделить предметные области социальной антропологии и социологии, которая с ней смешивалась, поскольку обе эти дисциплины предполагают изучение «человека в обществе». Он же предложил сохранить название «социология» за изучением человека в обществе в самом широком смысле, а названием «социальная антропология» обозначить ограниченный раздел этой широкой области знания. Таким образом, Дж. Фрэйзер понимал социальную антропологию как социологическое изучение «примитивных»

⁴ См.: Николаев В.Г. Сравнительная социология А.Р. Рэдклифф-Брауна ... С. 360–361.

⁵ Рэдклифф-Браун А.Р. Становление социальной антропологии // Рэдклифф-Браун А.Р. Метод социальной антропологии. Часть II. Социальная антропология. М.: Канон-Пресс-Ц; Кучково поле, 2001. С. 240.

⁶ Рэдклифф-Браун А.Р. Становление социальной антропологии ... С. 240.

⁷ Там же. С. 242.

⁸ Рэдклифф-Браун А.Р. Определение // Рэдклифф-Браун А.Р. Метод социальной антропологии. Рэдклифф-Браун А.Р. Метод социальной антропологии. Часть II. Социальная антропология. М.: Канон-Пресс-Ц; Кучково поле, 2001. С. 205.

форм общества. Похожей точки зрения придерживался и Б. Малиновский, определив в 1926 г. эту науку как «раздел социологии, занятый изучением примитивных племен»¹.

Однако, по мнению А. Рэдклифф-Брауна, определения Дж. Фрэзера и Б. Малиновского в настоящее время не подходят для определения социальной антропологии. Провести четкую грань между примитивными и непримитивными обществами, разумеется, невозможно. Более того, социальная антропология не может полностью ограничить и не ограничивает свое внимание одними только примитивными обществами. По крайней мере, «одна из стоящих перед ней задач состоит в сравнении примитивных обществ с более развитыми обществами»². Эту науку также характеризует особый метод исследования, который может применяться как в отношении примитивных народов, так и в отношении небольших по размеру сообществ, принадлежащих к цивилизованным обществам³.

Рэдклифф-Браун отмечал, что много путаницы возникает и при разграничении социальной антропологии и этнологии — словом, которое употребляется по-разному в разных странах и даже в одной и той же стране разными авторами и школами. Более того, оно смешивается с этнографией.

На самом деле, название «этнография» обычно употребляется для обозначения чисто описательных обзоров одного или нескольких народов. Этнология выходит за рамки чистого описания. Прежде всего, она пытается составить классификацию народов путем их сравнения и определения существующих между ними сходств и различий⁴.

Этнологи проводят различие между расовыми особенностями народов и их культурными особенностями и, соответственно, между расовыми и культурными классификациями. Проблемы, которыми приходится заниматься этнологии — это проблемы расовой и культурной классификации и проблемы, касающиеся событий доисторического прошлого.

Например, для этнологии типичны такого рода вопросы: откуда взялись полинезийские народы: по какому маршруту или по каким маршрутам, в какой исторический период или в какие периоды они заселили те острова, на которых они живут в настоящее время? Каким образом, где и когда именно попали на американский континент предки американских индейцев, каким образом они расселились по континенту и как сформировались у них те расовые, языковые и культурные различия, с которыми столкнулись европейцы при первых контактах с ними? Проблемы социальной антропологии совершенно иного рода.

Цель социального антрополога — использовать знание о примитивных обществах для установления надежных и значимых обобщений о социальных явлениях. В этом смысле социальную антропологию можно назвать своего рода социологией. Эта часть социологии призвана воссоздать ту ее область, которая постепенно в ней отмирала — изучение примитивных обществ.

В то же время Рэдклифф-Браун отмечал, что «социология» — слово слишком неопределенное. Оно применяется в отношении чрезвычайно разнородной литературы об обществе. Многие из того, что называют социологией,

¹ Рэдклифф-Браун А.Р. Определение ... С. 206–207.

² Там же. С. 208.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 209.

имеет мало или вообще не имеет отношения к социальной антропологии. Связать эти науки может опытный метод рассуждения, принятый в естественных науках, который заключается в систематическом изучении и сравнении различных форм общества. Такую сравнительную дисциплину, которая прибегает к этому единственно научному методу, можно назвать «сравнительной социологией»¹.

Он утверждал, что в области подобной сравнительной социологии сделаны лишь первые шаги, и частью именно такой социологии должна стать социальная антропология. Однако социальная антропология волеется в социологию только при двух условиях:

— во-первых, если она станет признанной научной дисциплиной и будет использовать, единственно научный метод, получения индуктивных обобщений;

— во-вторых, разработает систему общих, или абстрактных, понятий, которые ученые могли бы использовать для анализа наблюдаемых фактов и проверки их научной ценности.

Научный метод социальной антропологии

Согласно А. Рэдклифф-Брауну, социальная антропология должна описывать и анализировать эмпирическую реальность — процесс социальной жизни некоторого территориально ограниченного региона на протяжении некоторого промежутка времени, который складывается из множества человеческих действий, точнее говоря, взаимодействий и совместных действий людей. Единицами, или элементами процесса социальной жизни являются события социальной жизни, взаимно связанные друг с другом. Однако предметом социальной антропологии является не весь этот процесс, а только особый его аспект, а именно обнаруживающиеся у людей формы ассоциации или «формы социальной жизни». Эти формы складываются из устойчивых, регулярно повторяющихся элементов человеческого поведения.

Цель социальной антропологии — теоретическое объяснение (интерпретация) социальных явлений (феноменов) через подведение их под общие социологические законы. Под такими законами Рэдклифф-Браун понимал генерализованные высказывания или обобщения, проверенные принятыми в науке методами.

В статье «Методы этнологии и социальной антропологии» он вслед за выдающимся английским этнографом эволюционистского направления Эдвардом Тайлором (1832–1917), который указывал, что существуют два различных метода, с помощью которых можно объяснять факты культуры², выделял два метода объяснения социальных явлений³.

Первый метод, который он предложил назвать историческим, «объясняет конкретный институт или комплекс институтов, проследивая этапы его развития и выявляя по мере возможности конкретные причины или события, вызвавшие каждое из произошедших с ним изменений»⁴. Изучать какие-ли-

¹ Рэдклифф-Браун А.Р. Определение ... С. 218.

² Рэдклифф-Браун ссылается на классический труд Э. Тайлора «Исследования первобытной культуры» [Рэдклифф-Браун А.Р. Методы этнологии и социальной антропологии // Метод в социальной антропологии. М.: КАНОН-пресс-Ц, 2001. С. 8.]

³ Рэдклифф-Браун А.Р. Методы этнологии и социальной антропологии // Метод в социальной антропологии. Часть I. Очерки о предмете и методе. М.: Канон-Пресс-Ц, 2001. С. 8.

⁴ Рэдклифф-Браун А.Р. Методы этнологии и социальной антропологии ... С. 8–9.

бо факты культуры подобным образом можно всякий раз, когда мы располагаем адекватными историческими данными.

Например, с помощью этого метода можно изучить историю института представительной власти в Англии, отмечая те изменения, которые происходят в нем с момента его появления, и отслеживая таким образом его развитие вплоть до сегодняшнего дня.

Однако этот метод не дает знания тех общих законов, поиском которых заняты индуктивные науки. Отдельный элемент или состояние культуры объясняются их происхождением от какого-то другого элемента, который, в свою очередь, прослеживается до какого-то третьего элемента, и так далее до тех пор, пока мы еще способны что-то проследить. Иначе говоря, с помощью этого метода демонстрируются действительные временные связи между конкретными институтами, событиями или состояниями цивилизации. Но об институтах нецивилизованных народов у нас нет почти никаких исторических данных.

Так, если нас интересуют, например, обычаи аборигенных племен Центральной Австралии, становится сразу же очевидно, что мы никогда не сможем получить об истории этих племен никакой непосредственной информации.

В таких случаях единственно возможным способом применения исторического метода объяснения становится, гипотетическая реконструкция прошлой истории этих племен на основе всевозможного рода свидетельств косвенного характера, которые удастся найти.

В качестве примера такой гипотетической реконструкции А. Рэдклифф-Браун обращается к Мадагаскару — большому острову, расположенному к востоку от Африканского континента. Первое знакомство с народом этого острова показывает, что он некоторым образом связан, как, впрочем, и следовало ожидать, с народами Африки. Однако при более пристальном рассмотрении обнаруживается, что на острове есть расовые и культурные элементы, не встречающиеся в Африке; их изучение позволяет неоспоримо доказать, что некоторые из них были занесены сюда из Юго-Восточной Азии. Изучение расовых и культурных характеристик Мадагаскара, как они существуют в настоящее время, позволяет со всей определенностью утверждать, что всего несколько веков тому назад произошла иммиграция на остров выходцев из Азии, родственных по языку, культуре и по крайней мере некоторым расовым характеристикам нынешним обитателям Малайского архипелага.

Более подробное исследование расовых и культурных особенностей Мадагаскара позволило бы нам в значительной мере реконструировать историю острова. Мы видим, что есть по крайней мере два элемента, соединившихся в культуре этого острова, или два культурных слоя (как их иногда не очень правильно называют): глубокое систематическое исследование этой культуры в сопоставлении с культурами Юго-Восточной Азии и Африки позволило бы нам проанализировать существующий комплекс культурных элементов, так что в итоге мы могли бы сказать о многих из них, были ли они завезены сюда иммигрантами или принадлежали древнему населению острова. Таким образом, нам удалось бы реконструировать некоторые из характеристик той культуры, которая существовала на острове до пришествия выходцев из Азии.

Итак, мы объясняем культуру Мадагаскара, прослеживая исторический процесс, конечным результатом которого она является, и, ввиду отсутствия каких-либо исторических документов, делаем это посредством гипотетической реконструкции истории, опираясь на как можно более полное исследование нынешних расовых характеристик, языка и культуры острова, дополняемое по мере возможности археологической информацией. Что-то в нашей итоговой реконструкции будет вполне определенным, что-то может быть установлено с большей или меньшей степенью вероятности, а в некоторых вопросах мы, возможно, так никогда и не сумеем ничего предложить, кроме догадок¹.

Он заключает, что метод исторического объяснения может применяться даже тогда, когда исследователи не располагают никакими историческими документами. Так, этнологический анализ культуры, который виден на примере Мадагаскара, дополняет знания, получаемые из истории и археологии. Такое историческое изучение культуры дает лишь знание событий и порядка их следования, а знания, полученные с его помощью, дополняют исторические и археологические знания².

Второй метод (или тип исследования) А. Рэдклифф-Браун предложил назвать «индуктивным», ибо по своим целям и методам он, по существу, схож с естественными, или индуктивными, науками. Как следует из названия, это путь от частного к общему. «Сутью индукции является процесс обобщения; каждый отдельный факт объясняется как частный случай какого-то правила»³.

С помощью науки, основанной на индукции, сначала изучалось движение небесных тел, а также и физические явления окружающего нас мира. Затем химические реакции веществ, из которых состоит наш мир. Позднее появились биологические науки, нацеленные на открытие общих законов, управляющих реакциями живой материи. Наконец, в прошлом веке эти же индуктивные методы были применены к активности человеческого разума. По мнению Рэдклифф-Брауна, осталось лишь применить эти методы к явлениям культуры, или цивилизации: праву, морали, искусству, языку и всевозможного рода социальным институтам⁴.

Таким образом, *исторический и индуктивный методы*, которые отличаются друг от друга — как по тем результатам, к которым они стремятся, так и по логическим процедурам, с помощью которых они пытаются их достичь, должны применяться в отдельных, хотя и несомненно, связанных друг с другом дисциплинах — в этнологии и социальной антропологии.

Следует отметить, что для Рэдклифф-Брауна всегда было важно отделить первую от второй, для того чтобы в новой науке — сравнительной социологии — акцент был смещен от описания частных многообразия культур к поиску наиболее общих законов существования различных обществ. Для этого он предложил ограничить употребление термина «этнология» исследованиями культуры, проводимыми с помощью описанного выше метода исторической реконструкции, а термин «социальная антропология» применять для названия той дисциплины, которая пытается формулировать общие законы, лежащие в основе явлений культуры⁵.

¹ Рэдклифф-Браун А. Р. Методы этнологии и социальной антропологии ... С. 9–13.

² Там же. С. 13.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 14.

⁵ Там же. С. 15.

Он критиковал различные методологические подходы в недифференцированной этнологии-антропологии, в частности эволюционизм в социальных науках, подчеркивая, что антропологи XIX в. рассматривали эволюцию с исторической, а не с индуктивной точки зрения. Не пытаясь выяснить фундаментальных законов развития культур, они рассматривали процесс эволюции как ряд последовательных стадий развития культуры. Однако по-настоящему понять эти стадии развития можно будет лишь тогда, когда будут сформулированы законы, их породившие; только тогда, их, собственно, и можно будет читать стадиями эволюционного процесса¹.

Рэдклифф-Браун утверждал, что только индуктивный метод позволяет описать процессы изменения не как последовательную смену этапов развития, а как результат действия особых законов. «Если взглянуть с индуктивной точки зрения, процесс эволюции является результатом кумулятивного действия одной или нескольких непрерывно действующих причин»².

Следует отметить, что с помощью этого метода Рэдклифф-Браун осуществил попытку отойти от исторического взгляда на социальные феномены. Смесь эволюционизма и историзма в изучении культур привела к тому, что «антропологи вместо того, чтобы искать законы, занялись выяснением происхождения». «Происхождение видов» Дарвина, отмечает ученый, предполагает наличие законов, по которым происходят «видоизменения живой материи», однако с исторической точки зрения происхождение является определенными процессами, происходившими в определенный исторический период. Таким образом, любой социальный институт представляется больше как феномен какой-либо культуры, чем как результат действия общих законов. Однако такое рассмотрение, по мнению Рэдклифф-Брауна, должно быть инструментом этнологии и полностью исключаться как метод или как цель изучения из социальной антропологии. *Сходства культурных феноменов должны исследоваться как результат действия неких единых для всех обществ законов*³.

Согласно Рэдклифф-Брауну, социальная антропология стремится к теоретическим объяснениям, которые существенно отличаются от объяснений исторических. Разница состоит в том, что история объясняет социальный или культурный факт, устанавливая, как он исторически стал таким, каков он есть, а сравнительная социология объясняет тот же факт, подводя его под соответствующий общий закон. В случае примитивных обществ возможности применения исторического метода ограничиваются наличием или отсутствием исторических документов. Без них исторические толкования неизбежно превращаются в бесплодные спекуляции. *Там, где исторический метод не может быть применен, единственно законным становится индуктивное объяснение.*

Таким образом, «если этнология с ее строго историческим методом может лишь рассказать нам о том, что какие-то события произошли либо могли или должны были произойти, то социальная антропология с ее индуктивными обобщениями может рассказать нам, как и почему, то есть в соответствии с какими законами, это происходит»⁴.

¹ См.: Рэдклифф-Браун А.Р. Методы этнологии и социальной антропологии... С. 32.

² Там же. С. 15.

³ Там же. С. 15–16.

⁴ Там же. С. 49.

С этой точки зрения социальная антропология может сослужить неоценимую службу и принести почти немедленные результаты. Изучение верований и обычаев коренных народов с целью не просто реконструировать их историю, а раскрыть их смысл, их функцию, т. е. место, занимаемое ими в ментальной, моральной и социальной жизни, может оказать огромную помощь миссионеру или государственному служащему, занимающемуся практическими проблемами приспособления туземной цивилизации к новым условиям, вызванным оккупацией страны¹.

А. Рэдклифф-Браун утверждал, что основная задача социальной антропологии — проведение систематических сравнительных исследований. Если такие исследования не будут проводиться, то она неизбежно вырождается в историографию или этнографию. Сравнительный метод в социальной антропологии — это метод тех, кого в силу того, что они работают в библиотеках, называли «кабинетными антропологами». Их главная задача — искать, что называется, «параллели», т. е. схожие социальные черты, проявляющиеся в разных обществах прошлого и настоящего. Тем самым социологическая теория должна базироваться на систематическом сравнении и постоянно им проверяться².

Если индуктивный метод предполагает логическую процедуру выведения из единичных фактов общих суждений, то сравнительный метод выявляет закономерности различных обществ путем рассмотрения общих и сходных социальных феноменов. Поскольку задачей социальной антропологии является формулировка и обоснование утверждений об условиях существования социальных систем (законов социальной статики) и об устойчивых регулярностях, наблюдаемых в процессе социального изменения (законов социальной динамики), то решить ее можно лишь путем систематического применения сравнительного метода. «Только в слаженном и организованном исследовании, совмещающем в себе исторические и социологические изыскания, мы сможем достичь реального понимания развития человеческого общества, которого мы пока еще не имеем»³. — заключал британский ученый.

Лучшие образцы применения Рэдклифф-Брауном сравнительного метода для получения обобщений ограниченного типа можно найти в его очерках о шуточных отношениях, табу⁴, а также в лекции «Сравнительный метод в социальной антропологии»⁵.

В рамках создания своего проекта сравнительной социологии Рэдклифф-Браун считал важным прекращение разделения труда теоретиков и эмпириков.

В частности, он отмечал, что кроме того неудовлетворительного факта, что раньше эмпирический материал большей частью собирался непрофессио-

¹ Рэдклифф-Браун А.Р. Методы этнологии и социальной антропологии... С. 52.

² Рэдклифф-Браун А.Р. Сравнительный метод в социальной антропологии // Рэдклифф-Браун А.Р. Метод в социальной антропологии. Часть I. Очерки о предмете и методе. М.: Канон-Пресс-Ц, 2001. С. 174.

³ Рэдклифф-Браун А.Р. Сравнительный метод в социальной антропологии... С. 204.

⁴ См. напр.: Рэдклифф-Браун А.Р. О шуточных отношениях // Культурология: дайджест / РАН. ИНИОН. М., 2000. № 4. С. 117–134.

⁵ Рэдклифф-Браун А.Р. Сравнительный метод в социальной антропологии...

нальными и зачастую небеспристрастными исследователями, в основном миссионерами в колониях, а обрабатывался «кабинетными теоретиками», лишенными возможности подтверждения своих выводов, существовала вытекающая отсюда проблема рассмотрения туземных культур через призму ценностей европейской цивилизации.

В начале XX в. ситуация стала коренным образом меняться, однако полным решением существующей проблемы, по мнению Рэдклифф-Брауна, должно было стать методическое и методологическое соблюдение всех правил индукции, необходимое для объективного научного анализа.

Сначала должны наблюдаться факты и формулироваться гипотеза, которая бы, по-видимому, объясняла этих факты. Но это лишь первые два шага в индукции, притом не самые сложные.

Следующим шагом является возвращение к полевому наблюдению с целью верифицировать или модифицировать гипотезу. Может оказаться, что рабочую гипотезу необходимо модифицировать либо вообще отвергнуть и заменить новой. И этот процесс продолжается до тех пор, пока наша гипотеза не будет установлена в качестве теории, обладающей определенной степенью вероятности. Такой процесс индукции, сочетающий наблюдение и формулировку гипотезы, может быть осуществлен социальным антропологом лишь в полевых условиях. Ученый, не только обученный научным методам этнографического наблюдения, но и хорошо знающий теорию социальной антропологии, должен быть готов провести несколько лет своей жизни в ближайшем контакте с тем народом или народами, которые он собирается изучить. Он должен не только вести наблюдения, но и пытаться объяснить обычаи и верования этих людей, т. е. должен стремиться показать, что каждый из этих обычаев и каждое из этих верований являются частными случаями некоторого общего закона, присущего человеческому обществу¹.

Согласно Рэдклифф-Брауну, исследователи, занимающиеся подлинно научными исследованиями в области сравнительной социологии, как и любой другой опытной науки, должны хорошо владеть ее понятийным аппаратом и адекватно его использовать. В данной связи задачей этой науки является создание подходящих *аналитических понятий*, при помощи которых можно было бы формулировать обобщения, относительно которых — в случае достаточной их проверки посредством систематического наблюдения явлений — могло бы быть установлено, что они обладают некоторой степенью вероятности. Соответственно, важное место в социальной антропологии (сравнительной социологии) занимает конструирование понятийного аппарата.

Конструирование понятийного аппарата

Согласно А. Рэдклифф-Брауну, любой метод включает в себя не только общие процедуры и правила, но, кроме того, *изобретение подходящих понятий и применение их к исследуемому материалу*. Каждая наука должна продвигаться вперед с помощью подходящих понятий, а это требует создания связанной системы технических терминов. основополагающий принцип и высшее правило любой научной терминологии заключается в том, что нужно конструировать и подбирать такие термины, которые были бы пригодны для простой и ясной формулировки общих истин. У социальной антропологии пока еще нет связанной системы понятий, обозначаемых такими техническими

¹ Рэдклифф-Браун А. Р. Методы этнологии и социальной антропологии ... С. 56.

терминами, которые бы пользовались общим признанием и употреблялись в одинаковом смысле всеми учеными, работающими в данной области. Это и результат незрелости науки, и ее признак. Одна из трудностей, с которыми приходится сталкиваться читателю антропологической литературы, состоит в том, что разными авторами одни и те же слова употребляются в разных значениях, а многие антропологические термины порой даусмысленны и употребляются без четкого определения².

Следовательно, для того чтобы избежать путаного и ненаучного мышления, надо сформировать и никогда не упускать из виду ясное представление о природе той эмпирической реальности, к которой должны относиться все понятия систематической теории социальной антропологии. Тогда *первый вопрос*, который должен быть задан при формировании систематической теории социальной антропологии, — это следующий: какова та конкретная, наблюдаемая, феноменальная реальность, с которой имеет дело теория?

Для Рэдклифф-Брауна реальность, с которой имеет дело социальный антрополог при наблюдении, описании, сравнении и классификации, — это не объект, а процесс общественной жизни. Единицей исследования является общественная жизнь в некоем определенном регионе Земли в течение определенного периода. Сам по себе процесс состоит из бесконечного множества действий и взаимодействий людей, осуществляемых индивидуально, в кооперации или группами. В разнообразии частных событий можно обнаружить некоторую регулярность, поэтому «мы в состоянии установить или описать определенные общие черты социальной жизни выбранного нами региона. Установление таких существенных общих черт процесса социальной жизни составляет описание того, что можно назвать формой социальной жизни»³.

Форма социальной жизни у определенной группы людей может оставаться относительно неизменной в течение некоторого временного периода. Но по прошествии значительного отрезка времени формы социальной жизни подлежат изменениям и трансформации. *Сравнительная социология имеет дело с теоретическим изучением как непрерывности, так и изменений форм социальной жизни»*⁴.

Согласно Рэдклифф-Брауну, если считать исследуемую социальную реальность не объектом, а процессом, тогда культурой и культурной традицией можно назвать определенные, отличимые от других аспекты этого процесса. Эти термины «суть общепринятые способы указания на те или иные аспекты социальной жизни людей. Именно в силу наличия культуры и культурных традиций социальная жизнь людей существенно отличается от социальной жизни других биологических видов. Передача приобретаемых посредством научения способов мышления, чувствования и действий составляет культурный процесс, являющийся специфической чертой социальной жизни людей. Это, конечно, составная часть того процесса взаимодействия между людьми, который здесь был определен как социальный процесс, мыслимый как социальная реальность»⁴, — писал исследователь. *Поскольку непрерывность и изменчивость форм социальной жизни являются предметом*

¹ Рэдклифф-Браун А. Р. Социальная структура ... 257—258.

² Рэдклифф-Браун А. Р. Введение // Рэдклифф-Браун А. Р. Структура и функции в примитивном обществе. Очерки и лекции. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2001. С. 11.

³ Там же. С. 12.

⁴ Там же.

изучения сравнительной социологии, постольку и непрерывность культурных традиций, а также их изменения входят в круг вопросов, требующих рассмотрения в ее рамках¹.

А. Рэдклифф-Браун, исследуя «системы родства», выдвинул идею о том, что в данном конкретном обществе можно концептуально, если не реально, изолировать определенный набор действий и взаимодействий людей, которые обусловлены отношениями родства или брака. При этом в отдельно взятом обществе эти действия и взаимодействия связаны таким образом, что можно аналитически описать их как систему. Эта идея привела его к понятию «социальной системы, которое он заимствовал из теории «целостной социальной системы» Ш. Монтескье. Согласно этой теории все черты общественной жизни образуют единое целое.

Так, можно продвинуться в понимании человеческого общества, если мы будем систематизировано изучать взаимосвязи между чертами общественной жизни.

Теоретическое значение систем у Рэдклифф-Брауна состоит в том, что первым шагом в попытках понять устойчивые черты той или иной формы общественной жизни (такие как использование банковских чеков или обычаи, согласно которому мужчине следует избегать контактов с матерью жены) должно быть нахождение ее места в системе, частью которой она является.

Во всех своих теоретических построениях относительно методологии сравнительной социологии наиболее важную роль Рэдклифф-Браун отводил понятию «социальной структуры» и «социальной организации».

Понятием «структура» он обозначал «упорядоченное расположение частей, или элементов, соединенных друг с другом в более широкое единство»².

Так, можно говорить о структуре дома, имея в виду упорядоченное расположение стен, крыши, комнат, лестниц, коридоров и т. д., а в конечном счете — кирпичей, камня, балок и т. д. Можно говорить о структуре музыкального произведения как упорядоченной последовательности звуков и можно сказать, что структура одной фуги или сонаты похожа по форме на структуру другой.

Конечными составными элементами социальной структуры являются индивидуальные человеческие существа, фигурирующие в социальной жизни как действующие лица, или персоны. Сама же структура представляет собой упорядоченную расстановку этих лиц по отношению друг к другу.

Жители Европы упорядоченным образом соединены в нации, и, следовательно, это — структурная особенность социальной жизни Европы. В сельской местности можно найти упорядоченное соединение людей в семьи или дворы, и это, опять же, — структурная особенность. Структуру семьи образуют взаимные отношения между отцом, матерью и детьми.

Согласно А. Рэдклифф-Брауну, выясняя структурные особенности социальной жизни, прежде всего следует искать существование различного рода

¹ Рэдклифф-Браун А. Р. Введение ... С. 13.

² Рэдклифф-Браун А. Р. Методы этнологии и социальной антропологии ... С. 260.

социальных групп, а также исследовать внутреннюю структуру этих групп. Однако наряду с распределением лиц по группам и упорядоченной расстановкой лиц в этих группах, можно обнаружить также распределение лиц по социальным классам и категориям.

Социальные различия между мужчинами и женщинами, между вождями и знатно и простолюдинами, между патрициями и плебеями, между браминами, шудрами и неприкасаемыми — все это важные структурные особенности, хотя нельзя в полной мере сказать, что эти разделения образуют социальные группы.

Еще одной важной структурной характеристикой является упорядоченная расстановка лиц в диадических отношениях, т. е. в отношениях между двумя лицами. Примером служат отношения между господином и слугой или в примитивных обществах отношения между братом матери и сыном сестры.

В конечном счете, социальная структура проявляется либо во взаимодействиях между группами (например, когда одна нация идет войной на другую), либо во взаимодействиях между лицами.

Непрерывность форм общественной жизни зависит от непрерывности структуры, то есть постоянства соотношения позиций отдельных личностей.

Например, нация, племя, клан или институт — к примеру, Французская академия или Римская церковь — могут продолжать существование в качестве упорядоченного альянса лиц, хотя персонал — единицы, из которых состоит данная структура, — может меняться время от времени.

Человеческий организм, компонентами которого являются молекулы, сохраняет непрерывность, несмотря на то, что молекулы непрестанно меняются. В политическую структуру Соединенных Штатов всегда входит президент. Когда-то им был Герберт Гувер, когда-то — Франклин Рузвельт, но структура как организация остается неизменной¹.

Социальные отношения, сеть которых обуславливает социальную структуру, представляют собой не случайное соединение индивидов, а определяются социальным процессом.

Любые отношения характеризуются тем, что поведение людей при взаимодействии друг с другом регулируется нормами, правилами и эталонами. При любых отношениях внутри социальной структуры человек знает, что от него ожидают поведения, соответствующего этим нормам, и, в свою очередь, он вправе ожидать того же от других. В любом из отношений, из которых образуется социальная структура, присутствует ожидание, что некое лицо будет придерживаться определенных правил и образцов поведения. Для обозначения этого ожидания этот ученый использовал термин «институт».

Институт «есть установленная или социально признанная система норм и образцов поведения, относящихся к тому или иному аспекту социальной жизни»².

¹ Рэдклифф-Браун А. Р. Введение ... С. 17.

² Рэдклифф-Браун А. О социальной структуре // Рэдклифф-Браун А. Структура и функция в примитивном обществе. Очерки и лекции. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2001. С. 271.

Например, семейные институты общества — это образцы поведения, соблюдения которых ожидают от членов семьи в их обращении друг с другом. Существуют образцы, или нормы, поведения отца по отношению к детям, жены по отношению к мужу (и наоборот), ребенка по отношению к родителю, брата по отношению к брату или сестре.

В каждом конкретном обществе эти институты принимаются как такие установления, в которых закрепляется (с некоторой степенью гибкости) надлежащее поведение лица в определенном отношении. Они определяют для человека, какого поведения от него ожидают и какого поведения он может ожидать от других. Не каждый всегда ведет себя так, как он должен и как от него ожидают; в любом обществе часто случаются большие или меньшие отклонения; для противостояния последним существуют различного рода санкции.

Таким образом, институт — это «также установившаяся форма поведения, признаваемая определенной социальной группой или классом, обеспечивающим таким образом бытие данному институту»¹. Понятие института означает легко распознаваемый тип или вид социальных отношений и взаимодействий.

Так, в конкретном локально ограниченном обществе мы обнаруживаем общепринятые правила поведения по отношению к жене и детям, соблюдение которых ожидается от человека.

Соотношение институтов с социальной структурой британский исследователь оценивал как двойное. С одной стороны, есть социальные структуры, такие как в данном примере семья, устойчивость которых обеспечивается нормативами институтов. С другой стороны, есть группы, где норма обретает устойчивость как следствие общего признания того, что она предписывает правильное поведение»².

Рэдклифф-Браун считал, что исследование социальной структуры не только ценно само по себе, но и является необходимой основой для теоретического объяснения явлений, относящихся к сфере ведения социальной физиологии (морали, права, этикета, религии, воспитания). Принимая структурную точку зрения, можно изучать эти вещи не в абстракциях и обособлении от всего остального, а в их непосредственных и косвенных связях с социальной структурой.

В непосредственное отношение к понятию социальной структуры этот исследователь ставил термин «организация». «Социальная структура — это преобладающая во времени упорядоченная расстановка лиц в отношениях, определяемых или контролируемых институтами, то есть социально установленными нормами или образцами поведения»³. Термин «организация» относится к распределению активности⁴ (в этих отношениях. — Н. О.).

Например, наличие в структуре домохозяйства родителей, детей и прислуги обеспечивается институтом. Деятельность же членов домохозяйства (как системы)

¹ Рэдклифф-Браун А.Р. Введение ... С. 17.

² Там же.

³ Рэдклифф-Браун А.Р. О социальной структуре ... С. 275.

⁴ Рэдклифф-Браун А.Р. Введение ... С. 18.

может быть так или иначе распределена, и в этом смысле организация жизни домохозяйства может быть различной в разных семьях, принадлежащих к одному и тому же обществу.

Структура современной армии состоит, в первую очередь, в разделении на группы — полки, дивизии, армейские корпуса и т. д. и затем в разделении по рангам — генералы, полковники, майоры, лейтенанты и т. п. Организация армии подразумевает распределение действий ее состава как в военное, так и в мирное время¹.

По Рэдклифф-Брауну, в пределах организации каждая личность выполняет некоторую роль. Поэтому можно заключить, что «когда мы имеем дело со структурированной системой, мы изучаем систему социальных позиций, тогда как в случае организации мы рассматриваем систему социальных ролей»².

С понятием социальной структуры ученый очень тесно связывал термин «функция». Он подчеркивал, что слово «функция» служило очень полезным техническим термином в физиологии, и по аналогии с его использованием в названной науке было бы весьма удобно обозначать им одно чрезвычайно важное понятие в науке об обществе. «Я привык пользоваться этим словом, подразумевая вслед за Дюркгеймом и некоторыми другими под социальной функцией стандартизованный способ действий или образа мыслей то, что я определял бы как соотношение этого способа действий или образа мыслей с той социальной структурой, в существование и поддержание которой они вносят некий вклад»³ — писал Рэдклифф-Браун.

Он подчеркивал, что термин «функция» в разных контекстах имеет различные значения. В математику этот термин был введен в XVIII в. Эйлером и применялся к выражению или символу, который может принять письменный вид, например «log x». Однако это не имеет никакого отношения к тому, что означает слово «функция» в таких науках, как физиология.

Для физиологии понятие функции имеет фундаментальное значение, так как позволяет нам изучать непрерывные отношения между структурой и процессом в органической жизни.

В живом организме физиологическая функция сердцебиения или секреции желудочного сока есть его или ее соотношение с той органической структурой, в существование и поддержание которой оно или она вносит свой вклад. Именно в этом смысле я проявляю интерес к таким вещам, как социальная функция наказания за преступление, или социальная функция тотемических обрядов у австралийских племен, или социальная функция погребальных обрядов у жителей Андаманских островов⁴.

Применительно к социальным системам и их теоретическому осмыслению один из вариантов употребления понятия «функция» совпадает с его научным значением в физиологии. Оно может быть использовано для указания на взаимосвязь между социальной структурой и процессом общественной жизни.

¹ Рэдклифф-Браун А.Р. Введение ... С. 18.

² Там же. С. 19.

³ Рэдклифф-Браун А. О социальной структуре ... С. 233.

⁴ Там же.

В этом значении слово «функция» является полезным понятием для сравнительной социологии¹.

Таким образом, три понятия — процесс, структура и функция — являются для Рэдклифф-Брауна ключевыми и составляют единую теорию, т. е. схему интерпретации, применимую к социальной системе. Эти три понятия логически взаимосвязаны. Процесс находится в зависимости от структуры, и продолжение существования структуры находится, в свою очередь, в зависимости от процесса², а термин «функция» используется для указания на отношения между процессом и структурой. С их помощью можно изучать как непрерывность форм общественной жизни, так и процесс их изменения³.

Следует отметить, что Рэдклифф-Браун подобным образом формализовал и ряд других понятий: «социальное отношение»; «интерес»; «социальная ценность»; «интеграция»; «социальная эволюция», «адаптация», «санкции». Эти понятия, которые образуют концептуальную рамку сравнительной социологии, он считал пригодными для анализа обществ.

Общество как сеть социальных отношений

А. Рэдклифф-Браун рассматривал общество, в полном соответствии с дюркгеймовской концепцией, как особую реальность, не сводимую к другим видам реальности, причем и в методологическом, и в онтологическом смысле. При этом он отмечал, что на современном этапе мирового социального развития очень трудно определить само понятие «общества». Дело в том, что в своем пространственном аспекте современное общество не представляет собой совокупность дискретных обществ. «На современном этапе человеческой истории сеть социальных отношений покрывает весь мир, абсолютных нарушений ее непрерывности нет нигде. Это ведет к затруднению, о котором социологи еще не задумывались по-настоящему серьезно. Затруднение состоит в том, чтобы определить значение термина общество. Социологи обычно говорят об обществах так, как если бы это были разграниченные, дискретные реальности»⁴.

Так, существует тенденция, восходящая к Аристотелю, мыслить об «обществах» так, как если бы они были отдельными дискретными сущностями. Но соборные лиц, живущих на ограниченной территории и подчиненных единой политической власти, лишь один из типов ассоциации. Мы могли бы спросить: «Является ли «обществом» Британская империя, а если нет, то сколько отдельных обществ она в себе содержит?» Католическая церковь как религиозная, или церковная, ассоциация в такой же степени является обществом, как и политическая ассоциация, например, Соединенные Штаты⁵.

В данной связи он тяготел к отказу от понятия «общества» как целостной единицы и старался оперировать таким терминами как «структурная система», «сеть социальных отношений», посредством которых можно наблюдать, описывать и сравнивать системы социальных структур сколь угодно большого числа областей. Таким образом, реальностью обладали для него не «общества»

¹ См.: Рэдклифф-Браун А.Р. Введение ... С. 20.

² Там же. С. 19.

³ Там же. С. 20.

⁴ Рэдклифф-Браун А.Р. О социальной структуре. С. 224.

⁵ Рэдклифф-Браун А.Р. Социальная структура. С. 258.

как органические единицы, а устойчивые системы взаимодействия, или структурированные отношения.

Здесь понятие «социальная структура» у Рэдклифф-Браун прямо связано с понятием «социальная личность». Под социальной личностью он подразумевал «позицию, которую занимает индивид в социальной структуре, — комплекс всех его социальных отношений с другими людьми»¹.

Например, каждая из таких характеристик, как гражданин Англии, муж, отец, каменщик, член определенной конгрегации методистов, избиратель определенного округа, член профсоюза, сторонник партии лейбористов и т. п., связана с социальными отношениями, или с позицией в социальной структуре. Поэтому нельзя изучать личность иначе как в рамках социальной структуры, нельзя изучать социальную структуру иначе как объединение личностей, то есть единиц, из которых она составлена².

Рэдклифф-Браун отмечал, что необходимо сочетать интенсивное изучение отдельных обществ (т. е. структурных систем, наблюдаемых в конкретных сообществах) с систематическим сравнением многих обществ (структурных систем различных типов).

Так, изучение отдельного общества может дать материалы для сравнительного исследования или предоставить случаи для выдвижения гипотезы, которую затем следует проверять, обращаясь к данным по другим обществам; изучение отдельного общества не может дать бесспорных результатов³.

Первая задача исследователя — как можно больше узнать о вариантах, или различиях, структурных систем. Однако для создания сравнительной морфологии человеческих обществ необходимо выработать некоторую классификацию этих типов структурных систем посредством социальной морфологии. Морфологическое изучение состоит в определении, сравнении и классификации различных структурных систем.

Второй задачей является физиологическое изучение структурных систем, посредством которого надо ответить на вопросы: Каким образом структурные системы обретают устойчивость во времени? Что за механизмы поддерживают существование сети социальных связей, как они работают?

Рэдклифф-Браун отмечал, что применяя термины «морфология» и «физиология», он возвращается к аналогии между обществом и организмом. Эта аналогия была популярна среди средневековых философов, к ней вновь и вновь прибегали (притом неверно) социологи XIX в., ее полностью отвергают многие современные авторы. Но эта аналогия, как и другие аналогии, правильно используемые, служит большим подспорьем для научной мысли. Дело в том, что «между органическими структурами и структурами социальными, несомненно, имеется реальная, содержательная аналогия»⁴.

Социальная физиология имеет дело не только с социальными структурами, но со всеми видами социальных явлений. Мораль, закон, этикет, религия, управление и образование — все это части сложного механизма, благодаря которому социальная структура существует и сохраняется в целостности. Если принять структуралистскую точку зрения, то очевидно, что все эти вещи

¹ Рэдклифф-Браун А. О социальной структуре. С. 225.

² Там же.

³ Там же. С. 226.

⁴ Там же. С. 227.

изучаются не абстрактно и не изолированно, но в прямом и косвенном взаимодействии с социальной структурой.

Так, распространение языков, превращение нескольких речевых сообществ в одно и противоположный процесс дифференциации — это феномены социальной структуры. Таковыми же являются и случаи, когда в обществах с классовой структурой наблюдаются различия в речевых практиках представителей разных общественных классов.

Важнейшую черту социальной структуры являет собой распределение видов деятельности, равнозначное тому, что иногда называют общественным разделением труда.

Например, если наблюдать социальную жизнь некоего местного сообщества в течение некоторого периода времени — скажем, года, — то можно зафиксировать общую сумму действий, осуществлявшихся людьми, это общество составляющими. Также можно будет наблюдать некоторое распределение видов деятельности — кто-то делает одно, а кто-то — другое. Далее, те или иные действия совершаются потому, что они дают то или иное «вознаграждение» — характерная черта социальной жизни состоит в том, что деятельность одних людей приносит вознаграждение другим.

В самом простом случае: когда австралийский чернокожий парень идет охотиться, он добывает мясо не только для себя, но и для жены и детей, а также и для других родственников, которым он обязан отдавать мясо, если оно у него имеется.

Таким образом, согласно Рэдклифф-Брауну, «в каждом обществе существует не только распределение видов деятельности, но и распределение вознаграждений, проистекающих из деятельности; и существует некоторого рода социальная механика — относительно простая или иногда весьма сложная, — благодаря которой эта система работает»¹.

Этот ученый подчеркивал, что социальные отношения могут наблюдаться и описываться только в форме такого поведения лиц, в них задействованных, когда имеет место взаимный обмен товарами или услугами. Поэтому характер социальной структуры должен описываться посредством моделей поведения, в соответствии с которыми индивиды и группы стремятся строить взаимоотношения. Эти модели частично формализованы правилами, которые определяются и дифференцируются в обществе как нормы этикета, морали и права².

Правила, разумеется, существуют только в том случае, когда они признаются таковыми членами общества. Они могут иметь либо вербальное признание — если они сформулированы как предписания, — либо просто соблюдаться в поведении. Эти два способа признания правил отнюдь не одно и то же, и оба они должны приниматься во внимание.

В любом обществе нормы этикета, морали и права представляют собой часть механизма, поддерживающего существование определенной сети социальных связей. При этом здесь главное не то, что правила поведения су-

¹ Рэдклифф-Браун А. О социальной структуре ... С. 228.

² Там же. С. 229.

ществуют во всяком обществе, а то, что для научного понимания необходимо знать, как эти механизмы работают в общем и в конкретных случаях.

Рэдклифф-Браун утверждал, что «социальное отношение» существует между двумя или более индивидуальными организмами, когда они так или иначе приспособляются друг к другу свои интересы: либо их интересы совпадают, либо ограничиваются конфликты, которые могут вытекать из расхождения интересов¹. При этом здесь он использует термин «интерес» в самом что ни на есть широком смысле — применительно ко всякому поведению, которое можно считать целенаправленным².

Говоря об интересе, он подразумевал его субъект, объект и отношение между ними. Говоря, что субъект имеет некий интерес к объекту, он одновременно утверждал, что объект представляет некую значимость для субъекта. «Интерес» и «значимость» — это термины коррелирующие, описывающие две стороны асимметричного отношения. Таким образом, изучение социальной структуры ведет непосредственно к изучению интересов и значимостей как детерминант социальных отношений. Этот исследователь подчеркивал, что социальные отношения не вытекают из сходства интересов, но основываются либо на взаимной заинтересованности людей друг в друге, либо на общем интересе (или общих интересах), либо на сочетании того и другого³.

Простейшая форма социальной солидарности — это когда два лица одинаково заинтересованы в достижении какого-то результата и кооперируют свои усилия с этой целью. Когда два или более лица одинаково заинтересованы в каком-то объекте, можно сказать, что этот объект представляет собой социальную значимость для ассоциированных лиц. Если практически все члены общества заинтересованы в соблюдении закона, можно сказать, что закон имеет социальную значимость. Поэтому изучение социальных значимостей в указанном смысле является у Рэдклифф-Брауна частью изучения социальной структуры.

Он отмечал, что помимо двух подразделов изучения социальной структуры, которые он называл социальной морфологией и социальной физиологией, имеется еще и третий — исследование процессов изменения социальных структур, а также исследование путей возникновения новых структурных форм.

Исследования социальных изменений в бесписьменных обществах с неизбежностью сводятся почти исключительно к анализу особых процессов изменений, или модификаций, социальной жизни под влиянием или в условиях господства европейских захватчиков или завоевателей. Изучение составных обществ, описание и анализ процессов изменений в них — сложнейшая задача. Попытки упростить ее, рассматривая эти процессы как процессы взаимодействия двух или более «культур» по методу, который предложил Маллновский, — это просто способ обойти реальные трудности⁴.

Поскольку, к сожалению, почти полностью отсутствуют аутентичные исторические данные, необходимые для научного изучения примитивных обществ в условиях, когда они свободны от давления более продвинутых об-

¹ Рэдклифф-Браун А. О социальной структуре ... С. 230.

² Там же. С. 231.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 234.

ществ, то есть не входят в составные общества, нельзя изучать процессы изменений, имевшие место в прошлом, которое не засвидетельствовано письменными источниками.

В данной связи для обозначения процесса, в ходе которого человеческие существа получают все больше и больше контроля над биологическим окружением благодаря увеличению знаний и улучшению техники с помощью изобретений и открытий, следует применять термин «прогресс»¹.

Прогресс — это не то же самое, что социальная эволюция, хотя оба эти понятия очень тесно связаны. Термин «эволюция» как его понимал Рэдклифф-Браун, означает процесс возникновения новых структурных форм.

Органическая эволюция отличается двумя существенными чертами:

1) малое число органических видов дало начало гораздо большему числу видов;

2) более сложные формы органических структур появились как результат развития более простых форм².

Поскольку он не смог придать сколько-нибудь определенное значение таким словосочетаниям, как «эволюция культуры» или «эволюция языка», то заменил их словосочетанием «социальная эволюция». По Рэдклифф-Брауну, социальная эволюция — это реальность, которую антропологам следует признавать и изучать. Как и органическая эволюция, она также может быть охарактеризована двумя чертами.

Во-первых, происходил процесс, в ходе которого из небольшого числа форм социальных структур на протяжении длительного исторического периода возникло множество различных форм, то есть это был процесс диверсификации.

Во-вторых, в этом процессе имело место развитие более сложных форм социальных структур из более простых форм. Или более сложные формы просто заменили собой более простые формы³.

Еще одна проблема, требующая изучения, заключается для Рэдклифф-Брауна в классификации структурных систем обществ с точки зрения их большей или меньшей сложности. Так, имеются свидетельства весьма тесной корреляции между степенью сложности и еще одной характеристикой структурных систем, а именно величиной общего поля социальных отношений.

В структурной системе с узким общим полем социальных отношений средняя, или типичная, личность входит в прямые или косвенные социальные контакты с небольшим числом других лиц. В системах такого типа можно обнаружить, что лингвистическое сообщество — совокупность людей, говорящих на одном языке, — исчисляется в 250 — 500 человек, политическое сообщество при этом скорее всего будет еще меньшим, а экономические отношения по обмену материальными ценностями и услугами будут охватывать лишь очень узкий круг лиц. Помимо половозрастной в таких обществах почти нет дифференциации социальных ролей, нет и разделения на классы⁴. Этим системам социальных структур этот ученый противопоставляет те, что наблюдаются сегодня в Англии или Соединенных Штатах.

¹ Рэдклифф-Браун А. О социальной структуре ... С. 235.

² Там же. С. 236.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 235 — 236.

Таким образом, исторический процесс, к которому правомерно применять термин «социальная эволюция», можно определить как «процесс развития систем широкого круга социальных связей из систем узкого круга или процесс замещения систем узкого круга системами широкого круга»¹.

В целом человеческая деятельность, по Рэдклифф-Брауну, объяснима в результате анализа вклада, который она вносит в воспроизводство данного образца общественных отношений и исследования социальных функций институтов и других структурных элементов обществ (как примитивных, так и современных). Тогда задача *структурно-функционального анализа* — исследование таких связей между этими элементами, которые поддерживают целостное существование социальной системы общества и объясняют особенности ее функционирования.

А. Рэдклифф-Браун и Б. Малиновский были исследователями, давшими совершенно разные образцы научной дискуссии, поэтому их нельзя относить к единой школе. Несмотря на то, что в Великобритании они были признаны социальными антропологами, структурный функционализм, который нашел отражение в их трудах, по ряду причин не привился на почве британской социологии. В то же время их активная лекционная деятельность, пропаганда идей Э. Дюркгейма привлекла внимание американских ученых и, прежде всего, социологов.

Во многом под их влиянием в американской социологии стал формироваться так называемый «классический» структурный функционализм, доминировавший в ней три последующих десятилетия. Свое развитие он получил в виде двух теорий (версий) — структурного функционального Толкотта Парсонса и функционального структурализма Роберта Мертона.

В то же время следует отметить тот вклад, который внес в становление этого направления в США такой известный ученый как Питирим Сорокин.

Во-первых, центральной темой для этого социолога в американский период творчества стала социальная структура общества в ее изменениях и функционировании. Социальную структуру Сорокин мыслил как некий универсальный феномен: в ней получают отражение особенности любого общества — от небольших групп до всего человечества. Этому расширению представлений о социуме способствовала разработка в теории Сорокина понятия социального пространства с присущей ему системой координат, фиксирующих половые, возрастные, конфессиональные и другие признаки.

Во-вторых, вместе с анализом особенностей современного ему общества с точки зрения его социальной структуры, законов функционирования и происходящих изменений Сорокин исследовал и те социальные процессы, которые имели место на протяжении всей истории человечества.

Однако, если Сорокин признан в качестве создателя оригинальной «интегральной» социологической теории и двигался в сторону создания всеобъемлющей социально-исторической концепции развития человеческой цивилизации, то Парсонс, исходя из сходных мировоззренческих установок и, безусловно, не без влияния этого ученого², оформил основной дискурс структурно-функционального анализа.

¹ Рэдклифф-Браун А. О социальной структуре ... С. 236.

² К сожалению, сам Т. Парсонс никогда не упоминал об этом влиянии, несмотря на его очевидный характер.

2.2. Структурный функционализм Толкотта Парсонса

2.2.1. Краткая биография и основные труды

Толкотт Парсонс (Talcott Parsons) (1902–1973) родился в Колорадо-Спрингс (штат Колорадо) в семье священника-конгрегационалиста, который впоследствии стал директором небольшого колледжа в Огайо.

Сначала Т. Парсонс поступил в Амхерст-колледж (штат Массачусетс), где «вслед за старшим братом, избравшим медицину, намеревался сосредоточиться на биологии, с перспективой либо аспирантуры в этой области, либо чисто медицинской карьеры»¹.

Однако на предпоследнем году своего обучения там «под сильным влиянием своеобразного "институционального экономиста" Уолтона Хамилтона он увлекся общественными науками»². Т. Парсонс начал интересоваться экономикой и социологией, а познакомившись с трудами У. Самнера, Э. Дюркгейма, Т. Веблена и Ч. Кули³, изменил направление своей будущей научной деятельности⁴.

В 1924 г. он завершил обучение в Амхерст-колледже, получив диплом с отличием, и когда его дядя предложил ему оплатить год обучения за границей, выбрал Лондонскую школу экономики. Как он сам писал в своей интеллектуальной автобиографии, «особенно манили меня туда имена А.Т. Хобхауза, Р. Тони и Х. Ласки. И только после прибытия на место я открыл человека, который интеллектуально оказался для меня самым важным, — Бронислава Малиновского, социального антрополога»⁵.

Однако обучаясь в Лондоне, Парсонс не имел определенных планов, поэтому он «ухватился» за предложение участвовать в программе по обмену стипендиатами с Германией и был направлен в университет Гейдельберга, где влияние Макса Вебера (умершего за пять лет до того) было наисильнейшим⁶.

В университете Гейдельберга, собственно, и произошла «интеграция» Парсонса в европейскую социальную мысль. Он ознакомился с работами М. Вебера, которые (особенно «Протестантская этика и дух капитализма») сразу произвели на него сильное впечатление. Под руководством Э. Заллина он решил писать диссертацию на тему «Понятие капитализма в новой немецкой литературе»⁷. В этой работе определились два главных направления буду-

¹ Парсонс Т. О построении теории социальных систем: интеллектуальная автобиография / Парсонс Т. Система современных обществ / Пер. с англ. Л.А. Седова и А.Д. Ковалева. Под ред. М.С. Ковалевой. М.: Аспект Пресс, 1998. С. 207.

² Парсонс Т. О построении теории социальных систем: интеллектуальная автобиография. С. 207.

³ Как отмечают исследователи, он был буквально очарован тем, как в этих трудах освещались вопросы взаимоотношений экономики и социологии, институционализации экономических отношений в больших и сложных обществах. (Scott J. Talcott Parsons // Fifty Key Sociologists: The Contemporary Theorists / J. Scott (ed.). London and New York, Routledge, 2007. P. 187.)

⁴ Scott J. Talcott Parsons // Fifty Key Sociologists: The Contemporary Theorists / J. Scott (ed.). London and New York, Routledge, 2007. P. 187.

⁵ Парсонс Т. О построении теории социальных систем: интеллектуальная автобиография. С. 207.

⁶ Там же. С. 207–208.

⁷ В некоторых источниках тема диссертации Т. Парсонса указана как «Капитализм в современной немецкой литературе: В. Зомбарт и М. Вебер».

щих научных интересов этого исследователя: «во-первых, природа капитализма как социоэкономической системы и, во-вторых, исследования Вебера как теоретика социологии»¹.

В 1927 г. Т. Парсонс, защитив диссертацию, вернулся в США. В этом же году он занял место преподавателя на факультете экономики Гарвардского университета, а в 1931 г., по приглашению П. Сорокина, перешел на новообразованный социологический факультет этого же университета.

Согласно воспоминаниям одного из его учеников — Роберта Мертона, сначала Т. Парсонс не пользовался большой популярностью. «...Из первого поколения аспирантов, приходивших в Гарвард, ни один не собирался заниматься с Толкоттом. Да и вряд ли они могли это сделать по одной простой причине: в 1931 г. в общественном мнении он еще вовсе не считался социологом»².

Продвижение этого исследователя по карьерной лестнице также нельзя было назвать стремительным, — с момента поступления на работу в Гарвардский университет, он оставался на должности рядового преподавателя девять лет. Признание стало приходить к нему постепенно — после того, как в 1932 г. он прочитал первый теоретический курс, в котором изложил основы своего будущего шедевра — «Структуры социального действия», изданного спустя через пять лет³.

Однако только в 1936 г., при содействии внештатных профессоров социологического факультета — Э.Ф. Гей, Э.Б. Уилсона и Л. Хендерсона, состоялось его продвижение на уровень ассистента профессора. Тогда же началось общение Т. Парсонса с аспирантами. «Самым важным и единственным в своем роде был Роберт Мертон, который входил в первую когорту аспирантов в области социологии, после него пришли Кингсли Дейвис, Джон Райли и Матильда Райли, Робин Уильямс, Эдвард Девену, Лоутан Уилсон, Уилберт Мур, Флоренс Клакхон и Бернард Барбер», — писал Т. Парсонс⁴.

Лишь через два года после публикации его в 1937 г. в виде фундаментальной монографии «Структура социального действия», этот ученый смог занять солидный университетский пост профессора. Одновременно стала быстро расти популярность Парсонса как теоретика социологии.

В годы Второй мировой войны он был призван в армию, где «занимался чем-то вроде преподавания в Школе заграничной администрации, где директором был его друг Карл Фридрих, а также читал курс лекций о европейских и восточно-азиатских обществах. Под конец войны Парсонс служил консультантом в Управлении иностранной экономикой, занимавшегося вопросами установления послевоенных отношений с Германией и написал несколько меморандумов против так называемого плана Моргентау»⁵. Тогда же он показал свою заинтересованность насущными социально-политическими проблема-

¹ Парсонс Т. О построении теории социальных систем: интеллектуальная автобиография. С. 207–208.

² Merton R. Remembering the Young Talcott Parsons // American Sociologist. 1980. № 15. P. 69.

³ Merton R. Remembering the Young Talcott Parsons... P. 69–70.

⁴ Парсонс Т. О построении теории социальных систем: интеллектуальная автобиография. С. 215.

⁵ Там же. С. 215.

ми, опубликовав статью «Некоторые социологические аспекты фашистских движений»¹.

В 1944 г. Т. Парсонса назначили главой факультета социологии Гарвардского университета, где он провел значительную реорганизацию. В 1946 г. этот исследователь, давно испытывая интерес к учению З. Фрейда и психоанализу, начал проходить официальный курс психоаналитического обучения в качестве кандидата в Бостонском психоаналитическом институте. Его обучающим психоаналитиком была доктор Грета Бибринг, входившая в первоначальный кружок Фрейда в Вене до своего вынужденного изгнания из Австрии после захвата этой страны нацистами. Однако к клинической практике ввиду отсутствия медицинского образования он допущен не был².

В 1946 г. Парсонс также основал и возглавил Отделение социальных отношений, которое обучало не только социологов, но и различных других ученых в области социальных наук. В становлении и развитии факультета социальных отношений видную роль сыграл проректор университета и декан факультета свободных искусств и наук Пол Бак.

Парсонс вел активную профессиональную жизнь и вне Гарвардского университета: в 1942 г. «служил» президентом Восточного социологического общества, в 1949 г. был избран президентом Американской социологической ассоциации. Он являлся главным редактором журнала «Американский социолог», главного печатного органа ассоциации, отражавшего преимущественно события и проблемы профессионального сообщества социологов, работал в Американской ассоциации университетских профессоров, в специальном комитете по делам лояльности и безопасности, в комитете по вопросам академической свободы и полномочий, а также в совете ассоциации.

После публикации Парсонсом в 1951 г. монографии «Социальная система» он стал авторитетнейшей фигурой в американской науке и был избран членом Американской академии искусств и наук. Следует отметить, что и сама американская социология, в период небывалой популярности школы структурного функционализма, сгруппировавшейся не столько вокруг самого ученого, сколько в рамках данного направления, достигла расцвета³.

Толкотт Парсонс доминировал в англоязычной социальной теории до середины 1960-х гг.⁴ К концу 1960-х гг. его теоретические построения все чаще стали подвергаться критике, прежде всего со стороны ученых из леворадикального крыла американской социологии, в том числе Ч.Р. Милса и А. Гоулдера.

В 1973 г. Т. Парсонс, проработав в Гарвардском университете 42 года, вышел на пенсию. Умер он в 1979 г. в Мюнхене.

Как писал Р. Мертон, «смерть Т. Парсонса ознаменовала конец целой эпохи в социологии. Когда начнется [новая эра] ... она наверняка будет опираться на огромную традицию социологической мысли, которую он нам оставил»⁵.

¹ Parsons T. Some Sociological Aspects of the Fascist Movements // Social Forces. 1942. № 21. P. 138–147.

² Парсонс Т. О построении теории социальных систем: интеллектуальная автобиография. С. 217.

³ См. об этом: Американская социология. Перспективы, проблемы, методы / Пер. сангл. В.В. Воронина и Е.В. Зиньковского. М.: Издательство «Прогресс», 1972.

⁴ Craib I. Modern Social Theory. From Parsons to Habermas. Second edition. Eastbourne: Antony Rowe Ltd, 1992. P. 33.

⁵ Merton R. Remembering the Young Talcott Parsons ... P. 71.

К сожалению, громоздкий понятийный аппарат, небезукоризненный стиль изложения в известной степени затрудняют восприятие идей Т. Парсонса.

Как полагают исследователи, «работы Т. Парсонса довольно трудно осмыслить не столько из-за их глубины, сколько из-за их сложности. При чтении трудов этого исследователя создается впечатление, что их писал высокоинтеллектуальный делопроизводитель, который изобрел новую и сложную систему ящичков, где есть место для каждого документа, когда-либо использованного или используемого его фирмой. Проблема состоит в том, что этот делопроизводитель и есть тот единственный человек, который может работать с этой системой ящичков, поскольку без него никто не в состоянии что-либо найти»¹.

Тем не менее проблемы адекватного освоения трудов Т. Парсонса более обусловлены синтетическим характером и энциклопедизмом их научных основ. Этот социолог интегрировал не только целый ряд социологических концепций, но и множество теоретических положений из разных наук, связав их в оригинальную социологическую схему. Эту схему, претендующую на то, чтобы охватить все явления окружающего мира, он назвал «системой координат».

Наибольшую популярность и признание получили следующие труды этого ученого: «Структура социального действия» (1937)²; «Социальная система» (1951)³; «Общества: эволюционные и сравнительные перспективы» (1966)⁴; «Система современных обществ» (1971)⁵. Т. Парсонс, совместно со своим коллегой Эдвардом Шилсом) выступил редактором известного сборника «К общей теории действия» (1951)⁶, а также сборника — «Американская социология. Перспективы, проблемы, методы» (1968)⁷, написав к нему введение и заключение (общий обзор). Следует отметить, что этот сборник был переведен на русский язык еще в советский период⁸.

Многочисленные социологические проблемы, рассматриваемые Т. Парсонсом, нашли отражение в статьях, опубликованных в ведущих американских изданиях. В их числе «Некоторые первичные источники и образцы агрессии в социальной структуре Западного мира»⁹, «Перспективы социологической теории»¹⁰,

¹ Craib I. Modern Social Theory. From Parsons to Habermas ... P. 37.

² Parsons T. The Structure of Social Action. New York: McGraw Hill, 1937.

³ Parsons T. The Social System. Glencoe, Ill: Free Press, 1951.

⁴ Parsons T. Societies: Evolutionary and Comparative Perspectives. Englewood Cliffs, New Jersey: Prentice Hall, 1966.

⁵ Parsons T. The System of Modern Societies. Englewood Cliffs, New Jersey: Prentice Hall, 1971.

⁶ Toward a General Theory of Action / T. Parsons, Shils E. A. (eds.). Cambridge: Harvard University Press, 1951.

⁷ American Sociology. Perspectives, problems, methods / T. Parsons (ed.) New-York-London: Basic Books, Inc., Publishers, 1968.

⁸ Американская социология сегодня. Перспективы, проблемы, методы ...

⁹ Parsons T. Certain Primary Sources and Patterns of Aggression in the Social Structure of the Western World // Psychiatry. 1947. № 10. P. 167–181.

¹⁰ Parsons T. The Prospects of Sociological Theory / T. Parsons (ed.). Essays in Sociological Theory. New York: Free Press, 1954.

«Возраст и пол в социальной структуре Соединенных штатов»¹. «Социологический подход к теории организаций»². «Некоторые размышления о теории социального изменения»³ и ряд других.

2.2.2. Интеллектуальные источники: метатеоретический синтез

Обычно исследователи, занимающиеся анализом научного наследия Т. Парсонса, отмечают, что он «опирался на работы Э. Дюркгейма, М. Вебера, Э. Парето, а также идеи А. Маршалла. Этот ученый придавал большое значение положениям, разработанным в рамках антропологического и психологического направлений современной ему социальной мысли»⁴.

Однако, как правило, не указывается та конкретная цель, для реализации которой он и предпринял своеобразный синтез, объединив собственную интерпретацию концепций широко известных обществоведов с текущими кибернетическими и символично-семиотическими представлениями в единую метатеоретическую схему.

Дело в том, что Парсонс полагал, что для соответствия требованиям науки теория не только должна быть достаточно согласована с эмпирическими фактами. Она также должна быть обоснована с точки зрения философской позиции. *Следует вести речь не просто о проблемах в их прямом содержательном смысле, но и о проблемах, касающихся более широких систем координат, внутри которых формулируются теоретические суждения*⁵.

По мнению Т. Парсонса, это напрямую связано с методологией, которую следует трактовать по канонам немецкого словоупотребления⁶, что скорее отсылает к философии науки, то есть к обоснованию ее общих систем координат и концептуальных схем⁷.

Еще во время своего обучения Т. Парсонс постоянно обращался к проблеме взаимоотношений экономической и социологической теорий, в решении которой ему помогли «гарвардские» экономисты — Ф.У. Таусинг, Т.Н. Карвер, У.Э. Ривли и И. Шумпетер. Последний обратил внимание Т. Парсонса на труды Альфреда Маршалла⁸ (который в то время был высшим авторитетом в «ортодоксальной», или «неоклассической», экономической теории). Намерение извлечь на свет «социологию» Маршалла и проанализировать способ ее сочетания с его строгой экономической теорией, составило первую стадию теоретической ориентации Парсонса, которая, как ему казалось, «обе-

¹ Parsons T. Age and Sex in the Social Structure of the United States / T. Parsons (ed.). Essays in Sociological Theory. New York: Free Press, 1954.

² Parsons T. A Sociological Approach to the Theory of Social Change / T. Parsons (ed.). Structure and process in Modern Societies. New York: Free Press, 1960.

³ Ibid.

⁴ См.: Т. Парсонс // Справочное пособие по истории немарксистской западной социологии / Отв. ред. Ю.Н. Давыдов, Г.В. Осипов. М.: Наука, 1986. С. 277.

⁵ Parsons T. On Theory and Metatheory ... P. 5–16.

⁶ Т. Парсонс подчеркивал, что в американском обществоведении слово «методология» в основном относится к исследовательской технике.

⁷ Parsons T. On Theory and Metatheory ... P. 5–16.

⁸ Маршалл Альфред (1842–1924) — английский экономист, выступивший вместе с А.С. Пигу и Д. Робертсоном, основателем кембриджской школы политической экономии. Эта школа возникла в конце XIX века и положила начало современному микроэкономическому анализу. В ее рамках исследовались закономерности развития отдельных частных рынков, проблемы ценообразования, экономического равновесия и благосостояния.

щала превзойти уровень, достигнутый его учителями в деле соединения теоретических структур этих двух дисциплин»¹.

В этих же целях Т. Парсонс обратился к трудам В. Парето, знание которых было для него чрезвычайно важным. Он считал Парето «выдающимся экономистом-теоретиком, одновременно пытавшимся сформулировать более широкую систему социологической теории, которая, на его взгляд, включала и весьма строго определенную экономическую теорию»².

Из этого зародыша «конвергенции», согласно Парсонсу, постепенно выростал проект включения в обширное исследование группы «новых европейских авторов» не только Маршалла и Парето, но также Вебера и Дюркгейма.

Общие идеи Вебера о природе современного капитализма, которая была главной темой диссертации Парсонса, и более конкретно его концепция о роли этики аскетического протестантизма в развитии капитализма давали ему достаточное основание надеяться, что «конвергенция» Маршалла — Парето — Вебера возможна»³.

В задуманную им синтетическую схему Парсонс решил включить и Дюркгейма. Однако последний автор, по его мнению, бесспорно, меньше всех занимался экономикой как дисциплиной в техническом смысле этого термина. Более того, представление о Дюркгейме, которое он получил, особенно от М. Гинсберга и Б. Малиновского в Лондоне, не просто мало помогало, но «положительно вводило в его заблуждение».

Ключом к пониманию социологии Дюркгейма стала для Парсонса первая большая работа этого ученого «О разделении общественного труда», которая удивительно редко упоминалась в англоязычной литературе того периода. Внимательное изучение этой книги показало, что «результаты ее анализа действительно можно прямо связать с веберовским анализом капитализма, а тот, в свою очередь, с маршалловской концепцией свободного предпринимательства»⁴.

Однако подобное решение «обычной» проблемы синтеза двух наук — социологии и экономики, не удовлетворяло научным амбициям Т. Парсонса, поставившего своей целью создание настоящей метатеоретической схемы.

Так, еще во время обучения в Гейдельбергском университете, он также серьезно интересовался вопросами отношений между естественными науками и теми, что по-разному назывались «науками о культуре» (Kulturwissenschaften) или «науками о духе» (Geisteswissenschaften) и в которые в свое время «энергично вмешивался М. Вебер»⁵.

Последний, согласно Парсонсу, настаивал на том, что думать надо не о выборе типа «либо — либо» в отношении той или иной системы координат, а о том, чтобы всякая научная теория подчинялась общему логическому обоснованию. Увлечение Парсонса подобной проблематикой привело к тому, что его соб-

¹ Парсонс Т. О построении теории социальных систем: интеллектуальная автобиография. С. 208.

² Там же. С. 213.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 215.

⁵ Parsons T. On Theory and Metatheory // Humboldt Journal of Social Relations. 1979/80. Fall/Winter. Vol. 7. No 1. P. 5.

ственные взгляды устойчиво эволюционировали в направлении данной веберовской позиции.

В то же время в гейдельбергской научной среде того времени в центре внимания была феноменология, которую связывали, в первую очередь, с именами Э. Гуссерля и М. Хайдеггера. В каком-то смысле феноменологическое движение можно было считать своеобразным итогом мятежом против объективизма и во многих отношениях мятежом против привилегированного положения естественных наук. Все эти проблемы были тесно связаны с немецкими спорами о методологии с их чисто немецким противопоставлением наук о природе и наук о культуре. Студенты, в том числе и Т. Парсонс, были горячими приверженцами феноменологической точки зрения, и это сыграло важную роль в его дальнейшем научном становлении.

Еще одним ученым, которого Парсонс считал «философом для обществоведов» и с которым тесно контактировал, был экзистенциалист Карл Ясперс (1883 — 1969), близкий друг и большой поклонник Макса Вебера.

Этот исследователь, сильно повлиявший на научное становление Т. Парсонса, в смысле общеполитической позиции был, в основном, кантианцем. Кантианство, безусловно, являлось общим связующим звеном между К. Ясперсом и М. Вебером. В контексте решения дилеммы «субъекта» и «объекта», Ясперс сделал большой вклад в философское обоснование веберовской попытки отрицать выбор по типу «либо — либо». При этом он использовал свою кантианскую позицию как общую систему координат или как операционную базу¹.

После своего возвращения из Гейдельберга, Парсонс вплотную столкнулся с бихевиористским движением. В известном смысле он рассматривал бихевиоризм как посягательство на науки о действии со стороны глубоко укоренившихся предрассудков «сциентизма». Тем не менее идеи бихевиористов представляли для Парсонса большой аналитический интерес, — заимствования из них прослеживаются в его дальнейших разработках.

Парсонс утверждал, что мышление Канта — Вебера — Ясперса предполагает не просто некую «нейтральную идейную полосу» между субъективистами феноменологического вероисповедания и объективистами бихевиористского толка, но и (при надлежащей интерпретации) существование обширной, по-настоящему объединяющей их теоретической платформы. Соответственно, в этом направлении он пытался развивать собственную метатеоретическую позицию.

В основу своей метатеории Т. Парсонс положил следующие принципы.

1. Всякое знание, которое претендует на что-то, похожее на научную достоверность, предполагает реальность и познаваемых объектов, и познающего субъекта.

2. Для успешного познания необходимо некоторое сообщество познающих лиц, способных общаться и обмениваться информацией друг с другом.

3. Проявления истинно человеческого (в отличие от животного) поведения подразумевают приписывание действующим лицам, как и ученым, познающим их действия, того, что М. Вебер называл «субъективно предполагаемым смыслом» действия.

4. Категория субъективно предполагаемого смысла требует, чтобы наблюдаемые единицы (термин, свойственный скорее теории информации) обяза-

¹ Parsons T. On Theory and Metatheory ... P. 5—16.

тельно толковались не просто как обыкновенные эмпирические объекты, а как объекты, имеющие смысловое содержание, которое надо понять.

5. В свете сказанного наиболее отличительным свойством социальных наук будет то, что изучаемые ими сущности должны рассматриваться и как объекты, и как действующие субъекты, и что это двуединство применимо к их ориентациям друг на друга, а также к отношению наблюдателя с объектами его наблюдения. Следовательно, в том или ином смысле, «субъективные состояния сознания должны поддаваться объективации»¹.

Парсонс также подчеркивал, что со времен Вебера очень важные результаты дало развитие теории информации и кибернетики. Оно внесло огромный вклад «в расчистку бесконечных завалов разноречивых мнений относительно материальных и идральных факторов в человеческой деятельности»². Но сегодня научный прогресс требует идти дальше кибернетических теорий. Существенным продвижением за пределы количественной теории информации, по его мнению, стала так называемая семиотическая проблематика, наиболее основательно изучаемая в лингвистике. В данной связи ему показалось вполне ясным, что к категории информации, отличающейся в кибернетической теории от энергии и материи, должна быть добавлена категория значения (смысла) на уровне абстракции, подобном лингвистическому уровню. «На уровне человеческого действия нет никаких причин сомневаться в важной роли значения (смысла)», — писал Парсонс³.

Таким образом, метатеоретическая схема — «система координат», которую он сначала назвал «общей системой действия» и именно так называл далее годы, в основных чертах сложилась, прежде всего, под прямым влиянием М. Вебера, а также В. Парето, Э. Дюркгейма и Т. Маршалла. Затем на нее постепенно накладывалось множество других «влияний». В целом можно утверждать, что по мере того, как развивались науки, Парсонс заимствовал из них все новые и новые элементы, которыми затем и обростало его теоретическое построение.

Так, в годы своей работы на факультете экономики Гарвардского университета, Т. Парсонс начал движение в «сторону социологии», что также приблизило его идеи к сфере психологии и социальной антропологии. Он познакомился с психологами Г. Олпортом и Х. Маром, антропологами У.Л. Уорнером и К. Клакхоном. Несколько позже, под впечатлением идей биолога Альфреда Эмерсона, он сориентировался в направлении тогда только зарождавшихся концепций кибернетического контроля не только в живых системах, но и во многих системах иных родов. Особенно плодотворным для себя Парсонс считал предположение Эмерсона о существовании фундаментальной непрерывности между живыми системами органического мира и системами человеческого социокультурного мира, которая затем приобрела для него фундаментальное теоретическое значение⁴.

Синтетическая система, которую задумал Т. Парсонс, в начальном варианте нашла отражение в его монографии «Структура социального действия»,

¹ Parsons T. On Theory and Metatheory ... P. 7.

² Ibid. P. 7—8.

³ Ibid. P. 9.

⁴ Парсонс Т. О построении теории социальных систем: интеллектуальная автобиография. С. 215.

опубликованной в 1937 г. Положения, которые он выдвигал в данной книге, а затем и в других работах, начиная с различения субъекта и объекта, и кончая так называемой «четырёхфункциональной парадигмой», не составляют теории в обычном смысле слова. Они располагаются на другом уровне, и отличия этого уровня оправдывают использование для него термина «метатеория». Это анализ, как его понимал Парсонс, «и есть методология в немецком, а не в американском смысле слова»¹.

Следует отметить, что эти «тонкости» он научился различать, прежде всего, под воздействием учения А.Н. Уайтхеда, книга которого «Наука в современном мире» стала для него истинным откровением. Уайтхед сделал кристально ясной ньютоновскую систему координат: трехмерное прямолинейное пространство, понятия скорости и движения составили метатеоретическую схему, которую нельзя ни доказать, ни опровергнуть простыми процедурами эмпирической верификации и ее противоположности — фальсификации. Вслед за Уайтхедом для характеристики такого нового уровня концептуализации Парсонс и выбрал термин — «система координат», который считал самым подходящим.

«Система координат» — это подобная ньютоновской системе координат метатеоретическая схема, которая работает на интеллектуальный прогресс научных дисциплин совсем на другом уровне. Для нее необходима система «абстрактных понятий», которая позволяла бы организовать (объединять. — Н. О.) отдельные действия в «системы действия» и при этом одновременно использовать целостный и индивидуалистический подходы². В данной связи отличительной чертой методологии Парсонса как ученого являлся системный подход. Он воплотил его в системном видении окружающего мира, которое применил и к социологической науке, которую считал «абстрактной наукой о действиях».

Т. Парсонс признавал наиболее приемлемым для социологического анализа принцип «аналитического реализма», согласно которому «научная концептуализация должна двигаться путем аналитической абстракции, идентифицируя существенные элементы феноменов и связывая их в системы понятий»³. На практике это означало, что анализ любого социального процесса проводится как часть исследования некоторой системы с сохраняющимися границами. Система для Т. Парсонса представляла собой устойчивый комплекс повторяющихся и взаимосвязанных социальных действий — взаимодействий индивидов. Наиболее адекватным методом анализа таких систем стал для этого ученого *структурный функционализм*.

Следует отметить, что одной из идей, которые существенно повлияли на творчество Парсонса, стала идея взаимосвязи структуры и функции, развитая социальными антропологами — Б. Малиновским и А.Р. Рэдклифф-Брауном. В этой связи он писал: «...по-видимому, можно утверждать, что этот тип теории (структурный функционализм) выкристаллизовался в США в 30-е гг. Это произошло, главным образом, в результате синтеза трех традиций: английской социальной антропологии, в которой Малиновский и Рэдклифф-Браун, при

¹ Parsons T. On Theory and Metatheory ... P. 10.

² Craib I. Modern Social Theory. From Parsons to Habermas ... P. 38.

³ Loubser J. General Introduction // Exploration in General Theory in Social Science. Essays in Honor of Talcott Parsons. New York, 1976. P. 3.

всем их отличии друг от друга, были наиболее важными фигурами, а также учений Эмиля Дюркгейма и Макса Вебера¹.

Однако подход Т. Парсонса существенным образом отличался от подходов, разработанных в рамках данного направления упомянутыми выше социальными антропологами. Он исходил из тривиального факта связи явлений друг с другом в повседневной жизни: связь явлений повседневной жизни невозможно отрицать или хотя бы утверждать, что она случайна. Следовательно, форму этой связи можно понимать как систему. Все системы обладают структурой, которая связана с функциями, поэтому все системы имеют нечто общее.

Таким образом, источник системного мышления, согласно философским воззрениям Парсонса, кроется в систематизирующих свойствах сознания, благодаря которым человек вносит порядок в разнообразие своего опыта. Он вновь и вновь размышляет над событиями, обобщает их, присваивает им названия, с помощью которых типологизирует их. В результате оказывается, что окружающий мир является упорядоченным, а порядок, в свою очередь, является результатом систематизации, которую человек осуществил с помощью своих действий.

Рассуждения о системных свойствах мышления справедливы, согласно Т. Парсонсу, для всех форм человеческого поведения, в том числе и для социальных действий. Его фундаментальный тезис заключался в том, что все социальные явления, воплощены ли они в личности, социальных действиях, социальных институтах или даже всей культуре общества, представляют собой системы. Действительно, их элементы определенным образом связаны друг с другом, то есть образуют структуру. При этом Парсонс относит к структуре лишь «те элементы системы, которые независимы от кратковременных колебаний отношений системы и окружающей среды»².

Связи элементов как отдельных систем между собой, так и внутри самих этих систем Парсонс считал целостными, общими и упорядоченными; соответственно, анализ упорядоченной структуры стал иметь для него первостепенное значение. Другими словами, различные социальные структуры выполняют по отношению друг к другу определенный набор функций. Посредством понятия функции он раскрывал связь статических структурных категорий с динамичными элементами системы: все социальные явления представляют собой системы взаимосвязанных элементов, выполняющих задачи (т. е. функции), обусловленные целевым аспектом системы и ее структурой.

В то же время он исходил из приоритета системы и ее структуры над функциями, что и позволило исследователям творчества Парсонса назвать его подход *структурно-функциональным*.

Этот подход он применил в своей книге «Структура социального действия». В ней Парсонс утверждал, что все главные теоретики, творчество которых он исследовал, постепенно двигались к тому, что он назвал «волюнтаристской теорией действия», в рамках которой люди делают выбор между различными целями и способами их достижения. Он также предположил, что из их работ можно вычленивать базовую модель (структуру) человеческого

¹ Парсонс Т. К общей теории действия. Теоретические основания социальных наук // Парсонс Т. О структуре социального действия. М.: Академический Проект, 2000. С. 675. *

² Там же.

действия, определяя все его компоненты в абстрактных терминах. В фокус своего исследования он поставил обобщенные типовые характеристики (образцы) действия людей, их осмысленные результаты (физические, культурные и др.) — от простых орудий до произведений искусства, а также механизмы и процессы, контролируемые формирование этих образцов¹.

Тем самым сначала Т. Парсонс выступил «теоретиком действия» как единичного акта, сфокусировав внимание на активном человеке, его мыслях и поступках.

2.2.3. Действие как единичный акт и система

Согласно Т. Парсонсу, действие представляет собой «некоторый процесс в системе субъект действия — ситуация, имеющий мотивационное значение для действующего индивида или, в случае коллектива, для составляющих его индивидов»².

Субъект действия — это сам действующий индивид (деятель) или несколько действующих индивидов. Ситуация — ориентация данного субъекта действия по отношению к различным объектам, которые ее, собственно, и составляют. Эти объекты Парсонс разделял на три класса: социальные объекты, физические объекты и культурные объекты.

Социальным объектом может быть как любой индивид, на который направлено действие (Другой), так и субъект действия, который принимается за центр системы «Я». Им же может являться и некоторый коллектив, который при анализе ориентации рассматривается как нечто единое³.

Физические объекты — средства и условия действия «Я». Это эмпирические сущности, не взаимодействующие с «Я» и не реагирующие на него⁴.

Культурными объектами служат символические элементы культурной традиции, идеи и убеждения, экспрессивные символы или ценностные стандарты в той степени, в которой они рассматриваются как объекты ситуации со стороны «Я», а не «интериоризированы» как элементы, вошедшие в структуру его личности. Человеческое действие является «культурным» в том плане, что мысли и намерения действий выражаются в терминах символических систем (включая коды, посредством которых они реализуются в соответствующих образцах); универсальной для всех человеческих обществ символической системой является язык⁵.

Организация элементов действия является прежде всего функцией отношения действующего лица к ситуации, а также истории этого отношения и в этом смысле «опыта»⁶.

Фундаментальное свойство действия заключается в том, что оно состоит не только из реакций на частные «стимулы» ситуации. Помимо этого, действующее лицо развивает систему ожиданий, относящихся к различным объектам ситуации.

¹ Парсонс Т. Система координат действия и общая теория систем действия: культура, личность и место социальных систем // Социология: Хрестоматия / Сост. Ю.Г. Волков. И.В. Мостовая. М.: Гардарики, 2003. С. 271.

² Там же. С. 272.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

Ожидания индивида, относящиеся к различным объектам ситуации, могут быть организованы только относительно его собственных потребностей или установок. Это связано с тем, что источник энергии или усилия в процессе действия протекает из организма, поэтому корни его мотивации находятся в потребностях, удовлетворение или неудовлетворение которых имеет органическую значимость. Другими словами, что ориентация соответствующих процессов действия связана с достижением удовлетворения или уклонением от неприятностей со стороны соответствующего субъекта действия, и таким образом, оно мотивируется (принимает мотивационный характер).

Однако, в том случае, если взаимодействия происходят с социальными объектами, то добавляются новые параметры «Я». Часть ожиданий «Я», во многих случаях наиболее значительная часть ожиданий, сводится к вероятным реакциям «Другого» на возможное действие «Я». Эта реакция предусматривается заранее и таким образом влияет на собственные выборы «Я»¹.

В целом, по Т. Парсонсу, содержание действия образуют структуры и процессы, на основе которых люди формируют осмысленные намерения и более или менее успешно реализуют их в конкретных ситуациях. Слово «осмысленный» предполагает символический (культурный) уровень смыслового представления и референции. Намерения в совокупности с их осуществлением предполагают способность системы действия — индивидуального или коллективного — изменять свое положение по отношению к определенной ситуации или окружению в желательном для системы направлении.

Однако и на том и на другом уровне различные элементы ситуации приобретают специальные «значения» для «Я» в качестве «знаков» или «символов», соответствующих организации его системы ожиданий. Знаки и символы, особенно там, где существует социальное взаимодействие, приобретают общее значение и служат средством коммуникации между действующими лицами. Когда возникают символические системы, способные стать посредниками в коммуникации, можно говорить о началах «культуры», которая становится частью систем действия соответствующих действующих лиц².

Таким образом, Т. Парсонс описал «схему отношений», включающую элементы действия (или взаимодействия):

- человека (субъекта действия, деятеля, актора);
- диапазон мотивированных ориентаций (целей), между которыми этот актер должен выбирать;
- различные средства, которыми данные цели могут быть достигнуты, при этом «выбор» актора происходит не в вакууме. Ситуация (окружающая среда) представляет собой совокупность многих физических и социальных факторов, которые ограничивают диапазон подобного выбора.

Исследователь творчества Т. Парсонса И. Кройб приводит следующий пример с плохим зрением нельзя выбрать профессию летчика, а в текущей экономической ситуации не стоит выбирать профессию инженера, поскольку на это рабочее место открывается мало вакансий³.

¹ Парсонс Т. Система координат действия и общая теория систем действия ... С. 273.

² Там же.

³ Croib I. Modern Social Theory. From Parsons to Habermas ... P. 40.

Самым важным также является то, что ситуация неизбежно включает общепринятые нормы и ценности, а также другие моменты, которые определяют выбор целей и средств.

Так, если обратиться к комментариям Крайба, то гинеколог, исповедующий католицизм, не станет специализироваться на абортках, даже если он вполне легально может их практиковать. Точно так же студент будет подчиняться неофициальным правилам, которые регулируют совместное проживание в кампусе университета с другими студентами, поскольку иначе окажется в изоляции. Самые формальные и универсальные нормы заложены в правовой системе общества: у преподавателя всегда есть возможность (выбор) — ударить студента, если тот не выполнил его задание в срок, но вряд ли он это сделает. И не просто потому, что полагает, что это безнравственно, а прежде всего потому, что за этим последуют серьезные юридические санкции¹.

Таким образом, у Т. Парсонса *человеческое действие* — это самоорганизующаяся система. Она отличается, в частности, от систем физического и биологического действия, тем, что является:

- во-первых, символической, то есть располагает такими символическими механизмами регуляции как язык, ценности и т. д.;
- во-вторых, нормативной — зависит от общепринятых ценностей и норм;
- в-третьих, волюнтаристичной, т. е. в известной степени иррациональной и независимой от познаваемых условий среды и в то же время зависимой от субъективных «определенных ситуаций».

Т. Парсонс, пытаясь обобщить отношения «субъект — объект» в рамках этой самоорганизующейся системы разработал схему так называемых «*эталонных переменных действия*»² — специальный набор понятий, используемых для анализа структуры действия. В него он включил четыре пары базовых ценностных ориентаций, помогающих исследователю понять, как ведет себя реальный человек, попавший в ситуацию, требующую свободного выбора:

- 1) аффективность — аффективная нейтральность;
- 2) универсализм — партикуляризм;
- 3) качество — результативность;
- 4) специфичность — диффузность³.

Первая дилемма (аффективность — аффективная нейтральность) описывает выбор индивида между непосредственным удовлетворением при помощи известного (когнитивно определенного) и категорически привлекательного объекта (аффективность) или оценкой такого удовлетворения с точки зрения последствий и возможным отказом от него, если эти последствия индивид по какой-то причине сочтет неприемлемыми (аффективная нейтральность). Она также может определять выбор между стремлением к удовлетворению мимолетных потребностей и отказом от них ради стратегических целей.

¹ Craib J. *Modern Social Theory. From Parsons to Habermas ...* P. 41.

² Patterns variables of action. В ряде источников переводится как «образцовые переменные», «стандартные переменные».

³ См. об этом: Парсонс Т. К общей теории действия. Теоретические основания социальных наук // Парсонс Т. О структуре социального действия. М.: Академический Проект, 2000. С. 498; Парсонс Т. Еще раз о стандартных переменных: ответ Роберту Дубину // Там же. С. 644 — 645.

Следует отметить, что эта дилемма имеет как бы поддилемму — «ориентацию на себя» и «ориентацию на коллектив», задающую выбор между эгоистическими и альтруистическими действиями. Но она начинает работать только в случае, если в рамках первой дилеммы выбор был сделан в пользу аффективной нейтральности. Парсонс определяет ее довольно абстрактно: как выбор в пользу моральных эталонов данной социальной системы или ее подсистемы. Если социальная система — это коллектив (ориентация на коллектив), то под подсистемой может пониматься личность в рамках данного коллектива (ориентация на себя).

Вторая дилемма — (партикуляризм — универсализм) означает выбор между отказом индивида следовать общим правилам поведения или подчинением им.

Выбор познавательных эталонов (универсализм) имеет своим следствие помещение данного объекта ориентации в более широкий контекст и поиск его связи с другими объектами. Напротив, выбор различительных эталонов (партикуляризм) ведет к постановке объекта во взаимосвязь с мотивами действующего индивида.

Третья и четвертая дилеммы описывают способ интерпретации индивидом ситуации и касаются социальных объектов.

Так, в рамках *третьей дилеммы* (качество — результативность) объект может иметь значимость как комплексы качеств (качество), либо как комплексы действий (результативность). Выбор («достигнутое — недоопределенное») имеет место между ориентацией на предписанный (биологически заданный) статус, а именно пол, возраст или на достигаемый статус других людей (профессия, партийность).

Четвертая дилемма (специфичность — диффузность) предполагает выбор между специфическими и общими характеристиками ситуации в качестве объекта ориентации индивида.

Как отмечал Парсонс, он вводил эти переменные, принимая во внимание существование закономерной симметрии в отношениях субъекта и объекта, действующей системы ситуации и прочие вещи в том же роде⁴.

В оригинальной трактовке ученого действие как единичный (индивидуальный) акт — всегда акт выбора. Однако эти четыре пары типовых переменных действия затем так или иначе входили в арсенал его понятий, менявшийся на протяжении многих лет работы. Для субъекта действия они представляли различные варианты действия. Когда же Парсонс сосредоточился не столько на отдельном действии, сколько на системах действия, он стал их называть «схемой переменных образцов ориентации действующих систем»⁵. Эти переменные послужили ему так называемой комбинаторной базой при введении им окончательной «четырёхфункциональной» парадигмы, когда приоритет был полностью отдан системам и отношениям между ними⁶.

Сначала *действие (взаимодействие)* рассматривалось Парсонсом в узком смысле — как *единичный акт*, составленный из субъекта, средств, целей и ситуации среды, которая включала физические и социальные объекты. Затем он пришел к выводу, что «*взаимодействие индивидов происходит таким об-*

⁴ Parsons J. *On Theory and Metatheory ...* P. 5 — 18.

⁵ Ibid.

⁶ Craib J. *Modern Social Theory. From Parsons to Habermas ...* P. 46.

разом, что этот процесс можно рассматривать как систему в научном смысле и подвергать ее теоретическому анализу, успешно применяемому к различным типам систем в других науках»¹.

Этот вывод, в конечном счете, и стал отправной точкой обширного построения Парсонса, получившего название «общая система действия»². В рамках «общей системы действия» собственно понятие действия трактовалось им уже в довольно абстрактном и широком смысле. Под социальным действием он понимал «любые социальные отношения, любые события и процессы во всем обществе. При этом каждый элемент общества или событие в нем, в свою очередь, должны рассматриваться как часть общей системы социального действия»³.

Таким образом, на основе анализа конкретных индивидуальных действий и взаимодействия индивидов Т. Парсонс построил формализованную модель общей системы социального действия, включающей подсистемы, находящиеся во взаимоотношениях взаимного обмена.

2.2.4. Системы социального действия

Согласно Т. Парсонсу, общая система действия имеет сложную структуру, которую образуют четыре взаимосвязанные составляющие ее системы (подсистемы): культурные подсистемы, социальные подсистемы, личностные подсистемы и поведенческие организмы. Все это — «абстракции, аналитически вычленимые из реального потока взаимодействия»⁴.

Наиболее важной из этих подсистем Парсонс считал подсистему культуры, которая как бы стоит на вершине его системы действия. В виду этого он называл себя «культурным детерминистом»⁵.

Культурная подсистема для Т. Парсонса — это «структурированная, упорядоченная система символов, служащих ориентирами для агентов, интернализированными аспектами системы личности и институционализированными образцами в социальной системе»⁶. В данной связи он также называл ее «символической системой, служащей для обеспечения социального взаимодействия»⁷.

Он трактовал культуру как главную силу, связывающую различные элементы социального мира, или, в его терминологии, системы действия. Из-за своего во многом символического и субъективного характера культура легко передается от одной системы к другой, а с помощью обучения и социализации от одной системы личности к другой. Культура служит посредником при взаимодействии акторов и объединяет систему личности с социальной системой. Тем самым культура обладает особой способностью становиться, по крайней мере частично, элементом других систем. Но система культуры не просто

¹ Парсонс Т. Система координат действия и общая теория систем действия ... С. 271.

² General Action System.

³ Craib I. Modern Social Theory. From Parsons to Habermas ... P. 42.

⁴ Парсонс Т. Система современных обществ / Пер. с англ. Л.А. Содова и А.Д. Ковалева. Под ред. М.С. Ковалева. М.: Аспект Пресс, 1998. С. 15.

⁵ Ritzer G. Sociological Theory. 5th ed. International edition. McGraw-Hill Higher Education, 2000. P. 240.

⁶ Toward a General Theory of Action / T. Parsons, Shils E. A. (eds.). Cambridge: Harvard University Press, 1951. P. 6.

⁷ Ibid.

часть других систем; она также существует отдельно в форме социального запаса знаний, символов и понятий. Эти аспекты системы культуры доступны социальной и личностной системам, но не становятся их частью»¹.

Социальная подсистема, согласно Парсонсу, состоит из множества индивидов (акторов), взаимодействующих друг с другом в ситуации, имеющей, по крайней мере, физический аспект и аспект внешней среды. Эти акторы мотивированы согласно тенденции к «оптимизации удовольствия», и их отношение к обстоятельствам (и друг к другу в том числе) определяется и осуществляется в соответствии с системой структурированных культурой коллективных символов².

Социальные системы, в которые Парсонс включает и общества, следует рассматривать не как конкретную агрегацию взаимодействующих и проявляющих себя в поступках людей. Это — получившая аналитическое определение подсистема всей совокупности социальных действий людей, абстрагированная на основе аналитического вычленения процессов взаимодействия и структур, образуемых взаимоотношениями между исполняющими свои роли людьми³.

В противном случае социальную систему невозможно было бы отделить с одной стороны, от личностей участников, которые тоже должны получить аналитическую определенность в связи с их индивидуальным аспектом, отличным от аспекта взаимодействия; с другой стороны — от культурной системы, структурируемой вокруг символически значимых компонентов и их взаимоотношений, включая сюда коды, в категориях которых символизируются культурные смыслы⁴.

Подсистема личности определяется Т. Парсонсом как мотивационная структура индивида организованная система ориентации и мотивации по отношению к действию индивидуального агента. Основным элементом личности являются «потребностные диспозиции как важнейшие элементы мотивации к действию»⁵.

Он отмечал, что потребностные диспозиции следует отличать от побуждений, которые являются скорее частью биологического организма и представляют собой врожденные реакции — «психологическую энергию, которая делает действие возможным»⁶.

Потребностными диспозициями становятся эти же тенденции, когда они имеют не врожденный характер, а приобретаются в процессе действия как такового». Иначе говоря, потребностные диспозиции есть побуждения, формируемые социальным окружением. Потребностные диспозиции побуждают агентов к принятию или отрицанию объектов внешней среды или к поиску новых объектов, если доступные недостаточно удовлетворяют потребностным диспозициям⁷.

¹ Toward a General Theory of Action ... P. 6.

² Parsons T. The Social System. Glencoe, Ill: Free Press, 1951. P. 5–6.

³ Парсонс Т. Общий обзор // Американская социология. Перспективы, проблемы, методы / Пер. с англ. В.В. Воронина и Е.В. Зиньковского. М.: Издательство «Прогресс», 1972. С. 363.

⁴ Там же.

⁵ Toward a General Theory of Action ... P. 111.

⁶ Ibid. P. 113.

⁷ Ibid.

Парсонс считал, что система личности контролируется не только системой культуры, но также социальной системой. Это не означает, что он не признавал определенную независимость системы личности: «несмотря на то, что основное содержание структуры личности исходит из социальных систем и культуры путем социализации, личность становится независимой системой через отношения с собственным организмом и неповторимость собственного жизненного опыта; и это не просто побочное явление»¹.

Поведенческие организмы (сначала Парсонс использовал термин «биологический организм») представляют собой индивидуальную психофизическую конституцию человека, включая инстинкты и биологические побуждения, влияющие на конкретные социальные действия.

Биологический организм, согласно Парсонсу, является неотъемлемой частью ситуации действия и рассматривается им не как своеобразные анатомические характеристики данного индивида, а как «видовой тип»².

Он является источником энергии для остальных систем. Хотя биологический организм имеет генетическую основу, на его организацию влияют процессы культурной детерминации и обучения, происходящие в течение жизни индивида. Именно из-за этого социального элемента в своем более позднем творчестве Т. Парсонс отказался от слова организм и стал оперировать термином «поведенческая подсистема»³.

Различие между этими системами действия является аналитическим: каждая из них имеет свой организационный фокус.

Например, организационным фокусом социальной системы является взаимодействие между двумя или более индивидами, которое выходит за рамки отдельной личности. Применительно к системе личности организационным фокусом является отдельная личность, ее индивидуальные ориентации в ситуации действия⁴.

Эти четыре подсистемы вместе образуют общую систему действия. При этом каждая из них, в свою очередь, включает в себя также четыре подсистемы. Так, подсистемами общества как разновидности социальной системы (подсистемы) являются политическая подсистема, подсистема социализации, экономика и социальное сообщество. В свою очередь, в рамках каждой из этих подсистем существуют еще более мелкие четыре подподсистемы. Например, если говорить об экономике, то ими являются экономическая подсистема обязательств, подсистема капитализации, подсистема производства и организационная подсистема.

У Т. Парсонса различные подсистемы связаны посредством обмена символической информацией. При этом символ рассматривается им не как нечто ценное само по себе, а в свете того, для чего он служит. Каждая из подсистем располагает некоторым обобщенным средством обмена, которое «имеет хождение» как внутри самих подсистем, так и за их пределами.

¹ Parson T. Social Structure and Personality. New York: Free Press, 1970. P. 82.

² Парсонс Т. Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения // Современная западная теоретическая социология. Талкотт Парсонс. М., 1994. С. 105.

³ Parson T. Social Structure and the Symbolic Media of Interchange // P. Blau (ed.) Approaches to the Study of Social Structure. New York: Free Press, 1975. P. 104.

⁴ Toward a General Theory of Action ... P. 147.

В качестве примера обобщенного средства обмена у Т. Парсонса выступают деньги, функционирующие в этом качестве, преимущественно, в области экономики. Хотя монета — не что иное как металлический объект, она имеет ценность только потому, что ее можно использовать, чтобы купить вещи.

Помимо денег он выделяет другие обобщенные средства обмена, носящие более ясно выраженный символический характер: политическая власть, влияние и ценностные пристрастия¹.

У каждой подсистемы социальной системы (например, общества) есть эквивалентный символ. Экономика имеет дело с деньгами, политическая система — с властью, социальное сообщество — с влиянием, и социальная система — с обязательствами. Через обмен символическими ресурсами каждая система сохраняет равновесие с другими, поддерживая при этом свою собственную идентичность — поддержание границ (образца).

В целом, как отмечает Гай Рочер, это построение Т. Парсонса подобно ряду китайских коробок — когда открывают одну, то в ней оказываются четыре — поменьше, каждая из этих меньших вмещает в себя четыре еще меньшие и так далее². Исследователи считают, что это адекватная оценка: Парсонс одновременно оперировал несколькими уровнями абстракции, на каждом из которых им выделялись четыре новые подсистемы³.

Ответ на вопрос, почему он так делал, дает функционализм Парсонса: система социального действия сама, независимо от отдельных индивидов, регулирует свое состояние благодаря специальным механизмам, посредством которых она и обеспечивает стабильность своей структуры. Эти механизмы, которые поддерживают тенденцию системы к упорядоченности, он назвал «функциями сохранения структуры».

Парсонс утверждал, что любая система на любом уровне, если она хочет выжить, должна выполнять четыре функции сохранения собственной структуры; соответственно, каждая из ее подсистем всегда выполняет конкретную, закрепленную за ней функцию. К этим общим функциям он относил следующие: *адаптацию, достижение цели, интеграцию и поддержание образца (латентность)*.

Во-первых, каждая система должна приспособиться (адаптироваться) к окружающей ее среде. Механизм, посредством которого это приспособление осуществляется, получил название «адаптации» (adaptation — A). Это приспособление должно осуществляться целенаправленно.

Во-вторых, системы должны быть способны выдвигать определенные цели. Этот механизм, посредством которого системы обретают способность мобилизовать ресурсы для достижения определенных целей, а также устанавливать между этими целями приоритет, получил название «целенаправленности» (достижения цели) — (goal attainment — G).

В-третьих, системы должны обеспечивать координацию своих элементов и саморегулироваться, что также подразумевает некий отлаженный механизм — «интеграцию» (integration — I).

В-четвертых, каждая система должна поддерживать себя в состоянии равновесия теми способами, какими это только возможно⁴.

¹ Parson T. Social Structure and the Symbolic Media of Interchange ... P. 98–99.

² Rocher G. Talcott Parson and American Sociology. London: Nelson, 1974.

³ Craib I. Modern Social Theory. From Parson to Habermas ... P. 43.

⁴ Ibid.

Для этого системы должны обладать запасом внутренней прочности и выдерживать напряженные отношения между ее участниками, что и обеспечивается социальными институтами, которые поддерживают стабильные латентные структуры социальных отношений. Этот механизм получил название «сохранения латентной структуры» (latent pattern maintenance — L) или «поддержания образца».

Следует отметить, что в отечественной специальной литературе эта схема четырех основных функций, необходимых для сохранения структуры системы получила название схемы AGIL («эйджил»). Данная аббревиатура образована от первых букв английских слов Adaptation, Goal Attainment, Integration, Latency, и сегодня уже не переводится на русский язык и употребляется в оригинальном написании и звучании.

Однако сам Т. Парсонс не всегда задавал функциям ту последовательность, которая соответствует данной аббревиатуре. Так, в последних своих работах он отдавал явный приоритет функции интеграции и именно с нее начинал свой анализ. В данной связи эти четыре функции представляются целесообразным просто называть четырьмя функциональными императивами Т. Парсонса, не прибегая к вышеупомянутой аббревиатуре.

Итак, различение четырех указанных подсистем общей системы действия носит у Т. Парсонса носит функциональный характер. Оно проводится на основе четырех первичных функций, присущих любым системам действия. Это функции интеграции, воспроизводства образца, целедостижения и адаптации.

Первичная интегративная проблема любой системы действия состоит в координации составляющих ее элементов, прежде всего человеческих индивидов, хотя в определенных целях в качестве субъектов действия, можно рассматривать и коллективы¹. Интегративная функция приписывается здесь преимущественно социальной системе.

За культурной системой закрепляется в основном функция сохранения и воспроизводства образца, равно как и творческого его преобразования. Если в социальных системах на первом месте стоят проблемы социального взаимодействия, то культурные системы складываются вокруг комплексов символических значений — кодов, на основе которых они структурируются, особых сочетаний символов, в них используемых, условий их использования, сохранения и изменения как частей систем действия.

Личности индивида отводится главным образом исполнение целедостиженческой функции. Личностная система — это главный исполнитель процессов действия и, значит, воплощения культурных принципов и предписаний.

Поведенческий организм трактуется как адаптивная подсистема, как сосредоточение основных возможностей человека, на которые опираются остальные системы. В нем заложены условия, с которыми должно соотноситься действие, а также основные механизмы взаимодействия с физической средой, в частности механизм получения и обработки информации (в центральной нервной системе) и механизм двигательной реакции на требования физической среды².

¹ Парсонс Т. Система современных обществ // Пер. с англ. Л.А. Седова и А.Д. Ковалева. Под ред. М.С. Ковалева. М.: Аспект Пресс, 1998. С. 14.

² Там же. С. 15.

В рамках общей системы действия культурные системы выполняют функцию поддержания образца; социальные системы — функцию интеграции действующих элементов (индивидов или, точнее, личностей, исполняющих роли); личностные системы — функцию достижения цели, а поведенческие организмы — функцию адаптации (см. табл. 1).

Таблица 1

Подсистемы общей системы действия и их функции

Подсистемы	Культурные системы	Социальные системы	Личностные системы	Поведенческие организмы
Выполняемая функция	L	I	G	A

В целом любая система (подсистема) может существовать лишь тогда, когда ее структурные элементы слаженно выполняют эти четыре функции. Именно поэтому в ее рамках должны быть выделены и соответствующие этим функциям четыре структурных элемента, за которыми эти функции закреплены. В свою очередь, для того, чтобы мог стабильно функционировать каждый новый выделенный элемент подсистемы, в его рамках должны быть найдены еще четыре структурных компонента, за которыми опять закрепляются четыре универсальные функции и т. д.

В данной связи вполне правомерно возникает вопрос: почему Т. Парсонс все время оперирует цифрой четыре: (четыре подсистемы, четыре функции, четыре пары переменных)? Ответом на этот вопрос заключается в том, что этот исследователь широко использует квадрат — геометрический символ, значение которого связывается с числом четыре, равенством, прямотой, порядком и единообразием. Квадрат предполагает упорядочивание четырех различных элементов и является образом стабильной структуры, статической целостности. Квадрат выступает как основная модель структурирования мира в элементарном (четыре стихии), в пространственном (четыре стороны света) и во временном (четыре времени года, четыре периода суток), а также в социальном аспектах³.

Анализом выделенных подсистем социального действия, согласно Т. Парсонсу, занимаются различные дисциплины «в сфере социальной науки и науки о проведении», не только социология, но психология и социальная психология, антропология, экономическая и политическая науки. Между ними уже существует осмысленное и четкое разделение труда, которое дает возможность понять, что представляют собой предмет социологии и круг ее проблем⁴.

2.2.5. Предмет и проблемы социологии

Т. Парсонс утверждал, что в отличие от двух самых общих смежных с ней дисциплин — психологии и антропологии — социология занимается анализом социальных систем, уделяя особое, но отнюдь не исключительное внимание типу социальной системы, именуемому обществом. Психология — на уровне человеческого поведения — занимается личностью индивида, включая, в случае социальной психологии изучение взаимодействия человека с социальными

³ Квадрат // Словарь символов / Авт.-сост. М.В. Аамчик. Минск: Харвест, 2010. С. 86–87.

⁴ Парсонс Т. Общий обзор // Американская социология... С. 362.

ми системами и их взаимопроникновению друг в друга. Внимание же социологии сосредоточено на социальной системе, как таковой, то есть на системе процессов и отношений, образуемой взаимодействием множества — зачастую поистине огромного количества — отдельных людей¹.

Антропология, по его мнению, присвоила себе область еще более широкую, чем область самой социологии, тогда как в других отношениях она сконцентрировала свое внимание на культурах и обществах, не знающих письменности. Однако в той степени, в какой может быть очерчен аналитически определенный круг интересов антропологии, он, по-видимому, включает в себя аналитическое изучение явлений культуры, структурированных символически значимых систем, в которых и посредством которых ориентируются и направляются социальные системы и личности.

Социальная антропология, которая соответствует, в смысле положения на стыке наук, социальной психологии, изучает социальные структуры и процессы применительно к их культурным условиям и связям, и в особенности по традиции применительно к «простейшим» обществам².

Итак, по Т. Парсонсу, социология занимается преимущественно анализом социальных подсистем общей системы действия. Однако в противоположность многим современным точкам зрения он не рассматривал социологию как дисциплину, имеющую дело со всей социальной системой, даже в этом аналитически абстрагированном смысле. Ведь это значило бы либо отказать экономической и политической наукам в праве называться социальными науками в самом строгом смысле слова, либо превратить их во вспомогательные отрасли социологии. Обе альтернативы одинаково неприемлемы³.

Экономическая наука нацелена, в соответствующем же аналитическом смысле, на изучение структур и процессов социальных систем, имеющих преимущественно приспособительные (адаптивные) функции. Это структуры и процессы, связанные с производством и мобилизацией сравнительно обобщенных средств, поступающих в распоряжение различных единиц и подсистем социального или интерсоциального порядка. В относительно современных обществах это, прежде всего, рынки и денежный механизм в различных его формах, а также средства ориентации бесчисленных действий на денежные и рыночные явления и в терминах денежных и рыночных отношений⁴.

Политическая наука занимается, в первую очередь, изучением организации социальных систем в контексте достижения коллективных целей. «На уровне общества и его сегментарных территориальных подсистем в центре ее внимания оказываются явления управления. Однако основные положения этой же теории применимы и к функционированию любого коллектива, ориентированного на достижение цели, и притом тем больше, чем крупнее и сложнее коллектив. Так, крупная современная торговая фирма или даже университет либо церковь имеют исключительно важный политический аспект. Власть, как обобщенное средство мобилизации обязательств содействовать коллективному функционированию — и в том числе воздерживаться от подрывных или препятствующих действий. — занимает в анализе политических

¹ Парсонс Т. Общий обзор ... С. 362.

² Там же, С. 362–363.

³ Там же, С. 362.

⁴ Там же, С. 364.

систем место, во многих отношениях сходное с тем, которое занимают деньги в экономических системах¹.

Социология же должна «заниматься широким кругом черт, факторов и последствий «интегративных состояний» социальных систем самых разных уровней, начиная с семьи и других малых групп, через многие промежуточные уровни типа локальных сообществ и формальных организаций и кончая обществами, как таковыми, и даже системами обществ²».

В центре внимания социологии также должны находиться специфические способы связи открытых социальных систем с окружающими их системами. В известном смысле это теоретический центр «второго порядка», но от этого он не становится менее важным³.

Как уже было показано выше, Т. Парсонс рассматривал социальные подсистемы как составную часть более общей системы действия, другими составляющими которой являлись культурные подсистемы, личностные подсистемы и поведенческие организмы. Три последние трактовались им по отношению к социальной подсистеме как компоненты ее окружающей среды.

Кроме того, этим исследователем выделялись две системы реальности, которые по отношению к системе действия являются ее средой, а не составляющими в принятом нами аналитическом контексте.

Первая из этих систем — это физическая среда, которая включает в себя не только явления, описываемые в терминах физики и химии, но и мир живых организмов, если только они не интегрированы в систему действия.

Вторую систему, которая представляется независимой как от физической среды, так и от самих систем действия, он назвал в русле философских традиций «высшей реальностью». Это касается того, что М. Вебер⁴ называл «проблемой смысла» человеческих действий: она связана с системой действия посредством структурирования в культурной системе смысловых ориентации, которые включают в себя познавательные «ответы», отнюдь не ограничиваясь ими.

Парсонс отмечал, что при анализе взаимоотношений между четырьмя подсистемами действия, а также между ними и средой действия важно не упускать из виду явление взаимопроникновения.

Так, наиболее известным примером взаимопроникновения может служить интернализация социальных объектов и культурных норм в личности индивида. Другим примером служит приобретаемое путем обучения содержание опыта, которое систематизируется и хранится в аппарате памяти индивида.

Он утверждал, что граница между любой парой систем действия представляет собой некую «зону» структурных компонентов или образований, которые могут теоретически рассматриваться как принадлежащие обеим системам, а не просто относимые к какой-то одной из них.

Так, например, было бы неверно утверждать, что извлекаемые из социального опыта нормы поведения, которые и З. Фрейд (в понятии суперэго), и Э. Дюрк-

¹ Парсонс Т. Общий обзор ... С. 365.

² Парсонс Т. Введение ... С. 27.

³ Там же, С. 28.

⁴ Ссылается на работы М. Вебера. Weber M. The Sociology of Religion. Boston: Beacon Press, 1963.

гейм (в понятии коллективного сознания) рассматривали как составную часть личности индивида, должны считаться либо таковой, либо частью социальной системы¹.

Именно благодаря зонам взаимопроникновения может осуществляться процесс обмена между системами².

Это особенно верно в отношении уровней символических значений и обобщенных мотиваций. Для того чтобы быть способными к символической «коммуникации», индивиды должны располагать общими для них культурно организованными кодами (например, языком), которые одновременно интегрированы и в системы их социальных взаимодействий. Для того чтобы личность могла пользоваться хранящейся в центральной нервной системе информацией, поведенческий организм должен иметь механизмы мобилизации и поиска, которые посредством интерпретации обслуживают мотивации, организованные на личностном уровне.

Таким образом, социальные системы предстают как системы «открытые», находящиеся в состоянии постоянного обмена на входах и выходах в окружающую среду. Кроме того, они изначально дифференцированы на различные подсистемы, которые также постоянно вовлечены в процессы обмена.

Социальные системы — это системы, образуемые состояниями и процессами социального взаимодействия между действующими субъектами. Если бы свойства взаимодействия можно было вывести из свойств действующих субъектов, то социальные системы были бы эпифеноменом, на чем настаивают «индивидуалистские» социальные теории. Парсонс же исходит из резко противоположной позиции, в частности, из утверждения Дюркгейма, согласно которому общество — и другие социальные системы — есть особая реальность (*sui generis*). *Тогда структуру этих социальных систем можно анализировать, применяя четыре типа независимых переменных: ценности, нормы, коллективы и роли*³.

Ценности занимают ведущее место в том, что касается исполнения социальными системами функции по сохранению и воспроизводству образца, так как они суть не что иное, как представления о желаемом типе социальной системы, которые регулируют процессы принятия субъектами действия определенных обязательств.

*Нормы*⁴ — это переменные, основная функция которых — интегрировать социальные системы. Они конкретны и специализированы применительно к отдельным социальным функциям и типам социальных ситуаций⁵.

Нормы не только включают элементы ценностной системы, конкретизированные применительно к соответствующим уровням в структуре социаль-

¹ Parsons T. The Superego and the Theory of Social Systems // Social Structure and Personality. New York: Free Press, 1964.

² Парсонс Т. Система современных обществ / Пер. с англ. Л.А. Селова и А.Д. Ковалева. Под ред. М.С. Ковалевой. М.: Аспект Пресс, 1998. С. 16.

³ Parsons T. General Theory in Sociology // Sociology today / Ed. by R.K. Merton, L. Broom. L.S. Cottrell. New York: Basic Books, 1959. Harper, 1955.

⁴ Норма — руководящее начало, правило, образец. Социальная норма — образец, правило, принцип деятельности, признанные социальной системой и в той или иной форме заданные для исполнения ее членам.

⁵ Парсонс Т. Система современных обществ ... С. 17.

ной системы, но и содержат конкретные способы ориентации для действия в функциональных и ситуационных условиях, специфичных для определенных коллективов и ролей¹.

Коллективы принадлежат к числу тех структурных компонентов, для которых наиболее важна целедостиженческая функция. Отбрасывая многочисленные случаи крайне неустойчивых групповых систем, таких, как толпа, Парсонс считал коллективами только такие системы, которые отвечают двум критериям.

Во-первых, они должны иметь определенный статус членства, так что в целом может быть проведено четкое различие членов и не членов данного коллектива — критерий, применимый в широчайшем спектре случаев — от элементарной семьи до политических сообществ.

Во-вторых, внутри коллектива должна наличествовать дифференциация его членов по статусам и функциям, так что от некоторых членов ожидается, что они будут делать нечто определенное — то, чего не ожидают от других.

Роль — это такой структурный компонент, который в первую очередь выполняет адаптивную функцию. С ее помощью определяется класс индивидов, которые посредством взаимных ожиданий включаются в тот или иной коллектив. Поэтому роли охватывают основные зоны взаимопроникновения социальной системы и личности индивида. Какая-то отдельно взятая роль, однако, никогда не составляет отличительную особенность конкретного индивида.

Например, отец является особым отцом только для своих детей; с точки же зрения ролевой структуры своего общества он — всего лишь один из категории отцов. Одновременно он также участвует во множестве других видов взаимодействия, в частности, выполняет свою роль в профессиональной структуре.

То, что социальные системы представляют собой особую реальность, для Парсонса означает, что все перечисленные типы их структурных компонентов являются по отношению друг к другу независимыми переменными.

Так, высокоабстрактные ценностные образцы вовсе не всегда узаконивают одни и те же нормы, коллективы и роли при любых обстоятельствах. Точно так же многие нормы регулируют действия бесчисленного множества коллективов и ролей, но лишь в определенной части их действий. Поэтому коллектив обычно функционирует под контролем большого числа специальных норм. В нем всегда наличествует множество ролей, хотя почти каждая значительная роль исполняется во множестве конкретных коллективов.

Тем не менее социальные системы состоят из комбинаций этих структурных компонентов. Для того чтобы достичь стабильной институционализации, коллективы и роли должны «руководствоваться» конкретными ценностями и нормами, а сами ценности и нормы институционализируются только постольку, поскольку они «воплощаются в жизнь» конкретными коллективами и ролями².

Итак, хотя социология и имеет дело с социальными системами, она занимается лишь одним, функциональным аспектом социальных систем. А именно — изучает структуры и процессы, имеющие отношение к интеграции

¹ Парсонс Т. Система современных обществ ... С. 17–18.

² Там же. С. 18.

этих систем, включая, конечно, и случаи неудавшейся интеграции, равно как и силы, благоприятствующие интеграции или же препятствующие ей¹. Это ее основная проблема как теоретической дисциплины².

Под интеграцией Парсонс подразумевает в данном контексте такие структуры и процессы, посредством которых отношения между частями социальной системы — людьми, играющими те или иные роли, коллективами и компонентами нормативных стандартов, — либо упорядочиваются способом, обеспечивающим гармоничное их функционирование в соответственных связях друг с другом в системе, либо, наоборот, не упорядочиваются, причем тоже каким-нибудь определенным и объяснимым способом³.

Интеграция социальной системы имеет как негативный, так и позитивный аспекты. Негативный аспект связан с отсутствием или сведением к минимуму действия, вследствие чего интеграция системы нарушается из-за взаимных помех и противоборств, которые во многом независимы от намерений участвующих единиц.

Классическим примером, по Парсонсу, является транспортный затор. Можно с уверенностью утверждать, что лишь в крайне редких случаях какая-нибудь группа водителей намеренно создает «пробку», но подобная «пробка» сплошь и рядом возникает вследствие того, что слишком большое количество водителей пытается одновременно использовать одну и ту же дорожную систему в условиях отсутствия достаточно эффективного контроля над уличным движением.

Позитивная интеграция (позитивный аспект интеграции), напротив, представляет собой явление взаимной поддержки, взаимного содействия друг другу единиц социальной системы, рассматриваемое в перспективе «функционирования» этой системы как целого. Типичным примером может служить явление кооперации в деле разрешения групповой задачи⁴.

Таким образом, не просто интеграцию социальной системы, а прежде всего те структуры и процессы, которые имеют отношение к ее интеграции (и которые он называет «институциональным аспектом социального действия»), Парсонс и делает главным предметом своего социологического анализа.

2.2.6. Институциональный аспект социального действия

Институциональный аспект социального действия — это область, в которой выявляются действующие в социальных системах нормативные экспектации (ожидания. — Н. О.)⁵, которые коренятся в культуре и определяют,

¹ Парсонс Т. Общий обзор ... С. 364.

² Парсонс Т. Введение ... С. 27.

³ Парсонс Т. Общий обзор ... С. 364.

⁴ Там же. С. 365.

⁵ Далее по тексту — ожидания. Термин «экспектации» (от англ. expectation) иногда обозначают нормативные социальные ожидания. Понятие социальных ожиданий используется для описания взаимосвязи между функциями социальных систем и деятельностью индивидов, включенных в эти системы. Это субъективные ориентации (совокупность установок, стереотипов поведения, ожиданий, убеждений, намерений и т. п.), разделяемые членами социальной группы (или обществом в целом) относительно предстоящего хода событий, обеспечивающие познавательную готовность индивидов к этим событиям. В устойчивой

что именно надлежит делать при тех или иных обстоятельствах людям (действиям. — Н. О.), находящимся в различных статусах и ролях одного или нескольких различных значений⁶.

Эти нормативные ожидания интегрируются с мотивами деятелей в ролях, то есть с тем, что они «испытывают побуждение» сделать или «хотят сделать» в соответствующих ситуациях и обстоятельствах. Однако, поскольку социология ориентирована не на личность отдельного человека, а на социальные системы, то она интересуется прежде всего коллективами, составленными из людей, а не самими этими людьми, пусть даже исполняющими роли. Поэтому, когда речь идет о мотивации, то в центре внимания находятся типы мотивов людских сообществ, их сравнительная распространенность и обусловленное ими поведение, а не индивидуальные случаи⁷.

Далее Парсонс обращается к рассмотрению некоторых общих условий интеграции подобных социальных систем, в рамках которых выделяет нормативный и мотивационный аспекты.

В отношении нормативного аспекта таким условием является достаточная степень непротиворечивости, определенности и обобщенности норм, определяющих обязательства.

Нормы, которые призваны служить руководством к действию для отдельных исполняющих роли людей и для коллективов, являются непротиворечивыми, если они согласованы между собой на двух уровнях:

- 1) в различных контекстах действия одного и того же человека или коллектива;
- 2) на уровне социальной системы в целом, поскольку одни и те же нормы применяются в различных конкретных ситуациях.

Если говорить о таких условиях, как «определенность» и «обобщенность» норм, то эти условия на одном из уровней, обозначенных выше, могут показаться несовместимыми.

Например, многие нормативные системы достигают определенности, по сути дела, ценою отказа от обобщенности, как это имеет, например, место в некоторых системах «религиозного права».

Однако оба эти критерия могут оказаться совместимыми на высоких уровнях, если удастся использовать общие принципы для четкого определения пределов свободы и самостоятельности в действиях, а также способов соединения различных принципов при определении нормативных ожиданий для конкретных классов ролей или действий.

Так, принцип «равной для всех защиты со стороны закона» запрещает конгрессу некоторые типы дискриминационного налогообложения, но налоговые обязательства каждого данного гражданина могут при всем том получить совершенно точное определение.

Вых социальных групп социальные ожидания отражают необходимость согласованных действий: от каждого участника ожидается определенный комплекс мысли, чувств и поступков, соответственно его месту в социальной системе. При этом каждый участник этой системы должен ориентироваться не только и столько на действия других участников, сколько на их ожидания определенных действий с его стороны.

⁶ Парсонс Т. Общий обзор ... С. 365.

⁷ Там же. С. 365–366.

С одной стороны, уровень обобщенности нормативной системы имеет первостепенное значение для сочетания высокого уровня социальной интеграции с высокой адаптивностью в экономическом смысле и высокой эффективностью — в политическом.

С другой стороны, определенность имеет первостепенное значение для мотивации участников. Неопределенность в системе обязательств является главным источником широко распространенного типа отклонений, которому Э. Дюркгейм, первый описавший его, дал название аномия¹.

Т. Парсонс подчеркивал, что содержание нормативных ожиданий не зависит от способа их санкционирования.

Первой важной особенностью нормативных ожиданий является то, что во всех высокоразвитых обществах основная часть нормативной системы имеет правовой статус. Это означает, что права и обязанности имеют обязательные для всех определения, установленные государственными учреждениями; предусматриваются конкретные наказания за их несоблюдение; специальным государственным органам поручается их истолкование и принудительное осуществление.

Однако, согласно Парсонсу, правовая система никогда не исчерпывает собой нормативного содержания, поэтому значение всегда имеют и многие другие, неправовые санкции. Более того, обе эти области независимы друг от друга: нормы, имеющие правовой статус, санкционируются не только правовыми, но и другими способами, а неправовые нормы иной раз принудительно проводятся в жизнь.

Второй важнейшей особенностью нормативных ожиданий экспектаций наряду с правовым статусом является так называемое «моральное обоснование»². Это означает, что фактическая эффективность правовых систем во многом зависит от получаемой ими моральной поддержки как систем, обладающих, с точки зрения большинства людей, на которых распространяется их действие, «внутренне присущей» им справедливостью.

Согласно Парсонсу имеются еще два важных типа санкций и, следовательно, оснований для того, чтобы соответствовать нормативным обязательствам.

Первым из этих типов является обязательство действовать «рационально» в экономических и политических контекстах. Иногда это обязательство подлежит принудительному санкционированию, чаще же — нет.

Так, например, разного рода расточительность обычно сурово осуждается, неспособность справиться с практическими задачами также не вызывает к себе благосклонного отношения.

Вторым из этих типов санкций, более характерным для социальной интеграции, является обязательная лояльность, которая требуется от индивида как члена коллектива в обмен на солидарность, проявляемую этим коллективом по отношению к данному индивиду³.

Относительно независимо от юридического обязательства и от чисто моральных соображений членство в коллективах обычно влечет за собой обязательства быть лояльными, поддерживать коллектив и его членов именно как членов данного коллектива, даже если порой такие обязательства доходят до крайности⁴.

¹ Парсонс Т. Общий обзор ... С. 357.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 368.

Парсонс утверждает, что когда система норм интегрируется предположительно с эффективной совокупностью поддерживающих санкций, то тогда она институционализируется. Как правило, это означает, что охарактеризованные выше типы санкций действуют не порознь, а в той или иной группировке, так что каждый данный компонент нормативной системы в дополнение к тому, что определяемые им обязательства соблюдаются добровольно, подкрепляется еще и санкциями двух или более типов¹.

Следует отметить, что категория, которую Т. Парсонс назвал «моральной обязательностью», занимает в его системе санкций особое место.

Моральная обязательность того или иного образа действий — это та самая обязательность, которая предписывает не только совершать одни действия и воздерживаться от других, но также уважать определенные области свободы других людей и брать на себя ответственность за свое собственное надлежащее использование свободы в таких же пределах. Она служит проявлением в действии приверженности ценностям и, следовательно, главной точкой сочленения социальной общности с нормативным аспектом культурной системы².

По Парсонсу, *ценности* — часть структуры социальной системы. Это общепринятые представления о желательном типе социальной системы — прежде всего об обществе в представлении его собственных членов³.

Соединение системы норм и социальных ожиданий с «регулирующими» их ценностями получило у него название *легитимизации (узаконивания) нормативной системы*. Именно здесь находится важная точка сочленения социальной системы с системой культурной⁴.

Он считал, что можно говорить о том, что *ценности, так же как и нормы, институционализируются*:

— во-первых, в той мере, в какой основные очертания нормативных ожиданий, институционализированных в обществе, согласуются с ценностными ориентирами, на которые принято ссылаться при возникновении проблемы легитимизации⁵;

— во-вторых, в той мере, в какой такая отсылка к ценностям обоснования разрешает проблему легитимизации в том смысле, что «понимание» связи между ценностью и нормой активизирует реальное осуществление ценностных приверженностей всеми, кто их разделяет.

Например, ценностные ориентиры американского общества содержат, прежде всего, такие исторические документы, как Декларация независимости, преамбула к Конституции и Билль о правах.

Далее Парсонс обращался к рассмотрению второго — мотивационного аспекта интеграции социальной системы. В данном аспекте, отмечал он, речь идет о мотивации индивида на личном уровне. Однако, пока индивид рассматривается как участник более или менее институционализированной системы социального взаимодействия, можно говорить о нем как об исполнителе роли.

¹ Парсонс Т. Общий обзор ... С. 368.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

Роль, в соответствии с общей аналитической концепцией социальной системы, рассматривается Т. Парсонсом как «сектор» конкретной системы действия данного индивида. Этот сектор одновременно подчинен определенной совокупности нормативных ожиданий на уровне социальной системы и связан с совокупностью взаимодействий с другими исполнителями (индивидами) так, что вместе они составляют коллектив¹.

Коллектив в таком случае — это единица социальной системы, образуемая социальным взаимодействием множества отдельных индивидов в ролях, а также управляемая соответствующим образом специфицированной совокупностью нормативных обязательств².

Тогда в центре внимания социологического анализа будет находиться сочленение между нормативными системами и коллективами, в то время как роли являются компонентами, более «удаленными» по направлению к личностным системам, а ценности — компонентами, более «удаленными» в сторону культурных систем.

Согласно Парсонсу, институционализацию нормативной системы дополняет собой интернализация (усвоение. — Н. О.) системы нормативных ожиданий в личности отдельного человека³. Это предполагает, что общим результатом интеграции явится совокупность ожиданий, приносящая удовлетворение участвующим в ее реализации индивидам, что в каком-то смысле тождественно культурной легитимизации нормативной системы⁴.

Парсонс исходит из того, что конкретный индивид в рамках своей роли усваивает определенную целевую структуру. В самом широком смысле это тот аспект интернализации, который психологически коренится в интернализации мотивов достижения, конкретизируемых в виде приемлемых для данного общества и данной совокупности ролей в этом обществе ценностных ориентиров, на которые эти мотивы направлены⁵.

Однако приверженность к определенным уровням и типам ролевого достижения должна подкрепляться мотивационной заинтересованностью в соответствующем напряжении исполнительских способностей. Это, разумеется, оказывается возможным и приносит индивидам удовлетворение только в том случае, когда общество предоставляет им должную структуру благоприятных условий деятельности.

Наконец, поскольку индивид должен действовать в системе коллективов, основным условием их солидарности — что в свою очередь представляется Парсонсу важнейшим аспектом интеграции социальной системы — является интернализация мотивации соблюдения надлежащих уровней лояльности по отношению к коллективным интересам и потребностям. Такой процесс — интернализации этих мотивационных структур — он называл социализацией⁶.

Социализация представляет собой соединение индивидуальной мотивации с функциональными потребностями общества. В основе этого процесса лежит генетически данная пластичность человеческого организма и его способность к обучению. Ранние стадии этого процесса повсеместно протекают в пределах

¹ Парсонс Т. Общий обзор ... С. 369.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 369 — 370.

⁵ Там же. С. 370.

⁶ Там же.

родственных коллективов, и особенно в ядерной семье. Социализация происходит во всех социальных группах, но за пределами семьи она, конечно, наиболее сконцентрирована в коллективах, занимающихся формальным образованием, значение которого в прогрессивной степени возрастает с ходом социальной эволюции.

Чрезвычайно важной чертой социальных систем, приковывающей к себе особое внимание социологии, по Парсонсу, является плюралистический характер их структур. Главным здесь является тот факт, что ни в одном обществе индивид, вышедший из младенческого возраста, не является членом лишь одного-единственного коллектива.

Так, благодаря запрещению кровосмешения обеспечивается такое положение, при котором человек, вступив в брак, становится членом двух независимых ядерных семей — единственным их общим членом: кроме того, он принадлежит к многочисленным другим коллективам, организованным по месту жительства, профессиональной функции, общности принимаемых решений, отправлению религиозных обрядов и т. д. и т. п.

В данной связи дифференцированность общества должна сочленяться со способностями его отдельных членов успешно исполнять эти многочисленные роли, что по мере возрастания дифференциации влечет за собой потенциальную возможность возникновения конфликта ролей, а также неопределенность нормативных обязательств.

Высокодифференцированное общество по необходимости плюралистично как в коллективном, так и в нормативном отношении. Иначе говоря, одни и те же ценностные предпосылки должны служить для легитимизации целого ряда разнообразных норм, дифференцированных в соответствии с функциями действующих единиц, на которые эти нормы распространяются, и с ситуациями, в которых данные единицы вынуждены действовать.

Соответственно этому с мотивационной стороны усложнение ситуационной системы и рост ее разнообразия дает индивидам и субколлективам возможность — более того, вынуждает их — выбирать такие линии поведения, которые находятся в известном противоречии с системой нормативных ожиданий¹.

Эта возможность, разумеется, возрастает в силу того факта, что сама нормативная система никогда не бывает вполне совершенной: в ней всегда имеются элементы противоречивости, чрезмерной или недостаточной определенности, двусмысленности, чрезмерной или недостаточной обобщенности.

С одной стороны, люди оказываются мотивированными на неконформное, или, как часто говорят социологи, отклоняющееся, поведение. С другой стороны, они сплошь и рядом при всем своем желании просто-напросто не способны полностью отвечать социальным обязательствам, так как не знают, что именно им надлежит делать.

Общий процесс, посредством которого подобные расхождения между системой обязательств и фактическим поведением сводятся к минимуму, получил у Парсонса название процесса социального контроля².

¹ Парсонс Т. Общий обзор ... С. 371.

² Там же. С. 372.

Первой линией социального контроля он считал воздействие обычных санкций в процессе социального взаимодействия.

Так, общественно одобряемые достижения поощряются с помощью перспективы различного рода вознаграждений, а неодобряемое поведение предотвращается с помощью перспективы наказаний или лишения вознаграждения.

Однако важность интернализации социальных норм и ценностей в личностных системах означает, что полагаться только на более рациональные эгоистические интересы недостаточно, потому что интернализированные амбивалентности, конфликты и т. п. могут во многих случаях лишить людей возможности поступать рационально.

В данной связи сложные общества обычно вырабатывают специализированные механизмы социального контроля, которые в определенных отношениях дополняют собой механизмы социализации. Таким специализированным механизмом, Парсонс вслед за Дюркгеймом считал религиозные обряды, которые усиливают мотивацию и поддерживают социальную солидарность. В процессах социального контроля также задействованы все типы санкций, которые участвуют в процессах социального взаимодействия. К ним, в частности, Парсонс относил влияние и уровень престижа в социальной системе (объем влияния, имеющийся у социальной единицы — индивида или коллектива)¹.

2.2.7. Представления об обществе. Эволюция общества

Общество, согласно Т. Парсонсу, является особым, специфическим видом социальной системы. Оно представляет собой социальную подсистему, обладающую относительной самостоятельностью с точки зрения критериев равновесия между такими факторами, как территориально ориентированная политическая организация, доступ к экономическим ресурсам, восполнение и социализация населения и культурная легитимизация системы как независимого целого².

Это также такой тип социальной системы, который обладает наивысшей степенью самостоятельности относительно своей среды, включающей и другие социальные системы³.

Полная самостоятельность, однако, была бы несовместима со статусом общества как подсистемы системы действия. Любое общество для сохранения себя в качестве системы зависит от того, что оно получает в порядке взаимодействия с окружающими системами. И, значит, самостоятельность в отношении среды означает стабильность отношений взаимодействия и способность контролировать взаимодействие в интересах своего функционирования. Этот контроль может варьироваться от способности предотвратить или «пресечь» какие-то нарушения до способности благоприятным для себя образом формировать отношения со средой.

Общество может быть самостоятельным только в той мере, в какой оно может «полагаться» на то, что деяния его членов будут служить адекватным «вкладом» в его социальное функционирование. В случае взаимоотноше-

¹ Парсонс Т. Общий обзор ... С. 373.

² Там же. С. 362.

³ Парсонс Т. Система современных обществ ... С. 19.

ний личности и общества их абсолютная интеграция необходима не более, чем в других случаях взаимодействия, предполагающих самостоятельность. Но если подавляющее большинство членов какого-то общества испытывает крайнее «отчуждение», то говорить об этом обществе как самостоятельном нельзя.

Ядром общества как разновидности социальной системы, согласно Парсонсу, является структурированный нормативный порядок, посредством которого организуется коллективная жизнь населения. Как порядок он содержит ценности, дифференцированные и специфицированные нормы и правила, причем только соотносительность с культурой придает им значимость и легитимность. Этот нормативный порядок также задает критерии принадлежности тех или иных индивидов к обществу.

Интеграция в общество его членов подразумевает наличие зоны взаимопроникновения между социальной и личностной системами. Однако это отношение Парсонс рассматривает как в основном трехстороннее, поскольку части культурной системы, так же как и части социальной структуры, интернализированы в личностях, но в то же время части культурной системы институционализированы в обществе.

На социальном уровне институционализированные ценностные образцы выступают в виде «коллективных представлений»¹, которые определяют желаемый тип социальной системы. Эти представления соотносятся с концепциями типов социальных систем, с помощью которых индивиды ориентируются при реализации себя в качестве членов общества. Следовательно, именно консенсус членов общества по поводу ценностной ориентации их собственного общества означает институционализацию ценностного образца. Безусловно, такого рода консенсус достигается в разной степени. И в этом контексте самостоятельность определяется степенью, в которой институты общества легитимизированы согласованными ценностными приверженностями его членов.

Парсонс аналитически разделил общество на четыре основные подсистемы: подсистему социализации, политическую подсистему, экономическую подсистему и социальное сообщество. За каждой из этих подсистем он закрепил одну из своих четырех универсальных функций (см. табл. 2).

Таблица 2

Структура общества и функции его подсистем

Общество			
Структура / функции			
Социализация системы / L	Социальное сообщество / I	Политическая система / G	Экономическая система / A

Подсистема социализации выполняет функцию сохранения и воспроизводства образца, которая преимущественно касается отношений общества с культурной системой и через нее с высшей реальностью.

¹ «Коллективные представления» — понятие, заимствованное Т. Парсонсом у Э. Дюркгейма, которое он рассматривает в качестве ценности в веберовском смысле этого слова, а именно как особую форму коллективных представлений. [Parsons T. Structure of Social Action. New York: Free Press, 1968. Ch. 11.]

Политическая подсистема имеет функцию достижения цели и устанавливает отношения с личностными системами индивидов.

Экономическая подсистема наделена функцией адаптации, посредством которой связывается с поведенческим организмом и через него с материальным миром.

Т. Парсонс считал, что эти различия носят наиболее явственный и наиболее важный характер применительно к обществам, далеко продвинутым по шкале модернизации.

Однако сама сложность отношений как между подсистемами системы действия, так и между подсистемами общества мешает четко проводить эти различения. Например, структуры родства могут быть помещены в каждую из трех упомянутых подсистем. Через свое отношение к питанию, сексу, биологическому происхождению и месту обитания они замыкаются на организм и физическую среду. Как первичный источник начального приобщения к ценностям, нормам и средствам коммуникации они теснейшим образом связаны с системой воспроизводства образца. Как первичный источник социализации они выходят на политическую подсистему.

В рамках такого рассмотрения ядром общества как разновидности социальной системы, по Парсонсу, является четвертый компонент — социальное сообщество, выполняющее интегративную функцию. Поскольку Парсонс интерпретирует социальную систему как функционально интегративную для систем действия в целом, то особое внимание он уделяет тому, как она обеспечивает или, наоборот, не обеспечивает различные порядки и уровни внутренней интеграции. В данной связи самой общей функцией социального сообщества является сочленение системы норм (нормативного аспекта) с коллективной организацией, обладающей единством и внутренней логикой.

Следуя М. Веберу, он называет нормативный аспект системы легитимным порядком, а коллективный аспект предлагает именовать социальным сообществом, обладающим свойствами единого, имеющего определенные границы коллектива.

Социальный порядок требует ясной и определенной интеграции в смысле последовательности нормативного строя, с одной стороны, и социальной «гармонии» и «координированности» — с другой. Более того, необходимо, чтобы нормативно определенные обязательства были усвоены, в то время как коллективы при выполнении своих функций и для отстаивания своих законных интересов должны иметь в своем распоряжении нормативную санкцию. Таким образом, нормативный порядок на социальном уровне содержит «решение» поставленной Т. Гоббсом проблемы — как уберечь человеческие отношения от вырождения в «войну всех против всех».

Парсонс отмечал, что важно не допускать трактовку структуры социальных норм как монолитной целостности¹. Поэтому он аналитически различал четыре ее составляющих, хотя в конкретной реальности они в высшей степени перемешаны между собой. Эти различия касаются оснований обязанностей и прав, а также характера санкций за нарушение норм и вознаграждений за их соблюдение или за высокий уровень их исполнения.

¹ Парсонс Т. Система современных обществ... С. 23.

Таким образом, основная функция социального сообщества как интегративной подсистемы состоит в том, чтобы определять обязательства, вытекающие из лояльности по отношению к социальному коллективу, как для его членов в целом, так и для различных категорий дифференцированных статусов и ролей внутри общества¹.

Так, в большинстве современных обществ готовность к военной службе является проверкой лояльности для мужчин, но не для женщин. Лояльность состоит в готовности откликнуться на должным образом «обоснованный» призыв, сделанный от лица коллектива или во имя «общественного» интереса или потребности.

Нормативная проблема состоит в определении тех случаев, когда подобный отклик устанавливает обязанность. В принципе, в лояльности нуждается любой коллектив, но особую важность она имеет для социального сообщества. Обычно от имени и в интересах социальной лояльности выступают государственные органы, они же следят за выполнением соответствующих норм. Однако существуют и другие общественные инстанции, пользующиеся таким же правом, как государство, но не являющиеся просто разновидностями его структур. Особую важность в этом плане представляют отношения между лояльностями подгрупп и индивидов по отношению к социальному коллективу, т. е. всему обществу, и по отношению к другим коллективам, членами которых они являются.

Согласно Парсонсу, фундаментальной чертой всех человеческих обществ является ролевой плюрализм, участие одних и тех же людей в ряде коллективов. Расширение ролевого плюрализма он считает важной составляющей процессов дифференциации, ведущих к становлению общества современного типа. Поэтому одной из значительных проблем интеграции, стоящих перед социальным сообществом, является у него проблема регулирования лояльностей его членов по отношению к нему самому и к другим различным коллективам².

Так, непосредственной проблемой для большинства индивидов является проблема выбора и уравнивания своих обязательств в случаях конфликта конкурирующих между собой лояльностей.

Например, нормальный взрослый мужчина в обществах современного типа одновременно является работником и членом семьи.

И хотя требования, предъявляемые этими двумя ролями, часто находятся в конфликте, большинство мужчин жизненно заинтересованы в сохранении лояльности обоим ролям.

Социальное сообщество представляет собой сложную сеть взаимопроникающих коллективов и коллективных лояльностей, систему, для которой характерны дифференциация и сегментация.

Так, семейные ячейки, деловые фирмы, церкви, правительственные учреждения, учебные заведения и т. п. отделены друг от друга (дифференцированы).

¹ Парсонс Т. Система современных обществ... С. 24.

² Там же.

К тому же каждый такой тип коллектива состоит из множества конкретных коллективов, например из множества семей, каждая из которых насчитывает лишь несколько человек, и из многих локальных сообществ¹.

Лояльность по отношению к социетальному сообществу должна занимать высокое место в любой устойчивой иерархии лояльностей и потому является предметом особой заботы всего общества. И все-таки высшее место в этой иерархии принадлежит не ей, а культурной легитимизации нормативного порядка общества. В первую очередь она действует через институционализацию системы ценностей, которая является составной частью и социетальной, и культурной систем. Затем выборочные ценности, являющиеся конкретизациями общих ценностных образцов, становятся частью каждой конкретной нормы, интегрированной в легитимный порядок. В системе норм, которые управляют лояльностями, следовательно, права и обязанности различных коллективов должны быть согласованы не только между собой, но и с легитимными основаниями порядка в целом.

С иерархической точки зрения нормативное упорядочение социетального сообщества в терминах членства подразумевает существование стратификационной шкалы. Это шкала признаваемого и легитимизированного (в той мере, в какой усвоены нормы и ценности) престижа входящих в это сообщество в качестве его членов коллективов, отдельных лиц, а также статусов и ролей, распространенных в этом сообществе. Таким образом, оно должно быть скоординировано как с универсальными нормами, определяющими статус членства, так и с определенным разделением функций коллективов, статусов и ролей, которое в общем-то не обязательно предполагает наличие иерархии. Конкретная стратификационная система, таким образом, представляет собой сложную функцию всех этих составляющих².

Согласно Парсонсу, ввиду существования ролевого плюрализма возникает особо сложная проблема статуса индивидов в стратификационной системе.

Стратификационные механизмы исторически имели обыкновение рассматривать индивидов прежде всего с точки зрения их принадлежности к большим коллективным системам, членство в которых определяло их статус. Подобную роль играли родовые коллективы, этнические группы, сословия, социальные классы. Однако современное общество требует высвобождения индивидуальных статусов из такого рода коллективных уз, с чем и связан особый характер современных систем стратификации.

Положение коллектива или индивида в стратификационной системе измеряется уровнем его престижа или способностью оказывать влияние. Последнее Парсонс рассматривал как одно из обобщенных символических средств социетального обмена, наряду с деньгами и властью. Оно состоит в способности добиваться от других социальных агентов желаемых решений, не предъявляя им в качестве соблазна какого-то ценного «статус-кво» и не угрожая им какими-либо пагубными последствиями.

¹ Парсонс Т. Система современных обществ ... С. 25.

² Там же. С. 26.

Это влияние должно действовать через убеждение объекта воздействия в том, что то решение, которое внушает ему субъект влияния, означает действие в интересах коллективной системы, с которой оба они солидарны. Оно прежде всего апеллирует к коллективному интересу, но обычно исходит из того, что обе стороны, обеспечивая коллективный интерес и взаимную солидарность, удовлетворяют и свои частные интересы.

Типичным случаем использования влияния является убеждение кого-либо вступить в контрактные отношения, основанные на «честном слове», или проголосовать за определенного политического кандидата³.

Влияние может обмениваться на какие-то подходящие случаю блага или на другие формы влияния в том смысле, в каком денежные ресурсы могут использоваться для покупки товаров, а могут накапливаться или обмениваться на другую валюту. Влияние может обмениваться и на другие обобщенные средства обмена, такие, как деньги или власть.

В целом, наличие высокодифференцированной культурной системы со сложной сетью взаимосвязей является отличительной чертой современных, модернизированных обществ⁴.

Т. Парсонс всегда подчеркивал, что ввиду своей особой заинтересованности проблемами интеграции социальных систем социология, естественно, склонна придавать особое значение тем условиям, которые обеспечивают стабильность общества. Однако не менее важными он считал и процессы социальных изменений, которые являются предметом такого же основополагающего теоретического анализа, как и процессы, посредством которых поддерживаются порядок и устойчивость.

В рамках концепции социальных изменений, которую он назвал «парадигмой эволюционных изменений», Парсонс отдавал явное предпочтение эволюционным идеям, под влиянием которых социология «делала свои первые шаги»⁵.

Он развивал эволюционную теорию изменения, «вытащив из сундука» часто используемую функционалистами аналогию с биологическими организмами. На этот раз им поверхность были вынесены способы, посредством которых ячейка (общество, элементы общества) делится и размножается. Этот процесс, который можно увидеть под микроскопом, где видно деление клеток — они делятся на две и затем четыре, и так далее. Для Парсонса развитие человеческого общества происходит подобным образом⁶.

Простые общества могут рассматриваться как единственная клетка, которая сначала делится на четыре подсистемы общей системы действия, а затем, в свою очередь, каждая из этих систем делится снова. Этот процесс происходит в три стадии: новая подсистема дифференцирует себя; устанавливает порядок посредством процессов адаптации и реинтеграции; наконец, легитимизирует общую систему ценностей на самом высоком уровне⁷.

Таким образом, первым элементом парадигмы эволюционных изменений у Парсонса стал процесс дифференциации.

¹ Парсонс Т. Система современных обществ ... С. 26.

² Там же. С. 27.

³ Парсонс Т. Общий обзор ... С. 377.

⁴ Craib I. Modern Social Theory. From Parsons to Habermas ... P. 48.

⁵ Ibid.

Парсонс, как известно, считал, что любое общество состоит из ряда подсистем, различающихся как по структуре, так и по своему функциональному значению. По мере развития общества из этих подсистем выделяются новые подсистемы. Этого, однако, недостаточно: эти новые подсистемы должны быть и более адаптивными. Таким образом, вторым существенным элементом эволюционной парадигмы Парсонса стало *адаптивное обновление*.

Он описал этот процесс так: «если роль дифференциации состоит в создании сбалансированной, более развитой системы, каждая вновь выделяющаяся подструктура... должна обладать повышенной способностью к адаптации для выполнения своей первичной функции по сравнению с выполнением этой функции в предшествующей, более расплывчатой структуре... Мы можем назвать этот процесс аспектом адаптивного обновления в цикле эволюционных изменений»¹.

Более конкретный пример можно позаимствовать у самого Парсонса, когда он описывал переход от основанных на сельском хозяйстве крестьянских обществ к индустриальным обществам, который включает процесс отделения экономической системы от системы социализации. В то время как в доиндустриальных обществах семейная единица была также главной единицей экономического производства, семейного холдинга, а ее члены совместно обрабатывали землю, (хотя с и имело место некоторое разделение труда), процесс индустриализации перенес труд работу на фабрики и офисы, а семейная жизнь ограничилась домашним хозяйством.

Для того чтобы такое «разделение» оказалось успешным, Парсонс утверждает, что у него должна быть большая адаптивная способность; в новых индустриальных единицах работа может быть выполнена более эффективно и рационально, с большой производительностью, она выполняет свои функции социализации более эффективно, когда она отделена от экономических функций. Процесс интеграции включает координацию двух подсистем (по-видимому, принятие законов, запрещающих женщинам и детям определенные занятия) и развитие новой экономической иерархии контроля, так как отец семьи больше не выполняет ту роль. Обе подсистемы должны быть объединены в более широкие социальные и политические сообщества, и в конце концов должна развиться система ценностей, включающая новое распределение статусов и ролей².

Далее, Парсонс утверждал, что процесс дифференциации порождает для общества *новый ряд проблем интеграции*.

С ростом числа подсистем общество сталкивается с новыми проблемами координации функционирования этих элементов. Для управления более разветвленными подсистемами требуется более широкий набор умений и способностей. Человеческие способности нужно высвободить так, чтобы эти способности могли быть использованы обществом. Другими словами, группы, которые раньше были отстранены от участия в развитии системы, надо включить в этот процесс в качестве равноправных членов общества.

Наконец, ценностная система общества должна претерпеть изменения, так как социальные структуры и функции становятся все более дифференцированными. Но поскольку новая система более разнообразна, ценно-

¹ Parsons T. Societies. Englewood Cliffs, New Jersey: Prentice Hall, 1966. P. 22.

² Следует отметить, что Парсонс упоминает только вторую из них.

стной системе труднее охватить ее. Поэтому более дифференцированному обществу требуется такая ценностная система, которая «выражается на более высоком уровне обобщения, чтобы узаконить большой набор целей и функций ее субэлементов». Однако этот процесс распространения ценностей зачастую происходит не гладко, так как встречает сопротивление со стороны групп, приверженных собственным ограниченным ценностям системам.

Социальное изменение и конфликты вписаны Парсонсом в его общую парадигму эволюции, поскольку рассматриваются им как продолжение процесса адаптации различных систем друг к другу.

Одним из источников изменения, по Парсонсу, служит распространение отклоняющегося поведения, — большинство конфликтов содержит в качестве существенных ингредиентов то, что может быть с полным основанием названо отклоняющимся поведением.

Он выделяет и целый ряд других источников изменения, которые отчасти свойственны самой социальной системе, а отчасти связаны с состоянием и способами взаимозависимости различных ее компонентов.

Например, хотя темпы роста народонаселения отнюдь не независимы от социальных систем, они, как это с очевидностью вытекает из опыта большинства стран современного мира, могут стать наряду с климатическими изменениями, истощением природных ресурсов и многими другими явлениями того же порядка чрезвычайно важным, относительно независимым фактором.

Важнейшие из всех факторов изменения коренятся, по его мнению, в культурных системах. Особо важным культурным источником изменения является развитие науки, которое, понятно, так же как и развитие религии, представляет собой составную часть социального процесса.

Парсонс полагал, что в принципе все факторы, воздействующие на поведение людей, физическая среда и биологический состав населения, психологические, экономические, политические, правовые и прочие интрасоциетальные факторы, а также факторы культурной системы, — заслуживают подробного рассмотрения в качестве факторов социальных изменений. При этом очень многое зависит не только от конкретного случая, но и от характера рассматриваемой проблемы изменения³.

В целом у Парсонса эволюция проходит ряд циклов, но ни один из них (как всеобщий процесс) не влияет на все общества равным образом. Некоторые общества могут поощрять эволюцию, в то время как другие могут «быть столь заняты внутренними конфликтами или другими помехами», что задерживают эволюционный процесс или даже могут «вырождаться»⁴.

Хотя Парсонс понимал эволюцию как стадийный процесс, он настороженно относился к однолинейной эволюционной теории: «Мы не понимаем социетальную эволюцию как протяженный или просто линейный процесс, но можем различать основные уровни прогресса, не упуская из виду значительной изменчивости, обнаруживаемой в каждом»⁵, — писал он. Поясняя, что намеренно упрощает ситуацию, Парсонс выделял три стадии эволюции:

¹ Parsons T. Общий обзор ... С. 377.

² Parsons J. Societies. Englewood Cliffs, New Jersey: Prentice Hall, 1966. P. 23.

³ Ibid. P. 25.

1) примитивную; 2) промежуточную; 3) современную, которые рассмотрел с помощью анализа конкретных обществ¹.

Т. Парсонс — крупнейший представитель структурного функционализма, благодаря которому это направление стало в социологии действительно авторитетным. Его творчество этого ученого образовало сердцевину данного направления, а студенты и последователи сыграли значимую роль в его популяризации и развитии. Таким образом, в результате тридцатилетних усилий Парсонса произошел заметный сдвиг в отношении того места, которое социология занимала в интеллектуальной культуре общества.

Так, он писал: «Не будет преувеличением сказать, что со времен Рикардо и после — в период огромной популярности Маркса — экономическая наука считалась ключевой дисциплиной для понимания социального мира, причем интерес к экономике в этом плане в общем и целом вытеснил предшествовавшие ему преимущественно политические интересы. На короткое время в центре внимания оказывались различные психологические теории, особенно те, которые были связаны с психоанализом. Однако в наши дни в центр научных интересов начинает перемещаться социология. Несомненно, как научная дисциплина, социология все еще находится на раннем этапе своего развития, но она делает большие успехи»².

В конце 60-х гг. XX столетия концептуальная схема Т. Парсонса стала предметом серьезной и многоаспектной критики со стороны представителей практически всех других направлений в социологии. Конфликтологи, феноменологи, этнометодологи, постфрейдисты, неомарксисты, леворадикалы сделали теоретические построения этого социолога объектом острой полемики. При этом большая часть критических выпадов в сторону Парсонса касалась чрезмерной объективности, тавтологичности и статичности его системы, игнорировании им социальной динамики и конфликтных ситуаций, отсутствия классового анализа, приверженности консервативной идеологии и т. п.

Однако вряд ли такая критика была оправданной. На самом деле ученый, приверженный одному направлению, не должен переключаться с преобладающих в нем акцентов на другие. Структурный функционализм и теории конфликта интересуются разными сторонами систем действия; символический интеракционизм и его варианты — отдельными взаимодействиями социальных субъектов и т. д. *Парсонс не мог придать первостепенное значение одновременно всем этим параметрам социальной жизни, что и предопределило специфику его общей теории действия. Он просто рассматривал ее разные аспекты на различных стадиях своей карьеры*³.

Многоплановая критика Т. Парсонса может расцениваться и как достоинство его теоретических построений. На самом деле, большинство последующих социологических теорий выстраивались именно в полемике с ним, оспаривая, оппонировав и даже заимствуя ряд положений, понятий и принципов, введенных в оборот социологической науки этим ученым.

В 1980-х гг. в среде обществоведов возродился интерес к взвешенному и содержательному анализу научного наследия Т. Парсонса. Сегодня историю социологии XX в. невозможно адекватно «представить» без фигуры этого выдающегося ученого. Парсонс до сих пор он остается тем социологом, тру-

¹ См. подробнее: Парсонс Т. Система современных обществ ...

² Парсонс Т. Общий обзор ... С. 379.

³ Craib I. Modern Social Theory. From Parsons to Habermas ... P. 58.

дом которого, хотя неоднозначно оцениваемые и порождающие дискуссии, продолжают оказывать огромное влияние не только на американских социологов, но и на представителей практически всех социальных наук в рамках мирового сообщества.

Безусловно, при изложении трудов Парсонса часто приходится прибегать к упрощениям, отступать от его оригинальной терминологии и заменять ее устоявшимися социологическими понятиями, поскольку некоторые фрагменты в его сочинениях являются настолько «громоздкими», что вызывают затруднения даже у компетентных исследователей.

К сожалению, безупречный научный язык Парсонса, многоуровневость и искусственная схематичность его построений, их абстрактный характер, стремление данного ученого структурировать все без исключения явления социального мира, являются причиной того, что его социологии присваивают описательный характер. Этот описательный характер доказывается путем цитирования пассажей из работ Т. Парсонса, а затем — расшифровывания их на языке «здорового смысла», когда добавляется ясность и очерчиваются основные линии развития идей¹.

Например, можно переписать фрагмент, в котором Т. Парсонс излагает собственное видение «институционального аспекта социального действия» следующим образом. Необходимое условие действительности социальных норм — это их обоснованность (у Т. Парсонса — моральное обоснование) с точки зрения соответствия их принятым в данном обществе ценностям и идеалам, по отношению к которым норма выполняет подчиненную функцию. Путями закрепления социальных норм служат процессы социализации личности и институционализации, когда нормы «закрепляются» через социальные институты и соответствующие типы социального контроля, что и служит предметом социологического анализа.

Как отмечают исследователи, если теория оперирует лишь абстрактными понятиями, которые являются некими генерализациями явлений окружающего мира, но при этом не вовлекает в свой анализ причинные процессы и причинные механизмы, тогда она не может объяснять. Понятия у Парсонса — системы, подсистемы, и так далее — являются абстракциями; причинные процессы и механизмы социального действия — реальны. В данной связи труды этого ученого представляют собой сложные описания, наделенные лишь отдельными элементами объяснения².

Именно эту специфику структурного функционализма Т. Парсонса попытался преодолеть его ученик, ставший еще одним выдающимся теоретиком данного направления — американский социолог Роберт Мертон. Этот ученый, во многом посредством отказа от громоздких, высоко абстрактных и статичных метатеоретических схем, придал структурному функционализму динамический и инструментальный характер.

■ 2.3. Функциональный структурализм Роберта Мертона

Роберт Кинг Мертон стал основателем одной из версий структурно-функционального подхода в американской социологии, а также внес продуктивный

¹ Craib I. Modern Social Theory. From Parsons to Habermas. P. 40.

² Ibid. P. 54.

вклад в концептуальные и теоретические ресурсы различных отраслей социологического знания и разработку эталона современной науки.

2.3.1. Краткая биография и основные труды

Роберт Кинг Мертон (Robert King Merton), настоящее имя — Мейер Школьник, родился в 1910 г. в Филадельфии, в семье небогатого иммигранта-торговца из Украины. Он окончил Темпл Колледж в 1931 г. и затем поступил в аспирантуру Гарвардского Университета, где тесно сотрудничал с Питиримом Сорокиным и Толкоттом Парсонсом. В 1936 г. он защитил докторскую диссертацию на тему «Наука, технология и общество в Англии XVII столетия», опубликованную в 1938 г.¹

На направленность интереса Р. Мертона к теоретическим построениям сильно повлиял Т. Парсонс. Однако абстрактная манера теоретизирования последнего стала предметом постоянного оспаривания Р. Мертона, что привело к рождению его собственного, динамичного подхода к «функциональному анализу», который он применил не к обществу в целом, а к различным сферам социальной жизни.

В 1941 г. Мертон перешел на работу в Колумбийский Университет на социологический факультет, где проработал до ухода на пенсию — тридцать восемь лет. Под впечатлением идей Пауля Феликса Лазарсфельда, разрабатывавшего проблематику методологии эмпирических исследований в социологии, Мертон критически пересмотрел парадигму структурного анализа в социологии, переориентировав ее на новые стандарты исследований. Результаты этой работы нашли отражение в его фундаментальной монографии «Социальная структура и социальная теория», которая принесла ему широкую известность.

В 1940 — 1950-е гг. он принимал участие во многих проектах, выполненных в Бюро прикладных социологических исследований (основанном им вместе с П. Лазарсфельдом), среди которых было изучение радиокомпаний, известной как «кампания по военным облигациям» и описанная в его книге «Массовое убеждение», изданной в 1946 г. Мертон также по-новому интерпретировал результаты исследований военной организации, проведенные С. Стоуффером и его сотрудниками и изданные в монографии «Американский солдат». Это нашло отражение в его статье о референтных группах, опубликованной в 1957 г.²

В поздние годы своей научной карьеры Мертон обратился исключительно к теоретической работе, но, тем не менее, всегда стремился увязать свои теоретические конструкции с эмпирическими данными, выделенными и синтезированными им в результате анализа многочисленных исследований обществоведов различных времен.

Этот выдающийся ученый получил высокое признание в университетской среде, двадцать четыре университета мира присвоили ему звание почетного профессора. В 1994 г. президент США наградила его высшей академической наградой — Национальной научной медалью США.

Р. Мертон пользовался большой популярностью в кругах мирового социологического сообщества, в 1957 г. избирался президентом Американской со-

¹ Merton R. *Science, Technology and Society in 17th Century England*. Bruges, 1938.

² Merton R.K. *The Role-sets Problems in Sociological Theory* // *The British Journal of Sociology*, June, 1937, № 8, P. 106 — 120.

циологической ассоциации, состоял в очень авторитетной организации — Философском обществе США. Р. Мертон умер в 2003 г. в Нью-Йорке.

Р. Мертон опубликовал более 10 крупных работ, в числе которых «Массовое восприятие» (1946)³; Социальная теория и социальная структура (1949)⁴; Социология науки (1973)⁵; Социологическая амбивалентность (1976)⁶, «Согласие и споры» (1990)⁷, а также был автором многочисленных статей⁸, участвовал в обширных дискуссиях.

Все его труды выдержали многократные издания и были переведены на многие языки. В конкурсе Книг столетия, организованном в 1998 г. Международной Социологической Ассоциацией, его книга «Социальная теория и социальная структура» нашла себе место среди первых пяти изданий вместе с классическими работами М. Вебера и Э. Дюркгейма.

2.3.2. Универсальные системы и теории «среднего уровня»

Основная посылка, на которую опирался Р. Мертон, заключается в том, что поиск универсальной системы социологической теории, в которой результаты наблюдений за каждым аспектом социального поведения, организации и изменения тут же находили бы заранее отведенное им место, так же заманчиво и так же бесперспективно⁹.

Первой причиной таких устремлений социологов к всеохватывающим абстрактным построениям, по его мнению, является то, что на ранних этапах социология развивалась в такой интеллектуальной атмосфере, когда всеохватывающие философские системы наступали со всех сторон.

Любой философ XVII — начала XIX в. видел свое предназначение в том, чтобы разработать собственную философскую систему, которая была бы его личной заявкой на наиболее полную картину мира материи, природы и человека. Эти попытки философов создать всеохватывающие системы послужили образцом для социологов того времени, и XIX в. стал веком социологических систем.

Одни из отцов-основателей социологической науки (Конт и Спенсер), будучи философами, просто мысляли в «духе системы», который отразился в их социологических учениях. Другие, несколько позднее (Гумплович, Уорд и Гиддингс), пытались придать интеллектуальную легитимность этой тогда еще «новой науке о древнем предмете». Для этого и требовалось создание общей и наиболее полной структуры социологической мысли.

¹ Merton R., Fiske M., Curtis A. *Mass Persuasion*. New York: Harper, 1946.

² Merton R. *Social Theory and Social Structure*. New York: Free Press, 1949.

³ Merton R. *The Sociology of Science: Theoretical and Empirical Investigations*. Chicago: University of Chicago Press, 1973.

⁴ Merton R. *Sociological Ambivalence and Other Essays*. New York: Free Press, 1976.

⁵ Merton R. *Consensus and Controversy* / J. Clark, C. Modgil (Eds.). London, New York, Falmer Press, 1990.

⁶ Вих виче: Barber B., Merton R. *Brief Bibliography for the Sociology of Science* // *Proceedings of the American Academy of Arts and Sciences*, May 1952, Vol. 80; Merton R. *Structural Analysis in Sociology* // P. Blau (ed.) *Approaches to the Study of Social Structure*. New York: Free Press, 1975.

⁷ Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2006. С. 71 — 72.

Результатом этого стало многообразие систем, каждая из которых претендовала на звание подлинной, что вполне естественно привело к созданию школ, и в каждой была своя группа учителей, учеников и эпитонов. Такому примеру и пытаются следовать некоторые социологи¹.

Вторая причина того, почему современные социологи также вместо того, чтобы решать свои проблемы одну за другой, стараются одним росчерком пера выдавать целостную теорию всего [социологического] мира, состоит в их «неуверенности» в состоятельности собственной дисциплины.

Они полагают, что накопленные в социологии знания не соответствуют тем огромным требованиям, которые к ним предъявляют политики (как реформаторы, так и реакционеры), бизнесмены и правительственные чиновники, ректоры колледжей и первокурсники. Это провоцирует у социологов защитную реакцию и вызывает слишком усердное стремление как-то соответствовать этим требованиям, какими бы преждевременными и нелепыми они ни были². Поэтому часто случается, что представители социологической дисциплины неправомочно претендуют на создание универсальных теоретических систем, соответствующих всему кругу проблем, которые она изучает. Однако при этом они забывают, что социология, как и все науки, постоянно развивается и не в состоянии в любой момент предложить готовые рецепты для лечения всех болезней человечества.

Мертон, обосновав, таким образом, бесплодность попыток объяснить в рамках единой, универсальной схемы все без исключения аспекты социальной жизни, выдвинул идею о продуктивности в социологии «теорий среднего уровня».

Согласно Мертону, термин «социологическая теория» относится к логически взаимосвязанным множествам утверждений, из которых можно вывести эмпирические закономерности³. В центре задач современной социологии является создание теорий среднего уровня.

Под теориями среднего уровня Мертон понимал «теории, находящиеся между второстепенными, но необходимыми рабочими гипотезами, появляющимися в ходе проведения рутинного исследования, и всеобъемлющими систематическими попытками разработать общую теорию, которая объяснит все наблюдаемые закономерности социального поведения, социальной организации и социального изменения»⁴.

По Мертону, теории среднего уровня касаются совершенно определенных аспектов социальных явлений.

Так, можно говорить о теории референтных групп, теории социальной мобильности или ролевого конфликта и формирования социальных норм точно так же, как в других науках о теории цен, теории вирусных заболеваний или о кинетической теории газов. В социологии монография Дюркгейма «Самоубийство», которая является, наверное, классическим примером использования и развития теории среднего уровня⁵, поддерживает эту теоретическую ориентацию.

¹ Мертон Р. Социальная теория и социальная структура ... С. 76.

² Там же.

³ Там же. С. 64.

⁴ Мертон Р. Социальная теория и социальная структура ... С. 64.

⁵ Cuvillier A. Ou Va la Sociologie Française? Paris: Librairie Marcel Riviere & Cie, 1953.

Он также попытался ответить на вопросы: «Каковы отличительные признаки теорий среднего уровня?» и «Какой эвристической ценностью они обладают для социологии?»

Во-первых, конструктивным идеям в таких теориях свойственна простота, хотя они и содержат отвлаченные понятия. В то же время эти теории не выводятся логически из единой всеобъемлющей теории социальных систем, хотя в своем окончательном виде могут не противоречить ей.

Во-вторых, в социологии они должны являться ориентиром для эмпирического исследования и быть достаточно тесно связаны с наблюдаемыми данными. При этом каждая такая теория — это нечто большее, чем простое эмпирическое обобщение, т. е. отдельное утверждение, суммирующее наблюдаемые закономерности отношений между двумя или более переменными. Теория содержит множество предположений, из которых получены сами эмпирические обобщения.

В-третьих, преимущество теорий среднего уровня состоит в том, что они часто согласуются с самыми разнообразными так называемыми школами социологической теории⁶. Например, теория наборов ролей не противоречит таким широким теоретическим ориентациям, как марксистская теория, функциональный анализ, социальный бихевиоризм, интегральная социология П. Сорокина или теория действия Т. Парсонса.

В-четвертых, поиски теорий среднего уровня требуют от социолога совершенно иной устремленности, чем поиск единой универсальной теории или нацеленности на решение какой-либо одной практической проблемы.

Любая теория среднего уровня начинается с некоторой общей идеи и связанной с ней образности и порождает комплекс теоретических проблем. При этом данная теория среднего уровня занимается не историческим обобщением того, в какой мере в обществе преобладает общественный порядок или конфликты, а аналитической проблемой выяснения социальных механизмов, приводящих к большему порядку или меньшему конфликту по сравнению с тем, что было бы, если бы эти механизмы не вступили в действие.

Исходя из этих положений, Мертон заключал, что социология будет продвигаться вперед в той мере, в какой ее главной (но не единственной) задачей будет разработка теорий среднего уровня, и задержится в своем развитии, если сосредоточит основное внимание на разработке универсальных социологических систем⁷.

Если же социологическая теория хочет заметно продвинуться вперед, то она должна развиваться в следующих взаимосвязанных направлениях: разрабатывать специальные теории, на основании которых создаются гипотезы, поддающиеся эмпирической проверке, и развивать, а не обнаруживать «вдруг» все более общую концептуальную схему, способную объединить группы специальных теорий.

Однако, если сосредоточиться полностью на специальных теориях, то есть риск получить в результате отдельные гипотезы, которые объясняют ограниченные аспекты социального поведения, организации и изменения, но остаются взаимно несочетающимися. Если сосредоточиться полностью на главной концептуальной схеме для получения всех второстепенных теорий, это чревато тем, что будут созданы современные социологические аналоги больших

⁶ Мертон Р. Социальная теория и социальная структура ... С. 65.

⁷ Там же. С. 76.

философских систем прошлого со всей их многозначительностью, архитектурным величием и научным бесплодием¹, — писал Мертон.

Действительно, то, что сейчас называют социологической теорией, в основном представляет собой *общую ориентацию на данные, указывающие на типы переменных, которые теории должны каким-то образом учитывать, а не четко сформулированные, поддающиеся проверке утверждения о взаимоотношениях между точно определенными переменными*. У нас есть много понятий, но гораздо меньше подтвержденных теорий; много точек зрения, но мало теорем; много «подходов», но мало достижений. Возможно, некоторые дальнейшие сдвиги в акцентах пошли бы социологии только на пользу².

Следует отметить, что когда идеи Р. Мертона о теориях среднего уровня получили распространение в социологической среде, мнения относительно их перспектив в развитии социологического знания разделились.

В первую категорию, одобрявшую эту установку, вошло большинство ученых, занимавшихся теоретически ориентированным эмпирическим исследованием, поскольку они лишь формулировали то, что уже было их рабочей философией.

Тем не менее, безоговорочное принятие этой идеи исследователями подобного рода привело как к негативному, так и позитивному результатам.

Негативный результат нашел выражение в том, что исследователи, которых нетрудно обвинить в принадлежности к «чистым эмпирикам», обрели в этой концепции теории удобный способ повысить статус своей работы, не меняя ее формы. Положительный результат проявился в повышении статуса исследований, предмет которых носил локальный характер, например, ограничивался изучением малых групп.

Вторую категорию образовало большинство ученых, придерживавшихся метода гуманитарного изучения истории общественной мысли или пытавшихся разработать общую социологическую теорию немедленно. Соответственно, установка Мертона рассматривалась ими как отступление от истинно высоких устремлений.

Во-первых, они считали, что в отличие от универсальных социологических теорий теории среднего уровня свидетельствуют о низких интеллектуальных запросах социологов.

Во-вторых, ими утверждалось, что теории среднего уровня разбивают область социологии на не связанные между собой специальные теории. Здесь, как отмечает Мертон, в социологии действительно появились тенденции к фрагментации. Но это едва ли результат работы по созданию теорий промежуточного звена. Наоборот, теории среднего уровня объединяют, а не дробят эмпирические данные³.

Третью категорию представляли исследователи, занявшие промежуточную позицию. Они признали, что акцент на теории среднего уровня не означает исключительного внимания к этому виду обобщения.

Как отмечал Мертон, полемика в отношении теорий среднего уровня развилась по классически определенным канонам социального конфликта. За атакой следовала контратака, сопровождавшаяся все большим отчуждением сторон, вовлеченных в конфликт. Со временем, поскольку конфликт проис-

¹ Мертон Р. Социальная теория и социальная структура ... С. 80.

² Там же.

³ Там же.

ходил на глазах у всех, он становился скорее борьбой за статус, чем поиском истины. Теоретикам среднего уровня стереотипно отводилась роль простых «счетчиков голов», фактографов или описателей — социографов. А теоретиков, нацеленных на общую теорию, стереотипно представляли как закостенелых умозрительных догматиков, абсолютно не учитывающих бесспорных эмпирических данных, или как людей, безусловно преданных доктринам, сформулированным так, что их нельзя проверить¹.

Тем не менее, несмотря ни на что, в социологии был успешно разработан целый ряд эмпирически обоснованных теорий, включающих целостную совокупность подтвержденных гипотез, а не просто упорядоченные описательные данные, или эмпирические обобщения. В частности, в него вошли теории, разработанные исследователями бюрократий, особенно Селзником, Гоулднером, Блау, Липсетом (совместно с Труо и Кольтманом), Крозье, Каном и Кацом и многими другими. Более того, Сорокин, хотя сам целенаправленно занимался разработкой широкомасштабной социологической теории, постоянно придавал большое значение теории среднего уровня².

Особое отношение к теориям среднего уровня, по его мнению, выразил Р. Дарендорф. Однако возражение этого исследователя было направлено не против самих работ Р. Мертона и его коллег, а «против их ключевого предположения, что весь недостаток теоретической теории в ее обобщенности и что просто понизив уровень обобщенности, мы можем решить все проблемы»³.

На самом деле, подчеркивал Р. Мертон, теоретики среднего уровня не считают, что недостатки социологической теории обусловлены единственно тем, что она является чрезмерно обобщенной. Это далеко не так. Сами теории среднего уровня — теория диссонанса, теория социальной дифференциации или теория референтных групп — имеют большую степень обобщения, выходя за пределы конкретной исторической эпохи или культуры.

Теории среднего уровня обычно не выводятся из единой и всеобъемлющей теоретической системы. В достаточно широких пределах они совместимы с целым рядом теоретических ориентаций. Они подтверждаются разнообразными эмпирическими данными, и если в какой-то общей теории, по сути, утверждается, что таких данных не может быть, тем хуже для этой теории. Это не означает, что она способна справиться с задачей — предоставить теоретические решения всех неотложных практических проблем нашего времени; но это означает, что она обеспечивает поворот к тем проблемам, которые уже сейчас можно уточнить в свете имеющихся знаний⁴.

2.3.3. Кодификация социологической теории

Р. Мертон считал важнейшей проблемой для социологов кодификацию наиболее существенных теорий и процедур качественного анализа в социологии.

Под кодификацией он понимал «упорядоченную и сжатую классификацию плодотворных процедур исследования и существенных открытий, сделанных

¹ Мертон Р. Социальная теория и социальная структура ... С. 92.

² Там же.

³ Там же. С. 94.

⁴ Там же. С. 99–100.

благодаря их применению»¹. В качестве основы для кодификации он использовал понятие «парадигма».

Мертон отмечал, что Т.С. Кун использовал данное понятие в гораздо более широком смысле, относя его к основному набору утверждений, принятых научной дисциплиной в определенный исторический период. Сам же он рассматривает парадигму в узком смысле — как инструмент, пригодный для кодификации частных социологических построений и считает, что именно в этом смысле парадигмы для них имеют огромную пропедевтическую ценность.

Прежде всего, они выставляют на обозрение понятия и базовые предположения, используемые в социологическом анализе. Тем самым уменьшают невольное стремление скрыть суровую суть анализа под вуалью беспорядочных, хотя, возможно, и что-то проясняющих комментариев и соображений. Так, несмотря на появление различных логических описей, в социологии еще очень мало формул, то есть компактных символических обозначений отношений между социологическими переменными. Вследствие этого социологические интерпретации часто грешат отсутствием логики, а методология, ключевые понятия и взаимоотношения между ними часто теряются в потоке слов.

Научным дисциплинам — физике и химии, а также биологии, геологии и статистике — удалось избежать этого неуместного интереса к литературным красотам. Верные идеям точной науки, эти дисциплины предпочитают краткость, точность и объективность изысканно ритмическим оборотам речи, богатству коннотаций и проникновенной словесной образности. Но, даже не соглашаясь с тем, что социология должна достичь планки, установленной химией, физикой или биологией, не следует утверждать, что она должна равняться на историю, дискурсивную философию или литературу.

Каждый должен заниматься своим делом. Дело социолога — ясно заявить о создании логически взаимосвязанных и эмпирически подтвержденных предположений о структуре общества и его изменениях, поведении человека в этой структуре и последствиях этого поведения. Таким образом, парадигмы социологического анализа предназначены для того, чтобы помочь социологу работать по специальности.

Р. Мертон считал, что парадигмы качественного анализа в социологии выполняют, по крайней мере, пять тесно связанных между собой функций.

Во-первых, парадигмы вводят систему условных обозначений. Они дают компактную классификацию главных понятий и их взаимоотношений, которые используются для описания и анализа.

Во-вторых, парадигмы уменьшают вероятность невольного введения скрытых допущений и понятий и, таким образом, указывают, как избежать логически безответственных гипотез.

В-третьих, парадигмы способствуют накоплению теоретических интерпретаций: по сути, — это фундамент, на котором построен дом интерпретаций.

В-четвертых, парадигмы способствуют скорее анализу, чем описанию конкретных деталей. По своей структуре они подразумевают перекрестное сведение в таблицы важнейших понятий и тем самым могут помочь

аналитику разглядеть эмпирические и теоретические проблемы, которые он иначе упустил бы из виду.

В-пятых, парадигмы способствуют кодификации качественного анализа таким образом, что он приближается к логической, если не эмпирической строгости количественного².

Конечно, парадигму можно превратить из социологического полевого бинокля в социологические шоры. Однако это происходит скорее из-за абсолютизации парадигмы, чем из-за применения ее в качестве пробной отправной точки. Но если рассматривать парадигмы не как некие константы, а как что-то временное и меняющееся, то они предпочтительнее, чем набор молчаливо подразумеваемых допущений³.

Таким образом, Мертон рассматривал парадигму как инструмент, пригодный для кодификации частных социологических областей — девиантного социального поведения; социологии знания; расовых предрассудков и дискриминации и т. п. Однако, прежде всего, он считал необходимым применить этот инструмент для кодификации функционального анализа в социологии.

Согласно Мертону, функциональный анализ — одновременно самая перспективная и, возможно, наименее кодифицированная из современных ориентаций в области проблем социологической интерпретации⁴.

Многие из главных приверженцев функционального анализа увлеченно занимались теоретическими формулировками и уточнением понятий. Некоторые с головой уходили в данные, имеющие непосредственное отношение к функциональной точке зрения. Но лишь немногие нарушили воцарившееся молчание по поводу того, как, собственно, проводится функциональный анализ.

Как все интерпретационные схемы, функциональный анализ зависит от тройственного союза между теорией, методом и данными. Из трех союзников метод, несомненно, самый слабый. Ибо применение «метода» подразумевает не только логику, но также и практические проблемы выстраивания данных в соответствии с требованиями теории.

Мертон утверждал, что с самого начала функциональный подход в социологии запутался в терминологии. Слишком часто один термин использовался для обозначения разных понятий, а одно и то же понятие обозначалось разными терминами. Жертвами этого непродуманного словоупотребления стали ясность анализа и адекватность информации.

На примере понятия «функция» Мертон показал как «яреют концептуальной ясности и разрушают процесс коммуникации» солирующие терминологии функционального анализа. Это слово — «функция» — еще раньше применялось в нескольких дисциплинах и в обычной речи, поэтому нет ничего неожиданного в том, что его коннотации часто становятся неясными собственно в социологии. Среди всего многообразия значений, придаваемых этому одному слову, он выделил пять.

Во-первых, функцией называют прием или торжественное собрание обычно официального характера.

Во-вторых, термин «функция» фактически употребляется как эквивалент термина «профессия». Таково частое и на самом деле почти типичное упо-

¹ Мертон Р. Социальная теория и социальная структура ... С. 102–104.

² Там же. С. 104.

³ Там же. С. 105.

¹ Мертон Р. Социальная теория и социальная структура ... С. 100.

требление термина некоторыми экономистами, называющими «функциональным анализом группы» сообщение о распределении профессий в этой группе.

В-третьих, функцией часто называют деятельность по выполнению обязанностей, возложенных на человека с определенным общественным положением и в особенности предусмотренных пребыванием на высоком посту в государственных и политических органах. Отсюда возникает термин «функционер» или крупный чиновник.

В-четвертых, понятие функции принято в математике. Это понятие первым ввел Лейбниц и в математике оно имеет самый точный смысл. «Функция» относится к переменной, рассматриваемой по отношению к одной и более переменным, через которую она может быть выражена или от значения которой зависит ее собственное. Это значение в более расширенном (и часто в менее точном) смысле отражена в таких фразах как «функциональная взаимозависимость» и «функциональные отношения», которые так часто применяют социологи.

В-пятых, данное понятие применяется в биологических науках и относится к «жизненно важным или органическим процессам, рассматриваемым в том отношении, в котором они способствуют поддержанию жизнедеятельности организма»¹.

Эта пытая коннотация «функции», будучи совмещенной с сугубо математическим смыслом этого термина, является главной в функциональном анализе применительно к социологии и социальной антропологии.

При этом Мертон ссылается на определения термина функция, которые давали А. Рэдклифф-Браун и Б. Малиновский. Несмотря на то, что их определения отличаются, повторяющиеся в них обороты, такие как «роль, которую они играют в социальной или культурной системе», обычно стирают важное различие между понятием функции как «взаимозависимости» и как «процесса»².

Таким образом, становится ясно, что за одним и тем же словом скрывается множество понятий, что неизбежно приводит к путанице. Но когда полагают, что за множеством разных слов стоит одно понятие, имеет место еще более страшная путаница. Так существует огромный набор терминов, которые используются почти как синонимы «функции» — «использование», «полезность», «цель», «мотив», «намерение», «задача», «последствия»³.

Неупорядоченное применение этих терминов, имеющих явно концептуальную ориентацию, приводит ко все большему отклонению от четкого и строгого функционального анализа. Коннотации каждого термина, скорее отличающиеся от объединяющего их значения, чем соответствующие ему, невольно начинают служить основой для выводов, которые становятся все более сомнительными, поскольку все дальше отходят от центрального понятия функции.

Мертон подчеркивал, что если обратиться к ряду примеров, то при пристальном рассмотрении выясняется, что эти термины *группируются вокруг совершенно различных концептуальных ориентиров*. Временами некоторые из них — мотив, предназначение, задача или цель — явно относятся к *точно сформулированным конечным целям*.

¹ Мертон Р. Социальная теория и социальная структура... С. 106–108.

² Там же. С. 110.

³ Там же.

Социальная функция относится к *наблюдаемым объективным последствиям*, а не к *субъективным планам* [задачам, мотивам, целям]. А отсутствие различий между объективными социологическими последствиями и субъективными планами неизбежно ведет к неразберихе в функциональном анализе.

Таким образом, каждый раз, когда ошибочно отождествляются (субъективные) мотивы с (объективными) функциями, происходит отказ от ясного функционального подхода.

Примером такого самого большого отрыва от реальности, по мнению Мертона, является «обсуждение» так называемых «функций» семьи. Так, нет необходимости предполагать, что *мотивы* вступления в брак («любовь», «личные причины») становятся идентичны *функциям*, выполняемым семьей (продолжение рода, социализация ребенка).

Субъективные планы могут совпасть с объективным последствием, но, опять-таки, могут и не совпасть. Оба фактора меняются независимо друг от друга. Однако когда утверждается, что люди имеют определенные мотивы, чтобы выбрать такое поведение, которое может вызвать [не обязательно преднамеренно] те или иные функции, то тем самым предлагается выход из возникшей путаницы¹.

Согласно Мертону, *«этот краткий обзор соперничающих терминологий и их неудачных последствий может послужить своего рода ориентиром при дальнейших попытках кодификации понятий функционального анализа, иначе суть функциональной ориентации может потеряться в облаке туманных определений»*².

2.3.4. Логика функционального анализа

Р. Мертон предложил свою, критически переработанную, *выстроенную в соответствии с определенной логикой версию функционального анализа*.

Прежде всего, он подверг обоснованной критике *три взаимосвязанных постулата*, которые применяют функциональные аналитики, главным образом в антропологии, но не только в ней.

В этих постулатах, которые, согласно Мертону, оказались спорными и *неужными для функциональной ориентации»*³, по сути, утверждаются *три положения*: 1) стандартизированная социальная деятельность или элементы культуры функциональны для всей социальной или культурной системы; 2) все такие социальные или культурные элементы выполняют социологические функции; 3) эти элементы, следовательно, *обязательны*.

Эти постулаты Мертон называл *тремя догматами веры* [функционалистов. — Н. О.], которые обычно можно увидеть лишь в компании друг друга. Однако он считал, что лучше проанализировать их отдельно, поскольку с каждым из них связаны свои особые трудности.

Первый постулат Мертон назвал «*постулатом функционального единства общества*». Согласно этому постулату, все стандартизированные социальные и культурные убеждения и обычаи имеют функциональное значение

¹ Мертон Р. Социальная теория и социальная структура... С. 112.

² Там же.

³ Там же. С. 113.

для общества в целом и для индивидов в частности. Это значит, что различные элементы социальной системы должны обладать высоким уровнем интеграции.

В качестве примеров, в которых имеет место четкая формулировка данного постулата, он приводит выдержки из работ А. Рэдклифф-Брауна и Б. Малиновского.

Р. Мертон отмечал, все ли общества должны обладать некоторой степенью интеграции — это вопрос определения и голословных утверждений. Но не у всех обществ такая высокая степень интеграции, в которой каждая культурно стандартизированная деятельность или верование функциональны для общества в целом и одинаково функциональны для людей, живущих в нем.

Так, можно найти существенные вариации в степени интеграции среди отдельных биологических организмов, несмотря на продиктованное здравым смыслом предположение, что тут уж, конечно, все части организма стремятся к «единой» цели.

Предположение о полном функциональном единстве общества постоянно противоречит фактам. Социальные обычаи или настроения могут быть функциональными для некоторых групп и дисфункциональными для других в одном и том же обществе¹.

Постулат о функциональном единстве не только часто противоречит фактам, он еще имеет очень малую эвристическую ценность, поскольку отвлекает внимание аналитика от того обстоятельства, что данный социальный или культурный элемент (обычай, верование, модель поведения, институт) может иметь разное значение для различных социальных групп и для отдельных членов этих групп.

В то же время Мертон поставил вопрос: если масса наблюдений и фактов, отрицающих предположение о функциональном единстве, столь велика и легкодоступна, то почему же Рэдклифф-Браун и другие, которые следуют его примеру, продолжают придерживаться этого предположения?

Ключом к разгадке для него послужил тот факт, что эта концепция в своих последних формулировках была разработана антропологами, т. е. людьми, занимающимися в первую очередь изучением обществ, не знающих письменности².

Однако за перенос этого, возможно, полезного предположения из области малых обществ без письменности в область больших, сложных и высокодифференцированных обществ с письменностью приходится интеллектуально расплачиваться. Явным примером тому служит функциональный анализ религии.

Широкие и сделанные безотносительно ко времени и пространству обобщения об «интегративных функциях религии» в основном, хотя, конечно, не в целом, получены из наблюдений за обществами, не имеющими письменности. Нередко социолог безоговорочно принимает сведения, касающиеся таких обществ, и продолжает разглагольствовать об интегративных функциях религии в целом.

¹ Мертон Р. Социальная теория и социальная структура ... С. 113.

² Там же. С. 115.

Наверное, именно перенос предположения о функциональном единстве и приводит к вычеркиванию всей истории религиозных войн, инквизиции (которая вбивала клин не в одно общество), разрушительных конфликтов между религиозными группами. Ибо факт остается фактом: все игнорируют эти хорошо известные данные, предпочитая примеры, взятые из исследования религии в обществах без письменности, в которых существует всего лишь одна преобладающая религиозная система³.

Таким образом, заключал Мертон, единство всего общества нельзя успешно постулировать, предваряя наблюдение. Теоретическая система функционального анализа должна требовать точного определения единиц, для которых данный социальный или культурный элемент является функциональным. Она должна четко допускать, что данный элемент может иметь разные последствия, функциональные и дисфункциональные, для индивидов, подгрупп и для более широкой социальной структуры и культуры.

Второй постулат Мертон обозначил как «постулат универсального функционализма». В сжатом виде этот постулат гласит: «все стандартизированные социальные или культурные формы имеют позитивные функции»⁴.

Он считал, что вполне можно предположить, что все *устоявшиеся* элементы культуры (которые можно расплывчато описать как «традицию») как минимум имеют функцию «сохранения привычного, поддержания традиции». Тем не менее следует также предположить, что хотя каждый элемент культуры или социальной структуры может иметь функции, рано утверждать безоговорочно, что каждый такой элемент должен быть функциональным⁵.

Мертон также доказал, что этот постулат явно противоречит тому, что можно увидеть в реальном мире: ясно, что не каждая структура, обычай, идея, убеждение и т. д. выполняет позитивные функции.

Например, неистовый национализм может быть крайне дисфункционален в мире быстро распространяющегося ядерного оружия.

Гораздо более полезным в качестве ориентира для исследования ему представлялось предварительное допущение. «У существующих культурных форм есть четкое равновесие функциональных влияний, идет ли речь об обществе, рассматриваемом как единое целое, или о подгруппах, достаточно сильных, чтобы сохранить эти формы неизменными путем прямого принуждения или косвенного убеждения»⁶.

Так, при такой формулировке сразу же удается избежать присущей функциональному анализу склонности сосредотачиваться на положительных функциях, и направить внимание исследователя и на другие типы логических выводов.

Третий постулат, распространенный, по мнению Мертона, среди социологов-функционалистов, — «постулат обязательности».

Этот постулат обязательности в своей обычной формулировке содержит два связанных, но различных утверждения.

³ Мертон Р. Социальная теория и социальная структура ... С. 118.

⁴ Там же. С. 119.

⁵ Там же. С. 120.

⁶ Там же.

В первом утверждении предполагается, что существуют определенные функции, являющиеся обязательными в том смысле, что если они не будут выполнены, общество (или группа, или индивид) не сохранится. Тем самым выдвигается понятие функциональных предпосылок или неперенных условий, функционально необходимых для общества, и у нас будет возможность изучить это понятие более детально.

Во втором утверждении предполагается, что для выполнения каждой из этих функций необходимы определенные культурные или социальные формы. Это влечет за собой понятие специализированных и незаменимых структур, что приводит ко всякого рода теоретическим трудностям. Более того, это отвлекает внимание от того факта, что при определенных условиях, которые еще предстоит изучить, функции, необходимые для сохранения групп, выполняются альтернативными социальными структурами (и формами культуры).

В данной связи Мертон выдвинул главную теорему функционального анализа: точно так же, как один и тот же элемент может иметь многочисленные функции, так и одну и ту же функцию могут разнообразно выполнять альтернативные элементы¹.

Таким образом, в противовес подразумеваемому понятию обязательных форм культуры (институтов, стандартизированных ритуалов, систем верований и т. д.) он ввел понятие функциональных альтернатив, или функциональных эквивалентов, или функциональных заместителей.

Он отмечал, что у социологии и социальной антропологии есть достаточно оснований избегать постулата об обязательности данных структур и систематически работать с понятием функциональных альтернатив и функциональных заместителей. Точно так же, как неспециалисты давно ошибаются, полагая, что «странные» обычаи и верования других обществ являются «простыми суевериями», так и социологи-функционалисты рискуют ошибиться. Они впадают в другую крайность, торопясь обнаружить функциональное или адаптивное значение в этих обычаях и верованиях и не умея понять, какие из альтернативных видов действия следует исключить, поскольку они не укладываются в официально провозглашенные нормы функционализма.

Так, нередко некоторые функционалисты готовы заключить, что магия или определенные религиозные обряды и верования функциональны, так как они воздействуют на душевное состояние верующего или придают ему уверенность в себе. Тем не менее в некоторых случаях вполне возможно, что эти магические действия заменяют доступные всем светские и более адаптивные действия.

Те функционалисты, чья теория вынуждает их следить за воздействием таких символических ритуалов только на душевное состояние индивида и которые поэтому заключают, что магический обычай функционален, игнорируют тот факт, что эти самые ритуалы могут иногда занять место более эффективных альтернатив.

Таким образом, теоретики, указывающие на обязательность стандартизированных ритуалов или преобладающих институтов, выполняющих наблюдаемую функцию усиления каких-либо общих настроений, прежде чем делать этот вывод, чаще преждевременный, чем обоснованный, должны сначала попытаться найти их функциональные заместители.

¹ Мертон Р. Социальная теория и социальная структура ... С. 123.

Итак, в результате критического обзора этих трех функциональных постулатов Р. Мертон выдвинул несколько основных тезисов, которые считал необходимым учитывать при попытке кодифицировать этот способ анализа.

Во-первых, (это выводится им из первого постулата) нельзя постулировать полную интеграцию всех обществ.

Из критического изучения этого постулата вытекает, что теория функционального анализа должна требовать уточнения социальных единиц, для которых выполняются данные социальные функции; кроме того, надо признать, что элементы культуры имеют разнообразные значения, некоторые из них функциональны, а другие, возможно, дисфункциональны².

Во-вторых (к этому привел обзор постулата универсального функционализма) нужно быть готовым не только к тому, чтобы обнаружить наряду с функциональными также и дисфункциональные значения этих форм, но и к тому, что теоретик в конце концов столкнется с трудной задачей разработать аппарат для оценки точного баланса этих значений, если хочет, чтобы его исследование имело отношение к социальной технологии³.

В-третьих, (на основании анализа утверждений постулата обязательности) можно говорить о существовании функциональных альтернатив, эквивалентов или заместителей.

Согласно Мертоу, использование этих трех постулатов, вместе или отдельно, вызывает частые обвинения в том, что функциональный анализ неизбежно предполагает определенные идеологические пристрастия.

С одной стороны, со всех сторон и все более настойчиво звучат обвинения, что какой бы ни была интеллектуальная значимость функционального анализа, он неизбежно связан с «консервативным» (даже «реакционным») мировоззрением⁴.

Эти критики говорят, что функциональная теория — это всего лишь установка консервативного социолога, который настроен защищать существующее положение дел, какое бы оно ни было, и нападать на целесообразность перемен, пусть даже незначительных.

С другой стороны, ему приписывают статус радикальной идеологии и даже сравнивают с марксизмом.

Тот факт, что одни считают функциональный анализ по сути консервативным, а другие по сути радикальным, означает, что по сути он может не быть ни тем, ни другим. Это означает, что у функционального анализа может не быть внутренней идеологической приверженности вообще, хотя, подобно другим формам социологического анализа, ему можно придать любую из множества идеологических ценностей.

Функциональный анализ будет нейтрален по отношению к основным идеологическим системам, если его переработать критически и выстроить в соответствии с определенной логикой⁵.

² Мертон Р. Социальная теория и социальная структура ... С. 126.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 127.

⁵ Там же. С. 134.

Р. Мертон, так же как и другие теоретики функционального направления в социологии, подчеркивал, что функциональная ориентация, безусловно, не нова и не ограничивается социальными науками. Центральная ориентация функционализма — выраженная в практике интерпретации данных путем установления их значения для более крупных структур, в которые они входят, — была обнаружена практически во всех науках о человеке: биологии, психологии, экономике и юриспруденции, антропологии. В социологии по отношению к другим дисциплинам она появилась довольно поздно¹.

Однако, если, например, в физиологии можно найти набор стандартных понятий, процедур и целей анализа, то в социологии — пестрый набор понятий, процедур и целей, зависящих, как получается, от интересов и вкусов отдельного социолога².

В данной связи Мертон утверждал, что в качестве *начального и, безусловно, экспериментального шага в направлении кодификации функционального анализа в социологии необходимо выдвинуть парадигму понятий и проблем, являющихся основными для этого подхода*³.

Эта парадигма, которая показывает самую суть понятий, процедур и выводов функционального анализа⁴, позволяет свести вместе терминологию, постулаты, понятия в компактном виде, допуская тем самым одновременное рассмотрение основных требований функционального анализа и помогая ему скорректировать промежуточные интерпретации на его же основе.

В схематичном виде она содержит *одиннадцать пунктов* — схематизированных утверждений, из ряда которых вытекают методологически важные для исследователя-функционалиста посылки, а *вслед за ними и вопросы, на которые ему необходимо ответить*. Поскольку эта парадигма, по сути, и задает направление логически связанного функционального исследования в социологии, то представляется целесообразным привести полный перечень этих пунктов, обозначенных самим Мертоном, лишь немного адаптировав их для облегчения восприятия.

Пункт 1. *Элемент(ы), которым отводятся функции.*

Весь диапазон социологических данных (а не только общество или его один базовый элемент. — Н. О.) можно подвергнуть функциональному анализу. Главное требование этого пункта заключается в том, чтобы предмет анализа представлял собой *стандартизированный — то есть шаблонный и повторяющийся объект*. Этим объектом могут выступать социальные роли, институциональные модели, социальные процессы, культурная модель, культурно-типовые эмоции, социальные нормы, групповая организация, социальная структура, средства социального контроля и т. д.⁵

Пункт 2. *Понятия субъективных диспозиций (мотивов, целей).*

В какой-то момент функциональный анализ неизменно предполагает некую концепцию мотивации индивидов, их «субъективных диспозиций», входящих в социальную систему, или явно применяет такую концепцию. Эти понятия не следует ошибочно смешивать со сходными, но отличающимися от них понятиями объективных последствий установки, убеждений или поведения⁶.

¹ Мертон Р. Социальная теория и социальная структура ... С. 139.

² Там же. С. 144.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 145.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

Пункт 3. *Понятия объективных последствий (функций, дисфункций).*

Неясность (путаница) в некоторых современных концепциях «функции» выражается: 1) в виде тенденции ограничивать социологические наблюдения *позитивными* вкладами социологической структуры в социальную или культурную систему, в которую она входит; 2) в виде тенденции смешивать субъективную категорию *мотива* с объективной категорией *функции*. Для того чтобы ликвидировать эту путаницу, надо соответствующим образом преодолеть эти тенденции, разграничить ряд понятий.

Преодоление *первой тенденции* Мертон видит в том, что следует предусмотреть понятие множественности последствий и понятие их равновесия. Так, в любом данном случае поведение объекта может иметь как функциональные, так и дисфункциональные последствия.

Функции — это наблюдаемые последствия, способствующие адаптации или приспособлению данной системы, а *дисфункции* — те, которые уменьшают адаптацию или регулировку системы. Есть еще эмпирическая вероятность нефункциональных последствий, которые просто несущественны для рассматриваемой системы. Это приводит к трудной и важной проблеме разработки критериев для оценки четкого равновесия совокупности последствий.

Для преодоления второй тенденции и проблемы, которую она вызывает (когда мотивы и функции легко смешиваются друг с другом), Мертон предлагает ввести концептуальное различие между теми случаями, когда субъективная предусматриваемая цель совпадает с объективным результатом, и теми случаями, когда они расходятся. Таким образом, он вводит понятия «явной функции» и «латентной функции».

Явные функции — это те объективные результаты, способствующие регулировке или адаптации системы, которые планируют и осознают участники данной системы. *Латентные функции*, соответственно, те, которые участники данной системы не планируют и не осознают¹.

Пункт 4. *Понятия единиц, для которых выполняются функции.*

Ограничение анализа функциями, выполняемыми для общества в целом, ведет к трудностям, поскольку элементы могут быть функциональны для одних индивидов и подгрупп и дисфункциональны для других.

Следовательно, необходимо рассмотреть круг единиц, для которых элемент имеет определенное значение: индивиды с разнообразными статусами, подгруппы, более крупную социальную систему и культурные системы. (Терминологически это подразумевает понятия психологической функции, групповой функции, социетальной функции, культурной функции и т. д.)²

Пункт 5. *Понятия функциональных требований (потребностей, необходимых предварительных условий).*

В каждом функциональном анализе скрыта или явно присутствует концепция функциональных требований рассматриваемой системы. Это остается одним из самых неясных и эмпирически наиболее спорных понятий в функциональной теории, которое часто превращается в тавтологическое или сводится к условиям «выживания» данной системы. Это приводит к трудной задаче установления *типов функциональных требований* (универсальных и специфических); процедур обоснования постулированных требований; и т. д.³

¹ Мертон Р. Социальная теория и социальная структура ... С. 145–146.

² Там же.

³ Там же. С. 147.

Пункт 6. *Понятия механизмов, благодаря которым выполняются функции.* Функциональный анализ в социологии, как и в других дисциплинах, таких, как физиология и психология, предусматривает «конкретное и детальное» объяснение механизмов, которые действуют с целью выполнения обозначенной функции. Это относится не к психологическим, а к социальным механизмам (например, сегментация роли, обособление институциональных требований, иерархическое упорядочение ценностей, общественное разделение труда, ритуальные и церемониальные отправления и т. д.)¹.

Пункт 7. *Понятия функциональных альтернатив (функциональных эквивалентов или заместителей).*

Вместо необоснованного постулата о функциональной обязательности конкретных социальных структур следует ввести понятие функциональных альтернатив, эквивалентов или заместителей. Это заострит внимание на том, что в исследуемом случае существует целый ряд различных структур, которые могут выполнять данное функциональное требование, и тем самым разрушает идентичность существующего и неизбежного². Таким образом, функция может раскрываться себя через альтернативы, функциональные эквиваленты и функциональные заместители. Каждая функция вполне допускает возникновение альтернативных способов своего самораскрытия, что ставит вопрос о существовании области возможной вариативности функции.

Пункт 8. *Понятие структурного контекста (или структурных ограничений).*

Круг различных структур, которые могут выполнять определенные функции в социальной структуре, не безграничен. Взаимозависимость элементов социальной структуры ограничивает реальную возможность изменений или функциональных альтернатив. Неспособность осознать релевантность взаимозависимости и сопровождающих ее структурных ограничений приводит к утопической идее, согласно которой подразумевается, что можно изъять некоторые элементы социальной системы, не затронув ее оставшуюся часть³.

Пункт 9. *Понятия динамики и изменения.*

Функциональный анализ обычно концентрирует внимание на социальной структуре и пренебрегает изучением структурного изменения. Этот акцент на статику, однако, не свойственен теории функционального анализа.

Это скорее побочный акцент, вызванный желанием ранних функционалистов-антропологов противостоять прежней тенденции создавать предположительные истории обществ, не имеющих письменности. Эта сложившаяся практика, полезная в те времена, когда она была впервые введена в антропологию, со временем отрицательно сказалась на работе некоторых социологов-функционалистов.

В данной связи понятие дисфункции, подразумевающее понятие напряжения, стресса и напряженности, обеспечивает аналитический подход к изучению динамики и изменения⁴.

Пункт 10. *Проблемы обоснования функционального анализа*

В масштабах всей парадигмы в целом настойчиво обращал внимание на определенные моменты, когда допущения, обвинения и наблюдения должны

¹ Мертон Р. Социальная теория и социальная структура ... С. 147.

² Там же. С. 147–148.

³ Там же. С. 148.

⁴ Там же. С. 149.

получать законное основание. Для этого, прежде всего, необходима строгая формулировка социологических методик анализа, которые наиболее подходят логике проведения эксперимента, а также требуется систематический обзор возможностей и ограниченности сравнительного (межкультурного и межгруппового) анализа¹.

Пункт 11. *Проблема идеологического значения функционального анализа.*

Функциональный анализ не обязательно связан с какой-либо идеологической позицией. Однако это не отрицает того факта, что отдельные случаи функционального анализа и отдельные гипотезы, выдвинутые функционалистами, могут выполнять очевидную идеологическую роль.

Хотя этот анализ не имеет изначально присущей ему идеологичности, некоторые функционалистские теории и некоторые функционалистские гипотезы демонстрируют свою идеологическую (мировоззренческую) значимость и соответствующую ориентацию исследователей. Внесоциологические и внефункциональные факторы (например, скрытое желание заказчика того или иного исследования) влияют на исследователя².

Таким образом, посредством выдвижения данных пунктов, которые некоторые отечественные исследователи называют «заповедями»³, представляющих суть и логику функционального анализа в социологии, лишённых нарочитой афористичности и многозначительности, Мертон выстраивает достаточно радикальную для своего времени парадигму функционализма и показывает, что социологический функционализм согласуется с общенаучным подходом к реальности.

Согласно Мертону, первое и главное предназначение этой парадигмы — служить чрезвычайно компактным и сжатым руководством для постановки эмпирических исследований в функциональном анализе и средством для точного определения вкладов и недостатков предыдущих исследований⁴.

Второе предназначение этой парадигмы — приводить непосредственно к постулатам и (часто неявным) допущениям, лежащим в основе функционального анализа. Одни из этих предположений имеют первостепенную важность, другие несущественны и незначительны, а третьи сомнительны и даже обманчивы⁵.

Наконец, эта парадигма должна заставить социолога осознать не только глубоко научные выводы разных типов функционального анализа, но также и их политические и иногда идеологические выводы⁶.

Мертон неоднократно подчеркивал, что рассматривая лишь некоторые важные обстоятельства, касающиеся структурного и функционального анализа, он смог указать лишь на некоторые главные проблемы и возможности этого способа социологической интерпретации. Каждый элемент, кодифицированный в парадигме, требует длительного теоретического уточнения и совместного эмпирического исследования. Но ясно, что в функциональной теории, очищенной от тех традиционных постулатов, которые ее окружали и часто превращали всего лишь в новейшую рационализацию существующих

¹ Мертон Р. Социальная теория и социальная структура ... С. 149–150.

² Там же. С. 150.

³ Покровский Н.Е. Одиннадцать заповедей функционализма Роберта Мертона // Социологические исследования. 1992. № 2. С. 114–117.

⁴ Мертон Р. Социальная теория и социальная структура ... С. 151.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

методов, социология обретает начальную стадию систематического и эмпирически уместного способа анализа¹.

2.3.5. Учение о явных и латентных функциях

В третьем пункте своей парадигмы функционального анализа Мертон провел разграничение между понятиями *явной* и *латентной функций*, которое затем детально проработал, превратив в самостоятельную концепцию.

Разграничение явных и латентных функций было введено Р. Мертоном для того, чтобы предотвратить неумышленное смешение, часто характерное для социологической литературы, *осознанных мотиваций* социального поведения и его *объективных последствий*². Тщательный анализ современных терминологий функционального анализа, проведенный им, показал, как легко и насколько неудачно социологи могут отождествлять *мотивы* и *функции*.

Так, он отмечал, что многие социологи время от времени проводили различие между категориями субъективной диспозиции («потребностями, интересами, целями») и категориями не общепризнанных, но объективных функциональных последствий³.

Мертон полагал, что поскольку ситуации, когда надо проводить это различие, возникают очень часто и поскольку цель концептуальной схемы — направить усилия наблюдателя на наиболее важные элементы ситуации и не дать их упустить из виду, то вполне правомерно обозначить это различие с помощью соответствующего набора терминов. В качестве таких терминов он выбрал «явные» и «латентные» функции.

Явные функции относятся к тем объективным последствиям для определенной единицы [человека, подгруппы, социальной или культурной системы], которые способствуют регуляции или адаптации и для этого и предназначались. *Латентные функции* относятся к непреднамеренным и неосознанным последствиям того же порядка⁴.

В последние годы, например, это разграничение явных и латентных функций применялось в анализе расовых смешанных браков, социальной стратификации, аффективной фрустрации, ... пропаганды как средства социального контроля, антропологической теории Малиновского, черной магии навахо, проблем социологии знания, моды, динамики личности, мер национальной безопасности, внутренней социальной динамики бюрократии и великого множества других социологических проблем⁵.

Согласно Мертому, это различие может служить эвристической цели, если его включить в четко сформулированный концептуальный аппарат, помогая тем самым систематическому наблюдению и затем анализу.

Во-первых, оно вносит ясность в анализ кажущихся иррациональными социальных моделей.

¹ Мертон Р. Социальная теория и социальная структура ... С. 184.

² Там же. С. 158.

³ К их числу относят такие неопределенные термины как «уникальные преимущества», «никогда не осознаваемые последствия», «непреднамеренное... служение обществу», «функция, не ограниченной сознательной и явной целью».

⁴ Мертон Р. Социальная теория и социальная структура ... С. 161.

⁵ Там же. С. 161 — 162.

Данное различие помогает социологически интерпретировать многие социальные обычаи («суеверия», «иррациональности» и т. п.), которые сохраняются, несмотря на то, что их явная цель точно недостижима. Другими словами, когда групповое поведение не достигает или фактически часто не может достичь своей очевидной цели, люди склонны связывать его со слабым умственным развитием, простым невежеством, пережитками или так называемой инерцией.

Так, обряды племени гопи, цель которых — вызвать обильный дождь, могут называть суеверным обычаем первобытных людей и считать вопрос решенным. Подобным наклеиванием «ярлыков» типа «обряд», «суеверие» подменяют анализ действительной роли этого поведения в жизни группы. Если же прибегнуть к понятию латентной функции, то станет очевидно, что такое поведение может выполнять какую-то функцию в жизни группы, хотя эта функция может быть весьма далека от призванной цели поведения.

Во-вторых, понятие латентной временно позволяет исследователю игнорировать общепринятые эксплицитные цели и сфокусировать внимание на другом ряде последствий: тех, которые, например, имеют отношение к отдельным личностям племени гопи, вовлеченным в обряд, и к сохранению целостности большей группы.

Если бы все сводилось к вопросу о том, выполняется ли (посредством обряда племени гопи) явная (заявленная как цель) функция, то это стало бы проблемой не для социолога, а для метеоролога. И безусловно, наши метеорологи согласны, что обряд дождя не вызывает дожди; но это мало о чем говорит. Это всего лишь значит, что обряд не имеет данного технологического применения, что цель обряда и его фактические последствия не совпадают.

Но с помощью понятия латентной функции ученый изучает последствия обряда не для богов дождя или для метеорологических явлений, а для групп, совершающих обряд. И здесь можно обнаружить, как указывают многие наблюдатели, что обряд действительно имеет функции, но они являются непреднамеренными или латентными⁶.

Так, обряды могут выполнять латентную функцию укрепления солидарности группы, предоставляя периодическую возможность разрозненным членам группы собраться вместе для участия в совместных действиях. Как наряду с другими учеными указывал Дюркгейм, такие обряды являются средством, благодаря которому получают коллективное выражение настроения и мнения, являющиеся, как оказывается при дальнейшем анализе, основным источником единства группы.

Таким образом, благодаря систематическому применению понятия латентной функции можно обнаружить, что явно иррациональное поведение является временами позитивно функциональным для группы.

В-третьих, различие между явными и латентными функциями также направляет внимание социолога на теоретически плодотворные области исследования.

⁶ Мертон Р. Социальная теория и социальная структура ... С. 163.

Если он ограничивается изучением явных функций, то его задача, в основном, состоит в том, чтобы определить, достигает ли фактически обычай, учрежденный для конкретной цели, той самой цели.

Тогда, например, он спрашивает, достигла ли пропагандистская кампания своей цели усиления «готовности бороться», или «готовности покупать военные облигации», или «терпимости к другим этническим группам».

Это, конечно, важные и сложные типы исследования. Но до тех пор, пока социологи ограничиваются изучением явных функций, их исследования им диктуют практики (на данный момент не важно, кто это: промышленный магнат, лидер профсоюзов или, возможно, вождь навахо), а не теоретические проблемы, лежащие в основе данной дисциплины. Занимаясь в основном областью явных функций, для которых ключевой проблемой будет, достигают ли своих целей специально учрежденные обычаи или организации, социолог превращается в прилежного и умелого регистратора в целом известной модели поведения¹.

Но, вооруженный понятием латентной функции, социолог расширяет свое исследование именно в тех направлениях, которые более перспективны для теоретического развития дисциплины. Он изучает известные (или запланированные) социальные обычаи, чтобы выяснить латентные и, следовательно, не общепризнанные функции (наряду с явными функциями, конечно).

Например, он рассматривает последствия пропагандистской программы не только для усиления ее открыто заявленной цели пробуждения патриотического пыла, но и то, как она вызывает нежелание большого числа людей открыто выражать свое мнение, если оно расходится с официальной точкой зрения, и т. д.

Таким образом, заметный интеллектуальный вклад социолога прежде всего можно обнаружить в изучении непреднамеренных последствий (к которым относятся и латентные функции) социальных обычаев, а не только в изучении ожидаемых последствий (в том числе явных функций).

В-четвертых, открытие латентных функций знаменует собой значительный рост социологических знаний.

Именно латентные функции обычаев или верований не являются общеизвестными, так как это непреднамеренные и вообще неосознанные социальные и психологические последствия. В результате открытия, касающиеся латентных функций, представляют собой больший вклад в познание, чем открытия, касающиеся явных функций². Они представляют собой больший отход от предположений о социальной жизни, основанных на «здоровом смысле». Ввиду того, что латентные функции расходятся в большей или меньшей степени с открыто признанными явными функциями, исследование, раскрывающее латентные функции, очень часто дает «парадоксальные» результаты.

Кажущийся парадокс возникает из-за резкой модификации привычного подхода, при которой стандартизированный обычай или верование рассматривается только с точки зрения его явных функций. Введение понятия латентной функции в социальное исследование приводит к выводам, показы-

¹ Мертон Р. Социальная теория и социальная структура ... С. 164.

² Там же. С. 167.

вающим, что «социальная жизнь не так проста, как кажется сначала». Ибо пока люди ограничиваются определенными (то есть явными) последствиями, им сравнительно легко высказывать нравственное суждение об изучаемом обычае или веровании. Но восприятие дополнительных (латентных) последствий часто усложняет картину. Так, известный анализ престижного потребления, проведенный Т. Вебленом, привел к тому, что теперь эти латентные функции являются общепризнанными³.

Наконец, открытие латентных функций не только уточняет понятие функций, выполняемых определенными социальными моделями, но и знаменует качественно иной этап познания. Оно препятствует подмене социологического анализа наивными моральными суждениями. Поскольку нравственные оценки в обществе обычно основаны на явных последствиях сложившихся обычаев или моральных норм, анализ, построенный на латентных функциях, иногда может идти вразрез с преобладающими нравственными оценками⁴.

В качестве примера Мертон детально анализирует диапазон функций или диапазон подгрупп, которые обслуживает политическая машина, и приходит к выводу, что в настоящее время она выполняет для этих разных подгрупп некоторые функции, которые не выполняются адекватным образом одобренной культурой, или более традиционными структурами. Этот анализ помог ему объяснить, почему обычно (хотя и не обязательно) такими недолговечными и недейственными оказываются периодические попытки провести «политическую реформу», «выгнать мошенников» и «очистить наш политический дом». Он также подтвердил главную теорему: любая попытка ликвидировать существующую социальную структуру, не обеспечив адекватную альтернативную структуру для выполнения функций, ранее осуществляемых отмененной организацией, обречена на провал⁵.

Таким образом, понятия явных и латентных функций не «просто» теоретические (в негативном смысле этого слова), но в высшей степени практические. Прогнорировать их — значит увеличить риск неудачи при целеустремленном претворении социальных перемен.

Анализ взаимодействия явных и латентных функций позволил Мертону сформулировать более общую теорему: *социальные функции организации помогают определить структуру (включая набор персонала, входящего в структуру), точно так же, как структура помогает определить эффективность, с которой выполняются эти функции*.

Так, с точки зрения социального статуса, группа бизнеса и криминальная группа — действительно полные противоположности. Но статус не дает полного предположения о поведении и взаимоотношениях между группами. Эти отношения модифицируются благодаря функциям. При наличии определенных общих потребностей несколько подгрупп «интегрируются» — вне зависимости от личных желаний и намерений — централизуя структуру, удовлетворяющей эти потребности. Таким образом, структура влияет на функцию, а функция влияет на структуру⁶.

¹ Мертон Р. Социальная теория и социальная структура ... С. 170.

² Там же. С. 182.

³ Там же. С. 183.

⁴ Там же. С. 184.

2.3.6. Социальная структура и аномия

Одним из самых известных вкладов в структурный функционализм и социологию в целом стал анализ *отношений между культурной структурой, социальной структурой и аномией*, проведенный Р. Мертонем.

Культурная структура определялась им как «то, что формирует ряд нормативных ценностей, регулирующих поведение, общее для членов определенного общества или группы»¹. К социальной структуре он относил то, что «формирует ряд социальных отношений, в которые члены общества или группы различным образом включены»².

Аномия рассматривалась им как «распад в культурной структуре, происходящий в особенности тогда, когда существует острое расхождение между культурными нормами и целями и социально структурированными возможностями членов групп действовать в соответствии с данными нормами культуры»³.

Согласно концепции Мертона культурные ценности могут способствовать возникновению поведения, которое не соответствует направленности самих ценностей.

В данной связи он поставил перед собой цель — раскрыть, каким образом некоторые социальные структуры оказывают на некоторых лиц в обществе определенное давление, побуждающее их вести себя скорее вразрез с предписаниями, нежели в соответствии с ними⁴.

Главная гипотеза, которую выдвинул Мертон, состоит в том, что «отклоняющееся поведение можно социологически рассматривать как симптом расхождения между культурно предписанными устремлениями и социально структурированными путями осуществления этих устремлений»⁵.

Он подчеркивал, что нет ни одного общества, где не было бы норм, регулирующих поведение. Однако общества отличаются друг от друга тем, насколько эффективно народные обычаи, нравы и институциональные требования интегрированы с целями, занимающими высокое положение в иерархии культурных ценностей. Из типов обществ, возникающих в результате независимого изменения культурных целей и институционализированных средств, его интересует общество, в котором придается исключительно сильный акцент некоторым целям, но нет соответствующего акцентирования институциональных процедур.

Согласно Мертону, к крайнему типу, в котором сильное акцентирование некоторых целей успеха не сопровождается эквивалентным акцентированием институциональных средств, близка нынешняя американская культура⁶.

В рамках этой культуры укоренилась цель *денежного успеха*, что означает одно: на американцев со всех сторон обрушиваются предписания, закрепляющие за ними право, а часто и обязанность сохранять эту цель даже перед лицом непревзойденного разочарования. Пользующиеся престижем представители общества усиливают этот культурный акцент. В свою очередь, семья, школа и работа — ос-

¹ Мертон Р. Социальная теория и социальная структура ... С. 284.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 244.

⁵ Там же. С. 247.

⁶ Там же. С. 249.

новые факторы, формирующие структуру личности и целевую структуру американцев — обеспечивают интенсивное дисциплинирующее воздействие, необходимое для того, чтобы индивид сохранял в неприкосновенности цель, которая постоянно от него ускользает, и черпал мотив в надежде на вознаграждение, которая из раза в раз не оправдывается¹.

С этим позитивным акцентированием обязанности сохранять высокие цели соединен соответствующий акцент на наказании тех, кто умеряет свои амбиции. Американцев увещивают «не пасовать перед трудностями», ведь в словаре американской культуры, как и в лексиконе молодежи, «нет слова «неудача». Призыв культуры очевиден: нельзя предаваться унынию, нельзя прекращать борьбу, нельзя понижать свои цели, ибо «не неудача, а скромная цель — вот что является преступлением»².

По Мертону, американская культура обязывает принять три культурные аксиомы:

- во-первых, всем надлежит бороться за достижение одних и тех же высших целей, поскольку путь к ним открыт для всех;
- во-вторых, текущая кажущаяся неудача — всего лишь остановка на пути к конечному успеху;
- в-третьих, настоящая неудача состоит лишь в снижении амбиций или отказе от них.

Эти аксиомы, если их переложить на социологический язык, означают:

- во-первых, перенос критики среди тех, кто в силу своего положения в обществе лишен полного и равного доступа к возможностям, с социальной структуры на собственное «Я»;
- во-вторых, сохранение структуры власти в обществе. Это достигается путем принуждения индивидов, принадлежащих к низшим социальным стратам, к самоидентификации не с равными себе, а с теми, кто находится на самом вершине;
- в-третьих, обеспечение давлений, заставляющих подчиниться культурному диктату неумеренных амбиций, через угрозу неполного членства в обществе для тех, кто не выполнил это требование³.

Именно в этих условиях и благодаря этим процессам нынешняя американская культура продолжает характеризоваться превознесением богатства как основного символа успеха и отсутствием соответствующего акцентирования законных путей, по которым можно было бы проследовать к этой цели.

Мертон попытался ответить на вопросы: Как реагируют на это индивиды, живущие в таком культурном контексте? Какие последствия для поведения людей, по-разному расположенных в социальной структуре, имеет культура, в которой акцентирование господствующих целей успеха стало все более отделяться от эквивалентного акцентирования институционализированных процедур их достижения?

Для этого он перешел к рассмотрению типов приспособления индивидов в обществе, имеющем такую культуру, и выделил пять таких типов приспособления. Это: 1) *конформность*; 2) *инновация*; 3) *ритуализм*; 4) *бегство*; 5) *миттеж*.

¹ Мертон Р. Социальная теория и социальная структура ... С. 250.

² Там же. С. 253.

³ Там же. С. 254.

Первый тип — конформность, который означает принятие как культурных целей, так и институционализированных средств, характерен для общества с относительно высокой степенью стабильности. Чем выше степень стабильности в обществе, тем более типичным и распространенным становится первый тип приспособления.

Второй тип приспособления — инновация — состоит в использовании институционально запрещенных, но часто эффективных средств достижения хотя бы подобия успеха — богатства и власти. Дорогу инновации как форме приспособления открывает сильное культурное акцентирование цели успеха. Эта реакция возникает, когда индивид усвоил культурное акцентирование цели, не интернализировав при этом в равной степени институциональные нормы, регулирующие пути и средства ее достижения.

На примерах конкретных исследований Мертон показал, что в некоторых специализированных областях порок и преступление являются «нормальной» реакцией на ситуацию, *когда культурный акцент на денежный успех был усвоен, а доступ к общепризнанным и законным средствам достижения этого успеха почти полностью перекрыт*. Именно тогда, когда система культурных ценностей ставит буквально выше всего некоторые общие цели успеха и навязывает их всему населению в целом, а социальная структура одновременно жестко ограничивает или полностью перекрывает для значительной части того же самого населения доступ к одобряемым способам достижения этих целей, — девиантное поведение принимает широкие масштабы¹.

Эта теоретическая посылка помогла ему объяснить корреляции между такими переменными как *бедность и преступность*.

«Бедность» — не изолированная переменная, действующая одинаково везде, где бы ее ни находили; это лишь одна из переменных, входящая в комплекс опознаваемо взаимосвязанных социальных и культурных переменных. Самой по себе бедности и сопутствующего ей ограничения возможностей еще недостаточно, чтобы вызвать явно высокую интенсивность *преступного поведения*. Даже пресловутая «нищета посреди изобилия» не обязательно приведет к этому результату. Однако, когда бедность и связанные с ней невыгодные условия соперничают за культурные ценности, одобренные всеми членами общества, соединяются с акцентированием культурой денежного успеха как наивысшей цели, нормальным следствием этого становится высокая интенсивность *преступного поведения*².

Третий тип приспособления — ритуализм — состоит в том, что индивид пытается в частном порядке уйти от тех опасностей и фрустраций, которые кажутся ему неотъемлемым компонентом конкуренции за основные культурные блага, отказываясь от этих целей и тем больше привязываясь к безопасным рутинам и институциональным нормам³.

Если от американцев *нижнего класса* в ответ на фрустрацию, вызываемую преобладающим акцентом на большие культурные цели и фактом малых социальных возможностей, следует ожидать второго типа приспособления — «инновации» — то от американцев *нижнего среднего класса* следует ожидать большого представительства среди тех, кто прибегает к третьему типу приспособления, «ритуализму».

¹ Мертон Р. Социальная теория и социальная структура ... С. 264.

² Там же. С. 266.

³ Там же. С. 269.

Это связано с тем, что именно в низшем среднем классе родители обычно оказывают на детей непрерывное давление, дабы те строго следовали моральным наказам общества, тогда как вероятность того, что их социальное восхождение будет успешным, ниже, чем в высшем среднем классе. Строгое дисциплинарное принуждение к подчинению правам снижает вероятность второго типа приспособления и повышает вероятность третьего. Так образцы социализации низшего среднего класса способствуют появлению самой структуры характера, наиболее предрасположенной к ритуализму. А потому именно в этом социальном слое будет чаще встречаться третья форма приспособления, хотя эта гипотеза нуждается в эмпирической проверке⁴.

Четвертый тип приспособления — бегство — означает отвержение культурных целей и институциональных средств. Этот тип встречается, по Мертону, наиболее редко. Люди, которые приспособились (или неадекватно приспособились) таким способом, строго говоря, находятся в обществе, но по истине являются в нем «чужими». Поскольку они не разделяют общую структуру ценностей, их можно отнести к числу членов общества (в отличие от населения) чисто фиктивно. В механизмах бегства находят выражение пораженческие настроения, пассивность и смирение, которые, в конечном счете, приводят индивида к «бегству» от требований общества⁵.

Пятый тип приспособления — мятеж. Это тип коллективного приспособления который представляет собой переходную реакцию, заключающую в себе попытку институционализировать новые цели и процедуры, которые могли бы быть приняты другими членами общества. Таким образом, речь идет о попытках изменить существующую культурную и социальную структуру, вместо того чтобы пытаться вписать свои усилия в рамки самой этой структуры⁶.

Рассмотренная Мертоном *социальная структура*, по его мнению, предрасполагает к *аномии и девиантному поведению*. До тех пор, пока чувства, поддерживающие эту состязательную систему, распределены по всему спектру деятельности и не ограничиваются одним только конечным достижением «успеха», выбор средств будет в значительной степени оставаться под институциональным контролем. Но когда культурный акцент переносится с удовлетворений, вытекающих из самого процесса конкуренции, на едва ли не исключительное внимание к его результатам, возникает напряжение, ведущее к крушению регулирующей структуры.

С ослаблением институциональных механизмов контроля возникает ситуация, очень близкая к той, которую философы-утилитаристы ошибочно считали типичной для общества: ситуация, когда калькуляция личной выгоды и страх наказания становятся единственными регулирующими факторами⁷.

Мертон отмечал, что предрасположение к аномии распределено в обществе неравномерно. Некоторые социальные страты наиболее уязвимы для давлений, подталкивающих к девиантному поведению, в них даже выявлен ряд механизмов, ответственных за возникновение этих давлений. Хотя ради упрощения задачи он взял в качестве главной культурной цели денежный успех; хотя на складе общих ценностей можно, конечно, найти и альтернативные цели. Миры интеллектуальных и художественных достижений пре-

⁴ Мертон Р. Социальная теория и социальная структура ... С. 270.

⁵ Там же. С. 274.

⁶ Там же. С. 275.

⁷ Там же. С. 278.

доставляют, например, иные образцы карьеры, не связанные с крупными денежными вознаграждениями. В той мере, в какой культурная структура наделяет престижем эти альтернативы, а социальная структура дает к ним доступ, система несколько стабилизируется. У потенциальных девиантов остается возможность подчиниться ей в рамках этих запасных наборов ценностей. Однако главные предрасположения к аномии сохраняются, и именно на них предложенная здесь аналитическая схема обращает особое внимание¹.

Следует отметить, что диапазон научных интересов Мертона был необычайно широк. Он заложил основы функционального социологического анализа науки как особого социального института с присущим ему этосом — «аффективно окрашенным комплексом ценностей и норм, считающимся обязательным для человека науки»². Этос современной науки образуют четыре институциональных императива: универсализм, коммунизм, бескорыстность и организованный скептицизм.

Ему также принадлежат крупные исследования в области структуры и дисфункции бюрократии, в области радио и кинопропаганды. Большой вклад он внес в социологию познания, а также в теорию референтных групп. Таким образом, тематический уровень его эмпирического интереса также был очень широк. Как отмечают специалисты, «...казалось, что он забрал отовсюду различные темы и затем продолжил их методически и тщательно изучать в тех аспектах социальной жизни, которые посчитал значительными, и придумал неологизмы для их обозначения. Ряд из них вошли в словари не только социальных наук, но и стали употребляться в повседневности. Список концептов Р. Мертона, который вошел в канон современной социологии, включает: явные и латентные функции, дисфункции, самореализацию предсказаний, гомотфилию и гетерофилию, статусные и ролевые установки, возможности структуры, предварительную социализацию, поведение референтных групп, теории среднего уровня, социологическую амбивалентность, местные и космополитические воздействия, и многое другое»³.

Однако наиболее важной заслугой Р. Мертона в развитие современной социологии признана защита им классического стиля создания социологии и логический анализ и интерпретация наследия классических теорий, поэтому работы Мертона часто относят к «современной социологической классике»⁴.

Во-первых, он внес устойчивый независимый вклад в общую социологическую теорию, так же как и в некоторые специальные теории социологических субдисциплин. Так, в социологии науки, социологии девиантного поведения все еще сильны «мертоновские школы».

Во-вторых, он подтвердил определенное единство «классического» стиля социологического теоретизирования и формирования понятий.

Он критически осмыслил и, можно сказать, переработал две теоретические ориентации: функциональный и структурный анализ, применив их к социологии. Структурный анализ по Мертону — это естественный дополнительный продукт функционального анализа, поэтому его концепцию правомерно определить как функциональный структурализм. В то время как функциональный анализ определяет последствия социального явления для его

¹ Мерстон Р. Социальная теория и социальная структура ... С. 278.

² Там же. С. 770.

³ Setompka P. Merton Robert // Fifty Key Sociologists: The Formative Theorists / J. Scott (ed.). London and New York, Routledge, 2007. P. 169–173.

⁴ Ibid. P. 173.

дифференцированного структурного контекста, структурный анализ ищет детерминанты явления в его структурной обстановке.

Если Т. Парсонс стал важнейшим теоретиком структурного функционализма, то Р. Мерстон выступил автором понятийного аппарата структурного функционализма в социологии XX в. При этом новые, усовершенствованные данный подход концептуальные построения, выдвинутые этим признанным ученым, во многом способствовали сохранению актуальности рассматриваемого направления в социологии. Выдающийся вклад Р. Мертона в формирование социологии XX столетия не только не оспаривается, но и подтверждается вместе с каждым новым «поворотом» развития социологической науки¹.

В целом, несомненной заслугой основателей структурного функционализма является стремление упорядочить как само социологическое знание, так и четко ограничить его предметную область посредством выделения крупных социальных структур и анализа их функций. В рамках именно этого направления во многом сформировался понятийный аппарат современной теоретической социологии, в который прочно вошли такие понятия как социальная структура, функция, дисфункция, институт, ценности, нормы, санкции, социальный контроль, социализация и целый ряд других. Этим понятийным аппаратом до сих пор активно пользуются как его сторонники, так и оппоненты.

В середине XX столетия это направление можно было обнаружить одновременно на многих интеллектуальных фронтах, где оно разрасталось скорее шири, чем вглубь². В то же время были выявлены серьезные недостатки структурно-функционального анализа, которые предопределили как необходимость периодического пересмотра его основных положений, так и обусловили критику. Эта критика, направленная не столько на методологию структурных функционалистов, сколько на несоответствие их посылок новым, «конфликтным» социальным реалиям, перед лицом которых оказалось западное общество в 60-е гг. XX в., была предпринята основателями конфликтологического направления — социологами Льюисом Козером и Ральфом Дарендорфом.

Первоисточники для изучения

- Малиновский Б. Научная теория культуры // Научная теория культуры / Бронислав Малиновский. Пер. с англ. И. В. Утекина. 2-е изд. М.: ОГИ, 2005. С. 21.
- Малиновский Б. Функциональная теория // Научная теория культуры / Бронислав Малиновский. Пер. с англ. И. В. Утекина. 2-е изд. М.: ОГИ, 2005.
- Мерстон Р. Бюрократическая структура и личность // Мерстон Р. Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2006. Часть II, глава VIII.
- Мерстон Р. Вклад в теорию референтно-группового поведения // Мерстон Р. Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2006. Часть II, X.
- Мерстон Р. Исследования в области радио и кинопропаганды // Мерстон Р. Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2006. Часть III, глава XVI.

¹ Покровский Н.Е. Одиннадцать заповедей функционализма Роберта Мертона // Социологические исследования. 1992. № 2. С. 114–117.

² См. об этом: Мерстон Р. Социальная теория и социальная структура ...

- Мертон Р. Наука и социальный порядок // Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2006. Часть IV.
- Мертон Р. Социология познания и массовых коммуникаций // Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2006. Часть III, введение, главы XIV, XV.
- Парсонс Т. О построении теории социальных систем: интеллектуальная автобиография // Парсонс Т. Система современных обществ / Пер. с англ. Л.А. Седова и А.Д. Ковалева; Под ред. М.С. Ковалевой. М.: Аспект Пресс, 1998.
- Парсонс Т. О социальных системах / Под ред. В.Ф. Чесноковой и С.А. Белановского. М.: Академический проект, 2002.
- Парсонс Т. О структуре социального действия. М.: Академический проект, 2002.
- Парсонс Т. Система современных обществ / Пер. с англ. Л.А. Седова и А.Д. Ковалева; Под ред. М.С. Ковалевой. М.: Аспект Пресс, 1998.
- Рэдклифф-Браун А.Р. Методы этнологии и социальной антропологии // Метод в социальной антропологии. М.: КАНОН-пресс-Ц, 2001.
- Рэдклифф-Браун А. О социальной структуре // Рэдклифф-Браун А. Структура и функция в примитивном обществе. Очерки и лекции. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2001.
- Рэдклифф-Браун А.Р. Социальная структура // Метод в социальной антропологии. М., КАНОН-пресс-Ц, 2001.
- Рэдклифф-Браун А.Р. Становление социальной антропологии // Рэдклифф-Браун А.Р. Метод социальной антропологии. М.: Канон-Пресс-Ц; Кучково поле, 2001.

Глава 3

ТЕОРИИ СОЦИАЛЬНОГО КОНФЛИКТА

В общественных науках *термин конфликт* — (от лат. «conflictus» — столкновение) — означает «процесс развития и разрешения противоречивости целей, отношений и действий людей, детерминированный объективными и субъективными причинами и протекающий в двух диалектически взаимосвязанных формах — противоречивых психологических состояний и открытых противоречивых действий сторон на индивидуальном и групповом уровнях»¹.

Направление мысли, подчеркивающее значимость конфликта в общественной жизни, которое некоторые исследователи называют «традицией конфликта», имеет многовековую историю.

Так, конфликтное видение общества «возникало вновь и вновь там, где присутствовали прозорительные политические наблюдатели. <...> где интеллектуалы серьезно пытались писать историю. <...> которая была в значительной степени историей конфликтов, войн, политических восстаний, маневров и перемен различных фракций»². Его можно обнаружить в «Политических рассуждениях» Николо Макиавелли, а за две тысячи лет до этого — в трудах Фукидида, который повествует о конфликтах в его родных Афинах³.

В социологии проблематика конфликта как одного из видов социальных отношений ставилась с момента зарождения этой дисциплины. Основателями социологической науки социальный конфликт в целом трактовался как «противостояние, борьба между индивидами или группами людей, пронизывающая все области общественных отношений и сферы человеческой деятельности»⁴, и признавался одним из решающих факторов социального развития.

К родоначальникам «теории» или «традиции» социального конфликта в социологии ряд ученых относит К. Маркса и Ф. Энгельса⁵. Например, Р. Коллинз начинает анализ традиции конфликта с К. Маркса как ее «символа, поскольку этому мыслителю удалось объединить различные направления анализа конфликта, которые существовали в его время»⁶.

Однако концепции классов и классовой борьбы, а также пролетарской революции К. Маркса, которые часто отождествляются с теорией конфликта, являлись у этого мыслителя лишь элементами его общей теории общества (исторического

¹ Соснин В.А. Конфликт // Российская социологическая энциклопедия / Под общ. ред. Г.В. Осипова. М.: НОРМА-ИНФРА М, 1998. С. 214.

² Коллинз Р. Четыре социологические традиции ... С. 62–63.

³ См.: Там же.

⁴ Здравомыслов А.Г. Конфликт социальный // Новая философская энциклопедия: В 4 т. М.: Мысль, 2010. Т. II. С. 301.

⁵ Тернер Дж. Структура социологической теории. М., 1985. С. 127; Коллинз Р. Четыре социологические традиции ... С. 63.

⁶ Коллинз Р. Четыре социологические традиции ... С. 64.

материализма). Согласно этой теории, история общества — это процесс становления, развития и смены общественно-экономических формаций. Определяющей силой общественного развития является способ производства, а движущей силой в условиях эксплуататорских общественных формаций — классовая борьба. «Приобретая новые производительные силы. — писал К. Маркс, — люди изменяют свой способ производства, а с изменением способа производства, способа обеспечения своей жизни — они изменяют все свои общественные отношения»¹. Борьба классов, «существование которых связано лишь с определенными историческими фазами развития производства»², как неотъемлемый атрибут капиталистического общества и «буржуазного способа производства», безусловно, носит конфликтный характер.

Согласно взглядам К. Маркса, «история до сих пор существовавших обществ была историей борьбы классов. Свободный и раб, патриций и плебей, помещик и крепостной, мастер и подмастерье, короче, угнетающий и угнетаемый находились в вечном антагонизме друг к другу, вели непрерывную, то скрытую, то явную борьбу, всегда кончавшуюся революционным переустройством всего общественного здания или общей гибелью борющихся классов»³. Но сама эта борьба может быть понята только в рамках общего учения об обществе и законах исторического развития К. Маркса, поскольку ее причины изначально заложены в несоответствии уровней развития производительных сил и производственных отношений.

Подобным образом ряд основателей социологии включали «конфликт» (борьбу) в свои фундаментальные теории.

Так, Г. Спенсер, включив конфликт в общую концепцию социальной эволюции, рассматривал его как неизбежное явление в истории человеческого общества и стимул социального развития.

М. Вебер, которому наряду с К. Марксом, присваивают звание «родоначальника современной социологии конфликта»⁴, считал конфликт (борьбу) выражением самой многомерности вещей, множественности различных групп, интересов, перспектив, которые констатируют мир. Несмотря на согласие и солидарность, которые можно наблюдать в некоторых сегментах общества, мир представляет собой смешение борющихся частей⁵. «Конфликт нельзя исключить из социальной жизни... "Мир" — это не более чем изменение формы конфликта или смена конфликтующих сторон, или смена предмета конфликта, или, наконец, возможностей выбора» — писал этот ученый⁶.

Г. Зиммель в своей работе «Социология»⁷ специальную главу посвятил конфликту как одной из форм «социации» индивидов, подлежащей социологическому анализу⁸.

¹ Маркс К. Ницше философия // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 4. С. 133.

² Маркс К. Письмо к И. Вейдемайеру от 5 марта 1852 года // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 28. С. 427.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 4. С. 424.

⁴ Коллиз Р. Четыре социологических традиции ... С. 108.

⁵ Цит. по: Коллиз Р. Четыре социологических традиции ... С. 100.

⁶ Weber M. The Methodology of the Social Sciences / Trans. and ed. Edward A. Shils and Henry A. Finch. Glencoe, The Free Press, 1949. P. 26 — 27.

⁷ Simmel G. Soziologie. Untersuchungen über die Formen der Vergesellschaftung. Leipzig: Dunker & Humblot, 1908.

⁸ В данной главе он назвал конфликт «спором» — «der Streit» (в пер. с нем. яз. — спор).

В свои общие социологические построения включали конфликтные отношения П. Сорокин, У. Самнер, А. Уорд, А. Смолл, Ф. Гиддингс, Ф. Теннис, Г. Веблен, Р. Парк и многие другие социологи.

Теории социального конфликта как специальные социологические теории, опирающиеся на «конфликтную модель общества», оформились в автономное социологическое направление лишь в 50–60-е гг. XX в. В рамках этого направления социальный конфликт стал основным предметом социологического анализа и рассматривался как постоянный и неустрашимый компонент общественной жизни, включенный, явно или имплицитно, в структуру социальных отношений. Его представители поставили в центр своего внимания вопросы о причинах и формах социального конфликта, фазах его развития и средствах, которые используют конфликтующие стороны в борьбе за реализацию своих разноплановых интересов.

Становление теорий социального конфликта в западной социологии середины XX в. связано с именами Льюиса Козера (1913–2003) и Ральфа Дарендорфа (1929–2009). Книги этих ученых — «Функции социального конфликта»¹ Л. Козера и «Социальные классы и классовый конфликт в индустриальном обществе» Р. Дарендорфа² увидели свет почти одновременно: 1956 и 1957 г. соответственно. Появление этих работ в известной степени стало реакцией на ситуацию, сложившуюся в социологии к середине XX столетия, когда под влиянием структурного функционализма Т. Парсонса, проблематика конфликта, хотя и развивалась на эмпирическом фронте³, оказалась за пределами теоретического социологического анализа.

3.1. Функциональная теория конфликта Льюиса Козера

3.1.1. Краткая биография и основные труды

Льюис Альфред Козер (Lewis Coser) (настоящее имя — Людвиг Козер⁴) родился в 1913 г. в Берлине в богатой еврейской семье. В 1933 г., после прихода к власти нацистов, поскольку он активно участвовал в различных группировках левого толка, и к тому же был евреем, Л. Козеру пришлось переехать в Париж. В Париже он сменил множество профессий, и только после того, как правительство Народного фронта, возглавляемое Леоном Блюмом, пришло к власти в 1936 г., получил постоянную работу во французском представительстве американской брокерской фирмы. Там же он стал активистом социалистического движения, примкнув к ряду радикальных групп, включая троцкистскую организацию «Искра»⁵.

В 1935–1938 гг. Козер бесплатно посещал Сорбонну; первые несколько семестров он столь успешно изучал сравнительное литературоведение, что один из его преподавателей — Жан-Мари Карре заинтересовался, не входит ли в его планы написание диссертации. Когда Козер изложил ему свой за-

¹ Coser L.A. The Functions of Social Conflict. New York, 1956.

² Dahrendorf R.G. Soziale Klassen und Klassenkonflikt in der industriellen Gesellschaft. Stuttgart: Ferdinand Enke, 1957.

³ Коллиз Р. Четыре социологических традиции ... С. 112.

⁴ Ludwig Cohen. Его отец поменял фамилию для всей семьи на Козер.

⁵ Perrin A. Lewis Coser Remembered // Sociologists Remember Lewis Coser. September — October, 2003.

мысел — попытаться провести сравнительный анализ английской новеллы викторианской эпохи, а также немецкой и французской новеллы примерно того же времени, и при этом проанализировать, каким образом различные социальные структуры этих стран повлияли на формирование различных новелл, профессор Карре в ужасе воскликнул: «Социальные структуры, мой друг, не предмет изучения сравнительного литературоведения; их изучают социологи!»¹. Таким несколько необычным образом этот молодой исследователь стал социологом.

Следует отметить, что социология во Франции того времени, особенно в Сорбонне, находилась под сильным влиянием школы Э. Дюркгейма, активно пропагандировавшей идеи своего учителя, труды которого обязывали читать студентов. При этом другие исследователи — социологи, в том числе и немецкие — игнорировались. Единственным ученым, широко обсуждаемым за пределами магического дюркгеймовского кружка, был Карл Маркс — в Сорбонне было множество активных марксистских групп, руководимых членами коммунистической партии или представителями других групп левого толка.

Как вспоминал Козер, он уже был знаком с идеями Маркса в Германии, а во Франции стал изучать его труды с особым прилежанием. В целом, в Париже существовала активная интеллектуальная среда левой ориентации, и он многое обсуждал в дискуссиях со своими французскими и немецкими друзьями. Одним из них был бежавший из гитлеровских застенков Генри Якоби, который стал его ближайшим другом в Европе, а потом и в Америке. Он же «освободил» А. Козера от ортодоксии марксизма, в которой он уже начал заостеневать.²

В 1940 г. А. Козер, как и все уроженцы Германии, даже еврей-антифашисты, был арестован французскими властями, которые отправили его в специальный лагерь на юге Франции. Это послужило серьезным доводом для эмиграции в США. По специальной квоте, предоставленной этой страной для политических мигрантов-антифашистов, и сменив по совету миграционной службы немецкое имя Людвиг на более нейтральное — Льюис, в 1941 г. А. Козер отбыл в Нью-Йорк.

В США он работал в различных правительственных комиссиях, начиная с отдела военных новостей и заканчивая Министерством обороны; стал задумываться о своей карьере в качестве журналиста, пытался писать обзоры книг для таких газет как «Нация», «Прогресс» и «Партизанское Обозрение», но довольно скоро понял, что «на это не проживешь»³.

В 1942 г. А. Козер женился на Роз Лауб; через нее, продолжавшую после войны учебу в Колумбийском университете, он познакомился с Р. Мертоном и Р. Линдом, а в 1948 г., получив американское гражданство, стал студентом данного университета.

Однако весной того же года его пригласили на собеседование к Д. Рисмэну, бывшему молодому блестящему юристу из Университета Брендис, который решил стать социологом и, приняв предложение факультета социальных наук одного из колледжей Чикагского университета, приехал в Нью-Йорк с

¹ Козер А. Неполная судьба социолога // Козер А. Функции социального конфликта / Пер. с англ. О.А. Назаровой. М.: Идея — Пресс. Дом интеллектуальной книги, 2000. С. 8.

² Там же. С. 9.

³ Там же.

целью поиска новых сотрудников. А. Козер пришел на собеседование и после двух часов напряженной интеллектуальной беседы с Д. Рисмэном получил предложение преподавать американскую историю в колледже Чикагского университета. Поблагодарив Рисмэна, он отказался, но через две недели ему предложили занять должность преподавателя уже на факультете социальных наук и социологии. Таким образом, если во Франции он «довольно случайно стал изучать социологию, то в Америке почти столь же случайно оказался преподавателем социологии»⁴.

Во время работы в колледже Чикагского университета молодой ученый получил возможность не только углубить свои познания в социологии, но и ознакомиться с самыми разными подходами и точками зрения. Он читал лекции по «Протестантской этике» М. Вебера и по «Разделению труда» Э. Дюркгейма, но также обсуждал со студентами труды социального антрополога Маргарет Мид, знакомил их с работами экономиста Гундара Мюрдала и основоположника психоанализа Зигмунда Фрейда.

После двух лет работы в Чикаго он вернулся в Нью-Йорк, чтобы «посвятить себя социологии в Колумбийском университете». Там он попал в круг молодых преподавателей, ощущавших себя на передовых рубежах развития дисциплины и придерживавшихся нового теоретического подхода — структурного функционализма — Р. Мертона, Б. Барбера и К. Дэвиса, которые были студентами Т. Парсонса в Гарвардском университете. Во многом под их влиянием А. Козер начал «встраивать свои марксистско-дюркгеймовские познания в структурно-функционалистское образование»⁵.

Как писал сам Козер, «я был готов также присоединиться к структурно-функционалистскому подходу, но все же оставались некоторые сомнения. Колумбийский университет был тем местом, где традиционный функционализм Малиновского и Парсонса был подвергнут критическому анализу со стороны исследователей, возглавляемых Робертом К. Мертоном. Я вновь почувствовал себя еретиком. Прежде всего, в работах Парсонса и его последователей прочитывалось пристрастие к социальной гармонии, общим нормам, стабильности общества и общепризнанным рамкам социальной деятельности. Все это выглядело по меньшей мере неубедительно для человека, видевшего подъем фашизма в Европе, разрушения, причиненные Второй мировой войной, сталинский террор и насилие в Советском Союзе. Мир Хиросимы и Освенцима мало походил на мир благодушных либералов типа Парсонса и некоторых его учеников первого и второго поколений. Какое отражение в их трудах нашли ужас и негуманность того мира, из которого мы только что вырвались?»⁶

Козер видел пропасть между парсоновским подходом к социальным явлениям и собственными нарождавшимися взглядами. «Очевидно, что человек, выросший в спокойной обстановке и работавший в 20-е гг. президентом колледжа небольшого городка на Среднем Западе, будет склонен к иным идеологическим и политическим установкам в отношении своей страны и ее социальной структуры, нежели человек, выросший в суматохе Веймарской республики, культурных потрясений, в обществе, развалившемся на глазах.

⁴ Козер А. Неполная судьба социолога ... С. 10.

⁵ Там же. С. 11.

⁶ Там же. С. 12.

Такие люди не могли иметь сходное *Weltanschauung* (мировоззрение. — Н. О.)¹. В данной связи в диссертации «К социологии социального конфликта»², которую он защитил в 41 год, а также в последующей за ней книге — «Функции социального конфликта»³, он попытался сделать социальный конфликт предметом функционалистского анализа⁴.

Через несколько лет эта книга стала бестселлером, была переведена на несколько языков, а Л. Козер — «к 50 годам, к своему удивлению, стал видным социологом»⁵. Он 15 лет преподавал в университете Брендис (г. Бостон), где основал факультет социологии, читал лекции в Чикагском университете и университете Беркли в Калифорнии. Затем вплоть до выхода на пенсию в 1987 г. работал в Нью-Йорке в университете «Стоуни-Брукс».

В течение долгих лет Л. Козер играл социальные роли двух типов — «бесстрастного» ученого-социолога и журналиста радикального левого толка.

Как социолог Козер преподавал и активно участвовал в жизни американского социологического сообщества, но так и «не смог стать приверженцем какого-либо определенного подхода или теории, которые время от времени доминировали в социологии на протяжении XX века»⁶.

В 1964 — 1965 гг. он являлся президентом Восточного социологического общества; в 1967 — 1968 гг. — президентом Общества по изучению социальных проблем. В 1975 г. он был избран 66 президентом Американской социологической ассоциации. Его инаугурационная речь «Два метода в исследовании реальности», произнесенная 25 августа 1975 г. на ежегодном собрании этой ассоциации в Сан-Франциско, опубликована в Американском социологическом обозрении⁷. В 90-е гг. прошлого столетия в Берлине, Дрездене и Лейпциге, читая публичные лекции, он выражал сожаление о том, что «социологии угрожает потеря ее критического пафоса»⁸.

Как социал-демократ, которым он стал еще в юности, Л. Козер никогда не изменял своих политических взглядов, хотя ему пришлось отказаться от многого в марксистском наследии, например от идеи победы социализма в мировом масштабе.

«Я стал менее оптимистичен, чем в молодости. Но моим убеждением остается то, что социалистическое государство в качестве социальной утопии будет водупреждать человечество и в будущем, если мы не захотим превратить мир в строго регламентированный бюрократический концлагерь»⁹, — писал этот ученый.

Он считал, что центром современной политической теории должен стать поиск путей создания лучшего, справедливого и эгалитарного демократиче-

¹ Козер Л. Нетипичная судьба социолога... С. 14.

² Coser L.A. Towards a Sociology of Social Conflict. Ph. D. Dissertation. Columbia University, 1954. University Microfilms Publication № 8639.

³ Coser L.A. The Functions of Social Conflict. New York, 1956.

⁴ Козер Л. Нетипичная судьба социолога... С. 12.

⁵ Rule J.B. Lewis Coser: 1913—2003 // Dissent. 2003. Fall.

⁶ Козер Л. Нетипичная судьба социолога... С. 7.

⁷ Coser L.A. Two Methods in Search of a Substance // American Sociological Review. Vol. 40. 1975. № 6. P. 691—700.

⁸ Perrin A. Lewis Coser Remembered // Sociologists Remember Lewis Coser. September—October. 2003.

⁹ Козер Л. Нетипичная судьба социолога... С. 16.

ского общества. Социология же предоставляла для него лишь частный способ познания социального мира, который он хотел преобразовать¹. Так, с приходом в жизнь американского общества «маккартизма», приведшего к жесткой цензуре и гонениям на всех приверженцев левых взглядов, этот исследователь, всегда готовый писать на «запросы дня», воплотил в жизнь смелую идею создать собственный общественно-политический журнал. Этот журнал «Диссидент»², основанный Л. Козером в 1954 г. при поддержке других видных ученых, до сих пор является «влиятельным голосом» левых сил США.

После официального выхода на пенсию Л. Козер вместе со своей семьей переехал жить в Кембридж (штат Массачусет), в университете которого он получил статус почетного профессора. Он умер в 2003 г., не дожив до своего 90-летия всего несколько месяцев.

Л. Козер — автор и редактор 18 книг. Проблематике социального конфликта посвящены такие его труды как «Функции социального конфликта»³ (1956); Социальный конфликт и теория социального изменения⁴ (1957); «Дальнейшие исследования социального конфликта»⁵ (1967); «Конфликт и консенсус»⁶ (1984).

Он известен также своими фундаментальными монографиями по истории и теории социологии, в числе которых: «Социологическая теория»⁷ (1957); «Георг Зиммель»⁸ (1965); «Мастера социологической мысли: идеи в историческом и социальном контексте»⁹ (1970); «Американские ученые-эмигранты»¹⁰ (1984). Им также опубликован ряд работ, посвященных идеям своих современников — Р. Мертона¹¹ и М. Хальбвакса¹².

Политические взгляды Л. Козера нашли отражение в следующих изданиях: «Американская коммунистическая партия: критическая история — Франклин Рузвельт и эра новых дел»¹³ (в соавторстве с И. Хоув) (1957); «Люди идей: социологический взгляд»¹⁴ (1965); «Политическая социология»¹⁵ (1967); «Семидесять: проблемы и предложения»¹⁶ (1972); «Всепоглощающие институты»¹⁷ (1974); «Новые консерваторы. Критика "слева"»¹⁸ (1999).

¹ Rule J.B. Lewis Coser: 1913—2003 // Dissent. 2003. Fall.

² «Dissident» — в переводе на русский язык — «Инакомыслящий».

³ Coser L.A. The Functions of Social Conflict. New York, 1956. Эта книга, ставшая классикой социологической теории, в 1997 г. была включена в список «Бестселлеров века», составленный журналом «Современное социологическое обозрение».

⁴ Coser L.A. Social Conflict and the Theory of Social Change. New York: Ardent Media, 1957.

⁵ Coser L.A. Continuities in the Study of Social Conflict. New York, 1967.

⁶ Coser L.A. Conflict and Consensus. New York, 1984.

⁷ Coser L.A. Sociological Theory. New York, 1964.

⁸ Coser L.A. Georg Simmel. New York, 1965.

⁹ Coser L.A. Masters of Sociological Thought: Ideas in Historical and Social Context. San Diego, California: Harcourt, 1970.

¹⁰ Coser L.A. Refugee Scholars in America. New York: Yale University Press, 1984.

¹¹ Coser L.A. The Idea of Social Structure // Papers in Honor of R. K. Merton. New York, 1975.

¹² Coser L.A. Maurice Halbwachs: In Collective Memory. New York, 1992.

¹³ Coser L.A., Howe I. The American Communist Party: A Critical History — Franklin D. Roosevelt & the Era of the New Deal. New York, 1957.

¹⁴ Coser L.A. Men of Ideas: A Sociologist's View. New York: The Free Press, 1965.

¹⁵ Coser L.A. Political Sociology. New York, 1967.

¹⁶ Coser L.A., Howe I. The Seventies: Problems and Proposals. New York, 1972.

¹⁷ Coser L.A. Greedy Institutions. New York, 1974.

¹⁸ Coser L.A., Howe I. The New Conservatives: A Critique from the Left. New York, 1999.

3.1.2. Проблематика конфликта и структурный функционализм

Л. Козер доказал, что в системах первых американских социологов (А. Смолла, У. Росса, У. Самнера и других) конфликт был не только основной категорией, но и рассматривался как неотъемлемая черта социальной структуры, а отдельные типы конфликта, получавшие негативную оценку, могли быть устранены, как им казалось, только посредством структурных изменений¹.

Следующее поколение социологов, в особенности социологи Чикагской школы, помещали конфликт в ряд немногочисленных базовых форм человеческих взаимодействий. Сам Р. Парк не только использовал «конфликт» как одно из основных и центральных понятий, но и постоянно подчеркивал его позитивные функции². Большинство же исследователей, определяющих современный облик социологической дисциплины, практически игнорируют понятие социального конфликта. В центре их внимания — преимущественно адаптация, а не конфликт; социальная статика, а не социальная динамика. Важнейшей проблемой для них является сохранение существующих структур, а также способы и средства обеспечения их спокойного функционирования³.

Козер выделил причины подобного «устранения» понятия «социального конфликта», которое традиционно играло важную роль в понимании главных областей социальных отношений.

Первой причиной стало изменение положения социологов в обществе и, прежде всего, их «перемещение» из «чисто» академической социологии в прикладную область исследований, предполагающую участие в работе различных государственных и частных бюрократических структур. В результате они в значительной степени лишились свободы выбора исследовательских задач и интересующих их собственно теоретических проблем, заменив их проблемами своих клиентов⁴.

Вторая причина состояла в трансформации отношений социологов с их аудиторией, а также состава этой аудитории. На этапе зарождения американской социологии аудитория играла роль «слушателя», и хотя она определенно влияла на представления социолога, но она не могла непосредственно влиять на выбор им исследовательских проблем. Современная аудитория, напротив, зачастую не только слушатель, но и заказчик. В данной связи социолог, связавший свою деятельность с заказчиком в лице государственной или частной бюрократической структуры, будет решать те проблемы, которые перед ним поставит ее руководство и, в первую очередь, проблемы «сохранения существующего институционального порядка»⁵.

Поколение «кранних» американских социологов обращалось в основном к людям, ориентированным на конфликт — юристам, реформаторам, политикам, радикалам всякого рода. Современные американские социологи на-

¹ Козер Л. Функции социального конфликта / Пер. с англ. О.А. Назаровой. М.: Идеи — Пресс, Дом интеллектуальной книги, 2000. С. 38.

² Park R.E., Burgess E.W. Introduction to the Science of Society. Chicago: Chicago University Press, 1921.

³ Козер Л. Функции социального конфликта. С. 31.

⁴ Там же. С. 46.

⁵ Здесь Л. Козер ссылается на работу: Merton R.K., Lerner D. Social Scientists and Research Policy // The Policy Sciences / Lerner, Lasswell (eds). Palo Alto: Stanford University Press, 1951. P. 293.

ходят свою аудиторию в основном среди людей, «испытывающих страх перед конфликтами и призывающих к групповому единству»¹. Это социальные работники, психологи и психиатры, религиозные лидеры, работники образования, а также менеджеры в государственных и частных структурах. В соответствии с запросами этих категорий изменились представления многих социологов о себе и своем предназначении — от имиджа «социального реформатора» или «сознательного защитника реформ» — к имиджу «защитника от неприятностей» и «специалиста в области человеческих отношений». В данной связи «современные социологи склонны фокусировать внимание на одних аспектах социального поведения, не замечая других, столь же важных с теоретической точки зрения»², и заменили анализ конфликта изучением «напряженностей», «трений» и психологической дезадаптации³.

Наиболее ярким и характерным примером такого смещения фокуса исследований — от социального конфликта — к социальному порядку — Л. Козер считал труды Т. Парсонса, которые, начиная со «Структуры социального действия», представляют собой пространный комментарий к гоббсовскому вопросу: «Как возможен социальный порядок?» Он отмечал, что, несмотря на то, что Т. Парсонс — один из виднейших исследователей М. Вебера в США, и М. Вебер оказал огромное влияние на его творчество, его работы в этом направлении, по-видимому, более близки дюркгеймовским поискам слочения общества перед лицом грозящей аномии, чем настойчивым веберовским утверждениям. Таким образом, сосредоточившись на нормативных структурах, поддерживающих и гарантирующих социальный порядок, Т. Парсонс пришел к пониманию конфликта как явления, несущего в основном разрушительные, развращающие и дисфункциональные последствия, и стал считать конфликт по преимуществу «болезнью». Позиция Т. Парсонса в этом отношении отнюдь не является исключением для современного поколения социологов. Так, уклонение от использования понятия «конфликт» (определяемого как «социальная болезнь») и выдвигание понятий «равновесие» или «состояние сотрудничества» (определяемых как «социальное здоровье») представляет собой элемент программной ориентации Элтона Мэйо, закоренелая неспособность которого понять конфликты интересов прослеживается во всех его работах⁴.

Согласно Козеру, терминология часто дает ключ к идейной направленности. Парсонс предпочитает говорить о «напряженности» и «трениях», которые ассоциируются с негативными явлениями, имеющим причину в перенапряжении, перегрузке или чрезмерном давлении, то есть с какой-то формой «болезни» системы⁵. Такой подход заставил Парсонса рассматривать конфликт как дисфункциональное, разрушительное явление и игнорировать его позитивные функции⁶, — писал этот исследователь.

Причину этого Козер видел в том, что Парсонс в первую очередь был заинтересован в консервации существующих структур. Хотя он внес существенный вклад в теорию социального контроля и понимание ситуаций напряженности и стресса, присущих разным социальным системам, он оказался не в состоянии ввиду своей исходной ориентации развить теорию соци-

¹ Козер Л. Функции социального конфликта. С. 48.

² Там же. С. 48–49.

³ Там же. С. 39–40.

⁴ Там же. С. 43.

⁵ Там же. С. 42.

⁶ Там же.

ального конфликта или хотя бы оценить ее принципиальную теоретическую важность¹.

Таким образом, Т. Парсонс и его единомышленники [в середине 50-х гг. XX в. большая часть американских социологов находилась под влиянием структурного функционализма Т. Парсонса] анализировали общество с точки зрения его гармонии. Они были далеки от идеи, что конфликт, возможно, это необходимый и позитивный элемент всех социальных отношений. В их модели социальный конфликт рассматривался как разрушительное явление, как признак болезни социального организма. Благополучные (здоровые) общества, согласно теории Т. Парсонса, вырабатывают способы борьбы с социальными конфликтами, точно также как здоровые биологические организмы борются с микробами или другими болезнетворными микроорганизмами². *Соответственно, преобладающая тенденция у всех этих мыслителей состояла в поиске «путей согласия» и взаимного приспособления путем редукции конфликта³.*

Однако уже в 60-е гг. прошлого столетия возникновение целого ряда пионерских социальных движений как в США, так и во Франции, Италии и в других странах поставили перед социологией вопрос о том, как понять и объяснить происходящее? Глубокие изменения в обществе привели к столь же глубоким изменениям и в социальных науках, «лишний раз продемонстрировали, насколько вдруг устарела теория Парсонса...»⁴. На фоне этих преобразований вдруг стала ощущаться неадекватность гармоничной модели Т. Парсонса, ее неспособность к отражению, анализу и объяснению происходящего в обществе.

Как отмечал А. Козер, он был одним из тех, кто направил в функционалистов «отравленную стрелу» упреков⁵. Тем не менее работы Т. Парсонса, с которым этот ученый лично был знаком, и к которому питал огромное уважение, сыграли важную роль в его научном развитии. Однажды он даже провел лето, читая и перечитывая «Структуру социального действия», о чем ни когда не жалел⁶. Он относил себя к так называемой англичанами «лояльной оппозиции Его Величеству». Иными словами, к оппозиции, отказывающейся принимать многие исходные принципы мировоззрения противника, но постоянно подчеркивающей наличие значительного поля совместной деятельности в политической и социальной сферах⁷.

В данной связи творческим замыслом А. Козера стало опровержение взглядов Т. Парсонса на социальный конфликт, прояснение понятия социальный конфликт и, тем самым, возможностей его использования в эмпирическом социологическом исследовании⁸. Его целью стало обоснование тезиса о том, что в различных социальных условиях социальные конфликты выполняют позитивные функции. При этом он подчеркивал, что не любой и не все соци-

¹ Козер А. Функции социального конфликта. С. 42–43.

² Козер А. Предисловие к русскому изданию // Козер А. Функции социального конфликта. С. 25.

³ Козер А. Функции социального конфликта. С. 46.

⁴ Козер А. Предисловие к русскому изданию. С. 25–26.

⁵ Козер А. Нетипичная судьба социолога // Козер А. Функции социального конфликта. С. 18.

⁶ Там же. С. 13.

⁷ Там же.

⁸ Козер А. Функции социального конфликта. С. 31.

альные конфликты выполняют позитивные функции, но социолог должен выявить те социальные контексты и социальные условия, в которых социальный конфликт помогает скорее выздоровлению, чем загниванию общества или его составляющих⁹.

3.1.3. Методология анализа социального конфликта

В Колумбийском университете А. Козер работал под непосредственным руководством Р. Мертон, которого считал гораздо более близким интеллектуальным партнером, нежели Т. Парсонса.

«Я ощущал себя ближе к учителю, который перенес социальные и личные потрясения, хотя бы в некоторой мере сходные с моими. Но прежде всего, я был обаятелен — если так можно выразиться — научным стилем Мертона», — писал Козер¹⁰.

Подход Мертона к структурно-функциональному анализу, который разделял Козер, предопределил общую методологию этого «наиболее табуированного предмета». Козер попытался объяснить причины и следствия социального конфликта посредством выполняемых им функций внутри определенных исторических или теоретических структур. Этот подход, предопределивший общую методологию проведенного им исследования, он соединил с представлениями о социальном конфликте Георга Зиммеля, под влиянием идей которого также попал.

Следует отметить, что некоторые из работ Зиммеля Козер прочел еще в Париже, но тогда они не произвели на него впечатления: «наследие Маркса сделало меня глухим к формальному подходу к социологии, разработанному Зиммелем»¹¹, — вспоминал Козер. Однако в Колумбийском университете он перечитал Зиммеля и понял, что это один из наиболее выдающихся социологов. Он был настолько впечатлен, что сообщил Мертону о своем намерении сделать труды Зиммеля предметом диссертации. Однако тот не поддержал его, полагая, что начинающему социологу не под силу столь амбициозный проект. Козер вернулся домой, готовый к работе над совершенно другой темой. Но увидев вновь «Социологию» Г. Зиммеля¹² и прочитав в ней главу о конфликте, он вдруг понял, что свою диссертацию хотел бы посвятить обсуждению конфликтных, а не гармоничных аспектов социальной жизни¹³.

Козер отмечал, что к созданию новой теории социального конфликта можно было бы идти традиционным путем: выделить некоторые главные концепции из «классической» социологической литературы и использовать их в качестве опоры для дальнейшего прояснения, увязывая их с имеющимися эмпирическими данными и соответствующим теоретическим материалом. Однако он не пошел по этому пути, а решил взять за основу только положения,

⁹ Козер А. Предисловие к русскому изданию. С. 25.

¹⁰ Козер А. Нетипичная судьба социолога. С. 14.

¹¹ Там же. С. 12–13.

¹² Simmel G. Soziologie. Untersuchungen über die formen der Vergesellschaftung, Leipzig: Dunkel & Humboldt, 1908.

¹³ Козер А. Нетипичная судьба социолога. С. 12–13.

содержащиеся в классической работе Георга Зиммеля «Конфликт»¹, переведенной на английский язык К. Вольфом².

Одна из причин такого «ограничения первоисточников» была чисто прагматической. Экспозиция идей одного автора гарантирует единство подхода, в то время как обращение к разным авторам — нет. Другая, более важная причина заключалась в том, что, по мнению Козера, «эссе Зиммеля о конфликте, основанное на его представлениях об обществе как процессе взаимодействия, представляет собой один из самых плодотворных анализов социального конфликта в целом»³.

Согласно Козеру, эта работа строится вокруг главного тезиса: «конфликт — это форма социализации». По сути, это означает — если подытожить ее первые страницы, — что ни одна группа не бывает полностью гармоничной, поскольку в таком случае она была бы лишена движения и структуры. Группам необходима как гармония, так и дисгармония, как ассоциация, так и диссоциация; и конфликты внутри групп ни в коем случае не являются исключительно разрушительными факторами. Образование группы — это результат процессов обоюбого вида. Убеждение в том, что один процесс разрушает то, что создает другой, а то, что в конце концов остается, представляет собой результат вычитания одного из другого, основано на заблуждении. Конфликт, так же как и сотрудничество, обладает социальными функциями. Определенный уровень конфликта отнюдь не обязательно дисфункционален, но является существенной составляющей как процесса становления группы, так и ее устойчивого существования⁴.

Из обширного исследования Г. Зиммеля этот ученый извлек только те доводы, которые, как ему представлялось, в наибольшей степени согласуются с современными представлениями о функциях социального конфликта. Они были объединены им в 16 тезисов, привлекающих внимание к различным условиям, при которых социальный конфликт способствует сохранению, урегулированию либо адаптации социальных отношений и социальных структур⁵.

Затем эти тезисы были им пересмотрены и расширены на базе других концептуальных схем, имеющих отношение к сведениям о социальных конфликтах, с тем, чтобы используя достижения прошлого, продвинуться в постановке новых задач на будущее⁶.

Следует отметить, что число авторов концептуальных схем «задействованных» Козером, впечатляет — в поле анализа попали труды Дж. Ст. Милля, К. Маркса, Э. Дюркгейма, М. Вебера, Дж. Дьюи, Э. Росса, А. Смолла, М. Шеллера, З. Фрейда, К. Левина, А. Рэдклифф-Брауна, Б. Малиновского, Х. Ортега-и-Гассета, В.И. Ленина, Г. Лундберга, Э. Френкеля-Брунsvика, Г. Мюррей, Т. Парсонса и многих других ученых.

Отправной точкой исследования А. Козера стало следующее рабочее определение социального конфликта. Социальный конфликт — это «борьба за

¹ Возможно, речь идет о работе Г. Зиммеля «Der Conflict der Modernen Kultur», 1918.

² Simmel G. Conflict / Wolff K. H. (Trans.) Glencoe, Ill.: The Free Press, 1955.

³ Козер А. Функции социального конфликта. С. 49.

⁴ Там же. С. 51.

⁵ Там же. С. 179.

⁶ Там же. С. 31.

ценности и притязания на статус, власть и ресурсы, в ходе которой оппоненты нейтрализуют, наносят ущерб или устраняют своих соперников»¹. Как социальный феномен конфликт может быть понят только в рамках схем социального взаимодействия. «Конфликт может возникнуть только во взаимодействии между субъектом и объектом; он всегда предполагает отношение»².

Он утверждал, что из этой посылки следует, что социологи при анализе конфликтного поведения основное внимание должны уделять социальному взаимодействию, а не эмоциям, враждебным импульсам или иным внутренним качествам отдельных индивидов. Последние только предопределяют предрасположенность к действию, но предрасположенность не обязательно выливается в столкновение (конфликт). «Важнейшими промежуточными переменными, влияющими на возникновение конфликта, являются степень и способ легитимации власти и системы статусов»³. Также необходимо различать конфликт и антагонистические интересы, возникающие в силу соотношения позиций индивидов или групп внутри социальной структуры.

Например, учитывая соответствующие роли рабочих и менеджеров в капиталистическом обществе, можно сказать, что интересы труда и менеджмента являются антагонистическими интересами, но они не всегда выливаются в конфликт.

Согласно Козеру, конфликт может служить средством достижения конкретного желаемого результата. Если этого результата можно точно так же или еще скорее достичь с помощью других средств, то они и могут быть использованы. В таких случаях конфликт — только одна из нескольких функциональных возможностей. В то же время есть ситуации, когда конфликт возникает исключительно из агрессивных импульсов; он является целью сам по себе, поскольку важно не достижение результата, а выражение агрессивных эмоций, вызывающих взрыв. В этом разделении конфликта как средства и конфликта как цели самой по себе содержится критерий различения между реалистическим и нереалистическим конфликтом.

Реалистические конфликты являются средствами достижения определенного результата. Они возникают из-за неудовлетворения конкретных требований сторон в рамках данных отношений, а также по причине неравенства их выгод и направлены на предлагаемый фрустрирующий объект⁴.

Например, антагонистические действия со стороны рабочих против управленческого персонала или наоборот можно считать реалистическим конфликтом в той мере, в какой они являются средством для достижения результатов (более высокого статуса, большей власти, большей выгоды); если целью рабочих или управленческого персонала является достижение подобных результатов, а не просто выражение диффузной враждебности, такие конфликты менее вероятны в ситуациях, когда имеются альтернативные средства достижения тех же целей⁵.

Нереалистические конфликты, напротив, не обусловлены антагонистическими требованиями противников и не направлены на достижение жела-

¹ Козер А. Функции социального конфликта. С. 32.

² Там же. С. 84.

³ Там же. С. 59.

⁴ Там же. С. 183.

⁵ Там же. С. 73–74.

емых результатов. Они являются целью сами по себе и просто вызваны необходимостью снятия напряжения у одной или обеих сторон¹ независимо от объекта.

В рамках реалистического конфликта существуют функциональные альтернативы как в отношении средств реализации конфликта, так и в отношении достижения результатов иными, чем конфликт, средствами; в нереалистическом конфликте, напротив, существуют только функциональные альтернативы в выборе противника. Так, избранный антагонист может быть заменен любой подходящей мишенью.

Например, антисемитизм, за исключением тех случаев, когда он вызван конфликтами интересов и ценностей евреев и других групп или индивидов, будет нереалистическим конфликтом, если он — реакция прежде всего на фрустрацию, объект которой представляется подходящим для высвобождения агрессивных эмоций. Станут ли таким объектом евреи, негры или другие группы — для агрессора имеет второстепенное значение.

Этот ученый отмечал, что и реалистический конфликт между индивидами или группами, борющимися за разные ценности или претендующими на статус, власть или богатство, может во имя достижения цели мобилизовать их аффективный потенциал, состоящий в сложном переплетении чувств и эмоций, — но это не обязательное следствие реалистического противостояния. В данном случае агрессивность можно рассматривать как один из признаков конфликта, но из этого не следует, что каждый реалистический конфликт должен сопровождаться агрессивностью².

По мнению Козера, проведенное различие позволяет избежать ошибки, заключающейся в объяснении социального феномена реалистического конфликта исключительно как «снятия напряжения». Каждая социальная система содержит источники реалистических конфликтов в той мере, в какой люди выдвигают конфликтующие требования относительно статуса, власти, ресурсов и придерживаются конфликтующих ценностей. Несмотря на то, что распределение статуса, власти и ресурсов определяется нормами и ролевой системой распределения, оно всегда в той или иной степени будет оставаться предметом соперничества. Реалистические конфликты возникают тогда, когда люди сталкиваются с препятствиями в реализации своих требований, когда их запросы не удовлетворяются, а надежды терпят крушение³.

Различение реалистических и нереалистических конфликтов также помогает избежать переноса закономерностей, выявленных в рамках каждого из выделенных типов.

Например, закономерности, выявленные при изучении нереалистического конфликта, применялись к области международных отношений без учета того, что конфликты в этой области — прежде всего реалистические конфликты, основанные на борьбе за власть, столкновении интересов или ценностей, а нереалистические элементы, которые сюда примешиваются, случайны и в лучшем случае играют вспомогательную роль.

¹ Козер А. Функции социального конфликта. С. 184.

² Там же. С. 82–83.

³ Там же. С. 78.

Козер подчеркивал, что в дальнейшем термин «конфликт» будет им применяться только в отношении «реалистического конфликта»¹. Такой реалистический конфликт не обязательно сопровождается проявлениями враждебности и агрессивности. Если таковые присутствуют, то основная функция посредника видится в освобождении конфликтных ситуаций от нереалистических элементов агрессивности с тем, чтобы позволить противникам реалистически подойти к рассмотрению выдвигаемых ими конфликтных требований.

Следует отметить, что особое место Козер отводил проблеме взаимосвязи конфликта и идеологии. В частности, этот ученый пересмотрел и развил тезис Зиммеля о том, что объективированная борьба, превосходящая все личное, обычно более радикальна и беспощадна, чем конфликты по поводу собственно личных проблем².

Он установил, что конфликты, в которых участники чувствуют себя лишь представителями коллективов или групп, борющимися не за себя, а за идеалы представляемой группы (то есть выражают конкретную идеологию. — Н. О.), как правило, бывают более радикальными и беспощадными, нежели те, в которых участвуют по личным мотивам. Устранение личностного элемента ведет к обострению конфликта, поскольку исчезает возможность его модификации, которую обычно приносит действие личного фактора. Однако объективация конфликта может служить объединяющим элементом для противоборствующих сторон, если обе стороны преследуют одну и ту же цель, например в случае научных споров, где целью является достижение истины³.

А. Козер относил социальный конфликт к разряду процессов, которые не имеют четкой точки завершения.

В частности, на этой основе следует различать конфликт и состязание. В состязании победитель может быть определен по заранее установленным критериям, в соответствии с которыми оцениваются действия сторон. И тот, кто лучше всех соответствует этим критериям — самый быстрый бегун, известнейший писатель, лучший прыгун, — объявляется победителем. Но в конфликте подобные критерии выясняются не сразу.

Завершение конфликта содержит в себе ряд проблем: конфликты как процессы, следуя закону социальной инерции, продолжают действовать до тех пор, пока их участники не предложат ясных условий их прекращения⁴. В зависимости от степени нормативной регуляции существует целый континуум конфликтов. На одном конце этого континуума находятся институционализированные конфликты, а на другом конце — абсолютные конфликты.

Институционализированные конфликты (некоторые их разновидности) имеют специфические точки завершения.

Так, символические концовки дуэлей, испытаний «огнем и водой» и прочих состязательных видов борьбы служат их концентрирующим началом и придают

¹ Козер А. Функции социального конфликта. С. 85.

² Там же. С. 139.

³ Примером радикализующего воздействия объективации конфликта является для А. Козера современное марксистское рабочее движение.

⁴ Козер А. Завершение конфликта // Козер А. Функции социального конфликта. С. 187.

им характер игры, автоматически определяя финал конфликта. Здесь подсчитываются очки, устанавливается линия финиша, фиксируется условно допустимая степень повреждений. Когда сумма очков достигает определенного числа, когда доказана та или иная разновидность причинного ущерба или пересечена финишная черта, конфликт оказывается исчерпанным, а его результат очевидным как для победителя, так и для побежденного.

Абсолютные конфликты имеют целью не взаимное урегулирование споров, а тотальное истребление противника и прекращаются только в случае полного уничтожения одного или обоих соперников¹. Эти конфликты особенно изурочительны и дорогостоящи, по крайней мере, для противников, силы которых приблизительно равны.

В действительности большинство конфликтов, расположенных между этими двумя концами континуума, оканчиваются раньше, чем побежденная сторона будет полностью разбита, поскольку соперники договариваются относительно условий завершения конфликта.

Завершение конфликта представляет собой социальный процесс, который, хотя и обусловлен намерениями противников, все же не может быть выведен из них непосредственно. Исход конфликта, без сомнения, связан с целями участников и с теми средствами, которые они используют. Его длительность и интенсивность будут зависеть от устремлений оппонентов, от имеющихся в их распоряжении ресурсов, наконец, от времени и усилий, которые потребуются для выработки окончательного решения².

Во-первых, завершение всех видов конфликтов (за исключением абсолютных) предполагает *обоюдную активность соперников*. Для того чтобы погасить конфликт, стороны должны заключить договор относительно норм и правил, которые позволяют определить взаимное соотношение сил. Общность интересов вынуждает соперников принять такие правила, которые усиливают их зависимость друг от друга в самом процессе отстаивания антагонистических целей. Договоренности подобного рода способствуют самоликвидации конфликта; в той мере, в какой принятые правила соблюдаются, конфликт институционализируется и приобретает черты состязательной борьбы³.

Во-вторых, конфликт будет исчерпан, если одна из сторон объявит, что она добилась своей цели, а другая — признает этот факт как знак своего поражения. *При этом чем жестче очерчен предмет спора, чем очевиднее признаки, знаменующие победу, тем больше шансов, что конфликт будет локализован во времени и пространстве.*

В-третьих, должны быть выработаны определенные критерии, руководствуясь которыми противники смогут объективно оценить сложившуюся ситуацию (признать победу или поражение). Разные противники могут иметь разные мнения по поводу тяжести своего положения или цены требуемой жертвы. Оценки подобного рода крайне трудны и не сводимы исключительно к рациональным соображениям или расчету. Их выбор значительно облегчается, если под рукой есть *доступные символические ориентиры*, позволяющие овладеть наличной ситуацией⁴.

¹ Козер А. Завершение конфликта. С. 187.

² Там же. С. 189.

³ Там же. С. 190.

⁴ Там же. С. 192.

Например, во всех тех случаях, когда война строго локализована (как, например, военные действия в XVIII в.), то или иное очевидное событие — штурм крепости, преодоление естественного препятствия и т. п. — служит для соперников символом успешной реализации намерений одного из них. Последующие уступки потерпевшей стороны означают полное и окончательное разрешение спорного вопроса. Если же нет таких ориентиров, доступных восприятию обоих противников, завершение конфликта осложняется.

Когда процесс применения этих символов высоко институционализирован, продолжительность и интенсивность конфликта уменьшаются¹.

В целом, несмотря на то, что Козер симпатизировал левым движениям, выступающим за социальные изменения, он *пытался вписать представления о конфликте в функционалистское видение социального порядка*. Так, он подчеркивал, что его интересуют скорее функции, а не дисфункции социального конфликта, то есть те его последствия, которые служат усилению, а не ослаблению адаптации и приспособляемости конкретных социальных отношений или групп². В данной связи убеждение в том, что социальный конфликт обязательно ведет к деструкции отношений, в рамках которых он происходит, приводит к его совершенно неадекватной интерпретации. Безусловно, нельзя отрицать того, что некоторые его формы действительно разрушают групповое единство или ведут к дезинтеграции определенных социальных структур. Однако социальный конфликт отнюдь не представляет собой только «негативный» фактор, ведущий к разрыву и распаду, он может выполнять ряд определяющих функций в группах и межличностных отношениях. *Прежде всего, это интеграционные или объединяющие функции.*

3.1.4. Интеграционные функции конфликтов

Первый тезис Г. Зиммеля, который проанализировал А. Козер, касался «*группосозидающих функций конфликта*». В целом в данном тезисе Зиммель утверждал, что конфликт задает границы между группами внутри социальной системы благодаря усилению самосознания групп и их представлений о собственной отдельности и специфичности. Таким образом, происходит самоидентификация групп внутри системы.

Например, межкастовые конфликты могут вести к самоизоляции и индивидуализации различных каст, но могут также и способствовать сохранению стабильности всей социальной структуры индийского общества, обеспечивая баланс интересов враждующих каст. В других работах Зиммель еще сильнее настаивает на группосозидающей природе конфликта³.

Действительно, подчеркивал Козер, социологи едины в том, что различие между «нами, «нашей» группой, внутренней группой и другими, чужими, «внешней группой» возникает в конфликте и через конфликт. Это относится не только к классовым конфликтам, хотя для многих это самый подходящий пример. В национальных, этнических и политических конфликтах, в конф-

¹ Козер А. Завершение конфликта. С. 196.

² Козер А. Функции социального конфликта. С. 32.

³ Soziologie. Leipzig: Duncker and Humblot, 1908. P. 610 — 611.

ликтах разных слоев бюрократических структур — повсюду проявляется та же самая закономерность¹. Но обычных враждебных чувств недостаточно. Самоидентификация группы возникает тогда, когда эта группа приходит к убеждению, что она лишена привилегий, на которые вправе претендовать. При этом она должна отвергнуть любое обоснование существующего распределения прав и привилегий, т. е. легитимность самой социальной структуры. Тогда возникает социальный конфликт, а индивиды, занимающие сходные социальные позиции, благодаря конфликту объединяются в группы с общими самосознанием и интересами.

Примером тому служит конфликт между управленческим персоналом и рабочими².

На данном основании Козер расширил и переформулировал тезис Зиммеля следующим образом.

Во-первых, конфликт служит установлению и поддержанию самоидентичности и границ общества и групп³.

Во-вторых, конфликт с другими группами способствует упрочению и подтверждению идентичности группы и сохранению ее границ в отношении окружающего социума.

В-третьих, характерные структуры враждебности и взаимные антагонизмы помогают сохранять социальные разделения и системы стратификации. Такие устойчивые структуры антагонизмов предотвращают постепенное размывание границ между группами в социальной системе и закрепляют определенное положение различных подсистем внутри системы в целом⁴.

Козер также детально проанализировал тезис Зиммеля о том, что «конфликт выполняет группосохраняющую функцию», поскольку «очищает воздух», то есть удаляет скопления подавленных враждебных эмоций, давая им свободный выход в действиях. Перефразируя Зиммеля, он утверждал, что конфликт служит «защитным клапаном», высвобождающим чувство враждебности, которое, не будь этой отдушны, взорвет отношения между антагонистами⁵.

В данной связи Козер пришел к выводу о том, что конфликт не всегда дисфункционален по отношению к системе, в которой он возникает; часто конфликт необходим для ее сохранения. Если нет способов выразить враждебность или недовольство по отношению друг к другу, члены группы могут пережить глубокую фрустрацию и прийти к полному разрыву отношений.

Так, тесно сплоченные группы, для которых характерно непрерывное взаимодействие и глубокая личная вовлеченность их членов, имеют тенденцию к подавлению конфликтов. Хотя они предоставляют много возможностей для проявления враждебных чувств (поскольку как любовь, так и ненависть усиливаются при частых взаимодействиях), эти проявления воспринимаются как опасность для таких близких отношений; отсюда стремление не к выражению, а к подавлению враждебных чувств. В результате в тесно сплоченных группах имеет место тенденция к накоплению и усилению враждебности. Если конфликт возникает в

¹ Козер А. Функции социального конфликта. С. 54.

² Там же. С. 56–57.

³ Там же. С. 58.

⁴ Там же. С. 38.

⁵ Там же. С. 62.

группе, которая постоянно стремилась предотвратить выражение враждебных чувств, он бывает особенно острым.

Таким образом, обеспечивая свободный выход сдерживаемым враждебным эмоциям, конфликт служит сохранению групповых отношений.

Институты, выполняющие роль защитных клапанов, помогают сохранить систему, предупреждая возможный конфликт или сводя к минимуму его разрушительные последствия. Эти «защитные клапаны» не дают враждебным эмоциям выплеснуться на их непосредственный объект. Однако подобные замещения влекут определенные издержки как для социальной системы, так и для индивида. В системе ослабевают стимулы к изменению, позволяющему приспособиться к меняющимся условиям внешнего мира. Что касается индивида, то в нем происходит накопление негативных эмоций — потенциала разрушительного взрыва. Перенесение чувства враждебности на замещающий объект (в отличие от простого символического выражения) создает новую конфликтную ситуацию уже в отношении этого объекта¹.

Козер также соглашался с тезисом Зиммеля о том, что конфликт выполняет позитивные функции, поскольку ведет к «восстановлению единства и равновесия группы». В то же время он показал, что Зиммелю не удалось провести различие между конфликтами, затрагивающими самые основы отношений, и конфликтами по поводу менее важных проблем. Конфликты, возникающие в рамках базового консенсуса, скорее всего, приведут к иному результату.

Так, в браке спор о том, иметь или не иметь детей, — это спор относительно цели брачных отношений, то есть о самой основе согласия. Можно предположить, что такой конфликт окажет на эти отношения более глубокое воздействие, чем споры по поводу планов проведения отпуска или распределения семейного бюджета.

Действительно, конфликт может служить устранению разобщающих элементов отношений и восстановлению единства. Поскольку конфликт ведет к разрядке напряженности между сторонами, он выполняет стабилизирующие функции и становится интегральной частью отношений. Однако эту позитивную функцию выполняют не все конфликты, а лишь те, которые относятся к целям, ценностям или интересам, не затрагивающим основ, на которых строятся отношения. Свободно структурированные группы и открытые общества, в целом допуская конфликты, создают защиту против тех из них, которые угрожают базовому консенсусу и тем самым сводят к минимуму опасность разногласий, затрагивающих коренные ценности. Взаимозависимость антагонистических групп и пересечение конфликтов, нейтрализующих друг друга, в обществах этого типа «сшивают социальную систему воедино» и, таким образом, предотвращают ее распад по одной линии раскола².

После того как Козер сначала подтвердил, а затем существенно уточнил тезисы Зиммеля о том, что группы самоидентифицируются и сохраняются в конфликте с другими группами, он перешел к анализу проблемы влияния конфликтов на сплоченность группы.

¹ Козер А. Функции социального конфликта. С. 70.

² Там же. С. 105.

Согласно Козеру, хотя Зиммель в целом был прав, утверждая, что «внешний конфликт усиливает внутреннюю сплоченность группы и ее централизацию», но упускал из виду ряд важных факторов.

Во-первых, он практически не проводил различий между конфликтами, не предполагающими насилия, и конфликтами, выливающимися в военные столкновения.

Во-вторых, он не учитывал уровень группового консенсуса перед возникновением конфликта. Так, если в группе отсутствует базовый консенсус, внешняя угроза приведет не к росту сплоченности, а к всеобщей апатии; группа в этом случае оказывается под угрозой распада.

Например, изучение воздействия экономической депрессии на семью показало, например, что семьи, где до наступления депрессии отсутствовала внутренняя солидарность, впадали в апатию и разрушались, тогда как солидарные семьи сплачивались еще крепче.

Вывод Козера состоял в том, что действительно, конфликт с другой группой мобилизует энергию членов группы и, следовательно, усиливает сплоченность группы. Будет ли это сопровождаться ростом централизации, зависит как от характера конфликта, так и от типа группы. Централизация более вероятна в условиях военного конфликта и в дифференцированных структурах с выраженным разделением труда и высокой социальной солидарностью.

В группах, вовлеченных в борьбу с внешним врагом, возникновение как централизации, так и деспотизма зависит от системы общих ценностей и от структуры группы, существовавших до возникновения конфликта.

Пример тому — отношения негров и белых в Америке. Тот факт, что негритское меньшинство, несмотря на отсутствие у него важнейших прав и привилегий, характерных для американского общества, не поддавалось во время Второй мировой войны японской пропаганде «солидарности черной и желтой рас», говорит о том, что в целом негритянская группа идентифицировала себя с американскими ценностями. Напротив, одним из результатов войны стала, как представляется, растущая солидарность между неграми и белыми. Внешний конфликт повлек за собой интеграцию, а не разобщение. С другой стороны, освободительное движение в британских и голландских колониях в юго-восточной Азии привело к распаду их социальных структур; большинство населения этих стран воспринимало его как угрозу, направленную скорее против «них», т. е. против британских или голландских хозяев, нежели против «нас», коренных жителей. Поскольку они не считали, что ситуация угрожает им самим, то и остались безучастными к попыткам отвести угрозу¹.

Социальные системы, не обладающие социальной солидарностью, скорее всего, распадутся в условиях внешнего конфликта, хотя некоторая степень единства может быть им навязана деспотическим правлением. Так, возникновение деспотизма, скорее всего, связано с отсутствием сплоченности; он необходим для отражения угрозы в условиях, когда нет достаточной групповой солидарности для мобилизации энергии членов группы.

¹ Козер Л. Функции социального конфликта. С. 120–121.

Козер также проанализировал тезис Зиммеля о том, что группы с целью усиления своей сплоченности вынуждены постоянно провоцировать конфликт, поскольку «длительный конфликт есть условие выживания борющихся групп»¹.

При этом для повышения внутренней сплоченности даже нет необходимости в реальном внешнем конфликте; необходимо лишь, чтобы в группе существовало или искусственно было создано ощущение внешней угрозы, побуждающей «сплотить ряды». Угроза может быть или не быть объективной реальностью, но группа должна ее ощущать. Даже исчезновение изначального врага ведет к поиску новых врагов. Это необходимо для того, чтобы группа продолжала участвовать в конфликте, сохраняя тем самым свою структуру, которая в отсутствие врага оказалась бы под угрозой распада.

Такой «поиск внешнего врага» (или преувеличение реально существующей угрозы), по мнению Козера, служит не только сохранению структуры группы, но и усилению ее сплоченности в случае, если ей грозит ослабление единства или внутренние разногласия. Острота внешнего конфликта усиливает бдительность членов группы; она либо примиряет разногласия, либо ведет к согласованным действиям против инакомыслящих. Естественным результатом «поиска внешнего врага» является поиск внутреннего врага, если такие жесткие структуры терпят неудачу или сталкиваются с неожиданным усилением внешней угрозы.

Следует отметить, что в данной связи этого ученого особенно интересовал механизм поиска «козла отпущения» как типа вымышленной угрозы.

Антисемит оправдывает гонения на евреев, ссылаясь на их всевластие, агрессивность, мстительность. «Он видит в евреях все, что делает его несчастным: не только социальных угнетателей, но и собственные бессознательные инстинкты». Смешанный страх и даже ужас перед евреем — один из ключевых моментов сложного антисемитского синдрома. Эта вымышленная угроза приводит к «перегруппировке» антисемита посредством его присоединения к реальному сообществу людей, мыслящих сходным образом (как в Германии), или же к вымышленному псевдосообществу тех, кто испытывает такой же страх (как в Америке). В результате возникает своего рода иллюзорная общность всех тех, кому также «угрожают» евреи и кто потерял все, кроме общей «угрозы» в ожидании агрессивных действий евреев².

Так, антисемитизм обычно усиливает внутреннюю солидарность еврейской группы, но может быть и так, что социальная солидарность усиливается за счет постоянного подчеркивания опасности антисемитизма независимо от того, проявляется ли он в данный момент и представляет ли собой реальную угрозу.

Следовательно, согласно Козеру, жестко организованные борющиеся группы могут заниматься поиском врагов с обдуманым намерением или ради инстинктивного стремления сохранить единство и внутреннюю сплоченность. Такие группы могут ощущать внешнюю угрозу, хотя в реальности ее не существует. При условиях, которые еще должны быть изучены, вымышленная угроза выполняет те же самые интегративные функции, что и реальная угроза³.

¹ Козер Л. Функции социального конфликта. С. 130.

² Там же. С. 134.

³ Там же. С. 136.

Обретение внешнего врага или его изобретение усиливает социальную сплоченность, угроза которой исходит изнутри группы. Сходным образом поиск или изобретение внутреннего диссидента служит сохранению структуры, испытывающей угрозу извне. Такие механизмы создания «козлов отпущения» действуют в особенности в тех группах, структура которых препятствует проявлению внутреннего реалистического конфликта. При этом между преувеличением реальной угрозы, привлечением реального врага и полным измыслением угрожающей силы существуют подвижные границы¹.

Козер, обращаясь к объединяющим функциям конфликта, также развил положение Зиммеля о том, что «конфликт может не только повысить сплоченность группы, радикально элиминировав все элементы, смазывающие четкость ее границ по отношению к врагу; он может также объединить людей и группы, у которых прежде не было ничего общего»².

Он отмечал, что в данном случае объединяющие функции конфликта рассматриваются под другим углом: конфликт ведет к формированию ассоциаций и коалиций прежде не взаимодействовавших сторон³. Так, если несколько сторон обретают общего противника, то между ними возникает связующая нить.

По его мнению, этот объединяющий аспект конфликта часто игнорируют исследователи, хотя его позитивная нагрузка очевидна. Даже порождая временные ассоциации, конфликт может объединять самые разные общественные элементы, что, в свою очередь, ведет к росту интеграции и структурированности социальной системы. Инструментальные ассоциации в современном обществе обретают структуру в борьбе, вносят форму в то, что иначе было бы хаосом, и социализируют индивидов, обучая их посредством конфликта правилам социального порядка.

Согласно Козеру, так же как конфликт может объединить обособленных индивидов в ассоциации, он может объединить и разобщенные группы и ассоциации в коалиции. Эти коалиции представляют собой простейшую форму объединения, возникающую в условиях конфликта, поскольку содержат минимальный набор объединяющих элементов⁴.

Коалиции, образование которых основывается на изначальной общности интересов, приемлемы для сторон, не желающих полностью жертвовать своей свободой при их реализации. Они предполагают ограничение свободы только в той мере, в какой это необходимо для достижения конкретной злободневной цели. Обычно формированию коалиции способствует общий враг, но для ее преобразования в единую систему или группу нужно нечто большее.

Например, подъем фашизма в Европе в начале тридцатых годов привел к образованию Народных фронтов — оборонительных коалиций разнообразных левых партий. Все попытки преобразовать эти по сути своей оборонительные альянсы в более устойчивые объединения, ставящие перед собой позитивные цели, провалились из-за непреодолимых препятствий, состоящих в идеологических разногласиях и различиях конкретных интересов составляющих их групп. Точно так же, несмотря на то, что угроза фашизма привела во многих европейских стра-

¹ Козер А. Функции социального конфликта. С. 137.

² Simmel, Conflict, op. cit., pp. 98–99, 101–102.

³ Козер А. Функции социального конфликта. С. 167.

⁴ Там же. С. 174.

нах к объединению социалистов и коммунистов, все попытки создания единой рабочей партии потерпели полный крах⁵.

Козер подчеркивал, что большинство коалиций между уже существующими группами, особенно если этих групп много или они сильно различаются между собой, создаются в целях обороны — по крайней мере, с точки зрения тех, кто участвует в альянсе. Создание альянса, даже без всякого умысла на конфликт, может рассматриваться другими группами как угрожающий и враждебный акт. Именно такое впечатление приводит к созданию новых ассоциаций и коалиций, тем самым стимулируя социальную активность и расширение круга взаимодействий⁶.

Интеграционная функция конфликта также заключается в том, что он может порождать дополнительные типы взаимодействия даже между ранее не связанными между собой антагонистами, там, где царил отношения конкуренции или вражды. Обычно это происходит в рамках системы норм, предписывающих формы, в которых ему надлежит развертываться. Конфликт выступает как стимул к выработке новых правил, норм и институтов, являясь таким образом, фактором социализации обеих соперничающих сторон. Кроме того, конфликт вызывает к жизни бездействующие нормы, активизируя тем самым участие сторон в социальной жизни. Таким образом, служа стимулом создания и изменения норм, конфликт позволяет отношениям приспособиться к изменившимся условиям и способствует сохранению социальной структуры.

3.1.5. Социальная структура и конфликт

Значительное место в своем анализе социального конфликта Л. Козер, следуя методологии структурных функционалистов, отводил специфике проявления и функциям конфликтных отношений в групповых структурах. В качестве основы для дальнейших исследований он взял пересмотренные им тезисы Г. Зиммеля об «антагонизме и враждебности в близких социальных отношениях» на микроуровне. Их суть сводится к тому, что элементом подобных близких отношений обычно является антагонизм, поскольку «близкие социальные отношения, характеризующиеся частым взаимодействием и полной вовлеченностью участников, заключают в своей мотивационной структуре сущностную амбивалентность, поскольку содержат и позитивные, и негативные устремления, сложнейшим образом переплетенные между собой»⁷.

Из данной посылки он сделал вывод, что отсутствие конфликтов нельзя рассматривать как показатель прочности и стабильности отношений. Для стабильных отношений может быть характерным именно конфликтное поведение. Близость отношений создает почву для частых конфликтных ситуаций, но, если стороны чувствуют напряженность своих отношений, они будут избегать конфликтов, опасаясь полного разрыва. Поэтому, если близкие отношения характеризуются скорее частыми конфликтами, чем накоплением враждебности и амбивалентности, (которые, в конечном счете, выливаются в радикальный и разрушительный конфликт. — Н. О.) частоту конфликтов,

¹ Козер А. Функции социального конфликта. С. 174.

² Там же. С. 178.

³ Там же. С. 90.

(если, конечно, они не затрагивают базового консенсуса) можно считать показателем стабильности этих отношений¹.

В группах, где отношения захватывают индивидов лишь частично, конфликты обычно не столь разрушительны. Такие группы обычно переживают множество конфликтов. В результате возникает механизм, предохраняющий от нарушения базового консенсуса: энергия членов группы изливается во многих направлениях и поэтому не концентрируется на одном конфликте, способном расколоть группу. Более того, когда враждебность не накапливается и конфликту «разрешается» произойти там, где нужно снять возникшую напряженность, такой конфликт, скорее всего, коснется лишь проблем, приведших к его возникновению, и не даст выхода заблокированной враждебности: это будет конфликт «по делу»².

Эти положения Козер перенес на макроуровень анализа — крупные социальные структуры. Он утверждал, что основания для конфликтов существуют при любом типе социальной структуры, поскольку индивиды и подгруппы повсюду склонны время от времени претендовать на недостающие им ресурсы, престиж или властные позиции. Но социальные структуры различаются по дозволенным способам выражения антагонистических требований: существуют именуемые им «гибкие» социальные структуры (нестрого структурированные группы и открытые общества), а также «жесткие» социальные структуры.

Козер пришел к выводу о том, что в гибких социальных структурах множество конфликтов пересекаются, предотвращая тем самым раскол по какой-нибудь одной оси. Причастность индивидов к нескольким группам заставляет их участвовать в разнообразных групповых конфликтах, не давая тем самым полностью вовлечься в какой-либо один из них. Таким образом, частичное участие во многих конфликтах создает механизм внутренней балансировки структуры.

В нестрого структурированных группах и открытых обществах конфликт, нацеленный на снятие напряжения между противниками, обычно выполняет функции стабилизации и интеграции системы отношений³. Допуская прямое и неотложное выражение противоположных по смыслу требований, такие социальные системы способны реорганизовывать свои структуры, устраняя источники недовольства. Переживаемые ими многочисленные конфликты служат устранению причин разобщенности и восстановлению единства. Проявляя терпимость по отношению к конфликту и институционализируя его, они обеспечивают себя важным стабилизирующим механизмом.

Социальная структура, допускающая множественность конфликтов, содержит в себе механизм налаживания связей между изолированными, апатичными или враждебными друг другу сторонами и вовлечения их в сферу публичной активности. Более того, подобная структура благоприятствует многообразию ассоциаций и коалиций, разнообразные цели которых пересекаются и тем самым предотвращают концентрацию конфликтного потенциала в одном направлении.

Если группы и ассоциации возникли благодаря конфликтам с другими группами, то подобные конфликты и в дальнейшем могут служить сохранению границ между ними и окружающей социальной средой. Таким образом, со-

¹ См.: Козер А. Функции социального конфликта. С. 105.

² Там же. С. 180–181.

³ Там же. С. 181.

циальный конфликт помогает структурировать социум, фиксируя позиции различных подгрупп внутри системы и помогая определить властные отношения между ними⁴.

Однако способствует социальный конфликт внутригрупповой адаптации или нет, также зависит от характера проблем, вокруг которых идет борьба. Как не все социальные системы, в которые индивиды вовлечены лишь частично, допускают свободное выдвижение антагонистических требований⁵, так и нет такого общества, в котором допускалось бы прямое свободное выдвижение любого и каждого антагонистического требования.

Позитивно функциональны в таких структурах лишь те внутренние социальные конфликты по поводу целей, ценностей или интересов, не подрывающие основных предпосылок, на которых базируются социальные отношения. Они дают возможность по-новому отрегулировать нормы и отношения власти внутри группы в соответствии с насущными потребностями ее индивидуальных членов или подгрупп.

Кроме того, подобный внутригрупповой конфликт часто помогает актуализировать уже принятые нормы или способствует возникновению новых. В этом смысле социальный конфликт является механизмом приспособления норм к новым условиям. Гибкое общество выигрывает от конфликтных ситуаций, потому что подобное поведение, помогая создавать и изменять нормы, гарантирует его выживание в изменяющихся условиях.

Внутренний конфликт может также служить средством выяснения относительной важности антагонистических интересов внутри структуры; тем самым он создает механизм сохранения или постоянного регулирования баланса сил. Поскольку начало конфликта означает отказ от однажды достигнутого равновесия, а сам конфликт позволяет соперничающим сторонам продемонстрировать свои силы, постольку открывается возможность достижения нового равновесия и развития отношений уже на этой новой основе. Следовательно, социальная структура, оставляющая место для конфликтов, располагает важными средствами, позволяющими избежать нарушения равновесия или восстановить его путем изменения соотношения сил.

Внутренние конфликты, в которых стороны больше не разделяют основные ценности, легитимирующие социальную систему, угрожают разрушить ее структуру⁶. Однако существует один механизм защиты против конфликта, разрушающего основу взаимоотношений, и содержится он в самой социальной структуре: это институционализация конфликта и терпимость по отношению к нему⁷.

В жестких социальных структурах, запрещающих прямое выражение антагонистических требований, превалирует тенденция к подавлению конфликтов. В таких структурах по мере их ужесточения возрастает потребность в институтах, выполняющих функцию «защитных клапанов». Эти институты — механизмы канализации недовольства и враждебности, не затрагивающие отношений, внутри которых возникает антагонизм, поставляют замещающие объекты для выражения враждебных чувств и позволяют реализовать агрессивные тенденции безопасным для системы образом. Однако эти институты препятствуют коррекции отношений в изменяющихся условиях, а поэтому

⁴ См.: Козер А. Функции социального конфликта. С. 182.

⁵ Там же. С. 183.

⁶ Там же. С. 179.

⁷ Там же. С. 179–180.

помогают лишь частично или временно. В конечном счете они приводят к смещению цели субъекта: он стремится теперь не к разрешению неудовлетворительной ситуации, а лишь к снятию возникшего по этой причине напряжения. Следствием этого является возникновение нереалистического конфликта. Равновесию подобной структуры угрожает не конфликт как таковой, а сама эта жесткость, способствующая аккумуляции враждебных чувств и направляющая их вдоль одной оси, когда конфликт все-таки вырывается наружу¹.

Таким образом, станет ли внутренний конфликт средством уравнивания социальных отношений и согласования противоречащих друг другу устремлений или он взорвет общество изнутри — в значительной мере зависит от социальной структуры, в которой он происходит, — заключал Козер.

Итак, в своей первой работе «Функции социального конфликта» Л. Козер проанализировал социальный конфликт, следуя методологии функционального анализа Р. Мертона. В центр своего исследования он поставил социальный конфликт, а за основу взял тезисы Г. Зиммеля, который рассматривал социальный конфликт с точки зрения формальной социологии — как одну из чистых форм «социации» индивидов. Козер, привлекая данные многочисленных исследований, переформулировал тезисы Зиммеля и сделал ряд обобщений, которым придал универсальный характер. К сожалению, эти обобщения так и остались «абстракциями», в которых, собственно, и обвиняли структурных функционалистов, поскольку указанные обобщения не сопровождались выделением и конкретизацией тех многочисленных культурных, социальных, политических, этнических, религиозных и иных детерминант, которые обуславливают особенности возникновения и проявления социальных конфликтов.

Как в свое время подчеркивал П. Сорокин², «настоящая теория, должна объяснить, когда, почему, при каких условиях и каким образом ... фактор становится действительной причиной ... и почему, при каких условиях и т. д. он не оказывает влияния». Теория должна устанавливать корреляцию особенностей какого-либо социального феномена и собственных факторов, ... иначе такая теория бесполезна³.

Кроме того, ряд понятий, которые красной нитью проходят через работы Козера, посвященные социальным конфликтам, не получили у него той четкой операционализации, к которой настойчиво призывал Мертон. Одним из таких понятий является «социальная группа» — к нему относятся и семья, и общественная организация, и политическая партия, и класс, и национальное сообщество, и государство. К сожалению, данные обстоятельства во многом способствовали тому, что анализ социального конфликта, предпринятый Козером, не вышел за рамки теории среднего уровня, довольно скоро утратившей свою популярность.

Так, когда десять лет спустя Козер опубликовал вторую книгу по социологии конфликта — «Дальнейшие исследования социального конфликта»⁴, она не вышла на уровень продаж своей предшественницы. Да и сам ученый,

¹ Козер Л. Функции социального конфликта. С. 184.

² Приводятся выводы П. Сорокина относительно исследования феномена войны.

³ Сорокин П.А. Социологическая интерпретация «борьбы за существование» и социология войны // Социология современных войн: Материалы научного семинара / Под ред. П.А. Цыганкова, И.П. Рязанцева. М.: Альфа-М, 2004. Вып. 1.

⁴ Coser L.A. Continuities in the Study of Social Conflict. New York, 1967.

возможно, почувствовал, что «исчерпал себя в данной области» — ему «наскучило изучение конфликта» и он, «не желая становиться автором одной книги»¹, написал несколько работ², рассматривавших социологические подходы к изучению идей.

Так, в книге «Американские ученые-эмигранты»³ Козер попытался оценить вклад ученых-эмигрантов в разработку различных научных направлений в США. В результате он пришел к справедливому выводу, что в зависимости от направления их вклад значительно варьируется, но в целом ученые-эмигранты, несомненно, оказали огромное влияние на культурную жизнь Америки. Европейские мыслители не только оказывали значительное влияние на развитие различных социальных наук, но и, вливаясь в американское научное сообщество, становились постоянными результативными участниками исследовательского процесса⁴.

В книге «Люди идей: социологический взгляд»⁵ им обсуждались взаимоотношения интеллектуалов из различных областей знания с теми институциональными учреждениями, в которых они работают. Книга «Всепоглощающие институты»⁶, была посвящена исследованию институтов, «истребляющих» собственных ученых.

Следует отметить, что в этих работах Л. Козер дал взвешенную оценку состоянию американской социологии, когда закончился ее «золотой век». Так, он отмечал, что когда «закончилась эпоха господства структурно-функционального подхода»⁷, начались годы неразберихи, истощения и разногласий в рядах американских социологов. Ни одно исследовательское направление не смогло занять его места. И с тех пор ситуация в американской социологии описывается с помощью метафоры Вавилонской башни: на сегодняшний день существует множество исследовательских направлений, и многие ученые, работающие даже в одном направлении, неспособны понять язык своих теоретических оппонентов. То, что сегодня считается теоретическим дискурсом социологии — это эзотерический язык, который могут понять только члены той или иной социологической секты⁸. В данной связи, несмотря на свою критику Т. Парсонса, он никогда не изменял своего мнения о том, что «Парсонс и Мертон являются основными фигурами в американской социологии XX в. Среди современных американских социологов, возможно, только Ирвин Гофман может претендовать на столь же высокую оценку»⁹.

Козер также пытался разрешить многолетний спор о статусе теории в социологии. Причину этого спора он видел в том, что слишком часто в социологии в прошлом отсутствовало всякое взаимодействие между теорией и эмпирическими исследованиями.

С одной стороны, ученые, проводящие эмпирические исследования, в первых абзацах своих отчетов делали почтительный поклон в сторону теоре-

¹ Козер Л. Нетипичная судьба социолога. С. 15.

² Наиболее популярной из них остается монография «Мастера социологической мысли: Идеи в историческом и социальном контексте» (Coser L.A. Masters of Sociological Thought: Ideas in Historical and Social Context. San Diego: California: Harcourt, 1970).

³ Coser L.A. Refugee Scholars in America. New York: Yale University Press, 1964.

⁴ Козер Л. Нетипичная судьба социолога. С. 19.

⁵ Coser L.A. Men of Ideas: A Sociologist's View. New York: The Free Press, 1965.

⁶ Coser L.A. Greedy Institutions. New York, 1974.

⁷ Козер Л. Нетипичная судьба социолога. С. 19.

⁸ Там же.

⁹ Там же. С. 13.

тических разработках и затем углублялись в свои проблемы, даже и не вспоминая больше о теории. С другой стороны, многие теоретики были склонны рассматривать свои теоретические выкладки как самоценные и не видели необходимости проверить их на практике. Эти обе позиции пагубны для развития социологии, будущее которой — в постоянном взаимодействии теории и эмпирических исследований¹.

В целом он разделял идеи Мертона о взаимодействии между теорией и конкретными исследованиями, которые, хотя и были опубликованы много лет назад, вполне актуальны. Козер отмечал, что недостаточно применять теоретические принципы в ходе конкретного исследования; необходимо осознать, что первоначальное применение этих принципов должно повлечь за собой лучшее осознание и более адекватную формулировку проблемы и задач конкретного исследования. Иными словами, отношения между теорией и предметом конкретного исследования никогда не являются односторонними; они основываются на диалектическом взаимодействии между исследуемым предметом и одним или несколькими теоретическими подходами².

Если бы Э. Дюркгейм опубликовал только «Правила социологического метода», то вряд ли занял бы столь почетное место среди основоположников социологии. Дюркгейма чтят в большей мере за то, что он смог продемонстрировать конкретное применение своих теоретических и методологических разработок, например в трудах «Самоубийство» или «Элементарные формы религиозной жизни».

Козер считал, что «грубо говоря, социолог должен решать проблему взаимоотношений между теорией и практическими исследованиями, как слесарь»³.

Так, если нет возможности самостоятельно устранить неполадки с сантехническим оборудованием на кухне или в ванной возникают неполадки, то приглашают слесаря. Он приносит с собой набор инструментов, которые, по его мнению, помогут устранить неполадку. Зачем он приносит целый набор инструментов, если использует только два или три? На этот вопрос слесарь, скорее всего, ответит, что он не знает заранее, какой конкретный инструмент потребуется для устранения неполадки, и поэтому приносит весь набор инструментов. Оценив ситуацию на месте, он может выбрать соответствующий инструмент⁴.

Социолог, подобно слесарю, может разрабатывать теорию, не задумываясь в это время о ее применении на практике, но, в принципе, ценность этой теории будет зависеть от возможности ее применения в исследовательской деятельности. *Это диалектическое взаимодействие между теорией и конкретными исследованиями составляет или, скорее, должно составлять сущность работы социолога*⁵.

Как вспоминают друзья и коллеги этого выдающегося ученого, «следует полагать, что он всегда чувствовал себя маргиналом. Козер был евреем и немцем, американцем и европейцем, беспристрастным социальным аналити-

¹ Козер А. Нетипичная судьба социолога. С. 20.

² Там же. С. 21–22.

³ Там же. С. 21.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

ком и пламенным адвокатом, левым и критиком левых, защитником обездоленных и «злитым интеллектуальным мандарином». Да и он сам не отрицал того, что конфликт, напряженность и амбивалентность составляли столь значительную часть его жизни, что, в конечном счете, стали определяющими в его идентичности. Но прежде всего, он был глубоким, неординарным и даже загадочным мыслителем, лучшим другом и просто классным парнем»⁶.

3.2. Диалектическая теория конфликта Ральфа Дарендорфа

3.2.1. Краткая биография и основные труды

Ральф Густав Дарендорф (Ralf Gustav Dahrendorf) (1929–2009) — европейский ученый, гражданин двух стран — своей родины — Германии, в которой учился и работал, и Великобритании, где также осуществлял научную, общественную и политическую деятельность.

Р. Дарендорф родился 1 мая 1929 г. в Гамбурге, а затем вместе со своей семьей переехал в Берлин. Еще в школьные годы, следуя примеру отца, депутата от Социал-демократической партии Германии (СДПГ) в Рейхстаге, он стал активным оппонентом нацистскому режиму — соавтором листовок против национал-социализма. В июле 1944 г. его отец, который вел агитационную работу в социал-демократическом подполье, был арестован. В ноябре 1944 г. Р. Дарендорф также «провалился» на этом поприще, и его приговорили к заключению тюрьме во Франкфурте-на-Одере. Но, ввиду молодости он попал не в тюрьму, а в специальный лагерь возле деревни Шветиг, где содержался до своего освобождения. Как вспоминал впоследствии сам Дарендорф, «освободился он дважды: первый раз, когда Советские войска взяли Берлин, а второй раз — когда уехал из Берлина с помощью "британцев"»⁷.

По совету коалиционных властей его семья вернулась в Гамбург, где Р. Дарендорф сдал экзамены на аттестат зрелости и поступил в университет. В университете Гамбурга Дарендорф изучал философию, классическую филологию и социологию, а его главными учителями были филолог Эрнст Цинн и философ Йозеф Кёниг. В 1952 г. он защитил диссертацию по философии на тему «Идея справедливости в мышлении Карла Маркса»⁸.

С 1952 по 1954 гг. Р. Дарендорф жил в Великобритании, изучал социальные науки в Лондонской школе экономики, в частности слушал лекции Карла Поппера. В 1956 г., под научным руководством социолога А.Х. Хэлси, он защитил квалификационную работу по социологии на тему «Неквалифицированный труд в британской промышленности». Одновременно молодой исследователь работал над сочинением «Классы и классовый конфликт в индустриальном обществе»⁹, которое в 1957 г. предъявил в качестве докторской диссертации, необходимой для получения звания доцента.

После защиты этой диссертации, а также публикации одноименного труда, принесшего ему известность, началась плодотворная карьера Р. Дарен-

⁶ Rule J.B. Lewis Coser: 1913–2003 // Dissent. 2003. Fall.

⁷ Smith J. Ralf Dahrendorf (Lord Dahrendorf) // Dictionary of Liberal Thought / Brack & Randall (eds.) Politico's. 2007. P. 83–85.

⁸ Dahrendorf R.G. Marx in Perspective. Die Idee des Gerechten im Denken von Karl Marx. 1953.

⁹ Dahrendorf R.G. Soziale Klassen und Klassenkonflikt in der industriellen Gesellschaft. Stuttgart: Ferdinand Enke, 1957.

дорфа в научном мире. Сначала он работал сотрудником американского Центра высших исследований в области наук о поведении (1957–1958), затем, с 1958 г. — преподавателем и исследователем на кафедрах социологии в Академии объединенного хозяйства и университете Гамбурга, профессором университета Гамбурга (1958–1960); профессором социологии в университете Тюбингена (1960–1964); профессором социологии университета Констанца (1966–1969). С 1967 по 1970 гг. он был председателем Немецкого социологического общества.

На несколько лет Р. Дарендорф прерывал свою научную деятельность, полностью посвятив себя политике. После Второй мировой войны он являлся членом СДПГ, а в 1968 г. его выбрали членом земельного парламента Баден-Вюртемберга (1968–1970), а затем — Бундестага (1969–1970) от этой партии. Некоторое время он работал помощником Министра иностранных дел в первом правительстве В. Брандта (1969–1970), пока не уехал в Брюссель как член комиссий Европейского Экономического Сообщества — по внешней торговле и иностранным делам (1970–1973), по исследовательской работе, науке и образованию (1973–1974). В 1974 г., после своей отставки, Дарендорф вернулся в науку.

С 1974 по 1984 гг. Дарендорф работал в Великобритании, где являлся директором Лондонской школы экономики и даже написал историю этого учебного заведения¹. Одновременно он работал в ряде общественных организаций, в том числе в Королевской комиссии по юридическим службам (1976–1979) и Комитете по надзору за финансовыми организациями (1977–1980).

Последующие годы своей жизни Р. Дарендорф делил между двумя странами — Германией и Великобританией.

В Германии он занимал должность профессора социальных наук университета Констанца (1984–1986), был председателем правления близкого к Свободной демократической партии Фонда Фридриха Науманна (1982–1987), советником Баденской газеты. В 1989 г. он получил премию имени Зигмунда Фрейда за научную прозу, а затем целый ряд других престижных наград. В последние годы своей жизни Р. Дарендорф занимал должность профессора-исследователя Берлинского исследовательского центра по социальным наукам. За заслуги перед родиной этот ученый был удостоен высшей награды Германии — Большого креста со звездой и аксельбантом.

В Великобритании в 1982 г. он был произведен королевой Елизаветой II в кавалеры Ордена Британской империи, с которым для британских граждан связан дворянский титул «сэр». Там Р. Дарендорф возглавлял группу в Организации экономического сотрудничества и развития (1985–1986) и Комиссию по созданию благосостояния и социальному сплочению (1994–1995). С 1987 по 1997 гг. он был ректором колледжа «Святого Антония» Оксфордского университета, а с 1991 по 1997 гг. еще и проректором этого учебного заведения.

В 1988 г. Р. Дарендорф принял британское подданство и вступил в Либерально-демократическую партию Великобритании. В 1993 г. он был произведен в пожизненные пэры, получил титул барона Клэр Маркет² в столичном

¹ *Dahrendorf R.G. LSE. A History of the London School of Economics and Political Science, 1895–1995. Oxford: Oxford University Press, 1995.*

² *Baron Dahrendorf of Clare Market in the City of Westminster.*

округе Вестминстер¹ и стал членом Палаты лордов Британского парламента от либеральных демократов. Он также являлся Председателем «Совета благотворительной помощи» и членом правления нескольких благотворительных организаций в Великобритании (как и некоторых других европейских стран). За заслуги перед британским обществом Р. Дарендорф был удостоен звания кавалера Ордена Британской империи 2-й степени.

Этот социолог являлся приглашенным профессором и членом советов «Центра передовых исследований» в Пало-Альто, а также Колумбийского университета, Принстонского университета, Университета Британской Колумбии и фонда Рассела Сэйджа (Нью-Йорк). Лорд Дарендорф избран членом (в 1983–1985 гг. — вице-президентом) Британской академии, членом Национальной академии наук (США) и Американского философского общества, Французской академии моральных наук, Польской академии наук и Российской академии наук.

Р. Дарендорф являлся лауреатом премий Тойнби (1990), Аньелли (1992), Теодора Хойса (1997), Гарригеса Уокера (1998), удостоен Медали Гёте (1998) и награды некоторых других стран, а также двадцати шести почетных докторских степеней университетов двенадцати стран.

После выхода на пенсию он жил и в Германии, и в Великобритании, имел дома — в Лондоне и окрестностях Бонндорфа на юго-западе Германии. Когда однажды Дарендорфа спросили, какой город он все же считает своим родным, он ответил: «я лондонец»². В другой раз он отметил, что «его жизнь ознаменована конфликтом между долгом, который он обязан отдать своей родине, Германии, и той глубокой привязанностью, которую он испытывает к Великобритании»³.

Умер Р. Дарендорф в 2009 г., в возрасте 80 лет в г. Колонь (Германия). Этот ученый являлся ведущим экспертом в области классового анализа современного общества и относится к «одному из наиболее влиятельных мыслителей своего поколения»⁴.

Среди первых книг Р. Дарендорфа — опубликованная диссертация по социальной философии, посвященная критике Маркса и марксистской теории общества: «Маркс в перспективе. Идея справедливости в мышлении Карла Маркса»⁵.

В числе многочисленных трудов Дарендорфа (он автор и редактор более 40 книг), большая часть из которых переведена на иностранные языки, особо выделяется его социологическая работа «Социальные классы и классовый конфликт в индустриальном обществе», опубликованная в Германии в 1957 г.⁶, а в Великобритании (на английском языке) — в 1959 г.⁷.

¹ Клэр Маркет — место в непосредственной близости от Лондонской школы экономики, где раньше стоял замок Джона Эрла Клэра, который жил там до 1617 г. Тем самым была обозначена связь Р. Дарендорфа с Лондонской школой экономики.

² <http://www.dw-world.de/dw/article/0,4406145,00.html>

³ *Lord Dahrendorf // The Daily Telegraph. 2009. June. 18.*

⁴ *Pick H. Lord Dahrendorf, German Sociologist and Politician who Became Director of the LSE and a Life Peer // The Guardian. 2009. June 19.*

⁵ *Dahrendorf R.G. Marx in Perspective. Die Idee des Gerechten im Denken von Karl Marx. 1953*

⁶ *Dahrendorf R.G. Soziale Klassen und Klassenkonflikt in der industriellen Gesellschaft. Stuttgart: Ferdinand Enke, 1957.*

⁷ *Dahrendorf R. Class and Class Conflict in Industrial Society. Stanford: Stanford University Press, 1959.*

В ряду социологических работ — «Индустриальная и производственная социология»¹ (1956); «Социальная структура производства»² (1959); «Общество и свобода. К социологическому анализу современности»³ (1961); «Общество и демократия в Германии»⁴ (1965); «"Homo Sociologicus". Опыт истории, смысла и критики категории социальной роли»⁵ (1965); «Конфликт и свобода»⁶ (1972); «Тропы из утопии. Работы по теории и методу социологии»⁷ (1974).

Перу Р. Дарендорфа принадлежат фундаментальные труды социально-политического характера: «Жизненные шансы. Попытка создания социальной и политической теории»⁸ (1979); «Новая свобода»⁹ (1980); «Размышления о революции в Европе»¹⁰ (1990) «Современный социальный конфликт: очерки политики свободы»¹¹ (1992); «Либералы и другие. Портреты»¹² (1994); «Либеральный и независимый. Герд Бучернус и его время»¹³ (2000) и ряд других.

3.2.2. Ключевые проблемы социологического анализа

Согласно Р. Дарендорфу, «люди, как бы ни были они далеки во временном и пространственном отношении от нас самих, всегда и повсюду действуют, разговаривают и даже думают и чувствуют, вступая в известные, регулярные, более или менее надежные связи с другими людьми»¹⁴. Поэтому они «едва ли могли бы в какое бы то ни было время закрывать глаза на то, что есть такая вещь как общество»¹⁵.

«Непростой факт общества не только дан нам фактически повсюду (факт наличия порядков, правил, обычаев и структур. — *Н. О.*), где мы находим людей: нам не по силам даже мыслить, абстрагируясь от общества»¹⁶, — писал Дарендорф.

С одной стороны, общество и облегчает нашу участь в силу собственной реальности, и предоставляет нам возможности для самовыражения в жизни.

¹ Dahrendorf R.G. Industrie- und Betriebssoziologie. Walter de Gruyter (Sammlung Göschen Bd. 103). Berlin 1956.

² Dahrendorf R.G. Sozialstruktur des Betriebes. Wiesbaden: Gabler, 1959.

³ Dahrendorf R.G. Gesellschaft und Freiheit. Zur soziologischen Analyse der Gegenwart. München: Piper, 1961.

⁴ Dahrendorf R.G. Gesellschaft und Demokratie in Deutschland. München: Piper, 1965.

⁵ Dahrendorf R.G. Homo Sociologicus. Ein Versuch zur Geschichte, Bedeutung und Kritik der Kategorie der sozialen Rolle. Erstdruck, 1965.

⁶ Dahrendorf R.G. Konflikt und Freiheit. Auf dem Weg zur Dienstklassengesellschaft. München: Piper, 1972.

⁷ Dahrendorf R.G. Plado aus Utopia. Arbeiten zur Theorie und Methode der Soziologie. München: Piper, 1974.

⁸ Dahrendorf R.G. Lebenschancen. Anläufe zur sozialen und politischen Theorie. Frankfurt am Main: Suhrkamp-Taschenbuch, 1979.

⁹ Dahrendorf R.G. Die neue Freiheit. Überleben und Gerechtigkeit in einer veränderten Welt. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1980.

¹⁰ Dahrendorf R.G. Betrachtungen über die Revolution in Europa. Stuttgart: DVA, 1990.

¹¹ Dahrendorf R.G. Der moderne soziale Konflikt. Essay zur Politik der Freiheit. Stuttgart: DVA, 1992.

¹² Dahrendorf R.G. Liberale und andere. Portraits. Stuttgart: DVA, 1994.

¹³ Dahrendorf R.G. Liberal und unabhängig. Gerd Bucherius und seine Zeit. München: C.H. Beck, 2000.

¹⁴ Дарендорф Р. Тропы из утопии. Работы по теории и истории социологии / Пер. с нем. Б.М. Скуратова, В.А. Лизнекова. М.: Праксис, 2002. С. 37.

¹⁵ Там же. С. 38.

¹⁶ Там же.

С другой стороны, «общество — это не просто правила, наделющие нашу жизнь надежным каркасом. Общество до такой степени вездесуще и в то же время столь упрямо, что мы постоянно с ним сталкиваемся и споримся; общество — это досадный факт»¹.

Досадным фактом Дарендорф считал общество в первую очередь потому, что «всегда и повсюду окружает нас непреодолимыми валами, которые мы пестро разукрашиваем и от которых мы можем избавиться, только закрыв глаза, но эти валы продолжают неизбежно стоять»². В данной связи, как бы ни оценивать задачи и возможности социологии, следует согласиться с тем, что социологи занимаются познанием объективных проблем «социальных отношений», «социальных действий», «человеческого общества»³.

Большое внимание в своем творчестве он уделал критике представлений о стабильном обществе, которое назвал «утопией». Он отмечал, что всем утопиям, — от Платоновского государства до «прекрасного нового мира» из романа Джорджа Оруэлла «1984» — присущ один общий конструктивный элемент: все это общество, где отсутствуют изменения»⁴.

Утопические общества (Утопию) определяют следующие «структурные условия» и стабильные черты.

Во-первых, Утопия вырастает не из знакомой реальности и не по реальным законам развития»⁵.

Во-вторых, структурные признаки утопии как будто бы заключаются в единообразии таких общества — в наличии общего консенсуса относительно значимых ценностей и институциональных порядков. Всеобщий консенсус имплицитно означает отсутствие структурно порожденных конфликтов. В утопическом обществе бросается в глаза отсутствие забастовок и революций, совершенно так же, как и парламентов, где организованные группы высказывают свои противоречивые друг другу притязания на власть. Утопические общества могут быть кастовыми, и это бывает часто, однако это не классовое общество, где угнетенные восстают против собственных поработителей»⁶.

В-третьих, фактором для объяснения утопической стабильности служит социальная гармония»⁷.

В-четвертых, все процессы, протекающие в утопическом обществе, следуют периодическим (повторяющимся. — *Н. О.*) образцам и происходят в рамках плана целого или как часть этого плана»⁸.

В-пятых, утопия характеризуется изолированным положением во времени и изолированным положением в пространстве. Утопическое общество представляет собой монолитную и гомогенную структуру, свободно парящую не только во времени, но и в пространстве, отделившись от остального мира, каковой может лишь непрерывно угрожать пресловутой неподвижности утопической социальной структуры»⁹.

Как отмечал Дарендорф, было бы ошибочным и несправедливым приписывать какому-нибудь социологу откровенное намерение рассматривать об-

¹ Дарендорф Р. Тропы из утопии. С. 66.

² Там же.

³ Там же. С. 35.

⁴ Там же. С. 331.

⁵ Там же. С. 332.

⁶ Там же. С. 333.

⁷ Там же. С. 334.

⁸ Там же. С. 335.

⁹ Там же. С. 336.

щество в виде неподвижной структуры, обладающей вечной устойчивостью. Общее место, касающееся того, что изменения бывают повсюду, где бы мы ни сталкивались с социальной жизнью, встречаются в самом начале большинства социологических трактатов¹. Тем не менее новейшие теоретические подходы фактически предполагают утопический образ общества, когда к социальным структурам прилагается категории, характерные для неподвижного общества. Эта предпосылка утопического образа общества, особенно в сочетании с претензией на обобщенную или даже единственно возможную модель, нанесла ущерб прогрессу социологических исследований².

На вопрос о том, чьи работы он имел в виду, когда говорил об утопическом характере социологической теории, Дарендорф отвечал, что это прежде всего работы Т. Парсонса и ряда представителей структурно-функционального подхода. В то же время он подчеркивал, что его критика направлена «не против всего творчества Парсонса и вообще не против его творчества. Она относится и не к важному и превосходному философскому анализу, проведенному Парсонсом в «Структуре социального действия», и не к его многочисленным и умным вкладам в понимание эмпирических феноменов»³.

Следует отметить, что в разделе «Структура и функция. Толкотт Парсонс и развитие социологической теории» сборника «Тропы из утопии. Работы по теории и истории социологии» он предпринял детальный анализ творчества этого исследователя. В результате он пришел к выводу, что «Толкотт Парсонс, несомненно, предпринял преждевременную, но грандиозную попытку разработать категориальную систему, допускающую систематическую интеграцию социологического знания. Импульсы и побуждения, возникшие благодаря этой попытке уже сегодня, способствуют исключительно ее оправданию; благодаря Т. Парсонсу, социология больше, чем когда-либо, приблизилась к статусу зрелой науки»⁴.

Тем не менее Р. Дарендорф полагал, что большая часть теоретических трудов Парсонса показывает выдающийся пример того, что является утопической чертой в социологической теории⁵. Утопия имеет смысл и ценность в качестве противоположности несовершенной реальности, но она опасна в качестве политической программы и неверна как социологическая теория⁶.

Согласно Р. Дарендорфу, в начале всякого научного исследования должен быть факт или ряд фактов, удивляющих ученого. Сам опыт социальных фактов — это еще не социология. Социология начинается лишь с объяснения этих фактов или хотя бы с удивления, стремящегося к объяснению⁷.

Забастовка рабочих автомобильной индустрии в Детройте, высокий коэффициент самоубийств у людей, делающих социальную карьеру, забастовка жителей Вентрии против коммунистического режима — каждый из этих фактов бросает нам вопрос «Почему?», и этот вопрос, в конце концов, все еще вдохновляет ту благородную человеческую деятельность, которой мы занимаемся — науку⁸.

¹ Дарендорф Р. Тропы из утопии. С. 338.

² Там же. С. 339.

³ Там же. С. 347.

⁴ Там же. С. 330.

⁵ Там же. С. 347–348.

⁶ Там же. С. 453.

⁷ Там же. С. 67.

⁸ Там же. С. 350.

Та научная дисциплина, которая на каждом этапе своего развития остается проблемно ориентированной, не так легко попадет в плен утопической мысли или позволит отделить теорию от эмпирии. Для объяснения требуются допущения, или модели и гипотезы, выводимые из таких моделей; гипотезы всегда являющиеся как пояснительными тезисами, так и прогнозами, требуют проверки с помощью дальнейших наблюдений, проверок гипотез, зачастую порождаемых новыми проблемами¹. Таким образом, разумный подход в социологии состоит в том, чтобы разрабатывать строго эмпирические научные общие теории, а также гипотезы и методы их систематической проверки².

При этом Дарендорф отмечал, что ведет речь не о том, чтобы поощрить социологическую науку, являющуюся политически радикальной по содержанию своих теорий, поскольку логически такой науки существовать не может³.

Он говорил о такой социологической науке, «которая не полностью утратила пафос своих основателей» и считал, что «если мы вновь обречем утраченную за последние десятилетия ориентацию на проблемы, мы с необходимостью вернемся к той критической ангажированности, относящейся к реальности нашего социального мира, которая необходима нам, чтобы хорошо делать свою работу»⁴.

Итак, согласно Р. Дарендорфу, путь из утопии начинается с познания удивительных фактов опыта, и начинается, когда берутся за проблемы, порожденные такими фактами⁵.

В то же время сегодня социологию уже нельзя представить без структурно-функциональной теории. Ее проблемы — суть проблемы каждого социолога, а критика структурно-функциональной теории выдает стремление не опровергать, а уточнять и расширять ее.

То, что концепция Парсонса по отдельным и даже существенным пунктам должна быть дополнена, не идет в ущерб ни ее содержательной формулировке, ни, прежде всего, ее интенции. Речь идет о том, чтобы заменить утопическую модель общества полезным и реалистическим подходом к анализу социальной структуры и социальных процессов⁶.

Так, по мнению Дарендорфа, если согласиться с основной интенцией Парсонса, с его убеждением о возможности систематической социологической теории, и ограничиться критической оценкой его взглядов, то в наиболее обобщенном уровне можно выделить два аспекта критики.

Первый аспект касается взаимосвязи теории действия со структурно-функциональным подходом, т. е. самой структурно-функциональной теории и носит чисто формальный характер.

Второй аспект связан с вопросом о применении структурно-функционального анализа к теории и анализу социальных изменений, т. е. он касается ядра ее содержания⁷, а именно равновесной модели общества. Такая модель общества, подразумеваемая структурно-функциональной теорией, постули-

¹ См.: Дарендорф Р. Тропы из утопии. С. 351.

² Там же. С. 50.

³ Там же. С. 352.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 339.

⁷ Там же. С. 321.

рует относительно стабильную систему, состоящую из частей, чьи функции определяются соотношением с системой¹.

Согласно этой модели, патологически особыми случаями социальной жизни являются не конфликт и изменение, а стабильность и порядок². Поразительно и ненормально не наличие, а отсутствие конфликта; поэтому есть все основания проникнуться подозрением к тому обществу, где, по всей видимости, конфликта нет³. Таким образом, структурно-функциональная теория в Парсоновском варианте или с дополнениями Мертоня не в состоянии удовлетворительно справиться с проблемами социального изменения. Для того чтобы разрешить динамические проблемы на уровне систем социальных, необходимо не опровергнуть, а дополнить ее⁴ — предложить другую, конфликтную модель общества.

3.2.3. Конфликтная модель общества

Под конфликтной моделью Р. Дарендорф понимал такую модель общества, в которой конфликт по поводу принципов какой-либо наличной и рассматриваемой как эвристическая конструкция структуры постулируется в качестве правила, а положение отдельных феноменов определяется не только в соответствии с системой, но и с принципами, расположенными по ту сторону систем⁵.

Он отмечал, что могут существовать кое-какие проблемы, для объяснения которых важно постулировать некую равновесную и функциональную Социальную Систему, основанную на консенсусе, отсутствии конфликтов и пространственно-временной изоляции⁶. Но можно вообразить гораздо больше проблем, к коим Социальная Система не применима, чем наоборот. В любом случае, даже на в высшей степени абстрактном и фундированном философском уровне, где движется мысль Т. Парсонса, необходима еще одна модель общества. Эта модель имеет за собой столь же продолжительную, и возможно лучшую традицию, чем равновесная модель⁷.

Метод (Парсонса. — Н. О.) подразумевает, что изменение в обществе является аномалией или, по меньшей мере, необъяснимой ситуацией, и его следует объяснять как отклонение от «нормальной» равновесной системы⁸.

Необходим Галилеев переворот в мысли, который заставит нас признать, что все компоненты социальной организации непрерывно изменяются, если какая-нибудь сила не вмешается ради того, чтобы этот процесс остановить. Наша задача состоит в том, чтобы обнаружить факторы, задействованные в нормальном процессе изменения, а не выписывать какие-то переменные, вызывающие эти изменения⁹.

Кроме того, это изменение вездесуще не только во времени, но и в пространстве, то есть каждая часть общества изменяется непрерывно и нельзя

¹ См.: Дарендорф Р. Тросты из утопии. С. 327.

² Там же. С. 328.

³ Там же. С. 357.

⁴ Там же. С. 324.

⁵ Там же. С. 327.

⁶ Там же. С. 354.

⁷ Там же. С. 355.

⁸ Там же. С. 356.

⁹ Там же.

провести различие между «изменением в» и «изменением общества», «микроскопическим» и «макроскопическим» изменением¹.

Великая творческая сила, форсирующая изменения в модели, которую предложил Дарендорф, и столь же вездесущая — социальный конфликт: «пусть мысль о том, что конфликты есть везде, где мы имеем дело с социальной жизнью, неприятна и тревожна; тем не менее она необходима для нашего понимания социальных проблем»².

Он подчеркивал, что структурный подход представляет лишь материалы, однако не проблемы и не перспективы для теории. Проблемы, с которыми должен соотноситься этот подход, суть преимущественно проблемы господства, неравенства и конфликта³. Перспективы же характеризуются намерением сделать процессы изменения доступными для теории. Поэтому представленная им позиция полемически противопоставлена позиции структурно-функционального анализа⁴.

По мнению Дарендорфа, не следует предполагать, что конфликты всегда являются насильственными и неконтролируемыми. Вероятно, существует некий континуум — от гражданской войны до парламентских дебатов, от забастовок и локаутов — до мирных переговорах о тарифах. При этом если мы сформулируем объяснение относительно вариативности широких форм конфликтов, то никогда не утратим лежащее в их основе допущение, что конфликты можно на время подавить, что их можно регулировать, канализировать и контролировать, но что ни король философов, ни современный диктатор не в состоянии устранить их раз и навсегда⁵.

К инструментальной конфликтной модели общества (наряду с изменением и конфликтом) принадлежит и мысль о принуждении. С точки зрения этой модели общество сплачивается не посредством консенсуса, а с помощью принуждения, не через всеобщее согласие, а путем контроля одних над другими... и подобно тому, как конфликт ускоряет изменения, можно считать, что принуждение поддерживает конфликты. Конфликт вездесущ, поскольку насилие встречается повсюду, где люди объединены в общество⁶.

Утопия, выражаясь языком экономистов, есть мир определенности, достоверности. Это обретенный рай, где жители знают все ответы. Но мы живем в мире неопределенности, недостоверности. И нам неведомо, как выглядит идеальное общество; а если мы считаем, что знаем это, то у нашего соседа совершенно иные представления. Поскольку нет уверенности (по определению разделенной всеми людьми) в конкретной ситуации, то для обеспечения минимально возможной в жизни сплоченности должно действовать принуждение. Поскольку мы не знаем всех ответов, должен наличествовать постоянный конфликт относительно ценностей и политических идей. Из-за этой неопределенности существуют непрерывные изменения и развитие. Конфликтная модель не утопична, это модель открытого общества⁷.

Дарендорф отмечал, что он не намерен становиться жертвой ошибок многочисленных структурно-функциональных теоретиков, выдвигая притязания

¹ Дарендорф Р. Тросты из утопии. С. 356.

² Там же.

³ Там же. С. 291.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 358.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

на всеобщность и исключительную значимость конфликтной модели. Для объяснения социальных проблем необходима как равновесная, так и конфликтная модель общества; и может быть в философском анализе у человеческого общества всегда два лица, наделенных одинаковой реальностью: одно лицо — стабильности, гармонии и консенсуса; а другое — изменения, конфликта и принуждения¹.

Более того, он считал, что нельзя утверждать, что только эти две модели — единственно возможные модели для социологического анализа. Для объяснения конкретных проблем ученым нужно значительное количество моделей на многих уровнях, а обе обрисованные модели зачастую являются слишком обобщенными, чтобы обладать непосредственной релевантностью. Между тем с философской точки зрения трудно определить, какими могут быть модели общества, не относящиеся ни к равновесному, ни к конфликтному типам².

3.2.4. Анализ научного наследия К. Маркса

Признание научной общественности в качестве исследователя феномена социального конфликта Р. Дарендорф получил в конце 50-х гг. XX в., когда была опубликована его работа «Социальные классы и классовый конфликт в индустриальном обществе»³.

В некоторых источниках утверждается, что он придерживается «марксистской ориентации»⁴, поскольку выступает последователем учения К. Маркса о классах и классовой борьбе, хотя и приспособливает его к реалиям современного общества. На самом деле свою концепцию классов и классовых конфликтов он в известной степени противопоставил марксистской концепции классовой борьбы и социальных изменений, представив, в конечном счете, специфическую версию классового анализа⁵.

Действительно, как отмечал Дарендорф, «Марксова теория состоит из двух частей: социально-политической и социально-экономической. В обеих этих частях до сих пор содержится ключ к пониманию современного социального конфликта»⁶.

Суть первой, социально-политической части сводится им к следующему. В каждую историческую эпоху друг другу противостоят два класса («господствующий» и «подчиненный». — *Н. О.*). Господствующий класс готов к борьбе с самого начала: он приходит как сложившееся «в себе и для себя» целое из предыдущей эпохи. Угнетенный же класс должен сперва пройти различные стадии формирования. Спорадические вспышки насилия ускоряют процесс его организации; скрытые интересы выходят наружу; «класс в себе» становится «классом для себя». По мере того, как это происходит, обостряется конфликт между господствующим и угнетенным классами. На какое-то время наступает равновесие, затем весы успеха начинают склоняться в сторону

¹ Дарендорф Р. Тропы из утопии. С. 358.

² Там же. С. 359.

³ Dahrendorf R.G. Soziale Klassen und Klassenkonflikt in der industriellen Gesellschaft. Stuttgart: Ferdinand Enke, 1957.

⁴ Коллинз Р. Четыре социологических традиции ... 2009. С. 118.

⁵ Филалов А.Ф. Дарендорф Ральф // Справочное пособие по истории немарксистской Западной социологии. М.: Наука, 1986. С. 91.

⁶ Дарендорф Р. Современный социальный конфликт. Очерк политики свободы / Пер. с нем. А.Ю. Панфиной. М.: РОССПЭН, 2002. С. 12.

последнего. Угнетенный класс набирает силу; даже отдельные элементы господствующего класса начинают сомневаться в прочности своей позиции и присоединяются к противнику. Затем следует решительный бой, и революционный переворот завершает эпоху. Прежний правящий класс отправляется на свалку истории; прежний угнетенный класс занимает его место как новый правящий⁷.

Вторую часть теории Маркса он назвал социально-экономической. Дело в том, что конфликт классов разворачивается не в безвоздушном пространстве; бойцы классовых боев — в некотором смысле марионетки, управляемые невидимыми социальными силами. Господствующие классы представляют характерные для данной эпохи «производственные отношения». Это значит, они заинтересованы в том, чтобы оставить вещи такими, как есть, причем под «вещами» подразумеваются в первую очередь существующие методы создания благосостояния, законы, гарантирующие стабильность этих методов, и властные отношения, на которые опираются законы. Угнетенные классы, со своей стороны, черпают силы в новых «производительных силах». К ним относятся все, что имеет будущее и стимулирует преобразование: новые технологии, новые организационные формы, новые правила игры и новые коноводы этой игры. Какое-то время производительные силы находят подходящее выражение в рамках господствующих правовых и социальных отношений; но вскоре наступает момент, когда потенциальное перерастает реальное. Это отнюдь не безболезненный, автоматический процесс. Реальные отношения власти и собственности все сильнее сдерживают потенциал удовлетворения человеческих потребностей. Многим жилось бы лучше, но существующие отношения не позволяют. По мере того как все сильнее нарушается гармония потенциального и реального, возрастает интенсивность классового конфликта⁸.

При этом крайние формы выражения протеста против невыносимых условий жизни находят свое выражение в революциях. Революции обещают новые способы организации общества, открывают дорогу шансам, которых не давал старый режим⁹.

Согласно Дарендорфу, с точки зрения эстетических категорий научного метода — это прекрасная теория. Но события, которые теория должна объяснить, не подчиняются ее требованиям и нигде не развиваются так, как она прогнозирует¹⁰. Часто одной порванной нитки достаточно, чтобы распустить искусно сотканное полотно. Это относится и к теории Маркса, в которой утверждается, что революционный взрыв происходит в тот момент, когда условия жизни угнетенных масс достигают нижней точки. На деле это не так. Те, кто терпит самую сильную нужду, становятся скорее апатичными, чем активными, и беспросветный гнет порождает великое безмолвие при всех тираниях. Взрывы происходят, когда налицо какие-нибудь незначительные перемены — искра надежды, искра раздражения — чаще всего при признаках слабости власти имущих, намека на политическую реформу¹¹.

Эта ошибка не является случайной, она связана с фундаментальной слабостью теории, которой никак не удается вырваться из круга «эпох» и «систем». Конечно, Маркс знал, что социальные отношения постоянно меняются,

⁷ См.: Дарендорф Р. Современный социальный конфликт. С. 12–13.

⁸ Там же. С. 13.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. С. 14.

¹¹ Там же.

Он даже описывает власть имущих капиталистического общества, буржуазно как класс, который «не может существовать, не революционизируя постоянно производственных отношений». Но для него и его последователей это означает лишь то, что практические, функциональные усовершенствования — неотъемлемая черта капиталистической системы. Система только утверждает себя с их помощью; исчезнет же она лишь в момент революции.

До тех пор «ранний капитализм» может превращаться в «развитый капитализм», «поздний капитализм», «государственный капитализм», даже в «государственно-монополистический капитализм» — он все равно остается капитализмом. Теория, как по мановению фокусника, подменяется прописной истиной, аксиомой. Пока нет революции, капитализм исчезнуть не может. «Настоящая» перемена должна быть переменной революционной, а пока этого не случилось, все старые понятия остаются в силе <...>¹.

Таким образом, слабость этой теории заключается в том, что Карл Поппер называл историцизмом, когда аналитические понятия гипостазированы, используются не для того, чтобы осветить прожектором теории какие-то аспекты и элементы действительно существующих обществ, а сами все больше подменяют собой действительность. Фактически такой вещи, как капитализм, никогда не существовало в природе, были только экономики и общества, более или менее носящие черты, определяемые как капиталистические. Нищета историцизма в том, что он делает своих приверженцев слепыми в отношении чудес реального мира. В теории историцизм ведет к бесконечному поиску спастельных кругов для объяснений, неспособных выбраться из воды собственными силами. Марксисты сами обрекают себя на головную боль при попытке перевернуть факт исчезновения революционного пролетариата. На практике историцизм приводит к заикливанию на переломах и революциях как якобы единственном методе «истинных» преобразований, причем не только постоянные переменные в повседневной жизни обычных людей, но и легкие структурные сдвиги в целых обществах полностью выпадают из поля их зрения. Следовательно, теория Маркса слишком хороша, чтобы быть пригодной для использования; это умозрительная модель, имеющая мало общего с опытом истории², — заключал Р. Дарендорф.

Он также утверждал, что марксистская теория социальных изменений представляется лучше всего применимой для объяснения революций, хотя при этом она также нуждается в значительной модификации³. Так, ряд трактовок К. Маркса, например, понятия «класса» адекватны лишь в конкретном социально-историческом контексте. Так, упрощенными и устаревшими представляется разделение общества на два антагонистических класса и их «привязка» только к отношениям собственности. Рабочие уже не являются гомогенной социальной группой, обслуживающей процесс машинного производства. В современном мире получили развитие акционерные общества, и собственники уже не осуществляют прямой контроль над процессом производства. Поэтому принципиальные различия между классами отражают не отношения собственности, к которым апеллировал К. Маркс, а отношения «господства», зависящие от наличия или отсутствия власти и авторитета, трактуемые Р. Дарендорфом в духе концепции М. Вебера.

¹ Дарендорф Р. Современный социальный конфликт. С. 14–15.

² Там же. С. 15.

³ Дарендорф Р. Тропы из утопии. С. 399.

Таким образом, как и К. Маркс, Р. Дарендорф считал, что классовый конфликт — это базовый факт социальной жизни, который ведет к социальным преобразованиям. Однако его плюралистический подход к анализу классов и властных структур, вера в силу власти и авторитета в современном обществе, фактически отражал идеи М. Вебера.

С того момента, как Маркс обосновал свою теорию классовых конфликтов (классовой борьбы), «капитализм» претерпел значительные изменения. Посткапиталистическое общество выработало новые механизмы социальной дифференциации, такие как доход, мастерство, престиж и жизненные шансы. Новая капиталистическая формация, которую Дарендорф определил как «посткапитализм», характеризуется более дифференцированной классовой структурой и гибкой системой отношений господства, а, следовательно, более широкой и сложной картиной социальной реальности, которая, в свою очередь, требует новых социологических категорий для ее анализа.

Одно из требований, способствующих созданию эмпирической научной социологии, состоит в точном определении элементов, к которым, в конечном счете, должны восходить наши теоретические исследования⁴. В данной связи следует отказаться от смутной и чересчур неопределенной для наших исследований категории «человек» и даже «человечество», либо преобразовать ее в более определенную категорию⁵.

Дарендорф утверждал, что место необходимых нам элементов категории должно находиться в промежутке между обобщенным понятием «человек» и психологическими понятиями, соответствующими структуре личности⁶. Так, теоретики нашей дисциплины, пытавшиеся работать с категориальной парой «социальная роль», «социальная позиция», значительно приблизили нас к характеристике элементов социологического анализа⁷.

Прежде всего, в число основных понятий социологии должны включаться такие обобщенные категории, которые доказали свою плодотворность в массах единичных и не зависящих друг от друга исследований и вероятно <...> прямо-таки напрашиваются, то есть с ними мы то и дело сталкиваемся при проведении того или иного исследования. Это триада: нормы, санкции, господство⁸.

Первым основным понятием социологического анализа является категория нормы, которая способствует терминологическому описанию закономерностей человеческого поведения⁹.

«Факт общества довольно убедительно описывается с учетом известных нетехнических правил, то есть правил, не действующих автоматически. Даже для непосредственного опыта общество представлено, в первую очередь, в виде нормы: как закон, как обычай, как требование и как привычка»¹⁰ — писал Дарендорф.

Мы легли спать в 3 часа ночи — и все-таки должны (должны ли?) встать в 6 утра. Мы терпеть не можем нашего начальника, и все-таки должны обращаться с ним вежливо и спокойно¹¹.

⁴ См.: Дарендорф Р. Тропы из утопии. С. 53.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же. С. 74.

⁹ Там же. С. 80.

¹⁰ Там же. С. 65.

¹¹ Там же.

Нормы в известной степени представляют собой виды сопротивления, для нашего познания отдаляющие действия людей от сферы случайности¹. Но нормы лишь создают надежные образцы действия, и только тогда, когда сами они являются надежными, то есть обязывающими. Однако эта обязательность обусловлена системой наказаний за нарушение норм и вознаграждений за конформное поведение, а именно, системой конкретных санкций.

Категории нормы и санкции, (связанные Э. Дюркгеймом с властью), требуют, по меньшей мере, еще одного понятия, дающего возможность наложения санкции, которое, по сути, является инструментом реализации обязательности норм и благодаря этому — осуществления социальных порядков (и социальных изменений)². Это понятие *господства*, относящееся к позиционно обусловленной (институционализированной) возможности ожидания исполнения распоряжений. «Мы не можем помыслить общество, не подумав тотчас же о господстве. Не существует общественного договора без такого договора о господстве, который обосновывает полномочия по установлению норм. Общество есть нормирование, а для установления норм и принуждения к их выполнению требуется господство»³.

В данной связи Дарендорф был склонен к тому, чтобы приписывать категории господства первенство среди трех и тем самым *понимать всю социологию как анализ структур, основанных на господстве*⁴.

Он утверждал, что эта система понятий, соотносимая с социальным действием, является адекватной для того, чтобы с ее помощью можно было бы описать основополагающий опыт общества как факта. Система соотносимых понятий «нормы, санкции и господство» надстраивается над этим опытом и представляет собой попытку выработки языка, пригодного для объяснения конкретных проблем анализа, суммы которых образуют предмет социологии⁵.

С помощью категории «господства» Дарендорф конкретизировал понятие «классы». «Классы суть конфликтующие социальные группы, основание определения которых (и вместе с тем *differentia specifica*) состоит в участии в господстве или исключении из него внутри любых сфер господства»⁶. Поскольку часть людей исключена из категории господствующих, между классами всегда возможен (и наблюдается) социальный конфликт.

3.2.4. Сущность и функции социальных конфликтов

Согласно Р. Дарендорфу, «конфликт представляется универсальным социальным фактом, и, вероятно, даже служит необходимым элементом всякой социальной жизни»⁷.

Источник систематических социальных конфликтов — отношения господства, принуждения и подчинения. «Социальные конфликты вырастают

¹ См.: Дарендорф Р. Тропы из утопии. С. 81.

² Там же.

³ Там же. С. 446.

⁴ Там же. С. 82.

⁵ Там же.

⁶ Dahrendorf R. G. Soziale Klassen und Klassenkonflikt: in der industriellen Gesellschaft. Stuttgart: Ferdinand Enke, 1957. S. 139; Цит. по: Фалунанс А. Ф. Дарендорф Ральф // Справочное пособие по истории немарксистской Западной социологии. М.: Наука, 1986. С. 92.

⁷ Дарендорф Р. Тропы из утопии. С. 359.

из структуры общества, являющихся союзами господство и имеющих тенденцию к постоянно кристаллизующимся столкновениям между организованными сторонами»¹.

С точки зрения теоретика конфликта общество объединяет «навязанное принуждение»: таким образом, некоторые позиции в обществе наделены влиянием и властью над другими. Такое положение привело Р. Дарендорфа к его главному тезису о том, что дифференцированное (неравное. — Н. О.) распределение власти «неизменно становится определяющим фактором систематических социальных конфликтов»².

Дело в том, что власть в обществе принадлежит не индивидам, а позициям. Различные позиции людей в обществе обладают разным объемом властных полномочий, т. е. позиции определенным образом структурированы, в зависимости от «обладания» властью. Таким образом, конфликты имеют «структурное происхождение», которое следует искать в распределении социальных ролей, наделенных ожиданиями доминирования и подчинения»³.

В данной связи первой задачей анализа конфликта для Дарендорфа стал анализ властных ролей в обществе, а ключевым элементом в таком анализе — соответствующая положению власть.

Власть всегда подразумевает как превосходство, так и подчинение. Ожидается, что лица, занимающие властные позиции, контролируют подчиненных. То есть они доминируют благодаря ожиданиям окружающих, а не из-за собственных психологических качеств. Как и власть, эти ожидания соответствуют позициям, а не людям. Власть не есть всеобщее явление; допустимые области контроля в обществе конкретизированы. Наконец, поскольку власть легитимна, против тех, кто не подчиняется, могут быть использованы санкции.

Как считал Дарендорф, власть не постоянна, поскольку принадлежит позициям, а не людям. Таким образом, человек, облеченный властью в одной группе, не обязательно занимает властное положение в другой. Аналогично человек в подчиненном положении в одной группе может занимать доминирующее положение в другой. Это следует из утверждения Дарендорфа, что общество состоит из ряда элементов, которые он называл *императивно координированными ассоциациями*.

Это любое имеющееся в обществе отношение управления, связывающее противоположные группы людей — обладающих властью и повинующихся. При этом он подчеркивал, что «... для индивида, являющегося носителем ролей, господство в одной ассоциации не означает и не обязательно предполагает господство во всех других ассоциациях, к которым он принадлежит, и, наоборот, подчинение в данной ассоциации не означает подчинения в других». Все имеющиеся в обществе разновидности императивно координированных ассоциаций в совокупности образуют его социальную структуру. Поскольку общество содержит множество таких ассоциаций, индивид может занимать властное положение в одной и подчиненное в другой. Входя одновременно в несколько ассоциаций и занимая там разные позиции, выполняя социальные

¹ Дарендорф Р. Элементы теории социального конфликта // Социологические исследования. 1994. № 5. С. 143.

² Dahrendorf R. Class and Class Conflict in Industrial Society. Stanford, California: Stanford University Press, 1959. P. 165.

³ Ibid.

роли, индивид участвует сразу в нескольких, не зависящих друг от друга социальных конфликтах.

Конфликтующие социальные группировки, основанные на участии или неучастии в отравлении власти в императивно-координированных ассоциациях, Дарендорф соотносил с понятием *класса*. Господствующий в данной ассоциации класс противопоставляет притязаниям на его власть со стороны подчиненного ему в этой ассоциации класса.

В каждой императивно координированной ассоциации различаются две квазигруппы, объединенные общими латентными интересами. Ориентация их интересов детерминирована владением или исключением из владения властью. Из этих квазигрупп составляются группы интересов, программы которых провозглашают защиту или нападение на законность существующих властных структур. *В любой ассоциации такие две группировки находятся в состоянии конфликта.*

Таким образом, в данное построение оказывается включенным другой ключевой термин в теории конфликтов Р. Дарендорфа — *интересы*. Группы наверху и внизу определяются интересами общего характера. Дарендорф продолжал утверждать, что даже те интересы, которые выглядят психологическими, по сути — явления крупного масштаба.

Для целей социологического анализа конфликтных групп и групповых конфликтов необходимо допустить некоторые *структурно обусловленные* ориентации действий людей, занимающих определенные позиции. По аналогии с сознательными («субъективными») ориентирами действия представляется справедливым описать это как интересы. Допущение «объективных» интересов, связанных с социальным положением, не обладает никаким психологическим смыслом или последствиями; оно принадлежит именно уровню социологического анализа¹.

В каждой ассоциации те, кто занимает господствующие позиции, стремятся сохранить статус-кво; те же, кто находится в позициях подчиненных, ищут изменений. Во все времена в каждой ассоциации присутствует, по крайней мере скрытый, конфликт интересов. Это означает, что легитимность власти всегда ненадежна. Для действий властвующих и подчиненных не требуется, чтобы конфликт интересов осознавался людьми. Интересы господствующих и подчиненных объективны в том смысле, что отражаются в ожиданиях (ролях), соответствующих позициям. Индивиды не должны постигать эти ожидания или даже осознавать их, чтобы действовать согласно им. Если они занимают данные позиции, они будут вести себя ожидаемым образом. Индивиды «приспосабливаются» или «адаптируются» к своим ролям, когда участвуют в конфликте между господствующими и подчиненными. Дарендорф называл эти неосознанные ролевые ожидания *латентными интересами*. *Явные интересы* — это латентные интересы, ставшие осознанными. Он полагал анализ связи между латентными и явными интересами важнейшей задачей теории конфликта и детально проанализировал три попытки, неудовлетворительность которых, по его мнению, сопрягается с ядром проблемы функционального подхода, но при этом способствует ответу на вопрос о роли и функциях социальных конфликтов в жизни общества.

¹ Dohrendorf R. Class and Class Conflict in Industrial Society. Stanford, California: Stanford University Press, 1959. P. 175.

Первая, наименее удачная попытка была предпринята Э. Мэйо. Для Мэйо нормальное состояние общества есть состояние интеграции, кооперации, равновесного функционирования социальной системы. По мнению Мэйо, межгрупповая борьба и конфликты не в состоянии вырастать из структуры общества, поскольку общество представляет собой полностью функциональное образование. Там, где мы встречаемся с конфликтами, они зависят от метасоциальных и притом от индивидуально-патологических причин. Социальные конфликты суть не что иное как проекции психических расстройств (у тех, кто развязал эти конфликты) на психологические отношения¹. Значительной проблемой преодоления социальных конфликтов является проблема психотерапии вождей конфликтующих групп².

Согласно Мэйо, конфликт представляет собой социологически производный феномен помехи в системе кооперации³. Если у конфликта нет функций из-за того, что они вообще не являются общественным феноменом, то у социологов остается возможность воспринимать их в качестве проблем⁴.

Более серьезную попытку предпринял Р. Мертон в статье «Явные и латентные функции». В противоположность Мэйо, Мертон считал конфликты систематическим продуктом социальных структур. Для него существовали ситуации, в каких, например, структуры ролей, референтных групп и институций с необходимостью порождали конфликты. Однако у него конфликты «дисфункциональны», то есть они способствуют нефункциональному обществу, являясь разрушительной силой, разрывающей систему⁵.

Хотя попытка Мертона знаменует собой значительный прогресс в развитии функционального анализа, в то же время кажется весьма сомнительным, что одного понятия «дисфункции» достаточно для наведения мостов от структурно-функционального анализа к анализу изменений⁶. Решающий вопрос остается открытым: что же тогда представляет собой нефункционирование общества? Болезнь ли это общества, отклонение ли от социальной нормы?

Согласно Дарендорфу, дисфункция — это не более, чем ярлык, каковой можно приклеивать к явлениям, объяснение которых хотя и считается возможным, но пока недостижимо; ведь констатация, что забастовки и революции «дисфункциональны», а следовательно, способствуют нефункциональности соответствующих социальных систем, пока не объясняет слишком многого⁷.

Третья попытка — ученика Р. Мертона Л. Козера — встроить конфликты в функциональный анализ, хотя была более последовательна и убедительна, но менее плодотворна аналитически. Работа Козера «Функции социального конфликта» доводит до конца возможности функционального освоения конфликтов⁸.

По мнению Козера, функциональный подход не только в состоянии удовлетворительно объяснить конфликты, но и упрямый факт социальных конф-

¹ Дарендорф Р. Тропы из утопии. С. 361.

² Там же.

³ Там же. С. 362.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 365.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 366.

⁸ Там же. С. 368.

ликтов в их интегративном значении можно постичь только посредством функционального анализа¹.

Р. Дарендорф также считал верным, что любой социальный конфликт создает некоторую общность между враждующими сторонами. Так, не существует конфликта между немецкими домохозяйками и перуанскими шахматистами, поскольку между этими двумя группами, похоже, вообще отсутствуют социальные отношения². Конфликт — это следствие формирования неких социальных отношений³, но о последствиях социальных конфликтов у Л. Козера сказано совсем немного.

Хотя Козеру и удалось показать, что и функционалист в состоянии кое-что высказать о конфликтах, в то же время он продемонстрировал убожество функционального подхода перед лицом проблемы, выходящей за рамки наличных социальных систем⁴.

Таким образом, последнее слово функционализма не является последним словом социологии по этой проблеме. А значит, при определении последствий социальных конфликтов социологическую теорию следует радикально отделить от функционалистской системной модели общества и заняться поисками новых отправных точек⁵.

Согласно тезису Дарендорфа, постоянная задача, смысл и следствие социальных конфликтов заключаются в том, чтобы поддерживать изменения в стабильных обществах и их частях и способствовать этим изменениям. Если угодно, изменения можно назвать функциями социальных конфликтов. И все же понимание функций применено здесь в нейтральном смысле, то есть без всякого соотношения с системой, представленной как равновесная⁶.

Конфликты в своем влиянии и значении становятся понятными лишь тогда, когда они соотносятся с историческим процессом в человеческих обществах.

В качестве одного из факторов социальных изменений конфликты в высшей степени необходимы. Там, где они отсутствуют, подавляются или же мнимо разрешены, изменения замедляются и сдерживаются. Там, где конфликты признаны и управляемы, процесс изменения сохраняется как постепенное развитие. Но в любом случае в социальных конфликтах выражается творческая сила общества. И как раз от того, что конфликты выходят за рамки наличных ситуаций, они служат жизненным элементом общества, подобно тому как конфликт является вообще элементом всякой жизни⁷.

Несомненно, один из факторов социальных изменений заключается в технологическом развитии. Но столь же важен здесь своеобразный социальный факт, что все общества непрерывно порождают в себе антагонизмы, которые возникают не случайно и не могут быть устранены по произволу⁸.

Взрывчатый характер социальных ролей, оснащенных противоречивыми ожиданиями, несовместимость значимых норм, региональные и конфессиональные различия, система социального неравенства, называемая нами рас-

¹ См.: Дарендорф Р. Тропы из утопии. С. 369.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 370.

⁷ Там же.

⁸ Там же. С. 371.

слоением, а также универсальные барьеры между господствующими и подвластными образуют социально структурированные элементы, необходимо приводящие к конфликтам. Но от таких конфликтов всегда исходят мощные импульсы, направленные на темп, радикальность и направление социальных изменений⁹.

3.2.5. Этапы и «переменные» социальных конфликтов

Согласно Р. Дарендорфу, путь от устойчивого состояния социальной структуры к разворачивающимся социальным конфликтам (процесс разворачивания конфликтов из определенных состояний социальных структур) аналитически проходит в три этапа¹⁰ и, в принципе, применим к различным формам конфликтов.

Первый этап проявления конфликта образует само исходное состояние структуры, т. е. выявленный каузальный фон определенного конфликта. «На основе существенных в каждом случае структурных признаков в данном социальном единстве можно выделить два агрегата социальных позиций, «обе стороны» фронта конфликта... Эти агрегаты представителей социальных позиций не являются пока в точном смысле социальной группой; они являются квази-группой, т. е. одним только обнаруженным множеством представителей позиций, предполагающим их сходство, которое не нуждается в осознании ими»¹¹.

Квази-группа — «совокупность тех, кто занимает позиции с идентичными ролевыми интересами»¹². Принадлежность к агрегату в форме квази-группы постоянно предполагает ожидание защиты определенных интересов. «... Латентные интересы принадлежат социальным позициям; они не обязательно являются осознаваемыми и признаваемыми представителями этих позиций: предприниматель может отклониться от своих латентных интересов и быть заодно с рабочими; немцы в 1914 г. могли вопреки своим ролевым ожиданиям осознавать симпатию к Франции...»¹³.

Второй этап развития конфликта состоит в непосредственной кристаллизации, то есть в осознании латентных интересов и организации квази-групп в фактические группировки (группы и интересы. — Н. О.)¹⁴.

Каждый социальный конфликт стремится к явному выражению вовне. Путь к манифестированию существующих латентных интересов не очень долг; квази-группы являются достижением порога организации второго типа групп — групп интересов.

Группы интересов формируются из больших квази-групп. Группы интересов есть группы в жестком социологическом смысле; и они являются реальными агентами групповых конфликтов. Они обладают структурой, формой организации, программой или целью и коллективом членов¹⁵.

⁹ Дарендорф Р. Тропы из утопии. С. 372.

¹⁰ Дарендорф Р. Элементы теории социального конфликта // Социологические исследования. 1994. № 5. С. 142.

¹¹ Там же.

¹² Dahrendorf R. Class and Class Conflict in Industrial Society. Stanford. California: Stanford University Press. 1959. P. 180.

¹³ Дарендорф Р. Элементы теории социального конфликта. С. 142.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Dahrendorf R. Class and Class Conflict in Industrial Society... P. 180.

При этом, конечно, «организация» не означает одно и то же в случае «классового конфликта», «конфликта ролей» или конфликта в области международных отношений. В первом случае речь идет об организации политической партии, союза; в последнем, напротив, более об экспликации, проявлении конфликтов. При «ролевом конфликте» можно говорить об организации участвующих элементов только в переносном смысле. *Тем не менее конфликты всегда стремятся к кристаллизации и артикуляции*¹.

Третий этап заключается в самих сформировавшихся конфликтах. Он начинается тогда, когда из всего множества групп интересов возникают конфликтные группы. — то есть группы, которые реально участвуют в групповых конфликтах. По меньшей мере, в тенденции конфликты являются столкновением между сторонами или элементами, характеризующимися очевидной идентичностью: между нациями, политическими организациями и т. д. В случае, если такая идентичность еще отсутствует... конфликты в некоторой степени являются неполными. Это не означает, что такие противоречия не представляют интереса для теории конфликта; противоположность существует. Однако в целом каждый конфликт достигает своей окончательной формы лишь тогда, когда участвующие элементы с точки зрения организации являются идентичными².

Следует отметить, что понятия латентных и явных интересов, квазигрупп, групп интересов и конфликтных групп являются базовыми для объяснения социальных конфликтов.

При идеальных условиях другие переменные не понадобятся. Однако поскольку условия никогда не бывают идеальными, в процесс вмешивается множество разных факторов. Так, для того чтобы конфликты проявились, должны быть выполнены определенные технические, и политические (свобода коалиций) условия. Если отсутствуют некоторые или все из этих условий, конфликты остаются латентными, лороговыми, не переставая существовать. При известных условиях — прежде всего, если отсутствуют политические условия организации — сама организация становится непосредственным предметом конфликта, который вследствие этого обостряется. *Условия кристаллизации отношений конкуренции, международных и ролевых конфликтов должны изучаться отдельно*³.

Другим важным социальным условием для Дарендорфа был переход людей в квазигруппу. Он считал, что если комплектование носит беспорядочный и случайный характер, группа интересов и, в конце концов, конфликтная группа, вряд ли возникнет. В отличие от Маркса Дарендорф не считал, что люмпен-пролетариат (этим термином Маркс обозначал людские массы на нижнем уровне экономической системы, стоящие даже ниже пролетариата) в результате сформирует конфликтную группу, так как люди набираются в нее случайным образом. Однако когда набор в квазигруппы структурно обусловлен, эти группы обеспечивают плодородную почву для групп интересов и, в некоторых случаях, конфликтных групп.

Согласно Р. Дарендорфу, социальные конфликты вырастают из структуры обществ, являющихся союзами господства и имеющих тенденцию к постоянно кристаллизующимся столкновениям между организованными сторо-

¹ Дарендорф Р. Элементы теории социального конфликта. С. 142–143.

² Там же. С. 143.

³ Там же.

нами. Однако источники родственных конфликтов в различных обществах и в разное время неодинаковы.

Например, конфликты между правительством и оппозицией выглядели в Венгрии в 1956 г. иначе, чем в Великобритании; отношения между Германией и Францией в 1960 г. иначе, чем в 1940-м; отношение немецкого общества к национальным и религиозным меньшинствам было в 1960 г. другим, нежели в 1940-м.

В данной связи теория социального конфликта должна дать ответ на вопрос, в каких аспектах можно обнаружить такие изменения формы и то, с чем они связаны. Это вопросы переменных и факторов варибельности социальных конфликтов⁴.

Р. Дарендорф утверждал, что «переменные социальных конфликтов — это те границы, в которых они могут изменяться». Он выделял две переменные социальных конфликтов — «интенсивности» и «насильственности»: конфликты могут быть более или менее интенсивными и более или менее насильственными. Обе переменные, каждая из которых представляет собой своеобразную шкалу, изменяются независимо друг от друга: не каждый насильственный конфликт обязательно является интенсивным, и наоборот⁵.

Переменная насильственности относится к формам проявления социальных конфликтов. Под ней (насильственностью. — Н. О.) подразумеваются средства, которые выбирают борющиеся стороны, чтобы осуществить свои интересы. На одном полюсе шкалы насильственности находится война, гражданская война, вообще вооруженная борьба с угрозой для жизни участников, а на другом — беседа, дискуссия и переговоры в соответствии с правилами вежливости и с открытой аргументацией. Между ними находится большое количество более или менее насильственных форм столкновений между группами — забастовка, конкуренция, ожесточенно проходящие дебаты, драка, попытка взаимного обмана, угроза, ультиматум и т. д.⁶

Например, международные отношения послевоенного времени предоставляют достаточно примеров для дифференциации насильственности конфликтов от «духа Женевы», через «холодную войну» по поводу Берлина, до «горячей войны» в Корее⁷.

Переменная интенсивности связана со степенью участия пострадавших в данных конфликтах. Интенсивность конфликта больше, если для участников многое связано с ним, и чем большее значение придают участники столкновению, тем оно интенсивнее. Таким образом, интенсивность означает вкладываемую участниками энергию, и вместе с тем — социальную важность определенных конфликтов⁸.

Например, борьба за председательство в футбольном клубе может проходить бурно и действительно насильственно; но, как правило, она означает для участ-

¹ Дарендорф Р. Элементы теории социального конфликта. С. 143.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 143–144.

ников не так много, как в случае конфликта между предпринимателями и профсоюзами (с результатом которого связан уровень зарплаты).

Таким образом, посредством ввода обозначенных переменных Дарендорф конкретизирует те вопросы, на которые должна ответить теория конфликта: При каких условиях социальные конфликты приобретают более или менее насильственную, более или менее интенсивную форму? Какие факторы могут влиять на интенсивность и насильственность конфликта? На чем, таким образом, основывается вариабельность социальных конфликтов применительно к выделенным переменным?

Ответы на эти вопросы, по мнению ученого, может дать изучение нескольких рядов значимых факторов.

Первый ряд (круг) факторов вытекает из условий организации конфликтных групп, или *манifestирования конфликтов*.

Вопреки часто выражаемому предположению, полное манифестирование конфликтов всегда уже является шагом к их ослаблению. Многие столкновения приобретают свою высшую степень интенсивности и насильственности тогда, когда одна из участвующих сторон способна к организации, есть социальные и технические условия, но организация запрещена и, таким образом, отсутствуют политические условия. Историческими примерами этого являются конфликты как из области международных отношений (партизанские войны), так и конфликты внутри общества (индустриальные конфликты до легального признания профсоюзов). *Всегда наиболее опасен не до конца доступный для понимания, только частично ставший явным конфликт, который выражается в революционных или квази-революционных взрывах. Если конфликты признаются как таковые, то часто с ними не так много связано. Тогда становится возможным смягчение их форм*¹.

Второй ряд факторов (важный применительно к интенсивности конфликтов) образуют факторы социальной мобильности. В той степени, в которой возможна мобильность — и прежде всего между борющимися сторонами, интенсивность конфликтов уменьшается, и наоборот... *Чем сильнее единичное привязано к своей общественной позиции, тем интенсивнее становятся вырастающие из этой позиции конфликты, тем неизбежнее участники привязаны к конфликтам. Исходя из этого, можно представить тезис, что конфликты на основе возрастных и половых различий всегда интенсивнее, чем на основе профессиональных различий, или что, как правило, конфессиональные столкновения интенсивнее, чем региональные. Вертикальная и горизонтальная мобильность, переход в другой слой и миграция всегда способствуют снижению интенсивности конфликта*².

Важным фактором, который может влиять на интенсивность конфликтов, по мнению Дарендорфа, является «социальный плюрализм» — «напластование или разделение структурных областей».

Так, в каждом обществе существует большое количество социальных конфликтов, например, между конфессиями, между частями страны, между управляющими и управляемыми. Они могут быть разделены, если стороны каждого отдельного конфликта представлены только в нем. Но могут быть и «напластованы» (перемешаны), если стороны каждого конфликта принимают

¹ Дарендорф Р. Элементы теории социального конфликта. С. 144.

² Там же.

участие в других столкновениях. В каждом обществе существует большое количество институциональных порядков — государство и экономика, право и армия, воспитание и церковь. Эти порядки могут быть относительно независимы, а политические, экономические, юридические, военные, педагогические и религиозные руководящие группы — не идентичны; но, возможно, что одна и та же группа задает тон во всех областях. *В степени, в которой в обществе возникают такие и подобные феномены напластования, возрастает интенсивность конфликтов; и напротив, она снижается в той степени, в какой структура общества становится плюралистичной, т. е. обнаруживает разнообразие автономные области. При напластовании различных социальных областей каждый конфликт означает борьбу за все³; осуществление экономических требований должно одновременно изменить политические отношения. Если области разделены, то с каждым отдельным конфликтом не так много связано, тогда снижается цена поражения (и при этом интенсивность)*⁴.

Дарендорф утверждал, что социальные конфликты нельзя «подавлять» или же «отменять». Их подавление является не только аморальным, но и неэффективным способом обращения с социальными конфликтами⁵. В той мере, в какой социальные конфликты пытаются подавить, возрастает их потенциальная злокачественность, ведущая к взрыву предельно насильственных конфликтов. Горькие доказательства этого тезиса представляет собой революция. Это же относится и ко всем формам так называемой «отмены» конфликтов, когда в истории как в международной области, так и внутри общества в отношениях между группами и между ролями вновь и вновь предпринимались попытки раз и навсегда устранить имеющиеся противоположности и противоречия путем вмешательства в существующие структуры.

Под «отменой» конфликтов им понимается любая попытка не подавить, а в корне ликвидировать противоречия. Эта попытка обманчива, поскольку можно устранить лишь предметы определенных конфликтов так, чтобы они не возникли вновь в этом качестве.

Например, корейский вопрос в конфликте Восток-Запад, чрезвычайное законодательство в партийном конфликте, конкретные требования зарплаты в столкновении между партнерами по тарифным переговорам можно «устранить».

Однако устранение предмета не ликвидирует сам кроющийся за ним конфликт. *Социальные конфликты, т. е. систематически вырастающие из социальной структуры противоречия, принципиально нельзя «разрешить» в смысле окончательного устранения. Тот, кто пытается навсегда разрешить конфликты, скорее поддается опасному соблазну путем применения силы произвести впечатление, что ему удалось такое «разрешение», которое по природе вещей не может быть успешным. «Единство народа» и «бесклассовое общество» — это только два из многих проявлений подавления конфликтов под видом их разрешения*⁶.

Следовательно, тот, «кто хочет достигнуть общества без конфликтов, тому придется добиваться этого посредством террора и полицейского насилия, ибо

¹ См.: Дарендорф Р. Элементы теории социального конфликта. С. 144.

² Там же. С. 144–145.

³ Там же. С. 145.

⁴ Там же.

сама мысль о бесконфликтном обществе есть акт насилия по отношению к человеческой природе»¹.

Классовый конфликт как движущая сила и способ существования социального организма не может быть подавлен, так как он является неотъемлемым компонентом социально-классовой структуры общества — механизмом передела и распределения жизненных шансов. В данной связи задачей каждого общества, а также средством, соответствующим реальности, которое «обещает успех», поскольку уменьшает насильственность всех видов конфликта, является их *регулирование*. Конфликты не исчезают посредством их регулирования; они не обязательно становятся сразу менее интенсивными, но в такой мере, в которой их удается регулировать, они становятся контролируемы, их творческая сила ставится на службу постепенному развитию социальных структур»².

Согласно Р. Дарендорфу, успешное регулирование конфликтов предполагает ряд условий.

Прежде всего, нужно, чтобы конфликты вообще, а также данные отдельные противоречия признавались всеми участниками как неизбежные, и более того — как оправданные и целесообразные. Другими словами, необходимо осознать плодотворный, творческий принцип конфликтов³. Это означает, что любое вмешательство в конфликты должно ограничиваться регулированием их проявлений и что нужно отказаться от бесполезных попыток устранения их причин⁴.

Поскольку причины конфликтов — в отличие от их явных конкретных предметов — устранить нельзя, то при регулировании конфликтов речь всегда может идти только о том, чтобы выделять видимые формы их проявления и использовать их вариативность. Это происходит вследствие того, что данные конфликты обязательно канализируются⁵.

Условием для возможного регулирования конфликтов является их манифестирование, а также организация конфликтных групп.

При наличии всех этих предпосылок следующий шаг заключается в том, что участники соглашаются на известные «правила игры», в соответствии с которыми они желают разрешать свои конфликты. Однако «правила игры», типовые соглашения, конституции, уставы и т. п. могут быть эффективны только в случае, если они с самого начала не отдают предпочтения одному из участников в ущерб другому, ограничиваются формальными аспектами конфликта и предполагают обязательное канализирование всех противоположностей⁶.

Все «правила игры» касаются способов, которыми контрагенты намереваются разрешать свои противоречия. Дарендорф выделил ряд форм, которые могут применяться последовательно.

Первой формой являются *переговоры*. Эта форма предполагает создание органа, в котором конфликтующие стороны регулярно встречаются с целью ведения переговоров по всем острым темам, связанным с конфликтом, и при-

¹ Дарендорф Р. Тропы из утопии. С. 374.

² Дарендорф Р. Элементы теории социального конфликта. С. 145.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 145–146.

⁵ Dahrendorf R. Zu einer Theorie sozialen Konflikts // Zapf W. Theorien sozialen Wandels. Köln-Berlin, 1969.

⁶ Дарендорф Р. Элементы теории социального конфликта. С. 146.

нятия решений установленными способами, соответствующими обстоятельствам (большинством, квалифицированным большинством, большинством с правом вето, единогласно). Однако редко бывает достаточно только этой возможности: переговоры могут остаться безрезультатными. В такой ситуации используется ряд форм, связанных с привлечением «третьей стороны», то есть лиц или инстанций, не участвующих в конфликте.

Одной, наиболее мягкой формой участия третьей стороны является *посредничество*, подразумевающее соглашение сторон от случая к случаю выслушивать посредника и рассматривать его предложения. Несмотря на кажущуюся необязательность этого образа действий, посредничество (например, Генерального секретаря ООН, федерального канцлера и т. д.) часто оказывается в высшей степени эффективным инструментом регулирования.

Тем не менее часто необходимо прибегнуть к другой, более жесточечной форме участия третьей стороны — *арбитражу*, когда обращение к третьей стороне, является обязательным, а исполнение ее решения — добровольным. Эта ситуация характеризует положение правовых институтов в некоторых (в частности, международных) конфликтах.

Наконец, в случае, если для участников обязательно как обращение к третьей стороне, так и принятие ее решения, формой регулирования конфликта служит *обязательный арбитраж*, который находится на границе между регулированием и подавлением конфликта. Он может иногда быть необходим (для сохранения формы государственного правления, возможно, также для обеспечения мира в международной области), но при его использовании регулирование конфликтов как контроль их форм остается сомнительным¹.

В то же время Дарендорф подчеркивал, что конфликты не исчезают путем их регулирования. Там, где существует общество, также существуют и конфликты. Однако формы регулирования воздействуют на насильственность конфликтов². Регулируемый конфликт в известной степени является смягченным: хотя он продолжается и может быть чрезвычайно интенсивным, он протекает в формах, совместимых с непрерывно изменяющейся социальной структурой³.

Возможно, конфликт является «отцом всех вещей», то есть движущей силой изменений, но конфликт не должен быть войной и не должен быть гражданской войной⁴.

Так, свободное (гражданское) общество, которое в состоянии обеспечить своим гражданам несоизмеримо больше возможностей, чем все виды несвободы, вместе взятые, являет собой открыто признанный и организованно разрешаемый современный социальный конфликт.

Современный социальный конфликт — это антагонизм прав и их обеспечения, политики и экономики, гражданских прав и экономического роста. Это, вдобавок, постоянный конфликт между группами удовлетворенными и требующими удовлетворения, хотя здесь возникновение в недавние времена обширного класса большинства весьма усложнило картину⁵.

¹ См.: Дарендорф Р. Элементы теории социального конфликта. С. 146.

² Там же. С. 146–147.

³ Там же. С. 147.

⁴ Там же.

⁵ Дарендорф Р. Современный социальный конфликт. Счерк политики свободы / Пер. с нем. А.Ю. Панфиной. М.: РОССПЭН, 2002. С. 6.

Согласно Дарендорфу, современный классовый конфликт связан с действием неравенства, ограничивающего полноту гражданского участия людей социальными, экономическими и политическими средствами¹. Речь идет о правах, реализующих положение гражданина как статус. К основным гражданским правам относятся элементы правового государства, равенство перед законом и надежная процедура поиска правосудия. Конец иерархии означает начало основных гражданских прав. Никто больше не стоит над законом, все подчиняется ему. Закон ограничивает власть и ее носителей, в то же время обеспечивая защиту всех тех, кто временно или постоянно оказывается в меньшинстве. Тем самым создаются предпосылки для формирования гражданского общества.

Согласно Дарендорфу, «несмотря на все шатания двадцатого столетия, мысль о том, что все члены общества — граждане, все граждане подчиняются закону и равны перед законом, — есть первейшее определение гражданского общества»². «Провозглашение основных гражданских прав было и остается стратегическим изменением современного мира».

В то же время очевидная слабость основных гражданских прав заключается в том, что сами законы, в которых они находят свое выражение, могут быть односторонними. И хотя они должны действовать как правила игры, порой эти правила выгодны одной стороне больше, чем другой.

Наглядный тому пример представляет собой Трудовой договор. Что значит слова «свободный и равноправный», если одна договаривающаяся сторона должна работать, чтобы выжить, а другая вольна сама подыскивать себе партнеров, нанимать и увольнять их по собственному усмотрению? Пока не все граждане имеют шанс ввести свои интересы в процесс правотворчества, правовое государство сохраняет в неприкосновенности серьезные различия в правах³. По этой причине необходимым дополнением к гражданским правам являются права политические. К ним относятся не только избирательное право, но и свобода собраний, свобода слова и вся палитра прав. Политическая общественная жизнь соответствует экономическому рынку: ее структуры столь же несовершенны и столь же сложны; но главное — она, так же как и рынок, должна быть доступна всем. Политические права — это входной билет в общественную жизнь⁴.

Однако до сих пор основные гражданские права ограничены не только политической властью привилегированных слоев, но и экономической слабостью многих из тех, кому они обещаны законом и конституцией. Политические права немного значат, если людям не хватает образования, чтобы эффективно ими пользоваться. К тому же это может требовать такой социальной или экономической цены, которая помешает их осуществлению. Пока каждый человек не может жить свободной от элементарной нужды и страха жизнью, конституционные права остаются пустым обещанием, и даже хуже — циничной уловкой, скрывающей фактическую защиту привилегий⁵.

Гражданские и политические права утверждаются как таковые и гарантируются законами и судами. Гораздо более трудный вопрос — гарантия социальных прав: требования социальных улучшений нередко превращаются в требование повышения обеспечения.

¹ Дарендорф Р. Современный социальный конфликт. С. 55.

² Там же. С. 56.

³ Там же. С. 56–57.

⁴ Там же. С. 57.

⁵ Там же. С. 58.

Неравенство — жизненная среда свободы, пока оно остается неравенством обеспечения и не касается прав. Оно наполняет супермаркеты, а это в высшей степени желательно, пока все имеют к ним доступ. Однако нас в первую очередь интересует вопрос, что означает расширение гражданских прав для классовых структур. Допустим для начала, что сам этот процесс является результатом классового конфликта. В зачаточном гражданском обществе неимущие организовывались, чтобы придать вес своим требованиям политических, а затем и социальных прав; имущие неохотно уступали. Таким образом, продвижение гражданских прав из сферы юридической в политическую, а затем в социальную сферу представляет собой также процесс «классового затухания», смягчения классового конфликта.

Итак, социальные конфликты поддерживают исторические изменения и способствуют развитию общества¹. Конфликты и изменения, многообразие и история основаны на конститутивной неопределенности человеческого существования. Если справедливо, что наше существование в современном мире характеризуется неопределенностью; если, следовательно, человек в качестве общественного существа представляет собой существо историческое, то конфликт знаменует надежду на достойное и рациональное освоение жизни².

В целом Р. Дарендорф разработал теорию конфликта, получившую наибольшую популярность. Однако, как отмечает Дж. Ритцер³, и эта теория не раз была предметом критического анализа⁴.

Прежде всего, Дарендорфа обвиняли в том, что он дал неадекватную трактовку учению К. Маркса, избирательно заимствуя из него «подходящие элементы». Действительно, во многом это относится к определению классов, когда понятие классов, выработанное в марксизме, низводится до частного случая «классового деления». Всюду, где имеются отношения господства и подчинения, имеются, по Дарендорфу, и классы⁵. Тогда вся иерархия социальных отношений описывается в качестве классовых отношений. Тогда, следуя данной логике, конфликт родителей и детей можно рассматривать как классовый конфликт. В то же время включение в социальный конфликт лишь двух противоборствующих сторон, четко осознавших свои интересы, приводит к упрощенному видению современного общества.

Несмотря на то, что Дарендорф пытался, в известной степени, сочетая марксистский и веберовский подходы к анализу социальной структуры с позитивистской методологией, претендовать на самостоятельную всеобъемлющую теорию, фактически он перевернул структурный функционализм «с ног на голову». Отсюда и общепринятое в среде ряда исследователей противопоставление основных положений структурных функционалистов и «конфликтологов».

¹ Дарендорф Р. Тропы из утопии. С. 372.

² Там же. С. 379.

³ Ritzer G. Sociological Theory: 5th ed. International edition: McGraw-Hill Higher Education, 2000. P. 258.

⁴ Hazelrigg L. Class, Property and Authority: Dahrendorf's Critique of Marx's Theory of Class // Social Forces. 1972. № 50. P. 473–487; Turner J. From Utopia to Where? A Strategy for Reformulating the Dahrendorf Conflict Model // Social Forces. 1973. № 52. P. 236–244; Weingart P. Beyond Parsons? A Critic of Ralf Dahrendorf Conflict Theory // Social Forces. 1969. № 48. P. 151–165.

⁵ Филалов А. Ф. Дарендорф Ральф // Справочное пособие по истории немарксистской Западной социологии. М.: Наука, 1986. С. 92.

Для структурных функционалистов общество статично или, в лучшем случае, находится в состоянии динамического равновесия, а для теоретиков конфликта всякое общество в любой момент испытывает непрерывные изменения. В то время как структурные функционалисты подчеркивают упорядоченность общества, теоретики конфликта видят разногласия и конфликты в каждой точке социальной системы.

Функционалисты (или, по крайней мере, ранние функционалисты) утверждают, что каждый элемент в обществе способствует стабильности: представители теории конфликта считают, что многие социальные элементы вносят вклад в дезинтеграцию и изменения. Функционалисты полагают, что общество объединяется неформальным образом с помощью норм, ценностей и коллективных нравственных принципов. Теоретики конфликта всю упорядоченность общества рассматривают как происходящую от принуждения одних членов теми, что наверху. В то время как структурные функционалисты говорят о создаваемой общими социальными ценностями сплоченности, теоретики конфликта подчеркивают роль власти в поддержании порядка в обществе¹.

Действительно, Р. Дарендорф уделял больше внимания изменениям, чем равновесию, конфликтам, чем порядку, рассматривал, как элементы общества способствуют изменениям, а не стабильности, изучал конфликт и принуждение, а не нормативные ограничения. Поэтому его теория и подверглась нападкам, по сути, противоположным тем, которым подвергались структурные функционалисты. Ее критиковали за пренебрежение порядком и стабильностью, тогда как структурный функционализм — за невнимание к конфликтам и изменениям, за идеологический радикализм, тогда как структурный функционализм — за консервативную идеологию².

На самом деле теория Дарендорфа имеет больше точек соприкосновения со структурным функционализмом, нежели с марксизмом. Акцент Дарендорфа на системах, позициях и ролях непосредственно связывает его со структурным функционализмом. Его внимание к власти, позициям, императивно координируемым ассоциациям, интересам, квазигруппам, группам интересов и конфликтным группам фактически имеет производный от функционализма характер³. В результате теория Дарендорфа перенимает многие недостатки, свойственные структурному функционализму. Несмотря на то, что сам этот ученый призывал отказаться от нечетких вопросов, смутных и неопределенных категорий, ставил задачу развивать методы квантификации эмпирических результатов, как и многие структурные функционалисты, он часто использовал неясные (размытые. — Н. О.) понятия и тавтологии, что, в частности отмечал Дж. Тёрнер⁴.

В 50–60-е гг. XX в. теоретики социального конфликта попытались «пересмотреть» ряд базовых положений структурного функционализма, прежде всего, о стабильности социальной системы, функциональности и интегрированности ее основных элементов, «дополнить» их собственными теоретиче-

¹ См.: Ritzer G. *Sociological Theory*: 5th ed. International edition: McGraw-Hill Higher Education, 2000. P. 259.

² Ibid. P. 258.

³ Ibid.

⁴ Turner J. A Strategy for Reformulating the Dialectical and Functional Theories of Conflict // *Social Forces*, 1975. № 53. P. 433–444.

скими (конфликтными) моделями, аккумулировавшими идеи классиков социологии и современных исследователей. Однако самым серьезным их недостатком стало то, что они так и не смогли отмежеваться от структурного функционализма, которому и были обязаны своим возникновением. На самом деле, они явились своеобразной версией (производной) от этого господствующего в социологии направления, обратившейся к критическому анализу общества⁵.

Л. Козер, придерживаясь интерпретации социального конфликта Г. Зиммелем, попытался доказать, что конфликт может быть включен в функционалистскую теоретическую перспективу как средство поддержания социального порядка. Р. Дарендорф взял за основу теорию классов и классовой борьбы К. Маркса и Ф. Энгельса, «пересмотрел» ее с точки зрения веберовской концепции конфликта власти⁶. Вместе эти теоретики вновь привлекли внимание социологов к теме социального конфликта, которая на время выпала из сферы их анализа. Вслед за Л. Козером и Р. Дарендорфом, проблематика социального конфликта стала развиваться во многих неоднородных направлениях: анализу конфликтных социальных отношений посвятили свои труды такие видные социологи, как Кеннет Боуддинг (Kenneth Boulding)⁷, Рэндалл Коллинз (Randall Collins)⁸ и ряд других. Кроме того, они дали импульс для развития более широких «динамических» концепций социального развития, одной из которых является так называемая «динамическая социология» («акционализм») французских ученых А. Турена⁹ и Ж. Баландье¹⁰.

Первоисточники для изучения

- Дарендорф Р. *Классы и классовые конфликты в индустриальном обществе*. М.: Наука, 1994.
- Дарендорф Р. *После 1989. Размышления о революции в Европе*. М.: Директмедиа Паблишинг, 2007.
- Дарендорф Р. *Современный социальный конфликт. Очерк политики свободы* / Пер. с нем. Л.Ю. Панфиной. М.: РОССПЭН, 2002.
- Дарендорф Р. *Тропы из утопии. Работы по теории и истории социологии* / Пер. с нем. Б.М. Скуратова, В.А. Лизнекова. М.: Праксис, 2002.
- Дарендорф Р. *Элементы теории социального конфликта*. М.: Директмедиа Паблишинг, 2007.
- Козер Л. *Функции социального конфликта* / Пер. с англ. О.А. Назаровой. М.: Идея – Пресс; Дом интеллектуальной книги, 2000.
- Козер Л. *Мастера социологической мысли. Идеи в историческом и социальном контексте*. М.: Норма, 2006.

⁵ См.: Ritzer G. *Sociological Theory*: 5th ed. International edition: McGraw-Hill Higher Education, 2000. P. 258.

⁶ Коллинз Р. *Четыре социологических традиции...* 2009. С. 118.

⁷ См. напр.: Boulding K. *Conflict and Defense: A General Theory*. New York: Harper & Bros. 1962.

⁸ Collins R. *Conflict Sociology: Towards an Explanatory Science*. New York: Academic Press. 1975.

⁹ Touraine A. *Sociologie de l'Action*. Paris: Seuil, 1965.

¹⁰ Balandier G. *Sens et Puissance, les Dynamismes Sociales*. Paris: PUF, 1971.

СОЦИАЛЬНЫЙ БИХЕВИОРИЗМ

В начале XX столетия в США оформилось научное направление, сконцентрированное на анализе поведения живых существ. Его основателем признан Эдуард Торндайк (1874 – 1949) — американский ученый, автор трудов по сравнительной психологии, разработчик методики исследования поведения животных с помощью «проблемных клеток»¹.

Название этому направлению — «бихевиоризм»² дал известный американский психолог Джон Бродес Уотсон (John Watson) (1878 – 1958)³. Этот исследователь, в противовес интроспективной психологии, поглощенной изучением сознания, выдвинул идею перестройки этой науки на базе экспериментальных методов зоопсихологии.

В 1913 г. в статье «Психология с точки зрения бихевиористов», опубликованной в журнале «Социологическое обозрение», он обозначил теоретическую цель бихевиоризма — «предсказание поведения и контроль над ним»⁴. При этом он отмечал, что «бихевиорист в своем стремлении открыть единую систему реакций и чувств животных, не признает разделения на человека и животное»⁵. По мнению Дж. Уотсона, психология с точки зрения бихевиоризма — это сугубо объективная ветвь естественной науки. Он подчеркивал, что «<...> пришло время, когда психология просто обязана отбросить всякие ссылки на такое понятие как сознание»⁶.

В своей очередной работе «Пути бихевиоризма»⁷, увидевшей свет в 1928 г., Дж. Уотсон предложил первую программу бихевиористского исследования. Согласно этой программе, предметом анализа бихевиористов является поведение, рассматриваемое как совокупность реакций организма (R) на воздействия среды — стимулы (S), а их основными методами — регистрация и измерение внешних проявлений поведения в контролируемых (экспериментальных) условиях.

Методологический комплекс, на который был объективно ориентирован бихевиоризм, включал ряд общих принципов:

- следование стандарту научного исследования, сложившегося в естественных науках;
- игнорирование специфики поведения человека и его отличий от животных;
- абсолютизацию эмпирического описания, основанного на фиксации непосредственно наблюдаемого;

¹ В ходе этих исследований животное запералось в клетку, механизм открытия которой оно должно было обнаружить самостоятельно.

² Бихевиоризм (Behaviorism) — наука о поведении живых существ. Производное от английского существительного «behaviour» [bi'heiv], означающего, в переводе на русский язык «поведение».

³ Watson J.B. Psychology as the behaviorist views it // Psychological Review. 1913. № 20. P. 158.

⁴ Ibid.

⁵ Ibid.

⁶ Ibid. P. 177.

⁷ Watson J.B. The Ways of Behaviorism. New York: Harper and Row, 1928.

- исключение ценностных установок по отношению к изучаемым объектам как препятствующих достижению истины и вообще научности;
- принципиальный разрыв с философией¹.

Следует отметить, что эти методологические принципы, а также проблематика «поведения», выдвинутая бихевиористами на первый план, так или иначе отражались во взглядах и интересах многих социальных исследователей. В их числе был Питирим Сорокин, который в начале своего творческого пути определил себя как «умеренный русский бихевиорист», а также Джорж Герберт Мид, называвший свой подход «социальным бихевиоризмом», когда хотел подчеркнуть его научность.

Трактовка бихевиористами поведения человека посредством схемы «стимул — реакция», хотя и отличалась крайним механицизмом, оказала значительное влияние на все отрасли знания, связанные с изучением поведения человека. В социологии это влияние выразилось в появлении особого направления — социального бихевиоризма, впитавшего в себя основные идеи, термины и методы бихевиоризма.

В самом общем виде социальный бихевиоризм представляет экстраполяцию принципов, разработанных в бихевиористской психологии, на широкий круг общественных проблем — от анализа поведения и взаимодействия индивидов до трактовки социальной организации общества.

Основоположником социального бихевиоризма считается выдающийся американский психолог Беррес Фредерик Скиннер (Burrhus Frederic Skinner) (1904 – 1990), влияние работ которого вышло далеко за пределы профессиональной психологии.

4.1. Оперантный бихевиоризм Берреса Скиннера

4.1.1. Краткая биография и основные труды

Беррес Фредерик Скиннер (Burrhus Frederic Skinner) (1904 – 1990) родился в маленьком городке на северо-востоке штата Пенсильвания — Саскуэханне, где жил вплоть до поступления в колледж¹.

В детстве Б. Скиннер, имея склонность к изобретательству, занимался созданием различных механических приспособлений.

Так, поскольку ему не разрешалось курить, то из баллона от пульверизатора он изобрел устройство, через которое мог без вредных для здоровья последствий «курить» сигареты и пускать колечки дыма. Когда его мать попыталась приучить его вешать на место пижамы, он придумал механизм, посредством которого соединил специальный крючок в шкафу с табличкой, висевшей над дверью. Когда пижама висела на крючке, табличка находилась наверху и не загоралась при проходе. Если пижама на крючке не было, табличка оказывалась прямо посередине дверного проема. Она гласила: «Повесь пижаму!»².

¹ См.: Андреева Г.М., Богомолова Н.Н., Петраская А.А. Современная социальная психология на Западе (теоретические направления). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1978. С. 47 – 48.

² Skinner B.F. Particulars of My Life. New York: Knopf, 1976. P. 387.

³ Skinner B.F. Autobiography // E.G. Boring & G. Lindzey (eds.). A History of Psychology in Autobiography. Vol. 5. New York: Appleton-Century Crofts, 1967. P. 396.

Однако, хотя эти детские увлечения во многом предвосхитили будущий интерес Скиннера к анализу и моделированию поведения, он решил стать писателем и поступил в колледж Гамильтона (штат Нью-Йорк), где в 1926 г. получил степень бакалавра по английской литературе.

Около года он провел в деревушке «Гринвич», где пытался писать художественную прозу. Однако вскоре Скиннер понял, что «... провалился как писатель»¹. Прежде всего, в литературе его разочаровало отражение человеческого поведения — писатели описывали человеческое поведение исключительно точно, но при этом «ничего в нем не смыслили»². Его же занимало именно изучение человеческого поведения, поэтому он «обратил свой взор к науке»³. В 1928 г. Скиннер поступил в Гарвардский университет и, после защиты докторской диссертации по психологии, пять лет проработал в Гарвардской медицинской школе, изучая нервную систему животных.

В 1936 г. Скиннер получил место преподавателя в университете штата Миннесота, где читал лекции по введению в психологию и по экспериментальной психологии, а также обучал аспирантов. В 1938 г. он опубликовал книгу «Поведение организмов: экспериментальный анализ»⁴. Эта книга, в которой ученый описал собственные опыты по видоизменению поведения животных в лабораторных условиях, зарекомендовала его как блестящего теоретика и стала фундаментом для дальнейших научных трудов.

После девяти лет, проведенных в Миннесоте, Скиннер возглавил кафедру психологии в университете штата Индиана, а через три года, в 1948 г., вернулся в Гарвардский университет, где получил должность штатного профессора.

В этом же году увидела свет монография Скиннера «Уолден Два»⁵. В ней этот ученый предпринял первую попытку транспонировать свои лабораторные открытия на реальное человеческое общество⁶. Сразу после появления она пользовалась сравнительно небольшим спросом, но со временем, вызвав бурные дискуссии, стала бестселлером.

Работая в Гарвардском университете, Скиннер получил настоящее признание, был удостоен ряда почетных званий⁷ и многочисленных премий. Там же он оставался, получив в 1974 г. звание почетного профессора, до самой смерти (от лейкемии).

Личное обаяние и готовность обсуждать любое из своих предположений, подкрепленная абсолютной, непоколебимой верой в фундаментальность своих выводов, способствовали тому, что Скиннер был признан центральной фигурой в общественных науках XX в.

Труды Б. Скиннера чрезвычайно разнообразны по форме и жанру. Он писал научные трактаты и статьи, утопические романы, полемические и политические очерки, автобиографические эссе.

¹ Skinner B.F. *Autobiography*. P. 395.

² Ibid.

³ Ibid.

⁴ Skinner B.F. *The Behavior of Organisms: An Experimental Analysis*. New York: Appleton-Century-Crofts, 1938.

⁵ Skinner B.F. *Walden Two*. New York: Macmillan, 1948.

⁶ Название этого труда является «производным» от названия работы Г.Д. Торо «Уолден, или Жизнь в лесу».

⁷ Почетные научные звания Б. Скиннеру присвоили в частности: Гамильтон колледж, ун-т Джона Хопкинса, ун-т Северной Каролины, Чикагский университет, ун-т Миссури, ун-т Северного Техаса и др.

Как уже отмечалось, его *первая крупная монографическая работа* была издана под названием «Поведение организмов: экспериментальный анализ» (1938)¹. Развитие, переработка и кристаллизация идей, намеченных в этой книге, нашли отражение в таких последующих трудах Б. Скиннера: «Наука и человеческое поведение» (1953)², «Вербальное поведение» (1957)³, «Обучающие машины» (1958)⁴, «Суммирование наблюдений» (1959)⁵, «О бихевиоризме» (1974)⁶.

Представления Скиннера об *оперантном поведении* как средстве регулирования социальной жизни, а также попытки построения социальной Утопии нашли отражение в таких книгах как «Уолден Два» (1948)⁷, «По ту сторону свободы и достоинства» (1971)⁸, «Размышления о бихевиоризме и обществе» (1978)⁹.

Среди автобиографических трудов Скиннера, в которых, тем не менее, он также излагает свои научные взгляды, можно назвать «Подробности моей жизни» (1976)¹⁰, «Формирование бихевиориста» (1979)¹¹, «Записные книжки» (1980)¹², «Сущность выводов» (1984)¹³.

Поздние публикации этого ученого включают в себя популярную книгу, посвященную проблемам пожилого возраста «Радость старости: полноценная жизнь в зрелые годы»¹⁴, написанную в соавторстве с М. Воганом, а также статьи и несколько эссе, в которых он критиковал последние тенденции в психологии¹⁵.

4.1.2. Теоретические источники и основные положения

На общий характер научного творчества Б. Скиннера сильное влияние оказали идеи английского философа, одного из родоначальников материализма Фрэнсиса Бэкона (1561 — 1626), с трудами которого он познакомился в молодости. Особенно его вдохновили идеи Ф. Бэкона об очищении разума от заблуждений (идолов), об обращении к опыту и его обработке посредством индукции, основа которой — эксперимент. Принципы, заимствованные из

¹ Skinner B.F. *The Behavior of Organisms: An Experimental Analysis*. New York: Appleton-Century-Crofts, 1938.

² Skinner B.F. *Science and Human Behavior*. New York: Macmillan, 1953.

³ Skinner B.F. *Verbal Behavior*. New York: Appleton-Century-Crofts, 1957.

⁴ Skinner B.F. *Teaching Machines* // *Science*. 1958. 128. PP. 969–977.

⁵ Skinner B.F. *Cumulative Record*. New York: Appleton-Century-Crofts, 1959.

⁶ Skinner B.F. *About Behaviorism*. New York: Knopf, 1974.

⁷ Skinner B.F. *Walden two*. New York: Macmillan, 1948.

⁸ Skinner B.F. *Beyond Freedom Find Dignity*. New York: Knopf, 1971.

⁹ Skinner B.F. *Reflections on Behaviorism and Society*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1978.

¹⁰ Skinner B.F. *Particulars of My Life*. New York: Knopf, 1976.

¹¹ Skinner B.F. *The Shaping of a Behaviorist*. New York: Knopf, 1979.

¹² Skinner B.F. *Notebooks* / R. Epstein (ed.). Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1980.

¹³ Skinner B.F. *A Matter of Consequences*. New York: New York University Press, 1984.

¹⁴ Skinner B.F., Vaughan M.E. *Enjoy Old Age: Living Fully in Your Later Years*. New York: Warner Books, 1985.

¹⁵ Skinner B.F. *What Ever Happened to Psychology as the Science of Behavior?* // *American Psychologist*, 1987. № 42 (3). PP. 780–786; Skinner B.F. *The Origins of Cognitive Thought* // *American Psychologist*, 1989. № 44 (1). PP. 13–18; Skinner B.F. *Can Psychology be a Science of Mind?* // *American Psychologist*, 1990. № 45(11). PP. 1206–1210.

научного арсенала Бэкона, которые, как писал Скиннер, «определяли его профессиональную жизнь», он сформулировал так:

1. Я изучал природу, а не книги.
2. Чтобы управлять природой, ей нужно подчиниться.

3. Лучший мир возможен, но он не возникнет внезапно, случайно. Мир должен быть тщательно спланирован и создан в соответствии с этим планом, главным образом, при помощи науки¹.

Значительное впечатление на Б. Скиннера произвели идеи французского математика, физика, основоположника конвенционализма в философии *Жюль Анри Пуанкаре* (Jules Henri Poincaré) (1854 – 1912), австрийского физика, философа, основателя эмпириокритицизма *Эрнста Маха* (Ernst Mach) (1838 – 1916) и американского физика и философа, автора идеи операционализма *Перси Уильямса Бриджмена* (Percy Bridgman) (1882 – 1961). Эти ученые, по его мнению, отстаивали новую модель объясняющего мышления, которая не зависела от метафизического основания. Отталкиваясь от их исследований, Скиннер утверждал: «наука должна иметь дело с фактами и исследовать их, а не слушать, кто и что о них говорит <...>. Это поиск порядка, единообразия, закономерностей между природными явлениями. Все мы начинаем с наблюдения отдельных эпизодов, с этого же начинается и наука, но результаты ее наблюдений позволяют сформулировать правило, а затем научный закон»².

Скиннера привели в восторг опыты выдающегося русского физиолога, создателя учения о высшей нервной деятельности *Ивана Петровича Павлова* (1849 – 1939) в области изучения безусловных и условных рефлексов животных. Особенно ему понравилось то, что И.П. Павлов не только наблюдал и предсказывал результаты поведения, которое изучал, но и мог по собственному желанию его моделировать.

Работы Павлова подтолкнули Скиннера к тщательно контролируемым и фиксируемым лабораторным экспериментам над животными, результаты которых, по его мнению, могли в конечном счете перейти «из разряда вероятностных в разряд точных». Так, путем ограничения условий внешней для животного среды этот исследователь выяснил, что можно достигать для разных особей практически абсолютно идентичных результатов. Он также предположил, что индивидуальные различия могут быть успешно устранены, а в итоге — открыт закон поведения, действующий для всех представителей данного вида.

В результате Скиннер стал делать упор на тщательные лабораторные исследования и сбор только тех данных, которые подлежали измерению. «Лишь оставив метафизику в стороне, избавившись от домыслов о «жизненных флюидах» и других, не подлежащих измерению и непредсказуемых понятиях, можно создать подлинно экспериментальную науку»³. Всем критериям такой науки отвечает бихевиоризм — «не просто наука о поведении людей, а теория этой науки»⁴, — писал он.

Скиннер проанализировал целый ряд широко распространенных мнений о бихевиоризме как науке о человеческом поведении, которые, согласно его точке зрения, представляют собой удивительно неправильное понимание

¹ Skinner B.F. A Matter of Consequences. P. 406 – 412.

² Skinner B.F. Science and Human Behavior. New York: Macmillan, 1953. P. 12 – 13.

³ Ibid.

⁴ Скиннер Б. Что такое бихевиоризм? / <http://intellectus.ru/lib/00034.htm>

значения и достижений данной научной парадигмы. В суммарном виде эти «неверные трактовки бихевиоризма» сводятся к следующим.

Во-первых, бихевиоризм понимает под человеческим поведением просто совокупность ответных реакций на определенные раздражители. Он ограничивается прогнозом и контролем поведения человека, и не касается на этом основании сущности человека. Таким образом, индивид описывается бихевиористами как автомат, робот, марионетка, машина.

Во-вторых, бихевиоризм — наивен и излишне упрощен. То, что выдается бихевиористами в качестве действительных фактов, является либо тривиальным, либо уже давно известным. Бихевиоризм выглядит скорее наукообразным, нежели научным, и скорее подражает естественным наукам.

В-третьих, поскольку бихевиорист работает с животными, особенно с белыми крысами, а не с человеком, то его картина поведения человека ограничивается теми общими чертами, которые человек имеет с животными. Более того, результаты, полученные в лабораторных условиях, не применимы к повседневной жизни, следовательно, все то, что высказывается по поводу поведения человека, лишь необоснованная метафизика.

В-четвертых, бихевиоризм «дегуманизирует» человека, он релятивирует все и разрушает человека как человека; занимается лишь общими принципами, пренебрегая уникальностью каждого индивида; не отводит места индивидуальному ядру личности или его самочувствию; он является поверхностным и не в состоянии обращаться к глубинным слоям души или индивидуальности. Бихевиоризм безразлично относится к многообразию человеческой жизни; он несовместим с творческой радостью в изобразительном искусстве, музыке и литературе, а также с истинной любовью к ближнему¹.

Б. Скиннер утверждал, что все эти трактовки, обусловленные непониманием сути бихевиоризма, вполне объяснимы, если обратиться к истокам этого направления. Дело в том, что Дж. Уотсон, сначала отнюдь не собиравший создавать новую науку, а лишь в противовес большинству психологов своего времени, считавших, что они должны заниматься исследованием сознания, отстаивал мнение, что психология должна заниматься изучением поведения. Он и другие ученые, стоявшие у истоков бихевиоризма, тратили массу времени на борьбу с интроспективной методикой исследования духовной жизни, из-за чего центральное значение основного предмета их исследования было отодвинуто на второй план.

Кроме того, Дж. Уотсон, разрабатывая, по сути, новую форму психологической науки, имел в распоряжении весьма немного научно достоверных фактов из области поведения, прежде всего человеческого. Для его научной развивающейся и претенциозной программы, которая касалась такой широкой области, как человеческое поведение, это обстоятельство было весьма существенным недостатком. Ему требовалось больше фактического материала, чем он мог найти, поэтому неудивительно, что многое из того, что он говорил и писал, кажется наивным или слишком упрощенным.

Так, научный материал бихевиоризма, который имел в своем распоряжении Дж. Уотсон, касался условных и безусловных рефлексов. Но его понятие безусловного рефлекса было подчинено принципу причинности, который соответ-

¹ См. подробнее: Скиннер Б. Что такое бихевиоризм? / <http://intellectus.ru/lib/00034.htm>

ствовав схеме действия и противодействия и слишком сильно соответствовал распространенному в XIX в. представлению о механизме. Это представление господствовало и в работах русского физиолога И.П. Павлова, опубликованных примерно в то же время. Из всех результатов, достигнутых им, наибольшее значение придавалось тем, которые легче всего можно было повторить на опыте. Большею частью они основаны на наблюдении за животными: за собаками Павлова и белыми крысами зоопсихологов. Считалось, что поведение человека не отличается от поведения животных особым своеобразием и подчиняется тем же законам. Для подтверждения своего утверждения о том, что психология представляет собой точную науку, и чтобы собрать дальнейший материал для своей книги, Дж. Уотсон опирался на результаты анатомии и психологии.

Подобным путем продвигался и Павлов, утверждая, что его эксперименты над поведением животных фактически являются «исследованием физиологических процессов в коре больших полушарий». И все же оба ученых были не в состоянии осуществить прямое наблюдение процессов в нервной системе, посредством которых можно было бы объяснить поведение человека. В результате они были вынуждены давать лоспешные интерпретации сложных поведенческих актов.

Согласно Б. Скиннеру, многие трудности и недоразумения, связанные с бихевиоризмом, возникают из того факта, что предметом исследования бихевиоризма выступает человеческое поведение, которое тонко реагирует на внешние влияния. Но многие науки о поведении точно также определяют свою предметную область, не касаясь при этом главных тем бихевиоризма. В данной связи все неверные трактовки относятся скорее к особой дисциплине, которую можно было назвать экспериментальной наукой о поведении. Она изучает поведение отдельных организмов в тщательной оберегаемой окружающей среде и на основе этого исследования устанавливает отношения между определенным поведением и его окружением. Для бихевиоризма же ключевым является фундаментальное научное знание¹.

По Б. Скиннеру, бихевиоризм является теорией особой формы науки о поведении. Бихевиоризм позволяет формулировать вопросы настолько ясно, что на них могут быть даны однозначные ответы. Более того, это средство, дающее возможность применить экспериментальный подход к изучению человеческого поведения...². Поведением этот ученый считал все то, что «совершает организм, при условии, что эти действия являются видимыми»³.

Скиннер анимательно изучил труды Э. Торндайка и Дж. Уотсона, и вслед за ними обратился к экспериментальному анализу поведения. Как и основатели бихевиоризма, он предположил, что люди по своей сути не отличаются от животных, следовательно, изучение поведения животных может пролить свет на человеческое поведение. В целом он признавал те методы, которые применяли Торндайк и Уотсон, но в то же время критиковал последнего за стремление к широкому обобщению без достаточных экспериментальных данных. Вся экспериментальная база Уотсона — это «...скудные научные данные о поведении, в особенности о человеческом поведении»⁴, поэтому нет ничего удивительного в том, что «многое из того, о чем он говорил, кажется

¹ См. подробно: Скиннер Б. Что такое бихевиоризм? / <http://intellectus.ru/lib/00034.htm>

² Skinner B.F. *Autobiography* // E.G. Boring & G. Lindzey (Eds.). *A History of Psychology in Autobiography*. New York: Appleton-Century-Crofts, 1967. Vol. 5. P. 409—410.

³ Skinner B.F. *The Behavior of Organisms*. P. 6.

⁴ Skinner B.F. *About Behaviorism*. New York: Knopf, 1974. P. 6.

чересчур упрощенным и наивным»¹. На самом деле, «для исследования столь всеобъемлющей проблемы, как человеческое поведение, требуется гораздо большая фактологическая база, чем та, которой обладал Уотсон»², — заключал этот исследователь.

Согласно Б. Скиннеру, поведение, неважно, насколько сложное, может быть исследовано точно так же, как и другие достойные внимания феномены. Научный анализ поведения должен принимать как данное тот факт, что поведение находится в несоизмеримо большей степени под влиянием внешних факторов и генетической структуры, нежели под влиянием самого человека, его внутренних состояний³.

Он также утверждал, что необходимо изучать человека на основании его видимого поведения, а не ломать голову над пониманием его внутренних процессов. Вспрашивать в умственное или психическое состояние — значит искать не там, где нужно. Так, З. Фрейд, делая акцент на внутреннем мире как на объекте изучения, отбрасывает науку на 50 лет назад⁴.

Следует отметить, что Скиннер считал абсолютно неправомерным применение к описанию и анализу человеческого поведения так называемых «ментальных терминов». «Я являюсь радикальным бихевиористом в том смысле, что не вижу места ментальному в системе научного анализа»⁵, — писал он.

По его мнению, эти термины, в числе которых свобода, достоинство, воля, творчество, автономный человек и т. п., используются, когда люди не осознают причин сложного поведения, не подозревают о процессах, которые предшествуют данному поведению или являются его следствием. Применение подобных терминов-фикций — это «надуманные объяснения»⁶, которые в действительности вредят науке, приводя исследователей к иллюзии понимания происходящего, так что у них не остается стимула искать факторы, которые реально контролируют поведение.

Свобода, согласно Скиннеру, это просто ярлык, которым мы клеймим поведение, когда не понимаем или не знаем его причин. Если свобода действительно существует, то формы, которые она принимает, должны быть абсолютно случайны⁷.

Так, Скиннер предположил, что ощущение свободы не является свободой как таковой. Примером может служить ощущение свободы выбора у избирателей при голосовании за кандидатов с абсолютно идентичными программами. Более того, он утверждал, что наиболее репрессивные методы контроля над человеческим поведением — это именно те, которые укрепляют в нем ощущение свободы. Они ограничивают и контролируют человеческую деятельность едва уловимо, они практически неразличимы для тех, кто подвергается воздействию.

¹ Skinner B.F. *About Behaviorism*. P. 6.

² *Ibid.*

³ *Ibid.* P. 189.

⁴ Skinner B.F. Reply to Harnad's Article «What are the Scope and Limits of Radical Behaviorist Theory?» // *Behavioral and Brain Sciences*. 1984. № 7. P. 56.

⁵ Skinner B.F. *Behaviorism at Fifty* // W.T. Wann (Ed.) *Behaviorism and Phenomenology: Contesting Bases for Modern Psychology*. Chicago: University of Chicago Press, 1964. P. 106.

⁶ Надуманные объяснения (Explanatory Fictions) по Б. Скиннеру — термины, которыми небихевиористы пытаются описывать поведение.

⁷ Skinner B.F. Can Psychology be a Science of Mind? // *American Psychologist*. 1990. № 45 (11). P. 1206.

Такое же надуманное объяснение, как и свобода, представляет собой, по Скиннеру, *достоинство* (хорошая репутация, слава). Он отмечал: «...Примечательно, что репутация, которой обладает человек, связана с видимыми причинами его поведения. Мы откажем ему в доверии, если эти причины покажутся нам подозрительными... Мы считаем, что кашель, чиханье или рвота никак не украшают человека, даже если их результаты могут быть очень полезны. Из-за этого же мы не доверяем поступкам человека, который испытывает к нам антипатию, хотя такие поступки и могут быть исключительно ценными по своим результатам»¹.

Скиннер считал неправомерным применение к природе поведения ссылок на категорию воли, которые только создают путаницу. Воля, свободная воля, сила воли — это надуманные объяснения. Данные категории подразумевают, что у людей есть некое внутреннее чувство, являющееся исключительно важным в обуславливании их действий. Однако ни одно действие, по сути, не является свободным. «Когда все мы, наконец, убедимся в этом, то одним махом отбросим всякое упоминание об ответственности вместе с утверждением, будто свободная воля — это внутренняя причина, побуждающая к действию»².

Категория *творчества*, как *оплот «некоего я, постоянно живущего внутри»*, по Скиннеру — «всего лишь еще один пример использования метафизического ярлыка, под которым скрывается незнание конкретных причин данного поведения»³.

На самом деле «творческая деятельность ничем не отличается от любой другой, за исключением того факта, что элементы, предшествующие ей и определяющие ее, менее изучены»⁴.

Еще одно надуманное объяснение для Скиннера — это *автономный человек*⁵. Идея автономной внутренней сущности есть как раз та самая мистическая, метафизическая конструкция, которая должна быть устранена из социальных наук: «Понятие автономного человека предназначено только для того, чтобы объяснить вещи, которые мы еще пока не в состоянии объяснить другими способами. Его существование зависит от нашего незнания, и оно, естественно, теряет свой статус, как только мы будем знать больше о поведении»⁶.

Эта категория предполагает существование некой внутренней личности, стабильного внутреннего «я», функционирующего под воздействием неизвестных внутренних сил, независимых от внешних факторов. Быть автономным означает инициировать поведение, которое не имеет причин, не является следствием предыдущих действий и которое нельзя объяснить влиянием внешних обстоятельств.

Скиннер не нашел никаких подтверждений существования такого автономного «нечто» и был очень обеспокоен тем фактом, что многие заблуждаются на этот счет. Как он считал, его исследования показали, что если различные представители животного мира проходят схожий путь развития, то ре-

¹ Skinner B.F. Beyond Freedom Find Dignity. New York: Knopf, 1971. P. 42.

² Skinner B.F. Science and Human Behavior. New York: Macmillan, 1953. P. 116.

³ Фрейджер Р., Фейджмен Дж. Радикальный бихевиоризм. Б. Скиннер. СПб.: Прайм-Еврознак, 2007.

⁴ Skinner B.F. On «Having» a Poem // Saturday Review. 1972, July 15. P. 34.

⁵ Автономный человек — Autonomous Man.

⁶ Skinner B. Beyond Freedom and Dignity. New York: Knopf, 1971. P. 12.

зультирующая кривая (и достигнутый уровень знаний) будет одинаковой как для голубей, крыс, обезьян, собак, так и для человеческих детей¹.

Следует отметить, что к группе надуманных объяснений Скиннер также относил категорию личности. Личность, по его определению, это просто набор поведенческих шаблонов. В науке нет места понятию личности как первоосновы или инициатора действия², поэтому концепция личности не должна занимать сколько-нибудь важное место в анализе поведения³.

Таким образом, Б. Скиннер не доверял субъективному, ментальному толкованию поведения, а также спекуляциям и объяснениям через обстоятельство. «Согласие с ложным объяснением из-за того, что оно льстит нам, порождает риск упустить правильное объяснение — то, которое в долгосрочной перспективе может принести несоизмеримо больше пользы»⁴, — отмечал ученый. Он считал, что устоявшаяся традиция мыслить, оперируя надуманными объяснениями, мешает увидеть реально существующий, живой и конкретный мир. При этом проблема заключается не в том, что следует вовсе отказаться от категорий, описывающих внутреннее состояние человека, а в том, что они неприемлемы в научном анализе поведения. *В рамках этого анализа, который Скиннер назвал «функциональным», нужно сконцентрироваться именно на изучении и контроле поведения, а также случайностях, которые на него влияют.*

4.1.3. Функциональный анализ поведения

Б. Скиннер сформулировал различные способы наблюдения, измерения, прогнозирования и понимания поведения человека, основываясь на «функциональном анализе». Согласно функциональному анализу Скиннера, который полезен для объяснения поведения с точки зрения причинно-следственных связей, каждый аспект поведения рассматривается как функция окружающих условий, которые могут быть описаны физическими величинами⁵.

Подобному функциональному анализу он подвергал только те аспекты поведения людей и животных, которые поддавались непосредственному наблюдению и которые, по его мнению, требовали не размытых (словесных), а именно точных научных описаний.

Примером такого «словесного» описания у Б. Скиннера служит эксперимент, в ходе которого студентам предлагали описать свое видение причин поведения голубя, которого заставляли ходить по часовой стрелке, постепенно передвигая корм.

Их отчеты содержали следующее:

1. Поведение голубя было обусловлено тем, что он ожидал получить за правильное поведение корм.
2. Голубь гулял по кругу, надеясь, что кто-нибудь принесет ему еду.
3. Голубь заметил, что определенная модель поведения приводит к определенному результату.

¹ Skinner B.F. A Case History in Scientific Method // The American Psychologist. 1956. № 11. P. 211 — 233.

² Skinner B.F. About Behaviorism. New York: Knopf, 1974. P. 255.

³ Skinner B.F. Science and Human Behavior. New York: Macmillan, 1953. P. 283, 285.

⁴ Skinner B.F. On «Having» a Poem // Saturday Review. 1972, July 15. P. 35.

⁵ Skinner B.F. Science and Human Behavior. New York: Macmillan, 1953. P. 35.

4. Голубь почувствовал, что он может получить корм именно потому, что он себя ведет так, а не иначе.

5. У птицы появилась устойчивая ассоциация между ее действиями и приближением корма.

Согласно Скиннеру, слова, которые использовали студенты, — «ожидал», «надеялся», «наблюдаю», «чувствовал» и «ассоциировал», — некорректны. Они находятся за пределами возможности научного описания поведения голубя¹.

Скиннер утверждал, что для анализа следует выбирать относительно простой вид поведения, который свободно и многократно воспроизводим и который легко поддается наблюдению и регистрации².

Например, если испытуемым является голубь, то поднятие им головы выше определенного уровня является удобным поведением для изучения. Оно может быть зафиксировано взглядом экспериментатора на шкале, прикрепленной к задней стенке ящика, на фоне которой находится голубь.

Большое внимание Скиннер уделял выявлению факторов, которые изменяют поведение или оставляют его прежним. При этом он различал *рефлективное* и *оперантное* поведение.

Рефлективным поведением является поведение, посредством которого живое существо автоматически реагирует на предшествующий стимул (возбудитель).

Так, колено дергается, когда бьют по коленному сухожилию; тело начинает потеть при повышении внешней температуры, а при ярком свете сужается зрачок.

Рефлективное поведение может быть достаточно просто изучено и продемонстрировано.

Например, рекламодатели, связывающие привлекательного человека на экране или на плакате с конкретным товаром, пытаются сформировать у зрителя ассоциацию, вызвать четко запланированную позитивную реакцию. Они рассчитывают, что в результате подобной ассоциации потребители будут активнее покупать данный товар.

Оперантное поведение — это спонтанно возникающее (независимо от определенных обстоятельств) и в то же время обусловленное поведение. Оно связано с гораздо более сложными процессами. Такое поведение может оказаться под контролем предшествующих стимулов, но при этом отсутствуют отношения по типу «одно порождает другое».

«Термин «оперантный», пригодный для описания подобного поведения, показывает, что поведение «воздействует» (operates) на среду, генерируя последствия. Следствия определяют свойства, по которым устанавливается сходство реакций. Он будет использоваться и как прилагательное (оперантное

¹ Wall W.T. (Ed.). Behaviorism and Phenomenology: Contrasting Bases for Modern Psychology. Chicago: University of Chicago Press, 1964. P. 90–91.

² Скиннер Б. Ф. Оперантное поведение // История зарубежной психологии. Тексты. М., 1985. С. 80–95 // <http://intellectus.ru/lib/00028.htm>

поведение], и как существительное, обозначающее поведение, определенное данным следствием»³, — писал Скиннер.

Оперантное поведение можно искусственно вызвать — то есть обусловить, и, таким образом, различными способами управлять им. Следует отметить, что здесь Б. Скиннер опирался на терминологию И. П. Павлова, который называл все события, усиливающие поведение «подкреплением» и все возникающие в связи с ним изменения «обуславливанием». Однако он подчеркивал, что в экспериментах Павлова подкрепление сочетается со стимулом, а при оперантном поведении подкрепление зависит от реакции. Поэтому оперантное подкрепление является специальным процессом и нуждается в особом анализе.

В обоих случаях усиление поведения, происходящее в результате подкрепления, называется «обуславливанием». Но в условиях *павловского, или рефлективного, обуславливания* просто повышается величина реакции, вызванная условным стимулом, и сокращается время между стимулом и реакцией. При оперантном же обуславливании для того, чтобы увеличить вероятность или частоту появления реакции, необходимо усилить оперант.

Посредством оперантного обуславливания среда конструирует базисный репертуар поведения человека — он сохраняет равновесие, ходит, играет в спортивные игры, пользуется инструментами, говорит, пишет, гребет, управляет автомобилем и самолетом. Он может оказаться не готовым к изменению в среде, например появлению нового автомобиля, нового друга, новых интересов, к смене работы и местожительства, но обычно быстро приспосабливается к новой обстановке, приобретает новые реакции и утрачивает старые⁴.

Оперантное обуславливание — это процесс формирования и поддержания какой-либо модели поведения вытекающими из этой же модели последствиями. При этом в расчет берется не только то, что предшествовало поведению, но, в основном, то, что за ним последует. «Если за определенным поведением следуют определенные последствия, то очень высока вероятность того, что это поведение проявится вновь, а вытекающие из него одни и те же последствия вполне можно назвать подкреплениями»⁵, — писал Б. Скиннер.

Если вновь обратиться к эксперименту с голубем, которого заставляли ходить по часовой стрелке, то на самом деле его суть сводилась к следующему:

1. Поведение голубя подкреплялось с каждым правильным действием.
2. Голубь шел по кругу до тех пор, пока кормушка не приближалась в очередной раз.
3. Определенное поведение приводило к определенному результату.
4. Еда давалась голубю, если он совершал требуемое действие.
5. Щелчок устройства, раскрывающего кормушку, временно обуславливал поведение голубя.

Все эти утверждения описывают разного рода подкрепления, в результате которых голубь все более умело выполнял заданное действие⁶.

³ Скиннер Б. Ф. Оперантное поведение.

⁴ Там же.

⁵ Skinner B.F. Beyond Freedom and Dignity. New York: Knopf, 1971. P. 25.

⁶ Wall W.T. (Ed.). Behaviorism and Phenomenology: Contrasting Bases for Modern Psychology. Chicago: University of Chicago Press, 1964. P. 90–91.

Экспериментальная процедура оперантного обуславливания, по Скиннеру, не сложна. Создается контингент подкрепления и предъявляется организму в течение определенного периода времени. Затем на основе этого объясняется частота возникновения реакции.

Следующий пример иллюстрирует некоторые аспекты обусловленного оперантного поведения.

Отец пытается научить свою дочь плавать, и хотя дочь хочет того же самого, она боится намочить голову и опасается выдыхать воздух под водой. Это существенно мешает процессу обучения. Отец обещает дать девочке конфету, если она окунет лицо. Как только она намочит лицо, отец изменяет условия и соглашается дать конфету только после того, как девочка намочит всю голову. Когда дочь идет и на это, отец ставит условием сделать под водой выдох. Шаг за шагом она будет менять свое поведение под влиянием грядущего вознаграждения и в результате научится плавать.

На базе многочисленных исследований Б. Скиннер пришел к выводу о том, что человека можно научить проявлять практически любой тип оперантного поведения, свойственный людям или животным, и проявлять его так часто, насколько потребуется в выбранном направлении. При этом любой стимул, который следует за конкретным действием, увеличивает или поддерживает вероятность появления именно этого действия вновь, является подкреплением.

В примере с девочкой, обучающейся плаванию, подкреплением были сладости, выдававшиеся каждый раз после правильного и успешного выполнения конкретного задания.

Согласно Скиннеру, можно выделить два типа событий, обладающих эффектом подкрепления.

Один тип называется *положительными (или позитивными) подкреплениями*.

Позитивное подкрепление связано с получением приятного стимула. Оно увеличивает вероятность повторения того действия, после которого оно произошло. Так, позитивным подкреплением для человека является стакан воды в том случае, когда его мучает жажда: если он выпьет воду и ощущение жажды исчезнет, то он и далее станет пить воду при ее появлении.

Другой тип подкрепляемых событий состоит в устранении чего-либо, например сильного шума, яркого света, холода, жары или электрического шока из ситуации. Это — *отрицательное (или негативное) подкрепление*¹.

Негативное подкрепление усиливает то поведение, которое уменьшает или уничтожает вероятность появления подобного подкрепления: «когда мы снимаем ботинок, натирающий ногу, мы чувствуем облегчение и, скорее всего, поступим так опять, то есть вновь снимем его»². Скиннер считал, что негативное подкрепление по своей сути нежелательно для человека. Оно явля-

¹ Скиннер Б.Ф. Оперантное поведение // История зарубежной психологии. Тексты. М., 1986. С. 60—95 // <http://intellectus.su/lib/00028.htm>

² Skinner B.F. About Behaviorism. New York: Knopf, 1974. P. 46.

ется тем самым стимулом, от которого человек или животное стремятся избавиться.

Таким образом, Скиннер предположил, что любое поведение может быть понято как нечто, обусловленное и регулируемое позитивными и негативными подкреплениями. Более того, он утверждал, что любое поведение можно объяснить, если обладать знаниями обо всех предшествующих подкреплениях.

Эти посылаки, которые составляют основу скиннеровской теории, называемой исследователями «оперантным бихевиоризмом», были подтверждены в опытах Скиннера над животными.

В качестве подкрепления он пользовался едой, питьем и электрическим шоком. Между подкреплениями и поведением животных была прямая связь. Например, голодное животное училось выполнять определенные задания: открывать крышки или нажимать на рычаг для того, чтобы получить пищу (позитивное подкрепление). За неверные действия животное получало удар током (негативное подкрепление), который заставлял его изменять поведение в желательную для экспериментатора сторону.

Скиннер также выделял *первичные, вторичные и обобщенные (генерализованные) подкрепления*.

Первичными подкреплениями он считал стимулы, определяющиеся физическими потребностями индивидов и их стремлением выжить. Они действуют автоматически, а их примерами являются воздух, вода, пища, кров.

Вторичные подкрепления — по Скиннеру, это, в принципе, автономные стимулы, но они вызывают такую тесную ассоциацию с первичными стимулами, что, в конце концов, и сами начинают действовать как подкрепления.

Ярким примером вторичного подкрепления являются деньги. Сами по себе они не обладают никакой ценностью, но у людей они вызывают устойчивую ассоциацию с разными первичными подкреплениями. Деньги или конечная перспектива получения денег — это одно из наиболее широко используемых в человеческой культуре подкреплений.

Б. Скиннер отмечал, что в различных ситуациях одна форма «предшествующего» поведения может вести за собой различные виды подкреплений. Тогда непосредственная стимуляция на основе такого поведения становится *обобщенным подкреплением*.

Обобщенным подкреплением объясняется тенденция увлекаться профессиональным мастерством, художественным творчеством и такими видами спорта, как игра в кегли, бильярд и теннис.

Когда поведение подкрепляется другими людьми, появляется несколько важных генерализованных подкреплений, например *внимание, одобрение или аффект*, которые являются не вещами, а аспектами поведения других. Еще одним генерализованным подкреплением является *подчиненность других людей*.

Так, когда человек бывает вынужден давать различные подкрепления, то любое указание на его подчиненность становится подкреплением. Задиристого че-

ловека всегда подкрепляют признаки трусости, а представителей правящего класса — признаки уважения. Престиж и уважение являются генерализованными подкреплениями только постольку, поскольку они гарантируют, что другие люди будут действовать определенным образом. То, что наличие своего собственного образа действия подкрепляет, можно показать на примере поведения тех людей, которые управляют ради того, чтобы управлять. Физические признаки покорности обычно не бывают столь неуловимыми, как свойства внимания, одобрения и любви. Задиристый человек может настаивать на проявлении четких признаков признания его доминирования, а ритуальные обычаи могут подчеркивать уважение.

Обычно генерализованные подкрепления оказываются эффективными, даже если первичные подкрепления, на которых они основываются, больше их не сопровождают. Мы играем в игры, требующие определенных навыков ради них самих. Подчиненность других людей подкрепляет, даже если мы не используем ее. Эффект подкрепления деньгами жадного человека может оказаться настолько сильным, что он может обречь себя на голод, чтобы не лишиться их¹.

Большое внимание в своих исследованиях Б. Скиннер уделял *режиму подкрепления*. Его интересовало то, как часто и как регулярно необходимо подкреплять новое поведение, насколько быстро подкрепляемое поведение запоминается, как долго и часто оно будет повторяться потом?²

В целом исследования, проведенные Скиннером и его последователями, показали, что долгосрочное, или регулярное, подкрепление повышает скорость запоминания нового поведения. Дискретное, или нерегулярное, подкрепление создает более стабильное поведение, то есть поведение, которое будет воспроизводиться даже после того, как подкрепление перестанет действовать или будет действовать очень редко. Таким образом, было выявлено, что для поддержания или изменения поведения режим подкрепления не менее важен, чем само подкрепление³.

Насколько быстро можно научить определенному типу поведения и как часто этот новый тип поведения будет проявляться, зависит от того, как регулярно и как часто подкрепляется данный тип поведения. Постоянное подкрепление увеличивает скорость научения новому типу поведения. Если подкрепление предопределяет правильную реакцию, то обучение данному поведению упрощается и ускоряется. Это гораздо эффективнее, нежели наказание, так как действие подкрепления избирательно направляет поведение на достижение заранее выбранной цели.

Скиннер также утверждал, что когда подкрепление больше не поступает, реакция становится все менее и менее частой. Этот процесс получил у него название «*оперантного угашения*».

Так, когда мы выполняем поведение, которое больше «не приносит нам никакой выгоды», мы утрачиваем тенденцию повторять его. Если мы потеряли авторучку, мы все реже и реже направляем руку в карман, в котором она хранилась.

¹ См.: Скиннер Б. Ф. Оперантное поведение // История зарубежной психологии. Тексты. М., 1986. С. 60–95 // <http://intellectus.su/lib/00028.htm>

² Ferster C.B., Skinner B.F. Schedules of Reinforcement. New York: Appleton-Century-Crofts, 1957.

³ Kimble G.A. Hilgard and Marquis Conditioning and Learning. New York: Appleton-Century-Crofts, 1961.

Если нам не отвечают на телефонные звонки, то в конце концов мы перестаем звонить. Если пианино расстраивается, то мы все реже и реже на нем играем. Если звук нашего радиоприемника стал слишком громким или передачи стали хуже, мы перестаем его слушать.

Он отмечал, что отсутствие подкрепления приводит не только к угашению операнта. Оно вызывает также реакцию фрустрации, или ярости.

Так, взрослый, который находит ящик письменного стола запертым, скоро перестает дергать ручку, но он может колотить по столу и браниться или может проявлять другие признаки гнева.

Если было подкреплено всего лишь несколько реакций, то угашение происходит быстро. Большое количество подкреплений приводит к длительному сохранению реакции. Силу сопротивления угашению нельзя предсказать по вероятности реакции, наблюдаемой в каждый отдельный момент. Для этого необходимо знать историю подкрепления.

Например, если мы получили подкрепление в виде великолепно приготовленной пищи в новом ресторане, невкусно приготовленная пища может «свести на нет» хорошее впечатление от этого ресторана; но если мы питались в ресторане качественной пищей в течение многих лет, то тогда, при прочих равных условиях, нам надо будет несколько раз принять невкусную пищу, прежде чем мы утратим склонность постоянно питаться в нем.

По Скиннеру, угашение является эффективным способом устранения операнта из организма. Однако его не следует путать с другими процедурами, созданными для получения того же эффекта. Так, с угашением часто путают забывание. Но при забывании эффект обусловливания утрачивается просто по мере прохождения определенного времени, тогда как угашение требует, чтобы реакция возобновлялась без подкрепления.

В целом поведение является сильным или слабым из-за действия многих различных переменных, и *задача науки о поведении заключается в том, чтобы их выявлять и классифицировать*¹. При этом Скиннер подчеркивал, что «оперантное обусловливание» не означает управление человеком как марионеткой; оперантное обусловливание — это классификация мира, в котором индивид совершает поступки, влияющие на этот мир, а последний, в свою очередь, влияет на человека².

4.1.4. Социальное поведение, обучение и терапия

Согласно Б. Скиннеру, точное описание поведения помогает нам делать правильные предсказания будущего поведения и усовершенствовать анализ подкреплений, приводящих к этому поведению. Для того чтобы понять самих себя, люди должны признать, что их поведение не является ни случайным, ни произвольным. Оно представляет собой целенаправленный процесс, который

¹ Скиннер Б. Ф. Оперантное поведение // История зарубежной психологии. Тексты. М., 1986. С. 60–95 // <http://intellectus.su/lib/00028.htm>

² Skinner B.F. Interview with E. Hall // Psychology Today. 1972. 6(6). P. 59.

может быть описан в тех условиях, в которых он происходит. Он отмечал, что «чем теоретизировать по поводу того, что именно вызвало то или иное действие, лучше постараться найти те факторы, которые увеличивают вероятность появления данного поведения в будущем, подкрепляют или видоизменяют его»¹. Этими идеями Б. Скиннер руководствовался и при анализе социального поведения.

Скиннер соглашался с тем, что поведение человека формируется в рамках окружения себе подобными, поэтому и существует такое явление как социальное поведение. Однако социальное поведение не является чем-то особенным и не отличается от любого другого вида поведения. *Социальное поведение — это всего-навсего взаимодействие между двумя или большим количеством личностей. При этом личность — это просто «поведенческий репертуар, соответствующий определенному набору обстоятельств... Идентификация при помощи понятия «личность» возможна лишь благодаря факторам, ответственным за поведение»*². В данной связи следует внимательно изучать те события, которые оказывают подкрепляющее воздействие на данного индивида и влияют на его социальное поведение.

Так, в любой области, важной характеристикой которой является поведение, (образовании, управлении, семье, здравоохранении, промышленности, искусстве, литературе и т. д.), люди постоянно изменяют вероятности последующей реакции с помощью подкрепления.

Например, промышленник, который хочет, чтобы его рабочие работали постоянно и без прогулов, должен заботиться о соответствующем подкреплении их поведения не только с помощью заработной платы, но также и с помощью подходящих условий работы. Девушка, которая хочет еще раз встретиться с молодым человеком, должна быть уверена, что поведение ее друга, связанное с назначением свидания и желанием сдержать свое слово, получило адекватное подкрепление.

По Скиннеру, литературу, живопись и эстраду можно рассматривать как хорошо продуманные подкрепления. Так или иначе, приобретение книг, билетов на представления и выставки произведений искусства зависит от того, являются ли эти книги, пьесы, концерты или картины подкреплениями. *Конечно, он делал оговорку, что существуют большие различия между индивидами в отношении событий, которые имеют силу подкрепления. Различия между видами настолько велики, что едва ли они могут представлять интерес; очевидно, что-то, что подкрепляет лошадь, необязательно подкрепляет собаку или человека. Среди представителей вида большие различия могут объясняться не столько наследственностью, но и историей жизни индивида, обстоятельства которой могут быть прослежены.*

Тот факт, что организм наследует способность получать подкрепления в виде определенных событий, не может использоваться для предсказания не испытанного стимула. Также и отношения между подкрепляющим событием и депривацией или любым другим условием организма не наделяют подкрепляющее событие никакими определенными физическими качествами. Особенно невероятно, чтобы событие, которое приобрело силу подкрепления,

¹ Mischel W. Introduction to Personality. New York: Holt, Rinehart and Winston, 1976. P. 62.

² Skinner B.F. Beyond Freedom Find Dignity. New York: Knopf, 1971. P. 189 — 190.

выделилось бы каким-то определенным образом. Тем не менее, такие события являются важными видами подкрепления.

Хотя характерной особенностью человеческого поведения является то, что важные подкрепления могут быть эффективными при отсрочке на большие промежутки времени, это объясняется, по-видимому, тем, что промежуточные события становятся условными подкреплениями.

Например, когда человек в октябре укрепляет на окнах своего дома вторые рамы, потому что в результате аналогичного поведения в октябре прошлого года в январе в доме было тепло, нам необходимо определить, как заполняется промежуток между поведением в октябре и его эффектом в январе. Среди условных подкреплений, ответственных за силу этого поведения, есть определенные вербальные последствия, исходящие от самого человека или его соседей. Иногда бывает важно оставить ряд событий между действием и конечным важным подкреплением для того, чтобы осуществлять контроль за поведением в практических целях.

Следует отметить, что Б. Скиннер также признавал важность общения в формировании поведения индивида, особенно, *вербального общения*. Так, на ранней стадии развития у детей речи и других аспектов общения формируется вербальное поведение¹.

Вербальное поведение — это поведение, которое включает в себя речь, чтение, письмо — любое действие, где используются слова. Вербальное поведение возможно лишь в рамках вербального сообщества. *Вербальное сообщество* определялось им как сообщество, члены которого реагируют на вербальное поведение других представителей этого же сообщества.

Например, ребенок слушает своих родителей, других детей, учителей. Ребенок реагирует на их слова, фиксирует или изменяет то или иное свое поведение.

Скиннер также утверждал, что не существует никаких других значимых переменных, определяющих человеческое поведение, кроме человеческой истории, генетической структуры и непосредственного окружения. Подкрепления, которые воздействуют на нас в различных социальных условиях, частично зависят от нашего собственного поведения, а частично — от того, как на него реагируют окружающие.

Так, один человек в разговоре с другим произносит что-нибудь и получает ответ. Этот ответ и есть обратная реакция на вербальный раздражитель (фразу). Но он зависит не только от того, что именно было сказано, но и от того, как это воспринял собеседник. Предположим, кто-то пошутил, а его собеседник воспринял все серьезно, обиделся или просто расстроился. Тогда шутник модифицирует свое поведение и добавляет: «Я просто пошутил». Таким образом, люди видоизменяют свое поведение в общении с другими людьми под воздействием их реакции и в зависимости от их собственного восприятия ситуации. *Это и есть вербальное сообщество в действии.*

Согласно Скиннеру, «чувства и эмоции», которыми часто объясняется характер социальных отношений — прекрасные примеры надуманных объяснений причин поведения². Вместо того чтобы рассматривать чувства как

¹ Skinner B.F. Verbal Behavior. New York: Appleton-Century-Crofts, 1957.

² Skinner B.F. Science and Human Behavior. New York: Macmillan, 1953. P. 160.

непонятные для нас внутренние состояния, он предположил, что нам просто надо научиться наблюдать связанное с ними поведение¹.

Б. Скиннер указывал на то, что даже такая ярко выраженная эмоция, как злость, проявляется в разных видах поведения при разных ситуациях даже у одного и того же индивида: «мы и боремся, и испытываем злость из-за одних и тех же причин, и эти причины коренятся в нашем окружении»².

Когда обычные люди говорят, что кто-то напуган, злится или влюблен, они в основном имеют в виду склонность данного человека действовать определенным образом. «Обозленный» человек готов ударить, оскорбить, обидеть или каким-либо другим способом нанести вред или травму; маловероятно, что при этом он готов оказать помощь, проявить благосклонность или нежное отношение. «Влюбленный» человек, напротив, стремится помочь, облагодетельствовать, быть рядом и относиться с нежностью, бережностью, у него отсутствует стремление причинить какой бы то ни было вред. «Испугавшийся» человек стремится избежать контакта с причиной своего испуга, убегая, прячась или закрывая глаза и затыкая уши; в то же время у него нет абсолютно никакого желания приблизиться к этой причине или, другими словами, ступить на неизведанную территорию. Это очень полезные наблюдения, и нечто подобное такой непрофессиональной классификации имеет место и в научном анализе³.

Скиннер считал, что существующие трудности в понимании, предсказании и контроле эмоционального поведения можно в значительной степени устранить путем наблюдения поведенческих стереотипов, а не ссылок на некие внутренние состояния.

В целом он исходил из отождествления механизмов коллективного поведения животных и людей как поведения «оперантного», предполагающего в качестве регулирующего фактора взаимное поведение в процессе общения. Тем не менее он не смог оставить без анализа проблему функционирования общества и его социальных институтов.

Ряд вопросов, непосредственно связанных с регулированием социальных отношений, затрагивались им в «Уолдене Два»⁴ — романе о живущем самостоятельной жизнью утопическом сообществе, основанном и управляемым бихевиористом — Фрейзером. Главный герой этого романа пытался воплотить в жизнь достижения бихевиоризма и создал коммуны, в которой подкреплялось желательное для ее членов поведение индивидов. Это позволило добиться, в частности, эффективного распределения труда, рационального потребления ресурсов, а также создать систему взаимной поддержки.

В рамках данного романа от лица его героев были поставлены проблемы семьи, гендерных отношений, разделения общественного труда.

Так, от лица Фрейзера Скиннер утверждал следующее: «Существенная часть нашей истории — это история непрерывного ослабления семьи». Общество просто обязано решить проблему семьи, пересмотрев некоторые устоявшиеся обычаи. Это совершенно неизбежно.

¹ Skinner B.F. Science and Human Behavior. New York: Macmillan, 1953. P. 166.

² Skinner B.F. The Steep and Thorny Way to a Science of Behavior // American Psychologist. 1975. 30, 42, 49. P. 43.

³ Skinner B.F. Science and Human Behavior. P. 162.

⁴ Skinner B.F. Walden Two. New York: Macmillan, 1948.

Семья — древняя разновидность общества, но обычаям и привычкам, сложившимся для ее сохранения, нет места в обществе, построенном отнюдь не на кровном родстве. «Уолден Два» изменяет место семьи не только как экономической единицы, но, в определенном смысле, как социальной и психологической ячейки. Какое положение она займет — вопрос будущего¹.

Говоря о психологии женщины, он считал, что индивидуальность женщины отличается от мужской лишь постольку, поскольку различны факторы, отвечающие за мужское и женское поведение. Соответственно в обществе, обрисованном Б. Скиннером в «Уолден Два», факторы, определяющие гендерное поведение, значительно разнятся с теми, которые существуют в современном западном обществе, и, соответственно, отличаются концепции женского и мужского начала. Так, он не разграничивал трудовую деятельность на основе половых стереотипов, а предположил, что «индивиды должны подыскивать себе работу в соответствии со своими способностями и потребностями группы, в которой они живут»².

В рамках организации и совершенствования социальных отношений Б. Скиннер особое место отводил проблеме управления поведением. Он считал, что тот, кто научится изменять внешние обстоятельства, сможет контролировать поведение.

Он писал: «... мы все находимся под контролем того мира, в котором живем <...>. Вопрос заключается в следующем: этот контроль — дело случая, воля тиранов или мы контролируем себя сами в меру своего культурного уровня? Опасность, таящаяся в злоупотреблении властью, заключающейся в контроле над поведением, огромна. И она не уменьшается от того, что факты скрыты от нашего знания. Мы не сможем принять верное решение, если по-прежнему будем продолжать притворяться, будто человеческое поведение неконтролируемо, или если откажемся участвовать в этом контроле, даже если это может привести в высшей степени полезные результаты. Подобное отношение делает нас только слабее с любой точки зрения, оставляя силу научного знания другим. Первый шаг к разрушению тирании — это полное разоблачение всех ее механизмов контроля. Сейчас не время для самообмана, снисходительности к себе, для анализа тех отношений, которых на самом деле больше нет. Человек стоит перед трудным испытанием. Он должен не терять голову и двигаться вперед, иначе для него начнется долгая дорога назад»³.

Человек способен ослабить воздействие неблагоприятных условий и сделать более успешным контроль своего поведения и, тем самым, обрести свободу. Средством для этого, по Скиннеру, является мышление: развив мышление, люди могут гораздо лучше использовать доступные им инструменты по предсказанию, поддержанию и контролю нашего собственного поведения.

Скиннер в целом отвергал наказание как средство изменения и контроля поведения. Он считал, что наказание (в случае нежелательного поведения) обычно не приносит положительного результата.

Во-первых, наказание не дает информации о том, как что-то можно сделать правильно. Оно не соответствует запросам ни того человека, который налагает наказание, ни того, который наказанию подвергается. Таким образом, оно препятствует развитию человека. Сделав ошибку, люди хотят знать, как

¹ Skinner B.F. Walden Two. P. 138.

² Ibid.

³ Skinner B.F. Freedom and the Control of Men // The American Scholar. 1955. № 25. P. 56—57.

ее можно исправить, или хотя бы как принять правильное решение в следующий раз.

Во-вторых, поведение, пресеченное таким способом как наказание, обычно не исчезает. Если не последовало дальнейшего обучения, «наказанное» поведение возвращается — либо в скрытом виде, либо в сочетании с другим.

В данной связи Скиннер последовательно выступал против применения физических наказаний в семьях, школах и в то же время вполне допускал моральное порицание. Он утверждал, что результаты пребывания преступников в тюрьме говорят о неэффективности методов наказания. Тюремная жизнь наказывает заключенных за их предыдущие деяния, но редко учит преступника удовлетворять свои нужды более социально приемлемыми путями. Заключенные, не научившиеся новому поведению, после освобождения, оказавшись в тех же условиях и подвергаясь тем же искушениям, с большой вероятностью повторяют свой проступок.

В-третьих, наказание избирательно подкрепляет модель поведения называемого.

Так, надсмотрщик принуждает рабов трудиться, хлеща плетью при каждой остановке: продолжая работать, рабы тем самым избегают порки (и посредством этого невольно подкрепляют для надсмотрщика использование плети). Родители «пилят» ребенка до тех пор, пока он не выполнит задание; выполняя задание, ребенок избегает дальнейших упреков (а у родителей закрепляется подобный метод воздействия). Шантажист пугает разоблачением до тех пор, пока жертва не заплатит требуемую сумму; заплатив, жертва избавляется от угроз (но подкрепляет подобную практику поведения со стороны шантажиста). Учитель угрожает своим ученикам телесным наказанием за невнимательность; внимательно слушая, ученики избегают подобной опасности (но поведение учителя подкрепляется). Сделанное в той или иной форме заявление о намерении контролировать поведение других нежелательными для них действиями — широко распространенная схема социального взаимодействия. Она присутствует в религии, в управлении, в экономике, в образовании, в психотерапии, в семейном быту¹.

Скиннер не отрицал того, что есть смысл изредка использовать наказание для подавления в высшей степени нежелательного поведения или поведения, могущего привести к травмам или смерти, тем не менее. Однако гораздо более предпочтительным он считал подход, создающий определенные условия, в которых вырабатывается иной, новый стиль поведения, который, являясь социально приемлемым, быстро заучивается и закрепляется.

В одной из своих последних статей, озаглавленной «Что неправильно в повседневной жизни западного мира?», Скиннер писал об отдалении многих людей от своих профессий. Он приводил множество примеров того, как люди помогают тем, кто должен был бы помочь себе сам, как они контролируют поведение других с помощью наказания, вместо того чтобы воспользоваться подкреплениями, и «подкрепляют лишь умение смотреть, слушать, читать, играть, вместо того чтобы поощрять другие виды поведения»².

¹ Skinner B.F. Beyond Freedom Find Dignity. New York: Knopf, 1971. P. 26.

² Skinner B.F. What is Wrong With Daily Life in the Western World? // American Psychologist. 1986. № 47(5). P. 568.

Согласно Б. Скиннеру, человек знает собственную историю в том смысле, что обладает достаточно «богатым» поведенческим репертуаром»¹.

Знание — это поведение, возникающее, когда наличествует определенный стимул. Скиннер определял знание как «поведенческий репертуар». «Человек, знающий таблицу интегралов в том смысле, что в надеждах обстоятельствах он может ее воспроизвести, соответствующим образом применяет свои знания в процессе вычислений, и так далее. Сказать, что человек «знает, как читать», означает, по Скиннеру, что обстоятельства, при которых подкрепляется процесс чтения, стремятся к воспроизводству поведенческого шаблона, называемого чтением.

Скиннер считал, что традиционный метод обучения серьезно проигрывает от того, что в него не включены *бихейвистские инструменты*. Озабоченность этим вопросом привела его к изобретению различных обучающих ситуаций и приспособлений, которые ускоряют процесс и расширяют границы обучения, и натолкнула на идею *программируемого обучения*.

В своем первоначальном виде *программируемое обучение* выглядело следующим образом.

Студент садился у обучающей машины. На экране перед его глазами появлялось задание (рисунок или фраза). Студент активно реагировал (писал, нажимал на кнопку и т. п.). После выполнения задания ему сообщали правильные реакции и просили самого проверить, насколько его собственная реакция соответствовала верной. Обратная связь возникала раньше, чем на экране машины появлялось следующее задание. В каждом случае студенту показывали, какой должна была быть реакция. В ранних и более простых программах студенты переходили от задания к заданию, имея возможность время от времени вернуться назад, перепроверить все еще раз и исправить свои ошибки².

В ходе экспериментальной проверки идеи программируемого обучения Б. Скиннером были выдвинуты и подтверждены следующие гипотезы.

1. Скорость обучения возрастает, если материал представлен в виде дискретных частей.
2. Обучающийся должен реагировать. Материал запоминается лучше, если обучающийся активно участвует в учебном процессе.
3. Наказание не ведет к более успешному обучению.

Скиннер писал, что «в свете нашего нового знания современная школьная система должна быть признана полностью несостоятельной, так как она не может заставить школьников обучаться иным способом, кроме как запугивая последствиями, которые для них наступят, если они не будут учиться»³.

В предисловии к своей работе «Анализ поведения: программа по самообучению»⁴ Б. Скиннер и его коллега Дж. Холланд утверждали, что метод программируемого обучения студентов обладает массой преимуществ:

1. Студенты обучаются в соответствии со своими возможностями.
2. Студент подходит к сложному материалу только после того, как полностью разобрался с основами, необходимыми, чтобы двигаться дальше.

¹ Skinner B.F. Science and Human Behavior. P. 408 — 409.

² Skinner B.F. Teaching Machines // Science. 1958. № 128. P. 969 — 977.

³ Ibid. P. 977.

⁴ Holland J.G., Skinner B.F. The Analysis of Behavior: A Program for Self-Instruction. New York: McGraw-Hill, 1961.

3. В связи с тем, что предлагаемый материал усложняется постепенно, студент, регулярно получающий «намёки и подсказки», практически всегда выбирает правильный ответ.

4. Обучение интерактивно.

5. Дать правильный ответ можно только в том случае, если присутствует понимание существа проблемы, поэтому случайность исключена.

6. Отдельные вопросы повторяются в различных вариантах на протяжении всей обучающей программы.

7. Студент получает регулярно обновляющуюся, точную информацию о своих успехах.

В одной из своих статей Скиннер, разочарованный медленным внедрением обучающих машин, критиковал множество недостатков современного метода образования. «Используя обучающую машину и запрограммированные инструкции, любой в состоянии освоить программу американской школы, затратив лишь половину времени и половину усилий»¹, — писал он.

Скиннер активно выступал за внедрение в школах и вузах компьютерных обучающих программ, обучение посредством которых рассматривал как полноценный диалог между компьютером и студентом. Студент по-прежнему работает с отдельными разделами материала, задает вопросы и практически немедленно получает от компьютера обратную связь — детальный, индивидуальный и полный ответ о правильности или ошибочности того или иного действия. Кроме того, компьютер задает наводящие вопросы, предлагает альтернативные подходы, стимулирует развитие воображения и мышления.

Таким образом, он фактически предвосхитил очередной шаг в развитии программируемого обучения — использование компьютерных технологий и интерактивных техник, а внедренное им программируемое обучение привело к появлению компьютерных игр.

Особое место в концепции Б. Скиннера занимала проблема устранения нежелательного поведения.

Ученый считал, что предпочтительнее модифицировать обстоятельства, в которых индивид существует, чем обвинять и наказывать его за действия, отклоняющиеся от нормального поведения. Если поведение действительно является результатом избирательного подкрепления, то *отклоняющееся поведение — функция от окружающих обстоятельств*. Исходя из этой посылки, он разработал основы *бихевиоральной (поведенческой) терапии*.

Основная идея Скиннера состояла в том, что поскольку терапевт представляется окружающим как тот, кто с большой долей вероятности приносит облегчение страданий и боли, то любая обещанная и реально предоставленная помощь действует как позитивное подкрепление, тем самым усиливая влияние терапевтов.

С позиции бихевиоризма целью *терапии* должно быть изменение или формирование новых *шаблонов поведения*, то есть искоренение нежелательного поведения и создание условий, при которых требуемое поведение проявлялось бы как можно чаще. Некоторые формы психотерапии являются системами подкрепления, созданными для восстановления поведения, которое было утрачено в процессе утешения. Терапевт может сам давать подкреп-

¹ Skinner B.F. The Shame of American Education // American Psychologist. 1984. № 39(9). P. 948.

ление или же организовывать такие условия жизни, которые будут подкреплять поведение.

Бихевиористы считали симптом не признаком таящейся внутри человека болезни, а самой болезнью. Такие симптомы как, например, нервный тик, хронический алкоголизм или боязнь толпы — это и есть то, что непосредственно следует лечить. В поведенческой терапии пациент и врач приходят к ясному и исчерпывающему пониманию проблемы, выраженной в описании реального поведения (т. е. в действиях, мыслях, чувствах) пациента. Они совместно ставят перед собой определенные цели лечения, обозначая их настолько отчетливо, что и врач и пациент понимают, когда эти цели достигаются¹.

Врач заинтересован в обучении, тренировке и стимуляции таких видов поведения, которые могут эффективно соперничать с поведением, создающим дискомфорт или мешающим жить, а потом и вовсе устранить его. Можно, например, научить прогрессирующей релаксации, и она снизит специфические тревожные реакции, а стимулирование уверенности в себе поможет пациенту перешагнуть через свою робость или застенчивость.

Исходя из этих предпосылок, терапевты-бихевиористы достаточно результативно работали с заболеваниями, с которыми не справлялась традиционная терапия. Успешному лечению подвергались пациенты с такими проблемами как сексуальные дисфункции, различные фобии, ожирение, а также с вредными привычками (алкоголизм и курение).

4.1.5. Роль Б. Скиннера в развитии социологического варианта бихевиоризма

В начале своего творческого пути Б. Скиннер олицетворял собой психолога-практика, чьи открытия базировались на лабораторных экспериментах над крысами и голубями. Однако после выхода в свет книги «Уолден Два» он «решительно отказался от статуса лабораторного исследователя <...> и стал красноречивым публичным защитником идей бихевиоризма»².

В своем стремлении сделать жизнь более понятной, Скиннер выдвинул концепцию человеческой природы, поражающую своей прямотой, лаконичностью и полным отсутствием метафизических рассуждений. Твердо опираясь на методологию современной науки, он дал людям надежду понять самих себя, не оглядываясь на интуицию и божественный промысел.

Скиннер убеждал, что «решение многих жизненно важных вопросов коренится в применении того, что нам уже известно, того, что уже спонтанно работает, — принципов бихевиоризма»³. Он настаивал на том, что разногласия в обществе должны решаться на основе реальных фактов, а не с помощью умозрительных рассуждений. Вернув в науку аргументированные факты и отвергнув споры, построенные на чистых эмоциях, Скиннер сформировал систематический подход к пониманию человеческого поведения, который существенно влияет на современную культуру и убеждения. Так, он писал: «Я продолжаю отстаивать утверждение, что только серьезное углубление познаний в области поведения предотвратит разрушение нашего об-

¹ Jacks R.N. What Therapies Work With Today's College Students. Behavior Therapy // Paper Presented at the Annual Meeting of the American Psychiatric Association, Honolulu, Hawaii, 1973.

² Elms A. Skinner's Dark Year and Walden Two // American Psychologist. 1981. № 36(5). P. 478.

³ Skinner B.F. About Behaviorism. New York: Knopf, 1974. P. 3.

раза жизни и гибель всего человечества»¹. И хотя многие аспекты теории бихевиоризма, вероятно, требуют дальнейшего исследования, «сомневаться в правильности данной теории не стоит. Я абсолютно уверен, что, в конце концов, она восторжествует»².

Как отмечают исследователи, никто из ученых со времен З. Фрейда не испытывал такой жесткой критики как Б. Скиннер.

Прежде всего, она касалась неприятия им ментального аппарата. «Спорным в теории Б. Скиннера является не то, что он рассматривает человека как совершенную машину, а его видение того, как эта машина управляется... Б. Скиннер начисто отбрасывает все то, что связано с сознанием, чувствами, побуждениями, в лучшем случае, как побочные продукты»³, — отмечали его оппоненты.

Известный скептицизм вызывало отношение Б. Скиннера к категориям свободы и воли. Ученые попытались доказать, что люди, которые считают ответственными за свои действия внешние силы, менее способны контролировать собственное поведение, нежели те, кто считает ответственными за свои поступки только себя.

Так, Г. Лефкур проанализировал все исследования, в которых испытуемые либо действовали с верой в то, что они контролируют результаты своих поступков, либо были твердо убеждены, что результаты они контролировать не могут. Эксперименты подтверждали предположение о том, что люди и животные, лишенные «иллюзии» свободы, проявляют отрицательные поведенческие реакции, которые можно измерить. «Чувство, что все под контролем, иллюзия, что каждый волен сделать свой собственный выбор, играет позитивную и определяющую роль в процессе поддержания жизнедеятельности. Иллюзию свободы невозможно удалить безболезненно, без нежелательных последствий»⁴.

В отношении «воли» были проведены серьезные исследования в области поиска «местонахождения» контролирующих факторов, или, другими словами, в поисках ответа на вопрос: «Как я полагаю, кто является ответственным за мое поведение — я сам или мое окружение?» Экспериментальные данные подтверждали, что вера индивида в возможность управления собственной деятельностью играет существенную роль⁵. Даже такие известные бихевиористы, как М. Махони и К. Торсен, говорили о самоконтроле и чувстве свободы как о категориях, лежащих в основе успешных действий личности⁶.

Однако сам Б. Скиннер получал лишь удовольствие от дебатов с оппонентами⁷.

¹ Skinner B.F. The Steep and Wrong Way to a Science of Behavior // American Psychologist. 1975. № 30. P. 42.

² Skinner B.F. *Autobiography*. P. 409–410.

³ Cohen D. *Psychologists on Psychology*. New York: Taplinger, 1977.

⁴ Lefcourt H.M. The Function of the Illusions of Control and Freedom // American Psychologist. 1973. № 28. P. 425–426.

⁵ Lefcourt H.M. Locus of Control and Coping with Life's Events // E. Staub (Ed.) *Personality: Basic Aspects and Current Research*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1980. P. 201–235.

⁶ Mahoney M., Thoresen C.E. *Self Control: Power to the Person*. Monterey, CA: Brooks Co, 1974.

⁷ Catania C. The Operant Behaviorism of B. F. Skinner // Behavioral and Brain Sciences. 1984. № 7. P. 473–475; Wann W.T. (Ed.). *Behaviorism and Phenomenology: Contrasting Bases for Modern Psychology*. Chicago: University of Chicago Press, 1964.

Так, в 1984 г. он разрешил отослать шесть своих радикальных работ группе профессионалов, интересовавшихся бихевиоризмом. Сто семьдесят четыре из них ответили. В своих подробных комментариях они проанализировали практически все аспекты данных работ — идеологические, научные, философские. В свою очередь, Скиннер ответил каждому из ученых, отреагировавших на его статьи. Эти критические комментарии, вместе с ответами Скиннера, были собраны и опубликованы в одном из номеров журнала «Поведенческие и ментальные науки»¹. Почти всем своим критикам Скиннер ответил, что они либо неверно информированы, либо строят ложные логические цепочки, либо же откровенно ошибаются. Обнаружив, что чем упорнее он отстаивает свои позиции, тем больше внимания привлекают его идеи, он решил твердо придерживаться всех своих постулатов. Подводя итог своей научной деятельности, он писал: «По моему опыту, скептицизм психологов и философов по поводу адекватности бихевиоризма — величина, обратно пропорциональная степени их разумения данной теории»².

Одновременно никто из ученых не был столь почитаем как Б. Скиннер, а фрагменты из его работ постоянно цитировались. Было даже создано несколько экспериментальных обществ, пытавшихся реализовать на практике идеи, изложенные в книге «Уолден Два»³.

Действительно, большинство экспериментальных работ Скиннера оцениваются как шаги в правильном направлении⁴. Сегодня идеи этого исследователя широко используются для разработки новых методов лечения. В обширном обзоре бихевиоральной терапии⁵ описывается ряд тщательно разработанных методов лечения, в целом принесших положительные результаты. Действительно, если изменение подкреплений происходит таким образом, что девиантное поведение больше не подкрепляется, то данная модель поведения должна уйти из поведенческого репертуара человека и никогда больше не проявляться. Более того, обстоятельства могут быть изменены исключительно с целью добиться появления определенного вида поведения, представляющегося наиболее желательным⁶.

В модификации поведения главным является «уничтожение» тех поведенческих шаблонов, которые сами по себе являются отклоняющимися от нормы или ведут к отклоняющимся от нормы, может быть даже криминальным, последствиям. Эти идеи активно применяются в образовательных и

¹ Behavioral and Brain Sciences. Canonical papers of B. F. Skinner, (1984). The 7(4). (Later reprinted: Catania, C., & Harnad, S. [Eds.]. [1988]. *The Selection of Behavior: The Operant Behaviorism of B. F. Skinner. Comments and Consequences*. New York: Cambridge University Press.)

² Skinner B.F. Reply to Harnad's Article «What are the Scope and Limits of Radical Behaviorist Theory?» // Behavioral and Brain Sciences. 1984. № 7. P. 723.

³ См. об этом: Ishaq W. (Ed.). *Human Behavior in Today's World*. New York: Praeger, 1991; Kinkade K. *A Walden Two Experiment: The First Five Years of Twin Oaks Community*. New York: Morrow. Excerpts published in *Psychology Today*. 1973. № 6(8). P. 35–41. 90–93; 6(9). 71–82.) Roberts R.E. *The New Communes: Coming together in America*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1971.

⁴ Gilbert M., Gilbert T. What Skinner Gave Us? // *Training*. 1991. № 28(9). P. 42–48.

⁵ Rachman S.J., Wilson G.T. *The Effects of Psychological Therapy* (2-d ed). Elmsford, New York: Pergamon Press, 1980.

⁶ Goodall K. Field Report: Shapers at Work // *Psychology Today*. 1972. 6(6). 53–63. P. 132–138; Goodall K. Margaret. Age Ten and Martha. Age Eight: A Simple Case of Behavioral Engineering // *Psychology Today*. 1972. 6(6). P. 132–133.

попечительских заведениях, таких как больницы, тюрьмы, колонии для несовершеннолетних, школы¹.

Усилиями последователей Б. Скиннера, осуществлявших попытку творческого применения разработанных им принципов бихевиоризма к социальному миру, были созданы теории, получившие название *теорий социального научения*.

4.2. Теории социального научения

Оперантный бихевиоризм Б. Скиннера является социализированным вариантом так называемого *радикального бихевиоризма*, в основе которого лежит традиционная бихевиористская схема «стимул — реакция» (S — R). С середины XX в. получили развитие «смягченные» варианты бихевиоризма, отмеченные усложнением схемы S — R за счет введения промежуточных переменных. Тем не менее для сторонников как ортодоксальной, так и различных новых ориентаций в бихевиоризме был характерен анализ поведения и единый набор используемых категорий, что позволяет объединить их в целостное направление. Одной из таких центральных категорий является «научение». Именно через научение приобретает весь репертуар наблюдаемого поведения, за пределы которого исследователи обычно не выходят.

В рамках традиционного бихевиоризма было предложено общее описание хода научения, а также сформулирован ряд законов, принципов, относящихся к переменным ситуации этого процесса. Пытаясь ответить на вопрос о том, как происходит научение, авторы фокусировали внимание на условиях окружения (среды) — стимулах, которые «ответственны» за приобретение, модификацию, ослабление определенных поведенческих образцов. Научение представляли как установление или изменение ассоциации между реакциями обучающегося и стимулами, которые побуждают или подкрепляют его.

Обычно проводится разграничение между двумя типами научения — научением типа S и научением типа R — соответственно двум вычлененным схемам научающего эксперимента.

Первая схема «научения типа S» заимствована бихевиористами у И. П. Павлова и представляет собой схему так называемого классического обусловливания.

В этом случае экспериментатор воздействует на организм условным раздражителем (например, звонком) и подкрепляет его безусловным (например, подачей пищи), то есть безусловный стимул используется для вызывания безусловной реакции в присутствии поначалу нейтрального стимула. После ряда повторений реакция ассоциируется с этим новым стимулом. Продуктом научения по такой схеме оказывается *рефлективное поведение* — поведение, отвечающее на определенный стимул. Поддача подкрепления здесь связана со стимулом, отсюда и обозначение данного научения как научения типа S.

Вторая схема «научения типа R» — это схема оперантного научения, разработанная Б. Скиннером. Суть научения по данной схеме состоит в том, что вместо предложения стимула, вызывающего определенную реакцию, экспериментатор, наблюдая за организмом, ждет случайного появления реакции

¹ См. об этом: Gilbert M., Gilbert T. What Skinner Gave Us // Training. 1991. 28(9). P. 42 — 48.

в интересующем его направлении. Ее проявление сразу же подкрепляется. Продуктом научения по данной схеме оказывается оперантное поведение, или оперант. Оперант — это поведение, вызванное стимулом, следующим за ним². В данном случае подкрепляется уже не стимул, а реакция организма, именно она вызывает подкрепляющий стимул. Отсюда обозначение такого научения, как «научение типа R»³.

«Научение типа R» попало в центр внимания ряда сторонников бихевиористского подхода, опирающихся на идеи Б. Скиннера. Такие исследователи следующего поколения как Джулиан Роттер и Альберт Бандура, каждый по-своему, пересмотрели традиционную схему оперантного научения, и ввели в нее ряд дополнительных — когнитивных и социальных переменных. Эти ученые, фокусом анализа которых оставалось обусловленное различными стимулами человеческое поведение, заняли промежуточное положение между бихевиористами и сторонниками противоположного — когнитивистского подхода⁴, в рамках которого поведение целиком находится в контексте некоторых организованных систем образов, понятий и других «менталистских» образований⁵.

4.2.1. Теория социально-когнитивного научения Джулиана Роттера

Краткая биография и основные труды

Джулиан Бернард Роттер (Julian Bernard Rotter) родился 22 октября 1916 г. в районе Бруклин Нью-Йорка, в семье еврейских эмигрантов. Великая депрессия, которую пережила семья Роттеров, пробудила в Дж. Роттере интерес к проблеме социальной несправедливости, не оставлявший его всю жизнь, а также научила его обращать внимание на значение ситуативных условий, влияющих на поведение людей.

Согласно воспоминаниям Дж. Роттера, если отдать должное «учителю, который больше всех повлиял на мой интеллект», то следует выразить признательность библиотеке на авеню Джой в Бруклине⁶. Там он провел много времени, будучи школьником и студентом. Он был жадным читателем. Однажды, исследуя стеллажи с книгами в поисках чего-нибудь новенького, он наткнулся на книги А. Адлера и З. Фрейда. Таким образом, зародился его интерес к психологии.

Однако Роттер поступил в Бруклинский колледж, выбрав основным предметом химию, а психологией, которой уже серьезно интересовался, занимался лишь факультативно. Основным предметом для него была химия, потому

² Skinner B.F. The Behavior of Organisms: An Experimental Analysis. New York: Appleton-Century-Crofts, 1938. P. 2.

³ См.: Андреева Г.М., Богомолова Н.Н., Петровская Л.А. Современная социальная психология на Западе (теоретические направления). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1978. С. 47 — 48.

⁴ Сущность когнитивистского подхода состоит в стремлении «объяснить» социальное поведение при помощи описания преимущественно познавательных процессов, характерных для человека» (Андреева Г.М., Богомолова Н.Н., Петровская Л.А. Современная социальная психология на Западе (теоретические направления). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1978. С. 92).

⁵ Андреева Г.М., Богомолова Н.Н., Петровская Л.А. Современная социальная психология на Западе (теоретические направления). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1978. С. 92.

⁶ Rotter J.B. The Development and Application of Social Learning Theory: selected Papers. New York: Praeger, 1982.

что «не было профессии в психологии, о которой он знал»¹. Тем не менее в первые годы обучения в колледже Дж. Роттер узнал, что Альфред Адлер преподает в Лонг-Айлендской медицинской школе. Вскоре он начал посещать лекции австрийского психиатра и психолога Альфреда Адлера, который в то время преподавал в Лонг-Айлендском медицинском колледже, и в конце концов тот пригласил Роттера присутствовать на ежемесячных встречах Общества индивидуальной психологии, которые Адлер проводил у себя дома.

В 1937 г. Дж. Роттер окончил Бруклинский колледж, прослушав там больше курсов по психологии, чем по химии, и, чтобы завершить психологическое образование, поступил на факультет психологии университета штата Айова, где в 1938 г., под руководством Курта Левина получил степень магистра. Затем он поступил в Университет штата Индиана и в 1941 г. защитил там докторскую диссертацию по клинической психологии.

В 1941 г. Дж. Роттер занял место клинического психолога в государственной больнице города Норвич, штат Коннектикут, где в его обязанности входили занятия со стажерами и ассистентами из Университета штата Коннектикут и Велланского университета. В 1942 г. его призвали в армию, где он провел три года в качестве военного психолога.

После окончания Второй мировой войны Дж. Роттер на короткое время вернулся в Норвич, но вскоре получил работу в Государственном университете штата Огайо, к которой он привлек нескольких способных выпускников, среди которых был Уолтер Мишел. Однако Роттер был недоволен политической ситуацией, создавшейся в Огайо под влиянием маккартизма², и в 1963 г. занял вакансию Директора программы по обучению клинической психологии в Университете штата Коннектикут. В этой должности он проработал до своего ухода на пенсию в 1987 г., но остался почетным профессором этого университета, и до сих пор продолжил общение со студентами и аспирантами.

Этот ученый принимал активное участие в деятельности профессиональных организаций психологов. Он избирался на должность президента Восточной психологической ассоциации, президента социальной психологии и психологии личности Американской психологической ассоциации. В 1988 г. Дж. Роттер получил награду от этой ассоциации «За выдающийся вклад в науку».

Наиболее значимые исследования Дж. Роттер предпринял в 50–60-е гг. XX столетия. Результаты этих исследований нашли отражение в его работах, изданных как сразу после проведения, так и значительно позднее. В их числе: «Социальное научение и клиническая психология» (1954)³, «Клиническая психология» (1964)⁴, «Новая шкала измерения межличностного доверия (1967)⁵, «Применение теории социального научения к личности» (1972) в со-

¹ См. об этом: Rotter J.B. The Development and Application of Social Learning Theory: selected Papers. New York: Praeger, 1982. P. 343.

² Маккартизм — политика Джозефа Реймонда Маккарти (1908–1957) — председателя сенатской комиссии конгресса США по вопросам деятельности правительственных учреждений, который развернул кампанию по преследованию прогрессивных деятелей и организаций.

³ Rotter J.B. Social Learning and Clinical Psychology. Englewood Cliffs, New Jersey: Prentice-Hall, 1954.

⁴ Rotter J.B. Clinical Psychology. Englewood Cliffs, New Jersey: Prentice-Hall, 1964.

⁵ Rotter J.B. A New Scale for the Measurement of Interpersonal Trust // Journal of Personality, 1967. № 35. P. 651–665.

авторстве с Дж. Э. Ченсом и Э. Дж. Фаресом¹, «Личность» (1975) в соавторстве с Э. Дж. Холрейхом². В 1982 г. увидел свет сборник «Развитие и применение теории социального научения: избранные статьи»³.

Модификация бихевиористского категориального аппарата

На дальнейшее формирование научных взглядов Дж. Роттера оказали существенное влияние такие исследователи бихевиористской ориентации как К. Халл, Б. Скиннер, Э. Толмен и Дж. Келли. Этот ученый, как и все бихевиористы, в своих трудах активно оперировал такими терминами как поведение и подкрепление.

Поведение состоит «из моторных реакций, познания, невербального выраженного поведения, эмоциональных реакций и так далее», то есть «включает реакцию — условную или безусловную, которую можно наблюдать или измерить, прямо или косвенно»⁴.

Подкрепление — это любое действие, условие или событие, влияющее на движение личности по отношению к цели. Вероятность того, что конкретный вариант поведения будет иметь место в данной ситуации по отношению к конкретному подкреплению, он назвал поведенческим потенциалом⁵.

В то же время Роттер отверг положение классического бихевиоризма, согласно которому поведение формируется непосредственными подкреплениями, безусловно происходящими из окружающей среды. Свое внимание он сосредоточил на проблеме предсказания целенаправленного человеческого поведения, которая и стала основой разработанной им теории социального научения. Роттер утверждал, что ключом к предсказанию поведения служат знания, прошлая история и ожидания относительно будущего, которые также являются основным фактором, определяющим характер деятельности человека. Человеческое поведение лучше всего можно предсказать, если рассматривать взаимодействие человека со значимой для него окружающей средой.

В целом теория социального когнитивного научения Дж. Роттера основана на предположении о том, что формированию реакции человека на воздействия окружающей среды способствуют когнитивные факторы. Основной задачей этой теории является прогноз целенаправленного поведения человека в сложных ситуациях.

С одной стороны, подкрепления зависят не только от внешних стимулов, они получают свое значение благодаря мыслительным способностям человека. С другой стороны, свойства личности, такие как потребности или черты характера, не могут быть единственной причиной поведения. На самом деле человеческое поведение происходит из взаимодействия факторов окружающей среды и личностных характеристик.

¹ Rotter J.B., Chance J.E., Phares E.J. Applications of Social Learning Theory to Personality, 1972.

² Rotter J.B., Hochreich E.J. Personality. Glenview, IL: Scott, Foresman, 1975.

³ Rotter J.B. The Development and Application of Social Learning Theory: Selected Papers. New York: Praeger, 1982.

⁴ Rotter J.B., Hochreich E.J. Personality. Glenview, IL: Scott, Foresman, 1975. P. 95–96.

⁵ Теория межличностных отношений и когнитивные теории личности. Г. Салливан, Дж. Роттер и У. Мишел. СПб.: ПРАЙМ-ЕВРОЗНАК, 2007. С. 94.

Согласно предположению Дж. Роттера, личность в основе своей едина, то есть обладает относительной стабильностью¹, однако ее свойства не являются установленными или определенными в какой-то конкретный период развития; наоборот, их можно изменять или модифицировать до тех пор, пока человек способен учиться. Хотя накопление предшествующих впечатлений придает личности некоторую стабильность, мы всегда подвластны изменению через новые впечатления. Мы учимся на прошлом опыте, но он не является абсолютной константой, а меняется под влиянием новых впечатлений, которые воздействуют на восприятие в каждый данный момент, то есть личность формируется путем научения².

В своем поведении люди движимы не стремлением уменьшить напряжение или получить удовольствие, а ожиданием того, что действия приблизят их к цели, то есть мотивация их поведения является целенаправленной. Для того чтобы предвидеть последовательность событий, ведущих к некоторой будущей цели, люди могут использовать мыслительные способности. В качестве критерия для оценки подкреплений люди используют свое ощущение того, насколько им удалось продвинуться к предполагаемому событию. В данной связи наиболее правильно объяснить поведение людей ожиданиями. Ожидания (*expectancy*) — это мнение человека о том, получит ли он подкрепление.

Согласно Дж. Роттеру, ожидание относится к субъективной вероятности того, что в результате конкретного поведения будет иметь место определенное подкрепление. Эта вероятность не определяется, как утверждал Б. Скиннер, индивидуальной историей подкреплений, а является субъективным мнением человека.

Этим исследователем была разработана специальная классификация ожиданий, согласно которой они делятся на два типа. К первому типу он относил конкретные ожидания, — те, которые специфичны для одной ситуации, а ко второму типу — обобщенные ожидания. Эти ожидания применимы к ряду ситуаций или являются наиболее общими. Они происходят из изучения предыдущего опыта конкретной реакции или подобных реакций и основаны на убеждении, что за определенными действиями последует позитивное подкрепление.

Например, заключенные, предшествующая тяжелая работа которых была подкреплена послаблениями режима, будут иметь обобщенное ожидание награды в будущем и старательно трудиться, надеясь на амнистию. При этом общие ожидания частично определяют, сколько усилий человек будет прилагать для достижения своей цели. Человек с низким общим ожиданием успеха в деле получения престижной работы, скорее всего, даже не станет пробовать ее получить, в то время как человек с высоким общим ожиданием успеха приложит много усилий и устоит перед лицом неудач, стремясь к цели, которая представляется ему возможной.

В любой ситуации ожидание определенного подкрепления зависит от комбинации конкретных ожиданий и обобщенных ожиданий.

¹ Rotter J.B. The Development and Application of Social Learning Theory. Selected Papers. New York: Praeger, 1962.

² Ibid.

Например, заключенный может иметь обобщенное ожидание, что данное количество работы на глазах у одной смены надзирателей будет вознаграждено хорошими отзывами, но может быть при этом убежден, что выполнение той же повышенной нормы при других контролерах останется не вознагражденным.

Таким образом, согласно теории Дж. Роттера, общее ожидание успеха — функция одновременно обобщенных и конкретных ожиданий.

Как и у бихевиористов, центральной категорией понятийного аппарата Роттера оставалось «подкрепление». Согласно его представлениям, поведение человека определяется его предпочтениями относительно возможных вознаграждений, то есть ценностью подкреплений. Ценность подкрепления определялась этим исследователем как «степень предпочтения, оказываемая каждому из подкреплений, если вероятности их получения равны»¹. Для ценности подкрепления важны его позитивные и негативные аспекты.

Как и Б. Скиннер, Дж. Роттер различал позитивные и негативные подкрепления. Для определения позитивного подкрепления он использовал ту же формулировку, что и Б. Скиннер: позитивное подкрепление — это любое событие или условие, повышающее вероятность того, что конкретное поведение будет вновь реализовано при таких же или сходных обстоятельствах. Однако, если для Скиннера негативное подкрепление означало, прежде всего, удаление отрицательных стимулов, то для Роттера термин «негативное подкрепление» обозначает любое негативно окрашенное событие. Негативное подкрепление понижает вероятность того, что конкретное поведение будет повторяться².

Кроме позитивных и негативных, Роттер также выделял внешние и внутреннее подкрепления, которые могут находиться как в гармонии, так и в противоречии друг с другом.

Внешние подкрепления — это события, условия или действия, которые ценятся социальным или культурным окружением человека. Именно с точки зрения социума некое событие может оказаться ценным негативным или позитивным подкреплением. Внутреннее подкрепление — вклад в позитивную или негативную оценку событий собственного восприятия человека.

Например, если человеку нравятся те же кинофильмы, что нравятся большинству людей, тогда его внутреннее и внешнее подкрепления от посещения этих картин находятся в согласии. Однако если его вкус в области кино не совпадает со вкусом окружения, тогда внутреннее и внешнее подкрепления различаются.

В то же время, согласно Роттеру, практически невозможно представить себе ситуацию, в которой в данный момент времени у человека имелось бы одно-единственное подкрепление. Подкрепления редко появляются независимо от связанных с ними будущих подкреплений, они обычно предстают в виде цепочек подкреплений подкреплений, которые образуют группы.

Еще одной важной переменной, которую задействовал Роттер в своей теории, является «психологическая ситуация». Психологическая ситуация —

¹ Rotter J.B., Hochreich E.J. Personality. Glenview, IL: Scott, Foresman, 1975. P. 97.

² Rotter J.B., Chance J.E., Phares E.J. Applications of Social Learning Theory to Personality. New York: Holt, Rinehart and Winston, 1972.

это «сложный набор взаимодействующих стимулов, воздействующих на личность в течение определенного периода времени»¹. Фактически это та часть внутреннего и внешнего мира, которая воспринимается человеком. Она неравнозначна понятию обычных внешних стимулов (которыми обычно оперируют бихевиористы), хотя события физической среды обычно важны для психологической ситуации.

Так, если бы поведение определялось исключительно физическими стимулами, тогда два человека реагировали бы абсолютно одинаково на одинаковые стимулы. Если бы только свойства личности были ответственны за поведение, тогда человек всегда реагировал бы последовательно и характерно даже на различные события. Поскольку ни одно из этих условий не выполняется, что-то иное, а не окружающая среда или черты личности, должно воздействовать на поведение. Таким образом, в теории социального научения Роттера выдвигается гипотеза, что решающим фактором в формировании поведения является взаимодействие личности и ее среды.

Люди действуют не в вакууме, они отвечают на стимулы воспринимаемой ими окружающей среды. Эти стимулы определяют для них конкретные ожидания, включенные в цепочки подкреплений поведения, также как и в цепочки подкреплений подкреплений. Временной период воздействия стимулов может колебаться — от моментального до весьма длительного; психологическая ситуация, таким образом, не ограничена во времени.

Согласно Роттеру, существует связь между подкреплениями и потребностями человека. В его терминологии *потребности* — практически синоним целей: когда он фокусируется на окружающей среде, то говорит о целях; когда речь идет о личности, употребляет слово «потребности», порой понимая под ними поведение или набор вариантов поведения, которые, по мнению человека, приближают его к цели. Соответственно потребность влияет на ценность подкрепления так же, как и цель. Как правило, ценность конкретного подкрепления повышается, когда усиливается потребность, удовлетворению которой оно служит. Более детальное отражение связь подкрепления и потребностей нашла в созданной им «концепции потребностей».

Концепция потребностей

Дж. Роттер определял *потребности* как поведение или набор вариантов поведения, которые, по мнению человека, приближают его к цели. Это не состояние недостатка чего-либо или беспокойства, а в первую очередь *индикаторы, указывающие направление действий*. Как уже отмечалось, различие между потребностями и целями представляется в его теории исключительно семантическим: когда Роттер фокусируется на окружающей среде, он говорит о целях; когда речь идет о личности, он употребляет слово «потребности».

Согласно Дж. Роттеру, *концептуально потребности можно описать как набор или группу функционально связанных поведений, то есть поведений, ведущих к получению одинаковых или подобных подкреплений*. Например, человек может удовлетворять потребность в признании во множестве различных ситуаций и с помощью различных людей. Таким образом, он может получить подкрепление, реализуя группу функционально связанных поведений, каждое из которых приводит к удовлетворению его потребности в признании.

¹ Rotter J.B. The Development and Application of Social Learning Theory: Selected Papers. New York: Praeger, 1962. P. 318.

К наиболее важной человеческой потребности он относил *физический комфорт*. Потребность в физическом комфорте включает поведение, нацеленное на приобретение еды, сохранение здоровья и физической безопасности. Эта потребность, возможно, основная из потребностей, потому что другие потребности «выучиваются» в связи с ней.

В результате развития *потребностей в удовольствии, в физическом контакте и в благополучии*, Роттером были выделены «широкие категории» *потребностей уже социального характера*:

- *потребность в признании и статусе*, в которую входит потребность иметь определенное социально-экономическое положение и пользоваться определенной степенью личного престижа;

- *потребность доминировать или управлять деятельностью других*, которая включает любой набор поведений, направленных на достижение власти над жизнью друзей, членов семьи, коллег, начальников и подчиненных;

- *потребность в независимости*, которая включает набор поведений, нацеленных на приобретение свободы самостоятельно принимать решения, полагаться только на себя и достигать своих целей без посторонней помощи;

- *потребность в защите — зависимости* (в эту категорию потребностей входит желание, чтобы другие заботились о нас, предохраняли нас от расстройств и неприятностей и помогали нам удовлетворять остальные категории потребностей);

- *потребности в любви и привязанности*, к которой относятся типы поведения, нацеленные на сохранение дружеского отношения, интереса и преданности других людей.

Дж. Роттер также выделил три более общие переменные, являющиеся компонентами потребностей. Это — *потенциал потребности, ценность потребности и свобода передвижений*.

Потенциал потребности — это вероятность реализации набора функционально связанных поведений, направленных на удовлетворение одной и той же цели или подобных целей. В отличие от *поведенческого потенциала* (вероятности того, что конкретный вариант поведения будет иметь место в данной ситуации по отношению к конкретному подкреплению) *потенциал потребности* относится к группе функционально связанных поведений. Поэтому *потенциал потребности* невозможно измерить отдельно — только с помощью наблюдения за поведением данного человека.

Если наблюдать разных людей, ведущих себя примерно одинаково, например обедающих в шикарном ресторане, то нельзя сделать вывод, что все они удовлетворяют одну и ту же потребность. Один человек может удовлетворять потребность в физическом комфорте, т. е. в еде; другой может быть более заинтересован в любви и привязанности; третий, возможно, удовлетворяет в первую очередь потребность в признании и статусе. Вероятно, любая из широких категорий потребностей может удовлетворяться с помощью обеда в ресторане. Однако будет ли чей-то потенциал потребности реализован, зависит не только от степени предпочтения этим человеком данного вознаграждения, но также и от его свободы передвижений, необходимой для того, чтобы производить действия, ведущие к получению этого вознаграждения.

Ценность потребности — это «среднее значение предпочтения набора функционально связанных подкреплений». Если *ценность подкрепления* —

это относительное предпочтение определенного подкрепления при равной вероятности всех подкреплений, то *ценность потребности* относится к группе подкреплений, связанных с шестью категориями потребностей. *Личная ценность потребности* — это степень предпочтения человеком одной группы подкреплений другой.

Так, если человек имеет одинаковые ожидания относительно вероятности получения позитивных подкреплений в результате поведения, нацеленного на удовлетворение каждой потребности, то определяющим моментом будет ценность, которую имеет для него каждая конкретная группа потребностей. Если человек предпочитает независимость и в равной степени ожидает получить подкрепление, выбрав любую группу потребностей, тогда он будет стремиться к достижению независимости.

Свобода передвижений — определяется как «среднее ожидание относительно достижения положительного удовлетворения в результате реализации группы связанных поведений, направленных на получение группы функционально связанных подкреплений»¹. Другими словами, свобода передвижений — это ожидания человека относительно получения подкрепления после произведения действий, направленных на удовлетворение какой-либо общей потребности.

В качестве примера Дж. Роттер привел женщину с сильной потребностью доминировать. Для удовлетворения этой потребности она может вести себя различными способами: выбирать одежду для своего мужа, решать за сына, какой курс он будет посещать в колледже, руководить актерами на сцене, организовывать профессиональную конференцию с участием множества коллег или использовать один из сотен других способов подкрепления своей потребности в доминировании. Средний уровень ожиданий относительно того, приведут ли эти действия к желаемому удовлетворению, есть мера ее свободы передвижений в сфере доминирования.

Концепция потребностей, разработанная Дж. Роттером, позволила ему выстраивать прогнозы вариантов поведения человека в конкретных ситуациях и по отношению к конкретному подкреплению.

Предсказание человеческого поведения

Согласно Дж. Роттеру, важнейшим фактором для предсказания действий является *поведенческий потенциал* — «вероятность того, что любое данное поведение будет иметь место в определенной ситуации или множестве ситуаций, вычисленная по отношению к каждому отдельному подкреплению или набору подкреплений»². При этом в любой психологической ситуации существует несколько поведенческих потенциалов разной силы. Если все подкрепления, возможные при различных вариантах поведения, в общем равноценны, то человек выберет такой вариант, при котором он ожидает получить подкрепление с наибольшей вероятностью.

Для иллюстрации данной посылки Роттер приводил пример со студенткой Алисой, которая ушла с лекции и идет по направлению к галантерейному

магазину. Эта студентка имеет несколько поведенческих потенциалов. Девушка может пройти мимо, не заметив магазина, активно игнорировать его, зайти купить губную помаду, остановиться и подумать о том, чтобы что-нибудь купить, но не сделать этого, осмотреть здание и само заведение с намерением приобрести его или остановиться, войти и ограбить кассира.

В этой ситуации потенциал некоторых видов поведения для Алисы будет приближаться к нулю, другие будут очень вероятны, остальные будут находиться между этими двумя крайними вариантами.

Для того чтобы предсказать, какое поведение реализуется с большей или меньшей вероятностью, возможны два подхода к предсказанию.

Согласно первому подходу, если мы хотим узнать вероятность того, что наша студентка ограбит кассира, а, например, не купит магазин или не приобретет в нем губную помаду, следует, считая ожидания константой, варьировать ценность подкрепления. Если каждый из этих видов поведения с вероятностью 70 % приведет к получению подкрепления, тогда можно будет предсказать относительную возможность каждого варианта, основываясь исключительно на ценности подкрепления, которое можно получить в этом случае. Если ограбление кассира для данной личности несет в себе большее позитивное подкрепление, чем новая губная помада или покупка галантерейного магазина, тогда это поведение и будет реализовано с наибольшей вероятностью.

Второй подход состоит в том, чтобы считать константой ценность подкрепления и варьировать ожидания. Более конкретно, если вознаграждения от ограбления кассира, приобретения магазина или получения губной помады расцениваются одинаково, тогда наибольший поведенческий потенциал будет иметь такая реакция, которая наиболее вероятно приведет к вознаграждению.

Дж. Роттер предположил, что достаточно точные предсказания о поведении людей в конкретных ситуациях можно сделать, анализируя четыре введенные им переменные: *поведенческий потенциал, ожидания, ценность подкрепления и психологическую ситуацию*.

В 1967 г., используя эти переменные, он вывел так называемую основную формулу предсказаний. Согласно этой формуле, «поведенческий потенциал является функцией ожиданий и ценности подкрепления»³.

По его мнению, эта формула дает возможность прогнозировать целенаправленное поведение данного человека в конкретной ситуации. Однако эта формула представляет собой скорее идеальный, чем практический способ предсказаний, и подставить в нее какие-либо точные значения невозможно.

Роттер отмечал, что обычно теории личности занимаются предсказанием человеческого поведения в достаточно широком диапазоне. Например, мы знаем, что человек с сильной потребностью доминировать, как правило, будет стараться занять преобладающую позицию и в межличностных отношениях, и во множестве других ситуаций. Тем не менее в некоторых конкретных ситуациях личность, склонная доминировать, может практиковать недоминирующую или даже покорную манеру поведения. Основная формула предсказаний позволяет делать такие специфические предсказания, конечно, в предположении, что вся необходимая информация у нас в руках. Эта формула

¹ Rotter J.B., Chance J.E., Phares E.J. Applications of Social Learning Theory to Personality. New York: Holt, Rinehart and Winston, 1972. P. 34.

² Rotter J.B., Hochreisch E.J. Personality. Glenview, IL: Scott, Foresman, 1975. P. 95–96.

³ Rotter J.B., Hochreisch E.J. Personality. Glenview, IL: Scott, Foresman, 1975.

подходит скорее для лабораторных экспериментов, но она не адекватна в области предсказания ежедневного поведения.

В то же время для предсказания реакции человека на конкретную ситуацию (например, потерю работы) необходимо знать его представления о доступных ему возможностях, а также состояние на данный момент его потребностей. Разработанная Роттером концепция потребностей как раз и позволила ему создать *общую формулу предсказаний*¹, при помощи которой можно делать прогнозы относительно группы поведения, необходимых для удовлетворения потребностей. Согласно этой формуле *потенциал потребности является функцией свободы передвижений и ценности потребности*.

Применение *общей формулы предсказаний*, согласно Дж. Роттеру, становится возможным только благодаря тому, что люди используют подобный опыт прошлого для предсказания возможности получения подкреплений в настоящем, то есть они имеют *обобщенное ожидание успеха*. Для измерения обобщенных ожиданий этим исследователем были разработаны два быстро ставших популярными метода (две шкалы) — «Шкала внутреннего и внешнего контроля» и «Шкала доверия в человеческих взаимоотношениях».

Первая шкала — «Шкала внутреннего и внешнего контроля» была разработана Дж. Роттером в 1966 г. на основе очень важной в его теории личностной переменной, названной им «*локус контроля*».

Лocus контроля — это обобщенные ожидания человека относительно того, в какой степени подкрепления зависят от его собственного поведения (*интервальный локус*), а в какой — контролируются силами извне (*экстернальный локус контроля*).

Следует отметить, что еще в 1950-е гг. Дж. Роттер, а также его ученики Джерри Фарес и Уильям Джеймс начали планомерное изучение того, как человек оценивает свой контроль внешних подкреплений. Толчком к этому послужил тот факт, что, согласно наблюдениям, многие люди не начинают чувствовать себя более способными управлять событиями своей жизни даже после достижения успеха, другие же не снижают уровень своих ожиданий после множества неудач. Иными словами, некоторые люди склонны объяснять успешный результат удачей или случайностью, тогда как другие сохраняют ощущение контроля окружающей среды, даже если их поведение несколько раз остается невознагражденным. Это представляется особенно верным в ситуациях, которые люди рассматривают как двусмысленные или новые для себя, а также когда они не уверены точно, чему обязаны успехом — своим умелым действиям или случаю. Роттер предполагает, что как ситуация, так и сама личность влияют на ощущение человеком контроля в отношении своей жизни. Таким образом, человек с обобщенным ожиданием успеха в одной ситуации в другой может чувствовать себя малоспособным управлять событиями.

Роттер пришел к выводу о том, что подкрепления не «отпечатываются» автоматически в образцы поведения. *Поведение формируется благодаря способности людей видеть причинную связь между своими действиями и появлением подкреплений*². Люди стараются достичь своих целей, потому что имеют обобщенное ожидание, что такие старания будут иметь успех. Люди, ко-

¹ General prediction formula.

² См.: Rottler J.B. Social Learning and Clinical Psychology, Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1954.

торым свойственно верить в то, что они могут управлять своей судьбой (имеющие интервальный локус контроля), во многих (но не во всех) ситуациях ведут себя иначе, чем люди с экстернальным локусом, обычно считающие, что их судьба зависит от удачи, случая или власти имущих.

Разработанная им несколько позднее «Шкала внутреннего и внешнего контроля» как раз и была предназначена для определения того, в какой степени люди осознают связь между собственными действиями и их последствиями в окружающем мире.

«Шкала внутреннего и внешнего контроля» содержит 29 пар утверждений, в каждом случае испытуемый должен выбрать то из них, которое кажется ему наиболее правильным. Из 29 пунктов шкалы 23 «значимых», в которых одно из утверждений указывает на преобладание внутреннего контроля, а другое — внешнего, и 6 пар «пустых», предназначенных замаскировать цель тестирования. Шкала настроена так, что ее показания увеличиваются с увеличением внешнего контроля; таким образом, 23 — наивысший возможный показатель внешнего контроля, а 0 — внутреннего.

Люди, показывающие высокий уровень внутреннего контроля, иными словами говоря, имеющие *интервальный локус контроля*, обычно уверены, что источник управления находится внутри них самих и что они могут осуществлять высокий уровень личного контроля в большинстве ситуаций. Люди с *экстернальным локусом*, показывающие высокий уровень внешнего контроля, верят, что их жизнью в большой степени управляют внешние силы, такие как случай, судьба или поведение других людей.

В то же время Роттер подчеркивал, что уровень контроля над окружающей средой, который дает шкала, следует рассматривать не как причину действий человека, а как индикаторы его *обобщенных ожиданий*. Таким образом, для определения поведенческого потенциала показания шкалы должны использоваться совместно с *ценностью подкреплений*. Концепция внутреннего и внешнего контроля относится только к *обобщенным ожиданиям* и показывает, в какой степени человек обычно считает себя способным управлять своей жизнью.

Роттер утверждал, что поскольку большинство подкреплений мы получаем от других людей, то вырабатываем обобщенные ожидания относительно того, последуют ли действительно позитивные или негативные подкрепления за обещаниями или угрозами других. Иногда эти обещания и угрозы находят подтверждение, иногда — нет. Таким образом, каждый из нас учится верить или не верить словам других. Поскольку все мы имеем различный опыт, связанный со словами других, отсюда следуют индивидуальные различия в области *доверия в человеческих взаимоотношениях*.

Доверие в человеческих взаимоотношениях — это «обобщенные ожидания человека относительно того, насколько можно положиться на слова, обещания, высказанные или письменные заявления другого человека или группы людей». Доверие в человеческих взаимоотношениях не подразумевает веры в то, что люди хороши по природе, или в то, что мы живем в лучшем из возможных миров. Также не следует приравнивать его к доверчивости. Роттер рассматривал доверие в человеческих взаимоотношениях как доверие в тех случаях, когда нет очевидных причин не верить, тогда как доверчивость — это безрассудная или наивная вера во все, что говорят другие люди.

В данной связи полагаю, что эта личностная характеристика очень важна для предсказания поведения. Дж. Роттер для измерения доверия в челове-

ских отношениях разработал специальную шкалу — *Шкалу доверия в человеческих взаимоотношениях*.

С помощью *Шкалы доверия в человеческих взаимоотношениях* экспериментатор предлагает испытуемому подтвердить или опровергнуть 25 утверждений типа: «Когда имеешь дело с незнакомыми людьми, лучше соблюдать осторожность, пока они не докажут, что им можно доверять» или «Большинство политических деятелей честно выполняют обещания, данные в ходе предвыборной кампании». Ответы по всем 25 пунктам суммируются, и, если в результате получается относительно большое числовое значение, это указывает на присутствие доверия, а если маленькое — на общую склонность к недоверию.

Насколько уровень доверия в человеческих взаимоотношениях влияет на поведение индивида в конкретной ситуации? Суммировав данные измерений, проводившихся с момента создания шкалы, Роттер сформулировал положение о том, что люди, склонные доверять другим, не являются доверчивыми или наивными и, вместо того чтобы навредить себе неприятности в результате своей позиции, приобретают много свойств, которые окружающие рассматривают как позитивные и желательные.

Роттер также утверждал, что поскольку речь идет об ожиданиях человека относительно интеракций, то показатель доверия можно оценить с точки зрения социума. Если определять доверие независимо от доверчивости, то высокий уровень доверия наиболее желателен, так как *доверие необходимо для выживания цивилизации*.

Так, мы верим, что продукты, которые мы покупаем в магазине, не отравлены, что бензин в бензобаке нашей машины не взорвется, что экипаж самолета, на котором мы летим, способен справиться с управлением и даже что почтовая служба доставит наше письмо, не вскрыв его.

Следовательно, согласно Роттеру, *общество может нормально функционировать только тогда, когда люди имеют по крайней мере среднюю степень доверия друг к другу*.

Несмотря на то, что Роттер больше проявил себя как психолог, его концепции потребностей, обобщенных ожиданий, доверия в человеческих отношениях и т. п., в которых поведение человека не уподобляется поведению животных, личность не рассматривается вне социального окружения, а ситуация взаимодействия людей уже удалена от чисто экспериментальной, имела существенное значение для развития и социологической теории.

4.2.2. Теория реципрокного детерминизма Альберта Бандуры

Краткая биография и основные труды

Альберт Бандура (Albert Bandura) родился 4 декабря 1925 г. в многодетной семье эмигрантов из Украины, на севере канадской провинции Альберта, в городке Мундара. После окончания единственной в его городе школы, в которой не хватало ни квалифицированных преподавателей, и ученики постигали ряд дисциплин самостоятельно, А. Бандура провел лето на Аляске, работая на строительстве скоростной магистрали, которая сооружалась во время Второй мировой войны, чтобы связать Аляску с основной территорией США.

Там он оказался среди рабочих парней, многие из которых демонстрировали психические отклонения различной степени. Хотя наблюдение за этими рабочими пробудило в Бандуре интерес к психопатологии, окончательное решение стать психологом он не принял до тех пор, пока не поступил в Университет Британской Колумбии в Ванкувере.

Как вспоминал этот ученый, «родители предложили ему два варианта — либо остаться в Мундаре и, став фермером, вести однообразный образ жизни, или попытаться получить высшее образование. Второй вариант показался более привлекательным»¹.

Решение А. Бандуры посвятить себя психологии определил случай. Будучи студентом, он часто ездил в университет вместе со своими приятелями — студентами других факультетов, занятия у которых начинались раньше, чем у него. Для того чтобы заполнить свободные утренние часы, Бандура стал посещать класс психологии, который как раз в то время открылся, увлекся этой наукой и решил избрать ее в качестве специализации. Окончив университет всего за три года, в 1949 г. Бандура стал искать учебное заведение, имеющее хорошую теоретическую программу по клинической психологии. Научный руководитель посоветовал ему поехать в США, в университет штата Айова, куда он и отправился.

Оказавшись на факультете психологии университета Айовы, Бандура попал в блестящий научно-исследовательский коллектив, возглавляемый Кеннетом Спенсом (Kenneth Spence), который вскоре стал его интеллектуальным наставником. Ряд преподавателей, в числе которых особо выделялся Артур Бентон, также помогли одаренному, но очень бедному молодому исследователю из Канады найти средства для обучения и проживания в США. В 1951 г. под руководством А. Бентона он получил степень магистра, а в следующем — докторскую степень в области клинической психологии.

Один год он проходил стажировку в Консультационном центре города Уичита в штате Арканзас, возглавляемым известным психологом Джозефом Бревеном. В 1953 г. А. Бандура получил работу на факультете психологии Стэнфордского университета, «представлявшего лучшее место для интеллектуала, желающего преподавать и работать»².

Там, в окружении бывших президентов Американской психологической ассоциации — Боба Сирса, Джека Хилгарда, Квин Мак-Неймар, Кавин Стоуна и Поля Фарнсоса, труды которых он ранее изучал, он приобрел навыки экспериментальной исследовательской деятельности. Сначала совместно со своим коллегой Р. Уотерсом он занимался анализом агрессивного поведения у подростков, а затем расширил область своих исследований, обратившись к проблемам социального научения.

Одновременно он возглавлял кафедру психологии на отделении общественных наук в Колледже Дэвида Старра Джордана³.

А. Бандура и сегодня является одним из наиболее влиятельных и часто цитируемых психологов. Этот исследователь был удостоен почетных степеней многих университетов, в числе которых университет Британской Колумбии, университет Индианы, университет Рима и университет Афин.

¹ Bandura A. *Autobiography* // M.G. Lindzey, W.M. Runyan (eds.) *A History of Psychology in Autobiography* (Vol. IX). Washington, D.C.: American Psychological Association, 2006.

² Bandura A. *Autobiography*. 2006.

³ Гештальт-психология и социально-когнитивная теория личности. К. Левин и А. Бандура. СПб.: Прайм-Еврознак, 2007. С. 8–10.

Он избирался президентом Американской психологической ассоциации (1977), стал членом Американской академии наук и искусств (1980). За свою научную деятельность он был удостоен многих наград, в том числе премии имени Э. Торндайка за «Выдающийся вклад в науку» от клинической секции Американской психологической ассоциации и «за выдающиеся достижения» от Международного общества по исследованию агрессии¹. В 2008 г. он получил премию «Грэмми» в области психологии.

А. Бандура был и остается очень активным ученым: руководит научно-исследовательскими проектами, участвует в различных официальных и неофициальных мероприятиях, консультирует фирмы, работает в исследовательских комитетах Американской психологической ассоциации и Американского общества психологов. Этот ученый является членом редакционных коллегий 20 журналов, а его книги переведены на испанский, португальский, французский, польский, русский, немецкий, китайский, японский и корейский языки. Среди увлечений Бандуры отмечают оперное искусство и горный туризм.

В настоящее время А. Бандура продолжает преподавать в статусе почетного профессора в Стэнфордском университете, а в свободное время путешествует по миру, занимаясь самоанализом и осмыслением своей творческой «Одиссеи»².

Первым крупным трудом А. Бандуры стала книга «Подростковая агрессия» (1959)³, посвященная анализу агрессивного поведения.

Затем он сосредоточился на проблемах социального научения, что нашло отражение в опубликованных им монографиях «Социальное научение путем подражания»⁴, «Принципы модификации поведения» (1969)⁵, «Психологическое моделирование: конфликтующие теории» (1971)⁶, «Агрессия: анализ социального научения» (1973)⁷, «Теория социального научения» (1977)⁸.

Его наиболее монументальная работа «Социальные основы мысли и действия»⁹, в которой этот исследователь подвел итог своим научным исследованиям, увидела свет в 1986 г.

В 1960-е гг. А. Бандура являлся автором многочисленных статей по широкому кругу вопросов, связанных с проблемами контроля человеческого поведения и межличностного общения¹⁰. В более поздний период своего твор-

¹ См. подробнее: Bandura A. *Autobiography* // M.G. Lindzey, W.M. Runyan (eds.) *A History of Psychology in Autobiography* (Vol. IX). Washington, D.C.: American Psychological Association, 2006.

² Там же.

³ Bandura A., Watters R.H. *Adolescent Aggression*. New York: Ronald Press, 1959.

⁴ Bandura A. *Social Learning through Imitation*. University of Nebraska Press: Lincoln, NE, 1962.

⁵ Bandura A. *Principles of Behavior Modification*. New York: Holt, Rinehart and Winston, 1969.

⁶ Bandura A. *Psychological Modeling: Conflicting Theories*. Chicago: Aldine-Atherton, 1971.

⁷ Bandura A. *Aggression: A Social Learning Analysis*. Englewood Cliffs N. J.: Prentice Hall, 1973.

⁸ Bandura A. *Social-learning Theory*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1977.

⁹ Bandura A. *Social Foundations of Thought and Action: A Social Cognitive Theory*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1986.

¹⁰ Bandura A., Lipsker D.H., Miller P.E. *Psychotherapists' Approach-Avoidance Reactions to Patient's Expressions of Hostility* // *Journal of Consulting Psychology*. 1960. № 24; Bandura A., Ross D., Ross S. *A Comparative Test of the Status Envy, Social Power, and Secondary Reinforcement Theories of Indemnificatory Learning* // *Journal of Abnormal and Social Psychology*. 1963.

чества он занимался широким кругом вопросов взаимодействия личности и ее социального окружения¹.

Концепция социального научения

А. Бандура, также как и бихевиористы, в центр своих исследований поставил анализ человеческого поведения, а также тех факторов, которые его определяют. Однако с самого начала он выступил противником столь характерных для бихевиоризма произвольных экстраполяции данных из мира животных на социальный мир². В частности он утверждал, что теории социального научения, разработанные Б. Скиннером, Дж. Роттером и другими исследователями, страдают тем, что основываются «на ограниченном ряде принципов, установленных и поддержанных в основном исследованиями научения у животных в ситуациях с одной персоной»³. По его мнению, для адекватного рассмотрения социальных явлений необходимо «расширить и модифицировать эти принципы, а также ввести новые принципы, установленные и подтвержденные исследованиями приобретения и модификации человеческого поведения в диадической и групповой ситуациях»⁴.

Неудовлетворенность этого исследователя предшествующими подходами также касалась их неспособности решить проблему возникновения действительно новых форм поведения.

Так, у Б. Скиннера процедура приобретения новых образцов поведения включает позитивное подкрепление тех элементов опять же наличных реакций, которые имеют сходство с окончательной формой желаемого поведения; компоненты реакции, имеющие мало подобия с этим поведением или не имеющие такового вовсе, остаются неподкрепляемыми. С этой точки зрения

№ 67; Bandura A., McDonald F.J. *The Influence of Social Reinforcement and the Behavior of Models in Shaping Children's Moral Judgments* // *Journal of Abnormal and Social Psychology*. 1963. № 67; Bandura A., Kuipers C.J. *The Transmission of Patterns of Self-Reinforcement through Modeling* // *Journal of Abnormal and Social Psychology*. 1964. № 69; Bandura A., Grusec J.E., Menlove P.L. *Observational Learning as a Function of Symbolization and Incentive Set* // *Child Development*. 1966. № 37; Bandura A., Grusec J.E., Menlove P.L. *Some Social Determinants of Self-Monitoring Reinforcement Systems* // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1967. № 5; Bandura A., Perloff B. *Relative Efficacy of Self-Monitored and Externally-Imposed Reinforcement Systems* // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1967. № 7; Bandura A. *Vicarious and Self-Reinforcement Processes* // *The Nature of Reinforcement* / R. Glaser (ed.), New York: Academic Press, 1971.

¹ Bandura A. *The Self system in Reciprocal Determinism* // *American Psychologist*. 1978. № 3; Bandura A., Adams N.E., Hardy A.B. & Howells G.N. *Test of the Generality of Self-efficacy Theory* // *Cognitive Therapy and Research*. 1980. № 4; Bandura A. *Social Cognitive Theory of Moral Thought and Action* // W.M. Kurtin (ed.) *Handbook of Moral Behavior and Development*. Hillsdale, NJ: Erlbaum, 1991. Vol. 1; Bandura A. *Social Cognitive Theory of Self-regulation* // *Organizational Behavior and Human Decision Processes*. 1991. № 50; Bandura A. *Social Cognitive Theory and Exercise Control over HIV Infection*. New York: Plenum Press, 1994; Bandura A. *Social Cognitive Theory and Mass Communication* // J. Bryant, D. Zillmann (eds.) *Media Effects: Advances in Theory and Research*. Hillsdale, New Jersey: Erlbaum, 1994; Bandura A. *Exercise of Personal and Collective Efficacy in Changing Societies*. Cambridge: Cambridge University Press, 1995; Bandura A. *On Rectifying Conceptual Ecumenism* // J.E. Maddux (ed.): *Self-efficacy, Adaptation and Adjustment*. New York: Plenum Press, 1995.

² Андреева Г.М., Богомолова Н.Н., Петровская Л.А. *Современная социальная психология на Западе (теоретические направления)*. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1978. С. 62.

³ Bandura A., Walters R.H. *Social Learning and Personality Development*. New York, 1965. P. 11.

⁴ Ibid. P. 1.

новые реакции никогда не возникают вдруг, они всегда являются исходом относительно длительного процесса оперантного обуславливания.

В теории социального научения Роттера вероятность того, что данное поведение будет иметь место в конкретной ситуации, определяется двумя переменными — субъективным ожиданием, что соответствующее поведение будет подкреплено, и ценностью подкрепления для субъекта. Подход Роттера «предполагает существование иерархии реакций, которые имеют тенденцию происходить в различных ситуациях с варьирующими степенями вероятности; таким образом, он совершенно неадекватен для объяснения возникновения реакции, которая еще не выучена, и следовательно, имеет нулевую вероятностную ценность»¹, — писал А. Бандура. По его мнению, инструментальное обуславливание и подкрепление должно рассматриваться скорее как выбор реакции среди уже имеющихся в поведенческом репертуаре индивида, нежели как ее приобретение.

По-иному А. Бандура трактовал и роль подкрепления в научении. Он рассматривал подкрепление, скорее как фактор, способствующий научению, а не вызывающий его. С его точки зрения, во-первых, наблюдатель может научиться новым реакциям, просто наблюдая поведение модели; во-вторых, необязательно ставить реакцию модели и реакцию наблюдателя в условия подкрепления.

Многочисленные исследования Бандуры и его коллег показали, что подкрепляющие последствия могут служить активизации поведения, приобретенного в условиях неподкрепляемого наблюдения. Подчеркивая, что подкрепление не играет доминирующей роли в приобретении новых реакций, этот ученый отводил ему центральную роль в усилении и поддержании (сохранении) различных поведенческих тенденций².

А. Бандура, связав поведение человека с его социальным окружением, назвал свой подход *социобихевиористским*. Согласно этому подходу, личность формируется поведением человека, его индивидуальными характеристиками (особенно важную роль здесь играет мышление — *cognition*) и влиянием окружающей среды. Все эти факторы действуют вместе, а научение не обязательно предполагает вознаграждение.

Согласно Бандуре, большинство наших знаний мы получаем, наблюдая за другими людьми: «практически все знания, полученные из непосредственного опыта, могут точно так же происходить из наблюдения за поведением других людей и его последствиями для них»³.

Он выделил два основных типа научения — *научение путем проигрывания* и *научение путем наблюдения*.

Научение путем проигрывания представляет собой наиболее примитивный способ научения, который свойствен не только человеку, но и большинству животных. Именно этот тип научения обычно рассматривается бихевиоризмом. Всякое действие, которое производит организм, сопровождается какими-то последствиями. Некоторые из этих последствий приятны, другие — не нравятся, а третьи просто не ощущаются или не осознаются и поэтому не имеют значительного воздействия.

¹ Bandura A., Walters R.H. *Social Learning and Personality Development*. New York, 1965. P. 2.

² Андреева Г.М., Богомолова Н.Н., Петровская Л.А. Современная социальная психология на Западе [теоретические направления]. С. 63.

³ Bandura A. *Social Foundations of Thought and Action: A Social Cognitive Theory*. P. 19.

Однако если бихевиористы настаивали на том, что результаты поведения автоматически зависят от позитивных или негативных подкреплений, то, согласно А. Бандуре, сложное человеческое поведение требует сознательного осмысления, чтобы его последствия могли влиять на личность. Например, чтобы словесное подкрепление имело значение, человек должен сначала его выслушать и понять. При этом значение, воспринятое получающим подкрепление, может отличаться от того значения, которое придавал своим словам давший его человек.

Так, преподавательница балных танцев хвалит своих учеников за выполнение особенно сложного движения, надеясь подбодрить их и подтолкнуть к тому, чтобы они и дальше улучшали свой уровень. Однако ее слова могут иметь обратное влияние на учеников, которые могут вообразить, что раз уж они действительно такие замечательные танцоры, учительница могла бы и не хвалить их за такое простое движение.

С точки зрения научения путем проигрывания последствия поведения служат, по крайней мере, трем целям. Они: 1) сообщают информацию; 2) мотивируют будущее поведение; 3) подкрепляют настоящее поведение¹.

Научение путем наблюдения имеет место тогда, когда образцы поведения приобретаются через прямой личный опыт, а также через наблюдение поведения других и его последствий для них, т. е. через влияние примера. Это наиболее важный и свойственный только человеку способ обучения. Он позволяет ему учиться, не производя при этом каких-либо действий. Здесь очевидно явное расхождение А. Бандуры с Б. Скиннером, который придерживался мнения, что основным материалом психологической науки является реально разыгрываемое поведение. Он также не разделял убеждение последнего, что подкрепление обязательно для научения, и считал, что, хотя подкрепление облегчает научение, оно не является его необходимым условием. Например, можно учиться, наблюдая за другими людьми, которые получают подкрепления.

В то же время этот исследователь полагал, что человеческое поведение невозможно полностью понять без исследования регуляторного влияния подкрепления. Однако неверно отождествлять подкрепление с «осознаемыми вознаграждениями и наказаниями». *В качестве подкреплений в межличностных отношениях выступают внимание, отвержение, словесное одобрение или выговор и т. д. Именно благодаря приобретению подкрепляющих функций они регулируют межличностные взаимодействия.*

Много внимания в своем анализе Бандура уделял такому виду подкрепления, как *наблюдаемое подкрепление*. Поведение людей находится не только под влиянием прямо испытываемых последствий, но также и под влиянием многократно наблюдаемых действий других: вознаграждаемых, игнорируемых или наказуемых. Наблюдаемое подкрепление влияет на поведение во многом таким же образом, как и подкрепление собственных исходов, а именно: наблюдаемые вознаграждения в целом усиливают, а наблюдаемые наказания уменьшают в наблюдателях следование поведению модели. Кроме того, по мнению Бандуры, «наблюдаемые последствия дают также референтные стандарты, которые определяют, приобретут ли отдельные исходы позитивную или негативную ценность... Таким образом, через процессы соци-

¹ Bandura A. *Social Learning Theory*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1977.

ального сравнения наблюдение исходов реакции у других людей может решительно изменить эффективность прямых подкреплений»¹.

Вопрос о научении через наблюдение Бандура считал важным, поскольку «теория должна объяснить не только, как приобретаются образцы реакций, но и как регулируется и поддерживается их выражение»². Тем самым функция научения посредством наблюдения в схеме Бандуры оказывается достаточно широкой³.

В теории социального научения, разработанной Бандурой, люди не побуждаются к определенным действиям исключительно внутренними силами или внешними стимулами. Психологическое функционирование, скорее, следует объяснять в терминах непрерывной реципрокной интерактивности персональных и внешних детерминант⁴.

В рамках такого подхода важнейшую роль играют косвенные символические и саморегуляционные процессы.

Способность применять символы предоставляет людям мощное средство общения с окружающей средой. Через посредство вербальных и воображаемых символов люди преобразуют и сохраняют опыт в репрезентативной форме, что является руководством для будущих действий. Способность к целенаправленным действиям коренится в символической активности. Образы желаемого будущего помогают формированию таких видов поведения, которые специально предназначаются для достижения отдаленных целей. Посредством символов люди могут решать проблемы без практической реализации всех возможных решений. Они могут предвидеть возможные последствия различных поступков и соответственно корректировать свое поведение. Без использования символов невозможно было бы рефлексивное мышление. Теория человеческого поведения, таким образом, не может позволить себе пренебрегать символической активностью.

Способности к саморегуляции в теории социального научения также отводятся выдающаяся роль. Организуя побудительные мотивы, поступающие от внешнего окружения, генерируя когнитивные средства поддержки, оценивая последствия собственных поступков, люди способны до некоторой степени осуществлять контроль над своим собственным поведением. Функции саморегуляции создаются и время от времени поддерживаются внешними влияниями. Однако тот факт, что они имеют внешнее происхождение, не отрицает того, что, будучи однажды сформированными, функции саморегуляции частично определяют совершение тех или иных поступков⁵.

Итак, согласно Бандуре, всеобъемлющая теория поведения должна объяснить, каким образом усваиваются образцы поведения и каким образом их проявление постоянно регулируется взаимодействующими между собой внешними и внутренними источниками влияний. С точки зрения теории социального научения природа человека — это широкий набор возможностей,

¹ Bandura A. Aggression: A Social Learning Analysis. Englewood Cliffs N. J.: Prentice Hall, 1973. P. 47.

² Vion W.R. Experiences in Groups. London, 1961. P. 44.

³ Андреева Г.М., Богомолова Н.Н., Петровская А.А. Современная социальная психология на Западе (теоретические направления). С. 63.

⁴ Бандура А. Теория социального научения / Пер. с англ. под ред. Н.Н. Чубарь. СПб.: Евразия, 2000. С. 25.

⁵ Бандура А. Теория социального научения. С. 26.

которые могут быть сформированы и опосредованным опытом, и представлены в огромном разнообразии форм в рамках биологических ограничений¹.

Концепция социального научения Бандуры, которую сам он также называл «медиаторно-стимульной ассоциативной теорией»² — первая основополагающая концепция, в которой этот ученый систематически изложил свои взгляды на поведение человека. Дальнейшая работа в данном направлении привела его к более общим умозаключениям, постулированным в теории «реципрокного взаимодействия», согласно которой «психологическое функционирование представляется непрерывным реципрокным взаимодействием между личностными, поведенческими и внешними детерминантами. Термин «реципрокный» используется здесь, скорее, в смысле взаимодействия между явлениями, чем в более узком значении сходных или противоположных ответных реакций»³.

Модель реципрокного детерминизма

Согласно А. Бандуре, на протяжении многих лет самые разнообразные бихевиоральные теории вносили свой вклад в наше понимание того, как поведение усваивается и изменяется под воздействием непосредственного опыта. Однако традиционные способы концептуализации и изучения человеческого поведения были слишком ограниченными и часто затруднялись механическими моделями более ранних периодов развития. В последние годы достигнут значительный прогресс в нашем понимании психологических процессов, что привело к необходимости пересмотра отдельных фундаментальных допущений о том, как человеческое поведение приобретается и регулируется⁴.

Развитие бихевиоральной теории сместило фокус причинно-следственного анализа от аморфных внутренних детерминант в сторону подробного рассмотрения внешних влияний на реактивность человека. Поведение теперь широко анализируется в терминах стимулирующих условий, породивших это поведение, и подкрепляющих условий, поддерживающих его. Исследователи продемонстрировали, что образцы реакций, которые в общем случае приписывались внутренним причинам, могут быть порождены, подавлены или восстановлены под воздействием изменяющихся внешних условий. Результаты этих исследований навели многих психологов на мысль, что детерминанты поведения кроются не в самом организме, а в возможностях внешней среды⁵.

По мнению Бандуры, взгляды на причинно-следственные процессы, определяющие поведение человека, нашли отражение в двух концепциях «интерактивности».

В первой концепции «интерактивности» индивидуум и ситуация рассматриваются как независимые сущности, которые в сочетании и определяют, каким же будет поведение. Этот подход часто представляется в виде формулы (1):

$$[B = f(P, E)], \quad (1)$$

где B означает поведение, P — личность, E — окружение.

¹ Бандура А. Теория социального научения. С. 28.

² Андреева Г.М., Богомолова Н.Н., Петровская А.А. Современная социальная психология на Западе (теоретические направления). С. 63.

³ Бандура А. Теория социального научения. С. 265.

⁴ Там же. С. 8.

⁵ См.: Там же. С. 17–18.

Правомерность применения этого весьма распространенного подхода представлялась Бандуре спорной по целому ряду причин. Факторы индивидуальности и внешней среды не являются абсолютно независимыми детерминантами — скорее, они взаимно определяют друг друга. Невозможно представить себе «индивидуума», совершенно независимого от своего поведения. В значительной степени именно через посредство своего поведения люди и создают окружающие их условия, которые оказывают встречное влияние на их поведение. Переживания и опыт, порожденные поведением, в свою очередь, также отчасти определяют, кем становится индивидуум и что он может сделать, что, безусловно, влияет на все его последующие поведение.

Во второй концепции «интерактивности» индивид и ситуация изображаются уже как взаимозависимые мотиваторы поведения, но само результирующее поведение, согласно данной концепции, уже никоим образом не принимает участия в процессе. Этот подход также можно изобразить в виде формулы (2):

$$[B = f(P \leftrightarrow E)], \quad (2)$$

где B означает поведение, P — личность, E — окружение.

Таким образом, эти точки зрения сводят объяснение поведения либо к личностным факторам, либо к факторам ситуационным. При этом они исключают из поля зрения когнитивные структуры и процессы.

А. Бандура доказал, что поведение является *интерактивной детерминантой*, а не просто результатом взаимодействия между индивидуумом и ситуацией. Оно объясняется в терминах непрерывной реципрокной интерактивности, в которой личностные, ситуационные и поведенческие факторы взаимодействуют между собой как взаимозависимые детерминанты. Он считал поведение достаточно целенаправленной активностью, а эффективность намерений в регулируемом поведении определяется частично тем, насколько далеко цели устремлены в будущее¹.

Бандура подчеркивал, что здоровая критика экстремального бихевиоризма заключается в осуждении его чрезмерного стремления избавиться от случайных внутренних причин. Сторонники этой школы пренебрегают теми детерминантами поведения, которые проистекают из когнитивных функций. Они выдвигают множество причин, почему когнитивные события недопустимы в каузальном анализе. Утверждалось, да и сейчас утверждается, что явления, относящиеся к когнитивным, можно оценить только посредством заслуживающих доверия личных рассказов, что они являются лишь предполагаемыми, эпифеноменальными или даже просто фиктивными.

Теория, отрицающая, что мысль способна управлять действием, не в состоянии объяснить сложного человеческого поведения. Несмотря на то, что в рамках теории оперантного научения когнитивная деятельность начисто отрицается, все же невозможно просто взять и отбросить рассмотрение ее роли в каузальной последовательности. Поэтому сторонники теории оперантного научения переводят когнитивные операции в термины поведения и приписывают их результаты прямому воздействию внешних событий².

¹ См.: Чубарь Н.Н. Эффективность человеческого поведения: социальные корни, социальные последствия // Бандура А. Теория социального научения / Пер. с англ. под ред. Н.Н. Чубарь. СПб.: Евразия, 2000. С. 7.

² См.: Бандура А. Теория социального научения. С. 24.

В итоге становится очевидным, что для того чтобы достигнуть какого-то прогресса в понимании человеческого поведения, необходимо предъявлять более строгие требования для оценки адекватности выбранной системы объяснения. Теория должна продемонстрировать свою способность к прогнозированию. Она должна с точностью идентифицировать детерминанты человеческого поведения, а также сторонние механизмы вмешательства, ответственные за происходящие изменения. По мнению Бандуры, разработанная им теория *поводит к объяснению человеческого поведения в терминах непрерывной реципрокной интерактивности между когнитивными, поведенческими и внешними детерминантами*¹.

Такая концепция человеческого функционирования, с одной стороны, не делает человека бессильным существом, брошенным на произвол внешних сил; с другой стороны, не представляет его и абсолютно свободным физическим агентом, способным стать кем угодно². В данной связи на интерактивность следует смотреть как на процесс реципрокного детерминизма — поведение, другие личностные факторы и факторы внешней среды взаимодействуют меж собой как взаимозависимые детерминанты, что может быть выражено формулой (3):

$$\begin{array}{c} P \\ \nearrow \quad \searrow \\ [B \leftrightarrow E] \end{array} \quad (3)$$

где B означает поведение, P — личность, E — окружение, причем их взаимодействие различается в зависимости от условий и вида поведения. В некоторые моменты факторы внешней среды налагают суровые ограничения на поведение, а в иное время именно индивидуальные факторы являются регуляторами, подавляющими ход внешних событий³.

Воздействие, вызванное индивидом, а также его (или ее) поведением, Бандура определял как личностную детерминанту. Внутренние личностные факторы и поведение также действуют как взаимные реципрокные детерминанты.

Например, ожидания людей влияют на их поведение, а результаты такого поведения изменяют их ожидания.

По его мнению, основная слабость традиционных формулировок состоит в том, что они трактуют поведенческие диспозиции и внешнее окружение как отдельные понятия, когда фактически одна определяет действия другой. По большей части, окружение исключительно потенциально и актуализируется при соответствующих действиях: это не является постоянным свойством, которое неизбежно воздействует на индивидуумы.

Так, лекции не повлияют на студентов, если они не будут их посещать; книги не окажут воздействия, если не будут прочитаны; огонь не обожжет, если не пытаться его коснуться, а влияния вознаграждения и наказания будут оставаться в состоянии неизвестности до тех пор, пока они не будут активированы обусловленным исполнением.

¹ См.: Бандура А. Теория социального научения. С. 9.

² Там же. С. 10.

³ Там же. С. 23.

Подобным образом и личностные детерминанты только потенциальности, которые не проявляют себя, не будучи реализованными. Люди, которые могут со знанием дела рассуждать об определенных вещах, окажут влияние на других только в случае, если будут говорить, а не молчать, пусть даже и обладая даром влияния.

Таким образом, поведение частично определяет, какие из многих потенциальных влияний окружения придут в движение и какие формы они приобретут; влияние окружения, в свою очередь, отчасти определяет, какие сценарии поведения будут развиваться и актуализироваться. В этом процессе двухстороннего влияния окружение подвержено влиянию так же, как и поведение, им регулируемое¹.

Бандура утверждал, что особенно широкие возможности для создания ситуаций, которые реципрокно воздействуют на наше собственное поведение, обеспечивает социальное окружение.

Люди могут беседовать на разные темы, заниматься самыми разными видами деятельности, и их потенциальная отзывчивость будет чрезвычайно различной. В процессе социального взаимодействия поведение каждого из его участников определяет, какие аспекты его потенциального репертуара будут актуализированы и какие останутся невостребованными. На организационном уровне люди играют важную роль через свое коллективное действие в создании социальных условий, которые влияют на направленность и качество их жизни.

Например, профсоюзы ведут переговоры об условиях труда и тарифных соглашениях. Подобным образом и другие группы используют силу коллективного воздействия для изменения практики социальных отношений с целью улучшения условий жизни².

Итак, согласно модели реципрокного детерминизма, предложенной А. Бандурой, поведение человека формируется действиями трех переменных величин: окружающей среды, самого поведения и личности, которую «образуют» внутренние характеристики, например мышление (cognition), способность запоминать и предвидеть события.

Так, мышление человека определяет, с какими явлениями окружающей среды он встретится, какую оценку вынесет этим событиям, как он организует их для последующего использования.

Эти три реципрокных фактора не равняются друг другу по силе и не вносят одинаковый вклад. Относительное влияние поведения, окружающей среды и личности определяется тем, какой из факторов триады наиболее силен в данный конкретный момент.

В источниках обычно приводится один и тот же, ставший уже классическим, пример реципрокного детерминизма — интеракция маленького ребенка и его отца. Ребенок просит отца купить ему пирожное; с точки зрения отца, это — событие окружающей среды. Последующее поведение отца определяется реципрокным воздействием окружающей среды, мышления и предыдущего поведения.

¹ См.: Бандура А. Теория социального научения. С. 267.

² Там же. С. 265.

Если бы отец автоматически (не размышляя) купил пирожное, то эти двое влияли бы на поведение друг друга в скиннеровском смысле. Поведение отца определялось бы окружающей средой и, в свою очередь, оказывало бы обратное воздействие на окружающую среду, а именно на ребенка. Однако, согласно теории Бандуры, отец способен обдумывать последствия, которые он получит, вознаграждая или игнорируя поведение своего отпрыска. Отец может подумать: «Если я куплю пирожное, он на время перестанет плакать, но в следующий раз, скорее всего, опять будет упрямым до тех пор, пока я не дам то, что он потребует. Поэтому сейчас я не куплю пирожное».

Таким образом, отец воздействует как на окружающую среду (ребенка), так и на собственное поведение (отказ исполнить просьбу ребенка). Последующее поведение ребенка — окружающая среда отца — вносит вклад в формирование его мышления и поведения. Если ребенок прекратит ныть и требовать пирожное, у отца могут появиться другие мысли. Например, он может так оценить свое поведение: «Я поступил правильно, поэтому я — хороший отец». Кроме того, изменения в окружающей среде дают ему возможность повести себя по-другому¹.

Следует отметить, что хотя человеческое поведение для А. Бандуры являлось детерминированной системой, он, в отличие от Б. Скиннера, видевшего причину любой человеческой деятельности в явлениях окружающей среды, никогда не был абсолютным детерминистом и не считал детерминизм и свободу действий несовместимыми. Не принимая при этом концепцию абсолютно свободной воли, этот ученый, в отличие от других теоретиков, придавал очень большое значение случайным событиям, в частности случайным встречам.

Любой из факторов реципрокной триады — поведение, личность или окружающая среда в результате случайного события может непредсказуемо измениться в любой момент времени, и человек, благодаря своей пластичности, тоже изменится.

Таким образом, человеческое поведение оказывается не детерминированной, а стохастической системой, и это делает точные предсказания практически невозможными. Тем не менее случайные встречи добавляют свое влияние к множественному взаимодействию личности, ее поведения и окружающей среды. В этом смысле они влияют на нас так же, как и запланированные события. Как только случайная встреча происходит, человек начинает строить свое поведение по отношению к новому знакомому на основе истории своих предыдущих подкреплений, ожиданий от этого знакомства и реакции на него других людей.

Механизмы регулирования поведения личности

Оставаясь убежденным бихевиористом и в первую очередь интересуясь человеческим поведением, А. Бандура не был склонен рассматривать сложные концепции личности и утверждал, что существуют лишь отдельные самопредписания. Так же как и Скиннер, Бандура отказывался признавать существование «автономного человека», который формирует поведение индивида и его способность манипулировать окружающей средой с помощью волевых усилий. Тем не менее личность играет очень важную роль в схеме реципрокного детерминизма, поэтому А. Бандура постулировал существование некой

¹ Гештальт-психология и социально-когнитивная теория личности. К. Левин и А. Бандура. СПб.: Прайм-Еврознак, 2007. С. 13.

системы «я»¹, действующей на основе как поведения, так и окружающей среды — набора когнитивных структур, включающих восприятие, оценку и регуляцию поведения.

Согласно А. Бандуре, система «я» позволяет нам видеть и выражать в символах наше поведение, а также оценивать его на основе как воспоминаний о прошлых подкрепленных или неподкрепленных действиях, так и предполагаемых будущих результатов. Затем, используя эти когнитивные процессы в качестве отправной точки, можно в какой-то мере осуществлять саморегуляцию: «если бы наше поведение определяли только внешние награды и наказания, люди вели бы себя как флюгеры»². Именно саморегуляция и самоэффективность являются важнейшими внутренними факторами, влияющими на человеческое поведение.

Саморегуляция — это одна из важнейших характеристик человеческой личности, влияющих на поведение. Посредством саморегуляции человек способен управлять событиями, воздействующими на его жизнь, добиваться намеченных целей. Так, люди пытаются уменьшить расхождения между своими фактическими достижениями и своей целью, а уничтожив это расхождение, ставят перед собой новые, более высокие цели. «Люди побуждают себя к действию и управляют собственными действиями путем проактивного руководства, устанавливая себе цели, которые создают положение неравновесия, а затем — мобилизуя свои способности и усилия на основе предварительных оценок того, что требуется для достижения цели»³, — писал Бандура.

Действия людей в конкретной ситуации зависят от взаимного влияния окружающей среды и их сознания, в особенности от процессов, связанных с убеждениями, что они могут или не могут осуществить некоторые действия, необходимые для того, чтобы изменить ситуацию в лучшую для них сторону. Бандура назвал эти убеждения самоэффективностью.

Самоэффективность — это уверенность человека в том, что он может осуществить некоторые конкретные действия. Она является важной личностной характеристикой и в сочетании с конкретными целями и знанием о том, что надо делать, может существенно влиять на будущее поведение.

Самоэффективность возникает, увеличивается или уменьшается в зависимости от одного из четырех факторов или от их комбинации:

- 1) опыта непосредственной деятельности;
- 2) косвенного опыта;
- 3) мнения общества;
- 4) физического и эмоционального состояния человека⁴.

Информация о себе самом и об окружающем мире, полученная из перечисленных источников, обрабатывается сознанием и, совместно с воспоминаниями о прошлом опыте, воздействует на представления о самоэффективности. Кроме того, самоэффективность подвергается влиянию внутренних стандартов поведения.

¹ Self system.

² Bandura A. Social Foundations of Thought and Action: A Social Cognitive Theory. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1986. P. 335.

³ Bandura A. Social Cognitive Theory and Mass Communication // J. Bryant, D. Jilman (eds.), Media effects: Advances in Theory and research. Hillsdale, New Jersey: Erlbaum, 1994. P. 63.

⁴ Bandura A. Exercise of Personal and Collective Efficacy in Changing Societies. Cambridge: Cambridge University Press, 1995.

В 80 — 90-е гг. XX в., когда теория А. Бандуры, изложенная выше, достигла достаточной степени развития, он заинтересовался широкими общественными проблемами. Отчасти этот интерес нашел отражение в его концепции коллективной эффективности.

Коллективная эффективность — это уверенность людей в том, что их общие усилия могут вызвать социальные перемены. Она происходит не из коллективного «сознания», а скорее из личных эффективностей многих людей, работающих вместе. Посредством коллективной эффективности люди также управляют своей жизнью, как и через индивидуальные самоэффективности.

Например, человек, который бросил курить или изменил свою диету, может иметь высокую самоэффективность относительно сохранения своего здоровья, но он вместе с другими людьми может при этом чувствовать низкую коллективную эффективность относительно возможности бороться с загрязнением окружающей среды, вредными условиями труда или инфекционными болезнями.

Тем не менее личная и коллективная эффективность — не противоположные понятия. Скорее они дополняют друг друга, изменяя образ жизни людей.

Бандура выделил ряд факторов, отрицательно влияющих на коллективную эффективность, то есть способных ее понизить.

Во-первых, это тот транснациональный мир, в котором сейчас живут люди: случившееся в одной части Земли сказывается на жизни людей в других странах, вызывая у них ощущение собственной беспомощности. Такие явления, как, например, уничтожение амазонской сельвы, международная торговая политика или истончение озонового слоя, могут влиять на жизнь каждого человека и подрывать веру людей в их способность улучшить собственную жизнь.

Во-вторых, это новейшие технологии, которые непонятны людям и неподвластны человеческому контролю. В прошлом многие водители были уверены, что они способны поддерживать свой автомобиль в рабочем состоянии. С появлением компьютерного управления в современных автомобилях многие люди, имеющие ограниченные познания в механике, потеряли не только личную эффективность относительно своей способности отремонтировать машину, но также в немалой степени и коллективную эффективность относительно возможности обратить вспять движение ко все большему усложнению автомобиля.

В-третьих, это запутанный социальный механизм с бюрократической прослойкой, препятствующий любым изменениям в обществе. Встречаясь с постоянными неудачами в попытках что-либо изменить или понимая, как много требуется времени, чтобы добиться каких-то заметных перемен, люди теряют охоту вообще предпринимать какие-либо действия. И тогда многие из них «вместо того чтобы усовершенствовать средства для построения собственного будущего ... неохотно передают управление в руки технических специалистов и общественных деятелей»¹.

В-четвертых, это огромный размах и величина проблем, с которыми сталкивается человечество. Войны, голод, перенаселение, преступления и природные катастрофы — вот только немногие из глобальных проблем, оставляющих нас с чувством беспомощности. Но Бандура считал, что, несмотря на

¹ Bandura A. Exercise of Personal and Collective Efficacy in Changing Societies. P. 38.

эти громадные международные проблемы, изменения в лучшую сторону возможны, если люди будут настойчиво повторять свои совместные усилия и не позволят сбить себя с толку. «Само время требует общественных инициатив, которые создадут чувство коллективной эффективности и необходимы, чтобы люди могли влиять на условия, формирующие их жизнь и жизнь будущих поколений»¹.

Следует отметить, что концепция «самоэффективности», разработанная Бандурой стала настолько популярной, что к 2006 г. насчитывалось более 4000 статей, так или иначе затрагивающих ее аспекты. Проблематика «самоэффективности» стала предметом исследовательского анализа не только психiatров, психологов и социологов, но и специалистов в области управления, масс-медиа, социальной политики и международных отношений².

Очевидно, что по мере их развития взгляды А. Бандуры все больше эволюционировали в сторону поиска оптимальной взаимозависимости личностных факторов и социального окружения. В частности, это нашло яркое отражение в его трактовке «личной свободы».

Детерминизм и свобода личности

А. Бандура утверждал, что при обсуждении «каузальных процессов» (процессов, обуславливающих человеческое поведение), неизбежно встает фундаментальный вопрос о детерминизме и личной свободе. Однако при исследовании этих проблем важно провести разграничение между метафизическими и социальными аспектами понятия свободы, поскольку на эту тему возникает много споров как из-за неопределенности обсуждаемых границ свободы, так и разногласий по поводу доктрины детерминизма³.

Для начала А. Бандура рассматривал свободу в социальном смысле. То, что свобода — иллюзия, как утверждают некоторые авторы, или социальная реальность исключительной важности — зависит от придаваемого ей значения. В рамках его концепции социального научения свобода определяется в терминах количества возможностей выбора, доступных человеку, и правом на их осуществление. Чем больше поведенческих альтернатив и прерогатив люди имеют, тем больше их свобода действий⁴.

Личностная свобода может быть ограничена различными способами. Поведенческие недостатки сужают возможности выбора человека и сокращают число благоприятных случаев для реализации его предпочтений. Поэтому расширение сфер компетенции положительно сказывается на свободе личности.

В целях максимизации свободы общество должно накладывать определенные ограничения на поведение, так как полная вседозволенность для одних является вторжением в свободу других. Наложение запретов на некоторые типы поведения, которые являются социально опасными, создадут в обществе дополнительные факторы внутреннего сдерживания. Существуют некоторые разногласия по поводу уместных ограничений поведения, которые напрямую вредят или серьезно нарушают права других⁵.

¹ Bandura A. Exercise of Personal and Collective Efficacy in Changing Societies. P. 38.

² Bandura A. Autobiography // M.G. Lindzey, W.M. Runyan (eds.) A History of Psychology in Autobiography (Vol. IX). Washington, D.C.: American Psychological Association, 2006.

³ См.: Бандура А. Теория социального научения. С. 274.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 275.

Например, свобода некоторых групп людей оказывается урезанной проявлениями дискриминации. Так, действительные возможности человека, вне зависимости от его способностей, могут ограничиваться цветом кожи, полом, религиозной принадлежностью, этническим или социальным происхождением. Когда самоопределение личности ограничивается подобными предрассудками, те, кто испытывают на себе их воздействие, пытаются устранить существующую несправедливость посредством альтернативных практик, которые позволяют достичь компромисса или приспособиться к провозглашенному обществом равенству ценностей¹.

Согласно А. Бандуре, проявление свободы подразумевает в равной степени как права, возможности, так и поведенческие ограничения. Борьба за свободу в основном сводится к созданию таких социальных условий, при которых определенные формы поведения освобождаются от аверсивного контроля. После того как защитные законы встраиваются в правовую систему, остаются еще определенные виды деятельности, запрещенные обществом, но которые, тем не менее, нравятся индивидуумам, ослабляющим условные ценности и узаконенные интересы. Правовые преграды неправомочному контролю со стороны общества создают свободы, которые обретают реальные проявления, а не являются простым чувством или душевным состоянием.

Кроме того, общества отличаются друг от друга установленными свободами, а также количеством и типами поведения, которые официально освобождаются от наказывающего контроля. Например, общественные системы, которые защищают журналистов от уголовного преследования за критику правительственных чиновников, являются более свободными, чем те, которые позволяют авторитарной власти замалчивать критику или перекрывать каналы ее распространения. Общества, в которых судебная система независима от других государственных институтов, гарантируют большую социальную свободу, чем те, в которых подобная независимость отсутствует.

Анализ свободы, подчеркивал А. Бандура, в конце концов приводит к вопросу, связанному с метафизической природой детерминизма: определяют ли люди отчасти свое поведение сами или оно управляется исключительно теми силами, которые находятся вне их контроля?

Он отвергал утверждение Б. Скиннера о том, что помимо влияния генетических факторов, поведение человека частично управляется внешними условиями («Не человек воздействует на мир, а мир воздействует на человека»). Главная проблема, возникающая при таком анализе, по его мнению, состоит в том, что при этом окружающая среда изображается как независимая сила, которая автоматически формирует и контролирует поведение. Однако, подобно поведению, среда также имеет свои причины. Разумеется, справедливо то, что поведение регулируется внешними условиями, но условия также являются результатом действий человека. Действия людей играют активную роль в создании тех подкрепляющих условий, которые оказывают на них свое воздействие.

В рамках разработанной им теории реципрокного детерминизма было показано, что поведение отчасти формирует внешнюю среду и среда влияет на поведение реципрокным образом. В данной связи он считал, что к часто повторяемому изречению «измени внешние условия — и ты изменишь поведение», следует добавить обратную фразу: «измени поведение — и ты изме-

¹ См.: Бандура А. Теория социального научения. С. 276.

наши внешние условия». То есть, двигаясь назад к исходным причинам, можно сказать, что для каждого цыпленка, обнаруженного сторонниками признания безусловного главенства роли внешних условий, последователи теории социального научения могут отыскать яйцо, из которого он появился на свет¹.

Бандура утверждает, что люди могут считаться отчасти свободными, пока они могут влиять на будущие обстоятельства посредством управления своим поведением². Они с помощью применения методов самоконтроля способны направлять свои действия на достижение важных для них целей:

— во-первых, путем приспособления внешних условий для наиболее вероятного достижения соответствующего поведения;

— во-вторых, посредством создания когнитивных целей и самоподкрепляющих последствий для их поддержки.

Таким образом, благодаря возможностям реципрокного влияния люди все же могут в определенной мере быть творцами своих судеб³. Психология⁴ «не может сказать людям, как они должны прожить свою жизнь. Однако она может предоставить им средства для осуществления личностных и социальных перемен. Также она может помочь им в оценке их выбора путем определения последствий альтернативных стилей жизни и различных видов общественного устройства»⁵, заключал этот исследователь.

Работы А. Бандуры сыграли чрезвычайно важную роль в разработке новых подходов к терапевтическому вмешательству. Наиболее заметным здесь явилось применение процедур моделирования в целях формирования новой когнитивной и поведенческой компетентности, за что в 2001 г. он был удостоен специальной премии от Ассоциации бихевиоральной терапии.

Итак, в рамках теорий социального научения, разработанных в 50–60-е гг. XX в., исследовалась целая совокупность переменных, определяющих соотношение между влиянием поведения действующего субъекта на среду и влиянием среды на последующее поведение субъекта. Действующий субъект — источник поведения. Среда, социальная или физическая, в которой реализуется поведение, подвергается его влиянию и, в свою очередь, оказывает на него обратное действие.

Их основатели — социальные бихевиористы, интересуясь взаимосвязью истории реакций среды и последствий поведения, утверждают, что прошлое управляет настоящим: поэтому зная то, что вызвало определенное поведение в прошлом, можно предсказать, воспроизведет ли субъект то же поведение в настоящем. Этот факт позволял им говорить о возможности систематического формирования поведения или о модификации поведения, т. е. о его изменении в направлении запланированной конечной модели.

Появление теорий «социального научения» во многом было связано с попытками преодолеть «дегуманистическую» ориентацию традиционного бихевиоризма. Их создатели, переориентировали исследовательский фокус на взаимосвязь и взаимное влияние поведения человека и его социального окружения. Тем самым, они, по сути, подтвердили посылку «личность — это субъект и продукт общественных отношений», которая в дальнейшем определила

¹ Бандура А. Теория социального научения. С. 277.

² Там же. С. 279.

³ Там же. С. 280.

⁴ Хотя А. Бандура здесь вел речь о психологии, но его высказывание вполне применимо к социологии и другим социальным наукам.

⁵ Там же. С. 290.

главное содержание социологической теории личности. При этом включение ими в поведенческий процесс когнитивных характеристик, что было во многом обусловлено рядом научных открытий середины XX в.¹, вовсе не привело к полному отвержению бихевиоризма. Оно лишь расширило и обогатило существующие методы исследований².

В целом социальные бихевиористы, несмотря на внутренние различия в рамках направления, расширили методологические принципы бихевиоризма (включив в сферу анализа поведения когнитивные компоненты) и распространили их на анализ социальных отношений.

Сегодня социальный бихевиоризм признан правомерной формой социологии, а ее кажущиеся принципиальными отличия от других социологических теорий «основаны скорее на недоразумениях, чем на фактах»³.

Если психологический бихевиоризм замкнут на индивидуальное поведение, а его представители «исследуют, в какой степени поведение одиночного субъекта зависит от индивидуальных или независимых случайностей: стимуляторы направлены исключительно на индивидуальное поведение», то социологический бихевиоризм, «изучают зависимость поведения двух или более субъектов от взаимосвязанных социальных случайностей: подкрепители каждой личности должны хотя бы частично быть связаны с поведением одного или большего числа других субъектов»⁴.

Социальный бихевиоризм рассматривает индивидуальное поведение как минимум в русле межличностных отношений, а чаще — в более широком социальном контексте. Это и предопределяет принадлежность представителей данного направления к социологии.

На базе методологии социального бихевиоризма, но в сочетании с идеями и понятиями, заимствованными из других социологических концепций, в 60-е гг. XX столетия были разработаны теории социального обмена, очень быстро ставшие самостоятельным социологическим направлением.

Первоисточники для изучения

Бандура А. Истоки поведения // Бандура А. Теория социального научения. СПб.: Евразия, 2000. Глава II.

Бандура А. Реципрокный детерминизм // Бандура А. Теория социального научения. СПб.: Евразия, 2000. Глава VI.

Бандура А. Теоретические перспективы // Бандура А. Теория социального научения. СПб.: Евразия, 2000. Глава I.

Скиннер Б. Ф. Оперативное поведение // История зарубежной психологии: Тексты. М., 1986. С. 60–95.

Скиннер Б. Ф. Технология поведения // Американская социологическая мысль: Тексты / Под ред. В.И. Добренкова. М., 1994. С. 30–45.

¹ Так, российскими исследователями С.Я. Рубинштейном и А. Выготским было создано учение о высших психических функциях, присущих только человеку, а нейробиологами определена их локализация в полушариях головного мозга человека.

² Anastasi A. A Century of Psychological Science // American Psychologist, 1992. No 47(7). P. 842.

³ Molm L.D. The Legitimacy of Behavioral Theory as a Sociological Perspective // American Sociology, 1981. V. 16. P. 154.

⁴ Ibid.

Социологическая модификация основных положений бихевиоризма в сочетании с идеями классиков социологии (В. Парето, М. Вебера и др.) и экономической науки, нашла отражение в **теориях социального обмена**.

В центре внимания *теорий социального обмена*, которые получили развитие в 50–60-е гг. XX в. в США, лежит представление о человеке (или экономическом человеке) как рационально действующем существе, стремящемся получить максимальную выгоду, затратив минимум усилий.

В *теориях социального обмена* прослеживаются основные положения *традиционного бихевиоризма*: ориентация поведения индивидов на максимальное вознаграждение и избежание наказания, закрепление успешных форм поведения: повторение тех или иных способов поведения, так как они вознаграждались в прошлом, и т. п.

Следует отметить, что бихевиористская ориентация включает в качестве одного из методологических принципов принцип гедонизма. Доктрина психологического гедонизма, одна из старейших доктрин в психологии, на протяжении истории принимала различные формы. В частности, в социальной психологии, по мнению ряда исследователей, «точка зрения гедонизма обычно выражается в терминах доктрины «экономического человека». Эта доктрина рассматривает «человеческое поведение как функцию его платежа; его [человеческого поведения] сумма и вид зависят от суммы и вида вознаграждения и наказания, которые оно приносит»¹.

Тем не менее, в отличие от бихевиористов (часто проводящих аналогию между поведением людей и животных), авторы теорий обмена осознавали, что реальное поведение человека намного сложнее. Человек, наделенный способностью мыслить, а соответственно и «присчитывать» реакции других людей на собственные действия, — существо социальное. В данной связи обмен стал рассматриваться ими как более сложная операция, опосредованная *социальной структурой и культурой*.

На формирование *теорий социального обмена* оказали влияние исследования *социальных антропологов*, рассматривавших обмен как источник социальной солидарности. В этих теориях также можно увидеть элементы, заимствованные из утилитарной модели рационального экономического поведения, разработанного классиками политической экономии. Так, процесс социального взаимодействия отождествляется с процессом «взаимовыгодного обмена», направленного на извлечение максимальной прибыли.

Довольно часто *теории социального обмена* относят к области так называемого микросоциологического анализа и даже рассматривают как альтернативу метатеории Т. Парсонса. На самом деле теоретика социального обмен-

¹ Андреева Г. М., Богомолова Н. Н., Петровская А. А. Современная социальная психология на Западе (теоретические направления). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1978. С. 71.

на, пытаясь создать качественно новую объяснительную модель социального поведения, обращались как к поведению отдельного человека, так и к процессу его институционализации. Тем самым они сочетали микро- и микросоциологические подходы.

Наиболее известными из теорий социального обмена являются *теория «элементарного социального обмена»*, разработанная Джорджем Хомансом и *«интегративная теория обмена»*, созданная Питером Блау.

Американский ученый Джордж Хоманс был одним из первых, кто попытался создать общую социологическую дедуктивную теорию, основанную на «простых принципах», заимствованных из бихевиоризма: люди охотнее участвуют в поведении, которое приносит вознаграждение и удовлетворяет их потребности, т. е. позитивно подкрепляется. И хотя Дж. Хоманс часто обвиняли в том, что он просто перенес положения из психологического бихевиоризма в социологию, на самом деле предмет его анализа гораздо сложнее — это *разнообразное социальное поведение*.

5.1. Теория элементарного социального обмена Джорджа Хоманса

5.1.1. Краткая биография и основные труды

Джордж Каспар Хоманс (George Caspar Homans) (1910–1989) родился в Бостоне, в семье так называемых «Бостонских браминов» (выходцев из высшего сословия Великобритании), ряд поколений которой отличался высокой образованностью. Многие из его предков по мужской линии обучались в Гарвардском университете, а двое из них даже избирались президентами Соединенных Штатов Америки¹.

Дж. Хоманс, следуя семейной традиции, поступил в Гарвардский университет. Он собирался стать поэтом и посвятил себя изучению англо-американской литературы. Но, окончив «Гарвард» в 1932 г., то есть во время Великой депрессии, Хоманс фактически остался без работы. Тогда он принял предложение своего друга, профессора Лоуренса Хендерсона (биохимик с широким кругом интересов) участвовать в организации семинаров о выдающемся итальянском социологе Вильфредо Парето в рамках специально созданного «Кружка Парето». Хоманс всерьез увлекся творчеством этого социолога, внимательно изучил все его труды и совместно с Чарльзом Кёртисом опубликовал книгу «Введение в Парето»², предназначенную для американских специалистов.

Таким образом, его карьера как социолога началась неожиданно. Так, Дж. Хоманс писал: «моя постоянная работа в качестве социолога связана с 1933 г. и профессорами Лоуренсом Хендерсоном и Элтоном Мэйо из Гарвардской школы бизнеса. Л. Хендерсон, хотя и был биохимиком, изучал психические характеристики промышленных рабочих, а Э. Мэйо как психолог занимался исследованием «человеческого фактора». Я принимал участие в чтениях и дискуссиях, организованных Э. Мэйо. Этот ученый, в число книг, которые он рекомендовал прочитать студентам, включил труды социальных

¹ Heath A. George Homans // Fifty Key Sociologists: The Contemporary Theorists. Scott J. (ed.), London and New York: Routledge, 2007. P. 140–143.

² Homans G., Curtis Ch. An Introduction to Pareto. New York: Alfred A. Knopf, 1934.

антропологов — Б. Малиновского и А. Рэдклифф-Брауна, поскольку считал, что студенты должны знать, к каким ритуалам прибегали примитивные общества, в отличие от современных обществ, чтобы организовать свою жизнь. Я также ознакомился с некоторыми известными полевыми социально-антропологическими исследованиями малых групп и затем получил достаточно времени для их осмысления»¹.

В 1934 г. Дж. Хоманс был назначен младшим исследователем Гарвардской школы бизнеса и с каждым годом, участвуя во всевозможных социологических исследованиях, постигал социологическую науку все больше. В 1939 г. он перешел на социологический факультет, оказавшись под руководством Т. Парсонса, однако его работа там была прервана Второй мировой войной. Он присоединился к рядам добровольцев прежде, чем США включились в военные действия, и большую часть войны провел на военно-морском флоте.

По окончании Второй мировой войны Дж. Хоманс вернулся в Гарвардский университет и получил штатную должность преподавателя на Отделении социальных отношений, которым также руководил Т. Парсонс. К тому времени он уже наметил собственную концептуальную схему, которую попытался воплотить в книге «Человеческая группа»², опубликованной в 1950 г.

Как уже отмечалось, на первой стадии социологической карьеры Дж. Хоманса главное интеллектуальное влияние на него оказал Э. Мэйо, особенно интересовавшийся отношениями, которые развивались в малых группах. Он же и вдохновил Хоманса на проведение исследований, которые имели место в то время, когда он служил на флоте во время Второй мировой войны. Их результаты и нашли отражение в монографии «Человеческая группа», в которой он исследовал процессы «непосредственного сотрудничества людей» и сделал широкие обобщения. Так, он показал, что частота взаимодействия между людьми усиливает их чувства симпатии друг к другу и что чем более равны в социальном отношении люди, тем более часто они будут взаимодействовать друг с другом. Эта книга, предисловие к которой написал уже достаточно известный к тому времени социолог Роберт Мертон, принесла Дж. Хомансу славу талантливого методолога в социологии.

Концептуальная схема Дж. Хоманса, имевшая отправной точкой не социальные структуры, а индивидуальное поведение, не нашла поддержки у Т. Парсонса.

Согласно воспоминаниям Хоманса, «он давно знал профессора Т. Парсонса и сотрудничал с ним. Социологическое сообщество признавало в нем ведущего теоретика. Однако то, что представлял Т. Парсонс, на самом деле было ничем иным как просто концептуальной классифицирующей схемой, а не теорией, поскольку теория должна содержать хотя бы несколько теорем [предположений]. Он понял, что был прав, когда ознакомился с некоторыми трудами по философии науки. Однако для теории недостаточно иметь несколько теорем. Теория какого-либо феномена должна содержать его объяснение. Объяснение должно состоять в том, чтобы доказать, что одно или более

¹ Цит. по: Bell D. George C. Homans [11 August 1910 — 29 May 1989] // *Proceeding of the American Philosophical Society*. 1992. № 136. P. 587 — 593.

² Homans G. *The Human Group*. New York: Harcourt, Brace and Co. 1950.

предположений в определенном логическом порядке следуют из более общих предположений, имеющих рамочные параметры»¹.

Предположения, на которые «вышел» Дж. Хоманс в ходе своих исследований, не были его изобретением. Они были заимствованы из трудов бихевиористов, посвященных проблемам взаимного влияния индивидуального поведения и социального окружения. Этот ученый подружился с Б. Скиннером, и затем стал тесно сотрудничать с ним в рамках психологического факультета Гарвардского университета. Это сотрудничество позволило Дж. Хомансу продуктивно использовать основные положения бихевиористской концепции Б. Скиннера для построения своей собственной социологической теории, базирующейся на идеях бихевиористов².

Дж. Хоманс также преподавал в университетах Манчестера (1953), Кембриджа (1955 — 1956) и Кента, избирался президентом Американской социологической ассоциации (1964), а с 1972 г. являлся действительным членом Национальной академии наук США.

Наиболее известными научными трудами Дж. Хоманса являются: «Введение в Парето» (1934) (в соавторстве с Ч. Кертисом)³; «Человеческая группа» (1950)⁴; «Социальное поведение как обмен» (1958, статья)⁵; «Социальное поведение: его элементарные формы» (1961)⁶, переизданная в 1974 году⁷; «Чувства и деятельность: Эссе в социальной науке» (1962)⁸; «Природа социальной науки» (1967)⁹; «Фундаментальные социальные процессы» (1967); «Обретая свой смысл: Автобиография социолога» (1984)¹⁰.

Научному творчеству Дж. Хоманса посвящены труды Д. Белла, Ч. Тилли¹¹ и ряда других исследователей¹².

5.1.2. Основные положения и понятийный аппарат

В своих публикациях Дж. Хоманс, хотя, по его собственному выражению, и «возвращал людей в социологию», пытался разработать теорию, фокусирующуюся на элементарных формах социальной жизни. Эта теория, рассматриваемая им как «психология поведения, применимая к конкретной социальной ситуации», фокусирующаяся на психологии и элементарных формах социальной жизни, получила известность как теория элементарного соци-

¹ Цит. по: Bell D. George C. Homans [11 August 1910 — 29 May 1989] // *Proceeding of the American Philosophical Society*. 1992. № 136. P. 587 — 593.

² Ritzer G. *Sociological Theory*: 5th ed. International edition; McGraw-Hill Higher Education, 2000. P. 199.

³ Homans G., Curtis Ch. *An Introduction to Pareto*. New York: Alfred A. Knopf, 1934.

⁴ Homans G. *The Human Group*. New York: Harcourt, Brace and Co. 1950.

⁵ Homans G. *Social Behavior as Exchange* // *American Journal of Sociology*. 1958. № 63. P. 597 — 606.

⁶ Homans G. *Social Behavior: Its Elementary Forms*. New York: Harcourt, Brace and World, 1961.

⁷ Homans G. *Social Behavior: Its Elementary Forms*. New York: Harcourt, Brace Jovanovich, 1974.

⁸ Homans G. *Sentiments and Activities: Essays in Social Science*. New York: Free Press, 1962.

⁹ Homans G. *The Nature of Social Science*. New York: Harcourt, Brace and World, 1967.

¹⁰ Homans G. *Coming to My Senses: The Autobiography of a Sociologist*. New Brunswick, New Jersey: Transaction Books, 1984.

¹¹ Tilly Ch. *George Caspar Homans and the Rest of Us* // *Theory and Society*. 1990. № 19.

¹² *Behavioral Theory in Sociology: Essays in Honor of George C. Homans* / Hamblin R.L., Kunkel J.H. (eds.) New Jersey: New Brunswick; Transaction Books, 1977.

ального обмена. По Дж. Хомансу, его теория «имеет дело с социальным поведением как обменом деятельностью, осязаемой или неосязаемой и более или менее вознаграждаемой или ценной, между по меньшей мере двумя лицами»¹.

Первые идеи Хоманса относительно существования социального обмена нашли отражение в его статье «Социальное поведение как обмен»², опубликованной в 1958 г. В более систематизированном виде они были изложены этим ученым в монографии «Социальное поведение: его элементарные формы»³, впервые изданной в 1961 г.

В центре внимания Хоманса оказался взаимный обмен вознаграждениями (позитивными подкреплениями) и издержками (негативными подкреплениями), который имеет место при диадическом (лицом-к-лицу) взаимодействии людей.

Суть человеческого обмена состоит в том, «чтобы дать другому человеку поведение, более ценное для него, нежели дорогостоящее для Вас, и получить от него в ответ поведение более ценное для Вас, нежели дорогостоящее для него»⁴. Прямой и непосредственный обмен между участниками взаимодействия вознаграждениями и наказаниями составляет существо «элементарного социального поведения». «Вероятно, нет ни одного социального института, у истоков которого не стояло бы элементарное социальное поведение»⁵, — писал Хоманс.

Под элементарным социальным поведением Хоманс понимал личный контакт (обмен действиями) между двумя индивидами, в котором вознаграждение или проигрыш определяют (подкрепляют) их поведение.

Вслед за «поведенческой психологией» и «элементарной экономикой» Дж. Хоманс представил человеческое поведение как «функцию его платежей»⁶.

Следует отметить, что в рамках анализа элементарного социального поведения этот исследователь также опирался на модель утилитарного действия человека, совершающего рациональный экономический обмен. Однако он осознавал, что у данной модели есть ограничения. Действительно, люди наказывают и вознаграждают друг друга в процессе обмена, но они не всегда стремятся к максимальной прибыли. Люди не обязательно полностью просчитывают свои действия и заглядывают далеко в будущее. При этом обмену подлежат не только деньги и материальные предметы, но и другие ценности, например, одобрение, любовь и привязанность.

Основная гипотеза Дж. Хоманса заключалась в следующем: «на уровне элементарного социального поведения нет евреев и цыган, греков и варваров, а есть только человек»⁷, обретенный сетью межличностных отношений.

¹ Homans G. Social Behavior: Its Elementary Forms. New York: Harcourt, Brace and World, 1961. P. 13.

² Homans G. Social Behavior as Exchange // American Journal of Sociology. 1958. № 63. P. 597–606.

³ Homans G. Social Behavior: Its Elementary Forms. New York: Harcourt, Brace and World, 1961.

⁴ Хоманс Дж. Социальное поведение: его элементарные формы // Социальные и гуманитарные науки. Сер. 11. «Социология». 2001. № 2. С. 145–146.

⁵ Там же. С. 124.

⁶ Андреева Г. М., Богомолова Н. Н., Петровских А. А. Современная социальная психология на Западе (теоретические направления). М.: Изд-во Моск. ун-та. 1978. С. 84.

⁷ Хоманс Дж. Социальное поведение: его элементарные формы. С. 124.

Первая фаза построения теории Дж. Хоманса, объясняющей элементарное поведение, получила название *индуктивной фазы*. Он считал, что на этой фазе обобщения (абстракции первого порядка) должны быть сделаны «эмпирическим путем», то есть представлять собой результат непосредственного наблюдения в данной ситуации. Также они должны быть проверены на других массивах данных и усовершенствованы. При построении этих абстракций первого порядка Дж. Хоманс опирался на методологию бихевиористской теории, близкой к варианту оперантного бихевиоризма Б. Скиннера. В результате «социальное» поведение выстраивалось им в соответствии с той же матрицей выигрышей и потерь, что и «несоциальное» поведение; в этой матрице другие люди служили в качестве средства, с помощью которого получают эти выигрыши, или предотвращаются потери. Именно в этом смысле они являлись «стимулами», которые оказываются «социальными»¹. В конечном счете это и привело его к психологизации социологической проблематики.

Так, в статье «Социологическая релевантность бихевиоризма»² Дж. Хоманс критиковал структурных функционалистов, и, прежде всего Э. Дюркгейма, за «социологизм» (объяснение возникновения новых социальных феноменов социальными факторами). И если он в целом принимал общий тезис Дюркгейма о возникновении новых феноменов в процессе взаимодействия, то эти вновь возникающие феномены он сводил к простому индивидуальному поведению. В частности, Хоманс утверждал, что «все вновь возникающие социальные явления можно легко объяснить, исходя из психологических предпосылок»³. Одновременно он подчеркивал, что во времена Дюркгейма психология находилась на примитивном уровне развития, занимаясь главным образом инстинктивными формами поведения и не касаясь индивидуальных различий. Таким образом, «... Дюркгейм был прав, отделяя социологию от психологии своего времени. Однако современная психология значительно более развита, и ее уже нельзя отбрасывать, как это делал Дюркгейм»⁴.

В полемике со структурными функционалистами Дж. Хоманс утверждал, что в определенных заданных условиях, несмотря на то, что существуют социальные структуры, обрамляющие действия индивидов, они (индивиды) могут действовать (поступать) вне их влияния. Анализ этих действий (поступков) он и считал центральной интеллектуальной проблемой социологии. «Моя социология является фундаментально индивидуалистичной, а не коллективистской»⁵, — писал этот исследователь.

Более того, он был неудовлетворен тем, как структурные функционалисты формировали свой «понятийный аппарат», сводя его к неким «понятийным схемам», «Понятийная схема — это не теория. Кроме нее наука нуждается в наборе общих положений об отношениях между категориями, ибо без таких положений объяснение невозможно. Никакое объяснение невозможно без положений! Но в значительной своей части современная социологическая теория кажется вполне довольной собой, когда выдвигает понятийную схему...

¹ Craig R., Clarizio H. Contemporary Educational Psychology. New York. 1975. P. 92.

² Homans G. The Sociological Relevance of Behaviorism // Behavioral Sociology / Burgess R., Bushell D. (eds.). New York: Columbia University Press, 1969. P. 1–24.

³ Ibid. P. 14.

⁴ Ibid. P. 16.

⁵ Цит. по: Bell D. George C. Homans (11 August 1910 — 29 May 1989) // Proceeding of the American Philosophical Society. 1992. № 136. P. 587.

Теоретик вписывает разные аспекты поведения в свои категориальные гнезда, кричит, потирая руки, "Ага!" и на этом останавливается. Он написал словарь некоего языка, в котором нет предложений», — отмечал Дж. Хоманс¹.

Этим во многом объясняется иная стратегия формирования *понятийного аппарата* Дж. Хоманса, которая начинается с обследования литературы в соответствующей области с целью найти ясные, приближительные, эмпирические положения и попытки сформулировать их в некоторой единой системе понятий, то есть с помощью единого набора терминов².

В терминологии этого ученого, основными в которой являлись такие категории как «деятельность», «чувство» («сентимент») и «взаимодействие» («интеракция»), нашло отражение своеобразное сочетание социально-бихевиористских и его собственных трактовок, сконструированных на эмпирической основе.

Деятельность Дж. Хоманс обычно определял как единицу явного поведения. Этот термин, по сути, равнозначен скиннеровскому термину «оперант». Деятельность «как факты поведения, имеющие целью вознаграждение», — самое важное понятие в теории Хоманса, поскольку практически все другие понятия определяются им через деятельность.

Чувства (сентименты) — сумма деятельностей, в которых индивиды общаются друг другу «внутреннее расположение». Другими словами, это особый класс деятельностей, которые «являются знаками аттитюдов и чувств, которые человек имеет по отношению к другому человеку или к другим людям»³. Таковы, например, кивок, поцелуй, рукопожатие. Тем самым сентименты не являются внутренним состоянием индивида, это виды открытого поведения. «Чувства походят на другие деятельности тем, что могут подкреплять или наказывать поведение...»⁴; следовательно, подобно всякому поведению, сентиментами можно обмениваться, и в этом процессе обмена они подкрепляют, позитивно или негативно, поведение партнера по взаимодействию.

Взаимодействие (интеракция), согласно Дж. Хомансу, как раз и состоит в обмене оперантами (в его терминологии — деятельностями) и сентиментами. *Взаимодействие* — это факты обращения деятельностей индивидов друг на друга с целью извлечь вознаграждение и избежать наказания.

Кроме обозначенных понятий («деятельности», «чувства» и «взаимодействия»), Хоманс широко оперировал другими терминами. В их числе *вознаграждение, ценность, нормы, издержки, вложения, прибыль, справедливость вознаграждения и т. п.*

Вознаграждение — это объект обмена, обладающий ценностью.

Ценность — степень усилия или способности, удовлетворяющей потребности деятельности индивида. Существуют ценности отдельных индивидов и отдельных групп, поэтому ценность содержит два основных компонента:

1) само вознаграждение;

2) продукт прошлых историй людей, в котором отражается регулярность или нерегулярность вознаграждения.

Нормы представляют собой утверждения, посредством которых люди устанавливают, какой тип деятельности выбрать в данной ситуации.

¹ Хоманс Дж. Социальное поведение: его элементарные формы. С. 130.

² Там же. С. 128.

³ Homans G. Social Behavior: Its Elementary Forms. New York: Harcourt, Brace and World, 1961. P. 33.

⁴ Хоманс Дж. Социальное поведение: его элементарные формы. С. 143.

Количество — число единиц деятельности, производимой или/и получаемой в определенный отрезок времени.

Издержки — деятельность, приносящая наказание или альтернативное вознаграждение, от которого отказываются, чтобы получить другое вознаграждение.

Вложения — сумма предшествующих деятельностей и социальных характеристик, значимых для данной ситуации и оцениваемых участниками взаимодействия.

Прибыль — вознаграждения минус издержки и вложения за участие в определенной деятельности.

Справедливость вознаграждения — деятельности, предполагающие расчет того, обеспечат ли определенные издержки и вложения индивида в некотором обмене «справедливую» прибыль.

Разработку собственной теории, которая «опирается как на психологию поведения, так и на элементарную экономику»¹, Дж. Хоманс начал с обсуждения поведенческой парадигмы Б. Скиннера. Для анализа он взял эксперименты этого ученого над голубями.

Так, находящийся в клетке голубь может случайно клюнуть и в окрашенную точку. Тогда он получает пищу. Можно доказать, что вероятность повторения голубем этого действия увеличится. Выражаясь языком Б. Скиннера, поведение голубя оперантное, а оперантное поведение должно подкрепляться; пища является подкрепителем; а голубь подвергается оперантной тренировке. На обычном языке это означает, что голубь научился клевать в нужную точку потому, что его вознаградили за такое действие².

Люди, по мнению Хоманса, не менее рациональны, чем голуби. Если для голубей рациональным будет учиться и принимать кратчайший из двух путей к вознаграждению, то столь же рациональным это будет и для людей. Они делают выбор из нескольких непосредственно доступных им альтернатив; они делают выбор, обращая мало внимания на подлинно долгосрочные результаты своего выбора, которые иной раз их удивляют³.

Тем не менее скиннеровские голуби не вовлечены в настоящие обменные отношения с психологом. Это просто *односторонняя обменная связь*, поскольку стимулируется только голубь. Птица взаимодействует с исследователем как с физической средой. Поскольку это не обмен, то Хоманс определил его как *индивидуальное поведение*, что является предметом психологии.

Социология же изучает социальное поведение, — поведение, при котором действие каждого из по меньшей мере двух живых существ подкрепляет (или подавляет) действия другого и при котором, соответственно, каждое влияет на другое⁴. Но для объяснения социального поведения, которым занимается социология, вполне достаточно законов индивидуального поведения, разработанных Б. Скиннером: нужно лишь учитывать специфику взаимного подкрепления. В данной связи этот ученый ограничился в своих исследованиях анализом повседневных социальных взаимодействий (*обменов*).

Одним из примеров таких повседневных социальных взаимодействий для Хоманса служили два человека, работавшие делопроизводителями в конторе.

¹ Homans G. Social Behavior: Its Elementary Forms. P. 29.

² Ibid. P. 18.

³ Хоманс Дж. Социальное поведение: его элементарные формы. С. 169.

⁴ Homans G. Social Behavior: Its Elementary Forms. P. 30.

В соответствии с порядками в их конторе каждый должен выполнять работу самостоятельно или, если требуется помощь, обращаться за консультацией к руководителю. Один из сотрудников (названный им условно Первым) не обладает навыком данной работы и сделал бы ее лучше и быстрее, если бы ему кто-либо иногда помогал. Несмотря на существующие порядки, он не хочет обращаться к руководителю, так как, если откроется его некомпетентность, это может уменьшить шансы на продвижение. Вопреки порядку он ищет другого человека (названного условно Вторым) и просит помочь. Вторым более опытен в данной работе, чем Первый; он может выполнять свою работу хорошо и быстро, у него остается свободное время, и у него есть основания полагать, что руководителю некогда проверить, не нарушаются ли правила. Вторым оказывает помощь Первому, а в ответ Первый благодарит Второго. Два человека обменялись помощью и одобрением¹.

На базе подобного анализа отношений обмена на микроуровне Дж. Хоманс считал возможным выведение уже *дедуктивным методом* «широких научных объяснений», пригодных для более сложных форм социального поведения. По его мнению, все отношения обмена в рамках элементарного социального поведения можно поместить в рамки ряда *фундаментальных предложений*², получивших в отечественных источниках название «*общих постулатов обмена*».

5.1.3. Общие постулаты обмена

Дж. Хоманс подчеркивал, что в своих постулатах, призванных, в конечном счете, объяснить социальное поведение, он опирается на психологические принципы. Психологическими они являются по двум причинам.

Во-первых, «они обычно вводятся и эмпирически верифицируются <...> психологами»³.

Во-вторых, что важнее, «они суть постулаты о поведении отдельного человека, а не постулаты о группах или обществах; поведение человека как человека считается сферой психологии»⁴.

Следует отметить, что подобная исходная посылка специально акцентировалась им в полемике со структурными функционалистами. По выражению Хоманса, их концепции «обладают всевозможными достоинствами, за исключением способности что-нибудь объяснить»⁵; тем самым структурные функционалисты создали лишь концептуальные категории и схемы. Он соглашался, что научной социологии нужны такие категории, но социология «нуждается также в наборе общих постулатов об отношениях между категориями, ибо без этих постулатов объяснение невозможно»⁶. Поэтому данный

¹ Homans G. Social Behavior: Its Elementary Forms. New York: Harcourt, Brace and World, 1961. P. 31–32.

² В оригинальной версии на англ. языке: «fundamental propositions» (фундаментальные предложения; фундаментальные теоремы).

³ Homans G. The Nature of Social Science. New York: Harcourt, Brace and World, 1967. P. 39–40.

⁴ Ibid. P. 40.

⁵ Homans G. Social Behavior: Its Elementary Forms. New York: Harcourt, Brace and World, 1961. P. 10.

⁶ Ibid.

ученый и поставил своей задачей разработку таких постулатов, ориентированных на психологический уровень (микроуровень социального взаимодействия. — Н. О.).

Согласно Хомансу, хотя люди не являются изолированными от социального окружения и тратят значительную часть времени на общение с другими людьми, «общие постулаты психологии, которые являются постулатами о влиянии на поведение человека тех или иных факторов, не зависят от того, исходят ли эти факторы от других людей или от физической среды»¹. Тем самым он исходил из того, что *главным для анализа поступков людей, которыми всегда опосредованы социальные факты, является их психология*. «Так, психологический фактор — личные убеждения действующих субъектов, которых побуждает предпринимать те или иные действия надежда на вознаграждение, — это общая психологическая предпосылка»², — писал Дж. Хоманс.

Общие постулаты обмена он представил в первом издании своей книги «Социальное поведение: его элементарные формы» (1961)³. Во втором, переработанном ее издании⁴, эти постулаты были дополнены, а также получили более четкую и окончательную формулировку.

Первым из этих постулатов является «*Постулат успеха*»: «Среди всех действий, предпринимаемых людьми, чем чаще одобряются человеческие действия, тем вероятнее их воспроизведение»⁵. Другими словами: чем большую ценность представляет для человека результат его действия, тем выше вероятность того, что он так поступит.

В целом поведение, соответствующее постулату успеха, включает в себя три стадии: 1) действие человека, 2) поощряемый результат и 3) повторение первоначального действия или, по крайней мере, сходного действия.

Хоманс выстроил несколько допущений, связанных с постулатом успеха.

Во-первых, увеличение частоты поощрений ведет к увеличению частоты соответствующих действий.

Во-вторых, чем короче интервал между поступками и вознаграждением, тем более вероятно, что человек повторит данный поступок. И наоборот, продолжительные интервалы между поступком и вознаграждением снижают вероятность повторения поступка.

В-третьих, нерегулярные вознаграждения с большей вероятностью стимулируют повторный поступок, чем регулярные. Регулярные поощрения вызывают скуку и пресыщение, тогда как при поощрениях через нерегулярные промежутки времени (как в азартной игре) вероятность повторения поступка очень высока.

Второй постулат — «*Постулат стимула*»: «Если в прошлом тот или иной стимул (или совокупность стимулов) был(и) связан с вознаграждением за определенные действия, тогда вероятность того, что человек в будущем воспро-

¹ Homans G. The Nature of Social Science. New York: Harcourt, Brace and World, 1967. P. 59.

² Homans G. The Sociological Relevance of Behaviorism // Behavioral Sociology / Burgess R., Bushell D. (eds.). New York: Columbia University Press, 1969. P. 19.

³ Homans G. Social Behavior: Its Elementary Forms. New York: Harcourt, Brace and World, 1961.

⁴ Homans G. Social Behavior: Its Elementary Forms. New York: Harcourt, Brace Jovanovich, 1974.

⁵ Ibid. P. 16.

изведет такое же или аналогичное действие, выше, если новые стимулы похожи на прошлые»¹.

Примером для Дж. Хоманса служил рыбак, забросивший удочку в грязный пруд. Если рыбак поймает там рыбу, то он снова захочет ловить рыбу именно в грязных прудах².

Подобное поведение имеет тенденцию к распространению (генерализации) на сходные ситуации.

Так, в примере с рыбной ловлей одним из аспектов генерализации может быть переход от ловли рыбы в грязных прудах к ловле в любом водоеме с любой степенью загрязненности. Подобным же образом успех в рыбной ловле может привести к переходу от одного вида рыбной ловли к другому (например, от ловли в пресной воде к ловле в соленой воде или даже от рыбной ловли к охоте). Однако оперантным является также процесс дискриминации: субъект может ловить рыбу только при определенных условиях, которые в прошлом привели к успеху. Если условия успеха были слишком сложными, тогда они могут и не стимулировать поведение. Если стимул появляется слишком рано, он тоже может не сработать. Таким образом, субъект очень чувствителен к ценным для него стимулам. Он может реагировать даже на ложный стимул, по крайней мере, до тех пор, пока не будет скорректирован повторяющимися неудачами.

Из этой посылки о том, что человек будет включаться в деятельность тем больше, чем более он вознаграждается за нее, Дж. Хоманс извлек ряд суждений о социальном взаимодействии. Например, чем чаще один человек благодарит другого за помощь, тем пропорционально чаще этот другой будет оказывать помощь первому³.

Третий постулат — «Постулат ценности» гласит: «Чем более ценным представляется человеку результат его действия, тем с большей вероятностью он это действие воспроизведет»⁴.

Так, если обратиться к уже приведенному примеру взаимодействия делопроизводителей в конторе, если взаимные вознаграждения считаются ценными, то более вероятно, что субъекты воспроизведут нужное действие, чем если бы вознаграждения таковыми не считались.

Следует отметить, что в рамках этого постулата Хоманс уточнил понятия «вознаграждения» и «наказания». *Вознаграждения* — это действия, обладающие позитивной ценностью; возрастание вознаграждения с большей вероятностью вызовет желаемое поведение. *Наказание* — действие, обладающее негативной отрицательной ценностью; возрастание наказания означает, что субъект с меньшей вероятностью воспроизводит нежелательное поведение.

Следует отметить, что как и Скиннер, Хоманс считал, что наказание не является эффективным средством заставить людей изменить нежелательное поведение. Подобное поведение следует просто не поощрять, тогда при отсутствии подкрепления оно, в конце концов, начнет угасать. *Наказание*

¹ Homans G. Social Behavior: Its Elementary Forms. New York: Harcourt, Brace and World, 1961. P. 23.

² Homans G. Social Behavior: Its Elementary Forms. New York: Harcourt, Brace Jovanovitch, 1974. P. 23.

³ См. об этом: Андреева Г.М., Богомолова Н.Н., Петровская Л.А. Современная социальная психология на Западе (теоретические направления). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1978. С. 84.

⁴ Homans G. Social Behavior: Its Elementary Forms. New York: Harcourt, Brace Jovanovitch, 1974. P. 25.

также менее пригодно и как средство заставить кого-то сделать что-то. Поощрение, которое может быть как материальным, так и альтруистическим, в данном случае предпочтительнее, но оно может применяться лишь временно.

Согласно четвертому постулату — «Постулату лишения (депривации) — пресыщения», «чем регулярнее в недавнем прошлом человек получал определенное вознаграждение, тем меньшую ценность будет для него представлять каждая последующая единица такого вознаграждения»¹. Решающим фактором для Хоманса здесь являлось время: чем длительнее интервал между каждым очередным вознаграждением, тем медленнее наступает пресыщение.

В рамках этого постулата он также определял два важных понятия: «цены» (поведения) и «выгоды».

Цена поведения — это осознание индивидом утраты вознаграждения вследствие своего предшествующего поведения. *Выгода* в социальном обмене — это преобладание объема вознаграждения над ценой, которую пришлось заплатить. Конкретизация этих понятий побудила Дж. Хоманса переформулировать данный постулат следующим образом: «Чем большую выгоду имеет человек от своих поступков, тем более вероятно, что он повторит эти поступки»².

Как отмечают исследователи, эти первые четыре постулата являются по сути переформулированными представлениями Скиннера о взаимосвязанном влиянии на поведение человека частоты и качества подкрепления, а также его лишения или насыщения им³.

Пятый постулат получил у Дж. Хоманса название «Постулат агрессии — одобрения». В его основу этот исследователь положил правило так называемой «распределенной справедливости». Согласно правилу «распределенной справедливости», каждый участник социального отношения, то есть отношения обмена, ожидает пропорциональности между получаемым выигрышем и понесенными издержками, иначе говоря, ожидает справедливого обмена издержек и вознаграждения.

Возможные последствия нарушений данного правила представлены им в разновидностях «А» и «В» данного постулата. Разновидность (версия) «А» пятого постулата относится к негативным эмоциям, а его разновидность (версия) «В» связана с положительными эмоциями. При этом Хоманс подчеркивал, что он сознательно оперировал эмоциональными категориями, поскольку «его интересовали только такие ментальные состояния, которые доступны внешнему наблюдению»⁴.

Версия «А» пятого постулата звучит следующим образом: «В случае, если действие не вызовет ожидаемого вознаграждения или, напротив, вызовет неожиданное наказание, то действующий субъект испытает чувство гнева: возрастет вероятность, что более ценным для него окажется агрессивное поведение»⁵.

¹ Homans G. Social Behavior: Its Elementary Forms. P. 29.

² Ibid. P. 31.

³ См. об этом: Андреева Г.М., Богомолова Н.Н., Петровская Л.А. Современная социальная психология на Западе (теоретические направления). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1978. С. 84.

⁴ Homans G. Social Behavior: Its Elementary Forms. New York: Harcourt, Brace Jovanovitch, 1974. P. 31.

⁵ Ibid. P. 37.

Другими словами, чем с большим ущербом для личности нарушается правило «распределенной справедливости», тем с большей вероятностью она «должна обнаруживать эмоциональное поведение, которое называется гневом»¹.

Версия «В» пятого постулата сформулирована так: «Когда действие человека получает ожидаемое одобрение, или еще лучше — большее одобрение, чем он ожидал, или не приводит к ожидаемому наказанию, то он испытывает чувство удовольствия; более вероятно, что он воспроизведет одобряемое поведение, поскольку оно будет для него более ценным»².

Таким образом, «отсутствие ожидаемого вознаграждения является не просто чем-то, что высвобождает эмоциональное поведение; оно является еще и наказанием, а его избежание, соответственно вознаграждением. Следовательно, люди не только выражают раздражение или, менее явно, вину, когда так или иначе нарушается распределительная справедливость, но и учатся как-то с этим справляться. Они учатся избегать деятельности, вовлекающих их в несправедливые обмены; они учатся выдавать деятельности, вознаграждаемые достижением справедливости, и, более того, само невыполнение этих деятельности превращается для них в издержки. Короче говоря, одной из обмениваемых ценностей становится сама справедливость»³.

Шестой постулат получил название «Постулата рациональности»: в случае выбора между альтернативными действиями, человек выберет действие, которое в данный момент представляется ему наиболее ценным⁴. Им станет то действие, которое обеспечит наивысшее значение величины, получаемой при умножении ценности результата, как она воспринимается им в настоящий момент (V), на вероятность его достижения (P)⁵.

Если предыдущие пять постулатов прямо указывают на Дж. Хоманса как на бихевиориста, то постулат рациональности делает очевидным влияние на этого ученого теории рационального выбора. В экономических терминах акторы, которые действуют в соответствии с постулатом рациональности, стремятся максимизировать выгоду от отношений обмена.

Он утверждал, что, с одной стороны, люди анализируют различные варианты действий и их предполагаемые результаты, сравнивая возможное число вознаграждений, которые они принесут. Одновременно они оценивают вероятность получения этих вознаграждений. С другой стороны, менее ценные награды ими также учитываются, если вероятность их получения выше. Таким образом, существует взаимосвязь между ценностью вознаграждения и вероятностью его получения; при этом наиболее желательны те действия, которые повлекут за собой наиболее ценные и наиболее вероятные вознаграждения.

В то же время Хоманс, стремясь реабилитировать «экономического человека», расширил список вероятных ценных вознаграждений. «Проблема с ним заключалась не в том, что он был экономическим и использовал свои

¹ Homans G. Social Behavior: Its Elementary Forms. New York: Harcourt, Brace and World, 1961. P. 75.

² Homans G. Social Behavior: Its Elementary Forms. New York: Harcourt, Brace Jovanovitch, 1974. P. 39.

³ Хоманс Дж. Социальное поведение: его элементарные формы. С. 163.

⁴ Homans G. Social Behavior: Its Elementary Forms. New York: Harcourt, Brace Jovanovitch, 1974. P. 43.

⁵ Ibid.

ресурсы для получения какой-нибудь выгоды, а в том, что он был антисоциальным и материалистичным, интересовался только деньгами и материальными благами. Что в нем было не в порядке, так это его ценности: ему было позволено придерживаться лишь ограниченного круга ценностей. Однако новый экономический человек так не ограничен. Он может иметь какие угодно ценности <...>. И даже если он научился находить вознаграждение в незначительном использовании своих ресурсов, даже если он ценит отсутствие размышлений о завтрашнем дне — и соответствующим образом действует, — его поведение остается экономическим. На самом деле, новый экономический человек — это обычный человек»¹, — писал он.

Согласно Хомансу, главным итогом выдвижения им этих общих постулатов является возможность перехода ко второй фазе построения его теории — дедуктивной фазе, на которой разграничение психологии и социологии также представляется достаточно условным. Эта фаза состоит в выведении из общих постулатов «элементарного обмена» широких социальных законов, объясняющих отношения обмена на более сложном уровне — социальном уровне.

5.1.4. Макроуровень обменных отношений

Дж. Хоманс попытался распространить теорию обмена, разработанную им на «микроуровне» (в рамках элементарного социального поведения) на анализ сложных форм социального взаимодействия — субинституционального поведения (реального поведения в институциональных структурах), которое характеризуется упорядоченностью и высокой степенью организации.

Одной из форм, в рамках которой имеют место те же самые процессы обмена, но уже не на микро-, а на макроуровне, согласно Хомансу, является общество. Общество «было создано людьми, и ничего, кроме того, что вложили в него люди, в нем нет»².

В данной связи, «для выживания общества нет иных функциональных предпосылок, кроме того, что общество должно давать своим индивидуальным членам достаточно вознаграждений, чтобы они продолжали вкладывать свои деятельности в его поддержание, и при этом вознаграждать их не как членов данного общества, а как людей <...>»³. Другими словами, такая сложная социальная структура, как общество, также построена на отношениях обмена.

В то же время Хоманс понимал, что общество и неформальное диадическое взаимодействие — это две различные сущности.

«В прошлом некоторые социологи в своих частных рассуждениях были склонны мыслить маленькую, неформальную группу как микрокосм общества в целом <...>. Но сказать, что в двух явлениях есть что-то общее, вовсе не значит, что одно есть микрокосм другого, или просто его уменьшенная копия.

Эти две сущности не похожи, поскольку «в неформальной группе человек завоевывает статус через свои прямые обмены с другими ее членами, тогда как в более широком обществе он получает статус благодаря наследованию, денежному состоянию, роду занятий, должности, правовому господству. То

¹ Хоманс Дж. Социальное поведение: его элементарные формы. С. 166.

² Там же. С. 106.

³ Там же. С. 105.

есть благодаря своей позиции в той или иной институциональной схеме, часто имеющей за собой долгую историю»¹.

Таким образом, согласно Дж. Хомансу, хотя в своей основе правила обмена как между индивидами, так и в обществе в целом идентичны, все же в принципах их анализа имеются некоторые отличия. В частности, для анализа отношений обмена на макроуровне ключевое значение имеет понятие «капитала»: «Без какого-нибудь капитала никакое институциональное поведение не может начаться»².

Под *капиталом* им понимался любой вид вознаграждения или ценности, получение которого откладывается на определенный срок. Люди с «капиталом» вкладывают его в формирование сложных отношений, которые увеличивают вознаграждение — без капитала институциональное усложнение невозможно. Возросшие вознаграждения позволяют делать вложения в более сложные образцы организации — расширение сетей обмена. Усложняющиеся образцы организации требуют собственных подкреплений для поддержания отношений обмена, а также устойчивых норм для регуляции обмена.

Суть перехода с микроуровня на макроуровень отношений обмена, согласно теории Дж. Хоманса, состоит в следующем.

Межличностный обмен сопровождается вложением капитала, а возросшие вознаграждения обуславливают усложнение обменных отношений. Тогда возникает *косвенный обмен*, в результате которого устанавливаются нормы и правила *сложного обмена*, появляются абстрактные подкрепления для подобного обмена (например, деньги). Затем имеет место процесс дифференциации: развиваются банковская система и право (нормы и правила) для сохранения *сложного обмена*. В итоге появляется многоуровневая социальная организация и система социальных институтов — «относительно устойчивых моделей социального поведения, на поддержание которых направлены действия многих людей»³. Далее, «располагая капиталом, каждое общество пробует разные институциональные нововведения. Если они оказываются окупаемыми — а прежде чем появится отдача, может быть израсходован огромный капитал — они сохраняются. Они могут даже занять место капитала и позволить обществу перейти к другому нововведению»⁴.

Таким образом, согласно Хомансу, «элементарное социальное поведение, не вытесняется институционализацией, а сохраняется наряду с ней, черпая в ней новые причины для своего существования»⁵.

Следует отметить, что он критиковал структурно-функциональное объяснение социальных институтов. В частности он рассмотрел два типа объяснений существования социальных институтов, связанных со структурным функционализмом, которые считал «ненадежными».

В рамках первого, *структурного типа* объяснения доказывается, что каждый институт существует как следствие отношений с другими институтами в социальной системе. Второй, *функциональный тип* объяснения, состоит в утверждении, что институты существуют, поскольку без них не могло существовать и оставаться стабильным общество.

¹ Хоманс Дж. Социальное поведение: его элементарные формы. С. 99.

² Там же. С. 107.

³ Homans G. The Sociological Relevance of Behaviorism // Behavioral Sociology / Burgess R., Bushell D. (eds.). New York: Columbia University Press, 1969. P. 6.

⁴ Хоманс Дж. Социальное поведение: его элементарные формы. С. 111.

⁵ Там же. С. 114.

Согласно Хомансу, эти объяснения непригодны не в принципиальном, а практическом отношении. Исходя из постулатов функционализма, нельзя логически заключить, что общество, неспособное к выживанию, не обладает институтами типа «х» (независимо от конкретного значения «х»). Действительно, есть общества (их немного), социальную организацию которых была описана накануне их исчезновения, и оказалось, что они не обладали институтами типа «х». Но это не опровергает противоположного утверждения, что общества нежизнеспособны не из-за отсутствия каких-либо социальных институтов (если только сопротивляемость кори и алкоголю не считать социальным институтом). То есть общие постулаты функционализма не дают адекватного доказательства»¹.

В своем объяснении существования социальных институтов Дж. Хоманс опирался на понятие «исторического», в соответствии с которым рассматривал институт как конечный продукт исторического развития. Но подобное «историческое объяснение» в своей основе является психологическим. «Все человеческие институты являются продуктами процессов исторического изменения. Располагая достаточной фактической информацией (которой мы часто не располагаем) и пытаясь использовать основные предпосылки нашей неустоявшейся дедуктивной системы, мы обнаруживаем постулаты не о взаимоотношениях институтов, как в структурном типе объяснения, и не об условиях выживания обществ, как в функциональном типе объяснения, но... постулаты о поведении человека как человека... То есть психологические постулаты: история и психология, в сущности, едины»², — писал Хоманс.

При этом важный момент в его теории заключался в том, что элементарное социальное поведение сохраняется наряду с институционализацией и черпает в институтах новые причины для своего существования.

«Институты — идет ли речь о таких вещах, как роль врача, или о таких, как бюрократия, — имеют за собой долгую историю развития в конкретном обществе, и общества сильно отличаются друг от друга своими институтами. Но внутри институтов, в отношениях «лицом к лицу» между индивидами, каждый день возникающих и иногда столь же быстро исчезающих, проявляются характеристики поведения, в которых человечество выдает свое потерянное единство»³.

Институты, по мнению Хоманса, существуют только до тех пор, пока могут гарантировать первичное вознаграждение, то есть обслуживать межличностные отношения обмена. Иногда элементарное поведение вступает в конфликт с институциональным поведением: «Проблема цивилизованных людей состоит в том, что они не могут жить с институтами, которые сами избрали <...>»⁴.

Таким образом, по Хомансу, изменения в структуре институтов должны получить социологическое объяснение, но при этом любое объяснение самих изменений должно быть в основе психологическим.

Дж. Хоманс иллюстрировал сказанное на примере появления прядильных машин в английской промышленности XVIII в. Это событие, по его мнению, име-

¹ Homans G. The Sociological Relevance of Behaviorism // Behavioral Sociology / Burgess R., Bushell D. (eds.). New York: Columbia University Press, 1969. P. 9.

² Ibid. P. 11.

³ Хоманс Дж. Социальное поведение: его элементарные формы. С. 124.

⁴ Там же. С. 121.

мо большое социологическое значение, так как оно было одним из первых шагов промышленной революции, заложившей основы многих современных институтов. Исходным импульсом был рост английского экспорта хлопка, что привело к возрастанию запросов предпринимателей на хлопковую нить, изготавливавшуюся вручную; заработки прядильщиков начали возрастать, что, в свою очередь, угрожало возрастанием цен на одежду и, следовательно, сдерживанием торговли. Возникла потребность в снижении себестоимости нити. Поскольку уже появились водяные и паровые двигатели, предприниматели в текстильной промышленности начали искать пути механизации труда прядильщиков, и некоторые добились успеха¹.

Дж. Хоманс показал, что все описанное выше можно свести к *редуктивной* схеме, объясняющей действия предпринимателей психологическими принципами:

1. Люди, вероятнее всего, предпринимают те действия, которые они считают в данных обстоятельствах ведущими к достижению вознаграждаемых результатов.

2. Предприниматели были людьми.

3. Предприниматели, по всей вероятности, должны были достичь результатов в виде роста прибыли, что рассматривалось как вознаграждение.

Таким образом, он подтвердил свой тезис о том, что исторические изменения могут быть объяснены лишь с помощью психологических принципов. Тем самым он попытался исключить структурный функционализм из своей социологии, доказывая, что истинная социология всегда опирается на психологические посылы.

Теория «элементарного социального обмена», представленная Хомансом, несмотря на ее логическую стройность и оригинальную попытку создать универсальную модель социального взаимодействия, вызвала острую критику.

Так, психологами-бихевиористами подчеркивалась известная непоследовательность в реализации им принципов скиннеровской психологии, которые он «выборочно заимствовал». Данный момент обусловил и ряд внутренних трудностей его теории: неудавшуюся попытку операционализации некоторых базовых понятий, являющихся метафорами, а не научными терминами.

Социологи осуждали попытки Хоманса дать интерпретацию социальных феноменов с позиций «поведенческих предпосылок», что прямо привело к искажению этих феноменов. В частности отмечалось, что положение о «распределенной справедливости», которое он рассматривает как психологический закон, формулируется им на основе аналогии, по существу приравнивая гнев человека к реакции голубя на ситуацию, когда психолог, регулярно подкреплявший его при определенных условиях, внезапно прекращает подачу пищевого подкрепления в этих же условиях.

Склонность Дж. Хоманса «смазывать» разницу между поведением людей и поведением животных отмечал и Т. Парсонс, который особо возражал против хомансовского выведения правил обмена из рассуждений Б. Скиннера о поведении голубей.

Исследователи подчеркивали, что исходя из подобной редукционистской модели, невозможно решить задачи объяснения и предсказания, которые

¹ См.: Homans G. The Sociological Relevance of Behaviorism // Behavioral Sociology / Burgess R., Bushell D. (eds.). New York: Columbia University Press, 1969. P. 10.

ставит перед собой всякая теория, — объяснения оказываются тавтологичными или ложными. «Отправляясь от них, мы не можем ни понять, ни предсказать поведение кого-либо, кто не исполняет наши ожидания или не разделяет наши оценки, основанные на нашем общем опыте универсальной матрицы вознаграждений-наказаний; более того, маловероятно, что мы сможем понять или предсказать те аспекты собственного поведения, которые внезапно, по причинам, недоступным прямо нашему опыту, принимают новый поворот, ведущий к неожиданным «вознаграждениям» или «наказаниям»¹.

Особой критике подверглось стремление Дж. Хоманса *рассматривать* свою теорию как некую абстрактную, универсальную модель социального взаимодействия. Так, он убежден, что ориентация на поиск выгоды является атрибутом индивида, «который обнаруживается во всех обстоятельствах, то есть независимо от общества»². — отмечали его критики. Действительно, эта теория в целом может быть сведена к точке зрения субъекта как рационального искателя выгоды. На самом деле его претензию на построение абстрактной модели отношений обмена следует признать несостоявшейся. Обмен кажется свободным, «лишь поскольку он абстрагируется от существующих социальных условий и отношений, которые в реальности детерминируют принимаемую обменом форму»³. Существо теории во многом обусловлено тем обстоятельством, что она основана на аналогии: в качестве аналога диалектического взаимодействия берется рыночная торговая сделка⁴. В этом смысле теория Хоманса схватывает отдельные аспекты диалектического взаимодействия по типу рыночного обмена.

За подобный редукционизм критиковал Дж. Хоманса и Т. Парсонс. Последний подчеркивал, что «большая часть общих формулировок, применяемых к человеку как таковому (которые я бы назвал принципами действия, а не психологическими), не может объяснить... сложные подсистемы действия»⁵. Иначе говоря, психологические принципы не объясняют и не могут объяснить социальные факты. Хоманс не сумел показать, как применять психологические принципы на социальном уровне.

По словам Парсонса, Хоманс обязан показать, каким образом его принципы могут учитываться в основополагающих структурных характеристиках крупномасштабных социальных систем⁶. Он утверждал, что даже если бы Хоманс попытался сделать это, он неизбежно потерпел бы неудачу, потому что социальные факты являются такими переменными, которые можно объяснить без ссылок на психологические принципы. «Альтернативой утверждению Дж. Хоманса является понимание действующих единиц как составных частей организованных систем, качественно отличных от взаимодействий между «людьми как таковыми». Они имеют свои языки, культурные ценности, правовые системы, различного рода институциональные нормы и генерализованные коммуникации. Конкретное поведение — функция не просто

¹ Craig R., Clartio H. Contemporary Educational Psychology. New York, 1975. P. 113.

² The Context of Social Psychology: a Critical Assessment. Tajfel H., Israel J. (eds.). New York — London, 1972. P. 268.

³ Tajfel H. Social and Cultural Factors in Perception // O. Lindzey, E. Aronson (eds.). The Handbook of Social Psychology. Reading, 1968.

⁴ Deutsch M., Krauss R. M. Theories in Social Psychology. New York, 1965. P. 116.

⁵ Parsons T. Levels of Organization and the Mediation of Social Interaction // Sociological Inquiry, 1964. Vol. 34. P. 216.

⁶ Ibid.

элементарных качеств, а видов систем, их различных структур и внутренних процессов. С этой точки зрения совершенно правомерно желание исследовать организацию сложных систем... задолго до того, как их свойства будут выведены из априорных принципов»¹.

И хотя Дж. Хоманс соглашался с Т. Парсонсом в том, что ключевая проблема социологии связана с объяснением социальной структуры и институтов сложных обществ, «психологических постулатов вполне достаточно, чтобы их объяснить»². Все новые социальные явления, возникающие из акта взаимодействия, могут быть объяснены с помощью психологических принципов. Для подтверждения этой посылки Хоманс использовал основную социологическую концепцию нормы: «Ярким примером социального факта является социальная норма; групповые нормы ограничены тем, что должны соответствовать поведению большинства индивидов. Вопрос не в том, что ограничение существует, но в его объяснении. Нормы не ограничивают автоматически; индивиды приспосабливаются, поступая в соответствии с нормами, поскольку замечают, что приспособиться — значит получить преимущество»³. В данной связи либо все попытки объяснения структурных функционалистов потерпят крах, либо им все-таки придется использовать психологические постулаты в замаскированной форме»⁴.

Таким образом, Хоманс остался убежденным бихевиористом, хотя и был вынужден согласиться с необходимостью учитывать сознание для более полного представления о психологии»⁵.

Несмотря на критику, Дж. Хоманс считается одним из виднейших представителей теоретической социологии и социальной психологии середины XX столетия, он признан одним из основоположников социального бихевиоризма и основателем теорий социального обмена. Среди исследователей, широко использовавших его идеи в собственных научных построениях, особо выделяется его современник, американский ученый Питер Блау.

5.2. Интегративная теория обмена Питера Блау

5.2.1. Краткая биография и основные труды

Питер Михаэл Блау (Peter Michael Blau) (1918–2002) — родился в Вене, в семье светских евреев, в год окончания Первой мировой войны и распада Австро-Венгрии как империи. В молодости он стал свидетелем подъема фашистского движения в послевоенной Австрии, и, будучи студентом, писал статьи, направленные против репрессивного режима австрийского правительства для подпольной газеты Социалистической рабочей партии. В 17 лет П. Блау было предъявлено обвинение в государственной измене, и его приговорили к 10 годам тюремного заключения. Однако, по иронии судьбы, в

¹ Parsons T. Levels of Organization and the Mediation of Social Interaction. P. 219.

² Homans G. Commentary // Institutions and Social Exchange / Turk H., Simpson R. (ed.). Indianapolis, 1971. P. 375.

³ Homans G. The Nature of Social Science. New York: Harcourt, Brace and World, 1967. P. 60.

⁴ Homans G. Commentary // Institutions and Social Exchange. P. 376.

⁵ Homans G. Social Behavior: Its Elementary Forms. New York: Harcourt, Brace Jovanovich, 1974. P. 45.

результате прихода к власти национал-социалистов, наложивших вето на любую политическую деятельность, он получил освобождение»¹.

В 1938 г., когда немецкие войска оккупировали Австрию, и было провозглашено присоединение этой страны к Германии, семья П. Блау предпочла остаться на родине. Только его сестра была вывезена в Великобританию специальным «детским транспортом», а самому П. Блау удалось перебежать на территорию Чехии, где он был арестован, подвергнут пыткам, но затем освобожден. Вернувшись в Австрию и узнав, что его семья попала в фашистское гетто, П. Блау с помощью своего учителя Фрица Редла добился права на эмиграцию в США. Ему удалось добраться до Франции, но поскольку у него был германский паспорт, он некоторое время провел в специальном лагере для беженцев, а после того, как ему была предоставлена американская виза, отправился в порт французского города Гавр и стал ожидать парохода в Америку.

Это драматическое начало жизни, обернувшееся затем удивительной и даже фантастической судьбой, описано самим П. Блау следующим образом.

«Когда началась Вторая мировая война, рейс, на который у меня было забронировано место, отменили. Тысячи людей, как американцев, возвращающихся домой, так и вынужденных эмигрантов, ожидали отправки в США. Во время этого ожидания в Гавре я познакомился с сотрудником одного протестантского колледжа этой страны, который поведал мне о том, что его коллеги собрали средства для обучения студента из числа беженцев, на место которого пока не нашлось подходящего кандидата. Когда он спросил меня, не заинтересует ли меня его предложение стать этим кандидатом, я не поверил своим ушам, хотя он и производил впечатление честного человека. Тем не менее я ответил ему, что очень заинтересован принять это предложение»².

Так П. Блау попал в малоизвестный в то время Эмхарст-колледж (в городе Эмхарсте штата Иллинойс), где преподавалась и социология. За годы своего обучения там он познакомился с трудами К. Маркса и Э. Дюркгейма, а затем — З. Фрейда и Э. Фромма, в силу чего его интересы сместились от структурализма в область социальной психологии: баланс между этими направлениями постоянно менялся в его научной деятельности.

В 1942 г. П. Блау окончил данный колледж, получив диплом бакалавра, но его дальнейшему обучению помешала Вторая мировая война, во время которой он служил в армии США переводчиком.

После окончания войны он получил возможность продолжить образование и в феврале 1946 г., по совету своего друга Л. Козера, (который пришел туда на несколько месяцев раньше) поступил в аспирантуру социологического факультета Колумбийского университета. Там П. Блау быстро попал под влияние идей Р. Мертона и П. Лазарфельда, которые собрали вокруг себя блестящую плеяду молодых ученых, многие из которых являлись ветеранами Второй мировой войны. В их числе, наряду с П. Блау, были Роуз и Альоис Козер, Джеймс Колеман, Алвин Гоулднер, Эмиху Кац, Сеймур Липсет и ряд других.

Под руководством Р. Мертона он подготовил, а затем в 1952 г. защитил диссертацию по философии, которая была признана «классической»³. Пред-

¹ См. об этом: Blau P. Colleagues Remember Peter Blau. Footnotes. 2002. April: 4–6.

² Blau P. A Circuitous Path to Macrostructural Theory // American Sociological Review. 1995. No 21. P. 2.

³ Merton R. Epistolary Notes on the Making of a Sociological Dissertation Classic // Structures of Power and Constraint: Papers in Honor of Peter M. Blau / C. Calhoun, M.M. Mayes, W.R. Scott (eds). New York: Cambridge University Press. 1990.

метом этой диссертационной работы стал анализ поведения групп рабочих, но не «голубых воротничков», а административного персонала — «белых воротничков», и распределения среди них власти и влияния посредством неформального наблюдения и интервью.

Эта диссертация, опубликованная в 1955 г. в виде монографии «Динамика бюрократии: исследование межличностных отношений в двух государственных агентствах»¹, а также последующие работы «Бюрократия в современном обществе»² и «Формальные организации: сравнительный подход»³, ставшие фундаментом нового направления — социологии организаций, принесли П. Блау широкую известность в научных кругах.

В начале 60-х гг. XX в. Блау обратился к анализу генезиса макроструктур и процессов, используя «расширенный» вариант теории социального обмена Дж. Хоманса. В отличие от Хоманса, предложившего психологизированный вариант социального обмена, этот ученый попытался соединить анализ поведенческих стратегий на микроуровне с исследованием выводимых из них макроструктур общества⁴. Результатом стал его фундаментальный научный труд «Обмен и власть в социальной жизни»⁵.

В конце 60-х гг. прошлого столетия Блау изучал проблемы занятости и в 1967 г., в соавторстве с Отисом Дакенем опубликовал книгу «Американская структура занятости»⁶, которая была удостоена премии имени П. Сорокина. В дальнейшем этот ученый проявлял особый интерес к проблемам социального неравенства, отношениям власти и внес существенный вклад в теорию социальной структуры.

П. Блау являлся профессором Колумбийского университета (1970–1988). Он также преподавал в таких престижных американских университетах как Корнуэлльский и Чикагский (1953–1970) и с 1988 г. стал заслуженным профессором Университета Северной Каролины. С 1973 по 1974 гг. он занимал пост президента Американской социологической ассоциации.

П. Блау был исключительно продуктивным ученым. За свою более чем 50-летнюю выдающуюся карьеру он не только развивал идеи классиков социологической науки, но и формировал современную социологическую теорию. Даже в 80-летнем возрасте, будучи формально на пенсии, этот исследователь продолжал развивать свою макроструктурную теорию, активно публиковался в ведущих социологических журналах, руководил аспирантами и молодыми учеными. В 1980 г. П. Блау стал действительным членом Национальной академии наук США. Своим коллегам он запомнился как высокоинтеллектуальный человек, безразличный к событиям окружающего мира и наделенный тонким чувством юмора. Этот ученый увлекался искусством и театром, но больше всего его занимало научное творчество.

Научные труды П. Блау отличаются точностью терминов и ясностью формулировок, стремление к эмпирическому обоснованию выдвинутых теоретических положений.

¹ Blau P. *The Dynamics of Bureaucracy: A Study of Interpersonal Relations in Two Government Agencies*. Chicago: University of Chicago Press, 1955.

² Blau P. *Bureaucracy in Modern Society*. New York: Random House, 1956.

³ Blau P., Scott R. W. *Formal Organizations: A Comparative Approach*. San Francisco: Chandler, 1962.

⁴ Блау Питер // <http://enc-dic.com/sociology/Blau-Piter-Mikajel-709.html>

⁵ Blau P. *Exchange and Power in Social Life*. New York: Wiley, 1964.

⁶ Blau P., Duncan O. *The American Occupational Structure*. New York: Wiley, 1967.

Основными среди них являются: «Динамика бюрократии: исследование межличностных отношений в двух государственных агентствах»¹ (1955); «Бюрократия в современном обществе»² (1956); «Формальные организации: сравнительный подход» (в соавторстве с У. Скоттом)³ (1962); «Обмен и власть в социальной жизни»⁴ (1964); «Американская структура занятости» (в соавторстве с О.Д. Данкеном)⁵ (1967); «Структура организаций»⁶ (в соавторстве с Р. Шонхерром) (1971); «Организация академической работы»⁷ (1973); «Природа организаций» (1976); «Неравенство и гетерогенность: примитивная теория социальной структуры» (1977)⁸; «Пересекая социальные круги»⁹ (в соавторстве с Дж. Шварцем) (1984); «Структурные контексты возможностей»¹⁰ (1994). П. Блау принадлежит ряд известных статей¹¹, в которых он выступал с позиций структурно-функционального подхода.

П. Блау, несомненно, являлся ведущей фигурой в социологии второй половины XX в., а его исследовательские интересы охватывали обширную социальную проблематику. Тем не менее в историю социологии он вошел благодаря двум аспектам своего творчества, которые стали определяющими.

Во-первых, он разработал оригинальную «интегративную» теорию социального обмена, ставшую важнейшим компонентом этого направления в социологии.

Во-вторых, на протяжении всей своей жизни, занимаясь анализом макросоциальных структур (организаций, социальных институтов и т. п.), он находился на «переднем плане» структурно-функционального анализа и внес существенный вклад в исправление ряда недостатков этого направления, выступив создателем так называемой «продвинутой» версии этого социологического направления.

5.2.2. Уровни социального обмена

П. Блау создал общий контекст анализа макроструктур и процессов, основанный на расширении теории «элементарного социального обмена» Дж. Хоманса. Отталкиваясь от зиммелевского подхода к пониманию социальной жизни, он попытался объяснить *общую структуру социальных ассоциаций*, имеющих корни в таких социальных процессах, как привлекательность, одобрение, взаимность и рациональное поведение. По его мнению, формирование группы, сплоченность и социальная интеграция, равно как и

¹ Blau P. *The Dynamics of Bureaucracy: A Study of Interpersonal Relations in Two Government Agencies*. Chicago: University of Chicago Press, 1955.

² Blau P. *Bureaucracy in Modern Society*. New York: Random House, 1956.

³ Blau P., Scott R. W. *Formal Organizations: A Comparative Approach*. San Francisco: Chandler, 1962.

⁴ Blau P. *Exchange and Power in Social Life*. New York: Wiley, 1964.

⁵ Blau P., Duncan O. *The American Occupational Structure*. New York: Wiley, 1967.

⁶ Blau P., Schoenherr R. *The Structure of Organizations*. New York: Basic Books, 1971.

⁷ Blau P. *The Organization of Academic Work*. New York: Wiley, 1973.

⁸ Blau P. *Inequality and Heterogeneity: A Primitive Theory of Social Structure*. New York: Free Press, 1977.

⁹ Blau P., Schwartz J. *Crossing Social Circles*. Orlando: Academic Press, 1984.

¹⁰ Blau P. *Structural Contexts of Opportunities*. Chicago: University of Chicago Press, 1994.

¹¹ Blau P. *Structural Effects // American Sociological Review*, 1960, № 25; Blau P. *Introduction. Parallels and Contrasts in Structural Inquiries // P. Blau (ed.). Approaches to the Study of Social Structure*. New York: Free Press, 1975; Blau P. *A Macrosociological Theory of Social Structure // American Sociological Review*, 1977, № 83.

процессы противостояния, конфликта и несогласия, объясняются в терминах процессов социального обмена. Эти формы социальных ассоциаций, порожденные процессами простого (элементарного по терминологии Дж. Хоманса) обмена, со временем создали очень сложные социальные структуры и подструктуры, которые Блау также проанализировал с точки зрения обменных отношений. Таким образом, этот исследователь, на протяжении всей своей работы над теорией обмена сопоставлял и сравнивал процессы социального обмена в простых и сложных социальных структурах.

Целью П. Блау было «понять социальную структуру на основе анализа социальных процессов, управляющих отношениями между индивидами и группами. Основной вопрос <...> в том, как организуется социальная жизнь при усложнении структур человеческих ассоциаций¹. При этом ученый был намерен выйти за пределы интересов Дж. Хоманса с его элементарными формами социальной жизни и «приблизиться» к анализу сложных структур. Если Хоманс занимался преимущественно исследованиями на уровне межличностного взаимодействия, то Блау рассматривал их только как путь к более широким выводам: «Главная социологическая цель изучения процессов межличностного взаимодействия — фундаментально понять развивающиеся социальные структуры и эмерджентных социальных сил, характеризующих их развитие»², — писал этот исследователь.

В данной связи в фокус исследовательских интересов П. Блау попал процесс обмена, который, по его мнению, во многом связан с человеческим поведением и составляет основу отношений как между индивидами, так и между группами.

Согласно П. Блау, обмен — это особый тип ассоциации (связи или притяжения индивидов в процессе взаимодействия. — Н. О.), включающий действия, которые зависят от получаемых от других лиц вознаграждений и не осуществляются при прекращении ожидания вознаграждений.

Обменная деятельность — такое поведение, которое ориентировано на достижение целей, вознаграждений и подразумевает выбор линии действия из набора возможных. Обмен начинается с социального притяжения, т. е. с ощущения индивидами возможности извлечения прибыли или получения вознаграждения.

Блау выделял два вида обмена (простой и сложный обмен) и, соответственно им, два уровня (микро- и макроуровни), на которых имеет место обменная деятельность.

На первом, элементарном уровне обмена имеет место «простой обмен между микроструктурами». Началом обменных отношений на этом уровне является взаимное притяжение индивидов. По существу, это межличностный уровень обмена, отношения на котором носят стихийный характер. Так, в рамках подобного обмена:

- люди редко преследуют одну цель;
- люди непоследовательны в своем выборе;
- у них нет полной информации о возможном выборе;
- они не свободны от обязательств, их ограничивающих;
- ценности в представлении людей часто расплывчаты.

¹ Blau P. Exchange and Power in Social Life. New York: Wiley, 1964. P. 2.

² Ibid. P. 13.

П. Блау также сформулировал ряд принципов межличностного обмена, вполне сопоставимых с общими постулатами Дж. Хоманса. В частности:

- чем большую выгоду ожидает человек, осуществляя определенную деятельность, тем более вероятно, что он будет осуществлять эту деятельность;
- чем большим количеством вознаграждений человек обменивается с другим лицом, тем более вероятно повторение актов обмена, благодаря возникающим взаимным обязательствам¹.

При этом он утверждал, что на базе этих принципов в целом можно анализировать и сложный обмен между системами.

Блау подчеркивал, что для объяснения отношений обмена необходимо учитывать механизм взаимного принятия ролей: обмен на микроуровне происходит путем взаимного принятия ролей и формирования на этой основе представления о самих себе участниками обмена. Также при подобном обмене огромное значение имеет манипулирование своим «Я» в процессе борьбы за вознаграждения. Роль подкреплений в подобных отношениях обмена, согласно П. Блау играют деньги, социальное одобрение, уважение, уступки.

Однако в своей концепции социального обмена Блау не ограничивался комплексом действий, которые зависят от вознаграждающих реакций со стороны других и которые прекращаются, если не следует ожидаемая реакция. Он считал, что люди по многим причинам тянутся друг к другу, устанавливая социальные связи, что побуждает их образовывать социальные ассоциации. Таким образом, связи, однажды налаженные, постепенно расширяются, а взаимные вознаграждения служат их поддержанию и укреплению связей. Возможна и противоположная ситуация: при недостаточном вознаграждении ассоциация будет слабеть и распадется.

Согласно П. Блау, вознаграждения, которыми обмениваются индивиды, могут быть и внутренними (это любовь, признательность, уважение), и внешними (это деньги, физический труд и т. п.). Стороны не могут всегда в равной степени вознаграждать друг друга; когда в обмене имеет место неравенство, внутри ассоциации появляются разные уровни власти, что, в конечном счете, предопределяет социальный характер обменных отношений.

Если в своей теории Дж. Хоманс, в принципе, ограничивается анализом процесса обмена на уровне «индивид — индивид», то целью П. Блау является изучение социального генезиса обменных отношений. Так, он подчеркивал, что его «теория имеет корни в преимущественно социальной природе обмена, что предполагает, что она не может быть редуцирована или же выведена из психологических принципов, управляющих мотивами индивидов, как это стремится сделать Дж. Хоманс»². Главное отличие интегративной теории обмена состоит в том, что по ней отношения обмена сразу начинают институционализироваться. Благодаря существованию взаимных норм и обязательств в рамках обменных отношений возникает социальная структура, тем самым, они неизбежно оказываются «вписанными» в макроструктурный контекст.

Согласно Блау, обмен, который имеет место между макроструктурами — сложный обмен. Это второй уровень обменной деятельности — макроуровень социального обмена. И если Хоманс сводил на нет различия между межличностным и социальным уровнями обмена, объясняя это идентичными психо-

¹ Цит. по: Тернер Дж. Структура социологической теории. М., 1985. С. 348 — 349.

² Blau P. Exchange and Power in Social Life. New York: Wiley, 1986. P. IX.

логическими закономерностями, то Блау четко обозначал их существенное различие. «Сложные социальные структуры, характеризующие большие коллективы, в корне отличаются от более простых структур малых групп. В малой группе структура социальных отношений развивается в направлении межличностного взаимодействия. А поскольку между большинством членов больших общностей или всего общества нет прямого социального взаимодействия, то структуру социальных отношений среди них должны заменить иные механизмы»¹, — писал этот исследователь.

В данной связи он считал, что социальный бихевиоризм является пригодным только для анализа обмена на межличностном уровне: для исследования сложных форм социального обмена более адекватными являются теории структурного функционализма, конфликта и символического интеракционизма:

По мнению П. Блау, процесс перехода обменных отношений от микроуровня к макроуровню, проходит четыре стадии (ступени).

На первой стадии как раз и имеет место межличностный обмен. Поскольку на этой стадии индивиды не всегда вознаграждают друг друга в равной степени и постоянно оценивают своего партнера с точки зрения обладания ресурсами, они оказываются втянутыми в социальное взаимодействие в рамках единиц более крупного размера — социальных групп и организаций.

Так, подобное социальное взаимодействие возникает сначала внутри социальных групп. Людей влечет к группе, когда они чувствуют, что внутри нее взаимоотношения приносят больше вознаграждений, чем взаимоотношения в других группах. Чтобы быть принятыми в эту группу, они должны предложить ее членам вознаграждение, доказав, что сумеют это вознаграждение обеспечить. Отношения с членами группы будут налажены, когда члены группы получат ожидаемое вознаграждение. Особым случаем является конкуренция или чрезмерная социальная дифференциация, что проявляется, когда слишком много людей активно стремится предложить какое-либо вознаграждение.

Парадокс здесь заключается в том, что хотя члены группы, предлагающие вознаграждение, могут быть приняты ассоциацией, но их выдающиеся качества могут вызвать у других опасения за свою независимость. На ранних стадиях формирования группы конкуренция в борьбе за общественное признание служит тестом, выявляющим потенциальных лидеров. Они обладают большими возможностями вознаграждать и с наибольшей вероятностью могут держаться на руководящих позициях. Другие же члены группы — потенциальные аутсайдеры — хотят получать вознаграждения, предлагаемые потенциальными лидерами, и это обычно вполне компенсирует боязнь зависимости. В конце концов лидерами становятся те, кто располагает наибольшими возможностями вознаграждения других.

Таким образом, обменные отношения переходят на вторую стадию — дифференциации статуса и власти, а сама группа распределяется в соответствии с этими позициями на лидеров и аутсайдеров.

Однако неизбежная дифференциация на лидеров и аутсайдеров вновь создает необходимость интеграции. Если ранее рядовые члены группы афишировали свои самые эффективные качества, то теперь, чтобы интегрироваться в среде членов группы, они демонстрируют свои слабости, показывая, что

больше не претендуют на роль лидера. Это самоуничижение вызывает симпатию и общественное признание со стороны других неконкурентоспособных членов группы. Лидер на данной стадии также участвует в самоуничижении с целью поддержать общегрупповую интеграцию. Признавая, что подчинение в некоторых сферах необходимо, лидер демонстрирует, что не стремится контролировать все сферы жизни группы. Это способствует реинтеграции группы в ее новом дифференцированном статусе.

На третьей стадии, получившей у Блау название *стадия легитимации и организации*, социальная структура рождается из взаимодействия отдельных индивидов и сама начинает влиять на это взаимодействие, предполагая два типа создания организации. Первый тип порождается процессами обмена и конкуренции (и носит случайный характер), а при втором — организации создаются специально — для достижения определенных целей. При этом социальные группы, как правило, организовываются по принципам иерархии власти, престижа и богатства.

Создание организаций обычно оборачивается возникновением отношений оппозиции и конфликта друг с другом. Тогда обменные отношения переходят на четвертую стадию — «коллапса» и «изменения».

Самый вероятный источник конфликтов — дисбаланс в отношениях обмена, нарушающий взаимно установленные нормы «распределенной справедливости»². Этот дисбаланс, который вытекает из неравного отношения некоторых ассоциаций к обладанию ценными ресурсами, в то же время рассматривается Блау в качестве источника уточнения и изменения норм и ценностей.

Таким образом, согласно Блау, на всех уровнях социальной организации в отношениях обмена имеют место взаимное притяжение, конкуренция, дифференциация, интеграция и оппозиция. Кроме того, все отношения обмена интегрированы на основе базе общих норм, ценностей и взаимных обязательств его участников.

5.2.3. Роль норм и ценностей в процессе социального обмена

Согласно П. Блау, главным условием возникновения, развития и распада сложных систем обмена между индивидами, группами и организациями являются нормы и ценности. «Вообще говоря, все согласны, что ценности и нормы служат как бы посредниками социальной жизни и связующими звеньями социального взаимодействия. Они делают возможным не прямой (косвенный) социальный обмен и управляют процессами социальной интеграции и дифференциации в сложных социальных структурах, а также процессами социальной организации»³, — писал он.

П. Блау, в отличие от Дж. Хоманса, сконцентрировавшегося на обмене по типу «индивид — индивид», привел множество примеров так называемого «опосредованного» обмена, осуществляемого между отдельным индивидом и сообществом. В рамках этого обмена по типу «индивид — общество» действуют установленные социальные нормы.

Одним из примеров такого опосредованного варианта обмена служит организованная благотворительность.

¹ Это понятие трактуется аналогично Дж. Хомансу.

² Блау P. Exchange and Power in Social Life. New York: Wiley, 1964. P. 255.

¹ Blau P. Exchange and Power in Social Life. New York: Wiley, 1964. P. 253.

«Если раньше щедрая леди приносила корзины бедным и получала за это их уважение и признательность, то в современной организованной благотворительности нет прямых контактов и нет обмена между отдельными донорами и реципиентами. Богатые бизнесмены и представители верхних слоев населения занимаются благотворительностью, чтобы соответствовать нормам своего социального класса и заслужить общественное одобрение равных им, а не для того, чтобы заслужить уважение индивидов, которым выгодна их благотворительность»¹.

Если в опосредованном обмене значительную роль играют нормы, то сложный обмен, по П. Блау, происходит только благодаря разделяемым всеми ценностям. Именно ценности позволяют создать формальные нормативы для подсчетов ожидаемых вознаграждений, учета участия в значимой деятельности, то есть нормы «справедливого обмена». Тем самым Блау обратился к ценностям для анализа обменных отношений на крупномасштабном, социальном уровне: «ценностный контекст есть средство, формирующее социальные отношения; общественные ценности опосредуют связи в социальных ассоциациях и взаимодействиях широкого масштаба»².

Согласно Блау, «общие ценности могут быть восприняты как опосредующие звенья в социальных сделках, расширяющие границы социального взаимодействия и структуры социальных отношений в социальном пространстве и времени. Консенсус в вопросе о социальных ценностях служит основой для выведения социальных взаимодействий за рамки прямых социальных контактов и для установления социальных структур на период более долговечный, чем протяженность человеческой жизни»³.

Он выделял четыре основных вида ценностей:

1) партикуляристские ценности;

2) универалистские ценности;

3) законные ценности;

4) оппозиционные ценности. Каждый из этих видов ценностей выполняет различные функции.

Партикуляристские ценности являются средством интеграции и опорой солидарности групп, участвующих в сложной системе обмена. Эти ценности, являющиеся основой сплоченности социальных групп и их идентификации, представляют собой функциональный заменитель притяжения на макроуровне⁴.

Таковыми являются ценности, объединяющие членов группы вокруг таких понятий, как патриотизм или доброе имя школы или компании.

Универалистские ценности нацелены на осуществление самого обмена, а также дифференциацию в сложных отношениях обмена. Они стандартизируют вклады людей в общую деятельность и позволяют сообществу определить ценность каждого индивидуального вклада в любой из его сегментов и обеспечить соответствующим образом вознаграждение индивида (например, повысить его социальный статус).

¹ Baldwin J.D., Baldwin J.I. Behavior principles in every life, 2 ed. Englewood Cliffs (N.J.), 1986. P. 260.

² Блау П. Exchange and Power In Social Life. New York: Wiley, 1964. P. 263 – 264.

³ Ibid.

⁴ См.: Ritzer G. Sociological Theory, 3th ed. International edition: McGraw-Hill Higher Education, 2000. P. 421.

Законные ценности — это формальные правила социального контроля, которые обеспечивают социальный порядок. Ценности этого типа предоставляют некоторым людям (например, директорам, президентам) больше власти, чем другим, тем самым расширяя шкалу организованного социального контроля.

Оппозиционные ценности определяют социальные изменения и реорганизацию отношений обмена. Они позволяют распространять ощущение необходимости перемен гораздо шире, чем возможности простых личных контактов между оппозиционерами. Эти ценности (например, социализм, анархизм в капиталистическом обществе) узаконивают оппозицию.

Согласно П. Блау, эти комплексы ценностей формируются в ходе истории и передаются от поколения к поколению посредством социальных институтов.

Социальные институты представляют собой сеть относительно стабильных социальных норм, регулирующих различные типы отношений косвенного и сложного обмена между социальными единицами. Соответственно, процесс институционализации определяется ученым как регуляция и стабилизация сложных обменных отношений посредством формализации принципов обмена (что выгодно для большинства его участников).

В соответствии с ценностями, лежащими в их основе, Блау выделил *интегративные, дистрибутивные и организационные* группы социальных институтов.

Интегративные социальные институты основаны на партикуляристских ценностях, поддерживают солидарность и идентичность участников обмена.

Дистрибутивные социальные институты базируются на универалистских ценностях, отвечающих за сохранение соглашений по поводу льгот, вложений и вознаграждений.

Организационные социальные институты созданы в соответствии с законами, которые закрепляют полномочия для мобилизации и координации усилий в достижении целей.

При этом Блау отмечал, что в сложных отношениях обмена всегда существует так называемый «контринституциональный компонент», состоящий из нереализованных ценностей, которые в том или ином виде существуют в культуре. Эти ценности, в конечном счете, становятся источниками конфликтов и социальных изменений.

5.2.4. Исследование формальных организаций

П. Блау, находясь под влиянием взглядов М. Вебера и структурных функционалистов (прежде всего Р. Мертона), активно занимался проблемами *структурных изменений в формальных организациях, а также анализом феномена бюрократии в современном обществе*.

По его мнению, эффективное выполнение общей задачи требует, чтобы люди организовали свои усилия путем установления процедур и правил совместной работы¹. Эти процедуры и правила люди могут установить неформально, через имплицитные соглашения. Однако чаще, особенно когда это касается большого числа людей, они устанавливают официальные процедуры

¹ Блау П.М. Исследования формальных организаций // Американская социология. Перспективы, проблемы, методы / Пер. с англ. В.В. Воронкина и Е.В. Зиньковского. М.: Издательство «Прогресс», 1972. С. 93.

для координации своей деятельности по достижению каких-то целей, а это означает, что они создают *формальную организацию*¹.

Этой организацией может выступать клуб или фирма, профсоюз или политическая партия, полиция или больница. Так, «организацией можно называть «Американскую медицинскую ассоциацию» или «Департамент государственных сборов», профсоюз или компанию «Дженерал моторс», церковь, «Союз дочерей американской революции» или армию. Однако ею нельзя назвать семью, группу друзей или сообщество, экономический рынок или политические институты общества.

Для выделения *формальной организации* из других видов социальных группировок и институтов должен существовать специальный *дифференциальный критерий*. Очевидно, этот критерий должен иметь какое-то отношение к тому, как поведение человека становится социально организованным, но он не связан — как можно подумать при первом взгляде — с наличием социального контроля, предписывающего и организующего поведение индивидов, ибо такой контроль имеет место и в том, и в другом случаях².

Дело, по мнению П. Блау, заключается в том, что существует *два фундаментальных закона*, управляющих социальной жизнью и предопределяющих возникновение социальных структур.

Согласно *первому закону*, возникновение социальных структур может быть совокупным результатом самых разных действий самых разных индивидов, каждый из которых преследует свои собственные цели³.

Так, благодаря конкуренции индивидов и групп той или иной общности, их вступлению в отношения обмена с другими и использованию ими своих ресурсов для давления на других развиваются экономическая система и классовая структура. Как экономическая система, так и классовая структура, порожденные самовозникающими силами, обнаруживают организованные шаблоны социального поведения, хотя в явном виде усилия отдельных людей никто не организовывал.

Согласно *второму закону*, который П. Блау назвал «законом организаций», социальные структуры (а именно организации) *появляются в результате совместных усилий индивидов, преследующих общие цели*⁴.

Так, национальное правительство или руководство футбольной команды, например, представляют собой социальные структуры, специально созданные для достижения определенных целей, и наблюдаемые в них закономерности отражают их целевую конструкцию.

Таким образом, «организации суть социальные системы, порожденные формально вводимыми (предписанными) процедурами, а не просто самовозникающими силами. Хотя это различие аналитическое, так как обычно социальная система находится под взаимодействующим влиянием и самовозникающих, и предписанных сил, оно находит свое выражение в реально существующих образованиях — в той массе организаций, которые легко обнаружить в современных обществах»⁵, — заключал этот исследователь.

¹ См.: Блау П. М. Исследования формальных организаций. С. 93.

² Там же. С. 94.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 95.

⁵ Там же.

Как только люди начинают взаимодействовать друг с другом, между ними развивается *социальная организация*, но отнюдь не каждый коллектив имеет формальную организацию. Критерий для определения, что такое *формальная организация* или, просто *организация*, находится в процедурах мобилизации и координации усилий различных (обычно специализированных) подгрупп для достижения общих целей.

Однако, если бы все отношения между членами организаций и всю их деятельность можно было полностью предопределить формальными процедурами, то организации не представляли бы значительных проблем для научного исследования: любой феномен организации можно было бы фиксировать посредством простого анализа официальных структур деятельности и взаимодействия, уставов, инструкций и т. п.

Фактически же социальное взаимодействие и проходящая в организациях деятельность *никогда не могут полностью соответствовать официальным предписаниям*. Расхождения взаимодействия людей в организациях с формальными схемами и являются *объектом эмпирического исследования организаций*. Хотя определенной чертой организации служит формальная организация коллектива, научный интерес к ней вызван тем, что развивающаяся в ее рамках социальная структура с неизбежностью лишь приближенно совпадает с официально установленными формами¹.

Обычно у организаций имеется *административный механизм* — специальный административный персонал, постоянно ответственный за поддержание организации и за координацию деятельности ее членов.

Например, на большом заводе имеется не только рабочая сила, непосредственно занятая в производстве, но и администрация, состоящая из оперативного персонала, руководителей, канцелярских служащих и т. п.

Для обозначения этих *административных аспектов организации*, отмечал П. Блау, *применяется термин «бюрократия»*. Обычно под этим термином подразумевается волокита и неэффективность, однако в социологии его значение нейтрально. Общей чертой как обиходного, так и научного значения данного термина является то, что он указывает скорее на усилия, затрачиваемые для поддержания функционирования организации, а не на те, что необходимы для достижения ее основных целей. Так, не все солдаты непосредственно участвуют в бою, не все работники промышленных концернов являются производственными рабочими, не все сотрудники полиции — «оперативные» сотрудники.

Многие члены каждой организации исполняют административные обязанности по поддержанию ее функционирования. *Однако степень бюрократизации организаций весьма разнообразна*. Она зависит от величины усилий, направленных на решение административных проблем, от процента административного персонала, от иерархического характера организаций, от жесткости административных процедур и т. п.

В данной связи П. Блау рассмотрел классическую теорию бюрократии М. Вебера² с точки зрения структурно-функционального подхода³ и пришел

¹ См.: Блау П. М. Исследования формальных организаций. С. 96.

² См.: Weber M. The Theory of Social and Economic Organization. Glencoe: The Free Press, 1947. P. 337.

³ П. Блау отметил, что М. Вебер выделил характерные черты бюрократически организованных формальных организаций и провел функциональный анализ взаимозависимости

к выводу, что подразумеваемая Вебером функциональная схема обращена к проблеме того, как данный элемент организации способствует ее силе и эффективному функционированию. Однако, дав описание функций различных элементов, он не учел ни их дисфункций, ни конфликтов, возникающих между составляющими систему элементами. Односторонний акцент Вебера на функционирование бюрократических институтов, по мнению Блау, закрыл для него целый ряд самых существенных проблем, создаваемых бюрократизацией.

Так, если даже иерархия власти и способствует дисциплине и координации деятельности, не отталкивает ли она подчиненных от принятия ответственности? Или при условии, что продвижение по службе основывается на объективных критериях, а не на личностных соображениях или семейных связях, какой из двух основных критериев должен быть выбран: старшинство или заслуги?

Следует отметить, что здесь П. Блау использовал практически тот же прием, что и Л. Козер, когда анализировал функции социального конфликта на базе «пересмотра» и «расширения» концепции Г. Зиммеля. За основу он взял классический анализ бюрократии М. Вебера и пересмотрел ряд его позиций с учетом новых концептуальных построений, в частности, учения о дисфункциях Р. Мертона.

Так, по мнению Блау, Вебер обращал внимание только на формально создаваемые аспекты бюрократий, игнорируя неформальные отношения и несанкционированные шаблоны поведения, развивающиеся в рамках формальных организаций. Несомненно, он понимал, что фактическая реальность не совпадает пункт за пунктом с формальной схемой. Однако новое здесь заключается в том, что характер этих несовпадений оказывается не идиосинкретическим, а социально организованным. Неформально создаваемые самими членами организации социальные шаблоны дополняют шаблоны, формально создаваемые для них руководством. Другими словами, в рамках формальной организации неизбежно возникает неформальная организация, которая жизненно важна для функционирования системы.

В качестве примера П. Блау привел известные исследования Ф. Ротлишберга и У. Диксона, посвященные изучению групп рабочих на одном электротехническом заводе. Эти ученые обнаружили, что неформальные отношения в рабочей группе имеют явно выраженную структуру, что в ее рамках существуют статусные различия и подгруппы, а также возникают неформальные нормы, регулирующие производственную деятельность рабочих. Так, рабочие ожидают, что их товарищ не будет работать ни очень быстро, ни слишком медленно, и любое нарушение этих групповых норм наказывается высмеиванием, отказом в статусе и даже ostracism. Другими словами, рабочие сами неформально организуются для контроля над выпуском продукции, а дополняется этот организованный социальный контроль неформальной структурой статусов. Поэтому неформальная организация оказывает на производство серьезное влияние¹.

между параметрами бюрократии, где критерием функции служит рациональная эффективная бюрократия.

¹ Roethlisberger F.J., Dickson W.J. Management and the Worker. Cambridge: Harvard University Press, 1939.

А. Гоулднер, например, «в своих исследованиях также показал, что сменявшие друг друга руководители одной организации способствовали ее бюрократизации (как это и должно быть по теории Вебера) в силу того, что незнакомый с неформальной практикой руководитель вынужден полагаться на официальные способы выполнения его приказов. Однако такое — основанное на бюрократических правилах и дисциплине — отправление власти необходимо отличать от власти, которая зиждется на профессиональной квалификации. У Вебера четкого различия между этими видами власти не проведено»¹.

Анализ ряда монографических исследований позволил П. Блау сделать вывод, что процедуры, формально устанавливаемые в организациях для достижения поставленных целей, регулярно создают трудности для осуществления другой деятельности, и неформальные шаблоны, возникающие обычно для преодоления этих трудностей, часто ведут к коренной перестройке функционирования².

В то же время он подчеркивал, что акцентирование на неформальную практику и отношения в то же время уводит исследователей далеко в сторону от изучения фундаментальных структурных характеристик сложных организаций.

Согласно Блау, цель теории формальной организации — объяснение характерных черт этих сложных структур с позиций каких-то общих принципов. Например, объяснение условий, при которых в организациях развивается глубокое разделение труда, или появляется специализированный административный аппарат, или вырабатывается формальный свод правил, и т. д. Иными словами, теория организации не должна брать свойства организации как данные; ее задача — всегда ставить вопрос, почему эти свойства существуют³.

Первый шаг на пути к ответу на этот вопрос — определение того, какие черты организаций проявляются в совокупности друг с другом. Вторым шагом является сравнительный анализ черт многих самых разных организаций.

Блау отмечал, что основным недостатком монографических исследований производственных групп в организациях являлось то, что они были вынуждены принимать свойства исследуемой организации как данные. В результате анализ сводился просто к тому, как эти данные свойства влияют в каждом конкретном случае на неформальные отношения и практику. Именно такой прием, при котором центром внимания являются сами свойства организаций, предполагал и веберовский метод анализа.

Так, в ряде эмпирических исследований изучалось соотношение административного штата к общему числу работников в зависимости от величины организации. Вебер считал, что крупные организации более бюрократизированы, чем малые, и что совершенствование административного механизма есть черта бюрократическая. Отсюда следует, что относительная величина административного компонента должна находиться в прямой зависимости от величины организации. Однако в действительности изучение индустриальных концернов, больниц и некоторых других организаций показало, что

¹ Gouldner A.W. Patterns of Industrial Bureaucracy. Glencoe, Ill: The Free Press, 1954.

² Блау П.М. Исследования формальных организаций. С. 102.

³ Там же.

по мере увеличения размеров организации пропорциональная величина административного компонента в ней уменьшается¹.

Безусловно, административный коэффициент у более сложных организаций выше, чем у менее сложных, а сложность характерна именно для крупных организаций, но пропорциональное количество работников, занятых решением административных задач, уменьшается по мере увеличения размера организации. Это экономия за счет масштаба, позволяющая более крупным организациям обходиться сравнительно меньшим числом административного персонала².

По крайней мере, один аспект бюрократизации — совершенствование административного аппарата — не является, как думал Вебер, функцией увеличения размера организации. Однако другие ее аспекты, по-видимому, непосредственно связаны с размером организации, как это и предполагалось веберовским анализом. Так, в одном из исследований была обнаружена очень сильная связь между размером государственных учреждений и разделением труда в них: чем крупнее учреждение, тем более специализированы обязанности³. Официальные правила и инструкции, видимо, также играют в крупных организациях большую роль, чем в малых⁴.

Более того, эти сравнительно недавние исследования подтверждают также некоторые положения Вебера о функциональной взаимозависимости между свойствами организаций. Например, хотя целевая специализация в государственных учреждениях и улучшает решение текущих задач, она в то же время усложняет их организационную структуру, а вместе с тем — и систему коммуникаций. Последнее же затрудняет решение общих задач. Внутренний административный аппарат сложных организаций как раз и выполняет функцию разрешения этих коммуникационных проблем, восстанавливая, таким образом, атмосферу, благоприятную для решения оперативных задач.

Таким образом, заключал П. Блау, именно путем сравнительных исследований можно выявить условия, благоприятные для возникновения в организациях свойств, характерных для бюрократий. Только сравнительные исследования, которые обещают внести наибольший вклад в дальнейшую разработку теории организаций, способны выявить, какие же свойства организаций обычно присущи ей в совокупности и каковы условия их появления. А так как развитие веберовской теории организации требует именно дальнейшего определения условий возникновения в организациях различных скоплений свойств, то от сравнительного анализа можно ожидать очень многого⁵.

Как отмечают исследователи творческого наследия П. Блау, этот ученый, увлекавшийся различного рода дилеммами и парадоксами, не только преодолел, но и успешно интегрировал три «традиционные» оппозиции.

Первой из этих оппозиций них является противопоставление теоретических и эмпирических исследований. Блау на протяжении всей своей научной деятельности удачно сочетал теоретические и эмпирические исследования

¹ Обзор подобных исследований см.: Blau P., Scott R.W. Formal Organizations: A Comparative Approach. San-Francisco: Chandler, 1962.

² См.: Блау П.М. Исследования формальных организаций. С. 102—103.

³ См.: Blau P., Heydebrand W., Stauffer R. The Structure of Small Bureaucracies // American Sociological Review. 1966. № 31.

⁴ Блау П.М. Исследования формальных организаций. С. 102—103.

⁵ Там же. С. 103.

даже в тот период, когда имело место четкое разделение социологов на теоретиков и эмпириков.

Сначала он был формально связан с большой теорией, затем работая в Колумбийском университете и тесно сотрудничая с Р. Мертоном, «отдал должное теориям среднего уровня» — разработал теории формальных организаций и бюрократии. Позднее, увлекшись философией науки, он проявил большой интерес к формальному, дедуктивному теоретизированию. Всю свою дальнейшую карьеру он смешивал абстрактные идеи, эмпирические индикаторы и очевидные факты. Блау обращался к классическим теориям для того, чтобы выбрать оттуда проблемы, сформулировать аргументы и улучшить интерпретации. Он проверял свои предположения эмпирическими исследованиями. Но он также работал индуктивно: оперировал данными, даже «учился на данных», исследуя их. Другими словами, он использовал эмпирические данные не только для того, чтобы просто иллюстрировать свои теоретические посылы, но прежде всего для того, чтобы проверить и расширить их.

Вторая из этих оппозиций связана с деятельностью ученого и трудом вузовского преподавателя. П. Блау всегда успешно совмещал преподавательскую и научно-исследовательскую работу, чувствуя себя в них одинаково уверенным. Он был динамичным, энергичным и даже красноречивым преподавателем. Как вспоминают его студенты, иногда Блау настолько увлекался, что свои идеи он начинал излагать на лекциях сразу после их появления, и по мере хода лекции его все труднее становилось понять. Тем не менее это не умаляло его популярности как профессора: его семинар по социологической теории, который Блау проводил в рамках своего курса в Чикагском университете, собрал 75 аспирантов, которые старались быть замеченными этим выдающимся лектором. Он учил тому, во что верил сам, а тот метод, который представлялся им как научный, кажется, «обретал душу»¹.

Третья оппозиция затрагивает общества «Старого» и «Нового» света. П. Блау родился и вырос в Европе, в «Старом свете», а в «Новом свете» (США) получил высшее образование и обрел профессию. Тем не менее он всегда вспоминал свой прежний европейский мир с теплотой, считал его наделенным особым шармом. Он также придерживался манер поведения и стиля одежды, присущих «Старому свету», — носил костюм и галстук, несмотря на погоду, и даже не пытался исправить легкий немецкий (австрийский) акцент. В Вене он собирался изучать медицину, но в США с энтузиазмом увлекся социологией. И был приверженцем позитивистского, эмпирического исследования, отвечавшего научным эталонам американского социологического сообщества, а не «праздным социальным мыслителем». Он очень быстро овладел мастерством исследователя-интерпретатора, проводящего интенсивные исследования и разворачивающего широкомасштабные проекты. В то же время он считал, что подлинное научное знание имеет фундаментальную важность для развития демократии и должно быть адресовано решению социальных проблем. Он являлся глубоким сторонником идеи свободного общества, открытого научному поиску. В конце своей жизни П. Блау был очень обеспокоен тем, что как демократия, так и научные исследования, подверглись вызову со стороны антимодернистов².

¹ Scott W.R., Coihoun C. Peter Michael Blau (February 7, 1918 — March 12, 2002) // Biographical Memoirs. National Academy of Sciences

² Ibid.

Методология, заложенная в теориях социального обмена, разработанных Дж. Хомансом и П. Блау, получила дальнейшее развитие в трудах Ричарда Эмерсона¹, Карен Кук² и Линды Моэм³. В результате исследований этих и ряда других социологов «социальный обмен» стал одной из интереснейших и динамично развивающихся областей современной социологической теории.

Первоисточники для изучения

- Блау П. Исследование формальных организаций // Американская социология: перспективы, проблемы, методы / Пер. с англ. В.В. Воронина и Е.В. Зиньковского. М.: Прогресс, 1972. С. 93–105.
- Блау П. Различные точки зрения на социальную структуру и их общий знаменатель // Американская социологическая мысль: тексты / Под ред. В.И. Добренкова. М., 1994. С. 8–29.
- Хоманс Дж. Возвращение к человеку // Американская социологическая мысль: тексты / Под ред. В.И. Добренкова. М., 1994. С. 46–61.
- Хоманс Дж. Социальное поведение как обмен // Современная зарубежная социальная психология. Тексты. М., 1984.
- Хоманс Дж. Социальное поведение: его элементарные формы // Социальные и гуманитарные науки. Сер. 11. «Социология». 2001. № 2. С. 117–163; № 3. С. 132–169; № 4. С. 98–122.
- Хоманс Дж. Статус конторских служащих // Социологические исследования. 1993. № 6. С. 130–134.

Глава 6

СИМВОЛИЧЕСКИЙ ИНТЕРАКЦИОНИЗМ

Символический интеракционизм — теоретико-методологическое направление в социологии, представители которого в центр своих исследований ставят анализ социальных взаимодействий людей, преимущественно в их символическом содержании.

Название этого направления образовано посредством сочетания двух терминов.

Первым (по значимости) является «интеракция», — термин, заимствованный из английского языка¹ и в переводе на русский язык означающий «взаимодействие». Вторым термин, представляющий собой прилагательное «символический»², образован от существительного «символ» (знак). В совокупности они образуют понятие «символическое взаимодействие», означающее коммуникацию между людьми посредством символов, которое и служит предметом исследований в рамках данного направления.

В научный оборот словосочетание «символический интеракционизм» ввел в 1937 г. американский исследователь Герберт Блаумер (Herbert Blumer)³, выступивший впоследствии автором монографии с аналогичным названием⁴.

Отправным пунктом анализа для представителей данного направления является социальный процесс, понимаемый как процесс взаимодействия индивидов в группе, в обществе. Как писал основоположник данного направления Дж.Г. Мид, «<...> мы не рассматриваем поведение социальной группы с точки зрения поведения составляющих ее отдельных индивидов <...>. Мы, скорее, исходим из данного социального целого сложной групповой активности, в рамках которой мы анализируем поведение каждого отдельного индивида <...>»⁵.

Соответственно, ключевым для символических интеракционистов является тезис о том, что личность человека всегда социальна, т. е. не может формироваться вне общества. Этот тезис, однако, выводится не из анализа воздействия системы объективных общественных отношений на формирование личности, а из анализа процесса межличностной коммуникации, в частности роли символов и формирования значений⁶.

¹ Emerson R.M. Exchange Theory. Part I: A Psychological Basis for Social Exchange // M. Berger, Jr. Zeidlich, B. Anderson (eds). Sociological Theories in Progress. Boston: Houghton Mifflin, 1972. Vol. 2; Emerson R.M. Exchange Theory. Part II: Exchange Relations and Networks // M. Berger, Jr. Zeidlich, B. Anderson (eds). Sociological Theories in Progress. Boston: Houghton Mifflin, 1972. Vol. 2.

² Cook K.S. (ed.) Social Exchange Theory. Beverly Hills, California: Sage, 1987.

³ Moem L.D. Affect and Social Exchange: Satisfaction in Power-Dependence Relations // American Journal of Sociology. 1991. № 56.

⁴ Cook K.S., J. O'Brian, P. Kallcock. Exchange Theory: A Blueprint for Structure and Process // Ritzer G. (ed.) Frontiers of Social Theory: The New Syntheses. New York: Columbia University Press, 1990; Cook K.S., Whitmeyer J.M. Two Approaches to Social Structure: Exchange Theory and Network Analysis // Annual Review of Sociology. 1992. № 18.

¹ От существительного «interaction» — в переводе на русский язык «взаимодействие».

² На английском языке — «Symbolic» — в переводе на русский язык «символический».

³ Ritzer G. Sociological Theory. 5th ed. International edition: McGraw-Hill Higher Education, 2000. P. 340.

⁴ Blumer H. Symbolic Interaction. Perspective and Method. Englewood Cliffs, New Jersey: Prentice Hall, 1969.

⁵ Mead G.H. Mind, Self and Society: From the Standpoint of a Social Behaviorist. Chicago: University of Chicago Press, 1934. P. 7.

⁶ Андреева Г.М., Богомолова Н.Н., Петровская Л.А. Современная социальная психология на Западе (теоретические направления). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1978. С. 184.

Как отмечает А.Д. Ковалев, «по общему мнению, символический интеракционизм является самой исконно американской из наиболее известных «школ» социологии»¹.

Основоположники символического интеракционизма в большинстве были участниками широкого, не просто философского, но и общественного движения — *прагматизма*².

Прагматизм, разделяя с позитивизмом установки на методологический натурализм, расходился с ним в основном трактовкой отношения между организмом и средой, индивидом и обществом. Настрой прагматизма был сугубо активистский: человека принципиально следует рассматривать как действующий волящий субъект, а не как объект, пассивно подчиняющийся законам природы, способный лишь созерцать и научно познавать независимые от человеческой воли «объективные» процессы в природной и социальной среде. Хотя натуралистическая детерминация человеческих действий здесь не отрицается, исследовательское внимание переносится с фактов их зависимости от среды на свободу человека, на возможности контролирования и манипулирования им окружающей средой³.

Теоретики символического интеракционизма взяли за основу следующие положения прагматизма:

1) среда, особенно социальная, включает в себя другие активные организмы, и человек становится человеком в процессе взаимодействия с этой активной средой;

2) общество можно понять через анализ взаимодействия и взаимовлияния индивидов.

Тем самым «они на свой лад совершили в американской социологии индивидуалистический и волюнтаристский поворот, подобный европейскому наступлению на позитивистскую социологию, начатому несколько раньше неокантианцами»⁴.

Следует отметить, что представители прагматизма, в частности У. Джемс и Дж. Дьюи, оперировали знаковым для символического интеракционизма понятием «коммуникация», конкретизирующим общую идею взаимодействия.

В первом приближении коммуникация — это процесс передачи друг другу и, следовательно, постепенного обобществления частного опыта, идей, эмоций, ценностей и т. п. От этого активного процесса зависит формирование и отдельной личности, и общества, и социального института, организации или учреждения. Зависимость становления личности от процесса трансляции жизненного опыта другим индивидам и приема от них встречных сообщений («коммуникация» охватывает и трансляцию, и прием) подразумевает теоретическое расхождение как с психологизмом, допускающим существование некоторых готовых, врожденных

¹ Ковалев А.Д. Книга Ирвинга Гофмана «представление себя другим в повседневной жизни» и социологическая традиция // Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни / Пер. с англ. А.Д. Ковалева. М.: КАНОН-ПРЕСС-Ц; Кучково поле, 2000. С. 6.

² Прагматизм (от греч. — дело, действие) — течение в философии, в котором фактор практики используется в качестве методологического принципа. Оно возникло в США в 1870-х гг. и теоретически оформилось в первой половине XX века. С этим течением связаны имена таких мыслителей как С.С. Пирс, У. Джеймс, Дж. Дьюи, Дж. Г. Мид.

³ Ковалев А.Д. Книга Ирвинга Гофмана «представление себя другим в повседневной жизни» и социологическая традиция. С. 6.

⁴ Там же.

природных мотивов человеческого действия, независимых от социальной среды, ситуации, окружающих институтов, так и с крайним социологизмом, представляющим человека чем-то вроде «*tabula rasa*» — чистого листа, пассивно заполняемого прямыми импульсами природной и социальной среды, коллективного сознания и т. п. Зависимость же формирования и функционирования общественных объединений, организаций и учреждений от процесса коммуникации проявляется в том, что их постигает окостенение, бесплодие и в конце концов распад, если они не служат делу облегчения и всяческого обогащения коммуникации между людьми⁵.

Существенное влияние на формирование этого направления оказали идеи *бихевиористов*. Однако если бихевиористы интересовались только *наблюдаемым поведением индивидов* и фокусировались на стимулах, которые вызывают рассматриваемые реакции, или поведение, то символические интеракционисты, признавая важность наблюдаемого поведения, считали, что все же существуют *скрытые аспекты поведения*.

В противовес бихевиористскому подходу к человеку как к «животному организму», бездумно реагирующего на стимулы внешней среды, интеракционисты стали рассматривать индивида как активного участника взаимодействия, который сам выбирает, оценивает и регулирует свое поведение посредством *символической коммуникации*.

Бихевиористы и символические интеракционисты отличались своими воззрениями на соотношение между поведением людей и животных. Ключевым моментом для последних считалось наличие у людей умственных способностей, позволяющих им использовать между стимулом и реакцией язык, для того чтобы решить, как реагировать.

Подобно бихевиористам, символические интеракционисты придавали большое значение научению. Но если бихевиористы фактически игнорировали значение языка как специфически человеческого средства научения⁶, то символические интеракционисты решающую роль отводили символической коммуникации, осуществляемой с его помощью.

По мнению исследователей, «границы символического интеракционизма весьма размыты»⁷.

Так, совсем недавно это направление нередко рассматривали в русле когнитивистской ориентации, выделяя в ней лишь «интеракционистский подход» при рассмотрении такого круга явлений, как взаимодействие индивида, группы и общества, коммуникация, социальная роль⁸.

Р. Колинз просто включил построения символических интеракционистов в рамки обширной «сугубо американской микроинтеракционистской, или интерпретативной», традиции в социологии, «которая движется от Чарльза Холтона Кули, У.А. Томаса и Джорджа Герберта Мида к Гарольду Гарфинкелю и этнометодологам»⁹, тем самым нивелировав их самостоятельный теоретический статус.

⁵ См.: Ковалев А.Д. Книга Ирвинга Гофмана «представление себя другим в повседневной жизни» и социологическая традиция. С. 7.

⁶ Андресеви Г.М., Богомолова Н.Н., Петровская Л.А. Современная социальная психология на Западе (теоретические направления). С. 217–218.

⁷ Там же. С. 181.

⁸ McDavid J., Harary H. Social Psychology: Individuals, Groups, Societies. New York, 1968.

⁹ Колинз Р. Четыре социологические традиции / Пер. с англ. В. Росмана. М.: Издательский Дом «Территория будущего». 2009. С. 251.

Нередко символический интеракционизм заменяют названием «ролевая теория» или «теория ролей»¹. Однако ролевое поведение затрагивает хотя и очень важный, но лишь один из аспектов тех проблем, которые рассматриваются в рамках интеракционизма. Более того, понятие «интеракция», которое является центральным для данного направления, более широкое, чем понятие «роль».

На самом деле «символический интеракционизм» — это самостоятельное направление в социологии. Критериями для его выделения служат общие теоретические источники, оригинальный понятийный аппарат и собственная проблематика исследований².

Теоретической базой для формирования и развития символического интеракционизма в качестве полноценного социологического направления послужили концепции Чарльза Хортона Кули (*Charles Horton Cooley*) и Джорджа Герберта Мидга (*George Herbert Mead*), виднейших американских теоретиков, которые выступали как философы, социологи и социальные психологи. Несмотря на то, что эти ученые жили практически в одно и то же время, Ч. Кули в известном смысле можно назвать предшественником, а Дж. Мидга основателем данного направления. Труды Ч. Кули были изданы гораздо раньше, чем увидели свет работы Дж. Мидга, но идеи, выраженные в них, еще не были увязаны в целостную концепцию социального взаимодействия.

6.1. Разум, личность и общество в теории Чарльза Хортона Кули

6.1.1. Краткая биография и основные труды

Чарльз Хортон Кули (*Charles Horton Cooley*) (1864–1929) — родился в местечке Анн Арбор, (штат Мичиган) и был четвертым ребенком в семье Томаса Кули и Мэри Элизабет Хортон. Его отец считался успешным юристом и, в конце концов, занял место судьи в Верховном суде Мичигана. Это был благородный и скромный мужчина, на которого Чарльз походил характером и телосложением. Мальчик был художатым, физически слабым и проводил много времени дома, находя утешение в книгах. Он был застенчивым и неприспособленным к социальному взаимодействию, оставаясь всю свою жизнь очень чувствительным к мнению окружающих о нем и жаждущим признания. В своих дневниках Ч. Кули вспоминал о том, как представлял себе ситуации, в которых совершал героические поступки и воображал, как другие люди изменят свое мнение о нем. Тем не менее, возможно именно эта склонность к погружению в богатый внутренний мир обусловила интерес Ч. Кули к проблемам восприятия себя и других³.

Несмотря на частые перерывы в учебе из-за слабого здоровья, в 1887 г. Ч. Кули окончил Мичиганский университет, получив степень бакалавра по инженерной механике. Он намеревался сделать карьеру в этой области, но

¹ Symbolic Interaction. A Reader in Social Psychology / J.G. Mans, B.N. Meltzer (eds.). 2nd ed. Boston, 1972.

² Андреева Г.М., Богомолова Н.Н., Петровская Л.А. Современная социальная психология на Западе (теоретические направления). С. 181.

³ См.: Scott S. Charles Cooley // Fifty Key Sociologists: The Formative Theorists / Scott J. (ed.). London and New York: Routledge, 2007. P. 25.

подал под влияние идей таких ученых как Ральф Эмерсон, Иоанн Вольфганг фон Гёте и Генри Торо, увлекся социальной теорией и политической экономией. Он также познакомился с социологией Герберта Спенсера, чья мысль о сравнении общества с биологическим организмом показалась ему интересной с точки зрения «механики эволюции». Однако Кули серьезно критиковал основанные на подобном сравнении модели за их пренебрежение личностной стороной общественной жизни и недостатком учета «человеческого фактора». В 1894 г. в своей докторской диссертации на тему «Теория транспортировки» он исследовал транспортные системы как целостные организации, основанные на эффективных каналах коммуникации, что послужило основой для подхода, который он позже привнес в изучение общества⁴.

В 1902 г. Ч. Кули, еще до защиты докторской диссертации, был назначен на академическую должность в Мичиганском Университете, где и проработал до конца своей карьеры. Став ассистентом профессора, а потом и профессором, он весьма скромно отзывался о своих достижениях и вел себя скованно в компании коллег. Этот исследователь чувствовал себя исключенным из основного течения социологии, которое, по его мнению, в основном занималось статистическим анализом «социальных проблем».

Работа же самого Кули была сфокусирована на более фундаментальном подходе к рассмотрению природы общества и общественной сущности. Он в соответствии со своим творческим темпераментом «читал выборочно и писал нерегулярно»⁵, но, тем не менее, проявил незаурядную способность отвлеченно размышлять о природе людей и общества.

Кули слыл харизматичным лектором и пользовался популярностью у студентов, особенно тех, с кем он работал в рамках их дипломных работ. Исследование для него, прежде всего, предполагало размышление над социальными теориями, поэтому он использовал дневники для фиксации возникающих идей. В целом же Кули относился к себе не как к социальному ученому, а как к философу-художнику, который описывает свое видение общества через тщательно выстроенную прозу. Он хотел, чтобы его произведения были доступны и образованному человеку, не имеющему отношения к социологии, и научному сообществу, поэтому избегал общепринятых правил написания научных работ, предпочитая образную манеру изложения.

В последние 12 лет своей жизни Ч. Кули стал более уверенным и спокойным. Он был признан коллегами как выдающийся ученый, избирался президентом Американского социологического общества. И хотя он все еще нервничал, готовясь к докладам и публичным выступлениям, общественная сторона академической жизни стала приносить ему гораздо больше удовольствия⁶.

Этот ученый непоколебимо верил в демократию, которая, как он считал, может быть достигнута более человечными и мирными средствами. Он также предостерегал от возможных опасностей вследствие сосредоточения богатства и власти в руках немногих и призывал к более равномерному распределению экономической и политической власти. Вопрос примирения конфликтующих интересов, по мысли Ч. Кули, был центральной проблемой всех типов социальных организаций, но, тем не менее, он должен быть решен⁷.

⁴ См.: Scott S. Charles Cooley. P. 26.

⁵ Ibid. P. 27.

⁶ Ibid. P. 30.

⁷ Ibid.

Незадолго до смерти (от рака) он начал исследования в области социологического метода¹.

Как отмечал А. Козер, «Ч. Кули был примером того ученого, которого сегодня часто называют "кабинетным социологом". Поэтому особенно важно отметить, что плоды его толкований и интроспективного анализа по-прежнему остаются необходимыми элементами современной социологической мысли, тогда как труды многих собирателей фактов давно забыты. Те социологи, которые по складу характера не испытывают склонности к широкомащтабным эмпирическим исследованиям, могут воспрянуть духом: вполне возможно продвинуть социальные науки, сидя в кресле. И если согласиться с утверждением Кули о том, что "социология позволяет нам чувствовать себя более комфортно в обществе людей", тогда можно приветствовать любой научный метод, который ведет к этой цели»².

Творческое наследие Ч. Кули, по сравнению с другими современными ему социологами, нельзя назвать большим: при жизни им были опубликованы три монографии и один сборник.

Первая монография «Человеческая природа и социальный порядок»³ была опубликована Ч. Кули в 1902 г. Автора беспокоила ее автобиографичность, обнажающая слишком личные мысли и чувства, но на самом деле она воспринималась лишь как экспрессивный теоретический текст. Основная идея книги — взаимосвязь между индивидуальными психическими процессами, общественными процессами и структурой общества.

Вторая монография «Социальная организация»⁴ (1909) представляла собой более оформленную социологическую теорию Ч. Кули и была хорошо принята его современниками.

Третья монография Ч. Кули «Социальный процесс»⁵ (1918) отражала растущий интерес автора к социальному конфликту и политической борьбе.

В 1927 г. он опубликовал свою последнюю книгу — сборник статей, цитат и размышлений из дневников с целью вдохновить тех, кто выбрал академическую карьеру. Он назвал его «Жизнь и Студент»⁶.

Тем не менее эти, на первый взгляд «скромные и непритязательные сочинения Кули, как <...> стало очевидным, оказали значительно большее воздействие на будущее развитие социологии, нежели амбициозные попытки некоторых его современников построить всеобъемлющие теоретические системы. <...>. Кули заложил серьезные основы для построения теорий среднего уровня, и они выжили, тогда как огромные византийские конструкции некоторых других отцов социологии в наше время являют собой всего лишь живописные руины»⁷.

6.1.2. Эволюция «социального»

Присутствие имени Чарльза Хортон Кули в списке «социологических знаменитостей» XX в., по мнению специалистов, несколько удивительно, если

¹ Scott S. Charles Cooley, P. 30.

² Козер А. Мастера социологической мысли. Идеи в историческом и социальном контексте. М.: Издательство: Норма, 2006. С. 236.

³ Cooley C.H. Human Nature and the Social Order. Glencoe, Ill.: The Free Press, 1902.

⁴ Cooley C.H. Social Organization. Glencoe, Ill.: The Free Press, 1909.

⁵ Cooley C.H. Social Process. New York: Charles Scribner's Sons, 1918.

⁶ Cooley C.H. Life and the Student. New York: Knopf, 1927.

⁷ Козер А. Мастера социологической мысли. Идеи в историческом и социальном контексте. М.: Издательство: Норма, 2006. С. 236.

учесть его случайный приход в социологию, но вполне заслуженно¹. Этот ученый продуктивно работал в различных областях социологической и политической теории. Однако известен он прежде всего своими теоретическими построениями относительно различных аспектов взаимодействия индивида и общества, понимания социальной жизни, оказавшими влияние на становление символического интеракционизма.

В историю западной социологии Ч. Кули вошел как один из первых исследователей, выступивших против натуралистических (инстинктивистских, утилитаристских и др.) теорий, объясняющих социальное поведение. При этом он был сторонником преобладавшей в его время эволюционной точки зрения на развитие человека, общества и познания.

Согласно Ч. Кули, рассмотрение всех проблем человеческой жизни с эволюционной точки зрения означает следующее:

— во-первых, вся наша жизнь имеет свою историю, все происходящее взаимосвязано;

— во-вторых, все то, чем мы являемся или все, что мы делаем, есть часть естественного хода событий, имеющего истоки в далеком прошлом².

Большое внимание этот ученый уделял таким факторам в эволюционном развитии человека, как наследственность и социальная среда.

Наследственность — это природно-биологические характеристики, которые передаются и человеку, и животному посредством так называемой «зародышевой плазмы». Хотя передача наследственности через зародышевую плазму у человека и у животных в значительной мере схожа, существует заметное различие в характере черт, которые передаются и обнаруживаются при рождении. Это различие, которое состоит в пластичности и способности к обучению, принципиально для понимания отношений человека с эволюционным процессом, т. е. отношений между человеческой природой и человеческой жизнью и природой и жизнью животных.

Животное с момента рождения характеризует набор «фиксированных инстинктов», которые не требуют общего контроля: жизнь нажимает на кнопку, а наследственный механизм делает остальное. Наследственность у животных можно сравнить с механизмом, подобным шарманке: он способен проигрывать лишь несколько мелодий; вы можете научиться играть их сразу же, с небольшой тренировкой или без нее, но вы никогда не сможете играть на ней что-либо другое.

Наследственность для человека определяет не только черты физического развития, но также способности, склонности, темперамент, восприимчивость к обучению и все то, что можно назвать смутными психическими предрасположенностями, с которыми он рождается. Развитие этих предрасположенностей обуславливают стимуляция и обучение, которые происходят по каналам социального окружения (исходят из социального источника). Она больше напоминает пианино: он сделан не так, чтобы проигрывать определенные заложенные в механизме мелодии — на нем вообще ничего нельзя сыграть без обучения; но опытный музыкант может извлекать из него неограниченное разнообразие мелодий.

¹ Scott S. Charles Cooley, P. 27.

² Кули Ч.Х. Человеческая природа и социальный порядок: Пер. с англ. М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 2000. С. 10.

Социальный источник жизни человека обретается в общении с другими людьми. Все начинается с восприимчивости к прикосновениям, интонациям голоса, жестам и выражению лица; позднее постепенно приходит понимание речи¹. Так, человек учится говорить в своей семье и у товарищей по играм, которые, в свою очередь, научились этому у своих родителей, и, таким образом, речь восходит к самым ранним этапам человеческой истории и еще дальше в прошлое: к нечленораздельным крикам наших доисторических предков. Точно так же дело обстоит с использованием орудий, музыкой, искусством, религией, торговлей и всем остальным, что он может научиться понимать и делать. Все это социальное наследие незапамятного прошлого².

С началом индивидуальной жизни (человека, — Н. О.) оба главных элемента питающей ее истории — наследственный и социальный — сливаются в новую целостность и перестают быть отдельными силами³. В данной связи, по мнению Ч. Кули, безусловной ошибкой является рассматривать наследственность и социальную среду в качестве антагонистов. Они естественным образом комплементарны и не могут выполнять свои специфические функции друг без друга. Ничего из того, что индивид представляет собой или делает, нельзя приписать только одному из этих элементов, так как все это основывается на привычках и опыте, в которых оба они неразрывно связаны. Наследственность и окружающая среда применительно к реальной жизни человека, — это, по сути, абстракция; реален же целостный органический процесс, не разложимый на составные части⁴.

Этот неразрывный союз природно-биологического и социального наследования хорошо иллюстрирует речь. Она возникает отчасти благодаря естественному строению голосовых органов и врожденному стремлению их использовать, примером чему служит бормотание слабоумных и глухонемых. Естественная тяга и восприимчивость человека к другим людям и потребность в общении с ними тоже являются фактором порождения речи. Но вся речевая артикуляция возникает только в общении, ей учатся у других; она варьируется в зависимости от окружения и в своих истоках восходит к традиции. Речь, таким образом, представляет собой социально-биологическую функцию.

Человек, в отличие от животного, обладает не только фиксированными, но и обучаемыми инстинктами. Под обучаемыми инстинктами Кули понимал такие инстинкты, которые предполагают учителя, поскольку необходимо направлять, развивать, координировать и организовывать так, чтобы они были эффективны. Свообразным учителем, способным решать данную задачу, является разум.

Разум, в известном смысле — это согласованная работа сознания; это умственная организация, продиктованная требованиями разнообразной и изменчивой жизни человека⁵.

Разум обращается с грубой энергией инстинктивных склонностей подобно тому, как офицер обращается с новобранцами, обучая и тренируя их до тех пор, пока они не станут единой командой, способной решать любую задачу в любых условиях. Например, когда мужчина хочет жениться, разум подсказывает ему, как при существующем порядке вещей ухаживать и заво-

¹ См.: Кули Ч.Х. Человеческая природа и социальный порядок. С. 12.

² Там же.

³ Там же. С. 18.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 29.

евать избранницу и как удержать ее, завоевав, т. е. руководит сложным поведением, адаптированным к настоящему, но при этом частично еще движимым врожденными эмоциями. С этой точки зрения разум вытесняет и замещает инстинкт не больше, чем командир — рядового; он источник высшей организации, контролирующей и трансформирующей энергию инстинкта.

Согласно Ч. Кули, разум сам представляет собой некую инстинктивную предрасположенность в широком смысле этого слова, склонность сравнивать, комбинировать и организовывать деятельность сознания. Уникальность человеческого разума (животные тоже обладают разумом до некоторой степени) заключается только в степени развития; его можно сравнить с простым солдатом, взявшим команду на себя благодаря своим необыкновенным способностям и ставшим со временем генералом.

Таким образом, вся человеческая история в отличие от истории животных — это процесс, доступный только виду, наделенному способными к обучению инстинктивными склонностями, и организованный частично благодаря разуму в пластичное и растущее социальное целое. «Природа человека» не может быть сведена к его биологической основе, т. е. совокупности «инстинктов, бесформенных импульсов, неопределенных способностей» и т. п. Это, прежде всего, его социальная сущность, которая «вырабатывается посредством простых форм близкого, личностного взаимодействия».

Подобные представления о человеческой природе и специфике социальной реальности Ч. Кули строил на основе таких общеметодологических принципов как органицизм и холизм. Этот ученый, отметив, что выражение «человеческая природа» используется очень неясно, выделил три его значения.

Во-первых, под термином «человеческая природа» понимают сугубо наследственную природу человека, порожденную его зародышевой плазмой, бесформенные импульсы и способности, которые считаются врожденными, но о которых мало что известно из-за того, что они обнаруживают себя только в качестве фактора социального развития.

Во-вторых, этот термин может означать социальную природу, сложившуюся в человеке на основе простых форм близкой общности или «первичных групп», особенно семьи и соседства, которые встречаются повсеместно и которые повсюду оказывают единообразное воздействие на индивида. Тогда эта природа состоит, главным образом, из определенных первичных социальных чувств и установок, таких как сознание своей связи с другими, любовь к согласию, обида на недоверие, подражание и чувство социальной справедливости и несправедливости, формируемых стандартами группы.

В-третьих, человеческая природа отождествляется с некоторыми специфическими типами поведения, такими как скаредный эгоизм и щедрость, воинственность и миролюбие, компетентность и неумелость, консерватизм и радикализм и т. п. Человеческая природа в этом смысле предстает в высшей степени изменчивой, потому что поведение, на ней основанное, меняется как под воздействием морали, так и под влиянием других воздействий.

Сам Кули трактовал человеческую природу как сугубо социальную сущность человека, главной чертой которой является «способность к обучению»¹ и которая вырабатывается посредством различных форм взаимодействия между индивидом и обществом.

¹ Кули Ч.Х. Человеческая природа и социальный порядок. С. 31.

6.1.3. Общество и индивид

Ч. Кули утверждал, что большинство людей рассматривают индивидов и общество как нечто более или менее самостоятельное противостоящее. Более того, они признают само собой разумеющимся, что личности создают общество. Но то, что общество создает личности, воспринимается многими как поразительная идея.

Причина распространенности подобной точки зрения состоит в том, что естественней и проще мыслить индивидуальную сторону жизни — просто потому, что она осязаемо-материальна, а люди в ней суть нечто чувственно-данное, тогда как реальная действительность групп, народов, человечества в целом доступна пониманию только благодаря активному и теоретически вышколенному воображению. «Обычно мы рассматриваем общество — в той мере, в какой мы его вообще воспринимаем, — как расплывчатое материальное образование, как совокупность физических тел, а не как живое целое, каковым оно является; и поэтому, конечно, мы не понимаем, что оно может быть столь же самобытным и субстанциональным, как и что-либо другое. В самом деле, многие смотрят на «общество» и на другие общие понятия как на что-то мистическое и склонны сомневаться в том, стоит ли за ними какая-либо реальность»¹, — писал Кули.

На самом деле антитеза общество versus индивид ложна и пуста в качестве общего или философского утверждения о человеческих отношениях. Какой бы идеей ни руководствовались те, кто противопоставляет эти слова и их производные, в результате они получают понятие о двух отдельных сущностях или силах; и, конечно же, такое понятие не соответствует фактам².

Кули утверждал, что если исходить из эволюционной точки зрения, то связь между обществом и индивидом предстанет как органическая связь.

С одной стороны, индивид неотделим от человечества в целом, он является его частицей-подобием, получающим свою жизнь от этого целого посредством социального и биологического наследования — воистину так же, как если бы человечество было буквально единым телом. Индивид неделим и неотделим: связующие нити наследственности и образования пронизывают все его существо.

С другой стороны, социальное целое до некоторой степени зависит от каждого индивида, потому что каждый привносит в общую жизнь нечто неповторимо свое, чего не может сделать никто другой.

Таким образом, мы имеем дело с «организмом» в широком смысле этого слова, с живым целым, состоящим из дифференцированных частей, каждая из которых выполняет некую особую функцию. Это справедливо по отношению к обществу в целом как человечеству, а также к любой конкретной социальной группе³.

Примером тому является университет. Университет — это единое целое, состоящее из студентов, преподавателей, администрации и т. д. Каждый из них более или менее зависит от всех остальных, так как все вносят свой вклад в общее дело. И именно индивидуальность каждого, его функциональное отличие от остальных придает ему особую значимость. Профессор палеонто-

¹ Кули Ч.Х. Человеческая природа и социальный порядок. С. 37.

² Там же.

³ Там же. С. 32.

логии выполняет работу, которую никто, кроме него, не может выполнить, и то же самое, хотя, возможно, и с меньшей очевидностью, относится ко всем преподавателям и студентам.

Кули полагал, что термины «общество» и «индивиды» обозначают не отдельные явления, но лишь коллективный и дистрибутивный аспекты одного и того же явления. Причем отношение между ними такое же, как и между другими выражениями, одно из которых обозначает группу как целое, а другое — членов группы: например, армия и солдаты, класс и ученики и т. д.¹

Общество или любая сложная группа может при простом наблюдении очень отличаться от своих членов, если рассматривать последних одного за другим. Точно так же и картина состоит из множества квадратных дюймов раскрашенного холста; но если их рассматривать последовательно один за другим, то, даже перебрав все, самой картины тем не менее не увидишь. Точно так же, как не существует общества или группы, которые не являлись бы коллективной картиной личностей, не существует и индивида, который не мог бы считаться частичной картиной социальной группы. Он не существует обособленно: благодаря наследственному и социальному факторам своей жизни человек включен в целое, частью которого он является, и рассматривать его отдельно от целого столь же искусственно, как и рассматривать общество отдельно от индивидов. Другими словами, там, где можно обнаружить общественную жизнь, всегда найдется жизнь индивидуальная. Причем эта индивидуальная жизнь не является ни предшествующей во времени, ни стоящей ниже социальности в моральном отношении. Они всегда существовали бок о бок в качестве взаимодополняющих друг друга аспектов одного и того же явления, а прогресс шел от низшего к более высокому типу и того, и другого, а не от одного к другому. Человеческий психический потенциал не делится на социальный и внесоциальный: он весь целиком социален в широком смысле этого слова, весь целиком — часть общечеловеческой жизни².

Ч. Кули выделил ряд вопросов, которые обычно ставят при обсуждении связи между индивидом и обществом: Не состоит ли общество, в конечном счете, из одних только индивидов? Является ли общество чем-то большим, чем сумма индивидов? Является ли индивид продуктом общества? Можно ли отделить индивида от общества? Свободен ли индивид в каком-либо смысле или он просто часть общества?

На эти вопросы он дал однозначные ответы, в которых, в целом, содержится его представление об обществе.

Во-первых, общество состоит, в конечном счете, только из одних индивидов. Это просто обычное человечество, а не что-то мистическое.

Во-вторых, в известном смысле общество является чем-то большим, чем сумма индивидов. В любом социальном целом существует организация, жизненный процесс, которые нельзя обнаружить у отдельных индивидов. Нужно понимать свои группы и социальные процессы как живое целое, каковыми они и являются.

В-третьих, индивид является продуктом общества в том смысле, что все человеческое в нем имеет свою историю в социальном прошлом.

В-четвертых, отделить индивида от общества можно только чисто внешним образом.

¹ См.: Кули Ч.Х. Человеческая природа и социальный порядок. С. 33.

² Там же. С. 40.

«Если вы в одиночестве удалитесь в пустыню, вы унесете с собой сознание, сформированное в обществе, и продолжите социальное общение благодаря памяти и воображению или с помощью книг. Этим и только этим вы сохраните в себе человека, и, как только утратите способность общения, ваше сознание начнет вырождаться. Долгое одиночество, как в случае с пастухами на равнинах Дальнего Запада или узниками в одиночном заключении, часто приводит к слабоумию. Причем, скорее всего, это может случиться с необразованными людьми, чья память бедна для воображаемого общения»¹.

«Потерпевший кораблекрушение, не способный сохранить воображаемую связь с человеческим обществом, вполне мог прожить жизнь разумного животного, упражняющего свой мозг с помощью естественного окружения, но его собственно человеческие способности, несомненно, были бы утрачены или пребывали бы в бездействии»².

В-пятых, индивид — это не просто часть общества, в каком-то смысле он является свободным. Но это свобода в органическом смысле, которая достигается в сотрудничестве с другими, а не свобода совершать что-то независимо от общества. Это «командное» взаимодействие. У него есть свобода действовать по собственному разумению, как у футбольного защитника, но, так или иначе, он должен играть в ту игру, в которую его вводит жизнь. Другими словами, *индивид выражает свою свободу только в сотрудничестве с другими людьми*.

Наконец, даже здравый смысл подсказывает нам, что мы выражаем нашу свободу в сотрудничестве с другими. Когда вы вступаете в какую-нибудь социальную группу — допустим, в театральную клуб, — мы вправе ожидать, что это расширит вашу свободу, придаст вашим индивидуальным способностям новый стимул и возможность для выражения. Так почему же нельзя применить тот же самый принцип ко всему обществу?

Именно благодаря социальному развитию человечество прошло путь от животной зависимости до этой органической свободы, прекрасной, хотя и далеко не безграничной, которой мы сегодня обладаем.

Следует отметить, что дальнейшее развитие представлений Ч. Кули об обществе получили в его работе «Социальная организация»³. В ней он поставил вопрос о том, как упорядочено общество, каковы отношения между большими формальными организациями и небольшими группами, из которых эти организации состоят, и представил одну из своих базовых концепций — концепцию «первичной группы».

Понятие «первичной группы» он связывал с теми группами людей, которые обеспечивают индивиду его или ее первый опыт социального единства и которые остаются источником «глубоко личностного общения и взаимодействия». Например, семья, группа сверстников и соседи могут повлиять на представления и убеждения развивающегося ребенка, и поэтому они выступают агентами социализации.

Кули был убежден, что чувства взаимопонимания и идентификации с первичными группами помогают связать личность с обществом и ощутить общность цели. Хотя он утверждал, что для этих групп может быть характерен как конфликт, так и любовь и гармония, они «не являются независимыми от всего общества, а в

¹ Кули Ч.Х. Человеческая природа и социальный порядок. С. 41.

² Там же. С. 42.

³ Cooley C.H. Social Organization. Glencoe, IL: The Free Press, 1909.

некоторой степени отражают его сущность». В этом отношении Кули повторил свой тезис о том, что человеческая природа определяется социальными процессами: вместо того, чтобы определяться индивидуально, она определяется «групповой природой», или состоянием общественного разума. Вторя Э. Дюркгейму, он утверждал, что «общество и индивиды являются неразделимыми фазами общего целого, поэтому что бы мы ни обнаружили на индивидуальном уровне, мы можем искать соответствующие явления на уровне общества»⁴.

Кули провел различия между *первичными группами* и *вторичными общественными институтами*.

Первичные группы (семья, детские группы, группы сверстников, соседство, местные общины и т. п.) являются основными общественными ячейками. Они характеризуются интимными, личностными, неформальными связями, непосредственным общением, устойчивостью и малым размером. В них происходит социализация, формирование личности, усваивающей в ходе взаимодействия основные общественные ценности и нормы, способы деятельности.

Вторичные общественные институты (классы, нации, партии), по Ч. Кули, образуют социальную структуру, где складываются безличные отношения, в которые сформировавшийся индивид вовлечен лишь частично, как носитель определенной функции. Система социальных классов, например, — это способ, благодаря которому определенные ценности, такие как меритократия и индивидуализм, помогают поддерживать социальный порядок и предотвратить конфликт между группами с противоположными интересами. Кули утверждал, что координация действий индивидов и групп интересов является задачей подобных крупных, более сложных форм социальной организации. В этом отношении он признавал существование в обществе структурных сил, выказывая свою приверженность органицистским теориям Г. Спенсера и Э. Дюркгейма.

Согласно Кули, природа общества проявляется в представлениях и чувствах индивида, поскольку «человеческое сознание социально, а общество — сознательно»⁵.

Уже на первом году жизни у ребенка можно наблюдать потребность не просто в мускульной или сенсорной активности, а в социальном чувстве. Это чувство, которое сначала неотличимо от чувственного удовольствия, все больше сосредотачивается на людях, а главной целью ребенка становится поиск взаимности в этом чувстве. Одним из таких первых чувств является радость общения, которая, соединяясь с социальным опытом, формирует со временем растущую и разнообразную ткань личного мышления, в котором стадии развития социального чувства соответствуют, до некоторой степени, сложности самой жизни. Из общения — сначала с родителями, родственниками, а затем и с другими людьми, — у ребенка начинает формироваться система представлений, и, в первую очередь, *представление о самом себе как о члене общества*, которое Кули назвал «социальным Я».

6.1.4. Концепция «социального Я»

Ч. Кули подчеркивал, что «собственно слово "я" понимается им лишь в том его значении, которое в обыденной речи выражают местоимения перво-

⁴ Scott S. Charles Cooley // Fifty Key Sociologists: The Formative Theorists / Scott J. (ed.), London and New York: Routledge, 2007. P. 30.

⁵ Кули Ч.Х. Человеческая природа и социальный порядок. С. 65.

го лица единственного числа — «я» ("I"), "меня", "мое", "мне" и "(я) сам"»¹. Это эмпирическое «я», которое можно воспринять и верифицировать посредством обычного наблюдения. Одновременно у него это и социальное «я» в том смысле, что «я» в обыденном языке всегда имеет более или менее явную ссылку как на самого говорящего, так и на других людей»².

Идею, именуемую с помощью местоимений первого лица, отличает особый вид чувства, который можно назвать чувством «мое» или ощущением присвоения. Практически любая идея может включать в себя это чувство и потому называться «я» или «мое», но определяющим фактором при этом служит именно само это чувство. Это чувство, смутное, но сильное, присуще от рождения каждому индивиду, подобно другим инстинктивным представлениям и их зачаткам.

«Ощущение или чувство я можно считать инстинктивным, и его эволюция, без сомнения, связана с его важной функцией побуждать к действиям и сводить воедино отдельные действия индивидов. Оно, таким образом, имеет очень глубокие корни в истории человеческого рода и, очевидно, является необходимым для любого сходного с нашим способа жизни»³, — писал Ч. Кули.

Он отмечал, что нельзя никак иначе окончательно удостовериться в существовании я, как только ощутив его; именно к нему мы относимся как к чему-то «моему». Стоит лишь представить, как кто-то задевает наше я, насмехается над нашей одеждой, пытается отнять нашу собственность, ребенка или старается клеветой очернить наше доброе имя, как чувство я дает о себе знать немедленно. В самом деле, стоит лишь подчеркнута произнести одно из таких слов, как «я» или «мое», и чувство я возникает по ассоциации.

Лучше всего понять это бесхитростно-наивное значение я можно, если прислушаться к разговору играющих вместе детей, особенно если между ними нет согласия. Они употребляют местоимения первого лица не с привычной для взрослых сдержанностью, а с подчеркнутой выразительностью и богатством интонаций, так что эмоциональный смысл этих слов совершенно очевиден. Поскольку многие полагают, будто верифицируемое я, объект, который мы называем «я», обычно является человеческим материальным телом, то имеет смысл отметить, что это мнение — иллюзия, которая легко рассеется у любого, кто возьмет на себя труд просто рассмотреть факты. Это утверждение несложно проверить, ибо слово «я» — одно из наиболее употребляемых в разговоре и литературе, так что ничто не мешает изучить его значение со всей возможной тщательностью. Для этого нужно лишь прислушаться к обыденной речи, пока это слово не встретится в нем, скажем, сотню раз, замечая, в какой связи его произносят, или же рассмотреть такое же количество случаев его употребления героями какого-нибудь романа.

Обычно обнаруживается, что «я» обозначает тело говорящего не более чем в десяти случаях из ста. Главным же образом оно отсылает к мнениям, целям, желаниям, требованиям и подобным вещам, которые не заключают в себе никакой мысли о теле»⁴.

Чувство «я» оформляется и развивается благодаря опыту, входя в состав или, скорее, встраиваясь в мышечные, зрительные и иные виды ощущений, в перцепции, апперцепции и представления различной степени сложности и

¹ См.: Кули Ч.Х. Человеческая природа и социальный порядок. С. 124.

² Там же.

³ Там же. С. 126.

⁴ Там же. С. 130.

бесконечного по многообразию содержания и, особенно, в представления человека о самом себе. Между чувством «я» и целенаправленной деятельностью человека существует взаимосвязь — это чувство направляет деятельность человека.

Например, если мальчик занят постройкой лодки и у него это получается, его интерес к делу растет, он любит ее дорогими его сердцу килем и форштевнем; ребра лодки значат для него больше, чем его собственные. Ему не терпится показать ее друзьям и знакомым: «Смотрите, что я делаю! Правда, здорово?» Он ликует, когда его работу хвалят, и чувствует себя обиженным или оскорбленным, если в ней обнаруживают какой-то дефект. Но, как только лодка закончена и он начинает заниматься чем-то другим, его чувство «Я» в отношении нее начинает угасать, и самое большое через несколько недель он становится к ней почти равнодушен».

*Тело отождествляется с я, когда оно приобретает социальную функцию или значимость. Например, «когда мы говорим "Я сегодня хорошо выгляжу" или "Я выше тебя ростом", мы вводим его в социальный мир и поэтому помещаем в нем свое осознаваемое я»*¹.

Область, на которую главным образом распространяется чувство я, лежит в пределах общей (социальной. — Н. О.) жизни, а не вне ее. Те специфические индивидуальные склонности или стремления, эмоциональным аспектом которых выступает чувство я, находят свое важнейшее проявление в сфере личных влияний, отражаемых в сознании человека как совокупность его представлений о самом себе. Связанная с мыслью о других людях, идея я всегда есть осознание человеком индивидуальности или своеобразия своей жизни, поскольку именно эту сторону жизни необходимо поддерживать целенаправленными усилиями. Именно она агрессивно проявляет себя всякий раз, когда, по мнению человека, его собственные устремления идут вразрез с устремлениями других людей, с которыми он мысленно себя соотносит. Тот факт, что в обычной речи значение «я» содержит так или иначе ссылку на других людей, обусловлен именно тем, что это слово и выражаемые им идеи суть феномены языка и общения»².

Ч. Кули утверждал, что без общения не может быть никаких имен и связанных мыслей. В данной связи то, что мы называем «я», «мое» или «(я) сам», не отделено от общей жизни, а составляет ее наиболее интересную сторону; и я интересно именно тем, что оно одновременно и всеобщее, и индивидуальное. Иными словами, мы питаем к нему интерес по той, собственно, причине, что именно эта часть нашего сознания существует и пробивает себе дорогу в общественной жизни, пытаясь оказать давление на сознание других людей.

Именно из общения с другими черпаются представления или система представлений, которые сознание человека воспринимает как свои собственные. Эта система представлений и была обозначена Кули как «социальное я»: «социальное я — это просто представление или система представлений, почерпнутая из общения с другими людьми, которые сознание воспринимает как свои собственные»³.

¹ Кули Ч.Х. Человеческая природа и социальный порядок. С. 131.

² Там же. С. 134.

³ Там же. С. 133.

⁴ Там же. С. 132.

«Подобное я — это активная социальная сила, стремящаяся захватить и расширить себе место в общем раскладе сил. Мыслить его отдельно от общества — вопиющая нелепость, в которой нельзя обвинить того, кто действительно усматривает в «я» явление жизни. Если человек никак не осознает связи предмета с другими людьми, то он вряд ли станет и думать о нем, а если все же думает, то не может, как мне кажется, считать его исключительно своим»¹, — писал Ч. Кули.

Согласно Кули, не существует такого значения «я», которое не имело бы смысловой соотнесенности с ты, он или они².

Даже скупец, с упоением любующийся припрятанным золотом, может ощущать его «своим», только осознавая, что существуют люди, над которыми он имеет тайную власть.

В многочисленных случаях ссыла на других осуществляется таким образом, что человек более или менее отчетливо представляет себе, как его я, то есть любая идея, которую он считает своей, воспринимается другим сознанием. Возникающее при этом у человека чувство я определяется тем, как, на его взгляд, это другое сознание относится к данной идее³.

Социальное я такого рода Кули назвал *отраженным или зеркальным я*, сопроводив это словосочетание фразой: «все друг дружке — зеркала, Сообщают, как дела»⁴.

«<...> Подобно тому, как, видя свое лицо, фигуру и одежду в зеркале, мы проявляем к ним интерес, потому что они наши, и бываем довольны или не довольны ими в зависимости от того, отвечают ли они тому, какими мы хотим их видеть, или нет, так и в воображении мы рисуем себе, что другие думают о нашей внешности, манерах, намерениях, делах, характере, друзьях и т. д., и это оказывает на нас самое разнообразное влияние»⁵.

Как отмечают исследователи, прародительницей всех построений, подобных схеме «зеркального я», была концепция Адама Смита, представленная в его главной книге «Теория нравственных чувств» (1759). А. Смит прямо использовал метафору «зеркала», рассуждая о воспитательном воздействии общества на личность. Если вообразить человека, выросшего в изоляции, без всякого сообщения (ком-

¹ Кули Ч.Х. Человеческая природа и социальный порядок. С. 133.

² Следует отметить, что наряду с социальным (зеркальным) я, Ч. Кули выделял «групповое я» и «национальное я». Групповое я или «мы» — это попросту я, включающее других людей. Так, когда человек отождествляет себя с группой людей и, говоря об общей воле, мнении, работе и т. п., употребляет слова «мы» или «нам». Смысл этих слов рождается из сотрудничества внутри группы и ее противостояния внешнему окружению. Семью, которой пришлось преодолевать законодически трудности, обычно связывает общность интересов — «мы выкупили закладную», «мы послали мальчиков в колледж» и т. п. Студент отождествляет себя со своим курсом или университетом, когда он участвует в общественных мероприятиях, особенно в спортивных состязаниях с другими курсами или учебными заведениями. Национальное я — это разновидность группового я (мы), которое можно ощутить только в связи с каким-то значительным объединением людей, так же как свое индивидуальное я мы ощущаем только в связи с другими индивидами. Так, людям был бы неведом патриотизм, если бы они не осознавали существования других народов. Национальное «мы» может и должно волацать в себе подлинную честь, идеал служения и гуманные устремления. [Кули Ч.Х. Человеческая природа и социальный порядок / Пер. с англ. М.: Идея-Пресс. Дом интеллектуальной книги, 2000. С. 152–153.]

³ Кули Ч.Х. Человеческая природа и социальный порядок. С. 135.

⁴ «Each to each a looking-glass Reflects the other that doth pass».

⁵ Кули Ч.Х. Человеческая природа и социальный порядок. С. 135.

муникации] с себе подобными, то такой человек был бы не способен судить ни о собственном характере, ни о добре либо зле в своих мыслях, чувствах и поведении, ни даже о своей внешности. Только общество подносит индивиду зеркало, в котором он в состоянии увидеть и оценить эти сами по себе безразличные свойства. В природе человека, по А. Смиту, заложена, во-первых, естественная для каждого способность симпатии (сочувствия) другим людям, в основном выражаемая в сочувственном понимании их чувств, которые предположительно являются мотивами соответствующих поступков; и, во-вторых, способность оценивать собственные действия, воображая, как отнесся бы к ним и к их побудительным мотивам беспристрастный наблюдатель, наделенный той же естественной симпатией к другому и на ее основе склонностью к моральным оценкам¹.

Таким образом, А. Смит утверждает, что человек несет общество в себе, принимая обобщенные нормы, оценки и чувства других людей как часть самого себя² предвосхитил как понятие «зеркального я» у Ч. Кули, так и понятие «обобщенно-другого» у Дж. Мида.

У Ч. Кули, идея зеркального я, включает три основных элемента:

- 1) представление о том, как мы выглядим в глазах другого человека;
- 2) представление о том, как он судит об этом нашем образе;
- 3) некое чувство я, вроде гордости или стыда³.

Простое сравнение с зеркалом, по его мнению, не позволяет выявить второй элемент — воображаемое суждение, который весьма существен. В человеке рождает гордость или стыд не просто его механическое отражение, а приписываемое кому-то мнение, воображаемое воздействие этого отражения на другое сознание. Это явствует из того факта, что для чувства я у индивида большое значение имеют характер и авторитет того человека, в чьем сознании он себя видит видим.

Так, обычно бывает стыдно показаться лживыми в глазах человека прямого и честного, трусливыми в глазах смелого, вульгарными в глазах утонченного и т. д.

Кули отмечал, что в развитии я, как и всех других сторон личности, сказываются глубинная наследственность и действие социальных факторов, и его нельзя понять или предсказать иначе как в связи с общим контекстом жизни. Будучи особым, оно ни в какой мере не является обособленным — особенностью и обособленностью не только различны, но и противоположны, ибо первое предполагает связь с целым. То, на какие предметы направлено чувство я, зависит от общего хода истории, от конкретного развития народов, классов, профессий и других факторов такого же рода⁴.

Согласно Кули, без особых затруднений можно проследить процесс развития чувства я зеркального типа у детей⁵.

Внимательно следя за поведением других, дети довольно скоро замечают связь между своими действиями и изменениями в этом поведении, т. е. они начинают

¹ См.: Ковалева А.Д. Книга Ирвинга Гоффмана «представление себя другим в повседневной жизни» и социологическая традиция // Гоффман И. Представление себя другим в повседневной жизни / Пер. с англ. А.Д. Ковалева. М.: КАНОН-ПРЕСС-Ц; Кучково поле, 2000. С. 12.

² Там же.

³ См.: Кули Ч.Х. Человеческая природа и социальный порядок. С. 135.

⁴ Там же. С. 136.

⁵ Там же. С. 143.

осознавать свое собственное влияние или власть над людьми. Ребенок присваивает себе наблюдаемые им действия родителей или няни, над которыми, как выясняется, он имеет некоторую власть, присваивает совершенно так же, как свою руку, ногу или игрушку. Он будет пытаться обращаться с этим новым приобретением так же, как со своей рукой или погремушкой. Девочка шести месяцев будет стараться самым явным и нарочитым образом привлечь к себе внимание, пуская в ход некоторые из тех действий других людей, которые она себе присвоила. Она вкусила радость быть в центре внимания, применять власть над другими и желает ее все больше. Она будет тянуть мать за юбку, вертеться, гукать, протягивать к ней руки, неотступно следя за произведенным эффектом. Подобные выкрутасы ребенка, даже в этом возрасте, часто выглядят как так называемая аффектация, ибо его, похоже, заботит только то, что подумают о нем другие люди. Аффектация в любом возрасте встречается там, где страстное желание оказывать влияние на других, по-видимому, берет верх над сложившимся характером, внося в него явный разлад и искажение. Юный лицедей быстро учится вести себя по-разному с разными людьми. Это означает, что он начинает понимать характер окружающих людей и предвидеть их поступки. Если мать или няня скорее ласковы с ним, нежели строги и справедливы, он почти наверняка будет «обрабатывать их систематическим плачем. По общему наблюдению, дети часто хуже ведут себя с матерью, чем с другими, менее близкими им людьми. Из новых же людей, с которыми знакомится ребенок, одни явно производят на него сильное впечатление и будят в нем желание заинтересовать и понравиться, тогда как другие оставляют равнодушным или же вызывают неприязнь. Иногда можно понять или угадать причину этого, иногда — нет, но к концу второго года жизни налицо избирательность в проявлении интереса, восхищения и признания авторитета. К этому времени ребенок уже сильно заботит впечатление, производимое им на одних людей и очень мало — на других. Более того, он начинает предъявлять притязания на близких и покладистых людей как на нечто такое, что принадлежит ему наряду с другими вещами, и обороняет свои владения от любых посягательств. М. в возрасте трех лет сильно обижалась на Р. за его притязания на мать. Когда бы ни зашла об этом речь, мама у нее всегда была «моя мама».

Таким образом, воображение вкупе с инстинктивным чувством я уже создали социальное я, и на нем теперь сосредоточены главные интересы и усилия. С этого момента прогресс в основном состоит в том, чтобы представлять себе состояние чужого сознания с большей определенностью, полнотой и проницательностью¹.

На протяжении всей человеческой жизни социальное я, проявляющееся в представлениях, «в той или иной форме побуждает к деятельности всех психически нормальных людей, и дает главную пиццу для их воображения»².

6.1.5. Общество как связь между личными представлениями

Согласно Ч. Кули, разум — это продукт социального окружения: индивид развивает свою индивидуальность через интернационализацию таких социальных процессов, как социальное взаимодействие и коммуникация. Человек

¹ См.: Кули Ч.Х. Человеческая природа и социальный порядок. С. 144–145.

² Там же. С. 151.

существует, постоянно выражая себя, и вне явного или воображаемого выражения для него нет полноценной жизни — и так было во все времена¹.

Самовыражение человека происходит исключительно в процессе общения с другими людьми, даже если они присутствуют только в его воображении.

Так, дети, предоставленные сами себе, предаются радостям общения с помощью воображаемого партнера по играм. Некоторые дети живут в воображаемом мире чуть ли не с первого месяца; ум других занят с раннего детства в основном уединенными опытами с кубиками, картами и другими неодушевленными предметами, и их мысли, без сомнения, наполнены их образами. Но в любом случае, после того как ребенок начинает говорить, общественный мир со всеми его чудесами и соблазнами открывается его сознанию и настолько наводит его воображение, что все его мысли суть разговоры. Он никогда не бывает один. Иногда в неслышимом собеседнике узнается образ реального товарища по играм, иногда он оказывается чистой выдумкой.

Эти разговоры — не случайные и временные всплески воображения, а простодушное выражение социализации сознания, которая идет постоянно и лежит в основе всего последующего мышления. Воображаемый диалог перерастает младенческие размышления вслух и становится чем-то более сложным, сокровенным и изощренным, но он никогда не прекращается. Взрослые люди, как и дети, обычно не осознают, что это диалог. Становясь старше, они перестают, по большей части, вести их вслух, а некоторые вообще предпочитают уединенное созерцание и одиночество. Но в целом сознание и взрослых, и детей живет в нескончаемой беседе².

Подобная тяга к общению не столько результат размышления, сколько его неотъемлемая часть: только общаясь можно мыслить и существовать. Всякая мысль по самой своей сути несет в себе побудительный импульс, и этот импульс в сложных и социально развитых формах мышления выступает как потребность говорить, писать и т. п.; а если эти действия неосуществимы, он реализуется в воображаемом общении.

Люди мыслят посредством воображаемой беседы, в рамках которой делаются своими мыслями с самими собой или воображаемыми другими. При этом реальное лицо неотделимо от воображаемого; в самом деле, быть воображаемым — значит, стать реальным в социальном смысле. Невидимая личность вполне может быть более реальной для одаренного богатым воображением ума, чем видимая; телесное присутствие — не обязательно первостепенная вещь. Человек может быть реальным для нас лишь в той мере, в какой мы соотносим в воображении свою внутреннюю жизнь в данный момент с его. Телесное присутствие важно главным образом тем, что побуждает делать это. В этом смысле все реальные личности являются воображаемыми³.

Кули утверждал, что когда один человек размышляет о другом, он формирует тем самым суждения, отражающие представления о нем.

Сначала это может быть смутное воспоминание об очертаниях рта и глаз или о других чертах, выражающих позу, осанку или жест; или это может быть отзвуком некоего тона или модуляции голоса. Можно представить, как человек поступил бы в различных ситуациях, и вынести суждение о характере его личности.

¹ См.: Кули Ч.Х. Человеческая природа и социальный порядок. С. 73.

² Там же. С. 70–71.

³ Там же. С. 74.

«Когда мы судим о новом для себя лице, голосе или форме, мы бессознательно спрашиваем себя, чему бы они могли соответствовать; мы пытаемся представить их в различных ситуациях, и, если они, как мы думаем, нам подходят, не поступают неадекватно, мы делаем вывод, что с таким человеком можно иметь дело... Если я могу представить человека струсившим, я не уважаю его; если я могу представить его лгушим, я не доверяю ему; если я могу представить его восприимчивым, быстро схватывающим, способным возражать людям и спориться ими по собственному усмотрению, я приписываю ему административные способности; если я могу представить его терпеливо изучающим и разрабатывающим непроясненные проблемы, я сужу о нем как об ученом и т. д. Символ, с которым мы сталкиваемся, напоминает нам о каком-то другом, сходном символе и это приводит нас к целой группе представлений, образующих наше личное впечатление о новом человеке», — писал Кули¹.

Согласно Ч. Кули, развитие личных представлений формируется в общении, которое неизбежно включает в себя и возрастающую способность к симпатии, к пониманию чужого сознания и участию. Общение с другим посредством слов, взглядов или других символов в большей или меньшей степени означает понимание и сопричастность с ним, наличие общей почвы и соучастие в его представлениях и чувствах.

Слово «симпатия» означает способность разделять любое ментальное состояние, передаваемое в общем, а не обязательно жалость, как таковую, или другие «нежные эмоции», с которыми это слово очень часто связывают в обыденной речи².

Симпатии человека не только отражают и выражают сложное общество. В них можно также разглядеть в них некоторые признаки тех процессов или принципов изменения, которые в полном объеме присущи общему движению человечества. В смысле душевного соучастия или общения симпатия — отнюдь не простое явление. Оно содержит в себе столь многое, что можно предположить, что полное понимание опыта симпатии лишь одного человека дает ключ к пониманию социального порядка, как такового. Акт общения — это особый аспект того целого, которое мы называем обществом, и неизбежно отражает то, характерной частью чего он является. Общение с другом, лидером, противником или книгой — это акт симпатии; именно из совокупности таких актов и состоит общество.

Даже самые сложные и жестко структурированные институты могут рассматриваться как состоящие из бесчисленных личных влияний и актов симпатии, организованных в стройное и устойчивое целое посредством некой системы постоянных символов. Это законы, конституции, священные писания и т. п., в которых сохраняются личные влияния. Каждый акт симпатии может рассматриваться как частное выражение истории, институтов и тенденций развития того общества, в котором он происходит³.

По мнению Ч. Кули, личное представление — это реальная личность с точки зрения изучения непосредственных социальных отношений. Только

¹ Кули Ч.Х. Человеческая природа и социальный порядок. С. 81.

² Там же. С. 102.

³ Там же. С. 122.

благодаря личному представлению один человек существует для другого и непосредственно воздействует на его сознание. Ничего, по-видимому, не может быть очевиднее того, что непосредственная социальная действительность есть личное представление⁴.

Чувство, посредством которого своя семья, клуб, колледж, штат или страна осмысливается в сознании человека, стимулируется смутными образами во многом личного характера⁵. Тогда для того, чтобы составить общество, необходимо, чтобы люди каким-то образом объединились; а они объединяются только в качестве личных представлений в сознании. Следовательно, общество как таковое, — это связь между личными представлениями⁶.

«Общество существует в моем сознании как контакт и обоюдное влияние определенных представлений по имени Я, Томас, Генри, Сюзан, Бриджит и т. д. Оно существует и в вашем сознании в виде подобной группы и точно так же в любом сознании. Каждый человек непосредственно осознает определенные стороны жизни общества, а то, что он сознает и большие социальные целостности — такие, как народ или эпоха, — обусловлено включением в этот частный аспект тех самых идей или чувств, которые он приписывает своим соотечественникам или современникам в их коллективном аспекте»⁷, — писал Ч. Кули.

Представления, которые люди имеют друг о друге, являются реальными фактами общества. Наблюдение и толкование реальных фактов общества, по мнению Ч. Кули, и должно быть основной задачей социологии⁸.

Он считал, что глубокое понимание любого социального факта требует от исследователей предположения о том, что именно люди думают друг о друге.

Например, такой социальный факт как милосердие, нельзя понять, не представляя себе, как представляют друг друга дарующий и получатель дара; чтобы понять убийцу, надо сначала понять, что преступник думает о своей жертве и о служителях закона; отношение между работодателями и рабочим классом — это прежде всего вопрос личной позиции, которую следует понять через сочувствие к обоим сторонам, и т. д.

Само общество, согласно Кули, должно изучаться посредством воображения. Соответственно, объектом изучения тогда становится группа представлений в сознании индивидов, которая формируется с помощью воображения. Дело в том, что телесно существующий человек социально нереален, если он никем не воображаем.

Например, если аристократ считает слугу просто животным и не приписывает ему человеческих мыслей и чувств, последний не реален для него в смысле личного воздействия на его ум и сознание. Когда человек уезжает в чужую страну и безвестно скрывается в ней, он, очевидно, не будет социально существовать для ее жителей.

Личное представление — это непосредственная социальная реальность, то, в чем люди существуют друг для друга и прямо воздействуют на жизни друг друга. Поэтому любое изучение общества, не основанное на прочном

⁴ См.: Кули Ч.Х. Человеческая природа и социальный порядок. С. 90.

⁵ Там же. С. 86.

⁶ Там же. С. 90.

⁷ Там же.

⁸ Там же. С. 91.

понимании личных представлений, является пустым и безжизненным — простым доктринерством, а вовсе не знанием¹.

Многие исходные теоретические посылы Ч. Кули, такие как приоритет социального, общение (коммуникация) как важнейший фактор социальной жизни, природа социального я, послужили основой для становления символического интеракционизма. Во многом они были сходными с теми, что выражал и его современник Дж. Мид. Оба этих исследователя, в частности, сходились в том, что социология должна заниматься такими явлениями как сознание, действие и взаимодействие². В то же время творчество Дж. Мид имело более глубокое и длительное влияние на социологию: если Ч. Кули высказывался в форме предположений и догадок, то Дж. Мид развил его направление мысли в стройную и сложную теорию социального разума³.

6.2. Концепция символического взаимодействия Джорджа Герберта Мид

6.2.1. Краткая биография и основные труды

Джордж Герберт Мид (George Herbert Mead) (1863–1931) родился в городе Саут-Хадди штата Массачусетс, в семье Хайрама Мид, пастора конгрегационалистской церкви, и Элизабет Мид (в девичестве Сторрс Биллингз).

В 1870 г. вместе с родителями Дж. Мид переехал в город Оберлин (штат Огайо), где его отец Х. Мид получил место преподавателя теологии в Колледже Оберлина. В 1879 г. его сын поступил в это же учебное заведение, а в 1883 г. окончил его, получив диплом бакалавра. Затем, сменив множество рабочих мест — преподавателя средней школы, инспектора железнодорожных компаний, частного репетитора и т. п., Дж. Мид впал в депрессию, от которой страдал многие годы⁴. В 1887 г. Дж. Мид был принят на философский факультет Гарвардского университета и попал под руководство крупнейших американских мыслителей того времени, гарвардских профессоров Джосаи Ройса (христианского неогегельянского философа) и одного из основателей прагматизма Уильяма Джемса (1842–1910). Однако довольно скоро его научные интересы сместились от философии к психофизиологии и, так и не получив университетскую степень, он уехал на учебу в Германию.

В Германии, где Дж. Мид провел следующие три года (с 1889 по 1891 гг.), он сначала обучался в университете Лейпцига под руководством психолога В. Вундта. Но затем, после первого же семестра, перевелся в университет Берлина, где находился под влиянием психологов В. Дильтея, Г. Эбингхауса и Ф. Паулсона, а также социалиста Г. Шмолера⁵.

Однако в конце 1891 г. выдающийся философ и преподаватель Джон Дьюи (John Dewey) (1859–1952), который впоследствии стал другом и коллегой

¹ Кули Ч.Х. Человеческая природа и социальный порядок. С. 93.

² Ritzer G. Sociological Theory: 5th ed. International edition: McGraw-Hill Higher Education, 2000. P. 194.

³ Коллинз Р. Четыре социологических традиции / Пер. с англ. В. Россмана. М.: Издательский Дом «Территория будущего», 2009. С. 265.

⁴ Deegan M.J. George Herbert Mead // Fifty Key Sociologists: The Formative Theorists / Scott J. (ed.). London and New York: Routledge, 2007. P. 114.

⁵ Там же.

Дж. Мид, предложил ему должность учителя философии в университете города Анарбара (штат Мичиган). Мид сразу принял это предложение, и так и не получив ученую степень, покинул Берлин.

В 1891 г., с началом новой жизни в Анарбаре, а также после женитьбы на Хелен Кастл, закончилась долгая депрессия Дж. Мид. Он получал интеллектуальное удовлетворение как от занимаемого им поста, так и от профессиональных и личных отношений с Дж. Дьюи. В 1894 г. Дьюи получил назначение на факультет философии и психологии университета города Чикаго и настоял на том, чтобы Мид был принят на работу туда же⁶.

В Чикагском университете, который оставался его «домом» до конца жизни, Дж. Мид прошел все ступени университетской должностной иерархии — от ассистента до профессора. Там он жил полной жизнью, окруженный членами семьи, друзьями, студентами, коллегами, общественными активистами и выступил, вместе с Дж. Дьюи и рядом единомышленников, создателем так называемой школы «чикагского прагматизма», сфокусированной на анализе «межличностных отношений», базировавшейся «на натуралистичном подходе к научной деятельности как ориентированной на решение конкретных задач и основанной на научных методах»⁷.

Дж. Дьюи оказал на него огромное влияние: «... Мистер Дьюи — не только очень оригинальный и глубоко думающий человек, но и наиболее восприимчивый мыслитель из всех, кого я когда-либо встречал. Он дал мне больше, чем кто-либо из известных мне ученых», — писал Мид⁸. Однако вскоре их взгляды разошлись, и Мид стал развивать собственную теорию.

В 1900 г. он начал читать вводный курс по социальной психологии, который в 1916–1917 гг. был им переработан в развернутый базовый курс. Именно благодаря данному курсу Дж. Мид, в котором проявились блестящие способности преподавателя, оказал мощное влияние на студентов — будущих социологов, психологов и педагогов. Сам он «был горд и счастлив тем, что мог дарить знания студентам, и высоко ценил студенческую аудиторию, которую неизменно привлекал. Он тратил много времени, поощряя и наставляя студентов, передавая им свое живое воображение»⁹.

В данной связи интерес представляют воспоминания одного из студентов Дж. Мид, А. Коттрелла, ставшего впоследствии известным социологом. «Для меня курс профессора Миды был уникальным и незабываемым опытом <...>. Профессор Мид был крупным добродушным человеком, он носил великолепные усы и вандейковскую бородку. Его характерной мягкой застенчивой улыбке сопутствовал огонек в глазах, словно он радовался какой-то скрытой шутке, которую разыгрывал с аудиторией <...>».

Читая лекцию, всегда без записей, профессор Мид обычно вертел в руках кусок мела и пристально смотрел на него <...>. Высказывая особенно хитроумный тезис лекции, он обычно бросал беглый взгляд и робко, почти извиняясь, улыбался, никогда не смотря ни на кого в отдельности. В ходе лекций мы вскоре поняли,

⁶ Deegan M.J. George Herbert Mead // Fifty Key Sociologists: The Formative Theorists / Scott J. (ed.). London and New York: Routledge, 2007. P. 114.

⁷ Там же.

⁸ Cook G. George Herbert Mead: The Making of a Social Pragmatist. Urbana: University of Illinois Press, 1993. P. 32.

⁹ Кохер А. Мастера социологической мысли. Идеи в историческом и социальном контексте. М.: Издательство: Норма, 2006. С. 272.

что вопросы или комментарии аудитории не приветствуются. Действительно, когда кто-либо осмеливался задать вопрос, поднимался неодобрительный ропот студентов, которые возражали против любого прерывания восхитительного повествования. Его требования к студентам были умеренными. Он никогда не устраивал экзаменов. Главной задачей для каждого из нас, студентов, было написать по возможности грамотную работу. Профессор Мид читал их очень внимательно, и то, что он об этом думал, становилось твоей оценкой по предмету. Можно было бы предположить, что студенты будут для подготовки к работе скорее читать литературу, чем посещать его лекции, но это был не тот случай. Студенты всегда приходили на занятия. Мид никогда им не надоедал¹.

Следует отметить, что помимо преподавания, Дж. Мид участвовал в общественных реформах. Он был убежден, что науку можно использовать для решения социальных проблем. Например, он всерьез был увлечен формированием политики Фонда отчетной палаты при Чикагском университете, идея в отношении которого была подана Джейн Адамс², создавшей в 1889 г. реформаторскую общину «Халл-хаус». В этой общине, поставившей целью разработать новый подход к регулированию социальных отношений, собирались и анархисты, и марксисты, и социалисты, а также активисты социальных движений и ведущие социальные теоретики (в их числе был и Дж. Мид). Следует отметить, что «Халл-Хаус: Планы и доклады»³ — новаторский социологический проект, осуществленный «посетителями» Халл-Хауса в 1895 г., предшествовал городским исследованиям социологов Чикагской школы⁴.

Хотя в 1928 г. подошел возраст выхода на пенсию, Дж. Мид продолжал преподавать и летом 1930 г. стал профессором философского факультета Чикагского университета. К сожалению, он был замешан в серьезном конфликте между сотрудниками факультета и его деканом. Это привело к тому, что в начале 1931 г. ученый, попав в больницу, написал заявление об отставке. Его выписали из больницы в конце апреля, а на следующий день (после выписки) он умер от сердечной недостаточности⁵.

Если отечественные специалисты оценивают собственное литературное наследие этого ученого как «скудное», то современные зарубежные исследователи его творчества⁶ насчитали более 120 статей и обзоров⁷, опублико-

¹ Cottrell L.S. George Herbert Mead: The Legacy of Social Behaviorism / R.K. Merton, M.W. Riley (eds.), Sociological Traditions from Generation to Generation: Glimpses of American Experience. Norwood, New Jersey: Ablex, 1980. P. 49–50.

² Адамс Джейн — известная американская исследовательница, общественный деятель, лауреат Нобелевской премии.

³ Addams J. Hull-House Maps and Papers (as Residents of Hull-House). New York: Crowell, 1895.

⁴ См. подробнее: Deegan M.J. Jane Adams // Fifty Key Sociologists: The Formative Theorists / J. Scott (ed.). London and New York: Routledge, 2007. P. 3–8.

⁵ Deegan M.J. George Herbert Mead. P. 115.

⁶ Ibid. P. 116.

⁷ В их числе: Mead G.H. Le Bon G.: The Psychology of Socialism // American Journal of Sociology, 1899. № 5; Mead G.H. Industrial Education, the Working-Man and the School // Elementary School Teacher, 1908–1909. № 9; Mead G.H. Concerning Animal Perception // Psychological Review, 1907. № 14; Mead G.H. The Philosophical Basis and Ethics // International Journal of Ethics, 1908. № 18; Mead G.H. Social Consciousness of Meaning // Psychological Bulletin, 1910. № 7; Mead G.H., Anderson B.M. Social Value: A Study in Economic Theory // Psychological Bulletin, 1911. № 8; Mead G.H. The Social Self // Journal of Philosophy, 1913. № 10;

ванных им при жизни. Однако он так и не смог связать их проблематику в целостную концепцию и оформить в законченное произведение. Дж. Мид крайне угнетала его «неспособность записать то, что он хочет»¹. Действительно, «лучшим его средством был разговор; по сравнению с ним его письменное творчество выглядело бледно»².

Научные работы Дж. Мид, отразившие зрелый этап его творчества, были изданы вскоре после смерти ученого — в 1932–1938 гг. Ученики и последователи Дж. Мид разбирали по темам стенографические записи лекций, выступлений и разрозненные рукописи этого «самого оригинального ума в философии Америки среди последних поколений»³, отредактировали и издали их.

Так, книга Дж. Мид «Философия настоящего»⁴, увидевшая свет в 1932 г., была собрана Артуром Мерфи из серии речей, произнесенных Дж. Мидом в 1930 г. во время совместного с ним путешествия на поезде для последующего представления их на «Лекциях Пола Каруса» в университете Беркли (Калифорния).

Самым важной из работ Дж. Мид считается работа «Разум, Я и общество»⁵, изданная в 1934 г. Чарльзом Моррисом по стенографическим записям курса Дж. Мид по социальной психологии, читавшимся им в 1927–1928 гг.

В 1936 г. под названием «Движения мысли в XIX веке»⁶ были опубликованы стенографические записи одноименного курса Дж. Мид. В этом томе нашли отражение результаты его монументального анализа социальной мысли как действия — истории идей, сформированных событиями и человеческим действием в течение XIX в.

В 1938 г. из неопубликованных заметок Дж. Мид об опытной связи между физическим действием и процессом движения мысли Чарльзом Моррисом был воссоздан труд «Философия действия»⁷.

В специализированной зарубежной литературе, посвященной творчеству Дж. Мид, есть данные о том, что с 1894 по 1920 гг. Дж. Мид самостоятельно подготовил к изданию три крупных научных произведения. В них вопло-

Mead G.H. Scientific Method and the Individual Thinker // Creative Intelligence: Essays in Pragmatic Attitude / J. Dewey (ed.). New York, 1917; Mead G.H. Scientific Method and the Moral Sciences // International Journal of Ethics, 1923. № 33; Mead G.H. W. Hobson: The Domain of Natural Science // Journal of Religion, 1924. № 4; Mead G.H. The Nature of Aesthetic Experience // International Journal of Ethics, 1926. № 36; Mead G.H. National-Mindedness and the International-Mindedness // International Journal of Ethics, 1929. № 39; Mead G.H. Cooley's Contribution to American Social Thought // American Journal of Sociology, 1930. № 35.

¹ Cook G. George Herbert Mead: The Making of a Social Pragmatist. Urbana: University of Illinois Press, 1993. P. xiii.

² Smith T.V. The Social Philosophy of George Herbert Mead // American Journal of Sociology, 1931. № 37. P. 369.

³ Цит. по: Cook G. George Herbert Mead: The Making of a Social Pragmatist. Urbana: University of Illinois Press, 1993. P. xlii, 194.

⁴ Mead G.H. The Philosophy of the Present / A.E. Murphy (ed., intro.). LaSalle, Ill.: Open Court Publishing, 1932.

⁵ Mead G.H. Mind, Self and Society: From the Standpoint of a Social Behaviorist / Ch.W. Morris (ed., intro.). Chicago: University of Chicago Press, 1934.

⁶ Mead G.H. Movements of Thought in the Nineteenth Century / M.H. Moore (ed., intro.). Chicago: University of Chicago Press, 1936.

⁷ Mead G.H. The Philosophy of the Act / Ch.W. Morris (ed., intro.) in coll. Chicago: University of Chicago Press, 1938.

тился его интерес к исследованию детства, эмоций, политики и городской жизни¹, характерный для раннего этапа его творчества.

Первое представляло собой сборник очерков, написанных им к 1910 г. В них он развивал свой подход к взаимодействию — от биологической и индивидуалистической модели — к социальной и рациональной модели, соединившей индивида и группу. Этот сборник, находившийся на последнем этапе подготовки к публикации, по неизвестной причине так и не увидел свет. Лишь в 2001 г. он был издан под названием «*Эссе по социальной психологии*»².

Второе — книгу, состоявшую из серии неопубликованных статей, он посвятил проблемам развития и обучения детей. В ней Дж. Мид, в частности, концептуализировал понятие «игра», которое стало центральным в ранний период его творчества. Но и эта книга не была им опубликована при жизни: статьи, включенные в эту книгу, были напечатаны в 1999 г. в сборнике «*Игра, школа и общество*»³.

Третье — монографию, которая была основана на записях лекционных курсов по социальной психологии, прочитанных Дж. Мидом в Чикагском университете в 1914 г. и 1927 г. Она вышла из печати в 1982 г. под названием «*Индивид и социальное Я: неизданный труд Джорджа Герберта Мидга*»⁴.

6.2.2. От действия к социальному взаимодействию

Дж. Мид был прежде всего социальным философом и психологом, поэтому в большинстве работ отечественных ученых, раскрывающих важнейшие аспекты творчества этого выдающегося исследователя, имплицитно раскрывается именно этот факт⁵. Действительно, в число теоретиков, «формирующих социологию», Дж. Мид включили те профессиональные обществоведы, которые сумели по достоинству оценить оригинальность его социальной концепции⁶. Безусловно, социологические конструкции этого ученого, которые чаще всего ограничивают концепции социализации и символического взаимодействия, обретают смысл только в рамках его широких философских воззрений, связанных с эволюцией человеческого сознания, конституированием и назначением разума.

Дж. Мид, разделяя прагматический подход к научному анализу У. Джеймса, понимал «прагматизм» как и Дж. Дьюи: прежде всего в смысле действительного и контекстуального подхода к проблемам. Однако он более деталь-

¹ Deegan M.J. George Herbert Mead // Fifty Key Sociologists: The Formative Theorists / Scott J. (ed., intro.). London and New York: Routledge, 2007. P. 115.

² Mead G.H. Essays in Social Psychology / M.J. Deegan (ed., intro.). New Brunswick, New Jersey: Transaction Books, 2001.

³ Mead G.H. Play, School and Society / M.J. Deegan (ed., intro.). New York: Peter Lang Press, 1999.

⁴ Mead G.H. The Individual and the Social Self. Unpublished Work of George Herbert Mead / D.L. Miller (ed.). Chicago: University of Chicago Press, 1982.

⁵ См. напр.: Юлиан А.Г. Возникновение символического интеракционизма (Ч. Кули, У. Томас, Дж. Г. Мид) // История теоретической социологии: В 4 т. Т. 3. М.: Канон, 1997; Кравченко Е.И. Теория относительности в классической социологии XX в.: «перспективы» Джорджа Герберта Мидга // Вестник московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2005. № 1; Ханс Я. Символический интеракционизм Джорджа Герберта Мидга // История социологии: учебник / отв. ред. Г.В. Осипова. В.П. Кулыгин. М.: Издательство Норма, 2009.

⁶ Deegan M.J. George Herbert Mead // Fifty Key Sociologists: The Formative Theorists / Scott J. (ed., intro.). London and New York: Routledge, 2007.

но, чем Дж. Дьюи, исследовал понятие «социальность», сделав его ключевым в своих философских построениях. Потребность в познании возникает из необходимости решения конкретной проблемной ситуации, детерминирующей смыслы высказываний, познавательные инструменты и предполагаемые результаты. Представления об истинном, должном, благе проникнуты социальностью, диктуются практическими задачами и формируются в сообществах людей. В прагматизме Мидга социальность приобрела значение универсального принципа, действующего не только на уровне человека, но и на всех уровнях природы¹.

Главной темой социальной философии Дж. Мидга, а затем — его психологии и социологии, был переход от простейших «социальных» отношений живых существ, имеющих биологическую подоплеку, к общественным отношениям на основе символической коммуникации. Ее возникновение, а также эволюцию Мид и попытался обосновать, представив картину развития человеческой природы, отличную от той, что давалась «догматическим учением о душе и интеллектуалистской психологией»².

Он утверждал, что инстинкты даже низших животных форм, которыми обычно объясняли их поведение, утратили свою жесткость и обрели способность видоизменяться посредством опыта. Природа животного представляет собой не простой набор инстинктов, а некую организацию, внутри которой эти врожденные привычки функционируют с целью исполнения определенных сложных действий — действий, которые во многих случаях являются результатом работы видоизменившихся друг друга инстинктов³.

Он отмечал, что одну поразительную иллюстрацию этой своеобразной эволюции можно найти в игре, особенно среди молодых животных форм, в которой враждебный инстинкт видоизменяется и сдерживается другими, преобладающими в социальной жизни животных инстинктами. Кроме того, и забота, которой родители окружают детеныша, допускает черты враждебности, не достигающие, однако, своего полного выражения в нападениях и уничтожении, обычно предполагающихся в инстинкте, из которого они вырастают. Но это слияние и взаимодействие столь расходящихся инстинктивных действий не есть процесс попеременного господства то одного, то другого инстинкта. Игра и родительская забота могут быть и, как правило, бывают таким комплексом, в рамках которого подавление одной тенденции другими проникло в саму структуру природы животного и даже, по-видимому, его врожденной нервной организации. Другую иллюстрацию подобного слияния расходящихся инстинктов можно найти в уточненном ритуале ухаживания за самкой у птиц.

Согласно Дж. Миду, в основе этого типа организации инстинктивного поведения лежит социальная жизнь, в рамках которой необходима кооперация различных индивидов и, следовательно, непрерывное приспособление откликов к меняющимся установкам животных, участвующих в корпоративных действиях. Именно этот корпус организованных инстинктивных реакций друг на друга и составляет социальную природу этих форм, и именно из со-

¹ См.: Юлиан Н.С. Прагматизм // Новая философская энциклопедия: в 4 т. М.: Мысль, 2001. Т. 1. С. 317.

² Мид Дж. Психология пунитивного правосудия // Американская социологическая мысль: Тексты / Под ред. В.И. Добренькова. М.: Изд-во МГУ, 1994. С. 237.

³ Мид Дж. Психология пунитивного правосудия. С. 237.

циальной природы такого рода, представленной в поведении низших форм, и развивается наша человеческая природа¹.

В то же время этот исследователь, разделяя идеи бихевиористов, исходит из того, что поведение всех живых организмов (включая поведение человека) берет свое начало в простых и фундаментальных отношениях, организуемых по принципу «стимул — реакция». Однако единицей анализа, а затем всеобъемлющим и постоянно присутствующим в социальной теории Дж. Мида понятием стало не поведение, а *действие*.

«... Все происходит в теле действия. Это действие может быть отложенным, но не существует ничего, что было бы само по себе просто физиологическим состоянием, неподвижным, остановившимся. Мироздание всегда находится в постоянном движении, ибо жизнь, как мы уже усвоили, — это процесс жизни, поиск»², — писал этот ученый.

Дж. Мид исходит из того, что поскольку действия совершают и животные, и люди, важно найти их сходства и отличия. Для этого он выделяет четыре элемента или фазы действия, которые образуют органичное целое³.

Первая фаза — «импульс». На этой фазе некий импульс, (раздражитель или «непосредственный чувственный стимул»), который может исходить из окружающей среды, внутреннего состояния актора или комбинации этих факторов, вызывает у него отклик — побуждение что-либо сделать или «ответить».

Актор, которым является как животное, так и человек, может немедленно отреагировать на этот импульс. Однако существует большая вероятность того, что человек сначала обдумает подобающую реакцию, и при этом будет учитывать не только непосредственно ситуацию, но также прошлый опыт и ожидаемые результаты действия.

Примером импульса служит голод.

Голод может возникнуть из внутреннего состояния актора или может быть вызван присутствием во внешней среде пищи или, что наиболее вероятно, может протекать из некоторой комбинации обоих факторов. Если речь идет о животном, то, скорее всего, оно отреагирует немедленно, то есть приступит к еде или начнет поиск пищи, если таковая отсутствует. Человек же, если он голоден, должен найти способ удовлетворить импульс во внешней среде, где пища может быть недоступна в данный момент или находится в недостаточном количестве. Этот импульс, как все прочие, может быть связан с некой проблемой во внешней среде (т. е. отсутствием непосредственно доступной пищи), которую должен разрешить актор.

Вторая фаза — восприятие. На этой фазе актор реагирует на стимулы, связанные с импульсом, а также определяет доступные способы его удовлетворения.

В случае с животным, которое, по Дж. Миду, обладает «сообразительностью» или *неразумным интеллектом*, эта стадия будет состоять в поиске средства удовлетворения потребности, вызванной стимулом (импульсом). Люди же обладают *разумным интеллектом* и способностью «восприятия на

¹ Мид Дж. Психология пунитивного правосудия. С. 238.

² Mead G. Mind Approached Through Behavior — Can Its Study Be Made Scientific // George Herbert Mead on Social Psychology. Selected Papers. Chicago, 1969. P. 134.

³ Mead G.H. The Philosophy of the Act / Ch.W. Morris [ed., intro.] in coll. Chicago: University of Chicago Press, 1938.

расстоянии», которую Дж. Мид описывал как необходимое торможение, предшествующее конкретным действиям, когда имеет место сопоставление альтернатив ответного действия. Восприятие включает поступающие стимулы, а также порождаемые ими в уме образы. Люди не просто немедленно реагируют на внешние стимулы, но, скорее, обдумывают и оценивают их с помощью мысленных образов. Они не просто подвергаются воздействию внешнего стимула, а активно оценивают свойства стимула, поскольку обычно сталкиваются с множеством различных стимулов; постоянно выбирают, какому из них уделить внимание, а каким пренебречь. Именно акт восприятия стимула и делает его объектом для человека: восприятие и объект не могут быть отделены друг от друга, поскольку они диалектически взаимосвязаны.

Третья фаза — манипуляция. На этой фазе (после того как импульс обнаружен и объект воспринят), актор манипулирует с этим объектом или, в более широком смысле, предпринимает в отношении него определенные действия. Помимо разумного (рефлексивного) интеллекта люди обладают, по сравнению с животными, еще одним преимуществом. У людей есть руки, позволяющие им обращаться с предметами гораздо более ловко, чем это могут животные. Фаза манипуляции, по Дж. Миду, включает временную паузу в процессе действия для того, чтобы реакция не проявлялась немедленно.

Так, голодный человек видит пищу, но, перед тем как ее съесть, он, вероятно, сначала исследует ее на предмет пригодности для еды. Животное, вероятно, не станет манипулировать с пищей, а просто, руководствуясь импульсом, исходящим от органов обоняния, инстинктивно съест ее. В размышлениях людей о том, съест ли конкретную еду, включены и прошлое, и будущее. Люди могут подумать о своем прошлом опыте, когда они отравились чем-то несъедобным. Манипуляция, таким образом, становится своего рода экспериментальным методом, с помощью которого актор мысленно проверяет различные гипотезы насчет того, что могло бы случиться, если бы пища была съедена. На основе этих размышлений он решает, съесть ее или нет.

Как голодные люди, так и животные могут съесть пищу, но менее вероятно, что человек съест плохой продукт, так как он обладает способностью манипулировать грибом и думать (и читать) о том, к чему приведет его потребление. Животные должны полагаться на метод проб и ошибок, а это менее эффективный способ, чем человеческая способность обдумывать свои действия. В данной ситуации метод проб и ошибок довольно опасен. Как следствие, представляется вероятным, что животным больше угрожает опасность умереть от употребления непригодной еды, чем людям.

Четвертая фаза — поступок, (собственно реакция, — Н. О.), то есть совершение того действия, которое удовлетворяет потребность ответить на первоначальный импульс.

Между этими фазами действия Дж. Мид усматривал тесную связь: они проникают друг в друга, образуя единый органичный процесс: от начала до конца действия в нем присутствуют аспекты каждого элемента (фазы).

Например, обращение с пищей может вызвать у индивида импульс голода, ощущение того, что он голоден и что пища доступна для удовлетворения этой потребности.

Как уже было отмечено выше, в целом Дж. Мид утверждал, что животные, совершая действия, обладают «неразумным интеллектом». Люди же обладают разумным или «рефлексивным интеллектом», который ученый сначала определял характерным для бихевиористов образом: «Когда вы размышляете, вы создаете себе представления, вызывающие определенные реакции — и это все, что вы делаете»¹.

Однако, по Дж. Миду, для рефлексивного интеллекта людей существенно их способность временно сдерживать действие, откладывать реакцию на стимул². В случае с животными стимул немедленно и неизбежно приводит к реакции, поскольку животные не обладают способностью их временно сдерживать. Он утверждал, что «отложенная реакция — необходимый элемент интеллектуального действия. Организация, скрытая проверка и окончательный выбор <...> были бы невозможны, если бы явные отклики или реакции не могли быть в таких ситуациях отложены»³.

Во-первых, люди, благодаря своей способности откладывать реакции могут создать в уме набор возможных реакций на ситуацию. В уме люди имеют альтернативные способы совершения действия, в котором участвуют.

Во-вторых, люди способны мысленно опробовать различные варианты действия. Животные, напротив, не обладают этой способностью и поэтому должны испытывать реакции в реальном мире методом проб и ошибок. Наконец, люди могут избрать один стимул из ряда стимулов, а не просто реагировать на первый или сильнейший стимул. Кроме того, люди могут выбирать из диапазона альтернативных действий, тогда как животные просто действуют.

Как отмечал Мид, именно присутствие альтернативных возможностей будущей реакции в определении настоящего поведения в любой заданной извне ситуации и их прорабатывание с помощью центральной нервной системы, <...> решающим образом разграничивает интеллектуальное поведение и поведение, основанное на рефлексе, инстинкте и привычке, а также поведение с отложенной реакцией и непосредственную реакцию⁴. Таким образом, способность выбирать из диапазона действий означает, что выбор человека, вероятно, лучше адаптирован к ситуации, чем немедленные и неосознанные реакции животных⁵.

Следует отметить, что подобная позиция Дж. Мид в отношении действия была аналогична той, которую в свое время выразил Дж. Дьюи в статье «Дуга рефлекса»⁶. Между стимулом (импульсом) и реакцией (поступком) существует не односторонняя связь, а переменное, кругообразное отношение. Импульс представляет собой активно искомую организмом возможность выражения определенных способов поведения, для которых существовало побудительное напряжение. При возникновении проблемы поведения, т. е. при возникновении конфликта между двумя импульсами или помехах, создавае-

¹ Mead G.H. Mind, Self and Society: From the Standpoint of a Social Behaviorist / Ch.W. Morris (ed., intro.). Chicago: University of Chicago Press, 1934. P. 93.

² Mead G.H. The Philosophy of the Present / A. E. Murphy (ed., intro.). LaSalle, Ill.: Open Court Publishing, 1932. P. 84.

³ Mead G.H. Mind, Self and Society: From the Standpoint of a Social Behaviorist / Ch.W. Morris (ed., intro.). Chicago: University of Chicago Press, 1934. P. 99.

⁴ Ibid. P. 98.

⁵ Ibid. P. 99.

⁶ Dewey J. The Reflex Complex of Psychology // Psychological Review. 1906. No 3.

мых поведению окружающей средой, животные решают подобную проблему через случайный поиск или методом «проб и ошибок».

У человека же (и в этом состоит его принципиальное отличие от животного) аналогичная ситуация, связанная с препятствием к осуществлению деятельности, возникает в сознании. Препятствие на пути реализации деятельности порождает дифференцированное восприятие, направленное на объекты окружающего мира; цель этого восприятия состоит в том, чтобы обеспечить возможность продолжения деятельности.

Следует отметить, что Дж. Мид был полностью согласен с бихевиористами, считавшими категорию сознания крайне запутанной и двусмысленной. Подразумевая под сознанием рефлексивный интеллект, он полагал, что «сознание функционально, а не содержательно; и во всех из известных смыслах термина оно должно помещаться в объективном мире, а не в мозгу; оно принадлежит или является свойством окружающей нас среды. А находящееся, происходящее в мозгу составляет физиологический процесс, посредством которого мы теряем сознание и вновь приходим в него»¹.

В данной связи он считал, что разумнее рассматривать сознание не как субстанцию, первооснову, а как функцию: сознание появляется и существует как выбор между целым рядом возможных реакций на воспринятый стимул.

Таким образом, сознание является у него функциональной необходимостью для человеческого действия, которое содержит в себе как явные, так и скрытые аспекты человеческого поведения. Это действие становится социальным, если человек включает в сообщество себе подобных.

Как уже было показано выше, и это следует опять подчеркнуть, во всех конструкциях Дж. Мид приоритет неизменно отдается социальному. Отправной точкой его анализа являлось заданное социальное целое сложной групповой деятельности, в которой возможно рассматривать (в качестве элементов) поведение каждого из составляющих ее индивидов.

Как писал сам Мид, в его социальной психологии целое (*сообщество*) предшествует части (*индивиду*), а не часть целому; часть объясняется с точки зрения целого, а не целое с точки зрения части или частей². Совместные действия живых существ — это всегда социальные (социально обусловленные. — Н. О.) действия.

Социальное действие Дж. Мид определял как «действие, в котором повод, или стимул, высвобождающий импульс, обнаруживается в характере или стиле поведения некоторой жизненной формы, соответствующей среде, импульсом для которой эта среда служит <...>. Социальное действие относится к такому классу действий, которые подразумевают сотрудничество двух и более индивидов в отношении социального <...> объекта»³.

При этом под социальным объектом он подразумевал «такой объект, который отвечает всем частям сложного действия, хотя все эти части находятся в поведении разных индивидов. Конечная цель действия, таким образом, находится в процессе жизни группы, а не этих отдельных индивидов»⁴.

¹ Mead G.H. Mind, Self and Society: From the Standpoint of a Social Behaviorist / Ch.W. Morris (ed., intro.). Chicago: University of Chicago Press, 1934. P. 112.

² Ibid. P. 7.

³ Mead G. Mind Approached Through Behavior — Can Its Study Be Made Scientific // George Herbert Mead on Social Psychology. Selected Papers. Chicago, 1969. P. 120 — 122.

⁴ Ibid.

Социальное действие, которое можно обнаружить и в животном мире, включает двух или более особей. Однако из «животного царства» человеку позволяло выделиться не просто социальное действие, а социальное взаимодействие. Именно социальное взаимодействие стало основным способом его адаптации к окружающему миру и выживания в нем.

Социальное взаимодействие основано на наличии у людей абстрактного мышления, которое предполагает способность использовать символы, предполагает развитие личности (социализацию) и формирование зачатков социальной организации (т. е. некоторых устойчивых институциональных рамок социального взаимодействия). При этом основополагающим моментом, базовым механизмом социального процесса, в ходе которого участники социального взаимодействия «находят общий язык», для Дж. Мид стал жест. Категория жеста, а за ней — категории значения, смысла и символа стали ключевыми в концепции социального взаимодействия Дж. Мид.

6.2.3. Ключевые категории социального взаимодействия

Адаптация живых существ друг к другу и к окружающей среде, согласно Дж. Миду, осуществляется с помощью жестов. Он утверждал, что жест имеет место уже тогда, когда действие одного живого существа вызывает реакцию у другого¹.

Жесты, «если проследить их вспять до той матрицы из которой они исходят, всегда оказываются вовлеченными или включенными в более широкое социальное действие, фазами которого они являются. Если рассматривать коммуникацию, то прежде всего следует распознать ее глубинные корни в бессознательном общении жестами², — писал Дж. Мид.

Бессознательное общение жестами, заключающееся в автоматических реакциях на раздражители (стимулы), можно наблюдать как у животных, так и у людей.

Примером такого бессознательного общения жестами в животном мире служит драка между собаками. С точки зрения жестов, действие каждой со-

¹ Понимание категории жеста Дж. Мидом представляется достаточно широким (в категорию жеста оказывались включены и мимика и позы). В современной теории коммуникации жест — это в первую очередь движение рук и кистей рук. Выделяются три группы жестов. В первую группу входят так называемые коммуникативные жесты (включающие мимику, телодвижения). Они представляют собой выразительные движения, замечающие в речи элементы языка. Это приветствия и прощания, жесты угрозы, привлечения внимания, подымающие, приглашающие, запрещающие и т. п., то есть все жесты, встречающиеся в ситуации нежизненного общения и понятные без речевого сопровождения. Вторую группу образуют описательно-изобразительные, поддерживающие жесты, которые как правило сопровождают речь и вне речевого контекста теряют смысл. В третью группу входят модальные жесты — выразительные движения, выражающие оценку, отношение к предметам, людям, явлениям окружающей среды. Это жесты одобрения, неудовольствия, иронии, недоверия, а также жесты, передающие неуверенность, незнание, страдание, раздумье, радость, восторг и т. п. Данная классификация жестов распространяется и на анализ поз и выражений человеческого лица. (Тумина А. Е. Жест // Эффективная коммуникация: история, теория, практика: Словарь-справочник / Отв. ред. М. И. Панов. М.: ООО Агентство КРПА Олимп, 2005. С. 442.)

² Мид Дж. От жеста к символу // Американская социологическая мысль: Тексты / Под ред. В. И. Добренкова. М.: Изд-во МГУ, 1994. С. 217.

баки становится для другой собаки стимулом для реакции³. Другими словами, жест одной собаки (оскал клыков, агрессивный наскок) автоматически вызывает ответный жест у второй и т. д.

У людей бессознательное общение жестами и поддерживаемая с его помощью коммуникация происходит, если ни один из участвующих в нем индивидов не сознает смысла общения. Более того, этот смысл не появляется в сознании ни одного из отдельных индивидов, вовлеченных в общение или поддерживающих его.

Однако основная функция жеста как раз и состоит в том, чтобы «сделать возможным приспособление среди индивидов, участвующих в некотором заданном социальном действии, в соотношении и с объектом или объектами, с которыми связано действие⁴». Эта функция может быть реализована только посредством сознательного общения жестами. В случае сознательного общения жестами или в случае поддерживаемого с его помощью процесса коммуникации каждый из участвующих в них индивидов сознает смысл общения как раз потому, что этот смысл появляется в его сознании, и потому, что такое появление есть то, что предполагает осознание этого смысла.

Таким образом, приспособление друг к другу действий различных человеческих индивидов в рамках человеческого социального процесса происходит посредством коммуникации: посредством жестов на более низких уровнях человеческой эволюции и посредством жестов, обладающих смыслом и являющихся, следовательно, чем-то большим, нежели простые заместительные стимулы, на более высоких уровнях человеческой эволюции.

По Дж. Миду, основным фактором подобного приспособления является значение⁵. Он полагал, что значение зарождается и существует в пространстве отношения между данным стимулом — как жестом — и последующими фазами социального действия, ранней (если не начальной) фазой которого он является.

Если этот жест возмещает, таким образом, другому организму последующее (или результирующее) поведение данного организма, то он обладает значением⁶. Другими словами, именно приспособительная реакция второго организма придает жесту первого значение. Значение, таким образом, становится развитием чего-то, объективно существующего в качестве отношения между определенными фазами социального действия; это не физическое дополнение данного действия и не «идея» в ее традиционном понимании⁷.

Сознательное общение жестами имеет место, если с помощью жестов передаются значения, и жесты общающихся сторон становятся значащими.

³ Mead G.H. Mind, Self and Society: From the Standpoint of a Social Behaviorist / Ch.W. Morris (ed., intro.). Chicago: University of Chicago Press, 1934. P. 42–43.

⁴ Ibid. P. 46.

⁵ В некоторых источниках — смысл. Следует отметить, что в логике, философии и языкознании «значение» и «смысл» — эквивалентные понятия. Если же обратиться к содержанию данных понятий, то не всегда их можно использовать как синонимы. Под значением обычно понимается содержание, связываемое с тем или иным выражением (жестом, словом, предложением, знаком). Смысл — это ценностное содержание какого-либо высказывания (действия), несводимое к значениям составляющих его частей и элементов, но само определяющее эти значения. Использование данных понятий Дж. Мидом надо соотносить с контекстом. Вполне очевидно, что сначала он оперировал термином значение.

⁶ См.: Mead G.H. Mind, Self and Society: From the Standpoint of a Social Behaviorist / Ch.W. Morris (ed., intro.). Chicago: University of Chicago Press, 1934. P. 75–76.

⁷ См.: Мид Дж. От жеста к символу. С. 223.

Жесты становятся значащими, когда они начинают нести для индивидов, производящих их, и индивидов, откликающихся на них, определенные смыслы или значения, касающиеся последующего поведения производящих их индивидов. Тем самым, служа предупреждениями откликающимся на них индивидам относительно поведения производящих их индивидов, они делают возможным взаимное приспособление различных индивидуальных компонентов социального действия друг к другу. ИмPLICITно вызывая в производящих их индивидах те же отклики, которые они эксплицитно вызывают в индивидах, к которым обращены, они делают возможным рост самосознания в единстве с взаимным приспособлением¹.

Дж. Мид показал различие между поведением животных, совершающих обмен жестами, и поведением именуемого им «рефлексирующего индивида».

«Животное никогда не ставит себя на позицию, за которую оно было бы ответственным; оно не ставит себя на позицию другого индивида и не говорит в результате: «Он будет действовать так-то, а я буду действовать так-то». Если индивид может действовать подобным образом, и установка, которую он вызывает в самом себе, становится стимулом для него к совершению другого действия, мы имеем дело с осмысленным поведением»², — писал исследователь. В качестве примера он привел поединок боксеров.

Так, удар, который боксер намеревается нанести своему противнику, должен вызвать определенный отклик, который раскроет защиту его противника, чтобы он мог поразить его. Смысл есть стимул для подготовки реального удара, который он собирается нанести. Отклик, который он вызывает в себе (запритная реакция), является для него стимулом бить в то место, где открывается брешь. Это действие, которое он уже начал в самом себе, становится, таким образом, стимулом для его последующего отклика. Он знает, что собирается делать его соперник, поскольку защитное движение есть движение, которое он уже пробудил (в себе) и которое становится стимулом для нанесения удара в то место, где раскрывается защита. Смысл в его поведении отсутствовал бы, если бы он не становился стимулом для нанесения удара там, где появляется удобная брешь³.

Итак, где отклик другого человека вызывается индивидом (в себе самом) и становится стимулом для контроля над его действием, там смысл действия другого присутствует в его собственном сознании.

В ряду значащих жестов Дж. Мид особенно важными считал голосовые жесты — жесты, осуществляемые с помощью звуков (голоса).

В случае голосового жеста биологическая форма слышит свой собственный стимул как раз тогда, когда он используется другими формами; таким образом, она стремится откликнуться и на свой собственный стимул, когда откликается на стимул других форм⁴. Это значит, что птицы стремятся петь для самих себя, дети — говорить для самих себя. Производимые ими звуки являются стимулами к произведению других звуков. Там, где имеется какой-то особенный звук, вызывающий какой-то особенный отклик, этот звук в случае его использования другими формами вызывает этот отклик в той (биологической) форме, о которой идет речь.

¹ См.: Мид Дж. От жеста к символу. С. 217.

² Там же. С. 220.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 215.

Более того, Мид подчеркивал, что для человека голосовой жест обладает таким значением, каким не обладает никакой другой жест: «...специализация человеческого существа в этой области жеста отвечала, главным образом, за происхождение и развитие современного человеческого общества и знания, со всем возможным благодаря науке контролем над природой и окружающей человека средой»¹.

Конечно, не все голосовые жесты являются значащими. Так, жест не становится значимым в переключке двух птиц (когда воробей просто подражает пению канарейки)², речь попугая также обычно ничего не означает. Даже некоторые голосовые жесты людей (например, неосознанный всхрип) могут быть незначащими.

Для человеческой коммуникации значащий голосовой жест, по сравнению, например, с двигательными жестами, имеет преимущества.

Во-первых, люди не могут видеть себя тогда, когда их лица принимают определенное выражение. В данной связи им легче задержать внимание, и соответственно отреагировать, если они себя слышат. «Гораздо проще спохватиться и контролировать себя в голосовом жесте, нежели в выражении лица»³, — писал Дж. Мид.

Во-вторых, для осознанного типа коммуникации пригоден лишь голосовой жест, потому что лишь на свой голосовой жест откликаются или стремятся откликнуться так, как откликается на него другой.

Мид отмечал, что характер своеобразных голосовых жестов имеет «язык рук», которым пользуются глухонемые. Значения, передаваемые на таком языке, воздействуют на того, кто их использует, точно так же, как они воздействуют на других. То же самое верно и применительно к любой форме письменности. Но все подобные виды коммуникации развились из специфического голосового жеста, ибо это — фундаментальный жест, воздействующий на индивида так, как он воздействует на других. В более широком смысле, «именно голосовой жест неповторимым способом обеспечил средство социальной организации в человеческом обществе»⁴.

Именно с помощью значащих голосовых жестов люди обмениваются значащими символами⁵.

Значащий символ в трактовке Дж. Миды, — это такой жест, который опирается на некоторую идею и одновременно пробуждает ее же в сознании другого человека», то есть воспринимается всеми участниками одинаково. Именно поэтому возможно взаимопонимание участников взаимодействия, а само их взаимодействие получает название символического взаимодействия или взаимодействия посредством одинаково понимаемых значимых символов.

Конструирование таких одинаково понимаемых значимых символов люди осуществляют посредством языка. Язык — это «такой голосовой жест, ко-

¹ Mead G.H. Mind, Self and Society: From the Standpoint of a Social Behaviorist / Ch. W. Morris (ed., intro.). Chicago: University of Chicago Press, 1934. P. 14.

² Мид Дж. От жеста к символу. С. 216–217.

³ Там же. С. 215–216.

⁴ Mead G.H. The Philosophy of the Present / A.E. Murphy (ed., intro.). LaSalle, Ill.: Open Court Publishing, 1932. P. 188.

⁵ Символ — сущность, выраженная в знаках или немногих словах. Иногда рассматривается как особый вид знаков. Символы — осмысленные образы, применяемые для предостережения, руководства, указания на направление движения и передачи информации. Это характеристика образа с точки зрения его осмысленности, выражения или некой идеи. — Прим. авт.

торый имеет тенденцию пробуждать в говорящем индивиде ту установку, которую он пробуждает в других»¹.

Для Дж. Миды язык не просто символизирует какую-то ситуацию или какой-то объект, которые бы заранее уже имелись налицо; он делает возможным существование или появление этой ситуации или этого объекта². Посредством языка передаются символы, значение которых укоренено в совместном опыте людей. С его помощью люди дают понять друг другу, каковы будут их реакции на объекты, а следовательно, — каковы и значения этих объектов.

Как отмечал исследователь, «использование языка охватывает значительный диапазон; но какая бы фаза этого диапазона ни была задействована, мы всегда имеем дело с какой-то частью социального процесса, и это всегда та часть, посредством которой мы воздействуем на себя так, как воздействуем на других, и опосредуем социальную ситуацию этим пониманием того, что мы говорим. Это обстоятельство является фундаментальным для всякого языка: если это действительно язык, индивид должен понимать то, что говорит, должен воздействовать на себя так, как воздействует на других»³.

Так, восклицанием «Пожар!» человек не только информирует других о происходящем, но и помогает себе осознать и определить собственные действия в данной ситуации⁴.

Объяснение этого обстоятельства, по Дж. Миду, скрывается в механизмах функционирования центральной нервной системы человека. Так, в центральной нервной системе человека он предположил наличие некоторой группы центров, которые связаны друг с другом и выражают себя в действии⁵.

Он утверждал, что если попытаться отыскать в центральной нервной системе нечто, соответствующее слову «кресло», то обнаруженное будет, очевидно, просто какой-то организацией целой группы возможных реакций, связанных между собой таким образом, что, начав действовать в одном направлении, они осуществляют один процесс, а начав действовать в другом направлении — осуществляют другой процесс.

Кресло есть прежде всего то, на что садятся. Это физический объект, расположенный на некотором расстоянии (от наблюдателя). Можно двигаться к этому объекту, находящемуся на некотором расстоянии, а затем, приблизившись к нему, включиться в процесс усаживания. То есть имеется некий стимул (физический объект. — Н. О.), возбуждающий определенные связи, которые заставляют индивида приближаться к этому объекту и усаживаться в него.

Подобная организация большой группы нервных элементов, которая приводит к определенному поведению в отношении окружающих человека объектов, и есть то, что можно обнаружить в центральной нервной системе в качестве соответствия тому, что называется объектом. Центральная нервная

¹ *Mud Дж. Аз и Я // Американская социологическая мысль: Тексты / Под ред. В.И. Добренкова. М.: Изд-во МГУ, 1994. С. 234.*

² *Mud Дж. От жеста к символу. С. 223.*

³ Там же. С. 222.

⁴ *Mead G. Movements of Thought in the Nineteenth Century / M.H. Moore (ed., intro.). Chicago: University of Chicago Press, 1936. P. 379.*

⁵ Следует отметить, что представления Дж. Миды, по сравнению с современными знаниями о данном процессе представляются упрощенными.

система содержит в себе практически бесконечное число элементов, и они могут быть организованы не только в пространственной связи друг с другом, но также и с временной точки зрения. Именно инициация подобного набора организованных наборов откликов и соответствует тому, что мы называем идеей или понятием какой-либо вещи¹.

Данные положения Дж. Мид иллюстрировал примером «идеи собаки».

Например, если кто-то задался бы вопросом, что представляет собой идея собаки, и попытался обнаружить эту идею в центральной нервной системе, он обнаружил бы целую группу откликов, в большей или меньшей степени соединенных друг с другом определенными связями таким образом, что если кто-то употребляет слово «собака», он стремится вызвать именно эту группу откликов. Собака — это возможный товарищ в игре, возможный враг, собственность того или иного лица. Здесь имеется целая серия возможных откликов. Есть определенные типы этих откликов, которые присутствуют во всех нас, и есть другие, различающиеся в разных индивидах, но всегда налицо некая организация откликов, которая может быть вызвана словом «собака». Таким образом, если кто-то говорит о собаке другому, он пробуждает в себе тот же набор откликов, который пробуждает в другом индивиде².

Мид утверждал, что символы, голосовые жесты вообще, пробуждающие в самом индивиде отклик, который он вызывает в другом, причем такой, что с точки зрения этого отклика он может направлять свое последующее поведение³, необходимы для процесса человеческого мышления. «Мыслить — означает то же самое, что говорить с другими людьми»⁴.

Способностью же вызывать в себе не просто единственный отклик как у другого, но отклик как у сообщества в целом, наделяет человека разум. Определенное действие в настоящем означает некоторую организованную реакцию; и если кто-то имеет эту реакцию в себе, он обладает тем, что мы называем «разумом»⁵, — писал Дж. Мид.

В то же время он отмечал, что люди часто действуют в отношении объектов разумным образом, хотя их действия не обязательно предполагают, что значение объекта присутствует в их сознании.

Так, можно начать одеваться, чтобы выйти к обеду, как в анекдоте об одном рассеянном профессоре, и в результате оказаться одетым в пижаму и лежащим в постели. Здесь был начат и механически осуществлен определенный процесс раздевания: профессор не осознал смысла того, что он делал. Он собирался выйти к обеду и в результате отошел ко сну. Смысла, заключенный в его действии, отсутствовал. Все предпринятые им шаги были разумными шагами, которые контролировали его поведение с учетом последующего действия, но сам он не думал, что делает. Последующее действие не было стимулом для его отклика, но, просто начавшись, осуществилось⁶.

¹ См.: *Mud Дж. От жеста к символу. С. 219.*

² Там же.

³ Там же. С. 220–221.

⁴ *Mead G.H. The Individual and the Social Self: Unpublished Work of George Herbert Mead / D.L. Miller (ed.). Chicago: University of Chicago Press, 1982. P. 155.*

⁵ *Mead G.H. Mind, Self and Society: From the Standpoint of a Social Behaviorist / Ch.W. Morris (ed., intro.). Chicago: University of Chicago Press, 1934. P. 267.*

⁶ *Mud Дж. От жеста к символу. С. 220.*

Человек отличается от животных как раз потому, что с помощью разума он способен реагировать на сообщество в целом и становится объектом для себя. Эта способность, которая формируется у человеческих существ только посредством приобретения и накопления социального опыта, у Дж. Мидса непосредственно связана с категорией «собственного Я» или самостью.

6.2.4. Сущность, аспекты и генезис самости

В современной науке под «самостью» в широком смысле понимают набор представлений, которыми человек пользуется для определения самого себя.

Впервые отдельные мысли о «самости»¹ как об архетипе порядка, глубинном центре и выражении психологической целостности отдельного индивида, появились в ранних письмах психоаналитика Карла Густава Юнга (1875—1961). К 1920 г. идея о самости как центре целостности сознательного и бессознательного душевного бытия человека и принципе их объединения была уже достаточно им разработана. По К. Юнгу, «сознание и бессознательное не обязательно противостоят друг другу, они дополняют друг друга до целостности, которая и является самостью»².

Самость есть не только центр, но и полный круг, весь тот объем, включающий в себя и сознание и бессознательное: она есть центр суммативной целостности, как Я есть центр сознания. Одновременно с этим самость обеспечивает вычленение индивида из окружающего его мира. «Самость является нашей жизненной целью, так как она есть завершённое выражение этой роковой комбинации, которую мы называем индивидуальностью...»³, — писал К. Юнг.

Согласно его взглядам, приближение к самости возможно путем индивидуации⁴, и, как правило, происходит во время кризиса среднего возраста. Однако достижение самости практически невозможно.

Понятием «самость» в отечественной литературе также обозначают мидовскую категорию рефлексивного или «собственного Я» (Self).

Для Дж. Мидса самость — это диалектически связанная с разумом способность человека быть одновременно субъектом и объектом.

Человек как продукт биосоциальной эволюции — это организм, обретший самость, то есть способный воспринимать и сознавать самого себя, а также регулировать свое поведение, изменяя его установки в процессе внутреннего диалога, саморефлексии. В конечном счете, он приобретает способность интериоризировать социальное действие, иными словами, превращать об-

¹ На немецком языке «Selbst — «я», собственная личность; на английском языке «Self» (собственное «я»).

² Jung C.G. The Relations Between the Ego and the Unconscious // Collected Works. Originally published, 1928. Vol. 7. P. 175.

³ Jung C.G. The Psychology of the Unconscious // Collected works. Originally published, 1917. Vol. 7. P. 238.

⁴ Индивидуация — одно из основных понятий у К. Юнга. Этим термином он обозначал процесс личностного развития, что подразумевает установление связей между эго и самостью. Это является центром сознания; самость — ядром психики вообще, включая и сознание, и бессознательное. Согласно К. Юнгу, сознание и бессознательное постоянно взаимодействуют. Они существуют не отдельно друг от друга, а являются как бы двумя звеньями единой системы. Индивидуация есть процесс развития целостности путем интеграции разнородных частей психики. |Фрейджер Р., Фейджин Дж. Аналитическая и индивидуальная психология. Карл Юнг и Альфред Адлер. СПб.: Прайм-Еврознак, 2007. С. 8.)

разды реакций «других» на ту или иную ситуацию в собственные внутренние мотивы к действию. Самость возникает с развитием и посредством социальной деятельности людей и их отношений.

Общий механизм развития самости находится в плоскости рефлексивности — обратчиваемости опыта индивида на самого себя. «<...> с помощью рефлексивности — целостный социальный процесс привносится в опыт участвующих в нем индивидов; именно таким способом, позволяющим индивиду примерять отношение другого к себе на себя, индивид способен сознательно приспособляться к этому процессу и модифицировать протекающий процесс в любом данном социальном действии с точки зрения своего приспособления к нему»⁵, — писал Дж. Мид.

Как и К. Юнг, который рассматривал самость как суммативную целостность «сознательного» и «бессознательного», Дж. Мид в рамках этой категории выделял два аспекта — «I» («ай») и «Me» («ми»)». ⁶

Первый аспект самости он обозначил буквой «I» («ай»), которая в английском языке служит для обозначения личного местоимения первого лица единственного числа и, соответственно, эквивалентна местоимению «я», используемому в русском языке.

«Ай» — это индивидуалистическая ипостась личности (в современных трактовках — индивидуальное «Я»), напоминающая по значению «Аз» в старорусском языке. «Ай» обозначает все проявления самовыражения, неповторимого творческого ответа уникального биологического организма и уникального внутреннего мира данного индивида на установки других людей в организованном сообществе. «Ай» — неприсчитываемый, непредсказуемый и креативный аспект самости, реакция человека «на непосредственно возникающую в его жизни ситуацию, которая не носит определенного характера»⁷. «Ай» — это также ключевой источник новизны в социальном процессе.

Второй аспект самости Дж. Мид обозначил как «Me» («ми»). В английском языке «ми» — это также личное местоимение первого лица единственного числа, но в косвенном падеже. Его обычно используют, когда хотят обозначить собственное присутствие в некотором социальном окружении⁸. Это слово для Дж. Мидса отражало сущность «Я» как объекта. «Ми» — это традиционная часть личности. «общепринятый, привычный индивид»⁹.

Под «ми» им также подразумевался «организованный набор установок других (усвоенных навыков, обычаев, реакций. — Н. О.), принимаемый человеком для себя»¹⁰. «Ми» представляет собой производное от «ай», которое рефлексивно возникает только после того, как человек совершил активные жесты в отношении других людей¹¹.

⁵ Mead G.H. Mind, Self and Society: From the Standpoint of a Social Behaviorist / Ch. W. Morris (ed., intro.). Chicago: University of Chicago Press, 1934. P. 134.

⁶ В настоящее время данные термины Дж. Мидса не переводятся и, как правило, используются в оригинальном звучании.

⁷ Mead G.H. Mind, Self and Society: From the Standpoint of a Social Behaviorist / Ch. W. Morris (ed., intro.). Chicago: University of Chicago Press, 1934. P. 175.

⁸ Для этого используют выражение «I's me» (это Я). Так иногда на вопрос «Кто пришел?» отвечают «Это Я».

⁹ Mead G.H. Mind, Self and Society: From the Standpoint of a Social Behaviorist / Ch. W. Morris (ed., intro.). Chicago: University of Chicago Press, 1934. P. 197.

¹⁰ Ibid. P. 175.

¹¹ Коллинз Р. Четыре социологические традиции / Пер. с англ. В. Россмана. М.: Издательский Дом «Территория будущего», 2009. С. 268—269.

Следует отметить, что последователи Дж. Мида также выделяют эти компоненты (аспекты) в структуре самости, но не дают четкого определения этих понятий. Интерпретировать их позволяет лишь общий ход рассуждений интеракционистов.

«Ай» — это импульсивное, активное, творческое, движущее начало личности; «ми» (дословно — меня, то есть каким меня должны видеть другие) — это нормативное Я, своего рода внутренний социальный контроль, основанный на учете ожиданий/требований значимых других людей и прежде всего «обобщенного другого». Это нормативное Я как бы контролирует и направляет импульсивное Я в соответствии с усвоенными нормами поведения в целях успешного, с точки зрения индивида, осуществления социального взаимодействия. «Самость» представляет собой совокупность импульсивного и нормативного Я, их активное взаимодействие. При этом личность у интеракционистов понимается как активное творческое существо, которое способно оценивать и направлять собственные действия.

Вслед за Дж. Мидом современные интеракционисты видят в активном творческом начале личности основу развития не только самой личности, но и объяснение тех изменений, которые происходят в обществе. Причину изменений в обществе, по их мнению, следует искать в специфике структуры личности, а именно в том, что наличие в ней импульсивного Я является предпосылкой для появления различных вариаций в шаблонах ролевого поведения и даже отклонений от этих шаблонов. Эти случайные вариации и отклонения и приводят, как они считают, в конечном итоге к тому, что последние становятся нормой новых шаблонов поведения и соответствующих изменений в обществе. Следовательно, изменения в обществе носят случайный характер и не подчиняются какому-либо закономерностям, а их причина заключается в личности.

Как полагают специалисты, подобная концепция самости в определенной степени перекликается с моделью структуры личности, разработанной З. Фрейдом. Например, можно провести некоторую аналогию между интеракционистским «импульсивным Я» и подсознательным фрейдовским «Оно» (*Id*), между «нормативным Я» и фрейдовским «сверх-Я» (*super-ego*), а также между понятием «самости» у интеракционистов и «Я» (*ego*) у Фрейда. Но при этой внешней схожести имеются и значительные различия в содержательной трактовке структуры личности. Это прежде всего проявляется в понимании функции того компонента личности, который как бы осуществляет внутренний социальный контроль. Если у З. Фрейда функция «сверх-Я» заключается в том, чтобы подавлять инстинктивное, подсознательное начало, то у интеракционистов функция «нормативного Я» заключается не в подавлении, а в направлении действий личности, необходимом для достижения успешной социальной интеракции. Если «Я» у З. Фрейда — это поле вечного сражения между «Оно» и «сверх-Я», то у интеракционистов «самость» — это как бы поле сотрудничества. Главное внимание фрейдистов направлено на исследование внутренней напряженности, конфликтного состояния личности. Интеракционисты же занимаются прежде всего исследованием такого состояния и поведения личности, которое характерно для процессов успешного сотрудничества данной личности с другими людьми¹.

По мнению Дж. Мида, самость, выраженная в этих двух диалектически связанных аспектах, есть результат процесса эволюции. Следовательно, для

¹ См.: Андреева Г.М., Богомолова Н.Н., Петровская Л.А. Современная социальная психология на Западе (теоретические направления). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1978. С. 187–188.

того чтобы рассмотреть, каким образом возникает самость, следует отметить некоторые предпосылки ее генезиса².

Он утверждал, что, прежде всего, наблюдается общение жестами между животными, предполагающее некую кооперативную деятельность. Здесь начало действия одного есть стимул для другого откликнуться определенным образом, и начало этого отклика становится опять-таки стимулом для первого — приспособить свое действие к последующему отклику. Такова подготовка к завершеному действию, и в конечном счете она приводит к такому поведению, которое есть результат этой подготовки.

Тем не менее общение жестами не сопровождается соотношением индивида, животного, организма с самим собой. Оно не действует таким образом, чтобы добиваться отклика от самой (производящей жест) формы, хотя перед нами здесь такое поведение, которое соотносится с поведением других. Однако есть определенные жесты, которые воздействуют на данный организм так же, как они воздействуют на другие организмы, и могут, следовательно, пробуждать в организме отклики того же самого свойства, что и отклики, пробужденные в другом. Тогда возникает ситуация, в которой индивид может, по крайней мере, пробуждать отклики в самом себе и отвечать на эти отклики при условии, что социальные стимулы оказывают на индивида воздействие, подобное тому, какое они оказывают на другого³.

Тем самым формируются предпосылки самости как некоторой обособленной сущности. Она отличается от организма как такового тем, что может покидать тело и возвращаться в него. Эта самость подобна вещи, которая испытывает воздействие со стороны индивида, когда он оказывает воздействие на других людей⁴.

Собственно развитие самости (или процесс полного развития самости), по Дж. Миду, проходит *две стадии*.

На *первой стадии* самость индивида конституируется просто организацией отдельных установок других индивидов по отношению к нему самому и друг к другу в рамках специфических социальных действий (деятельностей. — Н. О.), в которых он вместе с ними участвует. Такими видами деятельности для Дж. Мида являются *игра и соревнование*.

С точки зрения Д. Мида, *игра* — это, прежде всего, «изображение другого»⁵. В процессе игры люди учатся примерять отношения других людей к себе и на себя. Нечто подобное игре можно встретить в мире животных, когда кошка играет со своими котятками или собаки — друг с другом.

Так, две собаки, играющие друг с другом, станут нападать и защищаться в процессе, который, если он будет до конца реализован, примет форму настоящей драки. В данном случае налицо просто некая комбинация откликов, регулирующая глубину укуса.

Однако животные никогда не принимают определенную роль — в том смысле, в каком, например, дети сознательно принимают роль другого.

Таким образом, на самом начальном этапе развития самости — у маленьких детей имеет место *ролевая игра* — игра не во что-нибудь, а игра во что-

² Мид Дж. Интернализированные другие и самость // Американская социологическая мысль. Тексты / Под ред. В. И. Добренкова. М.: Изд-во МГУ, 1994. С. 224.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 224–225.

⁵ *Aboulafia M. The Mediating Self: Mead, Sartre and Self-determination.* New Haven: Yale University Press, 1986. P. 9.

то (точнее — в кого-то). Ребенок, играя в то, что он родитель, учитель, полицейский, учится одновременно быть и субъектом, и объектом. Например, дети, когда играют в «дочки-матери», развивают способность оценивать себя как их родители и другие конкретные индивиды.

Эти роли, принимаемые на себя ребенком, становятся основой обучения. Когда ребенок принимает какую-то роль, он имеет в себе самом те стимулы, которые вызывают этот особый отклик или группу откликов. Например, дети собираются, чтобы «поиграть в индейцев». Это означает, что ребенок обладает определенным набором стимулов. Данные стимулы вызывают в нем те отклики, которые они должны вызывать в других, и которые соответствуют «индейцу».

В игровой период ребенок пользуется своими собственными откликами на эти стимулы, которые он затем использует для построения самости. Отклик, который он склонен производить в ответ на эти стимулы, организует их. Он играет в то, например, что предлагает себе какую-нибудь вещь и покупает ее; он дает себе письмо и забирает его обратно; он обращается к себе как родитель, как учитель; он задерживает себя как полицейский. Он обладает некоторым набором стимулов, которые вызывают в нем самом отклики того же свойства, что и отклики других. Он принимает эту игру откликов и организует их в некое целое¹.

Такова, согласно Дж. Миду, простейшая форма инобытия самости. Она предполагает некую временную конфигурацию. Ребенок говорит нечто в каком-то одном лице, отвечает в другом, затем его отклик в другом лице становится стимулом для него же в первом лице, и, таким образом, общение продолжается.

Ученый отмечал, что яркую иллюстрацию игры можно найти не только в детских играх, но также в мифах и разнообразных ритуалах примитивных народов, особенно на религиозных празднествах-маскарадах. Безусловно, ту чистую игровую установку, которая обнаруживается у маленьких детей, здесь не встретить, поскольку участники — взрослые, и взаимосвязь этих игровых шестивий с тем, что они обозначают и истолковывают, несомненно, в большей или меньшей степени осознается даже наиболее примитивными народами. Однако в процессе истолкования подобных ритуалов налицо такая организация игры, которую, вероятно, можно сопоставить с той, что имеет место в детском саду в играх маленьких детей, где они выстраиваются в определенный набор с определенной структурой или внутренней взаимосвязью. По крайней мере, нечто подобное можно найти в игре примитивных народов².

Дж. Мид утверждал, что этот тип деятельности также можно встретить в установках или примитивных откликах людей по отношению к окружающим их силам, природе, от которой они зависят, которая неясна и ненадежна. Этот отклик находит свое выражение в принятии роли другого, игровом представлении своих богов и своих героев, совершении определенных обрядов, которые являются репрезентацией предполагаемых деяний этих индивидов.

Указанный процесс, (хотя он и развивается в более или менее определенную технику и оказывается под контролем), вырос из ситуаций, схожих с

¹ Мид Дж. Интернализированные другие и самость. С. 225.

² См.: Мид Дж. Аз и Я. С. 227.

теми, в которых маленькие дети играют в родителей, учителей — индивидуальностей с неясными очертаниями, которые их окружают, воздействуют на них, и от которых они зависят¹.

Тем не менее, на стадии ролевой игры детям не хватает целостного и организованного понимания себя. В данной связи работа, например, детского сада во многом заключается в так называемой «организации извне», т. е. в том, чтобы взять на себя характеры этих неясных разнообразных существ и поставить их в такое организованное социальное отношение друг к другу, которое позволило бы сформировать характер (индивидуальность) маленького ребенка.

Создать у детей организованное социальное отношение друг к другу позволяет такой вид деятельности как соревнование (коллективная игра).

Коренное различие между ролевой игрой и соревнованием Дж. Мид видел в том, что ребенок, который участвует в каком-либо соревновании, должен быть готов принять установку любого другого участника этого соревнования и что эти различные роли должны находиться в определенной взаимосвязи друг с другом².

Простейшим видом такого соревнования для Мида являлась игра в прятки, где все, за исключением одного прячущегося, выступают в роли ищущего.

Во время ролевой игры ребенок, переходя от одной роли к другой так, как ему заблагорассудится, не приходит ни к какой элементарной организации. Но в соревновании, в которое вовлечено определенное число индивидов, ребенок, принимающий какую-нибудь роль, должен быть готов принять роль любого другого игрока.

Например, в бейсболе он встречает девять ролей, и в его собственной позиции должны заключаться все остальные. Он должен знать, что собирается делать каждый другой игрок, чтобы исполнять свою собственную роль. Он должен принять все эти роли. Все они не должны присутствовать в сознании в одно и то же время, но в определенные моменты в его собственной установке должны быть налицо установки 3 или 4 других индивидов, таких, как тот, кто собирается бросать мяч, кто собирается ловить его, и т. д. Эти установки должны в некоторой степени присутствовать в его собственной организации. Таким образом, в соревновании всегда налицо некий набор откликов, подобных другим, организованным так, чтобы установки одного (индивида), вызвали соответствующие установки другого. Этот организованный набор откликов, который вызывает какая-то особая установка, Дж. Мид назвал *правилами*.

Этот ученый также отмечал, что на стадии ролевой игры ребенок просто откликается достаточно разумным образом на непосредственные стимулы, достигающие его, но они не организованы. Он не организует свою жизнь некое целое. Здесь имеется просто набор откликов игрового типа. Ребенок реагирует на определенный стимул, и его реакция есть та, которая вызывается и в других, но он еще не является какой-то целостной самостью. В своем соревновании он должен иметь некую организацию этих ролей; в противном случае он не сможет участвовать в этом соревновании. *Соревнование представляет собой переход в жизни ребенка от стадии принятия роли других в*

¹ См.: Мид Дж. Аз и Я. С. 227.

² См.: Мид Дж. Интернализированные другие и самость. С. 226.

игре к стадии организованной роли, которая существенна для самосознания¹ в полном смысле слова².

Таким образом, в коллективной игре дети приобретают способность действовать в организованной группе и, что самое важное, определять свои будущие действия в пределах конкретной группы. Именно процесс соревнования превращает ребенка в самостоятельного члена общества, к которому он принадлежит и которое формирует его индивидуальность.

Когда ребенок становится членом сообщества, он начинает руководствоваться общими для сообщества установками, которые Дж. Мид обозначил понятием «обобщенный друтой».

Под «обобщенным друтым» он понимал постоянную способность разума, посредством которой индивид может принимать (признавать) позицию всего сообщества. Например, это взгляд зрителя на всю бейсбольную команду, где каждая роль смешана с другими.

По его мнению, «обобщенный друтой» также играет решающую роль для собственного разума человека. Только принимая отношение «обобщенного друтого» к своему «Я», индивид может мыслить в категориях тех абстрактных символов, которые конституируют рациональный взрослый ум. Слова — это универсалии, которые во всех вызывают одно и то же отношение. Эта импликация универсальности не могла бы существовать, если бы не было какой-то ментальной структуры, которая принимает позицию всех. Таким образом, принятие роли обобщенного друтого, а не отдельных друтых, обеспечивает возможность абстрактного мышления и объективности³.

Если для Ч. Кули «Зеркальное Я» — это образ самого себя, который приходит извне, то для Дж. Мид «обобщенный друтой» — своего рода глобальное зеркало, об которое каждый индивид прогоняет свои собственные утверждения, чтобы придать им общее значение. Подобное зеркало является перманентной основой, находящейся внутри разума человека, если он хочет видеть свои мысли отраженными на нем и так придавать им общую значимость, которая делает их сообщаемыми. Этот процесс не менее важен, когда человек находится в одиночестве. Обобщенный друтой предоставляет абстрактную неспецифицированную аудиторию, которая может использоваться для внутреннего разговора, который и составляет суть мышления человека.

Иллюстрацией служит игрок в бейсбол. «Каждое из его собственных действий определяется усвоением им действий других участников этого соревнования. Все, что он делает, контролируется тем обстоятельством, что он представляет собой одновременно любого из игроков этой команды постольку по крайней мере, эти установки воздействуют на его собственный конкретный отклик. Тогда и получается такой «друтой», который есть организация установок всех тех, кто вовлечен в один и тот же процесс. В данном случае в качестве подобного «обобщенного друтого» выступает бейсбольная команда, поскольку она проникает как орга-

¹ Исследователи отмечают, что термином самосознание Дж. Мид часто заменял понятие «личность», которое употреблял достаточно редко. По содержанию «самосознание» у него ближе всего к понятию индивидуальность как характеристике социально значимых отличий человека от окружающих.

² Мид Дж. Интернализированные друтые и самость. С. 227.

³ Mead G.H. The Philosophy of the Present / A. E. Murphy (ed., intro.). LaSalle, Ill.: Open Court Publishing, 1932. P. 190.

низованный процесс или социальная деятельность в сознание любого из своих индивидуальных членов»¹.

Дж. Мид отмечал, что и неодушевленные объекты в не меньшей степени, чем человеческие организмы, обладают возможностью образовывать части обобщенного и организованного — полностью социализированного — друтого для любого данного человеческого индивида постольку, поскольку он откликается на эти объекты социальным образом (посредством механизма мышления интернализированного общения жестами). Любая вещь — любой объект или набор объектов, одушевленных или неодушевленных, человеческих или животных или просто материальных, в направлении которых он действует или на которые он социально откликается — есть некий элемент, в котором для него раскрывается обобщенный друтой. Принимая установки последнего по отношению к себе, индивид начинает осознавать себя в качестве объекта, или индивида и, таким образом, развивает самость или индивидуальность. Так, например культ в своей примитивной форме есть просто социальное воплощение взаимоотношения между данной социальной группой (сообществом) и ее физическим окружением — организованное социальное средство, принятое индивидуальными членами этой группы (сообщества) для вступления в социальные отношения с этим окружением или (в некотором смысле) для поддержания общения с ним. Это окружение, таким образом, становится частью всеобъемлющего обобщенного друтого для каждого из индивидуальных членов данной социальной группы (сообщества)².

Восприятие индивидом не только организации отдельных установок друтых индивидов по отношению к нему самому и друг к другу, но также социальных установок обобщенного друтого или социальной группы, к которой он принадлежит, как некоего целого, составляет (и завершает) вторую стадию полного развития самости.

Эти социальные или групповые установки приносятся в сферу непосредственного опыта индивида и в качестве элементов включаются в структуру или конституцию его самости таким же образом, как и установки отдельных друтых индивидов. И индивид достигает их, ему удается принять их посредством дальнейшей организации, а затем обобщения установок отдельных друтых индивидов в терминах их организованных социальных значений или импликаций.

Таким образом, согласно Дж. Миду, самость достигает своего полного развития посредством организации этих индивидуальных установок друтых в организованные социальные или групповые установки. Тогда «организованное сообщество (социальную группу), которое обеспечивает индивиду единство его самости, можно назвать обобщенным друтым»³. В результате она (самость. — Н. О.) становится индивидуальным отражением всеобщей систематической модели социального или группового поведения, в которой она вовлечена наряду со всеми другими. Эта модель как некое целое проникает в опыт индивида в терминах этих организованных групповых установок, которые посредством механизма своей центральной нервной системы он принимает в себя, точно так же, как принимает он индивидуальные установки

¹ Мид Дж. Аз и Я. С. 228.

² Там же. С. 229.

³ Мид Дж. Аз и Я. С. 228.

других. В рамках подобной модели обобщенный другой — это основа сложной кооперации, которая создает сам институт общества.

6.2.5. Макроуровень символического взаимодействия

Согласно Дж. Миду, для развития данным человеческим индивидом самости в наиболее полном смысле слова ему недостаточно просто принять установки других человеческих индивидов по отношению к нему и друг к другу внутри человеческого социального процесса, вводя этот социальный процесс как целое в свое индивидуальное сознание лишь в этой форме. Он должен также таким же точно образом, каким принимает установки других индивидов по отношению к себе и друг к другу, принять их установки по отношению к разным фазам или аспектам общей социальной деятельности или набору социальных предприятий, куда в качестве членов организованного сообщества или социальной группы все они вовлечены. Тогда его самость, если воспользоваться метафорой Р. Коллинза, станет «серией взаимоотражающихся зеркал, постоянно находящихся в движении»¹, а индивид окажется способным к символическому взаимодействию на уровне организованного сообщества, то есть на макроуровне.

Действительно, для того, чтобы обладать развитой самостью, индивид обязательно должен быть членом какого-либо сообщества. «Индивид является индивидуальностью постольку, поскольку принадлежит к какому-то сообществу, поскольку перенимает в своем собственном поведении установления этого сообщества. Он принимает его язык как средство, благодаря которому обретает свою индивидуальность, а затем — в процессе принятия различных ролей, которыми снабжают его все другие, — он в конце концов обретает установку членов этого сообщества»², — писал Дж. Мид.

Именно определенная структура подобных установок и выстраивает самость как нечто, отличное от какой-то группы привычек. Их пробуждение имеет место тогда, когда налицо определенные общие отклики, которыми каждый индивид обладает по отношению к определенным общим объектам, и поскольку эти общие отклики пробуждаются в индивиде, когда он воздействует на других индивидов, постольку он пробуждает свою собственную самость.

Такие отклики, по Дж. Миду, являются абстрактными установками, но они составляют характер человека. Они снабжают его принципами — установками всех членов общества по отношению к тому, что является ценностями этого общества. Он ставит себя на место обобщенного другого, который представляет собой организованные отклики всех членов группы. Именно это и направляет поведение, контролируемое принципами, и индивид, который обладает подобной организованной группой откликов, есть человек, о котором мы говорим, что у него имеется характер — в моральном смысле слова³.

Мид утверждал, что самости могут существовать лишь в определенных отношениях к другим самостям: индивид обладает самостью лишь в отноше-

¹ Коллинз Р. Четыре социологических традиции / Пер. с англ. В. Россмана. М.: Издательский Дом «Территория будущего», 2009. С. 269.

² Мид Дж. Аз и Я. С. 235.

³ См.: Там же. С. 235.

нии к самостям других членов своей социальной группы. Структура его самости выражает или отражает всеобщую повседневную модель его социальной группы, к которой он принадлежит, точно так же, как это делает структура самости любого другого индивида, принадлежащего к этой социальной группе¹.

Индивид, обобщая индивидуальные установки самого этого организованного сообщества (социальной группы) в целом, действует в направлении разнообразных социальных проектов, которые оно осуществляет в любой данный момент. Или же он должен действовать в направлении различных более широких фаз всеобщего социального процесса, который составляет его жизнь и специфическими проявлениями которого эти проекты являются.

Механизм подобного взаимодействия Мид сводил к следующему.

Во-первых, необходимо наличие какого-то совершенно определенного (смыслового) содержания в индивиде, который отвечает на стимул, воздействующий на него так же, как он воздействует на любого другого. Это содержание другого, которое проникает в чью-либо индивидуальность, является в данном индивиде тем откликом, который его жест вызывает в этом другом.

Иллюстрацией для него служит понятие собственности.

«Если мы говорим: "Это моя собственность, и я буду ею распоряжаться", подобное утверждение вызывает некий набор откликов, который должен быть одинаковым в любом сообществе, в котором существует собственность. Это предполагает какую-то организованную установку в отношении собственности, которая является общей для всех членов сообщества. Индивид должен иметь вполне определенную установку контроля над своей собственностью и уважения к собственности других. Эти установки (как организованные наборы откликов) должны иметься у всех, чтобы, когда кто-либо произносит нечто подобное, он вызывал бы в себе отклик других. Он вызывает отклик того, кого я назвал обобщенным другим. Общество делает возможным именно такие общие отклики, такие организованные установки в отношении того, что мы зовем собственностью, религиозными культурами, процессом образования и семейными отношениями», — писал Дж. Мид².

Во-вторых, должен присутствовать некий определенный набор откликов, которые можно назвать абстрактными и которые могут принадлежать весьма значительной по численности группе.

В-третьих, сама группа (социальное целое) должна быть включена крупномасштабные деятельности, которые одновременно входят в эмпирическую сферу любого из индивидов, включенных в нее.

В то же время, сложные кооперативные процессы деятельности и институциональное функционирование организованного человеческого общества также возможны лишь постольку, поскольку каждый вовлеченный в них или принадлежащий к этому обществу индивид может принять всеобщие установки всех других подобных индивидов по отношению к этим процессам, деятельности и институциональному функционированию. А также и к организованному социальному целому устанавливающимся при этом эмпирических отношений и взаимодействий и может соответствующим образом направлять свое собственное поведение³.

¹ См.: Мид Дж. Аз и Я. С. 236.

² Там же. С. 235.

³ Там же. С. 230.

Как отмечал Дж. Болдуин, «макроэлементы теоретической системы Дж. Мида не столь разработаны, как микро»¹. Дело в том, что процесс взаимодействия внутри больших социальных групп был сведен Мидом к увеличению количества и радиуса действия коммуникативных ситуаций между индивидами, и, следовательно, к расширению возможностей принятия на себя ролей лиц не только из ближайшего окружения, но и далеких в пространстве и времени.

Согласно Миду, в абстрактном мышлении индивид принимает установку обобщенного другого по отношению к себе безотносительно к ее выражению в любых других конкретных индивидах. В конкретном же мышлении он принимает эту установку постольку, поскольку она выражается в установках по отношению к его поведению тех других индивидов, вместе с которыми он вовлечен в данную социальную ситуацию или данное социальное действие.

Внутреннее общение индивида с самим собой посредством слов или значимых жестов — общение, составляющее процесс или деятельность мышления, — поддерживается индивидом с точки зрения обобщенного другого. И чем абстрактнее это общение, тем абстрактнее становится мышление, тем дальше отодвигается обобщенный другой от всякой взаимосвязи с конкретными индивидами. Применительно к абстрактному мышлению упомянутое общение поддерживается индивидом скорее с обобщенным другим, чем с какими-либо конкретными индивидами. Так, например, абстрактные понятия суть такие понятия, которые формулируются в терминах установок всей социальной группы (сообщества) в целом. Они формулируются на основе осознания индивидом установок обобщенного другого по отношению к ним как результат принятия им этих установок обобщенного другого и последующего отклика на них. И, таким образом, абстрактные высказывания формулируются в таком виде, который может воспринять любой другой разумный индивид. Лишь благодаря принятию индивидами установки или установок обобщенного другого по отношению к ним становится возможным существование универсума дискурса как той системы общепринятых или социальных смыслов, которую в качестве своего контекста предполагает мышление.

Механизм подобного широкого социального взаимодействия Дж. Мид представил следующим образом.

Индивид, так или иначе (живя в обществе) становится индивидуальным участником различных проектов или кооперативных предприятий, в которые включена группа или сообщество в целом. Будучи самосознательным участником этих проектов, он принимает (допускает) организованные социальные установки данной социальной группы (или сообщества, или какой-то их части), к которой он принадлежит, по отношению к социальным проблемам разного рода, с которыми она сталкивается. Таким образом он управляет своим поведением².

Например, в политике индивид отождествляет себя с целой политической партией и принимает организованные установки всей этой партии по отношению к остальной части социального сообщества и по отношению к проблемам, с которыми сталкивается партия в данной социальной ситуации. Следовательно, он реагирует или откликается в терминах организованных

¹ Baldwin J. C. George Herbert Mead: A Unifying Theory for Sociology. Newbury Park, California: Sage, 1986. P. 123.

² См.: Мид Дж. Аз и Я. С. 230–231.

установок партии как некоего целого, и вступает в особую конфигурацию социальных отношений со всеми другими индивидами, которые принадлежат к этой партии.

Подобным образом он вступает в различные иные специфические конфигурации социальных отношений с различными социально-функциональными группами или классами индивидов. Индивиды каждого из этих классов (как и отдельный индивид), в свою очередь, являются другими членами какой-то из особых организованных подгрупп, которые действуют в рамках всего данного социального сообщества.

В высокоорганизованных и сложных человеческих сообществах Дж. Мид выделял два вида социально-функциональных классов (групп).

К первому виду он относил конкретные или реальные социальные классы или группы. Они действительно являются функциональными социальными единицами, в рамках которых их индивидуальные члены непосредственно соотносены друг с другом. Это политические партии, клубы, промышленные корпорации.

Второй вид для него составляли абстрактные социальные классы, в рамках которых их индивидуальные члены соотносены друг с другом лишь более или менее опосредованно и которые лишь более или менее опосредованно функционируют в качестве социальных единиц. В их числе, например, класс должников или класс кредиторов. Это те социальные классы, которые предоставляют неограниченные возможности для расширения, разветвления и обобщения социальных отношений между всеми индивидуальными членами данного сообщества как организованного и объединенного целого.

Членство данного индивида в нескольких из этих социальных классов или подгрупп делает возможным его вступление в определенные социальные отношения (какими бы опосредованными они ни были) с почти бесконечным числом других индивидов. Эти индивиды также принадлежат к тем или иным из этих социальных классов или подгрупп (или включаются в них), пересекающих функциональные демаркационные линии, которые отделяют различные человеческие социальные сообщества одно от другого, и включающих индивидуальных членов из нескольких (в иных случаях — из всех) таких сообществ¹.

Дж. Мид также отмечал, что из этих абстрактных социальных классов или подгрупп человеческих индивидов наиболее обширным является, конечно же, тот, который определяется логическим универсумом дискурса (или системой универсально значимых символов), обусловленным участием и коммуникативным взаимодействием индивидов. Ибо из всех подобных классов или подгрупп это именно тот (класс), который претендует на наибольшее число индивидуальных членов и позволяет наибольшему воображаемому числу индивидов вступить в некий род социального отношения (каким бы ни было оно опосредованным и абстрактным) друг с другом — отношения, вырастающего из универсального функционирования жестов как значимых символов во всеобщем человеческом социальном процессе коммуникации².

Как отмечал А. Козер, «Мид никогда не стремился к созданию собственной школы. В течение всей жизни его влияние на других можно установить только по тому действию, которое оказывали его лекции и беседы на студентов и коллег. Более широкое признание пришло к нему только после смерти»

¹ Мид Дж. Аз и Я. С. 231–232.

² Там же. С. 232.

ного опубликования его трудов. Поскольку студенческая аудитория тоже влияла на него, это влияние проявлялось в его лекциях и «живых беседах», как Мид сам бы определял их — «значащих жестах», которые он вел со своими друзьями и студентами и ценил превыше всего. И в этом Мид не походил на одного из философов древности, никогда ничего не писавших, но остававшихся жить в умах своих учеников, которые преобразовывали высказываемые ими идеи¹.

Действительно, следует согласиться с тем, что влияние Дж. Мида на творчество крупнейших ученых своего времени и последующих поколений не вызывает никаких сомнений².

В то же время изложение этим ученым своих концепций отличалось большой аморфностью, трудным стилем, отсутствием четких формулировок и ссылок на эмпирические исследования. Ученики Дж. Мида А. Линдсмит и А. Страсс писали: «Дж. Мид предлагает нам не столько какие-то конкретные гипотезы и даже не теорию, а довольно абстрактную систему понятий, которая, если ею заняться серьезно и последовательно, неизбежно вызовет такую постановку проблем и направление исследований, которые не могут предложить никакие другие конкурирующие точки зрения»³. В данной связи большое число работ его последователей в области собственно символического интеракционизма были посвящены просто изложению и интерпретации концепций Дж. Мида⁴.

Среди же наиболее последовательных выразителей идей и концепций Дж. Мида, сделавших предметом собственного анализа весь комплекс проблем, которые он поставил, наибольшую известность получили такие ученые как Г. Блаумер, А. Страсс, Т. Шибутани, а также М. Кун, Н. Дензин, А. Роуз, и др., образовавшие Чикагскую и Айовскую школы символического интеракционизма. Особое место ряду последователей Дж. Мида занимает И. Гофман — основатель драматургического варианта интерпретации идей этого ученого.

■ 6.3. Символический интеракционизм после Дж. Мида

6.3.1. Чикагская и Айовская школы символического интеракционизма

После смерти Дж. Мида символический интеракционизм как социологическое направление получил свое дальнейшее развитие в рамках двух школ — Чикагской и Айовской. Эти школы символического интеракционизма получили свое название по местоположению университетов, где профессионально практиковали ученики и последователи Дж. Мида⁵. Хотя исследователи обе-

¹ Козер Л. Мастера социологической мысли. Идеи в историческом и социальном контексте. М.: Норма, 2006. С. 272.

² Кравченко Е.И. Теория относительности в классической социологии XX в.: «перспективы» Джорджа Герберта Мида // Вестник московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2005. № 1. С. 74.

³ Lindsmith A.R., Strass A.L. Social psychology. New York, 1956. P. XVI.

⁴ См.: Анурьева Г.М., Богомалова Н.Н., Петровская А.А. Современная социальная психология на Западе (теоретические направления). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1978. С. 183.

⁵ Meltzer B.N., Petras J.W. The Chicago and Iowa Schools of Symbolic Interactionism // Manis J.G., Meltzer B.N. (eds.). Symbolic Interaction. Boston, 1972.

их этих школ в центр внимания ставили проблемы социального взаимодействия, они отличались методологическими подходами к их анализу.

«Чикагская школа» символического интеракционизма, которая наиболее последовательно продолжала мидовские традиции, возникла на базе Чикагского университета, где долгие годы преподавал Мид. Эту школу возглавила профессор Чикагского университета **Герберт Блаумер** (Herbert Blumer) (1900 — 1987), который стал центральной фигурой не только в этой школе, но и в рамках символического интеракционизма в целом.

Герберт Блаумер родился в городе Сент-Луисе штата Миссури. По окончании университета этого же штата в 1922 г. он стал там преподавать, но через три года, — в 1925 г., отличившись в качестве игрока межвузовской футбольной команды, был приглашен в Чикагский университет. В университете он попал под влияние Дж. Мида, У. Томаса и Р. Парка, а защитив докторскую диссертацию, занял должность штатного преподавателя. В этом университете Г. Блаумер работал под руководством Г. Мида, с которым совместно осуществлял научно-исследовательские проекты, а после смерти своего учителя занял его место профессора. В 1952 г. Блаумер перешел в Калифорнийский университет Беркли, возглавив только что созданный факультет социологии. В 1955 г. он занимал пост президента Американской социологической ассоциации. Хотя основные работы Г. Блаумера относятся к области методологических проблем исследования коммуникации, предметом его исследовательского анализа выступали город, преступность, девиант, гендер, классы, культура и многое другое.

Согласно Г. Блаумеру, термин «символическая интеракция» относится к совершенно определенному, особому виду интеракции, которая осуществляется людьми. Особенность этой интеракции заключается в том, что люди интерпретируют или определяют действия друг друга, а не просто реагируют на них. Их реакции не вызываются непосредственно действиями другого, а основываются на значении, которое они придают подобным действиям. Таким образом, интеракция людей опосредуется использованием символов, их интерпретацией или приданием значения действиям другого. Это опосредование эквивалентно включению процесса интерпретации между стимулом и реакцией⁶.

Блаумер отмечал, что глубоко разобравшись в том, что означает акт интерпретации для понимания самого человека, человеческого действия и человеческого сообщества, несмотря на попытки других исследователей, смог лишь один Дж. Мид. Он выделил основные черты мидовского анализа, которые предполагают следующее:

- 1) человеческое общество состоит из индивидов, которые обладают «личностным Я» (self), то есть они сами формируют значения;
- 2) индивидуальное действие есть его конструирование, а не просто совершение, оно осуществляется индивидом при помощи оценивания и интерпретации ситуации, в которой он действует;
- 3) групповое или коллективное действие состоит из выравнивания индивидуальных действий при помощи интерпретации и принятием во внимание действий друг друга. Эти черты и составляют, по Блаумеру, основы символического интеракционизма.

⁶ См.: Блаумер Г. Общество как символическая интеракция // Современная зарубежная социальная психология. М.: Издательство Московского университета, 1984. С. 173 — 179.

Согласно Блаумеру, человеческое общество необходимо рассматривать как состоящее из действующих людей, и жизнь общества надо рассматривать как состоящую из этих действий. Действующими единицами могут быть отдельные индивиды, коллективы, члены которых действуют вместе в общем поиске, или организации, действующие от имени группы.

Примерами могут служить, соответственно, отдельные покупатели на рынке, театральная труппа или группа миссионеров, деловая корпорация или национальная профессиональная ассоциация.

Безусловно, можно рассматривать общество не только в терминах действующих единиц, которые составляют общество. Но в отношении конкретной или эмпирической деятельности человеческое общество обязательно должно рассматриваться в терминах действующих единиц, которые его составляют. В рамках подобного анализа следует уделять внимание и тем условиям, в которых подобные единицы действуют.

Первое из основных условий заключается в том, что действие происходит в определенной ситуации и по отношению к этой ситуации. Какова бы ни была действующая единица — индивид, семья, школа, церковь, деловая фирма, профсоюз, законодательный орган и т. д., любое конкретное действие формируется в свете той ситуации, в которой оно происходит.

Второе основное условие состоит в том, что действие формируется и конструируется посредством интерпретации ситуации. Действующая единица обязательно должна идентифицировать вещи, которые она должна принять во внимание: задачи, возможности, препятствия, средства, требования, неудобства, опасности и т. п.; она должна их определенным образом оценить и принять решение на основе этой оценки.

Такое поведение по интерпретации может иметь место у индивида, когда он руководит своими собственными действиями, в коллективе индивидов, действующих согласованно, или у «агентов», действующих от имени группы или организации.

Таким образом, групповая жизнь состоит из действующих единиц, развивающих действия, направленные на то, чтобы справиться с ситуациями, в которых они оказываются.

Обычно большинство ситуаций, с которыми сталкиваются люди в данном обществе, дефинируются или «структурируются» ими одним и тем же образом. Посредством предшествующей интеракции они развивают и приобретают общее понимание или определение того, как надо действовать в той или иной ситуации. Эти общие определения дают возможность людям действовать одинаково.

Даже если действия участвующих людей и одинаковы, эти действия конструируются ими при помощи процесса интерпретации. Поскольку под рукой имеются готовые и общепринятые определения ситуаций, то руководство действиями, их организация не требуют большего напряжения у людей. Однако многие другие ситуации не могут определяться участвующими людьми одинаково. В этом случае линии их действий не согласуются и коллективное действие блокируется до тех пор, пока не будет выработано определение конкретной ситуации.

Г. Блаумер подчеркивал, что в то время как социологи и исследователи человеческого общества сосредотачивают свое внимание на поведении действующих единиц, символический интеракционизм «требует» от исследователя, чтобы он понял процесс интерпретации, при помощи которого эти действующие единицы конструируют свои действия.

Процесс интерпретации нельзя понять, лишь обращаясь к условиям, которые предшествовали этому процессу. Для того чтобы понять этот процесс, исследователь должен принять роль действующей единицы, поведение которой он изучает. Поскольку интерпретация осуществляется действующей единицей в терминах формирования значений, оценивания объектов, принятия решений, то процесс должен рассматриваться с точки зрения действующей единицы.

С точки зрения символического интеракционизма, социальная организация является структурой, внутри которой действующие единицы развивают свои действия. Структурные характеристики, такие как «культура», «социальная система», «социальная стратификация» или «социальные роли», создают условия для их действия, но не детерминируют его. Люди — т. е. действующие единицы — не действуют в отношении культуры, социальной структуры и т. д.; они действуют в отношении ситуаций.

Социальная организация входит в действие лишь в той мере, в какой она:

- создает ситуации, в которых люди действуют;
- поставяет наборы символов, которые люди используют в интерпретации ситуаций. Это две формы влияния социальной организации на действия. В утвердившихся, стабилизированных обществах, таких как изолированные примитивные племена или крестьянские общины, это влияние, безусловно, глубоко. В случае других человеческих обществ, особенно современных, в которых возникают потоки новых ситуаций, а старые ситуации становятся нестабильными, влияние организации уменьшается.

Блаумер полагал, что наиболее важным элементом, с которым сталкивается действующая единица в ситуациях, являются действия других действующих единиц. В современном обществе, которое характеризуется возрастающим числом перекрещивающихся линий действий, обычным является появление ситуаций, в которых действия участников до этого не были отрегулированы и стандартизированы. В этом случае существующая социальная организация не формирует ситуаций. Соответственно, символы или средства интерпретации, используемые действующими единицами в подобных ситуациях, могут значительно варьировать. Поэтому социальное действие может выходить за рамки существующей организации в любом из ее структурных компонентов и, соответственно, служить импульсом для социальных изменений.

Любое социальное изменение, поскольку оно включает изменение в человеческих действиях, неизбежно опосредуется интерпретацией со стороны людей, которые попадают в меняющиеся условия. — изменение проявляется в форме новых ситуаций, в которых люди должны конструировать новые формы действия. Интерпретации этих новых ситуаций не предопределены условиями, предшествующими ситуациям, а зависят от того, что принимается во внимание и оценивается в конкретных ситуациях, в которых формируется поведение¹.

¹ См. подробнее: Блаумер Г. Общество как символическая интеракция // Современная зарубежная социальная психология. М.: Издательство Московского университета, 1984. С. 173–179.

Вместе с Г. Блумером представители Чикагской школы (Т. Шибутани, А. Стросс), сосредоточили свой интерес на «текучести» социального процесса, творческом характере жизни людей, призванных постоянно пересматривать и переопределять социальный мир в зависимости от рождающихся во взаимодействии новых значений и смыслов. Ее основоположники отдавали предпочтение таким исследовательским методам, как сопереживание, стремление вжиться в образ другого, интуиция. Им были чужды формально-социологические процедуры исследования, манипуляции с типовыми социологическими переменными.

Айовская школа, которая несколько модифицировала отдельные мидовские концепции в духе неопозитивизма, была образована в рамках университета штата Айова. Эту школу возглавлял Мэнфорд Кун — профессор университета штата Айова, где он преподавал с 1946 по 1963 гг. К ее представителям относят У. Колба, Т. Парлленда, Б. Мельцер, А. Рейнольде. Эти ученые, обвиняя Чикагскую школу в фетишизации повседневной жизни, ратовали за возвращение макроанализа в социологию.

Как отмечают специалисты, появление этих двух критикующих друг друга школ «неудумительно свидетельствует о том, что «уточнение», педантичное доведение до «логического конца» идей талантливого первооткрывателя, создателя новой системы взглядов далеко не всегда идет ему на пользу. В случае с Чикагской и Айовской школами явно прослеживается разрыв в самом интересном и тонком месте концепции Дж. Мидса — попытке ввести в научный оборот понятие непреложного единства стабильности и изменчивости социальной жизни, обусловленности и свободы человеческого восприятия¹.

Основное различие между этими школами проходит по многим методологическим вопросам.

Во-первых, эти методологические различия касались проблемы определения понятий и отношения к различным методам исследования.

Чикагскую школу отличает неопределенность большинства используемых в их концепциях понятий, а также нежелание проверить правильность мидовских выводов эмпирическим путем.

Так, Г. Блумер был в принципе против операциональных определений и применения таких методов исследования, как тесты, шкалирование, эксперимент и т. п. Это он обосновывал тем, что социально-психологические характеристики личности невозможно и незачем выражать в математических величинах, так как личность испытуемого благодаря воздействию импульсивного Я, а также интеракции с другими людьми находится в процессе постоянного изменения. Не составляет исключения здесь и взаимодействие исследователя с испытуемым. Этот ученый утверждал, что «вследствие того, что выражение (личностью своих отношений и состояний) складывается всякий раз различным образом, мы должны полагаться, естественно, на общие указания, а не на объективно фиксируемые свойства или способы выражения. Или, если подойти к этому с другой стороны, поскольку то, о чем мы заключаем, не выражает себя постоянно одним и тем же образом, мы не можем полагаться в нашем выводе на объективную фиксацию выражаемого»².

¹ Теория символического интеракционизма Джорджа Герберта Мидса // История социологии: В 3 кн.: Учебник / Под ред. В.И. Добренкова. Кн. 1. История социологии (XIX — середина XX в.). М., 2004. С. 561.

² Blumer H. What is Wrong with Social Theory // American Sociological Review. 1954. V. 19. P. 8.

В данной связи представители Чикагской школы соглашались с тем, что для выявления социально-психологических феноменов и характеристик личности пригодны лишь описательные методы, применяемые в гуманитарных науках, которые выявляют лишь наиболее общие характеристики и тенденции. К таким методам они относят изучение документов, различного вида наблюдения, интервью и т. п.

Представители Айовской школы ставили своей задачей доказать отдельные теоретические положения Дж. Мидса эмпирическим путем. Так, М. Кун специально вводил операциональные определения и даже шел на определенную модернизацию и изменение некоторых мидовских теоретических концепций.

Во-вторых, методологические различия между школами Г. Блумера и М. Куна особенно отчетливо проявились в их трактовке структуры личности и детерминированности ее поведения, а также в преобладании акцентов на моментах процесса у Г. Блумера и структуры у М. Куна.

Г. Блумер, вслед за Дж. Мидсом, считал, что личность находится в непрерывном процессе изменения. Суть этого изменения составляет наличие импульсивного Я (ай), постоянный диалог личности с собой, а также интерпретация и оценивание обстановки и поведения других людей. По мнению этого исследователя, «наличие импульсивного Я предполагает индивида, активно противостоящего миру, а не заброшенного в мир, требует воздействия, а не просто реагирования, заставляет индивида не просто осознавать свои поступки, но и конструировать собственное поведение»³.

Социальные установки личности, возникающие в процессе интеракции, не носят стабильного характера именно благодаря вышеуказанным процессам. Следовательно, невозможно однозначно выделить факторы, детерминирующие поведение личности, поэтому поведение личности можно как-то объяснить, но невозможно предсказать.

М. Кун, хотя и утверждал, что «индивид не является пассивным существом, автоматически реагирующим на объект в соответствии с тем значением, которое ему придает группа»⁴, в своих концепциях и исследованиях, по существу, игнорировал воздействие импульсивного Я на поведение личности.

Следует отметить, что Кун известен как автор «теории самооценки личности», в которой эта модификация мидовской концепции проявляется особенно явно. Эта теория не содержит открытого признания импульсивного Я или взаимодействия между импульсивным и нормативным Я. Для него поведение детерминируется... тем, как индивид воспринимает и интерпретирует окружающую действительность, в том числе и себя. Таким образом, личность превращается лишь в нормативное Я и поэтому поведение личности (в принципе) можно предсказать на основе интернализированных ожиданий. Согласно М. Куну, если мы знаем референтную группу индивида, мы можем предсказать самооценку личности, если мы знаем самооценку личности, то мы можем предсказать ее поведение»⁵.

Кун и его сторонники рассматривали личность как структуру социальных установок, сформировавшихся на основе интернализированных ролей, и при-

³ Blumer H. Sociological Implications of the Thought of G. H. Mead // American Journal of Sociology. 1966. V. 71. P. 536.

⁴ Hickman C.A., Kuhn M. Individuals and Economic behavior. New York, 1956. P. 25.

⁵ Symbolic Interaction. A Reader in Social Psychology / J.G. Manis, B.N. Meltzer (eds.). 2nd ed. Boston, 1972. P. 50.

давали им решающее значение в детерминации поведения личности. Кун ввел следующее *операциональное определение личности*: «Операционально существование личности можно определить ... как ответы, которые индивид дает на вопрос «Кто я такой?», обращенный к самому себе, или на вопрос «Кто Вы такой?», обращенный к нему другим лицом»¹.

Это определение было использовано М. Куном при разработке в 1950 г. так называемого «теста 20 ответов по самооценке» или теста «кто я?»².

Суть теста заключается в том, что испытуемого или группу испытуемых просят в течение 12 мин дать 20 различных ответов на обращенный к самому себе один вопрос «Кто я такой?». В инструкции подчеркивалось, что ответы должны даваться в том порядке, как они приходят в голову испытуемому независимо от логики и «важности» тех или иных ответов. Полученные ответы обрабатывались при помощи контент-анализа и шкалы Гутмана.

Полученные ответы подразделились М. Куном на две категории:

1) ответы, характеризующие социальный статус и роль испытуемого, его принадлежность к определенной группе; к этой категории относятся ответы такого типа, как «студент», «дочь», «гражданин» и т. п.;

2) ответы, относящиеся к индивидуальным характеристикам, например «толстый», «невезучий», «счастливый».

Исследования М. Куна показали, что количество получаемых ответов одного испытуемого варьировало от 1 до 20. В среднем давалось по 17 ответов. Абсолютное большинство ответов относилось к первой категории, то есть к ответам, характеризующим социальный статус и роль личности. Как правило, ответы этой категории шли первыми, ответы же второй категории нередко просто отсутствовали.

На основе проведения этих тестов Куном был сделан вывод о том, что ролевые позиции являются наиболее значимыми для личности, так как они оказались ведущими в иерархии самооценок. Кроме того, было установлено, что у разных людей наблюдается весьма широкий диапазон самооценок в отношении их ролевых позиций и индивидуальных качеств. Установление этого факта эмпирическим путем обладает, по мнению Куна, большим преимуществом по сравнению с умозрительными заключениями Дж. Мида. В дальнейшем тест «Кто я?» нашел довольно широкое распространение в США и применялся даже при отборе первых американских космонавтов³.

Представители Айовской школы также критиковали своих оппонентов за недостаточное внимание к бессознательным эмоциональным сторонам человеческой жизни, а также к изучению потребностей, мотивов, намерений и ожиданий.

В-третьих, различие в методологических принципах Чикагской и Айовской школ отражалось в их подходах к ролевому поведению.

Для представителей Чикагской школы ролевое поведение, при обозначении которого ими часто использовался термин «делание роли», представляло собой поисковый, динамичный, творческий процесс. Такое понимание роле-

¹ Symbolic Interaction. A Reader in Social Psychology. P. 49.

² Kuhn M.H., McPartland T.S. The Empirical Investigation of Self-attitude // American Sociological Review. 1954. V. 19.

³ См.: Андреева Г.М., Богомолова Н.Н., Петровская Л.А. Современная социальная психология на Западе (теоретические направления). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1978. С. 191.

вого поведения логически вытекало из их концепции личности как активного и творческого существа, которое «конструирует» свои действия в зависимости от того, как оно воспринимает, интерпретирует окружающее.

Г. Бламер, в частности, писал: «... уподобление человеческой групповой жизни функционированию механической структуры или ... системы, стремящейся к равновесию, как мне кажется, сталкивается с серьезными трудностями из-за формирующего и поискового характера взаимодействия, в ходе которого участники оценивают друг друга и направляют свои действия в зависимости от этих оценок»⁴.

Он считал, что культурные нормы, статусы и ролевые отношения являются лишь определенной сферой, в рамках которой осуществляются социальные действия, но не решающими факторами, определяющими эти действия.

Представители Айовской школы придавали решающее значение ролевым факторам и предпочитали говорить не о «делании роли», а об «исполнении», «проигрывании» роли или о «принятии роли», фактически исключая спонтанный, творческий элемент из поведения личности. Так, М. Кун утверждал, что индивид «... формирует свои планы поведения в соответствии с исполняемыми ролями и занимаемыми статусами в группах, с которыми он себя идентифицирует, то есть в его референтных группах. Его отношение к себе как к объекту является лучшим индикатором этих планов поведения... они являются определяющими для самооценок и для оценки других»⁵.

С середины 60-х гг. XX столетия ряд исследователей, относящих себя к данному направлению, попытались достичь компромисса по данным вопросам⁶. Тем не менее современный символический интеракционизм, будучи прямым выражением и продолжением концепций Дж. Мида, обладает, в основном, теми же достоинствами, недостатками и противоречиями, которые присущи теоретическим построениям его основателя. Как отмечал П. Рок, символическому интеракционизму свойственны «умышленно созданная неясность» и «противодействие систематизации»⁶.

6.3.2. Методологические принципы символического интеракционизма

Абсолютное большинство представителей символического интеракционизма являлись социологами по образованию, и одновременно занимались разработкой как социологических, так и социально-психологических проблем⁷. Некоторые символические интеракционисты попытались перечислить основные принципы, на которых базируются свои идеи последователи Дж. Мида, и которые как раз и характеризуют данное направление в его современной виде⁸.

¹ Blumer H. Psychological Import of the Human Group // M. Sherif, M.O. Wilson (eds.). Group Relations at the Crossroads. New York, 1953. P. 199.

² Hickman C.A., Kuhn M. Individuals and Economic behavior. New York, 1956. P. 45.

³ См.: Denzin N.K. Symbolic Interactionism and Ethnomethodology // J. Douglas (ed.). Understanding Everyday Life. London, 1972. P. 266–269.

⁴ Rock P. The Making of Symbolic Interactionism. Totowa, New York: Rowman and Littlefield, 1979. P. 18–19.

⁵ См. напр.: Denzin N.K. Symbolic Interactionism and Ethnomethodology // J. Douglas (ed.). Understanding Everyday Life. London, 1972.

⁶ Blumer H. Symbolic Interaction: Perspective and Method. Englewood Cliffs, New Jersey: Prentice Hall, 1969; Meltzer B.N. Mead's Social Psychology // J.C. Manis, B.N. Meltzer (eds.). 3rd

Первый принцип — люди, в отличие от животных, наделены способностью к мышлению.

Второй принцип — способность мыслить формируется социальным взаимодействием.

Третий принцип — в социальном взаимодействии люди усваивают значения и символы, позволяющие им осуществлять специфическую особенность человека мыслить.

Четвертый принцип — значения и символы позволяют людям осуществлять характерные для человека действия и взаимодействия.

Пятый принцип — люди способны модифицировать или изменять значения и символы, используемые ими в действии и взаимодействии, на основе своей интерпретации ситуации.

Шестой принцип — люди способны осуществлять эти модификации и изменения отчасти благодаря способности взаимодействовать с собой, что позволяет им исследовать возможные направления действия, оценивать свои сравнительные преимущества и издержки, и затем выбирать один из путей.

Седьмой принцип. Смешанные примеры действия и взаимодействия образуют группы и общества¹.

Эти принципы, в совокупности и составляют объяснительную теоретическую конструкцию данного направления.

Предположение о том, что люди, в отличие от животных, наделены способностью к мышлению, создает фундамент всей теоретической ориентации символического интеракционизма.

Допущение человеческой способности мыслить стало одним из крупнейших достижений основоположников символического интеракционизма. Они рассматривали индивидов в человеческом обществе не как единицы, мотивируемые неконтролируемыми ими внешними или внутренними силами, или в рамках более или менее упорядоченной структуры, а как мыслящие или взаимодействующие единицы, составляющие социальное целое².

Именно способность мыслить позволяет людям действовать обдуманно, а не вести себя бездумно. Способность мыслить находится в разуме, который возникает в процессе социализации сознания. Они отличают его от физиологического мозга. Чтобы возник разум, люди должны обладать мозгом, но мозг не порождает разум с неизбежностью, как это понятно в случае низших животных³. Разум связан практически с каждым понятием символического интеракционизма, в том числе с понятиями социализации, значения, символ, самости, взаимодействия и даже общества.

Положение о том, что способность людей мыслить должна формироваться и совершенствоваться в процессе социального взаимодействия, приводит символических интеракционистов к анализу специфической формы социальной интеракции — социализации. Человеческая способность мыслить начинает развиваться на этапе социализации ребенка и совершенствуется на

ed. Boston, 1972; Rose A. A Systematic Summary of Symbolic Interaction Theory // A. Rose (ed.) Human Behavior and Social Processes. Boston: Houghton Mifflin, 1962.

¹ Ibid.

² Meltzer B., Petrus J., Reynolds L. Symbolic Interactionism: Genesis, Varieties and Criticism. London: Routledge and Kegan Paul, 1975. P. 42.

³ Troyer W. Mead's Social and Functional Theory of Mind // American Sociological Review. 1946. No 11. P. 198–202.

протяжении социализации взрослого человека. С точки зрения символических интеракционистов социализация — это процесс более динамичный, позволяющий людям развивать способность мыслить, развивать ее характерным для человека образом. Кроме того, социализация является не просто односторонним процессом получения актором информации, но представляет собой динамичный процесс формирования и приспособления информации к своим собственным потребностям¹.

Символических интеракционистов, конечно, интересует не просто социализация, но и социальное взаимодействие в целом². В большинстве этих взаимодействий акторы должны принимать во внимание других и решать, приспособлять ли им свои действия к другим людям, и если да, то каким образом. В процессе социального взаимодействия люди усваивают символы, а также значения. «Символы есть социальные объекты, используемые для представления (или обозначения) того, что, согласно договоренности людей, они будут представлять»³.

Представители символического интеракционизма подчеркивают существование человека не только в природном, физическом, но и в «символическом окружении», а также опосредствующую функцию символов в процессе социального взаимодействия⁴.

«В несимволическом взаимодействии человеческие существа непосредственно реагируют на жесты и действия друг друга, в символическом взаимодействии они интерпретируют жесты друг друга и действуют на основе значений, полученных в процессе интеракции», — писал Г. Блумер⁵.

Символы передаются людьми посредством языка. Язык символические интеракционисты понимают как обширную систему символов. Слова являются символами, потому что используются для обозначения вещей. Слова делают все остальные символы возможными. Действия, объекты и другие слова существуют и имеют значение только потому, что они уже были или могут быть описаны словами.

Символы играют решающую роль в способности людей поступать по-человечески. Из-за символа человек «не пассивно откликается на реальность, которая навязывает себя, а активно создает и воссоздает мир, в котором он действует»⁶.

Символы в целом и язык в частности обладают для актора рядом специфических функций.

Во-первых, символы дают возможность людям взаимодействовать с материальным и социальным миром, позволяя им называть, классифицировать и запо-

¹ Manis J., Meltzer B. (eds.) Symbolic Interaction: A Reader in Social Psychology. 3rd ed. Boston: Allyn and Bacon, 1978. P. 6.

² Blumer G. The Methodological Position of Symbolic Interactionism // Blumer G. Symbolic Interaction. Englewood Cliffs, New Jersey: Prentice Hall, 1969. P. 8.

³ Charon J.M. Symbolic Interactionism: An Introduction, an Interpretation, an Integration. 6th ed. Englewood Cliffs, New Jersey: Prentice Hall, 1998. P. 47.

⁴ Андреева Г.М., Богомолова Н.Н., Петровская Л.А. Современная социальная психология на Западе (теоретические направления). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1978. С. 185.

⁵ Symbolic Interaction. A Reader in Social Psychology / J. G. Manis, B. N. Meltzer (eds.). 2nd ed. Boston, 1972. P. 145.

⁶ Charon J.M. Symbolic Interactionism: An Introduction, an Interpretation, an Integration. 6th ed. Englewood Cliffs, New Jersey: Prentice Hall, 1998. P. 69.

минать объекты, с которыми они сталкиваются. Таким образом, люди способны упорядочивать мир, который иначе был бы запутанным. Язык позволяет людям называть, классифицировать и особенно запоминать значительно эффективнее, чем они могли бы это делать с помощью символов другого рода, например изобразительных образов.

Во-вторых, символы улучшают человеческую способность постигать окружающую среду. Вместо того чтобы подчиняться потоку множества нейтральных стимулов, актер может испытывать более сильное воздействие одних элементов среды по сравнению с другими.

В-третьих, символы улучшают способность мыслить. Хотя набор рисованных символов обычно дает ограниченную способность мыслить, язык значительно ее расширяет. Мышление с этой точки зрения может пониматься как символическая интеракция с самим собой.

В-четвертых, символы значительно повышают способность решать различные проблемы. Низшие животные должны использовать метод проб и ошибок, но люди могут символически обдумать разнообразие альтернативных действий перед тем, как совершить реальный поступок. Такая способность уменьшает шанс совершить трудноисправимую или непоправимую ошибку.

В-пятых, использование символов позволяет актерам выходить за пределы времени, пространства и даже собственной личности. С помощью использования символов они могут вообразить, что представляла собой жизнь в прошлом или какова она может оказаться в будущем. Кроме того, актеры символически могут выходить за пределы своей собственной личности и представить мир с точки зрения другого человека¹.

В-шестых, символы позволяют нам представить метафизическую реальность, например рай или ад.

В-седьмых, на самом общем уровне символы позволяют людям избегать порабощения их окружением. Они могут быть активными, а не пассивными, т. е. управлять своими действиями.

Значения и символы придают отчетливые характеристики социальному действию (в котором участвует единичный субъект) и социальному взаимодействию (которое охватывает двух или более акторов, участвующих в совместном социальном действии). В случае социального действия индивиды мысленно взаимодействуют с другими. Иначе говоря, предпринимая действие, люди одновременно пытаются оценить его влияние на других участвующих акторов. Хотя зачастую люди демонстрируют бессознательное, привычное поведение, они обладают способностью вступать в социальное действие².

В процессе социального взаимодействия люди с помощью символов сообщают значения другим участникам интеракции. Другие интерпретируют эти символы и строят свои ответные действия на основе своей интерпретации. Иначе говоря, в случае социального взаимодействия актеры вовлечены в процесс взаимного влияния.

Отчасти благодаря способности использовать значения и символы люди, в отличие от низших животных, могут в своих действиях делать выбор. Они не обязательно должны принимать значения и символы, навязываемые им

извне. На основе своей собственной интерпретации ситуации «люди способны создавать новые значения и новые границы значения»³.

Таким образом, с точки зрения символических интеракционистов актеры, по крайней мере до некоторой степени, обладают автономией. Они не просто испытывают на себе принуждение или детерминацию; они способны осуществлять нестандартный и независимый выбор. Более того, они способны создавать уникальный стиль жизни⁴.

Нельзя не отметить, что самый центр интеллектуальной схемы интеракционистов составляет «Я» (самость), которое остается для них очень важным понятием⁵. Все остальные социологические процессы и события вращаются вокруг этого центра, взаимодействуя у него свое аналитическое значение и организацию⁶. При этом, если одни исследователи, в числе которых Г. Бламер⁷, мало продвинулись по сравнению с ранними формулировками Ч. Кули и Дж. Мида, то другие усовершенствовали как понятие «Я», так и представления, которые формируются о «Я» в процессе интеракции. Примером тому служит творчество Ирвинга Гофмана.

Согласно И. Гофману, общая идея о том, что мы то и дело представляем себя другим, вряд ли нова. Но упор следует сделать не на ней, а на том, что сама структура человеческого «Я» может быть по-новому увидена в понятиях, описывающих, как такие представления устраиваются в англо-американском обществе. Он утверждал, что действующий индивид выступает в двух ипостасях:

- 1) как исполнитель, загнанный жизнью фабрикант впечатлений, втянутый в общечеловеческую задачу сценической постановки своего исполнения;
- 2) как сценический персонаж-характер (фигура, как правило, красивая), дух, жизненную силу и другие безупречные качества которого исполнение этого индивида целенаправленно вызывает из небытия.

Качества исполнителя и качества представляемого им характера — явления разного порядка. Обычно именно так и бывает, однако оба набора качеств имеют свое значение в условиях спектакля, которого не избежать в жизни⁸. Эти положения И. Гофман раскрыл с помощью драматургического подхода.

6.3.3. Драматургический подход Ирвинга Гофмана

В вопросе транслитерации имени этого ученого (Erving Goffman) встречаются следующие варианты: Ирвин Гофман⁹, Эрвин Гоффман¹⁰, Ирвинг Гоф-

¹ Meisner J., Meltzer B. (eds.) Symbolic Interaction: A Reader in Social Psychology. 3rd ed. Boston: Allyn and Bacon, 1976. P. 7.

² Perinbanayagam R. Signifying Acts: Structure and Meaning in Everyday Life. Carbondale: Southern Illinois University Press, 1985. P. 53.

³ Bruder K. «Monastic Blessing: Deconstructing and Reconstructing the Self» // Symbolic Interaction, 1998. № 21. P. 87 – 116.

⁴ Rock P. The Making of Symbolic Interactionism. Totowa, New York: Rowman and Littlefield, 1978. P. 102.

⁵ Perinbanayagam R. Signifying Acts: Structure and Meaning in Everyday Life. Carbondale: Southern Illinois University Press, 1985.

⁶ См.: Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни / Пер. с англ. А. Д. Ковалева. М.: Канон-Пресс-Ц; Кучково поле, 2000. С. 300 – 301.

⁷ Ионин А. Г. Символический интеракционизм и феноменологическая социология: между кризисом и стабильным сознанием // Очерки по истории теоретической социологии. М.: Наука, 1994.

⁸ Современная зарубежная социальная психология: Тексты. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984.

¹ Miller D. The Meaning of the Role-Taking // Symbolic Interaction. 1981. № 4. P. 167 – 175.

² Ritzer G. Sociological Theory: 3th ed. International edition: McGraw-Hill Higher Education, 2000. P. 340 – 341.

ман¹, Эрвин Гоффман², Эрвин Гоффман³, и каждый из них получил определенное обоснование. Для того чтобы избежать подобных разночтений, целесообразно остановиться на том варианте имени, которое указано на титуле русского перевода основной книги этого ученого «Представление себя другим в повседневной жизни»⁴, а также наиболее часто встречается в компетентных энциклопедических социологических изданиях — **Ирвинг Гоффман** (1922 — 1982).

Ирвинг Мэнивалл Гоффман родился в Канаде, в городе Мэнивилле (провинция Альберта) в семье Макса и Анны Гоффман, выходцев из Украины. Затем он вместе с родителями переехал в город Дофин (провинция Манитоба), где и окончил среднюю школу. Начав свой путь в среднетехническом училище св. Джона в Дофине в провинции Манитоба, он избрал своей специальностью химию в Университете Манитобы, куда поступил в 1939 г. Высшее социологическое образование И. Гоффман получил в Университете Торонто, который закончил в 1945 г. После этого он обучался на факультете социологии Чикагского университета и получил степень магистра. Ему преподавали Эверетт Хьюз и другие, работающие в этой сфере фигуры, такие как Роберт Парк, Эдвард Берджесс и Клиффорд Шоу. Его куратор, Ллойд Уорнер, подтолкнул начинающего ученого к изучению социальной антропологии, и тот отправился на Шетландские острова⁵, чтобы изучать «социальную структуру островного сообщества». Однако в сферу его интересов попали образцы взаимодействия и механизмы коммуникации между островитянами, которые впоследствии составили основу его докторской диссертации «Коммуникативное поведение в островной общине», которую он защитил в 1953 г. Сама диссертация не была опубликована, но отдельные ее материалы Гоффман использовал в ряде работ, в том числе и в первой своей книге «Представление себя другим в повседневной жизни»⁶.

В 1954 г. Гоффман, покинув Чикагский университет, вместе со своей первой женой (Анджеликой Чоат) и малолетним сыном переехал в Вашингтон. Там он занимал должность приходящего сотрудника Национального института психического здоровья (1954 — 1957). Одновременно он работал в психиатрической клинике — Госпитале Святой Элизабет в различных профессиях — санитаром, швейцаром и помощником директора, наблюдал и записывал то, что там происходило⁷.

Затем, в 1958 г., этот исследователь поступил на работу в качестве старшего преподавателя факультета социологии Калифорнийского университета Беркли. Благодаря книге «Представление себя другим в повседневной жизни», впервые

¹ Моксон Л. Современная западная социология. СПб.: Нотабене, 1992; Гоффман И. Представление себя другим в повседневной жизни / пер. с англ. А.Д. Ковалева. М.: Канон-Пресс-Ц; Кутково поле, 2000.

² Крайченко Е.И. Социологическая концепция Э. Гоффмана // Современная американская социология / Под ред. В.И. Добрынькова. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1994.

³ Гоффман Э. Ритуал взаимодействия: Очерки поведения лицом к лицу / Пер с англ. под ред. Н.Н. Богомоловой, Д.А. Леонтьева. М.: Смысл, 2009.

⁴ Гоффман И. Представление себя другим в повседневной жизни / пер. с англ. А.Д. Ковалева. М.: Канон-Пресс-Ц; Кутково поле, 2000.

⁵ Шетландские острова (главный остров — Мейнленд) — архипелаг на Северо-востоке от Шотландии (Великобритания), являющийся точкой разделения Норвежского и Северного морей. Это одна из 32 административных областей Шотландии. — *Прим. авт.*

⁶ Goffman E. The Presentation of Self in Everyday Life. Garden City, New York: Anchor, 1959.

⁷ Scott S. Erving Goffman // Fifty Key Sociologists: The Contemporary Theorists. Scott J. (ed.). London and New York: Routledge, 2007. P. 115.

изданной в 1959 г., Гоффман приобрел прочную репутацию в качестве «драматургического социолога»⁸ и в 1962 г. занял должность профессора. С 1969 г. он преподавал в университетах штатов Пенсильвания и Филадельфия.

И. Гоффман умер на «пике славы», незадолго до того, как должен был поставить свою подпись под протоколом об утверждении его кандидатуры на пост президента Американской социологической ассоциации. Его президентское послание на тему «Порядок взаимодействия», подготовленное для ежегодной конференции этой ассоциации, с которым он сам уже, к сожалению, не смог выступить, было опубликовано посмертно⁹.

К числу основных работ этого ученого относятся: «Представление себя другим в повседневной жизни» (1959)¹⁰; «Враждебные столкновения: два исследования по социологии интеракции» (1961)¹¹; «Поведение в публичных местах: заметки по социальной организации собраний» (1963)¹²; «Стигма» (1963)¹³; «Ритуал взаимодействия: очерки поведения лицом к лицу» (1967)¹⁴; «Публичные отношения: микроанализ общественного порядка» (1971)¹⁵; «Стратегическое взаимодействие» (1972)¹⁶; «Анализ фреймов: организация повседневного опыта» (1974)¹⁷.

Ирвинг Гоффман — американский ученый с мировым именем, вошел в историю социологии как один из наиболее известных представителей символического интеракционизма. Во всех своих исследованиях он оставался верен задаче изучения социологических, психологических, антропологических аспектов межличностного взаимодействия в самых разнообразных областях и ситуациях повседневной жизни.

В первой книге «Представление себя другим в повседневной жизни», получившей широкую известность и переведенной на несколько языков, Гоффман выступил с позиций именуемого им *драматургического подхода*, на базе которого он выстроил особую концепцию «социальной драматургии».

Согласно Гоффману, всякое социальное образование представляет собой какое-нибудь пространство, окруженное более или менее закрепленными барьерами, препятствующими чужому восприятию, — пространство, в котором регулярно осуществляется определенного рода деятельность. Любое социальное образование можно изучать:

— *технически* — в категориях его эффективности в качестве предельно организованной системы деятельности для достижения заранее определенных целей;

⁸ Scott S. Erving Goffman // Fifty Key Sociologists: The Contemporary Theorists. P. 113.

⁹ Goffman E. The Interaction Order // American Sociological Review. 1983. № 1. Vol. 48. P. 1 — 53.

¹⁰ Goffman E. The Presentation of Self in Everyday Life. Garden City, New York: Anchor, 1959.

¹¹ Goffman E. Encounters: Two Studies in the Sociology of Interaction. Indianapolis: Bobbs-Merrill, 1961.

¹² Goffman E. Behavior in Public Places: Notes on the Social Organization of Gathering. Glencoe, IL: Free Press, 1963.

¹³ Goffman E. Stigma: Notes on the Management of Spoiled Identity. Englewood Cliffs, New Jersey: Prentice Hall, 1963.

¹⁴ Goffman E. Interactional Ritual: Essays on Face-to-Face Behavior. Garden City, New York: Anchor, 1967.

¹⁵ Goffman E. Relations in Public: Microstudies of the Public Order. New York: Basic Books, 1971.

¹⁶ Goffman E. Strategic Interaction. New York: Ballantine, 1972.

¹⁷ Goffman E. Frame Analysis: An Essay on the Organization of Experience. New York: Harper Colophon, 1974.

— политически — с точки зрения действий, которых каждый его участник (или класс участников) вправе требовать от других участников; с точки зрения лишений и льгот, распределяемых среди участников, чтобы подкрепить эти требования; с точки зрения видов социального контроля над применением власти и использованием санкций;

— структурно — в категориях его горизонтальных и вертикальных статусных подразделений и разновидностей социальных отношений, которые привязывают эти отдельные группировки друг к другу;

— в культурном комплексе — с точки зрения моральных ценностей, влияющих на характер деятельности в этом учреждении, — ценностей, свойственных модам, обычаям и проявлениям вкуса, вежливости и приличия, конечным целям и нормативным ограничениям на выбор применяемых средств и т. п.

Все факты и события, характеризующие данное человеческое учреждение, имеют отношение к каждой из четырех исследовательских перспектив, каждая из которых задает свои приоритеты и свой порядок этим фактам. Пятой перспективой может стать *драматургический подход*¹.

Драматургический подход изучает любое социальное образование с точки зрения управления впечатлениями². Подобно четырем другим перспективам, его можно применять как конечный пункт анализа и завершающий способ упорядочения фактов. Это предполагает описание приемов управления впечатлениями, выработанных в данном социальном образовании, основных проблем управления впечатлениями в нем, критериев идентификации отдельных исполнительских команд, действующих в пределах такого образования и взаимоотношений между ними.

В драматургическом подходе И. Гофман провел аналогию между театральной игрой и взаимодействием людей в повседневной реальной жизни. По его мнению, драматургические проблемы участника, представляющего свою деятельность другим, решаемые с помощью сценического мастерства и сценической режиссуры, иногда тривиальны, но очень распространены. «По-видимому, сценические задачи встречаются в социальной жизни на каждом шагу, обеспечивая тем самым четкую путеводную нить для формального социологического анализа»³, — писал этот исследователь.

Следует отметить, что в рамках данного подхода конкретное содержание любой деятельности отдельного участника, или роль, которую оно играет во взаимозависимых видах деятельности работающей социальной системы, не обсуждаются. Реальные участники повседневных взаимодействий рассматриваются как актеры, задействованные в театральном представлении; в фокусе анализа находятся «технологии» поведения участников межличностного взаимодействия, и особое внимание обращается на его символические формы. Сами участники взаимодействия трактуются как носители самых различных ролей, заданных извне, не связанных ни между собой, ни с особенностями личности. При этом Гофман исходил из того, что человек в процессе социальной интеракции способен не только посмотреть на себя глазами партнера по взаимодействию, но и скорректировать собственное поведение в соответствии с ожиданиями другого с тем, чтобы создать о себе

¹ Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни / Пер. с англ. А. Д. Ковалева. М.: Канон-Пресс-Ц, Кучково поле, 2000. С. 285.

² Там же. С. 286.

³ Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни. С. 47.

наиболее благоприятное впечатление и добиться наибольшей выгоды от этого взаимодействия.

Для целей своего исследования Гофман сначала определил ряд ключевых понятий: «взаимодействие», «исполнение» и «партия».

Под взаимодействием¹ он понимал взаимное влияние индивидов на действия друг друга в условиях непосредственного физического присутствия всех участников. Под *единичным взаимодействием (контакт)* все проявления взаимодействия в каком-нибудь одном эпизоде, во время которого данное множество индивидов непрерывно находилось в присутствии друг друга.

«Исполнение» (или «выступление») Гофман определял как все проявления деятельности данного участника в данном эпизоде, которые любым образом влияют на любых других участников взаимодействия. *Взяв одного конкретного участника и его исполнение за базисную точку отсчета, можно определить другие категории исполнителей как публику, аудиторию, наблюдателей или соучастников.*

Предустановленный образец действия, который раскрывается в ходе какого-нибудь исполнения и который может быть исполнен или сыгран и в других случаях, Гофман обозначил терминами «партия» или «рутина»².

По его мнению, эти ситуационные термины легко связать с общепринятыми структурными. Когда индивид или «исполнитель» в разных обстоятельствах играет одну и ту же партию перед одной и той же аудиторией, тогда, вероятно, имеет смысл говорить о возникновении «социального отношения». Каждую из этих различных партий исполнитель может представлять в ряде случаев одним и тем же типам аудитории или аудитории, состоящей из одних и тех же лиц³.

Далее, И. Гофман исследовал некоторые из общепринятых приемов, применяемых людьми для поддержания таких впечатлений, а также некоторые обычные возможные применения этих приемов⁴. Для этого, следуя аналогии с театром, он ввел такие термины, как «передний план» («авансцена»), «обстановка», «личный передний план», «внешний вид» и «манеры».

Передний план (или «представительский фронт») — это та часть индивидуального исполнения, которая регулярно проявляется в обобщенной и устойчивой форме, определяя ситуацию для лиц, наблюдающих это исполнение. Передний план — это стандартный набор выразительных приемов и инструментов, намеренно или невольно выработанных индивидом в ходе исполнения⁵.

В рамках переднего плана (авансцены) Гофман выделял *обстановку* и *личный передний план*.

Обстановка — это мебель, декорации, физическое расположение участников и другие элементы фона, которые составляют сценический и постановочный реквизит для протекания человеческого действия. Обстановка тяготеет к неподвижности (в географическом смысле), так что тот, кто хотел бы использовать определенную обстановку как часть своего представления, не сможет его исполнять, пока не попадет в соответствующее место, и будет вынужден прекратить свое выступление, если покинет его. Лишь в исключи-

¹ Это взаимодействие трактовалось им в довольно узком смысле — как взаимодействие лицом к лицу.

² Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни. С. 48.

³ См.: Там же.

⁴ Там же. С. 47.

⁵ Там же. С. 54.

тельных случаях обстановка передвигается вместе с исполнителями: это можно наблюдать в похоронных и гражданских церемониях и в сказочно пышных шествиях с участием королевских особ¹.

Таким образом, обстановка относится к фоновым, техническим составляющим сцены, без которых исполнители, как правило, не могут выступать. Например, хирургу обычно требуется операционная, таксисту — такси, а конькобежцу — лед.

«Личный передний план» относится к тем составляющим авансцены, которые наиболее тесно связаны с самим исполнителем и которые сопровождают его всюду².

Так, элементами личного переднего плана служат: отличительные знаки официального положения или ранга, умение одеваться, пол, возраст и расовые характеристики, габариты и внешность, осанка, характерные речевые обороты; выражения лица; жесты и т. п. Некоторые из этих знаковых сигналов (такие как расовые признаки) относительно постоянны для данного индивида и не меняются от ситуации к ситуации на протяжении какого-то промежутка времени. Другие же относительно подвижны или переходящи, как, например, выражение лица, и могут меняться в течение одного исполнения от момента к моменту.

Таким образом, личный передний план состоит из тех элементов экспрессивного оформления, которые аудитория идентифицирует с исполнителями и ожидает, что они будут сопровождать их в обстановке. Например, предполагается, что хирург будет одет в медицинский халат, у него будут определенные инструменты и т. д.

Знаковые сигналы, составляющие личный передний план, Гофман подразделил на *внешний вид* и *манеры* — согласно функции, исполняемой информацией, которую они передают.

К *внешнему виду* он относил те из них, которые действуют в данный момент, говорят о социальных переменных состояниях исполнителя.

Так, сигналы внешнего вида сообщают о временном ритуальном состоянии индивида: занят ли он официальной общественной деятельностью, работает или предается неофициальным развлечениям; переживает он или нет новую фазу в сезонном либо во всем жизненном цикле и т. п.

Манерами Гофман назвал сигналы исполнителя, которые в данный момент предупреждают о той роли во взаимодействии, какую он намеревается играть в надвигающейся ситуации³.

Так, надменная агрессивная манера поведения может создать впечатление, что исполнитель собирается быть тем, кто начинает словесное взаимодействие и направляет его ход. Мягкая, извиняющаяся манера может сигнализировать о том, что исполнитель готов следовать за другим лидером или что его, по крайней мере, можно склонить к этому.

¹ Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни. С. 54.

² Там же. С. 55.

³ Там же. С. 57.

Манеры говорят аудитории, какого рода роль исполнитель предполагает играть в данной ситуации (например, использование определенных поведенческих, внешнего поведения). В частности, резкая и мягкая манеры поведения демонстрируют совершенно разные типы представлений. В целом следует ожидать согласованности внешнего вида и манер.

Исследователи отмечают, что хотя Гофман рассматривал передний план и другие аспекты своей системы как символический интеракционист, он исследовал и их структурный характер. Например, он утверждал, что передние планы имеют тенденцию к институционализации, поскольку относительно того, что должно происходить на определенном плане, возникают «коллективные представления». Очень часто, когда исполнители играют установленные роли, они обнаруживают определенные, уже установленные для таких представлений передние планы. В результате существует тенденция выбирать, а не создавать передние планы⁴.

Наряду с передним планом Гофман также рассматривал *закулисную зону* — *зону, где могут проявиться скрывающиеся на переднем плане факты или различного рода неформальные действия*. Кулисы обычно примыкают к авансцене, но одновременно и отрезаны от нее. Исполнители, безусловно, могут рассчитывать на то, что члены их парадной аудитории не появятся за кулисами. Для того чтобы удостовериться в этом, они применяют различные виды управления впечатлениями. Выступление, вероятно, станет затруднительным, если исполнители не способны предотвратить появление аудитории за кулисами. По его мнению, существует также третья, остаточная сфера, *внешняя зона*, которая не является ни авансценой, ни кулисами. Однако никакая область жизни все время не может быть одной из этих трех сфер. Более того, определенная область в разное время занимает все три сферы. Так, профессорский офис становится авансценой, когда его посещает студент; кулисами, когда студент уходит, и внешней зоной, когда профессор находится на университетском матче по баскетболу.

Согласно И. Гофману, всякое исполнение рутинной партии заявляет своим представителем передним планом некоторые весьма абстрактные притязания на часть аудитории — притязания, которые, вероятно, будут предъявлены этим людям во время исполнения и других рутин. Таков один путь, каким исполнение «социализируется», формируется и подгоняется под понимание и ожидания общества, в котором оно протекает. Другим важным аспектом этого процесса социализации является тенденция исполнителей внушать своим зрителям идеализированное по нескольким различным параметрам впечатление. В той мере, в какой исполнение выдвигает на первый план общепринятые официальные ценности того общества, в котором оно осуществляется, можно, по образцу Э. Дюркгейма и А.Р. Радклифф-Брауна, смотреть на это исполнение как на церемонию экспрессивного обновления и повторного подтверждения моральных ценностей данного человеческого сообщества.

Так, «если индивид хочет довести свое исполнение до идеального образца, ему тогда придется воздерживаться или скрывать действия, несовместимые с этим идеалом. Когда, как часто случается, это неправильное поведение само по себе приносит удовлетворение, то обычно его позволяют себе втайне, ухит-

⁴ См.: Ritzer G. Sociological Theory: 5th ed. International edition: McGraw-Hill Higher Education, 2000. P. 363.

ряясь, таким образом, и изобразить воздержание от поедания пирога, и по-пробовать его»¹. Гофман приводит массу примеров, которые заимствованы им из неопубликованных отчетов корпорации «Социальные исследования» в Чикаго.

В частности, в американском обществе восьмилетние дети часто заявляют об отсутствии интереса к телепрограммам для пяти- и шестилетних, но нередко тайком смотрят эти программы.

Домашние хозяйки из среднего класса пользуются (тоже тайком) дешевыми заменителями кофе, мороженого или масла. Таким путем они имеют возможность экономить деньги, или усилия, или время и при этом поддерживать впечатление, будто приготовляемая ими пища сплошь самого высокого качества.

И. Гофман утверждал, что, поскольку люди в представлениях на авансцене обычно пытаются представить идеализированную картину самих себя, они неизбежно понимают, что должны в своих представлениях что-то скрывать и, как правило, они «скрывают нечто большее, чем неподобающие удовольствия и благоразумные умолчания»².

Во-первых, вдобавок к тайным удовольствиям и удобным умолчаниям исполнитель может быть занят неким выгодным делом, скрываемым от глаз аудитории и несовместимым с тем образом своей деятельности, какой он надеется донести до публики.

Хрестоматийный образец такого поведения, по Гофману, можно обнаружить у продавцов сигар, совмещающих это занятие с букмекерством, но нечто подобное найдется и во многих других местах. На удивление большое число работников, по-видимому, оправдывают для себя привязанность к своим местам работы возможностью красть нужные инструменты, перепродать служебные запасы продовольствия, попутешествовать за счет компании, распространить определенную пропаганду или завязать и соответственно направлять полезные контакты и т. д. Во всех таких случаях место работы и официальная деятельность становятся чем-то вроде раковины, которая укрывает самую энергичную часть жизни исполнителя³.

Во-вторых, исполнители, обычно скрывают ошибки и погрешности, которые были допущены при подготовке представления, а также предпринимаемые шаги по их исправлению. Таким путем исполнители поддерживают впечатление своей непогрешимости, столь важное во многих представлениях себя другим. В частности, «об этом говорит известная острота о врачах, которые хоронят свои ошибки»⁴.

В-третьих, в тех взаимодействиях, где индивид представляет другим свою продукцию, он обычно предпочитает показывать им только конечный результат и тем самым вынудить их судить о себе на основании чего-то полностью завершающего, отшлифованного и упакованного. В некоторых случаях, когда доводка объекта потребовала незначительных усилий, исполнители будут скрывать этот факт. В других, наоборот, они постараются утаить, сколько утомительных часов уединенного труда понадобилось им на доведение дела

¹ Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни. С. 74–75.

² Там же. С. 77.

³ Там же. С. 76.

⁴ Там же. С. 77.

до конца. Например, «вежливо-утонченный стиль некоторых ученых книг полезно сопоставить с нудной, лихорадочно-спешной работой, которую, возможно, пришлось вытерпеть автору, чтобы закончить в срок необходимые указатели к книге, или с оскорбительными пререканиями между ним и издателем по поводу размеров заглавной буквы в фамилии автора на обложке»¹.

В-четвертых, для исполнителей может быть необходимо скрыть от аудитории, какая «грязная работа» была проведена при создании конечного продукта. Так, многие исполнения не состоялись бы вовсе, если бы по ходу дела не решались задачи, не совсем чистопопытные, полузаконные, жестокие или еще как-то иначе предсудительные»².

В-пятых, играя определенную роль, исполнители, возможно, жертвуют какими-либо другими нормами. Если деятельность какого-то индивида обязана воплощать в себе определенные идеальные стандарты и если ее необходимо показать людям в наилучшем виде, то тогда очень вероятно, что некоторые из этих стандартов будут выдержаны перед публикой за счет тайного жертвования какими-то другими нормами. Без сомнения, исполнитель чаще будет поступаться теми нормами, несоблюдение которых легче скрыть, и делать это ради поддержания таких стандартов, отсутствие которых скрыть невозможно.

«Так, во времена нормированного снабжения, если ресторатор, бакалейщик или мясник захочет сохранить привычную картину разнообразия продуктов и подтвердить свою репутацию в глазах потребителей, то он сможет достичь этого, видимо, только через нелегальные источники снабжения. Точно так же, если об услуге судят по скорости и качеству, то, по всей вероятности, в затруднительных обстоятельствах качеством жертвуют раньше, чем скоростью, ибо можно скрыть плохое качество, но не медленное исполнение услуги. По тем же причинам, если зрителей в психиатрической лечебнице обязывают поддерживать порядок и одновременно не избивать пациентов, и если такое сочетание нормативных требований оказывается трудноисполнимым, то беспокойного больного могут «повязать» мокрым полотенцем и привести в повиновение другим насильственным способом, который не оставляет видимых следов плохого обращения»³.

Гофман также рассмотрел целый ряд различных аспектов драматургии на авансцене. В их числе он выделял *поддержание экспрессивного контроля, ложные представления, мистификации*.

Он утверждал, что в исполнениях всегда необходимо поддерживать *экспрессивный контроль* (экспрессивную согласованность). Экспрессивная согласованность — механизм, который позволяет смягчить важнейшее рассогласование между «общечеловеческими Я» и «социализированными Я».

Как природные существа люди изначально являются порывистыми, импульсивными особями, чьи настроения и энергетические заряды поминутно меняются. Но как исполнители характерных ролей, принятых на себя для представления перед аудиторией, они не должны допускать резких перемен и капризов⁴. Для этого они надевают своеобразные маски, т. е. принимают выражение лица, соответствующее ситуации и ожиданиям, которые, напри-

¹ Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни. С. 78.

² Там же. С. 77.

³ Там же. С. 78.

⁴ Там же. С. 90.

мер, скрывают их плохое настроение, внутреннюю злобу или радость, не соответствующую моменту т. п.

Посредством создания ложных представлений исполнители пытаются с помощью каких-либо знаков подтвердить присутствие в них самих или в их действиях чего-то такого, чего в действительности там нет.

Яркими примерами создания таких ложных представлений являются злоупотребления, связанные с профессиональным, социальным, возрастным или половым статусом. При этом одни злоупотребления подобного рода порицаются или даже наказываются обществом, а другие вызывают снисхождение.

Так, обычно порицается тот, кто выдает себя за юриста или врача; если пятнадцатилетний подросток станет, выдавая себя за совершеннолетнего, водить автомобиль или пить алкоголь, то он будет наказан. Но если это касается женщины, то во многих социальных контекстах ее просто не поймут, если она не постарается «ложно представить» себя более молодой и сексуально привлекательной, чем она есть на самом деле¹.

Мистификация имеет место тогда, когда исполнители стремятся мистифицировать свое выступление с помощью ограничения контактов с аудиторией. Для этого, создавая «социальную дистанцию» между собой и публикой, они стараются создать вокруг себя некую тайну, вызвать у публики чувство некоего благоговейного трепета.

Такую дистанцию, например, следует сохранять между монархами и народом (король не должен пользоваться общественным транспортом, поскольку он потеряет свое «сакральное» лицо в глазах публики), между капитаном корабля и командой (иначе первый может потерять бразды правления в сложных ситуациях).

И. Гофман отмечал, что действовать таким образом — значит следовать чувству, что вокруг каждого человеческого существа имеется некая идеальная сфера. Несмотря на то, что она различна по своей протяженности в различных направлениях и соответственно изменяется в зависимости от лица, с кем действующий индивид поддерживает отношения, она обладает одним неизменным свойством — в эту сферу нельзя вторгнуться, не разрушив тем самым личное достоинство индивида.

Какова бы ни была функция этих чувств для самой аудитории, такие источники сдерживания ее реакций предоставляют исполнителю известное свободное пространство для построения нужного впечатления по собственному выбору и позволяют ему, ради собственного блага или блага аудитории, задействовать это впечатление как средство защиты или угрозы, которое было бы уничтожено слишком тесным знакомством публики с исполнителем².

Гофман считал, что все описанные отношения между исполнителем и аудиторией на самом деле относятся к командам.

Под командой он понимал любую группу индивидов, которые сотрудничают в постановке определенного рутинного житейского взаимодействия. Этой единой командой может быть исполнитель и аудитория, группа исполнителей, собственно аудитория, и даже один человек может выступать в качестве команды. Каждый член команды зависит от других, потому что каждый может сорвать представление, и каждый осознает, что он занят в совместной постановке.

¹ Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни. С. 95.

² См.: Там же. С. 104.

Взаимодействие в рамках команды Гофман представил следующим образом.

«В стенах всякой социальной организации найдется какая-то команда исполнителей, которые соединяют усилия, чтобы представить некой аудитории свое определение ситуации. Оно будет включать рабочую идею и предположения о необходимом командном этосе, который должен поддерживаться правилами вежливости и приличия. Как правило, там обнаружится разделение на заднюю [закулисную] зону, где подготавливают исполнение повседневной рутины, и переднюю зону, где это исполнение представляют другим. Доступ в эти зоны контролируется, чтобы помешать аудитории видеть закулисы, а посторонним приходиться на представление, им не предназначенное. В отношениях членов команды обычно преобладает дружеская фамильярность, вероятно, также развитие солидарности, а секреты, которые могли бы разоблачить и подвести спектакль, известны всем исполнителям и охраняются сообществом. Между исполнителями и аудиторией поддерживается молчаливое соглашение действовать так, как если бы между ними существовала определенная степень и противостояния, и согласия. Обычно, но не всегда, согласие усиленно подчеркивается, а противостояние приглушается. В результате рабочее согласие сторон может вступать в противоречие с той установкой по отношению к аудитории, какую исполнители выражают при ее отсутствии, и с той тщательно контролируемой коммуникацией, предполагающей выход из основного характера, которую исполнители устанавливают в присутствии аудитории. Можно ожидать, что во взаимодействии будут участвовать противоречивые роли: отдельные люди — участники команды, члены аудитории, или посторонние — завладеют такой информацией о данном исполнении и отношениях с командой, которая совсем не очевидна и осложняет проблему восстановления жизненного спектакля. Иногда случаются его срывы из-за произвольных жестов, ложных шагов и неожиданных сцен, устраиваемых его участниками, чем дискредитируется или опровергается определение ситуации, которое исполнители старались поддерживать перед публикой. Вокруг таких разрушительных событий создается мифология команды. Исполнители, члены аудитории и посторонние — все используют определенные технические приемы для спасения спектакля, или избегая вероятных срывов, или внося поправки в ответ на те из них, которых не удалось избежать, или предоставляя возможность поправить дело другим. Чтобы гарантировать применение этих приемов, команда отбирает в свои члены людей верных, дисциплинированных и осмотрительных, а также выбирает аудиторию потакличнее»¹.

Гофман полагал, что управление впечатлениями, которое исполнители ставят целью социального взаимодействия, направлено на защиту «спектакля» от ряда неожиданных действий, таких как произвольные жесты, несвоевременное вторжение и ложные шаги (оплошности), а также преднамеренные поступки, например инициирование скандала. Для этого существует ряд «защитных мер и практик», в числе которых *драматургическая верность, драматургическая дисциплина и драматургическая осмотрительность*.

Так, *драматургическая верность* можно достичь, например, развивая максимальную групповую солидарность, не допуская идентификации членов команды с аудиторией и периодически меняя аудиторию, для того чтобы они не были слишком осведомлены об исполнителях.

¹ Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни. С. 283–284.

В целях поддержания *драматургической дисциплины* человек должен сохранять «присутствие духа», чтобы исключить промахи, примеры поддержания самообладания и управления выражением лица и тоном голоса при определенном выступлении.

К *драматургической осмотрительности* относятся, например, предварительное определение сценария представления, планирование непредвиденных ситуаций, отбор верных членов команды, подбор благожелательной аудитории, вхождение в небольшие команды, где разногласия наименее вероятны, допущение лишь кратковременных появлений на публике, предотвращение доступа аудитории к частной информации и полная договоренность о программе действий, чтобы избежать непредвиденных происшествий.

Аудитория также выигрывает в случае успешного управления впечатлением со стороны исполнителя или команды исполнителей. Для того чтобы спасти спектакль, аудитория прибегает к «покровительственным действиям»: проявляет к нему огромный интерес и внимание, избегает эмоциональных вспышек, не замечает промахов и выказывает особое уважение по отношению к исполнителю-новичку¹.

И. Гофман отмечал, что при развитии системы понятий для драматургического подхода им был намеренно использован некий язык театральной сцены. Так, речь шла об исполнителях и аудиториях (публиках); о рутинных номерах, партиях и ролях; об исполнениях удавшихся или провалившихся; о репликах, сценических декорациях, реквизите, обстановке и закулинье; о драматургических требованиях, драматургическом мастерстве и драматургических стратегиях².

Но это злоупотребление простой аналогией отчасти было лишь риторикой и тактическим маневром. Изречение «весь мир — театр» достаточно ограничено, и этот броский афоризм не следует воспринимать слишком серьезно. Действие, поставленное в театре, представляет собой условную, придуманную иллюзию, о чем все прекрасно знают. В отличие от обычной жизни ничего реального или подлинного не может случиться с представляемыми на сцене персонажами, хотя на другом уровне рассмотрения, конечно же, может произойти нечто реальное и практически ощутимое с репутацией исполнителей как профессионалов, чьей повседневной работой являются театральные представления. При таком вторжении реальности язык и маски сцены обычно отбрасываются. В конце концов, монтажные леса нужны, чтобы построить что-то другое, и воздвигаются они с последующим намерением снести их в свое время.

На самом деле его не *интересовали элементы театра, которые проникают в повседневную жизнь*. Гофман был сосредоточен на *структуре социальных контактов, непосредственных взаимодействий между людьми* — на структуре тех явлений в общественной жизни, которые возникают всякий раз, когда какие-либо лица физически присутствуют в пространстве взаимодействия. Ключевой фактор в этой структуре — поддержание какого-то единого определения ситуации, причем это определение должно быть выражено до конца вопреки множеству потенциальных срывов и потрясений³.

¹ См. подробнее: Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни. С. 251–262.

² См.: Там же. С. 301.

³ Там же.

Несмотря на оговорки о неадекватности прямой аналогии социального взаимодействия с театром, в целом весь процесс социальной интеракции трактовался этим ученым как приспособление личности к ситуации и самомаскировка, а индивид выступал как носитель многочисленных разрозненных ролей — либо в качестве марионетки, либо циничного лицедея.

Драматургическая концепция Гофмана являлась в определенной степени отражением отношений, в которых те или иные роли чужды человеку и ему приходится приспосабливаться к ним, прибегая к самомаскировке и обману. Однако абсолютизация этих моментов и превращение их в универсальный принцип человеческого поведения в социальном взаимодействии настолько неправомерны, что это вызывает критику со стороны очень многих авторов.

В дальнейшем Гофман продолжал скрупулезно, нестандартно анализировать повседневное взаимодействие людей «лицом к лицу», выявляя неписаные правила и структуру поведения людей в различных ситуациях. Он более явно подошел к признанию ограниченности понятия театра в качестве метафоры повседневной жизни. Будучи полезной для решения некоторых задач, эта метафора, высвечивая некоторые аспекты жизни, скрывает другие. Так, на первой же странице своей работы «Анализ фреймов»⁴ Гофман уже утверждал, что: «Мир не есть сцена: определенно, театр не повсеместен»⁵.

Он вплотную обратился к изучению *ритуальных элементов социального взаимодействия*, с помощью которых повседневной жизни и социальному миру в целом придается упорядоченность и прочность⁶. Этот интерес И. Гофмана к ритуалам привел его непосредственно к позднему творчеству Э. Дюркгейма, особенно к его «Элементарным формам религиозной жизни». В более широком смысле, в соответствии с дюркгеймовским пониманием социальных фактов, он обратился к рассмотрению правил и стал понимать их как внешние ограничения социального поведения.

И. Гофман многие годы пропагандировал область «взаимодействия лицом к лицу» как аналитически плодотворную, самостоятельную и содержательную. Эту область, предпочтительным методом изучения служил микроанализ, он назвал «*порядком взаимодействия*»⁷.

Несомненной заслугой символических интеракционистов являлась их попытка вычленив в противовес бихевиористам «специфически человеческое» в поведении человека⁸, стремление подойти к личности как к социальному явлению, найти социально-психологические механизмы формирования личности во взаимодействии с другими людьми в группе, в обществе, подчеркнуть активное творческое начало в личности.

⁴ Гофман И. Frame Analysis: An Essay on the Organization of Experience. New York: Harper Colophon, 1974. P. 1.

⁵ Анализ этих элементов представлен И. Гофманом в работах, вошедших в сборник «Ритуал взаимодействия: Очерки поведения лицом к лицу / Пер. с англ. Под ред. Н.Н. Богомоловой, Д.А. Леонтьева. М.: Смысл, 2009.

⁶ Гофман И. Порядок взаимодействия (послание Президента Американской социологической ассоциации). Рус. пер.: Гофман, И. The Interaction Order // American Sociological Review, 1983, Vol. 48, P. 1–17.

⁷ Антонович И.И. Социология США. Проблемы и поиски решений. Минск, 1976. С. 117.

В современных интеракционистских теориях представляют интерес попытки их представителей раскрыть важные социально-психологические механизмы взаимодействия индивидов в группе на межличностном уровне, показать роль языка в формировании человеческой психики, трактовка личности как сознательного и активного участника социального процесса, обобщение большого эмпирического материала, особенно в области исследования *социальной роли и референтной группы*.

Однако эти позитивные моменты в теориях интеракционистов не могут быть реализованы в полной мере из-за субъективно-идеалистических исходных посылок, принимаемых авторами этих теорий. Это приводит к тому, что все социальные связи у них сводятся лишь к межличностному общению. Но при анализе самого общения они игнорируют его содержание и предметную деятельность индивидов. Тем самым ими предлагается некая глобальная универсальная модель развития систем символизации и общения безотносительно к конкретным историческим и социально-экономическим условиям, игнорируется их первостепенное влияние на формирование личности. Сама по себе верная мысль о том, что взаимодействие и общение есть непосредственная реальность общественных отношений, данная индивиду в его повседневном опыте, не доведена здесь до конца. Акцент сделан лишь на одной стороне проблемы: интеракция рассмотрена как непосредственно данная форма «социального», но само «социальное» (как система объективно существующих общественных отношений) снова оказывается за рамками анализа¹.

Некоторые авторы, критикуя интеракционистов за то, что они пытаются дать представление о механизме социального взаимодействия индивидов в обществе в полном отрыве от содержания этого взаимодействия, справедливо отмечают, что теория символического интеракционизма как выразительница социально-психологических концепций Дж. Мида может дать представление о том, как происходит взаимодействие, но не о том, почему человек поступает тем или иным образом².

Возможно, именно с этими моментами связаны те изменения, которые претерпел символический интеракционизм со времени своего расцвета.

Во-первых, он претерпел значительную фрагментацию: общее название символический интеракционизм объединяет огромное число работ разнообразной теоретической ориентации.

Во-вторых, символический интеракционизм подвергся расширению и вышел далеко за рамки традиционного интереса к отношениям на микроуровне.

В-третьих, символический интеракционизм *вобрал в себя* идеи многих теоретических позиций, а идеи символического интеракционизма были, в свою очередь, восприняты другими социологами, которые целенаправленно занимались другими теоретическими вопросами.

Таким образом, различия между символическим интеракционизмом и другими социологическими теориями заметно стерлись: «все менее становится понятно, что означает быть символическим интеракционистом»³.

¹ См.: Андреева Г.М., Богомолова Н.Н., Петровская А.А. Современная социальная психология на Западе (теоретические направления). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1978. С. 218–219.

² Symbolic Interaction. A Reader in Social Psychology / J.G. Manis, B.N. Meltzer (eds.). 2nd ed. Boston, 1972. P. 20.

³ Fine G.A. The Sad Demise, Mysterious Disappearance, and Glorious Triumph of Symbolic Interactionism // Annual Review of Sociology. 1993. № 19. P. 61–87.

Тем не менее символическими интеракционистами было открыто на будущее теоретико-социологическое значение проблемы коммуникации. Фактически само существование общества сводилось ими к совокупности процессов коммуникации и обмена информацией, формирующих необходимую для совместной деятельности «общую собственность» всех людей на более или менее одинаково понимаемые цели, взгляды, ожидания и т. п. Вместо контовско-дюргеймовской интуиции общества как созданной прошлым, мощной, почти божественной данности, исходным стал образ общества как чего-то создаваемого по ходу дела, так сказать, ситуативно. Именно этот сдвиг положил начало своеобразному социологическому конструктивизму значительной части американского обществоведения — толкованию социальной реальности как непрерывно творимого продукта повседневных взаимодействий, смысловых интерпретаций и переинтерпретаций.

Первоисточники для изучения

- Блумер Г. Коллективное поведение // Американская социологическая мысль: Тексты / Под ред. В.И. Добренкова. М.: Изд-во МГУ, 1994.
- Блумер Г. Общество как символическая интеракция // Современная зарубежная социальная психология: тексты / Под ред. Г.М. Андреевой, Н.Н. Богомоловой, А.А. Петровской. М.: Изд-во МГУ, 1984.
- Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни. М.: КАНОН-ПРЕСС, 2000.
- Кули Ч.Х. Человеческая природа и социальный порядок / Пер. с англ. М.: Идея — Пресс; Дом интеллектуальной книги, 2000.
- Мид Дж. Аз и Я // Американская социологическая мысль: Тексты / Под ред. В.И. Добренкова. М.: Изд-во МГУ, 1994. С. 230–231.
- Мид Дж. От жеста к символу // Американская социологическая мысль: Тексты / Под ред. В.И. Добренкова. М.: Изд-во МГУ, 1994.
- Мид Дж. Г. Прижизненные публикации // Мид Дж. Г. Избранное: Сб. переводов / РАН. ИНИОН. Центр социальных научн.-информ. исследований. Отд. социологии и социальной психологии; Сост. и переводчик В.Г. Николаев. Отв. ред. Д.В. Ефременко. М.: ИНИОН РАН, 2009.
- Мид Дж. Г. Разум, Я и общество (главы из книги) // Мид Дж. Г. Избранное: Сб. переводов / РАН. ИНИОН. Центр социальных научн.-информ. исследований. Отд. социологии и социальной психологии; Сост. и переводчик В.Г. Николаев. Отв. ред. Д.В. Ефременко. М.: ИНИОН РАН, 2009.

Глава 7

ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ (ПОСТФРЕЙДИЗМ)

В истории западноевропейской мысли вряд ли можно найти более популярную, оказавшую столь сильное влияние на все сферы духовной жизни западного общества теорию, какой является теория психоанализа австрийского психиатра Зигмунда Фрейда.

Психоанализ как определенное теоретическое направление возник в первом десятилетии XX в. из потребностей медицинской практики. Представляя собой с самого начала лишь своеобразный метод лечения неврозов, применяемый в клинических условиях вместо гипноза, психоанализ в дальнейшем становится основанием для нового направления в психологии, а затем превращается в своеобразную философию, претендующую на универсальность, всеобщность своей методологии в решении не только медико-психологических, но и социальных проблем.

Психоаналитический подход к изучению человека и общества оказал сильное влияние на гуманитарные науки. В противоположность господствовавшему в XIX в. взгляду на человека как на существо разумное и осознающее свое поведение, он выдвинул концепцию внутренней конфликтности человека. Источник его поведения и поступков — не сознание, а более обширная сфера психической жизни — бессознательное, сложный комплекс неосознаваемых побуждений. Фрейд сравнивал сознание с айсбергом, лишь ничтожно малая часть которого выступает над поверхностью воды.

В психоанализе необходимо различать несколько проблемно-теоретических аспектов. Первый непосредственно связан с медициной, практическим лечением неврозов, методами свободных ассоциаций, толкования сновидений и др. Цель практического психоанализа — лечение неврозов и коррекция психики.

Второй аспект — это теория личности. Фрейд создал оригинальную и законченную психодинамическую теорию личности, которая складывалась на основе практического психотерапевтического опыта и теоретических размышлений. Эта теория взаимодействует с другими теориями в психологии, такими, как гештальт-терапия, рефлексология, когнитивная психология.

С момента своего возникновения психоанализ прошел значительную эволюцию, главной особенностью которой явилось возрастание его социально-философского, социокультурного аспекта. Под социально-философской ориентацией подразумевается возникновение и постепенное развитие в рамках психоанализа стремлений психоаналитиков использовать свою методологию в изучении и объяснении сущности социальных явлений.

При рассмотрении эволюции социально-философских и социологических идей в рамках психоанализа представляется целесообразным выделить в истории психоанализа два этапа: биопсихологический, в рамках которого возникает собственно социологическая концепция З. Фрейда, и антропологически-психологический, в рамках которого возникает социально-философская концепция Э. Фромма.

Фрейд, создавая свою теорию происхождения невроза и соответствующую технику лечения, рано или поздно, но обязательно должен был выйти за пределы чисто медицинских интересов, поскольку при анализе причин возникновения нервного заболевания он с самого начала обращает внимание на роль и значение моральных, социальных факторов, хотя сферу их действия ограничивает рамками семьи. Изучая причины и характер симптомов истерических заболеваний, Фрейд делает заключение о том, что патологические феномены возникают на основе процесса вытеснения из сферы сознания в сферу подсознательную эмоций, влечений или реакций, которые нежелательны или неприятны сознательному человеческому «Я».

Изучение различных невротических заболеваний привело Фрейда к рассмотрению социальных условий человеческого существования как главных препятствий на пути к психическому здоровью человека. Проблему происхождения невроза он выводил из конфликта двойственности природы человека: биологического (инстинкты) и социального.

7.1. Зигмунд Фрейд — основоположник психоанализа

7.1.1. Краткая биография и основные труды

Зигмунд Фрейд (Freud) родился 6 мая 1856 г. в небольшом провинциальном городе Фрейбурге (ныне Пршибор) в Моравии, входившей в то время в состав Австро-Венгерской империи. Подобно Гете он явился на свет черным, так что мать признала его «маленьким арапчонком». Многие поклонники и противники Фрейда усматривают в этом обстоятельстве символ будущей миссии Фрейда, причем противникам она представляется дьявольской, а самому Фрейду — связанной с «подземным царством».

Другое не совсем обычное (но не исключительное) обстоятельство появления на свет будущего создателя психоанализа связано с возрастом его родителей. Мать его была очень молода, и он был ее первенцем: в то время как отец по первому своему браку был уже дедом, так что маленький Зигмунд родился дядей, будучи при этом на год моложе своего племянника. В дальнейшем борьба между «дядей» и его племянником Джоном обусловила характерные черты позднейшего развития Фрейда.

Зигмунду было три года, когда его отец в результате экономического кризиса разорился, и семья переехала в Вену. Здесь Фрейд закончил гимназию (первым учеником) и 1873 г. поступил на медицинский факультет Венского университета. Выбору факультета предшествовали длительные колебания и сомнения. Еще на гимназической скамье он столкнулся с выбором между юриспруденцией и естественными науками и лишь незадолго до получения аттестата зрелости решил стать врачом (не испытывая при этом особой склонности к своей будущей профессии). Один из друзей Фрейда утверждал, что будущий психоаналитик хотел впоследствии сделаться романистом, чтобы оставить миру рассказанное ему его пациентами.

В 1881 г. Фрейд закончил университет и в том же году начал профессиональную деятельность в качестве невролога, а затем практикующего врача в Венской общей клинике. В 1885 г. он стал доцентом невропатологии Венского университета, а в 1885–1886 гг. стажировался в Париже в клинике Жана Шарко, представления и методы работы которого произвели на Фрейда глу-

бокое впечатление. Именно под влиянием Шарко, использовавшего гипноз для образования истерооподобных симптомов, интересы Фрейда переместились из области анатомии нервной системы в сферу психопатологии.

После возвращения из Франции Фрейд начал заниматься частной практикой, а в 1886 г. женился на Марте Барнайс, с которой познакомился четырьмя годами ранее и страстно влюбился в нее. Брак, тем не менее, пришлось отложить из-за трудностей материального порядка. Марта оказалась идеальной спутницей жизни своего вечно занятого мужа, целиком посвятившего свою жизнь работе и науке. Наделенный от рождения довольно крепким здоровьем, Фрейд почти до семидесяти лет ничем серьезным не болел, его рабочий день начинался в 9 часов утра с приема больных и продолжался до 8 часов вечера. По окончании приема он до часа ночи занимался писанием своих научных работ и обширной корреспонденцией. Затем — сон, продолжительностью не более семи часов. Все знавшие Фрейда отмечают его «прекрасный сон» (обычно без сновидений), в чем усматривают и «секрет его трудоспособности»¹.

Супруги Фрейд стали родителями шестерых детей — трех мальчиков и трех девочек, для которых создатель психоанализа был заботливым отцом. Одна из дочерей Фрейда — Анна — пошла по стопам отца, став практикующим врачом и автором ряда работ по психоанализу.

Наиболее выразительный словесный портрет Фрейда принадлежит его поклоннику и последователю австрийскому писателю Стефану Цвейгу. «Всякий гений носит маску, говорит Ницше. Фрейд избрал для себя самую непроницаемую — маску неприметности. Его внешняя жизнь за трезвой, почти филистерской будничностью скрывает демонический подвиг труда; его лицо за чертами равновесия и спокойствия таит творческий гений. Его труд, более революционный и смелый, чем какой-либо другой, скромно ступает впереди в качестве натуралистически-точной разработки академического метода. И язык его холодом и бесцветностью прикрывает художественную мощь четкого образотворчества. Гений трезвости, он любит выявлять лишь то трезвое, что в нем заключено, а не гениальное. Только размеренность его доступна на первых порах взору, и лишь потом, на глубине — его чрезмерность. Во всех случаях Фрейд — больше, чем он дает о себе понять, и все же в каждый миг своего существования один и тот же. Ибо всякий раз, когда человеком творчески владеет закон высшего единства, он, этот закон, явственно и победно проявляет себя во всем его существе — в языке, в творчестве, во внешнем облике и в жизни»².

Отметив «уравновешенность внутренних сил» Фрейда, С. Цвейг утверждает, что этой уравновешенности «не противоречит и внешний облик. И здесь полнейшая пропорциональность всех черт, до конца гармоническое сочетание. Не слишком высокий и не слишком низкий рост, не слишком полное, но и не слабое сложение. ... Тщетно стали бы мы рассматривать, один за другим, его портреты поры молодости, чтобы подглядеть какую-нибудь преобладающую линию, что-либо по существу характеризующее. Черты лица тридцатилетнего, сорокалетнего и пятидесятилетнего Фрейда говорят только одно: красивый мужчина, мужественный человек с правильными, пожалуй, чересчур уж правильными чертами лица. ... Лишь старость, обычно смыывающая у

¹ Ваттель В. Фрейд. Его личность, учение и школа. Пер. с нем. А.: ЭГО, 1991. С. 54.

² Цвейг С. Фридрих Ницше. Зигмунд Фрейд. Эссе. М.: Азбука-классика, 2001. С. 127.

большинства людей основные черты индивидуальности и размельчающая их в тусклую глину, лишь болезнь и преклонные годы непреложно извивают физиономию из лица как такового. С тех пор как волосы поседел и борода, когда-то темная, не оттеняет так округло жесткого подбородка и резко сомкнутого рта, с тех пор как выступает наружу костисто-пластическое строение нижней части лица, обнаруживается нечто жесткое, агрессивное, обнаруживается неумолимость, чуть ли не неприязненность его волевого начала. ... Впервые чувствуешь в этом лице упорство и строгость фрейдовской натуры; чувствуешь: нет, это не good grey old man³, ставший в старости кротким и обходительным, но твердый, неумолимый исследователь, который не дается в обман и никогда не согласен обманываться. Человек, которому побоишься солгать, потому что он своим насторожившимся, как бы из темноты нацелившимся взором стрелка следит за каждою попыткой уклониться и заранее видит каждый потайной уголок: лицо, может быть, скорее пугающее, чем сулящее облегчение, но великолепным образом оживленное напряжением проникновенности, лицо не простого наблюдателя, а беспощадного провидца»⁴.

Жизнь Фрейда не богата внешними событиями. После 1900 г., когда вышла в свет его книга «Толкование сновидений», к нему вскоре приходит общеевропейская, а потом и мировая известность. Его книги переводят на основные европейские языки (в том числе и на русский⁵), а вокруг Фрейда постепенно складывается кружок учеников и последователей.

Сначала их было немного: с 1902 г. регулярными посетителями фрейдовских «сред» (происходивших в его квартире) стали четыре венских врача: Альфред Адлер, Рудольф Райтлер, Макс Кахане и Вильгельм Штекель. Затем их число возросло до 21 человека, а вскоре к ним присоединились ученые и из других стран. В 1908 г. было создано Австрийское психоаналитическое объединение, а в 1910 г. Международное психоаналитическое объединение, существующее и в настоящее время.

Разумеется, такое сложное и по настоящему революционное идеологическое движение не могло долго оставаться монолитно-единым.

В 1910 г. в Нюрнберге состоялся Первый международный конгресс по психоанализу, провозгласивший психоанализ особой наукой, отличной от психологии, и сразу же в среде представителей новой науки начались распри, приведшие к распаду недавно образовавшегося содружества: появились так называемые «диссиденты» и «ересарики». Большинство исследователей растались с Фрейдом главным образом из-за его чрезмерной приверженности принципу «пансексуализма» (среди них А. Адлер и К. Г. Юнг, создавшие собственные версии психоанализа). В конце 30-х гг., главным образом в США, возникает неофрейдизм (или «постфрейдизм»), сформировавшийся в процессе соединения психоанализа с американскими социологическими и этнологическими теориями (К. Хорни, Г. С. Салливан, А. Карднер, Э. Фромм и др.). А после окончания Второй мировой войны, в начале 50-х гг. психоанализ (в разных его версиях) в США становится настолько популярен, что превращается там во «вторую религию». Почти одновременно с постфрейдизмом возник

³ Слабый седой старичок (англ.).

⁴ Цвейг С. Фридрих Ницше. Зигмунд Фрейд. С. 121 — 122.

⁵ Об истории психоанализа в России см. «Триалогия» А. Эткнда: Эрос невозможного: История психоанализа в России. СПб.: МЕДУЗА, 1993; Содом и Психия: Очерки интеллектуальной истории Серебряного века. М.: ИЦ-Гарант, 1996; Хлыст (Святки, литература и революция). М.: Новое литературное обозрение, 1998.

еще один «гибрид» — леворадикальная ветвь фрейдизма, представители которой (В. Райх, Г. Маркузе, Ж. Делез, Ф. Гваттари) стремились объединить концепции Фрейда и К. Маркса.

Расцвет и наивысшая популярность этих течений произошли уже после смерти Фрейда, которому после оккупации («аншлюсса») Австрии нацистами с большим трудом удалось выехать в Англию (в Лондон), где он и умер в возрасте 83 лет (23 сентября 1939 года)¹.

За свою долгую жизнь З. Фрейд написал множество научных трудов, причем немалая их часть написана и опубликована до 1895 г. (в этот год он приступил к систематической разработке теории психоанализа) и представляют чисто медицинский или психиатрический интерес. История психоанализа начинается с 1900 г., когда Фрейд опубликовал свою первую книгу, написанную с новых для него (да и для всего мира) научных позиций. — «Психология сновидений». Затем последовали: «Психопатология обыденной жизни» (1904), «Остроумие и его отношение к бессознательному» (1905), «Три очерка по теории сексуальности» (1905), «Леонардо да Винчи, этюд по теории психосексуальности» (1910), «Тотем и табу» (1913), «К истории психоаналитического движения» (1914), «Лекции по введению в психоанализ» (1916), «По ту сторону принципа удовольствия» (1919), «Психология масс и анализ человеческого «Я»» (1921), «Я и Оно» (1923), «Будущее одной иллюзии» (1927), «Цивилизация и недовольные ею» (1929), «Продолжение лекций по введению в психоанализ» (1933), «Моисей и единобожие» (1939).

Не все из перечисленных (и оставшихся за пределами этого перечня) работ Фрейда имеют непосредственное отношение к социологии и социальной философии. Но среди его научного наследия есть корпус сочинений, напрямую затрагивающих социальные проблемы и оказавших впоследствии значительное влияние на социологическую мысль.

7.1.2. Метод психоаналитической терапии и его практическое применение

Для понимания сути сделанного Фрейдом открытия и дальнейшего усвоения социологических учений, имеющих психоаналитическую ориентацию, необходимо ознакомиться с методами и практикой психоанализа и той своеобразной терминологией, с помощью которой Фрейд и его последователи описывают и объясняют психику человека. Это тем более необходимо, что как и любое крупное научное открытие конца XIX — начала XX вв., психоанализ легко поддается вульгарным толкованиям, чаще всего не имеющим ничего общего с подлинной его сутью. В этом смысле судьба психоанализа напоминает судьбы ницшеанства, теории относительности и многих других «сенсационных» открытий. Массовое и обыденное сознание, главным образом через литературу, искусство (особенно театр и кино), журналистику, легко и, как правило, поверхностно усвоило некоторые психоаналитические термины и стало бесцеремонно оперировать (а то и щеголять) такими словечками, как «бессознательное», «либидо», «комплекс», «трансфер», «невроз», «Эрос» и «Танатос» и т. п., чаще всего наполняя их таким смыслом, от кото-

¹ О жизни З. Фрейда написана уже целая библиотека. Назовем лишь несколько книг, имеющих в русском переводе: Сортер Ж.-П. Фрейд. Киносценарий. М.: Новости, 1992; Цвейг С. Фридрих Ницше. Зигмунд Фрейд. Эссе. СПб.: Азбука-классика, 2001; Шур М. Зигмунд Фрейд: жизнь и смерть. М.: Центрполиграф, 2003; Стоун И. Страсти ума, или Жизнь Фрейда. М.: Мысль, 1994.

рого сам Фрейд с ужасом отшатнулся бы. Нужно признать, что некоторый повод таким толкованиям давал и сам Фрейд. Так, например, свой «пансексуализм» он несколько смягчил лишь после Первой мировой войны, когда стало очевидным, что не все невроты возникают на сексуальной почве; не менее питательной почвой для них являются войны, социальные и экономические катаклизмы и многие другие травмирующие психику человека явления. Но еще большее значение для вульгаризации психоанализа сыграло то немаловажное обстоятельство, что к началу XX в. научные открытия, как и произведения искусства, оказались в ситуации их «массового тиражирования», так что теперь они доходили до широкой публики не с полувековым (а то и большим) опозданием, как это происходило в предыдущие века, а почти мгновенно. Так что теперь любой среднеобразованный буржуа, сидя за кружкой пива в венском кафе, «с легкостью» мог рассуждать на такие темы, как женская истерия, относительность добра и зла (поскольку «все в мире относительно»), что якобы доказано «наукой», о тайнах физического ядра, о конце света, предсказанном «учеными» в начале следующего года, так что, право же, не стоит себе напоследок ни в чем отказывать! Такая популяризация и неизбежно сопутствующая ей вульгаризация способствовали тому, что психоанализ приобрел себе не только массу восторженных сторонников, но и не меньшее число довольно упорных противников (среди них стоит отметить Питирима Сорокина и писателя Владимира Набокова). Негативным последствием сложившейся ситуации стало приписывание Фрейду тех открытий, которых он на самом деле не совершал, и непонимание того, что он действительно открыл. Так, например, Фрейду часто приписывают открытие «бессознательного», хотя на самом деле о бессознательном еще в середине XIX в. писал Э. фон Гартман, а историки философии докажут, что представление о бессознательном было уже у Платона. То же самое можно сказать почти обо всех терминах психоанализа, будь то «либидо» (слово встречается у Августина), «катарсис» (слово еще более древнего происхождения: его использовали Эмпедокл и Аристотель в своей эстетике). Конечно, Фрейд наполнял эти термины несколько иным (иногда совсем иным) смыслом, зачастую очень далеким от обыденного или общепринятого их употребления. Но чтобы добраться до их подлинного психоаналитического смысла, необходимо прежде всего понять, что же все-таки открыл З. Фрейд и почему это открытие оказало такое революционное влияние на науку о человеке, а в конечном итоге на все отрасли гуманитарного знания и на искусство. Ответ на этот вопрос может сначала может и разочаровать: З. Фрейд открыл причину возникновения неврозов и разработал способы их лечения. Опять-таки, стоит подчеркнуть, что само явление «невроза» было известно медицине задолго до Фрейда и были даже некоторые способы их лечения (сейчас их можно было бы назвать курортно-санаторными), но поскольку глубинные причины их возникновения оставались неизвестными, то и лечение их часто оказывалось неэффективным, а иногда и безрезультатным.

Невроз — это психическое отклонение от нормы, связанное с мучительными переживаниями, но не всегда признаваемое болезнью. Неврозы бывают актуальными (текущими), связанными с сиюминутными текущими проблемами (возникающими чаще всего на сексуальной почве), травматическими

¹ Типичное умонастроение человека «чувственной культуры» (по терминологии П.А. Сорокина) в период ее упадка.

(вызванными неожиданным или продолжительным сильным воздействием на психику человека, например, железнодорожной или автомобильной катастрофой, свидетелем которой он стал, или работа под руководством деспотичного и грубого начальника) или психоневрозами, к числу которых относятся истерия, всевозможные фобии, невроз навязчивости и др.

Новроз следует отличать от психоза, т. е. от серьезной деформации восприятия внешнего мира, что делает человека, страдающего психозом, чаще всего нетрудоспособным, а самое главное, неспособным (в отличие от невротика) осознать разорванность собственной личности, отнестись к себе критически и согласиться на лечение. Типичными и наиболее распространенными психозами являются шизофрения (распад личности) и паранойя (устойчивый бред, мания величия, мания преследования и т. п.) — Фрейд объединял их термином «парафрения». Шизофреника и параноика, как правило, невозможно убедить в необходимости лечиться: они убеждены в том, что абсолютно здоровы и нормальны, лечить же следует окружающих их людей.

Свою медицинскую практику Фрейд начал с попыток лечить неврозы, а именно истерию, которая медициной того времени считалась исключительно женской болезнью (от греч. *hysteria* — матка), проявляющейся в повышенной эмоциональной реакции, сопровождаемой некоторыми физиологическими отклонениями, например, временной потерей чувствительности, судорогами, параличами и т. п. Рассмотрим конкретный пример из числа тех, с которыми Фрейд в своей медицинской практике сталкивался неоднократно. Женщина средних лет страдает от паралича ног. Она не может ходить, хотя врачи соответствующего профиля не находят у нее никаких физиологических признаков болезни и считают, что ходить она может¹. Наиболее эффективным методом лечения таких больных считался гипноз. С целью приобретения соответствующих врачебных навыков Фрейд и направился на стажировку в Париж к знаменитому тогда доктору Шарко, широко практиковавшему метод лечения гипнозом. Происходило это так. Шарко погружал пациента в сон, внушал ему, что он может ходить, выводил из сна, и чаще всего достигал успеха: пациент начинал ходить. Методами гипноза Фрейд овладел (хотя никогда не был и не считал себя хорошим гипнотизером), но причины происхождения невроза оставались невыясненными. К тому же оказалось, что лечение методом гипноза избавляет больного не от невроза, а от сопровождающих его физиологических отклонений. Поскольку невроз не устранен, через некоторое время он снова проявляется в виде уже каких-то иных отклонений (у больного, например, начинают дрожать руки, или появляется нервный тик, или возникают сильные головные боли, или что-то еще), так что сеанс гипноза приходит-

¹ Кстати говоря, именно по этой причине основателем психоанализа мог быть только настоящий профессиональный врач, каким и был Фрейд. За годы обучения в Венском университете Фрейд освоил почти все медицинские профессии, так что мог при необходимости сделать операцию по удалению аппендицита, лечить от туберкулеза, сифилиса и любой другой венерической болезни, пришить рот, выправить вывих и т. д. Кажется, единственная медицинская профессия, какой он не владел — это стоматология. Именно это и позволяло Фрейду отличить паралич на почве невроза от настоящего паралича. Что касается настоящего паралича, то это, конечно, очень серьезная болезнь, но как ее лечить — в общем-то известно. Невротический паралич — на первый взгляд вообще болезнь мнимая, лечить с точки зрения традиционной медицины нечего, но больной, тем не менее, ходить не может, а что с ним делать — никто не знает. Современный психоаналитик может и не обладать такими универсальными познаниями и навыками в области медицины, какими обладал Фрейд — они ему попросту не нужны.

ся проводить снова и снова, и так — до бесконечности. Шарко, правда, сделал еще одно открытие, которое позволило Фрейду сделать огромный шаг на пути к психоанализу: он доказал, что истерия свойственна не исключительно женщинам, но в равной мере и мужчинам. Это означало, что в основе истерии лежит какая-то иная, общая и отнюдь не физиологическая причина.

На основании уже приобретенного опыта и обмена мнениями с коллегами, сталкивавшимися с аналогичными проблемами, Фрейд предположил (и это впоследствии подтвердилось), что причиной невроза является та или иная травма (т. е. некоторое переживание, с которым человек не может примириться и которое для защиты психики вытесняется из сознания). Давно уже было замечено, что для вытеснения из психики подобного рода травм человеку достаточно бывает с кем-то из родных, знакомых или даже незнакомых ему людей поговорить о своей проблеме, выговорится, что уже само по себе приносит ему огромное облегчение. Это в том случае, если сам человек помнит о причине своей тревоги, помнит и четко осознает, что и когда нанесло ему травму. Для психотерапии это сравнительно легкий случай. А если не помнит? В начале своей психотерапевтической деятельности Фрейд опробовал метод, разработанный его старшим коллегой и другом Й. Брейером: пациент под гипнозом припоминал травмировавшие его переживания, в результате чего происходила своего рода психическая разгрузка, необходимая для ослабления напряжения и устранения невротических проявлений. В психоанализе этот процесс высвобождения энергии вытесненных влечений получил название катарсиса (по-греч. — очищение), а сам метод Брейер и Фрейд назвали «катарсическим». В 1895 г. Й. Брейер и З. Фрейд опубликовали книгу «Очерки по истерии», с которой, собственно говоря, и начинается история психоанализа. В этой книге, так и не получившей широкой известности (в отличие от последующих книг Фрейда), был сделан первый шаг к психоанализу: было установлено, что первоначальная психическая травма, ведущая к невротическим симптомам, постоянно затрагивает сексуальную сферу и вытесняется из сознания в бессознательное.

В дальнейшей своей практике Фрейд вообще отказался от гипноза (ввиду его уже установленной неэффективности и — что немаловажно — принудительности в отношении к пациенту) и от катарсического метода лечения перешел к методу свободных ассоциаций. Суть его заключается в следующем. Пациент располагается на кушетке¹, врач (значит сам Фрейд, потом его роль стали исполнять его ученики и ассистенты, усвоившие теорию и методику психоанализа) сидит в изголовье и задает пациенту вопросы, которому предлагается в ответ говорить все, что ему приходит в голову, не считаясь ни с моральными нормами, ни с последовательностью или уместностью излагаемого. Вначале Фрейд и его пациент (или пациентка) располагались так, что могли встречаться взглядами, но очень скоро Фрейду пришлось устранить эту возможность, что помогало снять возникающую иногда напряженность, а главное, избежать негативных последствий *трансфера* (перенесения), как стала называться одна из форм человеческих связей, когда пациент в ходе анализа делает врача объектом своих переживаний вместо их первоначального объекта, непроизвольно отождествляя врача чаще всего со своими родителями или другой авторитетной фигурой собственного детства. В резуль-

¹ Фотография этой знаменитой кушетки Фрейда воспроизведена в книге: Фрейд З. Художник и фантазирование. М.: Республика, 1995. С. 366.

тате врач начинает представляться пациенту заменой негативного или сексуального объекта (так называемый эротический трансфер). Кроме того, Фрейд всячески оберегал конфиденциальность своих бесед с пациентами: в его опубликованных работах все они выведены либо под вымышленными инициалами, либо под условными псевдонимами (как например, знаменитый «Человек-волк»¹); кроме того, сама процедура приема больных была устроена так, чтобы ни один пациент Фрейда не мог встретиться ни с одним из членов его семьи, ни с кем-либо из других пациентов. После «проговаривания» пациентом своей истории психоаналитик, действуя по определенной методике, истолковывает услышанное, объясняет ему связь отдельных частей рассказа с бессознательными влечениями, являющимися, в конечном счете, причиной его страданий, и вытесненными с помощью механизмов защиты в результате сопротивления Я (*Эго*) и Сверх-Я (*Супер-Эго*). Защитные механизмы Я — это совокупность бессознательных процессов, охраняющих сознание от напора влечений. К их числу относятся: *вытеснение* (бессознательное возвращение влечений в Оно; в психоанализе это архаичная и безличная часть психики, состоящая из совокупности бессознательных влечений, берущих начало в телесной организации, подчиняющихся только принципу удовольствия и стремящихся к немедленному удовлетворению), *регрессия* (возвращение к более ранним ступеням психического развития), *конверсия* (перевод вытесненных желаний в некоторые телесные проявления, например в рвоту или паралич одной конечности — такой механизм защиты особенно характерен для истерии), *проекция* (перенесение неосуществленных вытесненных влечений вовне, прежде всего на окружающих людей: собственное враждебное отношение человек проецирует на других людей и приписывает им враждебность по отношению к себе, осуждая их за это, что характерно для людей, страдающих от той или иной фобии), *рационализация* (бессознательная подмена подлинных, но запрещенных совестью, т. е. сознательной частью Сверх-Я, побудительных мотивов ложными, однако приемлемыми для нее; проще говоря, неосознанная ложь, когда, например, человек оправдывает свое пьянство тем, что работает на холоде и боится простудиться) и, наконец, *сублимация* (преобразование вытесненного сексуального влечения в различные виды духовной деятельности — в создании культуры и развитии общества Фрейд придавал этому механизму защиты особое значение)².

¹ Несмотря на столь грозный «псевдоним», это совершенно мирный и беспомощный человек, наш соотечественник Сергей Панкеев, «вечный пациент», у которого первичная травма (половой акт родителей, свидетелем которого он стал в младенческом возрасте) ассоциировалась с волками, пугающими его во сне и даже наяву в виде картинок и детской книжке (настоящего волка С. Панкеев, кажется, ни разу в жизни не видел). Именно курсы психоанализа помогли ему выжить и в какой-то степени реализовать себя. Во всяком случае, он прожил, если и не совсем счастливо, но долгую жизнь (умер в 1979 г. в возрасте 92 лет), успев написать воспоминания о своей жизни и курсе лечения у Фрейда. Подробнее см.: Человек-волк и Зигмунд Фрейд, Киев: Port-Royal, 1996; Эткинд А. Эрос невозможного. СПб: Медуза, 1993. С. 97–129.

² Здесь нет возможности дать и необходимости перечислять и дать определение довольно многочисленным терминам и понятиям психоанализа. Во многих изданиях сочинений Фрейда и других психоаналитиков соответствующие словари помещены в качестве приложения, существуют и специальные психоаналитические словари, которые читателю психоаналитической литературы полезно всегда иметь под рукой и заглядывать в них по мере необходимости. При этом необходимо помнить, что одно и то же понятие несколько меняло смысл

В ходе такого рода бесед психоаналитик и его пациент должны были в конце концов выяснить источник первоначальной травмы, установить приблизительное время ее нанесения, понять все возможные ассоциации, с нею связанными, т. е., попросту говоря, из бессознательной сферы психики перевести ее в сознательную и управляемую, а тем самым обезвредить ее. В большинстве случаев после нескольких подобных сеансов наступал терапевтический эффект и пациент мог продолжать жить как нормальный здоровый человек. Но бывали и такие пациенты, сеансы с которыми продолжались по нескольку лет, потом требовали еще и повторных неоднократных курсов. Таким был, например, «человек-волк», который до Первой мировой войны лечился у Фрейда четыре года, потом прошел у него еще один курс, а уже после смерти Фрейда неоднократно лечился у его учениц. Таких пациентов у Фрейда было не много, но они представляли для него огромную ценность с чисто научной точки зрения, поскольку позволяли ему проверять и перепроверять на них те или иные гипотезы, вносить в них соответствующие коррективы, отбрасывать ложные идеи и т. д.

Необходимо помнить о том, что время возникновения психоанализа приходится на самый пик так называемой «викторианской эпохи» (если понимать ее не в узком географическом смысле, а как моральный климат середины и конца XIX в.), получившей от современников характеристику эпохи ханжески благочестивой. Не только писать, но и говорить «про это» было не принято, считалось, в лучшем случае признаком плохого воспитания или нравственной распущенности. Фрейд сталкивался поначалу с такими случаями, когда пациентка прекращала курс лечения у него, не желая обсуждать с врачом психоаналитиком «непристойности». Так что от Фрейда требовалось не только дерзание ученого, но и немалое человеческое мужество, чтобы обнародовать и широко обсуждать результаты своих открытий.

Кроме того, необходимо различать медицинские и мировоззренческие аспекты психоанализа, что не всегда легко сделать, поскольку теория психоанализа органически выросла из медицинской практики Фрейда. Его всегда подстерегала опасность один или несколько частных случаев возвести в общее правило, что иногда и происходило. Поскольку в своей врачебной практике Фрейд имел дело с больными (по крайней мере, с людьми, имеющими в той или иной степени отклонение от нормы), для обоснования своих теоретических построений он нередко прибегал к толкованиям классических художественных произведений и некоторые свои интерпретации вечных образов распространял на все человечество (так например, возник знаменитый «Эдипов комплекс»). В конце концов, в мире Фрейда различие между нормой и патологией совершенно стерлось: люди делятся только на две категории: невротиков и считающих себя нормальными. Неудивительно поэтому, что в скором времени после того, как у Фрейда появились ученики и последователи, они обнаружили, что неврозом страдал и сам Фрейд, причем, как пишет К.Г. Юнг, «с очень мучительными симптомами, легко поддающимися диагностике». Затем он добавляет: «Я видел, что ни Фрейд, ни его ученики не могли понять, что означает для теории и практики психоанализа тот факт, что даже

и у самого Фрейда, а у его учеников, последователей и противников наполнялось совсем иным смыслом. Так например, понимание «либидо» и «инцеста» у Юнга радикально отличается от их понимания Фрейдом (что, собственно говоря, и послужило причиной их разрыва).

сам мотр не может справиться с собственным неврозом»¹. Все это привело к тому, что можно назвать универсализацией невроза. В сочетании с открытыми Фрейдом структурой личности и установленными им механизмами психической деятельности универсализация невроза открывала широкие перспективы пересмотра и толкования многих проблем философии и социологии, да и практически всех гуманитарных дисциплин. Значение и распространение в мире идей и понятий психоанализа настолько велико, что безусловно прав С. Цвейг, еще при жизни Фрейда писавший: «В наши дни фрейдовские мысли... свободно обращаются в крови эпохи и языка; отчеканенные им формулы кажутся сами собой понятными; требуется собственно говоря, большее напряжение, чтобы мыслить вне их, чем для того, чтобы мыслить ими»².

7.1.3. Основные положения психоаналитической теории З. Фрейда

Первая работа Фрейда, посвященная социальным проблемам — «Цивилизованная» сексуальная мораль и современные нервные заболевания» (1908) — содержит те положения, которые стали ядром психоаналитической социологии и социальной психологии. В этой работе Фрейд излагает свой взгляд на взаимоотношение человеческих инстинктов и общества. Фрейд утверждает, что сексуальные и агрессивные импульсы человека, присущие ему от природы, всегда действуют вопреки социальной необходимости и противоречат моральным требованиям и ценностям любого общества. Главной причиной происхождения и прогрессирования невротических заболеваний, полагает Фрейд, является чрезмерное подавление и ограничение общественной моралью сексуальных инстинктов. Социальная регуляция поведения вступает в конфликт с биологически заданными влечениями. Фрейд позднее сместил акценты, рядом с сексуальным влечением поставил столь же изначально агрессивное влечение, «инстинкт смерти». Каждый человек по отдельности является антиобщественным существом, стремящимся к удовлетворению своих влечений. Всякая общественная жизнь строится на принуждении и запрете на непосредственное удовлетворение влечений, имеющих изначально асоциальный характер.

Теория Зигмунда Фрейда носит ярко выраженный биопсихологический, инстинктивистский характер. С помощью теории неизменных биологически врожденных инстинктов, якобы присущих человеческой природе, а также гипотезы о вечной непримиримой борьбе между жизнью и смертью в каждом организме Фрейд пытался найти источник психической деятельности человека. В его представлении психическое биологично по своей природе и совершенно не зависит от внешнего мира, от социальной действительности. Считая, что структура инстинктов является детерминантой человеческого поведения, Фрейд полностью отрицал возможность влияния окружающей среды на изменение психической структуры человека.

Если с помощью теории инстинктов Фрейд пытается вскрыть причины психической деятельности человека, то с помощью «теории вытеснения» он пытается объяснить динамику человеческого поведения. По Фрейду, человек в силу строгой необходимости самосохранения в условиях общественного существования вынужден подавлять свои инстинкты и направлять их энергию

по социально приемлемым каналам. «Наша цивилизация, — пишет он, — основана на подавлении инстинктов», психическая энергия которых отводится от первоначальной сексуальной цели и перераспределяется на различные социально полезные нужды. «Именно благодаря этому, — считает он, — накапливается и создается общий фонд материального и идеального богатства цивилизации»³. Способность человека под воздействием общественных требований переключать сексуальные побуждения на другие пути Фрейд называет сублимацией. «Сублимация инстинктов — особенно ярко выраженная черта культурного развития; именно она дает возможность высшим формам психической деятельности — научной, художественной и идеологической — играть в культурной жизни значительную роль»⁴. Степень сублимации определяется возможностью того или иного индивида, которая, в свою очередь, зависит от силы его сексуального инстинкта. В том случае, когда требования цивилизации превышают по своей силе способность индивида к сублимации, тогда, считает Фрейд, появляются преступники или невротики.

По Фрейду, в обществе перед человеком под напором сильных инстинктов, которые требуют своей реализации, открываются три возможности. Если его внутренние побуждения получают беспрепятственный выход, то он превратится в преступника; если они будут вытеснены, то он станет невротиком, и, наконец, если они будут сублимированы в социально полезную деятельность, он сможет без всяких трений жить в данном обществе. Чтобы устранить первые две «возможности», которые вносят определенную дисгармонию в социальную жизнь, необходимы, по мнению Фрейда, терапевтические меры двоякого рода: во-первых, каким-то образом заставить общество понизить требования, предъявляемые к индивиду, и тем самым ослабить слишком сильный процесс вытеснения инстинктов; во-вторых, усилить власть человеческого сознания в борьбе с инстинктами и посредством усиления рационального контроля увеличить способность индивида к сублимации. Единственно приемлемое решение в конфликте между биологической человеческой природой и обществом Фрейд видел в отыскании способа наиболее оптимальной адаптации индивида к социальным требованиям. Он был убежден, что все качественное многообразие человеческого поведения сводится к особенностям и характеру процесса вытеснения инстинктов, к различным видам конфликтов между биологическим началом в человеке и социальной средой.

Описанные Фрейдом конфликты социального и биологического, которые происходят на бессознательном уровне, на самом деле не отражают сложных, а главное реальных, взаимоотношений внешних и внутренних факторов, определяющих психическую деятельность человека, не вскрывают действительных движущих сил его поведения. Неизменяемой системе внешних условий общества у Фрейда противостоит статичная система внутреннего мира человека в форме неизменяемых инстинктов. Взаимодействие между внешним и внутренним оказывается тоже статичным.

¹ Freud S. «Civilized» Sexual Morality and Modern Nervousness. — «Sexuality and the Psychology of Love». New York, 1963. P. 25 (Фрейд З. Будущее одной иллюзии // Фрейд З. Избранное. Кн. 2. М., 1990. С. 106, а также см.: Фрейд З. Неудовлетворенность культурой. М., 1990).

² Freud S. Sexuality and the Psychology of Love. P. 25.

³ Фрейд З. Неудовлетворенность культурой // Фрейд З. Избранное. Кн. 2. М., 1990. С. 36—37.

¹ Вер Г. Карл Густав Юнг. Урал LTD, 1998. С. 39.

² Цвейг С. Цит. соч. С. 99.

Конфликт между человеческой природой и обществом, по Фрейд, представляет собой не диалектическое единство и взаимопроникновение противоположностей, а лишь сопоставление сторон, не зависящих друг от друга. Внешние социальные условия человеческого существования, согласно Фрейд, не определяют психическую деятельность, а только препятствуют ее проявлению, тормозят реализацию инстинктивных влечений. Подобная социальное-психологическая интерпретация взаимоотношения человеческой природы с обществом приводит Фрейда к дилемме, которую он никак не может решить: с одной стороны, ограничение и отказ от инстинктов выступает для него как одно из необходимых условий существования общества, цивилизации вообще; с другой — беспрепятственное и полное их удовлетворение рассматривается им как необходимое условие психического здоровья человека.

Общество, по мнению Фрейда, является продуктом трех независимых переменных: 1) необходимости (Ананко), исходящей от природы; 2) дуалистической пары инстинктов: любви и смерти (Эрос и Танатос); 3) различных институтов и идеалов, представляющих собой социальную среду, общество. Развитие цивилизации определяется взаимодействием этих трех переменных. Общество Фрейд считает глубоко трагичным феноменом, так как оно неустойчиво, ненадежно, потому что синтезирование и примирение этих трех компонентов не только никогда не завершается, но и вообще в принципе невозможно. Несмотря на то, что общество стремится извлечь пользу из инстинктивных побуждений человека с целью сохранения и упрочения социальной жизни, все, что оно может сделать — это лишь установить сомнительное равновесие, которому всегда грозит опасность со стороны необузданных инстинктов человека. Фрейд неоднократно обращает внимание на внутренние противоречия, присущие обществу, и не раз подчеркивает их неустранимость. Процесс культуры является делом Эроса, который стремится объединить отдельных индивидов, затем семьи, затем племена, расы и нации в один большой союз — в человечество, считает Фрейд. «Почему это так должно происходить — мы не знаем; просто такова активность Эроса. Человеческие массы должны быть либидинозно связаны; одна необходимость, одни преимущества объединения в труд не могли бы их удерживать вместе»¹.

Природный инстинкт агрессивности, заложенный в человеке, враждебность каждого против всех и всех против каждого противоречит программе цивилизации. Этот инстинкт является главным представителем и производным инстинкта смерти, который мы находим рядом с Эросом. Оба они правят миром. Существование различных социальных и культурных систем, по Фрейд, наглядно отражает эту «конфликтную амбивалентность, вечную борьбу между Эросом и инстинктом разрушения»². В связи с этим американский психолог Н. Браун совершенно справедливо отмечает, что в понимании Фрейда «история делается не нашими сознательными намерениями, не хитростью разума, а хитростью влечения»³.

Социальная жизнь, по Фрейд, — это беспрестанная, никогда не умолкающая борьба между инстинктами и моралью, биологическими потребностями индивида и требованиями той группы, общества, к которым он принадлежит. Общество, полагает он, не имеет какой-либо реальной основы в приро-

де человека. Отсюда парадоксальный в своей абсурдности вывод — человек не создан для общества, но в то же время он в нем нуждается. Идеалом Фрейда является общество, в котором отсутствует какое-либо принуждение по отношению к индивиду и предоставляется свободный простор для удовлетворения и реализации его инстинктов. Но поскольку последнее невозможно, так как инстинкты по своей природе являются антагонистическими обществу, постольку, считает он, основанием любого реально существующего общества вполне закономерно являются насилие и принуждение.

Каждого индивида Фрейд рассматривает как потенциального врага общества не только потому, что он несет в себе деструктивные желания, но и потому, что подавляющее большинство людей в его представлении ленивы, неразумны и не приспособлены для того, чтобы жить совместно. Общество, согласно Фрейд, утверждает себя, постоянно преодолевая сопротивление и инертность масс, и задача его заключается не только в том, чтобы подавить деструктивные влечения, но и в том, чтобы заставить людей примириться с теми ограничениями и жертвами, которые оно требует от них, предлагая взамен всевозможные компенсации. Последние составляют своеобразный «психический инвентарь культуры», который включает в себя мораль, искусство, религию, политику. В силу того, что человеческие инстинкты — либидо и агрессия рассматриваются Фрейдом как антисоциальные по своей сущности, он отводит обществу чисто негативную, дисциплинарную роль в развитии человека. Влияние общества на человека исчерпывается практически большей или меньшей степенью подавления его инстинктов. Общество, по его мнению, обеспечивает специфический контроль над инстинктами для того, чтобы сделать возможным существование социальных человеческих отношений. Оно возникает из потребности обуздать непокорные сексуальные и агрессивные желания человека, сдерживать и очистить его инстинктивные импульсы.

Фрейдская теория человеческого существования, человеческой природы близка к концепциям Макиавелли и Шопенгауэра. Человеческой сущности чуждо какое-либо доброе начало, поэтому зло, разрушительная тенденция господствуют в мире. По мнению Фрейда, в человеке никогда не было и нет никаких гуманных чувств, побуждений и только страх перед насилием сдерживает и обуздывает антисоциальную человеческую природу.

Так же пессимистична точка зрения Фрейда на перспективы развития цивилизации. Он считает, что по мере развития цивилизации необходимость в вытеснении инстинктов становится все большей и большей и история, в конце концов, неизбежно превращается во всеобщий невроз. Успехи, которые делает общество в своем развитии, достаются ему дорогой ценой, ценой постепенного возрастания у человека чувства неудовлетворенности, которое, по его мнению, пропитывает всю историю цивилизации. Выражаясь фрейдовским языком, «ценой прогресса цивилизации... является увеличение чувства вины»⁴.

Считая, что у человека нет никакой надежды на изменение существующего положения вещей, Фрейд советует подчиниться неизбежному. Необходимо мужественно принимать жизнь такой, какая она есть, — вот вывод, к которому он приходит. С точки зрения Фрейда мир, в котором мы живем, является лучшим из миров только потому, что он единственно возможный мир. Будущее — иллюзия, поэтому все жизненные идеалы и вера в прогресс

¹ Фрейд З. Неудовлетворенность культурой. С. 58.

² Там же. С. 67.

³ Brown N.O. Life Against Death. N.Y., 1959. P. 16.

⁴ Фрейд З. Неудовлетворенность культурой. С. 67 — 68.

человечества являются тоже иллюзорными. Единственная цель жизни, согласно Фрейду, — это сам процесс существования, т. е. вечная борьба за выживание. Этот пессимизм Фрейда органически вытекает из его психоаналитической теории происхождения и развития цивилизации.

7.1.4. Социальное значение психоанализа З. Фрейда

Историю общественного развития Фрейд рассматривает через призму своей психоаналитической теории. Доктрина универсального невроза всего человечества является своеобразным психоаналитическим аналогом теологической доктрины первородного греха.

Философской основой, на которой возникает психоаналитическая теория Зигмунда Фрейда, и в частности его социология, являются принципы западноевропейской традиции в философии (Кант, Гартман, Шопенгауэр, Ницше, Бергсон). Хотя сам Фрейд не считал себя приверженцем какой-то одной философской доктрины, тем не менее его внимание притягивали те философские системы, которые выражали откровенный иррационализм. У Э. Гартмана и А. Бергсона он заимствует идею бессознательного. Ницше и Шопенгауэр привлекали его тем, что постоянно подчеркивали значение бессознательных эмоций и сексуальности в определении различных сторон человеческой жизни. Неоднократно в ряде произведений он признает влияние их идей на свое творчество.

Работа З. Фрейда «Неудовлетворенность культурой» (1930) вышла практически одновременно с «Двумя источниками морали и религии» А. Бергсона и «Человеком и техникой» О. Шпенглера — при всех различиях имеются общие сходные предпосылки: инстинктивные влечения находятся в конфликте с ныне существующей культурой, которая, в свою очередь, является продуктом спонтанной активности, «жизни». Западноевропейская культура рассматривается как предел отчуждения от жизненных истоков, насилие над природой человека; словами Х. Ортеги-и-Гассета, как «всеобъемлющее лицемерие», крушение «вitalности». Сходные рассуждения можно найти и в «Конфликте в современной культуре» Г. Зиммеля, в «Перепишке из двух углов» Вяч. Иванова и М. Гершензона и в поздних произведениях М. Шелера.

В работе «Основные психологические теории в психоанализе» Фрейд писал: «Можно указать на знаменитых философов как на предшественников, прежде всего великого мыслителя Шопенгауэра, бессознательную "волю" которого в психоанализе можно отождествить с душевными влечениями»¹.

Исследуя психические расстройства мелкого и среднего буржуа австрийской столицы и придя к выводу, что причиной большинства из них являются чрезмерные ограничения моралью естественных сексуальных влечений человека, он придал частным случаям характер всеобщности и построил на этой основе претенциозную теорию универсальной человеческой природы. Фрейд правильно констатировал связь многих изученных им неврозов с конфликтом в сознании между сексуальными стремлениями человека и моральными требованиями общества. Но он был не прав, распространяя черты, наблюдаемые в одном определенном обществе, и притом у части населения, на все прошлое и будущее человечества.

¹ Цит. по кн.: Курцин И. Г. Критика фрейдизма в медицине и физиологии. М.: А., 1965. С. 22.

По мере того как психоаналитическая теория наряду с клинической терапевтической областью своего применения все более и более использовалась Фрейдом при изучении социальных проблем, она стала выступать в роли определенного метода при объяснении различных явлений общественной жизни. Фрейд был твердо уверен в том, что, не насилуя сущности психоанализа, его можно применять с таким же успехом и к истории культуры, к науке о религии и к мифологии, как и к учению о неврозах¹. Социологическая концепция Фрейда — это не просто побочный продукт психоаналитической теории; это логическое завершение внутреннего развития, неотъемлемая составная часть этой теории. Биологизм, пансексуализм, гипертрофия роли бессознательного составили основу социальной философии Зигмунда Фрейда в целом.

За долгие годы активной научной деятельности и клинической практики Зигмунд Фрейд создал одну из первых развернутых теорий личности; систему клинических наблюдений, основанных на его терапевтическом опыте и самоанализе; оригинальный метод лечения невротических расстройств; метод исследования тех психических процессов, которые почти невозможно изучить какими-либо другими способами.

Независимо от того, принимаем мы или отвергаем какие-то идеи психоанализа, невозможно оспорить тот факт, что влияние Фрейда на западную цивилизацию и науку XX в. было значительным и глубоким. Американский психолог А. Трилинг писал в 1955 г.: «Фрейдистские идеи прочно обосновались в нашей культуре... Они имеют решающее влияние на образование и воспитание, чрезвычайно важны в антропологии, социологии, литературоведении. Мы можем сказать, что они стали интегральной частью нашего современного интеллектуального аппарата»².

В истории человечества очень немногие идеи оказали столь широкое и разнообразное воздействие. Взгляды Зигмунда Фрейда на природу человека — сложный путь понимания таких аспектов психической жизни человека, которые считались темными, скрытыми, недоступными. Это — серьезный вклад в комплекс наук о человеке.

7.2. Кризис психоанализа и становление «постфрейдизма»

Противоречие различных положений теории Зигмунда Фрейда с достижениями экспериментальной психологии, антропологии и социологии послужило толчком к возникновению в 30-х гг. XX в. постфрейдистского направления в психоанализе (социокультурного психоанализа), для представителей которого характерен повышенный интерес к социально-философской и культурологической проблематике. Именно с возникновением так называемой культурной школы в психоанализе начинается второй этап в развитии социально-философской ориентации психоанализа. Для этого этапа характерен переход от биопсихологизма в трактовке человеческого поведения к своеобразному социологизму и антропологическому психологизму.

Отечественная социологическая и психологическая наука объединяет это направление общим понятием — неопрейдизм. Постфрейдизм, куда включаются Э. Фромм, Г.С. Салливан, К. Хорни, А. Кардинер и др., представляет

¹ См.: Фрейд З. Лекция по введению в психоанализ. Т. 2. М.: Пг., 1922. С. 177.

² Цит. по кн.: Соколов Э. В. Введение в психоанализ. Социокультурный аспект. СПб., 1998. С. 9.

ся как попытка соединить учение Карла Маркса о социально-экономических факторах и учение Зигмунда Фрейда о бессознательных влечениях с тем, чтобы объяснить специфику человеческого бытия через взаимоотношения индивида и общества. Центральное понятие неофрейдизма — человеческая природа, которая определяет закономерность исторического процесса¹. На наш взгляд, идеи Фромма нельзя строго относить к тому или иному направлению. Сам Фромм по этому поводу писал: «Я никогда не соглашался с тем, что меня причисляли к новой школе психоанализа, как бы ее ни называли — "культурной школой" или "неофрейдизмом"². Фромм создал самостоятельную социально-философскую концепцию.

Рассматривая творчество Эриха Фромма, мы не можем пройти мимо взглядов основных представителей этого направления и не охарактеризовать эту научную школу в целом.

Постфрейдисты отвергают инстинктивизм, пансексуализм Зигмунда Фрейда, теорию агрессивных и сексуальных влечений, критически переоценивают ряд положений классического психоанализа. Для постфрейдистов характерно убеждение в том, что сущность человеческого поведения нельзя объяснить только универсальной биологической природой человека, для этого необходим анализ социальных факторов и исследование их влияния на процесс становления личности. Постфрейдисты были едины в следующем: для понимания человеческой природы намного важнее рассмотрение социальных и культурных, нежели биологических, факторов; теории инстинктов и либидо устарели, т. е. Эдипов комплекс, образование суперэго и др. — это культурные особенности, а не универсальные характеристики; возможные биологические причины возникновения оральной и анальной фаз могут значительно видоизменяться под действием культурных факторов; в изучении образования характера, тревожности и неврозов акцент смещен на межличностные взаимоотношения; не характер является результатом сексуального развития, а наоборот, характер определяет сексуальное поведение³.

Хорни, Салливан и др. отвергли постулаты об однозначно анатомической детерминации различий между полами, о стадиях психосексуального развития и эдиповом комплексе и сделали упор на важность межличностных взаимоотношений и социокультурного влияния на личность.

Опираясь на новые научные данные, представители этого направления пересматривают устаревшие интерпретации природы человека, создают свои оригинальные конструкции, дающие ответ на проблемы, с которыми сталкивается современный человек и общество. Их волнуют проблемы насилия и агрессии, столь характерные для современного общества, причины социальных конфликтов, войн и всеобщей моральной деградации. Является ли конечной причиной всех бед современного общества сама природа человека, в структуре которой могут находиться некие губительные элементы (инстинкты, влечения, первичные потребности и т. п.), или же в основе социальных неустойчивостей лежат совершенно иные по своей природе факторы — социально-экономические и культурные? Поиск ответа на этот вопрос заставил уче-

¹ См.: Добрыньков В.И. Неофрейдизм в поисках истины. М., 1974; Веряева А.Н. Социальная теория Эриха Фромма. Научно-аналитический обзор. М., 1980; Лейбов В.М. Фрейд, психоанализ и современная западная философия. М., 1990.

² Фромм Э. Душа человека. М., 1992. С. 14.

³ См.: Броун Дж. Психология Фрейда и постфрейдисты. М., 1997.

ных данного направления по-другому посмотреть на природу человека, особенности человеческого существования.

Вместе с тем, отказавшись от концепции классического психоанализа З. Фрейда, постфрейдизм (социокультурный психоанализ) не отверг базового методологического принципа Фрейда — идеи бессознательного, а ввел в исследования новые векторы — социальную среду и культуру, показав их значение в процессе формирования личности.

Представители данного направления учитывают при построении своих конструкций достижения, которые получены конкретными науками при исследовании определенных сторон человека и его природы, и те глубокие изменения в социальной действительности современного общества, которые произошли со времени создания учения Зигмунда Фрейда. Оригинальность подхода — в соединении социально-психологического, философско-антропологического и социально-исторического анализа.

Одной из причин возникновения постфрейдизма, несомненно, явился сам процесс постепенного приспособления методов психотерапии классического психоанализа к потребностям американского пациента 30-х гг. XX в. Фрейд и его учение — явление европейской культуры. 30-е гг. — годы «исхода» психоаналитиков из Европы в США, Америка стала второй родиной психоанализа. Но американское общество и человек в нем значительно отличались от европейского, поэтому ряд психоаналитиков вынуждены были пересматривать принципы учения Фрейда.

Пересмотр принципов классического психоанализа, подчеркивание решающего значения социальных и культурных факторов представляется как разрыв с метафизическим подходом Фрейда к объяснению человеческого поведения. Это делает картину взаимоотношения человека и общественных условий его существования более адекватной реальности.

Однако некоторые исследователи постфрейдизма считают, что социальная среда для них является лишь фоном, на котором происходит вся «бессознательная» психическая деятельность человека. И на самом деле, постфрейдисты далеки от действительного понимания сущности реального взаимодействия человека с социальной средой, далеки от подлинно научного анализа роли общества в развитии человека. Социальная среда, считает американский исследователь постфрейдизма Г. Уэллс, является для них «только "декорацией" для развертывающейся внутри психики напряженной драмы противоречивых эмоций»⁴.

Постфрейдизм оставляет в неприкосновенности фундаментальный тезис классического психоанализа о решающей роли «бессознательного» в жизни человека, они просто констатируют зависимость проявления «бессознательного» от специфики и качественных особенностей общества. Отвергая биологизм психологической теории Фрейда, постфрейдисты не порывают с инстинктивизмом как таковым. На место определяющих поведение человека фрейдовских биологических инстинктов они ставят субстанциализированные психические потребности человека, которые у разных представителей неофрейдизма носят разные названия.

Несмотря на критику и пересмотр ряда положений классического психоанализа, постфрейдизм не порывает с основополагающими принципами пси-

⁴ Уэллс Г.К. Фрейдизм и его современные «реформаторы» // Вопросы философии. 1959. № 12. С. 55. См. также: Уэллс Г.К. Крах психоанализа. М., 1969.

хоаналитической теории и представляет собой не что иное, как его модернизированный вариант. Да и сами постфрейдисты откровенно признают, что, критикуя классический фрейдизм, они видят свою цель не столько в том, чтобы показать и подчеркнуть ошибочное в психоанализе, сколько в том, «чтобы, устранив из психоанализа все сомнительные положения, позволить ему развиваться в полную меру его возможностей»¹. Следовательно, целью критики ими фрейдской теории было не опровержение ее методологических основ, а содержательная реинтерпретация, реконструирование психоаналитической теории в соответствии с требованиями научного знания и духом времени.

Эрих Фромм, например, считая, что в основе развития любой научной теории лежит принцип постоянной «конструктивной реинтерпретации ее основных положений, а не повторение и отбрасывание их»². «На пути величайших открытий Фрейда — Эдипова комплекса, нарциссизма и инстинкта смерти — стояли его мировоззренческие установки и, если эти открытия освободить от старой и перенести в новую систему, они станут более убедительными и значительными»³. Такой системой он считает свою философию «диалектического гуманизма». Хотя идеи Фромма существенно отличаются от идей ортодоксального психоанализа, тем не менее они имеют своим основанием фундаментальные открытия Фрейда.

Пересматривая принципы классического психоанализа, постфрейдисты устранили из него лишь то, что не затрагивает существа этой теории. Отвергая биологизм и пансексуализм теории Фрейда, они сохраняют в неприкосновенности фундаментальные принципы психоаналитической теории: а) примат «бессознательного» в детерминации поведения человека; б) концепцию вытеснения; в) концепцию сопротивления и перемещения; г) терапевтическую технику. В этой связи уместно привести высказывание К. Хорни из книги «Невротическая личность нашего времени», в которой она излагает свою теоретическую концепцию. «Поскольку большинство из моих интерпретаций, — пишет она, — отличаются от фрейдовских, некоторые читатели могут спросить, являются ли они психоанализом. Ответ зависит от того, что считать главным в психоанализе. Если понимать под психоанализом все до одного положения, выдвинутые Фрейдом, тогда то, что представлено в этой книге, не есть психоанализ. Если же считать, что основные идеи психоанализа заключаются в определенной системе взглядов относительно роли бессознательных процессов и путей их выражения, а также в определенной форме терапии, с помощью которой эти процессы доводятся до сознания, то тогда то, что я представляю здесь, является психоанализом»⁴.

Пути, по которым постфрейдисты пришли к социокультурной форме психоанализа, были различны. Если отправной точкой в реформировании классического психоанализа для Хорни была преимущественно психоаналитическая практика, то для Фромма — социологические и социально-психологические исследования.

Рамки постфрейдизма (социокультурного психоанализа) охватывают достаточно большую группу исследователей, взгляды каждого из которых ха-

¹ Horney K. *New Ways in Psychoanalysis*. N. Y., 1939. P. 8.

² Fromm E. *Individual and Social Origins of Neuroses // Personality in Nature, Society and Culture*. N. Y., 1959. P. 516.

³ Фромм Э. *Душа человека*. М., 1992. С. 15.

⁴ Horney K. *The Neurotic Personality of Our Time*. N. Y., 1964. P. IX.

рактикуются определенной спецификой. Еще один из них — Гарри Стэк Салливан. Как и Хорни, этого ученого связывали с Фроммом личные и профессиональные взаимоотношения.

Гарри Стэк Салливан известен как психиатр-практик, редактор журнала «Психиатрия», автор концепции межличностной психиатрии (интерперсональной теории в психоанализе). При жизни ученого вышла только одна его книга — «Концепция современной психиатрии» (1940). Салливан, в отличие от Фрейда, придавал основное значение в развитии человеческой психики не биологическим факторам, а специфическим моделям интерперсонального взаимодействия. Концепция Салливана — форма социализированного психоанализа. Ее основу составляет тезис о роли межличностных отношений в формировании личности и процесса ее развития. Люди неотделимы от своего окружения; личность формируется только в рамках межличностного общения, только в отношениях с другими людьми, при этом — с разными людьми по-разному. «Личность проявляется исключительно в ситуациях межличностного общения, а сама личность — это "сравнительно прочный стереотип повторяющихся межличностных ситуаций, которые и являются особенностью ее жизни"»¹. Салливан приходит к выводу, что человеческое поведение заключено не «внутри» индивида, а генерируется в процессе межличностного общения. Итак, личность определяется как «относительно устойчивая модель повторяющихся межличностных ситуаций, характеризующих человеческую жизнь»².

Исследуя межличностные процессы, Салливан выдвинул гипотезу, что решающим фактором в формировании отношений и чувств индивида является страх. В последующем он разработал теорию, согласно которой страх является основным патологическим фактором в процессе формирования девиантной личности и регуляции специфических видов ее общения с окружающим миром. Страх не имеет конкретного адресата и внутренних причин, не является реакцией на растущее напряжение. Страх, по Салливану, провоцирует окружающие³. Эти положения концепции Салливана сыграли важную роль в изучении проблемы агрессии и агрессивности личности.

Невозможно изолировать личность от интерперсональных отношений, человек всегда член «социального поля» и может быть понят только в этом контексте. Человек вступает в межличностные отношения уже с момента рождения под влиянием потребностей — органических, потребности в нежности, стремления освободиться от беспокойства, возникающего от недоброжелательного отношения. В ходе этих отношений складывается персонификация, т. е. образ человека (себя и других). Персонификация, сложившаяся в раннем детстве, в последующем определяет все отношения человека к другим людям. Источником активности, по Салливану, является энергия, свойственная организму изначально. Все психические процессы, все приобретенные привычки и формы поведения являются способами трансформации энергии и называются «динамизмами». В сумме они составляют «Я-систему», которая образуется в раннем детстве. Социализация ребенка способствует овладению языком, с помощью которого происходит образование «синтаксического опыта», открывающего возможности освоения общезначимого спе-

¹ Салливан Г.С. *Интерперсональная теория в психиатрии*. М., СПб., 1999. С. 8.

² Фадеевская Т.А. Социологизация фрейдизма в теориях личности К. Хорни и Г.С. Салливана // *Вопросы психологии*. 1974. № 3. С. 163.

³ Салливан Г.С. *Интерперсональная теория в психиатрии*. С. 9.

циального опыта (синтаксису предшествуют протаксис и паратаксис — формы доречевого опыта).

Салливан развивает важные идеи о значении и месте связей и отношений человека с другими людьми, оставаясь при этом в рамках психоаналитических учений о человеке. Он считал, что в основе душевных заболеваний, девиантного (агрессивного и деструктивного) поведения лежат нарушения межличностных отношений.

Подводя итог всего выше изложенного, отметим еще раз: с середины XX в. последователи З. Фрейда подвергли пересмотру некоторые идеи психоаналитического учения, сосредоточив свое внимание не на биологических, а на культурных и социальных причинах невротических заболеваний. Это психоаналитическое направление, отграничивающее себя от канонов учения Фрейда, у одного из виднейших его представителей Эриха Фромма получило название *постфрейдизм*.

Исходным положением постфрейдизма явился так называемый принцип социального и культурного детерминизма, в соответствии с которым центр тяжести традиционного психоанализа переносится с глубинных психических процессов личности на межличностные отношения, детерминированные социокультурным контекстом.

И одной из первых представительниц данного направления, занявшей критическую позицию по отношению к взглядам З. Фрейда, стала немецкий врач-психиатр Карен Хорни.

Психическая концепция Карен Хорни

Краткая биография и основные труды

Карен Хорни (Horney; девичья фамилия — Даниельсен) родилась в пригороде Гамбурга в 1885 г. Когда Карен было тринадцать лет, она решила, что хочет быть врачом, и стала одной из первых женщин в Германии, поступивших в медицинское учебное заведение. Свое образование она завершила в университетах Фрейбурга, Геттингена и Берлина. В 1909 г. она вышла замуж за Оскара Хорни, ученого-социолога, с которым встретила, когда оба были студентами во Фрейбурге. В 1910 г. Карен прошла курс психоанализа у Карла Абрахама, члена фрейдистского кружка и первого практикующего психоаналитика Германии. Затем Карен сама решила стать психоаналитиком и в 1920 г. уже была одним из шести членов-основателей Берлинского института психоанализа. Там она преподавала до 1932 г., когда Франц Александер пригласил Хорни на должность помощника директора недавно образованного Чикагского института психоанализа, а в 1934 г. она перешла в Нью-Йоркский институт психоанализа. За время своей работы в этом институте она опубликовала две книги — «Невротическая личность нашего времени» (1937) и «Новые пути в психоанализе» (1939), в которых некоторые основополагающие положения фрейдистской теории были подвергнуты серьезной ревизии, а ее биологическая направленность заменена культурологической и межличностной. Публикация этих книг вызвала сильный протест со стороны коллег Карен Хорни (т. е. со стороны ортодоксальных фрейдистов), в результате чего она в 1941 г. была вынуждена уйти из Нью-Йоркского психоаналитического института. В том же году Хорни основала Американский институт психоанализа и до самой своей смерти в 1952 г. занимала там пост декана. Кроме того,

она была основателем и редактором «Американского психоаналитического журнала».

Основные труды (кроме выше названных): «Самоанализ» (1942), «Наши внутренние конфликты» (1945), «Неврозы и развитие человека» (1950), «Психология женщины» [1957].

Оценка и критика учения З. Фрейда

К. Хорни признавала, что многим была обязана З. Фрейду, создавшему базу для всей последующей психоаналитической мысли. Она соглашалась, что «психические процессы строго детерминированы, что действиями и чувствами людей во многом движут бессознательные инстинкты, которые подавляются социальным окружением. В то же время она критиковала З. Фрейда за то, что он слишком высоко ставил биологическую природу поведения человека и неправильно, по ее мнению, истолковывал универсальность чувств и взаимоотношений, распространенных в его культуре.

Стремление Хорни сделать «критическую переоценку психоаналитической теории имеет своим источником неудовлетворенность ее терапевтическими результатами»¹. Из своей практики Хорни вынесла твердое убеждение в том, что все многообразие и особенности психической деятельности человека нельзя объяснить его биологической природой, что такой подход в огромной степени препятствует пониманию реальных сил, которые определяют установки и действия человека. Хорни ратует за «социологическую ориентацию» психоанализа, считая, что центральное место в теории развития личности должна по праву занять культура как решающий, определяющий фактор формирования ее психологического характера².

Теоретические взгляды Хорни несут на себе отпечаток следующих влияний: сопротивление антифеминизму Фрейда; марксизм и социализм; индивидуальная психология Альфреда Адлера; тот факт, что формирование Хорни как личности и психолога происходило в американской культуре. Различия с Европой с ее меньшей свободой и большей приверженностью догматичным верованиям убедили Хорни в том, что многие невротические конфликты, в конечном счете, определяются культурными условиями.

Карен Хорни в своих работах обратила особое внимание на культурные детерминанты человеческого поведения, социальные аспекты жизнедеятельности людей и специфику взаимоотношений между индивидами. Хотя ее теория в большей степени относится к больным неврозами, чем к здоровым личностям, многие из ее идей привели к значительным открытиям в понимании индивидуальных различий и межличностных отношений. Хорни, хотя и следовала основополагающим принципам теории Фрейда, возражала против его теории инстинктов и считала, что психоанализ должен придерживаться более широкой социокультурной ориентации. Отказавшись от биологического детерминизма, она открыла перспективы для развития культурно и социологически ориентированного психоанализа. Ее критический подход к психоаналитическому учению сопровождается не устранением психоанализа как метода исследования личности и культуры, а лишь неприятием тех постулатов Фрейда, которые свидетельствовали об изначальной биологизации и инстинктивной обусловленности внутриспихических процессов.

¹ Horney K. New Ways in Psychoanalysis. P. 7.

² Ibid. P. 9.

Хорни считала, что основные взгляды Фрейда несут на себе отпечаток философских воззрений XIX в. Исследователь критикует Фрейда за биологический детерминизм, игнорирование антропологии, социологии и дуалистичность мышления. Хорни называет мышление Фрейда механицистско-эволюционистским. По Дарвину, сегодняшние вещи прошли эволюцию через ряд ступеней развития. По Фрейду же они не только обусловлены прошлым, они не содержат в себе ничего кроме прошлого. Хорни отмечает, что, следуя теории либидо, можно прийти к выводу, что не только стремление к власти, но и любое проявление самоутверждения можно интерпретировать как скрытое проявление садизма. Любую симпатию — как проявление либидозного желания. Любое проявление терпимости по отношению к другим вызывает подозрение в пассивной гомосексуальности¹.

В своих трудах Хорни развивала свою собственную версию психоанализа, в основе которой лежала концепция невроза как ряда защитных реакций, вырабатывающихся в ответ на базовую тревогу.

Согласно учению Фрейда, невроз возникает вследствие столкновения культуры (общества) и инстинкта (личности), и если человек хочет выжить, он должен подавлять или сублимировать свои инстинкты, подчиняя их культуре.

Хорни же не верила в то, что столкновение личности и общества неизбежно. По ее мнению, оно имеет место, когда неблагоприятное социальное окружение не удовлетворяет эмоциональные потребности человека, что вызывает у него страхи и враждебность.

Если Фрейд считал в развитии неврозов определяющими немногие детские переживания, в основном сексуального характера, то Хорни видела причину неврозов в сумме всех детских переживаний и опыта.

В своей психоаналитической практике Хорни во многом сохраняла технику Фрейда, с присущими ей рационализмом и дистанцией между врачом и пациентом. Но есть целый ряд существенных различий во взглядах Хорни и Фрейда, имеющих мировоззренческий характер. Фрейд подчеркивал негативные стороны человеческой природы, мало учитывая моральные и интеллектуальные аспекты. Человеком движет не стремление к самосовершенствованию, а стремление к удовольствию. Духовный и нравственный прогресс обусловлен действиями инстинктов, адаптацией к среде, давлением социальных норм. Сфера творчества и морали — сублимация природных позывов человека.

Природу человека Фрейд считал эгоистичной и агрессивной, а доброту — лишь сдерживающим началом этой агрессивности. Карен Хорни, напротив, признает искреннюю доброту и щедрость естественными свойствами человека, существующими наряду с эгоизмом и агрессивностью.

Фрейд усматривал причины неврозов взрослого человека в установках, сформировавшихся в детстве. Он считал, в человеке после пяти лет не может развиваться ничего принципиально нового. Все последующие тревоги только воспроизводят первую, однажды возникшую в детстве. Хорни подвергла критике ориентацию Фрейда на детское и патологическое, отвергла универсальность Эдипова комплекса, сексуальную теорию неврозов, идеи женской неполноценности и непреходящего конфликта между природой и культурой.

¹ См.: Браун Дж. Психология Фрейда и постфрейдизм. М., 1997.

«Большую часть вины за наши несчастья несет наша так называемая культура; мы были бы несравнимо счастливее, если бы от нее отказались и вернулись к первобытности. Я называю это утверждение поразительным, поскольку, как бы мы ни определяли понятие культуры, все же не вызывает сомнений, что все наши средства защиты от угрожающих страданий принадлежат именно культуре».

Если Фрейд подчеркивал природное начало в человеке, то Хорни — начало социальное.

К. Хорни приступила к обновлению психоанализа в контексте новых научных данных. Открытия в этнографии, социологии, истории приводили к выводу о множественности и разнообразии культур (чего З. Фрейд, по сути дела, не допускал), притом, что человеческая природа в разных культурах оставалась одной и той же. Следовательно, особенности личности, черты коллективной психологии и типы неврозов зависят, главным образом, от культуры, ее ценностей и противоречий. По этой причине Хорни небезосновательно полагала, что учение Фрейда является несколько устаревшим, механистическим, обездушенным.

Фрейд предостерегал от оценочных суждений в психоанализе, от моральных оценок. Хорни придерживалась иной точки зрения: психолог не машина, не физик, работающий с бездушной материей, поэтому моральные суждения неизбежны. Хорни верила в способность человека развивать себя, владеть своими силами, верила в доброту и бескорыстие человека. Негативные качества вырабатываются у людей вследствие неблагоприятной социально-экономической обстановки, в определенном типе общества.

Таким образом, «отступничество» Хорни от ортодоксальной линии фрейдизма было обусловлено назревшей потребностью обновления этого учения на данном историческом этапе.

Другое важнейшее отличие учения Хорни от учения Фрейда — гендерная переориентация психоанализа с «маскулинности» на «феминизм». Хорни считала крайне важным и актуальным исследование специфики мужской и женской психологии, противостояния полов, брачных отношений. Поэтому она предприняла попытку доказать психическое равноправие мужчин и женщин, в противоположность позиции Фрейда, который видел причины женской пассивности, подражательности, эмоциональности в ощущении женщиной своей физической недостаточности, чувстве зависти, стремлении стать мужчиной.

Хорни признавала ситуацию «Эдипова комплекса» лишь как частный случай. Взаимоотношения полов она сводила не к одной проблеме, а к целому комплексу проблем. «Фактически, все проявления невротической потребности в любви можно обнаружить в том явлении, которое Фрейд описал как Эдипов комплекс: привязанность к одному из родителей... ревность, чувствительность к отвержению... Наблюдения позволяют усомниться, что Эдипов комплекс — биологически детерминированное явление... История детства невротиков, у которых особенно сильна привязанность к отцу или к матери, всегда полна таких обстоятельств, которые вызывают у ребенка тревогу... Я вовсе не отрицаю существования и важности Эдипова комплекса. Я хотела бы только понять, насколько универсально это явление и до какой степени оно обусловлено невротичностью родителей».

Рассматривая гендерные (культурно-обусловленные) отношения, К. Хорни выделяет ряд моментов. Мужчина почитает женщину как мать, которая

заботится, жертвует собой. Но восхищение женщиной соседствует у него с завистью к тому, чего сам мужчина сделать не может (например, деторождение). Эти комплексы компенсируются «рождением» государственных систем, религий, искусства, что, в свою очередь, накладывает отпечаток на всю культуру, приобретающую мужской оттенок. Другая компенсация комплексов — ущемление женщин, что зачастую закрепляется юридически.

Нередко отношение мужчины к женщине ассоциируется со страхом смерти: кто способен дать жизнь, тот вправе ее отобрать. Поэтому мужчина испытывает страх перед женщиной: сексуальность женщины больше страшит, чем привлекает мужчину, который опасается оказаться несостоятельным или каким-то образом унизиться перед ней. Он предпочел бы находить в женщине просто сексуальный объект. Мужчина хотел бы видеть женщину непорочной, лишенной сексуальных влечений, только в этом случае она для него вполне безопасна (на этом зиждется культ Девы Марии в католицизме).

Хорни оспаривает позицию естественного принижения женщины, выступает за равенство полов. «Еще не самое худшее, что величайшие умы... затратили немало энергии и интеллектуальных усилий на доказательство принципиального превосходства маскулинности. Что действительно плохо — это тот факт, что хлипкое самоуважение "среднего человека" заставляет его снова и снова выбирать в качестве "женственного" типа — именно инфантильность, незрелость и истеричность, и тем самым подвергать каждое новое поколение влиянию таких женщин». Враждебность полов проявляется и со стороны женщины. Отчасти недоверие связано с опытом детства. В детстве девочка ущемлена больше мальчиков. Для нее существует больше запретов, формирующих настороженность, недоверие, неуверенность, чувство вины, страх перед физической силой. Девочка интуитивно чувствует, что ее будущее зависит не от нее, а от кого-то другого, от таинственного события, которого она ждет и которого боится. Компенсация этих переживаний происходит через уход в мужские манеры поведения, в "мужскую роль".

Проблемы взаимоотношений полов проявляются в любви и браке. «Глядя на то, как часто, а лучше сказать — постоянно, случаются неурядицы в любовных отношениях, мы должны спросить себя, не связан ли разлад в каждом частном случае с какими-то общими причинами: нет ли общей основы у той подозрительности, которая возникает между полами с такой легкостью и регулярностью?» В поисках ответа на этот вопрос Хорни пришла к выводу о том, что любовь является даром, а счастливый брак — искусством, которому можно научиться.

Помимо недоверия между полами, существуют и другие причины неудачи в браке. Например, неудачный выбор партнера. Нередко выбор партнера происходит по подобию матери или отца и приводит к разочарованию, так как слишком много места в душе остается незаполненным. Это приводит к ожесточению отношений. Обратный выбор — по контрасту с родителями — также чреват сложностями, поскольку не реализуются бессознательные ожидания.

Причиной враждебности в браке может быть предъявление заранее невыполнимых требований, что может привести к разочарованию и пренебрежительному отношению. Противоречия брака, согласно Хорни, могут разрешиться либо через развод, либо через «открытый брак», где супруги свободны друг перед другом, сохраняя формальные отношения, либо через последовательное налаживание отношений.

Невроз как «пасынок культуры». Модель возникновения неврозов

Согласно К. Хорни, ранние детские переживания не только порождают фиксации, которые заставляют нас повторять предыдущие шаблоны поведения, но и обуславливают наше восприятие и реакцию на внешний мир. На них также влияет и весь последующий опыт, который, в конце концов, выливается в наши взрослые защитные стратегии и образует структуру характера. Самые первые переживания могут повлиять сильнее последующих, так как именно они определяют направление развития, однако характер взрослого человека есть продукт *всех прежних взаимодействий между психической структурой и окружением*.

Если Фрейд считал невроз производным от столкновения культуры и инстинкта, то Хорни не соглашается с этим. По Фрейду, мы нуждаемся в культуре для выживания и чтобы сохранить ее, должны подавлять или сублимировать свои инстинкты. Поскольку же наше счастье состоит в полном и немедленном удовлетворении инстинктов, мы должны выбирать между счастьем и выживанием. Хорни не верит, что это столкновение индивида и общества неизбежно. Столкновение происходит в том случае, когда неблагоприятное окружение подавляет наши эмоциональные потребности и тем самым возбуждает страх и враждебность. Фрейд изображает человека ненасытным, деструктивным и антисоциальным, но по Хорни, все это — скорее невротические реакции на неблагоприятные условия, чем выражение инстинктов.

Дела у человека идут плохо из-за всех событий и личностей, которые ему сопутствуют, из-за отношений со сверстниками, и особенно в семье, если ребенок чувствует себя неуверенным, нелюбимым, не оцененным, что создает основу для *базовой тревоги*. Эта тревога ведет к развитию защитных стратегий, формирующих структуру невротического типа, и эта структура является причиной трудностей в дальнейшей жизни.

По версии Хорни, люди используют *три базовые стратегии* для преодоления базовой тревоги:

- двигаются к людям и принимают решение в пользу уступчивости, формируя излишне конформное поведение;
- двигаются от людей, становясь отчужденными и обособленными;
- двигаются против людей, т. е. принимают агрессивное и экспансивное решение. Людей, использующих эту стратегию, привлекает не любовь, а господство.

В числе способов справиться с базовой тревогой в рамках этой стратегии — нарциссистское, перфекционистское и надменно-мстительное поведение, которое находит выражение в соответствующих типах личности.

Люди нарциссистского типа стремятся достичь своих целей в жизни с помощью обаяния и восхищения собой. Их сделка с судьбой состоит в том, что жизнь должна дать им то, что они хотят, если они будут следовать за своей мечтой и предъявлять к себе повышенные требования. Нарциссичные люди стремятся к господству над жизнью, «любуются собой и очаровывая других». Часто они вырастают из одаренных детей-любимцев, которыми сверх меры восхищались. Став взрослыми, они считают мир своей кормилицей, а себя — баловнями судьбы. Они без тени сомнения верят в свои таланты и полагают, что никто против них не устоит. Их неуверенность проявляется в беспрестанных рассказах о своих подвигах или замечательных качествах и в потребности

получать бесконечные подтверждения своей самооценки в виде восхищения и поклонения. Их сделка такова, что если только они будут держаться за свои мечты и преувеличенные требования к себе, жизнь обязательно даст им все, чего только они ни пожелают. Если же этого не происходит, у них может наступить психический срыв, потому что они плохо подготовлены для встречи с реальностью.

Перфекционисты имеют высокие интеллектуальные и моральные стандарты, которые дают им основания сверху вниз смотреть на остальных людей. Будучи справедливыми, честными и обязательными, они ожидают такого же справедливого отношения к себе и от жизни в целом, и от других людей. Говоря о фигуре поклонника совершенства (перфекциониста), мы часто имеем в виду лишь тех, которые поддерживают идеальный порядок, чудовищно аккуратны и пунктуальны, безумно озабочены правильным выбором слов и носят изумительно правильный галстук и шляпу. На самом деле имеют значение не эти мелкие детали, а превосходство всего склада их жизни. Но, поскольку все, чего может достигнуть перфекционист — это совершенство поведения, необходим иной механизм. Ему необходимо уравнивать в своем сознании норму и действительность — знание о нравственных ценностях и хорошую честную жизнь. При этом самообман от него скрыт, тем более что по отношению к другим он нередко настаивает на том, чтобы они жили в соответствии с его нормами, и презирает их, если им это не удается. Так выносится вонье его презрение к себе.

Для подтверждения своего мнения о себе он нуждается скорее в почете, чем в горячем восхищении, к которому склонен относиться с насмешкой. В соответствии с этим его требования основаны не на «наивном» убеждении в своей величии, а на сделке, которую он заключил с судьбой. Раз он честен, справедлив, верен долгу, ему полагается, чтобы с ним честно обращались другие и жизнь вообще. Это убеждение в неколебимой справедливости, торжествующей в жизни, дает ему ощущение власти над ней. Его собственное совершенство, таким образом, не только путь к превосходству, но и средство управлять жизнью. Идея незаслуженного везения или невезения ему чужда. Его собственный успех, преуспеяние, хорошее здоровье, следовательно, не то, чем нужно наслаждаться, а доказательства его добродетели. И напротив, любой удар судьбы (потеря ребенка, несчастный случай, неверность жены, увольнение с работы) может привести этого внешне уравновешенного человека на грань гибели. Он не только обижен злой судьбой, как несправедливостью, но помимо (и сверх того) потрясен ею до основ своего психического существования. Она колеблет всю его систему сведения счетов и вызывает в воображении жуткую перспективу беспомощности.

Надменно-мстительное поведение демонстрируют люди, стремящиеся к мщению и победам. Такие люди считают, что жизнь — это жестокая борьба, в которой, однако, есть за что бороться и можно добиться поставленных целей, если не поддаваться на нежные чувства и не следовать традиционной морали. Человек такого типа отождествляет себя со своей гордостью. Его основная мотивирующая сила в жизни — потребность в мстительном торжестве. Потребность в мстительном торжестве — обычная составляющая погони за славой. Настоятельная потребность торжествовать над другими делает людей подобного типа чрезвычайно соревновательным. Надменно-мстительный человек не может вытерпеть, чтобы кто-то знал или достиг больше него, имел бы большую власть, и любым путем подвергает сомнению чужое превосход-

ство. Мстительность толкает его стащить соперника с пьедестала или унижить. Не связанный необходимостью лояльности, он легко может стать вероломным. Чего ему реально удастся достичь своим, нередко неустанным трудом, зависит от его дарований. Но при всех своих планах и интригах он часто не достигает ничего стоящего не только в силу своей непродуктивности, но и потому, что он слишком саморазрушителен.

Наиболее очевидные проявления его мстительности — приступы дикой ярости. Эти взрывы мстительного бешенства могут быть так ужасны, что пугают его самого — как бы не натворить чего-нибудь непоправимого, когда отказывают тормоза. Например, некоторые пациенты действительно могут биться убить кого-нибудь, находясь под воздействием алкоголя — т. е. когда не действует их обычный самоконтроль. Порыв отомстить может быть достаточно силен, чтобы смести осторожную расчетливость, обычно управляющую их поведением. Охваченные мстительным гневом, они на самом деле могут подвергнуть опасности свою жизнь, безопасность, работу, положение в обществе.

Но еще важнее, чем эти, в общем-то редкие, вспышки мстительной страсти, постоянная мстительность, пронизывающая установку этого типа лиц по отношению к людям. Они убеждены, что каждый в глубине злонамерен и нечестен, что дружеские жесты — это притворство, и единственно мудро — относиться к каждому, как к мошеннику, пока он не докажет свою честность. Но и полученные доказательства оставляют полный простор для подозрений при малейшем поводе. В своем поведении такой человек открыто высокомерен с людьми, часто груб и оскорбляет окружающих, хотя иногда все это прикрыто тонким налетом цивилизованной вежливости. Но тонко или грубо, понимая или не понимая этого, он унижает окружающих и эксплуатирует их. Он может пользоваться женщинами для удовлетворения своих половых потребностей с полным пренебрежением к их чувствам. С эгоцентричностью, кажущейся «наивной», он и всех людей использует для своих нужд до предела. Он часто заводит и поддерживает знакомства исключительно на основе их пригодности для удовлетворения его потребности в торжестве: этот человек послужит ступенью в его карьере, ту влиятельную даму можно завоевать и подчинить, а последователи будут слепо почитать его и увеличат его власть.

К. Хорни исходила из того, что неврозы связаны не только с отдельными переживаниями человека, но и теми культурными условиями, в которых он живет. Жизненные условия в каждой культуре вызывают у человека некоторые страхи, порождаемые внешними опасностями (природа, враги), формами социальных отношений (враждебность, несправедливость, зависимость), культурными традициями (запреты, табу, обычаи). Эти страхи навязываются каждому индивиду. Для отражения существующих в каждой культуре страхов имеются способы защиты, которые включают табу, ритуалы, обычаи. Притворенный страхам и прибегающий к защитам культуры нормальный человек страдает не сильнее, чем это неизбежно в данной культуре.

Невротик не только разделяет общие всем людям в данной культуре страхи, но и испытывает также (в силу своей индивидуальной жизни) страхи, качественно и количественно отличающиеся от страхов определенного культурного образца. Невротик же платит за свои защиты чрезмерную цену, заключающуюся в ослаблении его жизненной энергии, двеспособности, возможности получать удовольствие.

Таким образом, невроз в представлении К. Хорни является психическим расстройством, вызываемым страхами и защитами от них, а также попытка-

ми найти компромиссные решения конфликта разнонаправленных тенденций. Это расстройство называется невротическим лишь в том случае, когда оно отклоняется от общепринятого в данной культуре образца. В этом смысле, считает К. Хорни, невротика можно назвать пасынком нашей культуры¹.

Цель психоаналитической терапии по К. Хорни — проработать последствия тревожности пациента по отношению к культуре. Важно добиться того, чтобы путем улучшения его отношения к себе или другим людям, он мог обходиться без своих невротических наклонностей. Невротика необходимо помочь восстановить себя, осознать свои настоящие чувства и желания, проработать собственную систему ценностей и построить свои отношения с другими людьми на основе собственных чувств и убеждений. Она считала, что здоровые цели и ценности жизни рождаются в процессе самореализации, раскрытия врожденного потенциала личности².

Новые пути психоанализа (проблема самореализации и раскрытия врожденного потенциала личности)

Постфрейдисты пытались объяснить появление неврозов культурной, а не биологической (как объяснял неврозы З. Фрейд) обусловленностью психики, чему в немалой степени способствовало смещение национальностей в середине XX в. (особенно в США, а позднее и в странах Западной Европы), приводивших к межкультурным, межнациональным и межконфессиональным проблемам и конфликтам, следствием чего стало увеличение числа неврозов и появление новых. К. Хорни обратила внимание на трудности, связанные с процессами социальной адаптации, с несоответствием культурных норм, шаблонов поведения, что приводило к психическим отклонениям. Главной причиной неврозов, по ее мнению, было то, что человек не мог реализоваться в данном обществе, что не всегда зависело от вытесненных инстинктов или детских переживаний. «Если мы знаем те культурные условия, в которых живем, у нас имеется очень хорошая возможность достичь намного более глубокого понимания специфического характера нормальных чувств и отношений. А поскольку неврозы являются отклонениями от нормального поведения, также открывается перспектива их более глубокого понимания».

Фрейд считал, что биологическая природа у всех людей одинакова и неизменна. На основании этой единой природы культура постепенно развивается по принципу целесообразности. По мнению Хорни, человеческая природа более сложна. С одной стороны, деятельность людей обусловлена инстинктами, которые «укрощаются» воспитанием и нравственными нормами. С другой стороны, нельзя игнорировать раздвоения сущности человека на «хорошее» и «плохое» (на Добро и Зло). Хорошее (Добро) постепенно, с помощью позитивных жизненных установок побеждает плохое (Зло).

Другой важный аспект человеческой природы — способность людей к творчеству. Говоря теоретически, человек может самореализоваться, если сумеет правильно понять и оценить себя и раскрыть свои возможности. Задача психоаналитика именно в том и заключается, чтобы помочь личности самореализоваться.

¹ См. подробнее: Хорни К. Невротическая личность нашего времени. Самоанализ. М.: Прогресс, 2000.

² См.: Фрейджер Р., Фейдимен Дж. Гуманистический психоанализ. К. Хорни, Э. Эриксон, Э. Фромм. СПб.: Прайм-Еврознак, 2007.

Рассматривая влияние культуры на природу человека, Хорни отмечает, что культура не позволяет полностью раскрыться природе человека, но создает условия для самораскрытия, поэтому культурные факторы следует считать относительными. Если Фрейд считал Эдипов комплекс сущностной причиной неврозов, то у Хорни сам этот комплекс есть порождение неврозов. Поэтому она отрицает полную зависимость психики взрослого человека от его детского опыта. Хорни определяла невроз как отклонение от нормы, вызывающее у человека чувство вины, страха, неполноценности, что снижает продуктивность личности. Нарушаются общественные связи, не достигаются намеченные цели. Но когда речь идет об отклонении, то следует определить, относительно каких норм происходит это отклонение. Что следует признать за точку отсчета и какой именно аспект норм выделить? Хорни считает самым важным культурный аспект.

Неврозы возникают в результате давления культуры. Но культурные нормы разных стран, народов, исторических эпох и даже разных социальных слоев отличаются друг от друга, и то, что приемлемо в одной культуре, совершенно недопустимо в другой. Стало быть, о нормах следует говорить применительно к конкретной культуре или социальному слою. Невроз есть индивидуальный способ приспособления к культуре. Когда невротическая личность сталкивается с проблемой выбора, то любая несложная ситуация может вызвать в нем волну бурных переживаний и неспособность определиться (например, выбор одежды для встречи с начальником). У нормального человека внутренние конфликты решаются быстро и не оставляют осадка в душе. «Противоречия, заложенные в нашей культуре, представляют собой в точности те конфликты, которые невротик отчаянно пытается примирить: склонность к агрессивности и тенденцию уступать; стремление к самовозвеличанию и ощущение личной беспомощности. Отличие от нормы имеет чисто количественный характер. В то время, как нормальный человек способен преодолевать трудности без ущерба для своей личности, у невротика все конфликты усиливаются до такой степени, что делают какое-либо удовлетворительное решение невозможным»¹.

Фрейд объяснял появление невроза подавлением сексуальных влечений в детстве. По мнению же Хорни, детский невротизм следует учитывать лишь в широком социально-культурном аспекте. Например, в одном типе культуры дети плавно включались в культуру взрослых, а в другом два возрастных пласта резко расходились (городское промышленное общество).

Хорни отмечает факты отчуждения детей и взрослых в европейской и американской культурах, но при этом принимает позицию детей. Ребенок беззащитен. Он испытывает чувство собственной вины, у него появляется страх перед враждебным обществом, окружающим его. Возникает боязнь мира взрослых людей и недоверие к нему. Мир детства не так безоблачен, как рисуется он в традиционном представлении. Надежды ребенка на добро и любовь часто оказываются обманутыми, а уязвимая психика и повышенная чувствительность оставляет глубокие отпечатки в сознании детей, воздействуя на становление личности и ее дальнейшее развитие. Детские страхи проявляются в любом возрасте. Жизненные тревоги и опасности, связанные с экономической и социальной неустойчивостью, накладываются на эту бессознательную основу, усугубляя прежние страхи и вызывая неврозы у взрослого человека.

¹ Хорни К. Невротическая личность нашего времени. Самоанализ. С. 220.

Главной причиной неврозов, согласно К. Хорни, являются противоречия самой культуры, конфликт разных систем ценностей. Она задается вопросом: «Какие условия в нашей культуре ответственны за то, что неврозы сосредоточиваются вокруг тех специфических конфликтов, которые я описала, а не вокруг других? Фрейд лишь вскользь коснулся данной проблемы».

В рамках одной культуры ценности согласованы и не вызывают проблемы выбора. Столкновение ценностей происходит лишь при взаимодействии разных культурных традиций, например, буржуазной и христианской, что очень характерно для современных развитых обществ. Это порождает конфликты. Неврозы угрожают и тем, кто меняет культурную обстановку (переселенцы, эмигранты). Адаптация к новым культурным формам создает ряд психических проблем. Невроз создает опасность тем, кто продвигается в социальном плане, резко меняя свою собственную среду, так как в этом случае существенно меняется система ценностей, принятых в разных социальных слоях.

Невроз — следствие противоречий культуры, воздействующих на каждого человека, но здоровые люди легче переносят их воздействие, легче справляются с возникающими перед ними трудностями жизни. Невротик не может вынести груз культурного давления. К. Хорни старается избежать выработки рецептов лечения людей. Она признает естественный характер трагизма человеческого бытия, но при этом оставляет за человеком возможность быть счастливым.

Хорни понимает (и принимает) двойственность человеческой природы: стремление к счастью и одновременно неосуществимость в полной мере этого стремления. Даже при отсутствии конкретных страданий остаются болезни, увядание, смерть. Спокойное состояние человека нельзя считать нормой. Переживание страданий естественно. Конфликты являются составляющей частью жизни человека. В этой связи Хорни вводит понятие «базовой тревоги». Состояние тревоги является нормой для человека, или по-другому: состояние покоя не является нормой. «Человек, взятый относительно, есть самое неудачное животное, самое болезненное, уклонившееся от своих инстинктов самым опасным для себя образом, — но, конечно, со всем этим и самое интересное!».

Более того, по большому счету человек никогда не сможет удовлетвориться и успокоиться — развитый человек обречен на вечное искание. Экзистенциалисты говорят, что человек обречен на свободу, и его жизнь — постоянная тревога, имеющая естественный характер.

Вообще для XX в. свойственно беспокойство, чувство неуверенности и психической напряженности, охватывающей широкие массы. Неуверенность просачивается во все сферы жизни. В этом заключена идея «базовой тревоги». Тревога отличается от страха неясностью причин, непонятностью ситуации. Хорни полагает, что поскольку установки личности соответствуют культурным ценностям, то причину тревожности следует искать в культуре. Чем выше и динамичнее культура, тем больше у человека поводов для беспокойств и тревог. Ощущение тревоги вызывает желание избавиться от нее через вытеснение, то есть невротическим образом. Бегство от тревог заставляет человека отвлекаться на что-то другое, погружаться в работу, «наркотизироваться» в прямом и переносном смыслах.

Очевидно, что в современных условиях определенный уровень тревожности неизбежен. Выход из этого — привычка. Многое зависит от правильного воспитания. Важно научиться правильно воспринимать естественные

процессы в мире. В ситуации базовой тревоги взрослый человек воспроизводит детские переживания, такие как неуверенность, беспомощность и другие. В значительной степени базовая тревога обусловлена детскими страхами. Поэтому момент воспитания и внимания к детям представляется принципиально важным.

Таким образом, учитывая социо-культурную атмосферу в обществе, значительная часть людей, согласно К. Хорни, обречена на невроз, что становится типичным для нашего времени.

Хорни развивает идею о тесной взаимосвязи неврозов с типами общения, социальными контактами. Здоровые люди невротизируются в ситуации неудовлетворительного общения, и наоборот, люди, предрасположенные к неврозу, могут развиваться в сторону большего равновесия в случае благоприятных контактов. У каждого человека есть определенные потребности в тех или иных отношениях (дружеских, властных и проч.), которые реализуются лишь во взаимодействии с другими людьми.

Невротический конфликт вызывает в человеке противоречия, причем невротик не сознает того, что с ним происходит. Он тратит силы на уход от конфликта, создание иллюзорной гармонии, выстраивая защитные механизмы. Уход от конфликта часто приводит к созданию идеализированного образа себя, вымышленного представления о себе. Такое восприятие себя ошибочно, поскольку человек предстает выдуманным, а не реальным. Невротик цепляется всеми силами за этот образ. Но чем больше он верит в надуманный образ, тем больше уходит от реальности, что лишь усугубляет невроз.

Несколько упрощая ситуацию, можно сказать, что, согласно К. Хорни, цель психоанализа и, соответственно, избавление невротической личности от преследующего ее невроза (или неврозов) состоит в обретении человеком собственного «реального я». При этом психологическое понятие «реального» включает у нее как минимум четыре содержательных аспекта: онтологический («сущностное»), гносеологический («объективное»), ценностный («подлинное») и практический («осуществимое»).

Иными словами, «реальное я» Хорни по определению представляет собой: 1) совокупность сущностных, существенных черт личности, определяющих самобытность ее существования, — в отличие от «идеального я», которое может включать в себя и несущественные черты; 2) совокупность объективных черт, наличие которых не зависит от воли и сознания индивида, — в отличие от «идеального я», содержание которого в той или иной степени может быть продуктом воображения; 3) совокупность подлинных, настоящих черт, — в отличие от «идеального я», которое может включать в себя фальшивые, ложные черты; 4) совокупность черт и задатков, потенциально осуществимых в ходе развития личности, — в отличие от «идеального я», содержание которого в той или иной степени может быть неосуществимо¹.

Чем выше идеалы культуры, в которой живет человек, тем больше людей, которые их не достигают. Это порождает жажду мести, чувство озлобленности на мир и общество. Идеализированное «я» вступает в конфликт с социумом. В этой связи важна психоаналитическая терапия, помогающая раскрыть реальное «я» человека. В понятие «психотерапия» входит и самоанализ. Невро-

¹ Хорни К. Невроз и личностный рост. Борьба за самоосуществление. СПб., 1997. С. 16—18 (цит. вступительная статья директора Международного Общества Карен Хорни Бернарда Периса).

тику следует самому активно работать над собой, следуя наставлениям врача. Иногда для этого приходится менять образ жизни, работу, отношения с людьми.

Фрейд считал причиной неврозизма подавление культурой природного начала в человеке. Хорни корректирует это положение: культура действительно навязывает человеку некоторую идеализацию. Культура виновата не в том, что она жестока и деспотична, а в том, что слишком щедрна и либеральна. Не культура создает проблему, а человек, не способный правильно оценить свои силы, сделать нужный выбор. Человек «не дотягивает» до уровня культуры. Поэтому не культура (как считал Фрейд), а сам человек ответственен за свой невроз. И разрушение иллюзорного «я» является важнейшим шагом на пути устранения невроза.

Фрейд считал невроз падением человека, уходом в сторону регресса; Хорни же, напротив, трактует невроз как эволюцию человека, как его развитие в лучшую сторону. Отсюда невротические проблемы интеллектуальной прослойки общества (интеллигенции), идущей с некоторым опережением в культурном развитии и испытывающей конфликт культур внутри себя. «Поднимаюсь» высоко, невротик создает идеализированный образ себя, который трудно реализовать. Поэтому следует сблизить в себе идеальное и реальное. Идеалы, к которым стремится человек, несомненно, должны присутствовать в жизни и выполнять стимулирующие функции для личностного роста, но не стоит отрываться от действительности и неадекватно оценивать себя. Идеал должен объединять, а не разъединять людей.

7.2.2. Теория формирования психосоциальной групповой идентичности Эрика Эриксона

Краткая биография и основные труды

Обычное клише, которым пользуется биограф любой исторической или выдающейся личности, к Эрику Эриксону (Erik H. Erikson) неприменимо. Как правило, любая биография начинается с указания имени и фамилии героя, дат его рождения и смерти, далее следует указание на его национальную принадлежность, которая, правда, в XX в. стала все больше заменяться принадлежностью гражданской. Религиозная принадлежность уже в XIX в. стала «частным делом» и, как правило, в современных научных биографиях вовсе не указывается, если только религиозные традиции семьи не повлияли в дальнейшем на творчество или общественную деятельность данного персонажа. В случае с Э. Эриксоном все это чрезвычайно запутано с самого начала. Дело в том, что сына Эрика Карла Абрахамсен, датчанина еврейского происхождения, родила 15 июня 1902 г. от внебрачной связи с датчанином Эриксоном, о котором кроме фамилии больше ничего неизвестно. Сын родился в Германии, куда его мать переехала к тому времени из Дании. Поскольку Карла официально была замужем за Вальдемаром Исидором Саломонсоном (биржевым маклером еврейского происхождения), ребенок был записан как Эрик Саломонсен. Два года спустя его мать переехала в Карлсруэ, где вышла замуж за педиатра Теодора Хомбургера, так что в 1909 г. Эрик Саломонсен превратился в Эрика Хомбургера, а в 1911 г. был официально усыновлен своим отцом. В семье Хомбургеров строго следили за соблюдением еврейского ритуала, включая кошерную пищу, праздники и еженедельное посещение

синагоги по пятницам и субботам. Однако высокий голубоглазый блондин выглядел на фоне собственной семьи «гоем», тогда как в школе для своих одноклассников был «евреем» (сам же он считал себя немцем). Таким образом, с проблемой идентичности будущий психоаналитик познакомился не понаслышке, а столкнулся с нею в детском и раннем подростковом возрасте.

По окончании гимназии Эрих Хомбургер, которому исполнилось в ту пору 18 лет, отправился путешествовать по Европе в поисках «самого себя», а вернувшись на родину (после года странствий), учился в художественной школе в Мюнхене, но не закончил ее, а отправился во Флоренцию, ведя образ жизни «свободного художника». В возрасте 25 лет он случайно оказался в Вене, где его пригласили на должность учителя в школе, в которую устраивали учиться своих детей родители, приехавшие в Вену для прохождения курса лечения в Психоаналитическом институте. В этой школе Эрих Хомбургер по составленной им самим программе преподавал живопись, историю и другие предметы.

В те годы врачи-аналитики, пациенты, их семьи и друзья иногда собирались вместе на пикники и светские вечеринки. Во время одной из таких встреч Э. Хомбургер познакомился с Анной Фрейд (дочерью З. Фрейда, которая стала ученицей и последовательницей отца), обратившей внимание на его талант в обращении с детьми, и другими выдающимися психоаналитиками. Пройдя негласный отбор, он был признан подходящим кандидатом для обучения психоанализу и в 1927 г. начал проходить ежедневные психоаналитические сеансы с Анной Фрейд в доме ее отца. Поскольку медицинского образования у него не было, он прошел в Психоаналитическом институте клиническую подготовку, хотя следует отметить, что ни в то время, ни впоследствии академическая психология его не интересовала. Впрочем, не интересовали его ни анализ сновидений, ни свободные ассоциации: с самого начала его психоаналитической деятельности его главным образом занимали две проблемы — детской игры и «идентичности». В 1930 г. Эрих Хомбургер женился на канадской танцовщице и художнице Джоан Серсон, с которой познакомился на маскараде в одном из венских замков. У молодых людей были схожие интересы. Джоан преподавала современный танец, получила степени бакалавра педагогики и магистра социологии, давно занималась психоанализом с одним из учеников Фрейда. В последующие годы она была верной помощницей своего мужа, редактором, а иногда и соавтором его сочинений. В конце того же года Эрих Хомбургер официально сменил фамилию на Эриксон (усыновив самого себя, как он это объяснял: дело в том, что Эриксон буквально означает «сын Эрика»), сохранив свою прежнюю фамилию в качестве второго имени¹.

В 1933 г. Эриксон закончил обучение психоанализу и стал полноправным членом Венского психоаналитического общества. В том же году он уезжает из Вены — сначала в Данию (на свою прародину), а потом в США. Обычно причиной его отъезда считают распространение фашизма в Европе, но вряд ли это так. Во-первых, Гитлер только что пришел к власти, и большая часть населения Европы да и самой Германии еще не успела осознать всей угрожающей опасности. А во-вторых, Эриксоны, с его «нордической» внешностью, и к тому же живущему в Вене и женатому на канадке, опасаться вроде бы было нечего. Сам Эриксон в одной из своих книг рассказывает о том, что его

¹ Следует отметить, что первые его работы были опубликованы под фамилией Э. Хомбургер.

с какого-то времени стала угнетать «душная атмосфера», сложившаяся к началу 30-х гг. в среде венских аналитиков, «растущий консерватизм и в особенности всеобъемлющий запрет на некоторые направления мысли»¹.

По приезде в США Эриксоны поселились в Бостоне, где Эриксон стал первым в городе детским психоаналитиком. Ему предложили место в Гарвардской Медицинской школе и в престижной Центральной больнице Массачусетса. Кроме того, он начал заниматься частной практикой и сотрудничать с Гарвардской психологической клиникой, которой руководил Генри Мюррей. В те годы Эриксон общался с такими блестящими и влиятельными мыслителями, как Мюррей, антропологи Рут Бенедикт и Маргарет Мид, социальный психолог Курт Левин.

В 1936 г. Эриксон получил место в Йельской медицинской школе, затем, в 1939 г. он и его жена переехали в Калифорнию и прожил десять лет в Сан-Франциско. Эриксон продолжил аналитическую работу с детьми и руководил исследовательскими проектами в Калифорнийском университете Беркли.

В 1950 г. Эриксон покидает Беркли из-за того, что не желает подписывать предложенную маккартистами присягу. Как и многие либеральные ученые, Эриксон отказался ставить свою подпись, потому что считал происходящее охотой на коммунистических ведьм и свидетельством охватившей общество паранойи. Эриксоны возвращаются в Массачусетс, в центр Остина Ритгса, ведущий институт обучения и исследования психоанализа. Там Эриксон изучает биографию Мартина Лютера и пишет книгу «Young Man Luther» (Молодой Лютер) (1958), которая представляет собой сочетание психоанализа, биографического и исторического исследования. Эта книга вызвала большой интерес у психоаналитиков, психологов, историков и ученых других социальных дисциплин.

Особенно популярными идеи и сочинения Эриксона становятся в США в 50–60-е гг., когда возникла молодежная субкультура и по стране прокатились студенческие волнения. «Кризис идентичности» в эти годы становится очевидным, в результате спрос на сочинения Эриксона, посвященные проблеме идентичности резко возрастает. Его книги издаются миллионными тиражами, и он делается одним из самых читаемых психоаналитиков.

В 1960 г. Э. Эриксон стал профессором в Гарварде, а в 1975 г., после ухода в отставку, переехал в Сан-Франциско. Его последние работы и исследования, продолжавшиеся вплоть до его смерти в 1994 г., посвящены главным образом старости и последней стадии жизненного цикла. В 1950 г. вышла в свет известная книга Э. Эриксона «Детство и общество», которая была переведена на десятки языков и используется в качестве учебника для студентов и аспирантов в курсе психологии, в психиатрических учебных центрах и на психологических курсах. Его книга о Махатме Ганди (1969) получила Пулитцеровскую премию и была удостоена Национальной книжной премии США.

Сочинения Э. Эриксона довольно многочисленны, но, к сожалению, лишь малая их часть переведена на русский язык:

«Детство и общество» (1950); «Идентичность: юность и кризис»; «Молодой Лютер» (1958); «Истина Ганди» (1969); «Жизненная история и историческое движение» (1975).

¹ См.: Эриксон Э.Г. Молодой Лютер. М.: Медиум, 1996. С. 8.

Концепция личности и жизненного цикла

Работы Эриксона прочно базируются на психоаналитической теории, причем некоторые исследователи считают, что никто еще, кроме него, со времен З. Фрейда не сделал столько для разработки и применения принципов психоанализа в новых областях и для решения проблем современности.

Однако лишь в самом начале своей психоаналитической деятельности Эриксон был ортодоксальным фрейдистом (да и то с оговорками). Постепенно он развил собственную оригинальную теорию, которая хотя и основывалась на психоаналитическом понимании, но существенно отличалась по охвату, концепции и расстановке акцентов.

В основе концепции ученого лежит теория циклов человеческой жизни, модель, которая интегрирует рост и развитие человека от рождения до преклонного возраста: человеческая личность развивается по установленным ступеням, или стадиям. Суть этой модели, интегрирующей развитие и созревание человеческой личности от рождения до старости, заключается в следующем.

Цикл человеческой жизни состоит из восьми стадий: младенчества (от рождения до двух лет; орально-сенсорная стадия), раннего детства (2–4 года; мышечно-анальная стадия), возраста игры (5–7 лет; локомоторно-генитальная стадия), школьного возраста (7–12 лет; латентная стадия), юности (13–19 лет;), ранней зрелости (20–30 лет), зрелости (30–65 лет) и зрелости (более 65 лет). Процесс перехода от одной стадии к другой аналогичен процессу развития эмбриона: каждая последующая стадия обусловлена характером развития предыдущей.

Если Фрейд основное внимание уделял периоду «Эдипова комплекса» (соответствующему возрасту 3–5 лет), считая, что в последующей жизни именно он оказывает определяющее влияние на психику человека, то у Эриксона, как видим, возрастной рельеф человеческой жизни гораздо сложнее (и в то же время гораздо проще, поскольку ближе к традиционной периодизации человеческой жизни). Но дело, конечно, не в этом чисто формальном различии (тем более, что и сам Эриксон признавал некоторую условность и относительность своей градации, допуская и индивидуальные различия и ее зависимость от той или иной культуры). Фрейд понимал созревание человеческого организма как развитие сексуальности и выделял пять фаз этого развития: оральную (от рождения до года), анальную (2–3 года), фаллическую или уретральную (3 года — 6 лет), латентный период и генитальную фазу (с начала пубертатного периода), по достижении которой развитие личности можно считать законченным. И хотя Эриксон сохраняет фрейдовскую терминологию (перечисленные выше «фазы»), речь у него идет не о чисто биологических стадиях развития либидо, а о взаимодействии ребенка и мира, понимаемого не только биологически, но и социально. А кроме того, он, в отличие от Фрейда, считает, что развитие человека не ограничивается только детством, а продолжается всю жизнь.

Каждая стадия характеризуется, по мнению Эриксона, особой задачей развития — приобретением новых навыков и развитием новых отношений, которая должна быть решена. Навыки и способности, необходимые для каждой стадии, развиваются и проверяются в период кризиса. После успешного разрешения кризиса у человека развиваются большая способность суждения, внутренняя цельность и способность действовать эффективно. Каждая стадия может иметь положительный и отрицательный результат.

Так, например, в первый год жизни у всех людей формируются основополагающие установки, способ соотнесения внутреннего и внешнего опыта. «На этой стадии, — пишет Э. Эриксон, — даже самое доброжелательное окружение не способно уберечь малыша от травматического изменения — одного из самых жестоких изменений, поскольку ребенок еще так мал, а встающие на его пути трудности обширны. Я говорю об общем развитии импульсов и механизмов активного хватания, прорезывания зубов и близости этого процесса к процессу отнятия от груди и отделения от матери, которая может вернуться к работе или снова забеременеть.

Ибо именно здесь “добро” и “зло” входят в мир ребенка, если его базисное доверие к себе и другим уже не было поколеблено на первой стадии чрезмерно провоцируемыми или затягиваемыми пароксизмами ярости и изнеможения»¹.

Последующие этапы развития человека характеризуются такими конфликтами:

- второй этап — конфликт между автономией и стыдом и сомнением;
- третий этап — между инициативой и чувством вины;
- четвертый этап — между трудолюбием и чувством неполноценности;
- пятый этап — между идентичностью и путаницей ролей;
- шестой этап — между близостью и изоляцией;
- седьмой этап — между производительностью и застоем;
- восьмой этап — цельностью и отчаянием.

Развитие личности продолжается всю жизнь, в результате формируется готовность человека общаться и взаимодействовать с более широким кругом людей.

В случае успешного прохождения всех этапов жизни человека ожидает то, что на обыденном языке называется «счастливой старостью». Вот как описывает это Э. Эриксон: «Только в том, кто некоторым образом заботится о делах и людях и адаптировался к победам и поражениям, неизбежным на пути человека — продолжателя рода или производителя материальных и духовных ценностей, только в нем может постепенно вызреть плод всех этих семи стадий. Я не знаю лучшего слова для обозначения такого плода, чем целостность эго (ego integrity). Не располагая ясным определением, я укажу несколько составляющих этого душевного состояния. Это — накопленная уверенность эго в своем стремлении к порядку и смыслу. Это — постнарциссическая любовь человеческого эго — не себя (!) — как переживание опыта, который передает некий мировой порядок и духовный смысл, независимо от того, как дорого за него заплачено. Это — принятие своего единственного и неповторимого цикла жизни как чего-то такого, чему суждено было произойти, и что, по необходимости, не допускало никаких замен; а это, в свою очередь, подразумевает новую, отличную от прежней любовь к своим родителям. Это — товарищеские отношения с образом жизни и иными занятиями прошлых лет в том виде, как они выражены в скромных результатах и простых словах былых времен и увлечений. Даже сознавая относительность всех тех различных стилей жизни, которые придавали смысл человеческим устремлениям, обладатель целостности эго готов защищать достоинство собственного стиля жизни против всех физических и экономических угроз. Ибо он знает, что отдельная жизнь есть лишь случайное совпадение одного единственного жизнен-

¹ Эриксон Э. Детство и общество. СПб.: Летний сад, 2000. С. 32.

ного цикла с одним и только одним отрезком истории, и что для него вся человеческая целостность сохраняется или терпит крах вместе с тем единственным типом целостности, которым ему дано воспользоваться. Поэтому для отдельного человека тип целостности, развитый его культурой или цивилизацией, становится “вотчиной души”, гарантией и знаком моральности его происхождения...

При такой завершающей консолидации смерть теряет свою мучительность.

Отсутствие или утрата этой накопленной интеграции эго выражается в страхе смерти: единственный и неповторимый жизненный цикл не принимается как завершение жизни. Отчаяние выражает сознание того, что времени осталось мало, слишком мало, чтобы попытаться начать новую жизнь и испытать иные пути к целостности. Отвращение скрывает отчаяние, хотя и часто только в виде “массы мелких отвращений”, которые так и не складываются в одно большое раскаяние...

Чтобы стать зрелым взрослым, каждый индивидуум должен в достаточной степени развить у себя все вышеупомянутые качества эго, так что мудрый индеец, истинный джентльмен и коренной крестьянин разделяют и узнают друг у друга конечную стадию целостности. Но каждый культурный организм, развивая свой особенный тип целостности, предполагаемый его историческим путем, использует особую комбинацию этих конфликтов наряду со специфическими стимуляциями и запрещениями инфантильной сексуальности. Инфантильные конфликты становятся созидательными, только если получают непрерывную и твердую поддержку культурных институтов и определенных передовых классов, их представляющих. Для того чтобы приблизиться или испытать состояние целостности, индивидуум должен уметь следовать носителям имиджа в религии и политике, экономике и технологии, аристократической жизни, искусствах и науке. Следовательно, целостность эго предполагает эмоциональную интеграцию, которая благоприятствует соучастию как посредством следования лидерам, так и через принятие ответственности лидерства»¹.

Суть идентичности и ее аспекты. «Кризис идентичности»

Наибольшее внимание Э. Эриксон уделил такому понятию как идентичность. При этом он наполнил его совершенно новым смыслом, что позволяет говорить одновременно и о его отходе от ортодоксального фрейдизма, и о дальнейшем развитии и углублении психоанализа, что в конце концов привело к возникновению (во многом благодаря трудам Эриксона) того его ответвления, которое получило название постфрейдизма.

У самого Фрейда термина «идентичность» не было. Он употребил его лишь однажды, но вне психотерапевтического контекста. Не следует путать «идентичность» и с «идентификацией» — так называл Фрейд осознанную или бессознательную постановку себя на место другого человека, в ходе которой человек начинает думать, чувствовать или действовать как объект, с которым он себя отождествляет.

Э. Эриксон впервые употребил выражение «кризис идентичности» (identity crisis), характеризуя психическое состояние солдат, которых лечил в 1940-е гг. в реабилитационной клинике для ветеранов в Сан-Франциско. Эти

¹ Эриксон Э. Детство и общество. СПб.: Летний сад, 2000. С. 122–123.

пациенты легко расстраивались при воздействии на них внезапного или интенсивного стимула. Казалось, они утратили всякую способность бороться с шоком и адекватно воспринимать его. Их психика находилась в состоянии перманентного «ислуга». На психические стимулы у этих мужчин появлялась физиологическая реакция: поднималась температура, возникали сердцебиение, сильная головная боль и бессонница. «Кроме того, пациентам казалось, что они не знают, кто же они на самом деле. Это была явная потеря идентичности эго. У них исчезли ощущения тождественности, целостности, исчезла вера в свою социальную роль»¹.

Согласно Эриксону, термин идентичность (identity) объединяет теории глубинной психологии, когнитивной психологии и психологии эго. Поскольку концепция идентичности охватывает психологию, социологию и историю, то в силу сложности данного термина Эриксон избегал однозначного определения идентичности:

«Я могу попытаться более явно представить суть идентичности, только рассмотрев ее с разных точек зрения. С одной стороны, ее можно отнести к сознательному ощущению личной идентичности; с другой — это бессознательное стремление к целостности личного характера. С третьей — это критерий для процесса синтеза эго. И наконец, внутренняя солидарность с групповыми идеалами и групповой идентичностью».

Эриксон выделял следующие аспекты идентичности:

1. Индивидуальность — сознательное ощущение собственной уникальности и собственного отдельного существования.

2. Тождественность и целостность — ощущение внутренней тождественности, непрерывности между тем, чем человек был в прошлом и чем обещает стать в будущем; ощущение того, что жизнь имеет согласованность и смысл.

3. Единство и синтез — ощущение внутренней гармонии и единства, синтез образов себя и детских идентификаций в осмысленное целое, которое рождает ощущение гармонии.

4. Социальная солидарность — ощущение внутренней солидарности с идеалами общества и подгруппы в нем, ощущение того, что собственная идентичность имеет смысл для уважаемых данным человеком других людей и что она соответствует их ожиданиям и восприятию.

Концепция идентичности, разработанная Эриксоном, сводит воедино теории когнитивной психологии и эго-психологии. Некоторые аспекты идентичности включают в себя чувство индивидуальности, целостности и тождества, ощущение синтеза и цельности и чувство социальной солидарности.

Развитие и расцвет ощущения самости и приводит к ощущению идентичности. Недостаток нормального чувства идентичности может вызвать враждебное отношение к существующим ценностям и общественным целям. Трудный подросток, ощущающий неспособность посвятить себя позитивной социальной роли, может выбрать вместо нее негативную роль. При этом ощущение «я тот, кем хочу быть сам» играет решающую роль в развитии нормального чувства идентичности.

В целом Э. Эриксона называли «недогматичным, эмансипированным фрейдистом». Его представления о развитии личности (в рамках социально-

¹ Erikson E. Identity, Youth and Crisis. New York: Norton, 1968. P. 67.

го окружения), а также «кризиса идентичности оказали существенное влияние на все социальные науки»¹.

Проблемы взаимодействия психического и социального.

Психоистория

Наиболее существенный вклад в социальные науки Э. Эриксон сделал в тех своих сочинениях, которые связаны с психоаналитическим исследованием жизни исторических деятелей. Это, в первую, его монографии, посвященные Мартину Лютеру и Ганди, и главы из других его сочинений, в которых анализируются личности Гитлера, Максима Горького и др. Здесь его личные научные интересы полностью совпадали с интересами исторического момента, в котором он жил, и насущными проблемами, связанными с необходимостью дальнейшего развития и углубления психоанализа. Педагогический талант Эриксона, безусловно, направлял его интерес к детским и отроческим годам жизни выбранных им героев, а концепция кризиса идентичности (главного кризиса юности, по словам Эриксона) находила свое практическое применение и подтверждение. Проблема идентичности становится главной проблемой новой родины Эриксона именно в послевоенные годы, так что он с полным основанием писал: «Мы начинаем теоретически осмысливать вопросы идентичности именно в тот период истории, когда они становятся реальной проблемой. Ибо мы предпринимаем это в той стране [США], которая пытается создать суперидентичность из всех идентичностей, привносимых населяющими ее иммигрантами; и, к тому же, делаем это в то время, когда быстро нарастающая механизация угрожает этим, в основном, аграрным и аристократическим идентичностям и на их исторической родине»². С этой точки зрения получает свое объяснение и выбор им исторических персонажей своего исследования; они интересуют не только сами по себе, как великие исторические деятели определенной эпохи, но и как представители тех трех великих стран, где проблема идентичности чрезвычайно обострилась именно в связи с их вступлением в промышленную революцию: Америки, Германии и России.

Что касается внутренних проблем развития психоанализа, то в этом отношении учение Фрейда очутилось в той же ситуации, что и социология и большинство гуманитарных дисциплин XX в.: хотя предмет их остался по преимуществу прежним, объект разительным образом изменился.

«В старой форме, — писал Э. Эриксон, — эту мысль можно выразить так: сегодняшний пациент страдает больше всего от отсутствия ответа на вопрос, во что ему следует верить и кем он должен или, фактически, мог бы быть или стать, тогда как на заре психоанализа пациент страдал больше всего от запретов, которые мешали ему быть тем и таким, кем и каким, как ему казалось, он по сути своей являлся». И далее: «Еще в 1908 г. Фрейд указал на источник неврозов своего времени, заключавшийся в двойном стандарте для двух полов и в чрезмерных требованиях, предъявляемых лицемерной моралью высших классов в условиях городской жизни к женам и матерям. Как частично релевантное, Фрейд признавал и вредное влияние быстрых перемен в социальной

¹ См. подробное: Фрейджер Р., Фейдимен Дж. Гуманистический психоанализ. К. Хорни, Э. Эриксон, Э. Фромм. СПб.: Прайм-Еврознак, 2007.

² Эриксон Э. Детство и общество. С. 129.

роли, испытываемое теми, кто переезжал из деревни в город или выбирался из среднего класса на вершину общества. Однако за всем этим он видел в качестве главного источника психопатологии глубокое расстройство сексуального хозяйства индивидуума вследствие навязанных ему многочисленных притворств и подавлений полового влечения.

Достоинством людям, страдающим от этих произвольных стандартов, Фрейд предложил психоаналитический метод [разновидность радикального самопросвещения], который вскоре прорвал границы нейропсихиатрии. Ибо с помощью этого метода он обнаружил в глубинах души своих заторможенных пациентов остатки и аналоги запретов и условностей всех времен и народов... В истории цивилизации наверняка будет отражено, что Фрейд, пытаясь удовлетворить запросы своей неврологической практики, сам того не ведая, продолжил революцию в человеческом сознании, которая во времена античности вывела трагического индивидуума из безымянного хора архаического мира и сделала сознающего себя человека "мерой всех вещей". Научное исследование, которое прежде направлялось на объективные обстоятельства, было перенацелено Фрейдом так, чтобы включать и человеческое сознание... Основатели психоанализа и первые практикующие психоаналитики целиком сосредоточились на одном единственном стремлении — стремлении к интроспективной честности на nive самопросвещения... Альянс супер-эго с сильным чувством культурной идентичности оставался без внимания, а вместе с ним и те способы, посредством которых социальное окружение поощряет и культивирует отказ от себя (self-abandon) в формах страстей или рассудочности, свирепости или сдержанности, пиетета или скептицизма, непристойности или пристойности, изящества или грубой силы, милосердия или спеси, практицизма или честной игры. Фактически, все достаточно выраженные разновидности культурной экспрессии, за исключением имеющих отношение к интеллектуальному *Bildung*¹, частью которого был психоанализ, стали восприниматься как явно притворные маски и защиты, служащие весьма дорогостоящими укреплениями против "Оно" и (подобно супер-эго) находящимися в близком родстве и рискованно вступающими с ним (то есть с "Оно") в союз. Хотя, конечно, и верно, что эти направляющие жизнь ценности во все времена были тесно связаны с брутальностью и ограниченностью, они, тем не менее, воздействовали на то культурное развитие, какое претерпевал человек, и их нельзя не включать в психологический "баланс" прошлого, настоящего или будущего.

Итак уж получается, что мы начинаем теоретически осмысливать вопросы идентичности именно в тот период истории, когда они становятся реальной проблемой².

Говоря несколько упрощенно, Фрейд имел дело с человеком, не знающим психоанализа; современный психоаналитик живет и действует в мире, в котором принципы и методы психоанализа получили если и не повсеместное признание, то широкое распространение, и часть проблем, актуальных для Фрейда и подавляющего числа его пациентов, худо или бедно уже решена. Кроме того, в значительной степени были преодолены крайности и заблуждения фрейдовского варианта психоанализа: не говоря уже о «сужении»

¹ Образование в широком смысле, смыкающемся с понятием интеллектуального роста или, скорее даже, интеллектуального строительства собственной личности (нем.).

² Эриксон Э. Детство и общество. С. 128–129.

«пансексуализма» Фрейда, были отброшены и успешно преодолены его редукционизм, жесткий детерминизм, фактическое растворение морали в психологии и т. д. С учетом всех этих обстоятельств, Эриксон пришел к выводу, что в теорию Фрейда необходимо включить «исторический момент», что даст возможность использовать психоанализ в качестве междисциплинарного (психоисторического) средства социального познания. «Психоистория» (такое название получила эта новая дисциплина) не может заменить историко-социологического анализа, но позволяет избежать однозначной редукции причин и содержания исторических событий к иррациональным импульсам психики выдающихся личностей. Сущность исторического величия той или иной личности, по мнению Эриксона состоит в созвучии выдвинутых ею идей умонастроению эпохи. Стало быть, творческая личность связана со своей эпохой не только на уровне сознания, но и через неосознаваемые структуры духовной жизни общества, а ее социальное новаторство питается интеллектуальной традицией, является в то же время оформлением смутных настроений «исторического момента». В книге Эриксона, посвященной Мартину Лютеру, представлен исторический анализ, который показывает, «как в период между наступлением половой зрелости и взрослым состоянием силы традиции сливаются с новыми внутренними силами, чтобы создать нечто совершенно новое: новую личность; вместе с новой личностью — новое поколение, а вместе с последним — новую эпоху»¹. Методами «психоистории» Эриксону блестяще удалось показать, как в результате юношеских конфликтов с отцом (впоследствии замещенным Папой) в Лютере происходил кризис идентичности, как в результате выхода из этого кризиса родилась его новая личность (бунтаря, жаждущего поддержки и одобрения со стороны того, против кого он, собственно, говоря и бунтует), оказавшаяся созвучной и требованиям эпохи и чаяниям широких народных масс, что и послужило началом Реформации.

Принципы психоистории, реализованные Эриксонем в его книгах и очерках, посвященных Лютеру, Ганди, Гитлеру, Максиму Горькому, получили широкое применение в американской и западноевропейской историографии. В США издается несколько журналов по проблемам историко-психологических исследований, во многих учебных заведениях Америки введены курсы лекций по психоистории.

7.3. Гуманистический психоанализ Эриха Фромма

7.3.1. Краткая биография и основные труды

Эрих Фромм (Erich Fromm) родился 23 марта 1900 г. во Франкфурте-на-Майне (Германия) в еврейской семье. Он был единственным ребенком. В семье царствовал дух трудолюбия, религиозности и обрядоверия. Его отец, Нафтали Фромм, торговал виноградным вином, был удачлив в делах. Мать, Роза Краузе, была из русских эмигрантов. Она нежно любила сына и воспитала Эриха общительным, привила ему веру в свои силы. Предки по отцовской и материнской линии были раввинами. В детстве Эрих Фромм хотел во чтобы

¹ Эриксон Э. Г. Молодой Лютер. Психоналитическое историческое исследование. М.: Медиум, 1996. С. 44.

то ни стало идти по стопам своих предков и стать учителем Талмуда. Он так никогда и не смог простить своему деду, д-ру Зелигману Фромму его отказа от поста раввина ради возможности больше зарабатывать домашним учителем.

Фромм вырос, зная два разных мира — ортодоксальный еврейский и христианский. Сам Фромм называл мир, в котором он вырос, «докапиталистическим», «досовременным», а иногда и просто «средневековым». Воплощением этого мира был «Вюрцбургский рабби», о котором так любил рассказывать Фромм в старости. Всю свою жизнь Фромм ориентировался на духовную и жизненную практику еврейских знаатоков священных текстов. Всегда «современный» мир, направленный на добывание денег, был чужд Эриху Фромму. Это означало прожить жизнь впустую и утратить возможность спасения души¹. Ортодоксальный религиозный мир евреев оказал сильнейшее влияние на Фромма как на человека, ученого, мыслителя.

«Это был именно тот мир, в котором я чувствовал себя своим. Хотя я вырос целиком в современном мире, что касается школы и т. д., но я никогда не чувствовал себя в нем своим. Моей родиной был собственно говоря, добуржуазный мир... В принципе это сохранилось и по сей день, т. е. я все еще чувствую себя чужим в мире, целью которого является заработать как можно больше денег. Именно это я всегда ощущал как извращение»².

Взаимоотношения в семье Фроммов были не простые. В целом Фромм описывал своих родителей как «очень невротичных», а себя как «невыносимо невротичного ребенка»³.

79-летний Эрих Фромм вспоминал, что отец баловал его и большего всего хотел, чтобы он остался трехлетним ребенком. Эрих не смог реализовать свое желание изучать Талмуд на Востоке или в Литве из-за боязни и страха отца оставить сына одного. Отец хотел, чтобы сын получил классическое университетское образование и стал юристом. Мать Эриха мечтала сделать из сына пианиста, музыканта. Самые хорошие черты в характере Эриха она приписывала Краузе, а плохие — Фроммам. Сначала Эрих не мог противостоять нарциссическим наклонностям матери, но по мере того, как он становился взрослее, религиозный мир отца стал оказывать на него все более сильное влияние.

Эриху Фромму было 14 лет, когда в Европе вспыхнула Первая мировая война. Он был поражен людской иррациональностью, агрессивностью и деструктивностью. Позднее он писал: «Я был глубоко озабоченным молодым человеком, которого мучил вопрос, как оказалась возможной эта война, а также желание понять иррациональность поведения человеческих масс и страстное желание мира и понимания между народами»⁴.

Во Франкфурте Эрих Фромм посещал школу Велера, изучал латынь, английский, французский. В 1918 г. он сдает экзамен на аттестат зрелости и в этом же году поступает во Франкфуртский университет и начинает изучать право. Перспектива стать адвокатом не прельщала Фромма, и он переходит в Гейдельбергский университет, чтобы изучать философию, социологию, психологию. В Гейдельберге преподавали Карл Ясперс (психологию), Генрих

¹ Фукс Р. Эрих Фромм: страницы документальной биографии // Фромм Э. Мужчина и женщина. М., 1998. С. 9–11.

² Там же. С. 9–11.

³ Там же. С. 16–17.

⁴ Фромм Э. Из павана иллюзий. Как я столкнулся с Марксом и Фрейдом. // Фромм Э. Душа человека. М., 1992.

Риккерт (философскую аксиологию), Альфред Вебер (социологию). В 1922 г. Фромм получил степень доктора философии в Гейдельбергском университете на кафедре Альфреда Вебера. Тема диссертации — «Об иудейском Законе. К социологии еврейской диаспоры». В это время Фромм впервые сталкивается с психоанализом. Это происходит в салоне «Терапийтум» Фриды Райхманн. Она стала первым психоаналитиком Фромма. Впоследствии (16 июня 1926 г.) Фрида Райхманн и Эрих Фромм станут супругами.

Глубокое воздействие на мышление Эриха Фромма оказали этика Аристотеля и Спинозы, социология Карла Маркса. Занятия психоанализом позволяли осмысливать проблемы соотношения биологического и социального, характер человека, ценностный мир человека как проблемы социально-психологические.

В 20-е гг. Фромм познакомится с учением буддизма и с этого времени до конца жизни в своей религиозной практике ориентируется прежде всего на буддизм в его дзен-буддийской («чань») версии доктора Судзуки, у которого Фромм учился в последний период жизни.

Теорию Зигмунда Фрейда Эрих Фромм начинает активно изучать в Мюнхене под руководством профессора В. Виттенберга. Затем продолжает свое психоаналитическое образование в Берлинском психоаналитическом институте. Надо сказать, что к концу 20-х гг. Берлинский институт становится ведущим центром психоанализа, и даже оспаривает первенство у Венского психоаналитического института. Фромм получает диплом психоаналитика, а в 1925 г. становится врачом. Фромм начинает врачебную практику, расширяя лечебную процедуру психоанализа, превращая ее в доверительное, дружеское общение с пациентом. Также в Берлинском психоаналитическом институте Фромм ведет большую научную работу, проводит регулярные семинары по пограничным проблемам философии, психологии и социологии. Исследовательская деятельность Фромма носит междисциплинарный характер. В 1927–1929 гг. Фромм начинает печататься. Доклад «Психоанализ и социология» приносит ему известность. Фромм публикует статью под названием «О методе и задачах аналитической социальной психологии: замечания о психоанализе и историческом материализме». В 1928 г. в Берлине он выступает с докладом «Психоанализ мелкого буржуа». Доклад вызвал оживленную дискуссию в психоаналитическом научном сообществе. Фромм знакомится и активно общается с такими видными психоаналитиками как Карен Хорни и Вильгельм Райх.

Почти десять лет (1930–1939) Фромм был связан с Франкфуртским институтом социальных исследований. Хоркхаймер (руководитель института), Левенталь и Маркузе сыграли определенную роль в восприятии Фроммом идей Маркса. С 1929 г. Фромм начинает исследования привлек, установок и политического поведения рабочих и служащих. В 1932 г. на основе эмпирических исследований он делает вывод о вероятном приходе Гитлера к власти. Прогноз Фромма сбывается — Гитлер приходит к власти. И Фромму, по национальности еврей, а по профессии психоаналитику, больше нельзя оставаться жить в Германии. Он эмигрирует в Соединенные Штаты Америки: сначала переезжает в Чикаго, а затем в Нью-Йорк, куда вскоре перебазируется и Хоркхаймер со своим институтом. Фромм ведет частную практику как психоаналитик, но продолжает сотрудничать с Институтом социальных исследований, выполняя функцию руководителя отдела социальной психологии. Институт выпускает периодическое издание «Журнал социальных исследо-

ваний», проводит большое исследование авторитета и семьи. Фромм подготовил социально-психологическую часть исследования, в которой он излагает свою концепцию авторитарного характера. По результатам этих исследований Фромм пишет работу «Бегство от свободы» (1941). Благодаря этой книге имя Эриха Фромма стало очень известно в Америке. В это время Фромм открыто критикует ортодоксальный психоанализ, особенно его фундамент — теорию либидо. В 1938 г. происходит разрыв с Институтом социальных исследований, вступая в личные отношения с Хоркхаймером, Левенталем, Адорно. По поводу разногласий Хоркхаймер писал: «Психология без либидо — это не психология... Психология в подлинном смысле — это всегда психология индивида... Фромм и Хорни ударились в психологию "здорового смысла" и психологизировали даже культуру и общество»¹. В «Бегстве от свободы» Фромм показал особое значение способов, какими общественные силы и идеологии формируют структуру социального характера индивидуума. Это направление, получившее развитие в большом количестве последующих книг, принесло ему известность в научном сообществе. В конце 30-х — начале 40-х гг. Фромм активно общается с Хорни. Два ученых оказали друг на друга сильное влияние. Их объединил общий интерес к социальным и культурным факторам формирования психики и характера человека. Фромм и Хорни поддерживали отношения с Маргарет Мид и Дж. Доллардом.

25 мая 1940 г. Эрих Фромм получает американское гражданство, а 24 июля женится второй раз (жена — Хенни Гурланд). В 1945 г. Фромм стал сотрудником Института психиатрии Уильяма Алансона Уайта. Фромм активно включается в систематическую подготовку специалистов в области психоанализа. Но особенность Фромма была в том, что он никогда не был ординарным профессором какой-либо кафедры, его курсы носили междисциплинарный характер, связывая воедино данные биологии, антропологии, социологии, психологии и клинической практики.

В 1949 г. Фроммы переселились в Мексику для лечения жены. Они поселились на берегу моря в городе Куэрно-Вако. В 1952 г. Хенни Фромм умирает. Ранняя смерть жены сильно потрясла Фромма. Переезд в Мексику не означал, что Фромм отказался от научной и преподавательской деятельности в США. Он продолжает читать лекции как гостевой профессор в различных американских университетах. Так, в Йельском университете им был прочитан курс по психологии религии. В 1950 г. лекции были опубликованы под заголовком «Психология и религия». Он поддерживает отношения как профессор с Мичиганским и Нью-Йоркским университетами. В 50-е гг. выходят книги: «Психоанализ и этика» (1951), «Психоанализ и религия», анализ эпоса «Сказки, мифы и сновидения» (1951), две философские работы — «Здоровое общество» (1955) и «Современный человек и его будущее» (1959). Фромм ведет преподавательскую деятельность и в Мексике. Ему предложили вести семинар о подсознании и его языке на курсах повышения квалификации по психиатрии. В 1951 г. он занимает должность профессора на медицинском факультете Национального автономного университета Мексики с целью подготовить Мексиканскую группу по исследованию психоанализа. В 1956 г. по инициативе Фромма было основано Мексиканское психоаналитическое общество. Открываются дополнительные курсы по подготовке психоаналитиков. В 1965 г. Фромм основывает журнал по психологии, психоанализу и психи-

¹ Функ Р. Эрих Фромм: страницы документальной биографии. С. 81 — 82.

атрии. В 1967 г. организует постоянный цикл лекций на тему «Человек в современном мире». Фромм прожил в Мексике более 25 лет и внес огромный вклад в развитие психологии, психоанализа, социологии в этой стране. С 1968 г. Эрих Фромм начинает исследование проблемы агрессивности и деструктивности. Результат исследования — публикация в 1973 г. большой работы «Анатомия человеческой деструктивности». Фромм принимает активное участие в международных форумах психоанализа.

В 50 — 60-е гг. в Мексике Фромм выступает прежде всего как ученый, психоаналитик и социопсихолог, а в США — как социальный критик и политик. Фромм активно участвует в общественно-политической жизни США и мира в целом. Он становится членом социалистической партии США, автором ее программных документов, в частности «Социалистического манифеста», выступает против войны во Вьетнаме. Фромм критикует деструктивный характер американского антикоммунизма, и в то же время бюрократическую тоталитарную систему СССР. В 1962 г. Фромм участвует в качестве наблюдателя в Московской конференции по разоружению. Социалистические взгляды, экзистенциалистское мироощущение, критика буржуазного истеблишмента, талант публициста сделали Фромма любимцем молодежного движения «новых левых» 60-х гг. Еще в 1953 г. была готова рукопись книги «Здоровое общество» (немецкий вариант — «Пути из больного общества»). Фромм выдвигает глобальную концепцию неогнужденного общества, которую называет «коммунитарным социализмом», а впоследствии — «гуманистическим социализмом».

С 1960 по 1973 г. Фромм каждое лето проводит в Локарно (Швейцария). В 1974 г. он перебирается в Швейцарию, где проводит остаток жизни. Но ученый не чувствует себя стариком, и в жизни и в творчестве переживает подлинный расцвет. Фромм пишет по-английски и по-немецки, печатается во всех странах мира, выступает перед немецкоязычной аудиторией. В 60-е гг. он пишет две важнейшие работы, которые сам называл «трусами моей души»: «Психоанализ и дзэн-буддизм» (1960) и «Душа человека» (1964). Последняя большая работа Фромма, воспринятая мировым научным сообществом как оригинальная теория личности, — книга «Иметь или быть?» (1976).

В 1980 г., за пять дней до своего 80-летия, Фромм скончался от сердечного приступа. В Германии посмертно издано десяти томное собрание сочинений Эриха Фромма. Швейцарский журналист Ханс Юрген Шульдц воспроизвел запись 10 радиобесед с Фроммом и издал их в книге под названием «О любви к жизни». Свой архив Фромм завещал доктору Райнеру Функу, впоследствии президенту Всемирного общества Эриха Фромма в Тюбингене.

Основные труды Э. Фромма: «Бегство от свободы» (1941); «Человек для себя» (1947); «Психоанализ и религия» (1959); «Здоровое общество» (1955); «Искусство любить» (1955); «Дзэн-буддизм и психоанализ» (1961); «Концепция человека у К. Маркса» (1961); «Из плена иллюзии» (1962); «Догмат о Христе» (1963); «Душа человека» (1964); «Вы будете как боги» (1966); «Революция надежды» (1968); «Анатомия человеческой деструктивности» (1973); «Иметь или быть?» (1976).

7.3.2. Теоретические основы мировоззрения

Рассматривать Фромма в качестве неопрейдиста можно только в широком смысле, лишь постольку, поскольку он пытается модифицировать классический (ортодоксальный) психоанализ. Эрих Фромм не является неопрейдистом

в строгом смысле этого слова как, например, К. Хорни, А. Карднер или Г.С. Салливан, которые пересмотрели не только некоторые теоретические положения учения Фрейда, но внесли серьезные изменения в психотерапевтическую практику психоанализа. Фромму действительно свойственна одна общая для неофрейдистов черта: признание роли культурных факторов в развитии индивида. Однако и здесь надо отметить, что Фромм сильнее других акцентирует значение социальной, культурной и экономической структуры общества в детерминации поведения.

Фромм убежден, что, если психоанализ должен сохранять и развивать фундаментальные открытия Фрейда, ему следует пересмотреть с гуманистической и диалектической позиции многие из его теорий, задуманных в духе философского материализма девятнадцатого века. Подобная трактовка Фрейда в новом ключе должна основываться на динамичном взгляде на человека, т. е. на понимании специфических условий человеческого существования. Целью фрейдизма был контроль иррациональных влечений с помощью разума: освобождение человека от влечений в рамках человеческих возможностей. Фрейд изучал источник влечений для того, чтобы помочь человеку господствовать над ними. Цель — истина, познание реальности; цели — традиционные для рационализма. Фромм считал, что гениальность Фрейда заключается в том, что он связывал их с новым психологическим пониманием в области скрытых и иррациональных источников человеческого поведения¹.

Эрих Фромм стремится избежать ограниченности механистического материализма, т. е. главного момента в мировоззрении З. Фрейда. По мнению Фромма дальнейшее развитие теории Фрейда нуждается в другой философской системе отсчета. «Нужно поправить и углубить концепцию Фрейда путем перевода его инсайтов из физиологического в биологическое и экзистенциальное измерение»².

Научное мировоззрение Фромма испытало влияние марксизма и особенно раннего Маркса, экзистенциализма, дзен-будизма доктора Судзуки, но именно психоанализ определил характер и стиль первых его исследований. Психоаналитическое образование он получил в Берлинском психоаналитическом институте. Его учителями были друзья, соратники и ученики Зигмунда Фрейда, такие видные психоаналитики, как Керл Абрахам, Теодор Райк, Шандор Радо (K. Abraham, T. Reik, S. Rado) и другие.

В 1927 г. в журнале «Imago», основанном Зигмундом Фрейдом, появляется первая научная статья Эриха Фромма «Der Sabbath»³. Фромм анализирует канонические тексты, посвященные иудейскому празднику «Черной субботы». Молодой ученый дает психоаналитическую интерпретацию противоречий и несоответствий в Библии. По его мнению, библейская концепция труда отражает фундаментальные отношения, которые возникают между человеком и природой. Они могут быть экономическими и символическими. В Библии, по мнению Фромма, подавляются те идеи, которые были прозрачно ясными в старых вавилонских мифах. Надо признать, что сам анализ далек от подлинно исторического рассмотрения проблемы.

¹ Фромм Э. Психоанализ — наука или партийное направление? // Фромм Э. Догмат о Христе. М., 1998. С. 123–124.

² Фромм Э. Искусство любить. // Фромм Э. Душа человека М., 1992. С. 151.

³ См.: Fromm E. Der Sabbath // Imago. 1927. № XIII. Hausdorff D. Erich Fromm, N. Y., 1972.

Следующая статья Фромма «Психология преступника и наказывающего общества» также выходит в журнале «Imago». Фромм разделил все преступления на две категории: рационально-эгоистические (экономические) и иррационально-сексуальные. Проблема состоит не в том, почему люди совершают преступления, а в том, почему они их не совершают, ведь многие из них находятся в столь сложном экономическом положении, что не могут удовлетворить даже свои вполне нормальные естественные потребности. Общество, по мнению Фромма, навязывает людям определенные стандарты, заставляя их предпочитать бедность нечестности, и только для некоторых структуры «Сверх Я» не оказываются достаточно сдерживающими, чтобы уберечь их от асоциальных поступков. У здорового человека бессознательный импульс необычайно рационализирован, в психологии же преступника все лежит ближе к поверхности.

Для первых работ Эриха Фромма характерно сильное влияние психоаналитического учения Зигмунда Фрейда. Не совсем обычным для психоанализа является обращение к экономической стороне рассматриваемых явлений. Однако соблюдают дух и буква классического (ортодоксального) психоанализа. Фромм оперирует такими понятиями, как Эдипов комплекс, сублимация, теория детской сексуальности и т. д.

С 1929 г. Фромм начинает посещать лекции, а с 1930 г. является штатным экзаменатором по психоанализу в Институте социальных исследований во Франкфурте-на-Майне, где сотрудничает с Максом Хоркхаймером, Гербертом Маркузе, Теодором Адорно. Эта группа ученых оказала значительное влияние на формирование философских взглядов Фромма. Основной задачей института являлось, по определению Хоркхаймера, создание социальной философии как синтеза философской теории и эмпирических наук об обществе и человеке в процессе комплексного системного изучения общества, человека, фактов исторической реальности¹. Особый интерес институт проявляет к процессам, затрагивающим большие массы людей. Анализ социума, культуры, исторического развития, способствовал социологизации психоанализа Фроммом.

Близкое знакомство Фромма с Хоркхаймером, Маркузе, Райхом повлияло на его увлеченность идеями Маркса. Наряду с марксистской философией Фромма привлекала и психология религии. Как результат, в 1930 г. выходит работа «Догмат о Христе». Фромм считал, что религиозные идеи — результат сложного взаимодействия культуры и экономических, социальных структур. В этой работе Фромм выступает как социальный психолог, психоаналитик, занимающийся проблемами истории религии и истории вообще. История рассматривается как объективный процесс, подчеркнута роль социально-экономических факторов. Эти положения противоречат классическому психоанализу.

Фромм подчеркивает методологическое значение психоанализа в психологии. «Одним из существенных достижений психоанализа является то, что он преодолел ложное различие между социальной психологией и индивидуальной психологией»². Открытие Фрейда позволило понять психологическое развитие наиболее ранних социальных отношений человека.

¹ См.: Давыдов Ю.Н. Критика социально-философских воззрений Франкфуртской школы. М., 1977. С. 17.

² Фромм Э. Догмат о Христе. М., 1998. С. 15.

Психология группы может быть понята, исходя из психологии индивида, а не наоборот. В этом смысле анализ индивидуальной психики совпадает с исследованием психических процессов в социуме, так как устойчивые комплексы индивидуальных реакций человека задают соответствующую реакцию всего коллектива. Общество, социум нельзя рассматривать как коллективно-индивидуальную сумму психологических характеристик его членов. «Социальная психология может делать утверждение лишь в отношении психических установок, общих для всех; таким образом, ей необходимо знание жизненных ситуаций, общих для всех и характерных для всех»¹.

Работа Фромма «Догмат о Христе» посвящена узкой проблеме социальной психологии, психонистории, вопросу формирования религиозных взглядов людей, статусу взаимоотношений Бога-Отца и Бога-Сына — Иисуса Христа от первых христианских общин до Никейского Собора (IV в.). «Это исследование ставит целью определить, в какой степени изменение в определенных религиозных идеях является выражением психического изменения участвующих в нем людей и в какой степени эти изменения обусловлены условиями их жизни... будет сделана попытка понять эти идеи с точки зрения внутреннего мира людей и их образа жизни и показать, что эволюцию учения можно понять только познанием бессознательного, на которое воздействует внешняя реальность и которое определяет содержание сознания»².

Теодор Райк незадолго до этого опубликовал работу «Догма принуждения» (1927). Фромм полемизирует с Райком, который в своей работе пытается исследовать людей не в реальной жизненной ситуации, а рассматривает массу людей как одно целое, как индивида, интерпретирует идеологии не как произведенные человеком, а реконструирует человека, исходя из идеологии.

Первоначально христианство возникает, по мнению Фромма, как религия беднейших слоев Иерусалима, страдающих как от гнета наместников Римской империи, так и местной знати. Христианские верования — это, с точки зрения Фромма, своеобразная идеологическая компенсация изменений, которые произошли в обществе. «Чем безнадежнее становилась борьба против Рима на политическом уровне, чем более сдавал свои позиции средний класс и становился все более склонен к компромиссу с Римом, тем решительнее становились низшие классы... движение перемещалось на уровень религиозных фантазий и мессианских идей»³. Идея о мессии — Христе, который вознесся на небо и вернется с тем, чтобы покарать неверных, становится все более популярной. Фромм подчеркивает, что «концепция Иисуса, которой придерживались ранние христиане, гласила, что он был человеком, избранным Богом и возвышенным Им как "мессия, а позднее как "Сын Бога"»⁴. Бог избрал его за его страдания и наделил своими качествами. В фантазиях отражается мечта о том, что человек за какие-то неординарные качества может быть избран и сам будет вести высший суд. Мировоззренческие изменения отражают, по мнению Фромма, не только определенные социально-экономические условия. Также в них воплотилась одна из сторон комплекса Эдипа. «Отличительная черта ранней христологии — это ее усыновительный характер. Вера в то, что человек станет рядом с Богом, была выражением бессознатель-

¹ Фромм Э. Догмат о Христе. С. 19.

² Там же. С. 20.

³ Там же. С. 36.

⁴ Там же. С. 48.

ного чувства враждебности, испытываемого низами к патриархальным верхам и соответственно к Богу-Отцу»¹.

Изменения социально-экономической ситуации во II в. н. э. приводит к переменам и в христианстве. Оно перестает быть исключительно религией бедных. Из общины обездоленных и притесняемых христианство превращается в важный социальный институт, церковь, приобретает значительное общественное влияние. Изменяются эсхатологические ожидания, составлявшие центр веры. «Вера в безотлагательное установление царства постепенно все больше исчезала... Надежда на реальное, историческое освобождение было замещено верой в уже свершившееся спиритуальное освобождение»². Теологические изменения носили социологический характер, обусловленный изменениями социальной функции христианства. Христианство — государственная религия, а не религия восстаний и мятежей.

Изменения коснулись догмата о Христе. Они тесно связаны с социально-психологической ситуацией верующих масс. Идея замещения человеком Бога постепенно трансформируется в иную концепцию божественного, в концепцию высшего неприкосновенного существа. Импульс ненависти по отношению к Отцу замещается покорной любовью. «... Безнадежно свергать отца, более удобным психологическим выходом было подчиниться ему, любить его и удостаиваться любви от него»³. Но сама ненависть от этого не исчезает. Человек направляет существующий как элемент Эдипова комплекса импульс ненависти на себя. Э. Фромм отмечает самоуничтожительный характер христианства.

Кроткая сыновья любовь приводит к тому, что Бог-отец в христианстве начинает постепенно становиться все более женственным. «Строгий, могущественный Отец превратился в предоставляющую приют и защиту мать; когда-то мятежный, затем страдающий и пассивный сын превратился в маленького ребенка... появилась божественная фигура Великой Матери и стала доминирующей фигурой средневекового христианства»⁴. Это способствовало становлению культа пресвятой девы Марии. В психоаналитических интерпретациях истории развития религии Фромм опирается во многом на работы своего учителя Шандора Радо, преподающего в Психоаналитическом институте.

В заключении работы Фромм делает следующий вывод: «Главное значение веры ранних христиан в страдающего человека, ставшего Богом, заключалось в подразумеваемом желании свергнуть Бога Отца или его земных представителей. Фигура страдающего Христа возникла из идентификации страдающих масс... Изменение экономической ситуации и социального состава христианской общины видоизменяло психологическую позицию верующих. Догмат развивался: представление о человеке, ставшем Богом, превратилось в представление о Боге, ставшем человеком. Отца же не надо свергать; виноваты не правители, а страдающие массы. Агрессия направлена уже не против власти, а против личности самого страдающего...»⁵

Методология исследования, раскрывающая внутренние пружины истории, весьма показательна не только для Э. Фромма, но и для всего нарожда-

¹ Фромм Э. Догмат о Христе. С. 53.

² Там же. С. 60–61.

³ Там же. С. 66.

⁴ Там же. С. 69.

⁵ Там же. С. 87.

воющегося движения в психоанализе неопределенности. Следует отметить методологический дуализм Фромма. Ученый подходит к объяснению фактов истории как с позиций психоанализа, так и с помощью обращения к причинам социально-экономического порядка. Работу «Догмат о Христе» еще можно отнести к исследованиям классического (ортодоксального) психоанализа, но в ней уже брошены зерна будущего раскола, которые прорастут позже.

Фромм пытается применить психоанализ к философии и социологии. Ученый выходит за узкие рамки психоанализа. Великолепно ориентируясь в философии и психологии, Фромм создает самостоятельное направление — аналитическую социальную психологию, призванную выяснить, в какой мере и каким образом психика человека влияет на формирование и развитие общества.

В 1929 г. Э. Фромм начал исследования привычек, установок и политического поведения рабочих и служащих Германии. Совместно с Эрнстом Шахтелем (E. Schachtel) и другими он провел исследование «Характер германских рабочих и служащих в 1929/1930», которое имело целью выявить вероятность прихода к власти национал-социалистов. Результаты социологической выборки показали, что 10 % опрошенных имеют «авторитарный» характер, 15 % — «демократический», основной же массив имеет смешанные черты. Через все исследование красной нитью проходит авторитет как проблема связей, цементирующих общество. Полевое исследование Фромма послужило эмпирической базой для его теоретических обобщений в социально-психологической части сборника «Исследование авторитета и семьи» (1936) Института социальных исследований. Это исследование было одной из первых в мире попыток анализа психологии фашизма, первым крупным социально-психологическим исследованием¹.

В статье «Политика и психоанализ» (1931) Эрих Фромм пытается установить глубинные психические связи общих позиций, ориентиров, ценностей социальной группы с экономическими, социальными, культурными и политическими условиями, определяющими ее образ жизни. Классический психоанализ сводит сознание, мышление, чувства, поступки к инстинкту, сексуальному влечению, поэтому так необходимо по новому осмыслить, а где-то отвергнуть основные положения учения Зигмунда Фрейда. Это вызвало резкую критику коллег-психоаналитиков. Фромм настаивает, что Карл Маркс убедительно доказал взаимозависимость «надстройки» от экономических факторов, показал, что общество формирует человека. Корни патологии человека нужно искать в социально-экономическом и культурном взаимодействии.

В 1932 г. выходит работа Э. Фромма «Методика и функции аналитической социальной психологии (Заметки о психоанализе и историческом материализме)»², которая знаменует его окончательный разрыв с классическим (ортодоксальным) психоанализом. Ученый считает, что можно использовать психоанализ в исследованиях общества, его структур, но необходимо учитывать сложный комплекс экономических, социальных и культурных факторов. Только аналитическая социальная психология может показать, какие либидозные, подсознательные связи, существующие внутри общества, способствуют сплоченности, стабильности общества, а также сделать понятными и ясными отклонения от ожидаемых перспектив развития. Так Фромм создает

¹ См.: Фукс Р. Эрих Фромм: Страницы документальной биографии. С. 49 — 50.

² См.: Фромм Э. Кризис психоанализа. СПб., 2000. С. 127 — 151.

предпосылки синтеза марксизма и психоанализа в рамках «аналитической социальной психологии».

Фромм считает неправомерным распространение выводов, полученных на основе результатов клинических исследований психики душевнобольных на человечество в целом. Это связано со стремлением ортодоксальных фрейдистов полностью отказаться от исследования динамики социальных структур.

Фромм пытается объединить психоанализ с другими теориями, исследующими общество. Такой теорией, несмотря на имеющиеся у психоанализа определенные разногласия с ним, выступает марксизм. От объединения, по мнению Фромма, выиграли бы обе концепции. Марксизму всегда был чужд психологизм. Маркс и Энгельс не смогли объяснить, как материальный базис отражается на внутреннем мире человека. Для этой цели Фромм разрабатывает теорию либидной структуры общества. Либидная структура общества — это некое среднее звено, посредством которого экономика осуществляет свое влияние на интеллектуальные и психические проявления человека. Экономическое и инстинктивное начала не существуют в отрыве друг от друга. Не бывает «чистых» инстинктов без их удовлетворения, как не существует экономики, которая не опиралась бы, в конечном счете, на человеческие потребности. В реальной жизни всегда представлен некоторый сплав того и другого, разделить «либидную структуру» общества на ее составляющие возможно только в теоретической абстракции. Фромм пытается социологизировать классический психоанализ и психологизировать социологию марксизма.

В психоаналитическом наследии «фрейд-марксизм» представлен целой группой ученых — С. Бернфельд, В. Райх, О. Фенишель, М. Хоркхаймер. Вильгельм Райх и Отто Фенишель входили в Международную психоаналитическую ассоциацию. «Фрейд-марксизм» оказал огромное влияние на психоанализ, предопределив во многом направление его развития³.

«Теория материнского права и ее значение для социальной психологии» была впервые опубликована в 1934 г. в журнале «Zeitschrift für Sozialforschung» (Hirschfeld-Leipzig, 1934). В этой работе Фромм обращается к работе Баховена «Материнское право» (1861) и дает глубокий философский, социально-психологический анализ патриархальному и матриархальному началу в обществе. Фромм жестко критикует «патриархально-авторитарную систему», которая «не в силах выполнить свое назначение; ее неспособность предотвращать крупные и разрушительные войны...»⁴. Патриархату противостоит матриархат. «Принцип матриархата — принцип всеобщности... Поскольку женщина заботится о своем ребенке, она оказывается способна любить не только себя, но и других людей...»⁵. Но вместе с тем Фромм делает вывод: «Чисто матриархальное общество мешает полному развитию индивидуума, что делает невозможным прогресс в области рационального, в области техники и искусства. Чисто патриархальному обществу нет дела до любви и равенства; его заботят только установленные человеком законы, государство, абстрактные принципы, повиновение... патриархальный и матриархальный принцип образуют синтез, каждый... оказывает влияние друг на друга»⁶.

¹ См.: Fine R. A History of Psychoanalysis. N. Y., 1979. P. 108.

² Фромм Э. Теория материнского права и ее значение для социальной психологии // Кризис психоанализа. СПб., 2000. С. 96.

³ Там же С. 95.

⁴ Фромм Э. Значение теории материнского права для современности // Фромм Э. Кризис психоанализа. СПб., 2000. С. 99.

Приход фашистов к власти в 1933 г. и эмиграция в Соединенные Штаты в 1934 г. оказали сильное влияние на мировоззрение Эриха Фромма. Ему как практикующему психоаналитику пришлось переключиться на совершенно новую клиентуру. Именно практика психотерапии в Америке привела его к выводу о том, что неврозы XX в. невозможно объяснить исключительно биологическими факторами, что влечение и инстинкты — это совершенно недостаточная детерминанта поведения людей в индустриальном обществе.

В 30-е гг. классический психоанализ получает широкое распространение в США. Следует отметить, что симптомы заболеваний, пациенты существенно отличались от тех, с которыми сталкивался Зигмунд Фрейд в Европе в начале века. «В США аналитики с самого начала имели дело прежде всего с кругом деловых людей, практиков, с представителями среднего класса и специалистов-профессионалов и даже с верхушкой рабочего класса и служащих. Умозрительный, в высшей степени эзотерический, отвлеченный и пессимистический характер фрейдизма резко контрастировал с практичностью, оптимизмом и здравым смыслом многочисленных клиентов»¹. Изменился также характер заболеваний. Если Фрейд лечил в основном ярко выраженные функциональные расстройства психики и связанные с ними рельефно проявляющиеся двигательные дисфункции и различного рода фобии, то теперь такая клиника становится редкостью. Зато массовый характер приобретают невротические расстройства скрытого, латентного свойства, такие, как неопределенное беспокойство, неудобство, ощущение дискомфорта, страха, подавленности. Изменяются социально-экономические условия. Экономическая депрессия 1929 г., увеличение роли образования и профессионального обучения, появление нового феномена «массовой культуры», стандартизация потребностей и многое другое поставили проблему о роли социального в личностной детерминации. Все это затрагивает и психоанализ. Акценты переносятся с бессознательного, инстинктивного «Оно» на «Я» и на всесторонний анализ этого «Я». Смещение интереса происходит в пользу сознательных механизмов психики, таких как восприятие, память, другие ментальные способности, связанные с обучением, ориентацией и т. д. В 1936 г. А. Фрейд опубликовала книгу «Эго и механизмы защиты», в которой рассматривала «Я» как некоторую развивающуюся структуру, которая в силу различного рода внешних опасностей вырабатывает особые механизмы защиты. Наряду с сублимацией она называет такие механизмы, как формирование реакции, изоляция, уничтожение, компромисс, смещение и т. д. Адаптационными процессами «Я» интересовался также и Х. Гартман². Идеи А. Фрейда и Х. Гартмана стали частью классического психоанализа.

Особый импульс и широкую известность в США в 30-х гг. неофрейдизм получил во многом благодаря работам К. Хорни и Г.С. Салливана, а также антропологов Р. Бенедикт, Д. Холловеда, С. МакКила, психиатров — А. Хилл, А. Мейера, социологов Д. Долларда, Ф.Б. Карпфа, Х.Д. Лассвелла. Социокультурная ориентация — лейтмотив новых исследований. Отрицание бисексуальной природы человека, инстинктивной энергии либидо, детских сексуальных фаз, Эдипова комплекса, утверждение социальной природы невроза —

¹ Уэллс Г. Крах психоанализа (от Фрейда к Фромму). М., 1968. С. 41.

² См. об этом подробнее: Уэллс Г. Крах психоанализа (от Фрейда к Фромму). М., 1968. С. 50–53.

новое направление исследований, выходящих по многим пунктам за рамки классического психоанализа.

Многие идеи Э. Фромма обрели, таким образом, на американском континенте благодатную почву. Первые его статьи в США появляются в журнале Г.С. Салливана «Психиатрия». Они были выдержаны полностью в духе его европейских работ начала 30-х гг. В статье «Социальная философия "Терапии волей"»¹ Э. Фромм критикует известного теоретика фрейдизма Отто Ранка, многие его идеи созвучны творчеству К. Хорни. В работе «Эгоизм и себялюбие»² он пытается под новым углом взглянуть на известную дилемму эгоизма и альтруизма, предпочтения служению своим интересам или интересам другого.

Сложные взаимоотношения сложились у Фромма с Институтом социальных исследований (М. Хоркхаймер, Ф. Поллак, Т. Адорно). Ученые данного направления пытались сделать учение Зигмунда Фрейда (попытки «биологически» обосновать культуру, нравственное, духовное измерение человеческого существования) инструментом критики культуры в духе Фридриха Ницше, объединить автора «По ту сторону принципа удовольствия» с автором «По ту сторону добра и зла», искусственно создавая пропасть между «глубинной психологией» и культурой³. Э. Фромм же рассматривает взаимовлияние культуры и психологии. В центре критики культуры у Фромма стоит технократическая цивилизация, опутавшей мир сетью ложных ценностей и представлений. Он призывает не к отрицанию ценностей, которые скрывают якобы под собой подлинного, природного человека, а к утверждению высших ценностей, которые только и сделают из примитивного природного человека развитую гуманную личность.

Представителем Франкфуртской школы Эриха Фромма можно считать лишь благодаря тому, что он стоял у истоков достаточно широкого интеллектуального импульса. В 1939 г. он покидает Институт социальных исследований⁴.

В 1941 г. в США выходит первая значительная работа Фромма «Escape from Freedom», которую можно отнести к «фрейд-марксистскому» этапу его философской эволюции, хотя границы между постфрейдистским и фрейд-марксистским этапами его философских поисков весьма условны.

В русском переводе название книги звучит как «Бегство от свободы». Перевод английского термина «escape» нуждается все же в определенных уточнениях. В понимании Фромма, это скорее не бегство, а избегание, игра в прятки. Человек вроде бы искренне стремится к свободе, но смысл его действительного неосознанного поведения состоит как раз в том, чтобы скрыться, ускользнуть от нее.

В своей работе Фромм дает исторический анализ условий существования человека и их изменений, начиная с конца Средневековья (конец XV в.) по наше время. Исторический процесс — это прогресс индивидуации, освобождение человека от власти природы, рода, традиционного общества; обретение свободы, независимости и права самостоятельно принимать решение. Толчок

¹ Fromm E. The Social Philosophy of «Will Therapy» // Psychiatry, 1939. N. 2.

² Fromm E. Selfishness and Self-Love // Psychiatry, 1939. N. 11.

³ См.: Давыдов Ю.Н. Критика социально-философских воззрений Франкфуртской школы. [Критические очерки]. М., 1977. С. 127.

⁴ См.: Knapp G.P. Erich Fromm. Berlin, 1982. P. 92.

развитию индивидуации дало рождение сознания, разделения сознательного и бессознательного. Человек ощутил страх смерти, понял свою уязвимость и ограниченность. Каждый шаг по пути свободы рождает чувство страха, покинутости, бессилия. «... Усиление индивидуации означает усиление изоляции, неуверенности, а следовательно, становится все более сомнительным место человека в мире и смысл его жизни»¹.

Еще в Средние века человек чувствовал себя защищенным. Социальная иерархия, религия создавали четкую систему ориентации. «... В то время не существовало индивидуализма в современном смысле неограниченного выбора путей... зато было достаточно много проявлений конкретного индивидуализма в конкретной жизни»². Община, цех защищали отдельную личность. Церковь давала морально-правственные координаты оценок. «... Средневековое общество было структурировано и давало человеку ощущение уверенности... — держало его в оковах. Однако эти оковы имели совсем не тот характер, какой присущ авторитаризму и угнетению последующих веков»³.

XV — XVI вв. — эпоха серьезных социально-экономических изменений: рост городов и развитие капитализма. Человек отрывается от земли, общины, церковного прихода. Реформация, учения Лютера и Кальвина рождает новую концепцию свободы. Философский рационализм, гуманизм способствовали осознанию индивидуальной свободы. Активность человека приобретает принудительный характер: индивид должен быть деятелем, чтобы побороть свое чувство сомнения и бессилия. Это попытка избавиться от тревоги.

Фромм проводит параллель между Реформацией и нацизмом. Социальный и духовный кризис, крушение старых ценностей и традиций, страх и неуверенность заставлял людей искать мифы, идеологии, лидеров, которые смогли бы стать основой социальной солидарности и веры в будущее.

В своем исследовании Фромм говорит о значимости открытий Фрейда, они составляют целую эпоху в психологии как науке, отмечая «неоправданно узкую» интерпретацию данных его открытий. Ученый акцентирует внимание на недостаточности и ограниченности фактора сексуальности. Односторонним является взгляд на развитие культуры как результат сублимации. Существует множество других вытеснений, которые не учтены в психоанализе, — считает Э. Фромм⁴. Фрейд рассматривает человека самодостаточно, а межличностное общение рассматривается лишь как способ удовлетворения внутренней биологической потребности, человеческая природа статична, «Сверх-Я» функционирует только как подавляющее начало. Психологическая теория должна учитывать и культурные изменения в развитии цивилизации.

Э. Фромм считает, что следует опасаться не только крайности биологического детерминизма, но и крайности социологического релятивизма, в котором человек не более чем кукла, которой управляют нити социальных обстоятельств. Фромм отвергает биосубстанциализм Фрейда, рассматривающего человеческое «Я» как неизменную сумму инстинктивных желаний.

Человеку присущи такие желания, как голод, жажда, потребность в сне и т. д. Когда неудовлетворенность этих желаний переходит определенную грань, они становятся всепоглощающими и начинают властно диктовать свою

¹ Фромм Э. Бегство от свободы // Догмат о Христе. М., 1998. С. 208.

² Там же. С. 213.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 188—189.

волю. Вторую составляющую человеческой природы, согласно Фромму, можно было бы назвать социально ориентированной: «необходимость соотнесения с внешним миром, желание избежать одиночества». Обращаясь к проблеме «природы человека», Фромм начинает разрабатывать концепцию социального характера.

Посредством социального характера биологическое наследственное начало в человеке вступает во взаимодействие с социально-историческими условиями. Социальный характер, согласно Э. Фромму, представляет собой определенное передаточное звено между экономическим базисом и изначальной «психофизиологической природой человека».

Некоторые исследователи считают работу «Бегство от свободы» очень характерной для «фрейд-марксистского» этапа философской эволюции Фромма¹. Безусловно, работа фиксирует значимые тенденции в философском развитии Фромма и в эволюции психоанализа в целом. Но вместе с тем идеи «аналитической социальной психологии» весьма далеки от классического психоанализа; исторический анализ методологически отличается от марксизма.

Итак, философское развитие Эриха Фромма — довольно сложный процесс. Сформировавшись как психоаналитик, ученый все большее внимание начинает уделять анализу роли социального воздействия на формирование личности. Это противоречит ортодоксальному фрейдизму. При этом основной акцент делается на проблемы индивидуальной и социальной психологии. Фрейдизм и марксизм оказали влияние на Фромма. Следующим значимым философским течением был экзистенциализм. Именно через обращение к экзистенциализму Фромм пытается понять «человеческую природу».

Наряду с наследием Зигмунда Фрейда на формирования мировоззрения Эриха Фромма оказало сильное влияние творчество Карла Маркса. Этому мыслителю он посвятил свои более поздние работы — «Концепция человека у Маркса» (1961), «Из плена иллюзий» (1962), «Вклад Маркса в познание человека» (доклад на симпозиуме о влиянии К. Маркса на современную науку (Париж, 1968). Фромм считает, что современные исследования и интерпретации творчества К. Маркса «искажали реальную картину того, каким представлялся человек Марксу, и помешали осмыслить вклад Маркса в психологию»².

В работе «Вклад Маркса в познание человека» Фромм утверждает, что впервые динамическую психологию изложил в своих произведениях К. Маркс и что его концепция в некотором отношении более предпочтительна, чем концепция З. Фрейда. Понимание Марксом человеческой природы, пишет Фромм, противостоит всякому бихевиористскому представлению, т. е. представляет человека как существо деятельное, влекомое страстями и стремлениями, которые сам человек может не сознавать. Главное преимущество динамической психологии Маркса перед психологией Фрейда, которая также является динамической, может быть кратко выражено так: «Динамическая психология Маркса основана на первичности соотнесенности человека с миром, с другим человеком и с природой, в противоположность теории Фрейда, которая основана на представлении о человеке как обособленном *homme machine*»³.

¹ См.: Эрнст Л. Очерк концепции Э. Фромма // Вопросы философии, 1970, № 6, С. 86.

² Фромм Э. Вклад Маркса в познание человека // Кризис психоанализа. СПб., 2000. С. 56.

³ Там же. С. 59.

Фромм считает, что разделение у Маркса влечений, потребностей человека на постоянные и относительные — наиболее плодотворная идея для психологии. «Постоянные влечения существуют при всех условиях и могут быть изменены социальными условиями только в том, что касается их формы и направленности; относительные влечения обязаны своим появлением лишь определенному типу социальной организации... Постоянные влечения — это секс, голод, инстинкт самосохранения». Относительные же «не являются неотъемлемой частью человеческой природы, а обязаны своим появлением определенным социальным структурам... условиям производства и системам коммуникаций»¹.

В этом отношении Маркс заложил основы динамической психологии. В последующем концепция социального характера Эриха Фромма базировалась на этих взглядах Маркса.

Фромм излагает свою интерпретацию учения Маркса о человеке, обращая особое внимание на проблему природы побуждений, которые приводят в движение человека. Ключевым служит высказывание Маркса: «Страсть — это энергично стремящаяся к своему предмету сущностная сила человека»². Побуждение здесь, пишет Фромм, не есть внутренняя потребность, вызванная химическими процессами, как считал Фрейд, но сама способность человека, или сущностная сила, наделенная свойством стремиться к объекту, с которым она может быть связана. «Динамизм человеческой природы коренится прежде всего в этой потребности человека применять свои способности по отношению к миру, а не в необходимости использовать мир как средство удовлетворения своих физических нужд»³.

Маркс говорит: «Поскольку у меня есть глаза, я испытываю потребность видеть; поскольку у меня есть уши, я испытываю потребность слышать; поскольку у меня есть мозг, я испытываю потребность мыслить; поскольку у меня есть сердце, я испытываю потребность чувствовать; поскольку я человек, я испытываю потребность в другом человеке и окружающем мире». Эти способности человека Маркс называет природными силами, или жизненными силами, которые существуют в человеке в виде «задатков и способностей, в виде влечений»⁴.

Человеческие стремления, делает вывод Фромм, являются выражением фундаментальной и специфически человеческой потребности быть связанным с человеком и природой и утверждать себя в этой связи. Эта потребность может быть также определена как потребность в самоосуществлении, развертывании из себя природных сил. «Потребность человека в самоосуществлении лежит в основе специфически человеческого динамизма»⁵. Чем более богат человек способностями, тем больше он нуждается в том, чтобы осуществить всю полноту своих возможностей.

Подобное понимание природы потребностей человека, продолжает Фромм, проявляется у Маркса в различении животной и человеческой стороны в неизменных потребностях, таких как голод, жажда, секс... Если брать эти потребности вне прочей человеческой деятельности и превращать их в

¹ Фромм Э. Вклад Маркса в познание человека. С. 59.

² Маркс К. Экономически-философские рукописи 1844 г. // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. 2-е изд. Т. 42. С. 91.

³ Фромм Э. Вклад Маркса в познание человека. С. 60.

⁴ Маркс К. Экономически-философские рукописи 1844 г. С. 163.

⁵ Фромм Э. Вклад Маркса в познание человека. С. 61.

самодостаточные цели, то они носят животный характер¹. Будучи включенными в человеческие отношения к миру, эти стремления являются выражением человеческой сущности. Этим активным выражением человеческих стремлений является деятельность, в ранних работах Маркса — самодеятельность. Свободная сознательная деятельность человека, подчиненная не животным потребностям, а необходимости реализовать свои сущностные силы, составляет, по Марксу, родовую характеристику человека². Еще одну идею поддерживает Фромм у К. Маркса: различение подлинных и мнимых человеческих потребностей. Мнимые потребности вызваны к жизни интересами производства: «Каждый человек старается пробудить в другом какую-нибудь новую потребность, чтобы вынудить его принести новую жертву, поставить его в новую зависимость и толкнуть к новому виду наслаждения... Каждый стремится вызвать к жизни какую-нибудь чуждую сущностную силу, господствующую над другим человеком, чтобы найти в этом удовлетворение собственной своекорыстной потребности... Вместе с тем человек становится все беднее как человек...»³.

Все эти представления Маркса о человеческой природе, считает Фромм, явились важным открытием, которое, однако, мало кем было замечено, Фромм утверждает, что эта философия самореализации личности, вполне гуманистическая философия, оказала на него значительное влияние, тем более что идеи К. Маркса во многом сходны с идеями ветхозаветных пророков, И. Гете, И. Экхарта, Д. Судзуки, которые повлияли на жизнь и творчество Фромма, по его собственному признанию⁴.

7.3.3. Сущность человеческой природы и человека

Проблема сущности человека является одной из центральных проблем самых различных наук — философии, социологии, психологии, этики, эстетики и др. На протяжении многих тысячелетий человек пытался раскрыть тайну своего «Я». В различные исторические времена проблема человека ставилась и решалась по-разному. Это было связано прежде всего с тем, что в ходе исторического развития, с изменением социальных условий жизни постепенно изменялся и сам человек.

Учение Фромма о «природе человека» занимает центральное место в творчестве ученого и опирается на богатое философское наследие. Вопрос о природе человеческого Фромм пытается рассматривать под новым углом зрения, оценивает историко-философскую традицию решения данной проблемы.

Среди философов, видевших в человеческой природе «ключ» к проблемам культуры, Фромм называет Аристотеля, Спинозу, Фейербаха. Спиноза был первым среди философов Нового времени, который выводил нравственные нормы из природы человека.

В XIX в. господствовала позитивистская парадигма. Ученые-позитивисты стремились исключить человека, субъективный фактор из гуманитарных наук. В XX в. гуманитарная наука отходит от принципов социально-экономического детерминизма. Не в системе социально-экономических координат, а в самом человеке, в особенностях его жизненной, экзистенциальной ситу-

¹ См.: Маркс К. Экономически-философские рукописи 1844 г. С. 91.

² Там же. С. 93.

³ Там же. С. 128–129.

⁴ Фромм Э. Во имя жизни // Психоанализ и этика. М., 1993. С. 368–369, 371.

ации — ключ понимания истории цивилизации, современного кризиса культуры и определению путей выхода из него. XX в. — век антропологической парадигмы в науке. Философская традиция нашего столетия определяет человека через способ существования. Это — впечатляющее открытие философии XX в., рожденное экзистенциальной философией. Сам Фромм подчеркивает, что к понятию «экзистенциального» он пришел независимо от философии существования, в ходе разворачивания вполне самостоятельного подхода к феномену человека.

Фромм считает, что современная гуманитарная наука должна ориентироваться на духовно-этические, культурные, а не на биологические, социальные и экономические факторы человеческой природы. Центром личности являются экзистенциальные ценности: свобода, разум, ответственность, любовь, забота, надежда и вера.

«Антропологическая парадигма XX века» имеет несколько составляющих. Человек как «символическое животное» — открытие Э. Кассирера. Человек выстраивает между собой и миром символическую среду, перемещает центр своего бытия в символическую сферу. Ни одно существо в мире не делает это. В творчество Макса Шелера человека предстает как «незавершенное, открытое», эксцентрическое существо. Человек слабо укоренен в природе, биологически, физиологически не совершенен. Человек осознает это и постоянно восполняет свою ущербность с помощью культуры, творчества, мыслительной деятельности.

Заслуга Фромма в том, что он показал стихийность, естественность, непредсказуемость поведения человека. Заданность, детерминированность — принципы, с помощью которых невозможно понять человека. В центре бытия человека — свобода. В человеке скрыты созидательные и разрушительные стремления. Человек постоянно меняется. Человеческое бытие свободно. Человек — не то, что он есть, а то, чем он может стать. Сквозь призму биологического и социального невозможно понять природу человека. Человека можно понять только через способ его существования, то есть экзистенциально. Натуралистическое понимание человека Фрейдом и социологическое Марксом не раскрывает в полной мере природу человека. Человек — это разнообразие страстей и стремлений, душевных переживаний.

Фромм в работе «Революция надежды» рассматривает атрибутивный подход в истории философии, когда человек определялся с помощью универсальных характеристик, метафизического «ничто»: «человек как животное, которое может производить» (*homo faber*), «человек как животное, производящее символы» (Э. Кассирер), «человек играющий» (*homo ludens*), «человек надеющийся» (*homo sperans*). Формула «человек как разумное существо» (*homo sapiens*) казалась бесспорной до открытий глубинной психологии, внутренней человеческой иррациональности, которую Фрейд сделал предметом эмпирического анализа. Фромм не оспаривает формулу «человек как социальное существо», но считает ее слишком общей, чтобы с достаточной точностью охарактеризовать природу человека. При этом Фромм расширяет данное определение, придавая ему психоаналитическую направленность: человек — это социальное животное, подавляющее свой сексуальный инстинкт и развивающее культуру на основе вытеснения энергии либидо. В целом можно сказать, что почти каждая философская школа, то или иное направление в истории социологии и психологии пыталась определить формулу человека. Фромма не устраивают данные определения. «Они подчеркивают лишь некоторые

элементы человеческого бытия, не пытаясь дать более полного и систематического ответа»¹. Каждой характеристике может быть найдена противоположность. Рациональности может быть противопоставлена иррациональность, разуму — бессознательное, трудолюбию — паразитизм и т. д. «Все эти проявления человеческой природы не отвечают на вопрос, что же такое быть человеком. Они лишь отвечают на вопрос, насколько мы можем различаться, будучи людьми. Если мы хотим знать, что значит быть человеком, нам надо быть готовым к тому, чтобы искать ответ не в области многообразных человеческих возможностей, а в сфере самих условий человеческого существования...»². Их невозможно постичь метафизически, только диалектически, комплексным и системным анализом данных различных наук.

Очевидно, что бесполезно и неоправданно искать универсальную, общую для всех людей, во все времена характеристику. Поиски детерминант человеческой природы бесплодны. Наиболее стабильные характеристики человеческого — его морфологические признаки, органическая структура не могут служить основой исторического бытия или основой человеческой психики.

Природа человека — разнообразна, включает в себя всевозможные существенные атрибуты человеческого. «... Природа или сущность человека не является такой специфической субстанцией, как добро или зло, а является противоречием, которое заложено в условиях самого человеческого существования», — пишет Эрих Фромм³.

В работе «Бегство от свободы» потребности, стремление к коллективности, непереносимость одиночества провозглашались как естественное, присущее человеческому существованию. Подобные рассуждения означают фактический разрыв не только с фрейдизмом, но и критическое переосмысление всей «фрейд-марксистской» антропологии. Поиски субстанциональной человеческой природы ни к чему не привели, и Фромм переходит во многом на позиции экзистенциализма. Человеческое рассматривается в терминах определенных условий существования. И здесь взгляды Фромма перекликаются с классиками экзистенциализма.

Ж.-П. Сартр в свое время писал: «... хотя невозможно найти в каждом человеке некоторую универсальную сущность, которая оказалась бы человеческой природой, и тем не менее существуют универсальные человеческие условия».

Было бы ошибочно считать, что развитие социально-философских взглядов Фромма шло по пути переложения на психоаналитический лад экзистенциалистских идей (преимущественно французской традиции). В своих работах Фромм не просто продолжает экзистенциальные темы, а активно перерабатывает, творчески осмысливая экзистенциалистское наследие, использует его в проблемном контексте, который вовсе не имели в виду сами создатели «философии существования»⁴.

В середине 50-х гг. Эрих Фромм приходит к экзистенциалистской идее человеческой ситуации. Однако в отличие от других теорий экзистенциализма взгляды Фромма более жизненны. Стремясь вскрыть истинные мотивы

¹ Фромм Э. Революция надежды // Психоанализ и этика. М., 1998. С. 352.

² Там же. С. 353.

³ Фромм Э. Душа человека. М., 1992. С. 87.

⁴ Соловьев Э.Ю. Экзистенциализм и Франкфуртская школа // Вопросы философии. 1975. № 4. С. 68.

человеческих постулатов, он избегает сложных онтологических построений. Поиск скрытых пружин психического приводит его к идее «базовых» условий человеческого существования. Фромм осуществляет сложный синтез социальной антропологии, социокультурного психоанализа и экзистенциалистской философии, ориентируясь при этом на решение сложных психологических проблем.

Концепция «природы человека» Фромма носит бытийный, онтологический характер. Главное противоречие человеческого бытия: человек — существо, которое не имеет своей ниши; человек принадлежит природе и в то же время отторгнут от нее. Инстинктивное начало отказывается выполнять роль регулятора поведения. Человек властвует над природой и в то же время является ее частью. Все в человеке двойственно, двусмысленно, все ускользает от окончательных определений. Каждый конкретный индивид заново читает книгу Жизни и открывает эту истину своего бытия.

Человек необычен не в качестве особой формы жизни, а в своем особом, эксцентрическом способе бытия. Именно с осмысления форм человеческого бытия начинается философская антропология, подлинная наука о человеке, считает Фромм. Человек постоянно постигает глубочайшую драму своего бытия. Постигая свое бытие, он раскрывает собственную субъективность. Человека вообще невозможно объяснить в терминах натуралистического мышления или исследовать эмпирическими методами. Невозможно наблюдать человеческую природу как таковую. Однако специфические ее проявления можно зафиксировать в конкретных ситуациях.

У Фромма человек — это космос неповторимого, незаместимого — это мир страстей.

Каково же содержание понятия «человеческой ситуации» в творчестве Э. Фромма, которое является одним из исходных в его социальной антропологии анализ которого открывает путь к пониманию и уяснению ее сущности?

Фромм начинает излагать проблему человеческой природы с анализа «человеческой ситуации», с изложения своей теории антропогенеза. С его точки зрения, генетической предпосылкой появления человека был возникший на определенной стадии эволюции природы процесс ослабления биологической приспособляемости животного к окружающей среде. Факт появления человека, по его мнению, является следствием негативного процесса естественной эволюции. Чем менее совершенным становится биологический аппарат инстинктивного приспособления животного к миру, тем более развивается его мозг и способность к мышлению, к сознательной ориентации в мире.

По мнению Фромма, эволюционное учение Дарвина — серьезный вклад в изучение понятия «человеческая природа», оно позволило описать специфическую природу человека с точки зрения анатомии, нейрофизиологии и психологии.

Представителями эволюционного направления Фромм считает Ч. Дарвина, К. Маркса, Р. Бурке, П. Тейяра де Шардена и себя.

На сегодняшний момент, благодаря развитию биологии, мы имеем общепризнанное определение человека как биологического вида (особое строение тела, структура мозга и др.).

С биологической точки зрения, человек — это особый вид животного. Как всякое животное, он обладает определенным набором витальных потребностей, обусловленных его физиологической организацией. Сюда относятся: потребность в пище, питье, сне, потребность в продолжении рода. Однако

человек отличается от всех других животных. «Первый признак, отличающий человеческое существование от животного... недостаточность инстинктивистской регуляции в процессах адаптации к окружающему миру»¹.

Человек как особый вид появляется на пересечении фундаментальных эволюционных процессов: процесса постоянного уменьшения роли инстинктивной детерминации поведения и процесса увеличения объема мозга, особенно коры головного мозга.

При всем многообразии взглядов на инстинкты, пишет Фромм, большинство исследователей согласны в том, что чем выше уровень развития живого существа, тем меньшую роль в его жизни играют жесткие, филогенетически запрограммированные модели поведения. «Чем менее совершенна и устойчива инстинктивистская организация животных, тем более развивается их мозг... Происхождение человека... можно связать с тем моментом в процессе эволюции, где адаптация с помощью инстинктов достигла минимального уровня»². У вида «человек» инстинктивная детерминация достигает самой нижней отметки.

«В определенном момент эволюции животных произошел уникальный прорыв, сравнимый с возникновением материи, с рождением жизни... когда в ходе эволюции действие перестало определяться преимущественно инстинктом... перестало быть закрепленным наследственно передаваемыми механизмами. Когда животное возвысилось над природой и, преодолевая чисто пассивную роль "твари", стало (с точки зрения биологии) самым беспомощным животным, — произошло рождение человека»³.

«Человек — самое беспомощное животное из животных, но именно эта его биологическая беспомощность — основа его силы, главная причина развития его специфических человеческих качеств»⁴. Всеобщая, единственная для всех людей любых времен проблема человеческого существования, в которой концентрируются все исторически конкретные проблемы, выводится Фроммом из естественных условий человеческой эволюции. «Проблему выдвигает, — утверждает он, — сам факт рождения человека»⁵.

Другое важное направление эволюционного развития — рост объема мозга и особенно неокортекса (коры головного мозга). Увеличившаяся кора головного мозга — основа сознания, воображения, речи, символов, которые отличают человеческое существование. «Самосознание, разум и воображение разрушили "гармонию", свойственную животному существованию»⁶.

«Жизнь животного... "проживается" по биологическим законам природы; оно остается частью природы и никогда не выходит за ее пределы... Животное существует в гармонии с природой... природа обеспечивает животное всем необходимым для преодоления обстоятельств, с которыми ему приходится сталкиваться...»⁷.

Эти две тенденции эволюционного развития обусловили появление человека, которого Фромм, исходя из сказанного, определяет как «примата,

¹ Фромм Э. Человек для самого себя // Психоанализ и этика. М., 1998. С. 59.

² Там же. С. 60.

³ Фромм Э. Здоровое общество // Мужчина и женщина. М., 1998. С. 147.

⁴ Фромм Э. Человек для самого себя. С. 60.

⁵ Fromm E. Psychoanalysis and Zen Buddhism. «Zen Buddhism and Psychoanalysis». New York, 1960. P. 87.

⁶ Фромм Э. Здоровое общество. С. 147.

⁷ Там же. С. 146–147.

который начинает свое развитие в тот момент эволюции, когда инстинктивная детерминация становится минимальной, а развитие мозга достигает максимального уровня». С биологической точки зрения это совершенно новый феномен¹.

Таким образом, с самого начала своего развития человек в незначительной мере определяется инстинктивными программами, представляя собой самое беспомощное с биологической точки зрения существо. У него нет безобидного «знания», которое определяет поведение животного, он сам должен принимать решения. Человек сталкивается с необходимостью выбора, и в каждом решении есть риск неудачи. Человек — «единственное животное, считающее собственное существование проблемой, которую ему надо решить и от которой не уйти»².

В какой-то степени развитость мозга (и связанный с этим разум) компенсирует недостаток инстинктивного начала. Принимая решения, человек руководствуется разумом. Однако, пишет Фромм, разум — это инструмент еще недостаточно развитый и ненадежный, подверженный влиянию страстей и влечений, перед которыми человек не может устоять. «Разум — и благо, и проклятие одновременно»³.

Определяя особенности человеческой ситуации, Эрих Фромм противопоставляет ей условия жизнедеятельности животного. Хотя животные ведут жестокую борьбу за выживание, они живут в гармонии с природой. Действие животного в той или иной ситуации задается механизмом наследственных инстинктов. У животного отсутствует самосознание, его не мучают вопросы о смысле жизни, правде, добре и зле, справедливости. Бытие животного всегда тождественно природе и никогда не трансцендентно ей.

Наделенный сознанием и самосознанием, человек выделает себя из среды, осознает свою беспомощность, изолированность, конечность во времени и пространстве. Таким образом, сознание и разум разрушили ту «гармонию» естественного существования, которая свойственна всем животным. Человек превратился в аномалию, «причуду» природы. С одной стороны, он — часть природы, подчинен ее законам. С другой стороны, он осознает свое положение в природе, свою конечность и бессилие и пытается противостоять этому. Человек никогда не освободится от двойственности своего существования: он не может освободиться ни от своего тела, ни от души. В отличие от инстинкта, разум не является жестко детерминированным механизмом, он базируется на иных принципах, чем изначально предопределенные инстинктивные реакции, рациональное поведение может измениться, гибко следовать за изменением ситуации. Но разум рождает противоречия, которые имеют и отрицательную сторону. «Самосознание, разум и воображение разрушали «гармонию», свойственную животному существованию. Их появление превратило человека в аномалию, причуду мироздания. Человек — часть природы, он подчинен ее физическим законам и не может изменить их, но тем не менее он выше остальной природы»⁴. Человек является частью целого и в то же время отделен от него. Природа — дом человека. Но обладание самосознанием делает его бездомным. Брошенный в случайное время и в случайное место в этот мир, он выталкивается из него опять же случайно. «Обладая са-

¹ Фромм Э. *Анатомия человеческой деструктивности*. М., 1994. С. 194–195.

² Фромм Э. *Здоровое общество*. С. 148.

³ Фромм Э. *Человек для самого себя*. С. 61.

⁴ Фромм Э. *Здоровое общество*. С. 147.

мосознанием, он осознает собственное бессилие и ограниченность своего существования. Он предвидит собственный конец — смерть»¹.

Образ человеческой ситуации повторяется из книги в книгу Эриха Фромма. Человек осознает свою конечность — это отличает его от животного, но в то же время он остается частью природы. Проблема заключается в том, что сознание, отделяющее человека от остальной природы, выступает элементом физического существования человека, включено в процесс жизни. Философ Фромм привычно отделяет сознание от природы, рассматривая его как внеприродный феномен. Психолог Фромм рассматривает сознание, самосознание, предвидение как реальный механизм выживания.

Проблема таких внутренних детерминант поведения, как установка, мотив, ожидание, образ, была в центре исследований фрейдистской и гештальтистской школ в психологии в 30–40-х гг. и возникшего под их влиянием операционализма Э. Толмена и К. Халла (30–50-е гг., США). Толмен на основании многочисленных экспериментов на крысах пришел к выводу, что поведение животных регулируется центральными детерминантами, к числу которых он отнесит систему потребностей, систему мотивов (предпочтение одного объекта перед другим) и ситуацию, в которой совершается действие². Иными словами, сознание служит посредником, орудием связи человека с миром.

С появлением разума в существовании человека появляется противоречие, толкающее человека к поиску путей его преодоления. Динамизм человеческой истории связан именно с наличием разума и вызванным им к жизни противоречием, которое побуждает человека создавать новый мир вокруг себя взамен утраченной гармонии с природой, мир, в котором человек чувствовал бы себя как дома. Каждая следующая достигнутая им ступень развития оставляет человека неудовлетворенным, он ищет все новых и новых решений. Это принудительное развитие вызвано стремлением преодолеть свою внутреннюю раздвоенность и вызванное ею напряжение и обрести сравнительное равновесие.

Динамика общественного развития, таким образом, в значительной степени основана на динамике человеческой природы, которая подчинена определенным законам.

Хотя фиксированной «человеческой природы» не существует, пишет Фромм, «мы не можем рассматривать человеческую натуру как нечто беспредельно пластичное; как нечто готовое приспособиться к любым условиям без развития своей психической изменчивости. Хотя натура человека является продуктом исторической эволюции, она включает в себя и определенные наследственные механизмы, имеет определенные законы; психология должна эти механизмы и законы раскрыть»³.

Для объяснения понятий психических механизмов и законов Фромм вводит понятия статистической и динамической адаптации⁴. Статистическая адаптация не приводит к изменению характера (появлению каких-то новых стремлений), а порождает новые обычаи и привычки. Например, китаец, приехав в Америку, ест уже при помощи вилки и ножа, а не палочек. Это ничего не меняет в его личности.

Динамическая адаптация — такое приспособление индивида к внешним условиям, которое порождает новые стремления, новые черты его личности.

¹ Фромм Э. *Здоровое общество*. С. 147.

² См.: Ярошевский М. Г. *История психологии*. М., 1985. С. 386–396.

³ См.: Фромм Э. *Бегство от свободы*. М., 1990. С. 22–23.

⁴ Там же. С. 23.

Например, у послушного ребенка, который боится отца и не решается ему противоречить, может возникнуть враждебное чувство к отцу или бунт против жизни вообще.

Развитие индивида у Фромма — это всегда появление каких-то новых стремлений или потребностей, динамическая адаптация.

Существуют потребности неизменные, обусловленные физиологической организацией человека (голод, жажда, сон...). Для них существует порог, за которым их неудовлетворение становится непереносимым. Эти потребности Фромм объединяет в единую потребность самосохранения. Это такая часть природы человека, которая требует удовлетворения при любых условиях и поэтому является первичным мотивом человеческого поведения¹.

Физиологические потребности — не единственные императивные потребности человека. Еще одна, столь же непреодолимая, потребность составляющая самую сущность человеческого бытия — это потребность связи с окружающим миром, потребность избежать одиночества.

Человек не может жить без сотрудничества с другими. Необходимость в помощи особенно ощущается в раннем детстве. Кроме того, обладая самосознанием и сознавая свою отдельность, свою смертность, беззащитность перед старостью и болезнями, человек чувствует свою незначительность по сравнению с остальным миром. «Человек должен иметь возможность отнести себя к какой-то системе, которая направляла бы его жизнь и придавала ей смысл; в противном случае его переполняют сомнения, которые, в конечном счете, парализуют его способность действовать, а значит, и жить»².

Потребность в самосохранении и потребность в связи с миром Фромм определяет как первичные и неизбежные мотивы человеческого поведения уже в работе «Бегство от свободы». Позднее, в других работах, потребность в связи с окружающим миром конкретизируется в различных наборах экзистенциальных потребностей.

Полагая положение человека в природе противоречивым в силу появления разума, Фромм анализирует противоречия человеческого существования. Эти противоречия (как общественного, так и индивидуального бытия) могут иметь исторический характер — тогда они преходящи и могут быть преодолены человеком. Таким, например, является существующее ныне противоречие между изобилием технических благ и невозможностью использовать их исключительно в мирных целях.

Другую группу составляют экзистенциальные противоречия, само название которых указывает на их укорененность в экзистенции — существовании человека как человека. Они не могут быть устранены из жизни человека, более того, они-то и составляют саму сущность или специфику человеческого бытия. В принципе сущность человеческого существования может быть определена как противоречие³.

В конечном счете, все противоречия сводятся к «основной биологической дихотомии между инстинктами, которых человеку недостает, и самосознанием, которого бывает в избытке»⁴.

Для Фромма важно, что эти противоречия вызывают напряженность в психике индивида, составляя источник человеческой активности и являясь

¹ Фромм Э. Бегство от свободы. С. 24–25.

² Там же. С. 28.

³ Фромм Э. Душа человека. М., 1992. С. 84.

⁴ Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М., 1994. С. 196.

основой мотивации поведения. Понимание динамики человеческого поведения через принцип разрядки мотивационного напряжения объединяет многие психологические школы, в том числе и психоанализ Фрейда¹. Очевидно, что Фромм также придерживается этой точки зрения. Фромм рассматривает поведение через разрядку напряжения, при этом можно заметить отличие его понимания данного вопроса от понимания Фрейда. Для Фрейда, поскольку человек представляет собой замкнутую систему, мотивы поведения детерминированы химико-физиологическими процессами в организме, которые стремятся поддержать психическую энергию в организме на определенном оптимальном уровне. Для Фромма, поскольку человек включен в сложные связи с другими людьми и миром вообще, мотивы поведения возникают скорее в психологическом поле межличностных отношений. То есть энергия мотива не замкнута в пределах организма. Тут наблюдается переход от биологических потребностей организма к собственно психологической мотивации, которая основана на отношениях между людьми (намерение может создаваться как самим человеком, так и другими людьми)². Подобные представления были развиты Куртом Левиным в теории «полюса», работы которого публиковались в 30–40-х гг. в США³.

Человек — это двойственная реальность. Природа обременяет человека, требует удовлетворения его естественных, чисто физиологических потребностей. Но в отличие от животного, горизонт жизненных интересов которого подобными потребностями полностью исчерпывается, для человека их удовлетворение является не более чем предпосылкой существования. Наиболее глубокие страсти, считает Фромм, — не те, которые коренятся в теле человека, а те, которые вытекают из других особенностей его существования. Индивид поэтому должен определить собственное отношение к жизни, должен самостоятельно прожить жизнь, в отличие от животного, которое пассивно ведомо обстоятельствами. «Человеческую жизнь нельзя прожить путем простого повторения образцов поведения, свойственных виду; человек должен жить сам. Он единственное животное... считающее собственное существование проблемой, которую ему надо решить и от которой не уйти»⁴.

Благодаря самосознанию человек глядит на мир со стороны, видя себя в нем как некую «отделенность», отличность от природы и других людей. Такое положение неизбежно порождает у человека ощущение непереносимого одиночества, потерянности, беспомощности, поскольку масштабы его конечного бытия несопоставимы с беспредельным космосом, как песчинка несопоставима с пустыней, а мгновение с вечностью.

Само рождение человека — появление существа, обладающего самосознанием, задает проблему. «В момент рождения жизнь задает человеку вопрос, и на этот вопрос он должен дать ответ. Он должен отвечать на него в каждый момент, не разум, не тело, но он, индивид, который думает и мечтает, который спит и ест, плачет и смеется — тотальность человека должна отвечать на него»⁵. Ситуация человеческой жизни в каждый конкретный момент, начиная с рождения, является крайне неопределенной. Человек не может сказать ничего

¹ См.: Ярошевский М.Г. История психологии. М., 1985. С. 422.

² См.: Фромм Э. Вклад Маркса в познание человека // Психоанализ и этика. М., 1993. С. 346–347.

³ См.: Ярошевский М.Г. История психологии. С. 419–424.

⁴ Фромм Э. Здоровое общество. С. 148.

⁵ Fromm E. Psychoanalysis and Zen Buddhism. P. 87.

безусловного по поводу своего настоящего и будущего, кроме одного: несмотря на выбор любой из имеющихся жизненных программ, в конце его все равно ждет смерть. Перед лицом бесконечного мира человек одинок и беспомощен без определенного руководства к действию.

На наш взгляд, нельзя сказать, что Фромм пытается представить рождение человека как негативный акт, как отрицание, разрыв изначальных связей с природой. Фромм дает онтологический анализ, бытийную интерпретацию «человеческой ситуации», используя базовые идеи экзистенциализма. С одной стороны, человек находится в ситуации, от которой он не может уйти, а с другой стороны, трансцендентен ей. Он появляется на арене действия необремененным, пустым.

Используя сартровскую терминологию, человек появляется в мире как «ничто», но в то же время он включен в этот мир, слит с ним, подчинен его жестким законам и поэтому представляет из себя «нечто». Эта открытая неопределенная ситуация трагична в силу этой двойственности.

Идеи Э. Фромма — своеобразная параллель основным положениям экзистенциализма. В творчестве М. Хайдеггера, Ж.-П. Сартра и других экзистенциалистов человек начинает свой путь в этом мире как человеческая реальность, но не как сущность. Человек существует, растет, появляется на месте действия и только затем определяет себя. Если человек неопределен, это потому, что вначале он ничто. Только затем он станет чем-то и сам сделает из себя то, чем он будет¹. Начало есть абсолютная бессодержательность. Переход от бессодержательности к содержанию у Ж.-П. Сартра осуществляется благодаря свободному самосознающему действию. Нет реальности, кроме как в действии. Человек — план, он существует лишь в такой степени, в какой воплощает себя; он, таким образом, не что иное, как ансамбль своих актов, не что иное, как своя жизнь².

Для человека неизбежна альтернатива между регрессом и прогрессом, между возвращением к животному состоянию и прибытием в человеческое существование. Именно в этом противопоставлении Фромм видит подлинную экзистенциальную суть гипотезы Фрейда об инстинктах жизни и смерти. В то же время Фромм подчеркивает, что его «точка зрения на психоанализ ни в коем случае не является желанием подменить теорию Фрейда так называемым экзистенциальным психоанализом»³. Фромм, в отличие от других постфрейдистов, высоко оценивал заключительный, последний этап творчества Фрейда, связанный с понятиями Эроса и Танатоса.

Фромм считает, что возвращение к животному состоянию невозможно. Качественный скачок от животного к человеческому можно сравнить с первородным грехом, актом неподчинения-свободы. Остается путь только вперед, к человеческому, и он очень нелегко. Каждый шаг в неизведанном болезнен и опасен. Но человек каждый раз с необходимостью делает этот шаг. Человек никогда не может оставаться в ситуации пассивной адаптации к природе. Удовлетворение его инстинктивных потребностей не разрешает его человеческой проблемы; его наиболее глубокие страсти не те, которые коренятся в его теле, а те, которые коренятся в особенностях его существования.

¹ Sartre J.-P. Existentialism and Human Emotions. N. Y., 1957. P. 15.

² Ibid. P. 32.

³ Фромм Э. Душа человека. С. 15.

Движение человеческой истории — поиск утерянного равновесия, утерянной гармонии, попытка разрешить принципиально неразрешимую проблему человеческой ситуации, от которой человек не может ускользнуть. Рождение — лишь аванс. Человек — «чистый лист бумаги», устремленный в будущее, и только сама его жизнь может показать, насколько он выполнил свою первую и самую трудную задачу — полностью реализовать себя. Человек, с одной стороны, оказывается вовлеченным в процесс бытия, но, с другой, привносит в мир возможность отрицания.

Практически для всех представителей экзистенциализма появление человека в мире представляется как проблема. «Возможно, мы прояснили бы это, — пишет известный теолог-экзистенциалист Габриэль Марсель, — указав, что каждый из нас с самого начала представляется другим и самому себе как определенная проблема, для которой обстоятельства, каковы бы они ни были, не являются достаточными, чтобы указать решение»¹.

Отношение Фромма к экзистенциализму довольно сложное. Ученый считает, что психологические идеи Сартра «хотя и блестяще сформулированы, все же поверхностны и не имеют солидного клинического фундамента». Подвергается критике этическая составляющая наследия экзистенциализма. «Сартр остается представителем духа общества беззакония и эгоизма, которое он критикует и хочет изменить... Сартр и его сторонники теряют важнейшее достижение теистических и нетеистических религий и гуманистической традиции, когда утверждают, что нет объективных ценностей, имеющих значение для всех людей, и существует понятие свободы, вытекающее из эгоистического произвола... Экзистенциализм Сартра, как и Хайдеггера, — это не новое начало, а конец»².

Философская эволюция Фромма — сложный и многогранный процесс. Характерная черта философии Фромма — антропоцентризм. Проблема человека — центральная в нашем сложном, технологичном, информационном мире. Фромм гениально уловил общие тенденции в развитии гуманитарного знания и науки.

Сциентизм, позитивизм не смогли ответить на многие вопросы стоящие перед человеком и цивилизацией в целом. Поэтому возникает необходимость привлечения новых научных ресурсов познания. Психоанализ, философия экзистенциализма, новое прочтение марксизма дает возможность Фромму по-новому взглянуть на мир и человека. Фромм никогда не использует готовые научные схемы известных научных направлений. Ученый сам ставит вопросы и пытается их решать. Проблемы смысла жизни и смерти, сознательного и бессознательного, идеала и ценностей, одиночества требуют новых гуманитарных парадигм. Уникальность, неповторимость мира личности нуждается в привлечении новых ресурсов познания.

7.3.4. Концепции социального характера и социального здоровья

Социальная теория Фромма, в которой он пытается раскрыть и объяснить законы функционирования и развития общества с психологической точки зрения, отражает широко распространенное в западной философии, социологии и психологии XX в. мнение о том, что в современный век с его исклю-

¹ Marcel G. Homo Viator. Paris, 1963. P. 28.

² Фромм Э. Душа человека. С. 15.

чительным социальным динамизмом, затрагивающим судьбы каждой личности, «психологические проблемы неизбежно превращаются в политические проблемы, частный беспорядок отражает более чем когда-либо беспорядок целого и что лечение этого индивидуального беспорядка опять-таки более чем когда-либо зависит от лечения общего беспорядка»¹. В теории Фромма, представляющей попытку применения чисто психологического подхода к интерпретации сущности исторического развития, нашла своеобразное отражение потребность осмыслить те социальные процессы, которые происходят в обществе.

Фромм, придавая огромное значение субъективному фактору в истории, во многих своих работах непосредственно обращается к рассмотрению различных социально-психологических явлений как к средству объяснения исторического процесса. На общем фоне субъективно-идеалистических и метафизических концепций исторического развития концепция Фромма содержит некоторые элементы научного анализа. К ним относится постановка им целого ряда важных социально-психологических проблем — выяснение основы социально-психологической типизации личности («социальный характер»), роли и значения «бессознательных» моментов в исторической деятельности людей («социально-бессознательное»), анализ механизма формирования «бессознательного» («вытеснение»), правильное решение которых может внести определенный вклад в понимание социально-психологических условий функционирования и развития общества.

Анализируя психологический уклад различных конкретно-исторических обществ, Фромм приходит к выводу, что в каждом из них есть нечто устойчивое. Индивиды любого общества, несмотря на некоторые индивидуально-психологические различия, всегда, по его мнению, имеют нечто общее в своих психологических свойствах и поэтому выступают как типичные представители данного общества. Характер, типичный для общества, Фромм и называет социальным характером. Под социальным характером он подразумевает такое «ядро структуры характера, которое присуще большинству членов одной и той же культуры в отличие от индивидуального характера, который различен у людей той же самой культуры»².

С его точки зрения, в любом обществе независимо от его социальной природы существует единая, присущая только ему структура характера, общая для большинства групп и классов этого общества. Сам же характер Фромм рассматривает как такую психологическую основу личности, которая обуславливает не только поведение человека, но и образ мыслей, чувства, вообще весь способ восприятия и отношения человека к внешнему миру. По его мнению, «система характера может быть рассматриваема как своеобразный человеческий заменитель инстинктивного аппарата животного»³, приспособительная роль которого имеет очень большое значение для человека.

Поскольку поведение индивида, согласно Фромму, должно находиться в соответствии с требованиями общества, постольку главная функция социального характера заключается в том, чтобы «направить активность членов общества по такому руслу, когда их поведение не является результатом сознательно обдуманного решения — следовать или не следовать социальному

¹ Marcuse H. Eros and Civilization. New York, 1958. P. XVII.

² Fromm E. Beyond the Chains of Illusion. P. 83; Idem. The Sane Society P. 78.

³ Fromm E. Man for Himself. P. 59.

эталоны, а является следствием желания действовать так, как они должны действовать, получая в то же время удовлетворение от того, что их поведение соответствует требованиям общества»⁴. Другими словами, функция социального характера состоит в том, чтобы «превратить и канализировать человеческую энергию данного общества для целей непрерывного его функционирования»⁵.

Именно поэтому, с точки зрения Фромма, социальный характер можно рассматривать как такой психологический фактор, который способствует стабилизации функционирующего общества. Значение социального характера для самого индивида, по мнению Фромма, состоит в том, что он позволяет индивиду психологически безболезненно и наиболее эффективно приспособиться к требованиям общества.

Социальный характер, согласно Фромму, складывается, с одной стороны, под воздействием таких социальных факторов, как система образования, религия, литература и искусство, «традиции, с другой — в процессе воспитания детей в семье. Последний фактор имеет особое значение, потому что семья, считает Фромм, является «психическим агентом общества», главная задача которого состоит в том, чтобы «передать требования общества подрастающему ребенку». Непосредственное воздействие сформировавшегося социального характера самих родителей, методы воспитания, санкционированные данной культурой, — вот те факторы, которые, по мнению Фромма, позволяют семье довольно успешно справляться с решением этой задачи и формировать у детей характеры, желательные обществу.

Следует отметить, что в эволюции взглядов Фромма на роль периода детства в формировании характера индивида в последние годы жизни произошли некоторые изменения, о чем свидетельствует его последняя книга, написанная совместно с его учеником психологом Маккоби, — «Социальный характер в мексиканской деревне. Социально-психоаналитическое исследование». В ней анализируются результаты многолетнего социологического исследования типов социального характера в одной из мексиканских деревень. Фромм отказывается от слишком категорического утверждения Фрейда о том, что характер человека полностью и окончательно формируется уже в ранние годы развития индивида — до пяти-шести лет и не подвергается в дальнейшем никаким изменениям. Не отрицая в принципе важной роли этого периода в формировании характера человека, Фромм вместе с тем признает возможность «позднейших изменений в характере»⁶ взрослого, которые он связывает с воздействием на него постоянно меняющихся внешних условий.

Много раз Фромм повторяет мысль о том, что «человек — существо прежде всего социальное», что структура общества и функция индивида в социальной структуре могут быть рассмотрены в качестве конкретного содержания социального характера. Социальный характер — результат динамической адаптации человеческой природы к структуре определенного общества.

Форма этой адаптации, а значит, и социальный характер различны и зависят от типа социальной структуры. Анализируя историю человеческого общества, Фромм постулирует существование следующих типов социальных

⁴ Fromm E. Beyond the Chains of Illusion. P. 85.

⁵ Fromm E. The Sane Society. P. 79.

⁶ Fromm E., Maccoby M. Social Character in a Mexican village. A Sociopschoanalytic Study. N.Y., 1970. P. 21.

характеров: рецептивного, эксплуататорского, накопительского, рыночного. В основе каждого из этих типов характера лежат своеобразные психологические механизмы, способы, при помощи которых индивиды решают проблему человеческого существования, — мазохистский, садистский, деструктивный и конформистский. Фромм называет их также защитными механизмами — реакциями индивида на фрустрирующую ситуацию, суть которой заключается в невозможности человека реализовать свою природную сущность в данной социальной структуре.

Поскольку каждая из ориентаций характера является лишь особым аппаратом социальной адаптации индивида к обществу, специфической реакцией индивида на те социальные условия, в которых невозможна реализация потенций человеческой природы, постольку каждая из них, в принципе не решая проблемы человеческого существования, является, по его мнению, непродуктивной.

Единственно верным и разумным способом решения проблемы человеческого существования является, по Фромму, любовь и базирующаяся на ней продуктивная ориентация характера. В любви осуществляется такая связь человека с миром, другим человеком, при которой полностью сохраняется «его собственная целостность, индивидуальность». Главными элементами любви являются, по Фромму, «забота, ответственность, уважение и знание» объекта любви¹. Это такой способ решения проблемы человеческого существования, при котором человек обретает свое настоящее «Я», реализует свою природу. По Фромму, в истории человечества еще не существовало такого типа социальной организации общества, в котором господствующей была бы продуктивная ориентация социального характера.

С его точки зрения, все до сих пор известные исторические типы социальных характеров, являющиеся непродуктивными, олицетворяют консервативную психологическую силу в истории, действие которой направлено на укрепление функционирования какой-либо определенной социальной структуры. По мнению Фромма, эти исторические типы социальных характеров являются авторитарными по своей структуре, так как внутренним, подсознательным регулятором их поведения является «авторитарная совесть», представляющая интериализацию всякого «внешнего авторитета», совокупности социальных норм, требований определенного общества.

Рассматривая взаимоотношение социального характера с обществом, которое его порождает, Фромм делает вывод, что при неизменности социальных условий социальный характер всегда выполняет стабилизирующую функцию. Отводя социальному характеру главным образом стабилизирующую роль в историческом процессе, Фромм вместе с тем допускает, что при определенных условиях он может выполнять и отрицательно-разрушительную роль. Это происходит тогда, когда социальные условия существованием образом изменяются и возникает ситуация, при которой прежний социальный характер перестает соответствовать происшедшим в обществе изменениям и возникающим в связи с этим новым требованиям. Традиционный характер продолжает еще существовать и функционировать, хотя уже возникли совершенно новые социально-экономические условия, которым он перестает соответствовать. Это противоречие социального характера с изменившимися социальными условиями, считает Фромм, превращает его стабилизирующую

¹ Fromm E. The Art of Loving. London, 1964. P. 21 — 25.

щую функцию в дезинтегрирующую и приводит общество к определенной дезорганизации.

Фромм понимает, что нельзя свести роль психологического фактора в истории только к консервативной функции социального характера. Чтобы объяснить действие психологического фактора в позитивном направлении, которое способно коренным образом преобразовать, изменить социальные условия человеческого существования, Фромм обращается к потребностям абстрактно-психологической природы человека.

По его мнению, творческое, позитивное направление действия психологического фактора определяется «человеческой природой» и проявляется в деятельности лишь отдельных личностей, которые сумели подняться над убогостью социального существования и осознать потребности и цели человеческой природы. Согласно Фромму, внутренним регулятором их поведения является «гуманистическая совесть», представляющая собой внеисторические требования человеческой природы.

Таким образом, в представлении Фромма социальный характер и человеческая природа выступают в роли активных психологических факторов, обуславливающих исторический процесс. Различие между ними состоит только в том, что активность первого направлена на стабилизацию и укрепление существующего общества, активность второго — на его изменение. С помощью концепции человеческой природы Фромм объясняет непрерывность постулативных изменений человеческой истории. С помощью концепции социального характера он пытается показать, каким образом функционирует то или иное конкретно-историческое общество. Рассматривая процесс развития истории, он полагает, что на одном ее полюсе действует «социальный характер, который формируется типом существующего общества»¹, на другом — «человеческая природа, которая определяет социальные условия, в которых существует человек»².

Создав концепцию социального характера, Фромм окончательно завершает построение своей теории исторического развития. С помощью этой концепции Фромм пытается не только раскрыть психологические условия функционирования того или иного общества, но и объяснить, почему в этом обществе получают распространение определенные идеи и идеалы. Социальный характер, считает он, может объяснить ту связь, которая существует между экономическим укладом и культурой. Социальный характер играет определенную селективную роль в отборе среди огромного множества распространенных в обществе идей и идеалов, таких, которые соответствовали бы его психологической основе. Те идеи и идеалы, которые не соответствуют ей, не только не будут приняты индивидом, но даже не будут поняты им. Те идеи и идеалы, которые вырастают на почве определенного социального характера, в свою очередь, интенсифицируют и укрепляют его.

7.3.5. Теория «здорового общества». Программа построения «здорового общества»

На человека и современную цивилизацию в целом надвигается психологическая и социально-экономическая катастрофа. Человечеству может спас-

¹ Fromm E. Escape from Freedom. P. 296.

² Fromm E. Beyond the Chains of Illusion. P. 87.

тись только путем перехода от жизненных установок на обладание к господству установки на бытие.

Человек, его сущность, его социальная природа — центральная тема творчества Эриха Фромма. Ученый исследует жизнь человека в «нездоровом», «больном» обществе. Фромм пытается выявить корни и причины авторитарности, отчужденности, агрессивности, деструктивности и «бегства от свободы» человека. Поэтому особое место в исследованиях Фромма занимает поиск путей к «здоровому обществу».

Это требует изменения характера человека. Условия таких изменений — осознание и понимание человеческих страданий. Человек должен осознать, что для освобождения от страданий он должен следовать определенным нормами и изменить существующий образ жизни. Но рост самосознания станет возможен, станет по настоящему эффективным, если будет сделан следующий шаг — «изменение практики жизни, основанной на невротической структуре и постоянно ее воспроизводящей». Человек должен изменить реальную жизненную ситуацию таким образом, чтобы она не воспроизводила постоянно тенденции отчуждения и подчинения. Изменений требует также система ценностей, норм и идеалов¹.

Понятие «здоровое» Фромм взял из психиатрии. Он хотел показать, что можно создать общество, которое будет обладать нормальной психической структурой. Ключ к пониманию «здорового общества» — социальный характер. Новое общество должно способствовать возникновению человека, обладающего качественно новым социальным характером, продуктивной ориентацией. «Здоровая личность — это личность продуктивная и неотчужденная; личность относящаяся к миру с любовью и использующая свой разум для объективного постижения реальности»². Человек должен быть готов отказаться от всех форм обладания ради того, чтобы в полной мере осуществлять бытие. Человек должен иметь внутреннюю потребность в привязанности, заинтересованности, любви, единении с миром и основанную на этом уверенность в себе. Только осознав, что никто и ничто не может придать смысл его жизни, и что только полная независимость и отказ от обладания вещами могут стать условием для самой плодотворной деятельности, направленной на служение ближнему, индивид станет человеком в полном смысле слова. Человек должен получать радость от служения людям, а не от стяжательства и эксплуатации. Человек должен обладать любовью и уважением к жизни во всех ее проявлениях, развивать способности к любви наряду со способностью к критическому, реалистическому мышлению. Человек должен стремиться к единению с природой, а не подчинять и покорять ее; стремиться понять природу и жить в гармонии с ней. «Здоровое общество — это общество, в котором такие качества, как апатия, склонность к эксплуатации и обладанию, самолюбование не возможно использовать для материальной выгоды и личного престижа»³.

Однако прежде чем будет возможна полная реализация личности человека, необходимо осознание почти непреодолимых трудностей, с которыми люди столкнутся на этом пути. Именно «смутное осознание этих трудностей» является главной причиной того, что предпринимается слишком мало попыток осуществления необходимых изменений.

¹ Фромм Э. Здоровое общество // Мужчина и женщина. М., 1996. С. 372.

² Там же. С. 373.

³ Фромм Э. Здоровое общество. С. 374.

Осуществить их, по замыслу Фромма, смогут только те, кто, отбросив иллюзии, в полной мере осознают все трудности такого перехода. Люди должны быть «действенными утопистами», ибо только утописты и в состоянии представить, каким должно быть новое общество.

Эрих Фромм в последней части своей книги «Иметь или быть?» указывает черты нового общества. Среди них он называет следующие: сочетание всеобщего планирования с высокой степенью децентрализации; отказ от «экономики свободного рынка»; создание таких условий для работы, при которых основной мотивацией было бы духовное, а не материальное обогащение работающего; дальнейший прогресс науки и в то же время предотвращение опасности злоупотребления практическими применениями научных достижений. Создание таких условий жизни, при которых люди испытывали бы счастье и радость, а не просто удовлетворяли свою потребность в наслаждении. Кроме того, необходимо обеспечить безопасность индивидов в том смысле, чтобы они не зависели от бюрократического аппарата в удовлетворении своих основных потребностей. «Нам в довершение ко всему нужна Гуманистическая Наука о Человеке как основа для Прикладной Науки и Прикладного Искусства Социальной Реконструкции».

Общество будущего Фромм называет «человеческой утопией», «утопией мессиянского времени» и говорит, что она может быть осуществлена только в том случае, если люди приложат к ее осуществлению столько же интеллекта и энтузиазма, сколько было затрачено на организацию технических утопий.

Перед человечеством стоит задача — создание общества, целью которого является не господство над природой, а господство над техникой и иррациональными социальными силами и институтами. В этом залог выживания человеческого общества.

Для того чтобы представить новые социальные формы, необходимо большое число проектов, моделей, исследований и экспериментов, которые помогли бы преодолеть пропасть между тем, что необходимо, и тем, что возможно. А это, считает Фромм, в конечном счете приводит к широкомасштабному, долгосрочному планированию. Модель нового общества должна строиться в соответствии с потребностями неотчужденного и ориентированного на бытие индивида. Это значит, что люди, с одной стороны, не будут жить в нищете и бедности, но, с другой, не превратятся в «Номо consumers» в силу действия законов капиталистического производства. Поэтому необходимо создать «здоровую экономику для здоровых людей».

И первым шагом в этом направлении должно стать здоровое потребление, т. е. ценность предметов потребления и предлагаемых услуг должен определять совет, в состав которого вошли бы психологи, антропологи, социологи, философы, теологи. Людям должен быть предложен другой тип потребления, более привлекательный, чем тот, к которому они привыкли.

Для этого необходимо провести фундаментальные исследования природы человеческих потребностей. «Необходимо определить, какие потребности являются потребностями нашего организма, а какие — результатом культурного развития, какие потребности служат выражением развития индивида, а какие являются искусственными, т. е. навязанными индивиду производством, какие потребности активизируют деятельность человека, а какие — делают его пассивным, какие потребности обусловлены патологической, а

¹ Фромм Э. Иметь или быть? М., 1996. С. 180.

какие — здоровой психикой»¹. Люди должны понять, что потребление порождает пассивность, что потребность в быстрой смене впечатлений и в новизне, удовлетворяемая только «консюмеризмом», является отражением внутреннего беспокойства человека, бегством от самого себя.

Поскольку желания потребителей формируются производителем, постольку здоровое потребление возможно лишь в том случае, если будет ограничено право производителей определять характер своей продукции на основании одной лишь прибыльности и интересов расширения производства. Эти изменения, по мысли Фромма, приведут к новой форме экономической системы, отличающейся как от современного капитализма, так и от советского централизованного государственного капитализма, и от шведской бюрократической системы всеобщего благоденствия. Даже те остатки демократии, которые еще сохранились, обречены уступить место технократическому фашизму, если не будет ослаблено мощное давление гигантских корпораций на правительство и на население, предупреждает мыслитель.

Фромм выдвигает требование «индустриальной демократии участия». Эта форма демократии предполагает, что каждый член крупной промышленной или какой-либо другой организации играет активную роль в жизни этой организации и участвует в принятии решений на всех уровнях, начиная с уровня рабочего процесса самого индивида, мер по охране здоровья и техники безопасности, и по возможности, участвует в принятии решений на более высоком уровне, где формируется генеральная политика предприятия. Важно, чтобы сами рабочие и служащие, а не официальные профсоюзные деятели, функционирующие вне предприятий, представляли их интересы.

Политическая система (хотя она и называется демократией во всех ведущих странах) носит отчужденный, манипулятивный характер. Способы организации и функционирования этой «демократии» только способствуют общему процессу отчуждения. Человек превращается в вещь под названием «избиратель», люди — в абстрактное понятие «электорат», объект манипулирования. Сама система формирует отчужденного индивида, у которого нет мнения и предрассудки, но нет убеждений; у него есть симпатии и антипатии, но нет воли»². Такой человек очень мало осведомлен, весь мир для него не имеет реального смысла. Фромм считает, что сам принцип современной демократии подчинения меньшинства большинству предполагает процесс абстрагирования и отчуждения. «Если бы мы судили о ценности идеи по количеству выступающих за нее людей, то мы жили бы до сих пор в пещерах»³.

Демократия может противостоять авторитарной угрозе только в том случае, если она из пассивной демократии, «демократии наблюдателей» превратится в активную — «демократия участия», при которой дела общества будут столь же близки для отдельных граждан, как и их личные.

Фромм считает, что политическая свобода сама по себе вещь довольно-таки иллюзорная. «Человек, живущий под экономическим гнетом в течение шести, если не семи дней в неделю, не становится свободным от того, что раз в пять лет ставит крестик на избирательном бюллетене»⁴. Политическая свобода должна включать промышленную свободу, реализуемую через самоуп-

¹ Фромм Э. *Иметь или быть?* С. 182.

² Фромм Э. *Здоровое общество*. С. 429.

³ Там же. С. 430.

⁴ Там же. С. 382.

равление. Самоуправление в промышленности должно предшествовать изменениям в политике. Только тогда подлинная демократия, «демократия участия», станет реальностью.

Такая демократия, по мнению Фромма, в отличие от «народной демократии» или «централизованной демократии», по самой своей сути является антибюрократической и создает атмосферу, практически исключающую возможность появления демагогов.

Для того чтобы граждане имели собственные, а не навязанные тем или иным способом убеждения, необходимо, по крайней мере, выполнение двух условий: адекватная информация и сознание, что принятое решение возымеет какое-то действие.

Активное участие граждан в политической жизни требует максимальной децентрализации промышленности и политики. Управленческие функции Фромм предлагает передать не государству, а сравнительно небольшим районам, где люди знают друг друга и могут судить друг о друге, а значит, могут активно участвовать в управлении делами своего собственного сообщества. Он считает, что при децентрализации индустрии следует предоставлять большую власть небольшим подразделениям внутри данного предприятия и раздробить гигантские корпорации на мелкие единицы.

Активное и ответственное участие в делах общества, по его мнению, должно привести к замене бюрократического способа управления гуманистическим.

Бюрократический метод управления — способ манипуляции, Фромм определяет его как метод, при котором с людьми обращаются как с вещами и о вещах судят скорее по их количеству, нежели по их качеству. Бюрократическая система носит ярко отчужденный и односторонний характер. «... Приказы, предложения, планы исходят с верха пирамиды и направляются к низу. Индивидуальной инициативе нет места. Личности — это «случай»... случай, которые можно записать на компьютерную карту, проигнорировав те индивидуальные черты, которые составляют разницу между «личностью» и «случаем»»¹. Бюрократическая система руководствуется строго установленными формальными правилами и не принимает во внимание живых людей, с которыми имеет дело, не отвечает нуждам, запросам и потребностям конкретного человека. Бюрократия — безответственна и безынициативна. Бюрократ боится брать ответственность на себя, боится принимать решения. При этом бюрократия дает почувствовать человеку, что без нее он ничего не может предпринять, организовать. Как результат — она парализует инициативу и порождает глубокое чувство бессилия»².

По мнению Фромма, ученым — представителям новой социальной науки — следует разработать планы развития новых форм небюрократического широкомасштабного управления. «Небюрократическое управление вполне возможно, если мы примем во внимание способность к спонтанным реакциям у администратора и не станем делать фетиша из экономии»³. Фромм считает, что гуманистическое управление — «это улица с двухсторонним движением». Вполне возможно сочетать оптимальную централизацию и оптимальное участие простых людей в управлении»⁴.

¹ Фромм Э. *Революция надежды // Психология и этика*. М., 1998. С. 394–395.

² См.: Там же. С. 385.

³ Фромм Э. *Иметь или быть?*

⁴ Фромм Э. *Революция надежды*. С. 395–397.

Кроме того, он призывает запретить все методы промывания мозгов, используемых в промышленной рекламе и политической пропаганде: запретить использование всех форм гипнотического воздействия, применяемых пропагандой как в области потребления, так и в области политики; уничтожить пропасть между богатыми и бедными странами. Мыслитель предупреждает, что если этого не случится, то могут распространиться эпидемии, либо голод доведет население нищих стран до такого отчаяния, что они, возможно не без помощи сочувствующих людей в индустриально мире, прибегнут к насилию и даже применению ядерного или биологического оружия.

Фромм считает, что эту катастрофу можно предотвратить только в том случае, если будут устранены условия, порождающие голод и болезни, а для этого жизненно необходима помощь высокоразвитых стран. Определять наиболее эффективные пути оказания такой помощи — дело специалистов в области экономики.

Фромм оговаривается, что для того, чтобы собрать таких специалистов и следовать их рекомендациям, необходимо возникновение чувства солидарности и заботы, ибо ничто так не свидетельствует о человеческом эгоизме, как то, что продолжается расхищение природных ресурсов и отравление земли. При этом он признает, что на вопрос, возможно ли внутреннее изменение людей, которое способствовало бы осознанию и решению этих проблем, ответа пока не существует.

В проекте много внимания уделяется введению гарантированного годового дохода, ибо благодаря этому шагу исчезнут многие пороки, присущие современному капиталистическому и коммунистическому обществам. Гарантированный годовой доход, по мнению Фромма, обеспечил бы реальную свободу и независимость, поэтому он несовместим с любой системой, основанной на эксплуатации и контроле, особенно с различными формами диктатуры. Он считает, что стоимость содержания огромного современного бюрократического аппарата, занимающегося вопросами социального обеспечения, стоимость лечения больных, особенно психосоматическими заболеваниями, стоимость борьбы с преступностью и наркоманией значительно превышает стоимость содержания любого индивида, пожелавшего иметь гарантированный годовой доход. Тем, кто убежден, что «люди по своей природе ленивы», эта идея покажется неосуществимой и опасной. Фромм считает, что «лень — это далеко не нормальное качество, а симптом психопатологии». Расхожие представления о природе ленивости людей на самом деле не имеют никаких оснований. Эта формула служит рационализацией сопротивления изменениям в обществе¹.

Фромм предлагает также создать Верховный Совет по вопросам культуры, на который будет возложена обязанность консультировать правительство, политических деятелей и граждан страны по всем вопросам, требующим специальных знаний. Этот Культурный совет должен щедро финансироваться с тем, чтобы иметь возможность проводить специальные исследования по различным проблемам.

Большое значение мыслитель придает созданию действенной системы распространения эффективной информации. Информация выступает у него решающим элементом в формировании эффективной демократии. Одной из первейших и наиболее важных функций Совета по культуре должен быть

¹ См.: Фромм Э. Здоровое общество. С. 387; см. также: Фромм Э. Иметь или быть?

сбор и распространение всей информации, которая будет отвечать потребностям всего населения, и, в частности, служить основой для обсуждения среди групп непосредственно взаимодействующих между собой людей в условиях демократии участия. В случае расхождения взглядов будут публиковаться и мнение большинства, и мнение меньшинства, и эта информация будет доступна каждому гражданину и прежде всего группам взаимодействующих между собой людей.

Фромм считает, что научные исследования следует отделить от их практического применения в промышленности и в обороне. Верховный совет по культуре должен обладать властью формировать состав совета, без разрешения которого будет невозможно практическое применение любых новых теоретических открытий.

В своем проекте Фромм предупреждает, что технократическое мировоззрение вообще не видит необходимости создания нового общества. Но именно технократическое мировоззрение и ведет к тому, что дегуманизированный человек станет настолько безумным, что окажется, в конечном счете, не в состоянии поддержать существование жизнеспособного общества, а в скором времени не сможет удержаться от самоубийственного применения ядерного или биологического оружия.

Но наряду с этим он отмечает и несколько обнадеживающих факторов. Во-первых, многие люди осознают реальную угрозу, нависшую над человечеством, осознают необходимость создания этики, нового отношения к природе, необходимость человеческой солидарности и сотрудничества между людьми. А осознание угрозы вызывает защитную реакцию.

Во-вторых, растет число людей, неудовлетворенных нынешней социальной системой. Болезнью века Фромм называет депрессию — состояние, которое испытывает практически каждый современный человек. В западном мире большая часть населения извела радости и счастье потребления, и множатся ряды тех, кто вкусил этих благ и не получил удовлетворения. Люди начинают понимать, что обладание материальным богатством не делает счастливыми, а следовательно, старое этическое учение остается верным. Старая же иллюзия, по мнению Фромма, сохранила свою привлекательность лишь в глазах мелкой буржуазии Запада и населения в соцстранах. Нигде буржуазная надежда на счастье через потребление не является столь живучей, как в тех странах, которые все еще не достигли осуществления этой мечты.

Фромм настаивает, что алчность и зависть столь живучи вовсе не из-за своей врожденной силы, а потому, что человеку трудно противостоять давлению со стороны общества. Поэтому стоит изменить социальный порядок, изменить саму систему ценностей — и переход от эгоизма к альтруизму будет не так уж труден. Это еще раз подтверждает, что ориентация на бытие является огромной силой человеческой природы. Фромм не считает, что новый человек должен отличаться от старого как небо от земли, но настаивает на необходимости изменения направления развития.

В-третьих, увеличение степени отчуждения, которая характерна для большинства населения, и в том числе для лидеров и руководителей общества. Он говорит, что Маркс жил в то время, когда только рабочий класс был многочисленным, зависимым и самым отчужденным классом. Сегодня зависимым является подавляющее большинство населения, практически все, кто работает по найму. В США, замечает Фромм, именно рабочий класс является носителем традиционного буржуазного накопительского характера, а наиболее

отчужденным, и следовательно, способным к изменениям является средний класс, который к тому же самый многочисленный.

Даже при наличии этих обнадеживающих факторов вероятность того, что в человеке и обществе произойдут изменения к лучшему, крайне незначительна. Но тем не менее Фромм считает, что новые идеи обладают притягательной силой, и со временем захватят умы большинства людей, «утопическая» цель более реалистична, чем «реализм» сегодняшних руководителей.

Создание нового общества и изменение человека возможно только в том случае, если на смену рыночному характеру и кибернетической религии придет продуктивный характер и радикально-гуманистический дух. Но эта потребность в новой религиозности ни в коей мере не является наступлением на существующие религии. Фромм выражает надежду на то, что римско-католическая церковь и прежде всего ее бюрократия, сама обратится к духу Евангелия. В книге «Здоровое общество» ученый пишет, что Европа никогда не была христианской, за исключением начала Средних веков в некоторых странах, в той мере, в какой религиозны, например, страны, исповедующие буддизм. И социалистические страны, по мысли Фромма, не должны переставать быть социалистическими, но их общественный строй должен быть заменен подлинно гуманистическим социализмом.

Еще в книге «Бегство от свободы», вышедшей в свет в 1941 г., Фромм обратил внимание на то, что «социализм» превратился в слово-приманку, которую использовали в тактических целях различные политические силы. Несмотря на обобществление средств производства, слово «социализм» стало в России живым, потому что там широкими массами населения манипулирует всепоявившаяся бюрократия; даже если такая система управления и способна действовать в экономических интересах большинства народа, она препятствует развитию свободы и индивидуализма¹.

Все равно выход из создавшейся ситуации Эрих Фромм видит в появлении подлинного социалистического общества. Идея социализма — самая значительная и серьезная попытка ответа на угрозы человеку со стороны капитализма. По мнению Фромма, надо избавиться от извращенного толкования подлинно социалистических идей, истинного социализма, который является наиболее значительным идеологическим и моральным движением нашей эпохи. Маркс ошибался, когда рассматривал обобществление средств производства не только как необходимое, но и как достаточное условие для превращения капиталистического общества в социалистическое. Фромм считает, что успешное строительство социализма возможно лишь в том случае, если в центр внимания будет поставлен человек, его психическое и социальное здоровье. Человек должен перестать быть «вещью», инструментом, средством для выполнения какой-то цели. Человек должен жить полной жизнью, превратиться в деятельного члена общества, творческую личность, полноправного хозяина собственной судьбы.

В книге «Здоровое общество» Фромм выдвигает свою концепцию социализма, «коммунитарного социализма». Так или иначе человек поймет всю ложность своего существования в капиталистическом обществе и будет стремиться к реконструкции этого общества на социалистических началах, поскольку только в условиях социалистического общества человек может об-

¹ Фромм Э. Бегство от свободы. М., 1990. С. 227.

рести подлинную свободу. Но что понимает Фромм под социализмом? О какой форме социализма он говорит?

Для Фромма неприемлема та форма социализма, которая была установлена в СССР и в ряде стран Восточной Европы. «Согласно марксистскому социализму, социалистическое общество строилось на двух предпосылках: обобществлении средств производства и распределения и централизованной плановой экономике... если бы эти цели удалось осуществить, то автоматически произошло бы освобождение всех людей от отчуждения и наступило бы бесклассовое общество братства и справедливости»¹. Неудача марксистского социализма коренится в переоценке права собственности и чисто экономических факторов. Не учитывается такая сложная система как человек, совокупность духовного и психического мира человека. Между тем Фромм отмечает, что советская система вовсе не означает реализацию социализма в том смысле, как понимали его Маркс и Энгельс. Вместе с тем классики марксизма ошиблись, полагая, что смена типа собственности и плановая, централизованная экономика — достаточное условие для осуществления социальных и человеческих изменений². Советская система едва ли имеет что-либо общего с подлинным социализмом, как он был рассмотрен Марксом, поскольку Маркс ставил целью развитие индивидуальности человеческой личности, а «русский социализм» акцентирует внимание лишь на наращивании экономической мощи, а не на развитии личности.

Фромм утверждает, что явления отчуждения присущи как капиталистическим странам, так и странам социализма. Советская система — это тоталитарная система управляющих (государственный менеджериализм). Централизованное планирование породило еще более сильную степень регламентации и авторитарности. Фромм считает, что Сталин ликвидировал социалистическую революцию и установил административную систему. «Целью Сталина был высокоиндустриализованный централизованный русский государственный менеджериализм»³. Особенностью советской экономики является отсутствие частной собственности на средства производства, а все предприятия управляются административной бюрократией, назначенной государством. Советская бюрократия ничем не отличается от капиталистической. В обеих системах человек, рабочий отчужден от средств производства, процесса производства и конечной цели производства — потребления. Человек — винтик как в частной капиталистической корпорации, так и в гигантской корпорации под названием «советской государство».

Идею установления «коммунитарного социализма» Эрих Фромм выдвинул в 60-е гг. Основным его принципом является не упразднение частной собственности на средства производства, а «соуправление», участие рабочих в процессе принятия определенных решений на промышленных предприятиях. Цель «коммунитарного социализма», считал Фромм, состояла «в создании такой организации промышленности, в которой каждый работающий был бы активным и ответственным участником, где работа была бы привлекательной и осмысленной, где не капитал бы нанимал труд, а труд — капитал»⁴.

По мнению Фромма, «коммунитарный социализм» решит ту основную задачу, которую не решил «неистинный» социализм — к снятию историче-

¹ Фромм Э. Здоровое общество. С. 375.

² Там же. С. 376.

³ Фромм Э. Может ли человек преобладать // Ради любви к жизни. М., 2000. С. 235.

⁴ Фромм Э. Здоровое общество. С. 381–382.

ского и частично экзистенциального отчуждения человека. «Коммунитарный социализм» представляется Фромму в виде небольших организованных коммун, связанных в рамках капиталистического общества. Человек в этих коммунах должен иметь постоянный контакт с другими людьми и оказывать свое непосредственное влияние на хозяйственную и политическую жизнь коммуны. Только с организацией такого «коммунарного социализма», по убеждению Фромма, и будет ликвидировано отчуждение человека.

Центральная проблема «коммунарного социализма» — «не собственность на средства производства, а участие в управлении и принятии решений»¹. Фромм считает необходимым создать такое положение на производстве, при котором человек отдает свое время и энергию тому, что имеет для него смысл. Рабочий должен чувствовать единство не только с товарищем по производству, но с и потребителем. Это можно достичь с помощью новых принципов организации и управления производством. Так, Фромм считает, что рабочие должны быть организованы в достаточно малые группы, даже если на предприятии работает много тысяч рабочих. «Это позволяет индивиду соотносить себя с группой как реальному человеческому существу...». Необходимо, чтобы рабочий был хорошо осведомлен не только о результатах своей работы, но и о работе предприятия в целом. «Если рабочий понимает процесс производства... тогда даже монотонная техническая работа, которую он выполняет, приобретает другой смысл»². Более того, рабочему нужно понимание экономической функции данного предприятия и его отношение к экономическим потребностям и проблемам общества. Но полную отчужденность от труда можно преодолеть лишь в том случае, если человек перестанет быть наемником капитала, станет не объектом приказаний, а ответственным субъектом, нанимающим капитал³. Фромм выдвигает принцип совместного управления и участия рабочих. При этом необходимо пройти по очень тонкой грани централизации и децентрализации, сочетать их друг с другом. «... Альтернатива между централизованным авторитарным управлением и беспланным нескоординированным рабочим управлением вовсе не является неизбежной. Решение следует искать в сочетании централизации и децентрализации, в синтезе между принятием решений сверху вниз и снизу вверх»⁴. Фромм считает, что и потребитель должен участвовать в принятии решений и планировании. Это вытекает из принципа — целью любой работы является служение людям, а не получение прибыли. «... Те люди, которым служат, должны иметь право влиять на процесс труда тех, кто служит»⁵.

«Коммунитарный социализм» предполагает значительное ограничение прав собственности. Но при этом сохраняются предприниматели. «Владелец или владельцы предприятий имеют право на значительную ставку процента, но они не имеют право командовать людьми, которых они наняли на работу с помощью капитала»⁶. Это приводит к исчезновению отчуждения как такового. Так, в сущности, должна разрешиться та «историческая» дихотомия, о которой писал Фромм в книге «Человек для себя».

¹ Фромм Э. Здоровое общество. С. 415.

² Там же. С. 414.

³ Там же. С. 415.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 416.

⁶ Там же.

Одновременно с этим, как считает Фромм, до некоторой степени должна разрешиться и «экзистенциальная» дихотомия, так как, с одной стороны, методы психоанализа помогут раскрепостить «зрожденные» способности человека к любви, вере и рассуждению посредством подавления агрессивных импульсов и освобождения добрых начал в человеке, а с другой стороны, — создание «коммунарного социализма» будет способствовать подлинному расцвету данных способностей человека. Как в том, так в другом случае развитие всех способностей индивида должно основываться на вновь созданной религии любви, которая, в противовес всем предшествующим религиям, действительно отвечает истинным потребностям человека.

«Коммунитарный социализм» Эриха Фромма основывается на таких преобразованиях, которые предполагают, в основном, моральное совершенствование самого человека с последующим раскрытием истинной его природы. Основной акцент делается на изменении культурного климата отдельного человека, а не на коренном преобразовании преобладающих социальных институтов общества.

Идея построения «коммунарного социализма» была выдвинута Фроммом в 1955 г. в книге «Здоровое общество». Несколько лет спустя он пересмотрел свою позитивную программу по оздоровлению буржуазного общества, исходя из тех изменений, которые имели место в американском обществе в конце 60-х гг.

Как и большинство ученых, философов, социологов, психологов, исследующих возможные альтернативы развития общества будущего, Фромм обращается к 2000 г. Поставив вопрос о том, что нас ожидает в ближайшем будущем, Фромм вместе с тем приходит к печальному заключению, что большинство людей просто не осознает тех последствий, которые могут иметь место в 2000 г. Они полагают, что 2000-й г. будет периодом кульминации развития творческих сил человека, борющегося за свободу и счастье, но они не видят, что данный период, если атомная война не погубит человечество раньше, может быть началом периода, в котором человек перестанет быть человеком и превратится в машину без чувств и собственных мыслей¹. Опасность дегуманизованного общества ясно (хотя и интуитивно) осознавали выдающиеся умы предыдущих столетий: Толстой, Маркс, Милль, Оруэлл, Бодлер и многие другие. Сейчас опасность поглощения человека гигантской «мегамашиной» (Фромм использует термин А. Мэмфорда) как никогда велика. «Мегамашина» — это полностью организованная и гомогенная социальная система, в которой общество как таковое функционирует подобно машине, а люди подобно частям»².

Фромм выражает надежду на возможность построения такого общества будущего, в котором технологические и социальные структуры могут быть контролируемы со стороны человеческого разума. Надежда, по мнению Фромма, основывается на следующих факторах: на возможности познания «человеческой природы», познания всего комплекса человеческих проблем, то есть того, что Фромм называет «системой Человека», и на последующем изменении человеческого фактора, анализе и конструировании новой социальной системы; на основе расширяющегося движения протеста против существующего образа жизни, движения, которое сочетает стремление к радикальным

¹ Фромм Э. Революция надежды. С. 320.

² Там же. С. 322.

изменениям в социальной и экономической системе с изменениями в психологическом и духовном подходе к жизни.

В работе «Революция надежды» выдвигается проект движения для реализации идей гуманистического общества. Движение не должно быть бюрократическим и связанным с политическими механизмами. Ученый вновь выдвигает идею создания небольших общностей, в которых люди бы имели контакт «лицом к лицу». Фромм описывает три различные формы (уровни) организации этого движения.

Первый шаг — образование Национального Совета, который можно назвать «Голосом совести Америки». В него бы вошли около 50 человек, способности и репутация которых не вызывают сомнений. Такие же советы можно сформировать и на местном уровне. Члены Совета должны представлять собой лучшие образцы мышления. Советы проясняли бы проблемы, показывали реальные возможности и альтернативы и рекомендовали предполагаемые решения, исходя из рациональности и гуманистических ценностей. «Советы уравнивали бы структуру, основанную на политической власти, представленной правительством, законодательными органами и политическими партиями. Они были бы голосом разума и совести, взывающим к органам власти и к населению в целом»¹.

Следующие два уровня — это «клубы» (численностью от 100 до 300 человек), перемешанные в возрастном и классовом отношении, и «группы» (общности численностью до 25 человек), имеющие свою собственную культуру и свой стиль жизни. Как «Клубы», так и «Группы» должны создавать новые отношения между людьми, основанные на общих «психо-духовных ориентациях и духовных привязанностях». Цель этих социальных групп нового типа — установить менее отчужденные отношения между людьми, удовлетворить потребность человека не только в активном труде, но и потребность делать что-то такое, что по своему значению превосходит ежедневное «делание денег». Это информационный и культурный обмен, публичные дебаты по самым насущным проблемам общества, выполнение различных общественных функций. Причем «клубам» и «группам» не следует быть частью какой-либо политической партии. Это вытекает из природы самого движения. Отношения между Национальным советом, «клубами» и «группами» не должны носить формально-бюрократический характер².

Локальные общности Фромма во многом напоминают организацию «Ното-колоний» Роберта Оуэна. Аналогия небольших общностей Фромма с оуэновскими колониями внутри страны напрашивается еще и потому, что как в том, так и в другом случае авторы возлагают надежду на то, что в этих локальных группах сможет развиваться новый тип человека, соответствующий «истинной человеческой природе». Правда, в отличие от Оуэна, который более 150 лет тому назад попытался на практике воплотить теоретические идеи, Фромм лишь теоретически развивает свои соображения. Наше сравнение взглядов Эриха Фромма и социалиста-утописта Роберта Оуэна не случайно. Да, во многом идеи Фромма утопичны. Но очень часто в истории утопия помогает правильно взглянуть на проблемы стоящие перед обществом и человеком.

¹ Фромм Э. Революция надежды. С. 449–450.

² Там же. С. 452, 458.

Идея Фромма о создании небольших «общностей» со своей собственной культурой, языком и моральными ценностями на практике выливается в формирование молодежных субкультур с их особым восприятием мира и прославлением наркомании и экзистенциальной музыки. Образование групп хиппи, байкеров, рокеров и многих других как аналога организаций малых «общностей» внутри страны отражает до некоторой степени дух поиска молодежью новых форм «психо-духовной ориентации».

Теоретическая программа «здорового общества», идея «коммунитарного социализма» заслуживает особого внимания. Эрих Фромм, как никто другой из философов и социологов XX в., осознал кризис современной цивилизации (как капиталистической, так и социалистической системы) и показал резко и образно ее дегуманизирующее воздействие на человека. Все творчество ученого — это призыв к осознанию, пониманию и действию во имя человека. «Мы находимся в эпицентре кризиса современного человека. У нас в запасе не так много времени. Если мы не начнем сейчас, может оказаться слишком поздно»¹.

Философские, социологические и психологические взгляды Эриха Фромма представляют критическое направление в современной социальной мысли. В своих произведениях с позиций абстрактного натуралистического гуманизма он критикует современное западное общество.

Рассматривая процесс исторического развития не иначе как через призму противоречия между потребностями человеческой природы и возможностью их реализации в определенных общественных условиях, противоречия между необходимостью реализации сущности человеческой природы и сдерживающими внешними социальными факторами, Фромм пытался на конкретном историческом материале показать характер этого противоречия.

Анализируя современное капиталистическое общество, Фромм показывает его несовместимость с требованиями человеческой природы, ценности которой, по его мнению, носят абсолютный гуманистический характер. Свою концепцию человеческой природы он использует в качестве специфического средства для социальной критики этого общества.

Критический подход Фромма к анализу современной цивилизации, общества и культуры позволил ему показать господство в нем алогизма, а точнее, «логики навыворот», при которой всеобщность самообмана носит видимость всеобщей правды, ненормальность кажется нормой, болезнь — здоровьем.

Как мыслитель и гуманист, Фромм не мог пройти мимо проблемы кризиса современного общества и путей его преодоления.

Приложив значительные усилия для осознания и развенчания ряда опасных социальных иллюзий, Фромм пришел к выводу, что причины кризиса предопределены экономическими и психологическими противоречиями самой индустриальной системы. Отдавая должное ее разнообразным достижениям, ученый вместе с тем критически проанализировал великие обещания и большие надежды на безграничный прогресс, которые были характерны для ряда поколений индустриальной эпохи. Вывод Фромма был однозначен: большие надежды на достижение материального изобилия, неограниченной

¹ Фромм Э. Революция надежды. С. 460.

личной свободы, счастья для наибольшего количества людей и господства над природой потерпели крах. Цивилизация оказалась на грани самоуничтожения. Осуществляя поиск новых альтернатив планетарной катастрофе, Фромм пришел к мысли о том, что обязательным условием физического выживания рода человеческого является создание нового человека («радикального изменения человеческого сердца») и нового общества, соответствующего потребностям «неотчужденного и ориентированного на бытие индивида».

Э. Фромм разработал довольно подробную программу изменения человека и общества. Согласно данному проекту в общих чертах спасение человечества от психологической и экономической катастрофы предполагает коренное изменение характера человека, выражающееся в переходе от доминирующей установки на обладание к установке на бытие, а также переход от индифферентного и патологического потребления к здоровому, максимальную децентрализацию промышленности и политики, осуществление индустриальной и политической демократии соучастия и замену бюрократического способа управления гуманистическим.

Философия и социология Э. Фромма — один из наиболее значительных элементов современной западной интеллектуальной культуры. Она придала существенный импульс развитию не только психосоциологических доктрин, но и всей современной западной социологии, одной из вершин которой она, безусловно, является.

Книги Эриха Фромма не утратили своей популярности как в профессиональной среде, так и среди простых читателей во всем мире. Бесчисленное множество людей считают его убедительные и наталкивающие на размышления комментарии по широкому спектру социальных проблем созвучными современности.

Первоисточники для изучения

- Фрейд З. Будущее одной иллюзии // Сумерки богов. М., 1989. С. 94 — 143.
 Фрейд З. Введение в психоанализ. М., 1989.
 Фрейд З. «Культурная» сексуальная мораль и современная нервозность // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 1989. № 3. С. 58 — 70.
 Фрейд З. Психология бессознательного. М., 1989.
 Фрейд З. Психология детских страхов. СПб.: Албука-классика, 2008.
 Фрейд З. Толкование сновидений. СПб.: Албука-классика, 2004.
 Фрейд З. Художник и фантазирование. М.: Республика, 1995.
 Фрейд З. «Я» и «Оно». Труды разных лет. Кн. 1 — 2. Тбилиси: Мерани, 1991.
 Фромм Э. Ситуация человека — ключ к гуманистическому психоанализу // Проблема человека в современной западной философии. М., 1988.
 Фромм Э. Иметь или быть? М., 1990.
 Фромм Э. Искусство любить // Душа человека. М., 1990.
 Фромм Э. Бегство от свободы. М., 1990.
 Фромм Э. Некрофилы и Адольф Гитлер // Вопросы философии. 1991. № 9. С. 103 — 104.
 Фромм Э. Из плена иллюзии // Душа человека. М., 1992.
 Фромм Э. Концепция человека у К. Маркса // Душа человека. М., 1992.
 Фромм Э. Душа человека. М.: Республика, 1992.
 Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М.: АСТ-АТД, 1998.
 Фромм Э. Докат о Христе. М.: АСТ-АТД, 1998.

- Фромм Э. Мужчина и женщина. М.: АСТ, 1998.
 Фромм Э. Психоанализ и этика. М.: АСТ-АТД, 1998.
 Хорни К. Женская психология. СПб., 1993.
 Хорни К. Невроз и личностный рост: Борьба за самоосуществление. СПб.: Восточно-Европейский институт психоанализа и БСК, 1997.
 Хорни К. Невротическая личность нашего времени. Самоанализ. М., 1993.
 Эриксон Э. Г. Детство и общество. СПб.: Летний сад, 2000.
 Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М.: Прогресс, б. г. (1996).
 Эриксон Э. Г. Молодой Лютер. Психодинамическое историческое исследование. М.: Медиум, 1996.

После Второй мировой войны социология как существенная часть значительно более обширной области поведенческих и социально-культурных дисциплин испытала беспрецедентный процесс расширения и развития в самых различных аспектах.

Во-первых, в социологии, так же как практически во всех родственных ей дисциплинах, особенно естественнонаучных и социальных, наблюдался быстрый рост объема научно-исследовательской деятельности и публикаций ее результатов. Стремительно увеличивалось количество журналов, включающих в себя социологические материалы, и быстро возрастало число публикуемых монографий по социологии¹.

Во-вторых, быстро увеличивалась группа, члены которой могли быть названы профессиональными социологами, что подтверждалось ростом числа членов и расширением сферы деятельности соответствующих научных ассоциаций.

В-третьих, социология как наука вышла за чисто академические рамки².

На протяжении двух послевоенных десятилетий быстрее других росла и даже достигла своеобразного расцвета американская социология. Развитие социологии в этой стране, начиная с середины XX в., предопределялось существованием и полемикой целого ряда научных теоретических направлений. Доминирующую роль среди этих направлений, безусловно, играл *структурный функционализм*. Как отмечал Р. Мертон, с момента выхода в свет первых фундаментальных работ, «развитие этой социологической теории претерпело заметный размах»³. Об этом, по его мнению, свидетельствует ряд работ, изданных как в США, так и в Бельгии, Франции, Италии, Бразилии. Их авторы пытались критически пересмотреть, доработать или развить традиционные постулаты положения данной теории⁴. «В функциональной теории, очищенной от тех традиционных постулатов, которые ее окружали и часто превращали всего лишь в новейшую рационализацию существующих методов, социология обретает начальную стадию систематического и эмпирически уместного способа анализа»⁵. — заключал Р. Мертон

Влияние социального бихевиоризма, символического интеракционизма, теорий социального конфликта, психоаналитических концепций на профессиональное сообщество социологов также было весьма значительным.

В то же время нельзя не отметить те *теоретические направления*, которые, хотя и нельзя отнести к ключевым в социологии, также получили плодотворное развитие в анализируемый исторический период. Прежде всего, к ним следует отнести *феноменологическую социологию* и *этнометодологию*.

Феноменологическая социология — направление в социологии XX в., рассматривающее общество как явление, созданное и постоянно воспроизводимое в духовном взаимодействии индивидов. Замысел и исходная посылка феноменологической социологии, по сути, противостояли структурно-функциональному анализу: индивид не является «пленником» социальной структуры, социальная реальность постоянно воссоздается людьми, зависима от их сознания и их интерпретаций. Соответственно, предметом внимания феноменологов стала человеческая субъективность.

Основоположником феноменологического направления в социологии стал австрийский философ и социолог, последователь философа Э. Гуссерля Альфред Шюц¹, работы которого в США стали исходным пунктом множества концепций.

Согласно Шюцу, предметом феноменологии как социологического направления являются смысловые структуры «жизненного мира», то есть мира, отраженного в переживаниях наивно живущего свою повседневную жизнь человека. В феноменологически ориентированной социологии социальная реальность рассматривается как мир значений, переживаемых и интерпретируемых людьми в их повседневной жизни. Природа социальной реальности заключается не в фактической данности, а в осмысленности, предполагающей понимание. В данной связи социальное познание требует от ученого воздерживаться от свойственной обыденному сознанию наивной веры в объективную реальность социальных объектов, для того, чтобы исследовать процесс социального конструирования этих объектов как воплощенных форм человеческой деятельности и интерпретации.

Социальный мир в представлении А. Шюца и его последователей — это результат типизирующей интерпретации ситуаций повседневных взаимодействий, участники которых воспринимают свои мотивы, ожидания и действия как обычные, не выходящие за рамки определенного стандарта, составляющего нормальный порядок вещей. Стандартизированные схемы взаимодействий образуют социальную (анонимную, обезличенную) структуру повседневности. Чем выше степень анонимности и типичности взаимодействий, чем более они стандартизированы и институционализированы, тем более согласованно, успешно, «гладко» протекает повседневная жизнь в целом. Эти готовые схемы типизаций позволяют, с одной стороны, выводить многие взаимодействия за рамки личного влияния и личной проблематики общения. С другой стороны, чем более стандартизировано взаимодействие, тем меньше видится человек в самом себе и в другом.

¹ Парсонс Т. Общий обзор // Американская социология. Перспективы, проблемы, методы / Пер. с англ. В.В. Воронина и Е.В. Зиньковского. М.: Издательство «Прогресс», 1972. С. 361.

² Парсонс Т. Введение // Американская социология. Перспективы, проблемы, методы... С. 26.

³ Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ. 2006. С. 278.

⁴ В их числе Р. Мертон указывает следующие статьи и монографии: Леви-М. М.Д. Структура общества (1953); Дарендорф Р. Структура и функция (1955); Ломвуд Д. Некоторые замечания о социальной системе (1956); Барбер Б. Структурно-функциональный анализ: некоторые проблемы и недоразумения (1956); Бредемейер Г. С. Методология функционализма (1955); Спидо М.И. Типология функционального анализа (1953); Фирл Р. Функция (1956); Гуравич Ж. Концепция социальной структуры (1955) и др. (Прим. авт.)

⁵ Мертон Р. Социальная теория и социальная структура... С. 184.

¹ Альфред Шюц (Alfred Schütz) (1899 — 1959) родился в Австрия, изучал право в Венском университете, затем работал банковским служащим. В 1939 г. эмигрировал в США, где руководил кафедрой социологии и социальной психологии Нью-Йоркской школы социальных исследований. Основные сочинения: «Феноменология жизненного мира» (1932); «Структуры жизненного мира» (1972); «Теория жизненных форм» (1981).

В США идеи Шюца получили развитие в трудах его последователей — Питера Бергера и Томаса Лукмана. Так, работа П. Бергера и Т. Лукмана «Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания»¹ была посвящена анализу того как человек конструирует свой жизненный мир, повседневную реальность и как этот мир повседневности создает самого человека. Эта работа дала импульс появлению специальной отрасли социологии — феноменологической социологии знания, которая изучает возникновение, формирование и распределение знания в обществе. В целом к 70-м гг. XX в. феноменологическая социология получила признание в качестве серьезного, хотя и не доминирующего², направления в теоретической социологии³.

Этнометодология⁴ как научная область изучает «остов знаний, которые люди называют здравым смыслом: ряд соответствующих процедур и соображений, благодаря которым члены социума придают обстоятельствам (в которых они оказываются) смысл, определяют свой способ действий в этих обстоятельствах и воздействия на них»⁵. Основателем этнометодологического направления в социологии выступил американский ученый Гарольд Гарфинкель⁶.

Свои представления об этнометодологии Гарфинкель разрабатывал, начиная с конца 1940-х гг., однако в систематизированном виде они были представлены лишь в 1967 г., когда вышла в свет его книга «Исследования в этнометодологии»⁷.

Гарфинкель, как и Дюркгейм, все социальные явления считает фундаментальными социологическими феноменами. Однако, если согласно Дюркгейму, социальные явления носят внешний и принудительный по отношению к индивидам характер, то у Гарфинкеля (и в его этнометодологии) объективность социальных явлений — это результат свершений «участников» (действующих субъектов. — Н. О.), их методологических действий.

Для этнометодологии объективная реальность социальных фактов — это «локально и эндогенно осуществляемое, естественно организованное, рефлексивно объяснимое, непрерывное практическое дело, везде, всегда, ис-

¹ См.: Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995.

² Craib I. Society as a Conspiracy: Phenomenological Sociology and Ethnomethodology // Craib I. Modern Social Theory. From Parsons to Habermas. Second edition. Eastbourne: Antony Rowe Ltd, 1992. P. 97.

³ О феноменологической социологии см. также: Бабушкин В.У. Феноменологическая философия науки. М., 1983; Ионик А.Г. Феноменологическая социология // Критика современной буржуазной социологической теории. М., 1977; Григорьев А.Г. Социология повседневности А. Шюца // Социологические исследования. 1988. № 2; Смирнова Н.М. От социальной метафизики — к феноменологии «естественной установки» (феноменологические мотивы в современном социальном познании). М., 1997.

⁴ Этнометодология — слово, которое имеет древнегреческие корни и означает методы, к которым прибегают люди в своей повседневной деятельности.

⁵ Heritage J. Garfinkel and Ethnomethodology. Cambridge: Polity Press, 1984. P. 4.

⁶ Гарольд Гарфинкель (Harold Garfinkel) родился в Ньюарке (штат Нью-Джерси) в 1917 г., в 1939 г. окончил университет Ньюарка. В 1942 г. Гарфинкель был призван в состав Военно-воздушных сил США, а затем продолжил обучение в Гарварде, у Толкотта Парсонса. Осенью 1954 г. Гарфинкель занял место в Калифорнийском университете, в котором проработал вплоть до выхода на пенсию в 1987 г. Основной труд — «Исследования по этнометодологии» (1967).

⁷ Garfinkel G. Studies in Ethnomethodology. Englewood Cliffs. New Jersey: Prentice Hall, 1967.

ключительно, всецело являющееся созданием участников, у которых нет перерывов, возможности уклониться от этого, сокрыться, передать его другому, отсрочить или заплатить выкуп. Оно (дело. — Н. О.) является «фундаментальным социологическим феноменом, и, следовательно, предметом изучения»¹.

Другими словами, этнометодология изучает организацию повседневной жизни, или «вечное, обычное общество»². Как писал Гарфинкель, «я использую термин этнометодология для обозначения исследования рациональных свойств индексных выражений и других практических действий как возможных непрерывных достижений организованной искусственной практики повседневной жизни»³.

Одним из ключевых положений этнометодологии Гарфинкеля стала «рефлексивная объяснимость социальных феноменов». Так, акторы с помощью объяснения критически осмысливают и идеализируют конкретные ситуации. Сам процесс выдвижения людьми объяснений для логического осмысления мира получил у него название «истолковывания».

Вслед за Гарфинкелем, представители этнометодологического направления стали уделять большое внимание анализу «объяснений» или «отчетов», данных человеком, а также способам, какими они воспринимаются и принимаются (или отклоняются) другими. При этом особое место отводилось анализу разговоров.

Например, когда студентка объясняет профессору, почему провалилась на экзамене, она предлагает конкретное толкование, тем самым пытаясь придать происшествию определенный смысл, понятный профессору. Этнометодологов интересует природа такого «объяснения», а более широко — практики истолкования, прибегая к которым студентка предлагает «объяснение», а профессор принимает (или отвергает) его.

При анализе «объяснений» представители этнометодологического направления придерживаются позиции «этнометодологического безразличия». То есть они не выносят суждений о природе таких «объяснений», а рассматривают их лишь в плане использования в практических действиях. Кроме того, ими анализируются методы, необходимые как говорящему, так и слушающему, чтобы выдвигать, понимать, принимать или же отвергать данные истолкования.

Развивая эти идеи, представители этнометодологии указывают, что социологи, как и все, предлагают именно «объяснения». Следовательно, сообщения о социологических исследованиях следует расценивать как «объяснения» и анализировать, подобно иным «отчетам». Такой взгляд, по их мнению, разрушает иллюзии относительно деятельности социологов, да и вообще любых ученых. Они утверждают, что значительная доля социологического знания (впрочем, вообще всех наук) состоит из интерпретаций, основанных на здравом смысле. Соответственно, последователи этнометодологии изучают «объ-

¹ Garfinkel G. Respecification: Evidence for Locally Produced, Naturally Accountable Phenomena of Order, Logic, Reason, Meaning, Method, etc. in and as of the Essential Haecceity of Immortal Ordinary Society (I): An Announcement of Studies // G. Button (ed.), Ethnomethodology and Human Sciences. Cambridge: Cambridge University Press, 1991. P. 11.

² Garfinkel G. Evidence for Locally Produced, Naturally Accountable Phenomena of Order, Logic, Reason, Meaning, Method, etc. in and as of the Essential Haecceity of Immortal Ordinary Society (of IV): An Announcement of Studies // Sociological Theory, 1988, № 6. P. 104.

³ Гарфинкель Г. Очерки по этнометодологии. СПб.: Питер, 2007. С. 20 — 21.

яснения» социологов точно так же, как «толкования» непрофессионалов. В результате повседневная деятельность социологов и прочих ученых подвергается в этнометодологии критическому разбору¹.

Ученники Гарфинкеля — Харви Сакс, Иммануил Щеглофф и Гейл Джефферсон — активно пытались способствовать распространению этнометодологии не только в США, но и во всем мире. Однако, несмотря на их усилия, этнометодология постепенно стала включать «ряд более или менее отличных друг от друга, а порой и совершенно несовместимых направлений исследования»², а интересы ее представителей существенно сместились в область лингвистики.

В 60-е гг. XX столетия в Западной социологии возродился интерес к анализу научного наследия К. Маркса, нашедший выражение в марксистской ориентации ряда исследователей.

Западный марксизм в целом представляет собой неоднородное и противоречивое направление, для которого характерна смесь ряда положений из трудов К. Маркса, с элементами, заимствованными других социально-философских и социологических концепций. Развитие марксизма в качестве течения социально-политической мысли началось еще чуть ли не во время жизни самого К. Маркса, однако в Западной социологии марксизм, как правило, никогда не занимал ведущего положения.

Так, в США также вплоть до 50-х годов прошлого столетия большинство теоретиков отвергали ценность социологического наследия К. Маркса, причисляя его в основном к идеологам, которые не внесли сколько-нибудь значительного вклада в развитие научной социологической теории. Начиная же с 60-х годов XX в. ситуация изменилась. Необходимость изучения социологии политики, включая марксистские модели общества, диктовалась самой логикой развития социальной практики США, когда целый ряд социальных движений бросили вызов доминирующему социальному порядку и подвергли сомнению видение социального порядка как основанного на консенсусе, отстаиваемое функционалистами. В данном контексте представление об обществе, близкое к воззрениям К. Маркса, как «раздираемом» социальными противоречиями и потрясаемым широкомасштабными конфликтами, получило определенное преимущество.

Как писал А. Козер, если «еще недавно во всей американской социологии господствовало табу на любые проявления марксизма, сегодня же можно с удовлетворением наблюдать, как марксистские идеи не только внедряются, но и перерабатываются американской социологической мыслью. Мы чрезвычайно выиграли, отказавшись от поведения под гнусным девизом «не знаю и знать не хочу», проявляемого по отношению к марксизму. В последние двадцать или около того лет мы наблюдаем удивительный расцвет марксистской литературы. И все же есть нечто любопытное в этом недавнем ренессансе марксизма в Америке. В то время как Маркс во всех своих работах подчеркивал тесную связь мысли и действия, современный американский научный марксизм развивается только на уровне высокой теории. «Труды» многих молодых ученых, работающих в русле марксизма, имеют целью их интеграцию в академическое сообщество, а не практические результаты. В некоторых

¹ Heritage J., Atkinson J. Introduction // J. Heritage, J. Atkinson (eds.). Structures of Social Action. Cambridge: Cambridge University Press, 1984. P. 13.

² Zimmerman D. Ethnomethodology // American Sociologist. 1978. № 13. P. 6.

случаях эти «марксисты», увлеченные поиском места работы в университете, бывают совершенно неадекватны»¹.

В анализируемый период в Западной социологии получили развитие две основные версии марксизма — гуманистический марксизм и структурный марксизм.

Представители гуманистической версии марксизма развивали основные положения, заимствованные из работ молодого Маркса, взяв на вооружение в качестве основного его тезис «человек — творец истории». Критический пафос гуманистического марксизма, прежде всего, был связан с негативным отношением к «экономическому детерминизму», который в кругах западных социологов марксистской ориентации традиционно считается основным недостатком концепции Маркса.

Видным представителем гуманистического марксизма считается венгерский ученый Дьердь (Георг) Лукач², который ввел термин «реификации». Реификацией он обозначил процесс, посредством которого капитализм дегуманизирует рабочих, делает их пассивными объектами рыночных манипуляций³. Однако наиболее значимое место в гуманистической версии марксизма принадлежит исследователям из Франкфуртской школы, и прежде всего ее лидерам — Макс Хоркхаймеру⁴, Теодору Визенгрунду Адорно⁵ и Герберту Маркузе⁶.

¹ Козер А. Неприятная судьба социолога // Козер А. Функции социального конфликта / Пер. с англ. О.А. Назаровой. М.: Идея — Пресс, Дом интеллектуальной книги, 2000. С. 20.

² Дьердь (Георгий) Бернат Лукач (в западной литературе — Gyorgy Lukacs) (1885—1971) — один из признанных основателей западного марксизма. Основные труды: «История и классовое сознание: исследование по марксистской диалектике» (1923); «Ленин: очерк взаимосвязи его идей» (1924); «Литературные теории XIX века и марксизм» (1937); «Разрушение разума» (1954).

³ How A. Gyorgy Lukacs // Fifty Key Sociologists: The Formative Theorists / J. Scott (ed.). London and New York: Routledge, 2007. P. 21.

⁴ Макс Хоркхаймер (Max Horkheimer) (1895—1973) — немецкий социолог и социальный философ, один из основателей и руководителей Института социальных исследований во Франкфурте на Майне. После прихода в Германии к власти нацистов он эмигрировал в США, где разработал принципы критической теории. В 1950 г. вместе с Ф. Поллоком и Т. Адорно, Хоркхаймер восстановил Институт социальных исследований на родине. С 1951 по 1953 годы был ректором Франкфуртского университета, а затем — приглашенным профессором Чикагского университета, а в 1966 г. он переехал в Швейцарию. Основные труды: «Традициональная и критическая теория» (1937); «Помрачение разума» (1947); «Диалектика просвещения» (1947) (в соавторстве с Т. Адорно); «Заря и упадок» (1978).

⁵ Теодор Адорно (Theodor Adorno) (1903—1969) — немецкий социолог и социальный философ, ставший членом Института социальных исследований в 1938 г. Являлся руководителем проекта «Авторитарная личность», который послужил изучению источников авторитаризма и антисемитизма в Западной Германии и США (1950). С 1959 г. Т. Адорно был со-директором Института социальных исследований во Франкфурте, в 1964 г. был избран председателем Германского социологического общества. Основные труды: «Философия новой музыки» (1949); «О современном состоянии эмпирического социального исследования» (1952); «Социология и эмпирическое исследование» (1957); «Негативная диалектика» (1966); «Позитивистское течение в немецкой социологии» (1969).

⁶ Герберт Маркузе (Herbert Marcuse) (1898—1979) — социолог и философ, интеллектуальный лидер «новых левых». В 1933 г. присоединился к Институту социальных исследований во Франкфурте, затем эмигрировал в США и с 1934 г. жил в Нью-Йорке. Долгие годы он преподавал в американских университетах, оказал значительное интеллектуальное влияние на политическую жизнь в США. Основные труды: «К феноменологии исторического материализма» (1928); «О конкретной философии» (1929); «Трансцендентальный марксизм» (1939); «Разум и революция. Гегель и подъем социальной теории» (1941); «Эрос и цивилиза-

К Франкфуртской школе в разное время также примыкали В. Беньямин, А. Левенталь, Ф. Вайль, К.А. Виттфогель, Ф. Поллок, К. Корш, Х. Арентс. Многие специалисты к Франкфуртской школе относят и Эриха Фромма, хотя этот ученый занимал в ней особое положение, считая себя не связанным ее «институциональными рамками». Фромм развивал в основном идеи З. Фрейда, что дает основание рассматривать его более как представителя неофрейдизма. Тем не менее знаменитый проект Франкфуртской школы «Авторитарная личность»¹ был основан на концепции «авторитарного характера», разработанной именно Фроммом.

Ученые, создавшие Институт социальных исследований во Франкфурте, предложили гуманистическую, открытую и своеобразную версию марксизма. В рамках этой версии нашел отражение своеобразный синтез философии и политэкономии К. Маркса, психоанализ З. Фрейда, взгляды К. Мангейма, социологические идеи М. Вебера и др. Важным вкладом Франкфуртской школы в теоретическую социологию стала критика марксистской теории, попытка обогатить ее психологическим содержанием, представлениями о личности современного человека. В основе методологии исследователей Франкфуртской школы лежат возвращение к философским взглядам молодого К. Маркса и ревизия преобладавшей тогда официальной советской интерпретации марксизма, которую франкфуртцы считали чрезмерно «экономизированной» и «сверхдетерминистской». С точки зрения представителей Франкфуртской школы социология Маркса не выполнила своей миссии — помочь людям, оказавшимся под прессом современного общества. Когда социологи рассматривают общество как целое, утверждали франкфуртцы, они зачастую игнорируют взаимоотношения индивида и общества. Хотя большинство из них не виновны в этом, но, так или иначе, они не способны осмыслить те политические изменения, которые сделали бы общество более гуманным.

В центр внимания теоретиков Франкфуртской школы попало современное им капиталистическое общество. Они полагали, что система господства, созданная в таком обществе, является глубоко порочной и губительной для человеческой личности. Господство социальных и культурных структур над людьми является результатом особого пути исторического развития, не характерного для всего человечества. Самое печальное, по мнению франкфуртцев, — то, что люди в большинстве своем не понимают и не чувствуют болезненности современного общества, в котором живут. Результатом является полное отчуждение человека от природы, общества, других людей и самого себя. Если марксистская концепция, нацеленная в первую очередь на экономические проблемы, попала «в сети экономического детерминизма», то их критическая методология ориентирована на социокультурные проблемы, прежде всего, на исследование культурных феноменов как отражения реальности современного западного общества. В этом плане очевидно влияние на критическую школу не только К. Маркса, но и М. Вебера, рассматривавшего рациональность в качестве доминанты развития современного мира².

ция» (1955); «Советский марксиззм» (1958); «Одномерный человек: исследование идеологии развитого индустриального общества» (1968); «Эссе об освобождении: психоанализ, политика и утопия» (1970); «Контрреволюция и восстание» (1972).

¹ Адорно Т. и др. Исследование авторитарной личности / Под общей редакцией В.П. Кулыгина. М.: Серебряные нити, 2001.

² См. подробнее: Социальная философия Франкфуртской школы (Критический очерк). М.: Изд-во Мысль, 1975; Михайлов И.А. Макс Хоркхаймер. Становление Франкфуртской

Структурный марксизм как социологическое направление стал развиваться в Западной Европе, преимущественно во Франции сразу после Второй мировой войны, когда учение К. Маркса стало предметом исследований и споров по поводу его адекватности для анализа современных обществ и их трансформаций. Основоположники структурного марксизма базировали свои тезисы на поздних трудах К. Маркса и утверждали, что человеческое бытие является продуктом крупных социальных структур. Соответственно, внимание исследователей сосредоточилось на проблемах зависимости социальной структуры от экономических отношений, классовой борьбы и социалистической идеологии.

Одной из самых заметных фигур среди французских марксистов — структуралистов был Луи Альтюссер³. Этот ученый интерпретировал марксизм одновременно и как общую теорию науки и философии, и как своеобразную революцию в обществоведении. В первую очередь он выделил теоретико-познавательные проблемы марксистской философии и проанализировал концептуально-логическое построение труда «Капитал» К. Маркса с позиций, близких к идеям структурализма.

Альтюссер был убежден в существовании очевидного «эпистемологического разрыва» между работами молодого и зрелого К. Маркса. Этот разрыв, по его мнению, состоит в переходе К. Маркса от философской субъективности (идеологической позиции) к абстрактной теории (научной позиции).

Альтюссер выделил на два этапа «гуманистического развития» К. Маркса. *Первый этап* отмечен господством рационалистически — либерального гуманизма, близкого скорее к мыслям Канта и Фихте, чем к философии Гегеля. *Второй этап* (1842 — 1845) — господством новой формы гуманизма: «коммунитарного» гуманизма Фейербаха. *После 1945 г.* начинается период научной переориентации этого мыслителя, предопределившей создание зрелой теории⁴.

Согласно Альтюссеру, суть зрелой марксовой теории — в анализе структуры общества и законов, а не свободно действующих лиц, которые на самом деле управляют этими структурами. Эта теория с особой наглядностью представлена в «Капитале» К. Маркса. В частности, он признавал, что в 1845 г. Маркс сделал беспрецедентное по значимости научное открытие: основал новую науку — науку об истории общественных формаций. Эта наука, с точки зрения Альтюссера, предполагала решительный отказ от теорий, выводив-

школы социальных исследований. Часть 1. 1914 — 1939 гг. М.: ИФ РАН, 2008; Михайлов И.А. Макс Хоркхаймер. Становление Франкфуртской школы социальных исследований. Часть 2. 1940 — 1973 гг. М.: ИФ РАН, 2010; Критическая социология Франкфуртской школы // Полякова Н.А., Афанасьев В.В. Немецкая социология. М.: Канон, 2010.

³ Луи Альтюссер (Louis Althusser) (1918 — 1984) родился в Бирмандре (Алжир), среднее образование получил в Марселе. В июле 1939 г. он успешно сдал вступительные экзамены и стал студентом Высшей нормальной школы, но во время Второй мировой войны попал в плен и провел пять лет в лагере для военнопленных в Германии. С 1945 по 1948 г. продолжал свое философское обучение в ВНШ, затем был назначен в ней ассистентом (позднее стал преподавателем философии, старшим преподавателем и, наконец, лектором). В 1948 г. он вступил во Французскую коммунистическую партию, стал активистом и принимал деятельное участие в движении пацифистов. Основные труды: «За Маркса» (сборник текстов, опубликованных с 1961 по 1965 гг.) и «Читать "Капитал"» (в соавторстве с Жаком Рансьером, Пьером Машире, Этьенном Баллибаром и Роже Этабле) (1965).

⁴ См. Альтюссер Л. За Маркса / Пер. с франц. А.В. Денежкина. М.: Практика, 2006. С. 17 — 20.

щих историю и политику из сущности человека. Таким образом, принципиальной заслугой зрелого Маркса стало формирование теории истории и политики, основанной на радикально новых понятиях — общественной формации, производительных силах, производственных отношениях, надстройке, идеологии, экономической детерминации и т. д.¹

В дальнейшем, продолжая разрабатывать структурную версию марксизма, Альтюссер представил познание труда Маркса как первый структуралистский анализ капиталистического общества. Он принимал позицию Маркса относительно определяющей роли экономического фактора, но эта роль являлась для него определяющей лишь «в конечном счете». При всей важности экономического базиса он был убежден, что огромную, если не первостепенную значимость, имеют и другие структурные компоненты капиталистического общества.

Следует отметить, что несмотря на то, после Второй мировой войны центром мировой социологии продолжали оставаться США, где для социологов были созданы довольно благоприятные экономические и интеллектуальные условия, в странах Западной Европы социология активно возобновила свое развитие.

Так, начался процесс бурной институционализации социологии во Франции, а сама эта наука утвердилась в энергичном стремлении к познанию социальной реальности и стала более открытой эмпирическим исследованиям². Это возрождение социологии во Франции стало возможным благодаря инициативе ряда выдающихся французских социологов.

Одним из них был Георгий Давыдович Гурвич — ученый российского происхождения, вынужденно эмигрировавший во Францию и взявший имя Жорж Гурвич³. Так, в 1946 г. Гурвич создал Центр социологических исследований при лаборатории Национального Центра научных исследований Франции, а также основал «Международный журнал по социологии».

Как теоретик Гурвич считал, что настоящая социология должна, прежде всего, избавиться от двух опасностей: чисто аналитического эмпиризма и исключительно спекулятивной теоретизации, а также — от громоздких теоретических систематизаций, к которым он, в частности, относил дюркгеймизм,

¹ См. Альтюссер Л. За Маркса / Пер. с франц. А.В. Денежкина. М.: Праксис, 2006. С. 17 — 18.

² См. подробнее: Осипова Н.Г. Предмет социологии во Франции. М.: ИИЦ ИСПИ РАН, 1997.

³ Жорж Гурвич (George Gurwitsch) (1894 — 1965) родился в Новороссийске. В 1917 г. он получил магистерскую степень по юриспруденции в Петроградском университете, начал было готовить себя к профессорскому званию. Однако после прихода к власти большевиков Гурвич занял самостоятельную, критическую позицию по отношению к проводимым преобразованиям, за что и был изгнан из своей страны. Первоначально Гурвич остановился в Берлине, затем жил в Праге, а в 1925 г. переехал во Францию, где затем оформил французское гражданство. Когда началась Вторая мировая война, Гурвич вступил в ряды французской армии и участвовал в боевых действиях на стороне Франции. Однако после перемирия (20 июня 1940 года) и демобилизации был вынужден эмигрировать в США. По окончании войны Гурвич вернулся во Францию, где получил место профессора университета Сорбонны и стал одной из центральных фигур французской социологии. Основные труды: «Эссе по социологии» (1938); «Декларация о социальных правах» (1946); «Актуальные вопросы социологии» (1950); «Социальный детерминизм и человеческая свобода» (1955); «Социологический трактат» (1958); «Понятие социальных классов от К. Маркса до наших дней» (1958); «Современное предназначение социологии» (1958); «Диалектика и социология» (1962); «Социальные рамки познания» (1967).

марксизм и структурный функционализм. По его мнению, в социологии следует также искоренить номинализм, детерминизм и догматизм⁴. В данной связи и на протяжении нескольких десятилетий он развивал собственный методологический подход к познанию социальной реальности, который назвал «диалектическим гиперэмпиризмом».

Для Гурвича диалектический гиперэмпиризм тесно «связывает опыт с теоретизацией, объяснение с пониманием, а также отвергает любое противопоставление индивидуального и социального»⁵. Предметом социологии служат «целостные социальные феномены», исследуемые одновременно на всех глубинных уровнях, во всех аспектах в процессе их структуризации, деструктуризации и разрушения⁶.

В целом для этого ученого были характерны призывы к конкретности, к сближению с историей, с диалектикой. С позиции плюрализма этот ученый выступал как против материализма, так и против идеализма. Указывая на противоречивый характер общественного развития, он считал радикально непримиримыми отношения между классами и доказывал неизбежность социального антагонизма. Гурвич резко критиковал капиталистическое общество, указывал на необходимость и неизбежность социальной революции.

Другим выдающимся французским социологом и политическим деятелем, который внес большой вклад в институционализацию социологии во Франции, был Раймон Арон⁷. Так, в 1958 г. благодаря усилиям Арона в ряде университетов Франции были открыты историко-филологические факультеты и факультеты общественных наук, выпущен журнал «Европейские архивы по социологии». В 1959 г. под руководством Арона начал свою деятельность Центр европейской социологии.

Диапазон научных интересов Арона был очень широк. Социологические взгляды этого ученого во многом отражены в его книге «Этапы развития социологической мысли»⁸. В этой книге он предпринял сравнительный анализ идейного наследия крупнейших социологов — Ш. Монтескье, О. Конта, К. Маркса, Э. Дюркгейма, В. Парето и М. Вебера, а также попытался ответить на фундаментальные вопросы социологического знания: С какой даты начинается социология? Какие авторы достойны того, чтобы считаться родона-

⁴ Cain Ch., Grestle F. Histoire de la Sociologie, Paris: La Decouverte, 1992. Vol. 2. P. 64.

⁵ Там же.

⁶ См. подробнее: Осипова Н.Г. Диалектическая социология Ж. Гурвича // История социологии: учебник / Отв. ред. Г.В. Осипов, В.П. Култыгин. М.: Норма, 2009.

⁷ Раймон Арон (Raymond Aron) (1905 — 1983) в 1924 г. поступил в Высшую педагогическую школу, в 1930 г. читал лекции в Кельнском университете, с 1931 по 1933 год — преподавал в Берлине. В 1933 — 1934 работал в Университете в Гаара, 1934 — 1939 годах — в Париже секретарем Центра общественной документации Высшей педагогической школы. После войны совмещал преподавательскую и научную работу с карьерой политического обозревателя в различных изданиях. Основные труды: «Современная немецкая социология» (1935); «Критическая философия истории» (1938); «Отум для интеллектуалов» (1955); «Индустриальное общество и война» (1959); «Мир и война между нациями» (1962); «Влажный спор» (1963); «Восемнадцать лекций об индустриальном обществе» (1963); «Классовая борьба» (1964); «Демократия и тоталитаризм» (1965); «Эссе о свободах» (1965); «Этапы развития социологической мысли» (1967); «Разочарование в прогрессе» (1969); «Осмысление войны: Клаузерниц» (1976); «В защиту улагодной Европы» (1977); «Межуары: 50 лет политических размышлений» (1983).

⁸ Арон Р. Этапы развития социологической мысли. М.: Издательская группа «Прогресс», «Универс», 1993.

чальниками или основателями социологии? Какое определение социологии принять?»¹

Одной из особенностей творчества Арона являлась острая критика идеологии марксизма. Так, ряд сочинений Арона, в частности «От одного святого семейства к другому» и «Воображаемые марксизмы» содержит остроумную критику претензий западных «неомарксистов» [Ж.П. Сартра, Г. Маркузе, Л. Альтюссера] на открытие «аутентичного Маркса» и творческое развитие его учения применительно к современной эпохе. Во всем этом Арон видел (при той значимости, которую имел марксизм) дополнительное доказательство исторической произвольности той или иной философской позиции и важности политических мифов. В этом смысле марксизм был, по его мнению, составной частью «опиума интеллектуалов»². Так, в 1955 г. этот ученый издал шумевшую книгу «Опиум для интеллектуалов», которая вышла в свет за год до доклада Н.С. Хрущева на XX съезде КПСС и «обстоятельства способствовали ее успеху, несмотря на вызванный ею гнев»³.

Особого внимания заслуживают социально-политические взгляды Арона, его исследования политики как особой сферы общественной жизни, а также трактовка им тоталитарного политического режима, основные черты которого он выделил в своей книге «Демократия и тоталитаризм»⁴.

Наряду с несомненными достижениями, достигнутыми за первые послевоенные десятилетия, перед мировой социологией, особенно социологией в США, встал ряд острых проблем.

Первая проблема касалась взаимосвязи между теоретическими моделями объяснения исследуемых явлений реальности и получаемым фактическим материалом. Так, в сборнике «Основные тенденции исследования в социальных и гуманитарных науках» П. Лазарфельд, характеризуя американскую социологию, указывал на то, что анализ эмпирических данных проводился отнюдь не с позиций общесоциологической теории. По его мнению, такие «достаточно важные для анализа и вполне концептуализированные понятия, как референтные группы, роли, стратификация, социализация и т. п., совершенно не образовывали взаимосвязанного целого, составляющего теорию общества»⁵.

Вторая проблема заключалась в том, что обозначенный период в американской социологии был периодом «не консолидации и синтеза, а расширения, экспериментирования в области идей и методов»⁶. При таком «расширении» данные некоторых областей социологии оказывались несопоставимыми из-за отсутствия общего языка. Отсутствие же единой социальной теории создавало такое положение, что большое количество эмпирических данных «повисало в воздухе, оставаясь необъясненным, не включенным в общую картину социальной реальности»⁷.

¹ Арон Р. Этапы развития социологической мысли ... С. 26.

² Alsat P. Les Sociologies Contemporaines. Paris: Seuil, 1990. P. 14–15.

³ Арон Р. Мемуары. 50 лет размышлений о политике. М.: Научно-издательский центр «Ладосир», 2002. С. 630.

⁴ Арон Р. Демократия и тоталитаризм. М.: Текст, 1993.

⁵ Lazarsfeld P. La Sociologie // Tendances Principales de la Recherche dans les Sciences Sociales et Humaines. Partie 1. Sciences Sociales, UNESCO, Paris, 1970. P.

⁶ Парсонс Т. Введение // Американская социология. Перспективы, проблемы, методы / Пер. с англ. В.В. Воронина и Е.В. Зиньковского. М.: Прогресс, 1972. С. 26–27.

⁷ Осипов Г.В. Предисловие // Американская социология. Перспективы, проблемы, методы / Пер. с англ. В.В. Воронина и Е.В. Зиньковского. М.: Прогресс, 1972. С. 14.

Третьей проблемой, особенно острой для американской социологии, был абстрактный эмпиризм. Так, «современный американский социолог являл собой, прежде всего, собирателя фактов, главными рабочими инструментами которого все еще являлись техника интервьюирования и статистический анализ. Главнейшей методологической заботой такого социолога были адекватность и надежность его наблюдений и связанные с этим проблемы измерения. В результате он оказался захлестнутым морем фактов и тем не менее страдающим от жажды: он жаждет утолить потребность в надежных теориях, которые могли бы упорядочить эти факты»¹.

Четвертой проблемой являлась несопоставимость фактов, полученных в результате различного рода эмпирических исследований, в рамках даже одной социологической теории. В частности, американский социолог Р. Макгиннис отмечал: «язык теории и язык исследования стали настолько чужды друг другу, что перевод с одного языка на другой оказался практически невозможным. Что у теоретика «каузация», у эмпирика — «корреляция» и т. д. В теории у нас есть мощные основополагающие понятия: «роль», «статус», «власть» и т. п. В исследовании мы применяем эмпирические категории, такие как «возраст», «пол», «профессия»»². Более того, различные исследователи предлагали свои объяснительные схемы одним и тем же социальным явлениям. В результате появилось множество несопоставимых «переменных» и эта несопоставимость делала чужими друг другу даже тех исследователей, которые изучают одно и то же явление. Таким образом, проблема единой социологической теории и связи теории с объяснительными моделями, построенными на уровне эмпирических исследований, оставалась для американской социологии нерешенной.

Пятой проблемой стал выход американской социологии за чисто академические рамки. С одной стороны, позитивным представлялся тот факт, что все большее количество социологов стало работать по заданиям различных политических и промышленных организаций, решая их текущие практические задачи. С другой стороны, такая тенденция имела и свои отрицательные стороны.

Так, американский социолог Н.У. Сторер указывал на то, что «ученый, принятый на службу специально из-за его исследовательских способностей, должен был подчиняться требованиям своего работодателя. Следовательно, он не мог быть полностью свободным в выборе проблематики своих исследований и руководствоваться только соображениями расширения знания, и тем самым, становился менее «эффективен» как ученый»³.

Именно эта совокупность проблем во многом обусловила кризисные тенденции в социологии, ставшие специальным предметом исследований. Так, американские «леворадикальные» социологи Чарльз Райт Миллс и Алвин Гоулднер в своих трудах не только детально и критично проанализировали причины стагнации современной им социологической науки, но и попытались по-новому представить ее предназначение.

¹ Макгиннис Р. Новое в методах исследования // Американская социология. Перспективы, проблемы, методы / Пер. с англ. В.В. Воронина и Е.В. Зиньковского. М.: Прогресс, 1972. С. 150–151.

² Макгиннис Р. Новое в методах исследования ... С. 151.

³ Сторер Н.У. Социология науки // Американская социология. Перспективы, проблемы, методы / Пер. с англ. В.В. Воронина и Е.В. Зиньковского. М.: Прогресс, 1972. С. 256.

Чарльз Райт Миллс¹ выбрал для себя роль интеллектуального просветителя, теоретика и пропагандиста, который способен обличать пороки капиталистического общества и, возможно, помочь изменить это общество в лучшую сторону. Его социологическое творчество было проникнуто духом критики, отчасти вдохновленной работами К. Маркса. Миллс считал, что социология призвана заниматься изучением многообразия социальных миров, человеческих групп, социальных категорий, человеческих характеров и т. п. При этом важны не только сами социальные объекты, но и смыслы, которые люди придают этим объектам. Поэтому социология изучает смыслы, которые люди вкладывают в свои действия, и производит упорядочивание социальной реальности посредством изучения отдельных биографий, человеческой истории и их пересечения внутри социальных структур.

Согласно Миллсу, социальная структура представляет собой определенный тип связи социальных институтов, классифицированных в соответствии с выполняемыми ими функциями. Социальные структуры, как правило, находятся под политической властью. Все эти моменты составляют целостный контекст, который осмысливается с помощью социологического воображения. Под социологическим воображением он понимал особое качество ума, которое позволяет людям «достичь ясного понимания того, что происходит как в мире, так и с ними самими»². Посредством социологического воображения человек обретает способность связать собственную биографию с историческим временем и социальной структурой, в которых он живет и сравнить себя с другими людьми. Именно социологическое воображение имеет шанс разобраться в качестве человеческой жизни, присущем нашему времени³.

По мнению Миллса, социология должна стоять на службе обществу, базироваться на социологическом воображении и нести преобразующую общественную функцию. Адекватно сформулированные задачи общественных наук должны включать исследования общества, личности, биографий, исторического процесса и всевозможные взаимоотношения между ними.

Алвин Гоулднер⁴ вошел в историю социологии в качестве основателя концепции «рефлексивной социологии» как области исследований, предметом

¹ Чарльз Райт Миллс (Charles Wright Mills) (1916—1962) родился в Техасе, вне семьи он всегда был известен как «Райт». В 1939 г. одновременно получил степени бакалавра и магистра в социологии. В сентябре 1942 г. защитил докторскую диссертацию на тему «Социологический счет прагматизма: эссе по социологии знания». В 1945 г. принял приглашение на работу на должность научного сотрудника в Бюро прикладных социальных исследований в Колумбийском университете, где уже через год стал ассистентом профессора. В 1956 г. в этом же университете, где он фактически провел большую часть своей жизни, ему было присуждено звание профессора. Основные труды: «Профессиональная идеология социальных патологов» (1943) — статья; «Новые люди у власти» (1948); «Белые воротнички: средний класс Америки» (1951); «Характер и социальная структура» (в соавторстве с Х. Гертом) (1953); «Властвующая элита» (1956); «Социологическое воображение» (1959); «Марксисты» (ред.) (1962).

² Миллс Ч.Р. Социологическое воображение / Пер. с англ. М.: Издательский Дом «Стратегия» 1998. С. 112.

³ Там же. С. 256.

⁴ Алвин Гоулднер (Alvin Gouldner) (1920—1980) вошел в науку как исследователь проблем бюрократии в сфере промышленности. Результатом этих исследований стала работа «Модели индустриальной бюрократии» (1954). В этих исследованиях А. Гоулднер опирался на господствовавшую в то время в социологии США методологию структурно-функционального анализа, наиболее яркими представителями которого были американские социологи

которой становится сама социология, мир социологов, отношения социологов и общества в целом.

Согласно Гоулднеру, историческая миссия рефлексивной социологии, «состоит, вероятно, в том, чтобы преобразовать самого социолога, глубже проникнуть в его повседневную жизнь и работу, обогащая их и делая его более восприимчивым, и поднять самосознание социолога до нового исторического уровня. В той мере, в какой ей это удастся, и чтобы ей это удавалось и потом, рефлексивная социология должна и сейчас, и в дальнейшем быть радикальной социологией. Радикальной, поскольку она должна понять, что познание мира не может продвигаться вперед без знаний социолога о самом себе и своем положении в социальном мире, или без его усилий это изменить. Радикальной, поскольку она стремится как преобразовать, так и познать другой мир, и вне социолога, и в нем самом. Радикальной, поскольку она признает тот факт, что корни социологии уходят в природу социолога как человека во всей его целостности, и поэтому вопрос, который должен стоять перед ним, это не просто вопрос, как работать, но вопрос, как жить»¹.

Историческая миссия рефлексивной социологии заключается в том же, «чтобы преодолеть социологию в той форме, в которой она существует сегодня. Углубляя наше понимание своего собственного социологического «я» и нашего положения в мире, мы можем, я считаю, одновременно помочь вывести новую породу социологов, которые будут способны лучше понимать других людей и их социальный мир»², — писал Гоулднер.

Развитие западной социологии в последующие десятилетия во многом подтвердило правоту этих леворадикальных социологов. С одной стороны, социология оставалась наукой, в которой по-прежнему не просто соперничали, но часто противодействовали друг другу различные теоретические направления и школы. С другой стороны, в социологии наметились интеграционные тенденции. Несмотря на то, что так и не удалось обосновать и создать единый фундамент единого социологического знания, не прекращались попытки придать ему большую целостность, взаимосвязанность. Но самое главное — в социологическом сообществе стало расти осознание ответственности социологов перед современным обществом, перед тенденциями к глобализации современного мира и одновременно к его партикуляризации, что неизбежно нашло отражение в теоретических конструкциях последней трети XX — начала XXI столетий.

Т. Парсонс и Р. Мертон. В 60—70-е гг. XX в. Гоулднер перешел к анализу состояния мировой социологии, который нашел отражение в сочинении «Наступающий кризис западной социологии» (1971).

¹ Гоулднер А.У. Наступающий кризис западной социологии: Пер. с англ. СПб.: Наука, 2003. С. 546—547.

² Там же. С. 547.

- Агорно Т. Исследование авторитарной личности / Под общ. ред. В.П. Култыгина. М.: Серебряные нити, 2001.
- Альлюссер А. За Маркса / Пер. с франц. А.В. Денежкина. М.: Праксис, 2006.
- Американская социология. Перспективы, проблемы, методы / Пер. с англ. В.В. Воронина и Е.В. Зиньковского. М.: Прогресс, 1972.
- Андреева Г.М., Богомалова Н.Н., Петровская А.А. Современная социальная психология на Западе [теоретические направления]. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1978.
- Антонович И.И. Социология США. Проблемы и поиски решений. Минск, 1976.
- Арон Р. Мемуары. 50 лет размышлений о политике. М.: Ладомир, 2002.
- Арон Р. Этапы развития социологической мысли. М.: Издательская группа «Прогресс» «Универс», 1993.
- Арон Р. Демократия и тоталитаризм. М.: Текст, 1993.
- Байбурин А.К. Бронислав Малиновский и его научная теория культуры // Малиновский Б. Научная теория культуры / Пер. с англ. И.В. Утехина. 2-е изд. М.: ОГИ, 2005.
- Бандура А. Теория социального научения / Пер. с англ.; Под ред. Н.Н. Чубарь. СПб.: Евразия, 2000.
- Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности трактат по социологии знания. М.: Меддум, 1995.
- Блау П.М. Исследования формальных организаций // Американская социология. Перспективы, проблемы, методы / Пер. с англ. В.В. Воронина и Е.В. Зиньковского. М.: Прогресс, 1972.
- Баумер Г. Общество как символическая интеракция // Современная зарубежная социальная психология. М.: Издательство Московского университета, 1984.
- Бурганова Л.А. Ранняя американская социология: поиски теории социального порядка и прогресса. М.: Изд-во НИКЦ «Эльф-3», 2005.
- Бурганова Л.А., Савкина Е.Г. Теория управления Элтона Мэйо. Казань: КГТУ, 2007.
- Вирт Л. Урбанизм как образ жизни // Социальные и гуманитарные науки. Сер. II. Социология. 1997. № 3.
- Ганжа А.О. Польский крестьянин в Европе и Америке // Социологическая энциклопедия: В 2 т. М.: Мысль, 2003.
- Гарфинкель Г. Очерки по этнометодологии. СПб.: Питер, 2007.
- Гештальт-психология и социально-когнитивная теория личности. К. Левин и А. Бандура. СПб.: Прайм-Еврознак, 2007.
- Голофаст В.Б. Методология социологического исследования // Российская социологическая энциклопедия / Под общ. ред. Г.В. Осипова. М.: Норма-ИНФРА-М, 1998.
- Голднер А.У. Наступающий кризис западной социологии: Пер. с англ. СПб.: Наука, 2003.
- Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни: Пер. с англ. А.Д. Ковалева. М.: Канон-Пресс-Ц; Кучково поле, 2000.
- Гофман Э. Ритуал взаимодействия: Очерки поведения лицом к лицу / Пер. с англ., под ред. Н.Н. Богомаловой, Д.А. Леонтьева. М.: Смысл, 2009.
- Григорьев А.Г. Социология повседневности А. Шюца // Социологические исследования. 1988. № 2.
- Дарендорф Р. Современный социальный конфликт. Очерк политики свободы / Пер. с нем. А.Ю. Панфиной. М.: РОССПЭН, 2002.
- Дарендорф Р. Тропы из утопии. Работы по теории и истории социологии / Пер. с нем. Б.М. Скуратова, В.А. Лизнекова. М.: Праксис, 2002.
- Дарендорф Р. Элементы теории социального конфликта // Социологические исследования. 1994. № 5.
- Здравомыслов А.Г. Конфликт социальный // Новая философская энциклопедия: В 4 т. М.: Мысль, 2010. Т. II.
- Добренчиков В.И. Критика неопределенной концепции Эриха Фромма. М., 1972.
- Добренчиков В.И. Неопределенность в поисках истины. М., 1974.
- Добренчиков В.И. Психоаналитическая социология Эриха Фромма. М., 2006.
- Зенкин С. Морис Хальбвакс и современные гуманитарные науки // Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / Пер. с франц. и вступит. статья С.Н. Зенкина. М.: Новое издательство, 2007.
- Золотовицкий Р. Предисловие // Морено Я. Социометрия: Экспериментальный метод и наука об обществе: Пер. с англ. М.: Академический проект, 2004.
- Зомбарт В. Социологии: Пер. с нем. 2-е изд., стереотипное. М.: Едиториал УРСС, 2003.
- Зыкова А.Б. Рационализм // Новая философская энциклопедия. В 4 т. М.: Мысль, 2003.
- Ионин А.Г. Возникновение символического интеракционизма [Ч. Кули, У. Томас, Дж. Г. Мид] // История теоретической социологии: В 4 т. Т. 3. М.: Канон, 1997.
- Ионин А.Г. Символический интеракционизм и феноменологическая социология: между кризисом и стабильным сознанием // Очерки по истории теоретической социологии. М.: Наука, 1994.
- Ионин А.Г. Феноменологическая социология // Критика современной буржуазной социологической теории. М., 1977.
- Касагин И.Т. Традиции // Новая философская энциклопедия: В 4 т. М.: Мысль, 2003. Т. IV.
- Квадрат // Словарь символов / Авт.-сост. М.В. Адамчик. Минск: Харвест, 2010.
- Кейрнс Х. Предисловие // Малиновский Б. Научная теория культуры / Пер. с англ. И.В. Утехина. 2-е изд. М.: ОГИ, 2005.
- Келли Дж. Плодотворность научной теории // Келли Д.А. Теория личности. Психология личных конструктов / Пер. с англ. и науч. ред. А.А. Алексеева. СПб.: Речь, 2000.
- Ковалев А.Д. Книга Ирвинга Гофмана «представление себя другим в повседневной жизни» и социологическая традиция // Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни / Пер. с англ. А.Д. Ковалева. М.: Канон-Пресс-Ц; Кучково поле, 2000.
- Козер Л. Завершение конфликта // Козер Л. Функции социального конфликта. М., 2000.
- Козер Л. Мастера социологической мысли. Идеи в историческом и социальном контексте. М.: Норма, 2006.
- Козер Л. Нетипичная судьба социолога // Козер Л. Функции социального конфликта / Пер. с англ. О.А. Назаровой. М.: Идея – Пресс, Дом интеллектуальной книги, 2000.
- Козер Л. Предисловие к русскому изданию // Козер Л. Функции социального конфликта / Пер. с англ. О.А. Назаровой. М.: Идея – Пресс, Дом интеллектуальной книги, 2000.

- Козер Л. Функции социального конфликта / Пер. с англ. О.А. Назаровой. М.: Идея – Пресс, Дом интеллектуальной книги, 2000.
- Коллинз Р. Четыре социологические традиции / Пер. с англ. В. Росмана. М.: Издательский Дом «Территория будущего», 2009.
- Комаров М.С. Социология академическая // Российская социологическая энциклопедия / Под общ. ред. Г.В. Осипова. М.: Норма-ИНФРА-М, 1998.
- Кравченко Е.И. Социологическая концепция Э. Гоффмана // Современная американская социология / Под ред. В.И. Добренкова. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1994.
- Кравченко Е.И. Теория относительности в классической социологии XX в.: «перспективы» Джорджа Герберта Мида // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2005. № 1.
- Куми Ч.Х. Человеческая природа и социальный порядок / Пер. с англ. М.: Идея – Пресс, Дом интеллектуальной книги, 2000.
- Кун Т. Объективность, ценностные суждения и выбор теории // Современная философия науки. М.: Логос, 1996.
- Кун Т. Структура научных революций / Пер. с англ. И.З. Налетова. 2-е изд. М.: Прогресс, 1977.
- Лапин Н.И. Эмпирическая социология в Западной Европе. М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2004.
- Макгиннис Р. Новое в методах исследования // Американская социология. Перспективы, проблемы, методы / Пер. с англ. В.В. Воронина и Е.В. Зиньковского. М.: Прогресс, 1972.
- Маккензи Р. Экологический подход к изучению человеческого сообщества // Социальные и гуманитарные науки. Сер. 11. Социология. 2000. № 4.
- Малиновский Б. Научная теория культуры // Научная теория культуры / Бронислав Малиновский; Пер. с англ. И.В. Утехина. 2-е изд. М.: ОГИ, 2005.
- Малиновский Б. Функциональная теория // Малиновский Б. Научная теория культуры / Пер. с англ. И.В. Утехина. 2-е изд. М.: ОГИ, 2005.
- Маркс К. Ниццета философий // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 4.
- Маркс К. Письмо к И. Вейдемейеру от 5 марта 1852 года // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 28.
- Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 4.
- Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2006.
- Мид Дж. Аз и Я // Американская социологическая мысль: Тексты / Под ред. В.И. Добренкова. М.: Изд-во МГУ, 1994.
- Мид Дж. Интернализированные другие и самость // Американская социологическая мысль: Тексты / Под ред. В.И. Добренкова. М.: Изд-во МГУ, 1994.
- Мид Дж. От жеста к символу // Американская социологическая мысль: Тексты / Под ред. В.И. Добренкова. М.: Изд-во МГУ, 1994.
- Мид Дж. Психология пунитивного правосудия // Американская социологическая мысль: Тексты / Под ред. В.И. Добренкова. М.: Изд-во МГУ, 1994.
- Миллс Ч.Р. Социологическое воображение / Пер. с англ. М.: Издательский Дом «Стратегия», 1998.
- Михайлов И.А. Макс Хоркхаймер. Становление Франфуртской школы социальных исследований. Часть 1. 1914 – 1939 гг. М.: ИФ РАН, 2008.
- Михайлов И.А. Макс Хоркхаймер. Становление Франфуртской школы социальных исследований. Часть 2. 1940 – 1973 гг. М.: ИФ РАН, 2010.

- Монсон П. Обзор современной общественной науки // Социология: Хрестоматия / Сост. Ю.Г. Волков, И.В. Мостовая. М.: Гардарики, 2003.
- Монсон П. Современная западная социология. СПб.: Нотабене, 1992.
- Морено Я. Социометрия: Экспериментальный метод и наука об обществе: Пер. с англ. М.: Академический проект, 2004.
- Мосс М. Общества. Обмен. Личность: Пер. с франц. М.: Наука, 1996.
- Налетова А.Д. Школа в социологии географическая // Российская социологическая энциклопедия / Под общ. ред. Г.В. Осипова. М.: Норма-ИНФРА-М, 1998.
- Николаев В.Г. Сравнительная социология А.Р. Рэдклифф-Брауна // Рэдклифф-Браун А.Р. Метод в социальной антропологии. М.: Канон-Пресс-Ц; Кучково поле, 2001.
- Николаев В.Г. Чикагская школа социологии // История социологии (XIX — первая половина XX века) / Под ред. В.И. Добренкова. М., 2004.
- Ольшанский В.Б. Школа в социологии органическая // Российская социологическая энциклопедия / Под общ. ред. Г.В. Осипова. М.: Норма-ИНФРА-М, 1998.
- Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс // Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс: Сб.: Пер. с исп. М.: АСТ, 2003.
- Осипов Г.В. История социологии западной // Российская социологическая энциклопедия. М.: Норма, 1998.
- Осипов Г.В. Предисловие // Американская социология. Перспективы, проблемы, методы / Пер. с англ. В.В. Воронина и Е.В. Зиньковского. М.: Прогресс, 1972.
- Осипов Г.В. Теория социологическая // Российская социологическая энциклопедия / Под общ. ред. Г.В. Осипова. М.: Норма-ИНФРА-М, 1998.
- Осипова Е.В. Социология Эмиля Дюркгейма. 2-е изд. СПб.: Аметейя, 2001.
- Осипова Н.Г. Диалектическая социология Ж. Гурвича // История социологии: Учебник / Отв. ред. Г.В. Осипов, В.П. Кулыгин. М.: Норма, 2009.
- Осипова Н.Г. Предмет социологии во Франции. М.: РИЦ ИСПИ РАН, 1997.
- Осипова Н.Г. Социологические взгляды Раймона Арона // История социологии: Учебник / Отв. ред. Г.В. Осипов, В.П. Кулыгин. М.: Норма, 2009.
- Парк Р.Э. Городское сообщество как пространственная конфигурация и моральный порядок // Социальные и гуманитарные науки. Сер. 11. Социология. 2000. № 3.
- Парсонс Т. // Справочное пособие по истории немарксистской западной социологии / Отв. ред. Ю.Н. Давыдов, Г.В. Осипов. М.: Наука, 1986.
- Парсонс Т. К общей теории действия. Теоретические основания социальных наук // Парсонс Т. О структуре социального действия. М.: Академический Проект, 2000.
- Парсонс Т. О построении теории социальных систем: интеллектуальная автобиография // Парсонс Т. Система современных обществ / Пер. с англ. Л.А. Седова и А.Д. Ковалева; Под ред. М.С. Ковалевой. М.: Аспект Пресс, 1998.
- Парсонс Т. Общий обзор // Американская социология. Перспективы, проблемы, методы / Пер. с англ. В.В. Воронина и Е.В. Зиньковского. М.: Прогресс, 1972.
- Парсонс Т. Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения // Современная западная теоретическая социология. Толкотт Парсонс. М., 1994.
- Парсонс Т. Система координат действия и общая теория систем действия: культура, личность и место социальных систем // Социология: Хрестоматия / Сост. Ю.Г. Волков, И.В. Мостовая. М.: Гардарики, 2003.
- Парсонс Т. Система современных обществ / Пер. с англ. Л.А. Седова и А.Д. Ковалева; Под ред. М.С. Ковалевой. М.: Аспект Пресс, 1998.

- Покровский Н.Е. Классики современной теоретической социологии // Социологические исследования. 1993. № 6.
- Покровский Н.Е. Одиннадцать заповедей функционализма Роберта Мертона // Социологические исследования. 1992. № 2.
- Полякова Н.А., Афанасьев В.В. Немецкая социология. М.: Канон, 2010.
- Рэдклифф-Браун А. О социальной структуре // Рэдклифф-Браун А. Структура и функция в примитивном обществе. Очерки и лекции. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2001.
- Рэдклифф-Браун А.Р. О шутливых отношениях // Культурология. Дайджест / РАН. ИНИОН. М., 2000. № 4.
- Рэдклифф-Браун А.Р. Введение // Рэдклифф-Браун А.Р. Структура и функция в примитивном обществе. Очерки и лекции. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2001.
- Рэдклифф-Браун А.Р. Методы этнологии и социальной антропологии // Метод в социальной антропологии. Часть I. Очерки о предмете и методе. М.: Канон-Пресс-Ц, 2001.
- Рэдклифф-Браун А.Р. Социальная структура // Метод в социальной антропологии. М., Канон-Пресс-Ц, 2001.
- Рэдклифф-Браун А.Р. Социальная эволюция // Рэдклифф-Браун А.Р. Метод социальной антропологии. Часть I. Очерки о предмете и методе. М.: Канон-Пресс-Ц, Кучково поле, 2001.
- Рэдклифф-Браун А.Р. Сравнительный метод в социальной антропологии // Рэдклифф-Браун А.Р. Метод в социальной антропологии. Часть I. Очерки о предмете и методе. М.: Канон-Пресс-Ц, 2001.
- Рэдклифф-Браун А.Р. Становление социальной антропологии // Рэдклифф-Браун А.Р. Метод социальной антропологии. Часть II. Социальная антропология. М.: Канон-Пресс-Ц; Кучково поле, 2001.
- Скиннер Б. Что такое бихевиоризм? / <http://intellectus.su/lib/00034.htm>
- Скиннер Б.Ф. Оперантное поведение // История зарубежной психологии: Тексты. М., 1986.
- Современная зарубежная социальная психология: Тексты. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984.
- Сорокин П.А. Социологическая интерпретация «борьбы за существование» и социология войны // Социология современных войн: Материалы научного семинара / Под ред. П.А. Цыганкова, И.П. Рязанцева. М.: Альфа-М, 2004. Вып. 1.
- Сорокин П. Социальная стратификация и мобильность // Сорокин П. Человек, цивилизация, общество. М.: Издательство политической литературы, 1992.
- Соснин В.А. Конфликт // Российская социологическая энциклопедия / Под общ. ред. Г.В. Осипова. М.: Норма-ИНФРА-М, 1998.
- Социальная философия Франкфуртской школы (Критический очерк). М.: Мысль, 1975.
- Справочное пособие по истории немарксистской западной социологии. М.: Наука, 1986.
- Сторер Н.У. Социология науки // Американская социология. Перспективы, проблемы, методы / Пер. с англ. В.В. Воронина и Е.В. Зинковской. М.: Прогресс, 1972.
- Теория межличностных отношений и когнитивные теории личности. Г. Салливан, Дж. Роттер и У. Мишел. СПб.: Прайм-Еврознак, 2007.
- Теория символического интеракционизма Джорджа Герберта Мида // История социологии: в 3 кн.: Учебник / Под ред. В.И. Добрынькова. Кн. 1. История социологии (XIX — середина XX в.). М., 2004.

- Тёрнер Дж. Аналитическое теоретизирование // Теория общества: фундаментальные проблемы / Под ред. А.Ф. Филиппова. М.: Канон-пресс-Ц, 1999.
- Тёрнер Дж. Структура социологической теории / Пер. с англ. М.: Прогресс, 1984.
- Трущенко О.Е. Школа Чикагская // Российская социологическая энциклопедия / Под общ. ред. Г.В. Осипова. М.: Норма-Инфра М., 1998.
- Тумина Л.Е. Жест // Эффективная коммуникация: история, теория, практика: Словарь-справочник / Отв. ред. М.И. Панов. М.: ООО Агентство КРПА Олимп, 2005.
- Филиппов А.Ф. Дарендорф Ральф // Справочное пособие по истории немарксистской Западной социологии. М.: Наука, 1986.
- Фрейджер Р., Фейдмен Дж. Аналитическая и индивидуальная психология. Карл Юнг и Альфред Адлер. СПб.: Прайм-Еврознак, 2007.
- Фрейджер Р., Фейдмен Дж. Радикальный бихевиоризм. Б. Скиннер. СПб.: Прайм-Еврознак, 2007.
- Фрейджер Р., Фейдмен Дж. Гуманистический психоанализ. К. Хорни, Э. Эриксон, Э. Фромм / Роберт Фрейджер. СПб.: Прайм-Еврознак, 2007.
- Хальбвакс М. Социальные классы и морфология / Пер. с фр. А.Т. Бибкова, Н.А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Аметей, 2000.
- Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / Пер. с франц. и вступит. статья С.Н. Зенкина. М.: Новое издательство, 2007.
- Ханс Я. Символический интеракционизм Джорджа Герберта Мида // История социологии: учебник / Отв. ред. Г.В. Осипов, В.П. Кулыгин. М.: Норма, 2009.
- Хоманс Дж. Социальное поведение: его элементарные формы // Социальные и гуманитарные науки. Сер. II. «Социология». 2001. № 3.
- Хорни К. Невротическая личность нашего времени / Пер. с англ. Боковников А.М. 2-е изд. М.: Академический Проект, 2008.
- Чубарь Н.Н. Эффективность человеческого поведения: социальные корни, социальные последствия // Бандура А. Теория социального научения / Пер. с англ. под ред. Н.Н. Чубарь. СПб.: Евразия, 2000.
- Швырев В.С. Теория // Новая философская энциклопедия: в 4 т. М.: Мысль, 2003. Т. 4.
- Школа // Большой энциклопедический словарь. М., 1997. С. 1374.
- Юлина Н.С. Прагматизм // Новая философская энциклопедия: в 4 т. М.: Мысль, 2001. Т. 1.
- A Diary in the Strict Sense of the Term / R. Firth (ed.). Stanford: CA: Stanford University Press, 1989.
- Aboulafia M. The Mediating Self: Mead, Sartre and Self-determination. New Haven: Yale University Press, 1986.
- Abrams P. The Origins of British Sociology 1834 – 1914. Chicago: Chicago University Press, 1968.
- Addams J. Hull-House Maps and Papers (as Residents of Hull-House). New York: Crowell, 1895.
- American Sociology. Perspectives, Problems, Methods / T. Parsons (ed.) New-York-London: Basic Books, Inc., Publishers, 1968.
- Anastasi A. A Century of Psychological Science // American Psychologist. 1992. № 47.
- Ansart P. Les Sociologies Contemporaines. Paris: Seuil, 1990.

- Balandier G.* Sens et Puissance, les Dynamismes Sociales. Paris: PUF, 1971.
- Baldwin J.C.* George Herbert Mead: A Unifying Theory for Sociology. Newbury Park, California: Sage, 1986.
- Baldwin J.D., Baldwin J.J.* Behavior principles in every life. 2 ed. Englewood Cliffs (N. J.), 1986.
- Bandura A.* Aggression: A Social Learning Analysis. Englewood Cliffs N. J.: Prentice Hall, 1973.
- Bandura A.* Autobiography // M.G. Lindzey, W.M. Runyan (eds.) A History of Psychology in Autobiography (Vol. IX). Washington, D. C.: American Psychological Association, 2006.
- Bandura A.* On Rectifying Conceptual Ecumenism // J.E. Maddux (ed.): Self-efficacy, Adaptation and Adjustment. New York: Plenum Press, 1995.
- Bandura A.* Principles of Behavior Modification. New York: Holt, Rinehart and Winston, 1969.
- Bandura A.* Psychological Modeling: Conflicting Theories. Chicago: Aldine-Atherton, 1971.
- Bandura A.* Regulation of Cognitive Processes Through Perceived Self-efficacy // DP. 1989. № 25
- Bandura A.* Social Cognitive Theory and Exercise Control over HIV Infection. New York: Plenum Press, 1994.
- Bandura A.* Social Cognitive Theory and Mass Communication // J. Bryant, D. Zillmann (eds.). Media Effects: Advances in Theory and Research. Hillsdale, New Jersey: Erlbaum, 1994.
- Bandura A.* Social Cognitive Theory of Moral Thought and Action // W.M. Kurtines (ed.) Handbook of Moral Behavior and Development. Hillsdale, NJ: Erlbaum, 1991. Vol. 1.
- Bandura A.* Social Cognitive Theory of Self-regulation // Organizational Behavior and Human Decision Processes. 1991. № 50.
- Bandura A.* Social Foundations of Thought and Action: A Social Cognitive Theory. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1986.
- Bandura A.* Social Learning through Imitation. University of Nebraska Press: Lincoln, 1962.
- Bandura A.* Social-learning Theory. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1977.
- Bandura A.* The Self system in Reciprocal Determinism // American Psychologist. 1978. № 3.
- Bandura A.* Vicarious and Self-Reinforcement Processes // The Nature of Reinforcement / R. Glaser (ed.). New York: Academic Press, 1971.
- Bandura A., Adams N.E., Hardy A.B. & Howells G.N.* Test of the Generality of Self-efficacy Theory // Cognitive Therapy and Research. 1980. № 4.
- Bandura A., Grusec J.E., Menlove F.L.* Observational Learning as a Function of Symbolization and Incentive Set // Child Development. 1966. № 37.
- Bandura A., Grusec J.E., Menlove F.L.* Some Social Determinants of Self-Monitoring Reinforcement Systems // Journal of Personality and Social Psychology. 1967. № 5.
- Bandura A., Kupers C.J.* The Transmission of Patterns of Self-Reinforcement through Modeling // Journal of Abnormal and Social Psychology. 1964. № 69.
- Bandura A., Lipsher D.H., Miller P.E.* Psychotherapists' Approach-Avoidance Reactions to Patient's Expressions of Hostility // Journal of Consulting Psychology. 1960. № 24.
- Bandura A., McDonald F.J.* The Influence of Social Reinforcement and the Behavior of Models in Shaping Children's Moral Judgments // Journal of Abnormal and Social Psychology. 1963. № 67.

- Bandura A., Perloff B.* Relative Efficacy of Self-Monitored and Externally-Imposed Reinforcement Systems // Journal of Personality and Social Psychology. 1967. № 7.
- Bandura A., Ross D., Ross S.* A Comparative Test of the Status Envy, Social Power, and Secondary Reinforcement Theories of Indemnificatory Learning // Journal of Abnormal and Social Psychology. 1963. № 67.
- Bandura A., Walters R.H.* Adolescent Aggression. New York: Ronald Press, 1959.
- Barber B., Merton R.* Brief Bibliography for the Sociology of Science // Proceedings of the American Academy of Arts and Sciences. May 1952. Vol. 80.
- Behavioral Theory in Sociology: Essays in Honor of George C. Homans / Hamblin R.L., Kunkel J.H. (eds.)* New Jersey: New Brunswick: Transaction Books, 1977.
- Bell D.* George C. Homans (11 August 1910 — 29 May 1989) // Proceeding of the American Philosophical Society. 1992. № 136.
- Blau P.* A Circuitous Path to Macrostructural Theory // American Sociological Review. 1995. № 21.
- Blau P.* A Macrosociological Theory of Social Structure // American Sociological Review. 1977. № 83.
- Blau P.* Bureaucracy in Modern Society. New York: Random House, 1956.
- Blau P.* Exchange and Power in Social Life. New York: Wiley, 1964.
- Blau P.* Exchange and Power in Social Life. 2 ed. New York: Wiley, 1986.
- Blau P.* Inequality and Heterogeneity: A Primitive Theory of Social Structure. New York: Free Press, 1977.
- Blau P.* Introduction. Parallels and Contrasts in Structural Inquiries / P. Blau (ed.). Approaches to the Study of Social Structure. New York: Free Press, 1975.
- Blau P.* Structural Contexts of Opportunities. Chicago: University of Chicago Press, 1994.
- Blau P.* Structural Effects // American Sociological Review. 1960. № 25.
- Blau P.* The Dynamics of Bureaucracy: A Study of Interpersonal Relations in Two Government Agencies. Chicago: University of Chicago Press 1955.
- Blau P.* The Organization of Academic Work. New York: Wiley, 1973.
- Blau P., Duncan O.* The American Occupational Structure. New York: Wiley, 1967.
- Blau P., Heydebrand W., Stauffer R.* The Structure of Small Bureaucracies // American Sociological Review. 1966. № 31.
- Blau P., Scott R.W.* Formal Organizations: A Comparative Approach. San Francisco: Chandler, 1962.
- Blau P., Schoenherr R.* The Structure of Organizations. New York: Basic Books, 1971.
- Blau P., Schwartz J.* Crossing Social Circles. Orlando: Academic Press, 1984.
- Blau R.* Colleagues Remember Peter Blau // Footnotes. 2002. April. № 4—6.
- Blumer G.* The Methodological Position of Symbolic Interactionism // Blumer G. Symbolic Interaction. Englewood Cliffs, New Jersey: Prentice Hall, 1969.
- Blumer H.* Psychological Import of the Human Group // M. Sherif, M.O. Wilson (eds.). Group Relations at the Crossroads. New York, 1953.
- Blumer H.* Sociological Implications of the Thought of G.H. Mead // American Journal of Sociology. 1966. Vol. 71.
- Blumer H.* Symbolic Interaction. Perspective and Method. Englewood Cliffs, New Jersey: Prentice Hall, 1969.
- Blumer H.* What is Wrong with Social Theory // American Sociological Review. 1954. Vol. 19.
- Boulding K.* Conflict and Defense: A General Theory. New York, Harper & Bros. 1962.
- Brown A.R.* The Definition of Totemism // Antropos. 1914. Vol. IX.

- Brown A.R. Three Tribes of Western Australia // Journal of the Royal Anthropological Institute. 1913. Vol. XLIII.
- Bruder K. Monastic Blessing: Deconstructing and Reconstructing the Self // Symbolic Interaction. 1998. No 21.
- Bulmer M. Essays on the History of British Sociological Research. Cambridge: Cambridge University Press, 1985.
- Catania C. The Operant Behaviorism of B. F. Skinner // Behavioral and Brain Sciences. 1984. No 7.
- Charon J.M. Symbolic Interactionism: An Introduction, an Interpretation, an Integration. 6th ed. Englewood Cliffs, New Jersey: Prentice Hall, 1998.
- Charon J.M. Symbolic Interactionism: An Introduction, an Interpretation, an Integration. 6th ed. Englewood Cliffs, New Jersey: Prentice Hall, 1998.
- Collins R. Conflict Sociology: Towards an Explanatory Science. New York: Academic Press, 1975.
- Conte A. Systeme de Philosophie Positive. Paris: Bachelier, 1830 – 1842. Vol. 1.
- Cook G. George Herbert Mead: The Making of a Social Pragmatist. Urbana: University of Illinois Press, 1993.
- Cook K.S. (ed.) Social Exchange Theory. Beverly Hills, California: Sage, 1987.
- Cook K.S., O'Brian J., Kollock P. Exchange Theory: A Blueprint for Structure and Process // Ritzer G. (ed.) Frontiers of Social Theory: The New Syntheses. New York: Columbia University Press, 1990.
- Cook K.S., Whitmeyer J.M. Two Approaches to Social Structure: Exchange Theory and Network Analysis // Annual Review of Sociology. 1992. No 18.
- Cooley C.H. Human Nature and the Social Order. Glencoe, IL: The Free Press, 1902.
- Cooley C.H. Life and the Student. New York: Knopf, 1927.
- Cooley C.H. Social Organization. Glencoe, IL: The Free Press, 1909.
- Cooley C.H. Social Process. New York: Charles Scribner's Sons, 1918.
- Coser L.A. Conflict and Consensus. New York, 1984.
- Coser L.A. Continuities in the Study of Social Conflict. New York, 1967.
- Coser L.A. Georg Simmel. New York, 1965.
- Coser L.A. Greedy Institutions. New York, 1974.
- Coser L.A. Masters of Sociological Thought: Ideas in Historical and Social Context. San Diego: California: Harcourt, 1970.
- Coser L.A. Maurice Halbwachs: In Collective Memory. New York, 1992.
- Coser L.A. Men of Ideas: A Sociologist's View. New York: The Free Press, 1965.
- Coser L.A. Political Sociology. New York, 1967.
- Coser L.A. Refugee Scholars in America. New York: Yale University Press, 1984.
- Coser L.A. Social Conflict and the Theory of Social Change. New York: Ardent Media, 1957.
- Coser L.A. Sociological Theory. New York, 1964.
- Coser L.A. The Functions of Social Conflict. New York, 1956.
- Coser L.A. The Idea of Social Structure // Papers in Honor of R. K. Merton. New York, 1975.
- Coser L.A. Two Methods in Search of a Substance // American Sociological Review. Vol 40. 1975. No 6.
- Coser L.A., Howe I. The American Communist Party: A Critical History — Franklin D. Roosevelt & the Era of the New Deal. New York, 1957.
- Coser L.A., Howe I. The New Conservatives: A Critique from the Left. New York, 1999.
- Coser L.A., Howe I. The Seventies: Problems and Proposals. New York, 1972.

- Coser L.A. Towards a Sociology of Social Conflict. Ph. D. Dissertation. Columbia University, 1954. University Microfilms Publication No 8639.
- Cottrell L.S. George Herbert Mead: The Legacy of Social Behaviorism / R.K. Merton, M.W. Riley (eds.). Sociological Traditions from Generation to Generation: Glimpses of American Experience. Norwood, New Jersey: Ablex, 1980.
- Craig J. Modern Social Theory. From Parsons to Habermas. Second edition. Eastbourne: Antony Rowe Ltd, 1992.
- Cuin Ch., Greste F. Histoire de la Sociologie. Paris: Edition La Decouverte, 1992. Tome 2: depuis 1918.
- Cuvillier A. Ou Va la Sociologie Francaise? Paris: Libraire Marcel Riviere & Cie, 1953.
- Dahrendorf R. Class and Class Conflict in Industrial Society. Stanford: Stanford University Press, 1959.
- Dahrendorf R. Out of Utopia: Toward a Reorientation of Sociological Analysis // American Journal of Sociology. 1958 No 64.
- Dahrendorf R. Zu einer theorie sozialen Konflikts // Zapf W. Theorien sozialen Wandels. Köln-Berlin, 1969.
- Dahrendorf R.G. Betrachtungen über die Revolution in Europa. Stuttgart: DVA, 1990.
- Dahrendorf R.G. Der moderne soziale Konflikt. Essay zur Politik der Freiheit. Stuttgart: DVA, 1992.
- Dahrendorf R.G. Die neue Freiheit. Überleben und Gerechtigkeit in einer veränderten Welt. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1980.
- Dahrendorf R.G. Gesellschaft und Demokratie in Deutschland. München: Piper, 1965.
- Dahrendorf R.G. Gesellschaft und Freiheit. Zur soziologischen Analyse der Gegenwart. München: Piper, 1961.
- Dahrendorf R.G. Homo Sociologicus. Ein Versuch zur Geschichte, Bedeutung und Kritik der Kategorie der sozialen Rolle. Erstdruck, 1965.
- Dahrendorf R.G. Industrie- und Betriebssoziologie. Walter de Gruyter (Sammlung Göschen Bd. 103). Berlin 1956.
- Dahrendorf R.G. Konflikt und Freiheit. Auf dem Weg zur Dienstklassengesellschaft. München: Piper, 1972.
- Dahrendorf R.G. Lebenschancen. Anläufe zur sozialen und politischen Theorie. Frankfurt am Main: Suhrkamp-Taschenbuch, 1979.
- Dahrendorf R.G. Liberal und Unabhängig. Gerd Bucertus und seine Zeit. München: C.H. Beck, 2000.
- Dahrendorf R.G. Liberale und andere: Portraits. Stuttgart: DVA, 1994.
- Dahrendorf R.G. LSE. A History of the London School of Economics and Political Science, 1895 – 1995. Oxford: Oxford University Press, 1995.
- Dahrendorf R.G. Marx in Perspective. Die Idee des Gerechten im Denken von Karl Marx. 1953.
- Dahrendorf R.G. Pfade aus Utopia. Arbeiten zur Theorie und Methode der Soziologie. München: Piper, 1974.
- Dahrendorf R.G. Soziale Klassen und Klassenkonflikt in der industriellen Gesellschaft. Stuttgart: Ferdinand Enke, 1957.
- Dahrendorf R.G. Sozialstruktur des Betriebes. Wiesbaden: Gabler, 1959.
- Deegan M.J. George Herbert Mead // Fifty Key Sociologists: The Formative Theorists / Scott J. (ed.). London and New York: Routledge, 2007.
- Deegan M.J. Jane Adams // Fifty Key Sociologists: The Formative Theorists / J. Scott (ed.). London and New York: Routledge, 2007.
- Denzin N.K. Symbolic Interactionism and Ethnomethodology / J. Douglas (ed.). Understanding Everyday Life. London, 1972.

- Dewey J. The Reflex Complex of Psychology // Psychological Review. 1966. № 3.
- Elias Norbert // Fifty Key Sociologists: The Formative Theorists / J. Scott (ed.). London and New York: Routledge, 2007.
- Elms A. Skinner's Dark Year and Walden Two // American Psychologist. 1981. № 36(5).
- Emerson R.M. Exchange Theory, Part I: A Psychological Basis for Social Exchange // M. Berger, Jr. Zeldlich, B. Anderson (eds.). Sociological Theories in Progress. Boston: Houghton Mifflin, 1972. Vol. 2.
- Emerson R.M. Exchange Theory, Part II: Exchange Relations and Networks // M. Berger, Jr. Zeldlich, B. Anderson (eds.). Sociological Theories in Progress. Boston: Houghton Mifflin, 1972. Vol. 2.
- Erikson E. Identity, Youth and Crisis. New York: Norton, 1968.
- Ferster C.B., Skinner B.F. Schedules of Reinforcement. New York: Appleton-Century-Crofts, 1957.
- Fine G.A. The Sad Demise, Mysterious Disappearance, and Glorious Triumph of Symbolic Interactionism // Annual Review of Sociology. 1993. № 19.
- Fournier M. Marcel Mauss // Fifty Key Sociologists: The Formative Theorists / J. Scott (ed.). London and New York: Routledge, 2007.
- Garfinkel G. Evidence for Locally Produced, Naturally Accountable Phenomena of Order, Logic, Reason, Meaning, Method, etc. in and as of the Essential Haecceity of Immortal Ordinary Society (I): An Announcement of Studies // Sociological Theory. 1988. № 6.
- Garfinkel G. Respecification: Evidence for Locally Produced, Naturally Accountable Phenomena of Order, Logic, Reason, Meaning, Method, etc. in and as of the Essential Haecceity of Immortal Ordinary Society (II): An Announcement of Studies // G. Button (ed.). Ethnomethodology and Human Sciences. Cambridge: Cambridge University Press, 1991.
- Garfinkel G. Studies in Ethnomethodology. Englewood Cliffs, New Jersey: Prentice Hall, 1967.
- Gay E.F. The Founding of the Harvard Business School // Harvard Business Review. 1927. Vol. 5. № 4.
- Geertz C. Religion as a Cultural System // Anthropological approaches to the study of religion / Ed. by M. Banton. New York: Praeger, 1966.
- Gilbert M., Gilbert T. What Skinner Gave Us // Training. 1991. 28(9).
- Goffman E. Behavior in Public Places: Notes on the Social Organization of Gathering. Glencoe, Ill.: Free Press, 1963.
- Goffman E. Frame Analysis: An Essay on the Organization of Experience. New York: Harper Colophon, 1974.
- Goffman E. Encounters: Two Studies in the Sociology of Interaction. Indianapolis: Bobbs-Merrill, 1961.
- Goffman E. Interactional Ritual: Essays on Face-to-Face Behavior. Garden City, New York: Anchor, 1967.
- Goffman E. Relations in Public: Microstudies of the Public Order. New York: Basic Books, 1971.
- Goffman E. Stigma: Notes on the Management of Spoiled Identity. Englewood Cliffs., New Jersey: Prentice Hall, 1963.
- Goffman E. Strategic Interaction. New York: Ballantine, 1972.
- Goffman E. The Interaction Order // American Sociological Review. 1983. № 1. Vol. 48.
- Goffman E. The Presentation of Self in Everyday Life. Garden City, New York: Anchor, 1959.

- Goodall K. Field Report: Shapers at Work // Psychology Today. 1972. № 6.
- Goodall K. Margaret, Age Ten and Martha, Age Eight: A Simple Case of Behavioral Engineering // Psychology Today, 1972, 6(6).
- Curvitch G. Dialectique et sociologie. Paris: Flammarion, 1972.
- Gouldner A.W. Patterns of Industrial Bureaucracy. Glencoe, Ill. The Free Press, 1954.
- Halsey A.H. A History of Sociology in Britain. New York: Oxford University Press, 2004.
- Hazlerigg L. Class, Property and Authority: Daherdorf's Critique of Mark's Theory of Class // Social Forces. 1972. № 50.
- Heath A. George Homans // Fifty Key Sociologists: The Contemporary Theorists. Scott J. (ed.). London and New York: Routledge, 2007.
- Heritage J. Garfinkel and Ethnomethodology. Cambridge: Polity Press, 1984.
- Heritage J., Atkinson J. Introduction // J. Heritage, J. Atkinson, 1984. Structures of Social Action. Cambridge: Cambridge University Press, 1984.
- Historia de la Sociología Española / Salustiano del Campo (director). Barcelona: Editorial Ariel, S. A., 2001.
- Hickman C.A., Kuhn M. Individuals and Economic behavior. New York, 1956.
- Hjellbrekke J. Halbwachs Maurice // Fifty Key Sociologists: The Formative Theorists / J. Scott (ed.). London and New York: Routledge, 2007.
- Holland J.G., Skinner B.F. The Analysis of Behavior: A Program for Self-Instruction. New York: McGraw-Hill, 1961.
- Homans G. Coming to My Senses: The Autobiography of a Sociologist. New Brunswick, New Jersey: Transaction Books, 1984.
- Homans G. Commentary // Institutions and Social Exchange / Turk H., Simpson R. (ed.). Indianapolis, 1971.
- Homans G. Sentiments and Activities: Essays in Social Science. New York: Free Press, 1962.
- Homans G. Social Behavior as Exchange // American Journal of Sociology. 1958. № 63.
- Homans G. Social Behavior: Its Elementary Forms. New York: Harcourt, Brace and World, 1961.
- Homans G. Social Behavior: Its Elementary Forms. 2 ed. New York: Harcourt, Brace Jovanovitch, 1974.
- Homans G. The Human Group. New York: Harcourt, Brace and Co, 1950.
- Homans G. The Nature of Social Science. New York: Harcourt, Brace and World, 1967.
- Homans G. The Sociological Relevance of Behaviorism // Behavioral Sociology / Burgess R., Bushell D. (eds.). New York: Columbia University Press, 1969.
- Homans G., Curtis Ch. An Introduction to Pareto. New York: Alfred A. Knopf, 1934.
- How A. Gyorgy Lukacs // Fifty Key Sociologists: The Formative Theorists / J. Scott (ed.). London and New York: Routledge, 2007.
- Husbands C. Werner Sombart // Fifty Key Sociologists: The Formative Theorists / J. Scott (ed.). London and New York: Routledge, 2007.
- Ishaq W. (Ed.). Human Behavior in Today's World. New York: Praeger, 1991.
- Jacks R.N. What Therapies Work With Today's College Students: Behavior Therapy // Paper Presented at the Annual Meeting of the American Psychiatric Association. Honolulu, Hawaii, 1973.
- Jung C.G. The Psychology of the Unconscious // Collected works. Originally published, 1917. Vol. 7.
- Jung C.G. The Relations Between the Ego and the Unconscious // Collected Works. Originally published, 1928. Vol. 7.
- Kemeny J. Perspectives on the Micro-Macro Distinction // Sociological Review. 1976. 24.

- Kimble G.A. Hilgard and Marquis Conditioning and Learning. New York: Appleton-Century-Crofts, 1961.
- Kinkade K. A Walden Two Experiment: The First Five Years of Twin Oaks Community. New York: Morrow. Excerpts published in Psychology Today. 1973. № 6[8].
- Kuhn M.H., McPartland T.S. The Empirical Investigation of Self-attitude // American Sociological Review. 1954, V, 19.
- Kuhn T. The Structure of Scientific Revolutions. Chicago: University of Chicago Press, 1962.
- Kuper A. Alfred Radcliff-Brown // Fifty Key Sociologists: The Formative Theorists / J. Scott (ed.). London and New York, Routledge, 2007.
- Kuper A. Malinowski Bronislaw // Fifty Key Sociologists: The Formative Theorists / J. Scott (ed.). London and New York, Routledge, 2007.
- Lasarsfeld P.F., Berelson B., Gaudet H. The Peoples Choice. How the Voter Makes up his Mind in a Presidential Campaign. New York: Columbia University Press, 1944.
- Lasarsfeld P. La Sociologie // Tendances Principales de la Recherche dans les Sciences Sociales et Humaines. Parte 1. Sciences Sociales, UNESCO, Paris, 1970.
- Lefcourt H.M. Locus of Control and Coping with Life's Events // E. Staub (Ed.) Personality: Basic Aspects and Current Research. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1980.
- Lefcourt H.M. The Function of the Illusions of Control and Freedom // American Psychologist. 1973. № 28
- Lindsmith A.R., Strauss A.L. Social psychology. New York, 1956. P. XVI.
- Lord Dährendorf // The Daily Telegraph. 2009. June, 18.
- Loubser J. General Introduction // Exploration in General Theory in Social Science. Essays in Honor of Talcott Parsons. New York, 1976.
- Lyon S.E. Florian Znaniecki // Fifty Key Sociologists: The Formative Theorists / J. Scott (ed.). London and New York, Routledge, 2007.
- Mahoney M., Thoresen C.E. Self Control: Power to the Person. Monterey, CA: Brooks Co, 1974.
- Malinowski B. Argonauts of the Western Pacific: An Account of Native Enterprise and Adventure in the Archipelagos of Melanesian New Guinea. New York: E.B. Dutton and Co, 1922.
- Malinowski B. Coral Gardens and their Magic: 2 Vols. London: Routledge, 1935.
- Malinowski B. Crime and Custom in Savage Society. London: Routledge, 1926.
- Malinowski B. The Family among the Australian Aborigines. New York: Schocken Books, 1913.
- Malinowski B. The Scientific Theory of Culture and Other Essays. Chapel Hill, NC: University of North Carolina Press, 1944.
- Malinowski B. The Sexual Life of Savages. London: Routledge, 1929.
- Manis J., Meltzer B. (eds.) Symbolic Interaction: A Reader in Social Psychology. 3rd ed. Boston: Allyn and Bacon, 1978.
- Martindale D. American Sociology before World War II // Annual Review of Sociology. 1976. Vol. 2.
- Mayo G.E. Teamwork and Labor Turnover in Aircraft Industry of Southern California. Cambridge, 1944.
- McDavid J., Harary H. Social Psychology: Individuals, Groups, Societies. New York, 1968.
- Mead G. Mind Approached Through Behavior — Can Its Study Be Made Scientific // George Herbert Mead on Social Psychology. Selected Papers, Chicago, 1969.

- Mead G. Movements of Thought in the Nineteenth Century / M. H. Moore (ed., intro.). Chicago: University of Chicago Press, 1936.
- Mead G.H. Concerning Animal Perception // Psychological Review. 1907, № 14.
- Mead G.H. Cooley's Contribution to American Social Thought // American Journal of Sociology. 1930. № 35.
- Mead G.H. Essays in Social Psychology / M. J. Deegan (ed., intro.). New Brunswick, New Jersey: Transaction Books, 2001.
- Mead G.H. Industrial Education, the Working-Man and the School // Elementary School Teacher. 1908 — 1909. № 9.
- Mead G.H. Le Bon G.: The Psychology of Socialism // American Journal of Sociology. 1899. № 5.
- Mead G.H. Mind, Self and Society: From the Standpoint of a Social Behaviorist / Ch. W. Morris (ed., intro.). Chicago: University of Chicago Press, 1934.
- Mead G.H. Mind, Self and Society: From the Standpoint of a Social Behaviorist. Chicago: University of Chicago Press, 1934.
- Mead G.H. Movements of Thought in the Nineteenth Century / M. H. Moore (ed., intro.). Chicago: University of Chicago Press, 1936.
- Mead G.H. National-Mindedness and the International-Mindedness // International Journal of Ethics. 1929. № 39.
- Mead G.H. Play, School and Society / M. J. Deegan (ed., intro.). New York: Peter Lang Press, 1999.
- Mead G.H. Scientific Method and the Individual Thinker // Creative Intelligence: Essays in Pragmatic Attitude / J. Dewey (ed.). New York, 1917.
- Mead G.H. Scientific Method and the Moral Sciences // International Journal of Ethics. 1923. № 33.
- Mead G.H. Social Consciousness of Meaning // Psychological Bulletin. 1910. № 7.
- Mead G.H. The Individual and the Social Self: Unpublished Work of George Herbert Mead / D.L. Miller (ed.). Chicago: University of Chicago Press, 1982.
- Mead G.H. The Nature of Aesthetic Experience // International Journal of Ethics. 1926. № 36.
- Mead G.H. The Philosophical Basis and Ethics // International Journal of Ethics. 1908. № 18.
- Mead G.H. The Philosophy of the Act / Ch. W. Morris (ed., intro.) in coll. Chicago: University of Chicago Press, 1938.
- Mead G.H. The Philosophy of the Present / A. E. Murpy (ed., intro.). LaSalle, Ill.: Open Court Publishing, 1932.
- Mead G.H. The Social Self // Journal of Philosophy. 1913. № 10.
- Mead G.H. W. Hobson: The Domain of Natural Science // Journal of Religion. 1924. № 4.
- Mead G.H., Anderson B.M. Social Value: A Study in Economic Theory // Psychological Bulletin. 1911. № 8.
- Meja V., Kettler D. Scheller Max // Fifty Key Sociologists: The Formative Theorists / J. Scott (ed.). London and New York, Routledge, 2007.
- Meltzer B., Petras J., Reynolds L. Symbolic Interactionism: Genesis, Varieties and Criticism. London: Routledge and Kegan Paul, 1975.
- Meltzer B.N. Mead's Social Psychology / J.G. Manis, B.N. Meltzer (eds.). 3rd ed. Boston, 1972.
- Meltzer B.N., Petras J.W. The Chicago and Iowa Schools of Symbolic Interactionism // Manis J.G., Meltzer B.N. (eds.). Symbolic Interaction. Boston, 1972.

- Merton R. *Consensus and Controversy* / J. Clark, C. Modgil (Eds.). London, New York: Falmer Press, 1990.
- Merton R. *Epistolary Notes on the Making of a Sociological Dissertation Classic // Structures of Power and Constraint: Papers in Honor of Peter M. Blau* / C. Calhoun, M.M. Mayer, W.R. Scott (eds). New York: Cambridge University Press, 1990.
- Merton R., Fiske M., Curtis A. *Mass Persuasion*. New York: Harper, 1946.
- Merton R. *Remembering the Young Talcott Parsons // American Sociologist*. 1980. № 15.
- Merton R. *Science, Technology and Society in 17th Century England*. Bruges, 1938.
- Merton R. *Social Theory and Social Structure*. New York: Free Press, 1949.
- Merton R. *Sociological Ambivalence and Other Essays*. New York: Free Press, 1976.
- Merton R. *Structural Analysis in Sociology // P. Blau (ed.) Approaches to the Study of Social Structure*. New York: Free Press, 1975.
- Merton R. *The Sociology of Science: Theoretical and Empirical Investigations*. Chicago: University of Chicago Press, 1973.
- Merton R.K. *The Role-sets Problems in Sociological Theory // The British Journal of Sociology*. June. 1957. № 8.
- Merton R.K., Lerner D. *Social Scientists and Research Policy // The Policy Sciences / Lerner, Lasswell (eds)*. Palo Alto: Stanford University Press, 1951.
- Miller D. *The Meaning of the Role-Taking // Symbolic Interaction*. 1981. № 4.
- Mischel W. *Introduction to Personality*. New York: Holt, Rinehart and Winston, 1976.
- Molm L.D. *Affect and Social Exchange: Satisfaction in Power-Dependence Relations // American Journal of Sociology*. 1991. № 56.
- Molm L.D. *The Legitimacy of Behavioral Theory as a Sociological Perspective // American Sociology*. 1981. Vol. 16.
- Park R.E., Burgess E.W. *Introduction to the Science of Society*. Chicago: Chicago University Press, 1921.
- Parson T. *Social Structure and Personality*. New York: Free Press, 1970.
- Parson T., Shils E. *Toward a General Theory of Action*. New York, 1964.
- Parsons T. *A Sociological Approach to the Theory of Organizations / T. Parsons (ed.) Structure and process in Modern Societies*. New York: Free Press, 1960.
- Parsons T. *Age and Sex in the Social Structure of the United States / T. Parsons (ed.) Essays in Sociological Theory*. New York: Free Press, 1954.
- Parsons T. *Certain Primary Sources and Patterns of Aggression in the Social Structure of the Western World // Psychiatry*. 1947. № 10.
- Parsons T. *Levels of Organization and the Mediation of Social Interaction // Sociological Inquiry*. 1964. Vol. 34.
- Parsons T. *Social Structure and the Symbolic Media of Interchange // P. Blau (ed.) Approaches to the Study of Social Structure*. New York: Free Press, 1975.
- Parsons T. *Societies*. Englewood Cliffs, New Jersey: Prentice Hall, 1966.
- Parsons T. *Societies: Evolutionary and Comparative Perspectives*. Englewood Cliffs, New Jersey: Prentice Hall, 1966.
- Parsons T. *Some Sociological Aspects of the Fascist Movements // Social Forces*. 1942. № 21.
- Parsons T. *The Prospects of Sociological Theory / T. Parsons (ed.) Essays in Sociological Theory*. New York: Free Press, 1954.
- Parsons T. *The Social System*. Glencoe, Ill: Free Press, 1951.
- Parsons T. *The Structure of Social Action*. New York: McGraw Hill, 1937.
- Parsons T. *The Superego and the Theory of Social Systems // Social Structure and Personality*. New York: Free Press, 1964.

- Parsons T. *The System of Modern Societies*. Englewood Cliffs, New Jersey: Prentice Hall, 1971.
- Parsons T. *General Theory in Sociology // Sociology Today / Ed. by R.K. Merton, L. Broom, L.S. Cottrell*. New York: Basic Books, 1959.
- Parsons T. *On Theory and Metatheory // Humboldt Journal of Social Relations*. 1979/80. Fall/Winter. Vol. 7. № 1.
- Pennock G.A., Putnam M.L. and Mayo G.E. *Changing Methods in Industry // Personnel Journal*. 1930. Vol. 8.
- Perinbanayagam R. *Signifying Acts: Structure and Meaning in Everyday Life*. Carbondale: Southern Illinois University Press, 1985.
- Perrin A. *Lewis Coser Remembered // Sociologists Remember Lewis Coser*. September – October. 2003.
- Pick H. *Lord Dahrendorf, German Sociologist and Politician who Became Director of the LSE and a Life Peer // The Guardian*. 2009. June 19.
- Platt L. *Beatrice Webb // Fifty Key Sociologists: The Formative Theorists / J. Scott (ed.)*. London and New York: Routledge, 2007.
- Rachman S.J., Wilson G.T. *The Effects of Psychological Therapy (2-d ed)*. Elmsford, New York: Pergamon Press, 1980.
- Radcliff-Brown A.R. *A Natural Science of Society*. Glencoe, 1957.
- Radcliff-Brown A.R. *Andaman Islanders*. Cambridge, 1922.
- Radcliff-Brown A.R. *Method in Social Anthropology*. 1958.
- Radcliff-Brown A.R. *Structure and Function in Primitive Society, 1935-40*. London: Cohen and West, 1952.
- Radcliff-Brown A.R. *The Methods of Ethnology and Social Anthropology*. 1923.
- Radcliff-Brown A.R. *The Mother's Brother in South Africa*. 1924.
- Radcliff-Brown A.R. *The Social Organization of Australian Tribes, 1930 – 1931*. Oceania 1 and 2. A Natural Science of Society. London, 1937.
- Ritzer G. *Sociological Theory: 5th ed*. International edition: McGraw-Hill Higher Education, 2000.
- Ritzer G. *Sociology: A Multiple-Paradigm Science // American Sociologist*. 1975. № 10.
- Ritzer G. *Sociology: A Multiple-Paradigm Science // Ritzer G. Sociological Theory: 5th International Edition*. McGraw-Hill Companies House, Inc., 2000.
- Ritzer G. *Sociology: A Multiple-Paradigm Science*. Boston: Allyn and Bacon, 1975.
- Roberts R.E. *The New Communes: Coming together in America*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1971.
- Rocher G. *Talcott Parsons and American Sociology*. London: Nelson, 1974.
- Rock P. *The Making of Symbolic Interactionism*. Totowa, New York: Rowman and Littlefield, 1979.
- Roethlisberger F.J., Dickson W.J. *Management and the Worker*. Cambridge: Harvard University Press, 1939.
- Rose A. *A Systematic Summary of Symbolic Interaction Theory // A. Rose (ed.) Human Behavior and Social Processes*. Boston: Houghton Mifflin, 1962.
- Rotter J.B. *A New Scale for the Measurement of Interpersonal Trust // Journal of Personality*. 1967. № 35.
- Rotter J.B. *Clinical Psychology*. Englewood Cliffs, New Jersey: Prentice-Hall, 1964.
- Rotter J.B. *Social Learning and Clinical Psychology*. Englewood Cliffs, New Jersey: Prentice-Hall, 1954.
- Rotter J.B. *The Development and Application of Social Learning Theory: selected Papers*. New York: Praeger, 1982.

- Rotter J.B., Chance J.E., Phares E.J. Applications of Social Learning Theory to Personality. 1972.
- Rotter J.B., Hochreich E.J. Personality. Glenview, IL: Scott, Foresman, 1975.
- Rotter J.B., Chance J.E., Phares E.J. Applications of Social Learning Theory to Personality. New York: Holt, Rinehart and Winston, 1972.
- Rule J.B. Lewis Coser: 1913 — 2003 // Dissent. 2003. Fall.
- Scott J. Leonard Hobhouse // Fifty Key Sociologists: The Formative Theorists / J. Scott (ed.). London and New York: Routledge, 2007.
- Scott S. Erving Goffman // Fifty Key Sociologists: The Contemporary Theorists / J. Scott (ed.). London and New York: Routledge, 2007.
- Scott W.R., Calhoun C. Peter Michael Blau (February 7, 1918 — March 12, 2002) // Biographical Memoirs. National Academy of Sciences
- Selvin H.C. On Formalizing Theory // The Idea of Social Structure: Papers in Honour of R.K. Merton. New York: Harcourt, 1975.
- Simmel G. Conflict / Wolff K. H. (Trans.) Glencoe, Ill.: The Free Press, 1955.
- Simmel G. Soziologie. Untersuchungen über die Formen der Vergesellschaftung. Leipzig: Dunker & Humboldt, 1908.
- Skinner B.F. Beyond Freedom and Dignity. New York: Knopf, 1971.
- Skinner B.F. The Behavior of Organisms: An Experimental Analysis. New York: Appleton-Century-Crofts, 1938.
- Skinner B.F. A Case History in Scientific Method // The American Psychologist. 1956. № 11.
- Skinner B.F. A Matter of Consequences. New York: New York University Press, 1984.
- Skinner B.F. About Behaviorism. New York: Knopf, 1974.
- Skinner B.F. Autobiography // E.G. Boring & G.Lindzey (eds.). A History of Psychology in Autobiography. Vol. 5. New York: Appleton-Century Crofts, 1967.
- Skinner B.F. Behaviorism at Fifty // W.T. Wann (Ed.) Behaviorism and Phenomenology: Contrasting Bases for Modern Psychology. Chicago: University of Chicago Press, 1964.
- Skinner B.F. Beyond Freedom Find Dignity. New York: Knopf, 1971.
- Skinner B.F. Can Psychology be a Science of Mind? // American Psychologist. 1990. № 45 (11).
- Skinner B.F. Can Psychology be a Science of Mind? // American Psychologist. 1990. № 45(11).
- Skinner B.F. Cumulative Record. New York: Appleton-Century-Crofts, 1959.
- Skinner B.F. Freedom and the Control of Men // The American Scholar. 1955. № 25.
- Skinner B.F. Interview with E. Hall // Psychology Today. 1972. 6(6).
- Skinner B.F. Notebooks / R. Epstein (ed.). Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1980.
- Skinner B.F. Particulars of My Life. New York: Knopf, 1976.
- Skinner B.F. Reflections on Behaviorism and Society. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1978.
- Skinner B.F. Reply to Harnad's Article «What are the Scope and Limits of Radical Behaviorist Theory?» // Behavioral and Brain Sciences. 1984. № 7.
- Skinner B.F. Science and Human Behavior. New York: Macmillan, 1953.
- Skinner B.F. Teaching Machines // Science. 1958. № 128.
- Skinner B.F. The Behavior of Organisms: An Experimental Analysis. New York: Appleton-Century-Crofts, 1938.
- Skinner B.F. The Origins of Cognitive Thought // American Psychologist. 1989. № 44 (1).

- Skinner B.F. The Shame of American Education // American Psychologist. 1984. № 39(9).
- Skinner B.F. The Shaping of a Behaviorist. New York: Knopf, 1979.
- Skinner B.F. The Steep and Thorny Way to a Science of Behavior // American Psychologist. 1975. 30, 42, 49.
- Skinner B.F. Verbal Behavior. New York: Appleton-Century-Crofts, 1957.
- Skinner B.F. Walden Two. New York: Macmillan, 1948.
- Skinner B.F. What is Wrong With Daily Life in the Western World? // American Psychologist. 1986. № 47(5).
- Skinner B.F., Vaughan M.E. Enjoy Old Age: Living Fully in Your Later Years. New York: Warner Books, 1985.
- Skinner B.F. On «Having» a Poem // Saturday Review. 1972. July 15.
- Skinner B.F. What Ever Happened to Psychology as the Science of Behavior? // American Psychologist. 1987. № 42 (8).
- Smith J. Ralf Dahrendorf (Lord Dahrendorf) // Dictionary of Liberal Thought / Brack & Randall (eds.) Politico's, 2007.
- Smith T.V. The Social Philosophy of George Herbert Mead // American Journal of Sociology. 1931. № 37.
- Sorokin P. Russian Sociology in the Twentieth Century // American Journal of Sociology. Vol. 31, 1927.
- Sorokin P. Contemporary Sociological Theories. New York, 1928.
- Srinivas M.N. Introduction // Radcliffe-Brown A. R. Method in Social Anthropology. Chicago: University of Chicago Press, 1958.
- Symbolic Interaction. A Reader in Social Psychology / J.G. Manis, B. N. Meltzer (eds.). 2nd ed. Boston, 1972.
- Szlompka P. Merton Robert // Fifty Key Sociologists: The Formative Theorists / J. Scott (ed.). London and New York, Routledge, 2007.
- Tajfel H. Social and Cultural Factors in Perception // Q. Lindzey, E. Aronson (eds.). The Handbook of Social Psychology. Reading, 1968.
- The Context of Social Psychology: a Critical Assessment. Tajfel H., Israel J. (eds.). New York — London, 1972.
- The Ethnography of Malinowski: The Trobriand Islands 1915 — 1918 / M. W. Young (ed.). London: Routledge, 1979.
- The Social Anthropology of Radcliffe-Brown / A. Kuper (ed.). London, 1977.
- Tilly Ch. George Caspar Homans and the Rest of Us // Theory and Society. 1990. № 19.
- Touraine A. Sociologie de l'Action. Paris: Seuil, 1965.
- Toward a General Theory of Action / T. Parsons, Shils E. A. (eds.). Cambridge: Harvard University Press, 1951.
- Troyer W. Mead's Social and Functional Theory of Mind // American Sociological Review. 1946. № 11.
- Turner J. A Strategy for Reformulating the Dialectical and Functional Theories of Conflict // Social Forces. 1975. № 53.
- Turner J. From Utopia to Where? A Strategy for Reformulating the Dahrendorf Conflict Model // Social Forces. 1973. № 52.
- Turner J.H. In Defence of Positivism // Sociological Theory. 1985. Vol. 4.
- Wann W.T. (Ed.). Behaviorism and Phenomenology: Contrasting Bases for Modern Psychology. Chicago: University of Chicago Press, 1964.
- Watson J.B. Psychology as the behaviorist views it // Psychological Review. 1913.
- Watson J.B. The Ways of Behaviorism. New York: Harper and Row, 1928.
- Weber M. The Methodology of the Social Sciences / Trans. and ed. Edward A. Shils and Henry A. Finch. Glencoe: The Free Press, 1949.

- Weber M. The Theory of Social and Economic Organization. Glencoe: The Free Press, 1947.
- Weingart P. Beyond Parsons? A Critic of Ralf Dahrendorf Conflict Theory // Social Forces. 1969. № 48.
- Young M. Malinowski: Odyssey of Anthropologists 1884 — 1920. New Haven, CT: Yale University Press, 2004.
- Zimmerman D. Ethnomethodology // American Sociologist. 1978. № 13.
- Zimmerman D. The Conversation: The Conversation Analytic Perspective // Communication Yearbook. 1988. № 11.

ПРИЛОЖЕНИЕ

1. Вопросы для итогового контроля

1. Основные критерии периодизации истории современной западной социологии.
2. Характерные черты развития социологии во Франции между мировыми войнами.
3. Особенности развития социологии в Великобритании между мировыми войнами.
4. Специфические черты развития социологии в Германии между мировыми войнами.
5. Социологическое творчество Х. Ортеги-и-Гассета. Работа «Восстание масс».
6. Развития социологии в США между мировыми войнами (общая характеристика).
7. Исследование «Польский крестьянин в Европе и Америке» У. Томаса и Ф. Знанецкого.
8. Социология в Колумбийском университете между мировыми войнами.
9. Вклад в социологию Я. Морено.
10. Чикагская школа в социологии. Основные представители и направления деятельности.
11. Принципы социально-экологического подхода к изучению общества в трудах Р. Парка и Р. Маккензи.
12. Городские сообщества как объект изучения социологов Чикагской школы. Принципы изучения городского сообщества.
13. Понятия «научная парадигма», «научная теория», «научный подход», «научная традиция», «научная школа» и «научное направление» в социологии.
14. Основные подходы к систематизации социологических теорий XX в.
15. Сущность структурно-функционального подхода в социологии.
16. Понятийный аппарат А.Р. Рэдклифф-Брауна.
17. Функциональный анализ культуры у Б. Малиновского.
18. Социальное действие как единица анализа у Т. Парсонса.
19. Подсистемы общей системы социального действия Т. Парсонса.
20. Четырех-функциональная парадигма Т. Парсонса.
21. Предмет и задачи социологии у Т. Парсонса.
22. Представления Т. Парсонса об обществе и его структуре.
23. Критика основных постулатов функционального анализа Р. Мертоном.
24. Кодификация функционального анализа Р. Мертоном.
25. Разработка Р. Мертоном принципов построения теорий среднего уровня.
26. Проблематика социологических исследований П. Сорокина в американский период творчества.
27. Учение П. Сорокина об обществе и его динамике. Понятия социального пространства, социальной стратификации и социальной мобильности.
28. П. Сорокин как историк социологии, педагог и организатор наук.

29. Становление конфликтного направления в социологии. Основные предпосылки и представители.
30. Функции социального конфликта в теории Льюиса Козера.
31. Конфликтная модель общества у Ральфа Дарендорфа.
32. Социальный бихевиоризм как направление в социологии XX в. Основные представители.
33. Теории социального научения в социологии XX века.
34. Модель реципрокного детерминизма А. Бандуры.
35. Символический интеракционизм как направление в социологии XX в.
36. Социальное действие и его механизмы в концепции Дж. Мида. Жест и его виды.
37. Эволюция социального в концепции Ч. Кули.
38. Представления Дж. Мида об обществе.
39. Понятие «самости» у Дж. Мида. Генезис, структура и развитие самости.
40. Чикагская и Айовская школы в символическом интеракционизме.
41. Г. Блаумер как представитель «символического интеракционизма».
42. Методологические принципы символического интеракционизма.
43. Драматургический подход И. Гофмана.
44. Феноменологическое направление в социологии XX века (общая характеристика).
45. Предмет и сфера исследований этнометодологии.
46. Теории социального обмена в социологии XX века. Основные положения.
47. Теория «элементарного социального обмена» Джорджа Хоманса.
48. Интегративная теория обмена Питера Блау.
49. Психоаналитическое направление в социологии XX века. Основные представители.
50. Психоаналитическая концепция Карен Хорни.
51. Концепция цикла человеческой жизни и понятие идентичности у Э. Эриксона.
52. Суть «гуманистического подхода» Э. Фромма к психоанализу, основные труды и направления исследований.
53. Сущность человека и функции общества по Э. Фромму.
54. Понятие социального характера у Э. Фромма и его методологическое значение для социологии.
55. Марксизм в социологии XX века. Основные версии и их представители.
56. Франкфуртская школа в социологии. Основные представители и направления исследований.
57. Структурный марксизм. Интерпретация марксизма Луи Альтюссером.
58. Диалектическая социология Жоржа Гурвича.
59. Социологические воззрения Р. Арона. Критика западных версий марксизма.
60. Леворадикальная социология: Чарльз Райт Миллс и А. Гулднер.

2. Темы курсовых и дипломных работ

- Критерии периодизации истории социологической науки.
- Принципы построения социологических теорий.
- Теоретико-методологические подходы к классификации современных социологических теорий

- Система современных обществ у Т. Парсонса.
- Категориальный аппарат структурно-функционального анализа.
- Логика функционального анализа у Р. Мертона.
- П. Блау как структурный функционалист.
- Критика утопических представлений об обществе Р. Дарендорфом.
- Концепция реципрокного детерминизма Альберта Бандуры.
- Теории социального обмена в социологии и их интеллектуальная база.
- Гуманистический психоанализ Э. Фромма.
- Концепция здорового общества Э. Фромма.
- Структурный марксизм в социологии XX века.
- Критика капиталистического общества представителями Франкфуртской школы.
- Концепция свободы у Ж. Гурвича.
- «Воображаемые марксизмы» в творчестве Р. Арона.
- Концепция рефлексивной социологии А. Гулднера.
- Место социологии в интеллектуальной культуре общества XX в.

3. Темы эссе и рефератов

1. Понятие «современность» в истории социологии.
2. Дюркгеймовская социологическая школа и ее роль в развитии социологии.
3. Социально-экологический подход Р. Парка.
4. Исследования прессы в трудах Чикагской школы.
5. Хотторнские эксперименты: цель, задачи, итоги.
6. Методология анализа феномена войны П. Сорокиным.
7. Тема любви и альтруизма в социологии П. Сорокина.
8. Социологические исследования Э. Вестермарка.
9. Социальная структура и функция как центральные категории научного творчества А.Р. Рэдклифф-Брауна.
10. Парадигма эволюционного изменения Т. Парсонса.
11. Этнос современной науки у Р. Мертона.
12. Функции социального конфликта у Л. Козера.
13. Категории анализа мыслительных процессов человека у Дж. Мида.
14. Социальное «Я» в символическом интеракционизме.
15. Социальные проблемы в тактовке Г. Блаумера.
16. Проект реформирования наук Э. Гуссерля.
17. Жизненный мир и повседневность у А. Шюца.
18. Социальные утопии Б. Скиннера и «социализация» бихевиоризма.
19. Э. Фромм о кризисе психоанализа.
20. Диверсификация разновидностей марксизма в XX столетии.
21. Анализ западной рациональности в работе М. Хоркхаймера и Т. Адорно «Диалектика просвещения».
22. Концепция «одномерного человека» Г. Маркузе.
23. Критика Ч.Р. Миллсом «Высокой теории» и «абстрактного эмпиризма» в социологии.
24. Сущность социологического воображения и его виды в концепции Ч.Р. Миллса.
25. Р. Арон о принципах анализа историко-социологического процесса, возникновении социологической науки и ее предмета.

4. Монографии для широкой дискуссии

- Арон Р. Воображаемые марксизмы: Пер. с фр. / Предисл. и примеч. И.А. Гобозова. 2-е изд. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010.
- Альтюссер Л. За Маркса. М.: Практика, 2006.
- Бандура А. Теория социального научения / Пер. с англ. под ред. Н.Н. Чубарь. СПб.: Евразия, 2000.
- Гарфинкель Г. Исследования по этнометодологии. СПб.: Питер, 2007.
- Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни. М.: Канон-Пресс, 2000.
- Козер Л.А. Функции социального конфликта / Пер. с англ. О.А. Назаровой. М.: Идея – Пресс, Дом интеллектуальной книги, 2000.
- Гоулднер А.У. Наступающий кризис западной социологии: Пер. с англ. СПб.: Наука, 2003.
- Кули Ч.Х. Человеческая природа и социальный порядок: Пер. с англ. М.: Идея – Пресс, Дом интеллектуальной книги, 2000.
- Малиновский Б. Научная теория культуры / Пер. с англ. И.В. Утехина. 2-е изд. М.: ОГИ, 2005.
- Мертон Р. О социологических теориях среднего уровня // Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2006.
- Мертон Р. Явные и латентные функции // Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2006.
- Миллс Ч.Р. Властвующая элита: Пер. с англ. М.: Иностранная литература, 1959.
- Миллс Ч.Р. Социологическое воображение: Пер. с англ. М.: Издательский Дом «Стратегия» 1998.
- Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс // Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс: Сб.: Пер. с исп. М.: АСТ, 2003.
- Сорокин П. Социологические теории современности. М.: ИНИОН, 1992.
- Парсонс Т. Структура социального действия // Парсонс Т.О структуре социального действия. М.: Академический проект, 2000.
- Парсонс Т. Система современных обществ / Пер. с англ. Л.А. Седова и А.Д. Ковалева; Под ред. М.С. Ковалева. М.: Аспект Пресс, 1998.
- Рэдклифф-Браун А.Р. Метод в социальной антропологии. М.: Канон-Пресс-Ц; Кучково поле, 2001.
- Фромм Э. Здоровое общество / Пер. с англ. Т. Банкетово. М.: АСТ МОСКВА: Хранитель, 1995.
- Хальбвакс М. Социальные классы и морфология / Пер. с фр. А.Т. Бибкова, Н.А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2000.
- Хоркхаймер М., Адорно Т. Диалектика Просвещения: философские фрагменты. М.: Медиум, Ювента, 1997.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ..... 3

ЧАСТЬ I ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В РАЗВИТИИ ЗАПАДНОЙ СОЦИОЛОГИИ

Глава 1	ЗАПАДНАЯ СОЦИОЛОГИЯ МЕЖДУ МИРОВЫМИ ВОЙНАМИ 11
1.1.	Социология в ведущих странах Западной Европы..... 11
1.1.1.	Специфика социологии во Франции..... 11
1.1.2.	Своеобразие социологии в Испании..... 24
1.1.3.	Особенности социологии в Великобритании..... 34
1.1.4.	Социология в Германии..... 46
1.2.	Социология в Соединенных Штатах Америки..... 58
1.2.1.	Социология в Чикагском университете..... 59
1.2.2.	Социология в Колумбийском университете..... 68
1.2.3.	Социология в Гарвардском университете..... 74

Глава 2	ДИВЕРСИФИКАЦИЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ТЕОРИЙ 81
2.1.	Возрождение интереса к социологической теории..... 81
2.2.	Критерии классификации социологических теорий..... 90

ЧАСТЬ II КЛЮЧЕВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ В ЗАПАДНОЙ СОЦИОЛОГИИ

Глава 1	ИНТЕГРАЛЬНАЯ КОНЦЕПЦИЯ ЭНТИРИМА СОРОКИНА 103
1.1.	Биография и основные труды..... 105
1.1.1.	Российский период жизни и творчества..... 106
1.1.2.	Американский период..... 114
1.2.	Предмет и задачи социологии..... 122
1.3.	Социальная стратификация и социальная мобильность..... 127
1.4.	Социокультурная концепция..... 131
1.5.	Влияние идей и личности П. Сорокина на мировую науку и культуру..... 134

Глава 2	СТРУКТУРНЫЙ ФУНКЦИОНАЛИЗМ 137
2.1.	Функционализм и структурализм британских социальных антропологов..... 138
2.1.1.	Функциональная теория Бронислава Малиновского..... 139
	Краткая биография и основные труды..... 139

Антропология в системе наук о человеке	142
Принципы функционального метода	144
Функциональный анализ культуры	146
Институты как функционально обособленные единицы	149
Концепция потребностей	153
2.1.2. Проект «сравнительной социологии» Альфреда Реджинальда Рэдклифф-Брауна	159
Краткая биография и основные труды	159
Предмет социальной антропологии	162
Научный метод социальной антропологии	165
Конструирование понятийного аппарата	170
Общество как сеть социальных отношений	176
2.2. Структурный функционализм Толкотта Парсонса	182
2.2.1. Краткая биография и основные труды	182
2.2.2. Интеллектуальные источники: метатеоретический синтез	186
2.2.3. Действие как единичный акт и система	192
2.2.4. Системы социального действия	196
2.2.5. Предмет и проблемы социологии	201
2.2.6. Институциональный аспект социального действия	206
2.2.7. Представления об обществе. Эволюция общества	212
2.3. Функциональный структурализм Роберта Мертона	221
2.3.1. Краткая биография и основные труды	222
2.3.2. Универсальные системы и теории «среднего уровня»	223
2.3.3. Кодификация социологической теории	227
2.3.4. Логика функционального анализа	231
2.3.5. Учение о явных и латентных функциях	240
2.3.6. Социальная структура и аномия	244

Глава 3**ТЕОРИИ СОЦИАЛЬНОГО КОНФЛИКТА** 251

3.1. Функциональная теория конфликта Льюиса Козера	253
3.1.1. Краткая биография и основные труды	253
3.1.2. Проблематика конфликта и структурный функционализм	258
3.1.3. Методология анализа социального конфликта	261
3.1.4. Интеграционные функции конфликтов	267
3.1.5. Социальная структура и конфликт	273
3.2. Дialectическая теория конфликта Ральфа Дарендорфа	279
3.2.1. Краткая биография и основные труды	279
3.2.2. Ключевые проблемы социологического анализа	282
3.2.3. Конфликтная модель общества	286
3.2.4. Анализ научного наследия К. Маркса	288
3.2.4. Сущность и функции социальных конфликтов	292
3.2.5. Этапы и «переживаемые» социальных конфликтов	297

Глава 4**СОЦИАЛЬНЫЙ БИХЕВИОРИЗМ** 308

4.1. Оперантный бихевиоризм Берреса Скиннера	309
--	-----

4.1.1. Краткая биография и основные труды	309
4.1.2. Теоретические источники и основные положения	311
4.1.3. Функциональный анализ поведения	317
4.1.4. Социальное поведение, обучение и терапия	323
4.1.5. Роль Б. Скиннера в развитии социологического варианта бихевиоризма	331
4.2. Теории социального научения	334
4.2.1. Теория социально-когнитивного научения Джулиана Роттера	335
Краткая биография и основные труды	335
Модификация бихевиористского категориального аппарата	337
Концепция потребностей	340
Предсказание человеческого поведения	342
4.2.2. Теория реципрокного детерминизма Альберта Бандуры	346
Краткая биография и основные труды	346
Концепция социального научения	349
Модель реципрокного детерминизма	353
Механизмы регулирования поведения личности	357
Детерминизм и свобода личности	360

Глава 5**ТЕОРИИ СОЦИАЛЬНОГО ОБМЕНА** 364

5.1. Теория элементарного социального обмена Джорджа Хоманса	365
5.1.1. Краткая биография и основные труды	365
5.1.2. Основные положения и понятийный аппарат	367
5.1.3. Общие постулаты обмена	372
5.1.4. Макроуровень обменных отношений	377
5.2. Интегративная теория обмена Питера Блау	382
5.2.1. Краткая биография и основные труды	382
5.2.2. Уровни социального обмена	385
5.2.3. Роль норм и ценностей в процессе социального обмена	389
5.2.4. Исследование формальных организаций	391

Глава 6**СИМВОЛИЧЕСКИЙ ИНТЕРАКЦИОНИЗМ** 399

6.1. Разум, личность и общество в теории Чарльза Хортон Кули	402
6.1.1. Краткая биография и основные труды	402
6.1.2. Эволюция «социального»	404
6.1.3. Общество и индивид	408
6.1.4. Концепция «социального я»	411
6.1.5. Общество как связь между личными представлениями	416
6.2. Концепция символического взаимодействия Джорджа Герберта Мида	420
6.2.1. Краткая биография и основные труды	420
6.2.2. От действия к социальному взаимодействию	424
6.2.3. Ключевые категории социального взаимодействия	430
6.2.4. Сущность, аспекты и генезис самости	436
6.2.5. Макроуровень символического взаимодействия	444

6.3. Символический интеракционизм после Дж. Мида	448
6.3.1. Чикагская и Айовская школы символического интеракционизма	448
6.3.2. Методологические принципы символического интеракционизма	455
6.3.3. Драматургический подход Ирвинга Гофмана	459

Глава 7

ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ (ПОСТФРЕЙДИЗМ)	474
7.1. Зигмунд Фрейд — основоположник психоанализа	475
7.1.1. Краткая биография и основные труды	475
7.1.2. Метод психоаналитической терапии и его практическое применение	478
7.1.3. Основные положения психоаналитической теории З. Фрейда	484
7.1.4. Социальное значение психоанализа З. Фрейда	488
7.2. Кризис психоанализа и становление «постфрейдизма»	489
7.2.1. Психоаналитическая концепция Карен Хорни	494
Краткая биография и основные труды	494
Оценка и критика учения З. Фрейда	495
Невротик как «власлик культуры». Модель возникновения неврозов	499
Новые пути психоанализа (проблема самореализации и раскрытия врожденного потенциала личности)	502
7.2.2. Теория формирования психосоциальной групповой идентичности Эрика Эриксона	506
Краткая биография и основные труды	506
Концепция личности и жизненного цикла	509
Суть идентичности и ее аспекты. «Кризис идентичности»	511
Проблемы взаимодействия психического и социального. Психохистория	513
7.3. Гуманистический психоанализ Эриха Фромма	515
7.3.1. Краткая биография и основные труды	515
7.3.2. Теоретические основы мировоззрения	519
7.3.3. Сущность человеческой природы и человека	531
7.3.4. Концепция социального характера и социального здоровья	541
7.3.5. Теория «здорового общества»	545
Программа построения «здорового общества»	545
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	560
ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА	574
ПРИЛОЖЕНИЕ	593
1. Вопросы для итогового контроля	593
2. Темы курсовых и дипломных работ	594
3. Темы эссе и рефератов	595
4. Монографии для широкой дискуссии	596

Учебное издание

*Добренков Владимир Иванович
Осипова Надежда Геннадьевна*

ИСТОРИЯ ЗАПАДНОЙ СОЦИОЛОГИИ (20–60-е гг. XX в.)

Компьютерная верстка
О.Г. Горюнова

Корректор
Е.А. Тюриш

ООО «Академический Проект»
111399, Москва, ул. Марتنювская, 3.

СЕРТИФИКАТ СООТВЕТСТВИЯ
№ РОСС RU. АЕ51. Н 15031 от 17.01.2011.
Орган по сертификации РОСС RU.0001.11AE51
ООО «ПРОФИ-СЕРТИФИКАТ»

ООО Издательство «Льва Метер»
105005, Москва, Посланников пер., 3, стр. 1

По вопросам приобретения книги просим обращаться
в ООО «Триксет»:

111399, Москва, ул. Марتنювская, 3.
Тел.: (495) 305 3702; 305 6092; факс: 305 6088
E-mail: info@arproject.ru
Интернет-магазин: www.arproject.ru

Подписано в печать 17.10.11.
Формат 60×90 1/8. Гарнитура Балтика. Бумага писчая.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 38,5. Тираж 1000 экз.
Заказ № 3494

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных диалитивов
в ГУП РМ «Республиканская типография «Красный Октябрь»»
430000, Мордовия, г. Саранск, ул. Советская, 55а
E-mail: tko-saransk@mail.ru